

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТЯВРЬ.

1880.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1880.

*Table of contents
for vol 211 see
end of vol*

*Table of
contents vol 211
see end of
volume*

СОДЕРЖАНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Города сѣверной Монголіи (Окончаніе) . . . А. Позднѣва.

Памятникъ русской противокатолической
полемики XVI вѣка В. Жмакина.

Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ
Лангобардской Италіи (Продолженіе) . П. Виноградова.

Легенда и первая народная книга о Фаустѣ. Князя И. Шаховскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:
Русское сочиненіе о египетской архитектурѣ. Крити-
ческія наблюденія надъ формами изящныхъ
искусствъ. Сочиненіе Адриана Прахова. Вы-
пускъ I-й. Зодчество древняго Египта В. Стасова.

Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и уче-
ныхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.
Сост. Г. Геннадіи В. Сантова.

Mittheilungen über neue Forschungen auf dem Gebi-
ete serbischer Kirchenbaukunst von M. Waltro-
wits. В. Качановскаго.

Наша учебная литература.

Очеркъ дѣятельности Императорскаго Алек-
сандровскаго университета въ г. Гель-
сингфорсѣ за 1875—1878 годы В. Ассонова.

Путешествія румынскихъ ученыхъ по сла-
ванскимъ землямъ (Продолженіе) . . . П. Сырку.

Общество любителей древней письменности
въ 1879 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: универси-
теты.

Ф. Б. Брунъ А. Б.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

Russia. Min. nar. prosv.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

в Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

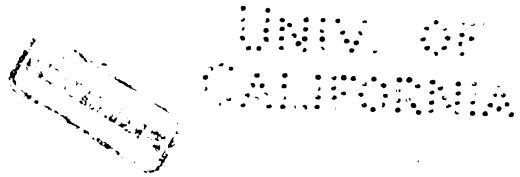
L451

A4

v. 211-212

NO. 1000
AMSTERDAM

750

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (13-го апрѣля 1880 г.). Обѣ учрежденіи въ гор. Сейнахъ трехкласснаго городского училища.

Комитетъ по дѣламъ царства Польскаго, въ засѣданіи 1-го апрѣля 1880 г., рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Сейнахъ трехкласснаго городского училища, съ перечисленіемъ кредита на его содержаніе изъ § 10 въ § 9 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія, полагаля:

1) Въ гор. Сейнахъ (Сувальской губ.) учредить трехклассное городское училище, съ примѣненіемъ къ нему тѣхъ основаній, кои Высочайшимъ повелѣніемъ 25-го ноября 1873 г. указаны для примѣненія нормальнаго положенія о городскихъ училищахъ къ Варшавскому городскому училищу.

2) Къ городскому училищу въ гор. Сейнахъ примѣнить штатъ Варшавскаго трехкласснаго городского училища; и

3) Потребныя на содержаніе Сейнскаго трехкласснаго городского училища 3,250 р. и на наемъ для него помѣщенія 600 р., всего 3,850 р., отнести на счетъ назначеннаго по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія кредита на пособія начальнымъ училищамъ Варшавскаго учебнаго округа, съ перечисленіемъ означенной суммы изъ § 10 статьи 2 въ § 9 статью 1-ю той же смѣты.

Государь Императоръ на журналѣ о семь комитета, соизволяя написать собственноручно „Исполнить“.

6. (17-го іюня 1880 г.). О наименованіи стипендій, учреждаемыхъ при одноклассномъ начальномъ народномъ училищѣ въ пог. Ругозерскомъ, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, „стипендіями крестьянина Константина Васильева Кузнецова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ двумъ стипендіямъ, учреждаемымъ при одноклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія въ пог. Ругозерскомъ, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, въ ознаменованіе высокаторжественнаго дня 19-го февраля сего года, въ который исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія Его Императорскаго Величества, на счетъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго крестьяниномъ Константиномъ Кузнецовымъ для учащихся въ названномъ училищѣ изъ числа недостаточныхъ мѣстныхъ поселанъ, отличающихся какъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, такъ и достаточными успѣхами по преподаваемымъ предметамъ, присвоить наименованіе „стипендій крестьянина Константина Васильева Кузнецова“, съ предоставленіемъ права избранія кандидатовъ на стипендіи: при жизни жертвователя — сему послѣднему, а по смерти его — учителямъ означеннаго училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователя.

7. (30 іюня 1880 г.). О проектѣ правилъ о преміяхъ имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, учрежденныхъ Симбирскимъ дворянствомъ.

Симбирскій губернский предводитель дворянства, препроводивъ въ Императорскую Академію наукъ, въ копии, состоявшееся 15-го декабря 1879 года, постановленіе Симбирскаго губернскаго собранія дворянства объ учрежденіи симъ дворянствомъ, въ память 25-ти-лѣтія благополучнаго царствованія Его Величества, преміи имени Его Императорскаго Величества и увѣдомивъ, что по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ объ этомъ постановленіи, Его Величество соизволилъ изъявить согласіе на учрежденіе сказанной пре-

мін,—просилъ Академію выработать подробную программу для соисканія премій.

Вслѣдствіе сего Академія, принявъ за основаніе положенія, выраженныя въ означенномъ постановленіи дворянства относительно какъ цѣли, такъ и условій выдачи премій, составила проектъ правилъ о преміяхъ имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, учрежденныхъ Симбирскимъ дворянствомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу Высочайше соизволилъ выработанный Академіею наукъ проектъ правилъ о преміяхъ имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, учрежденныхъ Симбирскимъ дворянствомъ, утвердить.

Правила о преміяхъ имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, учрежденныхъ Симбирскимъ дворянствомъ.

§ 1. Учрежденныя Симбирскимъ дворянствомъ преміи имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, состояются изъ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала въ 8000 р., ассигнованнаго на сей предметъ постановленіемъ Симбирскаго дворянства 15-го декабря 1879 года и хранящагося въ дворянской кассѣ.

§ 2. Преміи присуждаются Императорскою академіею наукъ.

§ 3. Соисканіе премій производится черезъ каждые три года, начиная съ 1883 года.

§ 4. Преміи, присуждаемыя въ каждомъ соисканіи, состоятъ или только изъ одной большой въ 1,500 р. или, въ случаѣ если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ признано достойнымъ большой преміи, изъ двухъ малыхъ премій, по 700 руб. каждая.

§ 5. Къ соисканію премій принимаются доставляемые отъ авторовъ оригинальныя, на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ Россіи сочиненія историческія, политико-экономическія и статистическія, имѣющія предметомъ какую либо изъ главнѣйшихъ реформъ царствованія Государя Императора Александра Николаевича, а именно: освобожденіе крестьянъ, преобразование суда, земскія учрежденія и воинскую повинность. Сочиненія могутъ относиться какъ до всѣхъ сторонъ той или другой изъ означенныхъ реформъ, такъ и до отдѣльныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этими реформами.

§ 6. Авторы, желающіе участвовать въ соисканіи премій, должны присылать свои сочиненія въ Императорскую академію наукъ не позже

1-го января того года, въ которомъ будетъ происходить соисканіе, съ точнымъ обозначеніемъ своего имени, отчества и фамилии, а также мѣста жительства.

§ 7. Дѣйствительные члены академіи не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. По полученіи конкурсныхъ сочиненій, академія въ январскомъ засѣданіи общаго собранія, назначаетъ для разсмотрѣнія ихъ особую комиссію, которая представляетъ свое донесеніе, съ подробнымъ разборомъ конкурсныхъ сочиненій, общему собранію академіи въ ноябрьскомъ засѣданіи онаго. Окончательный приговоръ свой академія постановляетъ, по содержанію сего донесенія, въ слѣдующемъ за тѣмъ декабрьскомъ засѣданіи своемъ.

§ 9. По присужденіи премій, академія сообщаетъ имена и адреса лицъ, которыя удостоены ими, Симбирскому губенскому предводителю дворянства, который дѣлаетъ распоряженіе о высылкѣ этимъ лицамъ назначенныхъ имъ премій.

§ 10. Подробный отчетъ о присужденіи премій читается въ годовомъ публичномъ собраніи академіи 29-го декабря, и за тѣмъ печатается во всеобщее свѣдѣніе по распоряженію академіи.

§ 11. Сочиненіе, относящееся до всего объема одной изъ вышеозначенныхъ реформъ и которое будетъ признано вполне удовлетворительнымъ по своей полнотѣ и основательности, удостоивается большой преміи.

§ 12. Малая премія присуждается какъ за сочиненія, обнимающія какую-либо изъ означенныхъ реформъ, если эти сочиненія не могутъ быть удостоены большой преміи, но заключаютъ несомнѣнныя достоинства, такъ и за вполне удовлетворительные труды по разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, съ сими реформами связанныхъ.

§ 13. Въ случаѣ, если на какомъ-либо соисканіи будутъ присуждены большая или обѣ малая преміи, то сочиненія, неустойчивыя премій на этомъ соисканіи, получаютъ право участвовать въ одномъ изъ послѣдующихъ конкурсовъ.

§ 14. Въ томъ случаѣ, когда на какомъ нибудь соисканіи не будутъ присуждены большая премія или одна изъ малыхъ, то сумма ихъ причисляется къ основному капиталу. Къ нему же, при присужденіи двухъ малыхъ премій, причисляются остатки процентовъ, наросшихъ въ трехлѣтній срокъ на основной капиталъ.

§ 15. Когда основной капиталъ, вслѣдствіе причисленія къ нему неприсужденныхъ премій и остатковъ отъ процентовъ, возрастетъ въ

такой мѣрѣ, что трехлѣтняя сложность процентовъ будетъ составлять сумму около 2,500 р., то Симбирскому дворянству предоставляется, по соглашенію съ академіей, увеличить или размѣръ премій, или же ихъ число.

8. (1-го февраля 1880 г.). О Высочайше утвержденномъ рисунокѣ медали для награжденія студентовъ Харьковскаго и Казанскаго ветеринарныхъ институтовъ.

На основаніи § 38 Высочайше утвержденного 8-го мая 1873 года положенія о ветеринарныхъ институтахъ, для поощренія студентовъ сихъ заведеній къ ученымъ занятіямъ, совѣты институтовъ предлагаютъ ежегодно задачи изъ главныхъ предметовъ преподаванія, съ назначеніемъ за удовлетворительное сочиненіе, смотря по достоинству, золотой или серебряной медали.

Составленный на семъ основаніи рисунокъ медали для награжденія студентовъ Харьковскаго и Казанскаго ветеринарныхъ институтовъ за отличныя сочиненія, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу удостоенъ, Высочайшаго Государя Императора утвержденія.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено въ С.-Петербургѣ, 1-го февраля 1880 года“. Подписалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. Толстой.

9. (15-го февраля 1880 года). О Высочайше утвержденномъ рисунокѣ медали для награжденія слушателей археологическаго института.

На основаніи примѣчанія къ § 6 Высочайше утвержденного, по положенію комитета министровъ въ 11-й день января сего года, положенія объ археологическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, за особые успѣхи по всѣмъ или нѣсколькимъ изъ преподаваемыхъ въ институтѣ предметовъ слушателямъ присуждаются совѣтомъ института золотыя и серебряныя медали.

Составленный на семъ основаніи рисунокъ медали для награжденія слушателей археологическаго института, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, удостоенъ Высочайшаго Государя Императора утвержденія.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено, въ С.-Петербургѣ, 15-го февраля 1880 года“, Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. Толстой.

10. (28-го іюня 1880 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго дочерью коллежскаго совѣтника Юшеновою.

Бывшій директоръ Владимірской Кіевской военной гимназій, генераль-маіоръ Павелъ Николаевичъ Юшеновъ, скончавшійся 5-го апрѣля 1879 года, въ оставленномъ имъ проектѣ духовнаго завѣщанія, отказалъ 25000 р. на учрежденіе, на вѣчныя времена, преміи за выдающіяся открытія и работы по наукамъ математическимъ, физическимъ и медицинскимъ.

Сестра покойнаго, дочь тайнаго совѣтника Наталія Юшенова, желая въ точности исполнить волю завѣщателя, представила въ Императорскую академію наукъ означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, съ заявленіемъ учредить на проценты съ этого капитала двѣ преміи: имени генераль-маіора Павла Николаевича Юшенова—за открытія и работы по наукамъ математическимъ и физическимъ и имени медика-хирурга Николая Захарьевича Юшенова—за открытія и работы по медицинскимъ наукамъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ: на принятіе академіею наукъ 25000 р., пожертвованныхъ дочерью коллежскаго совѣтника Наталією Николаевною Юшеновою, и на учрежденіе на счетъ процентовъ съ этого капитала, на предложенныхъ жертвовательницею основаніяхъ, двухъ премій имени генераль-маіора Павла Николаевича Юшенова—за открытія и работы по наукамъ математическимъ и физическимъ и имени медика-хирурга Николая Захарьевича Юшенова—за открытія и работы по медицинскимъ наукамъ.

11. (18-го іюля 1880 года). Объ учрежденіи Псковскаго археологическаго общества.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 25-го іюня за № 7693 (по деп.), объ учрежденіи въ гор. Псковѣ археологическаго общества.

Комитетъ, согласно съ представленіемъ статсъ-секретаря Сабурова, полагалъ: на учрежденіе Псковскаго археологическаго общества испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, съ предоставленіемъ, по бывшимъ примѣрамъ, управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердить уставъ сего общества. Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

12 (13-го августа 1880 года). О присвоеніи Зміевской женской прогимназіи наименованія: „Зміевская земская Александровская женская прогимназія“.

Зміевское (Харьковской губерніи) уѣздное земское собраніе чрезвычайной сессіи, 16-го и 17-го февраля сего года, постановило принять на средства земства содержаніе Зміевской женской прогимназіи, ходатайствуя о присвоеніи этому учебному заведенію, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля сего года двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества, наименованія: „Зміевская земская Александровская женская прогимназія“, съ сохраненіемъ за приготовительнымъ классомъ ея названія по имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Донецъ-Захаржевскаго, которое названіе Высочайше присвоено было женскому отдѣленію при Зміевскомъ уѣздномъ училищѣ, основанному на пожертвованные симъ лицомъ 5 т. руб., и нынѣ преобразованному въ означенный классъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе изложеннаго ходатайства; при чемъ Его Императорскому Величеству благоудно было Всемиловѣннѣйше повелѣть благодарить Зміевское земское уѣздное собраніе.

13. (28-го іюля 1880 года). О присвоеніи стипендіи, учреждаемой при Алферовской учительской семинаріи, наименованія „Александровской“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ: стипендіи, учреждаемой при Алферовской учительской семинаріи для одного изъ воспитанниковъ этой семинаріи, изъ уроженцевъ Мосальскаго уѣзда, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2,000 руб., пожертвованнаго Мосальскимъ уѣзднымъ земствомъ, присвоить наименованіе „Александровской“, по Августѣйшему Имени Его Императорскаго Величества. Въмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоудно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

14. (13-го августа 1880 года). О присвоеніи учреждаемому въ селѣ Ждимірѣ, Болховскаго уѣзда, одноклассному начальному народному училищу наименованія „училище Императора Александра II“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго мини-

стерствомъ народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ: учреждаемому, согласно ходяйству Болховскаго уѣзднаго земскаго собранія, въ селѣ Ждимірѣ, Болховскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля сего года двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества, на средства мѣстнаго уѣзднаго земства и на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго владѣльцами имѣнія Зиновьевыми, при 2-хъ десятинахъ земли, уступленныхъ ими, одноклассному начальному народному училищу, присвоить наименованіе „училище Императора Александра II“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

23. (8-го мая 1880 года). Положеніе о 6-ти стипендіяхъ, учрежденныхъ при Бѣльской прогимназіи въ память 19-го февраля 1880 года.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ память 19-го февраля 1880 года, дня 25-тилѣтія Государя Императора Александра II, учреждаются, при Бѣльской прогимназіи, почетнымъ попечителемъ Бѣльской прогимназіи, Бѣльскимъ купцомъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ Рѣзниковымъ, Бѣльскимъ дворяниномъ Александромъ Ивановичемъ Смирягинимъ и Бѣльскими купцами: Александромъ Ивановичемъ Козменковымъ, Иваномъ Васильевичемъ Долголиковымъ и Петромъ Авонасьевичемъ Кривичкимъ шесть стипендій, которыя, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 4-го мая 1880 года, именуется „Александровскими“.

2) Капиталь, обезпечивающій означенныя стипендіи и заключающійся въ 20-ти 5% облигаціяхъ 100 рублеваго достоинства восточнаго займа 1877 года, 3-хъ билетахъ государственнаго казначейства и 12 рублевыми кредитными билетами, составляетъ неотъемлемую и неприкосновенную, на все будущее время, собственность Бѣльской прогимназіи и хранится въ Бѣльскомъ уѣздномъ казначействѣ въ отдѣлѣ III специальныхъ средствъ прогимназіи.

3) Стипендіи, въ 15 руб. каждая, составляются изъ процентовъ съ 18 облигацій восточнаго займа 1877 года, которые получаютъ изъ Бѣльскаго уѣзднаго казначейства начальствомъ Бѣльской про-

гимназій, употребляются для взноса платы за ученіе за 6 учениковъ прогимназій изъ дѣтей бѣдныхъ родителей г. Бѣлаго. 2 остальные облигаціи, 3 билета государственнаго казначейства и 12 руб., а всего 362 руб., составляютъ запасный капиталъ при стипендіяхъ, на случай увеличенія въ Бѣльской прогимназій платы за ученіе. Проценты съ этихъ 2-хъ облигацій восточнаго займа и 3-хъ билетовъ государственнаго казначейства, ежегодно, получаютъ начальствомъ прогимназій и прибавляются къ запасному капиталу; на нихъ приобрѣтаются государственныя процентныя бумаги, когда къ тому, по размѣру денегъ, представится возможность.

4) Билеты государственнаго казначейства, начальствомъ прогимназій, могутъ быть замѣнены и другими государственными процентными бумагами; по израсходованіи всѣхъ купоновъ облигацій восточнаго займа 1877 года, или по выходѣ ихъ въ тиражъ, онѣ замѣняются новыми облигаціями того же займа, или какими-либо другими государственными бумагами, $\frac{9}{10}$ съ которыхъ обезпечивали бы безпрепятственную выдачу 6-ти стипендій.

5) Право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту прогимназій, причемъ начальство прогимназій должно увѣдомить жертвователей—какимъ ученикамъ прогимназій стипендіи назначены. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія своего въ прогимназій, если того заслуживаютъ по своему поведенію и успѣхамъ. Право лишенія стипендіи за неуспѣшность или неодобрительное поведеніе принадлежитъ педагогическому совѣту Бѣльской прогимназій.

24. (5-го мая 1880 года). Положеніе о стипендіи при мужскихъ прогимназійхъ Одесскаго учебнаго округа и Одесскомъ мужскомъ греческомъ коммерческомъ училищѣ Имени Его Величества Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 24-й день марта 1880 года, учреждается при мужскихъ прогимназійхъ Одесскаго учебнаго округа и Одесскомъ мужскомъ греческомъ коммерческомъ училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 2,000 рублей, пожертвованнаго служащими въ томъ округѣ, стипендія Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, въ память двадцатипятилѣтняго благополучнаго царствованія, для одного изъ воспитанниковъ прогимназій.

2) Воспитанникъ, получающій означенную стипендію, именуется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II.

3) Стипендія эта обеспечивается капиталомъ въ 2,000 рублей, заключающимся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, изъ коихъ одна за № 129,842 въ тысячу рублей, и десять за №№ 017,265, 111,368, 269,783, 269,784, 269,785, 269,787, 269,788, 269,789, 368,197 и 368,198, по сто рублей каждая, съ купонами во всѣхъ облигаціяхъ по 1-е іюля 1880 года.

4) Означенный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность Одесской 1-й мужской прогимназіи и хранится въ специальныхъ ей средствахъ въ Одесскомъ казначействѣ. По истеченіи срока билетовъ, инспекторъ этой прогимназіи обмѣниваетъ ихъ на соответственныя государственныя бумаги.

5) Упомянутая стипендія должна постоянно циркулировать въ мужскихъ прогимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа, включая и Одесское мужское греческое коммерческое училище, — Одесской 1-й, Одесской 2-й, Херсонской, Елисаветградской, Вознесенской, Кишиневской, Аккерманской, Евпаторійской, Ялтинской, Феодосійской, Ростовской на Дону, Азовской, Павлоградской и Бахмутской. Циркулированіе стипендіи должно начаться съ Одесскаго мужскаго греческаго коммерческаго училища и переходить по порядку, въ поименованныя выше прогимназіи.

6) Выборъ стипендіата въ Одесскомъ греческомъ мужскомъ коммерческомъ училищѣ предоставляется эфорамъ училища, съ утверждения попечителя округа, а въ прогимназіяхъ предоставляется педагогическому совѣту той прогимназіи, которой, по очереди, будетъ принадлежать стипендія. Протоколъ педагогическаго совѣта прогимназіи объ избраніи стипендіата утверждается попечителемъ учебнаго округа.

7) Стипендіатъ прогимназіи выбирается изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію недостаточныхъ воспитанниковъ I-го класса въ 4-хъ классныхъ прогимназіяхъ, III го класса въ Херсонской и Феодосійской 6-ти классныхъ прогимназіяхъ, русско-подданный, православно исповѣданія, и освобождается отъ платы за ученіе.

8) Право на пользованіе стипендіею прекращается: а) по выbytіи стипендіата изъ прогимназіи и б) по неудовлетворительности успѣховъ или поведенія. Если же малоуспѣшность произошла отъ болѣзни, или если стипендіатъ по той же причинѣ остался въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то отъ педагогическаго совѣта прогим-

назія будетъ завистъ продолжать или прекратить производство стипендіи. Протоколъ совѣта о лишеніи права на пользованіе стипендіею или о продолженіи производства стипендіи утверждается попечителемъ учебнаго округа.

9) Въ случаѣ выбитія стипендіата изъ прогимназіи до окончанія курса, или потери права на пользованіе стипендіею, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 6-й настоящаго положенія, избирается въ стипендіаты другой воспитанникъ того же класса, удовлетворяющій требованія ст. 7-й сказаннаго положенія.

10) Еслибы стипендія оставалась незанятою по какимъ бы то ни было причинамъ, то сбереженія причисляются къ капиталу.

11) Инспекторъ Одесской 1-й прогимназіи принадлежащую, по очереди, прогимназіи стипендію высылаетъ въ ту прогимназію, за полгода впередъ, въ размѣрѣ полугодовыхъ процентовъ съ капитала въ 2,000 рублей, съ отнесеніемъ почтовыхъ расходовъ по пересылкѣ на самую стипендію, и

12) Стипендія выдается въ два срока, по полугодіямъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта прогимназіи—на стипендіата, или же на руки его родителей, родственниковъ и опекуновъ.

25. (16-го мая 1880 года). Положеніе о стипендіи бывшаго ученика Самарской гимназіи Александра Перовскаго.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ память объ ученикѣ IV класса Самарской гимназіи Александрѣ Перовскомъ, умершемъ 18-го ноября 1879 года, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день марта 1879 года, въ Самарской гимназіи стипендія его имени на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго родителями сего ученика Самарскимъ купцомъ Феодоромъ Григорьевичемъ и женою его Анною Николаевною Перовскими капитала въ 800 руб., заключающихся въ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа.

2) Капиталъ этотъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и храниться въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ суммъ гимназій, пожертвованныхъ разными благотворителями.

3) Проценты сего капитала, въ количествѣ 40 рублей годовыхъ, назначаются на уплату за право ученія одного бѣднаго ученика гимназіи, при чемъ остатки сей уплаты причисляются

къ основному капиталу до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ составитя сто рублей съ процентами въ пять руб. Послѣ же сего времени остатки отъ процентовъ съ капитала въ 900 руб., за уплатою суммы за право ученія, должны выдаваться тому же ученику въ пособіе на приобрѣтеніе учебниковъ и классныхъ принадлежностей.

4) Стипендія назначается бѣдному ученику съ хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ изъ числа дѣтей преимущественно жителей г. Самары, безъ различія сословій, но непременно православнаго вѣроисповѣданія.

5) Право избранія стипендіата, при жизни учредителей стипендіи Первовскихъ и во время пребыванія ихъ въ г. Самарѣ, принадлежитъ имъ, по соглашенію, впрочемъ, съ начальствомъ гимназій; послѣ же ихъ смерти, а равно и въ случаѣ перемѣщенія ихъ изъ г. Самары въ другую мѣстность на постоянное жительство, педагогическому совѣту гимназій.

6) Избранный на сію стипендію ученикъ именуется стипендіатомъ бывшаго ученика Самарской гимназій Александра Перовскаго.

7) Оставленіе ученика въ томъ же классѣ на 2-ой годъ не лишаетъ стипендіата права на пользованіе стипендіею, а равно не служитъ препятствіемъ къ поступленію на оную.

8) Стипендіатъ ученика Перовскаго можетъ быть лишенъ сей стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта, въ случаѣ слабыхъ успѣховъ въ наукахъ, по лѣности и нерадѣнію, или неодобрительному поведенію, а также въ случаѣ перемѣны средствъ ученика, вслѣдствіе которой онъ могъ бы удобно обойтись и безъ пособія стипендіи.

9) Пользованіе стипендіею не соединяется ни съ какимъ обязательствомъ для стипендіата, кромѣ свободной молитвенной памяти о покойномъ ученикѣ Александрѣ Перовскомъ, о чемъ начальство гимназій, преимущественно же законоучитель, при удобномъ случаѣ, напоминаетъ стипендіату Перовскаго.

26. (28-го мая 1880 года). Положеніе о стипендіи 19-го февраля 1880 года при Новгородсѣверской гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго во 2-й день марта 1880 г., учреждается на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ Новгородсѣверской гимназій капитала въ тысячу р. одна стипендія для бѣднаго ученика христіанина, обучающагося въ

означенной гимназіи подъ наименованіемъ „Стипендія 19-го февраля 1880 г.“

2) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Новгородсѣверской гимназіи.

3) Ученикъ получившій стипендію пользуется ею до окончанія курса, если по поведенію и прилежанію будетъ того заслуживать.

4) Пожертвованный капиталъ, по обращеніи въ облигаціи одного изъ восточныхъ займовъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Новгородсѣверской гимназіи.

27. (14-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Уральской войсковой гимназіи въ память исполнившагося 25-ти лѣтія благополучнаго царствованія Его Величества Государя Императора Александра II-го.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 11-й день іюня, на счетъ процентовъ съ капитала въ 200 р., пожертвованнаго торговымъ казакомъ Дмитріемъ Аржановымъ, при Уральской гимназіи учреждается стипендія подъ наименованіемъ „Стипендія въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II-го“.

2) Капиталъ, обезпечивающій стипендію, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Уральской войсковой гимназіи.

3) Проценты съ этого капитала выдаются, по опредѣленію педагогическаго совѣта, одновременно, одному изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ Уральской гимназіи, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія.

4) Желаящіе получить пособіе подаютъ прошеніе на имя предсѣдателя педагогическаго совѣта гимназіи.

28. (10-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Михаила Станиславовича Голынского.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 7-й

день іюня 1880 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ 400 рублей, согласно завѣщанію умершаго титулярнаго совѣтника Михаила Станиславовича Голынского и желанію невѣстки его Пелагеи Александровны Голынской, учреждается при Могилевской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

2) Капиталь стипендіи хранится въ государственномъ банкѣ, проценты съ коего, въ количествѣ 215 р., высылаются банкомъ въ Могилевскую гимназію для выдачи стипендіату.

3) Стипендіатъ избирается изъ учениковъ гимназіи, удовлетвориельныхъ по успѣхамъ и поведенію, безъ различія сословій, христіанскаго исповѣданія.

4) Выборъ стипендіата при жизни Пелагеи Александровны Голынской, принадлежитъ ей, а впослѣдствіи ея наслѣдникамъ, кому она поручить, съ соблюденіемъ однако условій, изложенныхъ въ третьемъ пунктѣ.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во время нахождения своего въ Могилевской гимназіи, но получившій неодобрительную отмѣтку по поведенію лишается стипендіи и можетъ возстановить свое право не иначе какъ по полномъ своемъ исправленіи относительно поведенія.

6) Поступившіе $\%$ записываются въ депозиты Могилевской гимназіи и выдаются избранному стипендіату въ два срока, въ ноябрѣ и маѣ мѣсяцахъ.

7) Образовавшійся остатокъ въ году по какимъ нибудь причинамъ выдается или самому пансіонеру, если онъ въ томъ году поступаетъ въ высшее учебное заведеніе, или бѣднѣйшему ученику гимназіи, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, въ видѣ пособія.

29. (10-го іюля 1880 г.) Положеніе о стипендіи при Московскомъ реальномъ училищѣ имени потомственнаго почетнаго гражданина Евгенія Ивановича Арманда.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія послѣдовавшаго въ 7-й день іюля 1880 года, при Московскомъ реальномъ училищѣ учреждается стипендія имени потомственнаго почетнаго гражданина Евгенія Ивановича Арманда, на счетъ процентовъ съ капитала одной тысячи рублей, заключающагося въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа.

2) Пожертвованный капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Московскаго реального училища и, составляя неотъемлемую его собственность, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ случаѣ упраздненія или преобразованія реального училища означенный капиталъ долженъ составлять собственность того учрежденія, которое, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, будетъ или замѣнять реальное училище, или вообще соответствовать образовательному характеру и типу сего заведенія.

4) Стипендія обращается въ плату за обученіе пользующагося ею ученика въ теченіе всего учебнаго курса заведенія и назначается какъ со времени поступленія учащагося съ перваго класса, такъ можетъ быть опредѣлена и находящемуся въ другихъ классахъ.

5) Выборъ стипендіата предоставляется учредителю стипендіи, а послѣ его смерти его нисходящему прямому потомству.

6) Учредителю стипендіи предоставляется право имѣть наблюденіе, чтобы стипендія назначалась достойнѣйшему по успѣхамъ и дѣйствительно нуждающемуся ученику Московскаго реального училища.

7) Стипендіей пользуется учащійся до окончанія полнаго курса или до выхода изъ заведенія. Но во время пребыванія въ заведеніи, при малоуспѣшности или неодобрительномъ поведеніи, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, пользующійся стипендіею можетъ быть ея лишенъ, но съ вѣдома и по соглашенію съ учредителемъ стипендіи; можетъ быть лишенъ стипендіи также и оставшійся, по неуспѣшности въ наукахъ, на другой годъ въ одномъ и томъ же классѣ; исключеніе дѣлается только въ томъ случаѣ, если малоуспѣшность произошла отъ болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

8) Стипендіатъ, по окончаніи курса заведенія, никакихъ обязательствъ не несетъ.

9) По окончаніи курса, лицомъ, пользующимся стипендіею, начальство училища увѣдомляетъ о семъ учредителя стипендіи для указанія и замѣщенія стипендіи.

30. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ имени Государа Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28-й часть сскі, отд. 1.

день іюля 1880 года, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго педагогическимъ и попечительнымъ совѣтомъ Сызранскаго реальнаго училища капитала въ 1,100 рублей, учреждается, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, одна стипендія, при Сызранскомъ реальномъ училищѣ, на вѣчныя времена, съ присвоеніемъ имени Императора Александра II.

2) Капиталъ, обеспечивающій стипендію, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ специальныхъ средствахъ Сызранскаго реальнаго училища, въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

3) Проценты съ капитала обращаются въ стипендію и выдаются, пополугодно, родителямъ стипендіата, или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, или же самому стипендіату.

4) Стипендіатъ избирается въ соединенномъ засѣданіи Педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ Сызранскаго реальнаго училища изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ этого училища.

5) Ученикъ, пользующійся стипендіею сохраняетъ право на нее во все время своего пребыванія въ училищѣ, но только при условіи хорошихъ успѣховъ и отличнаго поведенія, въ противномъ случаѣ замѣняется другимъ—достойнѣйшимъ.

6) Пользованіе стипендіею не соединено ни съ какими обязательствами.

7) Если по какому-либо случаю нѣкоторое время стипендія будетъ вакантною, то не выданные за это время проценты причисляются къ капиталу.

8) Членамъ Педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ Сызранскаго реальнаго училища предоставляется право ежегодными добровольными пожертвованіями увеличивать основной капиталъ стипендіи, съ цѣлію довести его до такой суммы, проценты съ которой составили бы стипендію отъ 200—250 рублей въ годъ.

9) Какъ новыя вклады, такъ и проценты съ нихъ причисляются къ основному капиталу, впредь до увеличенія капитала до 500 руб.; а до тѣхъ поръ стипендіату выдаются лишь проценты съ (основнаго) капитала стипендіи.

31. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Дурново.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 4-й

день іюля 1880 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ рублей, пожертвованнаго Екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ, учреждается на вѣчныя времена, при Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ, стипендія для одного экстерна имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дурново, въ ознаменованіе признательности къ нему губернскаго земства.

2) Капиталъ, обезпечивающій стипендію и заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ спеціальныхъ средствахъ Екатеринославскаго реального училища, въ мѣстномъ казначействѣ.

3) Избраніе стипендіата предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Николаевичу Дурново; по смерти же его право это переходитъ къ Екатеринославской губернской земской управѣ.

4) Воспитанникъ, получающій стипендію, пользуется ею во все время ученія въ упомянутомъ училищѣ, и лишается оной только въ томъ случаѣ, если по опредѣленію педагогическаго совѣта будетъ уволенъ изъ заведенія.

5) Остатокъ отъ стипендіи присоединяется къ капиталу на случай увеличенія платы за ученіе въ Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ.

32. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Екатеринославской мужской гимназій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Дурново.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 4-й день іюля 1880 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго Екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ, учреждается на вѣчныя времена, при Екатеринославской гимназій, стипендія для одного экстерна, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Дурново, въ ознаменованіе признательности къ нему губернскаго земства.

2) Капиталъ, обезпечивающій стипендію, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ спеціальныхъ средствахъ Екатеринославской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ.

3) Избраніе стипендіата предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Николаевичу Дурново; по смерти

же его, право это переходитъ къ Екатеринославской губернской земской управѣ.

4) Воспитаникъ, получившій стипендію, пользуется ею во все время ученія въ упомянутой гимназій и лишается оной только въ томъ случаѣ, если, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій, будетъ уволенъ изъ заведенія.

5) Остатокъ отъ стипендіи прилагается къ капиталу на случай увеличенія платы за ученіе въ Екатеринославской гимназій.

33. (31-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Митавской гимназій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера Высочайшаго двора Карла Фонъ-дербъ-Рекке.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28-й день іюля 1880 г., на счетъ процентовъ съ внесеннаго въ Курляндскій дворянскій комитетъ, капитала въ 2,000 руб., заключающагося въ облигаціяхъ Балтійской желѣзной дороги, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ камергеромъ Высочайшаго двора, Карломъ Фонъ-дербъ-Рекке, въ ознаменованіе дня празднованія столѣтняго существованія Митавской гимназій, учреждается, при этой гимназій, стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Карла Фонъ-дербъ-Рекке.

2) Означенная стипендія назначается одному изъ учениковъ Митавской гимназій независимо отъ происхожденія, достигшему послѣдняго класса (примы) гимназій, и желающему поступить на богословскій факультетъ университета, для приготовленія къ званію пастора Евангелическо-лютеранской церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

3) Въ случаѣ неимѣнія кандидата на эту стипендію изъ числа учениковъ примы, желающихъ посвятить себя богословскимъ наукамъ, стипендія можетъ быть назначена ученику этого же класса, желающему поступить въ университетъ по другому факультету.

4) Стипендія производится въ теченіе двухъ лѣтъ независимо отъ того, когда именно стипендіатъ выдержалъ испытаніе зрѣлости.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ учительской конференціи Митавской гимназій, которая о результатахъ избранія сообщаетъ Курляндскому дворянскому комитету.

6) Курляндскій дворянскій комитетъ имѣетъ право, въ случаѣ выхода облигацій въ тиражъ погашенія, или по какимъ-либо другимъ при-

чинамъ, сдѣлать распоряженіе объ обращеніи капитала въ государственный или гарантированныйъ правительствомъ процентныя бумаги.

7) Въ случаѣ незамѣненія стипендіи, сбереженія присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

34. (31-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Государя Императора Александра II при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго военнымъ министромъ 25-го марта 1880 г., учреждается при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ руб., пожертвованнаго Донскимъ торговымъ обществомъ въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, съ наименованіемъ сихъ стипендій „Александровскими“.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Новочеркаскаго реальнаго училища.

3) Въ стипендіаты избираются двое изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названнаго училища, отличающіеся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ, обучающіеся преимущественно въ старшихъ классахъ и затѣмъ въ среднихъ, предпочтительно изъ сиротъ лицъ Донскаго торговаго общества, пришедшихъ въ упадокъ по уважительнымъ причинамъ.

4) Въ засѣданіе педагогическаго совѣта Новочеркаскаго реальнаго училища, назначенное для избранія Александровскихъ стипендіатовъ, приглашаются съ правомъ голоса, два члена Донскаго торговаго общества.

5) Стипендіаты помѣщаются на одну изъ общихъ ученическихъ квартиръ и стипендія обращается въ плату за квартиру и содержаніе стипендіата, на его одежду, книги, учебныя пособія и на взносъ за право ученія въ Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

6) Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатъ лишается стипендіи по постановленію Педагогическаго совѣта, при участіи въ засѣданіи совѣта двухъ членовъ Донскаго торговаго общества.

7) Если малоуспѣшность произошла отъ продолжительной болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія Педа-

гогическаго совѣта будетъ зависѣть сохранить право на полученіе стипендіи и въ томъ случаѣ, если ученикъ, пользующійся Александровскою стипендіею, будетъ оставленъ на второй годъ въ классѣ, но это можетъ быть допущено только одинъ разъ во все время пользования стипендіею.

35. (31-го іюля 1880 года). Положеніе о стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ Вольскаго купца Павла Дмитриевича Котенева.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 28-й день іюля 1880 года, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Вольскимъ купцомъ Котеневымъ капитала въ 1,000 руб., учреждается, при Вольскомъ реальномъ училищѣ, стипендія „Павла Дмитриевича Котенева“.

2) Капиталъ, обезпечивающій стипендію, заключающійся въ 5% билетѣ, хранится неприкосновеннымъ въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Вольскаго реального училища.

3) Проценты съ этого капитала обращаются на плату за ученіе и на другіе расходы по содержанію губернскаго стипендіата.

4) Въ случаѣ выхода въ тиражъ, капиталъ стипендіи обмѣнивается на новыя 5% билеты государственнаго банка, по распоряженію педагогическаго совѣта Вольскаго реального училища.

5) Стипендіатъ избирается изъ учениковъ Вольскаго реального училища, отличающихся примѣрнымъ и хорошимъ поведеніемъ.

6) Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно самому учредителю, а по смерти его педагогическому совѣту Вольскаго реального училища.

7) Разъ получившій стипендію сохраняетъ ее во все время ученія въ Вольскомъ реальномъ училищѣ и только въ случаѣ малоуспѣшности или дурнаго поведенія можетъ быть лишень ея по постановленію педагогическаго совѣта.

36. (3-го августа 1880 года). Положеніе о стипендіяхъ при Пензенской гимназій Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 14-й день марта 1880 года, на счетъ процентовъ съ капитала 25,000 руб.,

пожертвованнаго Пензенскимъ губернскимъ земствомъ, въ ознаменованіе исполнившагося двадцатипятилѣтняго благополучнаго царствованія Государя Императора, учреждаются, при пансіонѣ Пензенской мужской гимназіи, четыре стипендіи Имени Государя Императора Александра II.

2) Капиталь, обезпечивающій стипендіи, заключающійся въ 5% билетовъ государственнаго банка, хранится въ специальныхъ средствахъ Пензенской мужской гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ.

3) Стипендіи назначаются на воспитаніе учениковъ Пензенской мужской гимназіи въ пансіонѣ этого заведенія. Если кто-либо изъ стипендіатовъ, по окончаніи курса въ гимназіи, перейдетъ для продолженія образованія въ одно изъ высшихъ заведеній, то онъ получаетъ стипендію въ размѣрѣ 300 руб., доколѣ будетъ состоять въ высшемъ заведеніи.

4) Стипендіаты избираются Пензенскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ уроженцевъ Пензенской губерніи, безъ различія сословій.

5) Воспитанникъ, получающій одну изъ стипендій Александра II, лишается права на полученіе ея, если будетъ оставленъ болѣе одного раза на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ или курсѣ, во время нахожденія въ гимназіи или высшемъ заведеніи.

6) Образовавшіеся по какой-либо причинѣ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ капиталу стипендіи.

7) Если проценты съ увеличеннаго такимъ образомъ капитала дадутъ возможность образовать еще новую стипендію, то стипендіатъ, получающій такую стипендію, пользуется всѣми правами, указанными въ семъ положеніи.

37. (16-го августа 1880 года). Правила для стипендій генераль-лейтенанта Ивана Корниловича Максимовича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго, по духовному завѣщанію генераль-лейтенанта Ивана Корниловича Максимовича капитала въ 23,000 руб., учреждаются въ С.-Петербургскомъ университетѣ девять стипендій; изъ нихъ одна въ 180 руб., а остальные въ 120 руб., которыя на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12-го авгу-

ста 1880 года именуется „стипендіями генераль-лейтенанта Максимовича“.

§ 2. Означенныя стипендіи назначаются по выбору совѣта С.-Петербургскаго университета бѣднѣйшимъ студентамъ изъ уроженцевъ Полтавской и С.-Петербургской губерній, православнаго исповѣданія; одна изъ нихъ въ 180 руб.—студентамъ высшихъ курсовъ, а другія восемь въ 120 руб. — студентамъ перваго курса всѣхъ факультетовъ.

§ 3. Для полученія этихъ стипендій необходимо имѣть для студентовъ перваго курса весьма удовлетворительныя отмѣтки (5) не менѣе какъ изъ трехъ главныхъ предметовъ, а изъ остальныхъ не менѣе трехъ, полученныхъ по аттестатамъ; для другихъ же курсовъ—получить на испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4½ балловъ и не менѣе трехъ изъ каждаго предмета.

§ 4. Деньги, остающіяся неизрасходованными, выдаются студентамъ въ видѣ пособій или причисляются къ основному капиталу.

38. (16-го августа 1880 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Павла Петровича Синебрюхова при Кронштадтской мужской гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 13-го августа 1880 года, при Кронштадтской мужской гимназій учреждается, на проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Павломъ Петровичемъ Синебрюховымъ и заключающагося въ 5% билетъ государственнаго банка, одна стипендія имени жертвователя.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ хранится въ Кронштадтскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ упомянутой гимназій, составляя неотъемлемую ея собственность.

3) Изъ процентовъ съ означеннаго капитала производится плата, въ установленные сроки, за право ученія стипендіата, а могущія остаться, за симъ расходомъ, деньги выдаются на руки родителямъ стипендіата на учебныя пособія.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ при жизни Павла Петровича Синебрюхова ему самому, а по смерти его, предоставляется педагогическому совѣту Кронштадтской мужской гимназій, съ утвержденія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

5) Стипендіатъ избирается изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ Бронштадтской гимназіи.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

39. (3-го сентября 1880 г.) Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени „С.-Петербургскаго купца Николая Алексѣевича Погребова“ при С.-Петербургской первой гимназіи.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На проценты съ капитала въ 5000 рублей, представленнаго душеприкащиками С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Погребова, С.-Петербургскими купцами Михаиломъ Несторовымъ и Михаиломъ Сундуковымъ, заключающагося въ государственномъ 5% банковомъ билетѣ 1869 года за № 206, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 11-го іюня 1880 года, при С.-Петербургской первой гимназіи двѣ стипендіи, по 125 рублей каждая, съ наименованіемъ „стипендіи С.-Петербургскаго купца Николая Алексѣевича Погребова“.

2) Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность первой С.-Петербургской гимназіи, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ оной въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

3) Право назначенія учениковъ на эти стипендіи предоставляется душеприкащикамъ Николая Алексѣевича Погребова; въ томъ случаѣ, еслибы къ началу учебнаго года ими не были избраны изъ учениковъ гимназіи кандидаты на стипендіи, а равно и по смерти душеприкащиковъ, право назначенія стипендій принадлежитъ педагогическому совѣту первой С.-Петербургской гимназіи.

4) Стипендіаты имени Николая Алексѣевича Погребова пользуются стипендіею въ теченіе всего гимназическаго курса, но, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, если безъ уважительныхъ причинъ останутся на второй годъ въ томъ же классѣ, или при неодобрительномъ поведеніи могутъ быть лишены стипендіи.

5) За вычетомъ изъ стипендіи причитающейся платы въ сумму сбора за ученіе за cadaго изъ стипендіатовъ, остальная сумма

выдается или родителямъ ученика, или вступающимъ въ мѣсто, или самому ученику на учебныя пособия, одежду и другія надобности, или же дѣлается распоряженіе о приобрѣтеніи для ученика означенныхъ предметовъ непосредственно отъ гимназій.

6) Могущій оказаться остатокъ отъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала, вслѣдствіе ли незамѣщенія стипендій, или по какой-либо другой причинѣ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, выдается въ добавокъ къ стипендіи назначеннымъ стипендіатами, или же въ видѣ пособия кому-либо другому изъ заслуживающихъ того нуждающихся учениковъ гимназій.

7) Въ случаѣ выхода поименованнаго выше государственнаго 5% банковаго билета 1869 года, за № 206, въ тиражѣ, гимназія приобрѣтаетъ въ замѣнъ онаго новый таковой же билетъ или какія-либо другія процентныя бумаги изъ числа поименованныхъ въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1876 года положеніи комитета министровъ. Могущій же произойти отъ такого обмѣна остатокъ употребляется согласно предъидущему пункту.

40. (3-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи въ память пятидесятилѣтія С.-Петербургской первой гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На проценты съ капитала въ двѣ тысячи триста рублей, пожертвованнаго бывшими учениками гимназій и родителями обучающихся въ ней учениковъ и состоящаго изъ двухъ облигацій 3-го восточнаго займа за №№ 178,275 и 178,276, по 1,000 рублей, и трехъ облигацій 2-го восточнаго займа за №№ 112,182, 141,660 и 421,650, по 100 рублей, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 11-го іюня 1880 года, при С.-Петербургской первой гимназій стипендія, съ наименованіемъ „стипендія въ память пятидесятилѣтія С.-Петербургской первой гимназій“.

2) Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность первой гимназій, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ оной въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

3) Право назначенія ученика на эту стипендію принадлежитъ педагогическому совѣту первой гимназій.

4) Назначенный на эту стипендію ученикъ пользуется ею въ теченіе всего гимназическаго курса, но можетъ быть также и лишень

стипендіи по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, въ случаѣ неперехода его безъ уважительныхъ причинъ въ высшій классъ или неодобрительнаго его поведенія.

5) За вычетомъ причитающейся платы въ сумму сбора за ученіе за стипендіата, остальная сумма выдается родителямъ стипендіата (или заступающимъ ихъ мѣсто) или ему самому, на учебныя пособія, одежду или другія надобности, или же дѣлается распоряженіе о приобрѣтеніи означенныхъ предметовъ для ученика непосредственно отъ гимназій.

6) Могущій оказаться остатокъ отъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала вслѣдствіе ли временнаго замѣщенія стипендіи или по какой-либо другой причинѣ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, выдается въ добавокъ къ стипендіи назначенному стипендіатомъ, или же въ видѣ пособія кому-либо другому изъ заслуживающихъ того нуждающихся учениковъ гимназій.

7) Въ случаѣ выхода поименованныхъ выше облигацій восточнаго займа въ тиражъ, гимназія приобрѣтаетъ, въ замѣнъ оныхъ, новыя таковыя же облигаціи или какія либо другія процентныя бумаги, изъ числа поименованныхъ въ Высочайше утвержденномъ 28-го мая 1876 г. положеніи комитета министровъ; могущій же произойти отъ такового обмѣна остатокъ употребляется согласно предыдущему пункту.

41. (3-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени „воспитанниковъ бывшаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ благороднаго пансіона“, при С.-Петербургской первой гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На проценты съ капитала въ тысячу рублей, представленнаго, по случаю 50-лѣтія С.-Петербургской первой гимназій, бывшими воспитанниками благороднаго пансіона, преобразованнаго 29-го марта 1830 года въ С.-Петербургскую первую гимназію и заключающагося въ облигаціи 3-го восточнаго займа за № 155787, учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 11-го іюня 1880 года, при С.-Петербургской первой гимназій одна стипендія, съ наименованіемъ „стипендія воспитанниковъ бывшаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ благороднаго пансіона“.

2) Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за

ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ С.-Петербургской первой гимназіи, болѣе достойнаго по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

3) Право назначенія ученика на эту стипендію и лишенія оной въ случаѣ неперехода его безъ уважительныхъ причинъ въ высшій классъ или неодобрительнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту С.-Петербургской первой гимназіи.

4) Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность С.-Петербургской первой гимназіи, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ оной въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

5) Въ случаѣ выхода поименованной выше облигаціи 3-го восточнаго займа за № 155787, гимназія приобрѣтаетъ въ замѣнъ оной новую таковую же облигацію или какія-либо другія процентныя бумаги, изъ числа поименованныхъ въ Высочайше утвержденномъ 28-го мая 1876 года положеніи комитета министровъ. Могушій же произойти отъ такового обмѣна остатокъ употребляется въ пользу стипендіата на учебныя книги и одежду.

42. (11-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Карла Ивановича Менде.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На внесенный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Менде въ С.-Петербургскій университетъ капиталъ шесть тысячъ рублей, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету одна стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го сентября 1880 года именуется: „стипендія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Карла Ивановича Менде“.

2) Стипендіатъ Карла Ивановича Менде избирается изъ своекоштныхъ студентовъ юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета, начиная со 2-го курса, русскихъ подданныхъ, безъ различія ихъ исповѣданія и сословія, отличающихся успѣхами въ наукахъ по юридическому факультету и одобрительнымъ поведеніемъ.

3) Стипендіату выдается на содержаніе ежегодно триста рублей.

4) Избраніе стипендіата предоставляется совѣту университета.

5) Стипендіатъ Карла Ивановича Менде, замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи или слишкомъ малою успѣшности въ наукахъ, смѣщается со стипендіи. Остающаяся свободною стипендія выдается

другому достойному студенту того же или высшихъ курсовъ юридическаго факультета, по усмотрѣнію совѣта университета.

6) Стипендіатъ Карла Ивановича Менде освобождается отъ взноса установленной платы за слушаніе лекцій и по окончаніи полнаго курса наукъ, ни за это, ни за пользованіе стипендіею никакой обязательной службѣ не подлежатъ.

7) Капиталь въ шесть тысячъ рублей остается навсегда неприкосновеннымъ.

8) Капиталь этотъ, состоя въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго университета, есть специальная собственность юридическаго факультета.

9) При погашеніи тиражемъ облигацій послѣ смерти учредителя стипендіи, капиталъ, который будетъ получаемъ, обращать сполна въ такія же или другія процентныя бумаги, какія окажутся вѣрными и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе выгодными и приобщать ихъ сполна къ неприкосновенному капиталу для приращенія онаго и увеличенія тѣмъ отъ него процентовъ.

10) Въ случаѣ отчисленія юридическаго факультета отъ университета неприкосновенный капиталъ, какой въ то время состоятъ будетъ, передать сполна тому вѣдомству, въ которое факультетъ поступитъ на всѣхъ вышеназложенныхъ условіяхъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—книгу: „Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи. Съ атласомъ чертежей. Составилъ А. Кронбергъ. С.-ПБ. 1880 г. цѣна съ атласомъ 3 р.“—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго приобрѣтенія для основныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для бібліотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое изслѣдованіе Д. И. Нагуевскаго, преподавателя Александровской и Ломоносовской гимназій въ Ригѣ, магистра римской словесности. Митава 1879 г.“—допустить для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій.

— Брошюры: 1) „О нѣкоторыхъ особенностяхъ польскаго языка, затрудняющихъ мѣстнымъ уроженцамъ усвоеніе правильной русской рѣчи. Инспектора—руководителя Андреевской учительской семинаріи И. Соломоновскаго“, — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній вѣдомства учебныхъ округовъ западнаго края; 2) „Матеріалъ для диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій, примѣнительно къ условіямъ преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Его же“—одобрить какъ учебное пособіе для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ училищъ Варшавскаго Виленскаго и Киевскаго учебныхъ округовъ 3) Избраніе въ царя Михаила Федоровича Романова“. Сочиненіе Толмачевой. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г.“ допустить для чтенія во всѣхъ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а равно и въ народныхъ школахъ, мужскихъ и женскихъ, и для публичныхъ чтеній.

— Книгу: „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ“. П. А. Соколовскаго. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 1 р. 70 к.—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Книгу: „Начала начертательной геометріи“. Руководство для реальныхъ училищъ. Составилъ К. Мамышевъ. Изданіе третье, съ IX таблицами чертежей. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 80 коп.—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „Учебный атласъ естественной исторіи, приспособленный къ методическому преподаванію профессора К. Арндтса. 2-е русское изданіе, совершенно измѣненное и дополненное д—ромъ А. Брандтомъ, приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета и хранителемъ зоологическаго музея академіи наукъ“. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 руб.—одобрить какъ весьма полезное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу протоіерея Н. Кувшинскаго: „Для обратнаго перевода на латинскій. Жизнеописаніе Мильтіада К. Непота, въ подлинникѣ и рускомъ переводѣ, съ объясненіями и примѣрами для синтаксическаго разбора, перевода и повторенія“. Вятка. 1879 г. Цѣна 15 коп. На пересылку за экземпляръ прилагается 2 коп. и, кромѣ того, на всякое требованіе 7 коп.—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Монографію подъ заглавіемъ: „Le participe passé dans la langue française et son histoire par I. Bastin“. Sl. Petersbourg 1880. Цѣна 50 к.—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Ежемѣсячное изданіе: „Математическій листокъ“, выходящій въ Москвѣ, подъ редакцію А. И. Гольденберга. Томъ I, состоящій изъ 12 №№ за 1879 г.—рекомендовать въ качествѣ весьма полезнаго пріобрѣтенія для основныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для ученическихъ бібліотекъ старшаго возраста и для раздачи въ награду учащимся высшихъ классовъ, обнаружившимъ особенную склонность къ занятію математикой.

— Книгу: „Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества“. Сочиненіе Эдуарда Даудена, профессора англійской литературы въ Дублинскомъ университетѣ, вице-президента „Новаго шекспировскаго общества“. Переводъ Л. Д. Черновой. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 2 р.—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Басни И. А. Крылова“. Девятнадцатое, полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова С.-Пб. 1880 г. Цѣна 50 коп. и 2) „Басни И. А. Крылова“, съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. 20-е, полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова, С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 руб.—одобрить для класснаго употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—изданія Германа Гоппе 1) „Памятный листъ по случаю юбилея 25-лѣтняго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича; 2) Портретъ Его Императорскаго Величества, и 3) Портретъ Императора Николая I—одобрить какъ для народныхъ школъ, такъ и для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній.

— Брошюру подъ заглавіемъ: „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“. А. Филонова. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 5 к.— допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ, а равно и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книги: 1) *Katechizm Rzymsko-Katolicki mniejszy, napisany przez Księdza Piotra Stojakowskiego nauczyciela przy szkole realnej w Warszawie. Warszawa. 1880,* и 2) *Zasady Wiary Świętej Rzymsko-Katolickiej w obrazkach, czyli Katechizm obrazkowy ozdobiony 112 rysunkami epartemi na piśmie świętem.* Warszawa. 1879,—одобрить: первую— какъ руководство, а вторую какъ пособіе при преподаваніи въ низшихъ училищахъ закона Божія ученикамъ римско-католическаго исповѣданія.

— „Книгу: „Дѣтскій міръ и хрестоматія, книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изд. 17-е, окончательно исправленное и дополненное съ 105 рисунками въ текстѣ“. Составилъ К. Ушинскій, ч. II, С.-Пб. 1880 г.—для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу: „Собраніе ариметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисления“. Составилъ И. Томасъ. Выпускъ I, изд. 17-е, исправленное. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна за каждый выпускъ 30 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Ботаника доктора А. Де-Бари, профессора Страсбургскаго университета“. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями подъ редакціею Хр. Гоби, доцента С.-Петербургскаго университета съ рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 60 коп.— одобрить какъ учебное пособіе для реальныхъ училищъ, а также для бібліотекъ всѣхъ начальныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: Новая азбука, графа Л. Н. Толстаго. М. 1880 г.—допустить къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ обученіе начинается съ азбуки.

— Атласъ: „*Blüthenformen Systematische und vergleichende Darstellung in natürlichen Grössen, gezeichnet von Martin Vorweg* (систематическое и сравнительное изображеніе формъ цвѣтовъ въ натуральную величину Мартина Форверга) 12 таблицъ“. Дрезденъ,— допустить приобрѣтеніе онаго въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія угодно было одобрить составленную дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ П. А. Аннинымъ книгу, подъ заглавіемъ: „Сводъ главѣйшихъ законоположеній и распоряженій о начальныхъ народныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ“. Ч. IV. Законоположеія и распоряженія объ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. С.-Петербургъ 1880 г., для употребленія въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ училищахъ.

ГОРОДА СЪВЕРНОЙ МОНГОЛИИ. ¹⁾

II.

Улясутай.

Городъ Улясутай хотя по количеству населенія и своей обширности занимаетъ второе мѣсто въ средѣ городовъ сѣверной Монголіи, но, составляя резиденцію цзянь-цзюня, такъ-сказать — генералъ-губернатора всей Монголіи, онъ, по своему административному положенію, необходимо долженъ быть почитаемъ главнѣйшимъ халхаскимъ городомъ. По характеру своему, Улясутай совершенно противоположенъ Ургѣ. Последняя, будучи мѣстопребываніемъ верховнаго буддійскаго первосвященника Монголовъ, есть ничто иное, какъ громадный монастырь; Улясутай, напротивъ, служитъ центральнымъ пунктомъ китайскаго управленія въ Монголіи и представляетъ собою главнымъ образомъ военную крѣпость. Подлинный годъ основанія Улясутая мнѣ неизвѣстенъ; достовѣрно только одно, что какъ монгольскія, такъ и китайскія историческія сочиненія, даютъ этому городу съ самаго древняго времени то же самое назначеніе, которое усваивается ему и теперь, то-есть, считаютъ его крѣпостью для поселенія охранныхъ гарнизоновъ маньчжурскаго войска. Въ китайскомъ сочиненіи Шэнь-у-цзи, въ третьей цзюани или книгѣ, находится такого рода замѣтка: „въ срединѣ (правленія) Цянь-луна воздвигнуты были города Улясутай и Кобдо“;

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

но средина царствованія Цянь-лунова падаетъ на 1766—1767 годы, тогда какъ мы достовѣрно знаемъ, что оба эти города существовали значительно раньше этого времени: такимъ образомъ, замѣтка эта, очевидно, сообщаетъ или о перестройкѣ этихъ крѣпостей, или же о новомъ возведеніи ихъ. Впрочемъ, если намъ и неизвѣстенъ подлинный годъ основанія Улясутая, мы, однако, безъ сомнѣнія, можемъ утверждать, что Улясутай, вмѣстѣ съ Кобдо, какъ военныя крѣпости, были построены въ періодъ борьбы Маньчжурскаго дома и Монголовъ съ Олѣтами, когда такихъ крѣпостей основано было Китайцами много — на Тэсѣ, на Орхонѣ, на Байдарикѣ, на Туѣ, на Тамирѣ, на Цзаѣ и пр. ¹⁾ По второму изданію лѣтописи Эрдэнийн эрихэ, Улясутай является въ первый разъ подъ 1734 годомъ въ разказѣ о томъ, что великій цзянь-цзюнь Бао-бинь, живя въ Улясутаѣ, послалъ въ Кобдо тусалакчи цзянь-цзюня Цэрэна для завѣдыванія дѣлами. Такимъ образомъ дѣлается извѣстнымъ, что въ 1734 году въ Улясутаѣ имѣлъ свою резиденцію великій цзянь-цзюнь, а это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о томъ, что Улясутай если не съ самаго времени своего построенія, то по крайней мѣрѣ почти за полтора ста лѣтъ до настоящаго времени стоялъ въ административномъ положеніи выше Кобдо, а равно имѣлъ главенство и предъ всѣми другими китайско-монгольскими крѣпостями, построенными въ Халхѣ и по границѣ ея съ Чжунгаріей. Преданіе Монголовъ говоритъ, что Улясутай въ то время находился на р. Тамирѣ. Въ лѣтописяхъ о тогдашнемъ положеніи Улясутая нѣтъ положительныхъ указаній, но фактъ резиденціи цзянь-цзюня при р. Тамирѣ подтверждается въ весьма многихъ случаяхъ. Если посему мы послѣдуемъ сказанію преданія и пріймемъ первоначальное нахожденіе Улясутая у р. Тамира, то дѣлается очевиднымъ, что Улясутайская крѣпость получила свое имя вовсе не отъ рѣки Улясутая, на которой стоитъ она въ настоящее время, а отъ какого-либо совершенно посторонняго обстоятельства. Гдѣ бы, однако, ни находилась эта крѣпость назадъ тому полтора ста лѣтъ, достовѣрно то, что она съ самаго начала была средоточіемъ китайской власти, а слѣдовательно, была значительнѣе другихъ крѣпостей. Въ 1748 году Улясутайская крѣпость значительно расширилась, ибо сюда были стянуты войска со всѣхъ малыхъ крѣпостей, находившихся въ западной Халхѣ, хотя эта сгруппированность войскъ продолжалась весьма

¹⁾ Эрдэнийн эрихэ, II, гл. 43-я, л. 95-й.

недолго: не больше какъ черезъ четыре года, въ 1752 году, великій цзянь-цзюнь Цэнгунь-чжабъ, при личномъ представленіи къ императору, докладывалъ о томъ, что „доставлять въ Улясутай изъ аймаковъ продовольствіе для множества солдатъ весьма трудно по причинѣ удаленности нѣкоторыхъ аймаковъ отъ помянутой крѣпости; притомъ же разстоянія мѣстонахожденій войскъ, еслибъ послѣднія были возвращены на старыя мѣста (то-есть, размѣщены снова по мелкимъ крѣпостямъ), вовсе не такъ велики, чтобъ имъ быть серьезною причиною для невозможности наблюденія надъ солдатами, или несвоевременнаго собранія войскъ въ потребное время“. По докладу этому солдатъ повелѣвалось снова возвратитъ въ мѣста ихъ прежняго жительства, и Улясутай снова остался крѣпостью, хотя и главною, но вѣроятно—незначительно большею въ сравненіи съ другими. Все это было въ то время, когда великій цзянь-цзюнь жилъ на р. Тамирѣ, а какъ резиденціей его была крѣпость Улясутай, то слѣдовательно, на Тамирѣ стояла и она. Впрочемъ, въ нахожденіи Улясутайской крѣпости на Тамирѣ убѣждаетъ насъ не одно преданіе и не одни только выводы о резиденціи цзянь-цзюня, но также и то обстоятельство, что въ лѣтописи Эрдэнийн эрихэ подъ 1759 годомъ записанъ высочайшій приказъ о перекочевкѣ крѣпости съ Тамира на Улясутай въ слѣдующихъ словахъ: „Въ крѣпостяхъ прежнихъ войскъ больше нѣтъ нужды, да и кромѣ того вслѣдствіе лишь преклонныхъ лѣтъ Эфу Цэрэна ¹⁾, относясь къ дѣлу легко, мы учредили городъ на Тамирѣ военною крѣпостью; нынѣ, вслѣдствіе необходимости разслѣдованія дѣлъ объ Урянкахъ, должно перенести военную крѣпость на Улясутай“. Такимъ образомъ, съ 1759 года мѣстопребываніе великаго халхаскаго цзянь-цзюня и военная крѣпость перенесены были на р. Улясутай, но въ какомъ именно мѣстѣ была построена эта военная крѣпость — положительно опредѣлить трудно; впрочемъ можно съ достовѣрностью утверждать, что она съ самаго начала поставлена была именно тамъ, гдѣ находится и теперь. Единственнымъ возраженіемъ для сего представляется только одно преданіе Монголовъ, признающее развалины близъ Эбүгэн-

¹⁾ Эфу Церенъ былъ двоюроднымъ братомъ перваго сайнъ-ноёна — Шамбы. Будучи ребенкомъ, онъ въ 30-мъ году управленія Канси (1691 г.) вмѣстѣ съ своею матерью прибылъ въ Пекинъ, гдѣ и былъ оставленъ императоромъ Канси при дворѣ на воспитаніе. Въ 45-мъ году (1706 г.) онъ былъ сдѣланъ хошой эфу, за него была выдана княжна Чунь-Цюэ.

хурѣ ¹⁾ за остатки стариннаго Уласутая. Если въ стѣнахъ этихъ развалинъ дѣйствительно существовалъ когда-либо Уласутай, то конечно, это относится именно къ сейчасъ указанному періоду, и притомъ въ теченіе самаго короткаго срока, потому что на настоящемъ своемъ мѣстѣ Уласутай существовалъ еще до 1765 года и послѣ онаго не совершалъ уже никакихъ кочевокъ. Что же касается до сказаннаго положенія о существованіи Уласутайской крѣпости на настоящемъ ея мѣстѣ до 1765 года, то въ справедливости его мы не можемъ сомнѣваться, ибо подѣ 29-мъ годомъ правленія Цянь-луна (1765 г.) въ лѣтописяхъ записанъ высочайшій докладъ амбаней, которымъ до свѣдѣнія императора было доведено, что Уласутайская крѣпость въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ развалилась и теперь представляется необходимымъ исправить ее. По этому докладу произведено было и исправленіе, но вѣроятно, оно было непрочно, ибо зимою того же года глиняныя стѣны Уласутая снова разрушились. Такъ какъ поправлять ихъ вновь было невозможно, то былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, чтобы вмѣсто стараго города, находившагося между рѣками Уласутаемъ и Чикирсу, по старому примѣру, построить деревянный городъ; при семъ предполагалось увеличить вышину стѣнъ до одной двойной сажени и шести локтей, толщину до одной двойной сажени; вся окружность крѣпости исчислялась въ 500 двойныхъ саженей. Стѣны предполагалось устроить, поставивъ въ два ряда частоколъ, а средину между этими частоколами утрамбовать землю; съ восточной, западной и

¹⁾ Мѣстность верстахъ въ 6 къ западу отъ Уласутая. Она получила свое названіе отъ небольшого монастыря, построеннаго, вѣроятно, какимъ-либо Китайскимъ императоромъ, какъ о томъ можно заключать по его архитектурѣ, хотя ни въ лѣтописяхъ, ни въ преданіи и не сохранилось точныхъ извѣстій о томъ, кѣмъ онъ былъ построенъ. По сказаніямъ Монголовъ, здѣсь въ старое время имѣлъ свое мѣстопробываніе Илагуксанъ гэгэнъ, нынѣ кочующій въ вершинахъ р. Идэра. При нашествіи Дунганъ въ 1869 году, монастырь сильно подвергся разрушенію и отъ него остался только одинъ храмъ, да двѣ часовни, изъ которыхъ одна донныя сохраняетъ въ себѣ великую святыню Монголовъ—мощи Хамбогэгэна. Въ 1872 г. Цаганъ гэгэнъ чжунгарскій, выходецъ изъ Тибета, прибывъ къ Уласутая съ своими войсками, основалъ близъ Эбугэнъ-хурѣ крѣпость съ двойными, хотя и не высокими глиняными стѣнами. Проживъ здѣсь около двухъ лѣтъ, онъ ушелъ обратно въ Чжунгарію вмѣстѣ съ своими войсками, а крѣпость, возведенная имъ, разрушилась, хотя стѣны ея въ развалинахъ возвышаются еще и донныя; у современныхъ Монголовъ эти послѣднія развалины извѣстны подѣ тѣмъ же названіемъ Эбугэнъ-хурѣ, которымъ зовутъ они и вышепомянутый монастырь.

южной сторонѣ поставить по однимъ воротамъ, съ сѣверной же стороны, такъ какъ она прилежитъ къ рѣкѣ, предполагено было прокопать ровъ и пустить по канавамъ воду вокругъ города. Все это было исполнено, и этотъ видъ Улясутайская крѣпость сохраняетъ и до настоящаго времени, — только канавы, окружающія крѣпостныя стѣны, теперь уже засорились, и воды вокругъ города не имѣется. По всей вѣроятности, объ этомъ послѣднемъ возсооруженіи Улясутая и сообщаетъ намъ выше-представленная замѣтка сочиненія Шэнь-у-цзи.

Съ 1780 года число проживающихъ въ Улясутаѣ должно было значительно сократиться. Въ этомъ году, соответствующемъ 44-му году правленія Цянь-луна, Китайцами были изданы новыя узаконенія и правила относительно управленія Монголіи, которыя значительно измѣняли положеніе улясутайскаго цзянь-цзюня, а вмѣстѣ съ нимъ и самаго Улясутая. Должность улясутайскаго великаго цзянь-цзюня получила свое начало въ періодъ маньчжуро-монгольскихъ войнъ съ Чжунгарами, и великій цзянь-цзюнь имѣлъ тогда значеніе главнокомандующаго дѣйствующей арміи, въ составъ которой входили какъ Монголы, такъ равно и Маньчжуры съ Китайцами. При такомъ значеніи должности, ее занимали гунъ Бартунъ-эбту, цзюнь-ванъ Шубутубшинъ и цзюнь-ванъ Бао-бинъ. Впослѣдствіи, по окончаніи войнъ на западѣ, должность великаго цзянь-цзюня должна была сама собою уничтожиться. Оставшійся главнымъ представителемъ маньчжурской власти у Монголовъ былъ эфу-цэрэнъ, но онъ первоначально носилъ званіе тусалакчи цзянь-цзюня. На обязанности его лежало вмѣстѣ съ хэбей-амбанами и даргами четырехъ халхаскихъ сеймовъ рѣшать не только важнѣйшія дѣла по Монголіи и границѣ, управлять ходомъ приготовленія войскъ въ четырехъ аймакахъ и наблюдать за станціями и караулами, но и вести дѣла меньшей важности, какъ-то: судить бѣглыхъ, разнаго рода преступниковъ, воровъ и пр., словомъ, великій цзянь-цзюнь Цэрэнъ былъ главнѣйшимъ правителемъ Монголіи, которому докладывались всѣ, даже самыя мелочныя дѣла. Послѣдующіе преемники должности Цэрэна, сынъ и внукъ его Ценгунъ-чжабъ и Цэбдэнъ-чжабъ, находились въ томъ же самомъ положеніи, и хотя носили титулы улясутайскихъ великихъ цзянь-цзюней, но эти титулы давались имъ китайскимъ правительствомъ или изъ уваженія къ памяти ихъ предка — Цэрэна, или за усердіе въ дѣлахъ. Послѣ Цэбдэнъ-чжаба, на должность улясутайскаго цзянь-цзюня впервые былъ назначенъ Маньчжуръ, по имени Хэтуринга-Бату. Можно думать,

что Монголы того времени были не особенно довольны этимъ назначеніемъ, ибо при смѣнѣ этого Хэтурина-Бату, и именно въ 1780 году, Цзянь-лунъ издалъ особый манифестъ, въ которомъ, какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе Монголовъ, довольно сурово объяснялось, что должность цзянь-цзюня есть должность верховнаго правителя всей Монголіи, что она не только не наследственна въ поколѣніи Цзюньгунь-чжаба, но даже не должна быть непремѣнно занятаю халхаскими нойонами, а потому на мѣсто Хэтурина-Бату на должность улясутайскаго цзянь-цзюня назначается Гинэгуи, тоже изъ Маньчжуровъ. За симъ, какъ бы въ укоръ Монголамъ, изданы были помянутыя новыя положенія, которыми значеніе цзянь-цзюня еще болѣе возвышалось. По этимъ положеніямъ цзянь-цзюнь, хэбэй-амбани и начальники халхаскихъ сеймовъ (дарги) судили дѣла каждый особо; цзянь-цзюню не докладывалась теперь, и онъ не судилъ всякую мелочь, но являлся только верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и надсмотрщикомъ за управленіемъ ¹⁾. Такимъ образомъ, со времени изданія этого положенія, когда хошунныя цзахирахчи (правители) и начальники сеймовъ получили право имѣть свои отдѣльные суды, число являющихся въ Улясутай преступниковъ, ихъ родственниковъ и пріѣзжающихъ ходатаевъ по разнаго рода дѣламъ должно было значительно сократиться. Черезъ семь лѣтъ послѣ сего, число правительственныхъ

¹⁾ Шэнь-у-цзи въ краткихъ словахъ слѣдующимъ образомъ выписываетъ все преобразованіе того времени и опредѣляетъ значеніе улясутайскаго цзянь-цзюня: «Въ Улясутаѣ и Кобдо были посажены для управленія: заведующій границею лѣвой стороны *второй* цзянь-цзюнь и цзянь-цзюнь да жэнь (ихъ три—одинъ въ Кобдо и два въ Улясутаѣ; въ число этихъ послѣднихъ одинъ выбирается изъ монгольскихъ родовыхъ князей), все же сполна войска четырехъ халхаскихъ аймаковъ вѣдаются улясутаискимъ Цзянь-цзюнемъ. Войска Аурбатовъ, новыя Торгоутовъ и Хошутовъ вѣдаются илійскимъ Цзянь-цзюнемъ; куконорскія войска вѣдаются сининьскимъ Амбанемъ. Когда случатся дѣла, то Цзянь-цзюнь и Амбани дѣлаютъ доклады и распоряженія. Войска внутреннихъ (то-есть 49-ти) чжасаковъ вѣдаются аймачными ханами, ванами и т. д. Въ Улясутаѣ и Кобдо ежегодно вьзается оцѣнная, караульная и военная повинности, а равно пашенныя и пастбищныя оброки по подожевію о вышедшемъ въ походъ съ войскомъ сановникъ. Въ Маньчжуріи, Куку-хотонѣ и Или охранные цзянь-цзюни и вмѣстѣ съ тѣмъ правители приравнены скола быть не могутъ, такъ какъ Улясутаискій цзянь-цзюнь управляетъ 82-мя хошунами, четырьмя ханами, Урянхайцами и прочими многими племенами, живущими между Алтаемъ и Тянь-шанемъ и составляетъ *первой важности* постъ за великой стѣною (Шэнь-у-цзи Цзяоань, 3, л. 34-й).

учрежденій въ Уласутаѣ еще уменьшилось вслѣдствіе уже извѣстнаго намъ изъ исторіи Урги перенесенія верховнаго управленія двумя восточными аймаками Халхи въ Ургу, а это, въ свою очередь, не могло пройти безъ вліянія какъ на количественное, такъ и на торговое состояніе города. Уласутаю приходилось постепенно падать.

Можно думать однако, что и въ этотъ минувшій періодъ господства Уласутая надъ всею Халхой, онъ былъ для нея не болѣе какъ правительственнымъ центромъ, къ которому душа Монголовъ далеко не лежала такъ, какъ, напримѣръ, къ Ургѣ,—что Монголы пріѣзжали сюда только по необходимости, жили здѣсь бездомными одиночками, какъ временные пришельцы, и что общественной жизни въ Уласутаѣ не было никакой. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что Уласутай, не смотря на извѣстную намъ религіозную ревность Монголовъ, во все это время не имѣлъ у себя даже ни одного храма, и о построеніи въ немъ первой кумирни мы узнаемъ изъ всеподданнѣйшаго доклада великаго цзянь-цзюня и хэбэй-амбаней, записаннаго въ лѣтописяхъ только подъ 1787 годомъ. Докладъ этотъ вкратцѣ содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Въ Уласутаѣ съ самаго начала его существованія не было построено отъ правительства храма; нынѣ, по желанію чиновниковъ и военныхъ людей, въ самой срединѣ крѣпости воздвигнута кумирня подъ названіемъ Гуань-ди. Если будетъ позволено, то рабы съ настоящаго времени будутъ ежегодно, по окончаніи разслѣдованія казенныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ очередными ванами, гунами, цзасаками и чиновниками приносить жертвы весной и осенью, согласно постановленіямъ Срединнаго государства. Что же касается расходовъ по предметамъ, необходимымъ при жертвоприношеніи, то они будутъ ассигновываться съ доведеніемъ до свѣдѣнія подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ“¹⁾. На докладъ этотъ послѣдовало высочайшее согласіе, и съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе въ Уласутаѣ принесеніе осеннихъ и весеннихъ жертвъ. Храмъ Гуань-ди существуетъ въ крѣпости и до сего времени: Монголы зовутъ его кумирнею Гасэра, и въ настоящее время онъ представляетъ собою древнѣйшее изъ крѣпостныхъ зданій. Въ періодъ нашествія Дунганъ въ 1869 году онъ остался единственнымъ неповрежденнымъ зданіемъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ построекъ. Такимъ образомъ, съ 1780 года положеніе Уласутая окончательно утвердилось, и съ тѣхъ поръ онъ

¹⁾ Эрденійн эрихъ, II, гл. 44, л. 133.

существовать неизмѣнно до настоящаго времени: Улясутай служить городомъ, въ которомъ живетъ представитель китайской власти въ сѣверной Монголіи, и потому здѣсь сосредоточивается нѣкоторымъ образомъ управление всей Халхи; кромѣ того, онъ служитъ мѣсто-пробываніемъ амбана, завѣдующаго аймаками Сайнъ-нойоновскимъ и Цзасакту-хаповскимъ.

Главнѣйшее население Улясутайской крѣпости составляютъ живущіе здѣсь для охраны китайской власти и смѣняющіеся по очереди солдаты, число которыхъ въ разное время доходитъ отъ 3,500 до 800 человѣкъ. До настоящаго года войска, стоявшія въ Улясутаѣ, состояли преимущественно изъ Чахаръ и Солонувъ,—нынѣ же, ради сокращенія расходовъ, ихъ, говорятъ, предполагается замѣнить мѣстными военными силами, то-есть, призвать къ очередному проживанію въ Улясутаѣ войска изъ халхаскихъ же хошуновъ. Срокъ службы въ Улясутаѣ для солдатъ и вообще военныхъ чиновъ гарнизона собственно полагается трехлѣтній, но есть многіе, которые живутъ здѣсь по два и по три трехлѣтія, и даже болѣе. Впрочемъ, всѣ эти положенія о служащихъ въ Улясутаѣ могутъ быть съ болѣею точностію и полнотою узнаны изъ переведеннаго г. Липовцевымъ сочиненія подъ заглавіемъ „Уложеніе палаты вѣшнихъ сношеній“, а посему я и не буду о нихъ распространяться; скажу только, что замѣна Чахаровъ и Солонувъ Халхасами необходимо должна повлечь за собою еще большее паденіе Улясутаея и даже всей Халхи, потому что первые неоспоримо приносили въ жизнь Халхасовъ хотя нѣкоторую долю цивилизаціи: они дѣйствовали образовательно на завязтыхъ кочевниковъ сѣверной Монголіи и до нѣкоторой степени способствовали тому, чтобы самый Улясутай имѣлъ видъ дѣйствительно осѣдлаго города, а не скопища кочевыхъ кибитковъ. Кромѣ этого, такъ сказать, служилаго населенія, въ Улясутаѣ имѣется еще промышленный людъ, живущій совершенно отдѣльно отъ перваго. Такимъ образомъ и самый Улясутай раздѣляется на двѣ части: въ первой—собственно Улясутайской крѣпости сосредоточены постоянныя присутственныя мѣста и живетъ часть китайскаго войска; вторая часть—улясутайскій маймачэнъ—находится отъ крѣпости на разстояніи версты и отдѣляется отъ нея теченіемъ рѣки Чингисту-гол'а.

Улясутайская крѣпость стоитъ почти при слияніи рѣкъ Чингисту-гола и Богдынъ-гола; послѣдняя рѣка въ старину носила названіе Улясутайнъ-гола и на китайскихъ картахъ донинѣ рисуется еще

съ этимъ именемъ, но въ дѣйствительности это имя теперь на столько забыто, что рѣдкіе Монголы могутъ отвѣчать на вопросъ, которая изъ рѣкъ называлась Уласутай, и существовала ли здѣсь когда-либо такая рѣка. Почву, на которой стоитъ Уласутай, вѣрнѣе назвать песчаную, подъ нею же начинается мелкій камень, или какъ говорятъ здѣсь Русскіе, дресва. Послѣ вышепредставленной мною выписки изъ лѣтописи, могущей дать понятіе о внѣшнемъ видѣ и стѣнахъ Уласутайской крѣпости, я считаю излишнимъ повторять снова описаніе ея наружности; дополню только, что частоволь, образующій крѣпостныя стѣны, для большей прочности обмазанъ глиною. Внутри Уласутайская крѣпость представляетъ собою пространство, биткомъ набитое домиками различной величины и на столько безпорядочно построенными, что во всей крѣпости существуютъ лишь двѣ нѣсколько прямыя и правильныя улицы; все остальное пространство занято зданіями, расположенными безъ всякаго порядка и плана; каждое изъ нихъ помѣстилось гдѣ какому пришлось, или гдѣ какому хозяину захотѣлось и удалось помѣстить его. Большинство изъ этихъ зданій принадлежитъ казнѣ и составляетъ казармы проживающихъ здѣсь солдатъ. Впрочемъ, такъ какъ помѣщений въ этихъ казенныхъ домикахъ недостаточно, а Чахары съ неохотою живутъ въ Уласутай въ юртахъ, то помимо казенныхъ байшиновъ (такъ зовутъ Монголы всякій каменный, деревянный или глиняный домъ) нѣкоторые изъ болѣе состоятельныхъ и степенныхъ солдатъ строятъ здѣсь еще и свои дома. Это, конечно, отчасти способствуетъ расширенію города, и вотъ почему сказалъ я, что съ удаленіемъ Чахаръ Уласутай долженъ будетъ еще болѣе упасть: подобныя частныя постройки въ крѣпости необходимо прекратятся. У южныхъ воротъ крѣпости сосредоточены всѣ казенныя зданія, служащія присутственными мѣстами. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь домъ великаго цзянь-цзюня и его ямуна, рядомъ съ нимъ дома хэбэй-амбаней, далѣе слѣдуютъ отдѣльные дома дорги-цзургана и монголь-цзургана ¹⁾; присутственныя мѣста, въ которыхъ засѣ-

¹⁾ Дорги-цзурганъ и монголь-цзурганъ суть названія должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ тѣ же самыя, что у ургинскаго цзаргучея, о которомъ уже была рѣчь въ описаніи Урги. Въ Уласутай такимъ образомъ находится два цзаргучея, и старшимъ изъ нихъ почитается дорги-цзурганъ: онъ вѣдаетъ исключительно дѣла китайскихъ торговцевъ и рѣшаетъ тяжбы Китайца съ Китайцемъ; монголь-цзурганъ слѣдуетъ за торговлею Китайцевъ въ Монголіи, и на обязанности его лежатъ разслѣдованіе и рѣшеніе всякаго рода дѣлъ, возникающихъ между Китайцами и Монголами.

даютъ и начальствуютъ всѣ эти лица, помѣщаются въ оградахъ ихъ же жилищъ. Кумирень въ крѣпости четыре. Старѣйшая Гуань-ди представляетъ довольно обширное зданіе, и какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему своему виду, ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ китайскихъ капищъ. Въ срединѣ ея помѣщается только три бурхана: Гэсэръ-хана, Эрликъ-хана и идолъ божества огня. Великій цзань-цзюнь и хэбэй амбани посѣщаютъ кумирню Гуань-ди ежемѣсячно по два раза, именно въ 15-е и 30-е число, для совершенія здѣсь поклоненій; кромѣ сего, какъ уже было сказано выше, здѣсь ежегодно приносятся жертвы весной и осенью. Во дворѣ этого храма содержатся склады крѣпостнаго оружія и пороха, для чего устроены особые магазины каменной постройки и погреба, вырытые внутри зданій тѣхъ же магазиновъ. Второй большой храмъ въ крѣпости есть буддійское капище Маньчжури, построенное на срединѣ сѣверной городской стѣны. О времени первоначальнаго основанія этого храма я не добылъ положительныхъ свѣдѣній, но онъ и не сохранилъ въ себѣ ничего стараго, такъ какъ при нашествіи Дунганей былъ до основанія разрушенъ и сожженъ мятежниками. Гдѣтъ пять тому назадъ онъ вновь оконченъ постройкою; съ наружной стороны онъ представляетъ собою обыкновенный байшинъ, обмазанный глиною, особенность же его только та, что онъ возвышается надъ городской стѣною, и къ дверямъ его ведетъ высокая деревянная лѣстница. Внутренность храма почти пустая: недостатокъ средствъ при новомъ сооруженіи его побудилъ въ 1876 году мѣстныхъ буддистовъ послать ламъ за сборомъ податей по всей Халхѣ, и до окончанія этихъ сборовъ въ храмъ, конечно, не будетъ произведено никакихъ улучшеній. Когда я посѣтилъ храмъ, въ немъ имѣлось всего только три и даже не металлическихъ, а деревянныхъ бурхана, изображающихъ статуи Маньчжури, Цаганъ-дара-эхэ и Очиръ-вани. Стѣны также далеко не сполна покрыты рисунками бурхановъ, а вся бібліотека капища состояла изъ большого Юма на монгольскомъ языкѣ, средняго Юма или сочиненія Хоринъ-табунъ-мингату, сочиненія Банза-ракша и Сумбума Чжанчжа-хутухты на тибетскомъ языкѣ. Ламы при храмѣ теперь не живутъ постоянно никогда и для служенія приходятъ изъ степи только два раза въ годъ, именно—въ 6-й и 9-й лунахъ; впрочемъ, и въ это время количество собирающихся, говорятъ, никогда не превышаетъ пятнадцати человѣкъ. Кромѣ этихъ двухъ большихъ кумирень, которыя я посѣщалъ въ

бытность свою въ городѣ, мнѣ извѣстно теперь, что въ 1879 году въ Улясутайской крѣпости начаты постройкою еще двѣ малыя кумирни, изъ которыхъ одна уже предназначена для чествованія Цаганъ-дара-эхэ, для второй же кумира еще не обозначено. За снѣгъ въ крѣпости другихъ какихъ-либо общественныхъ зданій не имѣется: гостинницъ и харчевень здѣсь также нѣтъ, равно нѣтъ и лавокъ или рынковъ. Впрочемъ въ послѣдніе три года нѣкоторые изъ солдатъ открыли у себя въ домахъ нѣчто въ родѣ лавченокъ, въ которыхъ они продають свѣчи, масло, бумагу, водку, пряники и другія мелочи, покушая весь этотъ товаръ въ улясутайскомъ же маймаченѣ. Давать этой торговлѣ какое-либо значеніе совершенно невозможно, и потому приходится сказать безусловно, что вся улясутайская торговля имѣетъ свое мѣсто въ улясутайскомъ маймаченѣ.

Когда развилась при Улясутайской крѣпости торговля, или иначе, когда получилъ свое начало улясутайскій маймаченъ, на это мы не находимъ никакихъ указаній ни въ лѣтописяхъ монголо-китайскихъ, ни въ сказаніяхъ путешественниковъ; тѣмъ не менѣе, едва ли можно ошибиться, сказавъ просто на основаніи житейскихъ соображеній, что по времени своего существованія онъ ровесникъ самой Улясутайской крѣпости. По своей обширности, торговый городъ въ Улясутаѣ въ настоящее время едва ли составитъ и одну треть ургинскаго. Снаружи онъ не обнесенъ стѣнами, какъ это сдѣлано въ собственномъ ургинскомъ маймаченѣ, то-есть, китайской части торговаго города, и подобно тому, какъ въ слободѣ ургинскаго маймачена, здѣсь ограды жилыхъ дворовъ походятъ на стѣны города. Въ главную улицу маймачена, пролегающую съ востока на западъ, ведутъ ворота со стороны крѣпости, то-есть, восточной; на западномъ концѣ такихъ воротъ не имѣется, за то въ самой срединѣ города находится ихъ трое. Весь маймаченъ представляетъ собою группу домиковъ, численностію не превышающихъ 150 и расположенныхъ по двумъ улицамъ, пересѣкающимъ одна другую крестъ на крестъ; на этомъ-то соединеніи улицъ и стоятъ въ срединѣ города двое воротъ: одни, ведущія съ юга на сѣверъ, другія—съ востока на западъ. Третьи ворота построены на улицѣ, пересѣкающей городское пространство съ сѣвера на югъ, и находятся не болѣе какъ саженьхъ въ 50 отъ помянутыхъ воротъ, стоящихъ на перекресткѣ улицъ. По этимъ-то двумъ улицамъ и расположены всѣ жилья и торговыя зданія въ маймаченѣ.

Самыми обширными постройками въ маймаченѣ должно признать

два такъ-называемыхъ „дьянъ“. Въ переводѣ съ китайскаго „дьянъ“ означаетъ постоянный дворъ, и упомянутыя зданія дѣйствительно имѣютъ значеніе постоянныхъ дворовъ, только существуютъ они на совершенно другихъ условіяхъ отъ нашихъ. Говорятъ, что улясутаіскіе дьяни основаны по образцу заведеній подобнаго рода въ Куку-хото, и что первоначально они и устроены были выходцами изъ этого послѣдняго города. Свѣдѣніе это весьма вѣроятно, ибо изъ двухъ существующихъ дьяней одинъ и донинѣ принадлежитъ компаніи куку-хотоскихъ торговцевъ-Китайцевъ. До нашествія Дунганей въ Улясутаѣ существовалъ одинъ только дьянъ, мѣстонахожденіе же его было въ томъ самомъ подворьи, которое нынѣ занято русскими купцами. Дьянъ этотъ принадлежалъ куку-хотоскому Китайцу. Послѣ дунганскаго погрома тотъ же старый содержатель дьяна, постоялаго двора, открылъ его снова, но на этотъ разъ уже компаніей изъ четырехъ торговцевъ, по происхожденію принадлежавшихъ также городу Куку-хото. Компанія эта составила на общихъ основаніяхъ китайскихъ торговыхъ обществъ; точнѣе, по ихъ условіямъ, вырученные проценты составляютъ нарощеніе общаго, нераздѣльнаго капитала, а по частямъ они должны быть распредѣляемы согласно суммѣ, внесенной каждымъ компаньономъ. При такомъ условіи распредѣленія дохода, годовая выручка ни къ одному изъ компаньоновъ не попадаетъ въ руки вся, даже въ предѣлахъ его собственной доли, составляя, какъ было сказано выше, нарощеніе общаго, и на срокъ заключенія контракта, нераздѣльнаго капитала, она остается въ общей кассѣ; при необходимости она можетъ переходить наслѣдственно отъ отца къ сыну, внуку и т. д., но никогда не можетъ быть выдана на руки вся въ виду могущаго быть отъ этого ущерба дѣлому обществу. Владчику-компаньону ежегодно выдается только пятьдесятъ ланъ серебра ¹⁾ на содержаніе, и то только

¹⁾ Ланъ—такъ произносятъ Русскіе вмѣстѣ съ Монголами китайское слово *лянъ*. Выше сего мы уже встрѣчались съ словами *цинъ* и *фунъ*; все это суть китайскія мѣры тяжести, которая по своей постепенности располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Низшая мѣра, которая собственно никогда неизвѣстна въ обыкновенныхъ расчетахъ и встрѣчается только въ счетахъ большихъ торговыхъ оборотовъ, есть *ли*. 10 *ли* составляютъ одинъ *фунъ*, каковое слово Русскіе произносятъ *фунъ*, подражая также Монголамъ, у которыхъ звучитъ оно, какъ *пунъ*; 10 *фунъ* составляютъ одинъ *лянъ*, который мы называемъ одинаково съ Монголами *цинъ*, а Маньчжуры зовутъ *изиха*. 10 *лянъ* составляютъ одинъ *ланъ*, равняющійся приблизительно нашимъ 8 золотникамъ; слѣдовательно, *цинъ* равенъ $\frac{1}{8}$ нашего золотника, *фунъ* $\frac{2}{125}$, а *ли* $\frac{1}{125}$.

Употребляемые, какъ денежные единицы, китайскіе *ланы*, *ляны*, *фуны* и *ли*

въ такомъ случаѣ, если выручка, за исключеніемъ затратъ на необходимыя улучшенія и поправки, превышаетъ сказанную сумму. Такимъ образомъ, предположимъ, что общественный капиталъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по веденію дѣла, дасть чистаго барыша 600 ланъ, и что согласно взносу каждаго компаньона эта выручка рас-

не представляютъ, однако, собою никакихъ монетъ и составляютъ, какъ было сказано выше, только различныя единицы вѣса, въ своемъ порядкѣ превышающія одна другую въ десять разъ. Выраженіе «выдать 50 ланъ серебра» будетъ имѣть совершенно одинаковый смыслъ съ нашимъ — выдать $4\frac{1}{8}$ фунта серебра. Никакой серебряной монеты Китайцы у себя не имѣютъ, и хотя серебряныя слитки, такъ-называемыя ямбу, и принимаются некоторыми за монету, однако это совершенно несправедливо, потому что ни одинъ слитокъ, собственно говоря, не имѣетъ опредѣленной цѣны, а принимается за известную цѣну по вѣсу. Правда, что слитки серебра принято дѣлать только четырехъ видовъ: въ 50 ланъ, въ 10 ланъ, въ 5 и въ 3 лана, но это опять-таки только приблизительно. Въ 50-ти-ланномъ слиткѣ можетъ быть вѣсу только 48 или 49 ланъ, и за эту цѣну онъ, конечно, и принимается; равно и въ 3-ланномъ слиткѣ часто можетъ быть 3 лана и 5 цинъ, и въ такомъ случаѣ онъ принимается, конечно, не за 3 лана, а за 3 лана и 5 цинъ. Лучшее серебро встрѣчается по большей части въ 50-ти-ланныхъ слиткахъ, которые Китайцы называютъ *юань-бао*, а Монголы *ямбу* (малыя слитки въ 10, 5 и 3 лана Китайцы зовутъ «цзинь-цза»; последнее слово вошло и къ Ч.лхарамъ, но неизвестно у Халхасовъ). Это лучшее серебро, изъ котораго дѣлаются 50-ти-ланныя слитки, Китайцы зовутъ *си-сы-инь-цза*, что значитъ собственно—тонкослойное серебро, потому что на видъ оно представляетъ тонкіе слои, а Монголы—*цалинг-муну*, то-есть, жалованное серебро, потому что этимъ серебромъ обыкновенно выдается изъ государственной казны жалованье китайскимъ чиновникамъ. У торговцевъ настоящее *си-сы-инь-цза* встрѣчается рѣдко, и въ большинствѣ случаевъ у нихъ употребляется серебро съ примѣсью; количество примѣси служитъ основаніемъ для различенія серебра по добротѣ. Если въ ланъ, заключающемъ въ себѣ, какъ известно, 100 фунъ, будетъ одинъ фунъ примѣси, то такое серебро называютъ «цзю-цзю-инь», то-есть, девятичнымъ; два фунна — цзю-па фунъ, то-есть, осмеричное, и т. д. Вслѣдствіе такого различія серебра, между купцами, особливо при большихъ счетахъ, всегда идетъ условіе, каковымъ серебромъ будетъ совершена плата за приобретаемый или отпускаемый товаръ, и по желанію, иногда заключается условіе о вычетѣ. Нашъ серебряный рубль ходитъ въ Халхѣ, по большей части, безъ вычету, при чемъ его, какъ и въ Пекинѣ, принимаютъ за 5 цинъ, или, что то же, два рубля за одинъ ланъ (хотя два серебряныхъ рублевика нашихъ вѣсятъ собственно ланъ и одинъ цинъ); но въ Калганѣ, гдѣ расчеты принято вести на *си-сы-инь-цза*, мы давали только 8 цинъ и 7 фунъ за два рубля, то-есть, ихъ принимали за 87 фунъ или 1 руб. 74 коп. сер. Такимъ образомъ, заплативъ за два серебряныхъ рубля отъ 2 руб. 80 коп. до 3 руб. кредитныхъ, приходилось отдавать ихъ Китайцамъ за 1 руб. 74 коп.

предѣляется на такія доли—для перваго 180 ланъ, для втораго—160, для третьяго 140, для четвертаго 120. Ни одинъ изъ компаньоновъ свой доли своей не получаетъ сполна, и каждому изъ нихъ выдается только 30 ланъ, остальные же деньги составляютъ наращеніе общаго капитала, а въ частности капиталъ перваго увеличивается 130-ю ланнами, втораго 110-ю и т. д. Завѣдываніе дѣлами компаніи ведутъ поочередно сами компаньоны, мѣняясь чрезъ каждые три года; при этихъ сдѣлкахъ обыкновенно происходитъ и общій счетъ оборотовъ, суммъ и имущества даян. Какъ постоянный дворъ, даянь служатъ мѣстомъ остановки и продажи товаровъ для китайскихъ торговцевъ, прїѣзжающихъ на временную торговлю въ Улясутай изъ внутреннюю Китай, Куку-хото и Калгана. Главнѣйшіе товары, которые въ этихъ случаяхъ привозятся Китайцами, суть: изъ Куку-хото — толстый кирпичный чай (мѣсто въ 39 кирпичей), столбовый чай, цвѣтныя далимбу, дабу и китайка, мука, рисъ, свиное мясо и рыба; изъ Калгана — кирпичный чай (въ 27 кирпичей мѣсто), далимбу, дабу и бязь американскихъ издѣлій; вино разныхъ родовъ, какъ-то: ханьшинъ, или шао-цзю, мэй-гу-лю, у-чжа-ши, напитокъ, извѣстный у Монголовъ подъ именемъ дарасуна, разные роды постнаго масла, курительный и нюхательный табакъ и проч. Прїѣзжая въ даянь, китайскій купецъ получаетъ здѣсь комнату съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; товары свои сдаетъ на руки хозяину даянъ и въ то же время заключаетъ съ нимъ условіе о томъ, самъ ли онъ, прїѣхавшій, будетъ продавать свои товары, или же поручаетъ это дѣло даяню. Продажу товаровъ даянь принимаетъ на себя безмездно: иначе сказать, будетъ ли продавать товары самъ прїѣхавшій купецъ, или о распродажѣ ихъ будетъ заботиться даянь,—хозяину даянъ, по обычаю, платится одна и та же плата: онъ получаетъ два фына съ každого лана вырученнаго серебра; вотъ почему всякая продажа изъ даянъ, кѣмъ бы ни была она совершена, хозяиномъ ли товара, или содержателемъ даянъ, непременно записывается въ конторѣ постоялаго двора. Такимъ образомъ, платою двухъ фыновъ съ одного лана для прїѣхавшаго торговца окупается, во первыхъ, квартира съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, во вторыхъ, складъ товаровъ, в третьихъ, храненіе ихъ, и наконецъ, в четвертыхъ, по желанію, самая продажа ихъ. Сверхъ сего, прїѣзжающій платитъ постоялому двору еще за свое содержаніе пищею, то-есть, за обѣдъ и ужинъ každого даянъ. Плата эта считается за всѣ прожитыя дни безъ вычета, полагая по четыре цина въ день; ею, однако, не окупается чай и все необ-

ходимое къ нему, — за все потребное по сему предмету полагается особая плата. Такимъ образомъ, самая дешевая плата, по видимому, приходится за складъ, храненіе и хлопоты по продажѣ товаровъ. Замѣтимъ при этомъ, что если пріѣзжающій купецъ захочетъ самъ продавать свои товары, то дянъ обязуется въ счетъ тѣхъ же двухъ фыновъ съ лана какъ отвозить проданное, такъ и привозить пріобрѣтенное пріѣзжимъ иногороднымъ торговцемъ. Не смотря на такія выгодныя условія, изъ опыта оказывается, что большинство пріѣзжающихъ хозяевъ поручаетъ продавать свои товары дяню, и въ этомъ они находятъ главнымъ образомъ тотъ расчетъ, что товары ихъ распродаются скорѣе, убытковъ же отъ сего пріѣзжающіе никакихъ потерпѣть не могутъ, ибо товары ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть проданы ни выше, ни ниже цѣнъ, существующихъ въ каждое данное время на биржѣ. Распродажа товаровъ дянемъ совершается скорѣе, потому что хозяинъ дяня, какъ мѣстный житель, естественно болѣе знакомъ съ людьми. Получивъ отъ пріѣхавшаго право продавать товары, онъ сбываетъ ихъ не только на деньги, но и отдаетъ въ долгъ знакомымъ мелочнымъ торговцамъ, имѣющимъ кочевую торговлю по степи. Эти отпуски въ долгъ всегда совершаются завѣдомо для пріѣхавшаго хозяина товаровъ, причемъ поставляется и срокъ уплаты, котораго послѣдній и обязанъ дожидаться. Уплата за товаръ въ большинствѣ случаевъ производится произведеніями монгольской страны, какъ-то: кожей коровьей и лошадиной, мерлушкой, овчиной, конскими хвостами, верблюжьей и овечьей шерстью, грибами и пр.; цѣны на все это получаемое сырье заусловливаются, конечно, еще при сдачѣ мелкому торговцу въ долгъ товаровъ. Въ случаѣ непредставленія рекомендованнымъ отъ дяня кредиторомъ уплаты къ сроку, хозяинъ дяня, какъ поручитель, обязуется заплатить за все или чистымъ серебромъ, или товаромъ, по условію. Таковы основы, на которыхъ существуютъ торговые постоянные дома въ Улясутаѣ. Какъ было уже сказано, въ городѣ ихъ существуетъ теперь два: первый—Ю-хунь-дьянь, второй, образовавшійся годомъ послѣ его,—носитъ прозваніе Батурь-дяня. О послѣднемъ въ Улясутаѣ разказываютъ, что онъ основался на русскія деньги и это весьма правдоподобно; обстоятельства были слѣдующія. Въ 1869 г. хозяинъ Батурь-дяня жилъ въ Улясутаѣ. Сначала онъ былъ мелочнымъ торговцемъ, но потомъ проторговался и занялъ какую-то мелкую должность на государственной службѣ въ Улясутайской крѣпости. Въ маймаченѣ онъ имѣлъ свой домъ или, лучше сказать, подворье, которое и сдавалъ подъ квартиры и лавки

русскихъ купцамъ въ то время впервые пріѣхавшимъ въ Уласутай вмѣстѣ съ консуломъ Павлиновымъ. Когда Дунгане разгромили Уласутайскую крѣпость, Павлиновъ, занимавшій квартиру въ среднѣ ея, перешелъ въ подворье русскихъ купцовъ и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ изъ Уласутай на семи верблюдахъ. При такомъ незначительномъ количествѣ подводъ, наши торговцы могли взять съ собою только серебро и необходимыя дорожныя припасы; что же касается товаровъ, которыхъ было на сумму свыше 30,000 руб. сер., то всѣ они были оставлены въ Уласутаѣ за немѣнимъ перевозочныхъ средствъ. По выѣздѣ Русскихъ, хозяинъ дома, который былъ ими занятъ, воспользовался покинутыми товарами и мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Пекинъ. Черезъ полгода онъ возвратился, opravилъ старыя зданія въ своемъ домѣ, построилъ новую ограду и открылъ нынѣ существующій Батуръ-дьянь. Условія, на которыхъ останавливаются и ведутъ свои дѣла въ этомъ дьянь проѣзжающіе, тѣ же самыя, какія приняты и въ торговомъ постояломъ дворѣ Ю-хунъ.

Послѣ дьяней лучшія зданія въ Уласутаѣ принадлежатъ лавкамъ пекинскихъ купцовъ, которые и ведутъ болѣе крупную торговлю въ городѣ, хотя въ торговомъ дѣлѣ они здѣсь новички и появились, какъ говорятъ, въ недавнее время — уже послѣ дунганскаго погрома. До нашествія Хойхойцевъ, Пекинцы не торговали въ Уласутаѣ и впервые пріѣхали сюда въ самый годъ дунганскаго нашествія, когда въ разоренный Уласутай не успѣли еще пріѣхать потерпѣвшіе здѣсь громадныя убытки куку-хотоскіе торговцы. Первая пекинская лавка — потому ли, чтобъ ей быть ближе къ покупателямъ, или потому, что на всѣхъ лежалъ еще страхъ набѣга дунганскихъ шаекъ, открыта была въ крѣпости и не ранѣе, какъ только черезъ годъ она переселилась въ маймачень. Вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ число пекинскихъ лавокъ въ теченіе какихъ-нибудь полутора года возросло въ Уласутаѣ до десяти. По пріѣздѣ въ городъ, пекинскіе купцы снимали здѣсь мѣста у прежнихъ уласутайскихъ землевладѣльцевъ и строили дома на свой счетъ, за что получали право торговать и жить въ этихъ домахъ бесплатно въ теченіе отъ 5 до 7 лѣтъ; по окончаніи же этого срока, постройки, по условію, должны были принадлежать хозяину мѣста. Въ настоящее время сроки эти по большей части уже миновались, и число пекинскихъ лавокъ въ Уласутаѣ значительно сократилось. Въ маѣ 1879 года въ городѣ оставалось только четыре торговца изъ Пекина, всѣ прочіе оставили свою торговлю въ Уласутаѣ и частію разѣха-

лись по другимъ городамъ (преимущественно уѣхали въ Цонджу, Гучень и Ургу), а частію измѣнили только городскую торговлю на хошунную и стали торговать, переѣзжая по степи съ одного мѣста на другое. Причиною такого очевиднаго упадка торговли въ Улясутаѣ служить, съ одной стороны, уменьшеніе количества живущихъ здѣсь войскъ, а съ другой—и еще болѣе—объединеніе окружающихъ Монголовъ вслѣдствіе дунганскихъ грабежей, поборовъ китайскаго правительства и періодически повторяющихся въ послѣднее время падежей скота. Оставшіяся въ Улясутаѣ пекинскія лавки торгуютъ, главнымъ образомъ, шелковыми матеріями, каковы: канфы, гранитурь, фанзы, чесуйчоу, манчоу и др., имѣютъ и бумажные товары—далимбу, дабу, янь-дабу, американскую бязь и русскіе ситцы разныхъ цвѣтовъ, продаютъ готовое платье, халаты, курмы или китайскія кофты съ рукавами, хантазцы или кофты безъ рукавовъ, зимнія и лѣтнія шапки, сапоги и другія мелочныя принадлежности китайскихъ и монгольскихъ костюмовъ и обыденной жизни, какъ-то: шелковые кистеты, кошельки, мѣдныя и каменные трубки, мундштуки каменные и стеклянные, такія же табакерки, фарфоровую посуду — блюда, тарелки, чашки и вазы, деревянныя блюда и чашки и пр. Всѣ эти товары Пекинцы продаютъ, главнымъ образомъ, на серебро, но берутъ также овчину, мерлушку, козьи и коровьи кожи и другія произведенія Монголіи. Добытое такимъ образомъ сырье Китайцы отправляютъ въ Пекинъ прямымъ путемъ, то-есть, по дорогѣ почтовыхъ станцій изъ Улясутая въ Пекинъ—на Саирь-Усу. Впрочемъ, этотъ путь избирается довольно рѣдко и гораздо чаще, особливо въ послѣднее время, сырье отправляется съ попутными ямщиками до Урги, а оттуда уже направляется на Калгань. Путь этотъ если и совершается дольше, то во всякомъ случаѣ обходится для Китайцевъ выгоднѣе, потому что почти всѣ пекинскіе вупцы, торгующіе въ Улясутаѣ, имѣютъ свои лавки и въ Ургѣ. Что касается цѣнъ, по которымъ продаютъ пекинскіе торговцы свои товары, то о нихъ можно сказать только одно, что Русскимъ до сего времени рѣшительно не представляется никакой возможности конкурировать съ Китайцами, не говоря уже о шелковыхъ матеріяхъ, а даже и въ бумажныхъ товарахъ. Для примѣра мы можемъ указать, что въ 1873 — 1875 гг. Русскіе покупали на Ирбитской ярмаркѣ далимбу фабрики Саввы Морозова по 2¹/₂ р. за кусокъ; въ Улясутаѣ же американская далимбу продается Китайцами по 6 циновъ, то-есть, при самомъ высокомъ курсѣ по 1 руб. 80 коп. сер.; бязь бѣлая и шириною равная № 10-му Морозова про-
часть ССХІ, отд. 2

заключилъ при мнѣ по 1 лавку и 6 ценовъ, то-есть, при самомъ выгодномъ курсѣ по 4 руб. 80 к. сер.; у насъ же въ Ирбити она стоитъ 3 руб. 25 к.

Благодаря звонку куку-хотоскихъ купцовъ и торговцевъ, приѣзжающихъ изъ-за стѣнъ западнаго Китая, въ Улясутаѣ можно насчитать до 12-ти. На видъ онѣ обыкновенно не такъ щеголеваты, какъ чоканскіе, и торговля ихъ въ самомъ Улясутаѣ идетъ значительно тише въ другихъ; но за то почти всѣ эти лавки или посылаютъ своихъ прикащиковъ для разъѣздной торговли по степямъ, или же имѣютъ самостоятельную торговлю при какомъ-либо монастырѣ въ хошунѣ. Товары, съ которыми нѣкоторые изъ нихъ привозятъ изъ Куку-хото, другіе покупаютъ ихъ здѣсь же въ улясутайскихъ дяняхъ (послѣдній способъ приобретенія товаровъ относится, конечно, къ менѣе состоятельнымъ). Тѣ, которые ѣздятъ для покупки товаровъ въ Куку-хото, по большей части въ передній путь свой отвозятъ въ Китай собранныя ими при торговлѣ въ кочевьяхъ произведенія монгольскихъ степей, которыя я перечислялъ уже выше; кромѣ того, нѣкоторые куку-хотоскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ и степяхъ, занимаются еще и сборомъ скота вообще и въ особенности барановъ. Подъ этотъ послѣдній продуктъ товары даютъ обыкновенно въ долгъ на годъ, приблизительно въ нашемъ юнѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ чтобы на слѣдующій годъ собирать барановъ въ маѣ. Въ юнѣ сборъ барановъ оканчивается, и въ то же время ихъ отправляютъ въ Куку-хото и Калганъ, совершая короткіе и тихіе переходы. Рабочими при этихъ перегонахъ употребляются исключительно Китайцы. Барановъ дѣлятъ на табуны въ 1000 головъ каждый, и на всякій такой табунъ полагается два пастуха. Если въ числѣ полученныхъ за долгъ барановъ попадаются овцы, то ихъ обыкновенно не гонятъ съ баранами на югъ въ Китай, а оставляютъ здѣсь же въ степяхъ и сдаютъ для содержанія Монголамъ, съ условіемъ дѣлить приплодъ пополамъ; другой платы за пастыбу и храненіе не полагается. Торгующіе въ мѣстностяхъ по Уланъ-кому, окрестностяхъ озера Убса и въ кочевьяхъ Дурбѣтовъ, кромѣ всѣхъ упомянутыхъ продуктовъ, приобрѣтаютъ еще отъ Монголовъ такъ-называемую здѣсь круглую пшеницу и ячмень въ зернѣ. Этотъ продуктъ они обрабатываютъ тамъ же на мѣстѣ, и затѣмъ привозятъ его на продажу въ Улясутай въ свои же лавки. Такимъ образомъ, куку-хотоскіе торговцы Улясутая, ведущіе свое дѣло въ Уланъ-Комѣ и у Дурбѣтовъ, обзавелись и тамъ своими домами, а также имѣютъ и мельницы (конныя). Особенную важность имѣетъ здѣсь приготовленіе

такъ-называемой у Монголовъ „болосонъ гурйль“ (изготовленная мука) и выдѣлываемой изъ ячменя. Зерна ячменя предварительно поджариваются, а затѣмъ ихъ мелютъ, отъ чего получается пережареная мука, которую Монголы расходуютъ въ большомъ количествѣ какъ приправу къ чаю, а иногда кладутъ и въ бульонъ. У Дурбетовъ уласутайскіе торговцы приобрѣаютъ также значительное количество верблюдовъ и лошадей; тѣхъ и другихъ Китайцы пригоняютъ для продажи также въ Куку-хото. Съ конца 1878 года Куку-хотосцы начали привозить въ Уласутай сѣянную крупчатку и просяную муку изъ Цончжу. Подобные привозы до возстанія Дунганъ совершались постоянно, и тогда мука доходила до трехъ фынъ за китайскій фунтъ. Въ періодъ борьбы съ Дунганями привозъ муки совершался, главнымъ образомъ, изъ Кяхты, и тогда цѣны ея доходили до 7 и 8 фынъ за тотъ же китайскій фунтъ. Въ началѣ 1879 г. мука стояла въ Уласутаѣ въ цѣнѣ отъ 4¹/₂ до 5 фыновъ: пониженіе это произошло однако не столько вслѣдствіе привоза муки изъ Цончжу, сколько вслѣдствіе того, что теперь прекратился вывозъ хлѣба изъ Уласутая въ Гучень и уменьшено количество китайскихъ войскъ въ западныхъ предѣлахъ великаго дайцинскаго государства.

За симъ остаются мелочные торговцы, о которыхъ говорить почти нечего: лавки ихъ такъ ничтожны, что можно только удивляться, какимъ образомъ живетъ и пропитываетъ себя человекъ этою торговлею. Два, три пояса, два, три аршина дабу, или аршинъ плису, развѣшанные на веревочкахъ подъ потолкомъ лавки, нѣсколько старыхъ гвоздей и обломковъ желѣза на прилавкѣ, изорванная узда, клочекъ ремня отъ повода,—вотъ весь товаръ, на выручку съ котораго долженъ существовать торговецъ, да иногда еще и не одинъ, а съ сыновьями или братьями; а между тѣмъ за одну квартиру съ лавкой онъ платитъ около 1¹/₂ лава въ мѣсяцъ, да и содержаніе въ Уласутаѣ едва-ли кому можетъ обойтись дешевле трехъ лавъ.

Чтобы закончить за симъ разказъ объ уласутайской торговлѣ, нужно добавить нѣсколько словъ о торговлѣ проживающихъ здѣсь Монголовъ. Они торгуютъ, главнымъ образомъ, мясомъ. Монголъ покупаетъ барана, разрѣзываетъ его на куски и продаетъ такъ, что мясо окупаетъ ему барана, а въ барышахъ у него остаются внутренности, голова, ноги и кожа. Такихъ торговцевъ въ Уласутаѣ множество, и видѣть ихъ на улицахъ можно съ ранняго утра и до поздней ночи. Мясо они развѣшиваютъ по оградкамъ дворовъ, раскладываютъ на голой землѣ, носятъ на своихъ голыхъ плечахъ по улицѣ, вообще о чи-

стотѣ продукта они въ этомъ случаѣ не заботятся. По временамъ можно видѣть привезеннымъ и разрѣзаннаго на части быка—это уже конечно не убитый, а издохшій и иногда на нѣсколько саженой распускающій отъ себя довольно неароматичный запахъ. Съ подобною торговлею Монголы являются въ городѣ обыкновенно изъ степи, такъ какъ въ самомъ Улясутаѣ ни быковъ, ни коровъ никто не содержитъ. Изъ степи привозятъ также и молоко; лѣтомъ бутылка его стоитъ около одного цина серебра, зимою же молоко продаютъ только замороженное—кругами. Кругъ, имѣющій въ поперечникѣ $\frac{1}{2}$ аршина, и вершка въ $1\frac{1}{2}$ толщиною, стоитъ приблизительно отъ 3-хъ до 4-хъ цинъ. Лѣтомъ Монголы разносятъ также для продажи кумысъ въ большихъ кувшинахъ ведра по три; стоитъ такое количество кумысу отъ 6-ти до 8-ми циновъ.

По обычаю всѣхъ вообще китайско-монгольскихъ городовъ, въ Улясутаѣ на ряду съ лавками живутъ и ремесленники, при чемъ лавка, занимаемая ими, обращается въ мастерскую. Всѣ ремесленники въ Улясутаѣ по происхожденію Китайцы и пріѣзжаютъ большею частію изъ Куку-хото съ нарочитою цѣлью заниматься каждый своимъ ремесломъ. Впрочемъ, работы здѣсь особливо для кузнецовъ весьма мало, развѣ нужно будетъ для какаго-нибудь Китайца подковать лошадь на безшпинуую китайскую подкову или спаять какую-либо испортившуюся вещь. Новыхъ издѣлій никакихъ не производится, вѣроятно—по недостатку матеріала для выдѣлки, такъ какъ желѣза и мѣди здѣсь нѣтъ, для всякаго же рода подѣлокъ кузнецы пріобрѣтаютъ и перековываютъ старье. Гораздо болѣе дѣятельности находятъ столяры и плотники: кромѣ домашней утвари и гробовъ для Китайцевъ, они работаютъ еще для Монголовъ двери къ юртамъ, кровати, кадушки, кувшины, извѣстныя подъ именемъ хобуновъ и пр. Лѣсъ нѣкоторые изъ ремесленниковъ, болѣе бѣдные, покупаютъ, состоятельные же, то-есть, имѣющіе у себя работниковъ, ѣздятъ для заготовленія матеріала верстъ за 40 отъ города сами; иные почти цѣлое лѣто проживаютъ такимъ образомъ въ лѣсу и занимаются единственно заготовленіемъ матеріала, который потомъ обдѣлываютъ зимою и продаютъ въ городѣ. Для вывоза изъ лѣса приготовленныхъ плахъ и теса нанимаютъ преимущественно Монголовъ, такъ какъ Китайцы вообще весьма мало занимаются перевозкою тяжестей. Эти же лѣсовщики готовятъ бревна и тесъ на постройку домовъ, такъ что, обратившись къ нимъ, всякій желающій строить домъ всегда можетъ получить все необходимое. Цѣны на матеріалъ при постройкѣ

дома въ Уласутаѣ сравнительно довольно низки, такъ, восемь основныхъ столбовъ, употребляемыхъ при постройкѣ китайскаго байшина, продаются обыкновенно по три цина каждый (отъ 75 до 90 к.) — столбы эти имѣютъ около 6 вершковъ въ отрубѣ и 7 аршинъ длины; по угламъ зданій ставятъ столбы такой же толщины, только длиною въ 4 аршина, — они стѣятъ по два цина (50—60 к.) каждый; жерди, употребляемыя для стѣвъ, толщиной въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ отрубѣ, продаются по 4 фына. Тесъ также разнообразится по цѣнѣ, а именно: тесина, имѣющая толщину одинъ вершокъ, а въ ширину отъ 7 до 8 вершковъ и длиною въ 3 аршина, стоитъ 2 цина (50—60 к.); а $\frac{1}{2}$ вершковая въ толщину съ вышепоказанною шириною и длиною — одинъ цинъ (25—30 к.). Лѣсъ для матиць употребляется толщиной вершковъ въ 12-ть, длиною же бываетъ отъ 6 до 9 аршинъ, стоимость его простирается отъ двухъ до трехъ ланъ.

По обычаю, заведенному въ городѣ, всякій желающій строить домъ долженъ заготовить все необходимое, какъ-то — лѣсъ, тесъ, глину и пр., самая же постройка производится или по подряду китайскими плотниками за предварительно огуломъ условленную цѣну (обыкновенно не превышающую 60 ланъ и не нисходящую ниже 25), или же плотники нанимаются поденно (на своемъ содержаніи китайскій поденщикъ плотникъ получаетъ по 4 цина въ день, а на хозяйскомъ по 3 цина). Монголы въ этихъ работахъ почти не участвуютъ, а если и нанимаются, то не исполняютъ ничего, кромѣ тасканія воды и глины. Поденная плата такихъ работниковъ не превышаетъ 1 цина 5 фыновъ.

Казенныхъ и общественныхъ зданій въ уласутайскомъ маймаченѣ имѣется только два, это, во первыхъ, домъ полиціи, а во вторыхъ, китайская кумирня. Въ домѣ полиціи обыкновенно засѣдаютъ чиновники изъ дорги-ямуна ¹⁾; они смѣняются черезъ каждые три мѣсяца, а на обязанности ихъ лежитъ слѣдить за порядкомъ въ городѣ, судить мелкія мошенничества и проступки и ежедневно докладывать обо всемъ случившемся къ дорги-цзургану. Кромѣ сего, полицейскіе чиновники исполняютъ здѣсь обязанности таможенныхъ чиновниковъ: они осматриваютъ всякій приходящій въ Уласутай товаръ и взимаютъ пошлины съ каждаго вьючнаго верблюда по два цина, какого бы сорта товаръ ни былъ; исключеніе дѣлается только для привозной муки и разныхъ сортовъ хлѣба, съ которыхъ пошлины не полагается.

¹⁾ То-есть, присутственнаго мѣста дорги-цзургана.

Наконецъ полиція взимаетъ пошлины съ домовъ, занимаемыхъ Китайцами, — годовая плата ограничивается 1 ланомъ и четырьмя цинами съ каждаго занимаемаго цзяня. Что касается кумирни, то она стоитъ на самой сѣверной окраинѣ города, въ улицѣ, пересекающей городъ съ сѣвера на югъ, и представляетъ собою полуразрушившееся зданіе съ наглухо забытыми главными воротами. Входъ во дворъ кумирни теперь возможенъ только черезъ калитку; впрочемъ, Китайцы и посѣщаютъ-то ее въ настоящее время уже очень рѣдко, совершая всякаго рода религиозныя церемоніи свои въ загородныхъ кумирняхъ, отстоящихъ отъ маймачена не болѣе какъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ. Маймаченская кумирня посвящена была Гесэру и построена, какъ то видно изъ сохранившейся доннѣй надписи надъ ея воротами, въ 14-й годъ правленія Дао-гуана; но во время нашествія Дунганей она сильно пострадала: все дорогое было изъ нея унесено мятежниками, статуи разбиты и поруганы, самое зданіе кумирни во многихъ мѣстахъ повреждено. Съ тѣхъ поръ Китайцы уже не посѣщаютъ ея, хотя и оправдали нѣсколько ея внутренность. Остатки другой китайской кумирни, сожженной Дунганями до основанія, видны еще на восточной окраинѣ маймачена; послѣ пожара отъ нея уцѣлѣла только колокольня и театральная сцена, и притомъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что Китайцы порѣшили не поправлять этихъ остатковъ и не воздвигать здѣсь новаго зданія кумирни.

Описаніе маймачена, однако, едва ли можно ограничить только этою частью города, сгруппированною въ двухъ улицахъ, ибо и официально считаются городскими жителями, и видимо къ городу принадлежатъ также тѣ Китайцы, которые живутъ позанимаемъ около Улясутая и занимаются здѣсь обработкою земли и посѣвомъ хлѣба. Общее число улясутайскихъ займовъ простирается до десяти, и всѣ они раскинуты не болѣе какъ на разстояніи трехъ верстъ отъ города по рѣкѣ Богдынь, отъ которой проведены каналы для поливки полей въ лѣтнее время. Земля, на которой находятся эти займы, принадлежитъ городу, и мѣстнымъ чиновничествомъ отдается въ аренду. Само собою разумѣется, что арендная плата различествуетъ, смотря по достоинству земли. Лучшая земля лежитъ по р. Богдынь; далѣе отъ рѣки и ближе къ горамъ земля менѣе удобна, ибо болѣе камениста и песчана. Арендуются земли исключительно Китайцами, и въ большинствѣ случаевъ не однимъ лицомъ, а компаніями; обстоятельство это, на мой взглядъ, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что за хлѣбопашество берутся здѣсь только бѣдняки изъ

Китайцевъ. Земли на пашняхъ никогда не гуляютъ и не лежатъ подъ паромъ,—ихъ засѣваютъ каждый годъ, предварительно удобряя весной навозомъ, который собирается въ городъ безъ всякой платы; лѣтомъ посѣвы необходимо требуютъ поливовъ. При такой постоянной дѣятельности арендаторы по необходимости проживаютъ на своихъ заимкахъ и лѣто, и зиму; они имѣютъ здѣсь свои байшны и завели полное хозяйство. Посѣвы на пашняхъ бывають исключительно яровые, сѣютъ ячмень и пшеницу. Начало посѣвовъ обыкновенно падаетъ на послѣднія числа нашего апрѣля мѣсяца, уборка же хлѣбовъ начинается съ половины августа; пахутъ Китайцы плугомъ, жнутъ короткими серпами, или лучше сказать, ручными косами. При моемъ посѣщеніи заимки, слышущей за самую лучшую по доброкачественности земли, хозяева ея разказывали, что они сѣютъ на своей землѣ исключительно пшеницу; посѣвъ ограничивается 10—11 мѣшками сѣмянъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ приблизительно 150 китайскихъ фунтовъ; въ результатѣ отъ такого посѣва получается среднимъ числомъ отъ 100 до 120 мѣшковъ муки такой же величины. Такая пашня, впрочемъ, единственная близъ Улсутаю; какъ я сказалъ уже выше, чѣмъ дальше отъ рѣки, тѣмъ земля становится каменистѣе и бесплоднѣе, такъ что, по разказамъ, на пашнѣ ближайшей въ горамъ, то-есть, самой худшей, засѣваютъ помянутой величины мѣшковъ до 80, а собираютъ не всегда свыше 400, хотя и никогда не меньше этой суммы. Соломы получаютъ Китайцы обыкновенно очень мало: на лучшей пашнѣ ея никогда не бываетъ болѣе десяти возовъ, что составить приблизительно пудовъ шестьдесятъ. Такое незначительное количество получаемой соломы зависитъ по преимуществу отъ того, что Китайцы сильно избиваютъ ее при своемъ своеобразномъ молоченіи каменными гранеными столбами (столбы эти у Китайцевъ никогда не превышаютъ аршина и трехъ четвертей длины). Солома идетъ главнымъ образомъ на кормъ лошадей, работающихъ здѣсь же въ заимкахъ; въ продажѣ она существуетъ по 1 лану и 3 цина, или по 1 лану 2 цина за возъ помянутой величины.

Рабочими на пашняхъ являются по преимуществу Китайцы, тѣмъ не менѣе арендаторы иногда нанимаютъ и Монголовъ (безъ лошадей) обыкновенно на годичный срокъ. Рабочіе эти съ половины зимы начинаютъ собирать навозъ и потомъ складываютъ его въ кучи; въ концѣ марта они удобряютъ имъ землю, въ концѣ апрѣля пахутъ и производятъ посѣвъ, съ октября начинаютъ молотить и молотъ хлѣбъ.

Плата рабочимъ полагается отъ 2¹/₂ до 3 ланъ въ мѣсяцъ на полномъ хозяйскомъ содержаніи за исключеніемъ одежды.

Кромѣ пашень, при займкахъ имѣются еще и огороды, на которыхъ сажаютъ капусту, брюкву, рѣдьку, картофель, рѣпу и пр. Благодаря уходу, урожай на огородахъ бываетъ всегда очень хорошіе, такъ что получаемыхъ здѣсь огородныхъ растений не только хватаетъ для самаго Уласутая, но всѣ помянутыя виды ихъ, кромѣ того, въ соленомъ видѣ отвозились еще и на продажу въ Баркуль и Гучень. При караванахъ обыкновенно отправлялись въ эти города сами хозяева въ качествѣ торговцевъ и на обратномъ пути привозили съ собою на продажу въ Уласутай плоды юга, какъ-то: виноградъ, кишмишъ, жужубы, или шепталу и пр.

Почти параллельно съ ближайшими къ городу пашнями и огородами, вѣдъ маймачена находятся двѣ китайскія кумирни: первая изъ нихъ, называемая кумирнею Эрликъ-хана, едва ли не самая большая изъ всѣхъ кумирень, причисляемыхъ къ маймачену; при ней находится театръ и въ особомъ дворѣ китайское кладбище. Своихъ покойниковъ Китайцы здѣсь, какъ и въ Ургѣ, не зарываютъ въ землю, но кладутъ ихъ въ большихъ гробахъ открыто подъ навѣсами во дворѣ кладбища. Поступаютъ они такимъ образомъ въ виду того обычая, по которому родственники умершаго необходимо должны перевезти прахъ скончавшагося на чужой сторонѣ на его родину. Впрочемъ, пока извѣщаются и собираются эти родственники, проходитъ зачастую отъ пяти до восьми лѣтъ, однимъ словомъ, трупъ всегда успѣваетъ сгнить, пока его перевезутъ въ любезное отечество—за великую стѣну; оттого-то на китайское кладбище можно войти свободно развѣ только зимою, а лѣтомъ воздухъ здѣсь страшно зараженъ миазмами отъ разлагающихся останковъ. Тѣхъ бездомныхъ одиночекъ, о которыхъ уже положительно извѣстно, что они не будутъ перевезены на родину, хоронятъ на кладбищѣ, но ихъ опять-таки не закапываютъ въ могилы, поставивъ гробъ поверхъ земли, устраиваютъ надъ нимъ своды изъ сырцеваго кирпича, который затѣмъ обмазываютъ глиною. Расходы по сему предмету производятся изъ приношеній въ кумирню. Второе китайское капище посвящено Дарахъ, и не заключая въ себѣ ничего особеннаго какъ кумирня, отличается отъ прочихъ развѣ только тѣмъ, что служитъ постоянною квартирою для проѣзжающихъ чиновниковъ, а въ теченіе 1871—1873 гг. было сдаваемо городомъ подъ лавки и помѣщеніе пріѣзжихъ въ Уласутай русскихъ торговцевъ.

Наконецъ, еще дагѣе заимокъ и кумирень отъ города проживаютъ двѣ компаніи китайскихъ купцовъ, извѣстныя подъ именами Та-шинъ-ху и На-сунъ-тай. Компаніи эти не ведутъ открыто никакой торговли, но дѣла ихъ идутъ едва ли не лучше всѣхъ улясутаискихъ торговцевъ. У Монголовъ та и другая компанія извѣстны подъ общимъ именемъ „туньши“, что означаетъ поручителя-плательщика; точнѣе, компанія эти исполняютъ для монгольскихъ аймаковъ обязанности банкировъ. Нужно ли какому-либо монгольскому аймаку немедленно и одновременно уплатить свой долгъ, выдать деньги за содержаніе почтовыхъ станцій, оплатить расходы по содержанію чиновниковъ въ Улясутаѣ,—аймачное начальство, вмѣсто того, чтобы производить сборъ въ аймагѣ, на что потребовалось бы значительное количество времени, тотчасъ же обращается къ своимъ банкирамъ и выдаетъ чрезъ нихъ своимъ кредиторамъ требуемую сумму, банкирамъ же предоставляетъ право получать долгъ съ аймака. Обычай такимъ образомъ оплачивать свои долги и подати, введенный у Монголовъ уже съ давнихъ поръ, служить, какъ мнѣ кажется, одною изъ главныхъ причинъ разоренія Монголовъ. На сколько справедливо это мнѣніе—показываетъ самое дѣло. По постановленнымъ съ давнихъ поръ правиламъ, туньши могутъ уплачивать за аймакъ поручаемыя имъ суммы какъ серебромъ, такъ и товарами. Если сумма уплачивается серебромъ, туньши пользуются процентами 3-хъ фыновъ на ланъ серебра въ мѣсяцъ, то-есть, они получаютъ, считая по настоящему нашему курсу, на 3 рубли кредитныхъ—1 р. 8 коп. въ годъ процентовъ, которые, если они не будутъ уплачены на слѣдующій годъ, въ свою очередь должны быть опроцентованы. Если банкиры уплачиваютъ сумму товаромъ, то по принятымъ разъ навсегда условіямъ, на уплаченную сумму процентовъ не полагается въ теченіе шести мѣсяцевъ, при уплатѣ же долгъ необходимо долженъ быть уплаченъ серебромъ и притомъ товары полагаются стоимостью: кирпичъ чаю—въ 1 ланъ, кусокъ далимбу въ 1 ланъ и 5 циновъ, кусокъ дабу—въ 1 ланъ, кусокъ китайки въ 8 циновъ, кусокъ бязи въ 1 ланъ и 2 цина.

Заемщикамъ предоставляется право въ теченіе шести мѣсяцевъ уплачивать выданное товаромъ—товаромъ же, при чемъ, какъ сказано выше, съ нихъ не берутъ процентовъ, но въ замѣнъ сего, по тѣмъ же разъ навсегда постановленнымъ условіямъ, отъ нихъ принимаютъ въ уплату высчитаннаго по вышеприведенной таблицѣ счета, стоимостью: кирпичъ чаю—6 цинъ, кусокъ далимбу—7 цинъ, кусокъ дабу—6 цинъ, кусокъ китайки 5 цинъ, кусокъ бязи—7 цинъ.

Если въ теченіе шести мѣсяцевъ сумма, выданная Китайцами товаромъ, не уплачивается аймакомъ серебромъ, или товаромъ по вышепоказаннымъ цѣнамъ, то по истеченіи помянутаго полугодичнаго срока, долгъ выданнаго товара обращается въ серебро, на которое, по условію, должны расти законные проценты три фына на одинъ ланъ въ мѣсяць. Такимъ образомъ, тунъши за выданный въ долгъ 1-го января кирпичъ чаю, стоющій 6 цинъ, или по существующему курсу не свыше 1 р. 80 к. с. на наши деньги, должны получить 1-го іюля 3 рубля, а перваго января слѣдующаго года 3 р. 54 к. с., или что то же на 1 р. 80 к. — 1 р. 74 к. процентомъ! Понятно, на сколько разорителенъ подобный платежъ для Монголовъ, и сколько барыша приносятъ онъ Китайцамъ; въ послѣднее время аймаки дошли уже до того состоянія, что не только не въ силахъ выплачивать долга, но не всегда могутъ заплатить и его проценты: оттого долги монгольскихъ аймаковъ растутъ съ каждымъ годомъ, а Китайцы въ свою очередь употребляютъ на это всё свои силы. Прежде всего они стараются всегда платить долги Монголовъ товаромъ; если жъ это имъ не удастся, они пускаются на разнаго рода продѣлки. Въ числѣ ихъ замѣчательна особенно одна: всякій разъ когда аймакъ проситъ заплатить тунъшей своему кредитору, тунъши посылаютъ нарочнаго къ этому получателю и упрощаютъ его получить долгъ товаромъ, при несогласіи они стараются войти съ получателемъ въ сдѣлку, чтобъ уплаченный ему серебромъ долгъ онъ показалъ въ роспискѣ полученнымъ товаромъ. Сдѣлка эта Китайцамъ всегда удается, потому что для каждаго получателя съ аймака выгоднѣе получить серебро, чѣмъ груды товару; для тунъши же она представляетъ очевидныя выгоды, ибо, получивъ росписку въ расчетъ аймачнаго долга товаромъ, они пріобрѣтаютъ почти двойную сумму денегъ. Долгъ съ аймаковъ, или теперь уже, точнѣе сказать, только проценты съ долговъ, тунъши получаютъ одинъ разъ въ годъ. Въ разныя аймаки въ началѣ іюня каждаго года отправляются ихъ повѣренныя; тамъ, представившись начальнику сейма и получивъ отъ него раскладку платежа по хошунамъ, они разсѣваются въ разныя стороны. При пробѣдахъ повѣренныя тунъшей вездѣ пользуются общественными подводами и пищею наравнѣ съ монгольскими чиновниками, впрочемъ къ чести ихъ сказать — не такъ безобразничаютъ, какъ эти послѣдніе. Пріѣхавъ въ хошунное управленіе, повѣренный тунъши заявляетъ о слѣдующей ему суммѣ полученія съ хошуна, а мѣстное чиновничество дѣлаетъ здѣсь раскладку на отдѣльныя „баки“ или волости своего

хошуна; отъ начальниковъ баковъ туньши получаютъ уже уплату требуемой ими суммы скотомъ. Съ начальниками баковъ повѣренные туньшей не церемонятся и прямо приказываютъ имъ собрать къ извѣстному числу мѣсяца слѣдующее къ полученію число барановъ, быковъ, лошадей и верблюдовъ. Если требуемое не исполнено къ назначенному сроку, то Китайцы сами уже отбиваютъ изъ первыхъ попавшихся стадъ и табуновъ потребное для себя число, предоставляя потомъ начальнику вѣдаться съ потерпѣвшими какъ онъ знаетъ. Цѣны на получаемый туньшами скотъ, какъ и на выдаваемый ими товаръ, также существуютъ издавна обусловленные, а именно: хороший быкъ цѣнится въ 6 ланъ и 5 цинъ (19 р. 50 к.), въ Уласутаѣ же онъ никогда не бываетъ дешевле 8 ланъ (24 р. с.) и доходитъ до 15 ланъ (45 р. с.); лошадь 7 ланъ (21 р.); молодой верблюдъ-меринъ 20 ланъ (60 р. с.) двухлѣтній баранъ—6 цинъ (1 р. 80 к. с.), въ Уласутаѣ же онъ продается по цѣнѣ отъ 1 лана 2 цинъ (3 р. 50 к.) до 2 ланъ (6 р. с.). Понятно, сколько могли бы приобрести барышей туньши отъ продажи скота даже въ Уласутаѣ, но они не продаютъ его здѣсь и гонятъ въ Куку-хото и еще далѣе въ предѣлы Китая, гдѣ сбытъ несравненно выгоднѣе.

Такихъ банкирскихъ компаній или туньшей въ Уласутаѣ, какъ было сказано выше, двѣ. Первая и болѣе богатая компанія Та-шинъ-ху платитъ расходы и долги аймаковъ—Тушѣту-хановскаго, Цэцэнъ-хановскаго, и Цзасакту-хановскаго, вторая компанія На-сунъ-тай ведетъ счета Сайнъ-ноиновскаго аймака, и кромѣ того, отъ нея же берутъ серебро шабинары Ургинскаго гэгэна. По происхожденію компаньоны обонихъ этихъ домовъ принадлежатъ къ городу Куку-хото. Тамъ они имѣютъ свои подворья и главные склады товаровъ, которые приобретаютъ для городовъ Уласутая и Кобдо, а равно и торговли съ южными Монголами. Что касается перевозки этихъ товаровъ съ юга Монголіи на сѣверъ ея, то она какъ въ тотъ, такъ и въ другой городъ, совершается обоними компаніями на своихъ верблюдахъ. Въ Кобдо обѣ компаніи имѣютъ также свои подворья, но о нихъ будемъ мы говорить ниже при описаніи этого города,

Уласутай расположенъ въ долинѣ, довольно живописно окруженной горами, и имѣетъ также много картинныхъ видовъ въ своихъ окрестностяхъ, при чемъ послѣднимъ нельзя отказать и въ физическомъ богатствѣ. По горамъ, окружающимъ Уласутай, и особливо вверхъ по Богдойнъ-году въ изобиліи растутъ лѣса, состоящіе преимущественно изъ лиственницы, но изрѣдка попадаетъ и тополь, а за

симъ много тальнику. Выше уже было говорено отчасти о пользѣ, которую извлекають Китайцы и Монголы изъ этихъ лѣсовъ; къ сказанному можно еще прибавить, во первыхъ то, что строевой лѣсъ изъ Улясутаея никуда не вывозится, во вторыхъ, что на дрова Монголы рубятъ только сухія деревья, и втретьихъ, что изъ этихъ лѣсовъ добывается еще большое количество угля. Послѣдній идетъ на топливо у Китайцевъ, и обыкновенно въ домахъ ихъ уголь горитъ въ теченіе цѣлаго дня въ высокихъ жаровняхъ посреди комнаты. Самое большое количество угля расходуется у Улясутаея цзянь-цзяня. Для доставленія угля въ его домъ у него имѣется специально подряженныхъ двадцать-четыре человека изъ Монголовъ, на жалованье которымъ ассигнуется китайскимъ правительствомъ 1200 ланъ серебра. Угля по положенію они должны доставить въ годъ 7500 мѣшковъ, въсомъ каждый въ 15 китайскихъ фунтовъ; но собственно говоря, угля выходитъ всегда болѣе обусловленной суммы. Монголы, берущіе подрядъ на доставку этого угля, сами никогда не пережигаютъ его и уже отъ себя подряжаютъ другихъ доставлять 10000 мѣшковъ, а иногда и болѣе, при чемъ въ 1878 году существовала плата по 6 фынъ отъ мѣшка. У хэбэй-амбана расходуется угля почти то же количество, но для доставки его правительствомъ назначается 20 человекъ, и на подрядъ ихъ отпускается 1000 ланъ серебра. Въ обыкновенной продажѣ мѣшковъ угля въ 15 гиновъ стоитъ 5 фынъ. Жгутъ его Монголы почти на мѣстѣ самой порубки лѣса въ громадныхъ печахъ, вырываемихъ по косогорамъ покрытыхъ лѣсомъ горъ. Смола и корье Монголами не собираются и никуда не идутъ. Плодовыхъ деревьевъ въ лѣсахъ, окружающихъ Улясутаея нѣтъ никакихъ, но плодоносныя кустарники въ обилии растутъ по горамъ. Черная смородина и превосходный крыжовникъ составляютъ здѣсь постоянное лакомство Китайцевъ и Монголовъ. Послѣдніе собираютъ эти плоды и приносятъ въ Улясутаея. Кромѣ того, Монголы продаютъ еще много вереску, также обильно растущаго въ окрестностяхъ Улясутаея, широко разстилающагося по землѣ. Монголы зовутъ его „арца“ и употребляютъ какъ благовонную траву для куренія передъ бурханами. Собираніемъ грибовъ (преимущественно масленка) также занимаются, главнымъ образомъ, Монголы и, высушивъ ихъ, продаютъ Китайцамъ. Въ городскихъ лавкахъ цѣна сушеныхъ грибовъ въ разное время бываетъ отъ двухъ до четырехъ съ половиною цинъ за китайскій фунтъ; не смотря на эту относительную дороговизну, о томъ, на сколько великъ здѣсь сборъ этого продукта, можно судить потому, что его хватаетъ не только на

Уласутай, но въ 1877 году одною только изъ Куку-хотоскихъ лавокъ было отправлено въ Куку-хото и Пекинъ 40 верблюдовъ, выюченныхъ этимъ товаромъ.

Монголы, живущіе въ Уласутаѣ, составляютъ самый бѣдный классъ. Живутъ они, какъ и въ степи, въ юртахъ, но скотоводства у себя никакого не имѣютъ, а занимаются женщины — проституціей, мужчины же услуженіемъ, мелочною торговлей, и только немногіе промышленяютъ какимъ нибудь мастерствомъ, — преимущественно плотничествомъ и издѣліемъ серебряныхъ вещей. Главную и обыкновенную торговлю, какъ говорилось выше, Монголы производятъ мясомъ въ розницу. Купленнаго за два чая барана убиваютъ и продаютъ заднюю половину туши за чай, и переднюю за чай, а въ барышахъ остаются внутренности и голова, служащая пищею для всей семьи торговца, да кожа, которую продаетъ онъ по цѣнѣ отъ 7 фыновъ до 1-го цина. Менѣе часто можно встрѣчать уласутайскихъ Монголовъ, торгующихъ продуктами степи, какъ-то — кожей, масломъ, дровами и пр. Это случается только въ тѣхъ случаяхъ, если пронирливому горожанину удастся захватить на вѣздѣ въ городъ простака изъ степи. Горожанинъ зазываетъ его въ свою юрту, угощаетъ чаемъ и берется продать привезенное. Само собою разумѣется, что онъ пользуется барышами. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ Монголы берутъ товары изъ китайскихъ лавокъ и разносятъ ихъ для продажи по домамъ; при этомъ они обязуются представить хозяину требуемую имъ цѣну, а полученный при продажѣ излишекъ, если только удастся заполучить его, оставляютъ себѣ. Менѣе смышленные и расторопные Монголы за торговлю не берутся, а идутъ въ поденное услуженіе: рубятъ дрова, носятъ воду, собираютъ аргаль, весной — обмазываютъ глиною байшины, стѣны заборовъ, крыши дворовъ и пр. Скотоводства, какъ я уже сказалъ, въ Уласутаѣ Монголы не имѣютъ, да и вообще скота въ Уласутаѣ содержится весьма мало, что обусловливается, конечно, дороговизной его содержанія. Въ зимнее время лошадь сѣдаетъ въ сутки до 75 монгольскихъ сноповъ сѣна, что стоитъ около 75 в. с., лѣтомъ лошадь обходится конечно дешевле, потому что ее можно выгонять въ степь на подножный кормъ; за всѣмъ тѣмъ такъ какъ городскіе выгоны назначаются здѣсь для пастбищъ казенныхъ табунновъ, то для лошади въ Уласутаѣ даже и лѣтомъ необходимо имѣть кормъ на дому. Вотъ почему всѣ уласутайскіе обыватели не содержатъ скотъ при себѣ, а сдаютъ на пастьбу Монголамъ; при

этомъ платится въ мѣсяцъ за верблюда $1\frac{1}{2}$ цина, за лошадь и быка по 1 цину, за барана и козу по 3 фына.

Упомянувъ о городскихъ выгонахъ для скота, считаю умѣстнымъ сказать, что они расположены къ сѣверу и западу отъ маймачена, верстахъ въ двухъ отъ мѣста, гдѣ кончаются заимки, обрабатываемыя китайскими арендаторами; они начинаются именно отъ того мѣста, гдѣ р. Иро принимаетъ западное направленіе, и тянутся далеко на западъ, почти вплоть до станціи Борхо, второй по почтовой дорогѣ изъ Уласутая въ Кобдо. Впрочемъ, казенные табуны не пасутся здѣсь постоянно, а только пробываютъ въ теченіе лѣта, на зиму же они уходятъ вверхъ по р. Цзабхану. Что касается самихъ этихъ табуновъ, то они состоятъ исключительно изъ лошадей и верблюдовъ и образованы еще въ старину путемъ сбора животныхъ съ халхаскихъ аймаковъ. Назначеніе ихъ — имѣть всегда готовый запасъ для конницы, содержащейся въ Уласутайской крѣпости. Табуны эти свидѣльствуются и повѣряются по закону одинъ разъ въ три года великимъ цзань-цзюнемъ Уласутая, непосредственное же завѣдываніе ими ввѣряется особымъ тайчжіамъ, живущимъ постоянно въ Уласутай. При свидѣльствованіи табуновъ, какъ непремѣнное условіе, требуется ихъ приращеніе хотя и весьма незначительное, а именно расчетъ бываетъ слѣдующій: 10 верблюдицъ должны дать въ годъ приплоду двухъ верблюжатъ, а десять кобылицъ въ теченіе трехъ лѣтъ пять жеребятъ. Если при повѣркѣ скота такой приплодъ будетъ въ наличности, и притомъ число взрослыхъ скотинъ также не уменьшилось, то чиновники, завѣдующіе табунами, получаютъ награды, въ противномъ случаѣ они принимаются на замѣчаніе, обязуются возмѣстить число убывшаго скота, а иногда вмѣстѣ съ симъ и отставляются отъ службы.

Одинъ изъ главныхъ торговыхъ путей изъ Уласутая идетъ на Калганъ; онъ направляется по почтовому тракту на Санръ-усу и дальше по почтовой дорогѣ изъ Урги въ Калганъ. Провозъ по этому пути обходится до 12 лаей съ верблюда и представляется, конечно, ближайшимъ; тѣмъ не менѣе Китайцы рѣдко посылаютъ по нему свои товары и гораздо чаще отправляютъ ихъ на Ургу съ попутными ямщиками, а оттуда уже товары отправляются въ Калганъ. Этотъ послѣдній путь хотя и длиннѣе, но выгоднѣе для Китайцевъ прежде всего потому, что онъ обходится дешевле, а за симъ и потому, что почти всѣ уласутайскіе торговцы, отправляющіе свои товары въ Калганъ, имѣютъ въ Ургѣ свои главные склады. Другой торговый

путь — до Урги есть тотъ самый, по которому ѣздилъ изъ Урги въ Улясутай въ 1874 году бывший секретарь Урзинскаго консульства г. Падеринъ и по которому пришлось мнѣ проѣхать въ передній и обратный путь по сѣверной Монголии. Попутные ямщики за провозъ по этому пути товаровъ берутъ отъ 4-хъ до 6-ти ланъ съ вьючнаго верблюда, или телги, запряженной быкомъ; вьюкъ въ томъ и въ другомъ случаѣ равняется 300-тиновъ вѣсу (около 11 нашихъ пудовъ). Нарочные ямщики на верблюдахъ въ Ургу нанимаются за цѣну отъ 7^{1/2} до 9-ти ланъ серебра, а на быкахъ за 6 ланъ и 5 цинъ, или за 7-мь ланъ. Низость цѣны обуславливается главнѣйше срокомъ доставки. До Кяхты большею частію ѣздить на быкахъ. Дорога идетъ сначала по ургинскому тракту на Цзагасутаевскій даба (переваль) и Мэргэнъ кѣтѣль, пересѣкаетъ Идэрийнъ-голь и Чулутайнъ-голь при ихъ сляніи; переваливъ черезъ Бухайнъ-дабѣ, пересѣкаетъ р. Хануй, впадающую въ Селенгу и доходить до куреня Дай-цинъ-вановскаго въ аймакъ Тушѣту-хана; отселѣ слѣдуетъ по берегамъ Селенги версты 50. Орхонъ переѣзжаютъ уже верстахъ въ 25 отъ Кяхты. Всего на быкахъ ѣздить отъ Урги до Кяхты въ 40, 50 дней; провозъ же съ телги стоитъ отъ 6 ланъ 5 цинъ, до 9-ти ланъ. До Кобдо плата съ вьючнаго верблюда отъ 3 ланъ 5 цинъ до 5 ланъ; существуютъ двѣ дороги: первая почтовая, а вторая идетъ нѣсколько сѣвернѣе ея. До Барѣюля платится съ вьючнаго 10 ланъ; до Цончжу—15 ланъ; до Куку-хото ѣздить только на верблюдахъ Монголы Сайнъ-ноиновскаго и Тушѣту-хановскаго аймаковъ, при чемъ получаютъ плату за вьючнаго верблюда отъ 7 до 9 ланъ. Путь этотъ не былъ извѣстенъ до сего времени, но въ 1878 г. прошелъ изъ Улясутая въ Куку-хото первый русскій торговый караванъ подъ начальствомъ мѣщанина Антропова. Выписки изъ дневника его, объясняющія положеніе улясутайско-куку-хотоскаго тракта, имѣются у меня въ рукахъ, и хотя по обнародованіи въ недавнее время путешествія г. Пѣвцова онѣ значительно теряютъ свою цѣну, однако, все-таки весьма интересны, какъ записки человѣка торговаго и смотрящаго на вещи только со стороны своей специальности; притомъ же караванъ Антропова, слѣдуя по дорогѣ, проложенной торговыми караванами китайскихъ купцевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и расходился съ путемъ, пройденнымъ экспедиціей г. Пѣвцова.

III.

Кобдо.

Городу Кобдо не счастливо было въ опредѣленіяхъ: ни англійскій путешественникъ Иліасъ, ни одинъ изъ проѣзжавшихъ чрезъ этотъ городъ русскихъ ученыхъ не опредѣлили здѣсь астрономическихъ пунктовъ, и потому точное положеніе Кобдо неизвѣстно (г. Потанину, кажется, удалось въ періодъ пребыванія его въ Кобдо въ 1878 году произвести это опредѣленіе, но записки его остаются еще пока не обнародованными). Почти точно также были темны для насъ и точныя отвѣты на вопросы относительно времени построения Кобдо, его первоначальнаго мѣстонахожденія, перекочевокъ и вообще исторіи его существованія. Въ Шэнь-у-цзи относительно города Кобдо говорится весьма кратко, и первое сказаніе о немъ гласитъ слѣдующее: „Послѣ того какъ Канси разбилъ Галдана и возвратилъ Халхѣ ея прежнія земли, мы раздвинулись до Алтая и поставили войско въ Кобдо“. Изъ этой замѣтки китайскаго сочиненія видно только одно, что Кобдо основанъ послѣ пораженія войскъ Галдана. По второму изданію монгольской лѣтописи Эрденійнь-эрихэ построеніе Кобдо относится къ 1731 году, именно въ немъ говорится: „Въ 8-мъ году правленія Найралту туба (монгольскій переводъ названія годовъ правленія китайскаго императора Юнь-чжена, — 8-й годъ его правленія соотвѣтствуетъ 1731 году нашего лѣтосчисленія), въ годъ бѣлой собаки, когда великія войска покорили страны на западѣ, то повелѣно было, обзвѣвъ мѣстность по берегамъ р. Кобдо, построить здѣсь городъ и поселить охранный гарнизонъ. Въ томъ же году положено было основаніе города, при чемъ необходимыя принадлежности и желѣзо вывозились изъ Халхи“¹⁾. Въ слѣдующемъ году, по сказанію той же лѣтописи, здѣсь поселились впервые китайскія войска подъ верховнымъ начальствомъ цзянь-цзюня, имѣвшаго титулъ „разсѣивающій величіе“ (титулъ этотъ былъ, впрочемъ, личною принадлежностью того цзянь-цзюня, а не его званія; кобдоскіе амбаны вообще называются нынѣ по китайски баньши-да чэнь, что значитъ — генераль, завѣдующій дѣлами; кромѣ того, имъ принадлежитъ званіе, хэбэй амбаней потому что они считаются членами совѣта при улясутайскомъ цзянь-цзюнь. Можно думать однако, что

¹⁾ Эрденійнь-эрихэ, II, гл. 43, л. 95.

хотя первый кобдоскій цзянь-цзюнь, и именовался вышепоименованным громкимъ титуломъ, тѣмъ не менѣе постъ его не былъ самостоятельный, и вся дѣятельность его была въ зависимости отъ великаго цзянь-цзюня, жившаго въ Улясутаѣ. Только съ 12-го года правленія Найралтутуба кобдоскому цзянь-цзюню было предоставлено нѣкоторое право самостоятельности въ дѣлахъ обороны, выступления на войну и пр. По дальнѣйшимъ сказаніямъ лѣтописи видно, что охраняны войска, помѣщавшіяся въ Кобдо, не жили въ этой крѣпости, а мѣняли свое мѣсто-пробываніе, сообразуясь съ требованіемъ времени и обстоятельствъ; такъ напримѣръ, въ 1735 году они были переведены въ Цаганъ-суль. Въ 27-мъ году правленія Цянъ-луна (1763 г.), по докладу улясутайскаго цзянь-цзюня и хэбэй амбаней, состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Послѣ того какъ въ кобдоской мѣстности построили крѣпость и постановили тамъ резиденцію сановниковъ, старый городъ, воздвигнутый на берегахъ рѣки Кобдо, въ періодъ войнъ разрушился и подвергался наводненію; посему повелѣвается воздвигнуть городъ на восточной сторонѣ рѣки Баянту, неподалеку отъ берега, со стѣнами вышиною въ двойную маховую сажень слишкомъ, толщиною въ одну маховую сажень слишкомъ, а въ окружности въ 400 двойныхъ маховыхъ сажень; въ трехъ сторонахъ—въ восточной, западной и южной—устроить по однимъ воротамъ, а по угламъ дозорныя башни. Внутри города построить домъ присутственныхъ мѣстъ для разслѣдованія дѣлъ верховными сановниками, домъ военнаго казначейства и домъ присутствія для разслѣдованія монгольскихъ дѣлъ, всего три присутственныхъ мѣста, а также зданія для помѣщенія амбана, чиновниковъ, войскъ и провіантскихъ магазиновъ; за симъ постановить станціи для продолженія трехъ дорогъ, а именно: а) отъ карауловъ, поставленныхъ на Алтаѣ, б) отъ Гучена, и в) отъ крѣпости Улясутайской. Въ то же время въ Кобдо было назначено пребываніе Тусалакчи цзянь-цзюня чжунгарскаго (лѣвой, западной стороны), и ему было поручено верховное главенство въ рѣшеніи дѣлъ, относящихся до войскъ, казны и принадлежащихъ (Кобдоскому округу) Монголовъ“. Для болѣе частнаго разслѣдованія этихъ дѣлъ повелѣвалось вызывать монгольскихъ чиновниковъ по очереди на годъ, и вновь построенный на р. Баянту городъ именовать, какъ и старый, Кобдо. На правой сторонѣ рѣки Кобдо повелѣвалось отвести мѣста для казенныхъ пашень, въ исполненію же работъ на пашняхъ было вызвано 400 семей Халхаскихъ Монголовъ, обязанныхъ военною службой и сто солдатскихъ семей часть ссхѣ, отд. 2.

Китайцевъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени ¹⁾). Всѣ эти люди должны были воздѣлывать пашни, которыя раздѣлены были на 16 участковъ. Завѣдываніе полевыми работами возлагалось: главное—на чиновника въ чинѣ — дэлэдукчи (подполковника), низшія же степени управленія были заняты чиновниками съ званіемъ бошею. Для завѣдыванія работающими на пашняхъ Монголами былъ поставленъ офицеръ, по степени сравненный въ службѣ съ полковымъ командиромъ (чжалану-цванги). Всѣ эти чиновники должны были имѣть свое мѣсто-пребываніе въ Кобдо. Кромѣ того, здѣсь долженъ былъ проживать въ теченіе года по очереди одинъ изъ халхаскихъ цзасаковъ для управленія Монголами и еще одинъ изъ тайчжіевъ признавался къ такому же очередному занятію должности „цзахирахчи цзанггя“, на обязанности котораго было высшее непосредственное наблюденіе за содержащимися въ Кобдо преступниками, бѣглецами и ворами. На удовлетвореніе нуждъ казенной службы въ Кобдо было собрано съ Монголовъ, кочующихъ на пространствахъ отъ Уласутая до Тарбагатая, 200 лошадей и 1000 верблюдовъ; для работы же на пашняхъ изъ тѣхъ же мѣстностей 872 быка. Завѣдываніе этимъ скотомъ возлагалось на чиновника, носившаго титулъ „тусалакчи-тушимель“, а уходъ за нимъ—на особливо приставленныхъ къ сему солдатъ. Въ 1766 году въ Кобдо было учреждено новое высшее управленіе Дурбэтами, и чиновники, засѣдающіе въ этомъ управленіи, были раздѣлены на шесть очередей. Въ 1768 г. очереднымъ монгольскимъ цзасакамъ была пожалована дощечка для обозначенія ихъ мѣсто-пребыванія, а труды ихъ повелѣно облегчить, прибавивъ для засѣданія въ ихъ ямуни одного помощника изъ тайчжіевъ, который долженъ былъ смѣняться по очереди. Привилегія имѣть дощечку сохраняется присутственнымъ мѣстамъ очередныхъ халхаскихъ цзасаковъ до настоящаго времени, только дощечку эту они получаютъ теперь не отъ императора, а отъ хэбэй-амбана, — первый примѣръ того былъ въ 1824 году. Въ 1782 г. число кобдоскихъ пашень уменьшено было на 9 частей ²⁾, послѣ чего

¹⁾ Зеленое знамя—манчжурск. Нянь-яньту, кит. Бу-ци, монгол. Ногонъ-тугъ. Подъ этимъ именемъ извѣстны у Китайцевъ всѣ армейскія и гарнизонныя, какъ конныя, такъ и пѣхотныя войска, состоящія изъ природныхъ Китайцевъ, потому что во всѣхъ этихъ войскахъ употребляются знамена зеленого цвѣта. Тулишенъ свидѣтельствовалъ Аюкъ-хану, что войска зеленого знамени поставлены по всѣмъ провинціямъ Китая, а также и по важнымъ пограничнымъ пунктамъ.

²⁾ Поземельный участокъ въ Монголіи на казенныхъ пашняхъ равенъ манч-

осталось только 6; число работающих на пашнях солдат пропорционально уменьшению пашень было также сокращено, такъ что рабочихъ осталось только 150 человекъ, а для завѣдыванія ими были поставлены одинъ цзалан' у-цзанги и два цзанги. Впрочемъ, такое сокращеніе посѣвовъ продолжалось недолго. Уже въ 1790 году къ шести пашеннымъ участкамъ было прибавлено еще два, а число рабочихъ солдатъ увеличено до 200 человекъ, почему и для управления ими было прибавлено еще одно лицо съ титуломъ цзалана. Но и это увеличеніе пашень было еще недостаточно. Въ 1793 году отъ хэбэй-амбана былъ сдѣланъ докладъ, въ которомъ говорилось, что зерна, хранимаго въ казенныхъ провіантскихъ магазинахъ, недостаточно для выдачи чиновникамъ и войску, почему амбанъ предполагалъ съ своей стороны увеличить хлѣбопашество прибавкою къ восьми имѣющимся участкамъ еще восьми участковъ. Это удвоенное засѣваніе полей должно было продолжаться неопредѣленное время, то-есть, до тѣхъ поръ, пока въ провіантскихъ магазинахъ соберется хлѣба съ большимъ избыткомъ. Проектъ этотъ былъ утвержденъ, и для обработки полей было вызвано солдатъ зеленого знамени 2024 человекъ, а изъ монгольскихъ войскъ 400. Для управления ими снова былъ назначенъ одинъ дэлэткучи, одинъ тысячникъ и одинъ сотникъ, для завѣдыванія же монгольскими войсками—два цзалан'у-цзанги, одинъ цзанги и одинъ кундуй. Когда съ 16 участковъ было собрано достаточное количество хлѣба, то для храненія его было вызвано изъ полутора сумуна ѳлѣтскихъ, двухъ сумуновъ мингатскихъ и четырехъ сумуновъ цзачакинскихъ всего 320 человекъ солдатъ; въ жалованье каждому изъ нихъ назначалось по девяти циновъ серебра въ мѣсяць; скоть,

мурскому цимари. Чтобы дать здѣсь болѣе полное понятіе объ этой величинѣ, сообщаемъ вообще мѣры протяженія, принятія въ Монголіи по заимствованію отъ Манчжуровъ. Низшая мѣра протяженія есть *фунъ*, или линія, равная величинѣ одного хлѣбнаго зерна, то-есть, $\frac{1}{12}$ нашего вершка; 10 фунъ составляетъ цунъ— $\frac{10}{12}$ вершка, 10 цунъ составляетъ чи, $7\frac{10}{12}$ вер.; 10 чи составляютъ чжанъ—4 арш. $12\frac{10}{12}$ вершка. Въ поземельныхъ мѣрахъ, впрочемъ, поименованныя мѣры протяженія употребляются рѣдко. Низшею единицею пашеннаго участка поставляется *му*, то-есть, пространство земли, имѣющее въ поперечникѣ три чжана, а въ длину 18 чжанъ или 54 квадратныхъ чжана. На нашу мѣру: въ поперечникѣ 14 арш. $6\frac{10}{12}$ вершка, а въ длину 86 арш. $8\frac{8}{12}$ вершка; 6 *му* составляютъ цимари (кит. сянь) 5 цимари—хаха (кит. хань), то-есть *мѣра земли—сколько крестьянинъ можетъ съ однимъ годъ вспахать* (? Примѣчаніе къ исторіи 8 знаменъ). Это пространство заключаетъ въ себя 1,620 квадратныхъ чжанъ.

необходимый для обработки полей, добывался изъ Тарбагатая: смотря по нуждѣ, пригонялись быки черезъ три, четыре года и всакій разъ не менѣе 200 головъ. Такіе посѣвы 16 участковъ продолжались до 1807 года и съ 1808 года сокращены до 10 участковъ. Изъ доклада 1807 года о сокращеніи посѣвовъ мы узнаемъ, что въ теченіе 13 лѣтъ посѣвовъ на 16 участкахъ, въ запасныхъ магазинахъ собрано было излишку свыше 35400 данъ, при чемъ на удовлетвореніе войскъ, находившихся въ Уласутаѣ и Кобдо, было отпускаемо ежегодно свыше 7000 данъ (слѣдовательно, всего въ 13 лѣтъ было собрано хлѣба болѣе чѣмъ 568800 русскихъ пудовъ). Амбанъ соображалъ, что заготовленнаго и хранящагося въ магазинахъ хлѣба хватить теперь свыше чѣмъ на пять лѣтъ, и что если продолжать посѣвы въ прежнихъ размѣрахъ, то хлѣбъ необходимо долженъ будетъ залеживаться и портиться, а потому и предлагалъ сократить хлѣбопашество на шесть участковъ, оставивъ для посѣвовъ только десять, и надѣясь получать съ нихъ ежегодно никакъ не менѣе 4000 данъ. Докладъ этотъ былъ принятъ, и повелѣно было произвести сокращеніе посѣвовъ согласно докладу, а также и уменьшить число служащихъ на пашняхъ. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи достойно замѣчанія то, что пекинское правительство опредѣлило амбаню не возвращать солдатъ зеленого знамени, то-есть, природныхъ Китайцевъ, мотивируя это опредѣленіе тѣмъ, что, можетъ быть, не въ далекомъ будущемъ усиленные посѣвы потребуются производить снова,—отпустить же разрѣшено было только Монголовъ.

Такимъ образомъ было возвращено изъ аймаковъ:

Тушѣту-хана: цзанги ¹⁾ 1, кундуй ²⁾ 1, солдатъ 75.

Сайнъ-нойона: „ — „ — „ 48.

Цзасакту-хана: „ — „ — „ 27.

Оставлено же былъ для работъ аймаковъ:

Тушѣту-хана: цзаланъ 1, цзанги 1, кундуй ²⁾ 1, солдатъ 125.

Сайнъ-нойона: „ — „ 1 „ 1 „ 80.

Цзасакту-хана: „ 1 „ — „ 1 „ 45.

¹⁾ Цзангинъ или цзанги есть общее названіе для штабъ и оберъ-офицеровъ.

²⁾ *Кундуй*, по кит. цуй-цаунъ, а по манчжурски бошоку-да, то-есть старшій бошко, бошко 1-го класса. Названіе кундуй существуетъ только у Монголовъ, Манчжуры же по своимъ положеніямъ не знаютъ этого имени; у нихъ существуетъ только одно званіе бошоку. Бошоку,—по буквальному значенію слова—понудитель. Должность эта у Монголовъ раздѣляется Манчжурами на два класса: низшій адзигъ-бошоку, кит. линъ-цуй, который Монголы и зовутъ собственно бошко, и старшій—бошоку-да, который и называютъ Монголы кундуй.

Всего 250 человекъ при семи начальствующихъ. Кромѣ сего, для постоянного пребыванія въ городѣ оставлено было 48 человекъ солдатъ изъ принадлежащихъ къ зеленому знамени. Необходимость ихъ мотивировалась незначительностью солдатъ, какъ крѣпостной прислуги, въ Кобдо вообще, и потому этихъ оставленныхъ предполагалось употреблять на слѣдующія работы: въ караулъ при воротахъ города, при казначействахъ, складочныхъ и провiантскихъ магазинахъ и при тюрьмахъ, въ конвой, сопровождающій провiантъ до Улясутая, въ прислугу при караванахъ, привозящихъ казенный чай изъ Куку-хота, въ прислугу при табунахъ верблюдовъ, пригоняемыхъ изъ Гучена (?), и наконецъ, какъ конвой, для сопровожденія преступниковъ. Въ 1838 году докладомъ изъ Улясутая великій цзянь-цзюнь и хэбэй-амбанъ испрашивали назначенія помощника кобдоскому амбану по военнымъ дѣламъ; въ резолюціи императора хотя и упоминалось о томъ, что до сего времени существовалъ же кобдоскій амбанъ безъ помощника, однако, въ виду обширности края и удаленности его отъ Улясутая, дозволялось назначить особаго сановника съ званіемъ помощника амбана (это настоящій—второй или младшій кобдоскій амбанъ). Съ 1838 г. составъ администраціи, живущей въ Кобдо, кажется, не измѣнялся, и должности начальствующихъ остались въ городѣ тѣ же самыя, очередь учрежденія которыхъ сейчасъ представлень.

Какъ уже можно было видѣть, всѣ эти чиновныя лица живутъ въ Кобдо, или точнѣе сказать, въ Кобдоской крѣпости, потому что городъ Кобдо въ настоящее время состоитъ не изъ одной крѣпости, но еще и изъ маймаченя, подобно тому, какъ это мы уже видѣли въ Улясутаѣ. Впрочемъ, давая кобдоскому укрѣпленію названіе крѣпости, я придерживаюсь наименованія его въ лѣтописяхъ; собственно же говоря, окруженный стѣнами городъ Кобдо давно уже потерялъ это значеніе, потому что онъ не имѣетъ у себя самаго главнаго — гарнизона. По усмиреніи блѣтскихъ возстаній во второй половинѣ XVIII вѣва, китайскія войска были отведены за великую стѣну, и въ Кобдо оставалось такое незначительное количество ихъ, что не было достаточно и для выполненія обязанностей разсыльныхъ, какъ это видѣли мы изъ доклада и резолюціи 1808 года. При нападении Хойхойцевъ въ 1869—1870 гг., правда, въ Кобдо снова сосредоточивались китайскія войска; ихъ было въ то время даже такъ много, что самая крѣпость оказалась недостаточною, и правительство должно было построить вторую, меньшую, въ полуверстѣ

отъ главной крѣпости, на другомъ концѣ кобдоскаго маймачена. Солдаты эти проживали въ Кобдо и послѣ набѣговъ Дунганъ на западную Монголію; остатки этихъ войскъ даже пришлось и мнѣ видѣть въ 1876 г. въ первый проѣздъ свой черезъ Кобдо; но теперь въ Кобдо, какъ и до наступленія Хойхойцевъ, уже вовсе нѣтъ гарнизона, отъ чего и кобдоская крѣпость на языкѣ Монголовъ называется не „цэрэгійнь-хурь“ (военный курень), какъ, напримѣръ, Улясутайская, а просто „Сангійнь-хота“, что значитъ казенный городъ. Внѣшній видъ Сангійнь-хота и описаніе стѣнъ его уже были представлены въ словахъ императорскаго указа, хотя тамъ не упомянуто только объ одномъ, что городъ еще окруженъ ровомъ, въ которомъ, однако, нѣтъ воды, и чрезъ который противъ каждаго городскаго воротъ построены узкіе деревянные мосты, для большей прочности обмазанные глиною. Какъ и въ крѣпости Улясутайской, здѣсь у южныхъ воротъ сосредоточены главнѣйшія казенныя постройки, какъ-то: дома амбаней и ихъ присутственныя мѣста. При домѣ главнаго амбана разведенъ довольно большой садъ, содержимый въ чистотѣ и порядкѣ. Далѣе, крѣпость до половины застроена домами мелкихъ чиновниковъ, каковы—цаурганы, и зданіями ихъ присутственныхъ мѣстъ, завѣдующихъ торговымъ дѣломъ края, управы и присутственныхъ мѣстъ Дурбетовъ, Мингатовъ и проч. Сѣверная половина города занята, главнымъ образомъ, провіантскими магазинами, но, кромѣ ихъ, здѣсь же помѣщаются единственная въ крѣпости китайская кумирня Гесэръхана и двѣ часовни, изъ которыхъ одна посвящена Цаганъ-ѡбугэн'у, а вторая служитъ мѣстомъ собранія для богослуженія живущихъ въ Кобдо магометанъ, и наконецъ, тюремный замокъ для содержанія преступниковъ. Когда основана въ Кобдо кумирня Гесэра, на это я не имѣю положительныхъ свѣдѣній; но изъ китайской надписи на камнѣ, стоящемъ на портикѣ предъ дверями храма, видно, что храмъ этотъ возобновленъ въ первомъ году царствованія Тунъ-чжи, что соотвѣтствуетъ нашему 1862 году. Въ періодъ нападенія Дунганей кумирня эта, равно какъ и самая крѣпость, не подверглась никакому бѣдствію; отъ того въ послѣднее время она не была возобновляема, и теперь уже многія части ея значительно повреждены, особливо сильно состарѣлось зданіе театра, которое, однако, уже предполагается къ перестройкѣ. Внутри храмъ отличается бѣдностію утвари, а изъ кумировъ только деревянная статуя Гесэра представляется нѣсколько порядочною; статуи же богатырей, спутниковъ Гесэра, сдѣланы изъ глины и особенно обветшали. Провіант-

скіе магазины представляютъ собою обыкновенные деревянные сараи, внутри которыхъ сдѣланы закрома для ссыпки хлѣба. Крыши магазиновъ деревянные, двускатныя и обмазаны глиною, равно какъ и все зданіе; на верхушкахъ крышъ сдѣланы отверстія, родъ слуховыхъ оконъ, для пропуска воздуха и свѣта въ средину зданія. Всѣхъ таковыхъ сараевъ или магазиновъ числомъ до 45. Тюремный замокъ въ Кобдоской крѣпости можетъ по своему устройству служить типомъ постройки этихъ зданій въ монгольскихъ городахъ; Ограда тюремнаго замка въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ хашан'а (забора) обыкновеннаго дома; какъ у казеннаго зданія, она дѣлается, пожалуй, даже хуже и менѣе прочно, нежели у богатыхъ китайскихъ торговцевъ. Частково изъ бревенъ лиственницы, иногда обмазанный глиною, — вотъ наружная стѣна тюремнаго замка. Чтобы сдѣлать эту стѣну выше, на верху ея ставятъ иногда рѣшетку изъ тонкихъ прутьевъ; такъ сдѣлано, на примѣръ, въ Кобдо и Улсутаѣ, въ Ургѣ же этой предосторожности не соблюдено. Вступивъ въ окруженный такими стѣнами дворъ замка черезъ ворота, которыя, нужно замѣтить, въ теченіе всего дня, какъ и во всѣхъ частныхъ домахъ, отперты и затворяются только на ночь, находишь байшинѣ, въ которомъ живутъ сторожа замка; изъ дверей занимаемыхъ ими комнатъ и входъ къ заключеннымъ. Преступники содержатся въ подземельяхъ, освѣщаемыхъ окнами сверху, чрезъ которыя проходитъ и свѣжій воздухъ въ занимаемое ими помещеніе. Подземелье представляетъ собою большую четырехугольную комнату, которая съ двухъ сторонъ огорожена деревянною рѣшеткою. За этими рѣшетками сидятъ заключенные, пространство же между двумя рѣшетками назначается для прохода прислужниковъ и посѣтителей. Стѣны въ такихъ казематахъ земляныя. По стѣнамъ на разстояніи аршина одинъ отъ другаго вкопаны деревянные столбы съ ввинченными въ нихъ на желѣзныхъ кольцахъ желѣзными цѣпами, которыми преступники приковываются къ столбу. Степень приковыванія сообразуется съ степенью преступленія и подсудности преступника: обыкновенный самый легкій способъ приковыванія есть желѣзная петля на шею, отъ которой цѣпь проходитъ по стѣнѣ чрезъ все тѣло къ ногамъ и тамъ оканчивается также желѣзными кольцами для ногъ. У болѣе важныхъ преступниковъ, кромѣ сковыванія ихъ шеи и ногъ, еще полагается желѣзная петля на брюхо; наконецъ, высшая степень приковыванія, когда отъ этой послѣдней петли проходятъ еще цѣпи, оканчивающіяся желѣзнымъ кольцомъ для сковыванія рукъ. Должно замѣтить, что руки заковываются всегда въ одно

кольцо. Не смотря на такое вѣрное приковываніе, Монголы не считаютъ еще своихъ преступниковъ въ этомъ состояніи лишенными возможности къ побѣгу, а потому на ночь закладываютъ ихъ ноги въ деревянные колодки, называемыя „хулуйнъ-тункэ“. Колодки эти состоятъ изъ прибитаго къ землѣ бревна, въ которомъ вырѣзаны полукругомъ помѣщенія для ногъ, въ размѣрѣ человеческой ноги у пиколки. Въ это помѣщеніе закладываютъ ноги преступника, послѣ чего накладываютъ на это первое, прибитое къ землѣ бревно другое точно такихъ же размѣровъ и съ точно такими же полукруглыми выемками, долженствующими охватывать ноги сверху. Когда ноги заложать въ эти отверстія, бревна запираютъ съ боковъ замками, для чего къ нимъ придѣланы желѣзные пробои. Скованный по рукамъ и по ногамъ преступникъ не имѣетъ возможности даже поднять рукъ, чтобы почесать тѣло, или поднести ко рту пищу; ночью же рѣшительно ни одинъ изъ нихъ не можетъ повернуться, а долженъ пролежать все время въ томъ положеніи, въ которомъ положить его, закладывая ноги въ хулуйнъ-тункэ. За всѣмъ тѣмъ, днемъ заключенные пользуются весьма многими предметами, которые можно бы считать почти недозволительными къ употребленію; такимъ образомъ, при нихъ остаются всѣ принадлежности ихъ туалетовъ, трубки, гвозди, огнива, ножи и проч.; преступникамъ во все время дозволяется курить табакъ, а потому они всегда имѣютъ при себѣ огонь въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, не исключая и русскихъ сѣрныхъ спичекъ; у Китайцевъ же нерѣдко можно встрѣтить и трубки для куренія опиума. Менѣе важные преступники пользуются въ теченіе дня еще большею свободой: имъ дозволяется даже гулять по всему городу, только въ этомъ случаѣ на шею имъ надѣваютъ деревянную доску¹⁾. На ночь

¹⁾ Доска, которую закладываютъ преступникамъ на шею, по монгольски канъга, манчж. сэлхэн, кит. цзя-хоу, дѣлается изъ сухаго дерева въ 1 арш. $7\frac{1}{16}$ вершка, или въ 1 арш. $6\frac{1}{16}$ вершка. Это различіе величины доски, впрочемъ, не имѣетъ никакого отношенія къ степени подсудности преступника, и во все нѣтъ того, чтобы доску меньшей величины надѣвали на менѣе важнаго преступника; да и притомъ эти доски, нѣсколько различаясь другъ отъ друга по своей величинѣ, въ сущности, совершенно одинаковы, потому что имѣютъ одну вѣсъ: по закону, каждая канъга должна вѣсить $33\frac{1}{2}$ фунта и это количество тяжести ея должно быть отгѣчено буквами, вырѣзанными на доскѣ. Весь приборъ канъга состоитъ изъ двухъ досокъ, имѣющихъ въ срединѣ отверстіе на столько большое, чтобы въ него могла помѣститься человеческая шея. Наложивъ такіа доски на шею преступнику, ихъ заклепываютъ съ двухъ сторонъ и

всѣ острожники обязаны являться въ острогъ, и ихъ приковываютъ на равнѣ съ важными преступниками, по большей части, въ полулежащемъ состояніи; постелью для нихъ служитъ одинъ войлокъ, подушкой — монгольскій дѣръ, — родъ круглаго валика, набитаго пескомъ. Зимой, ночью кладется на всѣхъ одно общее одѣяло изъ войлока, а на день оно поднимается на веревкахъ къ потолку. Отопленіе въ острогахъ зимою крайне скудно: печей не полагается вовсе, и по обычаю Монголовъ, все ограничивается небольшимъ очагомъ, раскладываемымъ посреди комнаты на разстояніи отъ 1½ до 2 аршинъ отъ заключенныхъ; можно представить, какую теплоту чувствуютъ они отъ этого очага.

Воду обитатели Сангійнъ-хота получаютъ изъ колодцевъ, вырытыхъ во дворахъ; но лучшею почитается вода изъ такъ-называемаго святаго колодца или аршана. Колодецъ этотъ находится въ сѣверо-западной части города; онъ обнесенъ деревянною оградой и обдѣланъ въ небольшой срубъ. Передъ колодцемъ сдѣлана часовня, въ которой стоитъ кумирь, представляющій собою сидящаго сѣдаго старца. Китайская надпись съ боку этого кумира гласитъ: „въ этомъ колодцѣ живетъ царь воды и владыка драконовъ“.

Очередные нойоны, которые засѣдаютъ въ ямунѣ, рѣшающемъ дѣла Халхасовъ, не живутъ въ Сангійнъ-хото, а помѣщаются, какъ и въ Улясутаѣ, внѣ крѣпостныхъ стѣнъ — въ юртахъ. Очереди въ Кобдо назначаются срокомъ для чиновниковъ изъ Туншѣту-хановскаго и Сайнъ-нонновскаго аймаковъ — на годъ, Цзасагу-хановскіе же мѣняются черезъ каждые три мѣсяца; само собою разумѣется, что въ основѣ такого положенія лежитъ удаленность отъ Кобдо первыхъ двухъ аймаковъ, и близость послѣдняго. Изъ Сэцэнъ-хановскаго аймака очередныхъ цзасаковъ въ Кобдо не бываетъ.

Торговая часть города Кобдо или Кобдоскій маймаченъ расположенъ саженьхъ въ ста къ югу отъ крѣпостныхъ стѣнъ Сангійнъ-хото и верстахъ въ полтора къ востоку отъ рѣки Буинтуйнъ-гола. Буинтуйнъ-голь у торговаго города доходитъ сажень до 5 въ ширину, глубиною же не превышаетъ аршина и каменистое русло его ясно можно видѣть подъ водою. Рѣчная вода пріятна на вкусъ и хотя не отличается особенною мягкостью, все-таки превосходитъ ту, которую довольствуются Кобдинцы маймачена: Китайцы, живущіе въ кобдоскомъ,

сверхъ замки накладываютъ печати, чтобы доска не могла быть снята, хотя бы на время, преступникомъ.

маймаченѣ не берутъ воды изъ Буинтуйнъ-гола, они считаютъ неудобнымъ привозить ее по причинѣ отдаленности рѣки и пьютъ воду изъ колодезь, которыхъ въ городѣ считается четыре, кромѣ частныхъ, выкопанныхъ во дворахъ. Въ прежнее время, то-есть, до 1872 года, въ которомъ Кобдо былъ разрушенъ Дунганями, въ городѣ изъ рѣки были проведены канавы, водою которыхъ поливали городскія улицы, а иногда и употребляли ее для питья, но теперь канавы эти позасорились, и вода въ нихъ по большей части грязная, а иногда и совершенно пересыхаетъ вслѣдствіе наноса или и нечистотъ въ канавахъ. Торговая часть Кобдо значительно больше Сангійнъ-хото по своимъ размѣрамъ, но состоитъ она только изъ трехъ улицъ. Первая главная улица (йэхэ-цзэли) проходитъ съ юга на сѣверъ чрезъ весь городъ ровною линіей; вторая, (наринъ-цзэли), тянущаяся также съ одного конца города на другой и параллельная главной на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ ломаную линію только тамъ, гдѣ примыкаетъ къ ней перпендикулярная ей третья улица, соединяющая ее съ главной. Эта послѣдняя улица идетъ съ восточнаго конца города, и пересѣкая главную улицу (йэхэ-цзэли), упирается во вторую, параллельную главной (наринъ-цзэли). Какъ и всѣ другіе маймачены, Кобдоскій маймаченѣ почти сплошь состоитъ изъ лавокъ, если только исключить заборы и ворота во дворъ, которые впрочемъ занимаютъ сравнительно большое пространство только на главной улицѣ, что же касается наринъ-цзэли, то она представляетъ почти непрерывный рядъ торговыхъ зданій. Всего лучше это опредѣляется самымъ количествомъ лавокъ: въ наринъ-цзэли ихъ 39, тогда какъ въ главной только 14, но за то въ главной улицѣ сосредоточены всѣ богатые торговые дома города Кобдо. Всѣ постройки въ городѣ сложены изъ сырцеваго кирпича и отличаются ровностію и чистотою, рѣдкою не только въ китайскихъ городахъ, но и желательною для русскихъ. Главная улица, сажень въ 15 ширины, усажена высокими тополями, что, при совершенной чистотѣ, придаетъ ей весьма привлекательный видъ, особливо для глаза, привыкшаго къ однообразной сѣровой равнинѣ монгольской степи. Постройки въ городѣ, также какъ и матеріалъ ихъ, не менѣе однообразны: обыкновенно на улицу стоитъ одноэтажный домъ, единственное окно котораго съ рамою аршина въ $2\frac{1}{2}$ въ вышину и въ сажень, а иногда и того болѣе шириною, раздѣляется на 40, 50 клѣточекъ, заклеенныхъ китайскою бумагою для пропуска свѣта. У нѣкоторыхъ богатыхъ въ четыре срединныя клѣточки вставляются стекла, удобопрозрачность которыхъ здѣсь впро-

чемъ не достигаетъ своей цѣли: китаецъ непремѣнно разрисуетъ ихъ картинками, и они дѣлаются едва ли еще не темнѣе бумаги. Это окно принадлежитъ комнатѣ, въ которой помѣщается торговецъ. Рядомъ съ нимъ такой же высоты, но еще болѣе длинное окно безъ рамы служитъ входомъ въ лавку и прилавкомъ ея; на ночь оно закрывается досками, и кромѣ того, у нѣкоторыхъ передъ этимъ окномъ во всю вышину его устраивается деревянный частоколъ. Рядомъ съ домомъ располагаются обыкновенно ворота, если и не раскрашиваемы такъ красиво, какъ это мы видѣли въ Ургинскомъ майшаченѣ, то во всякомъ случаѣ устрояемы по одному съ ними плану, съ тѣми же неизмѣнными навѣсами и лавочками. За воротами слѣдуетъ небольшой заборъ изъ сырцеваго кирпича, къ которому примыкаетъ безъ малѣйшаго промежутка другой такой же домъ и съ такими же пристройками. Вотъ общій видъ обыкновенныхъ китайскихъ лавокъ въ наринь-цзэли. На большой улицѣ находится главнымъ образомъ жилища богатыхъ торговцевъ, оттого она имѣетъ нѣсколько другой характеръ. Богачи строятся просторнѣе и приспособляютъ свои помѣщенія къ самому образу своей торговли. Прежде всего, они, по обычаю застѣнныхъ Китайцевъ, не строятъ своихъ домовъ на улицу, — оттого йэхэ-цзэли представляетъ почти непрерывный рядъ заборовъ, смѣняющихся только воротами съ необходимыми при нихъ навѣсомъ и лавочками. Внутри двора, прямо противъ воротъ, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, ставится щитъ, хотя и заграждающій для посторонняго взгляда внутренность двора, тѣмъ не менѣе оставляющій по бокамъ свободное пространство для прохода и проѣзда. Отъ этого щита чрезъ весь дворъ тянутся постройки жилыхъ зданій съ окнами, такой же величины и устройства, какъ и въ вышеописанныхъ домахъ на улицу, и по большей части обращенными въ южную сторону. Окна чередуются съ дверями, которыхъ бываетъ отъ 5 до 10, 15 и даже болѣе, смотря по величинѣ дома. За жилыми зданіями располагаются непосредственно амбары и товарные склады. Таковы жилища Кобдоскихъ богатыхъ Китайцевъ. Лавокъ они не имѣютъ, потому что не ведутъ въ Кобдо мелочной торговли, а продаютъ товаръ главнымъ образомъ оптомъ; по знакомству, конечно, у нихъ можно купить товаръ и въ розницу, какъ: кусокъ чесуичоу, или штуку какой-нибудь шелковой матеріи, но и это рѣдко. Въ случаѣ, какъ оптовой, такъ и розничной продажи, всякаго рода сдѣлки и условія совершаются въ жилой комнатѣ хозяина; товаръ приносится на показъ изъ кладовыхъ прилавчиками, въ самыя же кладовыя для выбора, по обычаю, не допу-

скаются не только обыкновенные покупатели, но и близкіе друзья хозяевъ. Мелочная торговля у богатыхъ китайскихъ домовъ идетъ только по хошунамъ, куда съ этою цѣлью они посылаютъ своихъ приказчиковъ. Хошунная торговля Китайцевъ весьма выгодна, и эта выгода обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что они даютъ товаръ въ долги, которые собираютъ ежегодно. Торговыхъ домовъ, ведущихъ свои дѣла описаннымъ способомъ, въ Кобдо считается девять: 1) Та-шинъ-ху; 2) На-сунъ-тай; 3) Я-шэнь-ди (монг. Аршанъ); 4) Ча-ганъ-тай; 5) Могва; 6) Шунъ-чай; 7) Ай-су-ну (у Монголовъ ивѣстенъ подъ именемъ „Ундуръ-модо“); 8) Ай-гуиъ и 9) Тунъ-шанъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ домовъ, каковы Та-шинъ-ху и На-сунъ-тай, мы уже встрѣчались въ описаніи Уласутаа. Мы видѣли, что они являлись тамъ какъ аймачные поручители или плательщики; здѣсь они состоятъ въ тѣхъ же самыхъ должностяхъ, только компанія Та-шинъ-ху не платитъ здѣсь за аймакъ Сэцэнъ-хана, такъ какъ въ Кобдо и не ведутся дѣла Сэцэнъ-хановцевъ по отдаленности ихъ аймака. Такимъ образомъ компанія Та-шинъ-ху въ Кобдо вѣдаетъ только дѣла Тушѣту-хановцевъ и Чжасаку-хановцевъ; На-сунъ-тай поручается за Сайнъ-ноиновцевъ, а также и за Торгоутовъ, живущихъ по Булгуну. Кроме того, туньшами или поручителями состоятъ компаніи: А-р-шанъ по аймаку Дурбетскаго Далай-хана и аймакамъ Сойотовъ, и Тунъ-шанъ по хошуну дурбетскаго хошой-цинъ-вана. Последняя компанія сдѣлалась поручительницею по этому хошуну въ самое недавнее время, и прежде ея обязанности чуньшей исполняла здѣсь компанія Ча-ганъ-тай. Измѣненіе туньши произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что дурбетскій хошой-цинъ-ванъ вступилъ въ компанію съ торговымъ домомъ Тунъ-шанъ, вложивъ въ его кассу 5,000 ланъ своихъ денегъ. Понятно, что для него гораздо выгоднѣе имѣть поручителями своихъ компаньоновъ, нежели совершенно чуждый ему торговый домъ Ча-ганъ-тай'евъ; о выгодахъ Китайцевъ въ этомъ случаѣ говорить едва ли нужно. Изъ описанія условій, при которыхъ Туньши платятъ за аймакъ, и того, какъ ведутъ они свои дѣла въ хошунахъ, помѣщеннаго нами въ главѣ объ Уласутаѣ, можно было видѣть, что положеніе, которое занимаютъ они въ Монголіи, совершенно обезпечиваетъ ихъ отъ разоренія; въ Кобдо туньши состоятъ у Монголовъ на тѣхъ же условіяхъ, а потому и дома ихъ не вѣдаютъ печали. Что касается другихъ торговыхъ домовъ, то они замѣтно падаютъ вслѣдствіе обѣднѣнія Монголіи. Такимъ образомъ, въ теченіе 1877 и 1878 годовъ объявили себя несостоятельными ком-

паніи Ундуръ-жодо и Ай-гунъ. Въ 1879 году онѣ уже не торговали въ аймакахъ, а лишь пребывали въ Кобдо, и люди ихъ ѣздили по хошунамъ, какъ говорятъ, единственно ради того, чтобы собрать долги съ Монголовъ. Конечно, весьма можетъ быть, что эти компаніи являются злостными банкротами; это особенно возможно при китайскихъ обычаяхъ и законахъ о торговлѣ, но нельзя также не признать и того, что дѣла китайскихъ торговыхъ домовъ дѣйствительно слабѣютъ въ западной Монголіи, отчасти вслѣдствіе истощанія самой страны, а отчасти вслѣдствіе господства по хошунамъ тушьей и развитія въ послѣднее время русской торговли.

При условіи постоянныхъ развѣздовъ по хошунамъ богатые торговые дома Китайцевъ необходимо должны содержать у себя много работниковъ. Такимъ образомъ, самая значительная компанія Ташинъ-ху содержитъ у себя въ Кобдо свыше ста человекъ рабочихъ Китайцевъ, служащихъ собственно въ званіи приказчиковъ разныхъ степеней; черныя работы, какъ уходъ за скотомъ, извозничество и др. исполняютъ у нея Монголы. Плата приказчикамъ сравнительно весьма незначительна. Приказчики поступаютъ по большей части мальчишками, лѣтъ съ 9, 10 и первое время не получаютъ совершенно никакого жалованья, — въ награду ихъ только содержатъ, да выучиваютъ читать и писать; затѣмъ, лѣтъ съ 17-ти они получаютъ жалованье никакъ не больше 20 ланъ въ годъ. Какъ бы ни были велики заслуги работника, ему прибавляютъ жалованье очень туго, не раньше какъ лѣтъ черезъ пять, и не больше какъ ланъ или два въ годъ; такъ продолжается лѣтъ 15, и наконецъ, уже послѣ такой долготной службы работникъ начинаетъ получать извѣстный процентъ съ прибыли, и тогда доходы его постепенно возрастаютъ отъ 500 руб. сер. до 4, 7, и даже 10 тысячъ руб.; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, онъ работаетъ уже не какъ приказчикъ, а какъ компаньонъ, которому общество поручаетъ свои дѣла. Отношенія богатыхъ китайскихъ компаній къ высшему маньчжурскому и монгольскому правительству, то-есть къ амбанямъ нѣсколько приниженыя, хотя само правительство и состоитъ у нихъ въ постоянномъ долгу; это послѣднее обуславливается отчасти неисправною доставкою жалованья чиновникамъ изъ Певина, а отчасти, кажется, еще болѣе зависитъ отъ нечестности самихъ амбаней, которые, входя въ сдѣлки съ компаніями, пользуются нѣкоторою частью чиновничьяго, а въ былое время еще и солдатскаго жалованья. Не смотря на такія, по видимому, близкія и товарищескія отношенія, компаньоны

дрожать передъ амбаниями. Разказываютъ нѣсколько случаевъ, что амбани только за то, что какой-нибудь компаньонъ сидѣлъ или стоялъ у своихъ воротъ и не сдѣлалъ подобающаго вниксена въ то время, какъ онъ (амбанъ) проѣзжалъ мимо по улицѣ, били тутъ же его палками или плетями по обнаженному тѣлу въ виду всего народа.

Вторыми по богатству считаются лавки пекинскихъ прѣзжихъ торговцевъ. Въ Кобдо они прѣзжаютъ не надолго, обыкновенно на срокъ не большій, какъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, но не бываетъ времени, когда ихъ не было бы вовсе: уѣзжаютъ одни, ихъ смѣняютъ другіе и т. д. Въ пекинскихъ лавкахъ можно найти всегда свѣжіе и лучшіе товары, притомъ сравнительно по болѣе дешевой цѣнѣ. Товары въ нихъ тѣ же самыя, что и въ Улясутаѣ, хотя и нельзя не сказать, что пекинскія лавки въ Кобдо представляются черевъ-чуръ бѣдными не только въ сравненіи съ ургинскими, но даже и съ улясутайскими лавками пекинскихъ торговцевъ; что же касается цѣны товаровъ, то это яснѣе всего выразится въ томъ, что Пекинцы, живущіе въ Улясутаѣ, въ общемъ итогѣ накладываютъ 35, а кобдинскіе берутъ свыше 70 процентовъ на продажную цѣну товара, полагаемую въ Пекинѣ.

Мелочными торговцами въ Кобдо являются тѣ самыя китайскіе солдаты зеленого знамени, которые были вызваны сюда изъ-за стѣны для посѣвовъ казенныхъ хлѣбовъ, и потомъ, какъ мы видѣли, оставлены въ Кобдо въ расчетъ, что усиленная обработка земли можетъ повториться снова. Съ тѣхъ поръ, поселившись въ Кобдо, они занялись мелочною торговлею, продавая въ своихъ лавкахъ старье и рухлядь, а иногда перепродавая и новыя товары, приобретаемые ими у богатыхъ торговыхъ домовъ или въ прѣзжихъ пекинскихъ лавкахъ. Внѣшній видъ мелочныхъ кобдинскихъ лавокъ также бѣденъ и разнообразенъ по товарамъ, какъ это мы видѣли и въ Улясутаѣ, но здѣсь мелочные торговцы, кажется, еще болѣе плутоваты, а потому и легче наживаются. Особенно здѣсь выдается плутовство въ обвѣсѣ, при полученіи и сдачѣ денегъ: въ этомъ дѣлѣ Китайцы ухищряются самыми разнообразными способами. Первое и самое обыкновенное мошенничество—употребленіе различныхъ палокъ при вѣсахъ. Этотъ самый обыкновенный видъ обмана извѣстенъ всякому, и самыя вѣсы у Китайцевъ не продаются иначе, какъ съ тремя палочками: одна изъ нихъ бываетъ бѣлая костяная съ болѣе вѣрнымъ вѣсомъ, затѣмъ двѣ деревянныя: одна красноватая, всегда вѣситъ предметы тяжелѣе, другая черная всегда вѣситъ предметы легче (такимъ образомъ,

русская серебрянная монета рублеваго достоинства вѣситъ на костяной палочкѣ обыкновенно 5 цинъ и 5 фынъ, на красной—5 цинъ 8 фынъ, а на черной—не всегда достигаетъ и вѣса 5 цинъ); по первой выгоднѣ отдавать, а по второй получать. Есть и другой болѣе ловкій видъ мошенничества: палочка вѣсовъ въ срединѣ дѣлается пополамъ и въ эту пустоту ея вливается ртуть; вѣсовщикъ, смотря по нуждѣ, заставляеть ртуть перекачиваться на ту, или на другую сторону и такимъ образомъ вѣсъ предмета значительно измѣняется.

Кромѣ торговли ругладью и старьемъ, китайскіе солдаты зеленого знамени занимаються еще огородничествомъ и продажою получаемыхъ съ огородовъ овощей. Люди этого промысла живутъ по окраинамъ города и имѣють здѣсь свои дома. Въ огородахъ ихъ разводится картофель, вкусный, но очень мелкій; въ продажѣ онъ отъ 3 до 5 фынъ за китайскій чжинъ; брюква также отъ 3 до 5 фынъ за штуку; морковь отъ 5 до 8 фынъ за десятокъ; капуста двухъ сортовъ,—одна мелкая съ небольшимъ кочаномъ отъ 8 фынъ до 1 цина за кочанъ, другой видъ ея не имѣеть кочана, а вмѣсто него большія развѣсистыя листья на подобіе вазы; цѣна таковой отъ 1 цина 5 фынъ до 2-хъ циновъ за корень.

Наконецъ, изъ числа китайскихъ солдатъ зеленого знамени, проживающихъ въ городѣ, есть нѣсколько ремесленниковъ: есть два серебрянника, три столара и два кожевника. Кузнецовъ частныхъ въ маймаченѣ не имѣется, и единственная вобдоская кузница, помѣщающаяся въ крѣпости, назначена главнымъ образомъ для казенныхъ работъ, хотя исполняетъ и частные заказы.

Вобдоскій маймаченъ имѣеть у себя двѣ китайскихъ кумирни; одна изъ нихъ находится на юго-западномъ концѣ города, а другая на восточномъ. Обѣ кумирни посвящены Эрликъ-хану, и при обихъ имѣются китайскія кладбища. О времени построения этихъ кумирень Китайцы, кажется, не имѣють положительныхъ свѣдѣній. Кумирня юго-западнаго конца города прежде состояла изъ двухъ храмовъ, окруженныхъ одною общею оградой изъ сырцеваго кирпича, но со времени нападенія Дунганей, по разрушеніи города, одинъ изъ этихъ храмовъ, меньшій, рѣшено было закрыть, статуи божествъ были вынесены изъ него въ большой храмъ, а равно всѣ храмовныя принадлежности, утвари и украшенія, такъ что въ настоящее время внутри этого храма остались только голыя стѣны, годъ отъ года приходящія все въ большому разрушенію. Большой храмъ также отличается бѣдностью кумировъ, имѣя у себя только одну большую

статую Эрликъ-хана. На портикахъ этой кумирни стоятъ двѣ деревянные доски, обдѣланныя въ форму памятниковъ. Изъ монгольскихъ и китайскихъ надписей на этихъ доскахъ узнаемъ, что кумирня эта была исправлена въ 8-й лунѣ 19-го года правленія Дао-гуана, соответствующаго нашему 1840 году; кромѣ того, въ надписяхъ объясняется, что исправленіе было произведено на счетъ добродѣтельныхъ дателей, при чемъ перечисляются имена ихъ, числомъ до 80, съ обозначеніемъ количества принесенныхъ каждымъ изъ нихъ пожертвованій. Замѣчательно, что перечисленные лица—исключительно Монголы-буддисты, и что въ числѣ возсоздателей этого храма большая половина состоитъ изъ ламъ. Что касается приношеній, то они не были особенно значительны: двѣ-три лошади, или два-три быка, десятокъ барановъ, нѣсколько десятковъ овечьихъ и сурковыхъ шкуръ—вотъ главнѣйшіе предметы пожертвованія, перечисленные подъ именами создателей храма. Своихъ покойниковъ Китайцы при этой кумирнѣ хоронятъ мало,—всего имѣется здѣсь четыре гробницы, и главнѣйшее кладбище ихъ находится у кумирни, расположенной въ сѣверо-восточной части города. Эта послѣдняя кумирня по внѣшнему виду значительно превосходитъ первую красотой и богатствомъ, хотя, можетъ быть, это зависитъ и единственно отъ того, что она возобновлена въ самое послѣднее время, послѣ того, какъ была сожжена Дунганами въ 1872 году. Здѣсь находится главное китайское кладбище, по примѣру уясутайскаго помѣщающагося въ отдѣльномъ дворѣ отъ кумирни, но содержащееся еще безобразнѣе, чѣмъ въ городѣ великаго цзянь-цзюня. Большая удаленность мѣстности отъ великой стѣны, естественно порождаетъ то, что Китайцы рѣже увозятъ отсюда своихъ покойниковъ, а значительное количество китайскихъ солдатъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени, и никогда не увозятъ ихъ; вотъ почему на китайскомъ кладбищѣ въ Кобдо гораздо больше хранится китайскихъ гробовъ, чѣмъ въ Уясутаѣ. Самыя гробницы содержатся невыразимо небрежно: многія изъ нихъ совершенно разрушены, и въ открытыхъ гробахъ видны остатки покойниковъ, одѣтыхъ въ полный китайскій костюмъ, не исключая и форменной шапки съ красною махровою кистью на маковѣ. По всему кладбищу валяются кости, вытасканныя изъ гробовъ постоянно живущими здѣсь собаками, основавшими свое мѣстопребываніе въ тѣхъ же опорожненныхъ гробахъ. Гроба болѣе богатыхъ Китайцевъ, о которыхъ уже достовѣрно извѣстно, что они будутъ перевезены на родину, сохраняются на кладбищѣ въ отдѣльномъ сараѣ или, лучше сказать, подъ отдѣльнымъ навѣ-

сомъ. По общему заведенному у Китайцевъ обычаю, на всѣхъ гробахъ всегда пишется происхожденіе покойника и мѣсто его родины, его имя, званіе, годъ рожденія, и наконецъ, годъ, мѣсяць, день и часъ смерти.

По первому взгляду кажется, что въ Кобдо проживаетъ значительно больше Монголовъ, чѣмъ въ Уласутаѣ, но это ошибочно, а ошибочное представленіе это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ Кобдо монгольскія юрты расположены открыто вокругъ города, въ Уласутаѣ же они почти незамѣтны для глаза, потому что скрываются за кашанами въ самомъ маймаченѣ. Кромѣ Халхасовъ, въ Кобдо попадаетъ много Торгоутовъ, Урянховъ и Дурбэтовъ. Всѣ помянутыя народности не оставляютъ Кобдо въ теченіе всего года. Киргизовъ въ Кобдо собственно бываетъ также ничуть не меньше, чѣмъ, напримѣръ, Торгоутовъ или Урянховъ, но они посѣщаютъ городъ только лѣтомъ, и именно:—начинаютъ прѣзжать съ конца мая, а отъѣзжаютъ въ концѣ октября, а иногда даже и ранѣе; такимъ образомъ Киргизы никогда не остаются здѣсь на зиму и никогда не живутъ такъ постоянно, какъ Монголы. Завятія кобдоскихъ Монголовъ и Монголокъ тѣ же самыя, что и въ Уласутаѣ,—только Монголы здѣсь еще бѣднѣе, вслѣдствіе того, что находятъ себѣ соперниковъ въ своихъ работахъ со стороны бѣдныхъ китайскихъ солдатъ зеленого знамени. Проститутокъ въ Кобдо также значительно меньше, отчасти вслѣдствіе того, что самый городъ меньше тѣхъ, о которыхъ говорили мы прежде, а еще болѣе отъ того, что многіе изъ Китайцевъ женаты и живутъ здѣсь съ природными Китайками и Манчжурками. Кобдо есть единственный городъ Халхи, въ которомъ живутъ китайскія женщины.

Наконецъ, въ Кобдо есть еще вторая, малая крѣпость, нынѣ уже оставленная совершенно, и за исключеніемъ крѣпостныхъ стѣнъ, представляющая собою груды развалинъ. Крѣпость эта находится на южномъ концѣ города, прямо противъ крѣпости главной. О времени основанія ея мною рѣшительно ничего не найдено въ письменности; изъ устныхъ же разказовъ можно вывести, что она едва ли не современна учрежденію въ Кобдо должности помощника амбана по военнымъ дѣламъ. До нашествія Дунганей, по свидѣтельству лицъ, отправлявшихся въ числѣ русскаго посольства въ Кобдо въ 1865 году, крѣпость эта представляла собою едва ли не самую красивую часть города. Впередѣ ея на сторону главной кобдоской улицы стояла кумирня, которая также была сожжена Дунганями, и отъ которой нынѣ осталось только двое воротъ, служащихъ теперь для прохода въ

главную улицу изъ степи. Послѣ нашествія Дунганей, въ малой кобдоской крѣпости нѣкоторое время продолжали жить охранныя китайскія войска, но съ 1876 г. они стали возвращаться въ Китай, и съ этого времени крѣпость начала падать; въ 1878 году изъ нея вышли послѣдніе ряды китайскихъ солдатъ, а въ 1879 году я не нашелъ въ срединѣ ея уже ни одного уцѣлѣвшаго зданія: сырцовый кирпичъ и лѣсъ, изъ которыхъ были воздвигнуты здѣсь постройки, были растасканы окрестными жителями, и изъ всего что было, остались только крѣпостныя стѣны да маленькая часовня Гесэра, возвышающаяся на сѣверной сторонѣ надъ крѣпостною стѣною.

Для Монголовъ Кобдо имѣетъ то преимущество передъ Улясутаемъ, что здѣсь имѣется буддійскій монастырь, чего нѣтъ въ Улясутаѣ. Изъ лѣтописныхъ сказаній о происхожденіи и существованіи этого монастыря открывается весьма немногое. Въ первый разъ о немъ упоминается подъ 27-мъ годомъ правленія Тэнгрийнъ-тэтхусэн'а, или по китайски, Цянь-луна, то-есть, подъ 1763 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія, и именно говорится: „Олѣтскій лама Дондокъ неподалеку отъ города, стоявшаго при р. Баянту, на лѣвомъ берегу этой рѣки основалъ монастырь и съ нѣсколькими ламами совершалъ богослуженіе“¹⁾. Такимъ образомъ, первоначальное основаніе монастыря совершенно совпадаетъ по времени съ перенесеніемъ самаго города съ р. Кобдо на берега Баянту-гола. Неизвѣстно, въ какомъ видѣ былъ тогда этотъ монастырь, но весьма вѣроятно, что, по примѣру всѣхъ олѣтскихъ китовъ, храмы его помѣщались въ войлочныхъ юртахъ, хотя, можетъ быть, онъ и не былъ вочевымъ въ виду выгодъ близости въ городу, отъ котораго, конечно, получались всѣ его средства. Можно думать, что ламы дѣятельно исполняли свои обязанности въ первое время, ибо со втораго же года существованія монастыря тогдашній кобдоскій хэбэй-амбанъ Цзалансэнъ началъ слушать отъ строителя этого монастыря галуна Дондока буддійское ученіе о созерцаніи Ямандаги, и такимъ образомъ настоятель монастыря и амбанъ вошли между собою въ отношенія ученика и учителя. Пріобрѣтеніе такого вліятельнаго духовнаго сына было для Дондока дѣломъ значительной важности, такъ какъ оно давало ему средства упрочить благосостояніе своего монастыря. Дондокъ, по видимому, и не замедлилъ воспользоваться случаемъ, потому что не прошло и четырехъ лѣтъ, и именно въ годъ красной собаки, или что то же—въ

¹⁾ Эрденійнъ-эрихэ, II, гл. 41, л. 114-й.

31-е лѣто Цянь-лунова царствованія (1767 г.) Цзалансэнь дѣлаетъ представленіе императору о построеніи храма въ стѣнахъ ограды монастыря, основаннаго Дондокомъ. По этому докладу китайскимъ богдыханомъ повелѣвалось отпустить изъ государственнаго казначейства свыше 10,000 ланъ серебра на сооруженіе храма, каковое въ то же время было начато и окончено въ теченіе одного года. Храмъ былъ возведенъ изъ камня и покрытъ черепицею, такова же была и ограда а равно и боковыя зданія при храмѣ. Въ 1768 году со стороны Цзалансэня былъ сдѣланъ новый докладъ объ окончаніи постройки и тогда императоръ пожаловалъ монастырю имя „Тугэмалъ амурчжигулухчи сумэ“ (храмъ всеобщаго успокоенія), повелѣлъ высѣчь на камень сказаніе объ обстоятельствахъ построенія его и поставить этотъ камень въ самомъ монастырѣ. Въ томъ же 1768 году совершено было освященіе храма, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ извѣстенъ въ просторѣчій подъ именемъ „Шара сумэ“, что значитъ жолтый храмъ (безъ сомнѣнія потому, что, какъ всякій императорскій монастырь, онъ имѣлъ часть кровли храма желтаго цвѣта); настоятелемъ его или Да-ламою былъ назначенъ тотъ же гэлунъ Дондокъ, а ламы собраны изъ блѣтскихъ и мингатскихъ хошуновъ. Кромѣ того, въ томъ же императорскомъ указѣ повелѣвалось жить здѣсь поочередно въ теченіе трехъ лѣтъ хутухтамъ Цзасакту-хановскаго и Сайнгъ-нонновскаго аймаковъ и именно Нару-баньченъ-хутухтѣ, Цзалаханцза-хутухтѣ и Илагуксанъ-хутухтѣ. Первымъ прибылъ сюда Цзалаханцза-хутухту, и ему-то и пришлось вступить впервые въ управленіе здѣшними хувараками. Что касается необходимыхъ принадлежностей богослуженія, то онѣ приобрѣтались на счетъ монастырскаго казначейства, обогащенію же послѣдняго помогъ тотъ же Цзалансэнь. Онъ представилъ проектъ составленія монастырскаго имущества путемъ сборовъ съ Монголовъ на время скота, съ тѣмъ чтобы приплодъ остался въ пользу монастыря. Проектъ этотъ былъ утвержденъ, почему со всѣхъ халхаскихъ аймаковъ и Кобдосскаго округа было собрано большое количество скота, который плодился въ теченіе трехъ лѣтъ; по истеченіи же означеннаго срока, скотъ по счету былъ возвращенъ въ аймаки, а приращеніе его вошло въ монастырское казначейство. Не смотря на это обезпеченіе средствами къ жизни, ламы, по словамъ Монголовъ, жили при монастырѣ не болѣе 25 лѣтъ послѣ его основанія, а за симъ разошлись по степи и начали жить въ своихъ домахъ, собираясь въ Шара-сумэ для богослуженій только

три раза въ годъ, какъ это заведено въ большинствѣ степныхъ дугумовъ. Этотъ порядокъ продолжается и доннѣ.

Шара-сумэ, какъ и всякій императорскій храмъ въ Монголіи, снаружи окруженъ стѣной, окрашеною въ красную краску. Въ приговорѣ главныхъ и широкихъ воротъ его стоятъ громадныя статуи четырехъ Махаранца, а отъ воротъ къ дверямъ храма проложена дорога, выстланная плитами дикаго камня и обожженнымъ кирпичемъ. Самый храмъ отличается обширностію но утварь его—бурханы и богослужебныя книги—весьма не многочисленна. На главномъ мѣстѣ, или у сѣверной стѣны храма, стоятъ изображенія Цзу, Богдо Цонкавы и Цзарайсэкъ; по боковымъ стѣнамъ расположены 16 найданъ. Библіотека сумэ вся помѣщается въ главномъ храмѣ и состоитъ только изъ Ганчжура, богослужебныхъ же книгъ при сумэ не имѣется, ихъ приносятъ ламы въ то время, когда собираются въ монастырь для совершенія служеній. По примѣру всѣхъ императорскихъ храмовъ, въ Шара-сумэ имѣется императорская дощечка — „Богдо-хъну сьбльдэ“, только здѣсь она поставляется не на ряду съ бурханами, какъ это приходилось мнѣ видѣть въ другихъ халхаскихъ императорскихъ храмахъ, а особливо на хорахъ, устроенныхъ въ храмѣ по тремъ сторонамъ, то-есть, по стѣнамъ южной, восточной и западной.

Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ Шара-сумэ считается доннѣ, какъ и въ старину, Да-лама, который и живетъ теперь постоянно въ юртѣ при храмѣ: управлять ему, однако, здѣсь положительно не кѣмъ, потому что для совершенія каждодневныхъ служеній, или чтенія чжиса здѣсь никогда не бываетъ болѣе трехъ ламъ, при которыхъ, какъ ученики и прислуга, состоятъ шесть или семь человекъ мальчиковъ—хувараковъ. Очередные гэгэны или хутухты, которые, какъ мы видѣли, назначены для пребыванія здѣсь императорскимъ указомъ, со времени нашествія Дунганей и раззоренія монастыря, не живутъ въ Шара-сумэ, но въ отдѣльномъ зданіи на правомъ берегу Баянгу-гола, саженьхъ въ 150 отъ главнаго монастыря. Зданіе это построено въ началѣ 1874 года компаніей Та-шинъ-ху, какъ дача, а потомъ продано монастырю, пребываніе въ которомъ гэгэны послѣ дунганскаго погрома стали считать для себя невозможнымъ. Все подворье гэгэна состоитъ изъ байшина, въ которомъ помѣщается онъ самъ, и особаго зданія—домовой церкви. Со внѣ и внутри оно теперь не только не отличается изяществомъ постройки и богатствомъ, но скорѣе поражаетъ своею бѣдностію, такъ что совершенно и не походитъ на жилища хутухтъ халхаскихъ. Весьма вѣ-

роятно, что это и было причиною, по которой гэгэны, на обязанность которых высочайше возложено было поручение жить въ Кобдо, въ настоящее время почти не ѣздятъ въ этотъ городъ и посылаютъ вмѣсто себя младшихъ гэгэновъ своего хошуна. Такимъ образомъ, въ настоящее трехлѣтіе (съ 1877 по 1880 годъ) должно было жить въ Кобдо Цзалаханцза-гэгэну, но онъ послалъ вмѣсто себя какого-то Ацокту-хутухту (болѣе извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Аруинъ-хубилганъ, то-есть, сѣверный перерожденецъ; названъ же онъ такъ потому, что не имѣетъ у себя предковъ въ Тибетѣ, а считается перерожденіемъ какого-то халхаскаго ламы), который и отправляетъ за него очередь. Ламы собираются къ служенію три раза въ годъ, именно: зимою въ Цаганъ-сара, когда бываетъ у нихъ церемонія съ Майдари (Майдари эргиху), лѣтомъ въ шестой и осенью въ девятой лунахъ; въ это время только и совершаются у нихъ торжественныя богослуженія.

Кромѣ этого главнаго храма, какъ казенныя постройки, существуютъ еще два по бокамъ его; первый изъ нихъ по правой сторонѣ посвященъ Чойчжилю, второй, по лѣвой посвященъ Богдо Цзонхаѣ. Въ этихъ храмахъ совершается всендневное служеніе — чжиса, тогда какъ въ главномъ ламы читаютъ только въ дни общихъ собраній. Отъ этихъ малыхъ храмовъ, по бокамъ большаго храма и по сѣверной сторонѣ монастыря, тянутся каменные же одноэтажные корпуса, назначенные въ былое время для жизни гэгэна и состоящихъ при монастырѣ ламъ. Зданія эти состоятъ изъ отдѣльныхъ квартиръ съ комнатами въ одинъ или два цзяня; комнаты эти, какъ можно судить по остаткамъ, были устроены по всѣмъ правиламъ китайскаго искусства, стѣны украшены были картинами, а карнизъ — изображеніями лѣпныхъ цвѣтовъ и проч. Но мы говорили уже, что ламы перестали здѣсь жить почти черезъ 25 лѣтъ послѣ основанія монастыря. Съ тѣхъ поръ большинство этихъ комнатъ стояло пустыми; постоянно занятыми были только квартира гэгэна, да-ламы, и двѣ-три ламскихъ — гэлунами, совершавшими служеніе чжиса; что же касается прочихъ комнатъ, то онѣ были занимаемы только во время сборища ламъ, а все остальное время бывали пустыми. Въ 1865 году Китайцы дѣлали въ этихъ комнаткахъ первый пріемъ русскому чиновнику, командированному въ Кобдо для переговоровъ съ амбанами относительно открытія въ Кобдо русской торговли; а въ 1872 году, въ періодъ нашествія Дунганей, зданія эти были такъ сильно разрушены, что не поправленныя съ тѣхъ поръ, они представляютъ теперь не что иное, какъ пустые

сарай, на стѣнахъ которыхъ по мѣстамъ уцѣлѣли еще рисунки, составлявшіе прежде украшеніе комнатъ.

Наконецъ, говоря о монастырѣ Шара-сумэ, нельзя не сказать и о хранящихся въ немъ памятникахъ, то-есть, двухъ камняхъ, пожалованныхъ монастырю Китайскимъ императоромъ Цянь-луномъ въ 1768 году. Изсѣченныя на камняхъ письма составляютъ текстъ одной и той же грамоты, изложенной на трехъ языкахъ и изображенной тремя письменами—манчжурскими, китайскими и чжунгарскими. Надпись изсѣчена была на столько неглубоко и плохо, что въ настоящее время отъ нея едва остались слабыя слѣды, прочитатъ же ее на камнѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Къ счастью, текстъ этой грамоты сохранился въ приобрѣтенной мною лѣтописи Эрдэнийнъ-эрихъ во второмъ ея изданіи. Я не буду, однако, приводить переводъ его здѣсь сполна, потому что надѣюсь представить со временемъ какъ текстъ, такъ и переводъ всей помянутой лѣтописи; теперь же относительно грамоты, изсѣченной на камнѣ, скажу, что она написана непосредственно отъ имени Цянь луна; Сынъ неба извѣщаетъ въ ней о томъ, что его дѣло сооруженія города и храма есть не болѣе какъ подражаніе предкамъ, всегда заботившимся о благѣ подчинившихся имъ народовъ. Въ частности, говорить онъ, — и городъ Кобдо, равно какъ и храмъ этотъ, уже были построены въ 8-е лѣто правленія Найралту-Туба (1731 г.), а же возсоздаю только разрушенное. За симъ онъ упоминаетъ здѣсь обо всѣхъ своихъ битвахъ съ Олѣтами, о значеніи города Кобдо, объ учрежденіи здѣсь казенныхъ пашень, и наконецъ, сообщаетъ, что постройка храма „Тугэмэлъ-амурчжигулухчи“ начата въ послѣднемъ осеннемъ мѣсяцѣ года красной собаки (1767 г.), а окончена въ годъ красноватой свиньи, соответствующій 32-му лѣту его правленія (1768). Грамота оканчивается слѣдующими стихами, составленіе которыхъ Цянь-лунъ приписываетъ также себѣ:

Йэхэ бату хота хэдуйтдэгэт
Йэру хобдо-йн аацзар-тур баричжухуй
Йэрунъкэй минъган илэгу эрүхэ хумун
Йэрудэ тумэн илэгу тогатаи байшинъ буй.

Эгув-дур уйлэтху ягумайги цугларачжи
Энэ сумэйги тэгусугэт
Эрденис йэр чимэглэн дансук болоксан бугэт
Элдэб цзуилун унъгэ бэр уцэсугэлэнтэй чимэглэбей.

Алиба тахили хичѣйнгуялен чжывсагачжу
Агинда эгундур шитучжу буяни цзалбаринай

Агой йэхэ урусху голун усун
 Абирадань, хотайн орчин гацзари шимэтхэбэй
 Садуулаа угэй цэдэкъ хабур тур дэлгэрэжэ, бурин (бурун?)
 Сайн тариян намур цаг-тур хуранданай
 Сайн йэр дайни байксан дур байсуудцажэ
 Сагар угэй хамту тариян чжиган уйлэс хичигдэхун

Эгунн урида эйму аксан болбачу
 Энэ гацзар тур ургульжн алаадудак бялэ
 Эгунэцэ сурул дур хандухсану тулада
 Эгунитэ ачжу туручжн турултан, энъкэ амурчжибай

Тэрэ мэтү ойрадахн аймагунъ гацзараца
 Тэйн барагун кидзагар тур куртөлэ
 Тэгунн тайчжн цэайсангут нбили (?)
 Тэдэ одо маши олан бую

Эдэ баралхасанъ ирэгэт цэлбарихунн
 Эрхэлэчжн тайху тахику-наса нэнъ биширэхсэн-йэрэ
 Эгунн нарибчиган тагалабасу
 Энэ мэсус эндэхн тэдүй биши ачжн

Тэнгрийн бошок биширэху-наса биши
 Тэйму ямбар аюмшик угэй бэй баримталамани
 Тэрэ бичиксен, макталун угэйги сэйлэгэть
 Тэгубер хойчи хумун дур ухагугтугай.

Тэнгрийн тетхухсэнү гучин хондугар он улагахчин гахай (чжиль ?) намурун
 сэгул сарайн арбан табудгийн уйф-бэр сайн эдурэ хагану бичиксэн бомай.

Воздвигнувъ большой и прочный городъ,
 Построили (его), по обычаю, въ кобдоской мѣстности;
 Всего (здѣсь) больше тысячи семей,
 Всего (здѣсь) больше десяти тысячъ домовъ.

Собравъ необходимыя для сего вещи,
 Построили этотъ храмъ;
 Изукрашили драгоцѣнностями, и сдѣлавъ дивомъ,
 Украсили въ разные цвѣта.

Поставивъ тщательно въ рядокъ всякаго рода жертвы,
 Всегда уповавъ на него (то-есть, на храмъ), молимъ добродѣтель;
 Воду обильно текущей рѣки
 Пропустивъ, увлажнили почву воеругъ города.

Весною распускаются несѣянныя цвѣты,
 Осенью собирается прекрасная жатва;
 Когда счастливо повоевали, порадовавшись (виѣсть всѣ),
 Всѣ мы до одинаго, обработывая пашни, должны стараться о дѣлахъ.

Хотя и прежде сего было также,
 Однако въ этой мѣстности постоянно бывали битвы;

Отсега, вслѣдствіе того, что вняли наставленіямъ,
Обыватели успокоились, навсегда обзаведясь хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, отъ ближайшихъ ¹⁾ аймаковъ
Вплоть до западной границы
Тайчи и цзайсанги ихъ
Теперь весьма размножились.

Представляясь (ко двору), они приносятъ моленія;
И такъ какъ они еще сильнѣе чувствуютъ благоговѣніе отъ принесенія
верховнаго чествованія,

То, какъ смотрю я на это внимательно,—
Подобнаго въ здѣшнихъ (мѣстахъ) не бывало.

Помимо благоговѣнія предъ величіемъ неба,
Какимъ образомъ я дерзнулъ бы безстрашно на такое самовозно-
шеніе?

Вырѣзавъ слова этой похвалы,
Даю знать симъ будущему человѣчеству.

Написано императоромъ въ 32 гѣто «покровительствуемаго небомъ», въ
годъ красноватой свиньи (1768), въ послѣднемъ осеннемъ мѣсяцѣ около 15-го
числа, въ счастливый день.

¹⁾ То-есть, къ великой стѣнѣ, къ собственному Китаю.

А. Позднѣевъ.

ПАМЯТНИКЪ РУССКОЙ ПРОТИВОКАТОЛИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ XVI ВѢКА.

Въ одной изъ рукописей Волоколамскаго монастыря, въ настоящее время находящейся въ библиотекѣ Московской духовной академіи ¹⁾, я встрѣтилъ сочиненіе со слѣдующимъ названіемъ: „Посланіе отъ нѣкоего доктора и великаго ритора (въ рукописи ошибочно написано — риторства) именовъ Николая отъ Нѣмецкія области, пишетъ же Васіану, архіепископу Ростовскому“. Оглавленіе памятника не вполне соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Это на самомъ дѣлѣ не посланіе Николая Нѣмчина, извѣстнаго придворнаго и любимаго доктора великаго князя Василія Ивановича (1505—1533 гг.), а произведеніе собственно русскаго полемиста, написанное только по поводу посланія Николая Нѣмчина, содержаніе котораго и резюмируется на первыхъ страницахъ памятника. Литературный памятникъ, написанный ближайшимъ образомъ противъ католическихъ идей Николая Нѣмчина, едва ли хорошо извѣстенъ, по моему мнѣнію, русскому ученому міру, что, понятно, дѣлаетъ не лишнимъ интереса сообщеніе о немъ.

Въ концѣ XV вѣка и въ XVI начинается замѣтно проникать въ Россію вліяніе запада. Въ XV—XVI вв. Русскіе государи начали вступать въ сношенія съ западно-европейскими державами и съ удовольствіемъ принимали въ свое государство разныхъ выходцевъ съ запада, обладавшихъ какимъ-нибудь искусствомъ. Являясь въ Россію, западные Европейцы старались пропагандировать между Русскими и свои

¹⁾ Рукоп. М. д. акад. № 173 акад., 551 Волоколамскій, л. 261—295.

религіозныя идеи. Борьба Русской церкви съ католичествомъ началась очень рано. Въ XV вѣкѣ митрополитъ Фотій и Іона писали нѣсколько посланій, спеціально направленныхъ противъ латинства. Въ 1538 году нѣкто старецъ Аркадій писалъ сочиненіе противъ католиковъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка главнымъ пропагандистомъ католичества въ Россіи былъ Николлай Булевъ или Длевъ, врачъ великаго князя Василія Ивановича, пользовавшійся за свое искусство его особеннымъ благоволеніемъ. Николай Булевъ, прозванный въ Россіи Нѣмчиномъ, жилъ въ Россіи довольно долгое время и хорошо изучилъ русскій языкъ. Знаніе русскаго языка открыло ему возможность пропаганды. Онъ писалъ посланія, въ которыхъ проводилъ мысль о соединеніи церквей, и кромѣ того, распространялъ въ Россіи астрологическія знанія, являвшіяся для него однимъ изъ побочныхъ средствъ для привлеченія симпатій Русскихъ къ католичеству, выработавшему такія великія научныя истины.

Противъ Николая Нѣмчина много полемизировали Максимъ Грекъ и Филофей, старецъ Псковскаго Елизарова монастыря. Около 1519 г. въ Россію прибылъ папскій посолъ Николай Шанбергъ, который и сдѣлался соучастникомъ и помощникомъ Николая Нѣмчина. Главная цѣль, въ которой стремились оба католическіе пропагандиста, была соединеніе церквей Русской и католической съ подчиненіемъ, конечно, первой—последней. Дѣйствительно, въ царствованіе Василія Ивановича со стороны папы и его приверженцевъ западно-европейскихъ государей неоднократно дѣлались предложенія въ этомъ смыслѣ. Были въ Римѣ и русскіе послы, отправлявшіеся по политическимъ соображеніямъ великаго князя. Въ 1528 году въ Римъ къ папѣ Клименту VI отправлялся въ качествѣ русскаго посла „Еремей Трусовъ съ товарищами“¹⁾.

Полные результаты католической пропаганды Николая Булева неизвѣстны, но что она не прошла безслѣдною для Русскихъ, это видно изъ того, что онъ все-таки успѣлъ склонить на свою сторону боярина Федора Карпова и еще одного неизвѣстнаго по имени игумена. Но, конечно, никакъ нельзя ограничивать кружокъ сочувствовавшихъ идеямъ Николая двумя лицами. Ихъ было въ дѣйствительности несравненно болѣе. Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко говоритъ о „единомышленникахъ“ Николая Нѣмчина. Однимъ изъ средствъ для

¹⁾ Рукоп. Импер. Публ. библ., изъ древнехранилища Погодина № 1558, л. 121—122.

пропаганды въ распоряженіи Николая Нѣмчина служило распростра-
неніе сочиненій, написанныхъ въ духѣ католическомъ. Николай ши-
роко пользовался литературными средствами, писалъ посланія, нахо-
дился въ продолжительной перепискѣ съ Максимомъ Грекомъ и съ
другими. Одною изъ попытокъ привлечь на свою сторону и было
посланіе Николая Нѣмчина къ Вассіану, архіепископу Ростовскому,
которое вызвало собою отвѣтъ на него со стороны одного оставша-
гося неизвѣстнымъ русскаго книжника. На этомъ-то отвѣтномъ по-
сланіи Николаю Нѣмчину я и останавливаюсь.

Написанный по поводу посланія Николая полемическій памятникъ
содержитъ въ себѣ указанія и на тѣ идеи, которыя проводилъ въ
немъ извѣстный католическій пропагандистъ въ Россіи въ XVI в.
Посланіе Николая, адресованное имъ на имя Ростовскаго архіепископа
Вассіана, не дошло до насъ. Съ этой стороны становится несомнѣн-
ною важность свѣдѣній, сообщаемыхъ о его содержаніи въ написан-
номъ противъ него трактатѣ неизвѣстнаго русскаго полемиста. Я
привожу въ полномъ видѣ то, что говоритъ онъ о посланіи Николая
Нѣмчина: „Пишетъ“,—такъ начинается свою рѣчь русскій богословъ
о посланіи Николая — „нѣкоему господину великія области Васьяну,
архіепископу Ростовскому, по тонку излагая о единствѣ вѣры истиннаго
нашего православія великаго, святаго нашея вѣры, къ соединенію
латынскому приводитъ, и не стыдеса вооружается на влеченіе, отъ
многихъ писаній пишетъ и умудряетъ прелестію законопреступною,
притчами приводитъ, отъ Божественныхъ писаній евангельскаго бла-
говѣстія и апостольскихъ ученій, и пророческіе проповѣди изъясляетъ
и великою рѣчію гласуетъ и нашу православную, великую, соборную
и апостольскую церковь съ латынскою воедино приводитъ, и св. нашу
вѣру христіанскую съ латынскою едино нарицаетъ, и крещеніе латын-
ское съ православнымъ едино счиняетъ и многимъ православнымъ
великъ соблазнъ приносить извѣтіемъ мерзкихъ и безстудныхъ сло-
весъ неправедныхъ аже суть негодно Богу, и бесполезно души, а
нашу великую, святую, соборную, апостольскую церковь въ нечестіе
полагаетъ, и укоряетъ, и свою латынскую церковь (чит. церковь)
свыше именуетъ и всѣхъ православныхъ укоряетъ и отступники нари-
цаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ полемическаго трактата приписы-
ваетъ Николаю Нѣмчину слѣдующія разсужденія, вызванныя стара-
ніемъ Николая доказать единство или, по крайней мѣрѣ, взаимную
близость Римской и Русской церкви. „Мы“—такъ писалъ Николай въ
своемъ посланіи— „едину церковь имамы съ вашею, и одно тѣло есмь

о Христѣ, и единѣ духъ и една душа, и едину надежу званія имѣюще, и единого съ вами Господа чествующе, и едину вѣру держаше, и едино крещеніе пріемлюще, и едину церковь почитающе, и единымъ всяческимъ началомъ и конечнымъ именованіемъ Единого быти Господа и Единого Бога и едину вѣру, и едину церковь и едино крещеніе. Таково бо есть, таковое писаніе простираеша". Такъ заканчиваетъ свое второе сообщеніе о содержаніи посланія Николая русскій богословъ. Между первымъ и вторымъ его сообщеніемъ находятся многія мысли сходныя, но нельзя также не видѣть и того, что здѣсь встрѣчаются и такія мысли, которыя на первый взглядъ покажутся противоположными и исключаящими другъ друга. Во второмъ своемъ сообщеніи полемистъ, говоря о содержаніи посланія Николая, приписываетъ ему идею о тождествѣ русской православной церкви съ католическою. Сообщеніе вполнѣ вѣрное, соотвѣтствующее общему характеру дѣятельности Николая, котораго дѣйствительно любимую идею была взаимная близость церквей Римской и Русской и отсюда—легкость и удобство соединенія ихъ подъ единою главою, конечно, Римскаго папы. Что дѣйствительно второе сообщеніе вѣрно схватываетъ мысли посланія Николая, это видно изъ внѣшней грамматической формы, когда авторъ сообщенія прямо называетъ ихъ (мысли) отвѣтами „Николая и латинянъ". Что же касается до перваго сообщенія, то въ немъ также точно вѣрно схвачена общая идея посланія католическаго пропагандиста, ратовавшаго за взаимное сближеніе и соединеніе обѣихъ церквей, но только здѣсь при передачѣ ея русскій полемистъ незамѣтно для себя внесъ свой собственный личный оттѣнокъ взглядовъ, отчего и произошло противорѣчіе въ его передачѣ, когда, съ одной стороны, Николай Нѣмчинъ представляется у него пишущимъ о тождествѣ Римской и Русской церквей, а съ другой—здѣсь же тому же самому Николаю приписывается и то, что онъ нашу русскую церковь „въ нечестіе полагаетъ". Понятно, Николай, говоря о тождествѣ Римской и Русской церквей, по тому уже одному не могъ такъ рѣзко отзываться о Русской церкви; да это для него было и небезопасно, такъ какъ самъ онъ находился въ предѣлахъ Россіи и могъ бы тѣмъ вооружить противъ себя всѣхъ Русскихъ, въ томъ числѣ и самого великаго князя. Наконецъ, рѣзкія выходки противъ Русской церкви не отвѣчали планамъ и пріемамъ пропагандистской дѣятельности Николая. Что только могъ писать онъ обиднаго для Русской церкви, такъ это путемъ историческимъ, и соблюдая при этомъ всю дипломатическую тонкость въ выраженіяхъ, доказывать ея отсутствіе отъ Римской церкви.

Такъ, дѣйствительно, и было на самомъ дѣлѣ, какъ о томъ передаетъ русскій полемистъ въ своемъ первомъ сообщеніи о содержаніи посланія Нѣмчина. А мысль о томъ, что Николай называлъ Русскую церковь нечестивою, есть уже личный взглядъ самого полемиста, для котораго дѣйствительно, при издавна установившемся на Руси строгомъ взглядѣ на латинство, разсужденія Николая о тождествѣ Римской церкви съ Русскою должны были показаться ни чѣмъ инымъ, какъ только нечестіемъ и оскорбленіемъ для Русской церкви.

Обращеніе Николая Нѣмчина съ посланіемъ къ Вассіану, архіепископу Ростовскому, ясно опредѣляетъ время, въ какое было написано это посланіе. Вассіанъ хиротонисанъ былъ въ архіепископы 15-го января 1506 года, а умеръ 28-го августа 1515 года ¹⁾. Значить, и время написанія посланія Николая относится именно къ періоду времени отъ 1506—1515 гг.

То обстоятельство, что Николай обратился со своимъ посланіемъ именно къ Вассіану Ростовскому, много говоритъ собою въ пользу практическаго такта и умѣнья Николая. Очевидно, около 1506—1515 гг. Николай былъ въ Россіи, какъ говорится, свой человѣкъ. Ему извѣстны были не только лица, стоявшія во главѣ церковнаго управленія, и ихъ положеніе, но и ихъ характеры, взаимныя отношенія. Вассіанъ Ростовскій пользовался большимъ значеніемъ въ Москвѣ, какъ у митрополита, такъ и у великаго князя,—не только по видному положенію своей кathedры, первой послѣ митрополичьей, но и потому еще, что онъ вообще раздѣлялъ то уваженіе, которымъ окружаетъ былъ въ Москвѣ его старшій братъ, преп. Іосифъ Волоцкій, знаменитый основатель Волоколамскаго монастыря, реорганизаторъ монашества, замѣчательный богословъ и церковный писатель, ревностный защитникъ православія противъ еретиковъ. Есть факты, которые говорятъ о томъ вліяніи, какимъ пользовался Вассіанъ на тогдашняго Московскаго митрополита Симона, человѣка по природѣ мягкаго, способнаго поддавать вліянію другихъ ²⁾. Николай Нѣмчинъ по такому важному дѣлу, какъ соединеніе Русской церкви съ Римскою, естественно долженъ былъ обратиться къ представителю Русской церкви—митрополиту, какъ человѣку здѣсь самому компетентному. Однако, онъ не

¹⁾ Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей русской церкви.

²⁾ Рукоп. Импер. Пуб. биб., изъ древнехранилища Погодина, № 1554, л. 28—37. Здѣсь въ статьѣ «о Іосифѣ неблагословеніи» митрополитъ Симонъ называется «тихимъ и проткимъ».

дѣлаетъ этого, а обращается къ его совѣтнику Вассіану, архіепископу Ростовскому, хочетъ сначала этого вліятельнаго церковнаго сановника склонить на свою сторону, чтобы найти въ немъ себѣ не только союзника, но и человѣка, который могъ бы самъ самостоятельно подать митрополиту мысль о соединеніи церквей. Расчетъ Николая былъ ясный: непосредственное его обращеніе къ митрополиту породило бы въ послѣднемъ сомнѣнія и недоувѣріе по поводу предложенія Николая, какъ человѣка инновѣрнаго, между тѣмъ, еслибъ инициативу дѣла взялъ на себя Вассіанъ Ростовскій, человѣкъ вполне православный и вліятельный, котораго даже и не могли коснуться никакія подозрѣнія въ его неправославіи, то въ такомъ случаѣ предпринятое дѣло несомнѣнно имѣло бы болѣе шансовъ на успѣхъ.

Видно, посланію Николая, равно какъ и его пропагандистской дѣятельности, придавали въ Россіи большое значеніе и старались противодѣйствовать распространенію его католическихъ идей. Однимъ изъ средствъ къ противодѣйствію и послужилъ настоящій полемическій трактатъ, написанный въ отвѣтъ на посланіе Николая и адресованный къ Вассіану Ростовскому, хотя содержаніе его направлено не только противъ идей Николая Нѣмчина, но и вообще противъ всѣхъ заблужденій и особенностей строя католической церкви.

Полемическій трактатъ несомнѣнно написанъ русскимъ вѣжникомъ и человѣкомъ не далекаго богословскаго образованія, что ясно отразилось на его произведеніи, которое имѣетъ не мало недостатковъ, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ и расположенію. Полемическій трактатъ слишкомъ слабъ съ логической точки зрѣнія. Въ немъ нѣтъ связи и послѣдовательности, переходы отъ одного предмета къ другому дѣлаются совершенно механическіе, встрѣчаются постоянныя повторенія, часто сходныя между собою до буквальности, попадаются разсужденія, весьма мало относящіяся къ дѣлу; недостатокъ логической послѣдовательности замѣняется массою предлагаемыхъ и обрацаемыхъ къ латинянамъ вопросовъ. И самое содержаніе трактата имѣетъ не мало недостатковъ. Богословская аргументація православнаго ученія сводится болѣе къ простому констатированію и изложенію его системы и къ голословному, иногда соединенному съ ругательствами, отрицанію тѣхъ пунктовъ ученія католической церкви, въ которыхъ православная церковь расходится съ нею. Но и при такомъ приѣмѣ полемики становится очевидною слабость богословскихъ знаній русскаго полемиста: тамъ, гдѣ ему становится не подъ силу, онъ тотчасъ же уклоняется отъ труднаго пункта,

наивно обѣщаясь сказать объ этомъ ниже, и заявляя, что теперь онъ хочетъ возвратиться „на предняя“. Возвратившись къ предмету своихъ предшествовавшихъ разсужденій, авторъ иногда и здѣсь является слабымъ и снова уклоняется отъ прямого рѣшенія поставленнаго имъ самимъ вопроса—и замѣчательно, уклоняется все при помощи того же самаго приема,—выставляя на видъ необходимость обратиться къ другимъ предметамъ разсужденія, и обязуясь сказать объ этомъ предметѣ послѣ, въ другомъ мѣстѣ. Замѣтно, авторъ трактата обладаетъ большимъ запасомъ знаній въ области Священнаго Писанія, но у него всѣ эти знанія служатъ мертвымъ матеріаломъ, которому недостаетъ переработки, систематизаціи, и внесенныя въ трактатъ, онѣ не сопровождаются какимъ-либо освѣщеніемъ со стороны автора и такимъ образомъ и здѣсь остаются въ видѣ сыраго мертваго матеріала. Наконецъ, авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ церковною исторіей, но его историческія знанія не отличаются ясностію и отчетливостію и нерѣдко бывають спутаннаго, смѣшаннаго характера, гдѣ требуется еще критика для опредѣленія того, чтó принадлежитъ здѣсь къ исторической правдѣ и чтó составляетъ позднѣйшее и тенденціозное насловіе. Вообще богословское значеніе памятника стоитъ не особенно высоко. Полемическій трактатъ отличается многословіемъ и по мѣстамъ высокопарными фразами. Тонъ его—рѣзкій, вызывающій. Вообще онъ написанъ, какъ говорится, съ полемическимъ задоромъ.

Полемическій памятникъ противъ Николая Нѣмчина имѣетъ не малую историческую цѣнность, какъ образчикъ взглядовъ Русскихъ людей XVI в. на католическую церковь. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и такіе взгляды на латинянь, которые по времени восходятъ къ болѣе раннему періоду русской исторіи.

Полемическій памятникъ очень обширенъ. Я представлю изъ него только самыя существеннѣйшія и характерныя мѣста. Въ немъ нѣтъ единства и послѣдовательности, поэтому и обзорѣніе его будетъ даваться въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ расположено содержаніе памятника самимъ авторомъ его.

Начало трактата противъ латинянь прямо связывается съ извѣстнымъ посланіемъ Н. Нѣмчина. Передавъ кратко содержаніе его, неизвѣстный по имени авторъ торжественно заявляетъ о своемъ намѣреніи разбить нечестиваго противника православія: „о семъ убо сотворимъ вещь сицеву, начало положимъ о Бозѣ, и крѣпчайшей обысь о сихъ словесехъ (Николая Нѣмчина) учинимъ, и размыслимъ

како убо рещи, и абіе нѣкая мысль вѣры вниде въ помыслы наша... и егда о сихъ, яже къ честнѣй вѣрѣ, спѣшно суть и угодно Богу и полезно души, и вся божественная и тайная узрятся, явятся кое-гождо дѣла, яко о Божѣ суть содѣлана, азъ же что слышавъ въ единомышленіе скажу сія убо сице, начнемъ же сице". Въ другомъ мѣстѣ и какъ бы мимоходомъ авторъ высказываетъ свой взглядъ на дѣятельность Николая Нѣмчина и его сотрудниковъ: „Скажите же“, обращается онъ къ нимъ съ такимъ вопросомъ,—„яко добрѣ притужаете о единствѣ вѣрѣ, котораго духа есте вы, мудрствуете паче хотяше превратити истину Господню во лжу"? Но больше этого онъ ничего не говоритъ о Николаѣ и ведетъ свою полемику съ латинянами вообще.

Начало полемики съ латинянами авторъ трактата полагаетъ заявленіемъ о своей правоспособности бороться съ ними и указаніемъ, впрочемъ далеко неполнымъ, того, о чемъ онъ намѣренъ вести бесѣду съ ними. „Слышите убо, латина“, говоритъ онъ,—„да вамъ яснѣе изречемъ, яко можемъ собрати отъ св. писаній и на предняя возвратимся, яко и при учителяхъ нашихъ св. апостолъ имѣ начатокъ, и здѣ убо да покажемъ вещь, о нейже и слово есть, и паче явѣ просвѣтимъ и угодно въ предреченныхъ на средину изнести о начальствіи вѣры, и о крещеніи, яже отъ св. апостолъ уставленное и святыми отци исправленное о единствѣ вѣры, яже всѣмъ языкомъ предреченная, еже жити и соблюдать, и разумѣемъ убо откуду розни въ языцѣхъ, и откуду собраная (соборная) вѣра глаголется, и да умолчатъ уста глаголющихъ неправду и да престануть раздирати св. вѣру православную неподобаеть между вѣрныхъ христіанъ быти розни, яже отъ прежней церкви воспріяша даже и до днесь непорочно хранимо“. Вотъ какія сложныя задачи задаетъ себѣ древній русскій полемистъ.

Самый разборъ несостоятельности ученія католической церкви начинается слѣдующимъ обращеніемъ къ латинянамъ. „Разумѣйте, латина“, съ торжественностью заявляетъ ревнитель православія,—„какова есть покаянію сила, скажите ми кому ся уподобистеся и коей притчи приложимъ васъ?“ Въмѣсто отвѣта авторъ далѣе говоритъ о томъ, что должно вѣрно и твердо хранить все преданное и заповѣданное св. апостолами, и что даже если самъ ангелъ будетъ благовѣстити иное, чѣмъ что заповѣдали послѣ себя Апостолы, то и его не должно слушать. Вывода изъ своего разсужденія авторъ не счумѣлъ сдѣлать, или просто не договорилъ, хотя выводъ этотъ очень ясный:

такъ какъ и латиняне во многомъ измѣнили ученію апостоловъ и ихъ преданіямъ, то и они по тому же самому подлежатъ осужденію церкви.

Затѣмъ слѣдуетъ новое обращеніе къ латинянамъ, нисколько не связанное съ предыдущими разсужденіями трактата: „Скажите ми свою вѣру латынскую о церковномъ зданіи, какова латынская вѣра церкви оное зданіе, и азъ вамъ скажу о великой церкви и о православной вѣрѣ, яко есть чудно и вельми страшно, иже отъ св. апостола уставлено есть и св. отцы исправлено. Слыши убо да ясно извѣщаемъ внемли убо глаголемая вся, каковы суть не изреченныя Божія тайны“. Далѣе авторъ ведетъ трактатъ о ветхозавѣтномъ служеніи, о скиини и о жертвоприношеніяхъ, преимущественно на основаніи словъ апостола Павла, изъ посланія его къ Евреямъ, затѣмъ переходитъ къ воплощенію Сына Божія и обновленію имъ падшаго человѣка и заключаетъ свой трактатъ словами: „вѣрую множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу“, и немного спустя, прибавляетъ: „и мы убо на подлежащее намъ дойдемъ, и сія вся послѣди скажемъ“.

Слѣдуетъ новое обращеніе къ ветхому завѣту, сравненіе его съ новымъ и разсужденіе о превосходствѣ новаго завѣта предъ ветхимъ и приложение такого рода: „послушествуемъ новому завѣту, преиде сѣнь закона, уже бо благодати пришедши и разумѣй убо о семъ яко сія вся извѣстна, и на подлежащая дойдемъ и тамо полнѣе скажемъ“. Русский богословъ и здѣсь не довелъ дѣло до конца; онъ не разъяснилъ смысла своихъ разсужденій о превосходствѣ новаго завѣта предъ ветхимъ въ примѣненіи къ латинянамъ. Изъ другихъ болѣе древнихъ, чѣмъ настоящій, полемическихъ памятниковъ противъ католичества извѣстно, что русскіе полемисты вслѣдъ за греческими обвиняли католическую церковь въ крайней приверженности къ ветхому завѣту и основаніе для этого обвиненія видѣли въ употребленіи латинянами опрѣснокъ въ евхаристіи и въ постѣ въ субботу.

„И се убо уже вопрошаю васъ“, обращается защитникъ православія къ латинянамъ, — „скажите ми латина о единствѣ вѣры и о церковномъ зданіи, и какову церковь именуете, и како Бога славите, и како церковь именуеши, въ чье имя храмы поставляете, и какову вѣру держите, и како поклоняетесь Божію величеству, и како вѣруете, и како отъ васъ прославляется Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и которыхъ именемъ угодниковъ Божіихъ почитаете, и каковою славою прославляете, и какову, Единаго Господа исповѣдающе, жертву Богу

приносите и въ какво время"? По всему видно, что, слабый фактическими данными для опроверженія католическихъ заблужденій, русскій ихъ противникъ старается восполнить свою слабость массою предлагаемыхъ по отношенію къ латинянамъ вопросовъ, придавая послѣднимъ значеніе тоже въ своемъ родѣ опроверженій. Латинянинъ представляется отвѣчающимъ на рядъ предложенныхъ ему вопросовъ въ томъ смыслѣ, что онъ исповѣдуетъ одного съ ними Бога, признаетъ одну церковь, таинства, однимъ словомъ, отвѣчаетъ въ духѣ тѣхъ идей, которыя развивалъ Николай Нѣмчинъ.

На отвѣтъ латинянина русскій полемистъ говоритъ: „И слыши убо кому ся уподобисте и коей притчи приложимъ васъ, и не сама ли совѣсть ваша обличаетъ васъ, и не отъ своихъ ли устъ осуждается... сего ради въ трудъ вхожу и письма дѣло взяхъ да мысль исполнену и покойну воздамъ"... На самомъ же дѣлѣ онъ разсуждаетъ здѣсь не совсѣмъ спокойно, когда обвиняетъ латиняна въ томъ, что они хотя и исповѣдуютъ Бога, но дѣлъ его отвергаютъ, что они „мерзцы и супротивни“, что они стараются показаться праведными только предъ людьми, а не предъ Богомъ.

Послѣднее обвиненіе противъ католиковъ послужило поводомъ для русскаго богослова къ написанію довольно обширнаго разсужденія о томъ, что должно быть творцемъ заповѣдей Божіихъ, а не простымъ слушателемъ ихъ, при чемъ онъ приводитъ очень много доказательствъ изъ Св. Писанія и въ заключеніе вычитываетъ слѣдующее наставленіе латинянамъ: „вы же латина чтете и не разумѣете яко чтете, и не требуете еже аще кто учитъ васъ; таковы латина и сами невѣдаете котораго Бога чтете, ждете а не творите истинны“ и въ назиданіе ихъ помѣщаетъ у себя въ полномъ видѣ евангельскую притчу о сѣмени и сѣятелѣ, которая въ примѣненіи къ латинянамъ будетъ значить то, что они плохо восприняли евангельское ученіе и потому не даютъ благихъ вѣдѣвъ его въ своей жизни. Отношеніе католиковъ къ евангельскому ученію и вообще къ новому завѣту сравнивается у полемиста съ поведеніемъ Лотовой жены. „Васъ же убо, латина, прообразова Лотова жена, оувѣвшись вслѣдъ Богъ благодать даетъ своимъ людямъ отвергшимъ ветхій законъ, вы же убо обратистеся на безуміе отецъ своихъ, и яко столпъ сланъ, тако Богъ повелѣ—окаменѣло сердце ваше. Вы же веткому завѣту прилѣпистеся со іудей празднуете, субботу почитаете, и опрѣсножи служите. Вы безумни заблудшися и предѣстншася отъ истинныя вѣры“.

Весьма замѣчательны съ исторической точки зрѣнія слѣдующія

разсужденія русскаго полемиста, въ которыхъ онъ не столько богословскимъ путемъ опровергаетъ ученіе католической церкви, сколько осмѣляетъ послѣднюю, по мѣстамъ, очень рѣзкою бранью. „Ваша убо латинская церковь“ — такъ онъ начинаетъ свою филиппику противъ нея — „красна убо ухищренни, зла же начинаньми и неправдами, ничтоже убо ино есть развѣ созидати Сионъ въ кровѣхъ, Іерусалимъ—въ неправдахъ... Престаните убо латыни созидати церкви своя да не въобличеніе церкви ваша предъ Богомъ будутъ и обрящутся уничижены. Вы же латыни не восхотѣте разумѣти и возлюбиха тьму паче нежели свѣтъ—поставиха свой законъ и церковь. И ваша убо церкви злимъ бѣсомъ игралище, бѣси о ней радуются, потому что стоитъ проста, не имѣетъ препоясанія (?), ни старѣйшинства, ни владычества злимъ бѣсомъ послѣдующе, тѣмъ бо не имутъ о чреслѣхъ препоясанія, отъя бо ся отъ нихъ власть ихъ и старѣйшинство и владычество, и образомъ пребываютъ аки главни изъята отъ огня, а Вошіи ангели свѣтли убо пресвѣтли имутъ о чреслѣхъ препоясанія—образъ старѣйшинства, владычества. А латинская убо церкви отъ всѣхъ попираема, и отъ всѣхъ оскорбляема и отъ всѣхъ укоряема. Латинская убо церкви въ посмѣхъ дѣмономъ николиже затворяется: подобна есть женѣ блудницы, та бо нестыдится никогоже и николиже закрывается, безстудне вооружается на злочестіе, и подобна есть латинская церкви женѣ блудницы—тотъ отходить, а инъ приходитъ... У латинскіе церкви главу держатъ самъ сатана, а шею—дѣмони; а двери алтарю—образъ діаволовъ“ и под.

Очернивъ, на сколько только дозволяло ему его краснорѣчіе и остроуміе, католическую церковь, авторъ трактата противъ латинянъ заводитъ рѣчь о своей собственной церкви, и конечно, описываетъ ее въ совершенно противоположныхъ католической церкви чертахъ. „Наша бо святая апостольская церковь есть“, говоритъ онъ здѣсь, — „храмъ Вошіи и земное небо, въ ней же славятъ Бога ангели и чловѣци, алтарь есть престолъ Вошіи“ и т. д. Далѣе идетъ очень обширное разсужденіе о принадлежностяхъ православнаго богослуженія и о духовномъ преобразовательномъ значеніи, какое соединяется съ каждою изъ нихъ. При объясненіи православнаго богослуженія русскій богословъ весьма часто ссылается на толкованіе божественной службы св. Григорія Богослова. Доказанное, съ точки зрѣнія автора, превосходство православнаго богослуженія предъ латинскимъ служитъ для него основаніемъ, по которому онъ не можетъ допустить мысли о какомъ бы то ни было сближеніи между обѣими церквами. „Како убо,

латына“, задасть себѣ такой вопросъ русской полемистъ, — „помышляете и како дерзнути смѣюще великую церковь православную во едино счиаете съ латынскою?“

Заслуживаетъ вниманія рядъ обвинительныхъ пунктовъ, каковой выставляетъ противъ католической церкви русской богословъ XVI вѣка. Длинный рядъ заблужденій латинянъ начинается съ заявленія, что „латинскія скверныя церкви — пустошная хранина, игреци въ нихъ играютъ, и какъ быки въ нихъ скачутъ пияницы, и собаки въ нихъ вляшутъ, священнослужители ихъ въ рукавицахъ служатъ, а на шею ожерелье и на рукахъ перстни держатъ, на главѣ вѣнецъ, и воли хочеть попъ идти на проходъ, и нескончавъ службы, снимаетъ ризы, и паки, опять вшедъ, скончаетъ, а законныхъ женъ попы ихъ не держатъ, прелюбы творять, держатъ вложнищи, а молятся падаютъ на колѣнѣхъ по жидовски и, припадши къ землѣ, шепчеть что ему бѣси приказали яко и жидова творять“. Далѣе слѣдуетъ рядъ обвиненій, заимствованныхъ изъ слова Θεодосія Печерскаго „о вѣрѣ крестьянской и латынской“. Взятая изъ слова Θεодосія обвиненія касаются нареченія имени младенцевъ самими родителями вмѣсто священника, вращенія ихъ, соединеннаго съ положеніемъ въ ихъ уста соли, въ положеніи мертвецовъ ногами назадъ и залѣпливаніи у нихъ воскомъ ушей, носа и глазъ. Авторъ полемическаго трактата, пользуясь несомнѣнно сочиненіемъ Θεодосія, однако ничего не говоритъ объ источникѣ происхожденія выставленныхъ имъ латинскихъ заблужденій. Но между изложеніемъ заблужденій католической церкви, какое находится у нашего автора, съ одной стороны, и изложеніемъ ихъ, содержащимся въ словѣ Θεодосія Печерскаго — съ другой, замѣчается буквальное сходство ¹⁾. Кромѣ слова о вѣрѣ крестьянской и латынской Θεодосія Печерскаго, русской полемистъ противъ латинянъ, при подробномъ изложеніи латинскихъ заблужденій, имѣлъ у себя подъ руками и другіе литературные памятники полемики противъ латинянъ, относящіяся къ болѣе раннему времени.

Обвиненія католиковъ въ томъ, что они входягъ въ церковь въ рогатыхъ клобукахъ, въ рукавицахъ, стригутъ себѣ бороду, что поны ихъ имѣють по семи женъ и въ томъ не полагають никакого грѣха и называютъ свою незаконную связь съ ними не болѣе какъ ово-

¹⁾ Сравни. Поповъ Андрей, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875., 75—77, 79.

щемъ, взяты буквально изъ слова „о нѣмецкомъ прельщеніи, како научи ихъ гугнивый Петръ ереси“¹⁾.

Изъ другихъ богословскихъ разсужденій, помѣщенныхъ въ трактатѣ противъ латинянъ, находятся: разсужденіе объ исхожденіи св. Духа, объ опрѣсновахъ, при чемъ время происхожденія ихъ относится къ царствованію Византійскаго императора Льва Исавряннина, и очень обширное повѣствованіе объ апостолахъ, особенно о Петрѣ и Павлѣ, о распространеніи ими христіанства, о ихъ страданіяхъ и пр. Но и здѣсь авторъ остался вѣренъ себѣ: онъ не выяснилъ для себя значенія приводимаго имъ повѣствованія объ апостолахъ, не сдѣлалъ изъ него никакого вывода, вслѣдствіе чего, полемическій трактатъ его, съ богословской точки зрѣнія, является не законченнымъ. Взглядъ русскаго полемиста на исторію происхожденія латинства слѣдующій: „Сей родъ (латиняне) фряжскій, въ божественныхъ писаніяхъ Германи нарицаются, языкъ той отъ различныхъ ересей: македоняне и несторіане и арбанъ и подобніи имъ всажени быша въ Римѣ различне многіе ереси и разрушиша и искорениша древняя Римляны“.

Богословская сфера полемики противъ латинянъ—не единственная сфера для древняго русскаго полемиста. Онъ черпаетъ свои доводы и соображенія къ опроверженію и униженію латинства изъ такихъ отдаленнѣйшихъ отъ его предмета областей, какъ область зоологій. Нравственное состояніе, нравственный образъ дѣйствій латинянъ нашъ древній полемистъ описываетъ путемъ сравненія и уподобленія ихъ тѣмъ или другимъ существамъ изъ животнаго міра, извѣстнымъ по своимъ качествамъ съ другой стороны. Вотъ одно изъ такихъ уподобленій: „уподобляются латыны птицы еже есть птица нарицаемая зогзула и сея убо птица злонравна сущи во время гнѣзда своего призываетъ подружіе себѣ на смѣшеніе любодѣанія своего, и которая отъ птицъ прїидеть къ ней и та прилѣпится съ нею, и егда убо народитъ яйце свое въ то гнѣздо, съ которою падется, сама же своему гнѣзду не сохранитель есть, но инымъ птицамъ отроды своя придаетъ и за несытость чрева своего неимать потрудитися. Тако и сія латына противатся истинѣ и прельщаются и прельщаеми яко же и сія птица зогзула“.

А вотъ и еще примѣръ того же: „и сія убо латына уподобишася рыбѣ якоже убо есть рыба зовома „амурома“, нечиста убо дѣй-

¹⁾ Сравни *Половъ*, Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, 22—23.

ствомъ и добръ убо скверна, и егда убо настоить наростъ ея, и тогда убо да ищеть ядовитаго змія на смѣшеніе свое, и узрѣвши змія, тако смѣшается и того ради нечиста рыба та отъ всѣхъ рыбъ, понеже оставиша свое жительство и смѣшается съ ядовитымъ гадомъ. Такоже и въ латынской вѣрѣ, — понеже оставиша истину и постигоша неправду“.

Третій примѣръ: „Уподобилася латына рыбѣ, есть убо рыба, юже называютъ многоножица, и естество и нравъ ея къ какому камню морскому приидеть, то и явится такова — къ зеленому зелена, къ бѣлому бѣла, понеже плоть ея прѣмъняется да того ради инне рыбы многіе приходятъ и, неочувивъ ея, впадаютъ въ челюсти ея. Тако убо и сіи латына многихъ погубляютъ своими ересьми“.

Что касается до внѣшнихъ особенностей рукописи разсмотрѣннаго полемическаго трактата противъ латинянъ, то нужно сказать, что онъ написанъ самымъ небрежнымъ, по мѣстамъ крупнымъ, а по мѣстамъ очень мелкимъ скорописнымъ почеркомъ. Судя по характеру письма и по нѣкоторымъ знакамъ, встрѣчающимся въ немъ, можно заключать о существованіи пропусковъ въ памятникѣ, что, можетъ быть, и объясняетъ собою тѣ недомолвки, какія видны въ трактатѣ. Вообще состояніе списка, въ какомъ помѣщенъ полемическій памятникъ противъ латинянъ, очень неудовлетворительно.

Василій Шмакинъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛІИ ¹⁾.

V.

Формы землевладѣнія въ Лангобардской Италіи IX и X вѣ- ковъ.

(Окончаніе).

Такъ какъ вопросъ о характерѣ бенефициальнаго владѣнія имѣетъ первостепенное значеніе для нашей главной задачи, то мы не ограничимся ссылками на отдѣльные примѣры или замѣчательнѣйшіе случаи, а постараемся сгруппировать и разобрать возможно большее число фактовъ относительно бенефициальнаго владѣнія въ Италіи IX и X вѣковъ ²⁾. Это тѣмъ болѣе возможно, что владѣніе это встрѣчается не тысячи разъ, подобно либелларному договору. Напротивъ, если принять во вниманіе, что IX и X вѣка представляютъ эпоху, когда феодальный бытъ уже не зарождался только въ отдѣльныхъ неясныхъ проявленіяхъ, а находился въ полномъ процессѣ развитія, то число случаевъ, когда упоминается бенефиций, можетъ показаться крайне и

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Отдѣлъ о бенефиции у *Пертиса*, IV, 282—284,—одинъ изъ самыхъ блд-ныхъ матеріаловъ и недостаточныхъ по результатамъ въ его вообще весьма ученыхъ и plausible сочиненіи. *Муратори*, *Antiquitates italicæ*, I, diss. XI, по общему мнѣнію даетъ много грамотъ и дѣластъ отдѣльные совершенно справедливыя замѣчанія, но также по общему мнѣнію — все это отрывочно, несистематично, лишено разграниченія по эпохамъ, наконецъ, устарѣло.

странно незначительнымъ. Если мы возьмемъ сначала тѣ мѣста источниковъ, гдѣ просто говорится о существованіи или образованіи бенефиція, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій или сопоставленій, то уже при обзорѣ этихъ простыхъ упоминаній бросается въ глаза одно характерное обстоятельство, которое объясняетъ, отчего такъ рѣдко говорится о бенефиціяхъ, но, въ свою очередь, само требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что до насъ не дошло отъ IX и X вѣковъ бенефициальныхъ грамотъ подобно тому, какъ дошли прекаріи или либелларные договоры, а узнаемъ мы о бенефиціяхъ только стороною. При опредѣленіи границъ, напримѣръ, случается иногда, что между смежными съ извѣстнымъ участкомъ землями названы бенефиціи ¹⁾. Или же при совершеніи какой-либо сдѣлки понадобится оговорить, что она не распространяется на участокъ, находящійся въ бенефициальномъ владѣніи ²⁾. Для болѣе точнаго обозначенія имѣнья въ актахъ весьма часто указывается на его исторію, такъ-сказать; прибавляется, что имъ прежде владѣлъ на такомъ-то правѣ такой-то: понятно, что и въ этихъ случаяхъ упоминаются иногда бенефиціи ³⁾. Въ описяхъ и инвентаряхъ могли быть обозначены не только древніе, но и современные владѣльцы бенефиціевъ ⁴⁾.

¹⁾ Cod. emph. Farf. f. 120: — in capite terra berterami Scabini — terra uestri monasterii, quam gualdo per beneficium tenet; f. 229: — [fines] terra huius monasterii — uia — huius monasterii quam iohannes tenet in beneficium; Mon. hist. patr. I, № 14, стр. 24: — Coherente totum in circūta. terrola publica de beneficio domni regi quam ipse Sonderulf usauit.

²⁾ Cod. emph. Farf. 64: — Exceptastis quantum aldo bassalus uester ad beneficium tenet a uobis. Memor. di Lucca, IV, часть 2, № 74, стр. 101, сл.: excepto Casas, quas Gastaldius de ipsa carte in beneficio abuerit.

³⁾ Cod. emph. Farf. f. 58: res iuxta ficcoclam, ubi dicitur Laurus, quas alipertus a uestro monasterio per beneficium tenuit; — res et Substantiolas, quas habuit farualdus presbyter a uestro monasterio, beneficiāli [ordine?] hic in amiterno. Mon. hist. patr. XIII, № 126, стр. 223 и сл. breve inquisitionis de carte Lemuntas — Madericus habuet in beneficium; № 140, стр. 246: — et Sabblonaria cum massariis et familiis et omnia, sicut vasallus noster Liuthfredus usque nunc in beneficio habuit. Вероятно о бенеиціи идетъ рѣчь и въ Cod. emph. Farf. f. 159: — insaper alio loco qui dicitur casalis quantum leo presbyter et abbas ad Suam potestatem tenuit.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 419, стр. 706 и сл. (Опись имущества монастыря св. Юрія въ Брашн): — de beneficio Adari habet sortes absentes qui reddunt — De beneficio Gariuerti Kanabarii abet sortem absentem unam, qui reddet — De beneficio Raidulfi Scarii habet Sortem absentem unam —

Въ грамотахъ Луккескаго архіепископства при опредѣленіи оброчной платы за какой-либо зависящей отъ церкви или господскаго двора участою весьма часто замѣчается, что взимать плату имѣетъ право настоятель, управитель или бенефициальный владѣлецъ церкви или двора ¹⁾. Въ тѣхъ же грамотахъ встрѣчается нѣсколько отдѣльныхъ любонѣтныхъ случаевъ, когда упоминаются бенефиціи. Напримеръ, во время тяжбы между епископствомъ и вазною по поводу принадлежности церкви св. Викентія и Фридіана свидѣтели, допрашиваемые графомъ Гагано, показываютъ, что первоначально церковью владѣлъ епископъ Іеремія, который отдалъ ее въ бенефиціи брату своему Іакову, и тотъ, достигнувъ епископства, также невозбранно владѣлъ ею до тѣхъ поръ, пока вассаль короля Адельгримъ не сталъ оттягивать ее въ вазну ²⁾. О томъ же самомъ Адельгримѣ мы узнаемъ изъ другой грамоты, что онъ былъ Франкъ родомъ и владѣлъ въ началѣ IX столѣтія бенефиціемъ въ территоріи города Лукки ³⁾.

De beneficio Lamperti Cananarii habet Sortem absentem unam, qui reddet — — Beneficium Ursiperti Scarii habet etiam Sortes II, et reddunt ei — — Beneficium eusdem Scarii habet Sortem I, qui reddit — — Beneficium Johanni Scarii habet casam I. cum Caminata — — Beneficium Gisalolfi fuit. — — Beneficium Roadperti Scarii est Sors una integra. — — Далѣе упоминается еще одиннадцать такихъ бенефиціевъ, выданныхъ управляющимъ. Memor. di Lucca, V т., 3 ч., № 1769, стр. 640 (breve recordationis facimus de terris, qui definemus da Ecclesia et Episcopo S. Martini) XXXVII qui est Campo in loco Vico, qui detinet filii qd. Sighifredi in beneficio; № 1758. (Опись имѣній и доходовъ Луккескаго епископства): — — in eodem loco Ildibertus in beneficio duas petias de terra, et Hermo similiter.

¹⁾ Memor. di Lucca, V, 2 ч., № 1006, стр. 622. vobis vel qui eas pro tempore in beneficio abuerit. Ср. Memor. d. Lucca, V, 3 ч., №№ 1068, 1069, 1115, 1127 и др.

²⁾ Memorie di Lucca, V, 2 ч., № 539, стр. 321. Johannes cler. et Schab. dixit: Scibi Johannem Epis. abentem eccl. S. Fridiani, et dedit illam Jacobi g. suo in beneficio, et postea abuit eam Jacobus Epis. in potestate S. M. infra istos triginta annos usque ad diem morti sue; Savinus similiter dixit. Alamundus Schab. dixit: scivi Eccl. S. Fridiani abentem Jacobum Episc. et imperantem: Sit Adegrimus Vassus dn. regis illam voluit contendere ad parte Palatii, set minime potuit, quam ipse Epis. eam pertinentem Episcopatu sui faciebat.

³⁾ Memor. di Lucca, V, 2 ч., № 344, стр. 205: — — uinderem et traderem videro tibi Adelgrimo homo Francisco vasso dn. regi, qui modo beneficium abere videtur finibus Lucense, idest tres casas mea massaricias и т. д. Ср. № 347, стр. 207 и № 355, стр. 212.

Нѣтъ почти надобности замѣчать, что бенефициальное владѣніе рѣзко отличается источниками отъ полной собственности, или употребляя франкскій терминъ, отъ владѣнія аллодіальнаго, противопоставляется ему ¹⁾, и въ иныхъ случаяхъ, замѣняется имъ ²⁾. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что почти въ такой же степени оно противопоставляется другимъ видамъ зависимаго владѣнія—прекаріи, либелларному договору и т. д., потому что этимъ устраняется предположеніе, что терминъ „beneficium“ въ большинствѣ случаевъ замѣняется терминомъ „precaria“, „libellum“, и самый видъ „beneficium“ ничѣмъ существенно не отличается отъ „possessio“ или „tenementum per precarium, per libellum“.

Различіе, о которомъ идетъ рѣчь, ясно уже въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, владѣющее имѣніемъ на бенефициальномъ правѣ, сдаетъ его кому-нибудь другому на основаніи либелларнаго договора ³⁾. Различныя термины употреблены тутъ непосредственно другъ за другомъ, и конечно, не безсознательно. То же самое можно сказать по поводу либелларныхъ договоровъ, въ которыхъ на арендномъ началѣ сдаются земли, находившіяся до того въ бенефициальномъ владѣ-

¹⁾ Грамста Карла Толстаго, отъ 887 года, у *Muratori*, *Antiquitates italicæ*, I, стр. 565, 566: *jure proprietaris—jure beneficiario* Ср. *Monum. hist. patr.* XIII № 89, стр. 167: — — *curtes etiam 'Liniaco, Roreclaria — — Benzione, seu et de domo coltite [et] de beneficiatis ex integro damus.*

²⁾ При помощи мнѣной: *Memorie di Lucca*, IV т., 2 ч., № 36, стр. 48: *Hildebrandus in Dei nomine comes — — quia convenit mihi una tecum Hieremias Episcopus germano meo — — comutationem facere. — — recepi — — casa et curte illa domnicata — — una cum ecclesia qui in eadem curte sita est — — quas ego qui supra Hildebrando usque modo de vestra parte ad manus mea abuit. При помощи купчей—Monum. hist. patr. XIII, № 215, стр. 355, *Adulfus vassallus meus volo ut habeat collonica illa, quas ipse in beneficium habet — — et dare debeant ipse Adelfo vel sui heredes solidos treginta tre — — Waltegrimus habeat collonica illa, quem ipse habet in beneficium — — et det ipse Waltegrimus pro animas nostras solidos uiginti etc.**

³⁾ *Capitolo di Benevento*, Volumen 417, *Concessiones terrarum*, 983: Судья Адельверн даетъ *ad tenendum ipsa pecia de terra ibique in eodem loco quod tenet in beneficium a parte monasterii sancti modesti. Cod. dipl. Cavens., № 183, I, 237: libellidrio ordine ipsa terra cum arbustis de locum nuceria, ubi aiella dicitur, que ego in beneficium teneo a partibus ecclesie sancti maximi. Memor. di Lucca, V т., 2 ч.—№ 577, стр. 345: — — in casa et res illa, quam a Berengario episcopo in beneficio habeo in loco Lacune, in qua tu ipse habitare Videris — — ut dum eas in beneficio abuero, tu vel heredes tuos in suprascripta casa resedere et habitare debeatis. Ср. № 704, 711 и *Cod. dipl. Cavens. № 100, I, 128.**

ніи ¹⁾. Но особенно ясна и несомвѣнна принципиальная разница между актами, когда одно и то же лицо, пользовавшееся сначала участкомъ на правахъ бенефициарія, получаетъ его вновь по либеллярному договору ²⁾: перемѣняется самый титулъ владѣнія. Изъ того же различія объясняется и словоупотребленіе одной грамоты 990 г. Перечисляются зависимые владѣльцы на земляхъ Нонантуланскаго монастыря и сначала названо значительное число лицъ, къ именамъ которыхъ просто прибавлено „tenet“—держитъ, а затѣмъ упомянуто о нѣсколькихъ прекаріяхъ ³⁾. Первые случаи, очевидно, должны быть отнесены къ категоріи бенефициальнаго держанія, тогда какъ либеллярные договоры подведены подъ родовое понятіе прекаріи въ смыслѣ письменнаго документа на арендное владѣніе. По всей вѣроятности, еслибъ общее выраженіе „tenet“, постоянно попадающееся въ грамотахъ, было всякій разъ объяснено прибавленіемъ о видѣ держанія, мы получили-бы извѣстія о несравненно большемъ числѣ бенефициевъ, нежели имѣемъ теперь.

Изложенныхъ частныхъ фактовъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы установить общее заключеніе о принципиальномъ различіи между бенефициемъ и другими видами зависимаго владѣнія. Заключеніе это не подрывается тѣми немногими случаями, когда происходитъ естест-

¹⁾ Memoire di Lucca, V т., 2 ч., № 514, стр. 308: libell ordine curti domnicata in loco, Colonnata finibus maritimense, quas quondam Austrifonso, filius Austriperti per beneficium vestrum abere bisus est. Ср. № 576, стр. 345, № 866, стр. 529.

²⁾ Memorie di Lucca, IV т., 2 ч., № 26, стр. 85: — — livellario nomine dedisti mihi, idest ecclesiam S. Thome, sita infra hanc Lucanam Civitatem — — qui usque modo per vestrum tenui beneficium — — Insitum et dedisti mihi casais et rebus — — et ego ipse in beneficium habere visus sum.—V т., 2 ч., № 746, стр. 449: — — per cartula livellario ordine ad censum vobis parexolvendum dedisti mihi, idest ecclesiam illa — — quas ego ipsi in beneficio usque modo abere visu sum. Ср. V т., 3 ч., № 1112, стр. 47.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 856, стр. 1508 и сл.: Breve recordationis de terra S. Silvestri. que adjacet infra episcopio Cremonensi. In primis ad locum qui dicitur Cruce, sorte I, ad lasam Leoni Sorte I, ad casale Mauriliani Sorte I, ad Sanctum Petrum Castanetelo Sortes II. Ista omnia detinet Mainfredus filius Bernardi comitis cum suis. Ad Rubellum Sortes II, ad Polotinum massaricias duas, que detinet Obertus marchio cum suo nepote. — — Precaria de Johannis Gariberti terra CLX juges, vel omni festivitate sancti Martini octava die antea vel octava die postea, aut in ipso die censum argentum denarios bonos veronenses solidos XX. Precaria de presbiter Mainfredus etc.

венное, при близости юридическихъ формъ и словесной неловкости варваровъ, смѣшеніе различныхъ терминовъ, употребляющихся вообще раздѣльно. Такого рода смѣшеніе между бенефициемъ и прекаріей мы замѣчаемъ раза четыре въ болѣе раннихъ грамотахъ аббатства Фарфы, въ которыхъ еще не установился прочно канцелярскій стиль нотаріусовъ этого аббатства¹⁾. При этомъ выраженіе „beneficiali ordine“ употреблено для обозначенія зависимаго владѣнія вообще, въ болѣе широкомъ смыслѣ, нежели обыкновенно²⁾. Возвращаясь къ обыкновенному употребленію терминовъ, при которыхъ бенефиций составляетъ совершенно самостоятельную и отдѣльную форму владѣнія, мы наталкиваемся на вопросъ: какое было основаніе для этого выдѣленія бенефиція въ особую форму, въ чемъ заключались существеннѣйшія отличія этой формы отъ другихъ? Корня разграниченія касается приведенная уже разъ южно-итальянская грамота, купчая между епископомъ города Пестума и городской общиной Атрани. Епископъ продаетъ часть морскаго берега, потому что онъ все равно не принадлежитъ ему *de facto*: хотя собственность и за нимъ, но владѣніе уступлено разнымъ лицамъ *per brebe aut per beneficium*³⁾. Противоположность та же самая, какъ и обозначенная только что противоположность между „tenentes“ просто и „tenentes per praesacrum“: съ одной стороны — арендаторы, пользующіеся участкомъ въ силу писаннаго договора, какъ бы онъ ни назывался — *praesacra libellum, cartula, scriptum*⁴⁾, *breve*; съ другой — пользователи, право кото-

¹⁾ Cod. emph. Farf. f. 40: ego lisperga sanctimonialis femina — — peto uobis domine mauroalde abbas suisque monachis ut res raginaldus filius meus — — tradidit, mihi diebus vitae meae usufructuario sub beneficiali ordine dignemini dare. Ср. ff. 41, 42, 58, 62, 69.

²⁾ Точно также употребленъ терминъ въ 30-й статьѣ Людовика Благочестиваго (817, § 4; I, 214), начало которой было уже приведено выше: Sed in hac re considerandum est, utrum si ille qui eam tenet dives aut pauper sit, et utrum aliud beneficium habeat vel etiam proprium. Et qui eorum neutrum habuerit, erga hunc misericorditer agendum est, ne ex toto dispolietur ut in egestatem incidat: aut talem censum inde persolvat, qualis ei fuerit constitutus, vel portionem inde aliquam in beneficio accipiat, unde se sustentare valeat.

³⁾ Cod. dipl. Cavens. № 296, стр. 107. Inito consilio, comparuit nobis dare ipsa res ad iamdictos atrianenses, quoniam plures sunt, et quod de ipsa res nullum frudium ad pars nostri episcopii evenit, nec evenire expectamus, propter quod ipsa res tota ipsa tenunt alii per brebem, alii per beneficium, propter hoc cum gaudio cupiemus illud dare.

⁴⁾ Cod. emph. Farf., 129: — — excepto in territorio reatino quantum iam antea stephanus presbyter per commutatione et libello susceperat. — — Et in oliano petia

речь не гарантировано грамотой и оттого находить въ грамотахъ только косвенное упоминаніе. Какъ же защищали бенефициаріи свое владѣніе, если у нихъ не было письменныхъ документовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ извѣстія о тяжбахъ, въ которыхъ оспаривалось подобнаго рода владѣніе: примѣняется общее правило лангобардскаго права относительно покупокъ, совершенныхъ безъ составленія документа, то-есть, владѣлецъ предмета отсылаетъ истца къ своему поручителю (ауктор), продавцу.

Въ 859 г. въ Миланѣ возникаетъ дѣло между монастыремъ св. Амвросія и Адельгизомъ de Scialpo по поводу владѣнія господскихъ дворовъ и монастыремъ въ Колоніи ¹⁾. Монахи св. Амвросія утверждаютъ, что и то, и другое принадлежитъ имъ, и начинаютъ дѣло передъ трибуналомъ архіепископа Миланскаго Ангильберта и посланца императора Балдерика. Отвѣтчикъ въ защиту своихъ правъ не ссылается, какъ это обыкновенно дѣлается, на наследственность, дав-

I: [fines]: terra aliorum takeprandi — — landolfi — suprascripti iohannis quod ipsi suprascripti in praecaria tenebant. Et petiam terre quam hesserius antea per beneficium tenuit.—Cod. emph. Farf. f. 175: — quantum stephanus presbyter per commutationem et scriptum accepit, et prato quod ursus per praecariam suscepit, et casalicium de cupenzo, quod cuidam utoriali per libellum concessum est, et pergula quae in cupenco lotherio presbytero per libellum praestita est — — petiam prati mairi iuxta viam publicam pergentem in pratam de caunice quam quidam hiscarius a nobis ad beneficium tenuit.

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 207, стр. 342. Curte et senedechio ipsum cum omnia ad eam pertinentem de datum domni Angilberti archiepiscopus in beneficio abeo, et exinde parte ipsius domni Angilberti archiepiscopus, qui mihi eam in beneficio dedit, auctorem abeo et dare posso. — — ipse Lupus iterum adque iterum professus dixit et manifestavit, quod auctore ipso nullo modo dare poterit, et per nullam rationem ostendere nec dare poterit, quod a parte domni sancti Ambrosii de datum ipsius Ariberti pertinere deberent, quod etiam ambulasset ab eundem domnum Angilberto archiepiscopus, et ei hac causa omnia sicut haec et variata fuisse nuntiasset, et quiescisse ut ei dedisset qui ei exinde auctor fuisse; sed ipse domnus archiepiscopus dixisset ei, quod nullo modo exinde auctor esse, eo quod legibus de ipso monasterio pertinere deberit, et dixisset ei rebus ipsis a parte ipsius monasterii reddere. — — ipse pontifex dixit: Vere de hac causa ego scio, et mihi bene cognitum est, quia aliter a parte domni nostri pertinere non debet, nec exinde talem rationem non abemus, per quod eum da parte ipsius monasterii legibus subtrahere debeamus, nisi tantum quod noster antecessor eundem ipsum monasterium sua sponte tulit, et dedit eum in beneficio ad vassallo suo; sed postea multotiens et frequenter audivi abbates da partes ipsius monasterii ab antecessore meo domno Angilberto archiepiscopus pulsantes. et exinde reclamantes justitiam, quarentes ut eas ad ipsum monasterium redderit.

ность или грамоту, а заявляетъ, что онъ владѣеть спорною недвижимостью, какъ бенефициемъ, предоставленнымъ ему сеніоромъ, самимъ архіепископомъ Ангильбертомъ, котораго онъ и выставляетъ поручителемъ. Архіепископъ сознается, что спорная собственность действительно принадлежитъ монастырю св. Амвросія и отобрана была его предшественникомъ, который выдавалъ ее своимъ вассаламъ.

Въ 863 году монастырь св. Амвросія заключаетъ соглашеніе съ священникомъ Петромъ, противъ котораго аббатъ возбудилъ было дѣло за то, что онъ неправильно пользуется доходами съ имѣній въ Барагіате и Балузiano. Петръ ссылается въ оправданіе не на грамоту, а на выдачу бенефиція одному изъ его предковъ однимъ изъ предшественниковъ аббата и, вѣроятно, въ состояніи доказать свое утвержденіе, потому что монастырь считаетъ лучшимъ покончить съ нимъ дѣло миромъ¹⁾. Въ 826 г. аббатство Фарфа ищетъ противъ гастальда Гвихарда за неправильное пользованіе. Гвихардъ ссылается не на грамоту, а на то, что ему выдалъ бенефиціей гастальдъ Радо отъ имени казны; аббатъ не оспариваетъ выдачи, а обращается противъ права собственности казны на спорныхъ участкахъ и связаннаго съ нимъ права гастальда Радо распоряжаться ими²⁾. Въ 999 г. фарфскими монахамъ, съ аббатомъ Гуго во главѣ, приходится умаливать императора Оттона III, который отдалъ было все аббатство Фарфу въ бенефиціей епископу Гуго³⁾: въ данномъ случаѣ, конечно, дѣло

¹⁾ Mem. hist. patr. XIII, № 226, стр. 378. Sed ipse Petrus clericus contradicentes, quod exinde fruges injuste non tullisse, quia rebus ipsis de abbates ipsius monasterii antecessores ipsius Petri abbati in beneficium abuisse etc.

²⁾ *Fatteschi*, Memorie dei duchi di Spoleto, Appendice № 47, стр. 290. Qualem justitiam ego inde vobis facere habeo qui ipsas casas et casarinas terras et vineas in Agutiano quas ipse Audo et Aliprandus presbyter mihi demonstraverunt. Et ego habeo sicut dedit mihi Rado qui fuit Gastaldius in beneficium pro publica causa [dedit]. At ubi respondebat ipse Audo advocatus ipsius Mon. S. Mariae dicens. Quomodo potuit Rado Gastaldius et investire de rebus istorum Monachorum ipsius iam-dicti Monasterii In quib. cum ipsis Monachis nullus homo iudicium unquam habuit. aut per iudicium ipsas res ad publicum unquam reconquisivit, nisi semper ipsi Monachi ad partem ipsius Mon. Inde in... usque in eam diem quando vos ipsos Monachos de ipsis rebus divestistis.

³⁾ Floriger Farfensis, CCCCLXII: Quadam nero die cum in hoc monasterio idem dominus otto imperator aliquantulum moraretur, dominus hugo abbas cum omni congregatione lamentatus est huius monasterii dispositionem, quia ipse imperator cuidam hugoni episcopo illud in beneficium contulerat. Quod ignoranter se fecisse professus est. Et compunctus pro omnipotentis dei amore et pro remedio animae

было не въ грамотѣ, а въ томъ, что за пользователемъ епископомъ Гуго стоялъ поручитель такихъ размѣровъ и авторитета.

Въ хроникѣ св. Викентія на Вальтурно мы находимъ совершенно аналогичный примѣръ изъ южно-италианской практики: клерикъ Вернардъ въ тяжбѣ противъ монастыря св. Викентія опирается на то, что извѣстный участокъ былъ ему выданъ въ бенефиціи отъ казны¹⁾.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ они ни разнообразны по обстоятельствамъ, повторяется одно обстоятельство — защищается право пользователя посредствомъ указанія съ его стороны поручителя, на котораго и переводится дѣло. Но и для охраненія относительно самого выдаваемаго бенефиціи собственника, и для дѣлъ съ третьими лицами желательно было, чтобы права бенефициарія опирались, если не на письменный, то на какой-нибудь другой актъ, на который при случаѣ можно было бы сослаться для доказательства. Такимъ актомъ была такъ-называемая *investitura*, вводя въ владѣніе, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей и при свидѣтеляхъ. Онъ употреблялся вообще при передачѣ владѣнія и собственности, но былъ особенно важенъ какъ разъ для бенефиціи. Впослѣдствіи, въ XII и XIII вѣкахъ, за бенефициальною или феодальною инвеститурой слѣдовало весьма часто, если и не обязательно, описаніе ея въ такъ-называемой „*notitia de investitura*“. Этотъ обычай содѣйствовалъ установленію прочныхъ отношеній, а намъ далъ свидѣнія о подробностяхъ при совершеніи обряда²⁾. Въ IX и X вѣкахъ нотаріальная форма „*notitia*“ или „*breve*“, то-есть, описаніе совершеннаго гражданскаго акта, только что начинала входить въ употребленіе, при-

herfonis qui cum eodem episcopo hic fuit et mortuus est, cum praeseptali pagina perdonavit dicens, ut amplius in aeternum nunquam detur per nos nec per nostros successores in beneficium, sed semper permaneat rei publicae destinatum, abbati mancipatum et nulli alteri subiectum vel praestitum (по рукописи библиотеки Vittorio Emanuele въ Римѣ). Самая привиллегія напечатана у *Muratori*, *Scriptores*, II т., 2 часть, 493; *Böhmer*, *Regesten*, № 844; *Stumpf*, *Regesten*, № 1198.

¹⁾ Chron. Vultur. ap. *Muratori*, *Scriptores* I, № 145, стр. 411. Tunc ipsi Bernardus et Heroicus, qui missi erant à parte Palatii inde dare responsum, pariter dixerunt, ut non malo ordine neque contra rationem idem Bernardus in eodem Caenobio introisset, neque res et familias ejus possedisset; sed à parte Palatii ei in beneficio datum esset, et ideo ibi introisse, et possedisse, atque dominaret. Ad haec idem Majo Abbas cum eodem suo Avvocato statim responderunt ut pars Palatii illud nullatenus dare potuisset, eo quod ei pertinere non deberet, sed legibus proedicto monasterio sancti Vincentii pertinisset, et pertinere deberet.

²⁾ См., напримѣръ, у *Muratori*, *Ant. ital.* I, 605, 606.

мѣнялась непосредственно, а потому и о бенефициальной инвеститурѣ въ это время мы слышимъ очень мало. Чуть не единственное упоминаніе о ней представляетъ лукская грамота 801 года¹⁾. О подробностяхъ обряда можно, впрочемъ, составить себѣ понятіе по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, такъ какъ подобнаго рода обычай держится весьма упорно, или же по извѣстіямъ объ инвеститурѣ, слѣдовавшей за продажей и пожалованіемъ земли и описываемой въ купчихъ и дарственныхъ грамотахъ. Для насъ важнымъ не эти подробности, а мѣсто, которое занимаетъ обрядъ при заключеніи бенефициальнаго договора. Противоположность между сдѣлками, закрѣпленными письменнымъ актомъ, и пользованіемъ, основаннымъ на простомъ введѣ во владѣніе, была на столько существенна для практики и судебныхъ отношеній, въ особенности, что въ позднѣйшемъ феодальномъ правѣ выдѣлилась въ отдѣльный разрядъ такъ-называемая „*concessio per investituram*“, матеріально нисколько не отличавшаяся отъ цензуальнаго договора, оплачивавшаяся извѣстнымъ оброкомъ или аренднымъ вознагражденіемъ, но по формѣ заключенія принимавшая къ лѣну и потому ставшая рядомъ съ нимъ въ правѣ²⁾. А между тѣмъ, уплата оброка противорѣчила духу какъ лѣна, такъ и древняго бенефіція.

Дѣйствительно, при характеристикѣ послѣдняго необходимо имѣть въ виду, кромѣ формальнаго отличительнаго признака, другой, матеріальный—отсутствие платы. Между тѣмъ какъ либеральная записъ и прекарія скрѣпляютъ договоры аренды, при которыхъ, хотя бы для вида, выговаривается со стороны пользователя плата, бенефіцій въ общемъ правилѣ предполагаетъ пользованіе безвозмездное, потому

¹⁾ *Memorie di Lucca*, IV т., 2 ч., № 2, стр. 4, 5: *Notitia brevis: qualiter tradidit manibus suis Dominus — Jacobo Episcopo Rasperto Presbytero et Gunprando Diacono casam ecclesiae beati Fridiani, ubi ejus corpus quiescit, et Vincentii in beneficio qualiter ipse a Domino h. m. Johanne Ep. ordinatus fuit, ut in eo ordine, sicut ab eo fuit ordinatus ita in eorum dominio tradidit possidendum.* Можетъ быть, бенефициальную инвеститурю описываетъ и ниже-тоская грамота S. Salvatore di Monte Amiata, 823 г., ноябрь: *notitia brevis quod facio ego audoaldus abbas de monasterio domini saluatori sito monte ammiato pro mea commemoratione quomodo venit siluestru sculdahis filius bone memorie luponis — et sic inuestiui audoaldus abbas ad parte suprascripto monasterio — de sorte sua et uinciento sculdahis et immoni et ermifrido et cunimundo de suprascripto casale porciano et casale seo et de casa fortinaldulo cum corte — sic in uestibi corporaliter.*

²⁾ *Pertile*, IV, 284.

что самъ является возмездіемъ за службу. Общее правило это, на сколько можно судить по сохранившимся свѣдѣніямъ, почти не допускало исключеній въ IX и X вѣкахъ¹⁾: смѣшеніе видовъ зависимаго владѣнія въ этомъ отношеніи послѣдовало уже въ болѣе позднее время.

Доказательства выставленному положенію мы имѣемъ весьма опредѣленныя. Въ 837 г. аббатъ св. Амвросія назначаетъ управляющаго на свой господскій дворъ въ Доблинѣ съ зависящими отъ него оброчными дворами. При этомъ выговаривается, что назначаемый Кресценцій будетъ за свои услуги удерживать въ свою пользу — *beneficiario ordine*—вино и зерновой хлѣбъ, который онъ до того времени обязанъ былъ доставлять монастырю, какъ либелларій. На остальные повинности Кресценцій бенефиція не получаетъ, то-есть, не освобождается отъ нихъ²⁾.

Еще характернѣе для занимающаго насъ вопроса памятная записка (*memogatorium*) о сдѣлкѣ между Адельферіемъ, аббатомъ св. Максима въ Салерно, и священникомъ Урсомъ (901 г.). Собственно говоря, дѣло идетъ объ эмпитеозѣ: священникъ беретъ въ наслѣдственное владѣніе виноградникъ, съ обязательствомъ привести его въ исправное состояніе и производить на немъ всѣ необходимыя хозяй-

¹⁾ Въ видъ исключенія приходится отиѣтить развѣ слѣдующее распоряженіе въ завѣщаніи епископа Веронскаго Билонга, гдѣ какъ будто бы имѣется въ виду бенефиціи: *habeant Fulcherinus et Gerardus vassis et parentibus meis res in fundo Gussenagia ad usum fruendi et residendi nomine — — pro suorum fidele servitium — — ut exinde per omnes kalendas ipsi aut per se aut per suos missos debeant pasce pauperes — — dent de suprascriptis rebus singulis annis censum in Ascensione sanctae Mariae Salidos quinque* (*Monum. hist. patr.*, XIII, № 162, стр. 277). Весьма, впрочемъ, возможно, что бенефициальное владѣніе вассаловъ послѣ смерти епископа должно было, для большаго обезпеченія ихъ правъ, замѣниться цензуальнымъ по грамотѣ: слово «бенефиціи» во всякомъ случаѣ не употреблено. Объ отсутствіи платы въ случаяхъ бенефициальнаго владѣнія можно заключить уже по приведеннымъ выше грамотамъ — по описанію имущества св. Юлія въ Врешіи, Понантуланскаго монастыря, Луническаго епископства. Въ нихъ ни разу не упомянуто о платѣ за бенефиціи, хотя всегда аккуратно прибавлено, сколько платится по либелларнымъ договорамъ.

²⁾ *Monum. hist. patr.*, XIII, № 131, стр. 233:— — *pro isso servicio debeat abere ego qui supra Grisencius usque in suprascripto constitutum beneficiario nomine, idest vino et grano illo tantummodo, quoes ego de rebus eidem monasterii usque modo consueto fuerit redendi, tamen herbice et caseo seu xenea, quas annuae super ipso grano et vino consueto fui redendi, et in antea per anno complere promito juxta livellum exinde mihi emissum.*

ственные работы. Владѣніе однако повсюду названо бенефициальнымъ, и въ концѣ грамоты разъясняется, почему священникъ Урсъ не обязанъ ничего платить монастырю, pro eo quod ista terra in beneficio retineo. Наслѣдники, если захотятъ удержать пользованіе, будутъ отдавать половину вина и плодовъ ¹⁾. Не можемъ не привести также другую памятную запись изъ того же собранія южно-итальянскихъ документовъ; хотя выраженіе „beneficium“ понято въ ней совершенно своеобразно, но самое уклоненіе въ словоупотребленіи стоитъ въ связи съ указанною особенностью бенефіція. Альдемаръ получаетъ отъ діакона Арнальда участокъ земли довольно большихъ размѣровъ въ пользованіе. Пока живъ Альдемаръ, онъ оставляетъ за собою все, что работаетъ, и не платитъ за это ничего; послѣ смерти пользователя, одна половина земли и прибрѣтеннаго на ней должна возвратиться Арнальду, а другая достанется тому, кого назначилъ пользователь ²⁾. Всѣ уступки послѣднему объясняются опять-таки тѣмъ, что необходимо возвысить хозяйственное значеніе участка, но при этомъ, безвозмездное льготное пользованіе вызываетъ употребленіе слова бенефіцій, которое примѣнено такъ, какъ обыкновенно примѣняются въ грамотахъ выраженія „labor“ и „laboratum“, то-есть, въ смыслѣ добытаго трудомъ дохода и приложенныхъ трудомъ улучшеній. Но тогда какъ все это обыкновенно дѣлится между собственникомъ и пользователемъ, тутъ оно идетъ въ прокъ, beneficium, одному пользователю.

Я сказалъ, что бенефициальное владѣніе потому безвозмездно, что

¹⁾ Codex Cavensis № 113, I стр. 142: Et quantum vinum vel frugens et quicquit annualiter amado et diebus bite mee qui supra ursi presbiteri ibi fecerimus, totum nostre sint potestatis faciendum inde omnia quod voluerimus, et nullam sortionem de ipso frudium demus ad pars ipsius ecclesie sancti maximi pro eo quod ista terra cum vinea et cannetum et pomis per iamdicta mensuria ego qui supra ursus presbiter in beneficium retineo.

²⁾ Codex Cavensis № 11, I, 12. Tali quidem hordinem dedit et tradidit nobis ipsa iam supradicta terra, ut nos nominato arnaldo diacono ibidem faciamus cum deo auxilio beneficio, et qualiscumque beneficium ibidem facimus, ac cunctis diebus vite mee dominemus illum in nostra potestate et in nostro arbitrio absque omni incenso; et qualiscumque tempore ad me arnaldo diacono deus de isto mundo vocaverit ut tale beneficium quod post meum abitum inventum fuerit in ipsa hereditate quod supra declarabimus, ut recipiat prenominato aldemari ipsa medietate aut heius heredes absque omni intentione, et ipsa reliqua medietate de ipso beneficio et de ipse terre remaneat in nostra potestate ad faciendum omnia quod mea fuerit voluntate.

само вознаграждаетъ за услуги. Это отчасти замѣтно уже въ приведенныхъ примѣрахъ: въ южно-итальянскихъ грамотахъ услуга состоитъ въ улучшеніи участка, въ ломбардской бенефициемъ вознаграждается служба управляющаго. По всей вѣроятности, на такомъ же основаніи получилъ свой бенефициальный участокъ королевскій управляющій піэмонтской грамоты 793 года, гастальдъ Сандерульфъ ¹⁾. Но въ сожалѣнію, какъ разъ въ этомъ важномъ отношеніи мы особенно мало узнаемъ изъ тѣхъ косвенныхъ упоминаній, которыми намъ приходится ограничиваться, благодаря особенностямъ закрѣпленія бенефициального договора. Приходится отпираться на позднѣйшіе факты феодальнаго періода, въ теченіе котораго ленъ находился въ неразрывной даже юридической связи съ службой ²⁾, на свидѣтельство источниковъ связаннаго въ политическомъ отношеніи въ Италіи Франкскаго государства ³⁾, наконецъ, на фактъ особенно частаго упоминанія бенефициальныхъ раздачъ вассаламъ. Какого рода служба вознаграждалась въ послѣднемъ случаѣ, объ этомъ намъ еще придется говорить въ слѣдующей главѣ при разборѣ вассалитета.

Подъ то же понятіе службы можно подвести исполненіе богослужебныхъ обязанностей священникомъ извѣстной церкви; въ награду за то онъ пользуется церковными доходами. И дѣйствительно, назначеніе священника въ приходъ или капеллу, впоследствии получившее техническое названіе церковнаго бенефіція, уже въ занимающую насъ эпоху разсматривается иногда какъ бенефіцій ⁴⁾, хотя въ большей части случаевъ оно подводится подъ категорію аренднаго держанія, такъ какъ священники за право держанія платятъ иногда весьма значительныя суммы денегъ или продуктовъ. По тѣсной связи съ служ-

¹⁾ Monum. hist. patr., I, № 14, стр. 24 и сл. — de beneficio domni Regi quod ipse sonderulf usauit. Въ описи имѣній св. Юлія въ Брешіи каждый управляющій всагіо или сопевагіус, имѣетъ свой бенефіцій при имѣніи. Ср. Memorie di Lucca, IV т., 2 ч. № 74, стр. 101: quas Gastaldius de ipsa curte pro tempore beneficio abuerit.

²⁾ Pertile, IV, 622 и сл.

³⁾ См. нап. знаменитое praescriptum de Hispanis Людовика Благочестиваго; Sickel, Acta Karolinorum; Lud. P. 41; ut eis liceat more solito imperatoris comitibus in vassaticum se commendare eisque ut Senioribus suis pro beneficiis ab eis acceptis consuetum servitium reddere.

⁴⁾ Memor. di Lucca, IV т. 2 ч., № 2, стр. 4, см. выше IV, т., ч. 2, App. № 61, стр. 79: священникъ Виллерадъ назначается настоятелемъ церкви Св. Викентія и Фридіана. Одинъ изъ участковъ при церкви находился уже въ его бенефициальномъ владѣніи. Ср. Cod. dipl. Savens. № 265, II, стр. 67.

бой, къ бенефицію примыкаетъ особый видъ владѣнія, который на языкѣ феодальныхъ отношеній назывался „*honor*“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, или „*Amtsgut*“. Разница сравнительно съ бенефициемъ та, что владѣніе „*Amtsgut*“ было применуто къ исправленію опредѣленной должности и при оставленіи ея прекращалось, переходило къ лицу, вновь занявшему должность, тогда какъ бенефициальнымъ пользованіемъ вознаграждалась служба вообще, и оно не было связано непременно съ опредѣленнымъ ея видомъ или даже съ фактическимъ исполненіемъ ея—бенефициарій могъ сохранить участоки и послѣ прекращенія службы. Примѣровъ такъ-называемаго „*Amtsgut*“ почти нельзя привести изъ лангобардской практики IX и X вѣковъ, очевидно, потому, что они затеривались среди обыкновенныхъ бенефициевъ. Приведенное выше мѣсто изъ грамоты по поводу бенефиція Сондерульфа, по видимому, указываетъ именно на пользованіе, соединенное съ гастальдатомъ ¹⁾. Въ фарфскомъ *Largitorium*, при описаніи границъ имѣній, раза два употреблено выраженіе „*terra comitalis*“ ²⁾, и надо полагать, что оно указываетъ на землю, пользованіе которою было соединено съ исправленіемъ графскихъ обязанностей, потому что владѣнія отдѣльныхъ графовъ обозначаются ихъ именами (*terra Teduini comitis*, или *tenet Teduinus comes*).

Впрочемъ, разница въ срокахъ пользованія между „*Amtsgut*“ и бенефициемъ, и безъ того не особенно существенная, еще болѣе ступенывается, если принять во вниманіе, что самые бенефиція даются въ это время на весьма неопредѣленныхъ условіяхъ относительно сроковъ пользованія. Общихъ правилъ нѣтъ, и мы даже не слышимъ объ установленіи точныхъ сроковъ. Напротивъ, нѣсколько разъ упоминается о бенефициальномъ владѣніи, какъ о шаткомъ и могущемъ вдругъ прекратиться ³⁾. Въ одной грамотѣ графа Гвидо, сына Гваймаріа Салернского, которая по содержанію основываетъ владѣніе, весьма близко подходящее къ бенефициальному, хотя выраженіе бенефиций не употреблено, Грекъ Урсъ получаетъ домъ и садъ у воротъ

¹⁾ О бенефиціяхъ управляющихъ было также сказано выше.

²⁾ Cod. emph. farf. f. 102, 127.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII № 705, стр. 1226: *peto ego Ioannis abitor in vico Iuioni da te lupus presbiter et prepositus — ut mihi qui supra petitori dare ac presentare iu beatis—usquedum tuo fuerit beneficio espletis, sorte una etc.* Если бы бенефиций былъ пожизненнымъ, то было бы навѣрно сказано: *usquedum vita tua fuerit* или что-нибудь подобное. Точно также было бы упомянуто о срокахъ, исчисленномъ годами. Ср. *Memorie di Lucca*, V т., 2 ч., № 577, стр. 345.

замка Лаури на совершенно неопредѣленный срокъ, пока будетъ угодно собственнику ¹⁾. Если имѣть въ виду, что бенефициальные задачи развились въ дополненіе и закрѣпленіе чисто личныхъ отношеній между сеніоромъ и вассаломъ, господиномъ и слугой, и потому предполагали покровительство и благоволеніе, съ одной стороны, службу и вѣрность—съ другой, то станетъ весьма понятнымъ отсутствіе точныхъ сроковъ, юридическая неопредѣленность владѣнія, постановка его въ зависимость отъ воли одной изъ сторонъ. Сила бенефициального договора заключалась не въ письменномъ актѣ и не въ юридической связи, а въ фактической потребности сговорившихся во взаимныхъ услугахъ, въ фактической близости между ними, главное, можетъ быть—въ фактической силѣ и косности продолжительнаго обычнаго пользованія. Чтобы разрушить бенефициальное владѣніе вассала, не имѣвшаго документовъ и признанныхъ юридическихъ правъ, нужно было для сеніора не только пренебречь неписанною справедливостію и рѣшиться на насиліе — передъ этимъ могущественные сеніоры IX и X вѣка, пожалуй, и не постояли бы,—нужно было не нуждаться въ услугахъ вассаловъ и не бояться дружнаго сопротивленія. Пойти на это было очень опасно, и когда сеніоры сдѣлали попытку въ началѣ XI вѣка осуществить свои формальные права и ограничить бенефициальное владѣніе согласно этимъ правамъ, попытка эта привела только къ неудачѣ и къ знаменитому первому установленію путемъ императорской конституціи того, что до тѣхъ поръ прижилось по обычаю и справедливости. Въ актахъ IX и X вѣковъ можно замѣтить зародыши притязаній и сеніоровъ, и вассаловъ XI вѣка: мы указали на шаткость владѣнія съ юридической точки зрѣнія и въ то же время можемъ показать, что владѣніе это при всей своей кажущейся необезпеченности стремилось сдѣлаться пожизненнымъ и наследственнымъ. Грамота бенеventскаго соборнаго капитула свидѣтельствуетъ, что для духовныхъ лицъ устанавливалась пожизненность пользованія бенефіціями ²⁾. Тосканская и ломбардская грамоты, к-

¹⁾ Cod. Cavensis № 151, I, 194: Eo tinore, ut amodo et dum nostra fuerit bonitas, ipse quidem ursus residere et habitare in ipsum ortalem meum et in ipsa casa que ibidem posita est, que est erga ipso castellum de lauri et est pertinentes de ipso fundum, quod ego comparatum ab eo da hominibus neapolitani, qui vocantur calbusi;—et dare exinde nobis annuliliter censum per natibitas domini gallina una, et in pasca domini similiter gallina una.

²⁾ Capitolo di Benevento, Tubo 3, 971 годъ: Adiecentesque ibidem ecclesiam Sancti Petri loco Centiale, quam in beneficium ab hac nostra sede tenet Iohannes

торыя уже приходилось цитировать выше, доказываютъ, что признавалось извѣстное право на бенефиціи за наслѣдниками первоначальнаго владѣльца ¹⁾. Для IX и X вѣковъ въ Лангобардской Италіи представляется вполнѣ вѣрною та характеристика бенефиціального владѣнія, которую сдѣлалъ Гизо по отношенію къ болѣе раннимъ, по его мнѣнію, франкскимъ бенефиціямъ; въ одно и то же время встрѣчаются самыя разнородныя условія владѣнія — и пожизненность, и наслѣдственность и право сеніора отобрать бенефиціи по своему усмотрѣнію. При такого рода постановкѣ дѣла можно съ увѣренностью сказать, что весьма часто бенефиціальное владѣніе не было даже обезпечено инвеститурой, а заключалось въ простомъ фактическомъ пользованіи, нисколько не связывавшемъ собственника юридически ²⁾. Но даже при болѣе строгомъ бенефиціальномъ владѣніи вмѣшательство собственника въ распоряженіе участкомъ и контроль его надъ хозяйствомъ были очень значительны. Мы узнаемъ о нихъ преимущественно изъ постановленій государей относительно собственныхъ бенефиціевъ, но нѣтъ причины полагать, чтобы контроль и вмѣшательство были ограничены этимъ случаемъ. 117-я статья Карла Великаго предписываетъ отбирать у владѣльцевъ бенефиціи, управленіемъ которыхъ они пренебрегали ³⁾; 45-я статья Лотаря запрещаетъ дробить владѣльческія права на церкви, находящіяся въ бенефиціальныхъ

Bibinensis Episcopus, et ecclesiam sancti Angeli de loco Quascirana, quam tenet Rofrad Clericus in beneficium, post obitum eorum scilicet.

¹⁾ *Memorie di Lucca V, 2 ч. № 866, стр. 529. Case et rebus massarieie in loco ubi dicitur Ceruliano, pertinens ipsius Epis. vestro S. Martini, quas qd. Rapprando gg. meo per beneficio habuit;—Tali tinore ut da admodum usque dum Ricardo infantulo filio suprascripti qd. Rapprandi gg. meo avixerit, suprascriptis casis et rebus quas mihi dedisti, in mea vel de meis heredes sit potestatem eas abendi.—et post vero decesso suprascripti Ricardi infantuli hunc libellum inanis et vacuum adque chassatum permaneant. Mon. hist patr. XIII, № 226 стр. 378: Sed ipse Petrus clericus contradicentes, quod exinde fruges injuste non tullisse, quia rebus ipsis de abbates ipsius monasterii antecessores ipsius Petri abbati in beneficium abuisse.*

²⁾ Къ такого рода способу владѣнія отлично идетъ выраженіе пьемонтской грамоты «*havit*» и неопредѣленнос «*tenet*»; къ первому понятію собственности не подходитъ совершенно, плохо подходитъ даже понятіе прочнаго владѣнія; последнее обнимаетъ всѣ виды и формы владѣнія.

³⁾ *Quicumque beneficium occasione proprii desertum habuerit et intra annum postquam ei a comite vel misso nostro notum factum fuerit illud emendatum non habuerit, ipsum beneficium amittat.*

имѣніяхъ ¹⁾. До какой степени чувствовалась солидарность между имуществомъ выдавашаго бенефиций и выданнымъ участкомъ видно изъ того, что нѣкоторыя привиллегіи государственной и церковной собственности распространялись на вышедшую изъ нихъ бенефициальную ²⁾. Наконецъ, въ лакавской грамотѣ 1000 года мы имѣемъ при мѣръ бенефициара, который заключаетъ либелларный договоръ, потому что ему предписалъ собственникъ ³⁾. Ясно само собою, съ другой стороны, что пользователь не имѣлъ права самовольно распоряжаться участкомъ, продавать, дарить или сдавать въ аренду.

Послѣ всего сказаннаго о бенефиции мы можемъ возвратиться къ частному вопросу, который послужилъ намъ переходомъ отъ описанія прекаріи.

Встрѣчаются ли въ лангобардской Италіи такъ-называемыя *regaliae verbo regis*, то-есть, тѣ же бенефиціи, только вывоенные королямъ не изъ своей, а изъ церковной земли, съ установленіемъ для владѣльцевъ нѣкоторой платы? Эта форма, какъ извѣстно, играла чрезвычайно важную роль при производствѣ каролингской секуляризаціи въ Франкскомъ государствѣ. Въ каролингомъ законодательствѣ есть специально касающіяся ея постановленія, которыя принадлежали къ такъ-называемымъ *Capitula generalia*, обнародованныя для всей имперіи и потому вошедшія въ собраніе лангобардскихъ законовъ. Таково постановленіе объ исправной уплатѣ слѣдующихъ съ подобнаго рода бенефициевъ въ пользу церкви десятой и девятой частей дохода ⁴⁾. Но, какъ показали авторитетнѣйшій въ вопросѣ о капитуляріяхъ ученый—Боренціусъ, *Capitula generalia*, хотя формально

¹⁾ Et ubi ad nostrum beneficium aeclesiae pertinentes ita divisae inventae fuerint, ut describantur et nobis nuncientur.

²⁾ Ludov. Pii. 6: De aecclesiastico et fiscalino et beneficiario servo volumus, ut pro una vice vidrigild eius pro eo componatur, altera vice ipse servus ad supplicium tradatur. Ср. Loth 58.

³⁾ Cod. dipl. Cavensis, III, № 529 стр. 98. Memoratorium factum a me iacquintus dictus, eo quod ante presentia domni maioni archidiaconi et abbatis ecclesia sancti maximi que constructa est intus anc salernitanam civitatem, et ibique esset subscripti testes, per demandatione ipsius domni maioni archidiaconi et abbatis, ad tenendum et pastenandum arbustum tradidit ego una pecia de terra bacua, quod pars ipsius ecclesie abet in locum nuceria ad turre mediana domnica, quod ego in beneficium teneo. — — ec vero res per iamdicte finis et mensurie totum et inclitum illut ad postenandum arbustum tradidit leoni presbiteri greco et theodesi similiter greco germani filii caloiuri presbiteri.

⁴⁾ Karolī M. 60.

и сдѣлались частью лангобардскаго права, въ дѣйствительности почти не примѣнялись въ области его дѣйствія, такъ какъ имѣли въ виду, въ сущности, одни франкскія условія и для перенесенія въ другія страны не годились ¹⁾). Поэтому, приведенное мѣсто нисколько не доказываетъ, чтобы существовала въ Италіи процедура выдачи прекарій *verbo regis*, или же чтобы былъ употребителенъ сборъ въ пользу церквей въ размѣрѣ ^{2/10} дохода. Но есть другія свидѣтельства, которыя показываютъ, что въ Италіи дѣйствительно было нѣчто въ родѣ упомянутыхъ прекарій. Я уже приводилъ извѣстіе о дѣлѣ между аббатствомъ Боббіо и маркграфомъ Родальдомъ. Оно все вертится вокругъ вопроса, принадлежать ли спорныя земли къ той части монастырскихъ владѣній, которыя принято было раздавать вассаламъ короля ²⁾? Въ этой связи нельзя обойти молчаніемъ любопытную лукскую грамоту 845 года. Агано, бывший графъ, вѣроятно, тотъ же самый, который снималъ допросъ съ свидѣтелей въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ между епископствомъ св. Мартина и казноу, беретъ отъ епископа Амвросія по либелларному договору церковь св. Михаила in Fogo на пять лѣтъ. Контрактъ остается дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, если Агано не получитъ за это время бенефіція отъ короля сверхъ того, которымъ онъ уже владѣетъ; если же получить, либелларный договоръ по поводу церкви разрывается ³⁾. Крайне странная зависимость церковной аренды отъ выдачи королевскаго бенефіція можетъ быть рационально истолкована только при одномъ предположеніи, именно—что и церковная-то аренда была, въ сущности, выдана по настоянію короля, не имѣвшаго въ то время въ своемъ

¹⁾ *Boretius*, Praefatio ad librum papiensem, M. G. Lgg., IV, §. 4.

²⁾ *Monum. hist. patr.* XIII, № 459, 794. Radaldus illuster marchio, qui partem ex jam dicto monasterio et abbatiam da parte regia in beneficio habere videbatur, una cum Gotefredo iudex domni regis et advocato ipsius monasterii et abbatia da parte illa, quas ipse in beneficio retinere videtur, altercationem habentes — et isti Radaldus marchio et Gotefredus advocatus dederunt nobis responsum, ut cortem ipsam domum colitem. — detinerent, sed non contra legem, eo quod a longo tempore curtem ipsam, quae dicitur Barbadam, cum sua pertinentia pertinet de illam portionem, quam consuetudo fuit in beneficio dandi.—Ср. впоследствии—*nichil a portionem illam pertinet, quod beneficiario nomen est ad abendum nec requiringum, quia, ut diximus, ad usum et utilitatem fratrum monachorum fuit et esse debet.*

³⁾ *Memorie di Lucca*, V, 2 ч., № 628, стр. 375: Sic tamen ut si nobis ante ipsos quinque annos da regiam partem beneficium cencessum fuerit, super illum quod modo habemus, abere: tunc hec cartulam invallidam permaneat.

распоряженіи годнаго для выдачи участка, или же не желавшаго его выдать. Чтобы подсластить пилюлю, король обнадежилъ епископство возможностью скорого возвращенія прекаріи.

При характеристикѣ разсмотрѣннаго вида владѣнія я постоянно употреблялъ терминъ „бенефицій“, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ именно этимъ терминомъ пользуются источники ¹⁾. Какъ извѣстно, терминъ „феодъ“ входитъ въ употребленіе позднѣе, уже въ XI вѣкѣ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, указано было два-три случая, когда послѣдній терминъ встрѣчается уже въ X вѣкѣ, въ формѣ *fehum* или *fegum* ³⁾. Въ дополненіе къ этимъ случаямъ я могу указать на слѣдующее: Въ *Largitorium* аббатства Фарфы выраженіе „*fegum*“ попадаетъ въ документъ 939 года ⁴⁾, и нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что оно дѣйствительно находилось въ оригиналѣ документа, потому что компиляторъ свода, Григорій Катинскій, никогда не мѣнялъ произвольно выраженія самихъ грамотъ. Въ „Флоригерѣ“ того же аббатства говорится, что графъ Тедуинъ получилъ „*per fegum*“ церковь св. Ангела въ Феноклѣ ⁵⁾. Имя графа Тедуина часто встрѣчается въ документахъ аббатства Фарфы третьей четверти X вѣка. Особенно важенъ, конечно, первый изъ приведенныхъ случаевъ, который является вторымъ, по времени, упоминаніемъ термина „*fehum*“ ⁶⁾

¹⁾ Въ настоящей главѣ я пользовался исключительно матеріаломъ, который доставляютъ законодательные памятники и грамоты, потому что дѣло идетъ въ ней объ установленіи юридическихъ формъ. Относительно бенефициальнаго владѣнія существуютъ еще извѣстія въ лѣтописяхъ, которыя, однако, будетъ удобнѣе разобрать въ послѣдней главѣ при описаніи вассалитета и его связи съ бенефициальною системой.

²⁾ *Waitz*, *Deutsche Verfassungs-Geschichte*, VI, 7.

³⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.*, VI, 96. *Guerard*, *Polyphtique de l'abbé Irminon* I, 564.

⁴⁾ *Cod. emph. Farf. f. 112*: *Nos iohannes filius iselberti et lantrudus filius alberici de territorio asculano petimus nobis — — mihi praestare iubeatis res iuris monasterii vestri — — Annis XXVIII (in territorio asculano ubi dicitur solestanus, ad puteum, quae rectae fuerunt per petrulum. Et vineam inter baneccla quam ego a nobis in fegum tenui iohannes. Грамота помѣчена въ сводѣ XIII индиктомъ, XIII годомъ короля Гуго и IX Лотаря, которые между собою не сходятся, что, впрочемъ объясняется небрежностью при перепискѣ ихъ въ XII вѣкѣ: такого рода случаи весьма часто встрѣчаются въ компиляціи Григорія Катинскаго. Какъ бы то ни было, при опредѣленіи даты возможно колебаніе между 938, 939 и 940 годами.*

⁵⁾ *Floriger Farf. s. v. S. Angelus in fenocle.*

⁶⁾ Первое въ 930 году, въ южной Франціи.

и показываетъ, что терминъ этотъ появился въ Италіи почти въ то же время, какъ и въ южной Франціи. Его италіанская форма—*fehum* вполне подтверждаетъ установившееся въ настоящее время слово-производство отъ германскаго „*feh*“ или „*Vieh*“.

Тогда какъ о бенефіціяхъ мы должны судить только по косвеннымъ извѣстіямъ, относительно либелларныхъ договоровъ до насъ дошла масса свидѣтельствъ, такъ какъ либелларныя грамоты наполняютъ собою своды документовъ IX и X вѣковъ. Уже въ предшествующей главѣ пришлось коснуться этихъ арендныхъ записей и замѣтить, что онѣ подраздѣляются на двѣ главныя группы. Пожалуй, правильнѣе будетъ сказать, что въ средѣ либелларныхъ договоровъ выдается отдѣльная группа колонатныхъ сдѣлокъ: относящіяся сюда документы отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что, кромѣ обычныхъ обязанностей по улучшенію участка и несенію извѣстныхъ повинностей, либелларій беретъ на себя обязательство сидѣть на участкѣ и лично обрабатывать его ¹⁾. Иногда дѣлается оговорка, что будутъ сидѣть на участкѣ не всѣ сѣемщики, а одинъ или нѣкоторые ²⁾. Особенно замѣтно отдѣленіе колонатной сдѣлки отъ либелларной въ тѣхъ случаяхъ, когда снимающій землю самъ не будетъ обрабатывать ея, а поселить на ней другаго колоната ³⁾. Фактическія различія, возникающія изъ этой основной разницы, чрезвычайно существенны и значительны: съ одной стороны, получаются разнообразныя градаціи арендныхъ отношеній, начиная отъ краткосрочнаго денежнаго найма и кончая фактическимъ присвоеніемъ недвижимости номинальнымъ арендаторомъ, который или

¹⁾ Изъ тысячи случаевъ два примѣра: S. Salvatore di M. Amiata, 819, апрѣль: *Placuit igitur adque combenit inter dominum aualdu abbas nec non et rattilmi et marinu germani omni liberi ut debeatis nos predicti risedere in casa Sancti Salbatori qui positam est in bico ulma ipsa suprascripta casa — — bos suprascripti iam antea nobis per cartulam benundasse. — — tradedi bobis qui supra germani ad libellario nomine ad laborandum cultandum fruendum et in omnibus meliorandum. Memorie di Lucca IV, 1 ч. № 12, стр. 17: Ut tam nos quam et hereditibus nostris in ipsa Casa habitare debeamus et ea vel omnia res, ad ipsa casa pertinente cum duas petias de vinea quem Filuaciolus. ad mam. sua. habint bene laborare et goubernare adque meliorare debeamus.*

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata 855, декабрь: *pro mittimus nos ludoni presbyter et ursu ipsa suprascripta casa et res auere possedere laurare usufruere meliorare nam non pegiorare et ego ursu iuidem resedere.*

³⁾ Memorie Lucca, V, 2 ч. № 606, стр. 363: *filio meo, quas in ipsa casa ad abitandum posuero. S. Salvatore di M. Amiata 863, октябрь: ibide in suprascripta casa et res per uos aut per uestros homines resedeatis.*

не платить оброка или платить ничтожный, только для виду; съ другой стороны, зависимость по владѣнію осложняется и отягчается личной зависимостью, влечетъ за собою политическое подчиненіе, экономическую эксплуатацію въ формѣ разныхъ службъ и барщинъ, иногда отреченіе колона отъ всякой работы и наживы на сторонѣ, за предѣлами участка ¹⁾. Хотя различія въ положеніи колона и свободного собственника, арендующаго чужую землю,—громадныя, тѣмъ не менѣе юридическія формы ихъ отношеній къ собственнику снимаемой земли выработались въ такой неразрывной связи, такими незамѣтными переходами сближаются эти двѣ группы сдѣлокъ, не смотря на рѣзкую противоположность между ихъ крайними проявленіями, такъ трудно поэтому, бываетъ подѣ часъ отличить колонатный договоръ отъ обыкновеннаго либелларнаго, что въ изложеніи намъ кажется необходимымъ не раздѣлять ихъ, а рассмотреть за-разъ одинаково характерные для обоихъ признаки. При этомъ, конечно, придется отмѣчать и особенности.

Относительно сроковъ пользованія различія на первый взглядъ установить нельзя. Сроки эти очень различны смотря по обстоятельствамъ и по мѣстностямъ. Сравнительно, рѣже всего попадаются наймы на краткіе сроки — на годъ ²⁾, два ³⁾, шесть ⁴⁾, семь ⁵⁾, де-

¹⁾ *Memorie di Lucca*, V т., 2 ч., № 268, стр. 157: *Ego cunctis diebus vite mee resedere et habitare debeam in una casa Eccl. vestre S. Martini, que est ipsa casa in loco Ligori, ubi antea Ghitiolo resedit; et ipsam predictam casam, una cum omnis res ad eam pertinentem in omnibus bene laborare et meliorare promicto, non alibi peculiarina faciendo.*

²⁾ *Cod. diplom. Cavens.* № 245, II, стр. 42.

³⁾ *S. Salvatore di Monte Amiata*, 838, марта, № 2: *A uobis peto tacioni uti mihi ideperandu diaconus et monachus et prepositus ad parte domini salvatori monasterio monte amiate idest omnis rebus ipsas qui fuet de quondam raginaldo sculdahis filio bone memorie emitto de eibis tuscana — peto usque ad annos duos.*

⁴⁾ *Memorie di Lucca*, V. т., 2 ч., № 480, стр. 288.

⁵⁾ *Cod. dipl. Cav.* № 183, I, 237: *Ut amodo et usque completa septem frugias, tenere ad laborandum et ad pastenandum vites in ipsa terra cum arbustis de locum nuceria, ubi aiella dicitur, que ego in veneficium teneo a partibus ecclesie sancti maximi, quod sunt due pecie; — laborare et cultare de super et de subter, ut vene paread laboratum et cultatum, et ubi meruerit aste ponere infra ipso arbusto, et vites traere et propaginare, et ipso abellanietum temporibus suis studiose colligere et seccare, et ipse abellane sece tote nobis medietatem dare etc. Вся эти обязанности указываютъ на то, что дѣло идетъ о колонѣ.*

сять ¹⁾, восемнадцать ²⁾, двадцать ³⁾ лѣтъ. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что на эти, сравнительно, краткіе термины заключались какъ обыкновенные либеллярные, такъ и колонатные договоры ⁴⁾. Но легко понять, что послѣдніе теряли въ значительной степени свою *raison d'être*, когда ихъ прерывали черезъ какіе-нибудь пять, десять лѣтъ, и дѣйствительно, на практикѣ краткосрочные колонатные договоры, при которыхъ съемщикъ обязывается не только обрабатывать участокъ, но и сидѣть на немъ, составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Чаше встрѣчаются они среди весьма распространенныхъ сдѣловъ, заключенныхъ на двадцать-девять лѣтъ ⁵⁾ съ тою цѣлю, чтобы прервать теченіе тридцатилѣтней давности, образованіе которой могло бы подрывать права собственника, или наоборотъ, способствовать обращенію свободнаго арендатора въ крѣпостнаго.

Въ Луквской области вмѣсто двадцати-девятилѣтнихъ контрактовъ встрѣчаются иногда двадцати-восьмилѣтніе ⁶⁾. Сдѣлки, заключенныя на всю жизнь пользователя, приблизительно, одинаково распределяются между либеллярными и колонатными договорами ⁷⁾. Первые преобладаютъ при сдѣлкахъ, заключенныхъ на цѣлый рядъ поколѣній, а договоръ на три поколѣнія, одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ IX и X вѣкахъ, выдѣляется даже иногда какъ бы въ особый видъ аренды, носящій названіе „*tertium genus*“, которому со-

¹⁾ Cod. dipl., Car., № 100, I, стр. 128.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 476, стр. 824. Ita ut ipse Adelbertus cum suis heredibus habitare et residere debeat in molendinum illum niris ipsius monasterii — — et eum continere et inde persolvere debeat singulis annis usque ad annos decem et octo expletos etc.

³⁾ Capitolo di Benevento, Concessionones vinearum, 983.

⁴⁾ Cod. emph. Farf., f. 49: — — pro eo quod non habemus res unde bibere possimus promittimus vobis — — residere in rebus uestri monasterii in territorio interocrino — — usque in annos X. Cp. f. 43.

⁵⁾ Memorie di Lucca V, 2 ч., № 863, стр. 225. Monum. hist. patr. XIII, № 738, стр. 1285. Колонатные: Monum. hist. patr. XIII, № 96, стр. 178, № 129, стр. 229, № 273, стр. 460, № 408, стр. 687.

⁶⁾ Memorie di Lucca IV, 2 ч., № 24, стр. 32; стр. V, 2 ч., № 523, стр. 313; № 546, стр. 326.

⁷⁾ Примѣръ колонатнаго — Cod. empl. Farf. f. 47: — — daretis mihi ipsam piscariam quatinus dum ego aduixero, ibidem resideam. Cp. Cod. emph. Farf., 150, 151 и др.

отвѣтствуетъ названіе самой грамоты — „Scriptum tertij generis“¹⁾, За то, особенно часто встрѣчаются колонатныя условія въ случаѣ наслѣдственной аренды. Къ послѣдней, по всей вѣроятности, необходимо присоединить и тѣ случаи, когда въ грамотѣ не обозначено никакихъ сроковъ²⁾.

Въ большинствѣ случаевъ аренда не прекращалась съ истеченіемъ срока, а возобновлялась на прежнихъ условіяхъ, при чемъ грамота переписывалась. Эти возобновленія, такъ сказать, освѣжали права собственника. Примѣры ихъ мы имѣемъ уже при краткосрочныхъ наймахъ, но особенное значеніе имѣли они, конечно, для контрактовъ двадцати-девятилѣтнихъ, пожизненныхъ и выданныхъ на нѣсколько поколѣній. Не подлежитъ сомнѣнію, что возобновлялись періодически даже наслѣдственные договоры, именно при смѣнѣ контрагентовъ и особенно въ случаѣ смерти пользователя, но прямыхъ доказательствъ этого обычая мы не имѣемъ. За то относительно другихъ видовъ либелларнаго договора въ доказательствахъ недостатка нѣтъ. Иногда, въ самой грамотѣ оговариваются условія, на которыхъ имѣніе должно перейти къ наслѣдникамъ³⁾, иногда же при возобновленіи упоминается, что прежде держалъ отецъ или другой родственникъ арендатора⁴⁾. Сюда же, по видимому, относятся случаи, когда въ грамотѣ сказано, что получающій ее уже находится во владѣніи самымъ имѣніемъ:⁵⁾ по смерти прежняго владѣльца, на примѣръ, его наслѣдникъ

¹⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 410, стр. 248, № 855, стр. 522, Mon. hist. patr. XIII, № 304, стр. 516; примѣръ колонатнаго договора in tertium genus—Cod. empl. Farf. f. 47. Иногда условіе заключается на два и иное число поколѣній. Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 403, стр. 243. Ср. обо всемъ этомъ *Пертисе*, IV, 356 и сл.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 863 г., октябрь: vos qui supra ardifusa et adalprando et ad uestris eredis ad libellario nomine dedimus.

³⁾ Capitolo di Pistoja, 962 годъ, іюнь (рукопись флорентинскаго архива): siglittio infantulo germano—medietatem de suprascripto censo reddiderit etc. Cod. Cavensis I, № 113 стр. 143: Et totum ipso vinum ibique ad palmentum et omnes poma exinde per medietatem illut dividere: pars ipsius eccesie tollat ipso frudium medietatem, et ipso filio meus et eius eredes, ut diximus, qui fuerit ladico, tollat reliqua medietate; verumtament de ipsi filii mei, illi qui fuerint clerici vel presbiteri et custodi erint et officiaberint ipsab ecclesia frudiare diebus vite sue ipsa vinea per illa ratione, sicut superius legitur.

⁴⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 827 февраль; 843 январь.

⁵⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 835, августъ; 860, май; Rochettini di Pistoja, 893 май; Mercuriale di Pistoja, 985, декабрь.

конечно, сохранялъ фактическое пользованіе, хотя бы договоръ былъ заключенъ только на жизнь перваго; при возобновленіи грамоты объ этомъ-то фактическомъ пользованіи и упоминалось. Связь между распоряженіями документовъ въ этихъ двухъ случаяхъ можетъ быть усмотрѣна, напримѣръ, изъ луккской грамоты 882 года ¹⁾. Понятно, что и при двадцати-девятилѣтнихъ контрактахъ фактическое пользованіе арендатора не прерывалось тотчасъ же послѣ истеченія срока. Во всякомъ случаѣ, самое существованіе возобновленій предполагаетъ возможность разрыва прежнихъ отношеній. При подобнаго рода разрывѣ возникалъ важный вопросъ объ улучшеніяхъ, произведенныхъ на участѣ и о движимости, особенно рабочемъ инвентарѣ, на немъ находящемся. Вопросъ этотъ предусматривается иногда грамотами, преимущественно колонатными, такъ какъ отъ его разрѣшенія зависѣла на практикѣ свобода перехода крестьянина отъ одного помѣщика къ другому. Движимость дѣлится большею частью пополамъ между собственникомъ и пользователемъ, хотя встрѣчаются и другаго рода распоряженія ²⁾. То или другое разрѣшеніе вопроса въ значительной степени зависѣло отъ участія, которое принимали въ хозяйствѣ собственникъ и колонъ своимъ капиталомъ и трудомъ. Къ этимъ хозяйственнымъ условіямъ намъ еще придется возвратиться; поэтому мы пока ограничимся сказаннымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя прекращеніе арендныхъ отношеній предусматривалось и встрѣчалось на практикѣ, общая тенденція была рѣшительно въ пользу продолженія арендныхъ сроковъ и возобновленія контрактовъ. На сколько сильна была эта тенденція, видно, между прочимъ, изъ одной лувекской грамоты 824 года. Хотя участокъ передается не сыну бывшаго арендатора, а другому лицу, наследственные права сына на столько уважаются, что новый арендаторъ обязуется прокармливать этого сына ³⁾.

Хотя, такимъ образомъ, положеніе арендаторовъ, благодаря долгимъ срокамъ и даже наследственности держаній, становилось довольно обезпеченнымъ, независимымъ и приближалось къ положенію

¹⁾ Memorie di Lucca, IV, 2 ч. № 46, стр. 61: livellario nomine dedisti nobis, idest casa, et res illa, quam abis in loco ubi dicitur Massa; prope Frigido, qui recta fuit per suparascripto genitore nostro, et modo recta esse videtur per nos ipsi.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 826, декабрь. Ср. Cod. emph. Farf., f. 49: exeamus quantum per numerum ibi de rebus nostris mittimus. Cod. Dipl. Cavens III, № 529 стр. 98: remittant ad pars ecclesiae, et nullam sortionem de ipso rebus querant.

³⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 300, стр. 275.

собственника, тѣмъ не менѣе отсутствіе настоящей собственности и вліяніе того, въ чьихъ рукахъ она находилась, давали себя чувствовать не одними только платежами и повинностями, но также и контролемъ, который принадлежалъ собственнику относительно хозяйства на зависимыхъ земляхъ. Въ либелларныя и колонатныя грамоты изъ договоровъ эмфитевтическихъ перешла Klausula о необходимости не только обрабатывать, но и улучшать имѣніе, и во всякомъ случаѣ не ухудшать его (*meliorandi sed non pejorandi*). Эта Klausula предполагаетъ надзоръ за успѣшностью хозяйства. Хотя на практикѣ примѣнять ее было всегда не особенно легко, а возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ могъ справиться съ либелларіемъ по своей волѣ и способности доказать свои притязанія хотя бы въ судѣ, тѣмъ не менѣе мы слышимъ изрѣдка о конфискаціяхъ, произведенныхъ на томъ основаніи, что арендаторъ не выполнилъ условія касательно улучшения участка ¹⁾. Съ другой стороны, нѣтъ упоминаній о конфискаціи имѣнія за неплатежъ условеннаго оброка. Напротивъ мы имѣемъ косвенное доказательство, что этого не дѣлалось: за неплатежъ и вообще нарушеніе какихъ-либо условій договора опредѣляется обыкновенно самою грамотой извѣстный штрафъ, иногда очень высокій.

Вообще, опредѣленіе характера и количества платежей и повинностей имѣетъ во всѣхъ этихъ документахъ первостепенную важность. На ряду съ денежнымъ оброкомъ, является плата извѣстными продуктами и частями сбора, наконецъ, въ случаѣ колонатныхъ договоровъ—барщина. Весьма часто всѣ эти виды повинностей встрѣчаются на одномъ и томъ же участкѣ ²⁾; но по легко понятнымъ причинамъ,

¹⁾ *Memorie di Lucca* V т., 2 ч. № 698, стр. 418: *ecce livellum, quomodo eas da qi Ambrosio antecessor istius dn. Hieremie presul eas receperunt iste Bellisarius presb. qui tunc clericus erat, et Samuel gg. da parte S. Martini; set eadem Eccl. casis et rebus earum peiorate sunt, unde secundum suorum repromissionem a parte S. Martini comp... Ecclesiiis casis et rebus perdere debuit.*

²⁾ *Memorie di Lucca*, V, 2 ч. № 628, стр. 380: *Reddere debeamus grano modia duo, spelda modia duo ad legitimo sistario sicut fuit consuetudo, ana ad viginti quattuor sistaria per singulo modio: vinum puram anforas tres, ana sexaginta sistaria legiptime per singula anfora; et per singulos annos in uno anno porco uno, et da alio anno berbice uno, sicut fuit consuetas: angaria vero vobis per singulos annos facere debeamus, quantum tibi consuetudo fuit de ipsa casa et res faciendum, et per singulos annos ex ipsa re vobis retdere debeamus in ipso loco quartam partem olivas, quas exinde Dominus dederit. Cp. *Memorie di Lucca* V т., 2 ч. № 351, стр. 209; № 439, стр. 264.*

денежная плата также преобладаетъ въ либеллярныхъ договорахъ, какъ барщина въ колонатныхъ. Мы разберемъ различныя формы повинностей, каждую въ отдѣльности.

Пользуясь тою массою данныхъ, которую доставляютъ грамоты относительно денежнаго оброка, можно было бы заняться опредѣленіемъ средней доходности земель въ лангобардской Италіи IX и X вв.; но такого рода предпріятіе завело бы насъ слишкомъ далеко и потребовало бы самостоятельнаго изслѣдованія, которому прійдется преодолѣть значительныя затрудненія, въ виду невозможности оцѣнить въ частныхъ случаяхъ различныя хозяйственныя условія и частаго назначенія чисто номинальной платы. Здѣсь мы можемъ только указать, что, при колебаніи цѣнъ отъ одного динарія ¹⁾ до нѣсколькихъ десятковъ солидовъ ²⁾, обращаетъ на себя вниманіе своимъ чрезвычайно частымъ повтореніемъ, сумма въ двѣнадцать динаріевъ или одинъ солидъ ³⁾, которая, по видимому, составляла обычную плату за пользование оброчнымъ дворомъ. Примѣры ничтожныхъ, совершенно не соответствующихъ доходности земель, платежей, даютъ намъ почти всѣ либеллярные договоры послѣдней четверти X столѣтія въ Луккской области ⁴⁾. Въ это время производилось систематическое расхищеніе земель Луккскаго архіепископства подъ благовиднымъ предлогомъ—отдачи ихъ въ аренду. Могущественные слуги или сосѣди архіепископа отбирали у него села и усадьбы цѣлыми десятками, а въ вознагражденіе обязывались платить два, три солида.

Номинальная плата также часто производится продуктами, какъ и деньгами; она можетъ имѣть только то значеніе, что напоминаетъ о правахъ собственника и способствуетъ поддержанію ихъ на судѣ. Для этой цѣли выговаривается, напримѣръ, доставленіе арендаторомъ собственнику двухъ амфоръ ⁵⁾ вина, нѣсколькихъ фунтовъ масла ⁶⁾, пары цыплятъ въ годъ ⁷⁾, или по цынленку въ три различные срока ⁸⁾,

¹⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 892, стр. 545.

²⁾ Пятнадцать—Cod. emph. Farf. f. 39, 41; пятьдесятъ—Cod. emph. Farf., f. 40.

³⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 855, декабрь; 897, января 15-го; 940, іюля 16-го; 911, іюля 19-го; 921, январь; Capitolo di Pistoja, 954, мартъ; Mercuriale di Pistoja, 985, декабрь, и т. п. Примѣры взяты на удачу. Ихъ тысячи въ луккскихъ и евресскихъ грамотахъ.

⁴⁾ См., напримѣръ, грамоты 963 года.

⁵⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 834 г., январь.

⁶⁾ Memorie di Lucca, IV, I ч., № 25, стр. 34.

⁷⁾ Cod. diplom. Cavens., № 529, III, стр. 98.

⁸⁾ Cod. emph. Farfensis, 44.

одежды ¹⁾ изъ козьяхъ шкуръ и т. п. Иногда эти номинальные платежи принимаютъ довольно странную форму: въ сѣверо-восточной Италіи, напримѣръ, а отчасти и въ Тосканѣ, очень употребительно приносить помѣщику свинной окорокъ ²⁾; впрочемъ, курьезные и какъ бы насмѣшливые платежи появляются въ изобиліи уже позднѣе. Въ X вѣкѣ нельзя еще подобрать ничего подобнаго обязательству—вознаграждать собственника, показавъ ему золотую монету или разъ въ годъ попотчивать его залакомъ изжареннаго каллуна. Въ X вѣкѣ въ обычаѣ были угощенія болѣе солидныя ³⁾.

Понятно, что доставленіе продуктовъ имѣло часто весьма серьезное хозяйственное значеніе. Лиbellарій долженъ былъ, напримѣръ, доставить тридцать мѣръ ячменя ⁴⁾, пятнадцать кувшиновъ вина ⁵⁾, купить дорогую берберскую лошадь ⁶⁾ и т. п.; при этомъ обычные платежи примѣнялись къ характеру мѣстныхъ промысловъ и производству: рыбаки доставляли рыбу ⁷⁾, охотники—птицу ⁸⁾, съ кузнецовъ господинъ бралъ для своего двора плуги ⁹⁾ и разнаго рода желѣзныя издѣлія ¹⁰⁾; арендаторы же доставляютъ телѣги ¹¹⁾, колеса къ телѣгамъ ¹²⁾, мѣшки ¹³⁾ и т. п.

Но всего чаще при колонатномъ наймѣ уплата производилась не опредѣленнымъ количествомъ продуктовъ, а частью сбора. Вина колонъ отдавалъ обыкновенно половину ¹⁴⁾, а хлѣба разныхъ сортовъ—треть, или даже четверть ¹⁵⁾; другія дробы встрѣчаются, но гораздо

¹⁾ Memorie di Lucca IV т., 2 ч., № 30, стр. 41.

²⁾ Cod. dipl. Padovano, № 85; Memorie di Lucca, V, 3 ч. № 1165, стр. 86.

³⁾ Memorie di Lucca, т. V, часть 2-я, № 577, стр. 345.

⁴⁾ Cod. emph. Farfensis, f. 50.

⁵⁾ Cod. emph. Farfensis, f. 40.

⁶⁾ Memorie di Lucca, V т., 3-я часть, № 1146, стр. 71.

⁷⁾ Memorie di Lucca, IV т., 2-я часть, № 639, стр. 381.

⁸⁾ Memorie di Lucca, IV т., 2 ч., № 407, стр. 247.

⁹⁾ S. Salvatore di M. Amiata 890, августа 27-го; Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 1138, стр. 66.

¹⁰⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 919, сентября 10-го.

¹¹⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 540, стр. 322.

¹²⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 480, стр. 288.

¹³⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 429, стр. 258.

¹⁴⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 350, стр. 208.

¹⁵⁾ Memorie di Lucca, IV т., 2 ч., № 16, стр. 24; V т., 2 ч., № 587, стр. 351, № 588, стр. 352; Monum. hist. patr. XIII, № 129, стр. 229, № 273, стр. 294; Cod. Cavens. № 100, I, стр. 128, № 220, II, стр. 12.

рѣже ¹⁾. При раздѣлѣ пополамъ всего сбора выговаривается большею частью хозяйственная помощь скотомъ или сѣянами со стороны собственника ²⁾. Земледѣльческая практика IX и X вв. представляетъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ большое разнообразіе и различныя тонкости и мелкія условія, въ разборъ которыхъ мы, конечно, входить не можемъ.

Барщина опредѣляется или по употребленному на нее времени, или по числу отдѣльныхъ работъ. Колоны обязываются трудиться на господина двадцать-три дня ³⁾ въ году, двѣ ⁴⁾, пять ⁵⁾, десять ⁶⁾, недѣль и даже три мѣсяца ⁷⁾. Иногда постановляется, что помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ крестьянина каждую четвертую ⁸⁾ и даже третью ⁹⁾ недѣлю его труда. Въ тяжелое и важное для хозяйства время посѣва, жатвы, сѣнокоса и сбора винограда повинность иногда еще увеличивается: на примѣръ, въ одной фарфской грамотѣ, монастырь располагаетъ вообще каждой третьей недѣлей своихъ крестьянъ въ Интерокре, но во время посѣва, жатвы и въ маѣ мѣсяцѣ крестьяне работаютъ по очереди: недѣлю на себя и недѣлю на монастырь ¹⁰⁾.

¹⁾ Cod. dipl. Cavens. № 336, II, 163: de triticum — — de quatuor partes una — — linum vero — — in sextam partem dividere debeamus; unde ego et heredes meis tallamus partes quinque, et tu, et posteris tuis parte una: mileum vero, et fasioli, et folia, et cepullas, et seas, et stivalium, et cucurbitas, que ibi fecerimus, in quintam partem dividere debeamus и т. д. Ср. Cod. dipl. Cavens. № 245, II, стр. 42: terraticum de 6 cupella uno et de septem cupella uno (изъ тринадцати сноповъ два?). Capitolo di Benevento, Concessiones vinearum, 989: terraticum—5-й мождѣ.

²⁾ Cod. dipl. Cavens. № 132, I, 169: et in ipse terre nostre, si illu adiutaberimus bobi et semente, ipso bictalio spodimus nobiscum debidere per equaliter; et si illu non adiutaberimus, spodimus nobis dare de ipse nostre terre terraticum secundum legem, et quando ipse binie ille inpaliet intro se lebaberit et fecerit me sapere, spodimus da me suprascriptu iohne presbitero et abbas tollere unu pario bobis una hecdomada, ipsi avere ad lignamen tragere ad ipse binie nostre concianum. Ср. S. Salvatore di Amiata, 821, июнь; 854, январь; Cod. emph. Farf. f. 53.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 273, стр. 560.

⁴⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 438, стр. 263.

⁵⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 318, стр. 189.

⁶⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 624, стр. 372.

⁷⁾ Gattula, Accessiones, II, стр. 20.

⁸⁾ S. Salvatore di Amiata, 818, августъ.

⁹⁾ S. Salvatore di Amiata, 853, маѣ.

¹⁰⁾ Cod. emph. Farf. f. 43.

Въ большей части случаевъ, для барщины назначаются нѣсколько дней каждой недѣли, обыкновенно три ¹⁾, но встрѣчаются случаи, когда для барщины опредѣлены одинъ ²⁾, два ³⁾, четыре ⁴⁾, и какъ это ни невѣроятно—пять ⁵⁾ дней въ недѣлю; послѣдняя цифра менѣе удивить насъ, если принять во вниманіе, что, при случаѣ либелларіи, свободные люди, договаривающіеся по собственной волѣ съ землевладѣльцами, закрѣпляющіе этотъ договоръ грамотой, принуждены были отказаться отъ всякаго точнаго опредѣленія барщины и предоставить его произволу и интересу землевладѣльца ⁶⁾.

Если въ грамотахъ упоминается о производствѣ тахъ-называемыхъ орегае, то имѣются въ виду работы одного дня, произведенныя или лично крестьяниномъ (орегае manuales), или съ помощью быковъ (o. bubulcariciae) ⁷⁾; количество ихъ, конечно, очень разнообразно. При опредѣленіи барщины, большое значеніе имѣли вопросы о мѣстѣ, гдѣ она должна была производиться, и о способѣ прокормленія рабочихъ. Первый почти всегда разрѣшается грамотами ⁸⁾; втораго онѣ касаются только изрѣдка ⁹⁾, представляя его разрѣшеніе обычаю, который во всѣхъ этихъ крестьянскихъ отношеніяхъ игралъ чрезвычайно важную роль ¹⁰⁾. Въ категорію орегае входили также обязанности по перевозу и доставкѣ продуктовъ на господскій дворъ или на рынокъ, но исполненію извѣстныхъ порученій, передачѣ писемъ ¹¹⁾ и т. п.

Для того чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ доходовъ,

¹⁾ Cod. emph. Farf. f. 55, 59, 60, 61; Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 543 стр. 324.

²⁾ Cod. emph. Farf. f. 47.

³⁾ Cod. emph. Farf. f. 69, S. Salvatore, 819, августъ.

⁴⁾ Memorie di Lucca, т. V, 2 ч., № 819, стр. 497.

⁵⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 691, стр. 414, № 778, стр. 469. Есть даже извѣстіе о шестидневной барщинѣ, которое можно объяснить или тѣмъ, что въ этой формѣ скрываются «Ungemessene Dienste», или же тѣмъ, что либелларій въ данномъ случаѣ былъ просто нанятый работникъ, котораго поселили на извѣстномъ участкѣ. Memorie di Lucca, т. V, 3 ч., № 1108, стр. 44.

⁶⁾ Cod. emph. Farf. f. 47, 55; Memorie di Lucca, т. V, 2 ч., № 158, стр. 90.

⁷⁾ S. Salvatore di Amiata, 835, августъ: opere duein anno, una manuales; et una bubulcaricia.

⁸⁾ S. Salvatore di Amiata, ib: ad ipsa Cortem bucino.

⁹⁾ Monum. hich. patr. XIII, № 56, стр. 107.

¹⁰⁾ Terraticum Secundum consuetudinem—Cod. dipl. Cav. № 123. I, стр. 156.

¹¹⁾ Cod. emph. Farf. f. 51; Monum. hist. patr. XIII, № 85, стр. 160; Memorie di Lucca, т. IV, 1 ч., № 12, стр. 17, V т., 2 ч., № 438, стр. 263.

разнаго рода продуктовъ и труда, которое стекалось, благодаря всѣмъ этимъ либелларнымъ и колонатнымъ договорамъ въ господскіе дворы (*curtes dominicae—Frohnhöfe*), необходимо взглянуть на описи имущества и доходовъ этихъ дворовъ, которыя дошли до насъ ¹⁾. На господскомъ дворѣ слагается цѣлое обширное хозяйство, благодарн разнхарактернымъ повинностямъ и „помочамъ“, которыя онъ высасываетъ изъ окружающихъ его мелкихъ зависимыхъ дворовъ.

Прежде чѣмъ оставить этотъ предметъ, замѣчу, что, кромѣ всѣхъ исчисленныхъ повинностей, колонн подвергались различнымъ поборамъ и притѣсненіямъ, которые вытекали уже не изъ ихъ земельной зависимости, а изъ связаннаго съ нею личнаго приниженія. Переходъ отъ одного вида къ другому составляютъ постои; когда при дѣленіи сбора на нѣсколько частей землевладѣлецъ присылалъ своего прикащика для того, чтобы вмѣстѣ съ колономъ раздѣлить продукты, кслонъ обязанъ былъ содержать и кормить прикащика. Такого рода *manipatiisum* встрѣчается и независимо отъ какихъ-либо хозяйственныхъ работъ и распоряженій. О повинностяхъ чисто личнаго свойства и судебномъ подчиненіи колоновъ мы сваемъ въ слѣдующихъ главахъ при описаніи положенія отдѣльныхъ классовъ и патримоніальной юстиціи.

Я не отдѣлялъ въ своемъ изложеніи грамотъ, составлявшихся при назначеніи священника въ какой-либо приходъ, отъ обыкновенныхъ либелларныхъ контрактовъ, потому что и тѣ, и другіе представляются совершенно однохарактерными. Съ церковью и приходомъ обращались вслѣдствіе ихъ имущественнаго значенія совершенно какъ съ прочею недвижимостью; одни, какъ было уже сказано выше, выдавались въ бенефициальное владѣніе, другіе—большая часть—снимались въ аренду

¹⁾ См., напримѣръ, опись имущества св. Юліи въ Времн, *Monum. hist. patr.* XIII, № 419, стр. 708: *Et sunt manentes VII, et V ex ipsis reddunt ad fictum de grano modia VI, vinum et opera medietatem, et sextus ille reddit de grano modium quartum, vinum et opera medietatem, et ille septimus reddit ad fictum omni anno ferro libras XX, et inter totis reddunt denarios X, berbicem I, pullos XII, ova XL, libellarii V, et reddunt ad fictum de grano modia XII, de vino medietatem... VI, pullos X, ova L; unus ex ipsis, qui nihil aliud facit in anno, nisi opera XXIV, et sunt aldiones II, qui mandatum et epistolas portant. Totum insuml suprascripti manentes XXIV reddunt in summa de grano miscuo modia XVIII, de argento solidos III, de ferro libras XX, berbicem I, pullos XXII, ova XC, de vino medietatem, et opera in anno DCCCCXXIV; et supranominati prebendarii itollent in anno de grano modia LXV.*

за денежную плату или известную часть продуктовъ. Любопытный примѣръ послѣдняго представляетъ исторія одной сіенской церкви, отразившаяся въ трехъ важныхъ моментахъ, въ грамотахъ X вѣка, записанныхъ въ такъ-называемой *Caleffo vecchio di Siena* ¹⁾.

За то необходимо прибавить нѣсколько словъ относительно документовъ, которыми закрѣплялась чистая эмфитеоза, то-есть, владѣніе, предоставленное со специальною цѣлью улучшить участокъ. Я говорю: со специальною цѣлью, потому что отдѣльныя улучшения въ родѣ постройки дома, напримѣръ, выговариваются и въ обыкновенныхъ либелларныхъ договорахъ ²⁾,—но иногда говорится прямо, что самая сдѣлка совершена для того, чтобы былъ построенъ домъ, возобновлена разрушенная церковь, разведенъ виноградникъ ³⁾ и т. п. Въ Италіи, постоянно разоряемой внутренними раздорами и нашествіями разныхъ иноплеменниковъ, не могло быть недостатка въ случаяхъ для примѣненія эмфитеозы.

Съ одной стороны, по этому договору землевладѣлецъ имѣлъ право на особенное наблюденіе за участкомъ для того, чтобы была достигнута главная цѣль—производство известныхъ улучшеній. Отобраніе участка у неисправнаго арендатора, имѣвшее мѣсто, какъ мы видѣли, иногда даже въ обыкновенной либелларной арендѣ, въ случаяхъ эмфитеозы зачастую выговаривалось прямо въ самой грамотѣ ⁴⁾. Съ

¹⁾ *Caleffo vecchio A. XII, recto: Theodericus uenerabilis — — episcopus — — eligere ordinare atque confirmare preuidi te Johannes presbytero — — in ecclesia, plebe sancte cristine site bagnano. — — In ipsa dei ecclesia orationes fieri facias — — infra mense augusto detis in pensione — — soldi viginti per duodecimus denarios — — et de tertio in tertio anno quando nos ibidem ad prefata ecclesia per consignationem venerimus facienda detis nobis panes quinquaginta. Vinum congrua quattuor, porco frensingale uno, porcello uno pullos quattuor, annona ad caballos ordeo sistaria duodecim, spilta modia uno, fenum carrata una etc. A. 24. в A. XXIII, recto.*

²⁾ S. Salvatore di Amiata, 827, февраль, Badia di Passignana, 989, июль.

³⁾ *Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 523, стр. 313: Eccl. S. Fridani sita loco Grieciano, ubi dicitur ad Colbe, qui est pertinens Eccl. Epis. v. S. Martini, quod tectis et muris ejus ad terram cecidisset, considerastis quãliter Eccl. ipsa cum rebus suis ad meliõrem statum perveniret. Et ideo per cartula ad continendum dedisti mihi suprascripta Eccl. S. Fridani. Cp. Memorie di Lucca, т. V, 2 ч. № 507, стр. 304.*

⁴⁾ *Cod. dipl. Cavensis, 2 ч. № 403, стр. 260: Et si ibi non abitaberint, ipso castanietum trasactibe rebertas ad ipsa ecclesia: similiter et si infra ipso constitutum venerint omnes qui de ipso bacuum ad pastenandum eompreñserint, de quantum non abueritis exinde pastenatum et operatum a.lque surtum, sicut et ipsa*

другой стороны, эмфитеоту представлялись весьма существенныя льготы: повинности онъ несъ ничтожныя ¹⁾, получалъ отъ собственника движимость ²⁾ въ пособіе, и на югъ, напримѣръ, по исполненіи извѣстныхъ улучшеній, обыкновенно пріобрѣталъ въ полную собственность цѣлую половину участка ³⁾.

Относительно крѣпостнаго держанія (*res massaricia*) ⁴⁾ приходится повторить въ сущности сказанное въ прошлой главѣ. *De facto* участки находились въ постоянномъ и наслѣдственномъ пользованіи несвободныхъ и полусвободныхъ крестьянъ, поселенныхъ на нихъ ⁵⁾. Въ томъ случаѣ, когда собственность переходила отъ одного лица къ другому по завѣщанію или дарственному акту, завѣщатель или жертвователь иногда прямо оговаривалъ неотъемлемость участковъ, на которыхъ сидѣли его *massarii* ⁶⁾. Точно также нѣтъ недостатка въ свидѣльствахъ того, что движеніе къ закрѣпленію оброчовъ и установленію обычныхъ повинностей продолжалось въ IX и X вв. *Massarii* несвободнаго происхожденія, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, несутъ повинности не болѣе тяжкія, нежели *massa* свободныхъ колоновъ. Въ приведенной уже монтекассинской грамотѣ барщина для крѣпостныхъ опредѣляется въ три дня каждой недѣли ⁷⁾: какъ мы видѣли выше, это одна изъ весьма обыкновенныхъ и сравнительно не чрезмѣрныхъ формъ барщины. Есть даже отрывочныя указанія, что крѣпостные могли до извѣстной степени и съ значительными ограниченіями распоряжаться движимостью и даже участкомъ. Я разумѣю § 25-й Карла

pecia de terra infra suprascripte finis et mensurie, rebertar ad nostras potestatem cum medietate de ipso castanietum de quantum vos tenueritis, et vos abeatis ipsa quartam de totum ipso castanietum erga fine de ipsa pecia de terra, dum ibi abiteritis.

¹⁾ Badia di Passignano, 987, май: 6 динаріевъ.

²⁾ S. Salvatore di Amiata, 830, декабрь.

³⁾ Cod. dipl. Cavens. № 224, 287, 303, II, стр.

⁴⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 865.

⁵⁾ *Gattula*, Accessiones, II, стр. 27: *serbis et ancillis cum — — cespitibus suis.*

⁶⁾ *Gattula* Accessiones, II, стр. 28.

⁷⁾ *Gattula*, Accessiones ad historiam abbatae cassinenses, II; стр. 28. *Servicium et ipsum censum omnibus diebus vitae sua compleant, et non habeant licenciam passim Rectores S. Benedicti imponere ipsis tam masculis, et quam feminis, et de ipso cespite suo foras ab iis ad serviendum non mittantur, et filiis servorum meorum supra tribus diebus in ebdomada servicium non imponatur, census non ponant, nec servicium querere, nisi quantum suprascriptum est.*

Великаго, постановляющій, что колонъ и фискалинъ не имѣютъ права ничего продавать за предѣлы округа, въ которомъ ихъ помѣщикъ пользуется патримоніальной властью ¹⁾. Если только эта статья примѣнялась въ Италіи, она показываетъ, что итальянскіе крѣпостные могли распоряжаться своею движимостью по крайней мѣрѣ на владѣніяхъ своего господина. Другое свидѣтельство даетъ намъ ломбардская грамота 908 года: нѣкто Урсъ, очевидно, крѣпостной, вымѣниваетъ своему господину и съ его разрѣшенія свой участокъ на другую землю ²⁾. Во всякомъ случаѣ, конечно, въ этомъ послѣднемъ отношеніи права приобрѣтались крѣпостными особенно медленно, а въ занимающую насъ эпоху, едва начинали приобрѣтаться.

Занимаясь до сихъ поръ отдѣльными договорами, проводя между ними формальныя различія и характеризуя въ главныхъ чертахъ ихъ содержаніе, мы должны были оставлять въ сторонѣ многіе факты, указывающіе на практическую роль формъ зависимаго владѣнія: въ слѣдующей главѣ намъ придется многое добавить, именно относительно этой практической роли; но уже теперь, во избѣжаніе односторонности, необходимо обратить вниманіе на крайнюю обманчивость простыхъ формальныхъ признаковъ въ различныхъ контрактахъ. Отдѣливъ на сколько возможно бенефицій отъ либелларнаго договора, мы въ то же время должны прибавить, что, въ дѣйствительности, бенефиціальное пользованіе въ Италіи особенно часто прикрывалось внѣшностью какъ разъ либелларнаго договора. Писалась грамота, выговаривалась номинальная плата: обѣ стороны выигрывали отъ этого формальнаго закрѣпленія, но въ сущности, сдѣлка оставалась бенефиціальной: ничтожный оброкъ только по виду нарушалъ безвозмездность пользованія, личная служба также точно примыкала къ либелларному контракту, какъ къ бенефиціальному. Только имѣя это постоянно въ виду, можно понять памятники IX и X вв., въ которыхъ такъ рѣдко упоминается слово—бенефицій, и которые, однако, изображаютъ намъ отношенія бенефиціальныя и подготовку феодальныхъ. Громадныя аренды на

¹⁾ Кар. М. 25: Ut nec colonus nec fiscalinus possit alicubi foras mistio traditiones facere.

²⁾ Monum. hist. patr., XIII, № 424, стр. 733: Dum Urso abitator infra civitate Bergamo et filio bone memorie Dominici, famulo sancti Alexandri, postulasset episcopū sancte bergomen sio ecclesie, quod quedam pecia de terra— de qua res subtexerat domnus Adalbertus episcopus patrono suo sue clementie comutacionis nomine, ut dictum est, licentiam illi largire dignatus est comutandi.

земляхъ Луккескаго архіепископства въ X в. также точно преобразовываются въ лены XII вѣка, какъ семьи различныхъ Теудегримовъ, Родиландовъ, Фраольмовъ, Кунимундовъ X в. переходять въ сениоріальныя линіи Поркареви, Фральминги, Герардинги, Рипафратта XII вѣка ¹⁾. Фиктивные сдѣлки совершались не только въ формѣ аренды; точно также для передачи владѣнія пользовались мѣновными актами: церковь не имѣла права продавать или дарить недвижимость, но могла промѣнять однѣ земли на другія, если при этомъ получала лучшіе участки, чѣмъ отдавала сама. Въ дѣйствительности, не смотря на присутствіе посланныхъ отъ высшей духовной и отъ свѣтской власти, епископы и аббаты часто злоупотребляли мѣновными, чтобы надѣлать своихъ родственниковъ и вассаловъ доходными церковными имѣніями, въ замѣнъ никуда негодныхъ земель. Весьма часто можно замѣтить по содержанію документа, что имѣе прерывается какой-нибудь маневръ, хотя мы и не имѣемъ уже болѣе данныхъ, чтобы судить объ его цѣли; это особенно справедливо относительно фиктивныхъ купчій. Если, напримѣръ, въ Тосканѣ мы узнаемъ о продажѣ графомъ Ламбертомъ всего своего имущества, состоящаго изъ семнадцати замковъ, сорока-пяти господскихъ дворовъ со великимъ множествомъ зависящихъ отъ нихъ оброчныхъ участковъ и при этомъ слышимъ, что колоссальную, даже не вѣроятную для того времени сумму въ десять тысячъ фунтовъ золота и серебра уплатилъ будто бы священникъ, Роппрандъ, то является естественное подозрѣніе, что мы имѣемъ дѣло съ подставнымъ покупателемъ и фиктивною купчею ²⁾. Подозрѣніе это вполне подтверждается, когда изъ другой грамоты, изданной лѣтъ шестнадцать спустя, мы узнаемъ, что священникъ Роппрандъ тотчасъ же передалъ купленное имущество за ту же цѣну женѣ Ламберта, Эрмингардѣ ³⁾. По всей вѣроятности, имѣлось въ виду обойти постановленія лангобардскаго права относительно дареній одного супруга другому. Если въ данномъ случаѣ мы имѣемъ хоть какую-нибудь нить объясненія, то въ другихъ нѣтъ уже никакой возможности сообразить, какими цѣлями задавались стороны. Если, напримѣръ, въ территоріи Ареццо Ламбертъ, сынъ Родольфа, продаетъ Бозону одинъ оброчный участокъ

¹⁾ Издатели луккескихъ актовъ часто озаглавливаютъ какой-нибудь либеральный договоръ прямо concessione in feudo, хотя онъ развился изъ него только впоследствии.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 973, апрѣля 18-го.

³⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 989, февраля 15-го.

за сто фунтовъ ¹⁾, то несообразная громадность цѣны также точно возбудитъ наши подозрѣнія, какъ и ничтожность ея въ почти одновременномъ документѣ 683 года, по которому маркграфъ Гуго за сто фунтовъ продаетъ Кунераду все свое имущество ²⁾; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не имѣемъ руководящихъ слѣдовъ для объясненія.

Какъ бы то ни было, фикціи разнаго рода сильно способствовали важному историческому процессу раздробленія полной собственности и образованія системы зависимаго владѣнія. Сами собственники, какъ уже было замѣчено, весьма часто пускали въ ходъ фикціи, чтобы обойти стѣснительныя для нихъ предписанія права. Уважу только на привившійся къ хозяйству Фарфы обычай отдавать земли въ аренду не иначе какъ при уплатѣ либелларіемъ болѣе или менѣе крупной суммы, которая, въ сущности, обращала арендный договоръ въ купчую и потому получила даже техническое названіе *precium* ³⁾.

Но понятно, что, въ концѣ концовъ, всего болѣе страдали отъ фикцій именно собственники и особенно духовныя корпораціи, и законодательство и практика IX и X вѣковъ тщетно борются съ разнаго рода злоупотребленіями, къ которымъ подавали поводъ договоры. Каролинги доходили до того, что предписывали уничтожать либелларныя сдѣлки ⁴⁾, эмфитеозы, прекаріи и мѣновныя акты, совершенныя въ ущербъ интересамъ церкви. И въ грамотахъ мы имѣемъ слѣды попытокъ іерарховъ вернуть имущество, растраченное по разнымъ договорамъ ихъ предшественниками. Затѣмъ, во многихъ документахъ заповѣдуются ни въ какомъ случаѣ не выдавать извѣстныхъ земель въ аренду или бенефіцій ⁵⁾. Последнее рѣшеніе было, однако, отчаяннымъ и въ сущности непримѣнимымъ средствомъ. Съ гораздо большимъ успѣхомъ прибѣгали къ двумъ способамъ обезпечить себя относительно зависимыхъ владѣльцевъ: во первыхъ, подыскивали поручителя или посредника, который ручался за исправность и честность либелларія ⁶⁾; во вторыхъ, собственники уступали зависимое владѣніе только части

¹⁾ St. Flora e Lucilla, 985, іюнь.

²⁾ Memorie di Lucca, т. V, 3 ч. № 1573, стр. 459.

³⁾ Cod. emph. Farf. passim.

⁴⁾ Ludovici Pii, 53; Lotharii, 87.

⁵⁾ S. Salvatore, 995, декабря 23-го; Memorie di Lucca, IV т., 2 ч., № 63, стр. 84, № 80, стр. 111, 112.

⁶⁾ Memorie di Lucca V т., 2 ч., № 485, № 1103, № 1121, № 1123 и др.

своихъ имѣній, сохраняя вмѣстѣ съ оставшимися частями какъ бы ключъ къ своимъ замкамъ и землямъ ¹⁾).

На сколько дѣйствительны были всѣ эти предосторожности—покажетъ дальнѣйшее изложеніе, въ которомъ мы постараемся, хотя въ общихъ чертахъ, охарактеризовать распредѣленіе собственности и владѣнія въ различныхъ мѣстностяхъ и по различнымъ степенямъ историческаго развитія.

¹⁾ См. выше, при разборѣ дробленія владѣнія между сонаследниками.

И. Виноградовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕГЕНДА И ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ КНИГА О ФАУСТЪ.

I.

Развитіе легенды до появленія народной книги.

Легенда о докторѣ Фаустѣ пользуется удивительною популярностью какъ въ образованныхъ слояхъ общества, такъ и въ народѣ. Энгель утверждаетъ, что „ни одно сказаніе во всемъ свѣтѣ не достигло такого распространенія, какъ нѣмецкое народное сказаніе о докторѣ Іоаннѣ Фаустѣ“¹⁾. Сложившись въ переходную эпоху, на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, оно проникнуто тѣми идеями и стремленіями, которыя особенно дороги человечеству и послужили залогомъ необыкновенной его живучести. Едва успѣвъ вылиться въ опредѣленную форму народной книги, оно тотчасъ же начинаетъ подвергаться поэтическимъ обработкамъ. Годъ спустя послѣ изданія первой народной книги о Фаустѣ появляется въ Англии трагедія Христофора Марло „Фаустъ“. Въ Германіи слѣдуютъ одна за другою множество народныхъ книгъ о Фаустѣ, состоящихъ частію изъ повторенія содержанія первой народной книги, частію изъ примѣси къ нему нѣкоторыхъ добавленій, впрочемъ искажавшихъ первоначальный чисто народный характеръ первой Volksbuch²⁾. Мало того, какъ истинно народный герой

¹⁾ Das Volkschauspiel doktor Johann Faust. Mit geschichtlicher Einleitung. Von Carl Engel. 1874 г., стр. 1.

²⁾ Felix Bobertag въ своей «Geschichte des Roman's, Breslau, 1876, приводитъ слѣдующія свѣдѣнія: послѣ первой народной книги, изданной въ 1587 г.,

Фаустъ появляется на народной сценѣ, гдѣ служитъ неисчерпаемой темой не только для трагедій, но для комедій и даже балетовъ ¹⁾. На театрѣ маріонетокъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является тотъ же докторъ Фаустъ. Двое изъ величайшихъ гениевъ нѣмецкаго народа Гёте и ранѣе его Лессангъ трудились надъ поэтической обработкой этой замѣчательной легенды. Около нихъ группируется масса поэтовъ, большую часть, впрочемъ, мало извѣстныхъ, которые тоже подвергали легенду о Фаустѣ поэтической обработкѣ. Число такихъ обработокъ весьма велико. До Гёте доходило оно до 41, а послѣ него до 72.

Но легенда о чернокнижникѣ докторѣ Фаустѣ популярна въ Германіи въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Она еще до нынѣ живетъ въ устахъ народа. Параллельно съ драматическими ея обработками и до нынѣ идетъ устная передача различныхъ эпизодовъ изъ чудесной жизни этого истинно народнаго героя. Различные города отстаиваютъ честь постояннаго пребыванія въ нихъ доктора Фауста. Даже самая его кончина произошла въ нѣсколькихъ (различныхъ) городахъ. До нынѣ существуетъ знаменитый Auerbachs Keller въ Лейпцигѣ, изъ котораго по преданію Фаустъ улетѣлъ верхомъ на бочкѣ, наполненной виномъ. Какъ вещественное напоминаніе этого событія, въ немъ на стѣнѣ висятъ двѣ картины, изъ которыхъ одна изображаетъ именно тотъ моментъ когда Фаустъ улетаетъ на бочкѣ.

Надпись подъ нею гласитъ такъ:

Doctor Faust zu dieser Frist
Aus Auerbachs Keller geritten ist
Auf einem Fasz mit Wein geschwind,
Welches gesehen viel Mutterkind
Solches durch seine subtilne Kunst hat gethon
Und des Teufels Sohn empfangen davon (1525)

слѣдуютъ таковыя-же изданія въ 1588, 1589, 1590, 1591, 1592 г. Въ 1588 г. появляется другое изданіе въ Любекѣ и затѣмъ изданія 1594 и 1598 г. Въ 1599 г. появляется особенно популярное изданіе народнои книги Видмана. Въ 1674 г. начинаются новыя изданія и обработки народнои книги и продолжаются въ 1681, 1685, 1695, 1711, 1717, 1726 и наконецъ даже 1834. I т., стр. 211—212. О томъ же см. *Deutsche Rundschau*, ст. Дингельштедта: *Der Faust — Trilogie*, 1876, 8, 214.

¹⁾ См. III т. «*Clöster*» Шейбле, гдѣ приведены образцы древнѣйшихъ поэтическихъ обработокъ сказанія о Фаустѣ для народнои сцены.

Другая картина, изображающая, какъ Фаустъ подь звуки музыки бражничаетъ со студентами, имѣетъ слѣдующую надпись:

Vive. Bibe. Obgraegare
Memor Fausti hujus. Et hujus
Poenae: Aderat claudo nec
Astera templa. Gradu 1525.

Эти картины сильно пострадали отъ времени и были нѣсколько разъ реставрированы ¹⁾. Въ Прагѣ до нынѣ существуетъ домъ Фауста, напоминающій пребываніе въ этомъ городѣ таинственнаго чернокнижника. Этотъ домъ, находящійся въ Neeistadt около Skala-Kirche № 512, имѣетъ подземный ходъ, ведущій къ ратушѣ ²⁾.

Въ Вѣнѣ Фаустъ жилъ въ нѣсколькихъ домахъ Изъ нихъ до нынѣ существуетъ на Floszgasse домъ № 7. Въ другомъ мѣстѣ, носящемъ названіе „am Bugel“, на мѣстѣ нынѣ существующаго углового дома № 9, прежде находился небольшой домикъ, въ которомъ останавливались странствующие схоласты ³⁾. Преданіе упоминаетъ о продолжительномъ пребываніи Фауста въ этомъ домѣ, отчего онъ и носить прозвище „Doctor Fausts Kneipe“?

Въ Эрфуртѣ между двумя высокими домами существуетъ такой узкій проходъ, что ни одинъ человекъ не можетъ пройти черезъ него. Онъ называется D. Faust-Gässchen на томъ основаніи, что Фаустъ въ присутствіи многихъ лицъ проѣхалъ тутъ съ огромнымъ возомъ сѣна на парѣ лошадей. Но всего замѣчательнѣе, что во время этой волшебной проѣздки Фауста является Мартинъ Лютеръ, по преданію, его современникъ, произноситъ заклинаніе и одно чудо смѣняется другимъ: лошади обращаются въ красныхъ пѣтуховъ, везущихъ соломенку ⁴⁾.

Въ Маульброннѣ можно теперь еще видѣть башню Фауста, изъ которой онъ былъ похищенъ дьяволомъ, и лабораторію его, известную подь именемъ его кухни ⁵⁾.

Приведенныхъ фактовъ мы считаемъ достаточно, чтобы убѣдиться въ необыкновенной популярности сказанія о докторѣ Фаустѣ какъ

¹⁾ Эмелъ, стр. 15; F. Dingelstädt, 8, 213.

²⁾ Эмелъ, стр. 16.

³⁾ Ibid., 17—18 и Dilstagesbudt 8, 213.

⁴⁾ Kloster, Scheible, V т., 485; Sommer о Фаустѣ въ энциклопедіи Эриа и Грубера, стр. 110 букв. F.

⁵⁾ Ibid.

въ образованныхъ слояхъ общества, такъ и въ народѣ. Между тѣмъ, многіе ученые отрицаютъ историческую личность Фауста и приписываютъ ему чисто легендарное происхождение.

Тюбингенскій теологъ Вильгельмъ Шикардъ въ своемъ обширномъ сочиненіи (1621 г.) находитъ, что исторія чернокнижника Фауста есть не что иное, какъ простая басня, выдуманная для отвращенія отъ магіи. Къ мнѣнію этому присоединяется Габріэль Ноде, который въ своемъ сочиненіи „*Apologie pour tous les grands personnages, qui ont été faussement soupçonnés de magie*“ (1625) называетъ сказаніе о Фаустѣ „*un roman magique*“, а самого Фауста „*homme imaginaire, chimère des Allemands*“. Представителемъ такого же взгляда является Іосифъ Гёррессъ, написавшій въ 1807 году книгу „*Die deutschen Volksbücher*“ въ которой онъ прямо заявляетъ: „*Faust ist gewissermassen mehr Buch als Person*“.

Но кромѣ писателей, категорически отрицающихъ реальное существованіе Фауста, находятся и такіе, которые утверждаютъ, что легенда о докторѣ есть изобрѣтеніе католическихъ монаховъ, что цѣль, которую преслѣдовали составители этой легенды, есть обвиненіе изобрѣтателя книгопечатанія Фауста въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Но что это такое за изобрѣтатель книгопечатанія и почему сочиненная о немъ католическими монахами легенда можетъ быть такъ популярна въ Германіи? Послушаемъ, что о немъ рассказываетъ Ф. Викторъ Гюго въ своемъ предисловіи къ французскому переводу Фауста Марло. — Въ 1462 году пріѣзжаетъ изъ Майнца въ Парижъ никому неизвѣстная личность—Іоаннъ Фаустъ, является ко двору Людовика XI и подноситъ королю замѣчательную библію, написанную красными чернилами и притомъ съ такою изумительною правильностью буквъ, что Людовикъ остается въ восторгѣ отъ этого подарка. На просьбу Фауста разрѣшить ему продажу такихъ же экземпляровъ въ Парижѣ король охотно соглашается. Успѣхъ библий былъ огромный: онѣ покупались во множествѣ. Но всего удивительнѣе то обстоятельство, что раскупленные экземпляры съ необыкновенной быстротой замѣнялись новыми, буквально такъ же переписанными. Замѣчательно искусная ихъ переписка обратила на себя вниманіе парижскихъ монаховъ, имѣвшихъ издавна привилегію на продажу рукописей. Экземпляры библии были арестованы и подвергнуты тщательному разсмотрѣнію. Ужаснулись ученые и духовенство: не человѣческая рука писала эти экземпляры до того точно, что не только каждая буква совпадала съ другими, но даже мѣсто

каждой буквы и каждого слова было одно и то же во всѣхъ книгахъ. Красный цвѣтъ буквъ уничтожилъ всякое сомнѣніе. Книга принадлежать адскому перу и издатель ихъ, очевидно, знается съ нечистою силою. Фаустъ былъ задержанъ, брошенъ въ тюрьму и осужденъ какъ черно книжникъ, на сожженіе. Но въ день, предназначенный для его казни, онъ какимъ-то чудомъ спасается изъ тюрьмы—новый поводъ къ обвиненію его въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Онъ бѣжалъ въ Майнцъ; тамъ ждало его новое горе. Монахи возбудили противъ Фауста народъ, который разнесъ всю его адскую лабораторію съ ея таинственными станками и загадочными инструментами. Несмотря на это, въ 1466 году Фаустъ издалъ 250 экземпляровъ „De officiis“ Цицерона и тайкомъ свезъ ихъ въ Парижъ, гдѣ они и разошлись. Въ томъ же году страшная чума разразилась надъ Парижемъ. Нечего искать причинъ этого событія: въ Парижѣ былъ черно книжникъ, снова продававшій тамъ свои адскія творенія и снова таинственно исчезнувшій. Католическіе монахи сочинили о Фаустѣ легенду, для назиданія добрыхъ христіанъ и для отвращенія ихъ отъ черно книжннжн.

Это мнѣніе, что сказаніе о докторѣ Фаустѣ есть не что иное, какъ сочиненная монахами легенда объ изобрѣтателѣ книгопечатанія, нашло себѣ много сторонниковъ. Гейнрихъ Гейне говоритъ: „докторъ Фаустъ требовалъ отъ черта не только познанія вещей, но и реальныхъ наслажденій, и это былъ именно тотъ Фаустъ, который изобрѣлъ книгопечатаніе и жилъ въ то время, когда начали проповѣдывать противъ строгаго церковнаго авторитета и самостоятельно изслѣдовать“¹⁾. Maximilien Misson въ своемъ письмѣ отъ 15-го октября 1687 года „Le prétendu magicien Jean Faust de Mayence“ проводитъ ту же мысль, что Фаустъ не кто иной, какъ книгопечататель.

Но противъ подобнаго смѣшенія чисто національной, постепенно сложившейся нѣмецкой легенды о черно книжникѣ докторѣ Фаустѣ съ изобрѣтателемъ книгопечатанія рано раздался протестъ среди нѣмецкихъ изслѣдователей. Нейманъ въ своемъ сочиненіи „Disquisitio historica de Fausto praestigatore etc“. (1683) энергично опровергаетъ мнѣніе, будто Фаустъ легенды одна и та же личность съ Иоанномъ Фаустомъ, изобрѣтателемъ книгопечатанія.

Но какіе же доводы приводятъ ученые въ опроверженіе упомянутаго? Всего ярче выступаютъ они въ книгѣ Энгеля „Das Volksschauspiel Doktor Johann Faust“ (1874 г.).

¹⁾ Клостеръ, V, 8 стр., 21 прим.

„Часто смѣшивали, говорить Энгель, нашего волшебника съ книгопечатателемъ Іоанномъ Фаустомъ. Но кто хоть сколько нибудь занимался литературою предмета, тому извѣстно, что докторъ Іоаннъ Фаустъ совершенно отличенъ отъ жившаго почти за столѣтіе ранѣе его Іоанна Фауста, гражданина и золотыхъ дѣлъ мастера города Майнца, который находился въ связи съ изобрѣтателемъ книгопечатанія Іоанномъ Гуттенбергомъ и помогалъ ему своими матерьяльными средствами. Что имя майнцакаго книгопечатателя даже въ произведеніяхъ на латинскомъ языкѣ всегда писалось Johannes Fust, а никогда не Faust или Faustus — это нынѣ достоверно засвидѣтельствовано“ ¹⁾). Прибавимъ еще третій доводъ, по нашему мнѣнію, тоже весьма бросающійся въ глаза. Почему, если легенда о Фаустѣ есть изобрѣтеніе монаховъ о книгопечатателѣ, въ ней нигдѣ нѣтъ ни единого намека на его чудесное, адское искусство переписыванія?

И такъ, мы прослѣдили два взгляда на доктора Фауста—одинъ, отрицающій его историческую личность и признающій единственно легендарное его происхождение, другой, считающій легенду о Фаустѣ изобрѣтеніемъ монаховъ, сдѣлавшихъ изобрѣтателя книгопечатанія Фауста—волшебникомъ. Наконецъ, существуетъ третій, гораздо болѣе распространенный взглядъ, утверждающій за Фаустомъ реальное существованіе и именно около середины XVI вѣка. Какъ на первыхъ писателей, отстаивающихъ этотъ взглядъ, можно указать на Экарда (1704 г.) и Вильгельма Эрнста Тенцеля (1706 г.), который доказываетъ существованіе Фауста мѣстами изъ Тритеміуса, Мутаніуса и Меланхтона (о которыхъ рѣчь впереди). Въ 1772 году, въ Цвикау, появилось сочиненіе: „Historische Remarquen ueber D. Johann Faustens, des Schwarz-Künstlers, Geführtes Leben und dessen Ausgang, nebst anderen sich hiebey ereigneten Begebenheiten“. Въ этомъ сочиненіи 1) доказывается дѣйствительное существованіе Фауста, его смерть въ 1541 году и союзъ съ дьяволомъ въ 1517 г., 2) утверждается, что онъ былъ дѣйствительно чернокожишникомъ и 3) отвергается, чтобы онъ, Фаустъ, писалъ книги. Въ 1789 году Христофоръ Аделунгъ въ своей „Geschichte der menschlichen Narrheit“ говорилъ: „Фаустъ жилъ во время реформаціи и былъ тонкимъ фокусникомъ, который странствовалъ изъ страны въ страну и пытался своими фокусами. Такъ какъ народъ въ то время еще о многихъ вещахъ находился въ полномъ невѣдѣніи и надъ умами всѣхъ еще царилъ вѣра въ вѣдьмъ

¹⁾ Энгель, стр. 20.

и чертей, то нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе, если не большинство, считали его за заклинателя чертей, который совершалъ свои фокусы при помощи злыхъ духовъ" (Клостеръ, V т., стр. 14). Такое же убѣжденіе въ дѣйствительномъ существованіи личности Фауста раздѣляютъ Христіанъ Августъ Вэръ (1794), Бистеръ, Зоммеръ и др., а изъ новѣйшихъ изслѣдователей можно указать на Морица Каррьера, Дительштедта, Энгеля и Куно Фишера.

Особенно энергично отстаиваетъ дѣйствительное существованіе Фауста Энгель, который не останавливается даже передъ нѣкоторыми очевидными натяжками, чтобы только оправдать свое убѣжденіе. Онъ, какъ и Христофоръ Аделунгъ, утверждаетъ, что суевѣріе того времени было настоящею причиною того, что Фауста считали чернокнижникомъ. Преданіе разказываетъ, что Фаустъ имѣлъ при себѣ собаку и лошадь, которыя были не чѣмъ инымъ, какъ дьяволами—черта легендарная, очевидно, перенесенная на Фауста съ другаго волшебника Корнелія Агриппы (см. Лерхеймеръ „*Vedenken von Zauberer*—Клостеръ V, 291 ст.). Энгель считаетъ собаку и лошадь, находившихся при Фаустѣ, дрессированными и потому принимаемыми за чертей суевѣрною толпою. Чисто легендарную подробность послѣднихъ минутъ жизни Фауста — именно, что домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ потрясенъ до основанія и изъ его комнаты раздавался страшный шумъ,—Энгель старается объяснить тѣмъ, что въ лабораторіи Фауста происходила ночная химическая работа, при неловкомъ исполненіи которой онъ случайно и былъ убитъ (стр. 13). Вообще же его славу, какъ чернокнижника, Энгель объясняетъ тою простою причиною, что Фаустъ въ знаніи физики и химіи превосходилъ своихъ современниковъ. Почти подобное же объясненіе того, почему Фауста считали за чернокнижника, мы находимъ у Mössen (1771 г.), утверждавшаго, что Фаусту былъ извѣстенъ волшебный фонарь ¹⁾. Не вдаваясь въ такіа гадательныя предположенія, Куно Фишеръ утверждаетъ, что историческая личность Фауста не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ совѣтуетъ только не смѣшивать Фауста, героя нѣмецкой легенды, съ извѣстнымъ Георгіемъ Сабелликомъ, который называлъ себя *Faustus Junior*. Но въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается величайшая трудность, ибо первое существующее въ литературѣ упоминаніе о Фаустѣ и есть именно указаніе на Георгія Сабеллика.

¹⁾ Зоммеръ у Эрша и Грубера, 117.

Въ 1507 году 2-го августа аббатъ Тритеміи пишетъ письмо къ математику Іоанну Вирдунгу по поводу пріѣзда нѣкоего Георгія Сабеллика въ Гасфуртъ. Онъ предупреждаетъ Вирдунга не вѣрить Сабеллику: homo ille, de quo mihi scripsisti, Georgius Sabellicus, qui se principem necromanticorum ausus est nominare, gyrovagus, battologus et circuncellio est¹⁾. Самого Сабеллика онъ не видалъ, но получилъ отъ него карточку съ слѣдующею надписью: Magister Georgius Sabellicus, Faustus junior, fons necromanticorum, astrologus, magus secundus, chiromanticus, agromanticus, pyromanticus, in hydra arte secundus. Когда за годъ передъ тѣмъ Тритеміусъ былъ въ Газенгаузенѣ, то про Сабеллика разказывали, что онъ помощью своего воображенія можетъ возстановить затерянные произведенія Платона и Аристотеля. Въ Вюрцбургѣ этотъ магъ хвасталъ „se quoque omnia facere posse, quae Christus fecit“. Въ 1507 году онъ прибылъ въ Крейднахъ, гдѣ распустилъ про себя слухъ, что онъ въ алхиміи достигъ такого совершенства, какъ никто, и что онъ можетъ сдѣлать все, что люди пожелаютъ. Но вскорѣ онъ принужденъ былъ спастись изъ этого города бѣгствомъ отъ преслѣдованія за безнравственное поведеніе (qui mox nefandissimo fornicationis genere cum pueris videlicet voluptari coepit²⁾).

Куно Фишеръ, какъ мы выше говорили, проситъ не смѣшивать Фауста, героя нѣмецкой легенды, съ личностью Георгія Сабеллика. Между тѣмъ, съ гораздо большимъ основаніемъ Зоммеръ совѣтуетъ, наоборотъ, не отдѣлять личности Георгія Фауста отъ Фауста легенды: „In keinem Falle wird man in Johann Faust und Georg Faust verschiedene Personen sehen. Der Faust bei Tritheim führt dasselbe ausschweifende Leben, welches Manlius und das Volksbuch von dem Faust der Sage berichten“. Наконецъ, какъ у Тритеміа Сабеллика обѣщаетъ возстановить помощью воображенія затерянные произведенія Платона и Аристотеля, такъ и Фаустъ народной книги предлагаетъ въ Эрфуртѣ на память диктовать содержаніе затерянныхъ комедій Плавта и Теренція.

¹⁾ Зоммеръ у Эриша и Грубера, стр. 94—95, Клостеръ, V—27—35.

²⁾ Объ этомъ же Георгіи Фаустѣ, очевидно, говоритъ и Conradus Mutanius Rurici, каноникъ изъ Готы, въ своемъ письмѣ отъ 30-го октября 1513 г.: Venit octavo abhinc die quidam chiromanticus Erfurdiam nomine Georgius Faustus, helmitius Hedebergensis, merus ostentator et fatuus. Ejus et omnia divinalorum vana est professio et talis phisiognomia levior typula. Rudes admirant. In eum theologi insurgunt.

Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при образованіи занимающей насъ легенды. Здѣсь ядро сказанія. Главныя характеристическія черты Георгія Фауста—схоластическая ученость, преданность занятіямъ магіей и, наконецъ, странническая жизнь—все это находится и въ легендѣ. Далѣе мы увидимъ постепенныя легендарныя наслоенія. Фаустъ дѣлается центромъ, около котораго группируются суевѣрныя сказанія о магахъ и черно книжникахъ. На него переносятся легендарныя подробности съ другихъ извѣстныхъ героевъ средневѣковыхъ сказаній—Теофила, Агриппы, Цито и др.

Итакъ, будемъ слѣдить въ хронологическомъ порядкѣ, какъ постепенно растетъ и расширяется сказаніе о докторѣ Фаустѣ.

До 1539 года мы имѣемъ очень скудныя о немъ свѣдѣнія. Въ 1516 году Заттлеръ въ своей книгѣ „Historische Beschreibungen des Herzogsthum Württemberg“ говоритъ, что докторъ Фаустъ посѣтилъ въ Маульброннѣ своего друга и земляка аббата Іоанна Энтенфуса. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ мы находимъ въ сочиненіи Филиппа Бегарда: „Index sanitatis“ (1539 г.). Онъ передаетъ, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ почти по всѣмъ странамъ, княжествамъ и королевствамъ проѣхалъ человекъ, котораго имя всякому извѣстно. Это—Фаустъ, *philosophus philosophorum* etc. Весьма многіе жаловались, что были имъ обмануты. Молва о немъ такъ же обширна, какъ и о Теористѣ. „Doch hat er sich in Geld nehmen und empfangen noch geseumt“ прибавляетъ авторъ для большей характеристики этого извѣстнаго всѣмъ Фауста.

Протестантскій теологъ Іоаннъ Гастъ идетъ далѣе: онъ сообщаетъ уже такія подробности изъ жизни Фауста, которыя мы встрѣчаемъ въ народной книгѣ. Въ своемъ сочиненіи „Sermones convivales“ (1554 г. 3 т.) въ главѣ „De Fausto Necromantico“—онъ разказываетъ слѣдующее. Однажды является Фаустъ въ богатый монастырь, чтобы переночевать на своемъ пути. Монахъ, угощая его, предложилъ ему плохаго вина, которое обыкновенно подавалось посѣтителемъ. Фаустъ съ угрозою потребовалъ лучшаго вина и даже указалъ монаху, гдѣ найдти ключъ, чтобы его достать. Получивъ отказъ, Фаустъ наслалъ на монастырь нечистую силу, которая произвела столь невыносимый шумъ, что разогнала все братство. Далѣе, когда однажды самъ авторъ „Sermones convivales“ былъ въ Базелѣ и обѣдалъ тамъ вмѣстѣ съ Фаустомъ, послѣдній помощью нечистой силы добылъ для обѣда множество птицъ такихъ породъ, которыя не водятся въ Германіи (черта народной книги). Затѣмъ Гастъ прибавляетъ: са-

nem secum ducebat et equum, satanas fuisse reor, qui ad omnia erant parati exsequenda" (черта, очевидно, перенесенная на Фауста съ Агриппы). О кончинѣ Фауста онъ разказываетъ слѣдующее: „A satana suffectus, cujus cadaver in feretro facie ad terram perpetuo spectans, etsi quinquies in tergum verteretis".—Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ новою чертою, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ развиваться—именно, что Фаустъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ. У Гаста же мы впервые узнаемъ объ ужасной, насильственной смерти Фауста.

Дальнѣйшія подробности о докторѣ Фаустѣ мы находимъ у Манлія въ его: „Locius communium collectanea" (1562 г.). Въ этомъ сочиненіи Манлія, ученикъ Меланхтона, собралъ поученія послѣдняго. Тутъ встрѣчаются свѣдѣнія и о Фаустѣ. Меланхтонъ знавалъ нѣкоего человѣка, по имени Фауста, изъ Купдлинга (Кинтлинга?). Въ Краковѣ онъ научился магіи и потомъ отправился странствовать повсюду. Въ Вѣнѣ онъ объявилъ, что улетитъ на небо, но, поднятый на воздухъ чертомъ, былъ имъ брошенъ на землю и едва не расшибся до смерти. (Эта подробность, очевидно, перенесена на Фауста съ Симона Волхва, который, по преданію, въ царствованіе Нерона въ Римѣ былъ поднятъ на небо нечистою силою; но, по предсказанію апостола Петра, дьяволъ уронилъ его на землю, при чемъ Симонъ переломилъ обѣ ноги и умеръ). Фаустъ дважды спасался бѣгствомъ изъ Виттемберга, когда ему грозило заключеніе въ тюрьму, и изъ Нюрнберга. Здѣсь при самомъ началѣ обѣда въ одной гостинницѣ онъ объявилъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ и ушелъ; но едва онъ успѣлъ скрыться, какъ вошла стража, чтобы схватить его. О кончинѣ Фауста Меланхтонъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

Въ послѣдній день своей жизни Фаустъ находился въ одной деревушкѣ герцогства Виртембергскаго. Хозяинъ гостинницы, спросилъ о причинѣ его необыкновенной грусти; Фаустъ предупредилъ хозяина, чтобы онъ не пугался того, что произойдетъ этою ночью у него въ домѣ. Дѣйствительно, въ полночь домъ былъ потрясенъ до основанія. Утромъ вошли въ комнату Фауста и нашли его, „jacentem prope lectum inversa facie, sic a diabolo interfectus" „Vivens adhuc, представляетъ авторъ—habebat secum canem qui erat diabolus, sicut iste nebulo, qui scripsit „De Vanitate Artium" (то-есть Корнелій Агриппа) etiam habebat canem secum currentem, qui erat diabolus" (самое очевидное доказательство того, что собака-дьяволъ, сопровождавшая Фауста, есть черта сказанія, перенесенная на Фауста съ Агриппы). Въ за-

ключеніе Меланхтонъ прибавляетъ: *Idem Faustus magus, turpissima bestia et cloaca multorum diabolorum, vane gloriabatur dese — omnes victorias, quas habuerunt caesarini exercitus in Italia, esse partas per ipsum sua magia*—черта сказанія, съ которою мы будемъ встрѣчаться впослѣдствіи.

Не даромъ народное преданіе, какъ мы это видѣли въ началѣ нашего обзора, связываетъ имя Лютера съ Фаустомъ. У Лютера въ его „Tischrede“ мы находимъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и весьма важныхъ для развитія легенды свѣдѣній о докторѣ Фаустѣ. Правда, здѣсь не упоминается имя Фауста, что заставляетъ Дюнцера отвергать, что слова Лютера относятся къ нему, но подробности эпизода, сообщаемыя Лютеромъ, почти всё воспроизведены въ народной книгѣ. А это обстоятельство даетъ намъ право утверждать, что Лютеръ ведетъ рѣчь именно о Фаустѣ, не находя нужнымъ называть и безъ того всѣмъ извѣстнаго имени этого мага.

Былъ студентъ, разказываетъ Лютеръ, который вслѣдствіе кутежей совершенно промотался. Подвертывается ему какой-то человѣкъ, обѣщающій доставить ему денегъ въ изобиліи, но съ условіемъ, чтобы онъ своею кровью написалъ росписку, что онъ будетъ принадлежать этому человѣку. Студентъ приноситъ кровавую росписку, а незнакомецъ выдаетъ ему деньги. Объ этомъ доносятъ Лютеру, который старается замолить передъ Богомъ грѣхъ, совершенный студентомъ, но тщетно: чертъ не вернетъ росписки. До этого мы знали, что Фаустъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ, теперь узнаемъ о новой весьма важной чертѣ сказанія—кровавой роспискѣ черту.

Кромѣ этой, весьма важной для сказанія о Фаустѣ чертѣ, приведемъ еще нѣсколько разказовъ Лютера, имѣющихъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, прямое отношеніе къ Фаусту народной книги. — Одинъ аббатъ утверждалъ, что царь Максимилианъ въ своихъ покаяхъ видѣлъ всѣхъ умершихъ царей и великихъ язычниковъ, которые одинъ за другимъ шествовали передъ нимъ въ одѣянιάхъ своего времени, и въ числѣ ихъ онъ усмотрѣлъ Александра Великаго, Юлія Цезаря и даже собственную свою покойную супругу (Клостеръ V т., 160—161). Затѣмъ Лютеръ разказываетъ, какъ Фридрихъ III одному чернокушнику обратилъ помощью магіи ноги въ бычачьи и снабдилъ ихъ копытами. Злосчастный чернокушникъ поднимаетъ отчаянный крикъ. Царь высываетъ въ окно свою голову и тотчасъ же по знаку оскорбленнаго

имъ чернокожника на ней появляются оленьи рога. Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ разсказываетъ, какъ въ Нордгаузенѣ былъ нѣкто по имени Wildfeuer, который съѣлъ крестьянина съ лошадыю и телѣгой (Клостеръ, V, 163—178). Конечно, во всѣхъ этихъ разказахъ Лютеръ ведетъ рѣчь не о Фаустѣ, но, какъ мы увидимъ впоследствии, всѣ эти эпизоды приписывались Фаусту, который служилъ, такъ сказать, центромъ всего волшебнаго и таинственнаго въ XVI вѣкѣ. Краткое указаніе на Фауста мы встрѣчаемъ у Конрада Геснера въ его письмѣ отъ 16-го августа 1561 года къ лейбъ-медику Іоанну Крато: „изъ школы въ Саламанкѣ вышли тѣ, которые обыкновенно называются странствующими схоластами; и между ними особенную извѣстность стяжалъ себѣ Фаустъ, который недавно умеръ“.

Со словъ Манлія сообщаетъ Іоаннъ Виръ (*De praestigiiis daemouum* etc. 1573), что Іоаннъ Фаустъ былъ родомъ изъ города Кундлинга и обучался магіи въ Краковѣ. Въ Брауншвейгѣ общалъ Фаустъ какому-то капеллану показать одному ему только извѣстное средство безъ ножницъ снять бороду. Получивъ отъ капеллана разрѣшеніе приложить къ нему это новое средство, Фаустъ намазываетъ ему бороду какимъ-то составомъ, отъ котораго не только всѣ волосы на бородѣ выгѣбли, но и вся кожа на подбородкѣ сошла.

Затѣмъ, тотъ же Фаустъ принималъ одного своего знакомаго за своего свояка—черта и осматривалъ, нѣтъ ли у него копытъ—подробность очень важная въ развитіи сказанія о Фаустѣ, ибо изъ нея мы видимъ, что чертъ сопровождаетъ Фауста не въ образѣ собаки или лошади, а въ образѣ человѣка. О смерти Фауста Виръ сообщаетъ, что въ одной деревнѣ герцогства Виртембергскаго онъ былъ найденъ мертвымъ на постелѣ, причѣмъ шея у него была вывернута. Упомянутое о Фаустѣ встрѣчаемъ мы у Лафатера (*De spectris, lumbibus* etc. 1570 г.), который, говоря о волшебникахъ, ему современныхъ, присоединяетъ: „*Quam miranda referuntur de Fausto Germano, quae nostra aetate per magicas artes effecerit*“.

Филиппъ Калираріусъ въ своемъ сочиненіи „*Opera horarum subcisivatum*“ сообщаетъ о популярности, которою въ его время пользовался Фаустъ. „Намъ извѣстно, что между волшебниками поколѣнія нашихъ отцевъ Іоаннъ Фаустъ изъ Кундлинга приобрѣлъ такое знаменитое имя, что врядъ ли есть изъ народа кто-либо, кто бы не могъ разказать чего-либо объ его искусствѣ“. Затѣмъ онъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: когда однажды Фаустъ находился въ обществѣ своихъ знакомыхъ, всѣ къ нему пристали съ просьбою достать имъ

виноградную лозу, что было тѣмъ болѣе затруднительно, что дѣло происходило зимою. Фаустъ приказалъ сидѣть всѣмъ въ глубочайшемъ молчаніи и очаровалъ ихъ до того, что всѣмъ, дѣйствительно, представилось, будто передъ ними выросло дерево, съ котораго свѣшивались такія сочныя и благоуханныя виноградныя кисти, что всѣ схватились за ножи, чтобы срѣзать ихъ. Но Фаустъ уничтожилъ видѣніе и тогда только присутствующіе замѣтили, что вмѣсто виноградныхъ кистей, они держатъ другъ друга за носъ съ занесеннымъ надъ нимъ ножомъ.

Наконецъ, послѣднюю стадію въ развитіи сказанія о докторѣ Фаустѣ представляетъ вышедшее за два года до появленія первой народной о немъ книги сочиненіе Лерхеймера „Bedenke der Zauberey“. Въ немъ находится множество эпизодовъ, перенесенныхъ авторомъ народной книги на Фауста (въ почти буквальной повтореніи). Дюнцеръ замѣчаетъ, между прочимъ, что большинство своихъ разказовъ Лерхеймеръ заимствовалъ изъ Виттенберга, гдѣ впервые развилось сказаніе о Фаустѣ ¹⁾. Въ главѣ „Von Gemeinen Gaukelbuben“ Лерхеймеръ упоминаетъ, между прочимъ, о слѣдующихъ продѣлкахъ Фауста. Когда, однажды, слуга въ гостинницѣ, въ которой Фаустъ обѣдалъ, налилъ ему слишкомъ полно стаканъ вина, Фаустъ погрозилъ съѣсть этого слугу живьемъ, если подобная неловкость еще разъ повторится. Слуга принялъ эту угрозу за насмѣшку и поспѣшилъ опять перелить вино въ стаканъ. Тогда Фаустъ привелъ свою угрозу въ исполненіе и при всѣхъ съѣлъ дерзкаго слугу. На просьбу хозяина возвратитъ ему слугу Фаустъ посоветовалъ ему взглянуть за печку: и тамъ, дѣйствительно, находился этотъ несчастный, весь мокрый и дрожащій отъ холода и страха. Туда, прибавляетъ Лерхеймеръ, стацилъ его чертъ, обливъ предварительно водою (Клостеръ, V, 284).

Другая продѣлка Фауста: послѣ ужина отравляются однажды онъ и его собесѣдники въ Зальцбургъ въ погребокъ епископа, гдѣ и распиваютъ лучшія вина. Застигнутые врасплохъ слугою епископа, уличившимъ ихъ въ воровствѣ, они всѣ поспѣшили скрыться изъ погребка, а нескромнаго слугу Фаустъ посадилъ дорогою на высокую ель (75).

Далѣе Лерхеймеръ разказываетъ, какъ богобоязненный старецъ убѣждалъ Фауста покаяться и отвратиться отъ своихъ безбожныхъ

¹⁾ Наше изложеніе мы заимствуемъ изъ статьи Лерхеймера, «Bedenke der Zauberey», помѣщенной въ V т. Клостера.

дѣлъ. Въ благодарность за добрый совѣтъ тотъ посылаетъ къ нему черта, который забрался къ нему въ спальню и началъ устрашать его свиннымъ хрюканьемъ. Но старецъ нисколько не растерялся; напротивъ, сталъ самъ издѣваться надъ чертомъ, называя его хрюканье пѣніемъ ангела, который не можетъ оставаться на небѣ, но превращенный въ свинью шляется по домамъ людей, чтобы нарушать ихъ покой. Совершенно разстроенный и огорченный вернулся чертъ къ Фаусту съ горькой жалобой на то, что ему напомнили его паденіе и надъ этимъ издѣвались (76).

Попадаетъ, наконецъ, Фаустъ и въ тюрьму за то, что не только самъ не прекращалъ своихъ безбожныхъ занятій, но еще и другихъ соблазнялъ слѣдовать своему примѣру. Но чертъ спасаетъ его изъ тюрьмы, хотя вскорѣ послѣ того умертвилъ, прослуживъ ему 24 года. Мы встрѣчаемъ тутъ новый фактъ въ исторіи развитія легенды—24-хъ лѣтній срокъ служенія черта Фаусту.

Замѣчательны въ исторіи развитія легенды и слѣдующія слова Лерхеймера (на 77 стр.): „извѣстный Фаустъ однажды рѣшился покаяться, но чертъ такъ ему пригрозилъ, что онъ снова далъ ему росписку“. Изъ этихъ словъ мы можемъ заключить о душевныхъ колебаніяхъ Фауста, заставлявшихъ его оглядываться назадъ и раскаиваться въ своихъ заблужденіяхъ.

Здѣсь-же мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ вторичной росписки.

Noch wichtiger—говоритъ Дюнцеръ—wird aber Lercheimer's Buch für das Faustbuch dadurch, dass manche Geschichten, welche Lercheimer nicht von Faust, sondern von anderen Zauberern erzählt, in diesem auf Faust bezogen werden. Dem Verfasser des Faustbuches lag die Schrift von Lercheimer vor, und er benutzte sie zu seinem Zwecke (Кл. V, 77). Приведемъ изъ помѣщенной въ V т. Кюстера статьи Лерхеймера „Bedenke der Zauberey“ нѣсколько такихъ „исторій“, съ цѣлью доказать, что издатель народной книги широко пользовался трудомъ этого писателя.

1) У крестьянина сбѣжала лошадь. Онъ идетъ къ предсказателю, который ему сообщаетъ, что другой крестьянинъ угналъ ее и даже въ данный моментъ ѣдетъ на ней по ту сторону Рейна. Разсерженный крестьянинъ догоняетъ конокрада. Между ними происходитъ бурное столкновеніе, во время котораго каждый оспариваетъ свое право на лошадь. Въ концѣ концовъ, обнаруживается, что предсказатель обманулъ крестьянина.

2) Во время осады города В. одинъ пушварь вызвался попасть въ совершенно отъ него скрытаго въ лѣсу предводителя непріятельскихъ войскъ. Когда ему было это запрещено, онъ ограничился тѣмъ, что попалъ въ дерево, подъ которымъ тотъ закусывалъ.

3) Въ одномъ обществѣ нѣкто А. von Th. предложилъ отсѣчь кому угодно голову и затѣмъ снова ее приставить на прежнее мѣсто. Вызвался подвергнуться этой операціи слуга, которому А. von Th. и отсѣкъ голову, но всѣ попытки его снова еѣ приставить не увѣнчались успѣхомъ: оказалось, что въ этомъ обществѣ находится другой волшебникъ, парализовавшій дѣйствія А. von Th. Удаливъ чары враждебнаго ему волшебника А. благополучно утверждаетъ голову слуги на ея прежнее мѣсто.

4) Черно книжникъ обращаетъ служебникъ въ рукахъ одного попа, отправляющагося на совершеніе своего служенія, въ игорныя карты.

5) Извѣстный уже намъ изъ „Tischrede“ Лютера разказъ о томъ, какъ Максимилиану явились тѣни умершихъ царей, по Лерхеймеру видоизмѣняется въ вызваніе для Максимилиана нѣкимъ аббатомъ тѣни покойной супруги императора—Маріи.

6) Тотъ же аббатъ прибылъ въ гостинницу, въ которой не нашелъ для себя и своихъ товарищей хорошаго кушанья. Онъ постучалъ въ окно и сказалъ „adfer“. Вскорѣ въ окно была подана тарелка съ вареной рыбой и сосудъ съ виномъ.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили наступательное движеніе сказанія о докторѣ Фаустѣ вплоть до первой народной книги, гдѣ это сказаніе нашло себѣ полное завершеніе и округленность. Какія же данныя добыли мы изъ нашего обзора? Мы узнали, что Фаустъ учился магіи въ Краковѣ, заключилъ договоръ съ чертомъ посредствомъ росписки, написанной его кровью; что чертъ служилъ ему 24 года, по истеченіи которыхъ ужасно его умертвилъ, причемъ даже домъ, въ которомъ находился въ свои предсмертныя часы Фаустъ, былъ потрясенъ до основанія; что Фаустъ велъ странническую жизнь, полную разныхъ приключеній и продѣлокъ, жизнь веселую, разгульную, въ теченіе которой чертъ его постоянно сопровождалъ (по древнѣйшимъ преданіямъ въ образѣ собаки и лошади, по позднѣйшимъ въ образѣ человѣка); что Фаустъ раскаявался въ своихъ заблужденіяхъ и пытался обратиться къ Богу; что онъ принужденъ былъ чертомъ заключить съ нимъ вторичный кровавый контрактъ. Именно эти данныя и составляютъ основы народной книги, ту канву, въ которую шито множество эпизодовъ и подробностей, отчасти приписываемыхъ

народной фантазіей самому Фаусту, отчасти перенесенныхъ на него съ другихъ, пользовавшихся извѣстностью таинственныхъ, и необыкновенныхъ личностей.

II.

Первая народная книга.

Прежде, чѣмъ приступить къ самому изложенію содержанія первой народной книгѣ о Фаустѣ, считаемъ необходимымъ выяснить, какимъ образомъ могло образоваться въ XVI-мъ вѣкѣ сказаніе о Фаустѣ, какимъ образомъ легендарныя черты, приписываемыя ему, передавались очевидцами за истинныя, дѣйствительныя, съ полною вѣрою въ возможность и даже необходимость такихъ фактовъ. Все дѣло въ томъ, что тема эта не нова: она съ незапамятныхъ временъ переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, мѣняя только съ вѣками свой характеръ, — словомъ, сказаніе о Фаустѣ развилось изъ сказанія о магахъ, начало коего коренится въ глубокой древности.

Куно Фишеръ (Goethe's Faust) усматриваетъ три главныя эпохи въ развитіи сказанія о магахъ: язычество, средневѣковое христіанства и XVI вѣкъ.

Вѣра въ магію основывается на религіозномъ обоготвореніи силъ природы. Кто въ состояніи покорить себѣ эти силы и дѣйствовать съ ихъ помощью, тотъ, очевидно, избранникъ божества, на немъ лежитъ печать сверхъестественнаго могущества, это—магъ. Отсюда очевидно, что на мага во времена языческія смотрѣли какъ на лучшаго человѣка, представителя высшей мудрости и ближайшаго выразителя божественной воли. Съ распространеніемъ христіанства падаютъ языческіе боги и все, что имѣло близкое къ нимъ отношеніе, что отъ нихъ черпало свою силу, объявляется дьявольскимъ. Таковой же, слѣдовательно, участи подверглась и магія, которая основывалась на языческомъ мировоззрѣніи. Настоящій христіанинъ изъ любви къ Богу отказывается отъ всѣхъ радостей земныхъ, какъ отъ преходящаго, чтобы снискать себѣ вѣчное спасеніе. Самолюбіе же, побуждающее человѣка дорожить этимъ міромъ и пользоваться всѣми его благами, считается наводненіемъ сатаны, который, чтобы завладѣть душою человѣка, доставляетъ ему легкое наслажденіе всѣми благами міра. Это безмѣрное человѣческое самолюбіе и является побудительнымъ основаніемъ заниматься магіей. Люди, одержимые имъ, естественно

не признають высшаго христіанскаго смиренія и потому подвергаются со стороны церкви и всѣхъ вѣрующихъ обвиненію въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и преданности аду.

Въ XVI вѣкѣ сказаніе о магахъ совершенно видоизмѣняется подъ влияніемъ двухъ теченій — возрожденія и реформаціи. Выступаютъ двѣ, повидимому, противурѣчивыя особенности въ развитіи этого сказанія — съ одной стороны, занятіе магіей считается проклятымъ дѣломъ и люди ей предающіеся, лишены всякой надежды на спасеніе, — съ другой, она показываетъ высшее развитіе духовныхъ силъ чело- вѣка и служить выразителемъ высшихъ его стремленій. Реформація объясняетъ намъ первую особенность сказанія о магахъ; возрожденіе классическаго образованія (или правильнѣе классическаго мировоззрѣ- нія) — вторую.

Реформація, осудившая католическое вѣроученіе, провозгласившая папство „дьявольскимъ искаженіемъ христіанства“ и вызвавшая высшее религиозное возбужденіе въ своихъ послѣдователяхъ, конечно, должна было считать за дѣло рукъ дьявола не только ту магію, которую осудило и само католичество, но и ту, которую враждебное ей католичество признавало за божественную. Отсюда занимающіеся магіей лишены всякой надежды на спасеніе: они заключили договоръ съ дьяволомъ и никакая сила, никакое раскаяніе съ ихъ стороны не поможетъ имъ избѣгнуть ада, гдѣ ихъ ждетъ вѣчное осужденіе. Отсюда трагическій характеръ народныхъ сказаній о магахъ.

Другую характеристическую особенность сказанія о магахъ объ- ясняетъ, какъ мы уже сказали, возрожденіе классической древности. Не надо забывать, что въ XVI вѣкѣ было возрожденіе не только клас- сической литературы, но и античныхъ вѣрованій и философіи, — сло- вомъ, возрожденіе античнаго мировоззрѣнія. Одно изъ послѣднихъ фи- лософскихъ ученій греческихъ мыслителей, — которое имѣло наибольшее вліяніе на измѣненіе характера сказаній о магахъ въ XVI вѣкѣ — утверждало, что какъ внѣшняя природа, такъ и душа чело- вѣка полны божественныхъ силъ, разлитыхъ по всей природѣ, что, слѣдовательно, „въ природѣ скрыта тайна божества“. Это ученіе извѣстно подъ име- немъ теософіи. По этому воззрѣнію, природа является, какъ мисте- рія, какъ „закрытая для чело- вѣческаго ума книга“, попытки про- никнуть въ нее окружены суевѣрной тайной. Тайна природы до того тяготѣетъ надъ умами людей, что прибѣгаютъ даже къ іудейско- каббалистическимъ книгамъ, чтобы разрѣшить загадочную проблему міра. Кто откроетъ эти скрытыя въ природѣ силы божества и подчи-

нить ихъ себѣ—тотъ магъ. Такимъ образомъ, задачей магіи XVI вѣка является „проникнуть въ глубину природы“, „сорвать съ природы покровъ таинственности“.

Отсюда безплодныя попытки отыскиванія философскаго камня, жизненнаго элексира, алхимическое приготовленіе золота и т. п. Какъ на легендарныхъ представителей подобнаго направленія, можно указать на Агриппу и Парацельса. Вмѣстѣ съ самымъ очевиднымъ отпаденіемъ отъ Бога и подчиненіемъ на вѣкъ власти дьявола — въ мѣстѣ всякаго благочестиваго христианина, магъ въ то же время является на высотѣ призванія человѣка XVI-го столѣтія. Такимъ образомъ, въ сказаніяхъ о магахъ въ эту эпоху мы встрѣчаемъ три черты — дьявольскую, унаслѣдованную отъ среднихъ вѣковъ, трагическую, вызванную сильнымъ религіознымъ возбужденіемъ реформаци, и титаническую, коей источникомъ служили идеи возрожденія.

Всѣ эти типическія черты носить на себѣ и магъ Фаустъ, сказаніе о которомъ является только послѣднею стадіей въ общемъ поступательномъ движеніи сказанія о магахъ. Но эти черты въ разобранныхъ нами выше преданіяхъ о Фаустѣ являются въ скрытомъ видѣ. Болѣе ясное ихъ обнаруженіе мы находимъ въ первой народной книгѣ о Фаустѣ, содержащей, такъ сказать, его біографію.

Появилась она въ 1587 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, изданная книгопродавцемъ Шписомъ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Historia von D. Johann Fausten, dem Weitbeschreyten Zauberer und Schwarzkünstler, Wie er sich gegen dem Teuffel auff eine benendte Zeit verschrieben, Was er hierswischen für selsame Abenthewer gesehen, selbs angerichtet und getrieben; biss er endlich sein wol verdienten Lohn empfangen“.

Издатель первой народной книги о Фаустѣ былъ, очевидно, человѣкъ ученый, что явствуетъ изъ множества латинскихъ словъ и оборотовъ. Не смотря на то, что онъ, какъ самъ высказываетъ въ своемъ обращеніи къ читателю-христианину, составлялъ свою книгу, чтобы предостеречь истинно-вѣрующихъ отъ пагубнаго занятія магіей,—книга его вся проникнута чисто-народнымъ духомъ. Зомеръ при водить изъ разныхъ ея мѣстъ цѣлую страницу народныхъ пословицъ и поговорокъ, которыя употребляетъ Мефистофель въ своихъ бесѣдахъ съ Фаустомъ. Этотъ народный характеръ обуславливается тѣмъ, что и самъ Фаустъ, по словамъ автора, вышелъ изъ народа.

До сихъ поръ мы, рассматривая сказанія о докторѣ Фаустѣ, нигдѣ не встрѣчали свѣдѣній о его происхожденіи. Изъ народной книги мы узнаемъ, что онъ былъ крестьянскій сынъ. Его родители, благочестивые и богобоязненные люди, отдали его на воспитаніе въ Виттенбергъ къ своему зажиточному родственнику, который заботился о немъ, какъ о родномъ своемъ сынѣ. Въ Виттенбергскомъ университетѣ Фаустъ занимался очень усердно теологіей и такъ успѣлъ въ своихъ занятіяхъ этой наукой, что на экзаменѣ превзошелъ своими познаніями экзаменовавшихся съ нимъ 16 магистровъ и былъ возведенъ въ званіе доктора. Но онъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ „безразсудствомъ и тщеславіемъ“, которыя совлекли его съ того истиннаго пути, на которомъ онъ находился, и направили на совершенно ложную дорогу. Онъ попадаетъ въ дурное общество, начинаетъ вести жизнь „безбожную и нечестивую“. Но, прибавляетъ авторъ — „was zum Teuffel wil, das lässt sich nicht aufhalten“. И дѣйствительно, отбратившись отъ богословія, Фаустъ предался магіи, для чего и отправился въ Краковъ, гдѣ университетъ славился тогда колдовствомъ. Дни и ночи проводитъ онъ въ своихъ безбожныхъ занятіяхъ надъ разными — *dardaniae artes, nigromantiae, carmina, veneficium, vaticinium, incantationes* и пр. Онъ самъ себя называлъ астрологомъ, математикомъ и докторомъ медицины, занимался врачебной практикой и помогалъ многимъ больнымъ. „Никто не можетъ служить двумъ господамъ; не испытывай Господа, своего владыку“. Это все (то-есть эти мудрыя правила) бросилъ онъ на вѣтеръ и потому нѣтъ ему никакого прощенія — такъ заканчиваетъ первую главу своей книги благочестивый авторъ.

Но какую же цѣль преслѣдовалъ Фаустъ? Народная книга такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „онъ подвязалъ себѣ орлиныя крылья и стремился изслѣдовать всѣ основанія неба и земли“, то-есть поставилъ себѣ ту же цѣль, которая привлекала въ XVI вѣкѣ многихъ людей, гнушавшихся схоластическою премудростію, къ занятію магіей ¹⁾. „Легкомысліе“ повело его дальше по тому ложному пути, который онъ себѣ избралъ; оно побудило его испробовать извѣстныя ему заклинанія, чтобы вызвать чорта. Для этой цѣли онъ отправляется между 9—10 часами въ лѣсъ, находившійся въ окрестностяхъ Виттенберга и носившій названіе „Spessergwald“ и тамъ на перекресткѣ дорогъ проводить кругъ, внутри котораго помѣщается самъ

¹⁾ См. сдѣланный мною выше очеркъ сказанія о магахъ.

и начинаетъ производить заклинанія. Его заклинанія вскорѣ оказали свое дѣйствіе и чертъ явился на его зовъ въ видѣ монаха. Правда, онъ явился Фаусту не сразу въ этомъ видѣ, но пугаль его предварительно ужаснымъ шумомъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ огненной звѣзды, огненнаго шара и пр. Образъ францисканскаго монаха, въ которомъ подъ конецъ предсталъ предъ нимъ чертъ, такъ понравился Фаусту, что онъ приказываетъ ему впослѣдствіи не измѣнять его ¹⁾. (здѣсь видна тенденція протестанта). Съ этихъ поръ завязываются постоянныя сношенія между Фаустомъ и служащимъ ему „духомъ“, который называлъ себя Mephostophiles (что Дюнцеръ объясняетъ, какъ mephostophiles, то-есть, не любящій свѣта).

На слѣдующій же день послѣ заклинанія черта Фаустъ хочетъ заключить съ нимъ условіе и требуетъ отъ него, чтобы онъ былъ ему подвластенъ и послушенъ, исполнялъ всѣ его требованія и отвѣчалъ на всѣ его вопросы; но Мефистофель оказывается не уполномоченнымъ отъ ада на подобный договоръ. Въ своей бесѣдѣ съ Фаустомъ онъ объясняетъ, что явился на его зовъ лишь потому, что всегда слуги ада должны, превращенные въ человѣческій образъ, находиться при людяхъ, служить имъ, чтобы тѣмъ удобнѣе предать ихъ подъ власть своего владыки — Люцифера.

Послѣ этой первой бесѣды съ Мефистофелемъ Фаустъ начинаетъ раздумывать объ участи, которая его ждетъ. „Ich will nicht verdammt sein!“ восклицаетъ онъ. Это не помѣшало ему однако къ вечеру слѣдующаго дня снова вызвать „духа“ и заключить съ нимъ уже прочный документальный договоръ. Фаустъ предлагаетъ ему 6 пунктовъ, которые сводятся къ слѣдующему: самъ Фаустъ долженъ получить образъ и форму духа, Мефистофель долженъ исполнять всѣ его приказанія, быть послушнымъ и преданнымъ какъ слуга, и, наконецъ, невидимо ни для кого другого кромѣ Фауста присутствовать у него въ домѣ и немедленно по зову являться въ требуемомъ видѣ. Мефисто-

¹⁾ Мотивъ заклинанія чертей не новъ. Еще у Евреевъ мы встречаемъ часто подобныя заклинанія, происходившія въ ночное время въ предназначенныхъ къ тому мѣстахъ, преимущественно пещерахъ. Дюнцеръ указываетъ нѣсколько примѣровъ изъ средне-вѣковыхъ сказаній, въ которыхъ мы встречаемся съ тѣмъ же мотивомъ. Епископъ Левъ (VIII в.) получаетъ отъ мага—Еврея записку, которую онъ въ ночное время долженъ разорвать на кладбищѣ и тогда явится къ нему чертъ. Еврей-магъ ведетъ Милларіуса въ страшный лѣсъ и тамъ ужасными заклинаніями вызываетъ черта. Такихъ примѣровъ множество до первой народной книги.

фель изъявилъ полное согласіе принять эти условія, если въ свою очередь Фаустъ будетъ согласенъ на тѣ, которыя онъ съ своей стороны ему предложить, а именно: клятвенное обѣщаніе, для большей силы даже подерѣвленное собственною кровью, что онъ будетъ ему—Мефистофелю принадлежать, что онъ будетъ врагомъ всѣхъ христіанъ и христіанской вѣры и, наконецъ, что онъ не будетъ рассказываться въ этомъ своемъ рѣшительномъ шагѣ. Заключение этого договора было знаменіемъ отпаденія Фауста отъ своего Бога и Творца и паденія на вѣкъ власти дьявола. „И это отпаденіе — посвящаетъ авторъ—было не чѣмъ инымъ, какъ актомъ его гордаго высомѣрія, отчаянія, смѣлости и дерзости, какъ у тѣхъ гигантовъ, о которыхъ пишутъ поэты, что они нагромодили горы и хотѣли воевать противъ Бога“.

Оставалось только Фаусту росписаться въ заключеніи договора своею кровью. Но едва онъ прокололъ себѣ для этой цѣли ножомъ правую руку, какъ на ней кровь начертала слѣдующее предостереженіе: „o homo fuge!“ Не смотря на это росписка на 24-хъ лѣтній срокъ все-таки была написана и передана Мефистофелю, который потребовалъ даже копію съ нея. Съ этихъ поръ начинается служебная дѣятельность Мефистофеля, выразившаяся на первыхъ порахъ тѣмъ, что онъ для Фауста кралъ изъ чужихъ погребовъ лучшія вина, съ чужихъ столовъ лучшіе обѣды и, кромѣ того, положилъ Фаусту жалованье по 25 кронъ въ мѣсяцъ. Матеріально такимъ образомъ обезпеченный Фаустъ хочетъ непременно вступить въ законный бракъ. На это рѣшеніе, какъ полагаетъ благодетельный авторъ народной книги, Фауста наталкивали его *afrodisia*, ибо „жизнь онъ велъ эникурейца“, „полагая, что душа и тѣло уничтожаются вмѣстѣ“. Мефистофель, конечно, возсталъ противъ такого желанія Фауста и уличилъ его въ противорѣчіи, ибо, давъ слово быть врагомъ христіанской вѣры, онъ въ то же время желаетъ законнаго брака, нуждающагося въ освященіи церковью! Отчасти убѣжденіями, отчасти угрозами Мефистофель достигъ того, что Фаустъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Но за то „*um sein Wollust anders zu ersättigen*“ Мефистофель предложилъ ему „*alle Tag und Nacht ein Weib zu Bett zu führen*“. Фаусту это такъ понравилось „*dass sein Herz für Frewden zitterte*“. И дѣйствительно съ этихъ поръ онъ постоянно стремится „*nach Gestalten schönen Weiber*“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что прежде всего Мефистофель представляетъ Фаусту всевозможныя матеріальныя удобства и на-

слаженія. Слѣдующій актъ его служенія это—удовлетвореніе жажды знанія Фауста, проявляющееся въ цѣлой серіи отвѣтовъ на всевозможные вопросы. Не будемъ останавливаться на научныхъ „colloquia“ Фауста съ его „духомъ“, ибо они не прибавятъ никакой новой черты въ развитіи легенды хотя интересны потому, что выражаютъ отчасти научные взгляды образованныхъ людей XVI вѣка. Въ этихъ бесѣдахъ чувствуется еще вѣянія средневѣковья съ ихъ таинственными и случайными объясненіями природы и космическихъ явленій. Таковы бесѣды о зимѣ и лѣтѣ, о кометахъ, планетахъ, падающихъ звѣздахъ, грохѣ, устройствѣ небесныхъ сферъ и пр.

Для насъ болѣе интересъ представляютъ бесѣды объ адѣ и его обитателяхъ, о сотвореніи земли и пр., потому что, впервые, съ подобными же бесѣдами намъ приходится встрѣчаться въ дальнѣйшихъ поэтическихъ обработкахъ легенды и, впрочемъ, въ нихъ особенно отражается раздвоенность Фауста и его страхъ передъ ожидающею его судьбою. Заклячая свой союзъ съ Мефистофелемъ, онъ, какъ замѣчаетъ авторъ народной книги, полагалъ, „что чертъ вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, и адъ вовсе не такъ жарокъ, какъ о немъ разказываютъ“. Но въ бесѣдахъ съ Мефистофелемъ онъ принужденъ былъ разочароваться въ своихъ предположеніяхъ.

Чтобы удовлетворить любознательности (или, правильнѣе, любопытству) Фауста, Мефистофель начинаетъ свою бесѣду съ описанія могущества и паденія своего владыки—Люцифера. Люциферъ „самый свѣтлый херувимъ Божій“, сіявшій „ярче солнца и звѣздъ“, по своему высокомерию и гордынѣ, захотѣлъ „возвыситься надъ Востокомъ“. За эту дерзость онъ былъ свергнутъ на вѣки въ темную преисподнюю, не имѣющую „ни конца, ни основанія“ и не заключающую въ себѣ ничего, кромѣ „мрака, пламени, сѣры и смрада“, гдѣ онъ находится на цѣпи въ ожиданіи возмездія. Этотъ разказъ о паденіи и вѣчномъ осужденіи Люцифера взволновалъ Фауста. Онъ бросился на постель и сталъ рыдать, помышляя о томъ, что и онъ также Божіе созданіе, которое, вслѣдствіе своей гордости, далъ себя обмануть дьяволу и на вѣкъ подпалъ его власти. „О, горе мнѣ! О, еслибъ я никогда не родился!“ восклицаетъ Фаустъ. *Er wollte aber,—замѣчаетъ авторъ,—keinen Glauben noch Hoffnung schöpfen, dass er durch Buss möchte zur Gnade Gottes gebracht werden“.*

Послѣ паденія,—продолжаетъ на другой день Мефистофель прерванную бесѣду,—бывшій ангелъ становится врагомъ Бога и людей,

Онъ былъ причиною того, что люди подвергаются смерти. Мефистофель приводитъ нѣсколько историческихъ примѣровъ для доказательства того, сколь много людей было загублено дьяволомъ. Наконецъ и самъ Фаустъ, по мнѣнію Мефистофеля, можетъ служить тому нагляднымъ примѣромъ, ибо враги людей мыслятъ его дають такое направленіе, что онъ ни на чемъ иномъ, кромѣ магін, не можетъ уснокоиться, что онъ заклиналъ дьявола и чрезъ то душою и тѣломъ предалъ себя во власть ада.

„Ахъ! я самъ себя поймалъ. Еслибъ я не имѣлъ безбожныхъ мыслей, но обращался бы съ молитвою къ Богу, то ни моею душѣ, ни тѣлу не причинилъ бы никакого несчастья“. Такъ восклицаетъ Фаустъ и уходитъ отъ Мефистофеля опечаленный.

Наконецъ, ужасную картину ада и безконечныхъ мукъ въ немъ, испытываемыхъ грѣшниками, Мефистофель описалъ какъ самый добросовѣстный проповѣдникъ, желающій воздержатъ людей отъ грѣха, ни сколько не беспокоясь о томъ, что можетъ этимъ описаніемъ напугать Фауста и вызвать въ его душѣ раскаяніе. Фаустъ дѣйствительно утрашился картины ада и предался меланхоліи. Но Мефистофель имѣлъ сильное средство противъ меланхоліи. Онъ явился къ нему въ образѣ прекрасной дѣвы и Фаустъ снова стоялъ на ложномъ пути.

Еще большую добросовѣстность проявилъ Мефистофель въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ Фауста: „что ему дѣлать, чтобы угодить Богу?“ Мефистофель отвѣтилъ такъ, какъ бы отвѣтилъ любой проповѣдникъ. Онъ сказалъ, что на мѣстѣ Фауста всячески старался бы не прогнѣвить Бога, по возможности соблюдалъ бы Его заповѣди, „призывалъ бы Его, славословилъ, почиталъ и молился и послѣ смерти получилъ бы за это вѣчную радость, славу и наслажденіе“. Затѣмъ даже упрекнулъ Фауста, что онъ отвергъ Творца, Который его создалъ, далъ ему даръ слова, зрѣніе и слухъ, что такимъ образомъ онъ лишилъ себя возможности прибѣгать къ милосердію Бога, разгнѣваннаго за его грѣховныя дѣянія. „Оставь меня въ покоѣ“, отвѣчалъ Фаустъ на эту проповѣдь.

За то въ объясненіи того, какъ Богъ создалъ міръ, Мефистофель, по замѣчанію автора народной книги, далъ „безбожный и лживый“ отвѣтъ. Онъ утверждалъ, что „міръ не былъ созданъ“, что „родъ человѣческій отъ вѣка существовалъ и не имѣетъ первоначальнаго происхожденія“, что море само отдѣлилось отъ суши.

Познакомившись изъ этихъ бесѣдъ съ будущими своими влады-
часть ссх1, отд. 2.

ками и мучителями, Фаустъ принимаетъ ихъ въ своемъ домѣ, при чемъ каждый въ нихъ является въ образѣ какого-нибудь животнаго. Далѣе, до мелочей узнавъ объ устройствѣ и характерѣ своего будущаго мѣстопробыванія, то-есть ада, Фаустъ еще при жизни отважился его посѣтить; видѣлъ также—правда, издали—входъ въ рай съ горъ Кавказскихъ, посѣщалъ звѣздный міръ и, наконецъ, предпринялъ путешествіе по всѣмъ городамъ и княжествамъ, возсѣдая верхомъ на своемъ „летающемъ духѣ“, Мефистофель, принявшемъ видъ лошади. Это послѣднее путешествіе, или, какъ его называетъ авторъ, „пелигримство“ совершилъ Фаустъ на 16 году служенія ему Мефистофеля. Не будемъ слѣдить за Фаустомъ по всѣмъ мѣстностямъ и городамъ, которые онъ посѣтилъ, а остановимся только въ Римѣ, пребываніе въ которомъ доставило ему болѣе всего удовольствія.

Онъ невидимкою отправился здѣсь во дворецъ папы и былъ такъ восхищенъ представившеюся его взорамъ обстановкой, что тотчасъ же упрекнулъ Мефистофеля въ томъ, что тотъ не сдѣлалъ его папою. Безбожная жизнь папы и окружавшаго его сброда, „Geschmeiss“, была полна „высокомѣрія, гордости, тщеславія и разврата“; всѣ помышляли только объ ѣдѣ и питьѣ, такъ что, очутившись среди этихъ людей, Фаустъ воскликнулъ: „Ich meynt, ich were ein Schwein oder son des Teuffels. Diese Schwein zu Rom sind Gemästet, und alle zeitig zu Braten und zu Küchen“ (44). И дѣйствительно, онъ никогда не ѣлъ и не пилъ такъ хорошо, какъ здѣсь. Стоя во время стола за стуломъ папы, онъ сперва наносилъ ему оплеухи, когда тотъ совершалъ крестное знаменіе, потомъ то привимался хохотать, то плакать, чѣмъ весьма пугалъ папу и другихъ присутствовавшихъ. Въ заключеніе, онъ похитилъ лучшія блюда и снесъ ихъ въ Капитолій, а Мефистофелю поручилъ притащить туда же лучшія вина, да кстати захватить и лучшіе серебряные сосуды. Папа, напуганный всѣмъ происшедшимъ, велѣлъ въ ту же ночь звонить во всѣ колокола, служить обѣдни и предать проклятію душу того, кто осмѣлился такъ дерзко шутить съ нимъ. Тѣмъ временемъ Фаустъ, хорошо пообѣдавъ, отправился на своемъ Пегасѣ въ дальнѣйшее путешествіе.

Мы видимъ, что во все это время играетъ Фаустъ роль почти пассивную. Мефистофель обставляетъ его всевозможными удобствами, удовлетворяетъ его любознательность, и, наконецъ, на себѣ возить по свѣту, чтобы познакомить его со всѣмъ, что достойно вниманія. Послѣ того начинается активная роль Фауста, его самодѣя-

тельность, которая въ народной книгѣ начинается съ третьей части, носящей такое заглавіе: „Folget der dritte und letzte Theil von d. Fausti Abentheuern, was er mit seiner Nigromantia an Potentaten und Höfen gethan und gewircket“. Это наименѣе, самостоятельная часть народной книги. Въ общихъ чертахъ и во многихъ подробностяхъ приключенія, или, правильнѣе, продѣлки Фауста, о которыхъ идетъ въ ней рѣчь, намъ уже извѣстны изъ обзора развитія легенды о Фаустѣ до народной книги.

Начинается эта послѣдняя часть „исторіей доктора Фауста съ королемъ Карломъ V“. Эта исторія есть не что иное, какъ перенесенное на Карла и извѣстное намъ изъ разсказа Лютера въ его „Tischrede“ вызываніе при дворѣ Максимилиана тѣней умершихъ. Фаустъ, чтобы доказать силу своего магическаго искусства, вызываетъ по просьбѣ Карла тѣни Александра Великаго и его супруги „въ ихъ видѣ и образѣ, съ ихъ походкою и жестами“. Карлъ усмотрѣлъ даже на шеѣ у супруги Александра характеристическій признакъ — бородавку, о которой узналъ раньше изъ описаній, что окончательно его убѣдило, что онъ дѣйствительно видитъ передъ собою тѣни Александра и его жены.

При томъ же дворѣ Фаустъ увидалъ спящаго на подовонникѣ придворнаго Карла. Онъ ему приставилъ на лобъ оленьи рога, такъ что тотъ не могъ просунуть своей головы обратно въ комнату. Эта шутка очень пришлась по вкусу императору и онъ много смѣялся надъ несчастнымъ своимъ придворнымъ. Осмѣянный придворный страшно разгнѣвался и затаилъ на время въ душѣ жажду мести. Когда Фаустъ, простившись съ Карломъ, отъѣхалъ на полъ-мили отъ Инспрука (гдѣ была резиденція Карла), придворный съ толпой рыцарей нападаетъ на Фауста съ твердымъ намѣреніемъ убить этого волшебника. Угадавъ его намѣреніе, Фаустъ съ цѣлою арміею обращенныхъ въ образъ рыцарей духовъ окружаетъ нападающихъ и въ наказаніе за ихъ дерзкое покушеніе на его жизнь всѣхъ награждаетъ рогами ¹⁾.

Однажды Фаустъ ужиналъ при дворѣ графа Ангальтскаго. Желая исполнить прихоть графини, захотѣвшей немедленно покушать свѣжаго винограда и плодовъ, не смотря на то, что дѣло было зимою,

¹⁾ Подобную же продѣлку приписываютъ Цитю, волшебнику царя Венецла. См. *Дюнцера*.

онъ просовываетъ въ окно два серебряныхъ блюда и вынимаетъ ихъ обратно, уже наполненными фруктами. На вопросъ графини, какъ объяснить это чудо, Фаустъ отвѣчаетъ, что плоды принесъ изъ теплыхъ странъ его быстрый летающій духъ. На слѣдующее утро Фаустъ приглашаетъ графа и графиню отобѣдать въ волшебномъ замкѣ, который онъ воздвигъ въ одну ночь. Дѣйствительно, на горѣ, носившей названіе Rombübel, удивленнымъ взорамъ всѣхъ представился чудесный замокъ, окруженный валомъ съ водою, наполненной множествомъ рыбы. Передъ замкомъ простирался дворъ, полный птицъ и животныхъ всевозможныхъ породъ. Здѣсь Фаустъ угостилъ графа и его жену отличнымъ обѣдомъ изъ самыхъ рѣдкихъ блюдъ (перечисленію коней авторъ посвятилъ болѣе полустраницы). Послѣ обѣда, когда всѣ возвратились во дворецъ графа, раздались ружейные выстрѣлы и замокъ стоялъ объятый яркимъ пламенемъ, поглотившимъ это волшебное твореніе Фауста. За доставленное графу удовольствіе Фаустъ получилъ отъ него въ подарокъ 100 талеровъ ¹⁾).

Надъ крестьянами, т. е. надъ равными себѣ, Фаустъ позволялъ себѣ тѣшиться, ставя ихъ въ самое глупое положеніе. Такъ, у крестьянина, не захотѣвшаго подвезти его въ городъ, онъ „заколдовалъ“ колеса его повозки такъ, что они отскочили и очутились по одному у четырехъ городскихъ воротъ.

У другаго крестьянина Фаустъ съѣдаетъ возъ сѣна съ телѣгомъ и лошадыю за то, что тотъ не посторонился, чтобы дать ему дорогу. Ту же продѣлку Фаустъ повторяетъ съ другимъ крестьяниномъ въ Цвикау ²⁾).

На одной пирушкѣ крестьяне страшно разшумѣлись, стараясь перекричать другъ друга. Фаустъ околдовалъ ихъ такъ, что они остались съ широко раскрытыми ртами, оцѣпенѣлые, въ тѣхъ же позахъ, въ которыхъ находились во время перебранки.

Затѣмъ, извѣстный намъ по Лерхеймеру эпизодъ объ обманѣ кре-

¹⁾ Плата за магическую продѣлку явно ставитъ Фауста въ связь съ *cholastici vagantes*, которые за деньги показывали разные фокусы.

²⁾ Жидъ Седекіа, лейбъ-медикъ короля Людовика, проглатывалъ рыцаря съ лошадыю и вооруженіемъ, а такъ же возъ сѣна съ лошадыю и хозяиномъ. Магистръ Theodo въ 1212 г. въ Крейцнахъ съѣдаетъ вооруженнаго чловека и возъ сѣна. Лютеръ, въ *Tischrede*, указываетъ на подобные же фокусы. Вообще эти факты такъ же, какъ отрубаніе и вновь представленіе головы,—извѣстныя въ Германіи выходки волшебниковъ (*Дюнцеры*).

стьянина кудесникомъ почти буквально повторяется въ народной книгѣ. Крестьянинъ, у котораго сбѣжала лошадь, обращается къ Фаусту съ просьбой указать, куда она дѣвалась. Фаустъ ложно объявляетъ, что ее укралъ другой крестьянинъ и ѣдетъ на ней по ту сторону рѣки. Обманутый крестьянинъ догоняетъ мнимаго вора и заводитъ съ нимъ крупную ссору; но потомъ выясняется, что онъ обманутъ Фаустомъ и покушался завладѣть чужой собственностью.

Фаустъ продаетъ барышнику 5 свиней, но при этомъ ставитъ ему условіе—не подводить ихъ въ рѣкъ. Послѣдній пренебрегъ этимъ условіемъ и свиньи исчезли въ рѣкѣ, а вмѣсто нихъ по теченію плыли лишь одни связки соломы.

Подобную же продѣлку Фаустъ повторяетъ и съ другимъ барышникомъ, которому на томъ же условіи продаетъ лошадь. Барышникъ, принявъ это за шутку, въѣзжаетъ на мушкетной у Фауста лошади въ рѣку, но вдругъ онъ почувствовалъ, что лошадь исчезла подъ нимъ: вмѣсто нея очутился пучекъ соломы. Разбѣшенный, онъ устремляется къ Фаусту и застаётъ его спящимъ. Съ цѣлью разбудить его и потребовать назадъ свои деньги, онъ съ силою дергаетъ его за ногу, и вмѣстѣ съ оторванной ногой падаетъ на полъ. Испугавшись своего поступка, барышникъ поспѣшно убѣгаетъ, чего только и надо было Фаусту ¹⁾.

Скажемъ теперь о продѣлкахъ Фауста въ кружкѣ виттенбергскихъ студентовъ. Однажды онъ отправляется съ ними въ погребокъ Зальцбургскаго епископа, гдѣ распиваетъ лучшее вино. Но здѣсь застаётъ ихъ врасплохъ слуга и уличаетъ въ воровствѣ. Фаустъ за волосы тащитъ его вонъ и на обратномъ пути въ Виттенберг сажаетъ на высокую ель, съ которой утромъ снимаютъ его мимо проходящіе крестьяне.

Потомъ авторъ народной книги описываетъ нѣсколько ироническихъ Фауста въ обществѣ приглашенныхъ къ его столу студентовъ, въ которыхъ онъ то потчуетъ своихъ гостей лучшими венгерскими и

¹⁾ Что изъ связокъ соломы дѣлаютъ 13 свиней, которыхъ онъ продаетъ барышнику, но слупому мельнику подъ условіемъ не подводить ихъ къ рѣкѣ. Но мельникъ не соблюдъ это условіе и свиньи обратились въ пучки соломы. Мельникъ спѣшитъ къ Цито, котораго застаётъ спящимъ на лавкѣ. Онъ дергаетъ его за ногу и отрываетъ ее (Кластеръ V, 180 стр.). Въ «Tischrede» Лютеръ рассказываетъ о ядѣ, который у своего учителя отрываетъ ногу безъ вреда для него.

испанскими винами, добытыми Мефистофелемъ, то устраиваетъ на столѣ гѣтушью пляску, а въ концѣ пирушки заколдовываетъ студентамъ ослиныя головы, то вдругъ обезьяна приноситъ телячью голову, которая подъ ножомъ одного изъ гостей говоритъ человѣчьимъ голосомъ. Наконецъ, по просьбѣ студентовъ, Фаустъ вызываетъ тѣнь прекрасной Елены, красота которой оказалась такою ослѣпительною, что студенты были внѣ себя отъ восторга и провели всю слѣдовавшую ночь безъ сна.

Въ приложеніи къ первой народной книгѣ, которое относится къ 1590 году, мы встрѣчаемъ еще два интересные факта. Въ Эрфуртѣ Фаустъ показывалъ студентамъ тѣни героевъ Гомера, а также предложилъ возстановить затеряныя комедіи Плавта и Теренція. Но это предложеніе было отклонено, ибо опасались, чтобы злой духъ не влилъ въ возстановленныя комедіи какого-нибудь сатирическаго яду.

Находясь безъ денегъ, Фаустъ занимаетъ у жидка 60 талеровъ на одинъ мѣсяцъ и въ залогъ даетъ ему свою собственную ногу. Жидъ, идя домой, бросилъ ее подъ мостъ. Но когда по истеченіи срока онъ явился къ Фаусту за деньгами, то не получилъ ихъ обратно, потому что не представилъ залога.

Всѣ приведенныя разказы уясняютъ намъ, что личность доктора Фауста есть личность, такъ сказать, сборная, и черты, приписываемыя ему, были уже давно готовы и принадлежали множеству старыхъ легендарныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было ему занимать деньги у жидка, зачѣмъ было ему отыскивать кладъ, когда всѣ земныя сокровища ему принадлежали, когда все лучшее и драгоцѣнное онъ могъ имѣть по маговенію своей руки? Очевидно, авторъ народной книги, не разсуждая, переносилъ на Фауста всѣ давно знакомыя ему факты. Поэтому-то намъ кажутся весьма странными безконечныя препирательства о томъ, существовалъ ли Фаустъ легенды, или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что у Фауста почти нѣтъ ни одной черты индивидуальной, лично ему принадлежащей. Онъ является лишь послѣднимъ и самымъ яркимъ выразителемъ общей идеи о магахъ. Въ немъ сказаніе о магахъ находитъ свое завершеніе. Оно выразило собою тотъ моментъ исторіи человѣчества, когда предъ зарею новаго свѣта сконцентрировались старыя традиціи и вѣрованія, чтобы, какъ искра потухающаго огня, въ послѣдній разъ блеснуть и на вѣкъ угаснуть. Сказаніе о Фаустѣ есть сказаніе о послѣднемъ магѣ.

Какъ мы уже ранѣе замѣтили, книга Деркеймера „Bedenke der

Zauberey“ служила для автора народной книги главнымъ источникомъ при составленіи біографіи Фауста.

Руководствуясь книгою Лерхеймера, онъ рассказываетъ, какъ во время осады Дюрингенской крѣпости войсками Карла V, Фаустъ является главнымъ защитникомъ ея, ибо ловилъ всѣ ядра, которыми непріятель ее бомбардировалъ. Изъ той же книги заимствованъ разказъ о поглорненіи Фаустомъ неловкаго слуги, дважды перелившаго ему вино въ стаканъ. Оттуда же съ мельчайшими подробностями взятъ извѣстный уже намъ разказъ о томъ, какъ Фаустъ снялъ у слуги голову съ плечь, но не могъ ее до тѣхъ поръ приставить, пока не отстранилъ чары находившагося въ его обществѣ другаго волшебника. Оттуда же приводитъ авторъ разказъ о пирушкѣ Фауста, на которой его гости, желая срѣзать кисти заколдованнаго имъ на столѣ винограднаго дерева, въ сущности, держали свои собственные носы съ намѣреніемъ ихъ отрѣзать ¹⁾).

Въ заключеніе приведемъ извѣстный намъ изъ свидѣтельства Вира разказъ о томъ, какъ Фаустъ показываетъ аббату средство безъ ножницъ снять бороду. Онъ намазываетъ ему бороду „agsepicum“, вслѣдствіе чего у аббата не только всѣ волосы на бородѣ выгѣзли, но и вся кожа на подбородкѣ сошла.

Одинъ богобоязненный старецъ, видя безбожную жизнь Фауста и „постоянныя оргіи“, которымъ онъ предавался, и „узнавъ о его сношеніяхъ съ дьяволомъ“ возмѣлъ желаніе предостеречь его и отратить отъ пагубнаго пути. Съ этою цѣлью онъ зоветъ Фауста къ себѣ и въ задушевной бесѣдѣ съ нимъ совѣтуетъ ему обратиться къ Богу. Фаустъ внимательно выслушалъ проповѣдь благочестиваго старца и, придя домой, началъ глубокомысленно размышлять о всемъ слышанномъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что старецъ правъ, что ему слѣдуетъ „расскаться“ и онъ уже хотѣлъ „взять назадъ свой договоръ съ чортомъ“. Но внезапно его благочестивые помыслы нарушаются появленіемъ Мефистофеля, который напоминаетъ ему клятву быть врагомъ людей и требуетъ возобновленія кроваваго контракта, угрожая въ противномъ случаѣ изорвать Фауста на клочки. Испуганный Фаустъ спѣшилъ заключить новый кровавый контрактъ съ Мефисто-

¹⁾ Я не привелъ въ моемъ предварительномъ обзорѣ этотъ разказъ Лерхеймера, потому что указалъ тамъ на другой подобный же разказъ Филиппа Камерарія.

фелемъ. Въ немъ онъ „собственною рукою и кровію“ свидѣтельствуетъ, что, истекшія 17 лѣтъ свято соблюдалъ свой договоръ съ Мефистофелемъ, Бога и людей ненавидѣлъ, и что онъ предастъ свою душу и тѣло дьяволу, который, по истеченіи 7-ми лѣтъ, имѣетъ право имъ владѣть.

Слѣдствіемъ этого было то, что Фаустъ возненавидѣлъ старца, который такъ задѣлъ его за живое. Мефистофель, съ своей стороны, рѣшился этому старцу отомстить и всю ночь производилъ у него страшный шумъ, но былъ выгнанъ изъ дома насмѣшками неспугавшагося его благочестиваго мужа, который шумъ, имъ произведенный, сравнивалъ съ хвалебнымъ гимномъ ангела, не могшаго и двухъ дней пребыть въ раю. Задѣтый, въ свою очередь, за живое, Мефистофель возвращается къ Фаусту съ жалобой, что старецъ напомнилъ ему объ его паденіи (подобный же эпизодъ у Лерхеймера).

Послѣ заключенія новаго договора Фаустъ перестаетъ думать объ ожидающей его страшной развязкѣ. Напротивъ, видя, что немного остается ему жить, онъ всецѣло погружается въ эпикурейскую жизнь, полную любовныхъ похожденій. Только на 23-мъ году Фаусту явилось страшное желаніе сойтись съ вызванною однажды для студентовъ прекрасной Еленой. Мефистофель доставляетъ ему Елену, съ которою Фаустъ и живетъ до самой своей смерти. Отъ ихъ союза родился сынъ—Justus Faustus, который по смерти отца и исчезаетъ вмѣстѣ съ своею матерью.

Наступаетъ, наконецъ, послѣдній годъ жизни Фауста. Прекращаются всѣ его шутки и продѣлки. Онъ уже начинаетъ думать о духовномъ завѣщаніи. Въ его домѣ находился въ услуженіи Вагнеръ, котораго онъ спасъ отъ нищеты и попрошайничества и пріютилъ у себя какъ сына. Ему Фаустъ завѣщаетъ все свое движимое и недвижимое имущество: домъ съ садомъ и всѣми принадлежностями, вообще всѣ драгоцѣнности. Кромѣ того, онъ передаетъ Вагнеру всѣ свои книги, ему же поручаетъ послѣ своей смерти написать свою исторію, при чемъ ему будетъ помогать приставленный къ нему для служенія духъ Auerhan.

Съ приближеніемъ срока договора начинаются душевные терзанія Фауста, его безконечные вопли и жалобы. „Настроеніе духа Фауста — говоритъ авторъ народной книги — было подобно настроенію убійцы и разбойника, получившаго въ тюрьмѣ смертныи приговоръ“. Онъ горько, хотя и безплодно, жаловался на то, что еще въ добротѣ

здоровья и молодых лѣтахъ долженъ непремѣнно умереть. Вспоминая объ адѣ и страшныхъ мукахъ, его ожидающихъ, Фаустъ восклицалъ: „отчего я не свезъ, околѣвающій безъ души, чтобы мнѣ больше ничего не испытывать? гдѣ мое прибѣжище, гдѣ моя защита, чѣмъ могу я утѣшиться!“

Наконецъ, истекли 24 года, назначенные Фаусту по адскому контракту, и Мефистофель объявляетъ ему, что въ слѣдующую ночь онъ долженъ принадлежать аду. Фаустъ, хотя и предчувствовалъ скорое наступленіе роковой развязки, былъ, однако, страшно потрясенъ, услышавъ, что смерть у него за плечами. Весь канунъ того страшнаго дни онъ проводитъ въ слезахъ, такъ что Мефистофель вторично является съ цѣлю его утѣшить. Въ день своей смерти Фаустъ приглашаетъ своихъ знакомыхъ студентовъ въ деревню „Kimplich“, отстоящую на полмили отъ Виттенберга, и тамъ держитъ къ нимъ рѣчь, озаглавленную въ народной книгѣ: „Oratio Fausti ad studiosos“. — Въ этой рѣчи онъ заявляетъ, что все его знаніе происходитъ отъ дьявола и что жизнь его въ эту ночь должна пресѣчься, ибо истекъ срокъ, положенный ему дьяволомъ. Онъ умоляетъ собравшихся друзей своихъ не отвращаться отъ Бога, но прибѣгать постоянно къ Его защитѣ противъ темной силы, которая его сгубила. Въ заключеніе онъ проситъ ихъ идти спать и не пугаться того шума, который они ночью услышатъ. Дѣйствительно, послѣ полуночи поднялся такой вихрь, что, казалось, весь домъ разрушается. Свистъ и шипѣніе раздавались по всему дому. Слышались крики о помощи, но они вскорѣ затихли. Утромъ студенты зашли въ комнату Фауста и взорамъ ихъ представилась страшная картина: комната была забрызгана кровью, а самъ Фаустъ былъ разорванъ въ малѣе клочки и отдѣльные его члены валялись въ разныхъ мѣстахъ.

Вернувшись въ Виттенбергъ, студенты нашли у Вагнера написанную самимъ Фаустомъ „правдивую“ исторію его жизни, но безъ конца, который они придѣляли сами.

Въ заключеніе авторъ народной книги проситъ христіанскихъ читателей остерегаться того дурнаго примѣра, который они видятъ въ Фаустѣ, и не предаваться занятіямъ магіей и колдовствомъ, ибо и ихъ тогда ожидаетъ такая же страшная участь.

Какую же представляется намъ личность доктора Фауста на основаніи народной книги? Съ одной стороны, Фаустъ принадлежитъ къ сословію ученыхъ: онъ докторъ теологіи и медицины. Но онъ чело-

вѣкъ самонадѣянный, съ дурно направленнымъ умомъ. Безразсудство и тщеславіе побуждаютъ его бросить занятія теологіей и обратиться къ магіи, къ чему совращаетъ его и дурное общество, въ которое онъ попалъ. Заключивъ договоръ съ дьяволомъ, онъ направляетъ всю дѣятельность Мефистофеля на удовлетвореніе эпикурейскихъ своихъ наклонностей и на обстановку своей жизни всевозможными матеріальными удобствами. Лишь пресѣтившись ими, онъ понемногу спрашиваетъ Мефистофеля о тайнахъ окружающей его природы и загробнаго міра. Съ другой стороны, Фаустъ является типомъ страствующихъ „кудесниковъ и фиглярѣвъ“. О многочисленности этого класса людей можно судить по одному примѣру: по словамъ люнебургской хроникѣ, ихъ скончилось во Франкфуртѣ на Майнѣ по случаю сейма, созваннаго въ 1397 году въ этомъ городѣ, не менѣе 5,182. Съ XIII столѣтія до времени реформаціи странствующие кудесники усиливаются, безнаказанно предаются своимъ занятіямъ, несмотря на оппозицію со стороны прелатовъ. Эта черта, то-есть столь знакомый народу типъ странствующаго кудесника, а также и то обстоятельство, что Фаустъ является сыномъ крестьянина, современникомъ и даже землякомъ Лютера — служатъ причинами его популярности, на которую мы обращали вниманіе въ началѣ нашего труда.

Мефистофель въ народной книгѣ выставленъ падшимъ ангеломъ, сожалѣющимъ объ утраченномъ блаженствѣ, духомъ, старающимся вовлечь въ свои когти людей, боящихся крестнаго знаменія и Евангелія — словомъ, такимъ типомъ дьявола, который выработался въ представленіи благочестивыхъ людей.

Содержаніе народной книги необыкновенно привлекательно. Въ ней можно усмотрѣть даже и романическій элементъ, хотя и въ грубой формѣ — именно въ отношеніяхъ Фауста къ прекрасной Еленѣ. Бромъ того, мы встрѣчаемъ здѣсь элементъ комическій, напримѣръ—посѣщеніе Фаустомъ Рима и его шутки надъ папою, а также всевозможныя продѣлки его съ крестьянами, студентами и барышниками; наконецъ, самъ Мефистофель является въ народной книгѣ то грознымъ духомъ карателя и мстителя, то въ смѣшномъ видѣ обманщика, нагавшаго о сотвореніи міра, или осмѣяннаго благочестнымъ старцемъ. Такимъ образомъ, въ самомъ содержаніи народной книги заложены, хотя и въ грубой формѣ, сѣмена будущихъ трагедій, комедій и фарсовъ.

Конечно, ничего подобнаго не имѣлъ въ виду благочестивый ав-

торъ, смотрѣвшій на свой трудъ, какъ на суровую обязанность предостеречь истинно вѣрующихъ отъ пагубнаго занятія магіей и представить въ трагической судьбѣ Фауста наглядный примѣръ участи, которая ожидаетъ каждаго, подобнаго ему безумца. И вотъ эта книга, предвѣщенная для назиданія, становится неисчерпаемою темой поэтическихъ обработокъ для увеселенія народа. Осужденная, проклятая церковью, ужасная личность мага и чернокнижника, отданная въ руки чорта на вѣчныя и невыносимыя терзанія, становится мила и дорога Нѣмецкому народу.

Князь И. Шаховской.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Русское сочиненіе о египетской архитектурѣ.

Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. Сочиненіе *Adriana Прахова*. Выпускъ I-й. Зодчество древняго Египта. С.-Пб. 1880.

Сочиненіе г. Прахова появилось въ свѣтъ уже цѣлыхъ полгода тому назадъ. Оно было представлено въ С.-Петербургскій университетъ для полученія его авторомъ степени доктора теоріи и исторіи искусствъ. Но на диспутѣ, происходившемъ въ университетѣ 30-го марта нынѣшняго года, оба официальные оппонента, профессоръ К. Я. Любевиль и доцентъ Э. Э. Соколовъ, заявили, что, какъ не-спеціалисты по части искусства вообще, и египетской архитектуры въ особенности, они не могутъ представить возраженій по существу, и потому ограничились лишь нѣсколькими частными замѣтками. Съ тѣхъ поръ сочиненіе г. Прахова такъ и осталось безъ критическаго разсмотрѣнія: ни наши восточники, ни преподаватели исторіи искусства въ разныхъ русскихъ университетахъ, ни тѣ изъ нашихъ архитекторовъ, которые интересуются исторіей своего искусства, никто не занялся книгой г. Прахова, никто не обсуждалъ ея, и даже никто не представилъ какихъ бы то ни было частныхъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ частяхъ ея. И достоинства, и недостатки ея остались совершенно неизвѣстными публикѣ, точно будто книги вовсе не появлялось на свѣтъ.

Но это—великая несправедливость. Сочиненіе г. Прахова ни въ какомъ отношеніи не заслуживало такого упорнаго молчанія. Оно далеко не принадлежитъ къ числу такихъ книгъ, о которыхъ говорить нечего или не стоитъ. Оно никомъ образомъ не можетъ быть от-

несено къ разряду сочиненій безцвѣтныхъ, ничтожныхъ или пустыхъ. Оно есть результатъ долгаго и прилежнаго изученія по памятникамъ, а въ дѣлѣ исторіи искусства это составляетъ самое рѣдкое у насъ исключеніе; если же прибавить къ тому, что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ объ искусствѣ египетскомъ, которымъ у насъ никто специально не занимается, не смотря на все значеніе его въ современной европейской наукѣ, послѣ блестящихъ открытій и великихъ изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій, то заслуга г. Прахова становится еще значительнѣе. Нельзя безъ симпатіи и уваженія отнестись къ труду его, хотя бы только по тому одному, что онъ, безъ посторонней помощи и почти безъ предварительной работы со стороны западныхъ изслѣдователей египетскаго искусства, рѣшился разсмотрѣть громадныя атласы двухъ египетскихъ экспедицій—французской, прошлаго столѣтія (во время Наполеоновскаго похода), и прусской, первой половины нынѣшняго (подъ предводительствомъ Лепсіуса). Одна уже эта столь трудная попытка разобрать матеріалъ этихъ двухъ атласовъ, мало изслѣдованный, а частью и вовсе еще не изслѣдованный, даетъ труду г. Прахова все право на признательность и уваженіе занимающихся дѣломъ искусства.

Но чтò всего важнѣе—г. Праховъ, при своемъ изученіи египетскаго искусства, явился изслѣдователемъ самостоятельнымъ. Онъ не повторяетъ ничьихъ взглядовъ, не держится ничьихъ готовыхъ мнѣній, и взялъ себѣ задачею—собственнымъ умомъ разсмотрѣть представляемые египетскою архитектурою факты, анализировать ихъ и дойти до пониманія ихъ значенія. Сверхъ того, онъ принялъ твердую и смѣлую рѣшимость—не стѣсняться чужими теоріями и выводами, хотя бы они исходили отъ знаменитыхъ европейскихъ авторитетовъ, и подвергнулъ ихъ, безъ всякой лжи застѣнчивости, изслѣдованію. Все это говорить въ пользу г. Прахова и придаетъ его книгѣ особенный интересъ, колоритъ и значеніе.

Поэтому, нельзя не сочувствовать вполне рѣшенію С.-Петербургскаго университета, признавшаго трудъ г. Прахова заслуживающимъ полнаго вниманія, а автора—достойнымъ той ученой степени, которой онъ искалъ.

Но, указавъ на хорошія и почтенныя стороны книги г. Прахова, нельзя умолчать и о недостаткахъ ея. Это, во первыхъ—слишкомъ неполное знакомство г. Прахова со всѣмъ тѣмъ, чтò до сихъ поръ было изслѣдовано и высказано западными учеными по части египетскаго искусства и архитектуры; во вторыхъ—слишкомъ высокомѣрное

отношеніе г. Прахова къ тому, что ему извѣстно изъ мнѣній и выводовъ западныхъ ученыхъ по этому предмету, и вмѣстѣ съ тѣмъ—непомѣрно высокое понятіе его о достоинствѣ собственныхъ изысканій и выводовъ; наконецъ, третьихъ—насилъственное обращеніе съ извѣстными ему фактами египетскаго искусства. Всѣ эти три недостатка оказались для книги г. Прахова не случайными, а коренными, и очень неблагоприятно повліяли на составъ и характеръ ея.

Что касается до перваго недостатка, то онъ бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ на книгу. Каждый изъ трехъ отдѣловъ, на которые подраздѣляется сочиненіе г. Прахова, начинается рубрикой: „Литература вопроса“. Какъ хорошо, какъ солидно, какъ систематично! скажетъ въ первую минуту читатель, пробѣжавъ оглавленіе. Но стоитъ только развернуть самое сочиненіе, и удовольствію конецъ. Оказывается, что подъ видомъ „литературы вопроса“ для перваго отдѣла приведено всего только двѣ статьи: одна—нѣмецкаго архитектора Эрбеама, другая — французскаго египтолога Мариэтта; подъ видомъ „литературы вопроса“ для втораго отдѣла приведено опять-таки всего двѣ статьи нѣмецкаго египтолога Ленсіуса; для третьяго отдѣла—та же, что и въ первомъ отдѣлѣ, статья Эрбеама и статьи двухъ нѣмецкихъ египтологовъ—Дюмикхена и Бругша. Вотъ и вся „литература“ о египетскомъ искусствѣ, на которую ссылается г. Праховъ. Вудъ онъ знакомъ со многими другими изъ существующихъ сочиненій и статей по этому предмету, навѣрное—книга его получила бы другой видъ и содержаніе.

Что касается до втораго недостатка книги г. Прахова, то на него было указано еще на университетскомъ диспутѣ 30-го марта. Одинъ изъ оппонентовъ, г. Соколовъ, высказалъ здѣсь публично, что „г. Праховъ придаетъ своему сочиненію слишкомъ большое значеніе, котораго оно, можетъ быть, и не имѣетъ“, и эти слова г. Соколова относились не только къ тому, что напечатано было въ книгѣ, но и къ произнесенной на диспутѣ вступительной рѣчи г. Прахова, поразившей многихъ присутствовавшихъ своимъ самовосхвалительнымъ тономъ. Нельзя не согласиться съ г. Соколовымъ, если прочесть даже только одно предисловіе г. Прахова къ его книгѣ. „Легкость, съ которою пишутся сочиненія по всемірной исторіи искусства на западѣ“, говоритъ онъ здѣсь,—, могла бы, конечно, соблазнить написать подобную же книгу по чужимъ изысканіямъ. Но первый же шагъ на этомъ пути потребовалъ примѣчаній, затѣмъ экскурсовъ, изъ которыхъ въ концѣ концовъ составились три прилагаемыя нынѣ монографіи. Желательно было бы встрѣтить такую

исторію искусства, которая не занималась бы однимъ только регистраціею фактовъ, но поставила бы своею задачею не только отмѣтить и описать, но и объяснить формы искусства, то-есть, чрезъ видимыя формы проникнуть въ идеи и въ исторію этихъ формъ. Въ этомъ вся особенность метода настоящаго изслѣдованія... Я считалъ бы свое дѣло сдѣланнымъ, еслибы тѣ доводы и тотъ научный аппаратъ, на которыхъ я строю свои выводы, неизбежно утвердили бы въ наукѣ поднятые въ настоящихъ трехъ розысканіяхъ вопросы, какъ я ихъ ставлю, если бы для рѣшенія ихъ стали собираться новые матеріалы и тщательно разрабатываться старыя подѣ новымъ угломъ зрѣнія, какъ подобное сдѣлано мною въ области исторіи греческаго искусства для вопроса объ эгинскихъ мраморахъ"... Итакъ, западные ученые до сихъ поръ только „регистривали факты“, только „отмѣчали и описывали“ и ничуть не заботились о томъ, чтобы объяснить формы искусства. Эта послѣдняя заслуга впервые исключительно принадлежитъ г. Прахову, который и „вопросы надлежащія“ поднималъ, и настоящій „уголъ зрѣнія“ отыскалъ, и единственно правильный методъ намѣтилъ. Поэтому и то, и другое, и третье должно утвердиться въ наукѣ „неизбежно“. Прочимъ изслѣдователямъ предоставляется теперь только „сбирать новые матеріалы и тщательно разрабатывать старыя“, подобно той, уже гораздо болѣе противъ прежняго тщательной разработкѣ, какую показывалъ Европѣ тотъ же г. Праховъ въ своемъ изслѣдованіи объ эгинскихъ мраморахъ. Мы не станемъ, конечно, въ настоящихъ замѣткахъ затрогивать сочиненіе г. Прахова объ эгинскихъ мраморахъ (предоставляя себѣ подробно рассмотреть его при другомъ случаѣ), но въ настоящую минуту нельзя не подивиться странному самообольщенію г. Прахова, доводящему его почти до арrogантности въ отношеніи къ цѣлой массѣ достойнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ. Никто, кромѣ г. Прахова, не догадался до сихъ поръ заняться самою сущностью дѣла по части египетскаго искусства (по видимому, также, отчасти и греческаго); всѣ до сихъ поръ занимались чѣмъ-то совершенно второстепеннымъ, вовсе не дѣльнымъ и не важнымъ! Одинъ онъ уразумѣлъ должное и сталъ на настоящій уголъ зрѣнія! Можно ли не ожидать, уже и а priori, громаднѣхъ промаховъ, невѣрностей и недочетовъ отъ автора, столько наполненнаго самимъ собою?

Что же касается, наконецъ, третьяго недостатка—насильственнаго обращенія г. Прахова съ фактами, ему извѣстными, то онъ происходитъ опять-таки отъ того же самаго деспотическаго настроенія, ко-

торое побуждаетъ г. Прахова относиться къ другимъ авторамъ высокоумно, а къ самому себѣ -- черезчуръ любовно. Набрѣдя на известную идею, г. Праховъ считаетъ ее ужь выше всего, что только можно себѣ представить, безумно любитъся на нее, вѣруеть въ нее со слѣпымъ фанатизмомъ, и потому старается вогнать въ ея рамки какіе бы то ни было факты, попадающіеся ему на пути, хотя бы при этомъ ему приходилось ихъ ломать и обезображивать, забывая одно изъ того, что прежде самъ же говорилъ, и не обращая никакого вниманія на множество подробностей, тутъ же рядомъ стоящихъ.

Понятно, что такого рода недостатки не могли не имѣть, во многихъ случаяхъ, самыхъ печальныхъ результатовъ и не могли не повредить лучшимъ сторонамъ прилежныхъ и усидчивыхъ розысканій г. Прахова.

Сочиненіе „Зодчество древняго Египта“ подраздѣляется на три главные отдѣла:

- I. По какому принципу строились гробницы Древняго Царства.
- II. Происхожденіе египетскихъ колоннъ.
- III. Теорія египетскаго храма.

Сущность содержанія этихъ трехъ отдѣловъ изложена самимъ г. Праховымъ въ „Выводахъ“, помѣщенныхъ въ концѣ книги, и конечно, предназначенныхъ служить тезисами на университетскомъ диспутѣ. Намъ они даютъ возможность разомъ обозрѣть все содержаніе книги. Вотъ въ чемъ заключаются добытые г. Праховымъ результаты:

„I. Первою архитектурною формою, прообразомъ всѣхъ послѣдующихъ египетскихъ зданій историческаго времени, была кочевая палатка.

„II. Формы кочевой палатки примѣнены были, какъ украшенія, послѣдовательно къ двумъ родамъ построекъ — деревяннымъ зданіямъ, рѣшетчатымъ, и зданіямъ каменнымъ, еще точнѣе сохранившимъ первоначальныя формы.

„III. Въ древнѣйшую эпоху Египтяне имѣли обычай хоронить муміи въ гробахъ, представлявшихъ полное подобіе дѣйствительнаго дома.

„IV. Гробницы Древняго Царства, отъ IV до XII династїи, представляютъ подражаніе египетскому жилью, и все ихъ разнообразіе происходитъ отъ степени, въ которой онѣ передаютъ этотъ образецъ, и отъ измѣненій, которыя съ теченіемъ времени происходили въ самомъ образцѣ.

„V. Зодчество Древняго Царства не представляет ни одной формы, которая несомнѣнно была бы по происхожденію своему ископаямая. Всѣ формы—колонны, съ ихъ базами и капителью, архитравы, настилки половъ, крыши, формы стѣнъ—указываютъ, что все позднѣйшее, каменное зодчество Египтянъ повторяло формы созидаемыя, явившіяся въ палаточныхъ и деревянныхъ постройкахъ.

„VI. Храмъ въ Эдфу можетъ считаться нормой египетскихъ храмовъ всѣхъ эпохъ.

„VII. Воплѣ развитый, нормальный египетскій храмъ представляетъ небесный путь, небосводъ или воды небесныя, по которымъ ежедневно проѣзжаетъ въ лодкѣ богъ солнца Ра, черезъ всѣ 12 дневныхъ часовъ... Послѣдовательное суженіе частей храма отъ пилоновъ къ мезену условлено тѣмъ, что храмъ состоитъ изъ трехъ палатокъ, послѣдовательно вставленныхъ другъ въ друга, и можетъ быть, знаменующихъ нѣсколько небесъ.

„VIII. Храмы перистильные и храмы пещерные не могутъ считаться особыми храмами, построенными по какой-нибудь особой идеѣ, но разновидностями общаго храма, причемъ перистильный храмъ съ полною послѣдовательностью объясняется прообразомъ египетскихъ храмовъ—храмомъ палаточнымъ, а пещерный—недостаткомъ мѣста, принудившимъ высѣкать храмы въ скалахъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ строить на поверхности земли“.

Первый же взглядъ на такіе результаты труда г. Прахова убѣдилъ меня, что высказанное здѣсь далеко не исчерпываетъ того, что въ настоящее время можетъ и должно быть сказано объ египетской архитектурѣ. Извѣстные нынѣ факты требуютъ гораздо обширнѣйшей программы и рамокъ работы. Ниже я постараюсь указать, что именно должно было бы войти въ составъ изслѣдованія г. Прахова для того, чтобъ его книга имѣла право носить такое широкое заглавіе, какъ „Зодчество древняго Египта“. Но раньше того, я приму, на время, программу г. Прахова такъ, какъ онъ самъ ее поставилъ, и постараюсь тщательно рассмотреть, какъ онъ ее выполнилъ.

Результаты, къ которымъ пришелъ г. Праховъ, на столько идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было признаваемо историками и изслѣдователями египетской архитектуры, что либо надобно имъ покориться и признать ихъ право на замѣну собою всего до сихъ поръ выработаннаго европейскою наукой,—и это было бы несомнѣннымъ, крупнымъ шагомъ впередъ художественно-историческаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крупною заслугою русской науки и изслѣдованія,—

либо, на оборотъ, надобно доказать несостоятельность и неправильность этихъ результатовъ, если такая несостоятельность и неправильность окажется на лицо. Поэтому-то, мнѣ кажется, совершенно необходимо подвергнуть книгу г. Прахова разсмотрѣнію очень подробному.

I.

Какъ я замѣтилъ уже выше, первый отдѣлъ сочиненія г. Прахова носить заглавіе: „По какому принципу строились гробницы Древняго Царства“. Въ первыхъ же строкахъ своего текста г. Праховъ объявляетъ, что только двое ученыхъ даютъ „косвенно“ отвѣтъ на этотъ вопросъ: Эрбкамъ въ своей статьѣ „Ueber den Gräber- und Tempelbau der alten Aegypter“ (Zeitschr. für Bauwesen, 1852) и Мариэттъ въ своемъ изслѣдованіи „Sur les tombes de l'Ancien Empire“ (Revue archéologique, 1869). Но и этими двумя единственными, по его мнѣнію, статьями г. Праховъ не доволенъ: про изслѣдованіе Эрбкамъ онъ говоритъ, что главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что оно есть только „внѣшній перечень признаковъ, и что въ немъ не сквозитъ желанія отыскать норму гробницы и по этимъ признакамъ отгадать внутреннее представленіе, руководившее Египтянами при устройствѣ ихъ гробницъ“, а про статью Мариэтта онъ объявляетъ, что авторъ ея „задался болѣе узкою цѣлью, чѣмъ Эрбкамъ, и именно — фактически изслѣдовать и описать гробницы Саккарскаго кладбища“. Такія заявленія поражаютъ насъ. Эрбкамъ объяснялъ, что въ древѣйшія времена Египта единственною формою для свободно стоящихъ надгробныхъ памятниковъ была форма саркофага, такъ что изъ нея вышли, кажется, даже и пирамиды; что архитектурныя подробности въ первоначальныхъ покояхъ гробницъ рѣшительно всѣ заимствованы изъ деревянныхъ построекъ; что зодчество Египтянъ выросло изъ растительнаго царства ихъ страны и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ изъ каменнаго царства пустыни; что гробницы частныхъ людей и гробницы царей Египетскихъ (пирамиды) устроены по одной системѣ, и различія между ними, въ сущности, незначительны: все это г. Праховъ признаетъ лишь „внѣшнимъ перечнемъ признаковъ“. Мариэттъ тщательно изучилъ нѣсколько сотенъ египетскихъ гробницъ, имъ же самимъ открытыхъ, и значитъ, впервые узанныхъ Европой; онъ описываетъ сущность ихъ характерныхъ, совершенно оригинальныхъ формъ снаружи и внутри; объясняетъ разнообразное назначеніе каждой отдѣльной части и неправильность признаванія наружной формы гробницы

чѣмъ-то въ родѣ усѣченныхъ пирамидъ, тогда какъ это форма совершенно своеобразная; наконецъ, классифицируетъ гробницы, согласно съ ихъ характерными строительными особенностями, на четыре группы: 1) гробницы первыхъ трехъ династій, 2) гробницы IV-й династїи, 3) гробницы V-й династїи, 4) гробницы VI-й династїи, — и про весь этотъ великолѣпный трудъ, про всю эту мастерскую, крупную и значительную работу г. Праховъ находитъ возможнымъ сказать, только, что Мариѣттѣ задавался „узкою дѣлю“!

Взглянемъ же послѣ этого, какими собственными изысканїями и результатами, натурально уже далеко не узкими, г. Праховъ замѣняетъ изслѣдованїя и выводы Эрбекама и Мариѣтта.

Главный результатъ всего перваго отдѣла книги г. Прахова тотъ, что „первою архитектурною формою, прообразомъ всѣхъ послѣдующихъ египетскихъ зданїй историческаго времени была кочевая палатка“. Результатъ, способный сразу поразить всякаго, хотя немного знакомаго съ египетскою исторїей. Кочевая палатка! Но когда же Египтяне были кочевымъ народомъ? Ничего подобнаго не извѣстно изъ ихъ столько многочисленныхъ лѣтописей, сказанїй, легендъ, восходящихъ до древнѣйшихъ періодовъ ихъ жизни. Всѣ ихъ литературные и художественные памятники представляютъ ихъ народомъ земледѣльскимъ во всѣ періоды ихъ существованїя, и съ такимъ же характеромъ представляются и ихъ потомки, Абиссинцы, въ жизни, правахъ и памятникахъ которыхъ сохраняются всѣ особенности и признаки древне-египетской жизни и дѣятельности. Искать памятниковъ кочеваго быта у Египтянъ было бы, по моему, такую же странную задачу, какъ искать его, напримѣръ, у Китайцевъ — народа, во многихъ отношенїяхъ сходнаго съ Египтянами, и во всякомъ случаѣ, на столько же земледѣльческаго въ самомъ корню. Однако же, не довѣряя собственнымъ познанїямъ, я счелъ нужнымъ обратиться къ одному изъ солидныхъ представителей современной египтологической науки и обратился за разъясненїемъ своихъ сомнѣнїй къ консерватору египетскаго отдѣла въ Луврскомъ музеѣ, Ревильу, изучавшему Египетъ на самомъ мѣстѣ, какъ и большинство его товарищей по египтологїи. Вотъ что онъ отвѣчалъ мнѣ категорически и письменно: „Понятїе о палаткѣ совершенно чуждо Египту. Египтяне и никогда не жили въ палаткахъ. Физическая географїя ихъ страны противится этому. Нилъ всякій годъ наводняетъ всѣ обработанныя земли, и жители укрываются въ деревушкахъ, тщательно выстроенныхъ изъ земли, кирпича, камней или другаго матеріала, на вершинѣ

искусственныхъ возвышенностей, поддерживаемыхъ человѣческою рукою и часто со многими приспособленіями. Отъ этого-то покинутые храмы, напримѣръ, египетскіе, не будучи оберегаемы человѣческимъ стараніемъ, бывають нынѣ залиты водою. Такимъ образомъ, можно съ полною увѣренностью утверждать, что палатки никогда не принадлежали къ числу сооруженій собственно египетскихъ. Впрочемъ, это доказывается также и памятниками первыхъ египетскихъ династій: въ ихъ скульптурныхъ и живописныхъ изображеніяхъ видны всегда зданія, и никогда палатки. Палатка принадлежитъ пастушескимъ народамъ, напримѣръ, Семитамъ, и потому-то еврейская Скинія Заѣта была ничто иное, какъ палатка. Но прилагать этотъ принципъ къ Египту—грубая ошибка (*une lourde faute*). Египтянинъ всегда былъ земледѣльцемъ, и поэтому селился на своей землѣ прочнымъ, недвижимымъ образомъ. У него было даже священное отвращеніе отъ „пастуховъ“, о чемъ очень справедливо упоминаетъ Книга Бытія...¹⁾

Если бы нужно было подтвержденіе словамъ г. Ревилью на счетъ способа постройки жилищъ кореннаго египетскаго населенія, его можно легко найти въ разказахъ любого современнаго путешественника по Египту: здѣсь мы всегда встрѣчаемъ подробности о томъ, что съ одного конца Египта и до другаго жилища простаго народа иначе не строятся, какъ изъ земли, кирпича и камней. На палатки нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека, между тѣмъ какъ онѣ находятся въ неизмѣнномъ употребленіи у Семитовъ, населяющихъ массами Египетъ и Абиссинію — у Арабовъ-бедуиновъ и родственныхъ имъ племенъ.

Однако, я не удовольствуюсь такими общими соображеніями, и войду, вмѣстѣ съ г. Праховымъ, въ подробности.

Всѣ писатели объ египетской архитектурѣ признають, что каменный гробъ царя Менкаура (IV-й династіи), къ несчастію, утонувшій у береговъ Испаніи при перевозкѣ его изъ Африки въ Англію (почти полстолѣтія тому назадъ), но уцѣлѣвшій для насъ въ удовлетворительныхъ рисункахъ, а также многія изображенія египетскихъ зданій на саркофагахъ, похоронныхъ плитахъ (*stèles*) и на стѣнахъ похорон-

¹⁾ По всей вѣроятности, г. Ревилью имѣетъ здѣсь въ виду то мѣсто изъ Книги Бытія, гдѣ Иосифъ говоритъ своимъ братьямъ: «Аще убо призоветъ васъ Фараонъ, и речетъ вамъ: что дѣло ваше есть? рцйте: мужіе скотопитатели есмь, раби твои издѣтства даже донныя, и мы, и отцы наши, да веселитесь въ земли Гесемъ аравійствѣй. Мерзость бо есть Египтиномъ всякъ пастухъ овчій» (Книга Бытія, гл. 46, ст. 34).

ныхъ склеповъ, представляютъ превосходные образцы древнѣйшихъ египетскихъ зданій. Рис. № 1 и 2 даютъ наглядные примѣры древнѣйшихъ египетскихъ зданій. Г. Праховъ исходитъ въ началѣ отъ того же основанія, но вдругъ, вполне неожиданно, поворачиваетъ совершенно въ другую сторону. „Вѣглый взглядъ убѣждаетъ насъ“, говоритъ онъ,— „что въ общемъ видѣ гроба Менкауры (см. рис. № 1) передъ нами та самая форма, которая придавалась всѣмъ закрытымъ зданіямъ въ Египтѣ во всѣ времена его существованія. Каждое закрытое египетское зданіе защищалось стѣнами наклонными навнутрь, углы и верхъ этихъ стѣнъ обрамлялись круглою жердью съ украшеніемъ въ видѣ обмотанной тесьмы и увѣнчивались выгнутымъ гускомъ, надъ которымъ шла плоская крыша. Иными словами, гробъ Менкауры есть не что иное, какъ подражаніе закрытому зданію. Остановимся на подробностяхъ, какъ и изъ чего строилось зданіе.

„По нашему мнѣнію, ключъ къ разгадкѣ лежитъ въ круглой жерди, обмотанной тесьмою.

„Очевидно, эта жердь вызвана не каменнымъ зодчествомъ, а перешла въ него какъ украшеніе изъ другихъ построекъ, гдѣ она имѣла дѣйствительное значеніе.

„Безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ палаткой.

„Четыре жерди, воткнутыя въ землю по угламъ отмѣренного мѣста, наклонялись навнутрь, ради устойчивости, вверху связывались вѣнцомъ изъ четырехъ горизонтальныхъ жердей и вотъ основаніе палатки готово; оставалось забрать чѣмъ-нибудь стѣны. У всѣхъ народовъ, жившихъ и живущихъ въ палаткахъ, стѣны образуются изъ звѣриныхъ шкуръ или ковровъ. Вотъ и ясно теперь, зачѣмъ на жерди тесьма. Да это тотъ шнурокъ, или ремешокъ, которымъ натягивался и прикрѣплялся на основу жердей коверъ, составлявшій стѣну палатки.

„Такія палатки сохранились во множествѣ изображеній египетскихъ лодокъ (рисунки №№ 3, 4, 5). Основа ея сдѣлана изъ круглыхъ жердей, на нихъ натянута коверъ, привязанные къ жердямъ тесьмами, образующими совершенно тотъ же узоръ“.

Затѣмъ г. Праховъ разсматриваетъ еще три подробности египетскихъ сооружений: во первыхъ, рожокъ, выходящій иногда изъ верхнихъ угловъ того, что онъ называетъ „палаткой“ (рисунки №№ 6 и 8), способы заповненія всѣхъ промежутковъ между вертикальными и горизонтальными внѣшними очертаніями „палатки“, то-есть, способъ

заполненія всѣхъ ея вертикальныхъ плоскостей, наконецъ — верхній горизонтальный валъ вверху пролета входной двери, подъ косякомъ.

Про рожки, встрѣчаемые нами иногда на египетскихъ барельефахъ, г. Праховъ говоритъ: „На цѣломъ рядѣ картинъ изъ Древняго Царства, собранныхъ у Лепсіуса, мы видимъ повтореніе одной и той же сцены, гдѣ покойникъ изображенъ сидящимъ на креслѣ или стоящимъ—въ палатѣ, такъ что ея стѣна образуетъ за нимъ фонъ; палатка—изъ ковровъ, натянутыхъ на жерди; ковры—самыхъ разнообразныхъ и иногда чрезвычайно богатыхъ узоровъ. Надъ верхнимъ краемъ палаточной стѣны вы видите по угламъ по рожку, которые, то совершенно прямые, то изогнутые. Къ чему могли служить эти рожки? Нѣтъ сомнѣнія—для утвержденія крыши: потолокъ палатки, образуемый также ковромъ, долженъ былъ быть обезопасенъ отъ дождя и отъ паденія твердыхъ тѣлъ; однимъ словомъ, Египтянинъ принужденъ былъ надъ потолкомъ вывести еще крышу и образовать стреху, и вотъ онъ сталъ выпускать надъ верхомъ палаточной стѣны загнутые (для образованія стрехи) концы внутреннихъ жердей, а затѣмъ ему оставалось только эти выпущенные рожки связать горизонтальнымъ вѣнцомъ изъ подобныхъ же жердей, забрать ихъ сверху досками, и крыша была готова“.

Что касается до забранія стѣны „палатки“, то г. Праховъ объясняетъ, что здѣсь первоначальный матеріалъ (шеуры или ковры) замѣненъ былъ вертикальными и горизонтальными брусками и досками, оставлявшими между собою пустоты, такъ что изъ всего этого, вмѣстѣ взятаго, и образовался рѣшетчатый деревянный домъ, воспроизводившійся впоследствии со всею точностью изъ камня на вѣншемъ фасадѣ гробницъ и на похоронныхъ, вертикально поставленныхъ внутри гробницы, плитахъ съ надписями (stèles).

Относительно же толстаго круглаго вала, показывающагося обыкновенно на изображеніяхъ египетскихъ фасадовъ вверху пролета двери, подъ косякомъ, г. Праховъ пространно рассматриваетъ, почему именно этотъ валъ никоимъ образомъ не есть „поддерживающее бревно, или круглая продольная балка“ (какъ это раньше г. Прахова доказывали другіе изслѣдователи), но круглый валъ, назначенный для того, „чтобы на него можно было то наvertывать, то опускать коверъ, закрывавшій отверстіе рѣшетчатой стѣны, на манеръ нашихъ шторъ. Такой же коверъ служилъ въ первобытныя времена, къ которымъ относится разбираемый домъ, заградою двери“.

Наконецъ, и по видимому, какъ неопровержимое подтвержденіе пра-

вильности своихъ соображеній о томъ, что египетскій домъ происходилъ отъ „кочевой палатки“, — г. Праховъ приводитъ что „одинъ изъ іероглифовъ, обозначающій закрытое зданіе (рис. № 9), представляетъ разрѣзъ палатки или шамаша; весь потолокъ поддерживается шестомъ, который сверху заканчивается рогулькой, въ раскѣпъ которой вложена балка или шестъ, поддерживающій крышу. Подобный же шестъ съ рогулькой въ томъ же примѣненіи мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ на гробничныхъ картинахъ; примѣрами могутъ служить изображеніе основы палатки на ладѣ (рисун. № 10) и легкаго поставца для посуды и провизіи (рис. № 11)“.

Какъ результатъ всего сказаннаго, г. Праховъ выводитъ то заключеніе, что „Египтяне въ древнѣйшую эпоху имѣли обычай хоронить муміи въ гробницахъ, представлявшихъ полное подобіе дѣйстви- тельнаго дома“¹⁾.

При первомъ взглядѣ, вся эта совокупность сближеній, догадокъ и выводовъ можетъ, пожалуй, показаться блестящею, остроумною мыслью, почерпнутою изъ самой сущности дѣла, опирающеюся на несомнѣнные факты и проливающею новый, совершенно неожиданный свѣтъ на египетскую жизнь и искусство.

На самомъ дѣлѣ, это оказывается не такъ. Передъ нами рядъ соображеній, спитыхъ на живую нитку, склеенныхъ кое-какъ, необыкновенно поверхностно, можно даже сказать — съ примѣрнымъ легкомысліемъ. Мудрено объяснить себѣ, какъ можетъ человѣкъ, имѣющій дѣло съ положительными фактами, до того легко обращаться съ ними и до такой степени противорѣчить самому себѣ.

¹⁾ Въ текстѣ и тезисахъ напечатано «въ гробахъ», но я не могу считать этого иначе, какъ опечаткой. Вѣроятно, г. Праховъ хотѣлъ сказать: «гробницахъ». Правда, иногда и самые гробы имѣли форму дома, напримѣръ, каменный гробъ царя Менкауры, о которомъ такъ много говорено у г. Прахова и на который онъ всего болѣе опирается для своихъ соображеній. Но я готовъ вѣрить, что г. Праховъ не могъ впасть въ такую грубую ошибку, чтобы называть всѣ древнѣйшіе египетскіе гробы подобіемъ домовъ, когда въ томъ самомъ текстѣ Мариетта, который у него же приведенъ, сказано, при подробномъ описаніи похороннаго покая, что «въ усыпальницахъ Древняго Царства саркофаги обыкновенно имѣютъ *крышки сверху округленныя, съ четырьмя ушками по угламъ*», что уже совсѣмъ ничего не имѣетъ общаго съ формой египетскаго дома. Замѣчу здѣсь кстати, что въ своемъ переводѣ этого текста Мариетта г. Праховъ пропускаетъ почему-то слово «обыкновенно» (*ordinairement*), а терминъ «ушки» (*oreillettes*) переводитъ словомъ «башенки». Что за «башенки» на крышѣ у египетскаго саркофага или гроба — понять трудно.

Начиная съ самого общаго, необходимо заявить, что іероглифъ: вовсе не обозначаетъ „закрытое зданіе“. Откуда взялъ такое объясненіе г. Праховъ—у него въ книгѣ не сказано. Я былъ очень удивленъ, встрѣтивъ въ сочиненіи г. Прахова такое заявленіе. Хотя я вовсе не египтологъ, но часто имѣвъ дѣло съ сочиненіями, трактующими о египетскихъ художественныхъ, историческихъ и литературныхъ памятникахъ, я не могъ давно уже не замѣтить, что понятіе „домъ“, „зданіе“, „помѣщеніе“, „жилой покой“, очень часто встрѣчавшееся въ интересовавшихъ меня текстахъ, никогда не выражается такого рода іероглифомъ, но напротивъ, всегда выражено посредствомъ іероглифа:

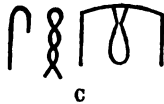
В

Такъ, напримѣръ, если даже оставить въ сторонѣ всѣ другія сочиненія и изслѣдованія, и ограничиться только тѣми статьями Бругша и Дюмикена о храмѣ въ Эдфу (напечатанными въ *Zeitschr. für ägypt. Sprache* за 1870—1875 гг.), которыя, по видимому, очень прилежно изучалъ г. Праховъ, то уже и здѣсь можно встрѣтить огромное количество примѣровъ, показывающихъ, что іероглифъ, приводимый г. Праховымъ (А), означаетъ вовсе не то, что онъ ему приписываетъ. И Дюмикенъ, и Бругшъ вездѣ переводятъ его словомъ: „Halle“, то-есть, „зала, палата“ ¹⁾. Напротивъ того, вышеприведенный мною іероглифъ В они всегда переводятъ словомъ: „Haus“, „Wohnung“, „Zimmer“, то-есть, „домъ“, „жилище“, „комната“, иногда словомъ „Tempel“, то-есть, „храмъ“, какъ жилище бога ²⁾. Эти примѣры, которые можно было бы тотчасъ же увеличить множествомъ другихъ изъ цѣлаго ряда книгъ и статей другихъ еще египтологовъ, доказывали мнѣ довольно наглядно, какъ былъ неправъ г. Праховъ, и какъ онъ совершенно напрасно приводилъ себѣ на помощь такой египетскій іероглифъ, который выражалъ совсѣмъ не то, что ему въ данномъ случаѣ было надо. „Зала“ не есть ни „домъ“, ни „комната“, то-есть, не есть вообще „жилое помѣщеніе“. Однако же, для большей увѣренности въ точномъ значеніи обоихъ іероглифическихъ знаковъ, я обратился опять-таки къ тому же египтологу Ревильу, котораго мнѣніе о „палатѣ“ въ Египтѣ приведено мною выше. Онъ отвѣчалъ

¹⁾ *Zeitschr.*, 1871 г., стр. 31, 42 (нѣсколько разъ); 1875 г., стр. 116, 117.

²⁾ Тамъ же, 1870 г., стр. 150; 1871 г., стр. 40, 44, 89, 106, 108, 111; 1872 г., стр. 35.

миѣ: „Знакъ А (см. выше, стр. 414) представляетъ ипостильную залу (то-есть, крытую залу на колоннахъ) и никоимъ образомъ не значить „жилице“: это послѣднее понятіе обозначается, какъ вы и говорите, знакомъ В (см. выше, стр. 414). Первый знакъ (А) произносится то „ark“¹⁾, то „seh“, или точнѣе говоря, онъ служитъ опредѣлительнымъ для обоихъ этихъ словъ. Но собственное значеніе „залы“, „ипостильной залы“ въ фонетической транскрипціи выражается посредствомъ форм:

„seh“, = словомъ стоя-

щимъ въ связи съ корнемъ $\text{C}\text{O}\text{O}\text{U}\text{R}\text{Q}$ = congregare. Это есть об-

ширное помѣщеніе для собраній, большая зала, и никоимъ образомъ „палатка“.

Но оставимъ въ сторонѣ даже и эту неудачную попытку опереться на іероглифы. Послѣдуемъ за г. Праховымъ въ его изслѣдованія. Надо признаться, что г. Праховъ говоритъ все время про какую-то такую палатку, какой отъ начала міра нигдѣ не бывало, и какой никогда никто не видалъ. Подъ словомъ „палатка“ обыкновенно понимаютъ легкое сооруженіе, состоящее изъ вертикальныхъ стоекъ, поддерживающихъ покрывку изъ кожъ, ковровъ, циновокъ или холста, сооруженіе, легко складываемое и столько же легко разбираемое людьми кочевыми или военными. Палатка всегда имѣетъ острый верхъ въ видѣ заостреннаго клина (когда палатка опирается въ центрѣ своемъ на одну стойку, отъ которой идутъ внизъ, во всѣ стороны, полости палатки), или же въ видѣ тянущаго въ длину остраго гребня, когда палатка укрѣплена на двухъ или нѣсколькихъ стойкахъ, и когда поверхъ нихъ идетъ поперечная жердь, перевѣшиваясь съ которой падаютъ внизъ полости палатки, какъ двускатная крыша. У г. же Прахова рѣчь идетъ о какой-то неслыханной и невиданной палаткѣ, у которой есть горизонтальная крыша, и притомъ не только изъ шкуръ, ковровъ, или холста, а прочная и устойчивая, изъ деревянныхъ досокъ, представляющая значительную горизонтальную площадь. Что это за палатка? Гдѣ сыскать ей примѣры? Но пусть она была; все-таки тотчасъ же представляется вопросъ: какъ надо было разби-

¹⁾ ark—ad finem perducere (domum) имѣетъ *опредѣлительнымъ*—залу, потому что украшеніе залы являлось послѣднею, окончательною работою египетскаго архитектора. Безъ *опредѣлительнаго* «зала», ark значить вообще: «оканчивать».

рать такую палатку, какъ возить ея матеріалъ, грузный и затруднительный, кочевникамъ? Далѣе, представляется вопросъ: какимъ же образомъ ковры, о которыхъ говорить г. Праховъ, были прикрѣплены къ жерди посредствомъ веревки или ремня, сплошь обмотаннаго вокругъ жерди, безъ всякаго перерыва? Подъ ковромъ обматывать веревку кругомъ стойки или жерди — просто немислимо, надъ ковромъ — столь же немислимо. Значить, ничего другого не остается, какъ предположить, что въ краяхъ этихъ ковровъ было продѣлано безчисленное множество дырокъ, для того чтобы пришнуровывать ковры къ стойкѣ. Нечего сказать, прекрасная выдумка. Было время предполагаемымъ египетскимъ кочевникамъ заниматься такою мѣшкотною, сложною работою, когда они ставили свои палатки; было имъ время и „разшнуровывать“ свои палатки, когда надо было сниматься съ мѣста! Любопытно бы узнать, гдѣ г. Праховъ уважаетъ намъ примѣры такихъ хитростей у кочевыхъ народовъ, для которыхъ все дѣло состоитъ въ скорости, легкости и удобствѣ обращенія съ ихъ сварбомъ! Пусть г. Праховъ вспомнить дѣйствительныя, даже и до сихъ поръ существующія палатки, какъ у кочевыхъ, такъ и у осѣдлыхъ народовъ (напримѣръ, хоть палатку Ассирійцевъ, представленную Лаярдомъ съ нимрудскаго барельефа (Layard, Nineveh and its remains, London, 1850, vol. II, p. 271; см. нашъ рисунокъ № 12), пусть онъ вспомнить способъ скрѣпленія всяческихъ легкихъ, быстро разбираемыхъ намѣтовъ и „тентовъ“, пусть онъ вспомнить, вездѣ въ цѣломъ свѣтѣ, и во всѣ времена, способъ прикрѣпленія парусовъ къ реямъ (въ томъ числѣ даже на египетскихъ барельефахъ и картинахъ), — и онъ увидитъ, во первыхъ, что палатки всегда островерхи, и не имѣютъ горизонтальной плоскости наверху, а во вторыхъ, что у колста, ковра или цыновки, которые требуется прикрѣпить къ стойкѣ, на извѣстныхъ разстояніяхъ всегда придѣланы завязки, которыя очень легко и скоро можно, какъ завязать, такъ и развязать. Еслибъ Египтяне употребляли палатки, то навѣрное, поступали бы какъ всѣ остальные люди съ разсудкомъ, и навѣрное, имъ не пришло бы въ голову прикрѣплять къ жердямъ или стойкамъ полосы своихъ ковровъ, цыновокъ или холстовъ такимъ способомъ, который не то что затруднителенъ, а словно нарочно придуманъ для того, чтобы протянуть какъ можно дольше время и мѣшкать хозяину палатки поскорѣе съѣсть на мѣсто или сняться съ мѣста.

Нѣтъ, вопреки словамъ г. Прахова, „ключъ къ разгадкѣ“ вовсе не „лежитъ въ круглой жерди, обмотанной тесьмою“. Надо искать

объясненія поглубже. Какъ мы увидимъ ниже, это объясненіе давнымъ давно уже найдено, раньше г. Прахова, только онъ, къ сожалѣнію, этого не зналъ.

Восхищаясь своею мыслью о палаткѣ, г. Праховъ насилуетъ и ломаетъ множество фактовъ спеціально для того, чтобы пригнать ихъ къ своей теоріи. Такъ, на примѣръ, онъ утверждаетъ, что всѣ закрытыя египетскія постройки имѣютъ наклонныя стороны: это, очевидно, было ему необходимо для того, чтобы вывести ихъ изъ идеи палатки, у которой, какъ извѣстно, стороны наклонны. Но нивомъ образомъ нельзя сказать, чтобы всѣ закрытыя зданія египетскія были непремѣнно снабжены нахлономъ. Напротивъ, самъ же г. Праховъ въ своемъ атласѣ представляетъ довольно примѣровъ египетскихъ фасадовъ, у которыхъ бока образованы строго отвѣсными вертикалами, подъ прямымъ угломъ возвышающимися отъ земли до своего карниза или вершины (у г. Прахова въ атласѣ, листы 1, 2, 3, 4, 5, 6; см. нашъ рисунокъ № 2, какъ одинъ примѣръ изъ числа очень многихъ). Притомъ, нельзя не замѣтить, что и самый саркофагъ Менкаура представляетъ такое малое отклоненіе своихъ боковыхъ стѣнъ отъ линіи вертикала, которое почти равняется нулю. Съ другой стороны, въ доказательство того, что египетскія зданія происходятъ отъ палатки, г. Праховъ ссылается на тѣ деревянныя сооруженія, которыя, начиная съ древнѣйшихъ династій, изображены на лодкахъ египетскихъ картинъ и барельефовъ (рисунки №№ 3, 4, 5). Но ни на одной изъ этихъ лодокъ вовсе не видать палатокъ съ наклонными боками, а есть бесѣдки, состоящія изъ деревянныхъ стоекъ, совершенно вертикальныхъ и съ горизонтальнымъ верхомъ или потолкомъ, на столько прочнымъ и представляющимъ такую площадь, что на немъ могутъ стоять и сидѣть люди, и быть поставлены разныя довольно грузныя предметы. Какія же это палатки?

Само собою разумѣется, „легкіе поставцы для посуды и провизіи“ (рисунокъ № 11) еще меньше могутъ относиться къ настоящему вопросу.

Какъ на доказательство существованія палатокъ у Египтянъ въ древнѣйшія времена, г. Праховъ ссылается еще на египетскіе барельефы и фрески, гдѣ, по его словамъ, покойникъ изображенъ сидящимъ или стоящимъ въ палаткѣ, гдѣ на верхнихъ углахъ видны рожки или рогульки, служащія для утвержденія крыши (рис. №№ 6, 7, 8). Но и здѣсь мы не можемъ открыть присутствія какой бы то ни было палатки. Необыкновенно замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ

примѣрахъ самого же г. Прахова, тамъ, гдѣ есть то, что онъ называетъ „жердью, обмотанною тесьмою“, тамъ нѣтъ „ковровъ“, а гдѣ есть „ковры“, тамъ нѣтъ „жерди, обмотанной тесьмою“. Но забудемъ эту странность и взглянемъ на примѣры г. Прахова, какъ онъ намъ ихъ даетъ,—что мы тутъ найдемъ? Позади главнаго дѣйствующаго лица изображенъ, правда, узорчатый фонъ, который мы готовы признать ковромъ, или скорѣе, плетеною узорчатою цыновкой, укрѣпленную за верхніе углы къ рожкамъ или рогулькамъ; но вѣдь поверхность присутствующаго тутъ дѣйствующаго лица и поверхность ковра или цыновки, находящихся въ фонѣ, мы видимъ легкое сооруженіе, которое состоитъ изъ деревянныхъ столбиковъ или иногда колонокъ съ лотосовыми капителями, стоящихъ совершенно вертикально и накрытыхъ горизонтальною крышею, и все это безъ малѣйшихъ признаковъ наклонныхъ внѣшнихъ стѣнокъ, стоекъ или жердей. Значитъ, передъ нами еще разъ является та самая бесѣдка, которую мы видѣли на египетскихъ лодкахъ. Что касается до сквозныхъ стѣнокъ ея, то онѣ очень легко могли быть затягиваемы коврами или плетеными цыновками, иногда вплоть до потолка, какъ на рис. № 7, иногда не доходя до потолка, какъ на рис. № 6. Все это такъ очевидно, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Лепсіуса, когда онъ, объясняя сцену, изображенную на рис. № 6, говоритъ, что тутъ представленъ Египтянинъ въ своей виллѣ, загородномъ домѣ, сидящимъ въ прохладной садовой бесѣдкѣ или павильонѣ¹⁾.

Но что всего важнѣе—во всемъ этомъ и тѣни нѣтъ какого бы то ни было сходства не только съ „палаткой“, но и съ гробомъ царя Менкауры и фасадами египетской древнѣйшей архитектуры.

Эти послѣднія сооруженія образуютъ архитектурную категорію совершенно особаго рода, не имѣющую ничего общаго ни съ фантастическою, нигдѣ небывалою „палаткой“ г. Прахова, ни съ дѣйствительными бесѣдками Египтянъ.

Хотя г. Праховъ и полагаетъ, что его предшественники ничуть не вникали въ формы египетской архитектуры, однако эти предшественники давнымъ-давно уже сказали о ней все самое важное и дѣльное—такое, чего нельзя опровергнуть и теперь: до того все это просто, ясно и доказательно. А почему? Потому, что они глубоко изучали египетскія созданія и сравнивали ихъ съ тѣмъ, что до сихъ

¹⁾ *Lepsius, Ueber einige ägyptische Kunstformen, вь Abhandl. der Akad. d. Wissensch. in Berlin, 1871, S. 24—25.*

поръ существуетъ на египетской почвѣ, у племенъ и народовъ, ставшихъ наследниками Египтянъ въ этой странѣ.

Начать съ того, что всѣ писатели послѣднихъ 30—40 лѣтъ въ одинъ голосъ признаютъ происхождение большинства формъ египетской каменной архитектуры отъ формъ архитектуры деревянной. Неужели это такъ ничего и не стоитъ? Еще такъ недавно всѣ въ Европѣ были увѣрены въ каменномъ происхожденіи всей египетской архитектуры.

Далѣе, всѣ эти писатели, вопреки увѣреніямъ г. Прахова, очень внимательно вникали въ особенности, способы и происхождение египетской постройки, и вовсе не составляетъ открытія г. Прахова его утвержденіе, что для уразумѣнія каменной религиозной архитектуры Египтянъ надо хорошенько изучить ихъ деревянную свѣтскую архитектуру, или еще, что архитектура египетскихъ гробницъ воспроизводитъ архитектуру частныхъ домовъ. Это напечатано давно уже во многихъ мѣстахъ. Но кромѣ такого общаго соображенія, всѣ писатели входятъ и въ отдѣльныя подробности. Такъ, напримѣръ, еще Эрбкамъ, котораго цитуетъ г. Праховъ, очень опредѣлительно говоритъ: „Разсматривая простыя архитектурныя подробности древнѣйшихъ египетскихъ гробницъ, мы убѣждаемся, что онѣ рѣшительно взяты изъ деревянной архитектуры. Входная дверь, почти всегда на столько узкая, что едва одинъ человекъ можетъ въ нее пробраться, обнаруживаетъ подъ прямымъ угломъ круглую поддерживающую балку; точно также, каменный потолокъ покоя нерѣдко выдѣланъ такимъ образомъ, какъ будто онъ состоитъ изъ положенныхъ рядомъ стволонъ древесныхъ. Типическимъ расположеніемъ является то, что внутри маленькой целлы бываетъ изображена фальшивая дверь, указывающая символически на входъ въ подземный склепъ, содержащій тѣло усопшаго; также и эта дверь является подражаніемъ работъ изъ досокъ. Идущій кругомъ, въ видѣ рамы, членикъ образуетъ валикъ ¹⁾, оббитый тесьмой, а увѣнчивающій вершину гусекъ, по видимому, обязанъ своимъ происхожденіемъ либо стоящимъ рядомъ и свѣсившимся внизъ пальмовымъ листьямъ, либо такимъ же страусовымъ перьямъ. Вообще, каждому бросается въ глаза, что египетская архи-

¹⁾ Известный архитектурный техническій терминъ: Stab=валикъ, переведенъ у г. Прахова *букавалло*, посредствомъ слова «круглый шестъ» (!), конечно, приравниваясь къ потребностямъ его теоріи о «палаткѣ».

тектура произошла изъ растительнаго царства своей почвы и въ рѣдкихъ случаяхъ—изъ мертваго каменнаго царства пустыни ¹⁾).

Лепсіусъ, въ свою очередь, говоритъ: „При томъ широкомъ развитіи и распоространеніи, какое, безъ сомнѣнія, получила въ Египтѣ свѣтская архитектура ряломъ съ храмовою архитектурой, естественно будетъ признать, что взаимодѣйствіе ихъ было велико и постоянно; въ противоположность пещерной архитектурѣ, онѣ обѣ явно имѣли одно общее происхожденіе... Почти всѣ отдѣльныя архитектурныя формы и многое въ ихъ взаимныхъ соединеніяхъ могутъ быть наглядно производимы отъ деревянной постройки, которая должна была предшествовать постройкѣ каменной. Надо имѣть точное понятіе объ этой деревянной постройкѣ прежде, чѣмъ станешь правильно обсуждать различные члены каменной постройки относительно значенія и мотивовъ ихъ формъ. Деревянная постройка частныхъ домовъ должна была первоначально соединяться съ постройкой кирпичною. Египетъ былъ слишкомъ бѣденъ лѣсомъ для того, чтобы можно было сколачивать цѣлыя дома изъ бревенъ и досокъ. Притомъ же, въ такомъ горячемъ климатѣ это было бы вообще и не цѣлесообразно. Общія условія страны относительно климата, почвы, строительнаго матеріала и т. д. либо вовсе не измѣняются, либо измѣняются несущественно. Тѣ самыя условія, которымъ подчиняется нынче феллахъ, когда строить себѣ хижину или большой домъ изъ высушенныхъ нильскихъ кирпичей и ила, а двери, окна и крышу вставляетъ потомъ деревянныя,—существовали уже 5000 лѣтъ назадъ и вызвали ту же самую, въ главныхъ чертахъ, архитектуру. Раньше, чѣмъ стали дѣлать правильные кирпичи, по всей вѣроятности, стѣны строились непосредственно изъ влажнаго мягкаго нильскаго ила, быть можетъ—съ примѣсью соломы, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ нѣмецкихъ мазанкахъ. Уже изъ этихъ древнѣйшихъ временъ идетъ, по видимому, обычай, удержавшійся на всѣ послѣдующія времена, выводить внѣшнія стѣны домовъ (какъ мы это знаемъ по некрополямъ и храмовымъ пилонамъ) не перпендикулярно, а наклонно назадъ, для того, чтобы придать имъ такимъ образомъ болѣе устойчивости“... Затѣмъ Лепсіусъ подробно описываетъ способъ постройки деревянно-земляныхъ или деревянно-кирпичныхъ зданій съ ихъ наклонными стѣнами, съ деревянными окнами и дверями, съ верхнею балкой, служащею основаніемъ для верхней крыши или террасы“ и т. д. Далѣе Лепсіусъ описываетъ также и чисто-деревянную (бесѣдоч-

¹⁾ *Zeitschr. für Bauwesen*, 1852, S. 294.

ную) постройку и заключаетъ свое описаніе такъ: „Изъ этой архитектуры домовъ и бесѣдокъ развилась, безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени, архитектура дворцовъ и храмовъ, такъ точно какъ и архитектура гробницъ тамъ, гдѣ каждая изъ этихъ архитектуръ не воспроизводила изъ каменныхъ массъ стиль пещерныхъ построекъ. Всѣ самые значительные мотивы каменной постройки находятъ здѣсь (въ деревянной архитектурѣ) свое объясненіе“ ¹⁾.

Новые англійскіе архитекторы признаютъ то же самое происхожденіе формъ у египетской архитектуры. Въ своей „Исторіи архитектуры“, пользующейся обширною извѣстностью, англійскій архитекторъ Фергюссонъ, безспорно лучшій представитель англійской художественно-исторической школы по части исторіи архитектуры, говоритъ: „Все въ египетскихъ гробницахъ сдѣлано на подобіе жилищъ живыхъ людей, какъ это впослѣдствіи было и у Этрусковъ...“ ²⁾. Подобно всякой ранней архитектурѣ, архитектура египетскихъ гробницъ представляетъ явные слѣды заимствованія отъ деревянныхъ оригиналовъ. Притолоки у дверей скруглены, а стѣны состоятъ просто изъ квадратныхъ стоекъ съ желобками и соединенныхъ вмѣстѣ, такъ что каждая часть всего этого такъ мало, какъ только можно себѣ вообразить, похожа на каменную архитектуру. Впрочемъ, и самыя пирамиды, и гробницы, стоящія около нихъ, вообще очень удаляются отъ формъ, употребляемыхъ деревянною архитектурой, и только тамъ, гдѣ Египтяне заботятся о декоративномъ искусствѣ, можемъ мы выслѣдить первоначальный ихъ стиль. Въ Британскомъ музеѣ есть два входные фасада этого рода, а въ Берлинскомъ музеѣ — нѣсколько. Одинъ представленный въ изданіи Лепсіуса (см. нашъ рисун. № 2) даетъ прекрасное понятіе объ этомъ стилѣ декоративнаго искусства въ самой выработанной, сколько до сихъ поръ извѣстно, формѣ его. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ происходятъ отъ кирпичной архитектуры, но притолока была, несомнѣнно, деревянная, и можно подозрѣвать, что большинство формъ здѣсь были также деревянныя. Конечно, это форма переходная, но хотя образцы египетской архитектуры мы встрѣчаемъ въ каменныхъ сооруженіяхъ, тѣмъ не менѣе ни одна изъ ея особенностей не про-

1) *Lepsius*, Ueber einige ägyptische Kunstformen, S. 22—25.

2) Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Фергюссонъ производитъ отъ деревянныхъ построекъ архитектуру гробницъ и у многихъ другихъ древнихъ народовъ.

исходить отъ каменныхъ производствъ. Быть можетъ, одною изъ лучшихъ иллюстрацій архитектурныхъ формъ этого времени былъ саркофагъ Миверина (Менкауры), къ несчастію, погибшій на пути въ Англію. Онъ представляетъ дворецъ, со всѣми особенностями, представляемыми въ большихъ размѣрахъ тѣми постройками, что окружаютъ пирамиду, и съ тѣмъ же самымъ, какъ и тамъ, особеннымъ карнизомъ и еще болѣе страннымъ сверткомъ или связкою (roll or ligature) на углахъ: все это, очевидно, формы деревянныя, но удержанныя стилемъ до послѣднихъ его дней¹⁾.

Новая французская школа писателей объ искусствѣ держится тѣхъ же самыхъ принциповъ объ египетской архитектурѣ, какъ и школы нѣмецкая и англійская. Но она прибавила нѣкоторыя соображенія, которыхъ не встрѣчается у писателей другихъ школъ, и которыя даютъ лучшее объясненіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ элементовъ египетской постройки.

Въ своей столько же извѣстной Европѣ, какъ и предыдущая книга, „Общей исторіи архитектуры“ Даниэль Рамэ говоритъ: „Не можетъ быть сомнѣнія на счетъ происхожденія формъ египетской архитектуры. Эта архитектура никоимъ образомъ не есть подражаніе троглодитскимъ пещерамъ, она происходитъ отъ естественнаго развитія и усовершенствованія первоначальныхъ построекъ изъ земли и дерева²⁾. Углы и вершины стѣнъ, сдѣланныхъ изъ земли или глины, оканчивались чѣмъ-то въ родѣ рамки или обвязи, составленной изъ пучковъ камышей, связанныхъ вмѣстѣ и прикрѣпленныхъ на мѣстѣ поперечными перевязями. Въ такомъ климатѣ, гдѣ не идетъ никогда дождя, могли давать этимъ стѣнамъ, по направленію внутрь зданія, легкій наклонъ, назначенный увеличивать ихъ устойчивость. Покрышка этихъ первоначальныхъ построекъ была плоская, потому что не было никакой надобности предохранять себя отъ дождя. Клади горизонтально, по длинѣ или ширинѣ дома, деревянные брусья, и поверхъ этого пола накладывали камышъ, тростникъ или вѣтки финиковой пальмы, а поверхъ нихъ клали слой земли въ видѣ грязи. Эта покрышка образовала, поверхъ переднихъ и боковыхъ стѣнъ, легкій

¹⁾ *Fergusson*, A history of architecture in all countries, London, 1865, Vol. I, p. 91—92.

²⁾ Примѣчаніе Рамэ: „Мы діаметрально противоположны мнѣнію г. Катрмеръ-де-Кеней, что дерево ни въ малѣйшей мѣрѣ не входило въ составъ элементовъ, образованныхъ египетскую архитектуру (см. его «Египетскую архитектуру», стр. 26)».

выступъ. Примѣры этихъ первоначальныхъ построекъ можно видѣть въ барельефахъ и картушахъ III-й и V-й династій (слѣдуютъ примѣры), а подражанія этихъ деревяннымъ постройкамъ встрѣчаются также въ нѣкоторыхъ украшенныхъ гробницахъ около Гизскихъ пирамидъ. Полное подражаніе деревянной постройкѣ видно также и въ маленькомъ памятникѣ, обыкновенно называемомъ саркофагомъ Микерина.. Какъ было и у всѣхъ другихъ народовъ, Египтяне заимствовали въ послѣдствіи отъ этихъ первоначальныхъ формъ общій ансамбль и всѣ части для своихъ храмовъ и дворцовъ, видоизмѣняя, впрочемъ, талантливымъ образомъ, подробности, для того чтобы приспособить ихъ къ характеру твердаго матеріала, замѣнившаго землю и дерево. Верхняя поперечина упомянутой нами рамы сдѣлалась въ послѣдствіи родоначальницей толстаго валька, употребляемаго Египтянами въ ихъ каменныхъ постройкахъ. Покрышка изъ связокъ камыша или тростника, со своимъ выступомъ, дала происхожденіе валику или верхней части карниза. То, что можно было бы назвать фризомъ, то-есть, протяженіе, образованное выступающею оконечностью балокъ, породило гусѣкъ, увѣнчивающій каждый египетскій каменный памятникъ... Всѣ каменные египетскія гробницы вообще не что иное, какъ воспоминаніе о деревянныхъ постройкахъ“... ¹⁾). Затѣмъ, послѣ размощрѣнія разныхъ подробностей, Рамѣ говоритъ еще: „Если первоначальная египетская архитектура происходитъ отъ построекъ изъ земли, кирпича и дерева, то легко можно замѣтить, что орнаментация первоначальныхъ памятниковъ заимствована отъ разныхъ узоровъ, употреблявшихся въ рогожахъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ волоконъ и бересты. Эта орнаментация всегда прямоугольна во всѣхъ своихъ подробностяхъ; тутъ встрѣчаются: шевронъ, шахматъ, меандръ (такъ называемый à la grecque), звѣзды. Позже введены были въ живописи и въ тканяхъ—кривая линія, кругъ, гильшѣ, завитки волютами, и т. д. Въ послѣдствіи были развиты эти различные элементы первоначальной орнаментистики, вовсе не обязанной своимъ происхожденіемъ единственно капризу, но безпредѣльно видоизмѣненной блестящимъ воображеніемъ, впрочемъ все-таки пользующься математическими элементами, естественно входящими въ составъ работы рогожь и ковровъ“ ²⁾).

Въ новѣйшее время знаменитый Біоллѣ ле Дюкъ, въ своемъ пре-

1) *Daniel Ramée*, Histoire générale de l'architecture. Paris, 1860, vol. I, p. 135—137.

2) Тамъ же, стр. 137.

восходномъ сочиненіи „Исторія человѣческаго жилища“ такъ разсказываетъ, сообразно съ системою французской школы писателей о египетской архитектурѣ, способъ постройки древняго египетскаго дома: „Когда планъ намѣченъ на самомъ мѣстѣ, берутъ заготовленные пучки камыша или тростника. Ихъ тщательно связываютъ другъ съ дружкой перевязками изъ библоса (напируса), такъ что изъ нихъ образуется что-то въ родѣ бревенъ—такой вышины, какъ требуется для предполагаемой постройки. Сначала врываютъ въ землю самыя толстыя пучки на четырехъ вѣшнихъ углахъ дома (см. рисун. № 13). Другіе пучки, менѣе толстыя—на внутреннихъ углахъ, такъ чтобы они стояли вертикально. Эти наружныя и внутреннія пучки связываются другъ съ дружкой посредствомъ перевязей изъ библоса. Когда готовы, такимъ образомъ, всѣ четыре угла, когда они уже подняты и укрѣплены на своихъ мѣстахъ, сверху кладутъ горизонтально другіе пучки тростника, чтобы связать верхушки наружныхъ стоекъ или столбовъ на четырехъ фасахъ, и эти горизонтальныя пучки подпираютъ, для того чтобы облегчить имъ тяжесть, промежуточными тростниковыми стойками, между которыми оставлены отверстія, назначенныя для дверей и оконъ. Эти вертикальныя наружныя тростники связываютъ съ другими внутренними стойками изъ камыша. Тогда работники-землебойцы принимаются за дѣло и накладываютъ имъ такимъ образомъ, что въ толщинѣ стѣнъ совершенно скрыты всѣ камыши, кромѣ угловыхъ вѣшнихъ стоекъ и верхняго горизонтальнаго вѣнца: и тѣ, и другіе служатъ вѣхами и лекалами при укладкѣ стѣнъ, когда эти стѣны достигли уровня С; на толстый горизонтальный валъ изъ камышевыхъ пучковъ становятся рѣшетку изъ камышей, поставленныхъ стоймя. Потомъ работники-землебойцы продолжаютъ свою работу позади этой рѣшетки, и прибывая землю, въ то же время выгибаютъ впередъ верхушки стоящихъ свободно камышей, такъ что изъ этого выходитъ нѣчто въ родѣ свѣшивающагося впередъ карниза. Эти тростники служатъ на то, чтобы придерживать на своемъ мѣстѣ землю, прибитую выступомъ впередъ, и вѣстѣ съ тѣмъ даютъ средство заключить этотъ выгибъ плоскимъ валикомъ, обозначающимъ уровень террасы. Производя все это, работники поднимаютъ землю по наклоннымъ плоскостямъ. Когда внутреннія и наружныя стѣны подняты такимъ образомъ до самой своей вершины, на эту вершину кладутъ стволы пальмовыя, кипарисныя или сикоморовыя, по ширинѣ комнатъ; потомъ, поверхъ этихъ стволовъ—камыши; потомъ—землю, которую слегка уколачиваютъ, такъ чтобы устроить верхнюю плат-

форму изъ этого ила, перемѣшаннаго съ соломой; и тогда главная работа кончена. Для притолокъ оконныхъ и дверныхъ употребляютъ либо камыши, когда строить бѣдныя жилия, либо пальмовыя стволы, когда строить дома богатые. Солнечный свѣтъ ослѣпительнъ въ этой странѣ, поэтому окна очень маленькія и снабжены рѣшетками, очень ловко сплетенными. Въ домахъ достаточныхъ людей стѣны набиты иломъ, какъ террасы, и покрыты сверху составомъ, сдѣланнымъ изъ этого же ила и тончайшаго песка. Потомъ приходятъ маляры и росписываютъ эти камыши и ихъ штукатурку блестящими красками. То же самое дѣлаютъ и внутри дома—росписываютъ и стѣны, и потолки. Камышевыми рогожками выстилаютъ полъ и нижнюю часть стѣнъ. Иногда передъ наружною дверью стоитъ портикъ, подпорки котораго состоятъ ихъ пучковъ тростника, а покрывка сдѣлана изъ дерева и библоса, съ террасой изъ ила; этотъ портикъ даетъ тѣнь и прохладу впереди дома¹⁾.

Этихъ примѣровъ, кажется, вполне довольно; они удовлетворительно показываютъ, правъ ли г. Праховъ, когда онъ говоритъ, что, кромѣ египетскаго языка, „остальныя стороны египетской старины оставались до сихъ поръ на второмъ планѣ, въ томъ числѣ и египетское искусство“. Какой же это „второй планъ“ тамъ, гдѣ такъ подробно и пристально изучаютъ искусство, напримѣръ, египетскую архитектуру, гдѣ ее берутъ у самыхъ первоначальныхъ корней ея, гдѣ потомъ такъ слѣдятъ за всѣмъ ея составомъ, такъ вглядываются въ ея общее и въ каждую ея подробность, гдѣ, наконецъ, даютъ такія наглядныя и доказательныя объясненія всѣхъ ея элементовъ. Нечего было прибѣгать къ объясненіямъ посредствомъ какой-то небывалой палатки, когда здѣсь все до послѣдней ниточки объясняется совершенно просто, естественно и очевидно безъ всякой палатки. Египетскій домъ былъ первоначально деревянный, съ основой изъ камыша, такъ какъ въ Египтѣ, странѣ наводненій и болотъ, дерева всегда было мало, а напротивъ, камыша и всякихъ болотныхъ растений много; промежутки между камышами Египтяне наполняли уколоченною мокрою землей или иломъ; у этого дома была терраса наверху, окна его были малы, двери тѣсны; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ было оставлено не забранными, для свободнаго тока воздуха, не мало отверстій первоначальной деревянной кѣтки. Такимъ образомъ, египетскій домъ имѣлъ нѣчто общее съ китай-

¹⁾ *Viollet-le-Duc*, Histoire de l'habitation humaine, pp. 71—74.

скимъ: первоначальной основой обоихъ былъ камышъ, расположенный вертикально и горизонтально и связанный пучками. Главная разница состояла, во первыхъ, въ крышѣ, которая въ китайской постройкѣ существуетъ, и которой нѣтъ въ египетской (она замѣнена здѣсь, по потребностямъ климата, террасой, поддержанною выгнутымъ карнизомъ изъ тростника), а потомъ еще—въ томъ, что египетскія стѣны дѣлались изъ земли, ила или не обожженаго кирпича, чего не требовалось въ Китаѣ, по разницѣ географическихъ условий страны. Затѣмъ, во всемъ остальномъ можно замѣтить много общаго. Что касается до наклона стѣнъ многихъ египетскихъ построекъ, то эта особенность вполне удовлетворительно объяснена европейскими писателями: наклонъ этотъ зависѣлъ, конечно, отъ того, что стѣны первоначальныхъ египетскихъ домовъ состояли именно изъ ила или не обожженныхъ кирпичей, и наклонъ этотъ былъ придуманъ для того, чтобы помѣшать этому непрочному, сыпучему матеріалу ползти внизъ или двигаться съ мѣста. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что значительная часть древнѣйшихъ египетскихъ построекъ не представляетъ никакого наклона наружныхъ стѣнъ: очевидно, эти постройки были сдѣланы либо изъ одного камня, либо изъ одного дерева, безъ ила, значитъ, ни въ какомъ наклонѣ не нуждались. Впослѣдствіи, любимую и отличительную формой египетской архитектуры сдѣлались постройки съ наклонными стѣнами: это обозначаетъ только, что позднѣйшія постройки подражали не каменнымъ и не деревяннымъ постройкамъ, а тѣмъ, которыя были изъ дерева и ила. Безъ сомнѣнія, эта смѣшанная система болѣе другихъ соотвѣтствовала и климату, и мѣстному матеріалу: и за камнемъ, и за деревомъ надо было ходить далеко, тотъ и другой матеріалъ требовалъ много хлопотъ и расходовъ, между тѣмъ какъ иль, не обожженный кирпичъ, камышъ, тростникъ, все это былъ матеріалъ дешевый, подручный, не требовавшій никакой особой работы, это былъ матеріалъ по преимуществу національный, и точно также сама такая архитектура была по преимуществу національною. И ей никогда не переставала подражать вся послѣдующая египетская архитектура, самыхъ пышныхъ, развитыхъ и роскошныхъ эпохъ, архитектура каменная и монументальная. Понятно, что при такомъ обереганіи древнѣйшихъ национальныхъ формъ у Египтянъ навсегда уцѣлѣла та подробность, которая принадлежала къ числу характернѣйшихъ особенностей архаическихъ сооружений: тесьма, связывавшая основные пучки камыша, каждый отдѣльно, а потомъ и по нѣскольку пучковъ вмѣстѣ.

Что касается предположенія г. Прахова, что то круглое бревно надъ египетскою дверью, которое всѣ европейскіе писатели признають „балкой“ ¹⁾, есть „круглый валь, на который можно было то наvertывать, то опускать коверъ, на манеръ нашихъ шторъ“, — то надо признать это предположеніе одною изъ неудачнѣйшихъ фантазій г. Прахова. Древній Востокъ никогда не зналъ устройства у оконъ, подобнаго нашимъ шторамъ. Завѣсы на Востокѣ либо отдергивались въ сторону, либо забрасывались вверхъ, и никогда не наvertывались. Доказательства тому—во множествѣ памятниковъ и изображеній восточныхъ народовъ, всѣхъ вмѣстѣ, или каждаго въ отдѣльности.

Кончая разсмотрѣніе этого отдѣла сочиненія г. Прахова, нельзя не подумать еще разъ, что напрасно, авторъ такъ высокоомѣрно относился къ европейскимъ художественнымъ писателямъ: ему стоило бы только побольше и получше ихъ знать, и онъ, вѣроятно, уберегся бы отъ большинства своихъ странныхъ, слишкомъ мало основательныхъ изобрѣтеній. Даже погрѣшности этихъ иностранцевъ, быть можетъ, послужили бы ему предостереженіемъ и совѣтомъ. Такъ, на примѣръ, онъ, вѣроятно, обратилъ бы вниманіе на то, что тотъ самый Пназе, котораго онъ на своемъ диспутѣ назвалъ (какъ разказываютъ присутствовавшіе на диспутѣ) дилеттантомъ, уже давно высказывалъ то самое предположеніе, которое легло теперь въ основу книги г. Прахова объ египетской архитектурѣ. Въ 1865 году Пназе въ своей столько извѣстной „Исторіи искусствъ“ говорилъ слѣдующее: „Пестрые ковровые узоры, которыми росписаны похоронные мемфисскіе склепы, возводятъ египетскую архитектуру даже за предѣлы самой ранней деревянной постройки, ко временамъ кочевымъ, когда жилищемъ служили рогожки, натянутыя на жерди, а святилищемъ — хижина, разукрашенная цвѣтными тканями. Очень можетъ быть, что и валекъ, обвязанный тесьмой, который обрамляетъ стѣнные края египетскихъ построекъ, происходитъ отъ подобнаго устройства изъ жердей“ ²⁾. Если въ теченіе пятнадцати лѣтъ эта гипотеза нигдѣ не принялась, и не смотря на великое уваженіе всей научной Европы къ даровитости и солидной учености Пназе, никто изъ знатоковъ дѣла даже не принялъ на себя труда опровергнуть эту мысль, это показываетъ, на сколько она была признана легкомыслен-

¹⁾ См. рис. 1, 2 и 15 а, b, с.

²⁾ *Schnaase*, Geschichte der bildenden Künste. Düsseldorf, 1865, I-r. B., S. 346—348.

ною. Въ свою очередь, называя Шназе „дилеттантомъ“, г. Праховъ долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ знать, что было высказано о египетской архитектурѣ этимъ „дилеттантомъ“, и не повторять черезъ столько лѣтъ то, что уже давно осуждено Европою на забвеніе.

II.

Я подробно разсмотрѣлъ вопросъ о нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ формахъ египетской архитектуры, а также о матеріалахъ постройки этого народа, такъ какъ на этихъ вопросахъ вращается главнѣйшимъ образомъ все сочиненіе г. Прахова. Въ дальнѣйшемъ своемъ обзорѣ книги г. Прахова я могу быть уже болѣе краткимъ.

Значительная часть сочиненія посвящена доказательству того положенія, что „гробницы Древняго Царства представляютъ подражаніе египетскому жилью“, такъ что каждая гробница можетъ быть приурочена къ той или другой части полного образца. Здѣсь мы встрѣчаемся опять точно съ такими же изумительными увлеченіями, какія мы видѣли въ вопросѣ о „палаткѣ“. Слѣпо вѣруя въ поправившуюся ему идею, г. Праховъ не смотритъ уже ни направо, ни налѣво, и одно перескакиваетъ, другое ломаетъ.

Въ доказательство своего тезиса, г. Праховъ приводитъ маленькую модель египетскаго дома, принадлежащую нынѣ Британскому музею и нарисованную у Уилькинсона: „Manners and customs of the ancient Egyptians“, vol. II, p. 108—109 ¹⁾, а также нѣкоторые планы египетскихъ домовъ, представленные въ томъ же сочиненіи. Но и тѣ, и другіе примѣры мало помогаютъ г. Прахову. Что египетскіе дома, особенно изъ небогатыхъ, были въ древнѣйшія эпохи именно таковы, какъ представляетъ ихъ модель Британскаго музея, это очень вѣроятно, судя по египетскимъ же изображеніямъ на барельефахъ. Притомъ это, можно сказать, вообще модель древне-восточнаго дома, и уже Лайрдъ указываетъ на очень похожее на эту модель изображеніе дома ассирійскаго ²⁾. Сверхъ того, по замѣчанію Уилькинсона, такими остались и до сихъ поръ дома „феллаховъ“ въ Египтѣ. Но ни эта модель, ни феллахскіе дома не имѣютъ ничего общаго съ похоронными склепами Египтянъ. Оно и понятно: домъ долженъ былъ удовлетворять р а з н ы м ъ потребностямъ живущихъ въ немъ, склепъ — д в у м ъ только: сохраненію погребеннаго тѣла и возможности при-

¹⁾ См. нашъ рис. № 14.

²⁾ *Layard, Nineveh and its remains. London, 1860, vol. II, p. 271.*

ходящимъ собираться въ особомъ покоѣ, вблизи гроба усопшаго. Возможно ли, при такой разницѣ цѣлей, не быть громадной разницѣ и въ осуществленіи ея? И дѣйствительно: египетскій домъ—все равно у богатыхъ или бѣдныхъ—имѣетъ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ всѣ или почти всѣ, во всякомъ случаѣ всѣ главнѣйшія, выходятъ, каждая въ отдѣльности, на внутренней дворикъ, по общему восточному обыкновению ¹⁾). Въ гробницѣ этого нѣтъ, такъ какъ тамъ для всѣхъ надобностей потребенъ только одинъ входъ въ поминальную комнату или комнаты, и болѣе ничего. Живущимъ въ домѣ нужна была терраса вверху, для вечерней или ночной прохлады; на этой террасѣ иногда были комнаты или бесѣдки, и потому туда, наверхъ, вела лѣстница (см. наши рисунки №№ 14 и 16 д); все это было излишне для погребальнаго склепа, и потому всего этого тамъ нѣтъ ²⁾); правда, есть тутъ плоская крыша по общему египетскому типу, но такая крыша, которая оставалась втунѣ, потому что туда не вела никакая лѣстница.

Но главное различіе состоитъ въ томъ, что, по изслѣдованіямъ Маріэтта, гробница, въ главныхъ своихъ чертахъ, состояла изъ трехъ частей: 1) наружной часовенки, открытой для всѣхъ приходящихъ, то-есть, для родственниковъ и жрецовъ; 2) вертикальнаго колодца, заваленнаго камнями, пескомъ и землей и ведущаго въ склепъ; 3) склепа, отъ всѣхъ скрытаго подъ землей и заключавшаго въ себѣ гробъ съ тѣломъ покойника. Изъ этихъ трехъ частей главною была, разумеется, именно послѣдняя: вѣдь собственно ради нея существовало все сооруженіе—въ этомъ склепѣ находился самъ покойникъ. Значитъ, если угодно признавать гробницу повтореніемъ жилого дома, то надо сравненіе свое направлять всего прежде и всего болѣе именно къ этой части. Но хотя г. Праховъ, и приводитъ слова и изслѣдованіе Маріэтта, онъ какимъ-то чудомъ все это вдругъ позабываетъ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ вторую и третью составныя части гробницы и говоритъ единственно про одну первую—наружную надземную часовенку! Какое же это сравненіе съ египетскимъ домомъ? Оно и понятно: какъ было ему сравнивать гробницу съ египетскимъ домомъ, когда въ этомъ послѣднемъ не было ничего общаго

1) См. наши рисунки №№ 16 а, b, c, d.

2) См. наши рис. № 15 а, b, c, изображенія гробницъ, mastaba, по Маріэтту.

ни съ вертикальнымъ колодцемъ, идущимъ внизъ подъ землю, ни съ находящимся тамъ же подъ землею селеномъ?

Но пусть будетъ на одну секунду правъ г. Праховъ; допустимъ, что египетскія гробницы дѣйствительно состояли не изъ трехъ частей, а всего только изъ одной, надземной,—все же его сравненіе окажется опять-таки не идущимъ въ дѣлу.

Планы, взятые имъ изъ сочиненія Уилькинсона ¹⁾, представляютъ дома „богатыхъ“ Египтянъ XVIII-й династіи, значить, не могутъ считаться общимъ правиломъ. Они принадлежатъ, притомъ же, эпохѣ сравнительно поздней, между тѣмъ какъ, по его словамъ, планъ гробницы повиновался постоянно одному и тому же неизмѣнному закону. Не крайняя ли это непоследовательность со стороны г. Прахова? Но войдемте съ г. Праховымъ и въ эту непоследовательность — что мы тутъ встрѣтимъ? Оба дома (изъ Алабастрона, близъ Тель-иль-Амарна), представленные Уилькинсономъ въ его сочиненіи „Manners and customs“, состоятъ изъ множества жилыхъ комнатъ въ два этажа, нѣсколькихъ дворовъ и двориковъ и двухъ приѣмныхъ — одной, по объясненію Уилькинсона, для всѣхъ посѣтителей (А), другой — для однихъ только ближайшихъ или интимныхъ посѣтителей (В). Обѣ эти приѣмны стояли (какъ и теперь у Арабовъ) отдѣльно, среди двора, окруженные деревьями, конечно, для того, чтобы приходящій посѣтитель не видалъ членовъ семейства, до которыхъ приходъ его не относился. Что же дѣлаетъ г. Праховъ? Онъ не обращаетъ никакого вниманія на то, что въ общей сложности все это жилие образуетъ большой прямоугольникъ, да и каждая комната отдѣльно есть прямоугольникъ, забывъ при этомъ, что Мариэттъ именно указываетъ на ту особенность гробницъ первыхъ эпохъ, что одна единственная поминальная комната, въ нихъ находящаяся, имѣетъ всегда форму креста; что во времена конца IV-й династіи вовсе нѣтъ поминальной комнаты, и т. д.; г. Праховъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ эти различія и последовательныя измѣненія, пропускаетъ также всѣ составныя части домовъ, имъ же самимъ взятыхъ за норму, и беретъ одну только „приѣмную“. Съ нею одною онъ и сравниваетъ поминальный покой или часовенку египетскихъ гробницъ. Но такъ какъ этотъ поминальный покой или часовенка были назначены спеціально для приходящихъ постороннихъ людей, то-есть, были также „приѣмными“, то въ результатѣ изслѣдованія г. Прахова получается только, что

¹⁾ См. рис. № 16 а и в.

одинъ приѣмный покой былъ похожъ на другой приѣмный покой — вотъ и все. Это можно было отгадать и безъ изслѣдованія. Навѣрное, всѣ „приѣмные покои“ какого угодно народа и времени будутъ похожи одни на другихъ по главнымъ условіямъ своего плана и расположенія: вездѣ они будутъ стоять по возможности особо отъ жилыхъ комнатъ, и поближе ко входу въ домъ. Но даже и тутъ, между приѣмнымъ покоемъ египетскаго дома и египетской гробницы, есть крупная разница: „приѣмная“ дома стояла у Египтянъ среди двора, подъ деревьями, совершенно отдѣльно отъ остальнаго дома; „приѣмная“ гробницы никогда не стояла отдѣльно, а въ связи съ другими покоями гробницы.

Какія же это сравненія, какія же это доказательства, какіе выводы? Понятно, что при такихъ приѣмахъ нечего и ожидать, чтобы г. Праховъ доказалъ вещь совершенно невозможную—близкое сходство гробницы съ жилымъ домою.

Для того, чтобы доказать въ самомъ дѣлѣ послѣдовательно свой тезисъ о копированіи формъ гробницы съ формъ дома, г. Праховъ долженъ былъ бы показать, чему соотвѣтствуетъ въ жиломъ домѣ подземный склепъ съ саркофагомъ, находящійся подъ землей, и притомъ всегда прямо подъ приѣмнымъ покоемъ или часовенкой; далѣе, онъ долженъ былъ бы показать, чему соотвѣтствуетъ въ жиломъ домѣ „сердабъ“ гробницъ, то-есть, потайной покой, гдѣ сохранялись статуи-портреты покойнаго; далѣе, обращаясь къ тому, что съ теченіемъ времени похоронный склепъ пересталъ помѣщаться подъ землей и началъ помѣщаться позади, за приѣмнымъ покоемъ или часовенкой и въ связи съ ними, г. Праховъ долженъ былъ бы показать, какому устройству дома соотвѣтствуетъ это соединеніе похороннаго покоя съ поминальнымъ. Но г. Праховъ вовсе не представлялъ такихъ объясненій, потому что и не могъ представить ихъ: никогда не было такихъ египетскихъ домовъ, гдѣ жилая комната хозяина, главная комната, была бы помѣщена мало того что подъ землей, но совершенно скрытно и недостижимо ни для кого; не было никакихъ „сердабовъ“ въ египетскихъ домахъ; не было также и приѣмныхъ въ египетскомъ домѣ, соединенныхъ съ жилыми покоями. Что планъ и форма египетскихъ гробницъ прошли много фазисовъ развитія и существеннѣйшихъ измѣненій — мы это знаемъ. Но что подобные же фазисы развитія и существеннѣйшія измѣненія испыталъ и египетскій жилой домъ — того мы вовсе не знаемъ. По всей вѣроятности, египетскій жилой домъ никогда не

измѣнялся въ главныхъ основныхъ чертахъ своихъ, какъ и дома прочихъ восточныхъ народовъ.

III.

Второй главный отдѣлъ книги г. Прахова носить заглавіе: „Происхожденіе египетскихъ колоннъ“ и весь посвященъ одному только разсмотрѣнію двухъ статей Лепсіуса: „Sur l'ordre des colonnes-piliers en Egypte et ses rapports avec le second ordre égyptien et la colonne grecque“ (Annali del Instituto di corrisp. archeologica; 1837) и упомянутой мною уже выше: „Ueber einige ägyptische Kunstformen und ihre Entwicklung“ (Abhandl. der Akad. d. Wissensch. zu Berlin, 1871). Въ настоящемъ случаѣ, вся цѣль его состоитъ единственно въ томъ, чтобы доказать, что Лепсіусъ былъ неправъ, приписывая однимъ египетскимъ колоннамъ происхожденіе отъ формъ каменныхъ, а другимъ—отъ формъ деревянныхъ. По мнѣнію г. Прахова, всѣ вообще египетскія колонны, отъ первой до послѣдней, происходятъ отъ первоначальныхъ колоннъ деревянныхъ. Это было ему необходимо, для поддержанія того тезиса, что вся вообще египетская архитектура происходитъ отъ палатки и формъ деревянныхъ. Поэтому-то онъ и старается доказать, что такъ-называемыя со временъ Шамполліона каменные бенигассанскія протодорическія колонны (то-есть, тѣ, съ которыми столько сходства представляютъ древнѣйшія дорическія колонны Грековъ) происходятъ отъ такихъ родоначальницъ, которыя были изъ дерева, точно также, какъ и тѣ колонны съ растительными капителями (въ видѣ цвѣтка лотоса, папируса и т. д.), на счетъ деревяннаго происхожденія которыхъ всѣ согласны. Но, по всегдашней своей привычкѣ не обращать вниманія на самые крупные признаки фактовъ или ломать ихъ сообразно съ потребностями своей теоріи, г. Праховъ не придаетъ никакого значенія тому, что существуетъ на свѣтѣ и всѣмъ извѣстенъ цѣлый рядъ столповъ, предшествовавшихъ протодорическимъ колоннамъ и ясно указывающихъ на ихъ происхожденіе. Сначала мы видимъ выдолбленные въ горѣ (для погребальныхъ цѣлей) гроты, гдѣ часть каменной массы оставлена на мѣстѣ и является въ видѣ четвероугольныхъ совершенно еще грубыхъ столбовъ, поддерживающихъ громадный грузъ потолка. Потомъ углы этихъ грубыхъ массъ сръзываются—являются столбы многоугольныя въ планѣ, количество граней у которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается; наконецъ, къ нимъ прибавляютъ абаку, разросшуюся впоследствии въ

капитель. Рядъ примѣровъ, существующихъ на лицо, наглядно показываетъ постепенность этихъ переходовъ. Но этотъ простой ходъ дѣла не нравится г. Прахову, потому что не годится для его цѣлей, и онъ начинаетъ свои умозаключенія съ другаго конца, опять-таки—съ дома. „Домъ живаго человѣка“, говоритъ онъ,—„явился раньше его могилы; домъ строился, гробница вслѣдъ затѣмъ вырубалась, начнемъ поэтому съ сооружений для живыхъ“. Но этотъ домъ былъ, по его убѣжденію—палатка; палатка подпиралась шестью или стойками деревянными, значить—и въ гробницѣ колонны должны были быть деревянными.

Какая странная логика! Если домъ существовалъ раньше могилы, то значить, могила „должна была“ повторять его формы. Но для того, чтобы доказать повтореніе шестовъ дома въ столбахъ и колоннахъ могилы, надо было бы напередъ показать, что внутри отдѣльныхъ комнатъ египетскаго дома существовали столбы и колонны, подобно тому, какъ они существовали внутри отдѣльныхъ комнатъ гробницы. Но этого нигдѣ нѣтъ. Даже тѣ „палаточные шести“, которые г. Праховъ находитъ изображенными на фасадахъ египетскихъ гробницъ,—по его же собственному указанію—только окаймляютъ, на манеръ рамки, вѣшнія очертанія фасада и нигдѣ не показываются внутри зданія. Портки въ столбахъ или колоннахъ—это вѣшная постройка снаружи зданія, не имѣющая ничего общаго съ внутреннимъ составомъ дома, и также ничего не доказываетъ въ пользу тезиса г. Прахова; притомъ портки никогда не стояли на шестахъ, а на столбахъ или колоннахъ, на примѣръ, какъ на нашемъ рисункѣ 15. Что же касается до представленныхъ г. Праховымъ (изъ сочиненія Уильямсона) плановъ египетскихъ домовъ, то тамъ нигдѣ не видно столбовъ или колоннъ ¹⁾ внутри комнатъ или покоевъ. Оно и понятно: собственно жилые покои восточныхъ народовъ были такъ малы и миниатюрны, особенно въ древнѣйшія времена, что не могли нуждаться въ подпорахъ и колоннахъ. Совсѣмъ наоборотъ, гробницы въ большинствѣ случаевъ именно нуждались въ столбахъ и подпорахъ, хотя были бы самыхъ малыхъ размѣровъ, потому что, когда вырубались въ скалѣ, въ горѣ, то у строителей всегда могла быть въ головѣ забота о томъ, какъ бы масса потолка не рухнула, и какъ бы ее поддержать, подкрѣпить. Тутъ явно дѣло шло не о какомъ бы то ни было подражаніи, а о механической потребности, которой нельзя было ни

¹⁾ См. памяти. №№ 16 рис. а, б, с, д.

избѣжать, ни обойти какимъ-то другимъ способомъ. Но пусть, по убѣжденію г. Прахова, могила происходила отъ дома и палатки. Все-таки спрашивается: какое могло быть сходство между субтильными шестами, которые требовалось бы сдѣлать, для кочевыхъ людей, какъ можно легче и удобоперевозимѣе, потому что они назначены были поддерживать только легкой наметъ палатки, — и грузными столбами, которые требовалось сдѣлать, сообразно съ первоначальной младенческою техникою, какъ можно толще и тяжелѣе, потому что они назначены были поддерживать, недвижимо и навсегда, тысячи пудовъ?

Но несомнѣнно, г. Праховъ избѣжалъ бы своихъ странностей, еслибы зналъ что писано различными новѣйшими историками искусства. Ему кажется недостаточнымъ, неудовлетворительнымъ то, что сказалъ о египетскихъ колоннахъ Лепсіусъ? Прекрасно. Какъ ни велика заслуга этого великаго ученаго нашего времени, который, въ числѣ многаго другаго, первый обстоятельно наметилъ и сдѣлалъ подробную характеристику разныхъ категорій египетскихъ колоннъ, — все-таки тамъ могли быть недостатки, недочеты, не выработанныя подробности. Что жь! Надо было посмотрѣть, не писалъ ли кто-нибудь еще, кромѣ Лепсіуса, объ этомъ же предметѣ. Къ несчастію, г. Праховъ этого не сдѣлалъ, и его отдѣлъ о колоннахъ остался оттого совершенно неудовлетворительнымъ.

А между тѣмъ, даже еще не прибѣгая къ собственной фантазіи и соображеніямъ, онъ могъ бы знать, что уже многіе давнымъ-давно толкуютъ о томъ, что „протодорическія колонны“ могли быть и не каменными. О матеріалахъ, изъ которыхъ онѣ дѣлались, существуетъ теперь нѣсколько разныхъ мнѣній. Такъ, напримѣръ, Фергюссонъ говоритъ, что всѣ подробности бенигассанскихъ столбовъ и протодорическихъ колоннъ, по видимому, происхожденія кирпичнаго, но абака (то-есть, плита, подложенная между стволомъ и поперечною горизонтальною настилкой вверху) сдѣлана изъ черепицы или дерева и назначена для того, чтобы шире распредѣлить верхнюю тяжесть¹⁾. Виоллелле-Дюкъ хотя и не адресуется специально къ египетской „протодорической колоннѣ“, но говоритъ о происхожденіи „дорической“ и подробно доказываетъ, почему она должна была быть съ самаго же начала сдѣлана ни изъ чего другаго, какъ изъ дерева²⁾. Наконецъ,

¹⁾ *Fergusson*, History of archit., vol. I, p. 99.

²⁾ *Viollet-le-Duc*, Entretiens sur l'architecture, Paris, 1863, vol. I, p. 36–37.

нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей признаютъ, что между древнѣйшими египетскими колоннами однѣ могли быть изъ камня, другія изъ дерева, наконецъ третья даже и изъ металла ¹⁾). Все это необходимо было бы г. Прахову рассмотреть, изучить, взвѣсить и потомъ уже выступать съ собственною теоріей, хотя бы даже и „палаточною“.

Кончая обзоръ этого отдѣла книги г. Прахова, я сдѣлаю два частныя замѣчанія: 1) о предполагаемомъ имъ происхожденіи абаки и базъ египетскихъ колоннъ; 2) о самой старой формѣ египетскихъ колоннъ, изображенныхъ на египетскихъ памятникахъ.

Что касается перваго пункта, то г. Праховъ высказываетъ мысль, что абака и база служили у Египтянъ для того, чтобъ удерживать стержень или стволъ колонны на своемъ мѣстѣ, такъ какъ иначе колонну можно было бы выдвинуть или вытолкнуть вонъ оттуда. Опять-таки странное соображеніе! Отчего же у Грековъ, гораздо позже, и послѣ долгихъ столѣтій, существовали и все-таки удержались дорическія колонны, правда—съ капителью, но безъ всякой базы? Значитъ, здѣсь никто не выталкивалъ стволовъ со своего мѣста, и „рыхлая земля“, на которую съ опасеніемъ указываетъ г. Праховъ, не оказывалась тамъ „ненадежною“. Но что не представляло опасности въ Греціи, то, конечно, не представляло опасности и въ Египтѣ. Наконецъ, два архитектора-техника, одинъ Русскій, другой Французъ, въ сочиненіяхъ, къ сожалѣнію опять-таки оставшихся неизвѣстными г. Прахову, именно указываютъ на то, какъ вертикальные стволы деревянныхъ колоннъ соединялись съ архитравомъ (то-есть, лежащимъ надъ нею горизонтальнымъ грузомъ). Архитекторъ Ефимовъ, изучавшій египетское искусство въ самомъ Египтѣ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, объясняетъ, что стволъ египетской деревянной колонны вправлялся, для прочности и устойчивости, вверху—въ гиѣздо, выдолбленное въ архитравѣ, внизу—въ гиѣздо, выдолбленное въ полу ²⁾). Такимъ образомъ, капитель и база вовсе не служили для прочности и удержанія колоннъ на мѣстѣ, а только для красоты или же для предохраненія колонны отъ проходящихъ. Шипъ дѣлаетъ подобное же замѣчаніе о практической бесполезности капители, или точнѣе говоря, абаки. „Въ древнѣйшихъ греческихъ храмахъ“, объясняетъ онъ,—„напримѣръ, въ Агригентѣ, значительная поверхность абаки не помогала архитектору, а скорѣе вредила ему. И потому, онъ употреблялъ въ дѣло

1) *Chapiez*, Histoire des ordres Grecs. Paris, 1876, p. 35 и 55.

2) *Dmitri Efimoff*, Brevi cenni sull'architettura Egiziana. Roma, 1838, p. 8.

всего лишь одну ея половину, равняющуюся толщинѣ самого ствола колонны. Этотъ четвероугольникъ немного возвышался надъ самою абакой и образовалъ, такимъ образомъ, посредствующую абаку между капителю и архитравомъ ¹⁾. Онъ былъ зажатъ архитравомъ и несъ всю его тяжесть, тогда какъ значительная часть поверхности абаки оставалась совершенно бесполезною въ постройкѣ. Изъ этого видно, что первоначально формы капители не происходятъ изъ потребностей постройки, а были изобрѣтены для удовлетворенія инымъ потребностямъ ²⁾ (а именно потребностямъ эстетическимъ).

Самую старую формой египетскихъ колоннъ, доказанною памятниками, г. Праховъ признаетъ тоненькія деревянныя колонны съ цвѣтчною капителю, поддерживающія легкую деревянную бесѣдку на египетскихъ лодкахъ, какъ онѣ представлены на иныхъ барельефахъ V-й династіи (рис. № 10). Но въ послѣднее время указано на форму болѣе древнюю: въ одной изъ іероглифическихъ надписей еще IV-й династіи ³⁾ встрѣчается изображеніе колоннъ съ яснымъ обозначеніемъ абаки, утоняющагося кверху ствола и съ очертаніями портика точь въ точь въ тѣхъ самыхъ формахъ, какія видимъ въ бенигасанскихъ гробницахъ XII-й династіи (рис. № 18) ⁴⁾. Съ этихъ формъ, явно происходящихъ отъ квадратнаго столба, какъ уже указывалъ Лепсіусъ, впрочемъ, еще на основаніи памятниковъ XII-й, а не IV-й династіи, и слѣдуетъ начинать въ настоящее время разсмотрѣніе египетскихъ колоннъ.

IV.

Въ самомъ почти началѣ своего третьяго отдѣла, носящаго заглавіе: „Теорія египетскаго храма“, г. Праховъ заявляетъ: „Среди всѣхъ сохранившихся египетскихъ храмовъ нѣтъ ни одного, который въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, могъ бы быть отнесенъ къ эпохѣ Древняго Царства“.

Я долженъ остановить г. Прахова уже на этихъ первыхъ словахъ. Какъ нѣтъ ни одного? спрошу я. А такъ-называемый „храмъ Сфинкса“, открытый Маріяттомъ болѣе четверти столѣтія тому назадъ и находящійся подлѣ Великаго Сфинкса въ Гизѣ—развѣ это не храмъ, или развѣ

¹⁾ См. нашъ рисун. № 17.

²⁾ *Chézy*, Hist. des ordres grecs, p. 225—228.

³⁾ *Lepsius*, Denkm., II Abth., pl. 6.

⁴⁾ *Chézy*, Hist. des ordres grecs, p. 45.

это зданіе не принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ Древняго Царства? Никто изъ египтологовъ Европы въ этомъ не сомнѣвался и не сомнѣвается.

Самъ Мариэттъ, исчисляя существующіе до сихъ поръ памятники IV-й и V-й династій, говоритъ: „Наконецъ, сюда же принадлежитъ храмъ, весь алебастровый и гранитный, открытый мною подлѣ Великаго Сфинкса въ Гизѣ—памятникъ до сихъ поръ единственный, потому что это единственный образчикъ монументальной архитектуры Древняго Царства“¹⁾. Въ своемъ превосходномъ каталогѣ Булакскаго музея онъ же, приступая къ описанію статуй царя Хафры, найденныхъ имъ въ колодцахъ этого храма, говоритъ: „На юго-востокъ отъ Великаго Сфинкса въ Гизѣ существуетъ зданіе, все построенное изъ гранита и алебастра, служившее храмомъ божеству (Горъ-эмъ-Ху, Гармахисъ), обожаемому подъ видомъ сфинкса...“ и т. д.²⁾. Знаменитый египтологъ Ружэ также упоминаетъ объ этомъ храмѣ въ известномъ великолѣпномъ своемъ изслѣдованіи о памятникахъ первыхъ шести династій: „Храмъ, открытый Мариэттомъ подлѣ Сфинкса“, говоритъ онъ, — „по всей вѣроятности, есть, по моему мнѣнію, тотъ самый, что упоминается въ нашей второй надписи (находящейся въ Булакскомъ музеѣ), какъ храмъ Сфинкса“³⁾. Ленорманъ говоритъ: „Въ Египтѣ существуетъ по крайней мѣрѣ одинъ памятникъ, предшествующій I-й династїи, памятникъ, восходящій къ тѣмъ временамъ, когда цивилизація на берегахъ Нила испытывала первыя свои силы и начинала жить. Это—храмъ, расположенный подлѣ Великаго Сфинкса и открытый лѣтъ 20 тому назадъ (статья Ленормана писана въ 1867 году) Мариэттомъ на счетъ герцога Люнна. Онъ построенъ изъ громадныхъ глыбъ сіенита и восточнаго алебастра; его поддерживаютъ квадратные монолитные столбы. Этотъ храмъ поразителенъ (prodigieux), даже рядомъ съ пирамидами. На немъ нѣтъ ни малѣйшей скульптурной работы, ни одного іероглифа; это—переходъ отъ памятниковъ мегалитическихъ къ собственной архитектурѣ. Въ одной надписи, сохраняемой въ Булакскомъ музеѣ, царь Хеопсъ говоритъ о немъ, какъ о зданіи, котораго начало теряется во мракѣ

¹⁾ *Mariette*, Aperçu de l'histoire d'Egypte. Alexandrie, 1872, p. 136.

²⁾ *Mariette*, Notice des principaux monuments du Musée de Boulaq. Paris, 1869, p. 203.

³⁾ *Rougé*, Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties, *Mém. de l'Institut de France*, 1866, p. 268.

время, которое было отыскано случайно, въ продолженіе его царствованія, зарытымъ въ песокъ пустыни, гдѣ оно было забыто въ продолженіе долгихъ поколѣній. Подобныя указанія древности способны привести воображеніе въ ужасъ. Египеть, а тѣмъ болѣе остальной міръ, не обладаетъ ни однимъ памятникомъ человѣческой постройки, достойнымъ этого имени, который можно было бы сравнивать съ этимъ по древности¹⁾. Въ своей „Исторіи народовъ Востока“ Масперо говоритъ: „На сѣверной оконечности обширной плоскости, лежащей въ милѣ разстоянія на западъ отъ Мемфиса, царь, оставшійся неизвѣстнымъ, но котораго надо, быть можетъ, отнести ко временамъ ранѣе Менеса, вырубилъ въ скалѣ громаднаго сфинкса, символъ Гармахиса, восходящаго солнца. Позже, недалеко отъ изображенія этого бога выстроили изъ алебаstra и гранита храмъ — единственный дошедшій до насъ образчикъ монументальной архитектуры Древняго Царства“²⁾. Въ сочиненіи, издаваемомъ въ настоящую минуту и еще не доведенномъ до конца, Эберсъ тоже говоритъ: „Найденный Маріэттомъ храмъ состоитъ изъ глыбъ частью гранитныхъ, частью алебастровыхъ. Устройство его' очень просто, но очень интересно, какъ единственный, дошедшій до насъ изъ тѣхъ временъ (первыхъ династій) образецъ зданія храмоваго рода. Вездѣ царствуетъ прямоугольность, столбъ еще не превратился въ колонну“ и т. д.³⁾. Этихъ примѣровъ, я надѣюсь, будетъ довольно.

Въ свою очередь, архитекторы и писатели объ искусствѣ точно также всегда признавали и признаютъ это зданіе храмомъ. Въ свою очередь Белэ, описывая это зданіе, точно также признаетъ его „храмомъ“ и прибавляетъ: „Снаружи этотъ храмъ имѣетъ форму срѣзанной пирамиды; пласты постройки — гиганскіе камни, украшенные скульптурными орнаментами, состоящими изъ цвѣтка папируса и прямоугольниковъ, правильно разставленныхъ“⁴⁾. Шназе заявляетъ, что эта постройка есть „большой храмъ, съ ходами, воротами и камерами, носящій на себѣ отпечатокъ глубочайшей древности и мастерски сооруженный изъ блестяще полированного гранита и але-

¹⁾ *Lenormant*, L'antiquité égyptienne à l'exposition universelle de 1867, въ сборникѣ: «Les premières civilisations», t. I, p. 180—181.

²⁾ *Maspero*, Histoire des peuples de l'Orient. Paris, 1876, p. 61—62.

³⁾ *Ebers*, Aegypten in Bild u. Wort, S. 172.

⁴⁾ *Beulé*, Fouilles et découvertes. Paris, 1873, vol. II, p. 128.

бастра¹⁾). Англійскій архитекторъ Дональдсонъ, изслѣдовавшій этотъ храмъ въ 1860 году, первый издалъ его планъ, и описавъ подробно всѣ размѣры и детали, говоритъ, что формою своею это зданіе очень похоже на христіанскую церковь²⁾ (планъ этотъ я прилагаю, въ точной копіи съ Дональдсона, подъ № 19). Архитекторъ Фергюссонъ, давъ описаніе того же храма на основаніи плана и текста Дональдсона, прибавляетъ отъ себя: „Принадлежать ли Великій Сфинксъ и этотъ храмъ одинъ другому, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ вѣрно, кажется, то, что оба они—древнѣйшіе примѣры своихъ категорій, и потому они на столько интересны, что заставляютъ насъ сильно желать полнаго ихъ изданія и объясненія. Храмъ, спасенный теперь отъ забвенія, есть форма новая, и когда онъ будетъ опубликованъ вполне, онъ поведетъ къ самому важному исправленію нашихъ понятій объ этомъ предметѣ“³⁾).

По видимому, г. Праховъ не зналъ ничего изъ всего здѣсь высказаннаго и потому единственно впалъ въ ту крупную ошибку, что провозглашаетъ полное несуществованіе египетскихъ храмовъ Древняго Царства.

Но вслѣдствіе этой коренной ошибки, весь его третій отдѣлъ теряетъ всякое значеніе и становится однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Г. Праховъ заявляетъ, что, за неимѣніемъ храмовъ Древняго Царства, надо обратиться къ храмамъ Новаго Царства. Но, не зная храма Сфинкса, онъ не зналъ и той громадной разницы, которая существуетъ въ архитектурѣ храмовъ Древняго и Новаго Царства, и которую очень хорошо знаютъ и видятъ западные ученые. Ренанъ, конечно, на основаніи словъ и указаній Мариэтта, сопровождавшаго его при посѣщеніи имъ памятниковъ Египта на мѣстѣ, говорить: „Я не боюсь преувеличенія, сказавъ, что храмъ Сфинкса столько

¹⁾ *Shmaase*, *Gesch. d. bild. Künste*, Düsseldorf, 1865, I, 303.

²⁾ *Description of Mr Mariette's excavations at Ghizeh and Saccara*, въ *Transactions of the Institute of British architects*, Febr. 1861, p. 191.

³⁾ *Ferguson*, I, 94—5. Слова Фергюссона о «полномъ опубликованіи» относятся къ тому, что до сихъ поръ былъ изданъ только планъ храма Сфинкса, нарисованный Дональдсономъ второпяхъ, и такъ сказать, украдкой, потому что, во время отсутствія самого Мариэтта, сторожа при раскопкахъ ревниво наблюдали за Дональдсономъ и сколько могли, мѣшали ему не только дѣлать измѣренія, но даже записывать замѣтки его. Разрѣза и фасада этого храма до сихъ поръ нигдѣ не было издано, и только перспективный видъ мы находимъ теперь въ приведенномъ выше иллюстрированномъ изданіи Эберса, на стр. 173.

же мало походить на храмы (XVIII-й, XIX-й и позднѣйшихъ династій) въ Фивахъ и Абидосѣ, какъ которая-нибудь католическая церковь въ Испаніи или Неаполѣ на іерусалимскій храмъ¹⁾). Такимъ образомъ, остается въ полной силѣ тотъ взглядъ Эрббема, которымъ такъ недоволенъ г. Праховъ, и который онъ ни въ грошъ не ставитъ. Эрббемъ говорилъ, что то помѣщеніе, которое заключало въ себѣ изваяніе божества, само собою разумѣется, раньше всего бывало покрыто крышею, чтобы такимъ образомъ скрыть святыню отъ непосвященныхъ взоровъ толпы. Съ теченіемъ времени дѣлалась пристройки вокругъ этого главнаго помѣщенія святыни, и тамъ хранилась священная утварь, жили не только прислужники храма, но и самые жрецы и цари. Но уже съ древнѣйшихъ временъ, рядомъ со святилищемъ существовала и другая существенная часть храма—помѣщеніе, доступное для народа и назначенное для публичнаго, общественнаго богослуженія. Эта вторая часть также расширялась съ теченіемъ времени, иногда до исполинскаго масштаба, сообразно съ усложнившимися потребностями; такъ, напримѣръ, стали пристраивать дворы за дворами, чтобъ вмѣстить массу народа и чтобъ величественнымъ процессіемъ придать еще болѣе величественный характеръ. Для постепеннаго перехода отъ непокрытыхъ дворовъ къ темнымъ покоемъ задней части, а также чтобъ защитить присутствующій народъ отъ солнца и ненастья, вошло въ обычай накрывать крышею первый дворъ, ближе стоявшій къ святилищу, и устраивать такимъ образомъ залу на колоннахъ, освѣщаемую единственно изъ оконъ средняго возвышеннаго прохода, и т. д.²⁾ Такой простой и естественный ходъ дѣла не годится г. Прахову: что за постепенныя измѣненія, что за разростанія и наростанія членовъ, что за движеніе отъ простаго къ сложному, отъ бѣднаго и скуднаго къ пышному и многообъемлющему! Ему нужно показать совсѣмъ не то: ему нужно единство происхожденія, ему нужна неизмѣнность плана, и притомъ, неизмѣнность плана и формъ, происходящихъ ни отъ чего другаго, какъ опять-таки отъ излюбленной „палатки“! И вотъ онъ начинаетъ опять фантазировать, сочинять, предаваться необычайнымъ скачкамъ воображенія. Для начала, онъ объявляетъ храмъ въ Эдфу „нормою египетскихъ храмовъ всѣхъ эпохъ“! Но на это даже и возражать нечего: до-

¹⁾ Renan, Les antiquités et les foilles d'Égypte, въ *Revue des deux mondes*, 1865, Avril, p. 675.

²⁾ Erbkam, въ *Zeitschr. f. Bauwesen*, 1852, S. 303—304.

вольно взглянуть на планъ этого храма и потомъ на планъ храма Сфинкса. Между тѣмъ и другимъ легли громадныя пропасти что касается ихъ внутренняго расположенія, и не даромъ протекли тысячелѣтія между временами самыхъ первыхъ династій и временами XVIII-й, XIX-й и птоломеевской династій, куда принадлежать разные періоды указываемыхъ г. Праховымъ большихъ храмовъ Новаго Царства.

Далѣе, вспомнивъ, что изображенія божества бывали заключены у Египтянъ въ маленькія зданьица или кіоты (naos), поставленные на барку, носимую въ процессіяхъ,—г. Праховъ вдругъ объявляетъ, что „такъ какъ существованіе храма, судя по его формамъ, восходитъ даже до кочеваго времени, а главнымъ, если не единственнымъ способомъ передвиженія была лодка, то естественно думать, что древнѣйшій египетскій храмъ сооружался на лодкѣ“. Фантазія совершенно неожиданная, и которой обѣ части стѣятъ одна другой: небывалая „палатка“ дружески обнимается съ тою небывалою „лодкой“, которая служила „единственнымъ способомъ передвиженія“. Никакими документами и памятниками не доказываемая „палатка-домъ“ повергаетъ въ точно такое же изумленіе, какъ неизвѣстный ни изъ какихъ барельефовъ и изображеній „храмъ-лодка“. Напротивъ, если обратиться къ дѣйствительнымъ памятникамъ Египта, ровно никакого сходства мы не найдемъ между колоссальными, прямоугольными, топорными глыбами храма Сфинкса и легкими, какъ турецкій каякъ, или какъ венеціанская гондола, стройными и элегантными формами египетскихъ лодокъ, современныхъ этому самому храму: вѣдь изображеній этихъ лодокъ, времени самыхъ первыхъ династій, цѣлая масса.

Недовольствуясь и этою фантазіей, г. Праховъ подробно разказываетъ, какъ и почему именно египетскій храмъ состоитъ изъ нѣсколькихъ „палатокъ“, входящихъ одна въ другую. Но палатокъ не бывало, значить, все это фантастическое построеніе само собою разлетается дымомъ. Затѣмъ, вспомнивъ, что во многихъ большихъ храмахъ Новаго Царства бывають залы, которыхъ потолокъ поддерживается колоннами, онъ вдругъ предается еще и такой изумительной фантазіи: „Лишь только вы вступаете за пилоны храма, какъ справа и слѣва отъ васъ появляются ряды окаменѣлыхъ водорослей, папирусовъ, лотосовъ. Уже это первое впечатлѣніе наводитъ васъ на мысль, что вы находитесь въ той же стихіи, гдѣ только и можетъ расти *papyrus lotos* и *cyperus papyrus*, то-есть, въ водѣ, рѣкѣ; но ввѣрившись путеводной нити стройныхъ, высокихъ, распустившихся папирусовъ и лотосовъ,

вы, миновавъ этотъ дворъ, вступаете въ ипостилъ (крытой залъ) въ цѣлую чащу священнѣхъ водорослей, встающихъ таинственно, темною преградю, цѣлою зарослю тростниковъ, среди которыхъ, въ глубокой тишинѣ и полумракѣ, протекаетъ вашъ путь, скрывающійся затѣмъ въ капищѣ. Итакъ, еще однимъ шагомъ ближе къ цѣли: священный путь, ведшій въ капище, Египтяне какъ будто представляли себѣ рѣкою, заросшею частью по сторонамъ, частью во всю ширь, священными цвѣтами лотоса“. Все это описаніе, имѣющее претензію на живописность и поэтичность, есть, однако же, легчайшій мыльный пузырь, лопающійся при первомъ прикосновеніи. Колонны съ цвѣточными капителями вовсе не суть принадлежность специально храмовъ: онѣ употреблялись для всякой вообще египетской потребности, и ихъ можно видѣть въ изображеніяхъ частныхъ домовъ, въ гробницахъ, потомъ даже во всякаго рода постройкахъ (напримѣръ, въ домикахъ, выстроенныхъ для выдѣлки вина и т. д.), и наконецъ, въ мебели. Неужели тутъ вездѣ все „священныя рѣки“, да чьи-то „плаванія“? Ничуть не бывало: колонна подобнаго рода была вообще египетскою колонною, украшенною продуктами мѣстной флоры, какъ это бывало со всѣми колоннами на свѣтѣ. Каждая изъ нихъ, не взирая на свою орнаментистику, служила самымъ разнообразнымъ цѣлямъ, и по флорѣ, на ней изображенной, никогда нельзя судить о назначеніи зданія.

Но что дальше говорить г. Праховъ, прійдя къ своей немножко комической идеѣ о „рѣкѣ“ и „плаваніи“? „Кого Египтяне представляли себѣ плавающимъ по этой священной рѣкѣ, обставленной исполинскими окаменѣлыми водорослями?“ спрашиваетъ г. Праховъ, и отвѣчаетъ: „Въ виду всего (приведеннаго въ текстѣ), складывается убѣжденіе, что Египтяне въ своихъ храмахъ желали представить тотъ путь по водамъ небеснымъ, который ежедневно проѣзжалъ на своей ладѣ ихъ главный богъ солнца Ра“. Какъ такъ? спросить, вѣроятно, не одинъ читатель, совершенно пораженный такою неожиданностью. Неужели Египтяне строили храмы не для того, чтобы туда приходилъ молиться и совершать всякія религиозныя свои требы, а для того, чтобы изображать ими кого-то и что-то? Неужели эти громадныя залы на колоссальныхъ столпахъ существовали не для защиты отъ солнца, вѣтра, дождя или вихрей песка, а только для того, чтобы представлять „рѣку“? Странныя каменныя аллегоріи, немножко дороговатыя ребусы изъ гранита и песчаника! И притомъ, невольно спрашиваешь себя: какимъ чудомъ храмъ могъ быть построенъ то для

одного, то для другаго божества, одинъ разъ мужскаго пола, другой разъ женскаго, одинъ разъ для божества благодѣтельнаго, другой разъ враждебнаго, и т. д., и все-таки изображалъ собою неизмѣнно одно и то же: плаваніе бога Ра, да и только? Значить, многія божества какъ будто жили въ чужихъ храмахъ, въ чужихъ аллегоріяхъ, вовсе до нихъ не касавшихся? Странныя, странныя фантазіи!

Но взглянемъ, посредствомъ чего г. Праховъ доказываетъ „плаваніе“ по рѣкѣ, въ аллегорическомъ храмѣ, бога Ра? Для этого онъ беретъ одно мѣсто въ письмахъ Шамполліона и говоритъ: „Богъ солнца Ра, судя по картинамъ, которыя описаны у Шамполліона въ его „Lettres écrites d’Egypte et de Nubie“, представлялся проѣзжающимъ каждыя сутки въ ладѣ по водамъ небеснымъ и по водамъ подземнаго царства. Вотъ вкратцѣ описаніе этихъ картинъ...“ Затѣмъ слѣдуетъ описаніе ихъ, и потомъ г. Праховъ говоритъ: „По египетскимъ представленіямъ, богъ солнца, свѣта, жизни и истины ежедневно проѣзжаетъ въ ладѣ черезъ все небо, черезъ всѣ 12 дневныхъ часовъ... Такъ какъ естественное явленіе восхода и заката солнца было понято Египтянами въ нравственномъ смыслѣ, какъ борьба свѣта-добра съ тьмою-зломъ, то изъ 12 дневныхъ часовъ особаго вниманія заслуживали послѣдніе 6, въ теченіе которыхъ лучезарный богъ борется съ подстерегающимъ его змѣемъ Анепомъ (братомъ и врагомъ Солнца). Согласно съ этимъ и въ египетскомъ храмѣ важнѣйшее значеніе придано второй части пути отъ зенита-пилоновъ до горизонта-капица“. Вслѣдъ затѣмъ г. Праховъ останавливается на этихъ 6 часахъ, отыскиваетъ 6 частей въ составѣ храма египетскаго и объясняетъ, что такая-то часть храма соотвѣтствуетъ первому часу, такая-то — второму, такая-то — третьему, и т. д., и наконецъ, принявъ (совершенно произвольно и ровно ни на чемъ не основываясь) храмъ въ Эдфу за „норму“ всѣхъ остальныхъ съ великимъ трудолюбіемъ и усидчивостью просматриваетъ цѣлую массу египетскихъ храмовъ, отмѣчая, какіе часы въ нихъ изображены аллегорически, и какихъ вовсе тутъ нѣтъ.

Вся эта система можетъ, на первый взглядъ, показаться, какъ и система „палатки-первообраза“, чѣмъ-то блестящимъ, остроумнымъ, важнымъ и значительнымъ. Но какъ было и съ „палаткой“, дѣйствительныя, суровыя факты являются жестокими врагами легкихъ порхающихъ фантазій г. Прахова и разрушаютъ ихъ до тла.

Шамполліонъ, въ приведенномъ у г. Прахова мѣстѣ „Писемъ“ (письмо XIII-е), разказываетъ содержаніе живописныхъ барельефовъ,

украшающихъ гробницу царя Рамзеса II, а не храмъ. Это, впер-
 выхъ. Между храмовою живописью и живописью похоронною, всегда
 существовала, въ Египтѣ, громадная разница. Въ живописи гробницъ
 преобладали мотивы личные, біографическіе (какъ и въ настоя-
 щей гробницѣ Рамзеса II—изображены подвиги царя во всѣ 24 часа
 дня), въ живописи храмовъ—мотивы религіозныя и философскіе. Во-
 вторыхъ, Шамполіонъ говоритъ не про 12 часовъ, изъ которыхъ
 г. Праховъ выкидываетъ еще, по своему усмотрѣнію, цѣлыхъ 6, а про
 24 часа: на одной сторонѣ стѣнъ были изображены 12 часовъ дни,
 на другой — 12 часовъ ночи. Цѣлую половину отнялъ г. Праховъ
 сначала у Шамполіона, а потомъ даже у самого себя. И изъ всего,
 что было первоначально въ натурѣ, въ рукахъ у г. Прахова уцѣлѣла,
 для его, такъ-сказать, прстидижитаторскихъ манипуляцій, только
 одно: нужная ему цифра 6. Втретьихъ, приуроченіе извѣстной залы
 или части храма къ извѣстному „часу“ совершенно произвольно и
 фантастично: оно не доказано никакимъ египетскимъ свѣдѣніемъ,
 извѣстіемъ, памятникомъ, или даже хотя бы какимъ-нибудь назва-
 ніемъ. Напротивъ, египетскія названія отдѣльныхъ частей храма, до
 насъ дошедшія, не имѣютъ ничего общаго съ хронологическими ал-
 легоріями, приписываемыми имъ со стороны г. Прахова. Одинъ изъ
 большихъ дворовъ, крытый, назывался хент-ур = „большія сѣни“,
 или просто „сѣни“, другой, открытый—усехт-утент = „дворъ жид-
 кихъ жертвоприношеній“, „дворъ процессій“, и т. д. Но главное —
 это то, что въ древнѣйшемъ храмѣ, именно храмѣ Сфинкса, нѣтъ ни-
 чего, что могло бы служить для аллегорій г. Прахова: ни шести па-
 латъ, какъ бы ни натягивалъ онъ составныя части храма, ни колонны
 съ лотосовыми и папирусными капителями, ни живописи, ни „послѣ-
 довательнo уменьшающихся изображеній бога Ра надъ дверями“, ни
 даже какого бы то ни было послѣдовательнаго пониженія ряда вхо-
 дящихъ одна въ другую небывалыхъ „палатокъ“, ни всего остальнаго
 фантастическаго аппарата г. Прахова.

Всѣ его „нормы“ разлетаются по вѣтру.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Прахова представляетъ поразитель-
 ный примѣръ большаго трудолюбія и усидчивости, продолжительной
 работы надъ матеріаломъ сложнымъ и труднымъ, но трудолюбія и
 усидчивости, не давшихъ ожидавшагося отъ нихъ плода. Новая си-
 стема ничего не приноситъ намъ существеннаго и не въ силахъ замѣнить
 того, что до сихъ поръ сдѣлано европейскими учеными. А вопреки

увѣреніямъ г. Прахова, ими уже сдѣлано много и значительнаго, что и требуется раньше всего узнать.

Такъ, напримѣръ, они трактовали не только о тѣхъ пунктахъ, которые угодно было г. Прахову, неизвѣстно по какому выбору, одни только и затронуть,—они основательно изслѣдовали еще пирамиды, эти изумительные и переставшіе теперь быть загадочными гигантскіе памятники; они изслѣдовали могилы не одного Древняго Царства, но также и Средняго, и Новаго, а эти представляютъ много совершенно особеннаго и любопытнаго; они разсматривали вопросъ о лабиринтѣ и о египетскихъ дворцахъ, вопросы объ орнаментациі египетской архитектуры; о потолкахъ, дверяхъ и окнахъ; объ инкрустациі на колоннахъ, изъ металла, слоновой кости и дерева; вопросъ объ обелискахъ (которые еще Шамполлионъ призналъ простыми содержателями историческихъ извѣстій, безъ всякихъ аллегорій формы), и не мало другихъ еще вопросовъ, совершенно пропущенныхъ почему-то г. Праховымъ. Не удивительное ли это дѣло со стороны г. Прахова: въ сочиненіи „Зодчество древняго Египта“ пропустить, напримѣръ, хоть такую бездѣлицу, какъ пирамиды? Какая странность, какой необъяснимый капризъ! Но мало того: тѣ самые европейскіе ученые, которые кажутся иногда г. Прахову такими маловажными „дилеттантами“, какъ, напримѣръ, Шназе, не только разработали и тѣ, и другіе, и третьи вопросы, но еще указали многіе другіе вопросы, и очень важныя, которые стоятъ на очереди для разработки будущихъ изслѣдователей: напримѣръ, вопросъ объ отношеніи египетской архитектуры къ азіатской, вопросъ объ отношеніи египетскихъ пирамидъ къ остаткамъ древне-азіатскихъ пирамидальныхъ построекъ, вопросъ о сходствѣ египетскихъ сводовъ съ азіатскими, вопросъ объ употребленіи лотоса, какъ орнамента, и въ Египтѣ, и въ Азій, и т. д. О подобныхъ вопросахъ г. Праховъ еще и не задумывался.

В. Стасовъ.

Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Составилъ Григорій Геннади. Томъ второй. Ж—М, съ дополненіями Николая Собко. Берлинъ. 1880.

По поводу перваго тома этого Словаря, вышедшаго четыре года тому назадъ, мы имѣли уже случай высказать свое мнѣніе (Ж. М. Н. Пр. 1877 г., январь, ч. CLXXXVIII). Недавно явившійся въ свѣтъ

второй томъ написанъ по тому же плану, какъ и первый, при чемъ составитель Словаря воспользовался указаніями многихъ лицъ. Не смотря на значительное количество поправокъ и дополненій, составляющихъ почти седьмую часть книги, мы можемъ, съ своей стороны, сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, касающихся пропуска лицъ, псевдонимовъ, отдѣльно изданныхъ произведеній, переписки писателей и ученыхъ и свѣдѣній о нихъ.

Жиркевичъ, Иванъ Степановичъ (1789 — 1848 гг.). Свѣдѣнія о немъ сообщены С. Д. Карповымъ въ Русск. Старинѣ, т. IX, стр. 207. Записки его тамъ же, тт. IX, X, XI и XIII. У Геннади пропущены.

Житель Тентелевой деревни — псевдонимъ Н. И. Гнѣдича (Истор. Христ. Галахова, т. I, стр. 563).

Жихаревъ, С. П. О немъ въ Лѣт. русск. театра Арапова, стр. 179.

Жуковский, А. К. О немъ свѣдѣнія въ Русск. Арх. 1867 г., стр. 962 и въ Литер. воспом. И. И. Панаева. С.-Пб. 1876 г.

Жуковский, В. А. О немъ: 1) Воспоминанія А. О. Смирновой (Русск. Арх. 1871 г., № 11, стр. 1869); 2) Письмо А. Ѳ. Воейкова къ В. К. Кюхельбекеру отъ 14-го октября 1817 г. изъ Дерпта (Русск. Стар., т. XIII, стр. 359); 3) въ статьѣ И. И. Срезневскаго объ А. И. Тургеневѣ (ibid., т. XII, стр. 739).

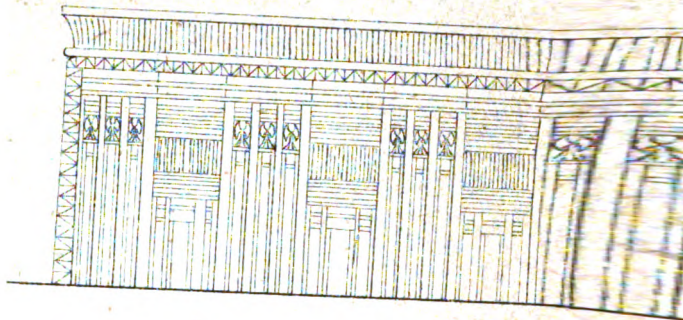
Завалишинъ, Иринархъ. Въ числѣ его произведеній Геннади не указываетъ двухъ стихотвореній, изданныхъ безъ означенія года и мѣста печати: 1) Мнѣніе нѣкоего Россіянина о единоначаліи, in-4°, стр. 3; 2) Правило Россіянина, in-4°, стр. 4.

Завадовскій, графъ П. В. Письмо къ графу А. Г. Бобринскому (Русск. Арх. 1876 г., № 9, стр. 34).

Загоскинъ, М. Н. О немъ: 1) въ „Обозѣ къ потомству“ (Раутъ, истор. и литер. сборн., изд. Н. Сушковымъ. М. 1854 г., стр. 288); 2) Анекдотъ (Изъ записной книги М. Лонгинова въ Русск. Арх. 1863 г., стр. 982). Въ числѣ писемъ его пропущены письма къ И. А. Крылову, напеч. въ Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отдѣленію, т. VI, стр. 311 и 315.

Зотовъ, Р. М. О немъ въ Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 227. Здѣсь упоминается объ его переводахъ нѣкоторыхъ русскихъ произведеній на нѣмецкій языкъ.

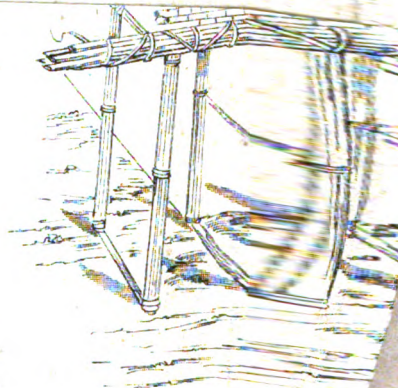
Ивановъ, Леонтій. О немъ въ Лѣт. русск. литер. и древн., т. III, кн. 6, отд. III, стр. 70—71.

№ 1.

№ 12.

TO THE
ASSOCIATION

Ивановъ, Ѳ. Ѳ. О немъ: 1) Литер. и театралн. воспом. С. Т. Аксакова; 2) Московск. унвер. благородн. пансіонъ, И. Сушкова, стр. 94.

Ивановскій, Андрей Андреевичъ (1791 — 1848 г.). Свѣдѣнія о немъ сообщены М. И. Семеvскимъ въ Русск. Стар., т. IX, стр. 392. Въ Словарѣ пропущенъ.

Ивановскій, А. Д. Въ числѣ его трудовъ не упомянута брошюра: О значеніи библиотекъ въ Россіи. Кіевъ, 1869 г.

Измайловъ, А. Е. О немъ: Разсмотрѣніе разсужденія, изданнаго г. Измайловымъ въ журналѣ Сынъ Отечества, о баснѣ и самыхъ его басняхъ, Окулова, С.-Пб. 1817 г., 8°. Пропущены письма къ И. И. Дмитріеву (1816—1830 г.), напеч. въ Русск. Арх. 1871 г., № 7 и 8, стр. 961; а также письмо къ И. А. Крылову (Сборн. Ав. Научъ по II-му Отд., т. VI, стр. 302).

Измайловъ, В. В. О немъ: Истор. Хр. Галахова, т. II, стр. 139 и въ Запискахъ А. С. Шишкова. М. 1868 г.

Иличевскій, А. Д. О немъ въ статьѣ Гаевского: „Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“ (Современникъ 1863 г., июль и августъ); а также см. предисловіе къ извлеченію изъ писемъ Иличевского къ Фуссу, Я. Грота (Русск. Арх. 1864 г., стр. 946).

Ильинскій, Николай, авторъ „Мыслей о челоvѣкѣ“ и Ильинскій, Ник. Степ., авторъ „Истор. описанія Пскова“—одно и то же лицо, а не два разныхъ, какъ показано у Геннади.

Ильинъ, Н. И. О немъ см. Разныя сочиненія С. Т. Аксакова. М. 1858 г. Не указано письмо къ Державину, напеч. въ VI т., стр. 210, 1-го акад. изданія.

Ивзовъ, Иванъ Никитичъ (1768—1845 г.). О немъ: Моск. унив. благор. пансіонъ, Сушкова. М. 1858 г., стр. 66 — 69. Въ Словарѣ пропущенъ.

Иннокентій Паскевичъ. О немъ см. Исторію Троицкой лавр. семинаріи, Смирнова, стр. 98—99. По недосмотру, Геннади замѣчаетъ, что о немъ не упоминается у Смирнова.

Иннокентій Борисовъ. О немъ въ Автобіограф. запискахъ фонъ-Брадке (Русск. Арх. 1875 г., № 3, стр. 284).

Иннокентій Смирновъ. Не указано письмо къ Фотію отъ 1819 г. Русск. Арх. 1868 г., стр. 945).

Иннокентій Полянскій. О немъ: Истор. Росс. Ак., Сухомлинова (Сборн. Ав. Научъ по II-му Отд., т. XI, стр. 233).

Иннокентій Нечаевъ. О немъ: *ibid.*, стр. 184. У Геннади пропу-

цена книга: „Описаніе дѣйствія отъ стороны св. прав. синода члена, пр. Иннокентія, арх. псковскаго и рижскаго и его семинаріи, происходившаго во время всевождедѣннаго прибытія Е. И. В. всеавгустѣйшія импер. и самодержицы всероссійскія Екатерины II во Псковъ, и высочайшаго Е. В. въ немъ пребыванія, маія отъ 13 до 16 дней продолжавшагося 1780 г.“. Въ С.-Пб. при Имп. Ак. Н. 1780 г., 4^о. Въ этой книгѣ Иннокентію принадлежитъ слѣдующее: Рѣчь на прибытіе Екатерины во Псковъ, Проповѣдь и Рѣчь на пришествіе ея въ Полоцкъ.

Ириной Нестеровичъ. О немъ см. „Памятныя замѣтки Вологжанина“, О. Фортунатова (Русск. Арх. 1867 г., стр. 1706).

Ириной Клементьевскій. О немъ: Исторія Росс. Акад., Сухомлинова (Сборн. Акад. Наукъ по II-му Отд., т. XI, стр. 237).

Иеронимъ Формаковскій. О немъ: Исторія Владимірской духовной семинаріи, Надеждина, Владиміръ, 1875 г., стр. 90 и далѣе.

Иоакимъ, архіеп. ростовскій († 1741 г.). О немъ: Иерархи Ростовско-Ярославской паствы. Ярославль, 1864 г., стр. 205.

Иоаннъ Козловичъ. О немъ въ ст. Попова: „Придворные проповѣдники въ цар. Елизаветы“ (Лѣт. русск. литер. и древн., т. II).

Иоаннъ Соколовъ. Не указано его сочиненіе: „О свиданіи за гробомъ“. С.-Пб. 1848 г. (Межовъ, № 1151).

Иосифъ Березинъ, архимандритъ († 1817 г.). О немъ: Исторія Влад. дух. семинаріи, стр. 127. Въ Словарѣ пропущенъ.

К. А. Письмо къ... изъ воинскаго стана подъ Дунаемъ, писано 1772 г. Печат. при Имп. Моск. унив. 1775 г. 8^о, 7 стр. Стихотвореніе, подписано: А. К. Въ Словарѣ нѣтъ.

Кайсаровъ, Андрей. О немъ см. Современникъ 1841 г., т. XXI, стр. 51, въ ст. „Хроника Русскаго въ Германіи“.

Калайдовичъ, К. О. О немъ: Литер. и театр. воспом. С. Аксакова, стр. 203. Не указано множество писемъ его къ Востокову (Сборн. Акад. Наукъ по II-му Отдѣл., т. V, вып. II). Письмо къ Амвросію Арнатскому, 1811 г. (Русск. Арх. 1869 г., стр. 1715). Письмо къ А. С. Шишкову, отъ 20-го декабря 1821 г. (Записки Шишкова. Берлинъ, 1870 г., т. II, стр. 418).

Калашниковъ, Иванъ Тимофѣевичъ. У Геннади пропущенъ. О немъ см. Записки В. А. Инсарскаго (Русск. Арх. 1873 г., № 4, стр. 537 и далѣе). Калашникову принадлежатъ слѣдующія произведенія:

Объ устройствѣ судебно-уголовной власти въ Греціи и Римѣ. С.-Пб. 1830 г. Съ посвященіемъ П. А. Словцову.

Дочь купца Жолобова. Романъ, извлеченный изъ иркутскихъ преданій, 4 ч. С.-Пб. 1831 г. 2-е изд. 1832 г. 3-е изд. 1842 г.

Изгнанники. С.-Пб. 1834 г.

Автоматъ. 3 ч. С.-Пб. 1841 г.

Камчадалка. 4 ч. С.-Пб. 1833 г.; 2-е изд. 1842 г.

Каменскій, Михаилъ Ѳедотовичъ (1738—1809 г.). О немъ: „Словарь достопам. людей, Б. Каменскаго. М. 1836 г., ч. III. М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II въ 1765 г., ст. Л. Н. Майкова (Русск. Арх. 1873 г., № 8, стр. 1552). Письма его: 1) къ сыну, гр. Николаю Михайловичу, 1806 — 1809 г., со ст. П. И. Бартенева (Русск. Арх. 1868 г., стр. 1489); къ кн. Н. И. Салтыкову, В. С. Попову и М. В. Каховскому, 1791 г. (Русск. Арх. 1873 г., № 1, стр. LXVI); къ Павлу Петровичу, 1765 г. (ibid., № 8, стр. 1555).

Каницъ, Ю. И. О немъ: Казанск. гимн. въ XVIII в., Артемьева, стр. 67 и далѣе.

Кантемиръ, Д. К. О немъ: Наука и литер., Пекарскаго, т. I, стр. 249.

Кантемиръ, А. Д. О немъ: Исторія Россіи, Соловьева, т. XX, стр. 270 — 290. Письмо его къ Ѳ. Прокоповичу, отъ 21-го декабря 1734 г. (Русск. Арх. 1869 г., стр. 578).

Капнистъ, В. В. О немъ: Русск. Стар., т. VII, стр. 713 и 1-е акад. изд. соч. Державина, т. II, стр. 105. Письма къ Державиннымъ (ibid., т. V, стр. 445, 512, 758; т. VI, стр. 236, 256, 269, 287).

Карабановъ, Павелъ Ѳедоровичъ. О немъ см. Русск. Стар., т. II, стр. 468. Здѣсь же и статья его: „Статсъ-дамы и фрейлины русск. двора въ XVIII ст.“.

Каразипъ, В. Н. О немъ: Записки И. П. Сахарова (Русск. Арх. 1873 г., № 6, стр. 962).

Карамзинъ, Н. М. О немъ: „Литерат. воспоминаніе“ (Отеч. Зап. 1825 г., ч. XXIV, № 67). Карамзинъ, какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира, ст. Р. Р. (Сѣверн. Обзор. 1849 г., т. I). Рауть, истор. и литер. сборн., изд. Сушковымъ. М. 1854 г., стр. 260 и далѣе. О мѣстѣ рожденія К—на, ст. М. Дмитріева (Русск. Арх. 1865 г., стр. 1373). Сто лѣтъ со дня рожденія К—на, М. Лонгинова (ibid., стр. 1370). Замятка объ отношеніяхъ К—на къ А. Ѳ. Воейкову, К. Сербиновича (Русск. Стар., т. V, стр. 147). Воспоминанія К. С. Сербиновича (ibid., т. XI, стр. 44, 236).

Письма его: къ брату, Василю Михайловичу и къ А. И. Тургеневу (Московск. литер. и ученый сборн. 1847 г.); къ гр. Мантейфелю,

на фр. яз. (Сборн. Акад. Наукъ по II-му Отд., т. I. Примѣчанія къ очерку дѣятельности и личности К—на, Я. Грота, стр. 40); къ К. И. Арсеньеву (*ibid.*, т. IX, стр. 40); къ Г. Р. Державину (1-е академ. изд. соч., т. V, стр. 775, 776, 820); къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому (Русск. Стар., т. III, стр. 526); къ А. М. Кутузову (*ibid.*, т. IX, стр. 273); къ А. С. Шишкову (*ibid.*, т. XI, стр. 70); къ К. С. Сербиновичу (*ibid.*, стр. 65, 69, 70, 73, 250—252, 266); къ В. А. Жуковскому (Русск. Арх. 1870 г., стр. 1682); къ Е. А. Протасовой (*ibid.*, стр. 1689); къ кн. А. И. Вяземскому (*ibid.*, 1872 г., № 7 и 8, стр. 1323).

Каратыгинъ, В. А. Выдержки изъ писемъ къ П. А. Катенину (Русск. Арх. 1871 г., № 6, стр. 0241).

Каржавинъ, Ѳ. В. Открытіе, описаніе и содержаніе гор. Геркулана, поглощеннаго страшнымъ изверженіемъ горы Везувія и бывшаго подъ землею около 1700 лѣтъ, 2-е изд. Въ С.-Пб. на иждив. І. К. Шнора, 1795 г. 12^о, стр. 96. Геннади, основываясь на показаніи Сопикова, приписываетъ эту книгу В. С. Березайскому (Словарь, I, 79), тогда какъ на послѣдней страницѣ подлинника стоятъ буквы: Ѳ. К., обыкновенная подпись Каржавина.

На 35 стр. этой книги, въ выносѣхъ, сказано, что подробныя свѣдѣнія о храмахъ древнихъ народовъ можно найти въ „Словарѣ Архитектоническомъ“, Ѳедора Каржавина. М. 1791 г., стр. 54. Послѣдній трудъ Каржавина ни въ какихъ каталогахъ, сколько намъ извѣстно, не упоминается.

Каринъ, Ѳ. Г. О немъ: Библ. для Чтен. 1850 г., т. 101, въ ст. Стоюнина: „Я. Б. Княжнинъ“.

Въ „Апологии въ потомству отъ Николая Струйскаго“. С.-Пб. 1788 г. есть ссылка (стр. 8) на сочиненіе Карина: „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ“.

Карлгофъ, В. И. О немъ: Раутъ, М. 1854 г., стр. 325.

Карніолинъ-Пинскій, Матвѣй Михайловичъ. У Геннади пропущенъ. О немъ см. Русск. Арх. 1876 г., № 8, стр. 454—460.

Касторскій, М. И. Въ перечнѣ его трудовъ пропущены: „Сербскія народныя пѣсни“. Лейпцигъ, 1838 г.

Катенинъ, П. А. О немъ: Истор. Хр. Галахова, т. II, стр. 425. Русск. Арх. 1875 г., № 4, стр. 454, въ ст. Б. Н. Алмазова: „А. Ѳ. Писемскій и его 25-ти-лѣтняя литер. дѣятельность“. Записки П. А. Каратыгина (Русск. Стар., т. IX, стр. 737; т. VII, стр. 151).

Каченовскій, М. Т. подписывался иногда „Кавалеромъ полярной

звѣзды* (см. Библ. Зап. 1859 г., № 20, стр. 615). Письма его: къ Н. О. Грамматину (Библ. Зап. 1859 г., № 8); къ Н. И. Гнѣдичу (Русск. Арх. 1868 г., стр. 970); къ Востокову (Сборн. Акад. Наукъ по II-му Отд., т. V, вып. 2, стр. XXXII).

Кеппенъ, П. И. Не указаны письма его къ Востокову (Сборн. Акад. Наукъ по II-му Отд., т. V, вып. 2, стр. 5, 55, 73, 243—44, 249, 254—255, 268, 297), а также письмо къ А. С. Шишкову, отъ 18-го ноября 1822 г. (Записки Шишкова, Берлинъ. 1870 г., т. II, стр. 422).

Кильбергъ, Николай Петровичъ (Густавъ не-Надо). Въ Словарѣ Геннади не упомянутъ. О немъ см. Петерб. Листокъ 1878 г., 11-го ноября. Ему принадлежитъ: „Пока! Стихотворенія и куплеты, пѣтныя въ петербургскихъ театрахъ и клубахъ“. С.-Пб. 1872 г.

Кирѣевскій, П. В. Не указано письмо къ А. И. Кошелеву, 1847 г. (Русск. Арх. 1873 г., № 8, стр. 1345).

Клушинъ, А. И. О немъ: Памятникъ претекшихъ времяяъ, Болотова. М. 1875 г., ч. I, стр. 69, 117.

Въ числѣ его произведеній не указано: „Жертвоприношеніе благодарности, аллегор. балетъ“. На торжественный день тезоименитства Е. И. В. Александра I. Сочиненіе г. Валберга. Музыка г. Давыдова. Декораціи г. Дранше. Стихи г. надворн. сов. Клушина. Въ С.-Пб. 1802 г. 8°, 8 ненум. стр.

Ключаревъ, О. П. О немъ: Библ. Зап. 1859 г., № 19, въ статьѣ Полуденскаго: „Типографія Мея и Кряжева“. Записки А. О. Брокера (Русск. Арх. 1868 г., стр. 1413).

Князгинъ, Я. Б. О немъ: Изъ розыскаго дѣла о трагедіи К—на „Вадимъ“ (Русск. Арх. 1863 г., стр. 605, 2-е изд.). Къ біографіи комика К-на, ст. Г. Александрова (Русск. Арх. 1873 г., № 9, стр. 1796 и № 11, стр. 02297). Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія, М. Дмитриева. М. 1863 г., стр. 171—172)

Князгинъ, А. Я. О немъ см. Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 139.

Ковалевскій, Евграфъ Петровичъ. О немъ: Рѣчь Е. П. Ковалевскому, кн. П. А. Вяземскаго (Русск. Арх. 1872 г., № 6, стр. 1196).

Ковалевскій, Осипъ Михайловичъ. У Геннади пропущенъ. О немъ см. Русск. Міръ 1878 г., № 312.

Ковальковъ, А. И. О немъ: Записки И. П. Сахарова (Русск. Арх. 1873 г., № 6, стр. 961).

Козельскій, О. Я. Въ числѣ его произведеній не указана „Ода на

день возшествія на Всеросс. престолъ Е. И. В. всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государыни импер. Екатерины II отъ всеподданнѣйшаго раба Ѳ. Козельскаго“. Въ С.-Пб. при Имп. Акад. Наукъ 1784 г., 8^о, 15 стр.

Козицкій, Г. В. Письма его: къ А. П. Сумарокову (Библ. Зап. 1858 г., № 15; Лѣт. русск. литер. и древн., т. III, и IV). Къ М. М. Щербатову, Козмину и Н. И. Новикову (тамъ же, т. IV).

Козловскій, кн. Ѳ. А. О немъ: 1-е академ. изд. соч. Державина, т. VI, стр. 438.

Козловскій, кн. П. Б. О немъ: Записки Вигеля (Русск. Арх. 1863 г., стр. 806, 2-е изд.).

Козодавлевъ, О. П. О немъ: 1-е акад. изд. соч. Державина, т. VI, стр. 540. Записки А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 г. Русск. Арх. 1870 г., стр. 1774—75.

Письма его: къ гр. Д. И. Хвостову (Библ. Зап. 1859 г., № 8); къ Г. Р. Державину (1-е акад. изд. соч. Державина, т. V, стр. 488, 525, 538, 540, 594, 632, 640, 686, 717, 748, 803, 812 — 813); къ А. С. Шишкову, отъ 18-го октября 1818 г. (Зап. Шишкова. Берлинъ 1870 г., т. II, стр. 342).

Козминъ, Сергѣй Матвѣевичъ. О немъ: „Русскіе писатели XVIII стол.“, М. Лонгинова (Русск. Стар., т. IV, стр. 571). Письма его: къ И. Ѳ. Глѣбову, отъ 31-го іюля 1767 г. (Русск. Арх. 1867 г., стр. 361); къ И. И. Мелиссино, отъ 24-го мая 1767 г. (ibid., 1870 г., стр. 759); къ Ив. Иванов. Памфилову, 1770—1773 гг. (ibid., 1871 г., № 1, стр. 201).

Кокоскинъ, Ѳ. Ѳ. О немъ: Записки П. А. Каратыгина (Русск. Стар., т. VII, стр. 153).

Кольцовъ, А. В. Не указано письмо его къ Ѳ. Н. и А. П. Глинкѣ (Сборникъ въ память Смирдина. С.-Пб. 1858 г., т. I, стр. 345) и записка къ А. Н. Черткову (Библ. Зап. 1858 г., № 18).

Колюбякинъ, Н. П. О немъ: Еще воспоминаніе о Н. П. Колюбякинѣ, Ѳ. И. Тимирязева (Русск. Арх. 1875 г., № 1, стр. 121). Письма его къ П. Ѳ. Хлопову (ibid., 1874 г., № 11, стр. 949).

Комаровскій, Іоаннъ. О немъ см. Лѣт. русск. литер. и древн., т. II, въ ст. Попова: „Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы“.

Кондратовичъ, К. А. О немъ: Исторія Акад. Наукъ, Пекарскаго, т. II, стр. 372—373.

Письма его: къ К. Г. Разумовскому (Оснадцатый вѣкъ, Барте-

нева, кн. II, стр. 571); къ М. Л. Воронцову (Архивъ кн. Воронцова, т. IV, стр. 195).

Кондыревъ, П. С. Письмо къ И. А. Крылову (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. VI, стр. 303).

Копьевъ, А. Д. О немъ: Записки А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870 г. Записки Н. И. Греча (Русск. Арх. 1873 г., № 5, стр. 682 и далѣе). Выдержки изъ старой записной книжки (Русск. Арх. 1873 г., № 10, стр. 1978).

Коркуновъ М. А. Письмо къ Востокову (Сборн. Ак. Наукъ по II-му отд., т. V, вып. 2, стр. 393, № 313).

Корсаковъ, П. А. О немъ: Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 220 и далѣе. Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи (Русск. Арх. 1870 г., стр. 1255).

Изъ произведеній его не указано слѣдующее: „Стихи на кончину его сіятельства гр. Алексѣя Ивановича Васильева“ 2 нен., стр. 4°. Печат. въ типограф. Фр. Дрекслера, 1807 г.

Письма его: къ М. Н. Загоскину, отъ 24-го октября 1824 года (Раутъ, Сушкова, кн. III, М. 1854 г., стр. 307); къ Г. Р. Державину (1-е Ак. изд., соч. Державина, т. VI, стр. 377).

Косичкинъ, псевдонимъ А. С. Пушкина (см. Воспоминанія В. П. Бурнашева въ Русск. Арх. 1872 г., № 9, стр. 1808).

Котляревскій, И. П. О немъ: Котляревскій и его Энеида, издаваемая въ Харьковѣ, В. Пассека (Москвит. 1841 г., ч. II, № 4. Смѣсь).

Кошанскій, Н. Θ. О немъ: Современ. 1863 г. июль, т. XCVII, въ ст. Гаевского: „Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“.

Красовскій, Александръ Ивановичъ (1776—1857 гг.). У Геннади пропущенъ. О немъ: „А. И. Красовскій“, ст. Мансурова (Русск. Стар., т. VI, стр. 584). Біографическій очеркъ, А. И. Рыжова (ibid., т. IX, стр. 107). Отчеты Импер. Ак. Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности за 1852—1865 гг., стр. 233.

Въ описаніи торжест. открытія Имп. публичной бібліотеки. С.-Пб. 1814 г., помѣщены два его сочиненія: 1) Краткое разсужденіе о пользѣ человѣческихъ познаній и о потребности общественныхъ книгохранилищъ для каждаго благоустроеннаго государства; 2) Истор. извѣстіе объ Императорской публичной бібліотекѣ.

Въ Сынѣ Отечества, ч. 35 (1817 г., № 3): Выписка изъ отчета о состояніи Императорской публичной бібліотеки за 1816 годъ, читанная въ годовомъ собраніи бібліотеки.

Въ „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1848 г., № 11 и 12: Опытъ исторіи Имп. Россійск. Академіи. Вышелъ также и отдѣльно, С.-Пб. 1849 года.

Въ IX т. Русск. Стар. напечатанъ „Дневникъ“ Красовскаго. Въ Запискахъ А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 г., т. II, стр. 444, напечатано письмо къ нему отъ Красовскаго.

Красовскій, И. И. О немъ: Исторія Россійск. Ак., Сухомлинова (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. XI, стр. 258).

Кропотовъ, И. И. О немъ: Сатир. каталогъ при дворѣ Екатерины II (Русск. Арх. 1871, № 12, стр. 2050).

Крутицкій, А. М. О немъ: „Нѣчто о Крутицкомъ, придворномъ Россійск. актерѣ“, С. З—на (Сѣверн. Вѣстн. 1804 г., ч. I). О Россійск. театрѣ отъ начала онаго до конца царствованія Екатерины II, П. И. Сумарокова (От. Зап. 1823 г., ч. XIII, № 35). Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 137).

Крюденеръ, Юлія, баронесса (1764—1825 гг.). Въ Словарѣ Геннади пропущена. О ней: Словарь русск. писательницъ, кн. Н. Голицына въ Русск. Арх. 1865 г. Русск. Вѣст. 1866 г., № 9, т. LXV, стр. 317. Русск. Арх. 1867 г., стр. 1038. Вѣстн. Евр. 1869 г., № 8 и 9, ст. Пыпина. С.-Пбургскія Вѣд. 1869 г., № 223, ст. Z. По поводу статей о г. Крюденеръ, кн. Н. Н. Голицына (Русск. Арх. 1870 г., стр. 901).

Крюковской, М. В. О немъ: Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 180.

Кукольникъ, Н. В. О немъ: Записки И. П. Сахарова (Русск. Арх. 1873 г., № 6). Записки В. А. Инсарскаго (ibid., № 3, стр. 590). Воспоминанія А. Струговщикова (Русск. Стар., т. IX, стр. 702). „Моя труд. жизнь“, Сѣрякова (ibid., т. XIV, стр. 345). Литер. воспом. И. Панаева. С.-Пб. 1876 г.

Кукольникъ, Платонъ Васильевичъ. Полагаясь на некрологъ Сѣвер. Пчелы, Геннади помѣстилъ въ число писателей Платона Кукольника, тогда какъ эта ошибка была указана еще Несторомъ Кукольникомъ при біографіи брата его Платона, помѣщенной въ „Лицеѣ кн. Безбородко“. С.-Пб. 1859 г., стр. 111.

Кульманъ, Елизавета. О ней: Письмо К. Гросгейнриха къ Востокову (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отдѣленію, т. V, вып. 2, стр. 334).

Кургановъ, Н. Г. У Геннади не указано изданіе его „Письмовника“. 1788 г. М. Это изданіе замѣчательно тѣмъ, что вызвало слѣдующее заявленіе автора „Письмовника“, напечатанное въ С.-Пб. Вѣд. 1788 г., № 61, стр. 900: „Кургановъ Николай, Морскаго Шлях. кад. корпуса профессоръ и кавалеръ объявляетъ, что книга „Пись-

мовникъ“, имѣ сочиненная и изданная въ 1769 и 1777 гг., сего 1788 г. вновь перепечатана безъ его, Курганова, согласія самовластно въ типографіи содѣржателя Фридриха Гиппиуса“.

Кутузовъ, А. М. Не указаны письма его къ разнымъ лицамъ, напечатанныя въ Русск. Стар., т. IX, стр. 263 и далѣе, стр. 465 и далѣе.

Кюхельбекеръ, В. К. Пропущены письма его къ В. А. Жуковскому (Русск. Арх. 1871 г., № 2, стр. 0170; 1872, № 5, стр. 1004); къ матери (Русск. Стар., т. XIII, стр. 340).

Лабзинъ, А. Ѳ. О немъ: 1-е Ак. изд. соч. Державина, т. II, стр. 205, 718—721. Въ числѣ его произведеній пропущены: Судья, драма въ 5 д., соч. Мерсье. М. 1788 г. (См. Русск. Арх. 1866 г., стр. 820). Мысли о небѣ, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1810 г. (См. *ibid.*, стр. 829).

Онъ же издалъ сочиненія Державина, С.-Пб. 1808 г., 4 части (см. 1-е Ак. изд. соч. Державина, т. I, стр. XXII). Письмо его къ Державину см. тамъ же, т. VI, стр. стр. 188.

Лажечниковъ, И. И. О немъ: въ „Обозъ къ потомству“ (Раутъ, Сушкова, кн. III, стр. 351). Литер. воспом. И. Панаева. С.-Пб. 1876 г. Письмо его къ И. А. Крылову (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд. т. VI, стр. 311).

Лебедевъ, Василій. Не указана переведенная имъ вмѣстѣ съ И. Голубцовымъ книга: „Описаніе Сибирскаго царства и т. д., соч. Г. Ф. Мюллера, кн. I. С.-Пб. 1750 г. 2-е изд. С.-Пб. 1787 г. (См. Исторію Ак. Наукъ Пекарскаго, т. I, стр. 405).

Левшинъ, Александръ. О немъ: Исторія Россійск. Ак., Сухомянинова (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. XI, стр. 293).

Левшинъ, Николай Гавриловичъ (1788—1845 гг.). У Геннади пропущенъ. Въ Русск. Стар., т. VIII, стр. 823, напечатанъ его „Домашній Памятникъ“, съ примѣчаніями и свѣдѣніями объ авторѣ.

Ленскій, Д. Т. О немъ: Изъ воспоминаній стараго режиссера московскаго театра, С. П. Соловьева (Русск. Арх. 1873 г., № 10, стр. 2053). Воспоминанія П. А. Каратыгина (Русск. Стар., т. VIII, стр. 331).

Лепехинъ, И. И. Письмо къ Державину (1-е Ак. изд. соч. Державина, т. V, стр. 381):

Лермонтовъ, М. Ю. О немъ: „Обозъ къ потомству“ (Раутъ, кн. III, стр. 346). Время рожденія и крещенія поэта Лермонтова; Н. П. Розанова (Русск. Стар., т. VIII, стр. 113). Нѣсколько словъ о кончинѣ

Л—ва и о дуэли его съ Мартыновымъ, кн. А. Васильчикова (Русск. Арх. 1872 г., № 1, стр. 205). Изъ воспоминаній В. П. Бурнашева (ibid., № 9, стр. 1770).

Лисицинь, Алексѣй, студентъ философіи Тверской семинаріи. Пропущено слѣдующее произведение: „Священныя христіанскія размышленія, или бесѣды со Христомъ“, ... соч. Іоанна Герарда. Пер. съ лат. М. 1783 г. 8°. (Соп., № 9521; Смир., № 736 — анонимно). См. Іерархи Ростовско-Ярославской паствы, Ярославль. 1864 г. стр. 270.

Лихонинъ, Петръ Степановичъ. Пропущенъ въ Словарѣ. Онъ переводилъ статьи для Москов. Вѣд. и книги, издаваемыя Новиковымъ (см. Русск. Арх. 1872 г., № 10, стр. 1866).

Лобойко, И. Н. Выписки изъ писемъ къ гр. Н. П. Румянцову (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. V, вып. 2, стр. 146, 197).

Ломоносовъ, М. В. О немъ: „Старая записная книжка“ (Девятнадцатый Вѣкъ—Бартенева, кн. II, стр. 240). Автобіографія Шледера (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. XIII).

Лопухинъ, И. В. О немъ: „Выдержки изъ старой записной книжки (Русск. Арх. 1873 г., № 11, стр. 2149). Въ книгѣ Лонгинова: „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“. Письма его: къ А. М. Кутузову (Русск. Стар., т. IX, стр. 259); къ М. М. Сперанскому (Русск. Арх. 1870 г., стр. 609); къ Д. П. Руничу (ibid., стр. 1215).

Львовскій, Андрей. Книга подъ заглавіемъ: „Золотыя часы государей“ отнесена въ Словарѣ Геннади къ Андрею Львову, протоіерею. Но она принадлежитъ не ему, а Андрею Львовскому, что видно изъ книги послѣдняго: „Разность не безъ пріятности“, въ заглавіи которой сказано, что перевелъ ее коллежскій протоколистъ Андрей Львовскій, „печатавшійся въ Золотыхъ государскихъ Часахъ Львовъ“.

Львовъ, Н. А. О немъ: Исторія Словесности Галахова, т. I, § 226. Письмо его къ П. Л. Вельяминову (Москов. Жур., ч. IV, 1791 г., стр. 91).

Любитель Россійскаго Слова. Рѣчь Томаса. Говоренная въ Ак. Французской при вступленіи его въ оную. Пер. съ фр. М. 1782 г. 8°. Съ посвященіемъ Хераскову. Въ Словарѣ нѣтъ.

Магницкій, М. Л. О немъ: Автобіографическія показанія (Девятнадцатый Вѣкъ—Бартенева, кн. I, стр. 235). Запѣтки В. Кеневича и Н. Мурзакевича (Русск. Стар., т. XI, стр. 273).

У Геннади пропущенъ: „Альманахъ историческій, или красоты Россійской исторіи“, изданный Кнцгм. М. 1832 г. 8°. Съ рисунками (см. Русск. Стар., т. XIV, стр. 486).

Маадорфъ, А. К. О немъ см. Русск. Арх. 1871 г., № 7 и 8, стр. 965.

Майковъ, А. А. О немъ: Записки П. А. Каратыгина (Русск. Стар., т. VII, стр. 155; т. XII, стр. 724, 733).

Въ списокъ его произведеній пропущена: Ода Е. И. В. великой княжны Ольги Павловны, которую всенижайше подноситъ А. Майковъ. Въ С.-Пб. 1792 г., 4^о. 5 стр. (У Соп. нѣтъ).

Майковъ, Михаилъ А. Стихи Михайлы Майкова, 4^о. 15. стр. Безъ года и мѣста изданія. Посвящены „братцу“ Григорію Алексѣвичу Васильчикову.

Майковъ, И. А. У Геннади пропущены слѣдующія его произведенія:

Простирая выходъ изъ Царскаго Села въ Павловское Е. И. В. пресвѣтлѣйшей государыни велик. кн. Маріи Ѳеодоровны 24-го іюля 1792 г. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вѣрноподданнѣйшій приносить Ив. Розовъ, 4^о, стр. 4 (стихи).

Простирая верховой выходъ Е. И. В. пресвѣтлѣйшая государыня велик. кн. Марія Ѳеодоровна 1-го сентября 1792 года, 4^о. 6 стр. (Сперва помѣщено описаніе выхода прозою; съ третьей же стр. до конца—стихи). Подписано: Ив. Розовъ.

Эпистола Е. И. В. всеимп. государынѣ самодержицѣ всеросс. великой Екатеринѣ на день вѣнчанія на царство, 22-го сентября 1792 г. Со всеподобающимъ благоговѣннѣйше вѣрноподданнѣйшій приноситъ Ив. Розовъ. 4^о, стр. 7.

Вечерній открытый балъ въ день рожденія пресвѣтлѣйшей государыни велик. кн. Маріи Ѳеодоровны. Прошедшаго 14-го октября 1792 г. съ подобающимъ высокопочитаніемъ вѣрноподданнѣйшій приноситъ Ив. Розовъ. 4^о, стр. 6 (стихи).

Стихи на всерадостный день рожденія Е. И. В. благов. государыни велик. кн. Маріи Павловны, 4-го февраля 1793 г. Съ подобающимъ высокопочитаніемъ вѣрноподданнѣйшій приноситъ Ив. Розовъ, in 4^о, стр. 5.

Храмъ дружбы Е. И. В. великой Екатеринѣ, 15-го февраля 1793 г. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вѣрноподданнѣйшій приноситъ Ив. Розовъ, in 4^о, стр. 7 (стихи).

Майковъ, Валеріанъ Николаевичъ (1823 — 1847 гг.). У Геннади пропущенъ.

По общему признанію, былъ человѣкъ весьма талантливый. Любимые предметы занятій его составляли политическія науки и фило-

софія. Сотрудничалъ въ Финскомъ Вѣстникѣ, Отеч. Запискахъ и Современникѣ, гдѣ помѣстилъ много критическихъ статей. Краткія свѣдѣнія о немъ въ Финск. Вѣстн. 1847 г., т. 20, Смѣсь, стр. 57 и въ Отеч. Зап. того же года, т. LIII, Смѣсь, стр. 154, въ Соврем. 1847 г., № 8, Смѣсь и въ Р. Инвалидѣ 1847 г., въ одномъ изъ июльскихъ номеровъ.

Макаровъ, М. Н. О немъ: Некрологъ (Финск. Вѣстн. 1847 г., т. XXIII, Смѣсь). Обзоръ къ потомству, Сушкова (Раутъ, кн. III, стр. 323). Москов, универ. благор. пансіонъ, Сушкова. М. 1858 г., стр. 80. Записки Вигеля (Русск. Арх. 1863 (2 изд.), стр. 808). Русск. Арх. 1871 г., № 2, стр. 0148, въ письмѣ Мерзлякова къ Жуковскому.

Макаровъ издалъ: Драматическій Журналъ. М. 1811 г. (Соп. № 3769) и „Путевыя записки“ гр. Д. И. Хвостова. М. 1824 года (1-е Ав. изд. соч. Державина, т. III, стр. 738).

Максимовичъ, Л. М. Не упомянуты письма его къ В. Бряжеву (Библ. Зап. 1859 г., № 19, стр. 599).

Максимовичъ, М. А. О немъ: Обзоръ дѣятельности 2-го Отдѣленія Ав. Наукъ за 1873 г., А. В. Никитенко (Оборн. Ав. Наукъ по II-му Отд., т. XI, № 3, стр. 13).

Малиновскій, А. Ѳ. О немъ: Записки Вигеля (Русск. Арх. 1863 г. (2-е изд.), стр. 799).

Письма его къ Востокову и Н. П. Румянцову см. въ Сборн. Ав. Наукъ по II-му Отд., т. V, вып. 2, стр. 210, 224.

Изъ трудовъ его пропущены слѣдующіе:

Описание Мастерской Оружейной Палаты, ч. I, М. 1803 г., f. Кончено въ 1836 г. (Москвит. 1841 г., ч. I, № 1, стр. 302).

Отрада въ скукѣ, или книга веселія и размышленія. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1788 г. 12^о. (Осьмнадцатый Вѣкъ—Бартенева, кн. I, стр. 452).

Малиновскій, В. Ѳ. О немъ: 1-е Ав. изд. соч. Державина, т. VI, стр. 238. Здѣсь же и письмо его къ Державину.

Маловъ, М. Я. О немъ: Русск. Арх. 1875 г., № 11, стр. 385.

Маринъ, С. Н. О немъ: *ibid.* 1873 г., № 6, стр. 1021.

Маркевичъ, Н. А. О немъ: Русск. Арх. 1864 г., стр. 1076. Русск. Стар., т. IX, стр. 700; т. X, стр. 206.

Изъ трудовъ его не указано: „О народонаселеніи Полтавской губерніи“. Кіевъ. 1855 г.

Маркеллъ Родышевскій. О немъ: Кіевъ, В. Аскоченскаго, К. 1856 г., т. I, стр. 312. Чтенія въ Общ. исторіи и древн. при Моск.

Унив. 1858 г., кн. I, отд. V, стр. 18. Лѣт. русск. литер. и древн., т. II, въ ст. Попова: „Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы“.

Марковичъ, Я. А. О немъ: „Ө. Прокоповичъ и его время“, Чистовича (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд., т. IV, стр. 252).

Мартыновъ, И. И. О немъ въ ст. Пекарскаго: „О жизни и трудахъ К. И. Арсеньева (Сборн. Ак. Наукъ по II-му Отд. т. IX, стр. 6, 7, 61).

Масловъ, С. А. Не упомянуто письмо къ П. X. Граббе (Русск. Арх. 1869 г., стр. 062).

Масловскій, Захаръ. Надпись къ императорскимъ гробамъ блаженной государя императора Петра III и блаженной памяти государыни императрицы Екатерины II, 4^о. 4 нenum. стр. Безъ года и мѣста печати. (Каталогъ антикварной библіотеки Федорова. Кіевъ, 1874 г., № 4120).

Матвѣевскій, Николай Павловичъ. У Геннади пропущенъ. Труды его слѣдующіе:

О выставкѣ сельскихъ произведеній. С.-Пб. 1850 г.

Опытный маляръ или наставленіе полное въ малярномъ дѣлѣ. С.-Пб. 1853 г., 2-е изд. С.-Пб. 1859 г.

Портной. Описаніе быта портныхъ. С.-Пб. 1857 г.

Сборникъ статей о С.-Пб—скомъ Кредитномъ Обществѣ. Изд. Матвѣевскимъ и В. Григоровичемъ. С.-Пб. 1871 г.

О Матвѣевскомъ см. Русск. Міръ. 1878 г., № 282.

Маттеи; Хр. Фр. О немъ: Воспоминанія И. М. Снигирева (Русск. Арх. 1866 г., стр. 750).

Матинскій, Михаилъ. Перерожденіе, опера въ 1 д. М. 1779 г. 8^о. (Исторія русск. словесн. Галахова, т. I, стр. 466).

Межевичъ, В. С. О немъ: Литер. воспоминанія И. И. Панаева. С.-Пб. 1876 г.

Мей, Л. А. О немъ: „Взглядъ на русск. литературу въ 1858 г.“, Б. Алмазова (Утро, литер. сбор. М. 1859).

Мельгуновъ, Алексѣй Петровичъ († 1788 г.). У Геннади пропущенъ.

О немъ см. 1-е Ав. изд. соч. Державина, т. I, стр. 41. А. П. Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ „Екатерининскихъ временъ“, Трефолева (Русск. Арх. 1865 г., стр. 873). „Замѣтки и дополненія вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ“, Фортунатова (ibid., стр. 919).

Мерзляковъ, А. Ѡ. О немъ: „Обозъ къ потомству“, Сушкова (Раутъ, кн. III, стр. 261 и далѣе). Моск. универ. благор. пансіонъ, Сушкова. М. 1858 г., стр. 88. Литературныя и театральныя воспоминанія, (Разныя сочиненія С. Аксакова. М. 1858 г.). Студен. воспом. Ф. Л. Ляликова (Русск. Арх. 1875 г., № 11, стр. 384).

Письмо его: къ Ѡ. М. Вельяминову-Зернову (Русск. Арх. 1865 г., стр. 1071); къ А. И. Тургеневу (*ibid.*, 1866 г., стр. 647); къ В. А. Жуковскому (*ibid.*, 1871 г., № 2, стр. 0133).

Изъ произведеній его пропущено: „Разсѣянные“, ком. въ 1 д., соч. Коцебу. Пер. съ нѣм. С.-Пб. 1810 г. 12°. 2-е изд. М. 1819 г. 8°. (Лѣт. русск. театра, Арапова, стр. 205).

Мещерскій 2-й, князь. Стихи его сіят., М. Г., гр. Ив. Павл. Бутайсову, при приношеніи сочинителемъ его сіят. нѣсколько экземпляровъ Оды, за которую чрезъ его сіят. объявлены высокѣмонаршее благоволеніе и милость сочинителю кн. Мещерскому 2-му. 4°, стр. 2. Безъ мѣста и года печатанія,

Мееодій Смирновъ. О немъ: Записки А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870 года.

Микулинъ, Николай. Ода Е. И. В. Александру I, Императору и самодержцу Всероссійскому на прибытіе его въ столичный градъ Москву, 1801 г., всеподданнѣйше приноситъ Н. Микулинъ. М., въ унив. тип. у Хр. Клаудія. 4°, стр. 6.

Мидютинъ В. А. (1826—1855). О немъ: „Очеркъ умственнаго развитія нашего общества“. А. Скабичевскаго (Отеч. Зап. 1871 г., № 11, стр. 229).

Милютинъ Н. А. О немъ: „19-го февраля 1872 г.“, Ѡ. И. Тимирязева (Русск. Арх. 1872 г., № 3 и 4, стр. 0866).

Молчановъ П. С. О немъ см. Москов. универ. благор. пансіонъ, Сушкова, М. 1858 г., стр. 25.

Мордвиновъ Н. С., графъ. О немъ: Записки А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870 г.

Морозовъ И. Г. О немъ: 1-е ак. изд. соч. Державина, т. VI, стр. 330—335, 347.

Изъ трудовъ его не указаны: Философское разсужденіе о перерожденіи животныхъ. Перев. съ нѣм., С.-Пб., 1778 г., 8°. (Систем. каталогъ библиотеки Имп. Медико-Хирург. Ак., С.-Пб., 1871 г., т. I, стр. 240). 2-е изд. М., 1787 г. 8°. (Смирл. № 1231).

Сокращеніе всѣхъ наукъ и другихъ частей учености, въ коемъ содержаніе, польза и совершенство каждыя части сокращенно описы-

ваются. Перев. съ нѣм.; на рос. и нѣм. яз. М., 1781. 8°. (Смирд. № 1598).

Муравьевъ-Апостолъ И. М. Письмо къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 16-го февраля 1801 г., на фр. яз. (Арх. кв. Воронцова, XI, стр. 161).

Мясниковъ Матвѣй Михайловичъ, собиратель истор. и статистическихъ свѣдѣній о Верховажьѣ.

У Геннади не упомянуть. О немъ см. ст. Фортунатова: „А. П. Мельгуновъ, генераль-губернаторъ Екатерининскихъ временъ“ (Русск. Арх. 1865 г., стр. 928).

Укажемъ еще нѣсколько погрѣшностей, касающихся книгъ. Въ Словарѣ принято располагать книги по начальной буквѣ перваго существительнаго, находящагося въ заглавіи. Между тѣмъ, подъ буквою И мы не нашли слѣдующихъ произведеній:

Игра любви и случая, ком. въ 3 д. Перев. съ фр. М. 1769. 12°.

Любопытное изданіе г. Фейстри членомъ (sic) любомудрственнаго общества въ Филадельфіи. Перев. съ фр. ч. I. С.-Пб., 1790. 8°.

Изслѣдованіе христіанства. Перев. съ англійскаго. Въ Яссахъ, 1790 г. 4°.

Подъ буквою Л нѣтъ книгъ:

Похищенный локонъ волосовъ, поэма героическая г. Попе. Перев. съ фр. (прозов.). 1748 г. Печат. 1761. 8°.

Несчастныя любовники или истинныя приключенія гр. Коминжа, наполненныя событій весьма жалостныхъ, и нѣжныя сердца чрезвычайно трогających. Перев. съ фр. С.-Пб. 1771 г. 12°.

При буквахъ, подъ которыми скрыты неназваніе себя авторы, берется во вниманіе послѣдняя буква (Словарь, т. I, стр. IV). Такимъ образомъ, слѣдующая книга должна была бы находиться подъ Д. М.: „Изображеніе ветхаго, вѣшняго, плотскаго, и новаго, внутреннаго, духовнаго человека, 2 час. С.-Пб. 1798 г. 8°. Въ прославленіе тріединаго Бога, и въ внутреннее назиданіе ближнихъ посвящаетъ священнослужитель греко-рос. церкви М... Д...“ Между тѣмъ означенной книги нѣтъ въ Словарѣ ни подъ Д. ни подъ М, ни подъ И.

То же надо сказать и о книгѣ: „Исторія о Кастріоттѣ Албанскомъ. Перев. съ фр. яз. Д. А.“ Печат. въ Москов. сенатской тип. 1788 г. 8°.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльно изданное произведеніе носить на себѣ только начальныя буквы фамиліи автора, который былъ извѣстенъ Геннади, въ Словарѣ такое произведеніе указывается два раза: подъ начальными буквами и подъ фамиліей автора или пере-

водчика. Но этотъ порядокъ не всегда строго выдержанъ. Такъ, на примѣръ: Можайскому Тимоѣю принадлежатъ двѣ книги: „Сельскія ночи“ и „Жизнь и ужасныя дѣянія Римскаго императора Нерона“. На обѣихъ книгахъ выставлены только буквы: Т. М. Слѣдовательно, обѣ книги должны быть въ Словарѣ подъ М. Т. съ ссылкой на Можайскаго. Между тѣмъ, „Сельскія ночи“ помѣщены подъ М. Т. на стр. 348 съ указаніемъ на Можайскаго, а „Жизнь Нерона“ находится только на стр. 335 подъ именемъ Можайскаго.

Анонимные русскіе переводы сочиненій иностранныхъ авторовъ должны находиться, по плану, принятому Геннади, подъ именами этихъ авторовъ. Но это правило не всегда соблюдается. Такъ, на примѣръ, подъ Карачіоли нѣтъ:

Загадочный міръ, сочиненный маркизомъ Карачіоли, полковникомъ въ службѣ короля прусскаго. Перев. съ фр. М. 1788. 8°.

Подъ Лавкомбомъ нѣтъ:

Краткая лѣтопись о сѣверной исторіи или о государствахъ: Датскомъ, Россійскомъ, Шведскомъ, Польскомъ, Прусскомъ, Бурляндскомъ и пр. ч. I. Перев. съ фр. С.-Пб. 1794. 8°.

Подъ Лессингомъ нѣтъ:

Емилія Галотти, траг. въ 5 д. Перев. съ нѣм. госп. А... С.-Пб. 1784 г. 8°.

Подъ Метастазіо нѣтъ:

Пляска, стих. Перев. съ италіанск. С.-Пб. 1778 г. (Соп. № 8313).

Указывая на недостатки Словаря Геннади, мы считаемъ излишнимъ повторять то, что было уже сказано нами о достоинствахъ этого капитальнаго труда. Надо только сожалѣть, что преждевременная смерть составителя не дала ему возможности довести свой трудъ до конца. Еще болѣе будетъ жаль, если трудъ этотъ не найдетъ себѣ продолжателя, и собранные покойнымъ матеріалы пропадутъ безслѣдно.

В. Сантовъ.

Mittheilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst von *M. Waltrowitz*, Architect, Professor an der Belgrader Hochschule und Mitglied der serbischen Gelehrten-Gesellschaft zu Belgrad.) Новыя изслѣдованія въ области сербскаго церковно-строительнаго искусства — *М. Валтровича*). Wien. 1878.

Авторъ монографіи, заглавіе которой здѣсь выписано, предложилъ въ ней очеркъ памятниковъ церковно-строительнаго искусства у Сер-

бовъ въ средніе вѣка. Начавъ съ періода Степана Немани, то-есть, съ основанія Сербскаго государства Степаномъ (Симеономъ въ монашествѣ) Неманею (1159—1195 гг.), авторъ дѣлаетъ перечень извѣстныхъ ему старыхъ церквей—скорѣе на территоріи нынѣшняго Сербскаго княжества, чѣмъ въ Старой Сербіи. Въ этотъ перечень вошло значительное число памятниковъ сербскаго, вѣрнѣе -- сербско-византійскаго искусства съ XII по XIV вѣкъ, подробное описаніе коихъ со снимками готовится къ изданію нашимъ авторомъ и пріятелемъ его Драгутиномъ С. Милутиновичемъ, архитекторомъ и инженеромъ (авторъ заявляетъ объ этомъ на стр. 7). Но нельзя не выразить сожалѣнія, что, представляя этотъ матеріалъ, авторъ не сдѣлалъ хотя краткой характеристики архитектурнаго стиля у Сербовъ въ этотъ періодъ по тѣмъ даннымъ, какими онъ располагаетъ (въ чемъ мы сами имѣли удовольствіе убѣдиться, просматривая богатый матеріалъ г. Вальтровича въ бытность нашу въ Бѣлградѣ); ограничиться однимъ лишь замѣчаніемъ, что въ упомянутой архитектурѣ „сказалось сильное вліяніе византійское“, — не достаточно. Последнее замѣчаніе мы сдѣлали въ виду того, что, при чтеніи небольшой замѣтки г. Вальтровича о памятникахъ эпохи, предшествовавшей XII вѣку (стр. 20), невольно рождается вопросъ: Неужели въ то время, когда Греки были полными господами всей западной части Балканскаго полуострова, не сказывалось византійское вліяніе въ строеніи православныхъ храмовъ въ этой мѣстности? Не по византійскому ли стилю былъ построенъ тотъ храмъ апостоловъ Петра и Павла (впрочемъ, не помѣщенный въ перечнѣ нашего автора), въ которомъ св. Симеонъ Неманя принялъ вторичное крещеніе, по православному обряду¹⁾. Родившись въ 1113—1114 г., во время изгнанія его отца изъ своего удѣла, на чужбинѣ, въ странѣ, гдѣ не было православнаго священника, Неманя былъ сначала крещенъ по латинскому обряду, а черезъ годъ (но не черезъ 30 лѣтъ, какъ говорятъ сербскія лѣтописи²⁾), когда его отецъ возвратилъ свой прежній удѣлъ въ области Новипазара, крещенъ былъ по греко-восточному обряду рукою православнаго епископа. Мы полагаемъ, что этотъ храмъ былъ построенъ византійскими мастерами, равно какъ и дру-

¹⁾ Šafarik, Památky: Житіе Немани, составленное Степаномъ Первовѣщаннымъ, стр. 2.

²⁾ Возникновеніе этой ошибки мы объяснили въ рецензій на изслѣдованіе уважаемаго проф. С. Новаковича «Земляште радѣ Неманье», напечатанной въ мартовской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. за 1879 годъ.

гіе VIII — XI вв., перечисленные авторомъ на стр. 20. Послѣ этого ясна допущенная г. Вальтровичемъ неточность въ разграниченіи эпохъ: „до XII вѣка и съ XII вѣка“. Прибавимъ къ этому, что и въ XIII в. византійское вліяніе продолжало быть замѣтнымъ, и никакъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ XI и XII вв. Іеромонахъ Θεодосій, составившій въ XIV в. особую редакцію „житія“ св. Саввы, Сербскаго архіепископа, по „житію“, написанному біографомъ сего послѣдняго іеромонахомъ Доментіаномъ въ XIII в., между прочимъ, говоритъ: „многихъ дѣлатель Здьць и мраморникъ искоусьныхъ привель изъ гръчскихъ Земле ¹⁾, и самъ съ ними прѣбывае, паоучаше по воли юго оукрастити“ ²⁾. Но слова эти нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто византійскіе мастера производили постройки по планамъ, измышленнымъ самимъ св. Саввою, какъ то склоненъ думать нашъ авторъ. Эти „указанія“—думается намъ—состояли въ томъ, что св. Савва требовалъ отъ приглашенныхъ византійскихъ мастеровъ, чтобъ они отстраивали храмы по моделямъ, видѣннымъ имъ въ греческихъ и другихъ восточныхъ городахъ. Обыкновенно, св. Савва Сербскій, побывавъ въ какомъ-нибудь греческомъ городѣ, выводилъ оттуда съ собою греческихъ архитекторовъ и иконописцевъ. Такъ это было въ 1207 г., когда онъ переносилъ мощи своего отца изъ Аѳонскаго Хилендарскаго монастыря въ Студеницкій монастырь (въ собственной Сербіи) ³⁾; такъ было и при поставленіи его въ Сербскіе архіепископы въ г. Никеѣ: возвращаясь въ этотъ разъ въ Сербію, онъ, по пути, въ Константинополѣ взялъ съ собою въ Сербію „мраморьники и пишоуштихъ“ ⁴⁾. Что св. Савва, во время своихъ путешествій по востоку, собиралъ образцы,—свидѣтельствуетъ отчасти составитель его житія іеромонахъ Доментіанъ. Разказывая о его послѣднемъ путешествіи, онъ отмѣтилъ, что въ Тырновѣ, столицѣ Болгарскаго царства, куда Савва прибылъ на возвратномъ пути въ свое отечество, онъ почувствовалъ приближеніе смерти „приЗвавъ оучѣкъ своихъ и вса стѣа же и чѣна іаже въ палестинѣ и въ всей сырїи въ египтѣ же и въ вавулонѣ въ асїи, и въ константинѣ градѣ, и сѣупованїе събралъ бѣ. чѣныѣ свѣщеньствїа ѡдѣжде. и свѣщники Златокванни, каменїемъ и бисером оукрашенни. и прочее съсоуды црков-

¹⁾ Чтѣ было 1207 г.

²⁾ По изд. г. *Даничича*, стр. 98; въ сводномъ изданіи *Павловича*, стр. 83

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Данич.*, стр. 141; изд. *Павл.*, стр. 107.

ныѣ. мощи же стѣмъ мноуга. сии вса расписавъ и въ архієпискоупію, друугаа же и въ стоуденицѣ донести повелѣвъ, мир же и блвєні владиславоу кралоу, и своего престола намѣстникѣ, блаженномѣ арсе- нію архієпискѣпѣ. и всеи Земли людіи своих писанієм даровавъ. и тако своих оучѣч въ срѣпскѣю Землю ѡпоустивъ, сам с малыми ѡставъ. дасть же и въ патрїархію блъгарскѣ сщєнные чтєныѣ ѡдежде, и книги Златокованныи. и свѣщники и каменіємъ и бисером оукрашенныи и прочее съсѣди црковныѣ. еже и до нынѣ въ чтѣ божїи цркои (sic) и въспоминанїе стго стоѣт съблюдаема" 1).

Не вдаваясь затѣмъ въ подробный разборъ всего матеріала, собраннаго въ разсматриваемой монографіи, считаемъ нужнымъ затѣтити. что автору не мѣшало бы собирать историческія свидѣтельства о построеніи извѣстной церкви. Быть можетъ, впрочемъ, авторъ озаботится этимъ въ приготовляемомъ имъ изданіи. Отмѣтимъ кстати одну невѣрность, которую авторъ повторилъ по традиціи, съ легкой руки знаменитаго П. І. Шафарика; мы разумѣемъ отнесеніе смерти св. Саввы къ 1237 г. Точное время этого событія (14-е января 1235 года) мы имѣли случай указать въ статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книгѣ Ж. Мин. Нар. Пр. за 1878 годъ.

1) Рукопись XV — XVI в. Москов. Синод. Библ. № 635, об. л. 218 и 219 въ изданіи проф. Даничича «Живот светого Симеуна и св. Саве», у Београду, 1865 г., стр. 329, 3той замѣтки нѣтъ. Въ сравненіи съ спискомъ, изданнымъ г. Даничичемъ, московскій списокъ имѣеть нѣкоторыя вставки, важныя для исторіи; притомъ въ немъ меньше всякаго рода амплификацій и цѣлыхъ тирадъ изъ псалмовъ.

Владиміръ Качановскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Наглядные уроки арифметики для воскресных и народных школ. Цѣлыя числа. Составилъ учитель двухклассной образцовой школы *Данилъ Песочинъ*. Полтава. 1880.

Брошюру свою авторъ начинаетъ слѣдующими словами: „Цѣль настоящихъ уроковъ—предложить народнымъ учителямъ приемы, предложенные нами на практикѣ при обученіи арифметикѣ крестьянъ въ Петровской воскресной школѣ. На сколько они (это они—„уроки“, „учителя“, „крестьяне“ или „приемы?“) отвѣчаютъ требованіямъ рациональной педагогіи (вѣроятно, авторъ разумѣлъ тутъ дидактику), судить объ этомъ предоставляемъ другимъ, такъ какъ въ этихъ урокахъ мы выставляемъ не какой-нибудь новый методъ, а лишь излагаемъ приемы“.

Къ сожалѣнію, въ разсматриваемой брошюрѣ мы не нашли ни новыхъ методовъ, ни новыхъ приемовъ.

Авторъ предполагаетъ, что ученики его умѣютъ уже считать, по крайней мѣрѣ до сотни, и намѣренъ въ классѣ выучить ихъ писать сперва цифры, а потомъ и числа вообще. Нѣкоторые изъ предлагаемыхъ имъ приемовъ нельзя не назвать странными.

Вотъ, наприимѣръ, какъ онъ учитъ писать цифру 2:

„Учитель. Вынимаю двѣ копѣйки и пишу два такъ: нуликъ, къ нему съ правой стороны приставляю палочку, сверху и снизу потоньше, на концѣ хвостикъ дѣлаю $\left(\frac{60}{-2}\right)$ “.

На страницѣ 7-й, авторъ предлагаетъ продолжать такимъ же
часть сскі, отд. 3.

образомъ „до девяти, написаніе каждой цифры по частямъ, съ сравненіемъ съ осязательными предметами, для большаго закрѣпленія въ памяти формъ“.

Представимъ еще нѣсколько выписокъ, по которымъ можно будетъ видѣть всю неудовлетворительность предлагаемыхъ объясненій.

На стр. 9-й, учитель даетъ ученику Ивану четыре раза по двѣ копѣйки и спрашиваетъ учениковъ, сьумѣютъ ли они записать этотъ счетъ.

Ученики отвѣчаютъ: сьумѣемъ, и пишутъ: „два, крестикъ, два крестикъ и опять два, двѣ черточки“. По общепринятому счету это составитъ только шесть; по счету же учениковъ это составитъ восемь.

На стр. 10-й, учитель говоритъ:

„Записать, что я на четверыхъ раздѣлилъ восемь копѣекъ, нужно такъ: „восемь, двѣ точки, четыре, двѣ точки и два“. Понятно, что учитель велѣлъ записать своимъ ученикамъ совсѣмъ не то, что требовалось.

Кромѣ указанныхъ недосмотровъ и неточностей, въ брошюрѣ оказалось множество опечатокъ и орфографическихъ ошибокъ.

Систематическій курсъ ариметики. Составилъ Л. С. Съ эпиграфомъ: «Non multa, sed multum». Одесса. 1880.

Въ учебникѣ свой г. С. включилъ многія статьи, которыя по программамъ нашихъ учебныхъ заведеній, обыкновенно относятся къ алгебрѣ, гдѣ онѣ могутъ быть изложены съ ббльшею точностію и строгостію. Такъ, напримѣръ, въ концѣ курса авторъ говоритъ объ извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней, а также о непрерывныхъ дробяхъ, на стр. же 123-й объясняетъ даже символическія значенія 7^0 и 7^{-2} . При изложеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ статей онъ употребляетъ знаки, въ математикѣ непринятыя, напримѣръ, ставитъ показателя 2 надъ радикалами второй степени или пишетъ $7^{-2} = 0$ (стр. 120, 123).

Языкъ во многихъ мѣстахъ неправиленъ, такъ, напримѣръ, на страницахъ 13, 82, 110, 130, 132 авторъ пишетъ:

„Повѣрка вычитанія производится, складывая вычитаемое съ разностью“.

„Чтобы обратить чистую періодическую дробь въ простую, то періодъ дроби будетъ числителемъ“...

„Умноживъ или раздѣливъ несоотвѣтствующіе члены (пропорціи), равенство существовать не можетъ“.

„Складывая соотвѣтствующіе члены двухъ отношеній... отношеніе не измѣняется“.

На стр. 132 авторъ пишетъ „лисабонскимъ“, вмѣсто „лисабонскимъ“; на стр. 34-й смѣшиваетъ правописаніе слова „мили“ (мѣры длины) со словомъ „милли“ (тысячныя доли).

Въ научномъ отношеніи находимъ весьма крупныя недосмотры и ошибки. Чтобы показать, до какой степени небрежно отнесся авторъ къ изложенію науки, которую онъ намѣренъ былъ представить въ строгой системѣ, сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ и указаній:

На стр. 79, говоря объ обращеніи простыхъ дробей въ десятичныя, авторъ ссылается не на то, что ученикамъ извѣстно, а на то, что имъ будетъ извѣстно, „какъ увидимъ въ послѣдствіи“—говоритъ онъ.

На стр. 15 читаемъ: „Чѣмъ больше производители, тѣмъ больше будетъ произведеніе“ и „чѣмъ меньше производители, тѣмъ меньше будетъ произведеніе“.

На стр. 27-й, авторъ предлагаетъ задачу: „Одна часовая стрѣлка пробѣгаетъ въ одинъ часъ пространство, раздѣленное на 60 минутъ, а другая пробѣгаетъ въ одинъ часъ пространство, раздѣленное на 5 минутъ. Во сколько разъ первая ходитъ скорѣе второй?“

На стр. 33-й, узнаемъ, что „изъ одного пуда мѣди чеканится монеты на 32 руб.“, что несогласно съ Высочайшимъ указомъ отъ 1867 года, даннымъ для устава монетнаго.

На стр. 35-й, въ изложеніи десятичныхъ мѣръ, сравнительно съ мѣрами русскими, находимъ даже, что „декалитръ равенъ 4,687 саж.“,—вѣдь это равносильно тому, что 0,8 ведра равны 4 сажениамъ. Такія несообразности въ учебникѣ не должны имѣть мѣста, хотя бы онѣ произошли отъ типографскаго недосмотра.

На стр. 80-й, авторъ утверждаетъ, что дробь $\frac{3}{32}$, будучи обращена въ десятичную, дастъ четыре десятичныя знака и, къ сожалѣнію, даже старается доказать это ложное предположеніе.

На страницѣ 127, въ таблицѣ первоначальныхъ чиселъ находимъ число 14.

Подобнаго рода недосмотровъ и ошибокъ въ учебникѣ множество.

Руководство ариметики для Лисичанской Штейгерской школы, низшихъ классовъ гимназій, прогимназій, городскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ, низшихъ техническихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Составилъ Ѳ. Г. Подоба. Москва. 1878.

Руководство это составлено крайне небрежно. Неточности въ изложеніи начинаются съ первыхъ же страницъ и проходятъ по всему курсу. Представляемъ для образца нѣсколько выписокъ:

1) На стр. 8, въ первомъ пробномъ урокѣ, предлагаемомъ для образца, читаемъ:

„Учитель. Напишите 137 икъ 8. Что должно сдѣлать съ этими числами?

„Ученикъ. Эти числа должно перемножить.

„Учит. Почему вы полагаете, что надо бы умножить?

„Учен. Потому что межъ ними знакъ икъ, а икъ ставится при дѣйствіи умноженія“.

2) (Стр. 17). По опредѣленію автора, „однородныя“ величины суть тѣ, „которыя могутъ быть взяты одна вмѣсто другой“, напримеръ, „часъ и минута, рубль и копѣйка, пудъ и лотъ“.

3) (Стр. 34). „Умножается однородное число на однородное лишь при возвышеніи числа въ степень...“ (!?)

4) На стр. 46 находимъ, что 1 метръ = 3,07844 фут.; учащійся, вѣроятно, подумаетъ, что числомъ этимъ выражена величина метра въ русскихъ футахъ; но предположенія его, по справкѣ, окажутся ошибочными, такъ какъ 1 метръ = 3,2809 русск. фута. Автору слѣдовало бы упомянуть, о какихъ футахъ тутъ идетъ рѣчь: извѣстно, что футъ есть одна изъ самыхъ неопредѣленныхъ мѣръ, ибо въ разныхъ государствахъ существуетъ множество футовъ, которыхъ величины различны.

5) На страницахъ 80 — 81 читаемъ: „Чтобы обратить простую дробь въ десятичную, должно числитель раздѣлить на знаменатель, при чемъ отъ перваго дѣленія получатся цѣлыя, а отъ послѣдующихъ десятичныя доли“.

Въ этомъ же отдѣлѣ, на стр. 82-й, находимъ, что „ $0,8(3) = 8\frac{2}{3}$ “.

6) На страницахъ 88, 90 и 91 помѣщены со знаками равенства слѣдующіе ряды, которые признаетъ за пропорціи:

$$\begin{array}{l} 6 : 3 = 3 : 6 \text{ (стр. 88).} \\ 15 : 25 = 45 : 27 \\ 75 : 135 = 9 : 3 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} 6 : 3 = 3 : 6 \\ 15 : 25 = 45 : 27 \\ 75 : 135 = 9 : 3 \end{array}} \right\} \text{ (стр. 90).}$$

$$\left. \begin{array}{l} 7 - 8 = 10 - 9 \\ 12 - 14 = 5 - 3 \end{array} \right\} \text{(стр. 91).}$$

7) Замѣчательно также образцовое рѣшеніе задачъ на правило смѣшенія.

На стр. 96 предложена задача: „Фабрикантъ смѣшалъ 6 фунт. табаку въ 3 руб. за фунтъ съ 11 фунтами табаку въ 1 р. 60 коп. за фунтъ; сколько стоитъ фунтъ смѣси?“

Рѣшая эту задачу подробно, г. Подоба получаетъ, что 1 фунтъ смѣси стоитъ 1 р. 7 к., то-есть дешевле обоихъ смѣшанныхъ сортовъ; и это не опечатка, такъ какъ въ подстрочной выноскѣ, объясняя задачу, авторъ вторично получаетъ то же самое число 1 руб. 7 коп.

Сборникъ арифметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Вторая часть. Дроби. Составилъ В. А. Евтушевскій. 9-е исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1880.

Вторая часть задачника г. Евтушевскаго состоитъ собственно изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: А) „Курса приготовительнаго“ и В) „Курса систематическаго“. Въ послѣдній изъ этихъ отдѣловъ входятъ два подраздѣленія: 1) задачи и 2) численные примѣры. Къ этимъ главнымъ отдѣламъ присоединено „Дополненіе“, въ которое вошли: метрическая система, таблицы простыхъ чиселъ до 2741, таблицы приращенія 100 рублей по сложнымъ процентамъ, таблицы мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ во Франціи, Германіи, Австріи и Англіи, и отвѣты, какъ на задачи, такъ и на численные примѣры.

Эта вторая часть задачника, въ девятомъ изданіи, по заявленію автора, подверглась окончательному измѣненію и дополненію, съ цѣлю болѣе удобнаго расположенія матеріала ея содержанія и значительнаго увеличенія числа упражненій, причемъ введено нѣсколько новыхъ упражненій.

Изъ этихъ дополненій наиболѣе полезны и цѣлесообразны „Повторительный отдѣлъ“ (стр. 103—108), заключающій въ себѣ 30 весьма сложныхъ задачъ, составленныхъ по образцу тѣхъ задачъ, которыя даются для письменнаго рѣшенія ученикамъ, держащимъ окончательный экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Данныя числа этихъ задачъ выражены дробями простыми, десятичными-конечными и періодическими, а также дробями

непрерывными. Для рѣшенія каждой такой задачи требуется примѣнять приемы, необходимые для рѣшенія задачъ, относящихся къ различнымъ специальнымъ правиламъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что если учащійся рѣшить самостоятельно нѣсколько такихъ задачъ, то онъ будетъ подготовленъ къ рѣшенію всякой самой сложной арифметической задачи.

Не менѣе полезное прибавленіе составляетъ также статья „Метрическія мѣры“, стр. 25 — 28 отдѣла II-го. Въ эту статью вошли 95 задачъ, относящихся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

- а) Раздробленіе и превращеніе метрическихъ мѣръ.
- б) Обращеніе русскихъ мѣръ въ метрическія.
- в) Обращеніе метрическихъ мѣръ въ русскія.

Жаль только, что въ числѣ этихъ задачъ мы не нашли такихъ, которыя относились бы къ сравненію монетныхъ системъ русской и французской.

Признавая несомнѣнныя достоинства этого задачника, не лишнимъ считаемъ упомянуть о главнѣйшемъ его недостаткѣ. Недостатокъ этотъ заключается, по нашему мнѣнію, въ обиліи, можно даже сказать, въ излишествѣ учебнаго матеріала: 1575 задачъ и 1257 численныхъ упражненій, только для 2-й части, — составляютъ такую массу вычисленій, на рѣшеніе которыхъ у учащихся едва ли найдется достаточно времени даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; притомъ сомнительно, чтобы въ этомъ была существенная надобность: перерѣшивъ съ надлежащимъ выборомъ даже и четвертую часть этихъ задачъ, учащійся можетъ быть увѣренъ, что сумѣетъ рѣшить и остальные, а между тѣмъ, постоянное увеличеніе учебнаго матеріала при каждомъ слѣдующемъ тисненіи привело издателя къ необходимости возвышать и цѣну задачника сперва съ 25 коп. (6-е изданіе) до 30 коп. (8-е изданіе) и, наконецъ, до 40 коп. (изданіе 1880 года). Конечно, принимая во вниманіе объемъ книги, достоинство бумаги, четкость шрифта и т. д., цѣну эту нельзя признать высокою. Задачникъ этотъ разошелся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ: на предшествовавшемъ, 8-мъ, изданіи 1877 г. значилась „180-я тысяча“. Рассматриваемое „9-е изданіе“ составляетъ, вѣроятно, не менѣе чѣмъ 190-ю и 200-ю тысячу. Крупныхъ недосмотровъ мы въ немъ не нашли; можно было бы указать только на незначительныя неточности въ полѣднихъ десятичныхъ знакахъ таблицы приращенія на 100 руб. по сложнымъ процентамъ, въ которой нѣкоторые изъ этихъ знаковъ на единицу менѣе надлежащихъ, что произошло оттого, что при отканды-

ваніи послѣднихъ знаковъ, не было обращено вниманія на тѣ десятичные знаки, которые болѣе 5-ти; въ таблицѣ приращенія по 6°/_o за 4 года—неточность эта перешла даже на 4-ю десятичную цифру.

Въ типографскомъ отношеніи мы находимъ неудобною постановку знака $\frac{0}{0}$ (съ горизонтальною чертою между нулями), который имѣетъ ту же величину, какъ и дробь сплошнаго набора шрифта. Знакъ этотъ, будучи поставленъ рядомъ съ дробями $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ (стр. 74, задачи отъ 1034 до 1037), даетъ $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{30}$, $\frac{10}{40}$, $\frac{10}{80}$. То же самое находимъ мы и на страницахъ 84, 85, 86, 87, гдѣ, въ задачахъ 1278, 1283, 1298, 1312, получаютъ дробныя числа $8\frac{10}{30}$, $7\frac{10}{20}$, $8\frac{50}{60}$, $7\frac{10}{20}$ и т. д.

Подобнаго же рода неудобства встрѣчаемъ и въ отвѣтахъ на задачи, гдѣ, на страницахъ отъ 11 до 13, слишкомъ близко къ дробямъ поставлены знаки процентовъ (съ косвенными черточками между нулями); вслѣдствіе этого, получились такія, напримѣръ, числа: $6\frac{10}{2}|_0$, $7\frac{10}{2}|_0$ (стр. 11, отвѣты на задачи 1131, 1173).

При слѣдующихъ изданіяхъ задачника можно было бы устранить это неудобство: или нѣсколько болѣе отдѣляя знакъ $\%$ отъ дроби, какъ то сдѣлано, напримѣръ, на стр. 75, въ задачахъ 1077—1079, а также на стр. 87, въ задачѣ 1327, или избравъ для знака $\%$ другой, болѣе мелкій шрифтъ. Сбивчивость эта уничтожится также, если вмѣсто простыхъ дробей будутъ поставлены дроби десятичныя. Во всемъ остальномъ новое изданіе просмотрѣно авторомъ весьма тщательно.

Собраніе ариметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія.
Состав. Н. Томасъ. Выпускъ I, изданіе 17, исправленное. С.-Пб. 1880.

Въ предисловіи къ задачнику своему авторъ говоритъ: „Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ задачи преимущественно для умственнаго исчисленія, недостатокъ которыхъ весьма чувствуется во всѣхъ доселѣ изданныхъ сборникахъ, а между тѣмъ съ этого рода задачъ должно начинать изученіе ариметики, такъ какъ онѣ болѣе развиваютъ умственныя способности ученика, приучаютъ его къ самостоятельности, и при небольшихъ числахъ даютъ возможность наглядно знакомить ученика съ нѣкоторыми свойствами и отношеніями чиселъ. Къ письменному способу рѣшенія задачъ слѣдуетъ переходить уже

тогда, когда числа по величинѣ своей становятся неудобны для умственныхъ выкладокъ, и явно обнаруживается потребность въ этомъ способѣ“.

Въ составѣ I-го выпуска вошли слѣдующіе отдѣлы: I) задачи для умственного исчисления надъ числами отъ 1 до 10; II) то же надъ числами отъ 1 до 100; III) — надъ числами отъ 1 до 1,000; IV) задачи для умственного исчисления надъ именованными числами въ предѣлахъ перваго десятка тысячъ; V) задачи для умственного вычисления надъ дробями; VI) задачи для письменнаго исчисления надъ числами отвлеченными и конкретными; VII) задачи для письменнаго исчисления надъ числами именованными, и VIII) задачи, относящіяся къ дѣлимости чиселъ. Присовокуплять отвѣты на задачи, составляющія первый выпускъ, авторъ считалъ лишнимъ:

„Полезнѣе—говорить онъ—чтобы ученики приучались сами повѣрять задачу, то-есть узнавать, что найденное ими число дѣйствительно удовлетворяетъ условіямъ вопроса, черезъ это, въ послѣдствіи, для нихъ значительно облегчится составленіе уравненій изъ вопросовъ“.

Въ разбираемомъ изданіи своего труда авторъ воспользовался сдѣланными ему указаніями и измѣнилъ систему и редакцію нѣкоторыхъ задачъ. Улучшенія, имъ сдѣланныя, можно признать цѣлесообразными и полезными. Но, при слѣдующихъ изданіяхъ, составитель могъ бы и еще ввести нѣкоторыя улучшенія и сдѣлать поправки:

1) Счетъ №№ въ задачникѣ идетъ по отдѣламъ; каждый послѣдующій отдѣлъ начинается съ 1-го №, а какъ отдѣловъ восемь, то и нѣкоторыя изъ задачъ подъ тѣми же №№ повторяются 8 разъ. Предлагая учащимся въ классѣ, напримѣръ, задачу 153-ю, учитель, чтобы быть точнымъ, долженъ указать и страницу или отдѣлъ, въ которомъ задача эта находится, такъ какъ учащійся найдетъ въ книгѣ семь задачъ подъ означеннымъ номеромъ. Такое расположеніе задачъ при классной работѣ неудобно: послѣдовательная, сплошная нумерація примѣровъ и задачъ была бы несравненно практичнѣе.

2) Въ численныхъ примѣрахъ (стр. 82), — прибавленныхъ авторомъ съ цѣлію ознакомить учащихся съ употребленіемъ скобокъ и черты, какъ знака дѣленія, — вѣроятно имѣлось въ виду предложить такія вычисления, въ которыхъ окончательное дѣленіе происходило бы на—цѣло; такъ окончательныя дѣленія въ задачахъ 187, 189, 190 и т. д. дѣйствительно и происходятъ безъ остатка; но въ нѣкоторыхъ примѣрахъ, между прочимъ въ 188 и 197, окончательные результаты

получаются въ дробныхъ числахъ. Надо полагать, что это произошло вслѣдствіе опечатокъ.

3) Нѣкоторыя изъ задачъ заключаютъ въ себѣ данныя или не исполнѣ точныя, или не соответствующія настоящему времени. Такъ, на примѣръ, въ задачѣ 22-ой (на стр. 72-ой) читаемъ: „Въ Берлинѣ 335 улицъ, въ Дрезденѣ 98 улицъ и т. д., а въ Петербургѣ 10-ю улицами болѣе, нежели въ Берлинѣ и Дрезденѣ вмѣстѣ и т. д.“ По вычисленіи окажется, что въ Петербургѣ всего 443 улицы. Задача эта заимствована авторомъ изъ перваго изданія его же книги, появившейся въ 1866 году. Въ то время означенное число улицъ въ нашей столицѣ могло быть приблизительно вѣрнымъ, но теперь оно оказывается значительно неточнымъ. Въ настоящее время, по официальнымъ даннымъ (табелъ домовъ въ С.-Пб. 1879 г.) число улицъ въ Петербургѣ доходитъ до 596. Понятно, что число улицъ какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Дрезденѣ окажется также значительно выше тѣхъ чиселъ, которыя показаны въ задачѣ.

Въ зад. 27 (на стр. 73) читаемъ: „Въ Петербургѣ находится 8,800 домовъ, изъ нихъ 3,980 каменныхъ, сколько деревянныхъ?“. Данныя числа этой задачи также заимствованы изъ перваго изданія книги г. Томаса, и также далеко не согласны съ дѣйствительностію.

Конечно, подобнаго рода неточности въ сборникѣ ариметическихъ задачъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія, но если включать въ учебную книгу текущія статистическія данныя, то лучше было бы сообщать ихъ приблизительно вѣрно.

Геометрія для городскихъ училищъ. Составилъ *Владиміръ Ковалевъ*. Часть I. Казань. 1878.

Такъ какъ на заглавномъ листѣ этой брошюры значитъ, что составленный г. Ковалевымъ трудъ заключаетъ въ себѣ только первую часть геометріи для городскихъ училищъ, причеиъ въ предисловіи не упомянуто, изъ сколькихъ именно частей будетъ состоять полный курсъ этой геометріи и какія статьи войдутъ въ части послѣдующія, то, быть можетъ, было бы осторожнѣе приостановиться разборомъ этого неоконченнаго учебника и выждать появленія послѣдующихъ частей, для того, чтобы точнѣе опредѣлить взаимную связь начала съ окончаніемъ и убѣдиться, не превышаетъ ли предлагаемый учебный матеріалъ тѣхъ требованій и того объема, которые назначены въ существующихъ для уѣздныхъ училищъ программахъ.

Но просмотръ подлежащей первой части геометріи убѣдилъ насъ въ томъ, что она какъ по множеству недосмоствовъ и неправильно-стей относительно научнаго изложенія, такъ и по небрежности изданія не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

Въ главѣ I, на стр. 10-й, читаемъ: „... изъ какой-либо точки верхняго основанія опускается линія на нижнее основаніе, и длина этой линіи будетъ показывать высоту призмы“. Но линій отъ верхняго основанія къ нижнему можно провести безчисленное множество; неужели же и различныхъ по величинѣ высотъ у призмы будетъ безчисленное множество?

На стр. 11-й, авторъ говоритъ: „У всѣхъ призмъ, которыя мы разсматривали, стороны основаній равны между собою; такія призмы называются правильными“; изъ этого видно, что для правильности призмъ авторъ считаетъ достаточнымъ только равенство сторонъ основанія, что, конечно, невѣрно. Далѣе авторъ говоритъ: „иногда встрѣчаются призмы, у которыхъ стороны основаній не равны между собою, но только равны другъ другу самыя основанія“(?!).

Параграфъ 5-й начинается слѣдующими словами: „Всѣ тѣ призмы, которыя мы разсматривали, имѣютъ высоту равную каждой изъ боковыхъ граней призмы“(?!).

На стр. 22-й читаемъ: „Діаметръ идетъ отъ окружности центра, а потомъ отъ центра до окружности“.

На стр. 25-й, авторъ говоритъ: „иногда треугольникъ означается одною буквою (,) находящеюся внутри“... и при этомъ ссылается на черт. 58, который изображаетъ не треугольникъ, а уголъ, внутри котораго вмѣсто буквы стоитъ цифра 6.

Въ главѣ II, на стр. 29-й, сложеніе прямыхъ линій изложено невѣрно.

На страницахъ 36 и 37, авторъ смѣшиваетъ знакъ угла со знаками больше и меньше.

На стр. 44-й, чертежи 105 и 102, изображающіе астролабію и экскеръ, помѣщены одинъ вмѣсто другаго.

На стр. 58-й, въ § 9, читаемъ, что „параллелепипедъ, имѣющій въ основаніи прямоугольникъ, называется прямоугольнымъ“ что невѣрно ибо, съ прямоугольнымъ основаніемъ параллелепипедъ можетъ быть наклоннымъ, слѣдовательно, не прямоугольнымъ.

Разсматриваемая нами книга какъ въ отношеніи типографскомъ, такъ и корректурномъ издана въ высшей степени небрежно: для

63-хъ страницъ текста авторомъ предложено три страницы весьма крупныхъ опечатокъ и исправлений: напримѣръ, вмѣсто „выгнутая часть“ напечатано „вынутаая часть“; вмѣсто „градусомъ называется триста шестидесятая часть окружности“ напечатано „градусомъ называется шестидесятая часть окружности“; вмѣсто „равный“ напечатано „данный“; вмѣсто „сходственныя стороны“ — „сродственныя стороны“ и т. д. О фигурахъ 23 и 58 авторъ просто говоритъ, что онѣ напечатаны невѣрно, не указывая учащимся какъ же ихъ исправить?

Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва*, преподаватель Московскаго учительскаго института. Зоологія. Годъ первый. Съ многими рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е исправленное. Годъ II-й и III-й. М. 1880.

Руководство зоологіи г. Вараввы составлено примѣнительно къ программѣ городскихъ училищъ, не придерживаясь, однако, буквально того выбора животныхъ, который обозначенъ въ этой программѣ. Первая книга или первый годъ заключаетъ въ себѣ описанія 30 животныхъ изъ классовъ млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ, рыбъ и насѣкомыхъ, и обзоръ общихъ признаковъ этихъ классовъ, основанный на разсмотрѣнныхъ представителяхъ. Описанія отдѣльныхъ животныхъ очень подробны, выборъ и исполненіе рисунковъ удовлетворительны и послѣ каждого описанія помѣщены вопросы, которые могутъ помочь ученику для приготовленія урока. Въ концѣ книги помѣщено 30 задачъ для наблюденія надъ жизнью описанныхъ животныхъ; онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить полезными темами для письменныхъ работъ.

Вторая книга заключаетъ въ себѣ учебный матеріалъ для двухъ отдѣленій или двухъ лѣтъ обученія. Во второмъ году мы находимъ описаніе еще нѣсколькихъ представителей изъ тѣхъ же классовъ, какъ и въ первомъ году, съ добавленіемъ животныхъ, взятыхъ изъ классовъ пауковъ и раковъ, и нѣкоторыхъ червей, мягкотѣлыхъ, кишечнополостныхъ и простѣйшихъ. Послѣ описанія представителей каждого класса мы находимъ также обзоръ общихъ признаковъ, но болѣе подробный, съ объясненіемъ наиболѣе важныхъ физиологическихъ свѣдѣній, относящихся къ описываемымъ животнымъ. Наконецъ, III-й годъ состоитъ изъ систематическаго курса зоологіи съ описаніемъ новыхъ представителей изъ каждого класса и съ раздѣленіемъ на отряды и семейства. Этотъ послѣдній курсъ начинается съ описанія простѣй-

шихъ животныхъ и оканчивается млекопитающими, между тѣмъ какъ два предыдущіе курса слѣдуютъ обратному порядку.

Въ заключеніи помѣщены три общія статьи: Краткій очеркъ развитія и отправления органовъ въ тѣлѣ животныхъ. Различіе между тѣлами органическими и неорганическими. Различія между животными и растениями. Во второй части помѣщены въ концѣ статей также вопросы для повторенія и рисунковъ, большею частью очень удачныхъ, еще болѣе, чѣмъ въ первой части.

Въ видѣ общаго замѣчанія можно сказать, что учебникъ г. Вараввы составленъ очень добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Научныхъ ошибокъ вовсе нѣтъ, выборъ отдѣльныхъ животныхъ сдѣланъ удачно, примѣняясь къ средней и сѣверной полосѣ Россіи и описанія составлены такъ, что даютъ полное и научно-вѣрное понятіе о животныхъ. Тѣ незначительныя неточности и обмолвки, которыя нами будутъ ниже указаны, не уничтожаютъ существенныхъ достоинствъ книги и почти неизбѣжны при составленіи полнаго руководства по всѣмъ отраслямъ естественной исторіи. Что же касается до распредѣленія учебнаго матеріала и методической его разработки, то здѣсь можно сдѣлать нѣсколько существенныхъ замѣчаній. Во первыхъ, раздѣленіе книги на три концентра, то-есть на три постепенно расширяющихся курса—непрактично, не смотря на то, что многіе педагоги рекомендуютъ это распредѣленіе. Для городскихъ училищъ, гдѣ количество сообщаемыхъ свѣдѣній не велико, совершенно достаточно сдѣлать два курса: одинъ подготовительный, другой—систематическій, а если время не позволяетъ, то можно ограничиться и однимъ курсомъ. Раздѣленіе, предлагаемое г. Вараввою, слишкомъ раздробляетъ учебный матеріалъ, дѣлаетъ его отрывочнымъ и потому онъ трудно запоминается учениками, а такъ какъ описанія животныхъ не представляютъ большихъ трудностей для дѣтей, то лучше проходить прямо систематическій курсъ послѣ описанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ животныхъ. Въ вторыхъ, въ первомъ курсѣ авторъ даетъ слишкомъ подробныя описанія, захватывая за-разъ много общихъ объясненій: напримѣръ, при первыхъ же описаніяхъ онъ даетъ излишнія подробности о строеніи зубовъ, органовъ чувствъ, кровообращенія и т. п. Въ третьихъ, напрасно онъ не пользуется для сравненія органами человѣческаго тѣла; такъ какъ дѣти могутъ всегда видѣть руки, ноги, зубы, глаза у себя и другихъ людей, то указанія на сходство и различія этихъ частей съ частями тѣла животныхъ, могутъ имъ многое разъяснить. Въ четвертыхъ, въ систематическомъ

курсѣ не слѣдовало измѣнять порядка описанія животныхъ, такъ какъ начинать съ описанія простѣйшихъ не представляетъ никакихъ существенныхъ выгодъ и такой порядокъ только затруднитъ учениковъ. Знаемъ, что, рекомендуя подобный порядокъ, многіе ссылаются на педагогическій принципъ переходить отъ простаго къ сложному, но въ данномъ случаѣ этотъ принципъ примѣненъ не совсѣмъ вѣрно. Относительно самаго учебнаго матеріала можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: на 35-й стр. описаніе постепеннаго измѣненія зубовъ лошади недостаточно ясно и безъ рисунковъ едва ли понятно. На 47-й стр. совершенно напрасно говорится о внутреннемъ скелетѣ млекопитающихъ, такъ какъ о наружномъ скелетѣ членистыхъ еще ничего не сказано. На 52 стр. сказано, что у жвачныхъ въ рубцѣ и рукавѣ пища размельчается, что не точно. На 68 стр. мы находимъ также неточное выраженіе: цыпленокъ глотаетъ воздухъ. На 120 и слѣд. стр. всѣ плавники рыбъ названы конечностями, между тѣмъ какъ это названіе можетъ относиться лишь къ парнымъ плавникамъ. На 141 стр. яйцекладъ самки кузнечика названъ прямою трубкою, между тѣмъ какъ этотъ органъ изогнутъ въ видѣ сабли и довольно плоскій. На 161 стр. къ рисунку личинки, куколки, яйца и чешуи бабочки нѣтъ объясненія, а между тѣмъ всѣ эти рисунки сдѣланы по разному масштабу. То же замѣчаніе можно сдѣлать и о рисункѣ 22, на 27 стр. второй части, гдѣ одна изъ частей легкихъ нарисована рядомъ съ цѣлыми легкими безъ объясненія. На 56 стр. 2-й части сказано, что ребра у змѣй приерѣпляются ко всѣмъ позвонкамъ; слѣдовало прибавить, кромѣ хвостовыхъ. На 67 стр. при описаніи сельди не сказано, что разновидность ея, саллакушка, ловится въ огромномъ количествѣ въ Балтійскомъ морѣ и служитъ главною пищею береговымъ жителямъ Финляндіи. На 121 стр. тѣло пиявки названо цилиндрическимъ, что невѣрно.

Ботаника. Д-ра *А. де-Бари*, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями подъ редакцію *Хр. Гоби*, доцента С.-Петербургскаго университета. Съ рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1880.

Извѣстный ботаникъ, профессоръ Де-Бари составилъ разбираемую книжку въ дополненіе къ нѣмецкимъ переводамъ серіи англійскихъ первоначальныхъ руководствъ по различнымъ отдѣламъ естествознанія. Цѣль всѣхъ этихъ руководствъ—краткое и общепонятное изложеніе

науки для неспеціалистовъ; составленіе ихъ было поручено извѣстнымъ натуралистамъ, такъ что всѣ эти книжки представляютъ очень замѣчательныя популярныя сочиненія по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Ботаника не была еще издана по англійски и потому нѣмецкій издатель переводовъ предложилъ де-Бари написать руководство къ ботаникѣ, по цѣли и изложенію подходящее къ подобнымъ англійскимъ книжкамъ. По нашему мнѣнію, нѣмецкій ученый вполне удачно выполнилъ пробѣлъ англійской серіи руководствъ и его книжка можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе полезныхъ краткихъ учебниковъ ботаники. Такъ какъ авторъ не предполагаетъ у своихъ читателей предварительныхъ ботаническихъ знаній, то онъ сообщаетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія на примѣрахъ, подробно рассматривая нѣкоторыя растенія. Поэтому, отдѣльной органографіи и физиологіи растеній въ этомъ руководствѣ нѣтъ. Послѣ вступленія, въ которомъ кратко изложенъ способъ изученія ботаники, авторъ прямо переходитъ къ разсмотрѣнію сурѣпицы и нѣкоторыхъ другихъ крестоцвѣтныхъ и при этомъ даетъ элементарныя свѣдѣнія о стеблѣ, листьяхъ, корнѣ, соцвѣтіи и сѣмени. Затѣмъ подробно изучаются: вишневое дерево, малина и земляника, роза, яблоня и груша, горохъ, бобы и сродныя имъ формы, картофель, глухая крапива и нѣкоторыя другія губоцвѣтныя, важнѣйшія формы сложноцвѣтныхъ, дубъ, ивы и тополи, луковичныя растенія и злаки. Окончивъ изученіе цвѣтковыхъ растеній, авторъ въ особой главѣ даетъ необходимыя понятія о ботанической классификаціи и знакомитъ читателей съ раздѣленіемъ растеній на однодольныя и двудольныя, покрытосѣмянныя и голосѣмянныя. Послѣ этого рассматриваются главныя формы безцвѣтковыхъ растеній: папоротники, хвощи, мхи, водоросли и грибы. Послѣдняя глава посвящена обзору важнѣйшихъ группъ растеній, общихъ свойствъ растеній и сходству и различію ихъ съ животными. Русскій переводъ почти буквально слѣдуетъ подлиннику; измѣненія, о которыхъ говорится въ заглавіи, ограничиваются измѣненіемъ нѣкоторыхъ географическихъ указаній, соответствующихъ русской флорѣ, и замѣною статьи о грецкомъ орѣшникѣ, статью о дубѣ, какъ деревѣ, чаще въ Россіи встрѣчающемся. Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно и имя переводчика ручается за то, что съ научной стороны въ русскомъ текстѣ не можетъ встрѣтиться никакихъ ошибокъ.

Изъ минералогіи въ пособіе географіи. Составилъ преподаватель географіи Одесскаго женскаго епархіальнаго училища Л. Сухомлиновъ. Одесса, 1880.

Книжка г. Сухомлинова имѣеть цѣлю служить пособіемъ при изученіи географіи, такъ какъ въ учебникахъ по этому предмету часто упоминается о различныхъ минералахъ. Свѣдѣнія о минералахъ и горныхъ породахъ расположены авторомъ въ алфавитномъ порядкѣ и не заключаютъ въ себѣ почти никакихъ научныхъ терминовъ, которые затруднили бы пониманіе статей для читателей, незнакомыхъ съ минералогіею; вообще свѣдѣнія эти очень кратки. По моему мнѣнію, пособія въ родѣ разбираемаго едва ли полезны, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ слишкомъ поверхностныя свѣдѣнія: почти все, что сообщается въ брошюрѣ г. Сухомлинова, могло бы быть помѣщено въ видѣ подстрочныхъ замѣчаній въ учебникѣ географіи, или сообщено учителемъ при разъясненіи урока. Для учителей географіи разбираемая книга слишкомъ малосодержательна. Впрочемъ, еслибы свѣдѣнія, въ ней сообщаемыя, не заключали много научныхъ ошибокъ и были хорошо изложены, то все-таки она годилась бы какъ пособіе къ курсу географіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Но, къ сожалѣнію, статьи этой книжки такъ плохо составлены, что онѣ могутъ скорѣе спутать учениковъ, чѣмъ помочь имъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что изложеніе г. Сухомлинова крайне небрежно. Безпрестанно встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Антрацитъ есть каменный уголь древеснаго происхожденія тѣхъ лѣсовъ, которые покрывали значительныя пространства суши и впоследствии были погребены въ нѣдрѣ земли разными бывшими на ней переворотами (стр. 17), Ленъ горный замѣчательный минераль сходствомъ съ пряжею льна (стр. 41). Магнитъ такая руда въ изобиліи находимый (стр. 42). — Мѣль.... минераль созданъ природою исключительно изъ микроскопическихъ скорлупокъ известковаго свойства.... (стр. 45). — Пемза — продуктъ вулканическихъ изверженій пузрычатого, скважистаго строенія (стр. 52).

Кромѣ того, встрѣчается много невѣрностей; напримѣръ, мѣль, по мнѣнію г. Сухомлинова, растворяется въ водѣ (стр. 45). Гидравлическій цементъ названъ бетономъ (стр. 31). На стр. 29 невѣрно опредѣлено, что называется пробой золота и серебра и неточно описанъ способъ узнавать пробу на пробирномъ камнѣ.

На стр. 13 невѣрно описана грань алмаза, называемая розою. Топазъ причисленъ къ кварцамъ, а при описаніи опала, напротивъ, не сказано, что онъ относится къ семейству кварцевъ. О платинѣ сказано на 53 стр., что ея цѣна равна цѣнѣ золота. На 63 стр. совѣтуютъ каменную соль до употребленія въ пищу промить. На 45 стр. говорится, что коралль и жемчугъ образуются въ желудкѣ животныхъ. При описаніи нашатыря сказано, что изъ него готовится царская водка, что совершенно невѣрно, такъ какъ царскою водкою называютъ смѣсь хлористо-водородной и сѣрной кислотъ.

Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ д-ра Шютце. Переводъ А. Булявскаго, директора Глуховскаго учительскаго института. Глуховъ, 1880 г.

Разсматриваемая книга есть переводъ нѣмецкаго сочиненія: *Evangelische Schulkunde. Praktische Erziehungs- und Unterrichtslehre für Seminare und Volksschullehrer von Schütze*, которое введено какъ учебникъ во многихъ саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Поводомъ къ переводу этой книги послужило то обстоятельство, что въ программахъ и учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ учительскихъ институтахъ, которые утверждены въ видѣ опыта на три года г. министромъ народнаго просвѣщенія 13-го ноября 1876 года, сказано, что по отсутствію у насъ подходящихъ русскихъ учебниковъ нѣмецкую педагогическую Шютце можно назвать какъ наилучшее руководство для преподавателей педагогики.

Несомнѣнно, что педагогика Шютце заключаетъ въ себѣ очень много хорошихъ статей изъ области педагогики, и каждый преподаватель этого учебнаго предмета въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ можетъ найти въ этомъ учебникѣ довольно много хорошаго матеріала для своихъ уроковъ. Однако, въ полномъ составѣ своемъ книга Шютце едва-ли можетъ служить учебникомъ для нашихъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей, такъ какъ въ этомъ сочиненіи замѣчаются нѣкоторые очень существенные для учебника недостатки. Прежде всего, объемъ нѣмецкаго подлинника такъ значителенъ, что долженъ сильно затруднять усвоеніе содержания книги даже въ Германіи; у насъ же, при краткости курса институтовъ и семинарій, приходится сообщать по педагогикѣ только

главныя и самыя важныя свѣдѣнія. Повторныхъ, расположеніе матеріала въ учебникѣ Шютце, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно. Послѣ психологическихъ свѣдѣній, гдѣ мы находимъ много педагогическихъ выводовъ, авторъ переходитъ къ училищесвѣдѣнію и методикѣ общей и частной, а затѣмъ уже помѣщаетъ главу о воспитаніи, въ которой опредѣляется цѣль воспитанія, средства воспитанія, наказанія и награды и т. д. Такъ какъ обученіе составляетъ лишь часть воспитанія и, говоря о школьныхъ порядкахъ, дисциплинѣ и т. п., приходится основываться на общихъ педагогическихъ правилахъ, то подобное расположеніе въ высшей степени неудобно и служитъ причиною многихъ повтореній и ссылокъ на предыдущее, что слѣдуетъ считать большимъ недостаткомъ въ учебникѣ. Отличнымъ примѣромъ подобнаго неудобства служитъ 223 § подлинника на 626 стр. подъ заглавіемъ *Der Zögling*, въ которомъ авторъ дѣлаетъ нѣсколько ссылокъ на предыдущее, занимающихъ всего 10 строкъ, и оканчиваетъ наивнымъ заявленіемъ: *Es kann kaum ein Kapitel genannt werden*. Замѣтимъ кстати, что, не смотря на очевидную безсодержательность этого §, переводчикъ передалъ его цѣликомъ на 229 стр. Переходя затѣмъ къ основнымъ педагогическимъ принципамъ автора, мы находимъ ихъ по большей части вѣрными, но не вполне удачно проведенными. Шютце очень справедливо ставитъ христіанскій идеалъ въ основу всей педагогики. По его мнѣнію, воспитывать—значитъ довести ребенка до того совершенства, которое намъ указано закономъ Божиимъ, такъ, чтобы его земная жизнь служила лишь подготовленіемъ къ будущей загробной жизни. Въ § 218 и слѣдующихъ онъ очень подробно и обстоятельно рассматриваетъ всѣ другія опредѣленія воспитанія, останавливаясь преимущественно на мнѣніяхъ такъ называемыхъ рационалистовъ, гуманистовъ и евдемонистовъ и, указывая на несовершенства ихъ взглядовъ, приводитъ всѣ преимущества теологическаго опредѣленія воспитанія.

Въ области нравственнаго воспитанія основной принципъ, высказываемый Шютцемъ, безспорно самый вѣрный и опредѣленный, но, когда дѣло идетъ о развитіи мышленія, о дидактическихъ правилахъ и о различныхъ подробностяхъ житейскаго воспитанія, то теологическое опредѣленіе воспитанія оказывается недостаточно опредѣленнымъ. Очевидно, что мы должны воспитать ребенка не только какъ христіанина, но и какъ человѣка, понимающаго условія жизни, выработанныя историческимъ развитіемъ человѣчества, какъ человѣка,

любящаго свою родину и готоваго ей служить, и какъ человѣка, пригоднаго къ той дѣятельности, которая ему досталась на долю. Все это отнюдь не противорѣчитъ христіанскому идеалу воспитанія, только его дополняетъ. Шютце, конечно, и не отрицаетъ всѣ эти требованія, но говоритъ о нихъ очень мало. Слишкомъ большая идеализація основнаго принципа дастъ многимъ главамъ книги Шютце неопредѣленность, которая можетъ дурно повліять на читателей: нѣкоторыя главы покажутся недостаточно убѣдительными и слишкомъ идеальными.

Несовершенство присутствія человѣческой природѣ наравнѣ съ высокими свойствами нашей души и потому очевидно, что, изучая душевныя явленія человѣка, нельзя довольствоваться лишь тѣмъ общимъ положеніемъ, которое выставлено Шютцемъ, а слѣдуетъ имѣть въ виду душу со всѣми ей свойственными несовершенствами; то-есть, изучать душевныя явленія въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ являютъ въ самомъ человѣкѣ, что для педагога, очевидно, особенно важно. Конечно, и самъ авторъ очень скоро противорѣчитъ себѣ, и уже на 29 стр. перевода мы находимъ ссылку на эмпирическую психологію, которая немислима, если строго держаться принципа Шютце. Нѣкоторыя статьи въ психологической части разбираемаго учебника довольно слабы. Напр., въ § 21 (стр. 46 перевода) говорится о безсознательности первыхъ ощущеній, при чемъ авторъ доказываетъ, что въ началѣ свѣтъ и другія физическія условія дѣйствуютъ на ребенка только механически и сознанія при этомъ нѣтъ что это сознаніе является послѣ известнаго числа повторенныхъ ощущеній. Это ученіе чисто матеріалистическое: очевидно, что, признавая сознанія при первыхъ ощущеніяхъ, можно дойти до положенія, что и послѣдующія ощущенія образуются механически и что сознаніе есть продуктъ физическихъ условій и свойствъ нервной системы, а не принадлежность души. Когда авторъ на слѣдующей страницѣ спрашиваетъ: Кто можетъ дать отвѣтъ на то, когда является сознаніе, послѣ 99 или 999 ощущенія? то онъ этимъ вопросомъ подсказываетъ матеріалистамъ слѣдующій отвѣтъ: „Никто этого сказать не можетъ, значить, тутъ ничего кромѣ физическаго явленія и нѣтъ“. На 54 стр. перевода Шютце говоритъ, что слова суть воплощенія представленій; это вовсе не вѣрно, такъ какъ почти всѣ слова, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстоименій, обозначаютъ понятія, а не представленія; съ дидактической точки зрѣнія это очень важно знать, чтобы на этомъ основывать нѣкоторыя методическія правила

относительно обученія родному языку. Въ главѣ о памяти не говорится о свойствѣ нашихъ представленій образовываться по извѣстнымъ законамъ ассоціаціи, отчего вся эта статья мало доказательна и никакихъ правилъ не даетъ. § 31 о воображеніи состоитъ изъ мало значущихъ фразъ, ровно ничего не объясняющихъ, а фантазія, которая всѣми психологами считается лишь видомъ воображенія, у Шютце отнесена къ разуму, что значительно спутываетъ понятіе объ этой способности. Въ прибавленіи къ 1-й части книги (§ 46 перевода, стр. 144) Шютце говоритъ о психологическомъ матеріализмѣ. Изложивъ довольно обстоятельно мнѣніе матеріалистовъ, онъ опровергаетъ его лишь двумя соображеніями: во-первыхъ, словами Ульрици, который говоритъ, что если вѣрять взгляду матеріалистовъ, то всякое различіе между вѣрными и невѣрными мыслями исчезаетъ. Такъ какъ мысли суть механической продуктъ мозга, по словамъ матеріалистовъ, то онѣ должны быть неизбежны, какъ всякій матеріальный продуктъ и о вѣрныхъ и невѣрныхъ мысляхъ нельзя говорить, точно такъ какъ нельзя говорить объ истинномъ и неистинномъ выдѣленіи печени. Во-вторыхъ, невѣрность теоріи матеріалистовъ доказывается разсужденіемъ Лацаруса, который говоритъ, что матеріализмъ есть первобытный видъ міросозерцанія и свойственъ народамъ грубымъ и неразвитымъ. Вѣсть съ развитіемъ уничтожается и матеріалистическое возрѣніе на душевныя явленія. Ушинскій въ своей антропологіи постушаетъ гораздо рациональнѣе и разбиваетъ матеріалистовъ съ большимъ успѣхомъ, разсматривая самыя обыкновенныя наши душевныя явленія, какъ напримѣръ вниманіе и свободную волю и доказывая, что съ точки зрѣнія матеріалистовъ эти простыя явленія необъяснимы. По нашему мнѣнію, лучше бы не говорить вовсе объ этомъ предметѣ, чѣмъ приводить слабыя доказательства, которыя лишь смутятъ людей.

Переводъ г. Бѣлявскаго нельзя назвать дурнымъ, но онъ сдѣланъ, какъ кажется, нѣсколько поспѣшно и небрежно. Г. Бѣлявскій перевелъ лишь общую часть нѣмецкаго подлинника: всю специальную часть училищевѣдѣнія и методику отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ онъ оставилъ для втораго выпуска, такъ какъ они должны быть совершенно переработаны для русскихъ школъ. Все остальное переведено почти буквально, съ небольшими сокращеніями и измѣненіями. Хотя переводчикъ и говоритъ въ предисловіи, что имена цитируемыхъ авторовъ не затрудняютъ читателей, но мы полагаемъ, что вовсе не слѣдовало въ переводѣ приводить множество цитатъ и именъ, для

русскихъ читателей, вовсе не авторитетныхъ и ничего не объясняющихъ. Не говоря уже о такихъ малоизвѣстныхъ писателяхъ, какъ Канисъ, Ротъ, Иосифъ Векъ, Румпель, д-ръ Дрбалъ, Гробе, Фабри и т. под., мы находимъ даже излишними въ книгѣ, назначенной для нашихъ институтовъ и гимназій, имена писателей, извѣстныхъ лишь тѣмъ, кто занимался исторіей философіи, напримѣръ, Дробишъ, Розенкранцъ, Шлейермахеръ, Фейербахъ, Ульрици и т. д. Слишкомъ большая буквальность перевода выразилась еще въ томъ, что примѣры изъ школьной практики взяты чисто нѣмецкія и стихи нѣмецкихъ поэтовъ, приводимые Шютце, переведены Бѣлавскимъ въ подстрочномъ переводѣ, который, конечно, не даетъ того впечатлѣнія, какъ подлинникъ (примѣры на стр. 117, 118, 130, 134, 136, 138). Кромѣ того, переводчикъ не только не избѣгалъ иностранныхъ словъ, но даже считалъ нужнымъ составлять новыя слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ русскомъ лексиконѣ, напримѣръ: предестинианеръ, спонтанентивность, резидуи и т. д. Слова же въ родѣ дисъюнктивный, репродукція, коэкспетенція, дискурсивный, рецептивность, потенція, субстанція, концептивность, суммарное и, наконецъ, субъектъ и предметъ, вмѣсто подлежащаго и сказуемаго, встрѣчаются въ переводѣ безпрестанно. Отдѣльныя фразы подлинника переведены въ такой формѣ, что едва-ли могутъ быть понятны нашимъ ученикамъ семинарій, напримѣръ: Это единичное ничто есть субстрактъ всей душевной дѣятельности. Стр. 35: Богъ до созданія міра мыслилъ какъ міръ въ цѣломъ, такъ и каждое твореніе въ отдѣльности. 51 стр.: Мы въ дѣтяхъ должны пробуждать духъ, потому что они только чрезъ духъ начинаютъ смотрѣть. 216 стр.: Авторитетъ лежитъ въ повелѣніи, а не надъ нимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводчикъ или невѣрно переводитъ подлинникъ, или добавляетъ совершенно некстати свои собственныя слова. Напримѣръ, на 145 стр. перевода Дидро и Ламетри приписано открытіе рефлексовъ головного мозга. Такой грубой ошибки въ подлинникѣ нѣтъ. Тутъ же есть неточный и вольный переводъ изъ книги Премудрости, который долженъ быть замѣненъ соответствующимъ славянскимъ текстомъ. Впрочемъ, тексты вездѣ переведены на русскій языкъ, что, кажется, совершенно неумѣстно, такъ какъ ученики институтовъ и семинарій должны быть хорошо знакомы съ церковно-славянскимъ языкомъ. На 55 стр. мы находимъ русскую фразу совершенно безсодержательную: Слова только тогда ничего не значатъ, когда они ничего не обозначаютъ. По нѣмцамъ

смыслъ совсѣмъ другой именно: Worte sind uns nichts, wenn sie nichts bedeuten. На 225 стр. также невѣрно переведено мѣсто подлинника, именно сказано, что кондукторъ садится среди локомотива, а не сзади, что не вѣрно, а въ нѣмецкомъ подлинникѣ говорится, что кондукторъ находится на самомъ локомотивѣ, а не на тендерѣ. На 289 стр. о Лютерѣ переведены буквально слова автора-лютеранина, которые въ русской книгѣ не совсѣмъ удобны: Лютеръ расторгъ узы, въ которыхъ народы находились цѣлыя столѣтія и своими проповѣдями и сочиненіями указалъ живой источникъ вѣры и нравственности въ изученіи св. Писанія. Вообще, вся историческая часть въ концѣ книги неудобна для русскихъ школъ: въ ней подробно говорится о многихъ педагогахъ, интересныхъ только для Нѣмцевъ, напимѣръ, Тюркѣ, Трацендорфѣ, Вилбергѣ.

Теоретико-практическое руководство къ началному школьному обученію.
Часть I (теоретическая). *Людвига Шиндлера.* Перевелъ съ нѣмецкаго *В. Цацкинъ*, преподаватель учительскаго института въ Бѣлгородѣ. Выпускъ I. Харьковъ. 1879.

По нашему мнѣнію, Людвигъ Шиндлеръ не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ педагоговъ Германіи. Переведенное г. Цацкинъ сочиненіе его основано на цитатахъ, взятыхъ изъ всевозможныхъ нѣмецкихъ педагоговъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что элементарное преподаваніе въ Германіи, вслѣдствіе обязательности обученія и ранняго начала его, имѣетъ такъ много особенностей, что нѣмецкое сочиненіе объ элементарномъ преподаваніи не совсѣмъ понятно тѣмъ иностранцамъ, которые основательно не изучили нѣмецкихъ школъ. Поэтому, трудно понять тѣ причины, которыя побудили предпринять переводъ этого сочиненія и издать его безъ всякаго примѣненія къ нашимъ школамъ. Общія педагогическія правила, разумѣется, остаются интересными для всѣхъ народовъ, но подробности не представляютъ никакого дѣйствительнаго интереса, по крайней мѣрѣ для русскихъ педагоговъ. Первый выпускъ книги Шиндлера состоитъ изъ VI главъ: 1) элементарный классъ; 2) элементарный учитель; 3) дѣтскіе сады и элементарный классъ; 4) принципъ концентраціи преподаванія и примѣненіе его въ элементарномъ классѣ; 5) предметъ и значеніе разказовъ въ элементарномъ классѣ; 6) наглядное обученіе. Первыя

двѣ главы содержатъ въ себѣ общіе совѣты объ отношеніи учителя къ дѣтямъ, изъ которыхъ многіе очень полезны; но и эти главы до того испещрены цитатами, что едва ли покажутся интересными русскимъ начальнымъ учителямъ. Чтобы оцѣнить значеніе словъ Денцеля, Кельнера, Кера, Видемана и другихъ, необходимо имѣть хоть нѣкоторое понятіе о ихъ дѣятельности и сочиненіяхъ, а наши учителя этого понятія не могутъ имѣть. Глава о дѣтскихъ садахъ совершенно излишня: она ничего не сообщаетъ о самихъ садахъ, а говоритъ только о возможной ихъ связи съ начальной школой. У насъ, гдѣ дѣтскіе сады очень рѣдки, нѣтъ никакого основанія поднимать этотъ вопросъ. Въ главѣ о концентраціи говорится объ общезвѣстномъ въ Германіи букварѣ Фогеля, но даже не упомянуто о передѣлкѣ его г. Паульсономъ для русскихъ школъ. Какое дѣло русскому учителю до методовъ нагляднаго обученія Циллера, Шлотербена и другихъ, когда у него является вопросъ о применимости русскихъ книгъ Перевлѣскаго, Малинина и проч., трактующихъ о томъ же предметѣ? Еще рѣзче выдается эта нѣмецкая исключительность въ главѣ о разказахъ, гдѣ рекомендуются басни Гел, Гилля, Ельсліна, которыхъ у насъ никто не знаетъ, и нѣтъ ни одного намека на русскія басни и разказы. Наконецъ, обѣ послѣднія главы содержатъ въ себѣ подробности относительно отдѣльнаго курса нагляднаго обученія въ нѣмецкихъ начальныхъ школахъ, который у насъ вовсе непримѣнимъ, такъ какъ въ Россіи дѣти учатся очень недолго и большею частію начинаютъ учиться позже, чѣмъ въ Германіи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (ВЪ Г. ГЕЛЬСИНГФОРСЪ) ЗА 1875—1878 ГОДЫ ¹⁾.

I.

Содержаніе.—Введеніе—Личный составъ преподавателей и новый штатъ университета—Учрежденіе новой кассы—Вакантныя кассы и должности—Утраты и перемѣны въ личномъ составѣ—Командировки и назначенія—Учебная дѣятельность профессоровъ и преподавателей.

Александровскій университетъ въ Финляндіи, какъ извѣстно, не подлежитъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, а подобно прочимъ правительственнымъ учрежденіямъ края пользуется особымъ уставомъ, правами, привилегіями, отличными отъ тѣхъ, которыми пользуются университеты имперіи.

Свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности этого университета ²⁾ очень

¹⁾ Матеріаломъ для этого очерка служили: а) Redagörelse for Kejsarliga Alexanders—Universit. i Finland за 1875—1878 годы; б) Katalog för vart-ochpösterminen за 1875—1878 годы; в) Jubjudningskrift till magister och doktorspramotioner 1877 года; г) Сборникъ постановленій В. К. Финляндскаго, уставъ университета.

²⁾ Онъ основанъ въ 1640 году шведскою королевою Христиною, въ г. Або. Два раза во время войнъ (въ 1713—1722 и въ 1742—1743 годахъ) университетъ былъ закрытъ, а въ 1828 году, послѣ бывшаго за годъ передъ тѣмъ пожара, истребившаго съ большею частію города и самый университетъ со всеми его хранилищами, онъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ.

рѣдко появляются въ русской печати, а потому настоящій очеркъ, составленный по официальнымъ даннымъ, дастъ возможность публикѣ хотя нѣсколько ознакомиться съ этимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Трехлѣтній періодъ, заключающій въ себѣ три учебные года (съ 1-го сентября 1875 по 1-е сентября 1878 г.), соответствуетъ періоду времени, на который, по § 44 устава, избирается ректоръ. Послѣдній, если не избирается на новое трехлѣтіе, долженъ на основаніи того же § устава, издать отчетъ за время своего управленія по определенной программѣ. Въ упомянутое трехлѣтіе должность ректора занималъ профессоръ Топеліусъ, который, выслуживъ свой срокъ, вышелъ въ отставку. Изъ изданнаго имъ отчета и заимствованы данныя для настоящаго очерка, относящіяся къ упомянутому трехлѣтію.

Трехлѣтіе 1875—1878 годовъ замѣчательно нѣсколькими выдающимися фактами, относящимися ко внутренней жизни и дѣятельности университета. Такъ, 18-го марта 1875 года, издано было Высочайшее постановленіе о новомъ штатѣ университета. Дѣйствовавшій до этого времени штатъ, опредѣленный уставомъ 1852 года и нѣсколько измѣненный послѣдовавшими затѣмъ постановленіями, заключалъ въ себѣ многія несообразности, проистекавшія отъ устарѣвшихъ уже взглядовъ на способы и количество вознагражденія профессоровъ и преподавателей. По прежнему штату жалованіе этимъ лицамъ опредѣлялось тремя статьями: десятиннымъ хлѣбомъ, поземельными оброками и деньгами, при чемъ первыя двѣ статьи также переводились на деньги по среднимъ справочнымъ цѣнамъ Нюландской губерніи, съ причисленіемъ узаконенной платы за провозъ¹⁾. Новымъ же штатомъ всѣмъ лицамъ, служащимъ въ университетѣ, опредѣляется жалованье деньгами.

По штату 1875 года личный составъ профессоровъ и преподавателей былъ слѣдующій: 32 ординарныхъ и 3 экстраордин. профес-

¹⁾ Напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ юридическаго факультета получалъ по этому штату: 61 бочку и 17³/₄ копы хлѣба и поземельными оброками 742 р. Лекторъ французскаго языка получалъ: 12 бочекъ и 9¹/₂ копъ хлѣба, поземельныхъ оброковъ 137 руб. и деньгами 172 руб.; профессоръ же русскаго языка получалъ 100 руб. только деньгами. Такимъ образомъ, получаемое преподавателями содержаніе не было постоянно, а зависело, напримѣръ, отъ урожая и подвоза хлѣба въ Нюландскую губернію. Если урожай былъ плохъ, а подвозъ не великъ, то цѣны на хлѣбъ стояли высоко, и профессоръ получалъ жалованья больше; и наоборотъ, при хорошемъ урожаѣ и обиліи хлѣба онъ получалъ менше.

соровъ, 1 прозекторъ анатоміи, 5 лекторовъ языковъ, 3 учителя искусства (музыки, рисованія и гимнастики), 1 учитель фехтованія, два младшіе учителя гимнастики и 18 доцентовъ. Кромѣ этихъ штатныхъ преподавательскихъ должностей, имѣются еще сверхштатныя, число которыхъ не опредѣлено. Въ 1877—1878 году сверхштатныхъ было: 4 экстраординарные профессора, 3 экстраординарные лектора и 16 доцентовъ. По штату полагается также: 1 библіотекаръ, равняющійся по положенію и содержанію ординарному профессору и потому входящій въ число ихъ, 1 завѣдующій магнитною обсерваторіею и 18 экстраординарныхъ аммануэнсовъ при библіотекѣ, коллекціяхъ и другихъ университетскихъ учрежденіяхъ. Всѣхъ лицъ, служащихъ въ университетѣ и занимающихъ штатныя и нештатныя должности, считая и служителей, въ разсматриваемое трехлѣтіе было 117.

Приведемъ теперь цифры содержанія, получаемого по новому штату лицами, служащими по учебной части. Ординарные профессора и библіотекаръ получаютъ каждый по 5,500 марокъ въ годъ, причемъ 28 изъ нихъ, не пользующіеся казенною квартирою, по 1,000 марокъ каждый квартирныхъ ¹⁾. Экстраординарные профессора и прозекторъ анатоміи по 5,000 марокъ; лекторы по 3,000 марокъ; учителя искусствъ также по 3,000 марокъ; учитель фехтованія 2,000 марокъ; первый младшій учитель гимнастики 800, а второй 720 марокъ. Кромѣ того, по штату получаютъ: вице-канцлеръ ²⁾ 10,000 марокъ столовыхъ и квартирныхъ; ректоръ, сверхъ содержанія по званію профессора, получаетъ столовыхъ 4,000 марокъ; проректоръ—600 марокъ добавочныхъ въ профессорскому окладу; 5 декановъ факультетовъ по 1,000 марокъ каждый; 6 инспекторовъ студенческихъ отдѣленій (обыкновенно профессора) также по 1,000 марокъ; 12 доцентовъ по 2,500 и 6 доцентовъ по 1,000 марокъ. Такимъ образомъ, изъ общей суммы въ 489,940 марокъ, опредѣленной штатомъ, 316,720 марокъ идутъ на содержаніе лицъ высшей университетской администраціи и учебнаго персонала. Остальная сумма, за исключеніемъ 45,700 марокъ, ассигнованныхъ на пособія студентамъ и другимъ лицамъ, пожелавшимъ изучать русскій

¹⁾ Кромѣ того, каждый профессоръ, прослужившій пять лѣтъ, получаетъ 750 марокъ добавочнаго жалованья и по 1000 марокъ прибавочныхъ къ квартирнымъ.

²⁾ На должность вице-канцлера обыкновенно назначается лице, занимающее какую либо высшую должность въ другихъ ведомствахъ. Такъ, настоящій вице-канцлеръ занимаетъ должность прокурора финляндскаго сената, по которой онъ получаетъ особое содержаніе.

языкъ въ университетахъ имперіи (20 т. марокъ), стипендіи и вспомоствованія, идетъ на жалованье разнымъ лицамъ, служащимъ въ университетѣ и его учрежденіяхъ, а также и на содержаніе самыхъ учреждений (библіотекъ, лабораторій, ботаническаго сада, обсерваторій) и другіе расходы.

Въ 1876 году была основана еще новая экстраординарная каеэдра шведскаго и древне-скандинавскаго языковъ и литературы. Каеэдра эта учреждена вслѣдствіе ходатайства трехъ сословій: дворянскаго, духовнаго и горожанъ, выраженнаго на одномъ изъ предыдущихъ сеймовъ.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ каеэдръ и должностей къ концу отчетнаго трехлѣтія оставались незанятыми: на богословскомъ факультетѣ—каеэдры практическаго богословія и герменевтики, на юридическомъ—экономическаго права и политической экономіи, на филологическомъ—римской литературы, на математическомъ—астрономіи. Изъ экстраординарныхъ каеэдръ были не заняты: финскаго языка и литературы (на юридическомъ факультетѣ), офталмологіи и шведскаго языка и литературы (вновь учрежденная). Кромѣ того, не были замѣщены должности лектора англійскаго языка, лаборантовъ при химической и физиологической лабораторіяхъ, ассистента при патолого-анатомической клиникѣ, учителя фехтованія, гимнастики, аммануэнса при этнографическомъ музеѣ и садовника. Нѣкоторыя изъ каеэдръ въ настоящее время уже замѣщены, на примѣръ, астрономіи и шведскаго языка и литературы.

Трехлѣтіе 1875—1878 года было не особенно счастливо для университета въ отношеніи переувѣнъ и потерь въ личномъ составѣ профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, принадлежащихъ или прежде принадлежавшихъ къ университету. Такъ, 8-го января 1876 года умеръ на 82 году своей жизни министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго графъ Александръ Армфельтъ, который въ теченіе 35 лѣтъ былъ докладчикомъ у канцлера по дѣламъ университета и который самъ въ двухъ случаяхъ исполнялъ должность канцлера. Утрата эта тѣмъ болѣе чувствительна для университета, что покойный графъ, какъ опытный и просвѣщенный истолкователь нуждъ высшаго учебнаго заведенія, въ долготлѣтній періодъ своей службы, въ теченіе двухъ царствованій, принесъ существенную пользу дѣлу преуспѣванія университета. Послѣдній почтилъ память и заслуги графа Армфельта торжественнымъ траурнымъ актомъ, происходившимъ 27-го апрѣля того же года, на которомъ профессоръ Лагусъ, передъ мно-

гочисленною публикою, произнесъ рѣчь, заключающую въ себѣ благодарное признаніе и оцѣнку заслугъ покойнаго графа.

По смерти гр. Армфельта произошли незначительныя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи университета: докладчикомъ по дѣламъ университета назначенъ былъ генераль-отъ-инфантеріи баронъ Индреніусъ, который передъ тѣмъ былъ вице-канцлеромъ университета и во время болѣзни гр. Армфельта исполнялъ его должность. На должность вице-канцлера былъ назначенъ прокуроръ финляндскаго сената Т. С. Пальмень.

По выходѣ въ отставку бывшаго ректора университета профессора Топеліуса, на основаніи § 25 устава были представлены канцлеру три кандидата на должность ректора, изъ которыхъ одинъ, профессоръ Лагусъ, бывшій до того времени проректоромъ, и назначенъ на должность ректора на текущее трехлѣтіе. Проректоромъ же утвержденъ профессоръ Альквистъ.

Въ минувшее трехлѣтіе университетъ понесъ тяжкія утраты въ средѣ своихъ членовъ, причисленныхъ къ этому учрежденію въ качествѣ почетныхъ докторовъ и заслуженныхъ профессоровъ. Прежде всего нужно упомянуть о Юганѣ Людвигѣ Рунсбергѣ, знаменитомъ въ Финляндіи и на скандинавскомъ сѣверѣ поэтѣ. Рунсбергъ былъ въ 1830 — 1837 годахъ доцентомъ римской словесности и затѣмъ нѣсколько лѣтъ лекторомъ латинскаго языка въ гимназіи г. Борго; въ этомъ городѣ онъ и умеръ 6-го мая 1877 года. Смерть его составила важное событіе во внутренней жизни университета, который, раздѣляя глубокую скорбь всей страны, оплакивавшей невознаградимую національную утрату, въ лицѣ почти всей корпораціи профессоровъ и большинства студентовъ присутствовалъ при погребеніи поэта. На слѣдующій годъ, въ годовщину кончины Рунсберга, въ актовомъ залѣ университета состоялось траурное торжественное собраніе, на которомъ профессоръ Альквистъ на финскомъ и профессоръ Топеліусъ на шведскомъ языкахъ произнесли рѣчи о заслугахъ и значеніи Рунсберга для Финляндіи. Зала была декорирована чернымъ сукномъ, зелеными картонами съ изображеніями сценъ изъ различныхъ произведеній поэта. Три дня она оставалась открытою для публики.

Въ томъ же году, именно 25-го іюня, умеръ епископъ боргоской епархіи докторъ богословія Шауманъ, бывшій въ 1838—1847 годахъ адъюнктомъ, а затѣмъ профессоромъ богословія. На похоронахъ его отъ университета присутствовали ректоръ и нѣсколько студентовъ.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ крупныхъ потерь смерть унесла еще нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ университету и находившихся въ отставкѣ. Такъ, 21-го мая 1876 года умеръ заслуженный профессоръ Аминовъ, занимавшій съ 1831 по 1852 годъ кафедру философіи; 18-го января 1878 г.—докторъ богословія Карендеръ; 27-го января того же года — докторъ богословія и доцентъ еврейскаго языка и литературы Боргъ. Изъ состоящихъ на службѣ въ университетѣ въ послѣднее трѣхлѣтіе умерли: молодой ученый, докторъ философіи Карль Энсбергъ, во время своего путешествія по Месопотаміи въ 1876 году; профессоръ богословія и герменевтики Андрей Ингманъ (22-го іюня 1877 г.) и лекторъ англійскаго языка Столпе (22-го іюля 1878 года).

Нѣкоторые изъ числа профессоровъ и преподавателей вышли въ отставку, какъ выслужившіе извѣстные сроки или достигшіе предѣльнаго возраста (60 лѣтъ) для профессорской службы; другіе же или получили иныя назначенія, или перешли на службу въ другія учрежденія. Такъ, лекторъ финскаго языка Боргъ назначенъ былъ директоромъ финляндской статсъ-канцеляріи; профессоръ астрономіи Крюгеръ—призялъ должность директора астрономической обсерваторіи въ Готѣ; профессоръ уголовного права и исторіи права Эрстремъ — назначенъ членомъ судебного департамента финляндскаго сената; доцентъ патологической анатоміи докторъ медицины Флоринъ занялъ должность совѣтника медицины при главномъ медицинскомъ управленіи въ Финляндіи; доцентъ докторъ Генетцъ перешелъ на должность лектора въ Тавастгускій лицей.

Изъ вышедшихъ въ отставку съ званіемъ заслуженнаго профессора и полною пенсією слѣдуетъ упомянуть профессора физики Моберга и профессора политической экономіи Лильстранда.

Ученыя поѣздки и командировки профессоровъ и преподавателей какъ съ субсидією отъ университета или казны, такъ и на частныя средства и на свой счетъ были въ разсматриваемый нами періодъ довольно многочисленны. Такъ, болѣе 20 человекъ получили отпуска отъ 1 до 8 мѣсяцевъ для поѣздовъ со ученою цѣлію за границу и въ Россію. Между прочимъ профессоръ финскаго языка и литературы Альквистъ ѣздилъ въ восточную Россію и Сибирь для лингвистическихъ изслѣдованій языковъ финскихъ племенъ; профессоръ греческой литературы Лагусъ — во Флоренцію на конгрессъ ориенталистовъ; профессоръ русскаго языка и словесности Нордквистъ — въ Германію и Австрію съ педагогическою цѣлію; профессоръ хирургіи

Эстляндеръ—на медицинскій конгрессъ въ Филадельфію и Нью-Йоркъ, профессоръ Амелинъ—на археологическій конгрессъ въ Казань. Кромѣ отпусковъ и командировокъ, нѣкоторые изъ профессоровъ должны были участвовать въ теченіе двухъ учебныхъ семестровъ на сеймѣ 1877 — 1878 года, какъ депутаты отъ разныхъ сословій. Такъ, въ числѣ представителей духовнаго сословія, въ которому причислено и учебное вѣдомство, приняли участіе: профессоръ уголовного права Эрстремъ и профессоръ восточной словесности Допнеръ; въ числѣ представителей дворянства — вице-канцлеръ Пальменъ, профессоръ Монтгомери (римскаго и гражданскаго права), Мехелинъ (государственнаго права), фонъ-Бехеръ (физиологій и фармакологій), Пиненшельдъ (дѣтскихъ болѣзней и акушерства), Рейнъ (философій), лекторъ Годенгельмъ и доцентъ Пальменъ; городского сословія—профессоръ педагогій Клеве и исторіи — Фирсманъ. Всѣ эти лица принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи разныхъ вопросовъ, предложенныхъ правительствомъ, сами возбуждали вопросы и представляли петиціи, участвовали въ работахъ сеймовыхъ комиссій и проч.

Наконецъ нельзя пройти молчаніемъ участія нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ университетской корпораціи, въ минувшей войнѣ. Такъ, должность баталіоннаго священника при лейбъ-гвардіи финскомъ стрѣльковомъ баталіонѣ исполнялъ аммануэнсъ консисторіи пасторъ Ранкенъ; доцентъ докторъ медицины Крапъ и кандидаты медицины: Бекваль, Рунсбергъ и Сундвикъ находились: первый старшимъ, а трое послѣднихъ младшими врачами при финскомъ лазаретѣ общества „Краснаго Креста“, находившемся на театрѣ войны въ Малой Азіи.

Кромѣ сейма нѣкоторые профессора и преподаватели, преимущественно изъ числа юристовъ и медиковъ, принимали участіе, какъ выборные отъ города, въ дѣлахъ городского общественнаго управленія въ качествѣ предсѣдателей и членовъ различныхъ комиссій; они исполняли иногда довольно трудныя и сложныя обязанности, отнимавшія много времени отъ преподавательскихъ должностей. Участіе въ городскомъ управленіи лицъ ученаго сословія не могло, разумѣется, также не отразиться благоприятно на разнообразныхъ интересахъ города и благосостоянія его населенія.

Учебная дѣятельность профессоровъ и преподавателей заключалась въ чтеніи лекцій и въ практическихъ занятіяхъ со студентами. Такъ какъ въ университетѣ раздѣленія на курсы не существуетъ, то въ преподаваніи факультетскихъ предметовъ нѣтъ того порядка и

послѣдовательности, какъ въ университетахъ имперіи. Точно такъ же объемъ и число факультетскихъ предметовъ по каждой кафедрѣ не опредѣлены. Каждый преподаватель располагаетъ и читаетъ лекціи по своему предмету въ томъ объемѣ и порядкѣ, какіе самъ признаетъ необходимыми и полезными. Только передъ каждымъ семестромъ онъ заранѣе объявляетъ консисторіи о томъ, что намѣренъ читать. На обязанности консисторіи лежитъ уже сдѣлать это извѣстнымъ преподавателямъ и студентамъ.

Въ разсматриваемое трехлѣтіе, вслѣдствіе участія нѣсколькихъ профессоровъ на бывшемъ въ 1877—1878 году сеймѣ, лекціи по многимъ предметамъ, особенно на юридическомъ и частію на богословскомъ и медицинскомъ факультетахъ, не читались. Точно такъ же другія неблагоприятныя обстоятельства, какъ то: смерть, выходъ въ отставку, продолжительныя болѣзни не выгодно отразились на ходѣ учебныхъ занятій въ этомъ періодѣ. Въ особенности вліяніе ихъ отозвалось чувствительно на физико-математическомъ факультетѣ, наиболѣе бѣдномъ учеными силами, гдѣ, напримѣръ, на всѣ предметы чистой и прикладной математики въ 1875—1876 году приходился одинъ доцентъ, а въ слѣдующемъ году — два доцента. Каедрѣ же астрономіи, по выходѣ въ отставку профессора Крюгера и вслѣдствіе отказа отъ занятій ея единственнаго кандидата оставалась долгое время вакантою.

Въ числѣ различныхъ предметовъ на юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ, обращаетъ на себя вниманіе преподаваніе русскаго языка и словесности, російскаго законовѣдѣнія и русской исторіи. Такъ, въ то же трехлѣтіе профессоръ русскаго языка и словесности въ различные семестры читалъ: древнюю русскую литературу по „Хрестоматіи“ Галахова, объяснялъ русскій переводъ „Фритіофа“ Грота и занимался русскою грамматикою со стипендіатами русскаго языка. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ въ 1863 году къ кафедрѣ русскаго языка и словесности было отнесено и російское законовѣдѣніе, чтеніе котораго по § 123 устава 1852 г. до этого времени лежало на обязанности профессора гражданскаго и уголовнаго права и которое было обязательно для юристовъ, профессоръ русскаго языка (обыкновенно не юристъ) долженъ былъ читать и этотъ предметъ желающимъ студентамъ юридическаго факультета. Изъ росписанія лекцій по семестрамъ видно, что преподаваніе російскаго законовѣдѣнія началось только съ осенняго семестра 1877

года и заключалось въ переводѣ и объясненіи русскихъ судебныхъ уставовъ 1864 года.

Что касается русской исторіи, то она, какъ самостоятельный предметъ, не преподается, а читается въ связи съ исторіей сѣверныхъ государствъ; есть кафедра исторіи финской-русской и сѣверныхъ странъ.

II.

Учащіяся.—Условія приѣма въ студенты.—Число молодыхъ людей, поступившихъ въ университетъ за послѣдніе 15 лѣтъ.—Оцѣнка познаній поступившихъ въ университетъ за трехлѣтіе 1875—78 г.—Возрастъ и сословія.—Распределение по факультетамъ и отдѣленіямъ (землячествамъ).—Число студентовъ, выбывшихъ изъ университета.—Общее число студентовъ и составъ университетскаго «корпуса».—Возрастъ студентовъ.—Дисциплинарная коммиссія и ея дѣятельность.—

Въ Финляндскомъ университетѣ существуютъ особныя условія и порядки для молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ. Кромѣ аттестата объ окончаніи курса въ лицей или другомъ среднемъ учебномъ заведеніи края, необходимо еще выдержать повѣрочное испытаніе въ экзаменаціонной коммиссіи въ университетѣ. Хотя испытаніе это есть болѣе формальность, чѣмъ серьезная повѣрка знаній поступающаго въ студенты, такъ какъ весьма рѣдко бывають случаи, чтобы окончившій курсъ въ лицей или выдержавшій въ немъ письменное испытаніе не былъ принятъ въ университетъ, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ значеніе нѣкотораго контроля надъ ходомъ учебнаго дѣла въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ обучались экзаменующіеся.

Условія для поступленія въ студенты, требуемыя Высочайше утвержденнымъ 14-го января 1874 года постановленіемъ, слѣдующія: необходимо выдержать письменное испытаніе въ лицей и устное въ испытательной коммиссіи при университетѣ. На письменномъ испытаніи требуется: а) написать сочиненіе на родномъ языкѣ (шведскомъ или финскомъ) по какому-либо предмету изъ курса того учебнаго заведенія, гдѣ экзаменующійся обучался; б) перевести безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ съ роднаго языка на латинскій; в) сдѣлать переводъ съ роднаго языка на одинъ изъ иностранныхъ языковъ, и д) рѣшить три математическія задачи. Эти испытанія производятся въ лицейяхъ, обыкновенно въ первой половинѣ марта. Письменные работы, по разсмотрѣніи ихъ въ лицейяхъ, посылаются въ университетъ, въ испытательную коммиссію, которая, по одобреніи ихъ, до-

пускаетъ экзаменующагося къ устному испытанію изъ слѣдующихъ предметовъ: закона Божія, древнихъ и новыхъ языковъ, исторіи и математики. При этомъ требуется получить баллы:

По закону Божію	лишій 1	высшій 3
„ латинскому языку	3	„ 9
„ греческому или русскому	2	„ 6
„ нѣмецкому	1	„ 3
„ французскому (необязательно)	1	„ 3
„ исторіи	2	„ 6
„ математики	3	„ 9

Кромѣ того, для общей оцѣнки принимается во вниманіе и сумма балловъ. Такъ, чтобы получить отмѣтку:

1 „удовлетворительно“,	нужно имѣть отъ 13 до 20 бал.
2 „хорошо“,	„ „ „ 21 „ 28 „
3 „очень хорошо“,	„ „ „ 29 „ 39 „

Устные испытанія при университетѣ производятся обыкновенно съ первой половины мая до первой половины іюня или же въ первой половинѣ сентября. Если экзаменующійся не выдержитъ испытанія по какому-нибудь изъ упомянутыхъ предметовъ, то ему дозволяется чрезъ мѣсяць снова подвергнуться испытанію. По окончаніи устнаго испытанія, если оно прошло удовлетворительно, производится зачисленіе въ студенты, а испытательная коммиссія посылаетъ свой отзывъ о результатѣ испытанія въ то учебное заведеніе, въ которомъ экзаменующійся воспитывался. По окончаніи устнаго испытанія, взимается обыкновенно 40 марокъ въ пользу экзаменаторовъ. О каждомъ выдержавшемъ экзаменъ публикуется въ мѣстныхъ газетахъ.

Испытательная коммиссія въ теченіе послѣдняго трехлѣтія состояла подъ предсѣдательствомъ профессора педагогическаго и дидактическаго Клэве, изъ профессоровъ: философіи—Рейна и богословія—Югансона, доцентовъ: физики—Сунделя, философіи—Церадера и лекторовъ: русскаго языка—Мартинсона и финскаго—Крона.

Въ послѣдніе три года число молодыхъ людей, выдержавшихъ испытаніе, было 452, на 78 болѣе, нежели въ предшествовавшее трехлѣтіе, и на 45 менѣе, чѣмъ въ трехлѣтіе 1869—1872 года. Периодическое повышеніе или пониженіе числа поступившихъ въ студенты въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ 1863—64 уч. г. поступило . . .	113 ч.
„ 1864—65 „ „ . . .	134 „
„ 1865—66 „ „ . . .	161 „
„ 1866—67 „ „ . . .	149 „
„ 1867—68 „ „ . . .	160 „
„ 1868—69 „ „ . . .	159 „
„ 1869—70 „ „ . . .	164 „
„ 1870—71 „ „ . . .	116 „
„ 1871—72 „ „ . . .	217 „
„ 1872—73 „ „ . . .	167 „
„ 1873—74 „ „ . . .	99 „
„ 1874—75 „ „ . . .	108 „
„ 1875—76 „ „ . . .	137 „
„ 1876—77 „ „ . . .	153 „
„ 1877—78 „ „ . . .	162 „

Среднее число поступившихъ въ университетъ въ послѣднее трехлѣтiе было 150 чел., что превышаетъ на 3,4 средняго числа всѣхъ 15 лѣтъ—146,6.

Учебныя заведенiя, изъ которыхъ поступили молодые люди, число ихъ и познанiя, оказанныя на устномъ испытанiи за послѣднiе три года, представлены въ слѣдующей таблицѣ:

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНIЯ.	Число поступившихъ.			
	Оцѣнка познанiй.			Сумма.
	3	2	1	
Абоскiй лицей	13	47	38	98
Гельсингфорскiй нормальный . . .	30	50	17	97
Куопiоскiй	5	21	20	46
Улеаборгскiй.	5	19	21	45
Вазаскiй	1	17	23	41
Ювяскюльскiй	8	22	8	38
Тавастгуское элемент. училище . .	1	11	17	29
Боргоскiй лицей	4	13	19	26
Выборгскiй	6	6	5	17
Гельсингфорскiй частный	5	5	5	15
Сумма	78	211	163	452

Изъ числа 452 человекъ, 128 экзаменовались по русскому языку, причемъ 10 получили отиѣтку 3, 116—2, и 62—1¹⁾.

¹⁾ Не слѣдуетъ, однако, думать, что все это число молодыхъ людей, выдержавшихъ испытанiе въ русскомъ языкѣ, продолжаетъ заниматься имъ и въ уни-

Средній баллъ, полученный на испытаніи по каждому учебному заведенію, будетъ слѣдующій:

Гельсингфорскій нормальный лицей	2,14
Выборгскій лицей	2,06
Юваскюльскій	2,00
Гельсингфорскій частный	2,00
Боргоскій	1,80
Абоскій	1,74
Буошоскій	1,67
Улеаборгскій	1,64
Вазаскій	1,46
Тавастгуское элементарное училище	1,45
Общій средній	
	1,81

Отсюда видно, что лицей двухъ большихъ городовъ Финляндіи Гельсингфорса и Выборга, особенно перваго, даютъ наилучшіе результаты въ качественномъ отношеніи, что совершенно естественно, такъ какъ въ этихъ городахъ живетъ наиболѣе интеллигентная часть Финляндцевъ. Замѣчательно, что Абоскій лицей, одно изъ старыхъ среднихъ учебныхъ заведеній края, стоитъ не высоко по достигаемымъ имъ успѣхамъ, хотя Або губернской городъ одной изъ наиболѣе богатыхъ и многлюдныхъ губерній и по численности и составу населенія занимаетъ второе мѣсто послѣ главнаго города края, а слѣдовательно и по качеству даваемого имъ контингента учащихся долженъ былъ бы стоять не ниже.

Возрастъ молодыхъ людей, поступившихъ въ университетъ, въ тотъ же трехлѣтній періодъ времени, былъ слѣдующій: 4-мъ минуло

верситетъ. Обыкновенно русскимъ языкомъ въ немъ занимаются только тѣ студенты, которые получаютъ или желаютъ получить одну изъ 8-ми такъ называемыхъ малыхъ русскихъ стипендій (239 марокъ въ годъ каждая), или же студенты и кандидаты, желающіе получить одну изъ 5-ти большихъ русскихъ стипендій (3,000 марокъ каждая). Малыя стипендіи учреждены съ цѣлю способствовать изученію русскаго языка студентами-Финляндцами, а большія — для основательнаго изученія русскаго языка въ Московскомъ университетѣ, выдаваемая обыкновенно на два года съ обязательствомъ впоследствии, по окончаніи курса въ университетѣ или по выдержаніи общаго экзамена для поступленія на государственную службу, поступить на службу переводчикомъ въ финляндскій сенатъ, чиновникомъ или переводчикомъ въ статсъ-секретаріатъ и канцелярію генералъ-губернатора. Стипендіи эти, равно какъ и малыя, однако, рѣдко бывають всѣ заняты. Вообще же русскій языкъ не обязательенъ.

16 лѣтъ, 38—17, 85—18, 96—19, 78—20, 75—21, 38—22, 13—23, 13—24, 6—25, 2—26, 1—27, 2—28 и 1—29. Такимъ образомъ, средній возрастъ $19\frac{2}{3}$ г., почти тотъ же, какой былъ въ трехлѣтіе 1869—72 года.

По сословіямъ и общественному положенію родителей поступившіе принадлежали къ слѣдующимъ категоріямъ: сыновей лицъ духовнаго званія—93 человѣка, дѣтей профессоровъ, учителей и другихъ лицъ, имѣющихъ ученое званіе или степень—28, гражданскихъ чиновниковъ—90, военныхъ—22, купцовъ и фабрикантовъ—46, ремесленниковъ—28, факторовъ типографій—8, кюстеровъ—8, шкиперовъ и штурмановъ—10, разныхъ городскихъ сословій—14, сельскихъ должностныхъ лицъ—25, крестьянъ—33, бобылей и работниковъ—13, неизвѣстнаго званія родителей—3. Кромѣ того, было 31 человѣкъ, званіе которыхъ, по неполнотѣ метрическаго свидѣтельства, не могло быть съ точностію опредѣлено.

Все число поступившихъ по факультетамъ распредѣлялось такъ: на богословскій поступило—81, на юридическій—101, на историко-филологическій—111 и на физико-математическій—159.

Перейдемъ теперь къ наличному составу учащихся. Число студентовъ, записавшихся на каждый семестръ, по свидѣніямъ, доставленнымъ кураторами ¹⁾ отдѣленій, будетъ слѣдующее:

Въ 1875—76 учеб. году	{	Осенній семестръ	638	челов.
		Весенній	615	"
Въ 1876—77 учеб. году	{	Осенній семестръ	627	челов.
		Весенній	531	"
Въ 1877—78 учеб. году	{	Осенній семестръ	673	челов.
		Весенній	605	"

Такимъ образомъ, среднее число студентовъ, приходящееся на каждый семестръ, выйдетъ $614\frac{5}{6}$, которое меньше такого же числа за предшествовавшее трехлѣтіе на 60 человѣкъ. Это уменьшеніе числа студентовъ, записывающихся на слушаніе лекцій, объясняется частію выбытіемъ ихъ изъ университетскаго города для занятій или на жительство въ провинцію, вслѣдствіе ежегодно увеличивающейся въ немъ дороговизны жизни, частію вслѣдствіе отвлеченія посторонними занятіями: частною службою, уроками и т. п.

¹⁾ Кураторъ—помощникъ инспектора, избираемый обыкновенно изъ доцентовъ; инспекторъ же назначается изъ профессоровъ.

По факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1875—76 уч. г.	1876—77 уч. г.	1877—78 уч. г.
На богословскомъ факультетѣ.	110 чел.	96 чел.	108 чел.
„ юридическомъ „	150 „	119 „	146 „
„ медицинскомъ „	63 „	66 „	70 „
„ историко-филолог. „	142 „	196 „	152 „
„ физико-математ. „	162 „	196 „	149 „

Числа эти среднія изъ двухъ семестровъ, причемъ дроби отбрасывались.

По отдѣленіямъ (землячествамъ) эти студенты въ то же трехлѣтіе распредѣлялись такъ:

Въ нюландскомъ	165 чел.	154 чел.	172 чел.
„ саволакскъ-корельскомъ . .	109 „	100 „	106 „
„ тавастландскомъ	70 „	64 „	60 „
„ западно-финскомъ	128 „	114 „	135 „
„ выборгскомъ	43 „	45 „	40 „
„ остерботнѣйскомъ	113 „	98 „	112 „

Такъ какъ въ университетъ поступаютъ почти исключительно уроженцы Финляндіи, то студенческія отдѣленія носятъ названіе провинцій, на которыя она была раздѣлена еще во времена принадлежности ея къ Швеціи. Родившіеся внѣ предѣловъ края, напримѣръ, въ другихъ частяхъ Россіи, должны приписаться къ одному изъ выше названныхъ отдѣленій ¹⁾. Изъ предъидущихъ чиселъ видно, что студенты трехъ южныхъ отдѣленій, особенно нюландскаго, усерднѣе другихъ посѣщаютъ университетъ, чему главнымъ образомъ способствуетъ близость университетскаго города, лучшіе пути сообщенія и большая зажиточность населенія.

Свидѣтельство объ увольненіи изъ университета въ теченіе 3-хъ лѣтъ выдано было 260 студентамъ. Выше были приведены цифры студентовъ, посѣщавшихъ лекціи въ упомянутое трехлѣтіе. Число же всѣхъ студентовъ, составляющихъ такъ называемый студентскій корпусъ и записанныхъ въ семестровые списки отдѣленій, такъ называемые каталоги, издаваемые лишь съ весенняго семестра 1876 года, значительно болѣе. Такъ, въ 1876 году въ весеннемъ семестрѣ числи-

¹⁾ Въ спискахъ студентовъ за рассматриваемое трехлѣтіе находится 8 человекъ, родившихся въ Россіи: 6 въ Петербургѣ, 1 въ Петергофѣ и 1 въ одной изъ внутреннихъ губерній.

лось 982 студента, въ осеннемъ—1010; въ 1877 году въ весеннемъ—953, въ осеннемъ—1035; въ 1878 г. въ весеннемъ—978. Большее число студентовъ въ осенніе семестры происходитъ отъ того, что каждый годъ, въ концѣ весенняго семестра, поступаютъ новыя студенты, которые и записываются въ списки осенняго семестра. Слѣдующая таблица показываетъ процентное отношеніе числа студентовъ, записавшихся на лекціи, ко всему числу студентовъ каждаго отдѣленія:

Семестры.	Нюланд.	Сов.-Нор.	Тавастг.	Зап. Фин.	Выборг.	Остербот.
Осенній 1876 г.	71,8	59,8	54,8	61,2	68,9	56,2
Весенній 1877 г.	66,2	53,8	52,0	59,6	56,5	42,9
Осенній 1877 г.	73,0	55,6	50,4	67,0	58,8	59,6
Весенній 1878 г.	71,9	61,9	51,7	65,0	61,9	52,6

Приведенныя цифры общаго числа студентовъ нельзя, однако, называть точными, а только приблизительными, такъ какъ онѣ основаны на показаніяхъ товарищей. Дѣло въ томъ, что такъ какъ въ университетѣ срокъ пребыванія студентовъ не ограниченъ, то многіе изъ нихъ, числясь по нѣскольку лѣтъ въ спискахъ университета, вовсе не посѣщаютъ его и даже не живутъ въ университетскомъ городѣ, а разсѣяны по всей странѣ. Нужда и другія обстоятельства побуждаютъ ихъ бросать занятія въ университетѣ и заставляютъ браться за различнаго рода профессіи. Иные же, получивъ уже степени кандидата или магистра философіи, не перестаютъ носить званіе студента, хотя и состоятъ на различныхъ должностяхъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Такъ, напри- мѣръ, въ осеннемъ семестровомъ каталогѣ студентовъ 1878 года числилось 96 кандидатовъ разныхъ факультетовъ и магистровъ философіи.

Какого рода профессіями занимаются студенты, отсутствующіе изъ университета болѣе или менѣе продолжительное время, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. Въ томъ же осеннемъ семестровомъ спискѣ 1878 года значится, что 3 служили библиотекарями, 24—учителями въ лицеехъ и народныхъ школахъ, 15—въ конторахъ, 6—въ банкахъ, 3—на телеграфѣ, 5—на желѣзныхъ дорогахъ, 1—въ таможнѣ, 1—управляющимъ имѣніемъ, 2—лѣсничими, 4—были редакторами газетъ, 4—пѣвцами въ бывшей финской оперѣ, 2—морями и 1—мастеромъ на бумажной фабрикѣ.

Какого зрѣлаго возраста достигаютъ студенты—видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ весеннемъ семестрѣ 1877 года находимъ одного, родившагося въ 1833 г., имѣющаго званіе кандидата фило-

софіи и состоящаго студентомъ съ 1852 года; одного, родившагося въ 1834 году, состоящаго студентомъ на физико-математическомъ факультетѣ съ 1857 г., двухъ родившихся въ 1835 году. Вообще возрастъ студентовъ колеблется въ предѣлахъ 44 и 19 лѣтъ.

По національности всѣ студенты, за исключеніемъ 4-хъ русскихъ были финляндцы, причемъ шведскій элементъ преобладаетъ.

Дисциплинарная комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ ректора изъ декановъ факультетовъ, стряпчаго и секретаря въ теченіе того же трехлѣтняго періода разбирала одинъ проступокъ, а именно—нарушеніе общественной тишины и порядка и приговорила одного студента къ исключенію на $\frac{1}{2}$ года, а другого на два мѣсяца изъ университета. Кромѣ того, двумъ сдѣлано замѣчаніе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣла о студентахъ, замѣченныхъ въ неважныхъ дисциплинарныхъ проступкахъ, ректоръ передавалъ на распоряженіе отдѣленій, которыя и налагали соотвѣтственное проступку взысканіе.

Объ экономическомъ положеніи студентовъ можно отчасти судить по ихъ долговымъ обязательствамъ. На основаніи устава студенты даютъ росписки или вексели только съ вѣдѣнія ректора, который и дѣлаетъ на нихъ свои помѣтки. Такимъ образомъ въ 1876—77 году ректоръ помѣтилъ 171 росписку и 70 векселей, на сумму 189,419 марокъ; въ 1877—78—126 росписокъ и 35 векселей на сумму 115,842 марокъ. Изъ этихъ 402 долговыхъ обязательствъ 112 или болѣе $\frac{1}{4}$ сдѣланы были въ заемныхъ кассахъ нюландскаго, западно-финскаго и выборгскаго отдѣленій.

В. Ассеновъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУМЫНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ ¹⁾.

II.

Въ мартѣ 1878 г., вскорѣ послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, когда русскія и румынскія войска по большой части стояли еще на занятыхъ ими мѣстахъ, румынское правительство возы-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы сдѣлать здѣсь небольшое дополненіе къ предшествующей главѣ своей статьи. Въ ней (стр. 8-я «Современной лѣтописи» въ сентябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.*) было сказано со словъ отчета г. Точилеску, что онъ «описалъ двѣ румынскія рукописи — переводы концѣ XVIII столѣтія, поступившія въ (Румянцевскій) музей послѣ смерти В. И. Григоровича», а въ примѣчаніи 3-мъ къ этому мѣсту отмѣчено: «Какого содержанія эти рукописи—г. Точилеску въ своемъ отчетѣ не говоритъ. См. *Annal. societ. acad. române*, t. XI, sect. I, p. 49—50. Также ничего не сказано объ этихъ рукописяхъ (кромѣ того, что онѣ есть) и въ отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1876—1878 г.». Послѣ отпечатанія первой главы я имѣлъ возможность видѣть въ Москвѣ упомянутыя рукописи изъ собранія В. И. Григоровича. Оказывается, что въ этомъ собраніи, кромѣ хроникъ монаха Михаила Моксы, не двѣ румынскія рукописи, а три, и притомъ весьма интересныя; а поэтому считаю не лишнимъ указать здѣсь на ихъ содержаніе:

1) (№ 823), часть довольно, по видимому, бывшаго рукописнаго (второй половины XVIII вѣка) сборника словъ и сказаній, заключающая въ себѣ въ настоящее время только слѣдующія статьи: а) *Ичѣлѣмъ сѣть ши прѣккѣвѣиѣсь пзрин-телдѣи нѣстрѣ ѿфрѣмь. пѣнтрѣ покхѣицѣ, ши пѣнтрѣ драгѣте, ши пѣнтрѣ котѣзѣ ши пѣнтрѣ мзртѣрсиѣре, ши пѣнтрѣ лѣдѣа крѣчѣи. ши пѣнтрѣ 'адѣа кенѣре алдѣи хѣ, ши пѣнтрѣ жѣдекѣта чѣмъ*

иѣло мысль снарядить нѣчто въ родѣ ученой экспедиціи въ Болгарію для собиранія, описанія, снятія копій съ памятниковъ письменныхъ и неписьменныхъ римскихъ, по преимуществу, и греко-

чѣ ка сз фіе. **НѢКѢТЪ РѢКЪ** (Того же святаго преподобнаго отца нашего Ерема о покаяніи, о любви, о крещеніи, объ исповѣди, о славѣ креста, о второмъ пришествіи Христа и о будущемъ судѣ. Слово 102, — на 21 л. въ м. 4-ту); б) **ДѢНА ЛДІИ ІУЛІЕ ЕІ ЗНАЕ: ПЕНТРЪ МЪЧЕНІА СФІТЪ-ЛДІИ МЪЧЕНИКЪ КИРИКЪ, ШІ А МАЙЧІИ САЕ ІУЛІТА** (мѣсяца іюля 15-го дня: О мученіи святаго мученика Кирика и матери его Іулиты, — на 12 л.) и в) **ІСТОРІЕ ФОРТЕ ДЕ ФОЛО: ПЕНТРЪ МАНТЪІРЪ СФЛЕТЪЛДІИ СКРИСЪ ДЕ СФІТЪЛЬ МАКАРІЕ СІХАСТРЪ ЧЕ МАРЕ ШІ КЕСТИТЬ ШІ ТОВАТЫ ЛДМЪКЪ** (Исторія очень полезная о спасеніи души, написанная святымъ Макаріемъ, пустынникомъ великимъ и известнымъ во всемъ мірѣ, — на 8 л.). Письмо полууставное, но весьма не четкое.

2) (№ 824), Сандина адикъ повестя лдѣ Кир ынпърат. Къвентъла ынтею алдѣ Сандипій философъ тѣмъчитъ де пи лимба сиринѣскъ пре лимба елинѣскъ яръ акъ май предрѣмъ пе лимба румѣнѣскъ. Ачасть исторіе адъ скрисо май ынтѣй мосъ философъ пентрѣ Кир ынпърат а першилор ши пентрѣ нациря фіюлуй сѣшши пентрѣ даскалъ Сандипа философъ ши пентрѣ: 3: философи адъ ынпъратдлѣ ши пентрѣ цитоаре ынпъратулуй ши пентрѣ мешешциреле ой челе реле ши веклони чилѣ фост гѣтит аче вѣтрѣгъ съле факъ фіюлдѣ ынпъратдлѣ ынѣ ши асупра ынпъратдлѣ (Сандипа или повѣсть о царѣ Кирѣ. Слово (глава) первое Сандипы философа, перетолкованное съ сирійскаго языка на еллинскій, а затѣмъ на румынскій. Исторія эта сначала написана была Мосусомъ философомъ о Кирѣ, царѣ Персовъ, и о рожденіи его сына и объ учителѣ Сандипѣ философѣ, и о 7-ми царскихъ философахъ, и о царской наложницѣ, и о злыхъ и хитрыхъ козняхъ этой лукавой женщины противъ сына царя и противъ самаго царя). На последнемъ листѣ въ концѣ повѣсти отмѣчено, что ее «списалъ Іоаннъ Кръчюнъ Ѡ Шефънѣщи округа Дурвухю (въ сѣверной части Молдавіи) въ 1798 г. (мая 1-го дня)». Скороспись не особенно четкая и обычная въ дѣловыхъ бу-

*) « ам скрисо едъ Іоанъ Кръчюнъ дин цинѣтѣа Дурвухю Ѡ Шефънѣщи ла велкѣ 1798. Маю ын 1». По всей вѣроятности, у Румыновъ повѣсти этого рода были въ ходу въ XVIII в. Въ Бессарабіи я видѣлъ румынскій списокъ того же времени другой и довольно большой повѣсти «Иритоклитъ», и нѣсколько списковъ «Александрія» и нѣсколько сборниковъ самаго разнообразнаго содержанія — полусвѣтскаго, полудуховнаго.

славянскихъ. Порученіе это было возложено на извѣстнаго уже намъ г. Гр. Точилеску, которому должны были оказывать содѣйствіе русскія и румынскія военныя и гражданскія власти въ Болгаріи ¹⁾.

Свои изслѣдованія г. Точилеску началъ съ Видина, расположеннаго почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла римская крѣпость Вопопіа ²⁾. Здѣсь въ стѣнѣ крѣпости, съ юго-востока, между многими другими римско-византійскими остатками, привезенными изъ развалинъ, находящихся около сосѣднихъ городовъ—Флорейтина, Арчара и Лома, онъ нашелъ два камня съ римскими надписями (оба изъ Арчара, Colonia Ulpia Ratiaria). Первый, вставленный въ стѣну со стороны Дуная (выш. 18 м.), содержитъ въ себѣ слѣдующія строки.

AVGVSTALES
COL VLP. RAT
T. IVLIO PALE
THO ORNAT
CVRONA
OP

То-есть: Augustales Col(oniae) Ulp(iae) Rat(ariae), T(ito) Julio Pale(s)tho, ornat(o) coronâ... op... ³⁾.

магахъ XVIII в., съ сокращеніями и вязью. Языкъ, какъ и въ первой рукописи, народный по преимуществу.

3) (№ 825), Аморгюрия дѣи Авраком ши Анеіей (Любовь Авракова и Анеія, въ 8-ку). Повесть-романъ. Очень четкая и чистая скоропись XVIII в. Языкъ болѣе книжный, чѣмъ народный, съ болѣею примѣсью неологизмовъ.

¹⁾ Отчетъ о путешествіи г. Точилеску по Болгаріи былъ напечатанъ въ *Monitorul oficial al României*, 1878, № 91, стр. 2538—2542, и потомъ изданъ отдѣльно, въ Бухарестѣ въ 1878 г. подъ заглавіемъ: «Raport asupra unei misiuni epigrafice în Bulgaria».

²⁾ Notitia dignitat. imp.; у Акрополиты: Βοδίνου; у Θεοφιλάта Болгарскаго: Βοδίνον; въ грамотѣ XIII в. I. Аевня II: Бѣдынъ (у Среземскаго Свѣдѣнія и записки, кн. III, стр. 9); у Румыновъ: Diŭ. Древній городъ, пострадавшій отъ бомбрадированія въ послѣднюю войну, былъ населенъ исключительно Турками. Крѣпость имѣетъ 8 бастіоновъ съ 7 верками; самая древняя часть идетъ почти до самаго Дуная; надъ нею возвышается множество четверугольныхъ и круглыхъ башенъ. Постройка сдѣлана безвкусно и неискусно. Г. Точилеску нашелъ Видинъ въ самомъ жалкомъ положеніи.

³⁾ Монзень (Corpus inser lat. III, № 6295), слѣдя Кавницу, невѣрно приводитъ эту надпись отъ 3-ей строки до конца:

T. IVLIO IA
THOCII
CVR
S

Вторая находится на самомъ верху (на высотѣ 20 метровъ) укрѣпленія Ахмета и вставлена въ стѣну горизонтально. На ней вырѣзана слѣдующая надпись:

L. ANATINIO
L. LIB. PHOЕBO
AVG. COL VLP
RATORNATO
ORNAMENTIS
DECVRIONAL
IMMVNITATE
MVNER. PVBLIC
CONCESSA ABOR
DINE COL EIVSD
AVGVSTAL. COLE
AERE CONLATO
D D

То-есть: L. Anatinio L(ucii) lib(erto) Phoeb(о), Aug(ustali) Col(oniae) Ulp(iae) Rat(iariae), ornato ornamentis decurional(ibus), immunitate muner(um) public(orum), concessa ab ordine col(oniae) eiusd(em), Augustal(es) col(oniae) e(ius) aere conlato d(ecreto) d(ecurionum) ¹⁾.

Арсеналъ видинскій заключаетъ въ себѣ богатое собраніе оружія, костюмовъ и другихъ военныхъ принадлежностей, впрочемъ нагроможденныхъ безъ всякаго порядка въ археологическомъ отношеніи, а именно — аллебардъ,* булавъ, сабель, славянскихъ и австрійскихъ знаменъ, русскихъ и венгерскихъ киверовъ, всякаго рода военной одежды до шапокъ повстанцевъ самого послѣдняго времени; однимъ словомъ, очень обильный матеріалъ для изслѣдованія и изученія оружія стараго и новаго времени ²⁾.

¹⁾ Дежарденъ (*Annali dell' istituto di corrispondenza archeologica*, 1868, p. 43 seqq.) ошибается, читая 11-ю строку: *Augustali col(oniae F(ascensium)* и видя въ послѣднемъ словѣ: Оесвса. Г. Точилеску взялъ слово съ турецкаго губернатора, бывшаго еще въ Видинѣ, Сарри-паша, и правительственнаго врача, Фано-бей, въ присутствіи командира румынскаго гарнизона полковника Круцеску въ томъ, что эти камни немедленно будутъ отосланы въ Румынію вѣсть съ нѣкоторыми вещами изъ арсенала. Дѣйствительно, они вскорѣ обогатили собою національный музей въ Букурештѣ.

²⁾ Жаль, что г. Точилеску не остановился подольше на этихъ предметахъ; мнѣ не разъ приходилось слышать, что въ видинскомъ арсеналѣ есть вещи славянскія, принадлежащія эпохѣ, предшествующей времени прихода Турокъ на Балканскій полуостровъ.

Между интересными для Румыновъ предметами г. Точилеску видѣлъ колоколь съ слѣдующею румынскою надписью:

1785

Ачестъ клопотъ насте кѸмпзрат
 де жѸп: Іоанъ сын Тоадеръ
 жѸпнѣса Сафта ¹⁾.

Изъ Видина г. Точилеску переправился въ Калафатъ, куда, какъ онъ узналъ, переправлены были Румыномъ г. Кочу для министра Когальничану два римскіе памятника, открытые г. Кочу въ Арчаръ-Паланѣ. Одинъ изъ нихъ—каменный монументъ (дл. 0,60; шир. 0,92, толщ. 58), поставленный Квинтомъ Эліемъ Антониномъ въ честь императоровъ Септимія Севера и Антонина (194—217 гг. до Р. X). Надпись, вырѣзанная очень красиво, указываетъ на эпоху процвѣтанія римской письменности. Письмо сохранилось совершенно цѣлымъ. Вотъ эта надпись:

SEDATO . AVG . PRO SAL
 IMPP . SEVERI . ET . ANTONIN
 AVGG . ET . GENIO . COLL
 FABR . Q . AEL . ANTONIN
 DEC . PRIMUS . BIS . MAGIST
 COLL S . S . D . D

То-есть: Sedato Aug(usto), pro sal(ute) Imp(eratorum) Severi et Antonini Aug(ustorum), et genio Coll(egii) Fabr(um), Q(uintus) Ael(ius) Antonin(us) dec(urio) primus, bis magist(er) Coll(egii), s(upra) s(cripti)

¹⁾ То-есть: сей колоколь купленъ жуп(аномъ) Іоанномъ, сыномъ Тоадера (Теодора) (и) жуп(а)ницей Сафтой. Сынъ необычно въ славянскомъ языкѣ въ Румыніи. По предположенію г. Точилеску, этотъ колоколь, вѣроятно, увезенъ людьми Пазвантолу (о которомъ см. въ автобіографіи Соеронія Врячанскаго въ *Славянскомъ Сборникѣ*, изд. С.-Пб. отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета, и у Ирецка, *Исторія Болгарь*. Изд. 2. Одесса. 1878, стр. 629 и слѣд.) во время одного изъ набѣговъ на лѣвый берегъ Дуная, въ концѣ прошлаго вѣка, изъ какой-нибудь румынской церкви. *Monit. oficial al României*, 1878, № 91, p. 2540, col. I. Но на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе—не сказано. Другой колоколь съ румынскою надписью находится въ Прагнѣ. См. у *Jastrebova*, Податки за историју српске цркве. У Београду. 1879, стр. 61—62. Ср. *Columna lui Traian*, 1876, pp. 348—354; *Rösler*, *Romänische Studien*, S. 92—93. Сарри-паша далъ слово г. Точилеску, что колоколь будетъ возвращенъ румынскому правительству.

d(edit) d(edicavit) ¹⁾. Второй изъ двухъ привезенныхъ сюда монументовъ былъ взятъ со двора чауша хаджи Гассанъ Хюсейна въ Арчарѣ; это—саркофагъ (дл. 2,29; шир. 1,11) изъ кристалловиднаго камня, темно-фіолетоваго цвѣта, очень изящной работы; сохранился очень хорошо. Найдень 27 лѣтъ тому назадъ въ углубленіи со сводами въ саду чауша. Надпись, къ сожалѣнію, нарочно совершенно выскреблена; едва видны еще слѣды нѣсколькихъ буквъ. Она состояла изъ четырехъ строкъ и начиналась обычными въ надгробныхъ надписяхъ словами: D(is) M(anibus). Крыша саркофага (выс. 0,61) представляетъ у обоихъ концовъ по одному изображенію геніевъ смерти (съ крыльями, съ головой, опертою на одну руку, такъ какъ въ другой они держатъ по факелу) довольно искусной работы.

Вывезены въ Румынію еще два римскіе памятника, выкопанные около села Бѣлы, что недалеко отъ Бѣлградчика (Видинскаго округа), во время военныхъ работъ румынскихъ солдатъ на мѣстѣ, гдѣ найдены слѣды римскихъ бань. Одинъ изъ памятниковъ — маленькій римскій жертвенникъ безъ надписи; другой—также жертвенникъ изъ камня (дл. 0,96; шир. 0,45; т. 0,25), посвященный Геркулесу Эподомъ, работъ Августа Аврелія, о здравіи своего господина, своемъ и своихъ. Вотъ надпись:

HEBCVLI
INVICTO· P
RO S· D· N· AV
G· AVR· EPOD
ES· PRO S SVAE
ET SVORVM,
EX VISO. P

То-есть: Herculi invicto, pro salute d(omini) n(ostri) Aug(usti) Aur(elij), Epodes, pro salute suae et suorum ex viso p(osuit).

Изъ Видина, направляясь къ Арчару, г. Точилеску желалъ ѣхать по древней римской дорогѣ, соединявшей Бононию и Ратиарию, но разлитіе Дуная помѣшало ему, и онъ долженъ былъ взять другое направленіе. На небольшомъ разстояніи отъ селъ Витболя и Назиръ-махалы, населенныхъ отчасти и Румынами, на террасѣ, омываемой рѣчками Раковицей и Витболемъ, очень недалеко отъ Дуная, онъ открылъ слѣды небольшого укрѣпленія, безъ сомнѣнія — римскаго, одного изъ мно-

¹⁾ Издана была впервые г. Точилеску.

жества пунктовъ охранительной линіи Мезіи. Небольшія произведенныя здѣсь раскопки доставили одни римскіе кирпичи.

Село Арчаръ (тур. Арчаръ-паланка) расположено по обоимъ берегамъ рѣки того же имени; правый ея берегъ населенъ исключительно Болгарами и Румынами, а лѣвый — Турками. Здѣсь находилась столица прибрежной Дакии (*Dacia ripensis*), Колонія Ульпія-Ратиарія ¹⁾, которая, должно быть, была расположена по обоимъ берегамъ Арчара. Слѣды древняго укрѣпленія румынскій ученый видѣлъ къ сѣверу отъ города, на возвышеніи, находящемсяhalb отъ рѣки и окруженномъ окопами. Здѣсь же была поставлена въ послѣднюю войну турецкая батарея. Отъ древней стѣны, отъ роскоши и цвѣтущей жизни знаменитой Ратиарія, которую Прискъ называетъ: *μεγίστη καὶ πολυάνθρωπος* ²⁾, не осталось ничего, кромѣ названія, да и то въ искаженномъ видѣ, и множества кусковъ отъ древнихъ камней, колонъ, капителей, саркофаговъ и др., разбросанныхъ по улицамъ Арчара, или же употребленныхъ, какъ матеріалъ, въ постройкахъ и на кладбищахъ. Никто, кажется, не взялся собрать и сохранить отъ разрушенія и гибели хотя бы эти остатки.

Въ самой срединѣ дороги г. Точилеску нашелъ римскій камень съ слѣдующею надписью:

ERVILLIAE
VALERIAE
VXORI IVL
VALENTIS
II VIRAL

То-есть: *Ervilleae Valeriae uxori Iul(ii) Valentis duumviral(is)*.

А въ тѣсной улицѣ, ведущей къ джаміи, онъ нашелъ разбитый на двѣ части кусокъ карниза (дл. 1,858, в. 2,84) римско-византскаго стиля, вѣроятно, отъ какого-нибудь храма. Отдѣлка украшеній карниза напоминаетъ самую цвѣтущую пору греческаго искусства. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ джаміи найденъ былъ левъ очень изящной работы (вел. 0,80) и затѣмъ кусокъ камня, на ко-

¹⁾ Hierocles, p. 655; *Mommsen*, Corp. in scr. lat. III, Nr. 753: VLP. RATIAR EX MOESIA SVPERIORE; *Renier*. Nr. 1353: Ulpia Retiaria; *Notitia dign.* Ratiaria; *Tab. Penting.* и *Raven.* 4, 7: Ratiaris; Hierocles, p. 655: 'Ραζαρία; *Ptolem.*, 3, 9, 4 и 8, 11, 5: 'Ρατιαρία Μοσῶν; *Theophilact.*, 1, 8: 'Ρατερία.

²⁾ *Müller*, fr. 3, p. 73.

торомъ была вырѣзана надпись; отъ нея остались только виноградная кисть и два листа.

На правой сторонѣ рѣки г. Точилеску купилъ у Болгарина Цане Стефана находившійся во дворѣ послѣдняго римскій мраморный памятникъ (дл. 1,10, т. 0,38), разбитый съ правой стороны, съ слѣдующею надписью:

COEL
INGEN
HASTATO
H.S.E. SI
SATVRN
ETLEPIDII
NVAE. MAT
LIAE SATVR
SORORITES
FIERI IVS

То-есть: Coel[io]... ingen[uo centurio leg...] hastato [posteriori] h(ic) s(itus) e(st). si[bi et Coelio] Saturn[ino patri], et Lepidi[ae... inge]nuae mat[ri, et Coe]liae Satur[ninae] sorori, tes[tamento] fieri ius[sit] ¹⁾.

Сверху надписи видѣнъ слѣдъ короны.

Наконецъ, во дворѣ Румына Станчу Стояна г. Точилеску наполь необычнаго и рѣдкаго вида камень, представляющій въ рельефѣ щить и двѣ стрѣлы, наврестъ поставленные; онъ служитъ подножіемъ одного изъ столбовъ дома.

Всѣ эти камни, за исключеніемъ послѣдняго, который нельзя было взять съ мѣста безъ поврежденія дома, переправлены въ Румынію подъ наблюденіемъ румынскихъ военныхъ властей и принадлежатъ теперь національному музею въ Букурештѣ.

Послѣ Арчара г. Точилеску посѣтилъ придунайскій городъ Ломъ-Паланку, стоящій на развалинахъ римской крѣпости Альма, находившейся недалеко отъ Ратиаріи (на 18 кв. м.) ²⁾; слѣды древней крѣпости еще довольно хорошо замѣтны: на сѣверной сторонѣ города, на самомъ берегу Дуная, видны остатки римскаго очень ши-

¹⁾ Такъ возстановляетъ и читаетъ эту надпись г. Точилеску. Ср. Corp. inscr. lat., III, Nr. 6293.

²⁾ Procop. de aedif. 4, 6, p. 290. Ср. Itiner. Anton., p. 219. Notit. dignit., p. 108. T. Peutling.

рокаго строенія, а также находится самая крѣпость, населенная исключительно Турками и окруженная квадратнымъ (около 190 м.) окопомъ, съ круглыми бастіонами по угламъ.

Въ городѣ, недалеко отъ джаміа, называемой Читакъ, г. Точилеску нашелъ римскій камень (ш. 0,30, в. 0,60, т. 0,42); это памятникъ Юліамъ: Януарію, Капитону и Эафродиту, тремъ братьямъ, державшимъ на откупѣ таможи иллирійскія и береговъ Эракіа. Надпись въ немъ слѣдующая:

GENIOIL ¹⁾
 ORVM. IANVA
 RI. CAPITONIS
 EPAPHRODITIN
 C. P. P.
 HERMES. SER. VL
 P.

То-есть: Genio I[u][i]orum Januari, Capitonis, Epaphroditi n(ostrogum), c(onductorum) p(ortorii) p(ublici?), Hermes ser(vus) vil(icus) p(osuit) ²⁾.

За нынѣшнимъ городомъ, на правомъ берегу р. Лома, г. Точилеску нашелъ еще два римскіе памятника: одинъ — въ развалинахъ сожженной румынскими солдатами турецкой мельницы, представляющій въ рельефѣ двѣ волонне головы съ звѣздой на каждой; другой, мраморный (дл. 1,30, ш. 0,47), служитъ вмѣсто сходцевъ у бесѣдки на хуторѣ Махмудъ-бея; это — памятникъ, воздвигнутый въ правленіе Антонина Благочестиваго центуріономъ перваго италійскаго легіона, Люціемъ Мессіемъ Примомъ, въ честь правителя Нижней Мизіа, Тита Витразіа Полліона ³⁾. Надпись, очень искусно вырѣзанная, гласитъ:

HERCVLI
 PROSALVTE
 T VITRASIPOL:

¹⁾ Камень сверху разбитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первая строка на половину.

²⁾ Этими же самымъ работъ Гермесомъ поставленъ и другой памятникъ въ честь тѣхъ же лицъ; см. Согр. inscr. I. III, Nr. 751. а въ честь Юліа Капитона NNr. 753 и 6124.

³⁾ Titus Vitrasius Pollio былъ два раза консуломъ и во второй разъ въ 176 г. послѣ Р. X., а правителемъ Мѣзіа въ правленіе Антонина Благочестиваго, какъ видно изъ надписи въ Согр. inscr. lat. III, Nr. 762.

LION LEG AVG
PRPR
L MESSIVS PRIMVS
C LEG ITAL· R

То-есть: Herculi, pro salute T(iti) Vitrasii Pollion(is) leg(ati, avg(u)sti) p(ro) pr(aetore), L(ucius) Messius Primus, centurio leg(ionis) primaе italicae p(osuit) ¹⁾.

Изъ Лома румынской ученый переѣхалъ въ Рахову, или вѣрнѣе, Оряхово. Въ получасѣ разстоянія отсюда видны большія развалины римскаго укрѣпленія, называемыя донинѣ по турецки: Эски-кале (старая крѣпость). Башня, стоящая надъ главною стѣною, возвышается теперь отъ своего основанія всего на 4 м. 37 см. Съ высоты ея римскіе солдаты могли наблюдать окрестность на востокъ и западъ, и Островъ, и Кодуслуй, и даже отчасти дакійскій берегъ.

Что касается скульптурныхъ произведеній и надписей, то отъ нихъ—говорить г. Точилеску—здѣсь не осталось и слѣда. Только послѣ долгихъ распросовъ и поисковъ онъ нашелъ въ городѣ римскій камень (дл. 20), разбитый на двѣ части, съ греческою надписью (которую не приводитъ) въ 13 строкъ. Оба куска служили вмѣсто сходцевъ у двухъ болгарскихъ домовъ около училища. При содѣйствіи румынскихъ военныхъ властей камень былъ выданъ г. Точилеску и переправленъ въ Румынію для національнаго музея.

¹⁾ Ср. *ibid.* Nr. 6125. Оба эти камня г. Точилеску хотѣлъ переправить въ Румынію, но при этомъ произошелъ слѣдующій курьезный случай: Г. Точилеску возвратился въ Ломъ просить необходимаго содѣйствія у румынскаго генерала Радовича для переправки камней на лѣвый берегъ Дуная. Между тѣмъ, Болгаринъ, сопровождавшій румынскаго ученаго, поспѣшилъ въ мѣстную полицію и сообщилъ, что ученый *Влаж* набрелъ ни больше ни меньше, какъ на *кладъ*. Довѣрчивый предѣдатель городскаго совѣта поспѣшилъ снарядить казака съ нѣсколькими Болгарами для объѣзда и осмотра всѣхъ мѣстъ, посвященныхъ г. Точилеску съ утра того дня, и затѣмъ прибрать камни и привезти ихъ въ полицейскій домъ. Когда г. Точилеску возвращался съ нѣсколькими людьми на хуторъ Махмудъ-бей, то по дорогѣ встрѣтилъ казака съ Болгарами, везшими камни въ городъ. Тутъ завязался «маленькій споръ», говоритъ г. Точилеску въ своемъ отчетѣ; г. Точилеску удалось овладѣть камнями, которые и были ввѣрены имъ генералу Радовичу. Однако впоследствии онъ узналъ, что и отъ послѣдняго камни были отняты Болгарами на томъ основаніи, что это—памятники, отнятые Турками отъ церквей и кладбищъ болгарскихъ христіанскихъ, и которые не могутъ быть отчуждаемы.

Изъ Рахова г. Точилеску предполагалъ предпринять экскурсію по правому берегу Дуная, по направленію къ селу Гигену и городу Никополю; но совершенный недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ и разлитіе Дуная со стороны Гигена, а иногда и крайнее затрудненіе имѣть хотя какую-либо пищу, сдѣлали экскурсію невозможною и заставили румынскаго ученаго ограничить свою поѣздку только 18 днями. Такимъ образомъ, румынская ученая экспедиція въ Болгарію окончилась скорѣе, чѣмъ предполагалось, и это зависѣло преимущественно отъ условій времени, а также и отъ того, какъ сумѣли поставить себя Румыны по отношенію къ мѣстному населенію. Тѣмъ не менѣе, румынское правительство исполнило свой долгъ наукѣ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что и въ Россіи не подумали тогда же о подобномъ дѣлѣ. Тогда, разумѣется, можно было спасти множество погибшихъ отъ пламени, грабежа и дикой ярости невѣжественной толпы турецкихъ и нетурецкихъ, можетъ быть, иногда очень драгоценныхъ, рукописей и книгъ въ джаміяхъ, частныхъ домахъ, правительственныхъ и частныхъ архивахъ (какъ, напримѣръ, въ Адрианополѣ), бібліотекахъ и другихъ мѣстахъ. Румыны долго не будутъ въ состояніи воспользоваться тѣми богатствами, какія представляетъ Балканскій полуостровъ, и въ особенности Болгарія, для ихъ исторіи. Да и сверхъ того, имъ не слѣдуетъ забывать, что на Балканскомъ полуостровѣ есть націи, которыя когда-нибудь прійдетъ время устроить и свои музеи. Впрочемъ, Болгары показали уже г. Точилеску, какъ они смотрятъ на увозъ изъ своей страны остатковъ древности и старины.

III.

Аеонъ нельзя считать славянскою землею; но вліяніе, какое онъ имѣлъ на литературу Румыніи и на поддержаніе славянскаго элемента въ церкви и администраціи румынской, а также и нѣкоторыя политическія обстоятельства, въ силу которыхъ Румынскіе господа и бояре поддерживали тамошніе монастыри славянскіе и греческіе, дѣлаютъ умѣстнымъ упоминаніе здѣсь о путешествіяхъ румынскихъ ученыхъ и по Аеону.

До настоящаго времени Румыны не обращали вниманія на значеніе Аеона для исторіи ихъ литературы, просвѣщенія и народной экономической жизни. Аеонъ обращалъ на себя вниманіе румынскихъ ученыхъ путешественниковъ преимущественно архитектурой, живописью, мозаикой, скульптурой тамошнихъ церквей и другихъ зданій, а также

разнаго рода предметами, подаренными въ разныя времена Румынами въ тамошніе монастыри, предметами, состоящими изъ различныхъ шитыхъ по большей части Румынскими хозяйками и боярынями вещей, иконъ, сосудовъ и друг., и составляющими, слѣдовательно, богатый матеріалъ для ознакомленія со степенью культуры дарителей и дарительницъ, а также и состоянія матеріальнаго довольства и промышленности страны.

Еще въ 1858 г. Аеонъ посѣтилъ румынскій писатель и горячій патріотъ Димитрій Болинтиняну. Въ описаніи своего путешествія по аеонскимъ монастырямъ онъ приводитъ кратко и отрывочно преданія о началѣ этихъ монастырей и рассказываетъ о благодѣяніяхъ послѣднимъ Нягое Воды и другихъ указываетъ на племенной составъ монастырей, на роль и значеніе представителей каждой національности и сообщаетъ кое-что о библиотекахъ (нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ монастырей). Какъ человекъ мало подготовленный для научныхъ работъ, Болинтиняну не умѣлъ обращать вниманіе на многое, что имѣетъ очень важное значеніе, какъ для науки вообще, такъ и для исторіи Румыніи въ частности; тѣмъ не менѣе, сообщенныя имъ свѣдѣнія объ аеонскихъ монастыряхъ должны были имѣть большое вліяніе на установленіе болѣе или менѣе правильнаго взгляда на значеніе аеонскихъ монастырей для исторіи румынскаго народа. Въ этомъ случаѣ Болинтиняну не имѣлъ причинъ руководствоваться какими-либо національными тенденціями, какъ онъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ, — о румынскомъ тогдашнемъ скитѣ на Аеонѣ онъ упоминаетъ только мимоходомъ, — и потому его описанія вѣрны дѣйствительности и въ то же время не имѣютъ ничего общаго съ замѣтками и описаніями прежнихъ благочестивыхъ румынскихъ поклонниковъ аеонскимъ святынямъ ¹⁾.

Гораздо плодотворнѣе для науки, хотя нѣсколько одностороннею, была поѣздка на Аеонъ г. Одобеску, сдѣланная весною 1870 г. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени онъ не представилъ полнаго отчета о всѣхъ результатахъ этого своего путешествія ²⁾. То, что извѣстно изъ

¹⁾ Описаніе своего путешествія по Аеону Болинтиняну изложилъ въ своихъ *Calătorii la Româniî din Macedonia si muntele Atos sau Sânta-Agora*. Bucurescî. 1863, стр. 159—180. Ср. *Порфирия*, Первое путешествіе въ аеонскіе монастыри и скиты. Ч. I, отд. I. Кіевъ. 1877, стр. 67, 79 и др., а также и отдѣлъ II той же части.

²⁾ Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ самъ Одобеску въ одномъ примѣчаніи

его аеонскихъ работъ, касается исключительно христіанской иконографіи и мозаики, скульптуры византійскаго времени и рукодѣльныхъ произведеній Румынскихъ господарицъ и боярынь ¹⁾). Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть объ этомъ потому, что г. Одобеску, можетъ быть, первый изъ посѣтившихъ доселѣ Аеонъ обратилъ серьезное вниманіе на неписьменные христіанскіе памятники Аеона и поставилъ этотъ вопросъ на вполнѣ научную почву, и судя по тому, что уже имъ обнаружено, нужно надѣяться, что его опытная рука касалась очень многого, имѣющаго большое значеніе для науки.

„Святая, въ полномъ смыслѣ этого слова, гора еще неизвѣстна міру“, говоритъ г. Одобеску.—„Большая часть западно-европейскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ это мѣсто, исключительно были заняты отысканіемъ древнихъ рукописей; только очень немногіе изъ бывшихъ тамъ художниковъ и художниковъ-археологовъ могли проникнуть внутрь „скевофилакій“ (гдѣ монахи тщательно скрываютъ свои священные сосуды и одежды), сдѣлать кое-какія замѣтки о церковной живописи и сообщить нѣсколько подробностей объ архитектурѣ. П. И. Севастьяновъ, какъ православный, командированный туда русскимъ правительствомъ, кажется, первый снялъ копіи съ безчисленнаго множества произведеній этого рода, которыя всегда скрывались отъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Но что стало съ его коллекціей рисунковъ, скальбированныхъ и фотографическихъ снимковъ? Два года тому назадъ я былъ въ Россіи и не могъ добиться видѣть ее. Я также обратился къ тому же источнику, и благодаря единству религіи, и кромѣ того, прежнимъ своимъ знакомствамъ съ аеонскими монахами, жившими въ Румыніи, имѣлъ возможность во время своего посѣтшаго и недолговременнаго путешествія по двадцати или двадцати-одному большимъ монастырямъ Аеонской горы видѣть множество весьма важныхъ предметовъ, которые я не могъ описать тогда на мѣстѣ, оставаясь не на долго или останавливаясь

къ своему труду: *Cununa mare din thesaurulu de la Novc-Cercask cu privire asupra unor giuvelle scythice din museulu Ermitugiului de la St.-Petersburg*. Bucurescî. 1879, стр. 74, примѣч. 1.

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ я извлекаю изъ очень любопытнаго письма г. Одобеску къ редактору издававшася въ Парижѣ журнала *Annales archéologiques*, Дидрону, напечатаннаго въ этомъ же журналѣ (1871, т. XXVI, вып. 4-й, стр. 259—263) подъ заглавіемъ: *L'art au mont Athos*; затѣмъ изъ примѣчаній къ его трудамъ: *Cununa mare* и «Воздухъ съ вышитымъ изображеніемъ положенія Спасителя во гробѣ» (*Труды Московск. археолог. общества*, т. IV, в. I, стр. 21—36).

только на нѣсколько часовъ въ каждомъ монастырѣ. Цѣлью моея поѣздки на Аѳонъ было изслѣдовать памятники, касающіеся исторіи моего отечества, ибо, какъ извѣстно, четыре столѣтія тому назадъ Молдаво-валахскіе господа и бояре поддерживали и одаривали свѣтлыя мѣста на востокъ и въ частности, аѳонскіе монастыри. Они принимали ихъ изъ развалинъ и возобновили большую часть тамошнихъ церквей и монастырскихъ келлій; они давали имъ доходы и наполняли ихъ пожертвованіями, деньгами, драгоценностями, священными сосудами и богатыми священническими одеждами“¹⁾.

Результаты поѣздки, которую совершилъ г. Одобеску, превзошли его ожиданія.

Не письменные аѳонскіе памятники древности Одобеску относятъ къ тремъ періодамъ—языческому, византійскому или легендарному и новѣйшему, когда Аѳонъ получаетъ славянское названіе „Святѣ Гора“ и румынское „Сфанта Агуры (Sfântă Agură, — по простонародному сьнтѣ Агуры, — sânta 'Agura) и начинаетъ пользоваться благодѣяніями православныхъ Сѣвера (des orthodoxes du Nord), Болгарь, Сербовъ, Грузинъ, Русскихъ, и „по преимуществу Молдаво-Валаховъ“²⁾. Г. Одобеску во время своего путешествія имѣлъ въ виду только тѣ памятники, которые прямо касаются Румыновъ; „врочемъ“, говоритъ онъ далѣе,—„я не могъ не отмѣчать и многое другое, имѣющее древне-славянское происхожденіе, и указывать на предметы византійскаго времени и на рѣдкіе остатки греческой древности“³⁾.

Въ настоящее время можно отмѣтить только слѣдующіе изъ видѣнныхъ г. Одобеску памятниковъ византійской старинной мозаики:

- 1) въ монастырѣ Ксенофу—два почти въ естественную величину

¹⁾ *Annales archéologiques*, t. XXVI, p. 259—260.

²⁾ Вотъ чтò говоритъ Одобеску въ примѣчаніи къ этимъ послѣднимъ словамъ: «En confondant ainsi, dans cette énumération des protecteurs modernes du culte orthodoxe, les Roumains parmi les peuples slaves, j'agis certainement contre nos croyances nationales, et même contre la vérité ethnologique; toutefois, nous devons avouer, que jusque vers la fin du XVI-e siècle, l'influence morale des Slaves a dominé exclusivement chez nous et que, dans les églises, comme dans les relations administratives, la langue slave était la seule usitée. Dans les Principautés-Unies il n'y a guère que trois cent ans que l'on commencé à prier, à écrire et à imprimer en langue roumaine. Le slave n'a été définitivement supprimé dans les cérémonies du culte et dans les chancelleries qu'au siècle dernier. Ibid., p. 261. n., 1.

³⁾ Ibid.

отдѣльныя изображенія на стѣнѣ: одно—св. Георгія, и другое—св. Дмитрія;

1) въ монастырѣ Ставроникитѣ—большого размѣра и съ удивительнымъ мастерствомъ сдѣланное изображение св. Николая, называемаго *Στρίδιτης*, мозаическій бюстъ, обведенный кругомъ металлическою полосой;

3) въ монастырѣ Ватопедѣ — три малаго размѣра изображенія, очень хорошо сдѣланныя и представляющія: одно, св. Николая, другое—пресвятую Дѣву, третье—распятіе, которое можетъ, по истинѣ, считаться во всѣхъ отношеніяхъ верхомъ искусства; изображеніе Богородицы подарено Ватопедскому монастырю царицею Анастасіей, супругою царя Ивана Васильевича Грознаго; но несомнѣнно, что изображеніе это сдѣлано гораздо прежде времени дарительницы. Кромѣ того, г. Одобеску въ большой монастырской церкви видѣлъ два мозаическія изображенія благовѣщенія пресвятой Богородицы, сдѣланныя до XIII вѣка ¹⁾.

4) въ монастырѣ Хилендарѣ—изображеніе Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ;

5) въ лаврѣ св. Аѳанасія — прекрасно сдѣланное изображеніе св. Іоанна, украшенное медаліонами изъ разноцвѣтной и блестящей эмали; оно подарено императоромъ Никифоромъ Фокой ²⁾.

Кромѣ того, г. Одобеску сдѣлалъ множество снимковъ съ памятниковъ изъ эмали, золота, серебра, бронзы, украшенныхъ драгоценными камнями, и разныхъ произведеній скульптуры, миниатюръ въ книгахъ богослужебныхъ, а также много рисунковъ на священныхъ одеждахъ и разныхъ церковныхъ платахъ, вышитыхъ по большей части Румынскими господарницами и боярынями и подаренныхъ въ лавру св. Аѳанасія ³⁾ и въ монастыри: Ватопедъ, Дохиаръ, Пантократоръ Святонавловскій ⁴⁾, Хилендаръ, Иверъ ⁵⁾, Дохиаръ, Ксиропотамъ, Ксенофскій, Каракаль и др. ⁶⁾. Въ настоящее время можно указать только на

¹⁾ Снимокъ съ одного изъ этихъ двухъ изображеній обнаруженъ тамъ же, при статьѣ *Ж. Дюрана: L'iconographie russe*, и тамъ же, примѣч. 2 на стр. 225, а также и стр. 262, прим. 1.

²⁾ *Ibid.*, p. 262.

³⁾ О некоторыхъ памятникахъ лавры св. Аѳанасія см. у *Порфирія* «Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты», ч. 1, отд. I, стр. 191 и слѣд.

⁴⁾ Подробно тамъ же, ч. 1, отд. II, стр. 66—83.

⁵⁾ Бое-что объ этомъ см. тамъ же, стр. 185 и слѣд.

⁶⁾ *Annales archéologiques*, t. XXVI, p. 262—3.

нѣкоторые изъ снимковъ г. Одобеску съ этого рода аеонскихъ памятниковъ. Такъ, въ лаврѣ св. Аванасія онъ отмѣчаетъ прекрасно вышитое на столовомъ покрывалѣ изъ зеленого бархата изображеніе двуглаваго орла съ двумя коронами на обѣихъ головахъ и крестомъ съ тремя перекрестками по тремъ концамъ; внизу, подъ орломъ, вышита слѣдующая большими славянскими буквами надпись: **Милостію Божію Іу Нѣгоє коекода и Господиниъ къси Земли Оу҃гроблауѣнскон к' лѣто 3ѣд¹**).

Въ монастырѣ Дохиарѣ онъ снялъ нѣсколько весьма важныхъ въ научномъ отношеніи изображеній, вырванныхъ на камняхъ, вставленныхъ съ наружной стороны въ стѣны большой монастырской церкви; изъ этихъ изображеній онъ обнаружилъ, къ сожалѣнію, только одно, представляющее орла съ обращенною вправо головой, опущенными вертикально крыльями и расширеннымъ хвостомъ, видѣннымъ изъ-за ногъ, которые были довольно толсты, но, къ сожалѣнію, съ половины отбиты, какъ и самый хвостъ. На зобѣ, груди и верхнихъ загибахъ крыльевъ видны украшенія въ видѣ концентрически расположенныхъ маленькихъ кружковъ и пальмовыхъ листковъ. Изъ-за орла, къ верхнимъ угламъ четверугольной плиты изображенія, идутъ два копыта съ широкими, на подобіе листковъ липы, кончиками²). Та-

¹) *Сипина page*, p. 70, n. 2. По поводу этого изображенія двуглаваго орла, г. Одобеску, между прочимъ, замѣчаетъ: «...замѣчательнѣе всего то, что, послѣ паденія Греческой имперіи на Востокъ, тамошніе христіанскіе князья и господа очень часто присвоивали себѣ этотъ гордый знакъ величія, оставшійся безъ хозяина. Известно, что Кантакузины распространили его по всей Румыніи, какъ свой эмалльный гербъ, и Кянтемиръ передаетъ, что онъ былъ отнятъ отъ нихъ государемъ Ювентантиномъ Браиловану. Но мы знаемъ, что Бессарабы задолго до этого времени употребляли этотъ царскій знакъ». *Ibid.* Ср. «Аеонская гора» во *Всемирномъ Путешественникѣ*, 1877, іюнь, стр. 6.

²) *Ibid.*, p. 74, n. 1, tab. XVI, fig. 1. Ширина плиты: 60 сант., длина же—70 с. Ср. *Revue archéologique*, 1844, p. 321. Подобнаго рода украшенія на наружныхъ частяхъ церковныхъ стѣнъ были весьма распространены въ Болгаріи время ея независимости отъ Турокъ, какъ можно судить по оставшимся на старыхъ болгарскихъ церквахъ украшеніямъ, напримѣръ, старой митрополіи въ Тырновъ, и старой церкви св. Атанасъ въ Горней Ораховицѣ, городѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ Тырнова. А пальмовые листки, какъ и листки виноградные съ кистями или гроздьями, были любимымъ украшеніемъ наружныхъ и внутреннихъ частей болгарскихъ церквей. Во время произведенныхъ мною раскопокъ на мѣстѣ бывшей болгарской крѣпости въ Ченивъ, около нынѣшняго помакскаго села Доркова (*Ж. М. Н. Пр.*, 1880, іюнь, ч. ССІХ, стр. 405, пр. 1—2), разрыто

кихъ весьма важныхъ изображеній на каменныхъ плитахъ, вставленныхъ въ ту же стѣну церкви и предшествующихъ по времени построенію Дохіарскаго монастыря, есть еще нѣсколько; такъ, напримеръ, на одной плитѣ представленъ Александръ Македонскій ѣдущимъ на воздушной колесницѣ, запряженной двумя грифами — сюжетъ, взятый изъ баснословной исторіи этого царя и существующій донинѣ въ устныхъ преданіяхъ Румыновъ ¹⁾.

было нѣсколько мраморныхъ плитъ, по которымъ были прекрасно вырѣзаны такія изображенія; эти плиты принадлежатъ къ внутренней части церкви.

¹⁾ Ibid. Ср. *Annales archeologiques*, t. XXV, въ статьѣ о церкви св. Марга, въ Венеціи. О нѣкоторыхъ плащаницахъ, подаренныхъ въ афонскіе монастыри Румынскими господарями и боярынями, и о сравненіи ихъ съ нѣкоторыми славянскими и греческими см. статью Одобеску: «Воздухъ съ вышитымъ изображеніемъ положенія Спасителя во гробъ», въ *Труд. Московск. археолог. общества*, т. IV, в. 1, М. 1874. примѣч. 7 на стр. 23; 9,—24—25; 10,—27; 12,—28; 16,—29; 17,—31—32. Ср. *Порфирія* «Первое путешествіе»... ч. 1, отд. I, стр. 348.

III. Сърму.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ 1879 ГОДУ.

Третій годъ существованія Общества любителей древней письменности (считая съ 25-го апрѣля 1879 по 25-е апрѣля текущаго года) отличался такою же энергическою дѣятельностью, какъ и два предшествующіе. Какъ извѣстно, цѣль Общества—изданіе старинныхъ текстовъ русскихъ и славянскихъ, а также точное воспроизведеніе древнихъ и старинныхъ памятниковъ письма и миниатюрной живописи; согласно тому, нѣкоторые памятники издаются въ видѣ литографическихкихъ facsimile съ манускриптовъ, при чемъ воспроизводятся и находящіяся въ послѣднихъ миниатюры и украшенія; другіе же памятники печатаются типографскимъ способомъ, но также буквально съ рукописныхъ оригиналовъ.

Въ отчетномъ году изданы слѣдующіе памятники:

- 1) Житіе Николая Чудотворца, по рукописи XVII в., со многими лицевыми изображеніями; выпускъ 2-й, которымъ и заканчивается этотъ памятникъ.
- 2) Описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ, старинная географія, по рукописи XVII в.; выпускъ 1-й.
- 3) Житіе Матвѣя Прозорливаго лицевое, также по рукописи XVII вѣка.
- 4) Житіе печерскихъ подвижниковъ Василія и Θεодора, тоже лицевое.
- 5) Житіе Нифонта по рукописи XVI—XVII вѣка, выпускъ 1-й; сверхъ того, то же житіе по списку XIII в. отпечатано въ приложеніи къ отчету за вторую половину года.

6) Счетная мудрость, старинный трактатъ объ ариметикѣ и геометріи, съ задачами, по рукописи XVII вѣка.

7) Житіе преподобнаго Филиппа Ирапскаго, составленное монахомъ Спасо-Каменнаго монастыря (на Кубенскомъ озерѣ) Германомъ, весьма рѣдкій памятникъ русской письменности, изданный по рукописи XVIII вѣка и представляющій нѣсколько интересныхъ фактовъ для русской исторіи XVI столѣтія.

8) Житіе патріарха Іоакима, также памятникъ весьма рѣдкій, изданный по рукописи начала XVIII в.; сверхъ того, въ дополненіе къ этому изданію, общество напечатало варианты къ Іоакимову житію, по другому списку.

9) Житіе Θεодора, подвижника Палестинскаго и епископа Эдесскаго, по рукописи XVI в., со многими лицевыми изображеніями; выпускъ 1-й.

10) Сказка о Сягѣ-Царевичѣ и о Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, воспроизведеніе лубочнаго изданія прошлаго вѣка со многими картинками.

11) Исторія семи мудрецовъ, по рукописи XVII в., выпускъ 2-й; тутъ же помѣщены варианты къ изданному списку изъ двухъ другихъ.

12) Житіе Дмитрія Царевича, по списку XVII вѣка, съ изображеніями на подобіе лубочныхъ картинокъ

13) Шемякинъ судъ, народная сказка, воспроизведенная съ лубочнаго подлинника XVII—XVIII вѣка, съ картинками.

14) Житіе Варлаама Хутынскаго, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ неполный, XVI вѣка, воспроизведенъ литографически, а другой, болѣе поздній, типографскимъ способомъ.

16) Исторія о Мелюзинѣ, переводный романъ, по списку XVII вѣка.

16) Отдѣльные листы изъ Супральской рукописи XI вѣка, содержащіе въ себѣ: а) слово Іоанна Златоуста на день Благовѣщенія; б) другое слово его же на тотъ же день; в) житіе мученика Иринея; г) мученіе св. Іоны и Варахисія.

Кромѣ этихъ произведеній старинной литературы и письма, Общество отпечатало въ отчетномъ году нѣсколько выпусковъ своего временнаго изданія: Памятники древней письменности, въ которыхъ помѣщены отчеты о дѣятельности Общества, объясненія къ изданнымъ имъ памяткамъ и вообще разныя сообщенія, сдѣланныя въ

засѣданіяхъ Общества Н. П. Барсуковымъ, Ѳ. И. Булгаковымъ, княземъ П. П. Вяземскимъ, княземъ В. С. Оболенскимъ и графомъ С. Д. Шереметевымъ. Изъ этихъ сообщеній особый интересъ представляетъ записка кн. Вяземскаго о „Бесѣдѣ трехъ Святителей“, доставленный гр. Шереметевымъ „Синодикъ церкви села Троицкаго“, и замѣтка Н. П. Барсукова о Евангелии 1470 года въ Саввиномъ монастырѣ, съ послѣсловіемъ, любопытнымъ въ историческомъ отношеніи.

Сверхъ названныхъ изданій Общества, уже обнародованныхъ, имъ предпринять еще цѣлый рядъ другихъ, окончаніе которыхъ ожидается въ текущемъ году. Не исчисляя ихъ вполне, замѣтимъ только, что въ числѣ ихъ значатся Временникъ Георгія Амартола, столь важный для объясненія такъ-называемой Несторовой лѣтописи, и знаменитый Святославовъ Изборникъ 1073 года, изъ коихъ послѣдній уже окончень фотолитографическою работою.

При Обществѣ состоятъ библіотека печатныхъ книгъ и рукописей и музей, обогатившіеся въ отчетномъ году важными приобрѣтеніями. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ о собраніи старинныхъ иконъ (числомъ 71), которое поступило въ музей Общества изъ Святѣйшаго Синода по ходатайству кн. П. П. Вяземскаго.

Въ заключеніе настоящаго обзора слѣдуетъ упомянуть, что ко дню двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора Обществомъ любителей древней письменности изготовленъ былъ роскошный альбомъ, содержащій въ себѣ образцы наиболѣе выдающихся факсимиле съ рукописей и рисунковъ, обнародованныхъ Обществомъ въ теченіе его трехлѣтней дѣятельности.

Въ составъ альбома вошли: листы изъ лицеваго житія св. Алексія, XVII в.; изображеніе св. Іоанна Богослова съ ученикомъ его Прохоромъ изъ толковаго Четвероевангелія X—XI в.; лицевыя изображенія изъ житія того же святаго, по рукописи XVII в.; образцы лицеваго житія и убіенія царевича Димитрія, также Θεодора Эдесскаго и преподобнаго Нифонта, XVI в.; изображеніе иконы Богоматери, по преданію—писанной евангелистомъ Лукой; образцы изъ собранія гравированныхъ изображеній Божіей Матери; миниатюры изъ единственнаго въ своемъ родѣ памятника XVII в. — писанной настольцѣ и иллюстрированной челобитной дѣяка приказа Вспохова; facsimile миниатюры, представляющей преніе по поводу катехизиса Лаврентія Зизанія въ Московскои книжной палатѣ 28-го февраля 1627 года; воспроизведеніе нѣсколькихъ рисунковъ изъ житія Николая Чудотворца, по прекрасно иллюстрированной и роскошно отдѣланной

рукописи XVI вѣка, и наконецъ, образцы миниатюръ съ Четвероевангелія XVI вѣка; въ числѣ этихъ послѣднихъ помѣщено 16 оттисковъ одной и той же миниатюры, по которымъ можно судить о процессѣ самой работы послѣдовательнаго наведенія красокъ. Въ тотъ же альбомъ включены, какъ образецъ русскаго каллиграфнаго искусства XVII вѣка, фотографическіе снимки со славянской Буквицы, а какъ образцы письма разныхъ столѣтій—факсимиле изъ Требника XIII вѣка, воспроизведеніе рукописи закона Винодольскаго того же вѣка, фотографическій снимокъ изъ Евангелія отъ Луки, писаннаго глаголицей въ XI в., и воспроизведенныя свѣтопечатью русскія грамоты XIV вѣка. Какъ образецъ орнаментаціи рукописей, въ альбомѣ находится нѣсколько факсимиле слѣдованной Псалтыри 1430 года, замѣчательной своими заставками и фигурными инициалами, а какъ образцы древне-славянскаго книгопечатанія, помѣщены замѣчательныя факсимиле изъ славянскихъ книгъ, печатанныхъ въ 1494 г. въ Цетиньѣ и въ 1553 г. въ Венеціи.

Общество любителей древней письменности представило этотъ альбомъ, вмѣстѣ съ запиской о своей дѣятельности, г. министру народнаго просвѣщенія, съ просьбой повергнуть къ стопамъ Его Величества, 19-го февраля, это приношеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, довести до свѣдѣнія Государя вѣрноподанническія чувства, одушевляющія всѣхъ членовъ Общества, и пожеланіе ихъ, чтобы драгоцѣнная жизнь Государя длилась долгіе и долгіе годы. Г. министръ, письмомъ на имя князя П. П. Вяземскаго, извѣстилъ общество, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ министра, 20-го февраля, собственноручно начертать изволилъ: „Благодарить“.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1879 году: личный составъ преподавателей; вакантными каѳедры; мѣръ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе медалей за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ при университетѣ лицъ; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихся; учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1880 года число штатныхъ преподавателей было слѣдующее: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 6, астрономъ-наблюдатель 1, доцентовъ 2, лаборантовъ 3; въ юридическомъ факультетѣ 8 ординарныхъ профессоровъ. Сверхъ того, по штату состоятъ общіе для всѣхъ факультетовъ: профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ языковъ. Вообще состояло штатныхъ преподавателей: профессоръ православнаго богословія, 25 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 6 доцентовъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 3 лектора и 3 лаборанта. Сверхштатныхъ преподавателей было 4: 1 ординарный профессоръ по каѳедрѣ механики и 3 лаборанта. Сверхъ того, по приглашенію университетскаго совѣта, читали лекціи 3 стороннихъ преподавателя, изъ нихъ 2 на историко-филологическомъ факультетѣ и 1 на юридическомъ. Изъ положенныхъ по уставу каѳедръ оставались незамѣщенными: на историко-филологическомъ факультетѣ—философіи съ октября

1876 г., римской словесности съ августа 1877 г., сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 г., исторіи всеобщей литературы съ мая 1865 г., на физико-математическомъ—физической географіи съ мая 1865 г. агрономической химіи съ марта 1879 г.; на юридическомъ—энциклопедіи права съ октября 1872 г., государственнаго права съ іюня 1875 г., уголовного права съ декабря 1878 г., международнаго права съ мая 1865 г. и церковнаго законовѣдѣнія съ іюня 1875 г. По вакантнымъ кафедрамъ преподаваніе поручено было: римской словесности—профессору Юргевичу, сравнительнаго языкованія—профессору славянской филологіи Кочубинскому, исторіи философіи—доценту греческой словесности Лебедеву, физической географіи—профессору физики Шведову, технической химіи—профессору химіи Веригу, энциклопедіи права—профессорамъ Патланскому и Малинину, международнаго права—профессору Шпилевскому, государственнаго права—профессору Леонтовичу, церковнаго законовѣдѣнія—профессору православнаго богословія Кудрявцеву, уголовного права—частному преподавателю, профессору Богдановскому. За снѣтъ, въ теченіе года вовсе не читались: исторія всеобщей литературы, агрономическая химія и исторія славянскихъ законодательствъ.

Въ 1879 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 16, въ томъ числѣ одно публичное; физико-математическій 16, изъ которыхъ два публичныхъ; юридическій 20 засѣданій. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ, взаимнѣ требованія сочиненій лишь отъ тѣхъ студентовъ-филологовъ, которые желали получить стипендію, сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ студентовъ представленіе одного сочиненія въ годъ, которое студентъ долженъ написать подъ руководствомъ профессора. Въ теченіе года студентами представлено 50 сочиненій, написанныхъ на темы, избранныя съ согласія преподавателей. Такая же мѣра практиковалась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, и на юридическомъ факультетѣ. Изъ числа представленныхъ факультету работъ, вообще удовлетворительныхъ, сочиненіе студента IV-го курса Мелика Оганджанова, съ одобренія факультета, напечатано въ Университетскихъ Запискахъ. Въ тѣхъ же видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ, профессора Леонтовичъ, Цитовичъ и Малининъ имѣли практическія вечернія занятія со студентами, каждый по предмету своей кафедры. Физико-математическій факультетъ удержалъ полугодичныя контрольныя испытанія со студентами въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

За представленныя на заданныя факультетами темы сочиненія награждены медалями: золотомъ—студентъ IV-го курса физико-математическаго факультета Ив. Юрченко за сочиненіе „Измѣненія произвольныхъ постоянныхъ въ вопросахъ механики“, серебряномъ—студентъ IV-го курса историко-филологическаго факультета Сем. Марковъ за сочиненіе „Маргарита Наварская“.

Въ 1879 году преподаватели Новороссійскаго университета и другія служащія въ ономъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоръ православнаго богословія Кудрявцевъ напечаталъ: отдѣльнымъ изданіемъ—„Сравнительный очеркъ епархіальной дѣятельности по свѣчной части“ и „Слово въ день 25-тилѣтія царствованія Государа Императора“, и помѣстилъ: въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ—пять статей подъ заглавіемъ „Отношенія духовенства въ церковному хозяйству“, въ изданіи Одесскаго церковнаго кафедр.—„Слово о значеніи историческихъ свидѣтельствъ въ пользу божественности христіанской религіи“ и въ Протоколахъ юридическаго общества—рѣчь о церковной судебной реформѣ. Профессоры: Ѡ. Успенскій помѣстилъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Неизданныя рѣчи и письма Михаила Акомината“, въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей—„Мелинь-Гази“ и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„Второе Болгарское царство“; Н. Кондаковъ напечаталъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей двѣ статьи: „Греческія терракотовыя статуэтки въ ихъ отношеніи къ искусству, религіи и быту“ и „Древне-христіанская Патера изъ Керчи“; А. Кочубинскій помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Polabnai“; Ѡ. Шведовъ напечаталъ въ Запискахъ математическаго отдѣла Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью „Théorie mathématique des formes cométaires“ (выпускъ 1-й); А. Ковалевскій помѣстилъ: въ Zoolog. Anzeiger—„Zur Entwicklungsgeschichte der Alcyoniden“ и „Ueber die Entwicklung der Caitonen“ и въ Протоколахъ 17-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ—„Анатомія Coeleptana Mechnikawii“ и „Два новыхъ вида Neoronania“; С. Ярошенко напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Проективная геометрія“. В. Лигинъ отпечаталъ вторымъ изданіемъ переводъ руководства Соне „Основныя начала прикладной механики“ со многими измѣненіями и дополненіями; Врунъ напечаталъ: въ Запискахъ Новороссійскаго университета первую часть статьи „Черноморье“ въ Odess. Zeitung—„Zur Geschichte und Geographie

der Insel Chortitza“ и „Примѣчанія къ англійскому изданію Путешествія Шильтбергера, изданіе Гакшойтовскаго общества въ Лондонѣ“; Юргевичъ помѣстилъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей статьи: „Надписи въ Балаклавѣ“ и „Надписи на ручьяхъ древнихъ греческихъ амфоръ изъ коллекціи Куриса“; Леонтовичъ издалъ трудъ подъ заглавіемъ „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ възысканій“; Преображенскій помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статьи: „О логарифмическомъ потенциалѣ“ и „Объ интегрированіи Лапласова уравненія помощью кватерніоновъ“; Клименко помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей статью „Матеріалы для исторіи молочной и пивовиноградной кислотъ. Лаборанты: Цомакионъ напечаталъ въ Запискахъ университета диссертацию подъ заглавіемъ „Электропроводность газовъ“; Меликовъ помѣстилъ въ *Ber. der deutsch. Chem. Gesellsch.* статью „Ueber die Einwirkung von Unterchlorigsäure auf Acrylsäure“; Прендель напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго общества естествоиспытателей „Отчетъ о результатахъ экскурсіи, произведенной лѣтомъ 1878 года на прибрежной полосѣ Абхазіи и Черноморскаго округа“. Консерваторъ Репеховъ помѣстилъ въ *Zoolog. Anzeiger* двѣ статьи: „Zur Embriologie der Tendra Zartericola“ и „Bemerkungen über Cypdopanter“. Кандидатъ математическихъ наукъ напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Законъ отраженія лучей свѣта различной преломляемости отъ поверхности гипса“.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1879 года 19 засѣданій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени доктора Е. Клименко—химіи, В. Преображенскій—чистой математики; въ степени магистра: кандидатъ А. Смирновъ—русской словесности; въ степени кандидата 39, въ томъ числѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ 7, на физико-математическомъ 10, на юридическомъ 22; а въ званіи дѣйствительнаго студента 61, изъ нихъ: по историко-филологическому факультету 24, по физико-математическому 16, по юридическому 21. Изъ числа удостоенныхъ званія дѣйствительнаго студента 27-ми предоставлено право представить въ установленный срокъ диссертацию на степень кандидата. Сверхъ того, на основаніи § 113 дѣйствующаго университетскаго устава, возведены въ степень доктора: Пражскій профессоръ Гаттала—славянской филологіи, и преподаватель Московскаго вѣмецкаго Петропавловскаго училища Петерсонъ—чистой математики.—Командированы были съ

ученою цѣлю: за границу—профессоры Волковъ, Мечниковъ и Трачевскій; въ Петербургъ, для присутствія на VI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей—профессоры Ковалевскій, Сабининъ, Беркевичъ, Головкинскій, Синцовъ и Преображенскій и лаборантъ Цомакіянъ.

Денежныя средства Новороссійскаго университета въ 1879 году находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ отъ 1878 года оставалось 7,899 руб. 91 коп., на 1879 годъ ассигновано было 218,674 руб. 22 коп. (на содержаніе личнаго состава 135,424 руб. 31 коп., на учебныя пособия 18,000 руб., на пособия состоящему при университетѣ обществу естествоиспытателей 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученныя командировки 3,950 руб., на біологическую станцію въ Севастополѣ 1,500 руб.); въ теченіе 1879 года израсходовано 209,391 руб. 87 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года состояло на лицо 9,282 руб. 35 коп., которые подлежали выдачѣ профессорамъ въ жалованье и на удовлетвореніе заказовъ, по коимъ не получены счета. Специальныя средства: а) сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1879 года имѣлось на лицо 1,549 руб. 54¹/₂ коп., въ теченіе года поступило 6,500 руб., израсходовано 4,890 руб. 85 коп., затѣмъ къ 1880 году было въ остаткѣ 3,158 руб. 69¹/₂ коп.; б) сбора платы со студентовъ за матрикулы: оставалось отъ 1878 года 1,111 руб. 82¹/₂ коп., въ 1879 году поступило 255 руб., израсходовано 909 руб. 63 коп., къ 1-му января 1880 года состояло на лицо 457 руб. 19¹/₂ коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ: отъ 1878 года оставалось 135,720 руб. 63¹/₄ коп., въ теченіе 1879 года поступило 7,221 руб. 75 коп., израсходовано въ теченіе года 5,727 руб. 63 коп., Затѣмъ къ 1-му января 1880 года имѣлось на лицо 137,817 руб. 75¹/₄ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: уплачено типографіи за печатаніе Университетскихъ Записокъ 1,904 руб. 58 коп., за выписанные университетомъ иностранныя журналы и газеты 1,088 руб. 62 коп., за русскіе журналы и газеты 462 руб. 90 коп., выдано въ пособіе командированнымъ на VI-й съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей 450 руб., выдано въ жалованье редактору Университетскихъ Записокъ 300 руб., выдано одному изъ профессоровъ въ пособіе на путевыя издержки 250 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1879 года оставалось 400; въ теченіе 1879 года поступило 90 (изъ гимназій 44, изъ духовныхъ семинарій 7, домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости 3, изъ

других университетовъ 26, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и Бѣлградскаго центральнаго училища 10); въ теченіе года было 144, въ томъ числѣ: до окончанія курса 49, по окончаніи курса 95; затѣмъ къ 1-му января 1880 года состояло на лицѣ 346, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 90, на юридическомъ 109, на физико-математическомъ 147 (по отдѣленію математическихъ наукъ 51, по отдѣленію естественныхъ наукъ 96); б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 284, армяно-григоріанскаго 2, римско-католическаго 15, лютеранскаго 4, іудеевъ и караймовъ 41; в) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ 77, духовнаго званія 179, почетныхъ гражданъ и купцовъ 19, мѣщанъ и разночинцевъ 42, крестьянъ 7, иностранныхъ подданныхъ 22; г) по первоначальному образованію: гимназистовъ 116, семинаристовъ 177, изъ другихъ учебныхъ заведеній 53; д) вообще изъ учебныхъ заведеній въ предѣлахъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго 15, Московскаго 7, Казанскаго 1, Оренбургскаго 3, Харьковскаго 32, Одесскаго 144, Кіевскаго 92, Варшавскаго 4, Дерптскаго 1, Кавказскаго 38, изъ заграничныхъ заведеній 9. Постороннихъ слушателей было: къ началу 1879 года 33, къ 1-му января 1880 года 32. Изъ общаго числа 346 студентовъ стипендіями пользовались 143 лица, на сумму 26,993 р. 26 к. Размѣръ стипендій составлялъ отъ 120 руб. до 300 руб. включительно. Пособій выдано было на сумму 2,788 руб. 99 коп., въ размѣрѣ отъ 6 до 50 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета находились къ 1-му января 1880 года въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской бібліотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ 41,780 сочиненій 71,980 томовъ, періодическихъ изданій 734 названія 14,850 томовъ, рукописей 127 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 595 названій 637 томовъ, всего стоимостію на 187,677 руб. Въ студентской бібліотекѣ: книгъ 4,498 сочиненій 7,291 томъ, періодическихъ изданій 109 названій 1,409 томовъ; рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 35 названій 36 листовъ, всего на 5,249 р. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ 1 названіе 21 томъ на 302 р.; инструментовъ, моделей и другихъ принадлежностей 253 экземпляра на 15,691 р. Въ кабинетъ практической механики: книгъ 18 названій, моделей, подвижной утвари и проч. 278 номеровъ на сумму 11,650 р. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ 56 названій 132 тома на 475 руб., инструментовъ, приборовъ, препаратовъ, посуды и мебели 635 номеровъ 747 взем-

плярвъ на сумму 18,001 р. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,475 номеровъ 1,718 экземпляровъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, картъ, утвари и проч. 837 номеровъ на сумму 12,757 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: книгъ, атласовъ и картъ 74 названія 90 томовъ на 1,014 р., инструментовъ 35 номеровъ 40 экземпляровъ на 1,972 р. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ 8 названій на 36 р., инструментовъ и снарядовъ 39 номеровъ 53 экземпляра на 2,206 р. Въ кабинетѣ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій на 1,894 р., моделей, окаменѣлостей, горныхъ породъ и проч. на 5,889 р. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 83 сочиненія 100 томовъ, растений, инструментовъ, приборовъ, моделей, препаратовъ, утвари, посуды и проч. 49,371 экземпляръ. Въ ботаническомъ саду: растений, кустарниковъ, травъ, утвари и другихъ принадлежностей 697 номеровъ 1,402 экземпляра. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 276 сочиненій 684 тома; чучель, препаратовъ, инструментовъ и проч. 3,869 номеровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 91 названіе 106 томовъ; скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 339 номеровъ 411 экземпляровъ. Въ физиологическомъ кабинетѣ: приборовъ, лабораторной мебели, реактивовъ и препаратовъ 204 номера на 4,287 р. Въ техническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: разныхъ техническихъ изданій, принадлежностей химическихъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 292 номера 4,731 экземпляръ. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 26 названій; точныхъ измѣрительныхъ приборовъ, посуды, инструментовъ и разныхъ принадлежностей 621 номеръ 1,377 экземпляровъ на 676 р. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: разныхъ изданій 264 названія на 6,423 р.; слѣпковъ, статуй, бюстовъ, барельефовъ, обелисковъ, фотографій, хромолитографій и проч. 3,315 номеровъ 4,750 экземпляровъ на 6,388 р. Въ юнцъ-кабинетѣ: монеть, медалей и утвари 3,913 номеровъ 4,060 экземпляровъ.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ.

а) Казанскій институтъ.

Въ 1879 году состояло въ институтѣ штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 3, экстраординарный 1, доцентъ 1, по-

мощникъ прозектора 1, лаборантъ 1, ассистентовъ клиники 2, ученый кузнецъ 1; сверхштатныхъ было 5, которые преподавали: физиологію, сельское хозяйство, русскій языкъ, фармакологию, общую терапію, судебную ветеринарію и клиническую часть фармакологіи. Въ состоящей при институтѣ ветеринарно-фельдшерской школѣ состояли два преподавателя: законоучитель и преподаватель русскаго языка. Обученіе ветеринарнымъ предметамъ учениковъ фельдшерской школы производилось состоявшими при институтѣ ассистентами клиники, помощникомъ прозектора, ученымъ кузнецомъ и лаборантомъ фармаціи.

Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе 1879 года 29 засѣданій. Въ числѣ предметовъ, обсужденныхъ въ совѣтѣ, существеннымъ для института представляется вопросъ о введеніи чтенія въ самомъ институтѣ всѣхъ вспомогательныхъ предметовъ курса ветеринаріи, которые дотогѣ преподавались студентамъ въ мѣстномъ университетѣ. Въ силу Высочайшаго повелѣнія 22-го октября 1879 года назначено, кромѣ кредита въ 21,080 руб. на расходы по отдѣльному преподаванію вспомогательныхъ предметовъ курса ветеринаріи, содержаніе и пополненіе кабинетовъ и лабораторій въ Казанскомъ и Харьковскомъ ветеринарныхъ институтахъ, и 20,000 руб. на устройство кабинетовъ и лабораторій, а также на расширеніе помѣщенія для означенныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ, причемъ имѣющимъ быть приглашеннымъ къ преподаванію естественно-историческихъ предметовъ изъ преподавателей университета предоставлено право членовъ совѣта института. Вслѣдствіе этого, на основаніи предложенія г. министра народнаго просвѣщенія, попечитель Казанскаго учебнаго округа поручилъ совѣту принять мѣры къ открытію преподаванія вспомогательныхъ предметовъ въ самомъ институтѣ съ 1-го января 1880 года, изыскавъ, что на этотъ предметъ будетъ отпущена институту особая сумма въ размѣрѣ 10,550 руб. на слѣдующія надобности: на вознагражденіе преподавателей за чтеніе 20-ти лекцій въ недѣлю, считая по 300 руб. за каждую лекцію, 6,000 руб., на увеличеніе наемной платы за помѣщеніе 2,500 руб. и на пополненіе и содержаніе кабинетовъ съ лабораторіями 2,050 руб. При обсужденіи этого предложенія попечителя въ совѣтѣ, по распределеніи вышеозначеннаго числа 20-ти лекцій на отдѣльные предметы, постановлено ходатайствовать объ утвержденіи этого распределенія лекцій и о приглашеніи избранныхъ лицъ для преподаванія въ институтѣ слѣдующихъ предметовъ: богословія, минералогіи, ботаники, зоологіи съ сравнительной анатоміей, химіи медицинскій, неорганиче-

ской и органической химіи, физики, русскаго и нѣмецкаго языковъ. При этомъ, признавая полезнымъ доставить студентамъ возможность практически упражняться въ химическихъ занятіяхъ, включено въ число положенныхъ 20-ти лекцій двѣ лекціи аналитической химіи. По утвержденіи такого постановленія попечителемъ округа, совѣтъ, съ участіемъ приглашенныхъ преподавателей, остановился на слѣдующемъ: 1) до устройства институтскихъ кабинетовъ и лабораторій ввести преподаваніе всѣхъ вспомогательныхъ предметовъ, пользуясь научными пособиями изъ имѣющихся въ институтѣ кабинетовъ и лабораторій, а также тѣми, которыми приглашенные преподаватели выразили готовность временно снабдить институтъ; въ устраненіе же затрудненій, могущихъ произойти отъ неимѣнія въ институтѣ достаточнаго числа аудиторій, составлено росписаніе часовъ преподаванія, причѣмъ оказалось возможнымъ открыть временно чтеніе лекцій по всѣмъ предметамъ въ самомъ институтѣ, и 2) 20,000 руб., опредѣленные на устройство и обзаведеніе вновь образующихся кабинетовъ и лабораторій, распределить слѣдующимъ образомъ: на химическій кабинетъ 6,000 руб., на зоологическій 3,500 руб., на физическій и фармакологическій по 3,000 руб. на каждый, на ботанический 2,500 руб. Такое опредѣленіе совѣтъ института представилъ на утвержденіе попечителя Казанскаго учебнаго округа.—На заданную для соисканія награды медалью тему „Строеніе листистаго цѣпеня“ представлены были въ декабрѣ мѣсяцѣ два сочиненія, которыя, однако, по краткости остававшагося въ отчетномъ году времени, не могли быть рассмотрѣны.

Въ 1879 году преподаватели Казанскаго ветеринарнаго института, издали въ свѣтъ и помѣстили въ разныхъ изданіяхъ слѣдующіе ученые труды: директоръ института, ординарный профессоръ Зейфманъ напечаталъ въ отчетѣ Казанскаго экономическаго общества статью „О способахъ примѣненія закона объ убиваніи зачумленнаго и подозрѣваемаго въ зачумленіи рогатаго скота“; ординарный профессоръ Ланге издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Чего недостаетъ ветеринарнымъ институтамъ, какъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ“, экстраординарный профессоръ Блюмбергъ помѣстилъ въ журналѣ *Deutsche Zeitschrift für Thiermedizin* статью „Ein Beitrag zur Tuberculosefrage“; преподаватель фармакологіи, профессоръ Догель, напечаталъ въ *Archiv für Anatomie und Physiologie* изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Ueber die Ursache der Geldrollenbildung im Blute des Menschen und der Thiere“.

Денежныя средства Казанскаго ветеринарнаго института въ 1879 году находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ отъ 1878 года оставалось 4,460 руб. 29 коп., въ 1879 году ассигновано было изъ государственнаго казначейства 40,291 руб. (на личный составъ 23,091 руб., на содержаніе, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственныя расходы 2,450 руб., на бібліотеку и кабинеты 2,300 руб., на вознагражденіе бібліотекаря 150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекой 1,400 руб., на содержаніе служителей и педеля 1,600 руб., на кузницу, 100 руб., на канцелярскіе расходы 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института 400 руб., на изготовленіе медалей 100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлію 550 руб., на стипендіи 3,000 руб., на наемъ дома подъ помѣщеніе института 5,000 руб.); въ теченіе года израсходовано 39,795 руб. 51 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года въ остаткѣ было 4,955 руб. 78 коп. Специальныя средства: а) сбора за слушаніе лекцій студентами; оставалось отъ 1878 года 363 руб. 41 коп., въ теченіе года поступило 3,770 руб. 25 коп., израсходовано 3,727 руб. 92 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года въ остаткѣ имѣлось 405 руб. 74 коп. б) сбора за леченіе животныхъ въ институтскихъ клиникахъ: въ остаткѣ къ 1-му января 1879 года было 271 руб. 4 коп., поступило въ 1879 году 227 руб. 75 коп., перечислено въ доходъ казны въ возвратъ штатныхъ суммъ 1878 года 271 руб., въ 1880 году оставалось 227 руб. 75 коп.

Учащихся въ 1879 году было: а) въ институтѣ: къ 1-му января 1879 года оставалось 194; въ теченіе года вновь поступило 45 (изъ гимназій 42, изъ реальныхъ училищъ 3); вышло 54 (до окончанія курса 16, по окончаніи курса съ степенью ветеринара 38), затѣмъ къ 1880 году состояло на лицо 185 (въ 1-мъ курсѣ 45, во 2-мъ 45, въ 3-мъ 46, въ 4-мъ 42); б) въ ветеринарно-фельдшерской школѣ: къ началу 1879 года было на лицо 11, поступило вновь 7, вышло 6 (до окончанія курса 3, по окончаніи курса съ званіемъ ветеринарнаго фельдшера 3), къ 1-му января 1880 года оставалось 12 (въ 1-мъ классѣ 8, во 2-мъ 3, въ 3-мъ 1). Изъ общаго числа бывшихъ въ 1879 году въ институтѣ 239 студентовъ освобождено было отъ взноса платы за слушаніе лекцій 116, то-есть, 50% общаго числа, слушали за половинную плату 22.

Учебно-вспомогательныхъ при институтѣ учреждений состояло въ 1879 году; 13; въ нихъ числится по инвентарямъ имущества всего 8,303 номера на сумму 37,580 руб. 82 коп., въ томъ числѣ приобретено въ 1879 году 518 номеровъ на 4,001 руб. 90 коп. Состояніе каждаго

изъ нихъ въ отдѣльности къ 1-му января 1880 года представляется въ слѣдующемъ видѣ: Въ институтской библиотекѣ числилось: книгъ и періодическихъ изданій 1,982 названій 3,196 томовъ на сумму 8,037 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ 1,008 номеровъ на 3,914 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра 483 номера на 3,711 руб.; въ кабинетѣ моделей: домашнихъ животныхъ 127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ: 203 номера на 610 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ 142 номера на 964 руб.: въ физиолого-химическомъ кабинетѣ 1,216 номеровъ на 7,320 руб., въ аптекѣ 979 номеровъ на 2,710 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ 112 номеровъ на 380 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 22 номера на 63 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 471 номеръ на 1,276 руб.; въ клиникѣ 944 номера на 5,663 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 614 номеровъ на 2,269 руб. — Въ нѣкоторыхъ изъ вышеисчисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений производились практическія занятія со студентами по преподаваемымъ имъ предметамъ. Именно, по зоотоміи, ежедневно съ 5-ти до 7-ми часовъ вечера, студенты 2-го курса занимались препарированіемъ и изученіемъ системъ: мышечной, сосудистой, нервной. а также внутренностей грудной и брюшныхъ полостей. Для этихъ занятій приобрѣтено было различныхъ животныхъ и труповъ, или же отдѣльныхъ частей ихъ на 135 руб. Въ концѣ каждой недѣли перваго полугодія и въ концѣ каждаго мѣсяца втораго полугодія происходили по изготовленнымъ студентами препаратамъ повѣрочныя испытанія, причемъ отмѣтки заносились въ особо-заведенную для этой цѣли книгу, Студенты 1-го курса во второй половинѣ учебнаго года занимались съ 5-ти до 7-ми часовъ также ежедневно препарированіемъ мышечной системы. — Въ физиолого-гистологической лабораторіи, подъ руководствомъ преподавателя Навалихина, кромѣ демонстрацій по общей и частной гистологіи и опытовъ по физиологіи, въ часы практическихъ занятій, определенныхъ росписаніемъ предметовъ студентамъ 2-го курса въ теченіе года въ лабораторіи имѣли свои мѣста и ежедневно были заняты четыре студента 4-го курса, три студента 3-го курса, шесть студентовъ 2-го курса и два ветеринара. Въ той же лабораторіи самъ преподаватель былъ занятъ отыскиваніемъ и изслѣдованіемъ дѣйствія на организмъ неизвѣстнаго доселѣ вещества, добытаго имъ изъ финиковыхъ восточекъ. О результатахъ своего изслѣдованія докторъ Навалихинъ сдѣлалъ сообщеніе на VI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, подъ названіемъ. „Вещество, производящее

своими дѣйствіями каталенсію".— Въ антевѣ, фармакогностической и химической лабораторіи, подъ руководствомъ доцента фармаціи Лемана и лаборанта Эйхенфельда, практическія занятія со студентами 4-го курса заключались въ изготовленіи фармацевтическихъ препаратовъ и составленіи лекарствъ по рецептамъ; сверхъ того, нѣкоторые изъ нихъ занимались открытіемъ ядовъ въ разныхъ частяхъ животнаго тѣла; студенты 3-го курса упражнялись по аналитической химіи.— По патологической анатоміи практическія занятія происходили подъ руководствомъ профессора Блюмберга и состояли для студентовъ 4-го курса въ производствѣ вскрытій труповъ животныхъ; для студентовъ же 3-го курса—въ практическихъ занятіяхъ по патологической гистологіи.— Въ кабинетѣ частной патологіи и терапіи, подъ руководствомъ профессора Ланге, студенты обычно занимались практическими изслѣдованіями. Самъ профессоръ Ланге произвелъ нѣкоторые, экспериментальныя изслѣдованія. Въ фармакологической лабораторіи, подъ руководствомъ профессора Догеля, студенты 3-го курса занимались изученіемъ физиологическаго дѣйствія лекарствъ.— По судебной ветеринаріи студенты 4-го курса занимались судебно-ветеринарнымъ вскрытіемъ труповъ животныхъ и составленіемъ о найденномъ при этомъ протоколовъ.— Въ ветеринарной кузницѣ студенты 4-го курса, подъ руководствомъ ученаго кузнеца Кальнинга, упражнялись въ выдѣлкѣ подковъ сначала изъ свинца, а потомъ изъ желѣза. Въ кузницѣ же ученики фельдшерской школы занимались: 1-го класса: въ первомъ полугодіи—изготовленіемъ подковъ изъ свинца, во второмъ—изъ желѣза; 2-го и 3-го классовъ—выдѣлываніемъ подковъ изъ желѣза, а также расчисткой и подковываніемъ мертвыхъ копытъ.— По оперативной хирургіи, подъ руководствомъ профессора Зейфмана, производимы были зоохирургическія операціи какъ на приобрѣтенныхъ для этой цѣли животныхъ, такъ и на животныхъ, доставленныхъ въ клинику для лѣченія. Операціи на приобрѣтенныхъ животныхъ главнымъ образомъ исполнялись студентами 4-го курса подъ руководствомъ преподавателя; на животныхъ же, доставленныхъ для лѣченія операціи, съ участіемъ студентовъ означеннаго курса, производилъ самъ заведующій хирургической клиникой. Для производства операцій студентами, а также опытовъ кормленія трихиннымъ мясомъ, въ теченіе года было приобрѣтено 10 лошадей, 1 теленокъ и 3 кролика. Студенты 4-го курса, кромѣ того, ознакомлены были съ производствомъ родовспомогательныхъ операцій на имѣющемся для этой цѣли фан-

часть сскі, отд. 4.

томѣ. Занятія въ терапевтической и хирургической клиникахъ происходили ежедневно въ назначенные часы, подъ руководствомъ того же профессора Зейфмана. Клиники посѣщались студентами 3-го и 4-го курсовъ, причѣмъ послѣдніе ознакомлялись съ методами распознаванія и лѣченія больныхъ животныхъ, какъ состоящихъ въ постоянной (стационарной), такъ и приводимыхъ для этой цѣли въ амбулаторную. Въ стационарной клиникѣ студенты 4-го курса для пріобрѣтенія навыка въ наблюденіи за ходомъ болѣзни назначались кураторами, имъ же въ помощь даваемы были ученики ветеринарно-фельдшерской школы, для пріученія послѣднихъ къ правильному уходу за больными животными. Сверхъ того, студенты какъ 3-го, такъ и 4-го курсовъ исполняли по очереди ежедневно дежурства при клиникахъ, гдѣ, подъ руководствомъ ассистентовъ, и должны были примѣнять врачебныя мѣры, предложенныя завѣдующимъ клинкою. Болѣе важныхъ операций надъ животными въ хирургической клиникѣ произведено 39. Въ теченіе года въ клиники было доставлено 650 больныхъ животныхъ; изъ этого числа поступило въ постоянныя клиники 85; представлено какъ амбулаторныхъ животныхъ 523; было лечимо поликлинически 42; больныхъ съ внутренними болѣзнями было 229; съ наружными болѣзнями—421. Изъ числа пользовавшихся въ стационарной клиникѣ, выздоровѣвшихъ и получившихъ облегченіе было 70, пало и убито 15. Изъ числа животныхъ, показанныхъ съ внутренними болѣзнями, 6 числилось въ эпизоотической клиникѣ, руководимой профессоромъ Ланге. Кромѣ того въ клиникѣ заразительныхъ болѣзней, для производства опытовъ прививанія сапа, сибирской язвы, оспы и жемчужной болѣзни, содержалось 12 животныхъ.

б) Дерптскій институтъ.

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1880 г. состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 3, экстраординарный профессоръ 1, доцентовъ 4, прозекторъ 1, всего 9. Сверхштатныхъ преподавателей и приватъ-доцентовъ не было. Вакантною состояла одна должность законоучителя для фельдшерскихъ учениковъ, по неимѣнію учениковъ православнаго исповѣданія.

Совѣтъ института въ теченіе 1879 года имѣлъ 34 засѣданія. Въ распредѣленіи предметовъ занятій перемѣнъ не произошло. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначе-

ни лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ назначенной для сей цѣли штатной суммы. На заданную совѣтомъ тему „*Untersuchungen über die Entwicklung des Omasus*“ представлено было разсужденіе стипендіата генераль-адъютанта фонъ-Гринвальда Викентія Кражовскаго. На 1880 годъ совѣтомъ предложена на соисканіе награды медалью задача: „*Untersuchungen über die Entwicklung des Hufes*“.

Въ 1879 году преподаватели института напечатали и издали слѣдующіе ученые труды: ординарный профессоръ Ф. С. Унтербергеръ издалъ отдѣльною брошюрой „Наставленіе для очищенія отъ заразъ (*desinfectio*) послѣ повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней домашняго скота“; ординарный профессоръ Е. М. Земмеръ помѣстилъ: въ Архивъ ветеринарныхъ наукъ—„Жировыя эмболіи въ легкихъ вслѣдствіе обширной гнойной инфильтраціи на бедрѣ“, въ Мюнхенскомъ журналѣ *Deutsche Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie* Болингера и Франка—статью подъ заглавіемъ „*Ueber Tettembolien*“, въ *Revue für Thierheilkunde und Thierzucht* Коха—„*Ueber die Borsäure*“, „*Excerpte aus Originalartikel russischer Zeitschrift vom Jahre 1878 г.*“; въ *Baltische Wochenschrift für Landwirthschaft, Gewerbfleiss und Handel*—„*Zur Frage über die Entstehung und Verbreitung der Thierseuchen*“, „*Ueber die populäre Veterinär-Literatur und Hausmittel*“, „*Ueber schädliche Nahrungsmittel und die Schlachthausfrage*“, „*Ueber die Bedeutung der Hausthiere für den Nationalreichthum*“, „*Ueber Thierhandel und Gewährsniängel*“, „*Ueber Milchverfälschungen*“; доцентъ В. Книримъ напечаталъ въ журналѣ *Baltische Wochenschrift* двѣ статьи:—„*Erläuterungen zur Saamenaussstellung in Dorpat und Mittheilungen aus der Saamencontrollstation zu Dorpat*“ и „*Kleeseide in der Kleesaat*“; доцентъ В. Г. Гуртманъ напечаталъ диссертацию подъ заглавіемъ „*Experimenteller Beitrag zur Lehre von der putriden Intoxication und der Septicaemie*“. Командированы были за границу съ ученою цѣлью: экстраординарный профессоръ Раупахъ и доцентъ Книримъ.

Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени магистра ветеринарныхъ наукъ—доцентъ института Гуртманъ и ветеринарные врачи Гельманъ и Нейманъ; въ степени ветеринара утверждены 7, въ званіи ветеринарнаго фельдшера 2, изъ нихъ одинъ съ отличіемъ.

Денежныя средства Дерптскаго ветеринарнаго института въ 1879 году находились въ слѣдующемъ состояніи: штатныхъ суммъ

отъ 1878 года оставалось 896 руб. 9 коп.; на 1879 годъ ассигновано было по финансовой сметѣ на содержаніе института 36,791 р. (на личный составъ и на вознагражденіе преподавателями вспомогательныхъ предметовъ 24,441 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія 9,350 руб., на стипендіи студентамъ 3,000 руб.); въ теченіе года израсходовано 36,924 руб. 21 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года имѣлось на лицо 757 руб. 88 коп. Специальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій къ 1-му января 1879 года оставалось 193, въ теченіе года поступило 546, израсходовано 739 р.; б) сбора за леченіе животныхъ отъ 1878 года оставалось 158 руб. 15 коп., въ 1879 году поступило 966 руб. 41 коп., израсходовано 1,091 руб. 52 коп., къ 1-му января 1880 года имѣлось на лицо 33 руб. 4 коп.; в) пожертвованныхъ къ 1-му января 1879 года имѣлось 7,411 руб. 61 коп., въ теченіе года поступило 361 руб. 26 коп., израсходовано 392 руб. 70 коп., къ 1880 году оставалось 7,380 р. 17 коп.

Студентовъ въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1879 года состояло 67; въ теченіе года вновь поступило 18 (изъ другихъ ветеринарныхъ институтовъ 1, изъ гимназій 5, изъ реальныхъ училищъ 1, домашняго образованія 11), въ теченіе года выбыло 12, изъ нихъ до окончанія курса 5, по окончанія курса 7, затѣмъ къ 1-му января 1880 года оставалось 73; фельдшерскихъ учениковъ къ началу 1879 года было 4, къ 1880 году оставалось 3. Изъ числа бывшихъ въ 1879 году 85 студентовъ освобождено было отъ платы 31, то-есть болѣе 36% общаго числа.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго института находились къ 1-му января 1880 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ институтской библіотекѣ числилось: книгъ и періодическихъ изданій 5,123 названія 10,290 томовъ на сумму, 30,162 руб. въ физическомъ кабинетѣ 580 номеровъ на 6,754 руб.; въ химическомъ кабинетѣ 574 номера на 1,812 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ 645 номеровъ на 260 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ 3,079 номеровъ на 1,272 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ 430 номеровъ на 67 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра: въ физиологическо-анатомическомъ отдѣленіи 594 номера на 7,899 руб., въ патологическо-анатомическомъ отдѣленіи 1,468 номеровъ на 3,563 руб.; въ это послѣднее отдѣленіе доставлено было, для вскрытія, 166 труповъ; въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ 186 номеровъ на 179 руб.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ 91 номеръ

на 369 руб.; въ кузницѣ 92 нумера на 581 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ 22 нумера на 654 руб.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ 50 номеровъ на 601 руб.; въ аптекѣ 348 номеровъ на 2,086 руб.; изъ аптеки отпущено для институтской клиники 1,944 рецепта суммою на 624 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ 379 номеровъ на 307 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ 146 номеровъ на 79 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ 217 номеровъ на 902 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ 1,156 номеровъ на 939 руб.; въ клиникѣ 354 нумера на 2,995 руб. Движеніе больныхъ животныхъ въ клиникѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1879 года оставалось въ клиникѣ больныхъ 14, въ теченіе 1879 года прибыло въ клинику 4,433; изъ нихъ выздоровѣло 2,251, пало 63, съ согласія владѣльцевъ для анатомическо-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдованій предано смерти 24, исходъ болѣзни остался неизвѣстнымъ у 1,941 паціентовъ, страдавшихъ неизлѣчимыми болѣзнями, было 160; затѣмъ къ 1-му января 1880 года находилось въ клиникѣ 8 (лошадей 5, рогатаго скота 1, собакъ 2). Въ теченіе года было произведено операцій 898, въ томъ числѣ: менѣе важныхъ 642, болѣе значительныхъ 256. Въ клинику доставлены были одна собака и одна корова, подозрѣваемая въ бѣшенствѣ, что и подтвердилось произведеннымъ вскрытіемъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, отправляемы были въ сосѣднія съ Дерптомъ селенія, подъ руководствомъ профессоровъ, студенты старшихъ курсовъ для практическихъ занятій. Съ особеннымъ успѣхомъ они дѣйствовали въ родовспомогательныхъ случаяхъ у нѣкоторыхъ животныхъ. Противъ распространенія заразительныхъ болѣзней со стороны института приняты были мѣры профессоромъ и доцентомъ клиники и подъ ихъ руководствомъ ассистентами клиники и нѣкоторыми изъ студентовъ старшаго курса: а) противъ сапа въ имѣніяхъ Вароль, Ватмайстеръ, Тармагофъ и Алацкиви и въ г. Дерптѣ; б) противъ сибирской язвы — въ имѣніяхъ Талькгофъ, Техельферъ, въ гор. Дерптѣ и въ особенности въ Валкскомъ уѣздѣ; в) противъ инфлуэнцы — въ г. Дерптѣ и въ смежныхъ съ нимъ имѣніяхъ Текельферъ и Ратсгофъ и въ имѣніяхъ Текельферъ и Ратсгофъ и въ имѣніяхъ Эстляндской губерніи Анія и Ваокюль; г) противъ распространенія бѣшенства — въ г. Дерптѣ, въ имѣніяхъ Талькгофъ, Лунія, Форбусгофъ, Лайценъ и въ мѣстечкѣ Вебсъ.

Ф. К. БРУНЬ.

(НЕКРОЛОГЪ).

3-го іюня текущаго года, въ мѣстечкѣ Славутѣ, Волынской губерніи, скончался бывшій профессоръ Ришельевскаго лицея и Новороссійскаго университета, Филиппъ Карловичъ Брунь. Наука лишилась въ немъ одного изъ очень почтенныхъ труженниковъ. Его ученики весьма многимъ были обязаны столь горячо преданному своему дѣлу наставнику: труды покойника въ области исторической географіи не перестанутъ служить важными пособіями при изученіи нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ этой спеціальности.

Ф. К. Брунь родился 18-го августа 1804 г. въ Фридрихсгамѣ въ Финляндіи. Отецъ его († 1809) былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ купцовъ въ этомъ краѣ. Оставшись круглымъ сиротою на девятомъ году жизни (мать его скончалась въ 1813 году), однако не лишенный матеріальныхъ средствъ, онъ былъ помѣщенъ въ извѣстный въ то время пансіонъ Муральта въ Петербургѣ. Іоганнъ Муральтъ былъ реформатскій пасторъ и педагогъ школы Песталоцци. Его училище было образцовымъ; въ немъ преподавали тогда, между прочимъ, Шереръ, академикъ Фуссъ, К. И. Арсеньевъ и пр. Филиппъ Брунь отлично учился, часто получалъ награды, и разъ, на актѣ, директоръ Муральтъ сказалъ, что пансіонъ долженъ гордиться такимъ ученикомъ, который непремѣнно будетъ ученымъ.

Въ 1821 г. Брунь поступилъ въ Дерптскій университетъ по философскому факультету и слушалъ здѣсь лекціи у Эверса, Рамбаха, Паррота, В. Перевощикова и Бартельса. Въ числѣ товарищей его были, между прочимъ, Гельмерсенъ, Ленцъ, Гофманъ, изъ коихъ

двое первых сдѣлались впоследствии академиками. Онъ сохранилъ отличное воспоминаніе о своей alma mater и еще въ 1877 г., то-есть, черезъ 50 лѣтъ послѣ окончанія курса въ Дерптѣ, участвовалъ на празднествѣ въ память 75-лѣтняго юбилея Дерптскаго университета, устроенномъ въ колоніи Лустдорфъ около Одессы, при чемъ оказался старшимъ изъ присутствовавшихъ тутъ бывшихъ студентовъ.

Получивъ кандидатскую степень въ Дерптскомъ университетѣ въ апрѣлѣ 1825 года, Врунь поступилъ на службу въ канцелярію министра финансовъ; однако, вскорѣ онъ рѣшился посвятить себя исключительно наукѣ и преподавательской дѣятельности. Прежде же всего онъ пожелалъ предпринять путешествіе за границу съ цѣлью усовершенствовать свое общее образованіе и спеціально заняться политико-экономическими и историческими науками.

Въ концѣ декабря 1825 г. Врунь выѣхалъ за границу. Прежде всего онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ побывалъ на лекціяхъ у Гегеля, Раумера, Рихтера, Шмальца и пр., а затѣмъ въ Лейпцигъ, Эрлангенъ, Гейдельбергъ, Боннъ и пр. Въ октябрѣ 1826 г. онъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ съ полгода, слушая лекціи извѣстныхъ экономистовъ Сэ, Дюшена и др. Изъ Парижа онъ отправился, останавливаясь въ разныхъ городахъ Франціи, черезъ Марсель, Геную и Миланъ въ Швейцарію, гдѣ пробылъ также около полугода. Проѣзжая на обратномъ пути черезъ Германію, онъ въ мартѣ 1828 года былъ въ Веймарѣ у Гете, съ которымъ, какъ видно изъ его путевыхъ замѣтокъ, бесѣдовалъ о своихъ путешествіяхъ и о новѣйшей французской литературѣ.

Такъ какъ и въ Дерптѣ, и за границею онъ занимался преимущественно политической экономіей и статистикою, то и по возвращеніи въ Россію опять посвятилъ себя временно административной службѣ: въ февралѣ 1829 года онъ поступилъ на службу въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, но въ томъ же году перешелъ на дѣятельность преподавательскую. Сначала онъ занялъ мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ Витебской гимназій; время, проведенное имъ въ Витебскѣ, было для него очень тяжелымъ, какъ по причинѣ неприятныхъ служебныхъ условій, такъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, Врунь не долго оставался здѣсь и уже весной 1832 года былъ перемѣщенъ адъюнктомъ въ Рижельевскій лицей въ Одессѣ, куда еще въ 1831 г. переѣхалъ на службу его братъ Генрихъ, въ качествѣ профессора физики и математики. Въ

Одессѣ Филиппъ Карловичъ прожилъ затѣмъ до своей кончины — безъ малаго полвѣка.

Въ качествѣ адъюнкта, а съ 1836 года въ качествѣ профессора, Брунъ преподавалъ главнымъ образомъ государственныя науки, въ особенности же политическую экономію и статистику. Къ этому времени относятся нѣкоторые труды его по предмету статистики. Такъ, въ 1836 г. былъ напечатанъ его „Discours sur l'enseignement de la statistique dans les gymnases, prononcé à a solennité anniversaire du Lycée Richelieu le 30 août 1836“; въ „Новороссійскомъ календарѣ“ съ 1840 по 1846 гг. были помѣщены его статьи о внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи; въ 1842 году явилось его „Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ“ — удостоенное похвальнаго отзыва отъ Академіи Наукъ; въ 1845 г. была издана его рѣчь, произнесенная въ Ришельевскомъ лицейѣ — „О значеніи статистики въ кругу государственныхъ наукъ“ и пр.

Мало по малу, въ продолженіе тридцатикъ и сороковыхъ годовъ Филиппъ Карловичъ все болѣе и болѣе сталъ заниматься исторіей, археологіей и въ особенности историческою географіей. Такой перемѣнѣ въ направленіи ученыхъ занятій неутомимаго труженика содѣйствовало участіе его въ работахъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Онъ сталъ членомъ этого общества вскорѣ послѣ его открытія въ началѣ 40-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ имя Бруна въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій было тѣсно связано съ исторіей этого общества: онъ былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ его сотрудниковъ, нѣсколько разъ, по его порученію, предпринималъ путешествія съ учеными цѣлями, неоднократно являлся его представителемъ на ученыхъ съѣздахъ и нѣкоторое время занималъ должность казначея общества.

Посвящая себя всецѣлю наукѣ, вполне жертвуя собою для нея, Брунъ отличался большимъ безкорыстіемъ, не гонялся за личными выгодами, за внѣшними знаками отличій и умѣлъ довольствоваться наслажденіемъ, которое доставлялъ ему научный трудъ, находя полное удовлетвореніе въ рѣшеніи самыхъ запутанныхъ вопросовъ исторіи, археологіи и исторической географіи. Отчасти поэтому, отчасти вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условий, положеніе Бруна было далеко не обезпеченнымъ даже и въ то время, когда его труды доставили ему извѣстность въ кругахъ специалистовъ, когда нѣкоторые ученые общества въ Россіи и за границею приняли его въ число своихъ членовъ, и онъ оказывалъ самыя существенныя услуги въ качествѣ профессора;

вслѣдствіе того онъ не безъ заботъ и тяжелыхъ усилій могъ воспитывать своихъ дѣтей отъ брака съ Юліей Фениксовною Де-Рибасъ, племянницею адмирала Де-Рибаса, основателя Одессы.

Въ 1864 году, будучи еще полонъ силъ и дѣятельности, Брунъ рѣшился выйти въ отставку по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ. Не имѣя средствъ содержать безъ службы свое довольно многочисленное семейство въ Одессѣ, онъ, въ надеждѣ найти болѣе удобствъ въ жизни въ Кишиневѣ, переселился было туда, но такъ какъ это переселеніе не доставило ему никакихъ выгодъ, но по истеченіи года онъ возвратился опять въ Одессу. Здѣсь онъ принужденъ былъ давать частные уроки и держать у себя пансіонеровъ, но и это приносило ему только убытокъ, такъ что Филиппу Карловичу пришлось продать небольшой купленный имъ домъ. Не смотря на эти трудныя условія жизни, онъ однако снова принялся энергично за ученныя работы. Предпринятныя имъ изслѣдованія Новороссійскаго края въ историко-географическомъ отношеніи именно съ начала пятидесятихъ годовъ становились болѣе и болѣе плодотворными и богатыми по своимъ результатамъ. Въ 1862 году, по порученію Одесскаго общества исторіи и древностей, онъ совершилъ поѣздку къ устьямъ Буга и Днѣпра. Нѣсколько позже Петербургская археологическая коммиссія предложила ему объѣхать Новороссійскій край и Бессарабію для сличенія съ мѣстностью географическихъ показаній Геродота о Скиѣи. Согласно этому порученію, Брунъ лѣтомъ 1864 и 1865 годовъ совершилъ путешествіе для изслѣдованія прибрежныхъ мѣстъ Чернаго и Азовскаго морей и рѣкъ Днѣстра, Буга, Днѣпра и Дона и уже въ ноябрѣ 1865 года получилъ отъ предсѣдателя археологической коммиссіи графа С. Г. Строганова благодарность за доставленіе рукописи о Скиѣи, „за этотъ интересный и тщательный трудъ, который“—какъ сказано было въ этомъ отзывѣ,—„безъ сомнѣнія, послужитъ къ ближайшему разъясненію столь запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ“.

Въ 1864 г. былъ учрежденъ Новороссійскій университетъ, и въ немъ возобновилась преподавательская дѣятельность Бруна: въ 1866 г. онъ былъ назначенъ временно исправляющимъ должность доцента по каедрѣ всеобщей исторіи. Какъ вообще, такъ и при этомъ случаѣ, обстоятельства ему не благопріятствовали: Филиппъ Карловичъ хотя и былъ въ 1868 году удостоенъ совѣтомъ Новороссійскаго университета степени доктора всеобщей исторіи, однако не ранѣе 1869 года сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ.

Дѣятельность Бруна при Одесскомъ университетѣ не прерывалась

до его кончины. Хотя онъ никогда не имѣлъ особенно большаго числа слушателей, однако могъ считаться отличнымъ преподавателемъ для студентовъ-специалистовъ. Многочисленная аудиторія никогда не привлекала его; блистать предъ массою слушателей онъ не желалъ. За то дѣйствительно прилежно занимающіеся студенты высоко цѣнили своего наставника, который съ юношескимъ жаромъ относился къ своему предмету. Онъ читалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, по исторіи географическихъ открытій до конца XVIII вѣка, исторію древнихъ народовъ востока и въ послѣдній годъ своей жизни особый курсъ исторіи народовъ, обитавшихъ на югѣ Россіи до Славянъ.

Впрочемъ, Брунъ не долго оставался штатнымъ преподавателемъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Обстоятельства и принудили его еще въ 1871 году просить объ увольненіи по выслугѣ 30 лѣтъ. Впрочемъ, совѣтъ университета, начиная съ 1871 года до самой кончины Бруна, въ продолженіе девяти лѣтъ, постоянно избиралъ его стороннимъ преподавателемъ, съ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ жалованью экстраординарнаго профессора. И дѣйствительно, не смотря на свои 65 лѣтъ, Брунъ до самой смерти оставался однимъ изъ самыхъ свѣжихъ, дѣятельныхъ и полезныхъ университетскихъ преподавателей. Какъ специалистъ по исторіи Новороссійскаго края, онъ не переставалъ занимать первое мѣсто въ ученой сферѣ: въ продолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ своей жизни онъ напечаталъ не менѣе 27 статей по нѣкоторымъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ исторической географіи.

О неутомимости и ученой предпримчивости Филиппа Карловича въ послѣдній періодъ его жизни свидѣтельствуютъ также путешествія его, имѣвшія болшую частію ученнаго цѣли. Въ 1869 году онъ былъ командированъ на первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ въ качествѣ депутата отъ Новороссійскаго университета. Побывавъ сначала на съѣздѣ, онъ отправился въ Петербургъ, а оттуда за границу. Не бывъ въ Петербургѣ болѣе 30 лѣтъ, а за границею болѣе 40, онъ имѣлъ удовольствіе повидаться со многими своими родственниками и друзьями молодости и познакомиться лично со многими учеными, съ болшею частію которыхъ до того былъ знакомъ лишь по перепискѣ. Изъ Петербурга онъ отправился чрезъ Финляндію въ Стокгольмъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ путешественникомъ Норденшельдомъ; въ Берлинѣ онъ видѣлся съ Моменомъ, Перцомъ, Дройзеномъ, Мюллергофомъ, Эрманомъ, Бастіаномъ, Конеромъ, Кипертомъ и пр. Затѣмъ онъ побывалъ еще въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Веймарѣ. Въ Готѣ онъ встрѣтился съ Менке и Петерманномъ, въ Штутгартѣ—съ Гей-

домъ, въ Мюнхенѣ—съ Томасомъ, въ Вѣнѣ—съ Рёслеромъ, Гельвальдомъ и пр.

Въ 1872 г. Брунъ, вмѣстѣ съ докторомъ О. Блау, германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Одессѣ, извѣстнымъ ориенталистомъ и археологомъ, ѣздилъ въ Ольвію во время производства тамъ В. Г. Тизенгаузеномъ раскопокъ. Съ докторомъ Блау Брунъ въ продолженіе шести лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Трагическая смерть этого друга, кончившаго жизнь самоубійствомъ въ февралѣ 1879 г., сильно поразила Филиппа Карловича, который еще прежде того лишился многихъ своихъ друзей: Ѡ. А. Струве въ 1870 г. переселился въ Петербургъ, А. Г. Брикнеръ въ 1872 г. въ Дерптъ, В. И. Ягичъ въ Берлинъ, Виктора Ивановича Григоровича постигла преждевременно смерть въ концѣ 1876 года.

Въ 1874 г. въ іюнѣ Брунъ, по порученію Одесскаго общества исторіи и древностей, совершилъ путешествіе на Кавказъ для изслѣдованія восточнаго берега Чернаго моря отъ Анапы до Сухума, а въ августѣ того же года отправился въ Кіевъ на третій археологическій съѣздъ. Въ 1876 г. онъ опять былъ за границу, въ Германіи, гдѣ познакомился съ Лепсіусомъ, Рихтгофеномъ, Курціусомъ, Зибелемъ и пр. Лѣтомъ 1877 г., въ качествѣ депутата того же Одесскаго общества, онъ былъ на археологическомъ съѣздѣ въ Казани, а передъ тѣмъ побывалъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Финляндіи. Эта поѣздка Бруна была послѣднею, предпринятою имъ съ ученою цѣлью.

Не смотря на глубокую старость и на нѣкоторый упадокъ силъ, Ф. К. Брунъ продолжалъ работать по прежнему и составлялъ разные планы для ученыхъ трудовъ и поѣздокъ. Въ декабрѣ 1877 года, по случаю юбилея императора Александра I, онъ въ торжественномъ собраніи Новороссійскаго университета сказалъ рѣчь, которая была весьма сочувственно принята всѣми слушателями и затѣмъ напечатана въ *Journal d'Odessa* 1878 года, №№ 6—8. Въ томъ же году, кромѣ нѣсколькихъ другихъ работъ, онъ перевелъ вмѣстѣ съ г. Палаузовымъ сочиненіе Иречка „Исторія Болгаръ“; то былъ громадный трудъ, еще болѣе усложненный вслѣдствіе обширныхъ дополненій и измѣненій, письменнo сообщенныхъ г. Иречкомъ. Затѣмъ Брунъ занялся переработкою нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ для новаго изданія ихъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ „Черноморье“. Рукопись перваго тома этого сборника была отправлена въ Академію Наукъ,

которая, на основаніи рецензіи профессора В. Г. Васильевскаго, присудила автору Уваровскую премію въ 500 р. (въ сентябрѣ 1878 г.).

Въ продолженіе 1878 г. Брунъ трудился надъ печатаніемъ книги Иречка, надъ составленіемъ примѣчаній къ нѣмецкому переводу г. Реми его сочиненія „Die Gothen am Schwarzen Meere“ и примѣчаній же къ англійскому переводу г. Тельфера „Путешествій Шилтбергера“. Далѣе, онъ занимался переводомъ со старо-испанскаго языка записокъ путешественника XV вѣка Клавихо о Константинополѣ и составленіемъ къ нимъ комментарія.

Вслѣдствіе этихъ усиленныхъ занятій Брунъ опасно заболѣлъ осенью 1878 г., но черезъ нѣсколько недѣль опять оправился, и не смотря на предостереженія докторовъ, съ прежнимъ усердіемъ взялся за свои работы. Лѣтомъ 1879 г. онъ жилъ на дачѣ около Одессы, отказавшись отъ обычныхъ экскурсій съ научными цѣлями, которыя онъ такъ любилъ и совершалъ почти ежегодно. Впрочемъ, онъ надѣялся еще на исполненіе своей мечты побывать въ Константинополѣ и даже въ Италіи, рассчитывая отправиться на пятый археологическій сѣздъ въ Тифлисъ (въ 1881 г.) и уже переписывался съ графомъ А. С. Уваровымъ относительно подготовительныхъ работъ въ этому сѣзду.

Въ началѣ 1879—1880 учебнаго года, ослабѣвъ уже нѣсколько физически, онъ съ прежнею энергіей продолжалъ еще трудиться: читалъ лекціи въ университетѣ, написалъ статью „Берегъ Чернаго моря между Ріономъ и Чорохомъ“, которую послалъ въ Тифлисъ въ рукописи, помѣстилъ статью „Die Insel Chortitza“ въ Odesser Zeitung, окончилъ переводъ съ комментаріемъ Клавихо и занимался приготвленіемъ къ печати втораго тома сборника „Черноморье“.

Въ ноябрѣ 1879 г. онъ снова сильно заболѣлъ. Вскорѣ обнаружился у него бронхитъ, который тѣмъ болѣе былъ для него опасенъ, что онъ страдалъ многіе годы катарромъ дыхательныхъ вѣтвей; въ февралѣ 1880 г. здоровье его нѣсколько улучшилось; но вслѣдъ за тѣмъ проявленія болѣзни стали опять сильнѣе. Въ то время, когда онъ уже дрожащею рукою, но съ прежнею памятью, старался просматривать корректурные листы II-й части „Черноморья“ и заботился о перепискѣ перевода Клавихо, все болѣе и болѣе обнаруживался упадокъ его силъ. Подписавъ 1-го мая предисловіе ко II части „Черноморья“, печатаніе которой было окончено, за исключеніемъ указателя, онъ, не чувствуя никакого улучшенія въ состояніи своего здоровья, по настоятельному совѣту докторовъ выѣхалъ 16-го мая изъ

Одессы въ мѣстечко Славуту, Волынской губерніи, для лѣченія воздухомъ сосновыхъ лѣсовъ и кумысомъ. По приѣздѣ на мѣсто, въ первую недѣлю онъ чувствовалъ себя гораздо лучше; но начавъ лѣченіе кумысомъ, онъ снова заболѣлъ, а чрезъ недѣлю уже кончалъ жизнь. По отдаленности отъ Одессы, при гробѣ его никого не было, кромѣ его семейства, жены, дочерей и сыновей. Трупъ его преданъ землѣ 6-го іюня въ Славутѣ.

Списокъ всѣмъ трудамъ Бруна, составленный послѣ его кончины, представляетъ собою не менѣе 80 номеровъ.

Сначала, какъ мы видѣли, литературная дѣятельность Филиппа Карловича имѣла предметомъ вопросы экономическаго быта, особенно статистики торговли. Первымъ изслѣдованіемъ, относящимся къ исторической географіи, была статья: „Слѣды лагеря Карла XII возлѣ Бендеръ, у села Варницы“, помѣщенная во второмъ томѣ Записокъ Од. Общ. Ист. и Др. (въ 1850 г.). Затѣмъ явился дѣльный рядъ историко-географическихъ изслѣдованій, каковы, „Sur l'emplacement d'un château, construit au bord du Dnièstre en 1421“ (въ Journal d'Odessa 1852 г., №№ 17, 18); „Les noms de la ville d'Akkerman“ (тамъ же, № 42); „Sur la position des villes d'Ornas, de Tanais et de Tonie“ (тамъ же, №№ 85 и 86); „Notice sur la topographie ancienne de la Nouvelle Russie et de la Bessarabie“ (Odessa, 1857); „L'ancienne Hylée et ses diverses dénominations“ (въ Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg, 1859, t. I); „Le littoral de la Mer Noire entre le Dnièpre et le Dnièstre d'après les cartes hydrographiques du XIV et du XV siècle“ (тамъ же) и пр. Самыми обширными и замѣчательными трудами этого рода были: „Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes eu Gazarie“. St.-Petersbourg, 1866 (въ Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pét., VII-е Série, t. X, № 9). По поводу этой статьи были напечатаны въ Bulletin de l'Acad. 1868 года письма извѣстнаго специалиста Гейда о томъ же предметѣ. Особенное вниманіе со стороны специалистовъ обратило на себя обширное разсужденіе Бруна: „Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Hérodote et aux contrées limitrophes. Avec une carte. St.-Petersbourg, 1873 (изъ второго выпуска „Recueil d'antiquités de la Scythie“).

Спеціальное изученіе исторической топографіи доставляло Бруну возможность заняться изданіемъ и комментированіемъ записокъ и путевыхъ замѣтокъ разныхъ путешественниковъ прежнихъ столѣтій. Изъ такихъ изданій мы упомянемъ слѣдующія: „Путешествіе Гилл-

бера де-Ланнуа по южной Россіи въ 1421 году" (Одесса, 1852 г., въ III томѣ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн.); „Путешествія Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 г. Переводъ и примѣчанія. Одесса, 1866 г.“ (изъ I т. Записокъ Императорскаго Новоросс. университета); кромѣ того, были помѣщены въ Запискахъ (Sitzungsberichte) Баварской академіи въ Мюнхенѣ (1869, II; 1870, I и II) „Geographische Bemerkungen zu Schiltberger's Reisen“. Въ Запискахъ Бессарабскаго статистическаго комитета было помѣщено „Путешествіе турецкаго туриста по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи“; въ газетѣ Кавказъ (1870 г., №№ 64, 65 и 68) — „Замѣтки турецкаго туриста о состояніи Закавказскаго края около половины XVII вѣка“; отдѣльнымъ изданіемъ были напечатаны „Путевныя записки Эриха Лассоты, отправленнаго Римскимъ императоромъ Рудольфомъ II къ Запорожцамъ въ 1594 г. Переводъ и примѣчанія. С.-Петербургъ, 1873 г.“

Кромѣ того, имъ были напечатаны слѣдующія статьи историческаго содержанія: „Крымскій полуостровъ около половины XVIII в.“ (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1868 г.); „Неудачная осада Азова Турками въ 1641 г.“ (въ VIII т. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. 1872 г.); „Über die Verwandlungen des Presbyters Joannes“ (въ IV т. Verhandlungen der K. Gesellschaft der Erkunde in Berlin, 1876).

Особенно счастливою мыслию Бруна въ послѣднее время жизни было составленіе сборника подъ заглавіемъ „Черноморье“, въ которомъ онъ соединилъ, отчасти съ нѣкоторыми перемѣнами и дополненіями, многія свои разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ изысканія, относящіяся къ исторіи и географіи береговъ Чернаго моря. Въ 1879 году явился первый томъ этого сборника, въ которомъ помѣщены статьи: „Островъ Тирагетовъ и греко-латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ“, „Островъ св. Еверія“, „Нѣчто о Добруджѣ“, „Островъ Певки“, „Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова“, „Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій“, „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море“, „Обмелѣніе Азовскаго моря“, „Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 г.“, „Судьбы мѣстности, занимаемой Одессою“, „О родствѣ Гетовъ съ Давами, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами“, „О поселеніяхъ италіанскихъ въ Газаріи“. Подробный отзывъ объ этомъ трудѣ профессора В. Г. Васильевскаго ¹⁾ свидѣтельствуетъ

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. декабрь 1879 г.

о томъ значеніи, какое имѣютъ изслѣдованія Бруна для спеціалитетъ, и о глубокомъ уваженіи къ автору. Въ концѣ своей статьи о трудѣ Бруна ученый рецензентъ выразилъ надежду, чтобы скорѣе вышелъ въ свѣтъ и второй томъ сборника. Желаніе это уже исполнено: II-й томъ „Черноморья“ выпущенъ въ свѣтъ сыномъ автора Л. Ф. Бруномъ, который при этомъ долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность сообщить читателямъ и о кончинѣ отца. Содержание втораго тома „Черноморья“ еще богаче, чѣмъ содержаніе перваго. Укажемъ на нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ немъ статей: „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѣи“, „Матеріалы для исторіи Сугдеи“, „Периодъ Каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія“, „Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи“, „О резиденціи хановъ Золотой орды до времени Джанибека I“, „Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ“ и пр.

Прибавимъ ко всему этому, что Ф. К. Брунъ написалъ еще значительное число рецензій на разныя спеціальныя сочиненія, нѣсколько некрологовъ и пр. Какъ видно, учено-литературная дѣятельность его была очень плодотворна. Имя его извѣстно не только въ Россіи, но и за границей, и въ особенности въ Германіи и Италіи высоко цѣнятся его ученые труды. Уже въ 1853 г. онъ сдѣлался членомъ ученаго общества въ Іези (въ Италіи близъ Анконы), въ 1871 году членомъ-корреспондентомъ Лигурійскаго общества отечественной исторіи въ Генуѣ и пр. Спеціалисты, какъ, напримѣръ, Томасъ въ Мюнхенѣ, Беккеръ (бывшій директоръ Ришельевского лицея) въ Дрезденѣ, Гейдъ въ Штутгартѣ, Менке въ Готѣ и пр., цѣнили въ Брунѣ незамѣнимаго труженика въ области исторической географіи и археологіи. Успѣхъ его дѣятельности обуславливался безграничною любовью къ наукѣ, обширнымъ образованіемъ, мѣткостью сужденій, смѣлостью соображеній и необычайною способностью путемъ остроумныхъ и тонкихъ комбинацій приводить въ ясность самыя запутанныя вопросы науки.

А. Б.

КЪ „МЕДЕЪ“ ЕВРИПИДА (СТ. 234 И 596).

Въ знаменитой рѣчи Медеи, гдѣ съ такою удивительною для греческаго литературнаго произведенія рѣзкостію „мисогинъ“ Еврипидъ устами героини заявляетъ протестъ противъ жалкаго положенія женщины въ греческомъ обществѣ, стихи 230—237 въ той рукописи ¹⁾, которую принято ставить на первомъ мѣстѣ между рукописями „Медеи“, имѣютъ такой приблизительно видъ:

- 230 Πάντων δ' ὄσ' ἔστ' ἔμψυχα καὶ γνώμην ἔχει
γυναῖκές ἐσμεν ἀθλιώτατον φυτόν.
ὡς πρῶτα μὲν δεῖ χρημάτων ὑπερβολῇ
πόσιν πρίασθαι δεσπότην τε σώματος
λαβεῖν κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἄλγιον κακόν
- 235 κὰν τῷδ' ἀγὼν μέγιστος, ἢ κακὸν λαβεῖν
ἢ χρηστόν. οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγῆαι
γυναίξιν, οὐδ' οἷόν τ' ἀνήνασθαι πόσιν.

Стихъ 234 принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ во всей Еврипидовской поэзии. Толкованія, которымъ онъ подвергался, такъ же разнообразны, какъ различны средства, которыя предлагались и предлагаются для его исправленія.

Въ изданіяхъ до временъ Брунка постоянно повторялось взятое Іоанномъ Ласкарисомъ и Альдомъ изъ своихъ рукописей и находящееся также въ нѣкоторыхъ, теперь еще существующихъ рукописяхъ ²⁾ чтеніе κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλγιον κακόν. Изъ новыхъ издателей

¹⁾ В (cod. Vaticanus 909).

²⁾ Cod. Florentinus 32,2, обозначаемый у новѣйшаго издателя (Euripidis fabulae) № 10.

то же чтеніе удержалъ Клотцъ ¹⁾, толковавшій его, согласно со схолиастомъ, такимъ образомъ: „Refertur hoc ad alteram partem prioris enunciati, eoque significatur praeter emptionem mariti illud permolestum atque adeo molestius esse, quod in eius potestatem committitur puella, quae nubit viro“. Другими словами, Клотцъ требуетъ отъ читателей Еврипида, чтобы они догадались, во первыхъ, что двѣ части выраженія χρημάτων ὑπερβολῇ πόσιν πρίασθαι — δεσπότῃ τε σώματος λαβεῖν находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ не присоединенія, а противоположенія; во вторыхъ, что понятіе χρημ. ὑπ. πόσιν πρίασθαι должно было быть ближе уму говорящей, чѣмъ δεσπότῃ σ. λαβεῖν, и потому первое, въ противоположность послѣднему, далѣе могло быть обозначено какъ τότε καχόν; втретьихъ, наконецъ, что Еврипидъ хотѣлъ сказать такой абсурдъ: „приобрѣсть полновластнаго хозяина надъ своею личностью хуже, чѣмъ купить за большія деньги себѣ сожителя“. Едва ли Аониане V вѣка, видѣвшіе „Медеею“ на сценѣ, нашли бы въ словахъ Еврипида то, что нашелъ въ нихъ нѣмецкій толкователь, даже и въ томъ случаѣ, если бы въ 431 г. до Р. Х. изданіе Клотца, въ качествѣ либретто, продавалось въ кассѣ Діонисова театра.

Точнѣе приладить текстъ къ толкованію схолиаста попытался Веклейнъ, передѣлавшій 234 стихъ такъ: λαβεῖν ἐκείνου γὰρ τὸδ' ἄλιον καχόν. При этомъ устранился, конечно, второе изъ указанныхъ выше затрудненій, но не устраняется третье, да остается въ своей силѣ и первое. Веклейнъ (вмѣстѣ съ Бауеромъ, который, впрочемъ, въ 234 стихѣ принимаетъ чтеніе рукописей Стосея τούτο γ'), въ противоположность прочимъ толкователямъ, полагаетъ, что словамъ πρῶτα μὲν ст. 232 соотвѣтствуютъ не καὶ τῷδ' ἄλιον μ. ст. 235 (такъ Маттіа и Шене) и не εἰς καὶ δ' ἡθη ст. 238 (такъ Лентингъ и Клотцъ), а δεσπότῃ τε. Въ доказательство возможности такого сопоставленія частицъ онъ ссылается на 126 стихъ „Медеею“, а въ примѣчаніи къ стихамъ 125—7 (τῶν γὰρ ματρῶν πρῶτα μὲν εἰπεῖν τοῦνομα νικᾶ, χρῆσθαι

lae, edidit R. Prinz. Vol. I. Pars 1: Medea. Lips. 1878) буквою M и cod. Palatinus inter Vaticanos 287, обозначаемый буквою P.

¹⁾ Elmsley принялъ въ текстъ своего изданія и одобрилъ въ комментаріи догадку Брунка τούτ' ἔτ', а подъ текстомъ, по обычаю, привелъ чтеніе Альдины τούδ' ἔτ'. Между тѣмъ, Клотцъ увѣряетъ, будто бы англійскій критикъ выдавалъ τούδ' ἔτ' за собственную конъектуру: промахъ удивительный для издателя Еврипида вообще, но не удивительный для такого издателя, какъ Клотцъ. См. замѣтку Р. Принца въ Rheinisch. Mus. XXX, стр. 131, примѣч.

τε μακρῶ λῆστα βροτοῖσιν) говорить: „Statt eines δεῦτερα δέ oder ἔπειτα folgt hier anakoluthisch τέ wie unten V. 233, 430, 1101, Hipp. 996, Herakl. 337, Ion. 401, Or. 22“. Но изъ числа этихъ примѣровъ два— Med. 430 и Or. 22 — должны быть исключены, такъ какъ въ нихъ нѣтъ выраженія πρῶτα μὲν, а только μὲν. Чтò касается остальныхъ, кромѣ разбираемаго нами 233 стиха, то — намъ кажется — они-то именно и не дозволяютъ предполагать соотвѣтствiе между πρῶτα μὲν и τέ въ 232—3 стихахъ „Медей“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ ¹⁾, безъ всякаго ущерба для смысла рѣчи, на мѣсто τέ могутъ быть подставлены слова δεῦτερα δέ или ἔπειτα, точно такъ же выраженiе πρῶτα μὲν πῶσιν πρίασθαι, δεῦτερα δέ δεσπότην σώματος λαβεῖν было бы абсурдомъ.

Μαργίω относилъ указанiе τόδε κακόν (въ чтенiи κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ') къ цѣльному, не раздѣленному на двѣ противоположныя части, выраженiю πῶσιν πρίασθαι δεσπ. τε σωμ. λαβεῖν; вся эта сентенцiя κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν, по его мнѣнiю, составляетъ переходъ къ слѣдующему положенiю κὰν τῷδ' ἄγων μέγιστος и т. д. и имѣеть такой смыслъ: „sed hoc malo, quod commemoravi, aliud quod malum acerbius est. Debat sequi—прибавляетъ толкователь—ἔπειτα χυδονεύειν ἢ κακόν λαβεῖν ἢ χηρῆσθόν. Hoc enim alterum malum est, quo mulieres laborare dicit. Itaque, sed hoc leve est, inquit, hoc enim malo acerbius est aliud“. Но такое объясненiе не соотвѣтствуетъ принимаемому толкователемъ тексту: чтобы желаемое объясненiе сдѣлалось возможнымъ, нужно было бы 234 стихъ измѣнить примѣрно такъ: εἶτ' (или ἀλλ') ἔστι γὰρ καὶ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν.

Какъ уже Лентингъ и за нимъ Шене предлагали ставить послѣ выраженiя κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν знакъ вопроса, такъ въ недавнее время Раухенштейнъ (N. Jahrbücher f. Philol. 1875 года, стр. 835) высказалъ мнѣнiе, что варианты τοῦδ' ἔτ' и τοῦτ' ἔτ' должны быть объясняемы изъ первоначальнаго чтенiя κακοῦ τί τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν; но въ данномъ случаѣ такой „риторическiй“ вопросъ „есть ли зло бѣльшее этого зла?“ едва ли былъ бы уместенъ, потому что какъ разъ сейчасъ же (въ словахъ κὰν τῷδ' ἄγων μ. и т. д.) именно ука-

¹⁾ Hipp. 996 ἐπίσταμαι γὰρ πρῶτα μὲν θεοὺς σέβειν, φίλοις τε χρῆσθαι; Herakl. 337 sq. πρῶτα μὲν σκοποὺς πέμψω πρὸς αὐτόν... μάντις τ' ἀθροίσας θύσομαι; Ion. 401 sq. πρῶτον μὲν ὁ θεὸς τῶν ἐμῶν προσφθεγμάτων λαβὼν ἀπαρχὰς χαιρέτω, σὺ τ' ὦ γύναι; Med. 1101 sq. (ἐσορῶ μελέτη κατατροχόμενους τὸν ἅπαντα χρόνον), πρῶτον μὲν ὅπως θρέψουσι καλῶς, βίωτόν θ' ὀπόθεν λειψούσι τέκνοις.

выпадаетъ на возможность зла бѣльшаго, чѣмъ это зло: плачевно положеніе женщины, за деньги пріобрѣтающей мужа, у котораго она будетъ рабыней; но, конечно, оно еще печальнѣе, если тотъ же супругъ-владыка есть злой владыка. Правда, что тотъ же самый риторическій вопросъ служилъ бы весьма энергической и эффектной формулой перехода къ новой мысли, если бы ему можно было придать такой смыслъ: „не правда ли: ужъ хуже этого положенія не можетъ быть? однакожь и этимъ не ограничиваются несчастія женщины“. Но для всякаго очевидно, что ни при какихъ уловкахъ интерпретаціи этотъ смыслъ никакъ нельзя втиснуть въ слова текста. Чего не достаетъ въ словахъ Еврипида для того, чтобы они допускали такое объясненіе, видно изъ Soph. El. 1185 слл., гдѣ діалогъ между Орестомъ и Електрой ведется такимъ образомъ: ОР... οὐκ ἄρ' ἤδη τῶν ἐμῶν οὐδὲν κακῶν. ΗΔ. ἐν τῇ δειγνῶς τοῦτο τῶν εἰρημένων; ОР. ὀρῶν σε πολλοῖς ἐμπρέπουσαν ἄλγεον. ΗΔ. καὶ μὴν ὀρᾶς γε καῦρα τῶν ἐμῶν κακῶν. ОР. καὶ πῶς γένοιτ' ἂν τῶνδ' ἔτ' ἐχθίω¹⁾ βλέπειν; ΗΔ. ὀθοῦναι εἰμὶ τοῖς φωνεῦσι σύντροφος.

Нѣкоторое сродство съ только что разобраннѣмъ толкованіемъ имѣеть другое, слѣдующее: чтенія κακοῦ γὰρ τοῦτο γ' ἄλγ. х., или κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἔτ' ἄλγ. х., или κακοῦ γὰρ τοῦθ' ὑπέρτερον κακόν²⁾ могутъ быть понимаемы такъ: „вѣдь это есть зло худшее, чѣмъ самое зло“³⁾. Въ пользу такого объясненія можно было бы привести Soph. Oed. R. 1365 sq. εἰ δὲ τι πρᾶβότερον ἔτι κακοῦ κακόν, τοῦτ' ἔλαχ' Οἰδίπους, сомнительный стихъ Antig. 1281 τί δ' ἔστιν; ἢ κάκιον αὐ κακῶν ἔτι; указанное по поводу этого стиха Шнейдевиномъ мѣсто изъ Aesch. Agam. 864 κακοῦ κάκιον ἄλλο πῆμα, а также Eurip. Нес. 1168 πῆμα πῆματος πλέον и т. п. Такое толкованіе, хотя, можетъ быть, и къ нему примѣнимо то, что сказано противъ предположенія риторическаго вопроса, во всякомъ случаѣ, по своей значительности, заслуживало бы, кажется, предпочтенія предъ тѣмъ, при которомъ κακοῦ (въ чтеніи κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἔτ' ἄλγ. х. или κακοῦ γὰρ τοῦθ' ὑπ. х.) понимается какъ равнозначущее съ κακοῦ ἐκείνου ὄντος.

Но всѣ эти толкованія и поправки, болѣе или менѣе облегчая

¹⁾ Blaydes предлагалъ читать ἔτ' ἀλγίω.

²⁾ Догадка Наука, имѣющая предъ прочими, выше указанными, то преимущество, что при ней легко объясняется происхожденіе въ главной рукописи чтенія, нарушающаго размѣръ стиха.

³⁾ Dies ist übler als das Uebel selbst, переводитъ Гартунгъ.

пониманіе 234 стиха самого по себѣ, не восполняютъ пробѣла, котормъ, какъ намъ кажется, страдаетъ рѣчь Медеи, въ теперешнемъ своемъ видѣ, и о которомъ мы будемъ говорить далѣе.

Не удивительно, что 234 стихъ, надѣлавшій столько хлопотъ критикамъ и толкователямъ, былъ, наконецъ, какъ подложный, изгнанъ изъ Еврипидовскаго текста: къ этому крайнему средству раздѣлаться съ представляющимися затрудненіями прибѣгнулъ послѣдній издатель „Медеи“, Рудольфъ Принцъ ¹⁾. Но есть ли достаточныя основанія для такого суроваго приговора?

Что послѣ 233 стиха въ нашемъ 234 нѣтъ существенной надобности, что если бы этотъ послѣдній во всѣхъ рукописяхъ въ этомъ мѣстѣ былъ пропущенъ, то ни одинъ, самый прозорливый критикъ не догадался бы, что послѣ 233 стиха есть пробѣлъ,—противъ этого едва ли кто-нибудь станетъ спорить. Но этимъ, равно какъ и шаткостію рукописнаго чтенія въ 234 стихѣ, еще не доказывается непременно интерполяція. Р. Принцъ находитъ нѣкоторое подтвержденіе своей догадкѣ еще въ томъ обстоятельстве, что Копенгагенская рукопись, ведущая свое начало изъ того же источника, какъ и рукопись В, представляетъ 235 — 37 стихи въ такомъ невозможномъ порядкѣ:

λαβείν. οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγαί
κακοῦ γὰρ τόδ' ἄλγιον κακόν. κὰν τῷδ' ἀγῶν
μέγιστος ἢ κακὸν λαβεῖν ἢ χρηστόν.

Такъ написано тамъ первою рукою; слова οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγαί подчеркнуты красными чернилами и затѣмъ второй уже рукою еще разъ написаны на полѣ у слова χρηστόν ²⁾. Но самое большее, что можно вывести отсюда, это только то, что въ той рукописи, съ которой списана Копенгагенская, слова κακοῦ γὰρ — χρηστόν, пропущенныя въ текстѣ, стояли на полѣ и поэтому переписчикомъ Копенгагенскаго списка внесены были въ текстъ не тамъ, гдѣ слѣдовало. Если же это такъ, то тутъ нѣтъ никакого доказательства подложности 234 стиха (иначе пришлось бы отвергать и подлинность словъ

¹⁾ Съ нимъ соглашается и Фр. Лео въ журналѣ Hermes, 1880 года, т. XV, стр. 320.

²⁾ Rheinisch. Mus. XXX (1875), стр. 132. Die Verwirrung, — говоритъ Р. Принцъ,—die in unserer Handschrift gerade an dieser Stelle herrscht, scheint mir für meine Vermuthung zu sprechen, dass der Vers interpolirt ist und vielleicht im Archetypen noch am Rande gestanden hat.

κάν τῶδ' ἀγών—χρηστόν), а есть лишь доказательство того, что именно въ этомъ мѣстѣ невнимательному переписчику легко было сдѣлать пропускъ или нарушить порядокъ словъ и стиховъ.

Но и независимо отъ всякихъ гипотезъ относительно происхожденія описки Копенгагенской рукописи, очевидно, что если бы въ рѣчи Медее нашлось такое мѣсто, въ которомъ 234 стихъ, если и не совершенно безсмысленный, то во всякомъ случаѣ ненужный послѣ 233 стиха, былъ бы необходимъ, то его и слѣдовало бы поставить на томъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ ставятъ его рукописи Еврипида и Стовея, и не подъ текстомъ, гдѣ поставилъ его новѣйшій издатель.

И намъ кажется, что въ рѣчи Медее есть такое мѣсто, гдѣ 234 стихъ не только имѣетъ болѣе смысла, чѣмъ послѣ 233 стиха, но, можно сказать, и необходимъ. Тема этой рѣчи заявляется словами πάντων δ' ὅσ' ἔστ' ἔμφουχα καὶ γυνήν ἔχει γυναῖκες ἴσμεν ἀδελώτατον φυτόν. Что γυναῖκες здѣсь не „жены“, а „женщины“, видно изъ 232 стиха. Какъ на доказательства положенія, что изъ всѣхъ одушевленныхъ разумныхъ существъ женщина есть самое несчастное, указывается на униженіе, которому женщина подвергается при самомъ сватовствѣ, на состояніе крайней зависимости, въ которомъ жена находится по отношенію къ мужу, на муки родовъ, переносимыя ею. Но достаточны ли эти доказательства? Развѣ всѣ женщины жены? Если состояніе замужества такъ печально для женщины, то зачѣмъ она вступаетъ въ него, или, если ужъ разъ вступила, почему не выходитъ изъ него? Странно было бы, если бы такія возраженія не представлялись пропитанному тонкостями софистической діалектики уму трагика, если бы онъ не попытался отклонить ихъ хоть однимъ словомъ, хоть какимъ-нибудь софизмомъ. И дѣйствительно, одно изъ этихъ возраженій онъ легко устраняетъ: несчастная жена не можетъ высвободиться изъ своего положенія: οὐ γὰρ εὐκλείς ἀπαλλαγὰί γυναῖξιν. Не было ли бы встать тутъ же отклонить и другое, само собою представляющееся возраженіе: положимъ, что разводъ почти невозможенъ для женщины, но развѣ нельзя совсѣмъ отказаться отъ замужества, совсѣмъ не вступать въ бракъ? Отвѣта на это возраженіе можно было бы, правда, искать въ словахъ οὐδ' οἶον τ' ἀνήνασθαι ποῦν, такъ какъ ἀναίνεσθαι, которое, по Арпократиону (р. 16, 17 Bekk.) κοινῶς μὲν τὸ ἀρνεῖσθαι, ἰδίως δὲ ἐπὶ τῶν κατὰ τοὺς γάμους καὶ τὰ ἀφροδίσια λέγεται ¹⁾,

¹⁾ Известно, что такое употребленіе глагола ἀναίνεσθαι (и также ἀπαναίνεσθαι)

ВЪ СЪЕДИНЕНІИ СЪ ΠΟΙΩΝ, МОЖЕТЪ ЗНАЧИТЬ „ОТКАЗАТЬСЯ ОТЪ МУЖА“ НЕ ТОЛЬКО ВЪ СМЫСЛѢ „РАЗВЕСТИСЯ СЪ МУЖЕМЪ“, КАКЪ ПОНИМАЛИ ДО СИХЪ ПОРЪ ЭТО ВЫРАЖЕНІЕ ТОЛКОВАТЕЛИ „МЕДЕЯ“, НО И ВЪ СМЫСЛѢ „ОТКАЗАТЬСЯ ОТЪ ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ БРАКЪ“. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЭТО ВЫРАЖЕНІЕ ΑΝΗΓΑΣΘΑΙ ΠΟΙΩΝ ПЕРЕСТАЛО БЫТЬ ДВУСМЫСЛЕННЫМЪ, ЧТОБЫ НЕИЗБѢЖНЫМЪ СДѢЛАЛОСЯ ТО ИМЕННО ПОНИМАНИЕ ЕГО, КОТОРОЕ, КАКЪ НАМЪ КАЖЕТСЯ, НЕОБХОДИМО ПО ХОДУ МЫСЛЕЙ ВЪ РѢЧИ МЕДЕИ, СЛѢДУЕТЪ СТИХЪ 234 — 237 РАСПОЛОЖИТЬ ВЪ ТАКОМЪ ПОРЯДКѢ:

235. κὰν τῶδ' ἀγὼν μέγιστος ἢ κακὸν λαβεῖν

ἢ χρηστόν· οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγαί

237. γυναῖξίν· οὐδ' οἷόν τ' ἀνήσασθαι ποίωιν

234. λαβεῖν· κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλγιον κακόν.

„Вопросъ величайшей важности для женщины заключается въ томъ, достанется ли ей мужъ добрый или злой; потому что вѣдь разводъ ¹⁾ позорить женщину ²⁾ (слѣдовательно, разъ выйдя замужъ за злого, нельзя уже уйдти отъ него); а совсѣмъ отказаться отъ замужества невозможно, потому что въ сравненіи со зломъ, о которомъ

свойственно не только Демосеону и комикамъ Платону и Менандру, на которыхъ ссылается Арпократионъ, но и вообще писателямъ всѣхъ періодовъ и всѣхъ видовъ греческой литературы. Мы приведемъ лишь нѣкоторые примѣры, въ которыхъ рѣчь идетъ именно *объ отказѣ отъ естумленія въ бракъ или любовную связь*: Odyss. k. 297 ἀπανήσασθαι θεοῦ εὐνήν, P. Nom. epigr. in vas. in Samo (Athen. XIII, p. 592 A) δὸς δὲ γυναῖκα τήνδε νέων μὲν ἀναίνεσθαι φιλότητα καὶ εὐνήν, Pind. Nem. V, 33 (60) εὐθὺς δ' ἀπανάνατο νόμφαν (о Пилеѣ, устоявшемъ противъ искушеній Ипполиты), Eurip. El. 312 ἀναίνομαι δὲ Κάστορ' ᾧ πρὶν εἰς θεοὺς ἐλθεῖν ἔμ' ἐμνήσταυον, Hipp. 14 (о дѣвственникѣ Ипполитѣ) ἀναίνεται δὲ λέκτρα καὶ ψαύει γάμων, Naumach. ap. Stob. flor. 74, 7, v. 53 ὀδνειῶν φιλότητας ἀναίνο. Въ утвердительномъ смыслѣ, о женихѣ или невѣстѣ, соглашающихся на бракъ или любовную связь, употребляются такъ аίνεῖν, напримѣръ, Pind. Pyth. III, 13 (25) ἄλλον αἰνήσεν γάμον κρύβδαν πατρός и ἐπαινεῖν, напримѣръ, Eurip. Or. 1672 λέκτρ' ἐπήνεσα; о родственникахъ невѣсты у Еврипида встрѣчаются аίνεῖν и κατανεῖν, напримѣръ, Or. 1658 Πυλάδῃ δ' ἀδελφῆς λέκτρον, ᾧ ποτ' ἤνεσα, δός; Iph. A. 695 τοῦνομα μὲν οὖν παῖδ' οἶδ' ὅτφ κατήνεσα.

¹⁾ ἀπαλλαγαί=ἀπολείψεις. Сравни Demosth. 31, 13 τῆς ἀδελφῆς — — μηδέπω — ἄλλφ συνοικοῦσης μηδ' ἀπηλλαγμένης Ἀφόβου и 30, 25 (о томъ же фактѣ) τὴν γυναῖκα—ἀποδείξω λόγφ μὲν ἀπολειποῦσαν, ἔργφ δὲ συνοικοῦσαν Ἀφόβφ. О другомъ видѣ развода ἀπαλλάττεσθαι Isae. 3, 28 ἀπαλλάττεσθαι τῆς γυναίκος, Plutarch. de virt. et vitio γυναικὸς οὐ χυλεπῶς ἂν τις ἀπαλλαγείη πονηρᾶς—πρὸς δὲ τὴν ἑαυτοῦ κακίαν οὐκ ἔστι γραφάμενον ἀπολείψιν, ἤδη πραγμάτων ἀφείσθαι.

²⁾ Или, если принять догадку Наука, εὐχερεῖς, вѣсто εὐκλεεῖς: «получить разводъ не легко».

идеть рѣчь (то-есть съ замужествомъ), это (то-есть отказъ отъ замужества) есть еще большее зло. Едва ли нужно доказывать, что въ греческомъ мѣрѣ положеніе старой дѣвы считалось еще бѣльшимъ несчастіемъ, чѣмъ въ новѣйшія времена.

При нашей перестановкѣ получаетъ полный смыслъ чтеніе τὸδ' ἔτ'. Что это чтеніе было свойственно и оригиналу списка В, доказывается, по видимому, вариантомъ Копенгагенскаго списка (τὸδ'). Если чтеніе τὸδ' ἔτ' въ оригиналѣ списка В было выражено такъ же, какъ оно выражается въ рукописи L, то-есть въ видѣ τὸδδε τ', но при этомъ τ' было надписано надъ δε (см. Bast, Comment. palaeogr. p. 845), то понятно, какъ легко отсюда могло произойти чтеніе τὸδτ'; хотя, конечно, послѣднее могло быть и произвольнымъ исправленіемъ непонятаго τὸδδε τ'. Какъ въ отношеніи ко всему ходу аргументаціи, такъ и въ отношеніи къ подробностямъ (опущенію связки, опущенію мѣстоименія οὗτος¹⁾, употребленію мѣстоименія ὅδε) значительное сходство съ выраженіемъ κακοῦ γὰρ τὸδδ' ἔτ' ἄλγιον κακόν представляетъ послѣдній стихъ въ этомъ мѣстѣ „Ираклидовъ“ Еврипида (стг. 605 сл.):

— οὐτε τούτοις ἦδομαι πεπραγμένοις,
χρησμοῦ τε μὴ κρανθέντος οὐ βιώσιμον.
μείζων γὰρ ἄτη, ξυμφορὰ δὲ καὶ τάδε.

593 — 597 стихи „Медей“ во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ и изданіяхъ, если не брать въ расчетъ незначительныхъ уклоненій и очевидныхъ ошибокъ, имѣютъ такой видъ:

εὖ νῦν τὸδ' ἴσθι, μὴ γυναικὸς εἶνεκα
γῆμαι με λάχτρα βασιλέων ἃ νῦν ἔχω,
ἀλλ' ὡσπερ εἶπον καὶ πάρος, σῶσαι θέλω
σε καὶ τέχνοισι τοῖς ἐμοῖς ὁμοσπόρους
φῶσαι τυράννουσ παῖδας, ἔρωμα δώμασι.

Это рѣчь Ясона, оправдывающагося предъ Медеей въ томъ, что онъ измѣнилъ ей, вступивъ въ бракъ съ дочерью царя Креонта. Такъ какъ само собою разумѣется, что, въ супружествѣ съ послѣднею, Ясонъ могъ надѣяться произвести братьевъ только для своихъ дѣтей, то опредѣленіе τοῖς ἐμοῖς является довольно празднымъ²⁾. Съ

¹⁾ Сравни. Plat. Politic. 300 A. ἄρα οὐ τοῦ κακοῦ τοῦ πρόσθεν μείζων ἂν ἔτι τοῦτο γίγνοιτο κακόν τι.

²⁾ Скорѣе съ нимъ можно примириться въ ст. 550, а въ ст. 1303 ἐμῶν, конечно, необходимо.

другой стороны, для всякаго должно быть понятно, на сколько рѣчь Ясона выиграетъ въ своей убѣдительности, если онъ, вмѣсто того, чтобы говорить: „то, за что ты упрекаешь меня, я сдѣлалъ для тебя же и для твоихъ же дѣтей“, то-есть, если вмѣсто τοῖς ἐμοῖς, мы будемъ читать τοῖσι σοῖς. Вѣдь и прежде (ст. 563), излагая ту же мысль, Ясонъ говорилъ:

(ὦς) σπείρας ἀδελφούς τοῖσιν ἐκ σέθεν τέχνους
εἰς ταῦτό θείην καὶ ξυναρτήσας γένος
εὐδαίμονοῖμεν.

III. Никитинъ.

НЪ РЪЧИ ДЕМОСФЕНА КАТА ΚΟΝΩΝΟΣ (§ 4).

Въ §§ 3—6 этой рѣчи истецъ рассказываетъ исторію возникновенія вражды къ нему дѣтей отвѣтчива. Вражда началась съ того времени, когда сыновья Конона и самъ истецъ находились вмѣстѣ въ отрядѣ, стоявшемъ гарнизономъ въ Панактѣ. Буйные, вѣчно пьяные сыновья Конона, занимавшіе въ лагерѣ палатку по сосѣдству съ палаткой лица, говорящаго рѣчь, сперва, по разнымъ поводамъ, стали обижать его рабовъ-деньщиковъ: φήσαντες γὰρ—рассказываетъ онъ въ § 4-мъ—κατνίξειν αὐτοὺς ὀφποιοιμένους τοὺς παῖδας ἢ κακῶς λέγειν ὃ, τι τούχοιεν, ἔτυπτον καὶ τὰς ἀμίδας κατασχεδάννουσιν καὶ προσεούρουσιν καὶ ἀσβλγείας καὶ ὕβρεως οὐδ' ὅτιοῦν ἀπέλειπον.

Все въ приведенныхъ словахъ совершенно понятно, кромѣ выраженія ὃ τι τούχοιεν. Съ грамматической точки зрѣнія оно, конечно, безупречно: ὃ τι τούχοιεν въ данномъ мѣстѣ значитъ (какъ объясняетъ Вестерманнъ) то же, что ὃ τι τούχοιεν λέγοντες. Но съ какою цѣлію это выраженіе присоединено къ словамъ κακῶς λέγειν? Для того ли, чтобы усилить ихъ значеніе? Дѣйствительно, „бранить какъ ни попало“ можетъ значить больше, чѣмъ просто „бранить“; но здѣсь вѣдь рѣчь идетъ о рабахъ, будто бы бранившихъ свободныхъ людей, а когда рабъ бранилъ свободнаго, то, безъ сомнѣнія, брань считалась одинаково дерзкимъ поступкомъ, была ли она заслужена, или не заслужена тѣмъ лицомъ, которое ей подвергалось, относилась ли она къ обстоятельствамъ болѣе или менѣе позорящимъ. Кромѣ того—и это главное—въ интересахъ истца было не усиливать вину своихъ рабовъ, если таковая была, а смягчить ее (выраженіе же ὃ τι τούχοιεν для этой послѣдней цѣли непригодно); напротивъ, онъ долженъ былъ стараться усилить виновность своихъ противниковъ. Требуемое усиленіе полу-

читается, если мы будемъ, вмѣсто δ τι τύχοιεν¹⁾, читать δ τφ τύχοιεν разумѣется: $\tau\acute{o}\pi\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$): „они были нашихъ рабовъ чѣмъ ни попало“²⁾. Что отъ присоединенія словъ δ τφ τύχοιεν обвиненіе, выраженное глаголомъ $\acute{\epsilon}\tau\omicron\pi\tau\omicron\nu$, становится болѣе вѣскимъ, это и само по себѣ очевидно, и доказывается такими разсужденіями аѳинскихъ юристовъ, какъ, напр., Antiph. tetral. Γ β § 2: τὸν — ἄρξαντα τῆς πληγῆς, εἰ μὲν σιδῆρῳ ἢ λίθῳ ἢ ξύλῳ ἡμονάμην αὐτὸν, ἡδίκουν μὲν οὐδ' οὕτως — οὐ γὰρ ταῦτά ἀλλὰ μείζονα καὶ πλείονα δίκαιοι οἱ ἄρχοντας ἀντιπάσχον εἰσὶ — ταῖς δὲ χερσὶ τυπτόμενος ὅπ' αὐτοῦ, ταῖς χερσὶν ἅπασχον, ἀντιδρῶν, πότερα ἡδίκουν.

Уже Г. Г. Шеферъ чувствовалъ, что предложеніе δ τι τύχοιεν испорчено и что оно должно быть исправлено такъ, чтобы возможно было соединять его не съ $\kappa\alpha\kappa\omega\varsigma$ λέγειν, а съ $\acute{\epsilon}\tau\omicron\pi\tau\omicron\nu$; но трудно догадаться, что онъ хотѣлъ сказать своей поправкой δ τε τύχοιεν и еще труднѣе понять смыслъ объясненія, которымъ онъ сопровождаетъ эту поправку: „Fortasse—говоритъ онъ— δ τε τύχοιεν, referendum illud ad sequentia: ut sit i. q. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\pi\tau\omicron\nu$ ἂν καί“.

¹⁾ У Иова III 79, вмѣсто $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\epsilon\iota\zeta\acute{\alpha}\tau\omega$ δ τφ πρότερον ἢ ὕστερον ἐνεγύησεν οὗτος τὴν ἀδελφὴν, въ изданіи Альда читается $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta$. δ τι и т. д. Вообще такія формы, какъ δ τφ δ του неоднократно вводили въ заблужденіе переписчиковъ и давали поводъ къ различнымъ опискамъ и ошибкамъ. Такъ, въ фрагментѣ Еврипидовой Μελανίππῃ ἢ δεσμῶτις (frag. 514 Nauck.) рукописи Стюена даютъ $\acute{\epsilon}\gamma\omega$ μὲν οὐκ οἶδ' ὅπως δὴ σκοπεῖν χρεῶν τὴν εὐγένειαν. Наукъ предложилъ вмѣсто δ πως читать δ τφ (онъ читалъ $\acute{\epsilon}\gamma\omega$ μὲν οὐ κάτοιδ' δ τφ σκοπεῖν и т. д.); эта догадка нашла себѣ подтвержденіе въ только что обнаруженномъ (Rhein. Mus. XXXV, 1880 г., стр. 294, B, a, ст. 15) отрывкѣ рукописи, одыланной въ 4-ю вѣкъ по Р. Х., если еще не раньше; въ этомъ древнемъ источникѣ читается: $\acute{\epsilon}\gamma\omega$ μὲν οὖν οὐκ οἶδ' δ τφ σκοπ. и т. д. Phot. Bibl. 34b, 14 Bekk. лучшая рукопись даетъ $\mu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\varsigma$ δ τε вмѣсто $\mu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\varsigma$ δ του.

²⁾ Или: «чѣмъ имъ вздумалось». Понятіе *случайности*, заключающееся въ значеніи глагола $\tau\omicron\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$, переходитъ въ подобныхъ выраженіяхъ въ понятіе *происола*. Ср. Demosth. XLI, 29 τοῖς φίλοις οὐκ ἐβούλετο ἐπιτρέφας ἀπαλλαγῆναι τῶν πρὸς ἐμὲ ἐγκλημάτων, δ τι συνέβαιναν αὐτῶ πάντα ταῦτ' ἀελέγχεσθαι· πᾶσι γὰρ τοῦτοι παραγενημένοι καὶ σαφῶς εἰδότες οὐκ ἐπέτρεπον ἂν αὐτῶ λέγειν ὅ τι τύχοι, παρ' ὑμῖν δ' οἶεται ψευδόμενος ἐμοῦ τάληθῆ λέγοντος περιγενήσεσθαι [Dem.] LIX 112 ἐξουσία ἔσται ταῖς πόρταις συνοικεῖν οἷς ἂν βούλονται καὶ τοὺς παῖδας φάσκειν οὐ ἂν τύχωσιν εἶναι.

И. Иваницкинъ.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МИКЕНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ И ОБЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ПСИХЕИ ВЪ ГРЕЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Коринѳа на югъ пересѣкла горы, среди высокихъ скалъ, „въ углу Аргоса“ какъ говоритъ Гомеръ ¹⁾, находится г. Микены. Надъ городомъ, построеннымъ въ долину, на крутомъ утесѣ, котораго вершина образуетъ трехъугольную площадь, возвышался Акрополь. Края этой площади были обнесены стѣною въ 6 аршинъ толщины, построенною на подобіе циклопскихъ стѣнъ изъ наложенныхъ другъ на друга камней безъ всякаго цемента. Входомъ во внутрь Акрополя съ сѣверо-западной стороны служили такъ называемыя „Львиныя ворота“, получившія свое названіе отъ большаго рельефнаго изображенія двухъ львовъ въ стоячемъ положеніи, помѣщеннаго на каменной перекладинѣ надъ воротами. Подойти въ Львинымъ воротамъ можно было только черезъ ущелье въ 10 сажень длины. Такимъ образомъ, защитникамъ Акрополя съ одной стороны съ окружавшей его стѣны, съ другой стороны съ возвышавшейся высоко башни, легко было всякаго рода метательными снарядами отразить нападеніе приближавшагося непріятеля.

Таковъ былъ входъ въ Акрополь, гдѣ нѣкогда правилъ Персей и его династія, и откуда впоследствии Агамемнонъ господствовалъ почти надъ всѣмъ Пелопонесомъ и надъ многими островами ²⁾. Въ историческое время жители г. Микенъ принимали славное участіе въ

¹⁾ Odyss., III, 263.

²⁾ Il., IX, 149 sqq.

персидскихъ войнахъ ¹⁾; но въ 468 году до Р. Х. городъ Микены былъ взятъ и разрушенъ завистливыми Аргивянами ²⁾.

Весьма естественно, что г. Микены, бывшій столицею Агамемнона, котораго могущество воспѣвалъ Гомеръ, коего славу еще болѣе вознесли великіе греческіе трагики, былъ предметомъ живѣйшаго интереса для всего образованнаго міра. Такъ, уже въ началѣ нашего столѣтія эту мѣстность посѣщали англійскіе путешественники и срисовывали остатки древнихъ памятниковъ искусства.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1876 года Генрихъ Шлиманъ отправился въ Микены въ надеждѣ найти среди развалинъ остатки произведеній искусства глубокой древности. Онъ произвелъ раскопки внутри стѣнъ окружавшихъ Акрополь, направо отъ „Львиныхъ воротъ“. При этихъ раскопкахъ онъ открылъ шесть гробницъ, высѣченныхъ отчасти въ скалы на глубинѣ отъ 10 до 12 аршинъ подъ землею.

Въ гробницахъ было найдено 17 человѣческихъ остововъ, изъ нихъ три женскихъ и два дѣтскихъ; рядомъ съ остовами найдены въ большомъ количествѣ вещи, сдѣланныя изъ золота, мѣди, серебра, бронзы, янтара и глины, коихъ видъ и художественныя формы представляли много замѣчательнаго.

Въ высшей степени обрадованный своимъ открытіемъ д-ръ Шлиманъ оповѣстилъ ученый міръ, что имъ найдены остовы предательски убитаго Агамемнона и его ближнихъ. Сочиненіе д-ра Шлимана о результатахъ его раскопокъ въ Микенахъ, напечатанное въ 1878 г. въ Лейпцигѣ у Врокгауза, вызвало лишь весьма слабое сомнѣніе въ правильности его заключеній. Только берлинскій профессоръ Э. Курціусъ относилъ микенскія древности ко времени Византійской имперіи, не подтверждая, однако, своего мнѣнія подробными доказательствами. Кильскій профессоръ П. В. Форхгаммеръ въ маленькой брошюрѣ, появившейся въ печати нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, доказываетъ, что эти драгоценные предметы попали въ руки Микенцевъ изъ добычи, доставшейся Грекамъ въ битвѣ при Платеѣ. Въ этой битвѣ Греки (Herod. IX, 80) уничтожили персидское войско, находившееся подъ начальствомъ Мардонія и получили въ добычу несмѣтное количество вещей изъ золота и серебра. Такое мнѣніе г. Форхгаммера устраняетъ, правда, нѣкоторыя трудности, но мы увидимъ далѣе, что точное критическое изслѣдованіе отдѣльныхъ

¹⁾ Herod., VII, 202, IX, 28.

²⁾ Pausan., VII, 25, 6.

предметовъ, чего не сдѣлалъ г. Форхгаммеръ, вынуждаетъ насъ держаться совершенно другаго взгляда. Почти всѣ остальные ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, относили микенскія древности къ глубокой старинѣ и признали, что это дѣйствительно или гробницы Агамемнона и его ближнихъ, или, во всякомъ случаѣ, эти древности принадлежатъ доисторической эпохѣ. Такъ, напримѣръ, В. Е. Гладстонъ въ своемъ предисловіи къ нѣмецкому изданію книги Шлимана, стр. XXXII, говоритъ: „я съ моей стороны согласенъ съ мнѣніемъ г. Ньютона, что Микенскія сокровища принадлежатъ къ эпохѣ доисторической или героической, которая предшествовала греко-финикійскому періоду“. Точно также въ предисловіи къ сочиненію Д. Перваноглу о Греціи, напечатанномъ въ нынѣшнемъ году, г. Рангабе говоритъ: „Раскопки неутомимаго д-ра Шлимана въ Троѣ и Микенахъ подтверждаютъ убѣдительными доказательствами наши свѣдѣнія о героическомъ періодѣ“.

Конечно, еслибы дѣйствительно теперь, по прошествіи 3000 лѣтъ, представилось нашимъ глазамъ большое количество утвари и произведеній искусства, принадлежавшихъ эпохѣ Агамемнона, то наши представленія о культурѣ того періода были бы глубже и правильнѣе, а также наше пониманіе Гомеровскихъ поэмъ было бы живненнѣе. Но чѣмъ желательнѣе было бы для насъ столь неожиданное и важное открытіе, тѣмъ болѣе необходимо исследовать критически все найденное, при чемъ не слѣдуетъ увлекаться мѣстомъ гдѣ найдены вещи и не слѣдуетъ считать все рѣдкое непременно принадлежащимъ весьма древней эпохѣ.

Такую критическую оцѣнку найденныхъ д-ромъ Шлиманомъ вещей произвелъ академикъ Стефани въ недавно появившемся бюллетенѣ Императорской археологической комиссіи за 1877 годъ. Въ нижеслѣдующемъ своемъ изложеніи я намѣренъ прослѣдить ходъ доказательствъ академика Стефани, извѣстнаго своею обширною ученостію и проникательнымъ умомъ, при чемъ разъясню нѣкоторыя мѣста, которыя еще осязательнѣе могутъ подтвердить выводы ученаго академика.

Въ бюллетенѣ, какъ обыкновенно, говорится о древностяхъ, найденныхъ въ Южной Россіи, особенно въ курганахъ, находящихся близъ г. Керчи. Чтобъ потомъ не удалаться отъ предмета настоящаго разсужденія, я упомяну здѣсь только о прекрасномъ рогѣ изъ серебра, необыкновенной величины и превосходной работы. Тонкій конецъ рога оканчивается изображеніемъ головы козерога. Что

древніе любили такого вида рога — подтверждает Атеней ¹⁾. Въ только что названномъ рогѣ мы имѣемъ передъ глазами первый вполнѣ сохранившійся экземпляръ подобнаго рода произведеній.

Въ числѣ найденныхъ въ Микенахъ вещей находится маленькій амулетъ изъ золота, представляющій въ прекрасной отдѣлкѣ личинку насѣкомаго. Форма личинки возбуждаетъ сомнѣніе—хотѣли ли изобразить личинку кузнечика или личинку бабочки. Чтобы разрѣшить это академикъ Стефани изслѣдуетъ вопросъ: какъ упоминаютъ и какъ изображаютъ кузнечиковъ и бабочекъ греческіе писатели и художники. Оказывается, что кузнечикъ, коего крикъ Гомеръ ²⁾ сравниваетъ съ пронзительнымъ голосомъ оратора, игралъ съ древнѣйшихъ временъ большую роль въ поэзи и искусствѣ. На бабочку же ни поэты, ни художники не обращали никакого вниманія. Только подъ 250 годомъ до Р. Х. находимъ впервые изображеніе бабочки на римскихъ монетахъ и на серебряныхъ монетахъ острова Родоса.

Изображеніе бабочки не встрѣчается ни на одномъ изъ многочисленныхъ старинныхъ сосудовъ. Изъ писателей, первый о нихъ упоминаетъ Аристотель ³⁾, и только во время греко-римскаго періода искусства бабочка изображается какъ символъ человѣческой души. Такъ, напримѣръ, на одномъ римскомъ саркофагѣ изображенъ Прометей какъ творецъ человѣка, — въ безжизненное еще тѣло Минерва влгаетъ душу, что изображено приближеніемъ Минервою бабочки къ головѣ трупя.

На одной римской гробницѣ рельефно изображена бабочка, представляющая душу покойника, летающею надъ костромъ, на которомъ сжигается трупъ. Овидій ⁴⁾ представляетъ себѣ бабочку какъ символъ переживающей тѣло души, когда онъ называетъ ее *feralis papilio*, и въ томъ же смыслѣ составлена надгробная надпись, найденная въ Испаніи, въ которой покойникъ проситъ своихъ родственниковъ произвести надъ его могилой только небольшія возліанія: *ut volitet meus ebrius papilio* ⁵⁾.

¹⁾ XI, 484. D. E., XII, 497. F. 500. E. Трагέλαφος. οὕτω τινὰ καλεῖται ποτήρια, ὧν μνημονεύει Ἄλεξις μὲν ἐν Κοινάτρῃ... Μένανδρος δ' ἐν Ἰαλιῇ φησὶ τραγέλαφοι λαβρώνιοι. Ἀντιφάνης Χρυσίδι φιάλας, τρίηρεις, τραγέλαφος, καρχῆσια γαυλοὺς ὀλοχρύσους.

²⁾ II., III, 151.

³⁾ De anim., IV, 7, 5. V, 1, 7.

⁴⁾ Metam., XV, 373.

⁵⁾ Corpus I. Lat. II, № 2146.

Что Греки, как равно и семитические народы, и вообще восточные народы, никогда не обращали вниманія на бабочку, и что изображенія бабочки въ искусствѣ встрѣчаются не ранѣе III столѣтія до Р. Х., хотя, казалось, у нихъ довольно было случаевъ для таковыхъ изображеній, — такой выводъ теперь совершенно неопровержимъ на основаніи изслѣдованій академика Стефани. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила были бы микенскія древности, если бы онѣ дѣйствительно принадлежали героическому періоду. Но такъ какъ принадлежность этихъ древностей глубокой старинѣ приписывалась имъ только на основаніи мѣста ихъ находженія, а не вслѣдствіе какихъ-либо внутреннихъ доводовъ, то академикъ Стефани дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: предметы эти, вслѣдствіе найденныхъ среди ихъ изображеній бабочекъ изъ позолоченной жести, принадлежать эпохѣ, когда любили изображать бабочекъ, то-есть во времени не ранѣе III-го столѣтія до Р. Х. Въ это именно время возникаетъ идея, что бабочка, какъ бы изъ безжизненной личинки являющаяся на свѣтъ въ прекрасной формѣ, есть изображеніе жизненной силы. Хотя писатели умалчиваютъ объ изображеніи бабочки въ этомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе изъ произведеній искусства мы видимъ, что таковыя изображенія употреблялись въ качествѣ предохранительныхъ амулетовъ. Такъ, мы видимъ на одномъ медальонѣ изъ сердолика актера съ страшною маскою на лицѣ, рогъ изобилія и бабочку. Соединеніе предметовъ, наводящихъ страхъ и приносящихъ счастье, доказываетъ, что это былъ какой-нибудь амулетъ ¹⁾. Точно также моряки носили медальоны съ изображеніями корабля, рога изобилія, бабочки для предохраненія себя отъ бѣдствій.

Подобно этому бабочки изъ золотыхъ пластинокъ, найденныя г. Шлиманомъ въ микенскихъ гробницахъ, имѣли, вѣроятно, такое же предохранительное значеніе.

Разрѣшивъ окончательно вопросъ объ изображеніи бабочки въ древнемъ искусствѣ, академикъ Стефани разбираетъ критически и многіе другіе предметы, найденные въ Микенахъ. На страницѣ 150 своей книги г. Шлиманъ помѣстилъ изображеніе серебряной головы быка, которое такъ отличается отъ стilia древняго періода искусства и искусства классическаго періода, что едва ли этотъ предметъ могъ быть сдѣланъ ранѣе IV-го столѣтія до Р. Х.

Намъ извѣстно, какъ и въ какомъ видѣ Греки изображали жи-

¹⁾ Cades, Grosse Abdrucksamml., XLII, 40, XLV, 5, 6, 7.

вотныхъ въ древнѣйшую эпоху. Мраморныя произведенія искусства, найденныя въ Селинунтѣ на о. Сициліи, и произведенія изъ бронзы, найденныя въ Олимпіи, какъ равно и другіе примѣры указываютъ намъ, какъ неестественно изображались животныя въ VII и VI столѣтіяхъ до Р. Х. Въ тѣ времена стиль греческаго искусства подходилъ на стиль Вавилонянъ и Ассирійцевъ: видъ животныхъ былъ некрасивъ, ихъ постановка строго симметрическая и ихъ шерсть завивающаяся въ видѣ правильныхъ локоновъ. Голова же быка, найденная въ микенской гробницѣ, имѣетъ, напротивъ, видъ свободный, красивый, изящный, почему никакъ нельзя допустить, чтобы она была привезена съ востока или была сдѣлана въ Греціи до времени знаменитаго скульптора Мирона, если мы только не предположимъ, что греческое искусство около 1100 года до Р. Х. достигло высокаго развитія, а потомъ упало, чтобы вновь возвыситься около 400 года до Р. Х. Но рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу развитія греческаго искусства въ столь древнее время. Такую же точно разницу мы встрѣчаемъ и въ другихъ предметахъ искусства. Серебряный сосудъ для питья (на стр. 280) такъ рѣзко отличается отъ грубой отдѣлки подобныхъ ему сосудовъ, горлышко его такъ тонко, ручка такой изящной формы, что его необходимо отнести къ греко-римскому періоду искусства.

Для опредѣленія времени, къ которому могутъ относиться микенскія древности, весьма важное значеніе имѣютъ шесть золотыхъ масокъ, которыя были найдены г. Шлиманомъ на лицахъ остововъ, находившихся въ первой и четвертой гробницахъ. У греческихъ писателей различныхъ эпохъ мы встрѣчаемъ подробныя описанія обрядовъ погребенія, но никто изъ нихъ не упоминаетъ объ обычаѣ Грековъ надѣвать маски на лица покойниковъ. Это совершенно невозможно допустить, если мысленно перенестись ко времени Троянской войны ¹⁾, когда трупы Патрокла, Гектора, Ахилла были сожжены на кострахъ и затѣмъ кости ихъ были выбраны изъ пепла и положены въ небольшіе золотые сосуды.

Далѣе, въ Греціи были открыты многія старинныя гробницы, но ни въ одной изъ нихъ никогда не находили золотыхъ масокъ. Такимъ образомъ, у Грековъ не было въ обычаѣ возлагать золотыя маски на лица покойниковъ. Такой обычай, напротивъ, существовалъ въ

¹⁾ П., XXIII, 257, XXIV, 243. Odys. XXIV, 74.

южной Россіи, что доказываютъ двѣ золотыя маски, сохраняющіяся въ Императорскомъ эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ ¹⁾. Одна изъ этихъ масокъ, найденная въ гробницѣ, относящейся къ III-му столѣтію послѣ Р. Х., до такой степени сходна съ лучшею микенскою маскою, что мы должны какъ ту, такъ и другую отнести къ одному и тому же періоду искусства. Сопоставленіе и сравненіе всѣхъ другихъ серебряныхъ и бронзовыхъ масокъ, которыя были найдены на лицахъ труповъ, сдѣлалъ Отто Бендорфъ въ своемъ сочиненіи „Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken, Wien, 1878“. Маски эти были найдены въ гробницахъ, находящихся въ Португаліи, Англіи, Галліи, Германіи, Румыніи и относятся ко времени Римской имперіи. Г. Бендорфъ думаетъ, что лицо покрывалось маскою для того, чтобы представить трупъ въ лучшемъ видѣ при выставленіи покойника на роскошномъ ложѣ во время похоронныхъ празднествъ, продолжавшихся обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Обычай этотъ, какъ вкоренившійся со времени паденія римской республики, подтверждается вполнѣ 32-мя находками; ранѣе же этого времени онъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ Европѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о кольцахъ и вещахъ, вырѣзанныхъ изъ камней, найденныхъ въ микенскихъ гробницахъ. Самая находка подобныхъ колецъ насъ удивляетъ и совершенно противорѣчитъ содержанію героическихъ поэмъ. У Гомера не упоминается, чтобы мужчины или женщины носили кольца; а между тѣмъ когда идетъ рѣчь о собираніи жребьевъ или когда перечисляются женскія украшенія, какъ то: ожерелья, браслеты и серьги ²⁾, то было бы очень естественно тутъ же упомянуть о кольцахъ, но такъ какъ о нихъ не упоминается ни словомъ, то это обстоятельство лучше всего доказываетъ, что въ то время не было обычая носить кольца.

Во всякомъ случаѣ, было бы нелѣпо думать, будто Агамемнонъ и его современники носили и употребляли кольца вмѣсто печатей. Что же бы они припечатывали, когда не умѣли даже писать? Правда, греческіе трагики говорятъ о кольцахъ - печатяхъ даже въ героическомъ періодѣ. Такъ, у Софокла ³⁾ Орестъ показываетъ своей сестрѣ Електрѣ кольцо-печатъ своего отца, чтобы уничтожить въ ней подо-

¹⁾ Stephani, Antiqu. du Bosph. Cim., pl. 1.

²⁾ II. XIV, 183, Odyss. XVII, 291.

³⁾ Electra, 1220. Trachin., 615.

зрѣніе о своемъ происхожденіи. Такъ, у Еврипида ¹⁾ Тезей находитъ возлѣ трупа Федры запечатанное письмо, а Агамемнонъ изъ Авлиды посылаетъ своего вѣрнаго раба съ письмомъ къ Клитемнестрѣ въ Микены, причемъ наказываетъ ему особенно хранить въ цѣлости печать. Но это анахронизмы, которые только доказываютъ, какъ сильно дѣйствовали на писателей современныя имъ обычаи. И такъ, на сколько мы не можемъ допустить, чтобы гомеровскимъ Грекамъ были извѣстны кольца-печати изъ металла, на столько же невѣроятно, чтобы въ то время существовали уже въ Греціи кольца съ отдѣланными, отшлифованными камнями. Въ гомеровскихъ поэмкахъ не видно, чтобы Греки были въ то время знакомы съ драгоценными камнями и тѣмъ менѣе со шлифовкою ихъ. Самое древнее кольцо съ отдѣланнымъ камнемъ, о которомъ мы знаемъ съ историческою достовѣрностью, это было знаменитое кольцо Поликрата ²⁾, относящееся ко времени около 550 года до Р. Х.

Чтобы устранить трудности на счетъ колець, изслѣдователи древностей востока указывали на то, что уже у Ассирійцевъ и Вавилонянъ были кольца-печати. Мы вполне согласны съ этимъ, но еще никто не утверждалъ, чтобы Вавилоняне построили Микены или какой-либо другой городъ въ Греціи, или посѣщали греческіе города. Правда, Финикіяне имѣли свои колоніи на островахъ и на берегахъ Греціи, но о нихъ можно навѣрное сказать, что они не доставляли Пеласгамъ или Ахейцамъ, жившимъ внутри страны, богатѣйшихъ сокровищъ столь отдаленныхъ Вавилонянъ.

Вотъ почему насъ поражаетъ находка большого количества колець-печатей въ гробницахъ микенскаго акрополя. Въ четвертой гробницѣ (см. стр. 258 и 259) найдены два кольца-печати: на одномъ изображена охота на оленя, на другомъ — сцена изъ битвы. Отдѣланные камни помѣщены у Шлимана на стр. 126 и 175. Обратимъ наше вниманіе на кольцо-печать (стр. 402, № 530), котораго изображеніе повело академика Стефани къ прекрасному открытію. На этомъ кольцѣ изображены три женщины въ странной одеждѣ. Волосы на головѣ у нихъ спускаются въ видѣ длинныхъ косъ; верхъ туловища нагой, такъ что видны груди; отъ поясицы спускаются юбки, на которыхъ видны горизонтальныя полосы. Эта одежда, которую никакъ нельзя признать за греческую, совершенно

¹⁾ Hippolyt. 862, Iphig. Aul. 154.

²⁾ Herod. III, 41, 125, Plin. nat. hist. XXXIII, 1.

въ томъ же видѣ встрѣчается на одной серебряной чашѣ изъ собранія графа С. Г. Строганова ¹⁾. Этотъ серебряный сосудъ найденъ въ Пермской губерніи. Вообще по берегамъ Волги и Камы отерито довольно большое количество произведеній искусства. Академикъ Стефани ²⁾, который собралъ эти вещи и описалъ ихъ, доказываетъ, что подъ конецъ классической древности и въ средніе вѣка торговыя сношенія съ этою мѣстностью производились двоякимъ путемъ. Одинъ путь шель изъ Константинополя по Черному морю; другой—изъ Персіи по Каспійскому морю къ Волгѣ. Всѣ металлическія вещи прибывали въ эти мѣста не ранѣе II-го столѣтія послѣ Р. Х., что видно изъ визавтійскаго клейма, встрѣчающагося на многихъ изъ нихъ.

Вышеупомянутая серебряная чаша графа Строганова—новоперсидской работы. На ней изображены двѣ персидскія танцовщицы, изъ коихъ одна держитъ обѣими руками развѣвающійся платокъ, а другая—музыкальный инструментъ. Волоса у нихъ заплетены въ длинныя косы, верхъ туловища нагой, юбки изъ матеріи съ горизонтальными полосами. Чтобы еще явственнѣе была видна ново-персидская работа микенскаго кольца, академикъ Стефани приводитъ въ доказательство, что на одномъ персидскомъ рельефѣ, на скалѣ, видна подобная же одежда и что на персидскихъ цилиндрахъ точно также очень часто встрѣчается совершенно сходное изображеніе инструмента, который держитъ одна изъ женщинъ на микенскомъ кольцѣ. Дерево же, изображенное на кольцѣ печати, художникъ представилъ съ неестественными большими листьями круглой формы. Такой же формы листья встрѣчаются на многихъ стѣнныхъ картинахъ гробницъ, найденныхъ въ южной Россіи.

Такимъ образомъ, время происхожденія микенскихъ гробницъ мы по необходимости должны отнести ко II или III столѣтію по Р. Х.

Но прежде чѣмъ представимъ объясненіе страннаго обычая погребенія, которое приводитъ Стефани въ своемъ изслѣдованіи, на стр. 48 и слѣд., намъ слѣдуетъ опровергнуть доводы тѣхъ лицъ, которые стараются доказать глубокую древность микенскихъ гробницъ. По мнѣнію ихъ, то обстоятельство, что многіе изъ металлическихъ сосудовъ заклепаны, доказываетъ ихъ глубокую древность. Совершенно справедливо, что часто встрѣчаются металлы заклепанными (см. стр. 249 и 263 у Шлимана), но противъ этого слѣдуетъ возразить, что

¹⁾ Köhlers gesammelte Schriften. Th. VI, Tf. 7.

²⁾ Die Schlangenfütterung der orphischen Mysterien. St.-Petersburg. 1873.

и въ позднѣйшее время древнія металлическія вещи встрѣчаются заклепанными безчисленнымъ количествомъ маленькихъ гвоздиковъ. Вообще это доказательство не выдерживаетъ критики вслѣдствіе подробнаго описанія самого же Шлимана (226, 227, 272), который говоритъ, что какъ золотыя украшенія, такъ и отдѣлка золотаго кубка и другихъ вещей встрѣчаются и припаянными. Изобрѣтеніе же спайки металловъ положительно относится ко времени гораздо позднѣйшему, чѣмъ Гомеровскія поэмы, въ которыхъ, тамъ гдѣ идетъ рѣчь о выдѣлкѣ металловъ, упоминается только обработка ихъ посредствомъ молота и клещей¹⁾. Изобрѣтеніе спайки металловъ обыкновенно относятъ ко времени 40-й олимпіады.

И такъ, вопросъ о времени происхожденія микенскихъ гробницъ рѣшенъ окончательно. На основаніи методическаго и критическаго изслѣдованія найденныхъ вещей, мы должны совратить это время на 1500 лѣтъ сравнительно съ тѣмъ, къ которому относить ихъ д-ръ Шлиманъ. Теперь слѣдуетъ рѣшить вопросъ, какое богатое золотомъ племя могло разомъ похоронить множество труповъ въ глубоководнемъ акрополѣ г. Микенъ.

Племя это не могло быть греческимъ, такъ какъ Греція была бѣдна золотомъ. Но золотыя маски и кольцо съ изображеніемъ ноземныхъ танцовщицъ дали уже намъ вѣрное указаніе. Золото и обычай хоронить покойниковъ съ масками на лицѣ принесены изъ южной Россіи. И дѣйствительно, въ III и IV столѣтіяхъ послѣ Р. Х. были племена, предпринимавшія изъ южной Россіи походы на Грецію²⁾. Первое нападѣніе принадлежитъ Геруламъ, которые въ 267 г. послѣ Р. Х. собрали на Азовскомъ морѣ флотъ въ 500 кораблей, подплыли по Черному морю къ Византіи и оттуда направились къ Аттікѣ. Они подожгли Аены, прошли по Аргосу и Лакедемоніи; наконецъ, сраженіе съ Аэинянами положило конецъ ихъ разбойничьимъ походамъ.

Второе вторженіе въ Грецію предприняли Вестъ-Готы въ 395 г. подъ предводительствомъ Алариха. Они пришли въ Грецію сухимъ путемъ и проникли также до самаго Пелопонеса. По мнѣнію акаде-

¹⁾ П. XVIII, 477. Odyss. III, 434.

²⁾ Georg. Synk. Chronogr., p. 382. С. ed. Παг. Τότε καὶ Αἰρούλο: πεντακοσίας ναυαὶ διὰ τῆς Ματωτῆδος λίμνης ἐπὶ τὸν Πόντον διαπλεύσαντες τὸ Βουζάντιον καὶ χρυσόπολιν κατέλαβον.—καὶ εἰς τὴν Ἀττικὴν φθάσαντες ἐμπιπρῶσι τὰς Ἀθήνας Κόρινθόν τε καὶ Σπάρτην καὶ τὸ Ἄργος καὶ τὴν ὅλην Ἀχαιὴν κατέδραμον ἕως Ἀθηναίαι κατά τινας δυσχωρίας ἐνεδρεύσαντες αὐτοὺς πλείστους ἀνείλον.

миа Стефани, мы должны имѣть въ виду первый изъ этихъ походовъ, такъ какъ Вестъ-Готы, двигаясь сухимъ путемъ, могли уже по дорогѣ въ Грецію растерять свои сокровища, вынесенныя ими изъ ихъ отечества. Напротивъ того, Герулы прибыли прямо изъ Россіи и надобно полагать, что акрополь Микенъ, какъ весьма удобно расположенный, служилъ имъ стратегическою точкою опоры. Затѣмъ, когда, во время ихъ разбойничьихъ нападений, произошла у нихъ битва съ туземцами и въ этой битвѣ пало нѣсколько изъ ихъ вождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ было убито нѣсколько знатныхъ женщинъ и дѣтей, то мѣстомъ погребенія ихъ Герулы избрали древній акрополь столицы Агамемнона. Ибо это мѣсто, вслѣдствіе воспоминаній о прошедшемъ, считавшееся священнымъ въ глазахъ окрестнаго населенія, казалось самымъ надежнымъ для сохраненія праха умершихъ. Такъ какъ могилы высѣчены глубоко въ скалахъ, то для многихъ это служило доказательствомъ ихъ глубокой древности, но мы видимъ въ этомъ только желаніе Геруловъ защитить своихъ покойниковъ отъ поруганія. Когда во время своего побѣдоноснаго похода въ южной Италіи Аларихъ умеръ отъ болѣзни, то его воины отвели воду рѣки Бузентино, чтобы на днѣ ея вырыть ему могилу, а потомъ убили военнопленныхъ, которые рыли могилу, чтобы тѣ не могли никому указать мѣсто, гдѣ онъ похороненъ. Въ могилу были опущены большія сокровища. Если бы, по какому-либо счастливому случаю, было найдено это мѣсто, то безъ сомнѣнія въ немъ оказались бы готское оружіе и украшенія Готовъ, рядомъ съ произведеніями римскаго искусства, которыя были награблены Готами при взятіи ими Рима и другихъ городовъ Италіи. Гладстонъ въ своемъ предисловіи къ сочиненію Шлимана, говоритъ о множествѣ предметовъ, найденныхъ въ микенскихъ гробницахъ (на стр. XV), слѣдующее: „Одинъ взглядъ на эти вещи доказываетъ совершенную невозможность отнести ихъ къ одной школѣ, къ одному стилю, къ одной степени развитія искусства“. Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ, и относимъ, на примѣръ, прекрасную серебряную голову быка къ III столѣтію до Р. Х.; золотое же кольцо-печатъ съ изображеніемъ танцовщицъ къ III столѣтію по Р. Хр. Послѣднюю вещь Герулы принесли съ собою изъ южной Россіи; первая же, вѣроятно, досталась имъ когда они грабили Грецію. Но ни тотъ, ни другой предметъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ Агамемнону и его времени.

Такимъ образомъ, мы не нуждаемся въ предположеніи, которое внесло бы большую путаницу въ наше представленіе объ искусствѣ и

вообще о степени культуры въ эпоху Гомера. Намъ не зачѣмъ предполагать, что Атриды носили изображенія бабочекъ вмѣсто амулетовъ, что въ то время золотыхъ дѣлъ мастера знали уже тайну металловъ, не повѣримъ, что тогда уже были искусные рѣзчики камней, что Агамемнонъ писалъ письма, которыя запечатывалъ, прилагая къ нимъ свое кольцо; наконецъ, что въ то время существовалъ обычай хоронить покойниковъ, покрывая имъ лицо маскою.

Возвращаемся еще разъ къ вопросу о происхожденіи бабочки, чтобы вкратцѣ представить результаты изслѣдованій о немъ академика Стефани.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ греческихъ писателей Аристотель ¹⁾ первый говоритъ о бабочкѣ; онъ упоминаетъ о ней просто, какъ о насѣкомомъ, чтобы обратить вниманіе на особенности ея физиологическаго развитія. Художники временъ римской имперіи тоже изображали бабочку, не придавая ей никакого символическаго значенія; такъ, мы видимъ это изображеніе на картинахъ, на мраморныхъ изваяніяхъ или на рѣзныхъ камняхъ, напримѣръ, какъ бабочка летаетъ вокругъ цвѣтка, какъ она сидитъ или на вѣнцѣ или на колоннѣ, какъ ее преслѣдуетъ птичка, или какъ дѣти играютъ съ нею.

Мы уже упоминали, что Греки во II столѣтіи до Р. Х. начали изображать бабочку, какъ символъ жизненной силы и особенно въ смыслѣ символа человѣческой души. Такое уподобленіе видно уже изъ того, что они обозначали и душу и бабочку однимъ и тѣмъ же сломъ, *ψυχή*.

Къ этому обычаю, который мы замѣчаемъ въ рельефныхъ изображеніяхъ на гробницахъ и другихъ предметахъ искусства (напримѣръ, бабочка изображена сидящею на скелетѣ, или на черепѣ, или, наконецъ, на плечѣ Меркурія, сопровождающаго душу покойника), присоединяется другой обычай—изображать подъ видомъ бабочки любящую душу. Въ этомъ смыслѣ во время греко-римскаго періода искусства бабочка изображалась безчисленное число разъ въ соединеніи съ изображеніями Эроса. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ писателей, который словами объясняетъ таковое значеніе бабочки, былъ авторъ эпиграммъ Мелеагръ ²⁾. Писатель этотъ, жившій около 80 г. до Р. Х.,

¹⁾ De anim. IV, 7, 5. V, 1, 5, 17, 4, позже Theophrast. hist. plant. II, 4, 4. Plut. quaest. conviv. II, 3, 8,

²⁾ Anthol. Pal. XII, 132. "Ερως τὰ πτερὰ σου θέδεκεν, καὶ σ' ἐπὶ πῦρ ἔστρεσε. κτέ.

говорить, что бабочка неосторожно летаетъ вокругъ силковъ, что Эротъ при этомъ ловить ее за крылья и держать ее надъ огнемъ.

Извѣстный фактъ, что бабочки близко подлетаютъ къ огню и этимъ причиняютъ себѣ страданія, конечно, замѣтили уже и древнѣе, о чемъ, напримѣръ, упоминаетъ Плиній ¹⁾. Отсюда было уже очень близко перейти къ изображенію бабочки, представлявшей собою символъ души, жаждущей любви и терзаемой любовью, сожигаемой на огнѣ.

На одномъ мраморномъ изваяніи, находящемся въ Ватиканѣ, изображены два Эрота, держащіе бабочку надъ горящимъ факеломъ, при чемъ они оба плачутъ при видѣ ея мученій. Иногда изображалась Афродита, держащая пойманную ею бабочку надъ огнемъ алтара или надъ горящимъ факеломъ Эрота. Эротъ причинялъ еще и другія страданія символу души: иногда онъ протрѣбливаетъ бабочку стрѣлою, преслѣдуетъ ее бичемъ, разрываетъ ее руками или прибавляетъ ее гвоздями къ дереву ²⁾.

Такъ какъ изображеніе бабочки уже болѣе не обозначало душу вообще, а лишь любящую душу, то вслѣдствіе этого вошло въ обычай дарить въ знакъ любви геммы съ изображеніемъ бабочки, особенно если прибавляли къ этому факель, долженствовавшій представлять пылъ любви. Если же на рѣзныхъ камняхъ мы видимъ изображеніе бабочки рядомъ съ лирою, то это должно означать, что на лирѣ играютъ пѣсни любви.

Эротъ за причиненныя душѣ страданія часто самъ подвергается карѣ. То онъ попадаетъ ногою въ капканъ, то ему связываютъ руки на спинѣ. Если при этомъ на веревкѣ, связывающей его руки, сидитъ бабочка, то это не обозначаетъ, какъ думали до сихъ поръ, что бабочка — причина его наказанія; напротивъ, она сострадаетъ Эроту и, какъ любящая душа, желаетъ освобожденія бога любви. Богиня Немезида, наказующая всякій излишекъ чувствъ или поступковъ, связала Эрота за его непоумѣрныя мученія души. Это видно изъ того, что Немезида, точно также и Эльпида — богиня надежды, изображена рядомъ съ пойманнымъ Эротомъ.

Послѣ того какъ вошло въ обыкновеніе считать бабочку любя-

¹⁾ Natur. hist. XXI, 81, papilio, pestis maior, lucernis tollitur.... in eam flammam sese ingerunt.

²⁾ Этому послѣднему изображенію соответствуютъ слова сводни Клеареты. Plautus Asinaria I, 3, 4. Fixus hic apud nos est animus tuus clavo Cupidinis.

щю душой, въ искусствѣ развилсяъ обычай изображать молодыхъ дѣвушекъ съ крыльями бабочки. Такое изображеніе не ограничилось представленіемъ одной Психеи, а, напротивъ, явилось множество Психей, какъ и множество Эротовъ.

Извѣстно, что Апулей въ *Метаморфозахъ* (IV, 28—VI, 24) рассказываетъ, согласно народному преданію, легенду объ Эротѣ и Психеѣ. Младшая изъ трехъ дочерей одного царя была такъ прекрасна, что никто не осмѣливался посвататься за нее, но всѣ почитали ее наравнѣ съ Афродитой. Разсерженная этимъ богиня приказала Эроту наказать за такой поступокъ возгордившуюся смертную. Но Эротъ самъ воспыдалъ любовью къ Психеѣ, посѣщалъ ее по ночамъ, какъ супругъ, приказавъ ей не допытываться, кто онъ. Когда же Психея изъ любопытства преступила это приказаніе, то подверглась жестокимъ наказаніямъ Афродиты, пока, наконецъ, не была помилована и выдана за Эрота. Отто Янъ ¹⁾ доказалъ, что скульпторы древности не пользовались этою легендою, а отношенія Эрота къ Психеѣ развили и разработали совершенно самостоятельно.

Всѣ произведенія искусства, относящіяся къ изображенію Эрота и Психеи, академикъ Стефани сопоставляетъ вмѣстѣ и этимъ проливаетъ на нихъ много свѣта. Такъ, мы видимъ, что не Афродита, а Эротъ мучитъ Психею. На одной камей изъ яшмы Эротъ схватываетъ Психею за волосы и топчетъ ее ногами. На стѣнной картинѣ, найденной въ Помпеѣ, одинъ Эротъ подноситъ горящій факель къ груди Психеи, другой же летаетъ надъ нею и обдаетъ ее холодною водою ²⁾. На камей изъ сардоникса, хранящейся въ Императорскомъ эрмитажѣ, Эротъ связываетъ Психеѣ ноги, между тѣмъ какъ заступъ въ ея рукахъ указываетъ на то, что она осуждена на тяжкія полевныя работы. Такимъ образомъ, въ цѣломъ ряду произведеній искусства представлены страданія, причиняемыя сердцу человѣка любовью. Но точно такъ же встрѣчается изображеніе Психеи, защищаемой Эротомъ. Среди изображеній счастья отъ любви, болѣе всѣхъ извѣстна группа, представляющая Эрота и Психею обнимающимися и цѣлующимися.

Лучшій экземпляръ этой группы, дошедшій до насъ — это группа изъ мрамора, хранящаяся въ Капитолійскомъ музеѣ ³⁾. За этою груп-

¹⁾ *Archäologische Beiträge*. S. 121. ff.

²⁾ *Em. Anthol. Palat.* XII, 132, 12: πῦρ ἄμα καὶ ψυχρὰν δεξαμένη χιόνα.

³⁾ Foggini, *Mus. Capit.* T. III, tab. 22. Bouillon, *Mus. des ant.* T. I, pl. 34. Wieseler, *Denkm.* II. № 681.

пою слѣдуютъ, какъ копіи ея, другія статуи изъ мрамора, рельефныя изображенія на саркофагахъ и погребальныхъ жертвенникахъ, терракотты, рѣзные камни, изображенія, сдѣланныя изъ металла, слоновой кости и стекла (стр. 160—170); ни одна изъ нихъ не относится къ болѣе древнему времени, какъ ко II столѣтію по Р. Х. Начиная съ этого времени, идея, мастерски выраженная въ оригиналѣ, пользовалась большимъ расположеніемъ древнихъ. То обстоятельство, что на стѣнныхъ картинахъ въ Помпей Эротъ и Психея встрѣчаются очень часто, но нигдѣ не видно подражанія этой прекрасной группѣ (стр. 176 и слѣд.) и что изображается множество дѣтей, представляющихъ изъ себя взрослыхъ и даже мифическихъ героевъ (что уже относится къ позднѣйшему времени)—приводитъ академика Стефани къ заключенію, что происхожденіе оригинала этой группы слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ I-го столѣтія по Р. Х., то есть ко времени незадолго до извѣстнаго изверженія Везувія.

Художникъ, создавшій знаменитую группу, хотѣлъ изобразить чистое наслажденіе, которое охватываетъ человѣка, когда впервые зарождается плотская любовь отъ перваго, еще вполне невиннаго поцѣлуя. Въ соединеніи дѣтской робости со всею силою неотразимой любви лежитъ прелесть этого произведенія искусства. Даже христіанскіе художники подражали ему ¹⁾.

¹⁾ Напримѣръ, на стеклянномъ днѣ кубка, найденнаго въ римскихъ катакомбахъ: Buonarroti, oss. sopra alcuni vasi di vetro. Tav. 28. Millin, gal. myth. pl. 47, № 197.

Э. Шульце.

HOMERICA.

Вмѣсто *δειδοικα* и пр. (A 555, M 244 и пр.), *δείδια* и пр. (A 431, E 827 и пр.) едва ли не слѣдуетъ читать *δέδφοικα*, *δέδφια*. Ср. Buttman, *Ausf. Griech. Sprachl.* § 7, Anm. 21; Curtius въ *Studien VIII* 465. Что ΔΕΔΙΑ, то-есть *δέδφια*, было принято за *δείδια*,—это не можетъ казаться удивительнымъ въ виду множества подобныхъ случаевъ, приводить которые едва ли есть надобность. Раннее исчезновение изъ Гомера дигаммы (Ср. Leskien, *Kat. Bekk.* p. 52) могло и даже должно было произвести то, что подобныя, основанныя на недоразумѣннн, формы стали появляться также рано: по крайней мѣрѣ, уже у Теогида мы читаемъ: *μηδὲν τῶν Μῆδων δειδιότες πόλεμον* (764) и *Κόρνε, θεοὺς αἰδοῦ καὶ δείδιθι* (1179).

B 90: *αἶ μὲν τ' ἔνθα φάλις πεποτήταται, αἶ δέ τε ἔνθα*. Вмѣсто этого слѣдуетъ, вѣроятно, читать: *αἶ μὲν τ' ἔνθα φάλις πεποτήταται, ἔνθα δέ τ' ἄλλα*. Ср. Z 147: *φύλλα τὰ μὲν τ' ἄνεμος χαμάδις χέει, ἄλλα δέ θ' ὕλη | τηλεθόωσα φύει*; Hoffmann, *Quaestiones Homericæ* § 67.

Δ 412: *τέττα, σιωπῆ ἦσο, ἐμφ δ' ἐπιπέθειο μόθφ*: скорѣе—*τέττα, σιωπῶν ἦσο* и пр. Ср. Hoffm. *Quaest. Hom.* § 47, A 134; *ἦσθαι δευόμενον*, ξ 41: *ὀδυρόμενος καὶ ἀχεύων ἦμαι*.

Δ 484: *αἴσων φῶ ἔγχει ἀμόνετο νηλεές ἦμαρ*: вѣроятно—*αἴσων ἐφῶ ἔγχει* и пр. Ср. Hoffm. l. l.

Σ 418: *χρῶσαι, ζωῆσι νεήνισιν εἰοικῶται* (vv. II. *νεήνησιν εἰοικῶται, ἔργ' εἰοικῶται*; см. изданія Ла-Роша (большое) и Наука; Ла-Рошева защищаетъ чтенія *εἰοικῶται* едва ли можетъ быть для кого нибудь убѣдительно; *νεηνίδεσιν εἰοικῶται*? (то-есть *φεφικῶται*) *Nauck*. Можетъ быть,—*νεήνισιν*

φεφικυῖται? Ср. К 292, γ 382: σοὶ δ' αὖ ἐγὼ ῥέξω βοῶν ἦνιν (обыкн. ἦνιν) εὐρυμέτωπον, β 119: τῶν αἰ πάρος ἦσαν εὐπλοκαμῖδες Ἀχαιοί, τ 542: ἀμφὶ δ' ἔμ' ἠγερέθοντο εὐπλοκαμῖδες Ἀχαιοί; Hartel, *Homerische Studien* 2, стр. 106.

Φ 536: δεῖδια γὰρ μὴ οὖλος ἀνήρ (Ахиллѣ) ἐς τεῖχος ἄλῃται: можетъ быть,—δέδφια γὰρ μὴ ὀλοῖος ἀνήρ и пр.? Ср. Hoffm. § 47 и Ω 39: ἀλλ' ὀλοφῷ Ἀχιλῆι θεοὶ βούλεσθ' ἐπαρήγειν. (Bekk. 2: δεῖδια γὰρ μὴ φούλος и пр.: но ср. E 461, 718; B 6, 8 (и 22) ничего не доказываютъ: ср. Hartel 2, стр. 59; Hoffm. § 66; болѣе нигдѣ это слово у Гомера не встрѣчается.

Ψ 522—523: τόσσον δὴ Μενέλαος ἀμόμονος Ἀντιλόχοιο | λείπετ'. ἀτὰρ τὰ πρῶτα καὶ ἐς δίσκουρα λέλειπτο. Hoffm. § 48 (I, стр. 56): huic voci (οὔρα) digamma non concedimus [ср. К 351: ἀλλ' ὅτε δὴ ῥ' ἀπέην ὄσσον τ' ἐπὶ οὔρα πέλονται; ср. Hoffm, I, стр. 90, § 66 b; стр. 11 (§ 9), Hermann, *Elem. doctr. metr.* p. 33(5); Ψ 431: ὄσσα δὲ δίσκου οὔρα καταμαδίωιο πέλονται] ob compositum δίσκουρα [ἄπαξ εἰρ.], quod esset δίσκουρα. Но не было ли первоначальнымъ чтениемъ: ἀτὰρ τὰ πρῶτα καὶ ἐς δίσκον ἐλέλειπτο (ср. εἰς δόρυ ἐφικνεῖσθαι, ἐκ βελέων ἔλχειν)? Hoffm. § 74: ad ordinem metricum secundum pertinet caesura semiseptenaria; cuius in locum, si deest (какъ здѣсь, ибо ἐς δίσκον составляютъ, можно сказать, одно слово), succedit saepe seminovenaria. Затѣмъ или δίσκον прямо измѣнилось въ δίσκουра подъ влияніемъ ст. 431, или сначала послѣ δίσκον было вставлено ῥά, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (напримѣръ, Λ 101: αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' Ἴσόν τε καὶ Ἀντιφον ἐξεναρῖζων, гдѣ Bekk. 2 и Нанкъ справедливо выбрасываютъ ῥά передъ Ἴσων; также v 380), а изъ δίσκον ῥα возникло чтение δίσκουρα, призванное уже древними грамматиками, которые спорятъ лишь объ удареніи этого слова (см., на примѣръ, *Herodiani reliqu., coll. Lentz*, II, p. 123, 11 (изъ схолиῶν ad v. c.); *La-Roche ad v. c.*).

Ω 122: ἴξεν δ' ἐς κλισίην φοῦ οἰέος: вѣроятно,—ἴξεν δ' ἐς κλισίην ἐφοῦ οἰέος. Ср. Hoffm. § 47.

Ω 578: καθ' δ' ἐπὶ δίφρου εἶσαν εὐσωτρου (см. изданія Ла-Роша и Наука) δ' ἀπ' ἀπήνης | ἦρεον и пр.: скорѣе,—καθ' δ' εἶσαν ἐπὶ δίφρου и пр. Ср. Hoffm. § 47; Γ 382: καθ' δ' εἶσ' ἐν θαλάμῳ, и (въ метрическомъ отношеніи) B 39: θῆσειν γὰρ ἔτ' ἔμελλεν ἐπ' ἄλγέα τε στοναχάς τε, 233: ἦν τ' αὐτὸς ἀπόνοσφι κατίσχεαι; οὐδὲ φέφοικεν, и др.; Hoffm. § 73.

ε 493: δυσπῶνος (v. l. δυσπραγέος) καμάτοιο, φίλα βλέφαρ' ἀμφικαλύψας: можетъ быть,—дυσπῶνος καμάτοιο и пр.? Ср. статью Аренса въ *Rhein. Mus.* за 1842 г., стр. 161 и слѣд. Относительно стиха ср. Λ 39:

κοάνεος ἐλέλικτο δράκων, κεφαλαὶ δὲ φοι ἦσαν | τρεῖς и пр. Кто внима-
тельно взвѣситъ то, что сообщаетъ Лобекъ въ примѣчаніи къ Аяксу,
ст. 604 (стр. 294, 2-го изд.—244 3-го) и въ El. Path. I, p. 423, тотъ
увидитъ, что на эти мѣста нельзя ссылаться для защиты формы до-
понέος у Гомера, какъ это дѣлаетъ Амейсъ (Aphang, примѣчаніе
къ 493).

τ 185: ἐνθ' Ὀδυσῆα ἐγὼ φιδόμην καὶ ξείνι' ἔδωκα: можетъ быть,—
ἐνθα φίδον (или φίδον τ') Ὀδυσῆα ἐγὼ и пр.? Ср. (относительно зіанія)
φ 217: εἰ δ' ἄγε δή, καὶ σῆμα ἀριφραδέος ἄλλο τι δεῖξω, и др.

χ 230: σῆ δ' ἦλω (v. l. εἴλω) βουλῆ Πριάμου πόλις εὐράγιοια: можетъ
быть,—σῆ δ' ἐφάλω βουλῆ и пр.? Ср. Ahrens, de dial. aeol., p. 36 и
сл. (ἐάλω есть аттицизмъ).

Ἵμν. εἰς Ἀπ. (Δήλ.) 54: οὐδ' εὐβων σε ἔσσεθαι οἶομαι, οὐτ' εὐμηλον:
вѣроятно,—οὐδ' εὐβων σ' ἔσσεθαι и пр.

С. Ждановъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ по греческой филологіи, вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году ¹⁾.

Въ текущемъ году вышелъ 3-й выпускъ Одиссеи Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида, заключающій въ себѣ отъ VII до IX пѣсни (Одиссея Гомера, съ прим. Е. Шмида, 3 в., С.-Пб. 1880). О достоинствахъ комментаріевъ г. Шмида мы считаемъ излишнимъ распространяться, такъ какъ они достаточно были оцѣнены другими, по поводу первыхъ двухъ выпусковъ Одиссеи, появившихся въ 1878 г. Мы замѣтимъ только, что комментаріи г. Шмида отличаются выдержанностью плана и заключаютъ много дѣльныхъ замѣчаній какъ относительно содержанія, такъ и относительно языка. Особенное достоинство этой книги состоитъ въ томъ, что вездѣ обращено вниманіе на такія частности, которыя при бѣгломъ чтеніи легко ускользаютъ отъ вниманія ученика и которыя между тѣмъ необходимо объяснить, чтобы дать болѣе вѣрное и полное понятіе какъ о героическомъ бытѣ, такъ и объ особенностяхъ эпической рѣчи.

Мы полагаемъ, однако, что для всякаго составителя учебной книги должно быть желательно, чтобы трудъ его подвергся всестороннему обсужденію и чтобы рецензія не ограничивалась только похвалами, а указала бы также и на слабыя стороны труда, которыя, обыкновенно, болѣе замѣтны для постороннихъ, чѣмъ для самого автора.

Мы начнемъ съ того, что болѣе всего кинулось намъ въ глаза въ 3-мъ выпускѣ Одиссеи.

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Не смотря на то, что г. Шмидъ старается (какъ это сказано въ предисловіи къ 1-му выпуску), по возможности, быть краткимъ, все-таки въ его примѣчаніяхъ есть много лишняго, что можно было бы выкинуть безъ всякаго ущерба для учащихся.

Во первыхъ, считаемъ мы лишнимъ объясненіе и переводъ такихъ словъ и выраженій, которыхъ значеніе ученикъ самъ можетъ легко узнать съ помощью лексикона и грамматики; точно такъ же считаемъ лишними такія примѣчанія, которыя ничего не вносятъ для пониманія текста, а прибавляютъ нѣчто совершенно постороннее, не заключающееся въ понятіи объясняемыхъ словъ и выраженій. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ объясненій и переводовъ.

VII, 32. οἷα δὲ ζῆσσι, туземцы. ἀνέχονται терпятъ у себя. 34. ναὺς θοή ходкій корабль, 45 σχολόπεσον подр. изъ М, 55 ὄξισον (какъ будто ученику необходимо еще сказать, что колья бываютъ острые). 48 κελύεις праезенс . потому что желаніе Одиссея продолжается до удовлетворенія его въ данный моментъ (проще было бы сказать, праезенс потому, что приказаніе относится къ настоящему времени, но и это лишне). 65 νομφίος новоженецъ. 68 ἔχουσιν завѣдываютъ. 92 πρᾶξιδες первонач грудобрюшная преграда, а такъ какъ она—органъ мышленія (вѣрнѣе слѣдовало бы сказать—считалась органомъ мышленія), то можно перевести: изобрѣтательнымъ умомъ. 94 ὄντας какъ и οὐσης τ, 489, отъ обыкн. ἔων и проч. 104 ἀλετριεύουσιν занимаютъ меленіемъ (!), можно подразумѣвать, съ пѣснями. Во первыхъ, ἀλετριεύουσιν по русски значить „мелютъ или занимаютъ молотъбой“; во вторыхъ, къ чему эта прибавка „можно подразумѣвать съ пѣснями“? Какъ будто эта работа непременно производилась съ пѣснями. 104 μῆλοπα гляпцовитый (по нашему, вѣрнѣе, желтый или золотисто-желтый, собств. имѣющій цвѣтъ яблока). 107 ὀθονέων тканей. 113 ἀμφοτέρωθεν по обѣ стороны. 115 δῦλαι груши, ροαί гранатъ, μῆλαи яблонь, σοκέαι смоковница. 124 τρυφῶσιν vindemiant собираютъ въ корзины по Σ 566, при пѣннн пѣсенъ (какъ будто и эта работа такъ же не могла иначе производиться, какъ при пѣннн пѣсенъ). 125 τραπέουσι = πατοῦσι, calcant, топчутъ. 126 ἀφίεσθαι сбрасывающіе. 165 ὀπρδεῖ comitatur. 176 χαρίζομένη largiens, охотно выдавая. VIII, 135 μηρούς femora; κνημᾶς crura, голень. 137 συνέρρηχται fractus est. 139 συχεῖσθαι истощить. 162 πρῆκτῆρες торговые люди. 165 ὑπόδρα изъ подлбья. 170 μορφή venustas. στέφαι наполняетъ. 172 αἰδοῖ μ. съ умилительною умѣренностью (скромностью). 260 χορόν плясалище. 403 ἄορ=εἶφος gladius; κόπη sarulus, ефесъ; κολεόν vagina и пр. 476 θαλερή пухлый (!)

подраз. жиръ. IX, 7 ἀκούζωνται, сильнѣе чѣмъ ἀκοῦεν, прислушиваются (подр. ἀκοῦοῦ, прислушиваются къ пѣвцу (!). Въ русскомъ языкѣ „прислушиваться“ имѣть совершенно иной оттѣнокъ и не передаетъ гомеровскаго ἀκούζωνται, которое, скорѣе, означаетъ частое, многократное, обыкновенное слушаніе. 388 ἴοντα=τρέχοντα. ὄφρα^ς supercilium, γλήνη глазное яблоко, и проч. Всѣ подобныя примѣчанія совершенно излишни и только напрасно увеличиваютъ объемъ книги. Особенно же готовые переводы (да еще не всегда правильные) должны быть вовсе исключены изъ комментариевъ, такъ какъ назначеніе послѣднихъ давать не то, что ученикъ самъ долженъ сдѣлать, а то, чего онъ безъ особенныхъ объясненій не въ состояніи понять. Въмѣсто того, чтобы объяснять и переводить такія слова, какъ κελεύεις, ἀλατρεύουσι, ἀμφιτέρωθεν, ὄχουαι, ὀπηδεῖ, μηρός и т. п., гораздо полезнѣе было бы сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о бытовой сторонѣ гомеровскаго времени, напр. о положеніи такъ называемыхъ ἰκέται (VII, 160), о роли глашатаевъ (κῆρυκες, VII, 163) и т. п., или пояснить значеніе такихъ мѣстъ и выраженій, которыя въ самомъ дѣлѣ затрудняютъ учениковъ, какъ, напр., ὄφρα κ' ἔησιν (VII, 147), или каковы, напр., такъ называемые тмезисы (ἐκ δὲ με πάντων ληθάνει, VII, 220; κατὰ κράτα χαλοψάμενος, VIII, 92), или же частицы и т. п.

Кромѣ переводовъ и объясненій излишнихъ, поразило еще насъ множество ссылокъ въ примѣчаніяхъ г. Шмида, ссылокъ не только на мѣста объясненныя, но и на мѣста необъясненныя, притомъ не только на Одиссею, но и на Илиаду. Противъ ссылокъ мы, конечно, ничего не имѣемъ сказать и считаемъ ихъ необходимыми, но полагаемъ, что и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ соблюдать мѣру. Такъ какъ книга г. Шмида написана для учениковъ, то, по нашему мнѣнію, всѣ ссылки на мѣста необъясненныя, а особенно ссылки на Илиаду совершенно бесполезны и излишни, потому что, вопервыхъ, ссылки, если онѣ не объяснены, нисколько не помогутъ ученику понять то мѣсто, для котораго онѣ приводятся, а во вторыхъ, у учениковъ, читающихъ какую нибудь пѣснь Одиссеи, обыкновенно нѣтъ подъ рукою не только Илиады, но и полнаго экземпляра Одиссеи. Кромѣ того, мы должны замѣтить, что ссылки въ книгѣ г. Шмида не всегда удачны и не всегда подтверждаютъ то, для чего онѣ приводятся. Такъ, напр., въ примѣчаніи къ 150 стиху VII книги сказано слѣдующее: „VII, 150 γέρας къ α 117. Это γέρας только могло переходить въ руки старшаго сына, см. къ α 387,—прочее имущество дѣти дѣлили по жребію, см. ξ 208.“ Въ α, 387 рѣчь идетъ о Телемахѣ, который, какъ извѣстно,

былъ не старшій, а единственный сынъ Одиссея; слѣдовательно, изъ этого мѣста нельзя заключить, что *ῥέρας* переходило только въ руки старшаго сына. Въ ξ , 208 говорится также о всѣхъ безъ исключенія дѣтяхъ, подѣлившихъ по жребію имущество умершаго отца своего; слѣдовательно, о преимуществахъ первородства и изъ этого мѣста ничего нельзя вывести. „IX, 231 *κῆρας* посредствомъ масличныхъ вѣтвей, 320.“ Не говоря о томъ, что это примѣчаніе выражено слишкомъ кратко и неясно, мы должны замѣтить, что и ссылка невѣрна; потому что въ 320 стихѣ (IX п.) и помину нѣтъ о масличныхъ вѣтвяхъ, посредствомъ которыхъ, какъ предполагаетъ г. Шмидъ, Одиссей и его товарищи зажгли огонь въ пещерѣ циклопа, а говорится о большомъ стволѣ зеленой или свѣжей маслины. Впрочемъ, спрашивается, къ чему вообще вся эта замѣтка? Не все ли равно для читателя Гомера, посредствомъ какихъ вѣтвей развели огонь Одиссей и его товарищи? Развѣ подобныя замѣтки хоть на волосъ содѣйствуютъ болѣе вѣрному и глубокому пониманію мысли и красотѣ поэтическаго произведенія? Мы полагаемъ, что комментаріи г. Шмида могли бы только выиграть, если бы опущены были всѣ подобнаго рода ненужныя ссылки и замѣтки.

Затѣмъ, къ числу недостатковъ книги г. Шмида мы должны отнести и то, что нѣкоторыя примѣчанія выражены въ формѣ неясной и для ученика совершенно непонятной. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

VII, 127 „*ῥῥον*, то есть лозь“.—Слѣдовало бы яснѣе сказать, если это только нужно,—рядъ или рядъ виноградныхъ лозъ.

VII, 197 „изъ представленія *ἐπιναῖν*, *ἐπικλώθειν* развилось представленіе о *κλώθες* пряжи, откуда (?) вполнѣдствіи развились *μοῖραι*, числомъ три: *Κλωθώ*, *Λάχεσις*, *Ἄτροπος*.—Все это замѣчаніе не только не объясняетъ ученику представленіе древнихъ Грековъ о судьбѣ и о пряхахъ человѣческой жизни (или Паркахъ), но такъ темно, что само нуждается еще въ поясненіи.

VII, 195. „Длинный періодъ свидѣтельствуемъ, какъ близко Алкиной принялъ къ сердцу заботу о гостѣ и его скоромъ и благополучномъ отправленіи на родину“.

Признаться, мы не понимаемъ, какъ длинный періодъ можетъ свидѣтельствовать о заботливости Алкиноя по отношенію къ своему гостю? Вѣроятно, г. Шмидъ хотѣлъ сказать, что Алкиной, вычисляя подробно все, что слѣдуетъ сдѣлать для гостя, этимъ показываетъ, какъ близко принялъ онъ къ сердцу заботу о немъ.

VII, 216 „ἐπί къ желудку (ничего, что можно было бы прибавить къ нему, сопоставить съ нимъ), т. е. нежели онъ“.—Гораздо яснѣе было бы выразить это такъ: ἐπί γαστέρι (собств. при желудкѣ), послѣ сравнительной степени (κύντερον) предлогъ ἐπί съ дат. значить „сравнительно съ чѣмъ-либо“.

VIII, 22 „ἐκτελέσειεν могъ бы“.—Слѣдовало бы сказать: ἐκτελέσειεν κεν могъ бы совершить, или просто замѣтить, что это opt. potent.

VIII, 168 „οὔτε φύην — съ одной стороны, οὔτ' ἄς (вѣдь) φρένας (умъ) οὔτ' ἀγορητόν (согласную съ умомъ)—съ другой стороны, подраз., πάντεςσι διδοῦσιν (ихъ вмѣстѣ)“.—Странная и съ перваго раза непонятная форма объясненія, въ которую еще больше приходится вдумываться, чѣмъ въ самый текстъ, достаточно поясняемый и предъидущимъ и послѣдующими стихами! Любопытно, какъ ученикъ понялъ бы: ἀγορητόν (согласную съ умомъ),—подразумѣвай—ихъ вмѣстѣ? Затѣмъ, къ чему переводить ἄρ, φρένας, значеніе которыхъ ученикъ можетъ узнать изъ лексикона?

IX, 95 „φάγοι указываетъ большое число“.—Спрашивается: большое число чего? Вѣроятно, г. Шмидъ хотѣлъ сказать, что φάγοι означаетъ съѣсть что либо въ большомъ числѣ (?).

IX, 143 „ὄρφναίη (къ послѣгомеровскому ὄρφνη, мракъ)=μέλαινα“. Слѣдовало бы для ясности прибавить: ὄρφναίη прилагательное къ ὄρφνη, которое, впрочемъ, у Гомера не встрѣчается. Послѣднее примѣчаніе можно было бы и выпустить, такъ какъ даже a priori нельзя допустить, что сначала произошло производное слово, а потомъ уже первообразное.

Вообще, мы должны замѣтить, что краткость выраженія хороша, но только при одномъ условіи,—когда она ясна.

Наконецъ, мы нашли въ комментаріяхъ г. Шмида нѣсколько толкованій, по нашему мнѣнію, совершенно произвольныхъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ и вообще невѣрныхъ и неточныхъ. Укажемъ на главнѣйшіе изъ нихъ.

При VII, 49 замѣчено: „διотреφέας къ δ, 26“. Подъ этой ссылкой (см. вып. II), читаемъ слѣдующее: „эпитетъ διотреφής выше ставитъ лицо, къ которому оно прилагается, чѣмъ διογενής, потому что много διογενέων, о которыхъ боги не заботятся; поэтому послѣднее слово имѣетъ болѣе общее значеніе. Такъ, напр., Патроклъ никогда не называется ни βασιλεύς, ни διотреφής, а διογενής А, 337“. Различіе, какое дѣлаетъ г. Шмидъ между διотреφής и διογενής, ни на чемъ не основано. Эпитетъ διотреφής прилагается у Гомера и простымъ смертнымъ

и вообще всѣмъ людямъ, а не однимъ только царямъ или такимъ лицамъ, о которыхъ боги особенно заботятся. См. Од. 5,378 и II. 2,660.

VII, 7 „*δαίε* здѣсь въ переходномъ значеніи, какъ, напр., I, 211“ Но гдѣ же *δαίε* встрѣчается въ непереходномъ значеніи, чтобы нужно было о томъ особенно замѣтить въ этомъ мѣстѣ? Подобная замѣтка можетъ сбить съ толку ученика. Если г. Шмидъ хотѣлъ что либо замѣтить объ употребленіи этого глагола, то долженъ былъ бы сказать, что *ργαεs*. и *imperf.* отъ *δαίω* употребляются всегда въ переходномъ значеніи, а *perf.* и *plusquamperf.* въ непереходномъ.

VII, 50 „*δαίς*—обычный обѣдъ у царя; *ἔρανος* (къ α,226), во время котораго совѣщались о дѣлахъ. См. θ, 41, ν, 8“. На чемъ основано подобное опредѣленіе слова *ἔρανος* (взятое, вѣроятно, у Нича), неизвѣстно. „*Ἐρανος* былъ обѣдъ въ складчину. Вотъ его существенное значеніе. Совѣщались-ли, или нѣтъ при этомъ случаѣ, это не входитъ въ понятіе слова *ἔρανος*. Ссылка тоже нисколько не подтверждаетъ этого произвольнаго толкованія.

VII, 64. „*Ἀπόλλων* къ γ 280. — *ἀργυρότοτος, κλυτότοτος, ἑκατηβόλος, ἰκτηβόλος ἕκατος, ἑκάεργος*, все эпитеты Аполлона, какъ бога смерти“. Последняя замѣтка можетъ легко ввести въ заблужденіе ученика, который навѣрно подумаетъ, что Аполлонъ былъ богъ смерти, между тѣмъ какъ у Гомера онъ представляется болѣе какъ богъ свѣта, солнца и жизни, какъ покровитель юности и охранитель стадъ, какъ богъ всевидящій и всеслышащій, богъ пророчества, поэзіи и т. п. Самые эпитеты, приводимые г. Шмидомъ, могли принадлежать Аполлону не только какъ богу смерти, но и какъ богу свѣта и солнца, далеко мечущаго и разящаго своими стрѣлами, то-есть своими лучами.

VII, 119. „О зефиръ къ β 421 и δ 567“. Въ ссылкѣ β, 421 (см. вып. I) говорится: *Ζέφυρος* собств. сѣверо-западный вѣтеръ, дуетъ изъ *Θρακίη* (i, 5), для Греціи суровый и сильный, и пр.“ Мы спросимъ, какимъ образомъ сѣверо-западный вѣтеръ для Греціи можетъ дуть изъ *Θρακίη*, лежащей на сѣверо-востокъ отъ Греціи? Если въ *Иліадѣ* IX, 5 говорится о томъ, что Зефиръ и Борей дуютъ изъ *Θρακίη*, то не слѣдуетъ забывать, что въ *Иліадѣ* имѣется въ виду Троя и Малая Азія, по отношенію къ которой вѣтеръ, дующій изъ *Θρακίη*, останется все-таки вѣтромъ сѣверно-западнымъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы или вовсе не говорить о томъ, что Зефиръ дуетъ изъ *Θρακίη*, или, если говорить, то слѣдовало бы объяснить,

что подь Фракіей въ гомеровскія времена разумѣлась болѣе обширная страна, чѣмъ та, которая обыкновенно называется этимъ именемъ во времена историческія.

VII, 120. „Asyndetum подробнѣе объясняетъ предыдущее. ἐπί за, о времени“. Но въ выраженіи — ὄχλην ἐπ' ὄχλην γηράσκει, μῆλον δ' ἐπὶ μῆλῳ — предлогомъ ἐπί съ дат. выражается не просто время, а непрерывность дѣйствія или непрерывное слѣдованіе одного дѣйствія за другимъ, или одного предмета за другимъ. Сказать, что ἐπί=за, о времени, значить дать только переводъ, но нисколько не объяснить значеніе этого предлога въ данномъ выраженіи.

VII, 294. „ἐρρέμεν аог., къ α 24“ — По нашему мнѣнію, ἐρρέμεν послѣ ἔλποιο ἄν скорѣе infinit. futur., чѣмъ аогисти.

VIII, 34. „δῖαν къ γ 153“. Подь этой ссылкой сказано слѣдующее (см. вып. I): „δῖαν, такъ называетъ Гомеръ море почти исключительно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ отправленіи въ море, потому что въ эти минуты человѣкъ, вѣряя себя опасной стихіи, болѣе чувствуетъ зависимость свою отъ морскихъ боговъ, обитающихъ въ морѣ около берега и слѣд. пребывающихъ въ близости“. Во первыхъ, морскіе боги представляются у Гомера обитающими не около береговъ, а въ глубинахъ морскихъ, ἐν βένθεσιν ἄλος (II. XVIII, 36 и слѣд.). Затѣмъ едва ли вѣрно, чтобы эпитетъ δῖος былъ приданъ морю въ моментъ отправленія человѣка въ море, изъ страха передъ грозной стихіей. Этотъ эпитетъ придается у Гомера вообще всѣмъ предметамъ, поражающимъ человѣка своимъ величіемъ или какими-нибудь особенными качествами, и выражаетъ скорѣе удивленіе или почтеніе говорящаго, чѣмъ страхъ. Извѣстно, что и свинопасъ Одиссея названъ также δῖος. Самая этимологія этого слова (держаться ли стариннаго объясненія „божественный“, или повѣйшаго „свѣтлый, блестящій, славный“) не говоритъ въ пользу толкованія г. Шмида.

„VII, 51—55=δ 780—783“ (вѣрнѣе=δ 780—783 и 785). О выраженіи—ὄψο δ' ἐν νότιφ (VIII, 55) г. Шмидъ говоритъ слѣдующее въ примѣчаніи къ δ 785 (см. вып. II): „νότιφ (соб. сырость), вода у берега“. Мы сомнѣваемся, чтобы Греки отличали воду у берега отъ остальной воды. Затѣмъ νότιον, ни по этимологіи, ни по употребленію, не означаетъ воды у берега, а означаетъ вообще влагу, воду (какую бы то ни было), а здѣсь море, какъ вѣрно объясняетъ Пасовъ. Объясненіе свое, ни на чемъ не основанное, вѣроятно, г. Шмидъ взялъ у Нича.

VIII, 214. „οὐ κακός такъ наз. litotes=ἄριστος“. Фигура litotes есть

фигура такъ сказать, скромности. Если я говорю о себѣ — οὐ κακός εἶμι, то я не желаю этимъ сказать, что я лучше всѣхъ, а напротивъ того употребляю самое скромное выраженіе о себѣ. Поэтому вѣрнѣе было бы сказать, что οὐ κακός есть болѣе скромное выраженіе вмѣсто ἀγαθός. Придавать же этому выраженію значеніе превосходной степени совершенно неумѣстно.

IX, 99. „ὄπὸ ζυγᾶ transtra, лавки, шедшія по бортамъ корабля; на нихъ сидѣли гребцы“. Если лавки шли по бортамъ или, что все равно, вдоль бортовъ корабля, то непонятно, какимъ образомъ гребцы, сидя на нихъ, могли грести. ζυγᾶ были лавки, шедшія не по бортамъ а поперекъ корабля, отъ одного борта къ другому.

IX, 468. „ἀνανεύειν кивнуть головой (X, 205 καρῆατι), жестъ, означавшій отрицаніе, воспреещеніе, отказъ, противоп. κατανεύειν.“ Во первыхъ, въ текстѣ стоитъ ἀνὰ δ' ὀφρύσιν νεύων; слѣдов. не вѣрно переводить это кивнуть головой. Затѣмъ, русское „кивнуть головой“ соответствуетъ не греческому ἀνανεύειν, а наоборотъ, греч. κατανεύειν, и означаетъ знакъ согласія или приказанія. ἀνανεύειν слѣдовало бы перевести: кивать назадъ (καρῆατι, или безъ этого дополненія, головой); ἀνανεύειν ὀφρύσιν поднятіемъ бровей давать знакъ не дѣлать чего-либо, то-есть запрещать. А еще лучше было бы вмѣсто неправильнаго перевода замѣтить просто tmesis въ этомъ мѣстѣ: ἀνὰ δ' ὀφρύσιν νεύων=ἀνανεύων δ' ὀφρύσιν.

VIII, 396. Г. Шмидъ читаетъ εὐρύαλος δὲ ἐ αὐτόν ἀρροσάσθη ἐπέεσσιν καὶ δῶρφ и пр. и объясняетъ: „αὐτόν, какъ человѣка, лично, другіе какъ ξείνον, что въ 395 ст. поставлено впереди“. Во первыхъ, ἐ αὐτόν можетъ значить только „самого себя“ (какъ напр., ἐ αὐτῆ, значить самоѣ себя, II. XIV, 162), а не „его самого“. Затѣмъ, если бы даже принять неправильно ἐ αὐτόν въ значеніи его самого, какъ это дѣлаетъ большинство издателей, держащихся традиціоннаго чтенія, то и тогда это значило бы: его самого, а не кого-либо другаго (положимъ лицо близко стоящее къ нему), но не означало бы: какъ человѣка, или какъ ξείνον (что, признаться, даже и непонятно). Наконецъ выраженія „какъ человѣка“ и „лично“ не одно и то же значать. Все это мѣсто проще всего объяснить, если принять поправку г. Наука, которая требуется самимъ смысломъ, и читать вмѣсто αὐτόν—αὐτός (см. Homeri Odyssea, ed. A. Nauck, pars I, 1874). Смыслъ выйдетъ тогда ясный: „а Евріалъ пусть самъ (лично) удовлетворить его (то-есть Одиссея, котораго онъ обидѣлъ) словами и подаркомъ“. Между тѣмъ, если держаться традиціоннаго чтенія, то

слѣдовало бы перевести это мѣсто такъ: „а Евріаль пусть самого себя удовлетворить (?!)“, или же, по толкованію г. Шмида и другихъ: „а Евріаль пусть его самого удовлетворить (!)“. Спрашивается, кого же еще могъ удовлетворить Евріаль, кромѣ Одиссея, котораго онъ оскорбилъ и который былъ одинъ-одинешенекъ въ землѣ Феаковъ, безъ всякой родни и безъ всякихъ спутниковъ?

Впрочемъ, мы должны сказать, что въ книгѣ г. Шмида мы нашли болѣе лишняго и неясно выраженнаго, чѣмъ невѣрнаго. Вообще же примѣчанія г. Шмида составлены дѣльно и текстъ изданъ тщательно, такъ что трудъ его можно считать весьма полезнымъ приобретениемъ для нашей учебной литературы.

А. Вейсманъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ОДИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

СТРАН.

1. (23-го мая 1880 г.) Обѣ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества международнаго права	3
2. (4-го іюня 1880 г.) Обѣ открытіи при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ параллельныхъ отдѣленій для глухонѣмыхъ	—
3. (11-го іюня 1880 г.) О зимней формѣ обмундированія учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Сибири и учащихся въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ	4
4. (30-го іюля 1880 г.) О дозволеніи управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшать учрежденіе въ Дерптскомъ учебномъ округѣ реальныхъ училищъ	5
5. (13-го апрѣля 1880 г.) Обѣ учрежденіи въ гор. Сейнахъ трехкласснаго городскаго училища	51
6. (17-го іюня 1880 г.) О наименованіи стипендій, учреждаемыхъ при одноклассномъ начальномъ народномъ училищѣ въ пог. Ругозерскомъ, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, „стипендіями крестьянина Константина Васильева Кузнецова“.	52
7. (30-го іюня 1880 г.) О проектѣ правилъ о преміяхъ имени Его Императорскаго Величества, Государя Императора Александра II, учрежденныхъ Симбирскимъ дворянствомъ.	—

8. (1-го февраля 1880 г.). О Высочайше утвержденномъ рисункѣ медали для награжденія студентовъ Харьковскаго и Казанскаго ветеринарныхъ институтовъ.	55
9. (15-го февраля 1880 г.). О Высочайше утвержденномъ рисункѣ медали для награжденія слушателей археологическаго института.	—
10. (28-го іюня 1880 г.). О принятіи капитала, пожертвованнаго дочерью коллежскаго совѣтника Юшеновою.	56
11. (18-го іюля 1880 г.). Объ учрежденіи Псковскаго археологическаго общества.	—
12. (13-го августа 1880 г.). О присвоеніи Зміевской женской прогимназіи наименованія: „Зміевская земская Александровская женская прогимназія“	57
13. (28-го іюля 1880 г.). О присвоеніи стипендіи, учреждаемой при Алферовской учительской семинаріи, наименованія „Александровской“.	—
14. (13-го августа 1880 г.). О присвоеніи учреждаемому въ селѣ Ждимірѣ, Болховскаго уѣзда, одноклассному начальному народному училищу наименованія „училищѣ Императора Александра II“.	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го іюня 1880 года (№ 8).	7
30-го іюня 1880 года. (№ 9).	8

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о двадцати стипендіяхъ, учрежденныхъ при Казанскомъ реальномъ училищѣ въ память двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Его Величества Императора Александра II	8
2. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи отставнаго лейбъ-гвардіи Литовскаго полка полковника Карла Станиславовича барона Нолькена	10
3. (6-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени „императора Александра I-го“ въ Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.	13

4. (9-го мая 1880 г.). Положеніе объ Александровской стипендіи учрежденной при Рижскомъ реальномъ для гражданъ училищѣ. 14
5. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Величества Императора Александра II-го при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ. 15
6. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества коллежскаго совѣтника Ивана Катаржи въ память 19-го февраля 1880 г., при Кишиневской мужской прогимназіи 16
7. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Верховленскаго первой гильдіи купца Петра Григорьевича Абрамова при Троицко-Савскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ . . 17
8. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Величества Императора Александра II при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ. 18
9. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II при Смоленской мужской гимназіи 19
10. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Анастасіи Алексѣевны Протопоповой при Слуцкой гимназіи въ память 25-лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II. 20
11. (9-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Царицынской Александровской прогимназіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II 21
12. (20-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Ярославской мужской гимназіи имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вокарда. —
13. (20-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при ярославской женской гимназіи имени инженеръ-дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вокарда. 22
14. (10-го іюля 1880 г.) Положеніе о стипендіяхъ при Таганрогскихъ гимназіяхъ: мужской и женской Марининской подъ наименованіемъ стипендіи Таганрогскаго окружнаго суда. . . 23
15. (13-го іюля 1880 г.). Правила о стипендіи покойнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра Василія Тимофѣевича Покровскаго 24

16. (16-го іюня 1880 г.). Правила для съѣздовъ представи- телей гимназій и прогимназій Виленскаго учебнаго округа . . .	25
17. (17-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Риж- ской Александровской гимназіи имени Александра Сергѣевича Пушкина.	27
18. (18-го іюля 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. по- печителямъ учебныхъ округовъ объ учебныхъ занятіяхъ въ гим- назіяхъ	28
19. (19-го іюля 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. по- печителямъ учебныхъ округовъ о равномѣрномъ дѣленіи дирек- торами и инспекторами гимназій преподаваемыхъ ими предме- товъ и о порядкѣ назначенія классныхъ наставниковъ. . . .	29
20. (19-го іюля 1880 г.). Циркулярное предложеніе гг. по- печителямъ учебныхъ округовъ объ ограниченіи частой перемѣны учебниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ	30
21. (30-го іюля 1880 г.). Уставъ Псковскаго археологиче- скаго общества	31
22. (31-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Ка- занскихъ: реальномъ училищѣ и 2-й женской гимназіи имени Казанскаго губернатора и попечителя мѣстнаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человѣколюб- ваго общества, тайнаго совѣтника Николая Яковлевича Скаря- тина.	36
23. (8-го мая 1880 г.). Положеніе о 6-ти стипендіяхъ, учреж- денныхъ при Бѣльской прогимназіи въ память 19-го февраля 1880 года.	58
24. (5-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи при мужскихъ прогимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа и Одесскомъ мужскомъ греческомъ коммерческомъ училищѣ имени Его Величества Импе- ратора Александра II.	59
25. (16-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи бывшаго ученика Самарской гимназіи Александра Первовскаго. . . .	61
26. (28-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи 19-го фев- раля 1880 года при Новгородсѣверской гимназіи.	62
27. (14-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Ураль- ской войсковой гимназіи въ память исполнившагося 25-тилѣтія благополучнаго царствованія Его Величества Государя Импера- тора Александра II-го	63

28. (10-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Михаила Станиславовича Голынскаго) . 63
29. (10-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Московскомъ реальномъ училищѣ имени потомственнаго почетнаго гражданина Евгенія Ивановича Арманда. 64
30. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ имени Государя Императора Александра II. 65
31. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Дурново. 66
32. (30-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Екатеринославской мужской гимназій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Николаевича Дурново. 67
33. (31-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Митавской гимназій имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера Высочайшаго двора Карла Фонъ-деръ-Рекке. 68
34. (31-го іюня 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени Государя Императора Александра II при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ. 69
35. (31-го іюля 1880 г.). Положеніе о стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ Вольскаго купца Павла Дмитріевича Катенеза. 70
36. (3-го августа 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Пензенской гимназій Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II. —
37. (16-го августа 1880 г.). Правила для стипендій генералъ-лейтенанта Ивана Корниловича Максимовича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. 71
38. (16-го августа 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Павла Петровича Синбрюхова при Кронштадтской мужской гимназій 72
39. (3-го сентября 1880 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени С.-Петербургскаго купца Николая Алексѣевича Погребова при С.-Петербургской первой гимназій 73
40. (3-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи въ память пятидесятилѣтія С.-Петербургской первой гимназій. 74
41. (3-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени воспитанниковъ бывшаго при Императорскомъ С.-Петербург-

скомъ университетѣ благороднаго пансіона, при С.-Петербургской первой гимназіи.	75
42. (11-го сентября 1880 г.). Положеніе о стипендіи дѣйстви- тельнаго тайнаго совѣтника Карла Ивановича Менде	76

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

15-го іюня 1880 года (№ 8).	37
27-го іюня 1880 года (№ 9).	43

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ“. Составилъ Ил. Рѣдниковъ. Изданіе второе исправленное и значительно дополненное.	45
О книгѣ: „Общій очеркъ исторіи Европы Эдуарда Фримана“. Переводъ съ послѣдняго (пятаго) англійскаго изданія, подъ редакціею Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана.	—
О книгѣ: „Задачи по начертальной геометріи“. Составилъ И. Миколецкій. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Лигинъ.	—
О книгѣ: Космологія (общепонятное изложеніе). Часть первая: система міра. Книга первая: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. Томъ первый. Сост. А. Д. Путья.	—
О брошюрѣ: „Ἰπποκράτους, τοῦ Κῶου, τὸ περὶ ἀέρων, τόπιον, ὁ ὄρκος συγγαμμά αὐτοῦ, καὶ περὶ κοπῆ Ταλήνου. Ἐκδίδεται ὑπὸ τοῦ Ἑλληνοδιδασκαλοῦ Δημητρίου Τ. Αραπάκη.	46
О книгѣ: „Элементарный учебникъ латинскаго языка“ Изд. С. Влажевскій.	—
О книгѣ подь заглавіемъ: „Изъ древней исторіи Болгаръ“. Сочин. Матвѣя Соколова.	—
О книгѣ: „Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи“. Съ атласомъ чертежей Составилъ А. Кронебергъ.	77
О книгѣ подь заглавіемъ: „Римская сатира и Ювеналь. Литературно-критическое изслѣдованіе“ Д. И. Нагуевского.	—

О брошюрахъ: „О нѣкоторыхъ особенностяхъ польскаго языка, сост. И. Соломоновскаго“, 2) „Матеріалъ для дивтанта и другихъ грамматическихъ упражненій. Его же“. 3) „Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова“. Сочиненіе Толмчевой. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. 78

О книгѣ: „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ“. П. А. Соколовскій. —

О книгѣ: „Начала начертальной геометріи“. Составилъ К. Мамышевъ. Изданіе третье, съ IX таблицами чертежей. —

Объ изданіи: „Учебный атласъ естественной исторіи“ Сост. К. Арендтса. 2-е русское изданіе, совершенно измѣненное и дополненное А. Брандтомъ —

О книгѣ: „Для обратнаго перевода на латинскій. Жизнеописаніе Мильтіада К. Непота. Сост. Н. Кувшинскаго. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Le participe passé dans la langue française et son histoire par I. Bastin“. 79

Объ изданіи: „Математическій листокъ“, выходящій подъ редакціею А. И. Гольденберга. Томъ I. —

О книгѣ: „Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества“. Сочиненіе Эдуарда Даудена. Переводъ Л. Д. Черновой. —

О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Басни И. А. Крылова“. Девятнадцатое полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. и 2) „Басни И. А. Крылова“. 20-е, полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. —

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Конекъ-горбунокъ“. Изд. П. Ершова. 46

О книгѣ: „О Святомъ Евангеліи и святыхъ евангелистахъ съ указателями евангельскихъ чтеній и евангельскихъ событій“. Сост. Н. Каменскимъ. —

Объ изданіяхъ: 1) „Памятный листъ по случаю юбилея 25-ти лѣтняго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича; 2) Портретъ Его Импера-

горскаго Величества, и 3) Портретъ Императора Николая I". Сост. Германа Гоппе.	79
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“. Сост. А. Филоновъ. Изд. 2-е.	80
О книгѣ: 1) Katechizm Rzymsko-Katolicki mniejszy, napisany przez Ksiedza Piotra Stojakowskiego nauczyciela przy szkole realnej w Warszawie. и 2) Zasady Wiary Swietej Rzymsko-Katolickiej w obrazkowy ozdobyony 112 rycinami opartemi na pismе swietem“	—
О книгѣ: „Дѣтскій міръ и христоматія“. Изд. 17-е, окончательно исправленное и дополненное съ 105 рисунками въ текстѣ“. Составилъ К. Ушинскій.	—
О книгѣ: „Собраніе ариметическихъ задачъ“. Составилъ И. Томасъ. Выпускъ I, изд. 17-е, исправленное	—
О книгѣ: „Ботаника доктора А. Де-Бари“. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями подъ ред. Хр. Гоби.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: Новая азбука, графа Л. Н. Толстаго	—
Объ изданіи атласа: „Blüthenformen, systematische und vergleichende Darstellung in natürlichen Grössen, gezeichnet von Martin Vorweg (систематическое и сравнительное изображеніе формъ цвѣтовъ въ натуральную величину Мартина Форвега) 12 таблицъ“. Дрезденъ.	—
Официальныя извѣщенія.	47

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. П. Морозова.	1
Описаніе Литвы, Самогити, Русси, и Московіи—Себастиана Мюнстера (XVI вѣка). Е. Замысловскаго	66
Мальтая и Бавіанъ. В. Ш.	124
Ливонская война. К. Бестужева-Рюмина.	167
Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. П. Виноградъва	186 и 333
Monumenta Ragusina. Libri reformationum. Tomus I. Anu. 1306—1347. Zagrabiae, 1879 Pog. 315 Sumptibus Academiae scientiarum et artium ex officina societatis typograficae. (Monu-	

	страни.
menta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Volumen X.	
Т. Флоринскаго	224
Города сѣверной Монголіи. А. Позднѣева.	263
Памятникъ русской противокатолической полемики XVI вѣка.	
В. Жмакина	319
Легенда и первая народная книга о Фаустѣ. Князя И. Шаховскаго.	369
Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ.	
В. Стасова.	402
Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г.	445
Mittheilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst von M. Waltrowits, Architekt Professor an der Belgrader Hochschule und Mitglied der serbischen Gelehrten-Gesellschaft zu Belgrad. (Новыя изслѣдованія въ области сербскаго церковно-строительнаго искусства—М. Вальтровича). Владиміра Качановскаго.	462

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература	1—22
-----------------------------------	------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Путешествія Румынскихъ ученыхъ по Славянскимъ землямъ.	
П. Сырку.	1 и 69
Литовское литературное общество въ Тильзитѣ.	22
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: университеты.	22 и 90
Очеркъ дѣятельности Императорскаго Александровскаго университета (въ г. Гельсингфорсѣ) за 3875—1878 годы. В. Ассоннова.	53
Общество любителей древней письменности въ 1879 году	86
Ф. К. Брунъ. (Некрологъ.) А. Б.	106

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Ферейскіе тиранны. Князя С. Абамелекъ-Лазарева . . .	356
Къ „Медеѣ“ Еврепида (ст. 234 и 596). П. Никитина . . .	403
Къ рѣчи Димосфена ката ховѡνος (§ 4). П. Никитина . . .	412
О времени происхожденія микенскихъ древностей и объ изображеніи Психеи въ греческомъ искусствѣ. Э. Шульце . . .	414
Нотегіса. С. Жданова	429
Обзоръ книгъ по греческой филологіи вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году. А. Вейсмана	432

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ.

1880.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Славянофильство, какъ философское ученіе. И. ПАНОВА.

О Славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на
новорожденного ребенка. Н. СУМЦОВА.

Цари Алексѣй II и Андроніеъ Комнины. Θ. УСПЕНСКАГО.

Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ
Лангобардской Италіи (Продолженіе.) . П. ВИНОГРАДОВА.

О посланіи Данила Заточника. Е. МОДЕСТОВА.

О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ
народныхъ пѣсенъ и былинъ Л. МАЙКОВА.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историче-
скій этюдъ Д. А. Корсакова. И. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко
въ связи съ событіями его времени. Соч. Гри-
горовича. Н. И.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова.
Томъ второй. Н. И.

Мингрельскіе этюды. Первый выпускъ: Мингрельскіе
тексты съ переводомъ и объясненіями. Второй
выпускъ: Опытъ фонетики мингрельскаго языка.
Ал. Цагарели И. МИНАЕВА.

Наша учебная литература.

Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи
наградъ графа Уварова.

Годичное засѣданіе Императорскаго обще-
ства любителей естествознанія, антро-
пологии и этнографіи.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: высшія
учебныя заведенія.

Письмо изъ Парижа Л—РА.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Еваторинскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90--1.

1880.

Средняя Подъездная, 1.
218.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1 (2-го сентября 1880 г.). О назначеніи инспектора народныхъ училищъ въ воссоединенной части Бессарабіи.

Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о назначеніи инспектора народныхъ училищъ въ воссоединенной части Бессарабіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь князь Урусовъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, о назначеніи инспектора народныхъ училищъ въ воссоединенной части Бессарабіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Для завѣдыванія начальными и вообще низшими, а также частными учебными заведеніями въ воссоединенной части Бессарабіи, назначить туда, съ 1-го января 1881 года, одного инспектора народныхъ училищъ, подчинивъ ему и лицъ, занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ.

2) Означенному инспектору предоставить тотъ же окладъ содер-

жанія и всѣ тѣ служебныя права и преимущества, какія по Высочайше утвержденному 25-го мая 1874 года мнѣнію государственнаго совѣта присвоены инспекторамъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія; въ отношеніи же порядка опредѣленія къ должности сего инспектора руководствоваться статьею 21 положенія о народныхъ училищахъ 25-го мая 1873 года;

и 3) Причитающійся на содержаніе вновь назначаемаго инспектора расходъ, по 2000 руб. ежегодно, вносить, начиная съ 1881 года, въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія установленнымъ порядкомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

(№ 10). 28-го іюля 1880 года. Назначается: оберъ-прокуроръ перваго департамента правительствующаго сената, тайный совѣтникъ Марковъ—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности (Высоч. пов. 5-го іюля 1880 года).

Утверждаются: профессоръ Берлинскаго университета, докторъ Ягичъ—экстраординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности (Высоч. пов. 14-го іюля 1880 года).

Потомственный почетный гражданинъ Зворыкинъ—почетнымъ попечителемъ Муромскаго реальнаго училища, на три года.

Командируется за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Гиршгорнъ—на два мѣсяца (Высоч. пов. 19-го іюля 1880 года).

Командируется за границу съ ученою цѣлію: доцентъ императорскаго Дерптскаго университета, магистръ Бергбомъ—на одинъ годъ съ 11-го августа 1880 года (Высоч. пов. 30-го іюня 1880 года).

Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Шмидтъ-фонъ-дербъ-Лауницъ—на два года, съ 1-го сентября 1880 года.

Увольняется, согласно прошенію: почетный попечитель Зарайскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Муромцевъ—отъ сей должности.

III. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(№ 10). 18-го іюля 1880 года. Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гвоздевъ—деканомъ мелицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 31-го мая 1880 года.

Профессоръ Берлинскаго университета, докторъ Ягичъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каедрѣ славянскихъ нарѣчій, съ 14-го іюля 1880 года.

Ассистентъ минералогическаго кабинета Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи Лагоріо—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по каедрѣ минералогіи, съ 1-го іюля 1880 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, докторъ полицейскаго права Тарасовъ—ординарнымъ профессоромъ сего лица по каедрѣ государственнаго права, съ 9-го іюля 1880 года.

Доцентъ Демидовскаго юридическаго лица, докторъ международнаго права Эйхельманъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего лица по каедрѣ государственнаго права, съ 9-го іюля 1880 года.

Директоръ народныхъ училищъ Самарской губерніи, надворный совѣтникъ Херувимовъ—директоромъ Самарскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1880 года.

Исправляющій должность инспектора Минской гимназіи, статскій совѣтникъ Самойло—директоромъ Минскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Осокинъ, потомственные почетные граждане: Месетниковъ, Вараксинъ и Журавлевъ и Казанскій 1-й гильдіи купецъ Унженинъ—членами попечительства Казанскаго реальнаго училища, на три года.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Языковъ и Муромскій 2-й гильдіи купецъ Киселевъ—членами попечительства Муромскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Оношковичъ-Яцына—дѣлопроизво-

дителемъ VI класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 7-го іюня 1880 года.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица, магистръ уголовного права Сергѣевскій—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора означеннаго лица, по кафедрѣ уголовного права, съ 1-го іюля 1880 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Ладженскій—исправляющимъ должность доцента Демидовскаго юридическаго лица по кафедрѣ международнаго права, съ 9-го іюля 1880 г.

Кандидатъ Императорскаго университета св. Владимира Тальбергъ—исправляющимъ должность доцента Демидовскаго юридическаго лица по кафедрѣ уголовного права, съ 25-го іюня 1880 года.

Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Пинскаго округа Арбеневъ, управляющій свѣчными и мыловаренными заводами въ Пинскѣ Дедо-Фишеръ, потомственный почетный гражданинъ Ельсбергъ и купецъ Лурье—членами попечительства Пинскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: членъ археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Гильтебрандтъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности, съ 23-го мая 1880 года.

Отставной прапорщикъ 16-го драгунскаго Нижегородскаго, его величества короля Виртембергскаго полка, графъ Матвѣй Соллогубъ, съ 12-го іюня 1880 года.

Отставной подполковникъ Александръ Путята, съ 3-го іюля 1880 г.

Оставляются на службѣ: директоръ Поневѣжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Боричевскій—на два года, съ 1-го іюля 1883 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волинской, статскій совѣтникъ Коленко—по 5-е марта 1880 года.

Директоръ Астраханскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петерманъ—на пять лѣтъ, съ 22-го іюля 1880 г.

Командируется: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дворянинъ Алексѣй Путята—въ распоряженіе начальника Московскаго учебнаго округа, съ 3-го іюля 1880 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Курской гимназіи Брезовару—на пятнадцать дней и директорамъ гимназій:

Черниговской, статскому совѣтнику Мессу—съ 15-го августа по 1-е октября 1880 года и Варшавской пятой мужской, коллежскому совѣтнику Хорошевскому—съ 5-го іюня по 1-е августа 1880 года, всѣмъ по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на восемь дней: директоръ Гомельской прогимназіи, статскій совѣтникъ Трофимовъ—въ Могилевскую и Минскую губерніи и гор. Кіевъ.

На двѣ недѣли: директоръ Карачевской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Анучинъ—въ Орловскую и Курскую губерніи.

На двадцать дней: директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій—въ разные города.

На двадцать два дня: Гродненскій директоръ народныхъ училищъ статскій совѣтникъ Олиферъ—въ Воронежскую и Полтавскую губерніи.

На двадцать восемь дней: директоръ народныхъ училищъ Костромской губерніи, статскій совѣтникъ Петровскій—на Кавказъ и въ Крымъ и директоръ Мелитопольскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Милашевичъ—въ Крымъ; оба по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ и пять дней: директоръ Свислочской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Геденовъ—въ Лифляндскую губернію, по болѣзни.

На шесть недѣль: Витебскій директоръ народныхъ училищъ, надворный совѣтникъ Масловскій—въ Курляндскую, Лифляндскую и Петербургскую губерніи, по болѣзни.

За границу: на одинъ мѣсяцъ: учитель С.-Петербургской седьмой гимназіи Канскій.

На одинъ мѣсяцъ и пять дней: учитель Свенцянскаго городского училища Піоро.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: учитель Смоленской гимназіи Марекъ, учитель Глуховской прогимназіи Рѣшетловичъ и учительница Холмскаго Маріинскаго женскаго училища Тарелкина; послѣдняя по болѣзни.

На два мѣсяца: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины Нейгебауэръ и исправляющій должность почетнаго смотрителя Рогачевскаго городского училища Верманъ; послѣдній по болѣзни.

На четыре мѣсяца: врачъ Елисаветградской прогимназіи, надворный совѣтникъ Цеткинъ, по болѣзни.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока: заслуженный

ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Гивартовскій, съ 17-го іюля 1880 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошеніямъ: директоръ Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ Гебель, съ 18-го іюля 1880 года и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Ткаченко.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Глуховскаго учительскаго института статскому совѣтнику Тѣрещенко—за пожертвованія его въ пользу народнаго образованія вообще.

Управляющему Орловско-Витебскою желѣзною дорогою, инженеръ-надворному совѣтнику Хлуденеву, учредителю Брянскаго рельсо-прокатнаго завода князю Тенишеву, директору сего завода Крахту и начальнику ремонтныхъ мастерскихъ въ гор. Рославль Ѳедорову—за оказанное ими содѣйствіе при осмотрѣ поименованныхъ завода и мастерскихъ учениками Александровскаго Орловскаго реальнаго училища.

Управляющему Московско-Рязанскою и Рязанско-Козловскою желѣзными дорогами, коллежскому ассессору Фришу, начальнику Коломенскаго и Зарайскаго депо Московско-Рязанской желѣзной дороги, баварскому подданному Сперберу, директору Коломенскаго машино-строительнаго завода Бой, главному инженеру сего завода Герстунгу, инженеру того же завода Линдштедту, управляющему цементнымъ и известковымъ заводомъ Липгарта и К^о, Роберту Липгарту, химику этого завода Адальберту Липгарту и Коломенскому 1-й гильдіи купцу Озерову—за содѣйствіе, оказанное ими при осмотрѣ учениками Зарайскаго реальнаго училища упомянутыхъ заводовъ.

(№ 11). 10-го августа 1880 года. Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій—въ званіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора сего университета, съ 1-го іюля 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ финансоваго права Алексѣенко—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ финансоваго права, съ 27-го марта 1880 года.

Исправляющіе должность директоромъ реальныхъ училищъ: Ско-

пинскаго, статскій совѣтникъ Львовъ и Зарайскаго, статскій совѣтникъ Васильковскій—въ настоящихъ должностяхъ.

Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, войсковой старшина войска Донскаго графъ Орловъ-Денисовъ и отставной штабсъ-ротмистръ Василій Ефремовъ—почетными попечителями прогимназій: первый—Нижнечирской и второй—Каменской, оба по май 1882 года.

Назначаются: преподаватель Калужской гимназіи, статскій совѣтникъ Кононовъ—исправляющимъ должность директора Калужскаго реального училища, съ 20-го іюля 1880 года.

Инспекторъ Касимовской прогимназій, статскій совѣтникъ Парковъ—исправляющимъ должность директора Егорьевской шестиклассной прогимназій, съ 1-го іюля 1880 года.

Окончившіе въ 1880 году курсъ наукъ студенты Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Александръ Кедринскій, Дмитрій Дубовъ, Францъ Ключе, Василій Новочадовъ, Дмитрій Талама, Тимофей Романовичъ, Егоръ Бережковъ, Ѳедоръ Орѣховскій, Михаилъ Правдинъ, Максимилианъ Куклинъ и Ѳедоръ Зеленецкій—учителями гимназій: Кедринскій—Елецкой, Дубовъ—Рязанской, Ключе—Ковенской, Новочадовъ и Талама—Виленской, Романовичъ—Слуцкой, по древнимъ языкамъ, Бережковъ—Нижегородской, Орѣховскій—Псковской, Правдинъ—Уфимской, по русскому языку, Куклинъ—Курской, по русскому и древнимъ языкамъ, и Зеленецкій—Уфимской, по латинскому языку; Владиміръ Покровскій, Аванасій Лопатенковъ, Александръ Вадбольскій, Петръ Дьяконовъ и Иванъ Свирѣлинъ—учителями прогимназій: Покровскій—Краснослободской, Лопатенковъ—Гомельской, по древнимъ языкамъ, Вадбольскій—Острогосжской, по русскому и древнимъ языкамъ, Дьяконовъ—Бобровской и Свирѣлинъ—Виленской, по русскому и латинскому языкамъ; всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ; изъ нихъ Дубовъ и Талама съ 1-го іюля, а прочіе 14 лицъ съ 4-го іюня 1880 года.

Окончившіе въ 1880 году курсъ наукъ студенты историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ: Николай Святскій, Алексѣй Никольскій, Викентій Шамраевъ, Николай Никольскій, Фердинандъ Шпигель и Яковъ Ивануха, съ 1-го іюля сего года, учителями гимназій: Святскій—Симферопольской, Алексѣй Никольскій—Таганрогской, Шармаевъ—Екатеринославской, по рус-

кому и латинскому языкамъ, Николай Никольскій—Екатеринбургской, по латинскому языку, Шпигель—Херсонской и Ивануха—Оренбургской, по древнимъ языкамъ; Ивапъ Троицкій, Николай Крестинскій, Иванъ Доброумовъ, Гавріилъ Скворцовъ и Павелъ Бенко—учителями прогимназій: Троицкій—Авкерманской, по латинскому языку, Крестинскій—Брестъ-Литовской, Доброумовъ—Елатомской, Скворцовъ—Корочанской и Бенко—Ташкентской, по древнимъ языкамъ; всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Опредѣляется: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной подполковникъ Александръ Путага—членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 6-го іюля 1880 года.

Перемѣщаются: директоры учительскихъ семинарій: Тотемской надворный совѣтникъ Исполатовъ и Череповской, статскій совѣтникъ Соболевъ—на таковыя же должности: Исполатовъ—въ Череповскую, а Соболевъ—въ Тотемскую учительскія семинаріи, оба съ 1-го августа 1880 года.

Опредѣляется на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Лялинъ, съ утвержденіемъ директоромъ Сувалеской мужской гимназіи, съ 1-го августа 1880 года.

Оставляются на службѣ: директоръ Тверской гимназіи, статскій совѣтникъ Фрезе—на одинъ годъ, съ 31-го іюля 1880 года.

Директоръ Кіевской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрияшевъ—на пять лѣтъ, съ 18-го іюля 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бутлеровъ—на пять лѣтъ, съ 10-го августа 1880 года.

Командируется съ ученою цѣлію: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Барсовъ и лаборантъ того же университета Слюсарскій, въ губерніи Царства Польскаго, первый—по 15-е и второй по 20-е августа 1880 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: инспектору Ченстоховской мужской прогимназіи Дахновичу—по 20-е августа 1880 года и учительницѣ Холмскаго Маринскаго женскаго училища Тарелкиной—по 15-е сентября 1880 года, обоимъ по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: докторъ Император-

скаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Тихонравовъ—на десять дней, въ С.-Петербургъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Бибииковъ—на два мѣсяца въ С.-Петербургскую, Псковскую и Владимірскую губерніи.

За границу: законоучитель римско-католическаго исповѣданія Варшавской 1-й мужской гимназіи, ксендзь Бржескій—на лѣтнее вакаціонное время 1880 года, по болѣзни.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока: директоръ Одесской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Циммерманъ, съ 13-го іюля 1880 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошенію: директоръ Сувалеской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Михайловскій, съ 1-го августа 1880 года, по болѣзни.

Директоръ Холмской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Годецкій, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Директоръ Калужскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Дейлидовичъ, съ 20-го іюля 1880 года.

(№ 12). 29-го августа 1880 года. Утверждаются: исправляющій должность инспектора, преподаватель Варшавской II мужской гимназіи, надворный совѣтникъ Мазюкевичъ—директоромъ Холмской мужской гимназіи.

Статскій совѣтникъ Виноградскій—директоромъ Вятскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля 1880 года.

Дѣйствительные статскіе совѣтники Алабинъ и Смирнитскій, коллежскій совѣтникъ Ѳедоровъ, губернский секретарь Кожевниковъ, дѣйствительный студентъ Аляевъ, коллежскій регистраторъ Арычкинъ и Самарскіе купцы 1-й гильдіи, Дунаевъ и Аннаевъ и 2-й гильдіи, Санинъ и Злобинъ—членами попечительства Самарскаго реальнаго училища, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейеръ, докторъ медицины Вагнеръ, инженеръ статскій совѣтникъ Папіерскій, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета Блокъ, пасторъ Одесскаго евангелическо-лютеранскаго прихода св. Павла, пробстъ Винеманъ, дѣйствительный студентъ Дерптскаго университета Гассельблатъ, германскіе подданные, купцы Лемме и Рюмслинъ, домовладѣлецъ Оттерштеттъ и Одесскій купецъ Рунге—

членами попечительства Одесскаго реального училища св. Павла на три года.

Преподаватель Вѣрненской мужской прогимназіи Городецкій—инспекторомъ народныхъ училищъ Семирѣченской области, Туркестанскаго края, съ 1-го іюля 1880 года.

Назначаются: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ Лейпцигскаго университета, коллежскій ассесоръ Висковатовъ—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета по кафедрѣ русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія, съ 13-го августа 1880 года.

Сверхштатный учитель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, надворный совѣтникъ Головачевскій—начальникомъ Кѣлецкой учебной дирекціи, съ 22-го августа 1880 года.

Опредѣляется на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: отставной хорунжій 1-го пѣшаго баталіона Забайкальскаго казачьяго войска Лезевицъ, съ 30-го мая 1880 года, съ откомандированіемъ для занятій въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: причисленный къ канцеляріи комитета министровъ, въ званіи камеръ-юнкера, титулярный совѣтникъ Булгаковъ, съ 8-го августа 1880 г.

Перемѣщается: начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Копыловъ—начальникомъ Радомской учебной дирекціи, съ 22-го августа 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Совѣтовъ, съ 15-го августа 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Менделѣевъ, съ 17-го августа 1880 года.

Директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ, съ 22-го августа 1880 года.

Директоръ Череповскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлинскій, съ 22-го августа 1880 года.

Продолжается срокъ отпуска: въ Россіи: директору Калужской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Бибикову—на двѣ недѣли, по болѣзни.

Инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіев-

скаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскому совѣтнику Сомчевскому—на двадцать пять дней въ гор. Одессу.

За границу: классной дамъ Варшавской IV женской гимназіи Гончаровой—на двадцать восемь дней, по болѣзни.

Учителю Смоленской гимназіи Мареку—по 1-е сентября 1880 г., по болѣзни.

Учителю Новозыбковскаго реального училища Зеберли—до 1-го сентября 1880 г.

Учителю Радомской мужской гимназіи Бадовскому—до 20-го сентября 1880 года, по болѣзни.

Учителю Пултуской прогимназіи Голивену—до 1-го октября 1880 года, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на восемнадцать дней: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ—въ города С.-Петербургъ и Москву.

Съ 25-го августа по 1-е сентября 1880 года: директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ Кедровъ—въ гор. Москву, Нѣжинъ и Кіевъ.

На двадцать восемь дней: правитель дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Савванитовъ—въ гор. Москву.

За границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Окольскій—на одинъ мѣсяць и десять дней, по болѣзни, и почетный попечитель Астраханскаго реального училища, коллежскій ассессоръ Хлѣбниковъ—на два мѣсяца.

Увольняются отъ службы, согласно прошенію: директоръ Кіевской 3-й гимназіи, статскій совѣтникъ Александровичъ, съ 15-го іюля 1880 года, начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебединцевъ, съ 22-го августа 1880 года, директоръ Одесскаго реального училища св. Павла, надворный совѣтникъ Шеттле, съ 22-го августа 1880 года и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Добрашевъ, съ 1-го августа 1880 г.; изъ нихъ Лебединцевъ и Добрашевъ—съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго

просвѣщенія: церковному старостѣ домової церкви Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, купцу Цвѣткову—за пожертвованіе въ пользу означенной церкви.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Броссе.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:—книгу: „Латинскій синтаксисъ“ И. В. Нетушила, преподавателя древнихъ языковъ въ Харьковской 3-й гимназіи и латинскаго языка въ Маріинской 1-й женской гимназіи. Харьковъ. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.—одобрить какъ учебное пособие при преподаваніи латинскаго синтаксиса.

— Книгу: „Начальная геометрія“. Составилъ Ф. Симашко. Руководство для военныхъ гимназій. Изданіе шестое, исправленное. Полтава. 1880 г. Цѣна 2 руб.—допустить въ число учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Руководство къ наглядной географіи, составленное Слюйсомъ, преподавателемъ Брюссельской образцовой школы и членомъ Бельгійскаго Географическаго Общества. Перевелъ со втораго французскаго изданія К. Турчаковский, преподаватель Ришельевской гимназіи. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 60 к.“,—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Catonis Apologia Socratis Crito (Апология Сократа и Критонъ)“ текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій Я. Кремеромъ, преподавателемъ древнихъ языковъ при 4-й Московской гимназіи. Изданіе 4-е. Москва 1880 г.—одобрить къ употребленію въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ видѣ учебнаго пособия по греческому языку.

— Составленную Ѡ. Пущыновичемъ книгу: „Практическая русская грамматика“. Учебное пособие для учениковъ народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. 340 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Изданіе 2-е, дополненное. С.-Петербургъ 1880 г.—одо-

брить, подобно первому ея изданію, какъ учебное пособіе для учащихся въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Трахиніянки Софокла“. Опытъ критики текста. В. Зубкова. Москва 1879 г.—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Докторъ Мейснеръ“. Латинская фразеологія для старшихъ классовъ гимназій, переведенная съ нѣмецкаго К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ, преподавателями древнихъ языковъ въ Московской 2-й гимназій. Москва. 1880 г. Цѣна 80 к.—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Homeri Odyssea. Pars I. Odysseae. c. I—XII. Petropoli. 1880 г. Цѣна 35 к.“—одобрить какъ учебное пособіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ химіи“. Составилъ С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ С.-Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.—одобрить въ видѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. I ч. Цѣлыя числа. Сост. В. А. Евтушевскій. 14 изд. С.-Пб. 1880 г.“ — одобрить въ видѣ учебнаго пособія для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ 3 частяхъ (курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Сост. А. Радонежскій. Изд. 7-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 к.“ — одобрить для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи въ приготовительномъ и первыхъ четырехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, по-

становлено:—книгу: „Солнышко“. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Составилъ А. Радонежскій. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 60 к.,—одобрить для класснаго и виѣ-класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ и для библіотекъ сихъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составленное П. Перевлѣскимъ. Изд. 6-е. С.-Пб. 1880 г.,—допустить въ библіотеки начальныхъ училищъ.

— Составленную преподавателемъ Московскаго учительскаго института, М. Варавкою, книгу: Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Зоологія.—одобрить для ученическихъ библіотекъ городскихъ и начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

— Изданную бывшимъ учителемъ Гродненскаго казеннаго еврейскаго училища 1 разряда Манусомъ Бендетсономъ книгу, подъ заглавіемъ: „Алуфъ Неуримъ. Наставникъ юношества. Вильна. 1879 г.,—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ еврейскихъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Съ театра войны 1877—1878 г. Два похода за Балканы. Кн. Л. В. Шаховскаго. Москва. 1877 г. Цѣна 2 руб.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: „Obrzędy Rzymsko-katolickiego Kościoła objaśnione Historyczno-dogmatycznie przez Księdza J. W. V. Naucz. Rel. przy Gim. Radomskiej Pr. P. Radomskiej K. K. S. Część I 1888 г.“—одобрить какъ пособіе при преподаваніи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія ученикамъ римско-католическаго исповѣданія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Басни Эзопа. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. Цѣна 80 к.“,—допустить въ ученическія библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Брошюры: 1) Разказы изъ отечественной исторіи. О смутномъ времени на Руси. П. Рогова. Изд. 3-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 10 к.,—рекомендовать въ ученическія библіотеки среднихъ (для низшихъ классовъ) и низшихъ училищъ. 2) Разказы изъ отечественной исторіи. Татарскій погромъ и святой благовѣрный великій князь Александръ Невскій. П. Рогова. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 15 к.,—рекомендовать для библіотекъ низшихъ училищъ и для публичныхъ на-

родныхъ чтеній. 3) О семьѣ. Чтеніе для народа. Мужьямъ о женахъ. Чтеніе первое. Свящ. В. Пѣвцова, произнесенное въ аудиторіи Солянаго городка. Изд. 2-е. С.-Пб. Цѣна 10 к., — одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. 4) Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Н. Б. Медера. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 10 к., — одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній. 5) О теплѣ и воздухѣ. Н. П. Животовскаго. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 10 к., — одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній. 6) О грозѣ. Н. Животовскаго. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 10 к., — одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній. 7) Отчего происходятъ дождь и снѣгъ. Н. П. Животовскаго. Изд. 2-е. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 10 к., — одобрить для начальныхъ училищъ и народныхъ публичныхъ чтеній. 8) Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа И. И. Шалфеева. Съ рисунками. Изд. 3-е. С.-Пб. Цѣна 20 к., — допустить для библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. 9) Зимой черезъ Балканы. I) Въ обходъ Шипки въ декабрѣ 1877 г. Разказъ для народа и войскъ. Д. Л. Иванова. Чтеніе Солянаго городка. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 15 к., — допустить для библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. II) Послѣдній бой подъ Шипкой 28-го декабря 1877 г. Разказъ для народа и войскъ. Д. Л. Иванова. Чтеніе Солянаго городка. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 15 коп., — допустить для библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. 11) О томъ, какого вида земля и какъ она велика. Чтеніе для народа. Н. Б. Медера. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 10 к., — допустить какъ для публичныхъ чтеній и библіотекъ, такъ и для употребленія въ учительскихъ семинаріяхъ и въ народныхъ школахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища министра, въ 16-й день текущаго сентября, Высочайше соизволилъ на постановку въ Ново-Спасскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, Фатежскаго уѣзда, Курской губерніи, портрета супруги мѣстнаго землевладѣльца, дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Н. Бурнашевой, во вниманіе къ участи ссхп, отд. 1.

стію ея въ устройствѣ этого училища и поддержанію онаго въ надлежащемъ видѣ.

— Вслѣдствіе представленій начальства Варшавскаго учебнаго округа отъ 4-го іюля и 14-го августа сего года за №№ 7762 и 8707, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложеніями отъ 7-го сего сентября за №№ 10314 и 10315 утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущіеся въ формально опубликованныхъ домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ: доктора Іосифа Катаржинскаго отъ 10-го марта 1879 года и Людовика Гиршфельда отъ 26-го іюля 1879 г. отказы: 1,000 р. въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и 2,400 р. въ пользу стипендіальнаго фонда для несостоятельнаго ученика и студента.

— По донесенію управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ 18-го минувшаго августа послѣдовало открытіе однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ Палтогскомъ приходѣ, Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы комиссіонеру департамента народнаго просвѣщенія, книгопродавцу Глазунову въ С.-Петербургѣ, для продажи, печатные экземпляры списка лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на 1880—81 учебный годъ.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО, КАКЪ ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ.

(Историко-философскій очеркъ).

До сихъ поръ славянофильство трактовалось въ нашей литературѣ, почти исключительно какъ историко-публицистическая школа: хвалили или порицали взгляды славянофиловъ на исторію, политику, искусство и проч., но мало затрогивали принципиальную сторону этихъ взглядовъ; оспаривали и критиковали выводы, но почти вовсе не касались идей, лежащихъ въ ихъ основѣ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что взгляды ихъ на различныя научныя и жизненныя явленія происходили изъ одного строго-опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія. Поэтому, для правильной оцѣнки этихъ взглядовъ, предварительно надлежало бы по достоинству оцѣнить ихъ философско-теоретическія основанія ¹⁾. Но это условіе, — *sine qua* поп всякаго изслѣдованія, всякой серьезной критики, — по видимому, менѣе всего соблюдалось нашими изслѣдователями и критиками славянофильства. Можетъ быть, въ этомъ и заключается главная причина пестроты и часто превратности сужденій о славянофильствѣ въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ.

¹⁾ Сколько мы знаемъ, вопросъ о славянофильствѣ, какъ философской доктринѣ, впервые серьезно былъ затронутъ въ рѣчи проф. М. Н. Каринскаго, произнесенной (въ прошломъ году) въ торжественномъ засѣданіи С.-Петерб. отдѣла славянск. благотворит. Комитета, посвященномъ памяти Ю. Ф. Самарина, но затронуть лишь настолько, насколько это уместно въ ораторскомъ произведеніи. Этой же стороны славянофильства отчасти касается и г. Малышевскій въ статьѣ «О двухъ путяхъ познанія», помѣщенной въ одной изъ книжекъ *Трудовъ Киевск. Дух. Академіи*.

Къ сожалѣнію, существуетъ одно весьма важно обстоятельство, затрудняющее знакомство съ теоретическою стороною славянофильства. Никто изъ представителей его не оставилъ полнаго систематическаго свода философско-теоретическихъ воззрѣній своей школы. Большинство ихъ были только или добросовѣстными изслѣдователями исторической и бытовой жизни русскаго народа, или талантливыми литераторами—публицистами, и почти вовсе не высказывали своихъ философскихъ убѣжденій. Правда, корифеи славянофильской школы — Хомяковъ и И. В. Кирѣевскій—были болѣе другихъ своихъ собратій по убѣжденіямъ мыслителями-теоретиками, но и они не успѣли вполне научно развить и систематизировать своихъ философско-теоретическихъ воззрѣній. Философскія мысли, служившія исходною точкою взглядовъ ихъ на исторію, искусство, религію и проч.,—мысли часто полныя глубины и оригинальности,—разбросаны по отдѣльнымъ статьямъ, писаннымъ въ разное время и по различнымъ поводамъ. Не всѣ философскія положенія ихъ развиты съ надлежащею полнотою: многое только намѣчено; о другомъ можно лишь догадываться, или доходить чрезъ рядъ умозаключеній... Тѣмъ не менѣе это обстоятельство еще не устраняетъ возможности сообщить философскимъ взглядамъ нашихъ мыслителей по крайней мѣрѣ относительное единство и стройность. Задача эта значительно облегчается тѣмъ, что мыслители славянофильской школы въ высшей степени солидарны между собою по убѣжденіямъ и съ удобствомъ могутъ дополнять и пояснять другъ друга.

Настоящій очеркъ составляетъ попытку свести въ одно систематическое цѣлое и передать въ возможно-сжатой и общедоступной формѣ философскія воззрѣнія славянофиловъ,—развить и пояснить то, что окажется въ нихъ недостаточно развитымъ или не вполне яснымъ.

Для читателя православно-вѣрующаго взгляды славянофильской школы имѣютъ особый интересъ: философія ея можетъ быть названа въ строгомъ смыслѣ православно-христіанскою философіею. По мнѣнію славянофиловъ, основою истинной философіи должна служить религиозная вѣра,—и вѣра именно въ той положительной формѣ ея, въ какой она выразилась въ древне-восточномъ православіи. Задача философіи—примѣнить богооткровенныя истины религіи къ разнообразнымъ сферамъ человѣческой жизни, или правильнѣе,—самую жизнь и дѣятельность человѣка поднять до высоты божественной истины, согласовать ихъ съ нею. Правда, славянофильство еще не успѣло научно рѣшить эту великую проблему, но уже самая постановка ея, являющаяся ре-

зультатомъ долгой строго-логической работы серьезнаго философскаго ума, должна, по нашему мнѣнію, заслуживать всякаго вниманія и уваженія.

I.

Появленіе и характеръ всякаго міровоззрѣнія существенно обуславливается сколько индивидуальными особенностями личностей, выработавшихъ его, столько же и вѣщными историческими условіями, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась умственная фізіономія и самихъ творцовъ его. Указаніе этихъ условій служитъ лучшимъ комментариемъ при изложеніи того или другаго міровоззрѣнія. Руководствуясь этимъ простымъ соображеніемъ, и мы, прежде чѣмъ приступить къ изложенію философскаго ученія славянофиловъ, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію его происхожденія.

Въ русскомъ народѣ, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, издавна воспиталось предубѣжденіе противъ западной Европы и всего европейскаго, какъ иновѣрнаго, еретическаго. Реформы Петра Великаго, при введеніи которыхъ, во имя европейской гражданственности, не были пощажены исконныя начала древне-русскаго соціально-политическаго строя, усилили въ русскомъ народѣ эту реакцію, которая не замедлила выразиться особымъ направленіемъ и въ нашей послѣпетровской литературѣ. Отличительною чертою этого направленія была излишняя, доходившая до мелочей привязанность ко всему національному и крайняя нетерпимость къ иноземному; самымъ выдающимся представителемъ его въ нашей литературѣ можно считать Шишкова. Славянофильство часто смѣшиваютъ съ этимъ реакціоннымъ направленіемъ въ русскомъ обществѣ. На самомъ же дѣлѣ оно, особенно съ философской своей стороны, было не реакціею вліянію западно-европейской цивилизаціи, а прямымъ, логическимъ развитіемъ выработанныхъ ею идей.

Появленіе славянофильства совпадетъ со второю четвертью настоящаго столѣтія—временемъ, непосредственно слѣдовавшимъ за эпохою борьбы съ Наполеономъ. Борьба эта сильно содѣйствовала пробужденію національнаго самознанія у участниковъ ея—европейскихъ народовъ; въ этомъ же смыслѣ она отразилась и на нашемъ обществѣ означенной эпохи. Катастрофа отечественной войны 1812 года, вызвавшая наружу могучія силы народа, пробудила въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ стремленіе глубже заглянуть въ тайники исторической и

бытовой жизни народа, тщательнѣе изслѣдовать тѣ начала, на которыхъ зиждется его вѣковое національно-политическое единство, и которыя дали ему силу съ торжествомъ выйдти изъ борьбы почти со всѣмъ цивилизованнымъ Западомъ,—научно уяснить, и, если возможно, еще болѣе развить эти могущественные стимулы народной жизни. Съ другой стороны эта борьба, обнаживъ многія темныя стороны западно-европейской жизни, произвела въ нашей интеллигенціи значительное разочарованіе въ цивилизаціи Запада, предъ которою она до сихъ поръ рабски преклонялась и заставила ее отнестись къ ней критически. Но люди, взявшіе на себя ту и другую задачу, были истинными дѣтьми своего времени, воспитавшимися на началахъ западной науки и жизни. Понятно, что весь процессъ мышленія нашихъ изслѣдователей и критиковъ въ силу необходимости долженъ былъ совершаться по тому же западно-европейскому шаблону; имъ и не было особенной нужды отрѣшиться отъ столько знакомаго и дорогаго для нихъ европеизма, потому что господствовавшее въ то время направленіе умственной жизни Европы и особенно Германіи, стоявшей тогда во главѣ умственнаго движенія, какъ нельзя болѣе гармонировало съ національно—патріотическимъ настроеніемъ, степенью и уровнемъ интеллектуальнаго развитія нашего общества. Господствовавшимъ направленіемъ умственной жизни Европы въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за эпохою наполеоновскихъ войнъ, были романтизмъ—въ области искусства и литературы, и система Шеллинга—въ области философіи. То и другое, явившись реакціею французскому революціонно-космополитическому рационализму, выдвигало впередъ принципъ національности и своею идеальною, поэтическою стороною привлекало вниманіе общества, еще не привыкшаго къ отвлеченно-разсудочному анализу,—каково и было наше общество въ данный періодъ. Не беремъ опредѣлять той роли, какую игралъ въ образованіи философскаго міровоззрѣнія славянофиловъ романтизмъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что философія Шеллинга имѣла на него прямое и весьма сильное вліяніе.

Философія Шеллинга въ этотъ періодъ не замедлила распространиться въ интеллигентной части и нашего общества. Образовались кружки ея поклонниковъ, поставившіе своей задачей переработывать философскія идеи Шеллинга, сообразно потребностямъ тогдашняго русскаго общества и примѣнять ихъ къ вопросамъ науки и литературы. По теоріи Шеллинга, каждый народъ, чтобы имѣть право на историческое значеніе, необходимо долженъ былъ выполнить какую-

нибудь самостоятельную миссію во всемірно-исторической жизни чело-вѣчества, осуществить въ своей національно-исторической жизни какую-нибудь идею безусловнаго, и, внесши свой вкладъ въ сокровищ-ницу общечеловѣческой цивилизаціи, сойдти со всемірно-историче-скаго поприща; въ противномъ случаѣ, онъ теряетъ всякое право на историческое значеніе и осуждается на постоянное духовное рабство у другихъ народовъ. У послѣдователей этой теоріи естественно рож-дался вопросъ: какую всемірно-историческую роль долженъ играть русскій народъ? Принадлежитъ ли онъ къ числу историческихъ на-родовъ, или вѣчно осужденъ слѣдовать за другими народами, и, не выработавъ въ своей жизни ничего самостоятельнаго, такъ и сойдти съ историческаго поприща? Что русскій народъ есть народъ истори-ческій, призванный служить новою ступенью въ общечеловѣческой цивилизаціи и внести въ нее свой обильный вкладъ,—въ этомъ со-гласны были всѣ; но относительно путей, по которымъ долженъ былъ идти онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все единоплеменное ему славянство, въ выполненіи своей всемірно-исторической роли,—возникало разно-гласіе. Одни утверждали, что Россія прежде всего должна воспри-нять цивилизацію Запада со всѣми ея наиболѣе совершенными куль-турными формами, и потомъ уже думать о выполненіи своей всемірно-исторической миссіи; другіе—наоборотъ—думали, что переносить на народную почву чуждую русскому народу западно-европейскую цивилизацію—значитъ обезличивать свою народность, подводить ее къ уровню неисторическихъ народовъ; этого и не нужно: потому что русская народность сама въ себѣ заключаетъ начала, необходимыя для самостоятельнаго развитія; даже болѣе,—это вредно: потому что самыя основы, на которыхъ зиждется западно-европейская жизнь, не отличаются прочностію, страдаютъ крайнею односторонностію, и что, потому, построенное на нихъ зданіе цивилизаціи находится недалеко отъ разложенія и требуетъ фундаментальнаго переустройства. По-этому, отстранившись отъ рабскаго подражанія Западу, нужно обра-тить вниманіе на развитіе началъ и особенностей собственной народ-ной жизни, результатомъ котораю будетъ своя цивилизація. Сто-ронники перваго мнѣнія, стоявшіе за безусловное усвоеніе западно-европейской цивилизаціи, получили названіе „западниковъ“, а сторон-ники втораго,—ратовавшіе за народныя основы въ цивилизаціи, стали извѣстны подъ именемъ „славянофиловъ“. Замѣтимъ, что къ сторон-никамъ послѣдняго воззрѣнія принадлежали самыя горячіе привер-женцы Шеллинга, даже непосредственные его слушатели,—каковъ,

напримѣръ, былъ И. В. Кирѣевскій. Хомяковъ тоже считалъ философію Шеллинга изъ всѣхъ новѣйшихъ философскихъ системъ наиболѣе близкою къ идеалу истинной философіи.

Но не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать вліяніе философіи Шеллинга на воззрѣнія нашихъ мыслителей. Она имѣла для нихъ не болѣе какъ только философско-педагогическое значеніе. Выдвигая принципъ національности въ области науки и жизни, шеллингизмъ мало того, что самъ себя считалъ національною, исключительно вѣмецкою философіею,—онъ устанавливалъ принципъ самостоятельнаго философствованія и для другихъ народностей. Инонаціональные послѣдователи Шеллинга, чтобы остаться вѣрными теоріи своего учителя, непременно должны были явиться самостоятельными мыслителями, должны были въ своихъ философскихъ умозрѣніяхъ развивать тѣ идеи, носительницею которыхъ призвана быть ихъ собственная національность. Эта задача выпала и на долю нашихъ русскихъ шеллингистовъ.

Въ исторіи движенія философской мысли можно различать двоякаго рода дѣятелей. Одни бывають только продолжателями дѣла, начатаго ихъ предшественниками въ области философскаго мышленія: они не создаютъ новой философской системы, а только восполняютъ пробѣлы въ существующей, развивають и уясняютъ неразвитое и неуясненное, исправляютъ непоследовательности, оставляя неприкосновеннымъ основной принципъ. Другіе — наоборотъ — являются въ полномъ смыслѣ философи-новаторами: они сосредоточивають свое вниманіе уже не на подробностяхъ господствующей философіи, а подвергаютъ анализу основной принципъ ея, и если имъ удастся доказать его несостоятельность, то, вмѣсто его, они выдвигаютъ новый философскій принципъ и на развалинахъ прежней философіи строятъ новую философскую систему. Славянофилы, въ силу исторической необходимости, должны были принадлежать къ этому послѣднему типу. Русская интеллигенція еще не доросла до выработки самостоятельнаго философскаго міровоззрѣнія; до сихъ поръ она и въ этой области, какъ и въ другихъ пробивалась продуктами западно-европейской культуры. Сначала она довольствовалась обрывками моднаго французскаго рационализма, бывшаго извѣстнымъ у насъ подъ общимъ названіемъ вольтеріанства; потомъ въ средѣ ея начали появляться поклонники германскаго идеализма. Между тѣмъ и другимъ направленіемъ философской мысли, привившимися и у насъ, не смотря на ихъ кажущуюся

противоположность, не существовало принципиальнаго различія: оба эти направленія были не болѣе какъ только двухстороннимъ философскихъ развитіемъ одного общаго начала, лежащаго въ основѣ западно-европейской цивилизаціи. Такимъ образомъ, задача славянофильства, какъ философскаго ученія, обрисовывалась сама собою: оно задалось цѣлью, съ одной стороны—выяснить несостоятельность принципа, лежащаго въ основѣ западной философіи, а съ другой—доказать превосходство начала, положеннаго въ основу древне-русской жизни, и на основаніи этого начала—создать такое новое философское ученіе, которое, замѣнивъ собою западную философію, составило бы новую высшую степень въ поступательномъ движеніи философской мысли и послужило бы началомъ новой, болѣе совершенной эры въ общечеловѣческой цивилизаціи. И дѣйствительно, мыслители славянофильской школы, если и не систематически, то во всякомъ случаѣ весьма пастойчиво преслѣдуютъ въ своихъ сочиненіяхъ обѣ эти цѣли. Въ слѣдующихъ главахъ нашего очерка мы постараемся послѣдовательно обобрѣть ту и другую сторону философскаго ученія славянофиловъ.

Духовная жизнь цѣлыхъ народовъ и поколѣній, какъ и жизнь отдѣльныхъ личностей, слагается подъ вліяніемъ многихъ, до безконечности разнообразныхъ условій, изъ которыхъ каждое оказываетъ свою долю вліянія на ходъ и характеръ ея развитія. Но если станемъ всматриваться внимательнѣе, то между этими условіями всегда найдется такой факторъ, которому подчинены всѣ другіе, и который, не смотря на всю многообразную смѣну всѣхъ другихъ подчиненныхъ ему условій, остается неизмѣннымъ и сообщаетъ явленіямъ духовной жизни извѣстную характерную окраску; отъ совершенства или недостаточности этого преобладающаго фактора главнымъ образомъ зависитъ совершенство или односторонность духовнаго развитія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Такое господствующее начало духовной жизни наши мыслители видятъ въ религіозной вѣрѣ, и именно въ той положительной формѣ ея, какую она принимаетъ у того или другаго народа. Она сообщаетъ то или другое направленіе, тотъ или другой характеръ и философскому мышленію. „Характеръ господствующей философіи зависитъ отъ характера господствующей вѣры. Гдѣ она и не происходитъ отъ нея непосредственно, гдѣ даже является ея противорѣчіемъ, философія все-таки рождается изъ того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особымъ харак-

теромъ вѣры“... „Ибо тотъ же смыслъ, которымъ человекъ понималъ божественное, служить ему къ уразумѣнію истины вообще“¹⁾.

Обыкновенно думаютъ, что новая западная философія обязана своимъ происхожденіемъ протестантству; но это справедливо только отчасти. Правда, протестантство, отвергнувъ духовный деспотизмъ римской церкви вмѣстѣ съ мертвящимъ формализмомъ схоластики и провозгласивъ свободу изслѣдованія, открыло ему широкое поле для дѣятельности и въ этомъ же смыслѣ повліяло на развитіе философскаго мышленія у народовъ, исповѣдующихъ его, но оно было лишь ближайшею въ ряду другихъ причинъ новой философіи, а не первоисточникомъ ея, потому что и само протестантство есть не что иное, какъ прямой логическій выводъ изъ римскаго католичества. Въ свою очередь, католичество, особенно въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ оно явилось по раздѣленіи церквей, носитъ на себѣ явные слѣды вліянія древне-римскаго политическаго устройства — со стороны церковно-практической, и древне-греческой философіи — со стороны теоретическаго вѣроученія; греческая же философія находится въ тѣсной причинной связи съ греческою религіею. И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что источникъ начала новой западной философіи кроется въ образованности древне-классическаго міра; а если такъ, то между ними, какъ между причиною и слѣдствіемъ, необходимо должны существовать общія черты сходства, даже въ тѣхъ моментахъ ихъ развитія, когда онѣ, повидямому, менѣе всего должны были бы походить другъ на друга. Какія же это черты, которыя, перешедши на почву западно-европейской жизни, сообщили ей своеобразный характеръ? Какая между этими чертами главная, которая прежде служила главнымъ движущимъ началомъ интеллектуальнаго развитія древне-классическаго міра, а теперь даетъ направление западно-европейской цивилизаціи?

Кирѣевскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ господствующее направленіе умственнаго развитія древне-классическаго міра: „Классическій міръ, недоставшійся въ наслѣдіе Россіи, въ сущности своей представляетъ торжество формальнаго разума человека надъ всѣмъ, что внутри и внѣ его находится,—чистаго, голаго разума, на себѣ самомъ основаннаго, выше себя и внѣ себя ничего не признающаго и являющагося въ двухъ свойственныхъ ему видахъ,—въ видѣ формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности“²⁾.

¹⁾ Кирѣевскій, ч. 2, стр. 284; Хомяковъ, т. I, стр. 78,

²⁾ Кирѣевскій, ч. 1, стр. 188.

Опредѣливъ такимъ образомъ главный и основной принципъ образованности древне-классическаго міра, легшій впоследствии въ основу и новой западно-европейской цивилизаціи, наши мыслители остроумно подмѣтили ходъ постепеннаго, прогрессивнаго развитія его, отъ перваго момента его возникновенія на почвѣ древней греко-римской жизни до апогея его развитія въ новой германской философіи, и съ свойственною имъ мѣткостью не упускаютъ случая отъ времени до времени показывать слѣды его вліянія на умственную, нравственную и религиозную жизнь человѣчества въ различныя ея эпохи. Естественно рождается вопросъ: какимъ образомъ и почему въ классическомъ мірѣ получилъ преобладающее вліяніе не другой какой-нибудь факторъ, а именно отвлеченно-формальный раціонализмъ? По мнѣнію нашихъ мыслителей, на почвѣ древне-греческой жизни раціонализмъ прямо развился изъ внутренняго разногласія греческихъ религиозныхъ вѣрованій; преобладаніе же его на почвѣ римской жизни обуславливалось не одною только религіею, но вмѣстѣ національнымъ характеромъ Римлянина и всѣмъ строемъ древне-римской жизни.

Первоначальное возникновеніе чистаго раціонализма въ древней Греціи совпадаетъ съ моментомъ возникновенія древне-греческой философіи; а эта послѣдняя непосредственно примыкаетъ къ древне-греческой миеологіи. Не смотря на то, что греческая философія весьма долгое время шла рука объ руку съ религиозными вѣрованіями, даже являлась ихъ защитницею, — она все-таки не была ихъ прямымъ, логическимъ развитіемъ, а возникла изъ ихъ внутренняго разногласія. Первоначальная цѣль ея была оправдать эти вѣрованія и примирить существующія между ними противорѣчія посредствомъ логической работы ума. Поэтому не удивительно, что она, уже на первыхъ порахъ своего развитія, имѣла характеръ отвлеченно-силлогистическій. Древній Эллинъ боготворилъ идею безусловнаго совершенства (красоты), но представлялъ ее не иначе, какъ въ конечныхъ формахъ человѣческой природы: тотъ субъектъ, которому принадлежитъ это совершенство, который воплощаетъ его, былъ не кто другой, какъ идеализованный человѣкъ, но все же человѣкъ со всѣми свойствами своей ограниченной природы. Сливая въ своемъ религиозномъ представленіи безконечное съ конечнымъ и примиряя то, что, по самой своей сущности, было непримиримо, онъ естественно впадалъ въ противорѣчіе, которое не могло долго укрываться отъ пытливаго греческаго ума, не могло не возбудить въ немъ стремленія изгладить и примирить его; результатомъ этого стремленія явился цѣлый рядъ философскихъ ученій и

системъ. Такимъ образомъ, философія взяла подъ свою опеку религиозную вѣру и поставила ее въ зависимость отъ себя. Правда, отвлеченная разумность и живая, пестрая осязательность противорѣчащихъ учений вѣры, противопологаясь другъ другу, могли еще долго мириться внутри эллинскаго сознанія въ созерцаніи изящнаго, и можетъ быть еще въ скрытомъ значеніи мистерій. Греческое искусство, занявъ посредствующее положеніе между чувственностію, мифологіею и отвлеченною разумностію философіи, примиряя въ себѣ ту и другую, сдѣлалось пружиною и средоточіемъ умственной жизни Грека. Но и съ греческимъ искусствомъ не замедлилъ повториться тотъ же самый процессъ разложенія и упадка, какому подвергалась и мифологія. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же факторъ—внутреннее противорѣчіе, выразившееся въ стремленіи согласить несогласимое: мифологическую вѣру и отвлеченную разсудочность. И вотъ философія, выросшая первоначально изъ религиозныхъ вѣрованій и потомъ постепенно подкопавшая ихъ, наконецъ сломила послѣднюю живую пружину греческой жизни—искусство. Бывъ сначала выраженіемъ, она въ дальнѣйшемъ развитіи явилась противорѣчіемъ какъ мифологіи, такъ и искусству, и хотя еще носила наружные признаки ихъ вліянія, но получила отдѣльную самобытность. Эта-то философія и сдѣлалась въ послѣдствіи достояніемъ западно-европейскаго міра.

Но отъ момента возникновенія и до эпохи полной зрѣлости, греческая философія пережила нѣсколько вѣковъ и въ своемъ постепенномъ ростѣ перешла множество разнообразныхъ ступеней—отъ туманнаго мистицизма до сухаго, безчувственнаго скептицизма, отъ аскетическихъ подвиговъ добродѣтельныхъ стоиковъ до чувственной распушенности эпикурейцевъ. Однако, это были крайности и, какъ крайности,—явленія исключительныя; общее же состояніе просвѣщенія подчинялось тому, что было общимъ во всемъ крайностямъ и составляло средину между ними. Самымъ полнымъ и законченнымъ выраженіемъ этого средняго направленія была система Аристотеля, имѣвшая преобладающее значеніе надъ всеми односторонностями уклонившагося мышленія и въ послѣдствіи простершая свое вліяніе почти на все интеллигентное человѣчество. Поэтому, указать отличительныя особенности этой системы, опредѣлить ея умственное и нравственное вліяніе на человѣка важно не только для пониманія исторіи прошедшаго, но и для уразумѣнія характера настоящаго, умственного просвѣщенія вообще и философскаго мышленія въ особенности. „Система Аристотеля, говоритъ Кирѣвскій, разорвала цѣльность

умственного самосознанія и перенесла корень внутреннихъ убѣжденій въ нравственного и эстетическаго смысла въ отвлеченное сознание разсуждающаго разума. Орудія, которыми она познавала истину, ограничивались логическою дѣятельностью ума и безучастною наблюдательностью внѣшняго міра. Наружное бытіе и выразимая словесная сторона мысли составляли ея единственныя данныя, изъ которыхъ она извлекала то, что можетъ извлечься логическимъ сцѣпленіемъ понятій, — и, надобно сознаться, извлекла изъ нихъ все, что этимъ путемъ могло быть извлечено въ это время¹⁾. Понятно послѣ этого, какое вліяніе имѣла эта философія на умственное и нравственное состояніе общества. Взглядъ Аристотеля на существующій міръ можно выразить въ немногихъ словахъ: все, что дѣйствительно, то разумно; а потому дѣйствительность въ глазахъ его была воплощеніемъ высшей разумности; дѣйствительнымъ же онъ считалъ только то, существованіе чего оправдывалось логическою дѣятельностію ума и въ чемъ удостовѣряютъ чувственное наблюденіе и опытъ. Поэтому, для него все, что существуетъ, и въ томъ видѣ, какъ существуетъ, — есть высшій предѣлъ разумности и совершенства. Всѣ уклоненія, безпорядки и несовершенства въ мірѣ физическомъ и нравственномъ на самомъ дѣлѣ только кажущіеся, не дѣйствительныя, и столько же необходимы въ общемъ ходѣ міровой жизни, какъ и замѣчаемая въ немъ совершенства; міръ—таковъ, какимъ долженъ быть; онъ никогда не былъ лучше и не будетъ, потому что онъ вѣченъ и неизмѣненъ въ цѣломъ, хотя и постоянно измѣняется въ частяхъ, не нарушая, однако, своего единства и порядка. Высшее благо и цѣль жизни Аристотель видѣлъ въ мышленіи, разумѣющемъ міровое единство сквозь разнообразіе частныхъ явленій, при внѣшнемъ довольствѣ и спокойствіи жизни. Добродѣтель, по его мнѣнію, заключается въ отысканіи золотой середины между двумя крайностями; для своего существованія она не нуждается въ высшей сферѣ бытія, не требуетъ высшихъ нравственныхъ побужденій. Она обусловливается, съ одной стороны—логическимъ выводомъ разума, стремящагося согласовать съ своими выводами дѣятельность воли, а съ другой—привычкою, слагающеюся подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Таковъ былъ характеръ отвлеченнаго раціонализма, выросшаго на почвѣ греческой міеологіи, и таково было его вліяніе на умственное и нравственное состояніе общества. Но исключительному преоблада-

¹⁾ Куртескій, ч. 2, стр. 296.

нію его въ древне-греческой жизни долго сопротивлялась цѣльность духовной природы Эллина, поддерживаемая богатствомъ его мифологіи, историческихъ преданій и врожденною любовью его къ прекрасному, такъ что отвлеченно-разсудочной философіи стоило долгихъ, часто напрасныхъ усилій, чтобы нарушить эту гармонію и пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ области его духовной жизни. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ стоялъ отвлеченный рационализмъ на римской почвѣ. Здѣсь онъ нашелъ себѣ надежнаго союзника во всемъ строѣ частнаго и общественнаго быта, обусловливаемомъ національнымъ характеромъ римскаго народа. Отличительная особенность національнаго характера древняго Римлянина состояла въ томъ особенномъ складѣ ума, въ силу котораго наружная, формально-отвлеченная разсудочность брала въ немъ перевѣсъ надъ пониманіемъ внутренней сущности вещей. Такое свойство національнаго характера естественно должно было отразиться на всѣхъ отрасляхъ частной и общественной жизни Римлянина и, прежде всего, на религіи. Религія древняго Рима—не что иное, какъ смѣсь разнообразныхъ до противорѣчія другъ другу вѣрованій всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Римскій пантеонъ, этотъ видимый символъ религіознаго міросозерцанія Римлянина, былъ собраніемъ разнородныхъ божествъ почти всего извѣстнаго тогда языческаго міра, наружно совмѣщенныхъ, но противорѣчащихъ внутренне, въ то же время логически соглашенныхъ въ одно символическое поклоненіе,—гдѣ, подъ покровомъ философской связи, скрывалось внутреннее отсутствіе всякой вѣры—въ истинномъ значеніи этого слова. Но представлять народъ безъ религіи, тѣмъ болѣе такой народъ, у котораго внѣшній религіозный культъ доведенъ былъ до высшей степени развитія и стройности, противорѣчило бы историческому опыту. Что же боготворилъ древній Римлянинъ? Вѣдь не даромъ же существовалъ у него величественный пантеонъ, не даромъ были собраны въ немъ почти всѣ божества тогдашняго міра?... Не всей коллекціи идоловъ поклонялся Римлянинъ, не то или другое божество боготворилъ онъ въ частности; онъ поклонялся тому, что собрало эти божества воедино, что самыя поклоняющіеся имъ народы слотило въ одно цѣлое, втиснуло въ одну политическую рамку, и потомъ освящало, сохраняло и поддерживало это единство; а это была власть вѣчнаго Рима, вся область римскаго права. Идею этого права, добытую, какъ нельзя не видѣть, посредствомъ логическаго вывода, и ставилъ онъ выше всего, воздавалъ ей божеское поклоненіе. „Римлянинъ, скажемъ словами Хомякова, поклонялся идеѣ правды, не той внутренней правды,

которая бьетъ живымъ ключемъ, освящая и возвышая ее, а правды вѣшней, которая довольствуется освященіемъ и охраненіемъ условныхъ и случайныхъ отношеній между людьми^а. Тотъ же характеръ отвлеченно-формальной разсудочности отразился и на государственномъ устройствѣ Рима, а затѣмъ и всего западно-европейскаго міра, возникшаго на его развалинахъ. Люди соединились въ гражданское общество, образовали государство не въ силу какихъ нибудь непосредственныхъ безкорыстныхъ побужденій, высшихъ духовныхъ интересовъ, а сдвинуты были въ общественныя и политическія группы или насиліемъ, или своекорыстными цѣлями. Само собою разумѣется, что и взаимныя отношенія между членами общества и государства основывались не на внутреннихъ свободныхъ началахъ: о взаимной безкорыстной любви и уваженіи къ человѣческой личности здѣсь не могло быть и рѣчи; но все зданіе общественной и политической жизни созидалось и поддерживалось исключительно на вѣшнихъ, формальныхъ условіяхъ, заключенныхъ между людьми, вступившими въ сдѣлку, или же насильно навязанныхъ сильнымъ слабому, побѣдителемъ побѣжденному. Поэтому, и законы, опредѣляющіе эти отношенія, нравы и обычаи, служащіе ихъ выраженіемъ, носили на себѣ печать отвлеченно-разсудочной формальности въ ущербъ внутренней правдѣ и нравственной чистотѣ. Въ знаменитомъ законодательствѣ древняго Рима стройность вѣшней формы доведена была до изумительнаго совершенства, при такомъ же изумительномъ отсутствіи внутренней справедливости. То же самое замѣчалось въ нравахъ и обычаяхъ, гдѣ вѣшняя дѣятельность цѣнилась выше всего и нисколько не обращалось вниманія на ея внутренній смыслъ и нравственные мотивы, — гдѣ личное, логическое убѣжденіе каждаго было единственнымъ руководствомъ и критеріемъ его дѣйствій, которыя, поэтому, въ большинствѣ своемъ, не могли имѣть другаго характера, кромѣ характера вѣшней, холодной разсудочности и своекорыстнаго расчета. Относительно своихъ согражданъ Римлянинъ понималъ и велъ себя почти также, какъ его великій Римъ относительно другихъ народовъ: равно готовый на союзъ и на войну, онъ рѣшался на то или другое по указанію расчета, постоянно слушааясь той страсти, которая обыкновенно господствуетъ внутри ума сухаго, логическаго и эгоистически-дѣятельнаго, — страсти преобладанія надъ другими. Наконецъ, самая свободная изъ человѣческихъ дѣятельностей — искусство — и то почти ничего не произвело самобытнаго, но

исключительно работало надъ усовершенствованіемъ чужаго вдохновенія.

II.

Выше мы охарактеризовали господствующее начало умственнаго развитія греко-римскаго міра. Теперь, вслѣдъ за нашими мыслителями, прослѣдимъ постепенное развитіе этого начала въ цивилизаціи христіанской Европы.

Христіанство потрясло весь нравственный и политическій строй древне-римскаго міра въ самомъ его основаніи и во многомъ существенно измѣнило его къ лучшему. Поэтому, оно справедливо считается однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ западно-европейской цивилизаціи. Вліяніе его было въ высшей степени благотворно. Оно возвышало душу человѣка, облагораживало ея помыслы и хотя отчасти побуждало ея порочныя склонности; а это, разумѣется, не могло не отразиться на всемъ строѣ древне-римской жизни. Но оно все-таки не могло совершенно изгладить односторонность духовной фізіономіи Римлянина; напротивъ того, будучи недостаточно понято и воспринято, само подверглось вліянію романизма, вліянію, которое, все болѣе и болѣе усиливаясь, сообщило наконецъ христіанству тотъ особенный видъ, въ какомъ оно явилось, по раздѣленіи церквей, въ римскомъ католицизмѣ. Слѣды этого вліянія видны уже на твореніяхъ первыхъ богослововъ западной церкви: „Юристъ проглядываетъ сквозь мощную догматику Тертулліана и Августина и въ самомъ характерѣ западныхъ ересей, обращающихся къ вопросамъ о правахъ воли человѣческой и о правахъ самого человѣка въ отношеніи къ Божеству“. Вообще, блестящая логика, внѣшняя связность понятій, иногда въ ущербъ достоинству внутренняго содержанія, всегда были отличительною чертою римской богословской литературы. Но національныя и областныя особенности, оставаясь въ должныхъ границахъ и не выходя изъ подчиненія высшимъ началамъ христіанства, не только не мѣшали истинному направленію духа, а, напротивъ, должны были увеличивать многостороннее богатство его проявленій, и только тамъ увлекали въ заблужденія, гдѣ ихъ излишествомъ нарушалось внутреннее равновѣсіе духа. Невидимымъ, но всемогущимъ началомъ, которое связывало всѣхъ въ одно духовное тѣло — вселенскую церковь, — была сила единомысленной христіанской любви и христіанское смиреніе, укрощавшее гордую самомнительность разума, не позволяв-

шее ставить личное мнѣніе выше божественнаго откровенія и тѣмъ нарушать общее церковное единомысліе. Но какъ скоро эта связь была порвана, какъ только этотъ высокій принципъ, охранявшій и поддерживавшій церковное единеніе, былъ нарушенъ и совершилось отпаденіе римской церкви отъ живаго общенія съ церковью вселенскою, тогда особенности римскаго національнаго характера—преобладаніе отвлеченной разсудочности и излишняя наклонность къ наружному сѣбленію понятій и юридическимъ опредѣленіямъ,—взяли рѣшительный перевѣсъ въ характерѣ римскихъ богослововъ и безпрепятственно стали развиваться какъ во внѣшнемъ устройствѣ церкви, такъ и въ теоретическомъ ея вѣроученіи.

Прежде всего вліяніе особенностей римскаго національнаго характера сказалось во внѣшнемъ устройствѣ церкви и ея управленіи. „Христіанство, говоритъ Хомяковъ, въ полнотѣ своего божественнаго ученія представляло идеи единства и свободы, соединенныя въ нравственномъ законѣ взаимной любви. Юридическій характеръ римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами, противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшимъ показалось ему, по необходимости, не свобода, а единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой“¹⁾. Это и понятно. Для римскаго формально-логическаго ума невозможно было согласовать юридически и логически двѣ господствующія идеи христіанскаго вѣроученія: единство и свободу. Невозможность эта проистекала изъ непониманія третьяго начала, связующаго и мирящаго два первыхъ,—взаимной христіанской любви: потому что это послѣднее не поддается никакимъ логическимъ опредѣленіямъ, никакой юридической формулировкѣ, и слѣдовательно не можетъ служить посылкою для силлогизма, оправдывающаго совмѣстное существованіе единства и свободы. Когда, такимъ образомъ, начало христіанской любви, на которомъ должно созидаться единство церкви съ сохраненіемъ индивидуальной свободы каждаго ея члена порознь, не было понято и принято на Западѣ, то предстояла необходимость искать другой точки опоры для церковнаго единства, и ее нашли въ томъ же самомъ, на что опиралось политическое единство Рима, а именно: въ уваженіи къ вѣчному городу (Риму), олицетворявшему собою отвлеченную идею римскаго права. Само собою разумѣется, что единство, зиждущееся на такомъ основаніи, было непохоже на первобытное единство

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 148.

вселенской церкви. Оно выразилось въ стремленіи римскаго епископата къ вышнему преобладанію надъ другими областными церквами,—стремленіи, бывшемъ одною изъ главныхъ причинъ окончательнаго раздѣленія церквей. Римъ сталъ для западнаго христіанства тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для отдѣльныхъ областей Римской имперіи,—вещественнымъ, историческимъ центромъ, всерѣшающимъ властью и непогрѣшимымъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры. Представитель западной церкви долженъ былъ сдѣлаться свѣтскимъ государемъ, облечься непогрѣшимостью. Для огражденія единства и распространенія господства церкви стали употребляться вышнія, часто принудительныя мѣры и средства; явились—свѣтская власть папы съ его правомъ всеобщаго суда надъ церковію, единство церковно-богослужебнаго языка, монашескіе ордена, инквизиція и др. Такъ отразилась римская стихія на вышнемъ строѣ западной церкви. Тотъ же духъ отвлеченно-формальнаго раціонализма проникнулъ въ ея внутреннее содержаніе и не замедлилъ получить преобладаніе въ практическомъ и теоретическомъ вѣроученіи католической церкви. Разсматривая практическое вѣроученіе римской церкви, нельзя не видѣть въ немъ вліянія римскаго формально-юридическаго элемента, который пытался всю жизнь человѣка подвести подъ законы гражданской правомѣрности, назначая отдѣльный кругъ дѣятельности для каждой духовной силы, опредѣляя, такъ сказать, вѣсь и мѣру для каждого проступка, каждой мнимой заслуги человѣка и составляя какую-то таблицу счетоводства между Богомъ и человѣкомъ. Отсюда—ученіе о чистилищѣ и объ индульгенціяхъ. Въ теоретическомъ вѣроученіи также формально-правильный силлогизмъ получилъ предпочтеніе предъ древнимъ преданіемъ и всеобщимъ сознаніемъ вселенской церкви. Самое прибавленіе къ символу, послужившее однимъ изъ предлоговъ къ раздѣленію церквей, оправдывалось единственно логическими выводами западныхъ богослововъ, вопреки древнему преданію и живому голосу вселенской церкви; этимъ же можно объяснить и всѣ другія нововведенія въ римско-католической догматикѣ.

Поставивъ силлогизмъ выше живаго сознанія всего христіанскаго міра, и лишившись чрезъ это общаго единомысленнаго сочувствія всей церкви, римская церковь должна была искать опоры для себя въ какой-нибудь богословско-философской системѣ. Но такъ какъ разумъ человѣческій, особенно разсудочный, можетъ различно постигать божественное, по различію понимающихъ, и такъ какъ возникающія недоразумѣнія и разногласія относительно предмета вѣры

уже не могли разрѣшаться общимъ внутреннимъ согласіемъ всей церкви, то единомысліе западныхъ христіанъ должно было ограждаться внѣшнимъ авторитетомъ іерархіи, который и сдѣлался послѣднимъ основаніемъ вѣры. Получивъ рѣшающее значеніе въ дѣлахъ вѣры и высшій судъ надъ богооткровенными истинами, римская церковная іерархія естественно стала выдавать себя за непогрѣшимый источникъ всякой истины, всякаго разумѣнія и, въ видахъ огражденія божественной истины отъ попытокъ къ искаженію ея свободомысліемъ, взяла подъ свою опеку весь объемъ человѣческаго мышленія, все развитіе ума въ наукахъ и жизни общественной: такъ какъ все, что только можетъ быть предметомъ мышленія, необходимо приходится, особенно въ послѣднихъ выводахъ, въ соприкосновеніе съ тѣмъ и другимъ вопросамъ вѣры; отсюда умственный и нравственный деспотизмъ римской церкви, тяготѣвшій надъ всѣмъ западно-европейскимъ міромъ, особенно въ средніе вѣка. Но для того, чтобы съ успѣхомъ выполнять взятую на себя роль единственной и безапелляціонной руководительницы человѣческаго разума и истолковательницы истины, іерархія должна была почерпать для себя силы не изъ чего другаго, какъ изъ того же самаго человѣческаго разума: вѣдь для этого недостаточно было только авторитета внѣшней власти, внѣшняго понужденія. Вотъ здѣсь-то и явилась ей на помощь отвлеченно-разсудочная философія Аристотеля съ своею логикой, доведенною до высшей степени совершенства, съ научнымъ методомъ, искавшимъ себѣ только практическаго примѣненія, съ діалектикою, которая не можетъ не поражать своею тонкостію и въ настоящее время. Но, перешедши на Западъ, философія Аристотеля, если можно, сдѣлалась еще одностороннѣе. Оторванная отъ своей родной почвы и пересаженная на другую, чуждую ей, она необходимо должна была утратить свою правду, относительную полноту и жизненность. Сдѣлавшись достояніемъ ума практическаго, себялюбиво-корыстнаго, сухаго и холоднаго, каковъ былъ умъ Римлянина, нуждающійся только во внѣшней, технической сторонѣ ея и нисколько въ ея содержаніи, она утратила свою самобытность и поступила на службу церковному абсолютизму. Къ этому нужно прибавить еще и то, что философія Аристотеля, прежде чѣмъ достигнуть Рима, прошла сквозь призму односторонней арабской образованности, потерпѣвъ значительныя перемѣны и искаженія, такъ какъ она почти исключительно чрезъ Арабовъ первоначально сдѣлалась извѣстною христіанскому Западу.

Акклиматизовавшись въ такомъ видѣ на римской почвѣ, философія

Аристотеля постушила на служеніе римской церковной іерархіи и сдѣлалась душою схоластики, явившейся типическою представительницею всего умственного развитія средневѣковой Европы. Схоластика была не что иное, какъ попытка научно обосновать религиозныя истины. Задача ея не ограничивалась только тѣмъ, чтобы всѣ богословскія понятія соединить и привести въ разумную систему; она брала на себя невыполнимый трудъ вывести истины религіи изъ понятій разума путемъ силлогизма, подложить подъ нихъ разумно-метафизическое основаніе. И дѣйствительно, начиная съ IX и кончая XVI вѣкомъ, не было ни одного богослова, который, по выраженію Кирѣвскаго, не пытался бы свое убѣжденіе о бытіи Божіемъ поставить на острие какого-нибудь искусно выточенного силлогизма. Правда, въ схоластикѣ рационализмъ, повидимому, находился въ безусловномъ подчиненіи откровенной истинѣ и сверхъ того былъ скованъ внѣшнимъ авторитетомъ іерархіи; но это было только повидимому; на самомъ же дѣлѣ онъ получилъ безраздѣльное господство надъ христіанскими истинами и сталъ распоряжаться ими по своему произволу. Каждая истина тогда только получала право на всеобщее признаніе, когда она являлась результатомъ силлогистической работы ума, утверждалась на основаніяхъ, добытыхъ именно этимъ путемъ. То обстоятельство, что высшій судъ надъ откровенными истинами и высшее разумѣніе ихъ принадлежали немногимъ, какова римская іерархія, даже одной личности, какъ папа, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Вопросъ не въ томъ, принадлежитъ ли разумѣніе и судъ надъ откровеніемъ одному лицу или многимъ: ибо то, что сегодня принадлежитъ одному или немногимъ, завтра съ такимъ же правомъ можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ; а важно то, что прерогатива высшаго, абсолютнаго разумѣнія истины фактически утверждена была въ данномъ случаѣ за человѣческимъ разумомъ и именно за тою стороною его, которая въ своей отдѣльности менѣе всего способна познавать вышеопытное. Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться.

III.

Допустивъ въ свои основы начало рационализма, римское католичество внесло внутрь себя такой элементъ, который, рано или поздно, но неминуемо долженъ былъ привести его къ упадку и разложенію. Въ данномъ случаѣ повторилось явленіе, аналогическое съ тѣмъ, ко-

торое мы уже видѣли въ паденіи подъ ударами рacionales древне-греческой мѣологии. Обстоятельствомъ, бывшимъ причиною разложенія греческой мѣологии, служило заключающееся въ ней внутреннее противорѣчіе. То же самое и здѣсь: римское католичество, по отдѣленіи своемъ отъ единства вселенской церкви, пытался безусловныя и вышеопытныя истины христіанства утвердить на условныхъ, отвлеченно-разсудочныхъ основаніяхъ, необходимо впадало въ подобное же противорѣчіе. Одинаковыя причины произвели и одинаковыя послѣдствія: подъ вліяніемъ одного и того же фактора первая пала, разложеніе послѣдняго началось. Явилось протестантство.

Ближайшими послѣдствіями исключительнаго господства рacionales, проникнувшего всѣ стороны западно-европейской жизни и введеннаго въ основы церковнаго вѣрученія, были: съ одной стороны, абсолютный деспотизмъ церкви, налагавшій свою желѣзную руку на всѣ проявленія дѣятельности человѣческаго духа, подавлявшій всякое свободное его движеніе, а съ другой, — насмѣшливое, безнравственное невѣріе XV и особенно XVI, вѣка, скрывавшееся подъ маскою церковной обрядности, или пугливо прятавшееся за ширмами всемогущаго церковнаго авторитета. Оба эти ближайшія послѣдствія римскаго церковнаго рacionales естественно не могли не возбудить реакціи, которая и не замедлила заявить себя въ формѣ протестантства. Но было бы ошибкою считать протестантство не болѣе какъ крайностію, вызванною другою крайностію противоположнаго характера. Нельзя, конечно, отрицать, что указанные выше два фактора играли весьма важную роль въ появленіи протестантства, однако они болѣе ускорили, чѣмъ произвели его. Протестантство, не смотря на свою кажущуюся противоположность католицизму, имѣетъ тѣсную, органическую связь съ нимъ и было не чѣмъ инымъ, какъ прямымъ, логически-послѣдовательнымъ развитіемъ рacionalesистическаго начала, скрытаго въ католичествѣ. Въ римско-католическомъ мірѣ право высшаго суда надъ откровенною истиною и высшее разумѣніе истины вообще усвоены были немногимъ, въ лицѣ церковной іерархіи; а если это право могло принадлежать разуму немногихъ, то не было разумной причины утверждать, что оно не можетъ быть достояніемъ всѣхъ и cadaго, — тѣмъ болѣе, что эти немногіе, присвоившіе себѣ это право, видимо злоупотребляли имъ, беззастѣнчиво искажая истину и въ то же время лишая всю остальную массу человѣчества естественнаго права и возможности познавать ее. Отрицаніе церковнаго авторитета и безусловная свобода изслѣдованія—вотъ тотъ строго-послѣ-

довательный выводъ, который протестантизмъ сдѣлалъ изъ католичества. Разница между ними, слѣдовательно, заключается только въ томъ, что „право суда надъ божественнымъ откровеніемъ, сохранившимся въ преданіи, перенесено было изъ разума временной іерархіи въ разумъ всего современнаго христіанства. вмѣсто одного внѣшняго авторитета, равно обязательнаго для всѣхъ, основаніемъ вѣры сдѣлалось личное убѣжденіе cadaго“ ¹⁾.

Будучи само однимъ изъ актовъ развитія раціонализма, новымъ, частнымъ фазисомъ этого развитія, протестанство уже необходимо должно было заключать въ себѣ сѣмена новаго, болѣе широкаго развитія этого начала, — развитія, которое вскорѣ и выразилось въ возникновеніи новой раціоналистической философіи. Какіе же элементы въ протестанствѣ давали жизнь и пищу новому раціоналистическо-философскому мышленію? Для того, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно предварительно охарактеризовать сущность самаго протестанства; это дастъ намъ возможность еще разъ убѣдиться, что протестанство есть дѣйствительно новый шагъ на пути развитія отвлеченно-формальнаго раціонализма, заключающій въ себѣ задатки дальнѣйшаго его роста.

Сущность протестанства заключается не въ актѣ протеста по вопросу вѣры: въ этомъ смыслѣ протестанствомъ можетъ быть названа и вся церковь, съ самаго своего основанія, какъ протестъ противъ ересей и заблужденій. Она состоитъ и не въ реформѣ обрядовой и вообще внѣшней, формальной стороны вѣры и церкви, потому что церковь всегда допускала эту реформу примѣнительно къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Наконецъ, сущности его не составляетъ и провозглашенная имъ свобода изслѣдованія, которую многие считаютъ за существенный, отличительный признакъ протестанства: ибо свободное изслѣдованіе также всегда составляло необходимую принадлежность всей церкви; его дозволяли, даже вмѣняли въ обязанность вѣрующимъ сами апостолы. „Свободное изслѣдованіе, говоритъ Хомяковъ, такъ или иначе понятое, составляетъ единственное основаніе вѣры“ ²⁾. Оно составляетъ принадлежность даже отпавшихъ церквей; безъ него невозможно признаніе той или другой истины. Всякое вѣрованіе есть актъ свободы и непременно исходить изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія. Короче: вѣра разумная всегда

¹⁾ *Киреевскій*, ч. 2, стр. 286.

²⁾ *Хомяковъ*, т. II, стр. 50.

есть въ одно и то же время и даръ благодати и актъ свободы, всегда предполагаетъ предшествовавшее ей изслѣдованіе и сопровождается имъ въ той или другой формѣ. Это допускаютъ и католицизмъ, по видимому, не терпящій изслѣдованія, и протестантство, признающее его законность. Но протестантство, узаконивъ безусловную свободу изслѣдованія въ дѣлахъ вѣры, въ то же время, въ самый методъ этого изслѣдованія внесло такой принципъ, который не только не приложимъ къ изслѣдованію религиозныхъ истинъ, но прямо враждебенъ вѣрѣ и, въ концѣ концовъ, исключаетъ самую возможность ея. Принципъ этотъ есть сомнѣніе, полагаемое протестантствомъ въ основу всякаго изслѣдованія. Но здѣсь естественно рождается вопросъ: возможно ли изслѣдованіе, хотя бы оно касалось предметовъ вѣры, безъ участія сомнѣнія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой доли его? Говоря объ изслѣдованіи вообще, объ изслѣдованіи предметовъ, подлежащихъ обыкновенному нашему вѣдѣнію, — каковы, напримѣръ, предметы міра чувственнаго, — мы въ правѣ утверждать, что оно невозможно безъ участія известной доли сомнѣнія. Предпринимая изслѣдованіе, ставя вопросъ объ истинности или дѣйствительности известнаго явленія, мы уже высказываемъ неувѣренность въ его существованіи, или въ согласіи нашего представленія съ изслѣдуемою дѣйствительностью, слѣдовательно, допускаемъ сомнѣніе. И такъ, участіе сомнѣнія въ обыкновенномъ изслѣдованіи вполне законно и необходимо въ интересахъ достиженія истины. Но было бы ошибочно къ вѣрѣ прилагать тотъ же масштабъ, которымъ мы измѣряемъ предметы обыкновеннаго нашего вѣдѣнія. Способъ и орудія изслѣдованія должны опредѣляться свойствами изслѣдуемаго предмета. Вѣра и именно вѣра откровенная не то же, что всякій предметъ, подлежащій нашему опыту и наблюденію; она рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ предметовъ нашего знанія. „Вѣра, говоритъ Хомяковъ, есть слѣдствіе Откровенія, опознаннаго, то-есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактѣ видимомъ; вѣра—не то, что вѣрованіе или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится, или чувствуется, но, такъ сказать, мыслится и чувствуется вмѣстѣ; словомъ,—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь“¹⁾). Поэтому и процессъ изслѣдованія, въ примѣненіи къ вопро-

¹⁾ Хомяковъ, т. II, стр. 56.

самъ вѣры, долженъ существенно отличаться отъ изслѣдованія въ обыкновенномъ значеніи этого слова и отъ нея заимствовать свои свойства. Какія же это свойства? Вопервыхъ, въ области вѣры изслѣдованіе предполагаетъ нѣкоторыя основныя данныя—нравственныя или рациональныя, стоящія для души выше всякаго сомнѣнія, которыя и должны служить точками отправления для изслѣдователя. Вовторыхъ, въ области вѣры, міръ, подлежащій изслѣдованію, не есть міръ для человѣка внѣшній, потому что самъ человѣкъ и весь человѣкъ со всею цѣлостью разума и воли принадлежитъ къ этому міру, какъ существенная часть его. Таковы свойства того міра, который можетъ и долженъ подлежать изслѣдованію въ области вѣры. Какой же постулатъ вытекаетъ отсюда для изслѣдователя и въ чемъ долженъ состоять процессъ изслѣдованія вѣры? Если, какъ убѣждаетъ опытъ, для изученія собственнаго нашего внутренняго міра, собственной нашей духовной природы совершенно недостаточно одной какой-нибудь духовной силы, оторванной отъ другихъ, на примѣръ, чувственнаго наблюденія или логическаго мышленія,—а въ познаніи ея такое же, если еще не болѣе важное, значеніе имѣютъ внутреннее чувство и воля, и только при совокупномъ усиліи всѣхъ духовныхъ силъ возможно его достиженіе, то тѣмъ болѣе для изслѣдованія всего духовнаго міра, составляющаго область вѣры, въ отношеніи къ которому внутренній міръ человѣка представляетъ хотя однородную, но тѣмъ не менѣе самую ничтожную часть,—необходима совокупная и согласная дѣятельность всѣхъ духовныхъ силъ: для изслѣдованія Божественной истины, для убѣжденія въ ея спасительности для человѣка, мало только узнать ее, но одновременно нужно еще прочувствовать и осуществить ее въ дѣятельности. Далѣе: истины Богооткровенной вѣры не суть результаты нашей самодѣятельности, добытыя путемъ опыта или размышленія; онѣ стоятъ выше опыта и мышленія и составляютъ плодъ посредственнаго или непосредственнаго воздѣйствія на нихъ Божества,—воздѣйствія, находящаго откликъ въ нашей душѣ, и потому онѣ не могутъ подлежать суду человѣческаго разума; онѣ не отъ разума и выше разума, хотя въ высшей степени гармонируются съ его стремленіями. Тѣмъ болѣе разумъ не въ правѣ ставить ихъ, какъ истины только искомыя, какъ такія, которыя нужно еще обосновать и доказать; онѣ не въ правѣ подвергать ихъ сомнѣнію. Дѣятельность его въ отношеніи откровенныхъ истинъ вѣры должна состоять только въ дальнѣйшемъ, всестороннемъ раскрытіи и возможно правильномъ и полномъ примѣненіи ихъ къ практической жизни; онѣ

должны служить для него точкою отправленія всей его дѣятельности; сомнѣніе въ этой области невозможно, потому что оно было бы безусловно и необходимо повело бы къ отрицанію. Сомнѣніе и вѣра — это два принципа, несогласимые и взаимно исключаютіе другъ друга: допустивъ въ область вѣры сомнѣніе, мы уничтожаемъ вѣру; принявъ что-либо на вѣру, этимъ самымъ мы исключаемъ сомнѣніе. Разъ допущенное, даже относительно какой-нибудь частной истины вѣры, оно исключало бы не только всякую мысль о серьезномъ изслѣдованіи истинъ вѣры, но и возможность самой вѣры. Вотъ способъ и свойства изслѣдованія въ области вѣры, и только такое изслѣдованіе возможно въ этой области, только оно одно допускалось, даже вмѣнялось въ обязанность членамъ православной вселенской церкви; всякій же другой способъ изслѣдованія и особенно такой, въ которомъ исходнымъ пунктомъ служить сомнѣніе, не только неприменимъ къ вѣрѣ, но прямо враждебенъ ей и дѣйствуетъ на нее разлагающимъ образомъ, какъ это мы и увидимъ ниже на самомъ протестантствѣ.

Однако было бы не совсѣмъ справедливо утверждать, будто протестантство первое внесло принципъ сомнѣнія въ изслѣдованіе вѣры; напротивъ, — есть справедливый поводъ заключать, что онъ не чуждъ былъ и католицизму, допустившему въ свое вѣроученіе отвлеченно-разсудочный элементъ, съ которымъ неизбежно связано и сомнѣніе; но въ католичествѣ, если этотъ принципъ и допускался, то допускался скрытно и безсознательно и во всякомъ случаѣ никогда не получалъ санкціи отъ католической іерархіи. Даже болѣе: всякое открытое обнаруженіе сомнѣнія тотчасъ же парализовалось сперва еще не угаснувшимъ вселенскимъ преданіемъ, а потомъ внѣшнею властію іерархіи. Протестантство торжественно провозгласивъ свободу изслѣдованія, въ то же время допустило и сомнѣніе, какъ необходимую принадлежность, какъ основу изслѣдованія. Извѣстно же, что сомнѣніе, взятое въ основу изслѣдованія, не всегда сопровождается признаніемъ изслѣдуемой истины, но весьма часто имѣетъ результатъ діаметрально-противоположный, заключающійся въ отрицаніи ея. Поэтому, протестантство, узаконивъ въ изслѣдованіи предметовъ вѣры сомнѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ признало законность и отрицанія ихъ, что въ скоромъ времени не замедлило обнаружиться и принести свои плоды. Это тотъ новый шагъ, который сдѣлалъ отвлеченно-формальный рационализмъ на пути своего послѣдовательнаго развитія въ протестантствѣ. Вотъ тѣ элементы, которые, составляя существенный, отличительный признакъ протестантизма, въ

то же время служатъ факторами, способствующими его разложенію и представляютъ сѣмяна для новаго, болѣе широкаго и свободнаго развитія отвлеченно-раціональнаго начала, — элементы, столько благоприятныя для прогрессивнаго движенія внѣшнихъ, чисто разсудочныхъ знаній и столь разрушительныя для вышеопытныхъ истинъ религіи.....

И такъ, протестантство, при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ, уже носило въ себѣ сѣмяна разложенія, какъ естественный результатъ провозглашенныхъ имъ принциповъ. Положивъ въ основу изслѣдованія истинъ вѣры сомнѣніе, оно, оставаясь логически послѣдовательнымъ, необходимо должно было придти къ отрицанію въ этой области. Такъ дѣйствительно и случилось. Заподозривъ законность различныхъ злоупотребленій и искаженій, вкравшихся въ римскую церковь и разросшихся въ ней до громаднхъ размѣровъ, и справедливо возставъ противъ нихъ, оно благоразумно не ограничилось этимъ, но пошло гораздо далѣе по пути отрицанія. Оторванные отъ живаго сочувствія съ вселенскою церковію, заслоненною отъ нихъ Римомъ, начинатели и вожди протестантизма не въ состояніи были отдѣлится въ церкви то, что въ нее вкралось аномальнаго и противозаконнаго, слѣдовательно, подлежащаго отрицанію, отъ того, что было въ ней истиннаго, законнаго, и потому имѣющаго неоспоримое право на признаніе. Смѣшавъ то и другое въ общемъ понятіи о церкви, они поставили вопросъ объ истинности и законности существованія самой церкви, не современной только имъ римской церкви, угнетавшей тогдашнее общество своимъ деспотизмомъ, но церкви всѣхъ временъ, странъ и народовъ, какъ видимаго божественнаго учрежденія, ведущаго свое начало отъ самого Спасителя; они возстали противъ самаго принципа церкви—догмата о ней. Подвергнувъ сомнѣнію этотъ догматъ, они уже не могли придти къ другому выводу, кромѣ отрицательнаго, и дѣйствительно отвергли церковь со всѣмъ ея внутреннимъ содержаніемъ, со всѣми ея атрибутами, каковы: вселенское преданіе и іерархическое устройство, безъ которыхъ церковь, въ ея истинномъ смыслѣ, невозможна,—и оставили въ руководство уму вѣрующихъ одну букву св. Писанія съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ личныхъ, произвольныхъ мнѣній, часто противорѣчащихъ другъ другу въ самыхъ существенныхъ вопросахъ вѣры. Само собою разумѣется, что св. Писаніе, не проникнутое единомысленнымъ разумѣніемъ вселенской церкви, принимало особый смыслъ по личному разумѣнію каждаго. Поэтому, нужно было, помимо преданія вселенской церкви,

съ которою протестантство порвало всякую связь, искать новаго общаго основанія для истины, и притомъ такого, которое въ одно и то же время удовлетворяло бы и личному сознанію каждаго; а искать этого основанія, при данныхъ условіяхъ, оставалось только въ собственномъ человѣческомъ разумѣ, и притомъ не во всей его внутренней цѣльности, при которой всѣ духовныя силы сливаются въ стройное разумное единство — такъ какъ эта разумная цѣльность не можетъ быть достояніемъ всѣхъ, — но искать его непременно въ той части разума, которая присуща всякой личности, каковы бы ни были ея индивидуальныя свойства. Отвѣчать этому требованію можетъ только разумъ логическій, отрицательный, разумъ формальныхъ отношеній, потому что только онъ одинъ изъ всѣхъ факторовъ познанія можетъ считаться за общій авторитетъ и требовать безусловнаго признанія отъ каждой личности. Протестантство, какъ положительная религія, не могло, — не говоримъ выполнить, — но даже взять на себя этой задачи, — не могло потому, что это все-таки противорѣчило бы принципамъ его, какъ положительно-религіозной доктрины. Къ этому нужно прибавить еще и то, что само оно въ скоромъ времени пришло въ состояніе внутренняго безсилія и распадѣнія, явившихся логическимъ послѣдствіемъ провозглашенныхъ имъ принциповъ. Внеся въ самое основаніе вѣры принципы сомнѣнія и отрицанія, оно само на себя наложило руки, само себя осудило на самоуничтоженіе, постоянно рискуя улетучиться изъ области положительной религіи въ неопредѣленную отвлеченность философскаго мышленія. Дальнѣйшее развитіе его при этихъ условіяхъ оказалось невозможнымъ, и если оно еще просуществовало, въ смыслѣ положительной вѣры, нѣсколько вѣковъ, то этимъ обязано не своей внутренней, жизненной силѣ, а живучести традицій, сохранившихся отъ первыхъ реформаторовъ въ массѣ протестантскаго общества и ставшихъ для него авторитетомъ, въ извѣстной степени замѣнившимъ собою авторитетъ церкви, а также благодаря другимъ благопріятнымъ, но все-таки случайнымъ и произвольнымъ условіямъ, въ которыя оно было поставлено. Поэтому-то новая религія еще не успѣла появиться на свѣтъ, какъ уже сдѣлалась властолюбивою, деспотическою, слѣпо привязанною къ буквѣ догматовъ; она утверждала, что истинны только ея догматы и обряды; силою навязывала ихъ и преслѣдовала, какъ ересь, каждое противорѣчіе и даже каждое ничтожное уклоненіе отъ нихъ. Самъ Лютеръ позволялъ себѣ, не говоря уже о его католическихъ противникахъ, даже въ отношеніи къ болѣе строгимъ и по-

слѣдовательнымъ поборникамъ своихъ идей, каковы Мюнцеръ и Карльштадтъ,—такіе поступки, за которые самъ обвинялъ католическихъ государей и духовенство. „Противъ ихъ скверностей и обмана,—говорилъ онъ гласно,—я допускаю всякія мѣры, ради спасенія душъ“. Онъ яростно вызвалъ къ полиціи и склонялъ правительство запрещать и истреблять ихъ сочиненія и изгонять не только самихъ авторовъ, но издателей и даже типографщиковъ. И въслѣдствіи, до нашихъ дней протестантизмъ не могъ существовать самостоятельно, но постоянно опирался на виѣшнюю поддержку. Не смотря на это, сфера его внутренняго содержанія постепенно суживается; отрицаніе—отъ времени до времени—подкапываетъ и вырываетъ съ корнемъ одну за другою положительныя истины, входящія въ его содержаніе, замѣняя ихъ философско-раціоналистическими воззрѣніями. Роль протестантства, какъ руководителя ума человѣческаго на пути къ истинѣ, можно считать оконченною; его замѣнила непосредственно возникшая изъ него новая раціоналистическая философія, поставившая своею задачею — не развить данную истину, не проникнуться ею, не возвыситься до нея, а прежде всего найти ее, и взявшаяся достигнуть этого не иначе, какъ посредствомъ логическаго мышленія. Отсюда становится понятнымъ, почему и новая философія, во всемъ своемъ объемѣ, имѣетъ исключительно отвлеченно-разсудочный характеръ.

IV.

Освобождаясь мало по малу путемъ отрицанія изъ подъ эгиды положительной религіи, отвлеченный раціонализмъ наконецъ явился снова въ чистомъ своемъ видѣ въ повой, преимущественно германской философіи. Получивъ сначала равноправность съ вѣрою, онъ скоро переросъ вѣру и не только подчинилъ ее себѣ, но въ концѣ концовъ пришелъ и къ совершенному ея отрицанію. Однако не вдругъ дошелъ онъ до этого вывода, а только мало по малу отбрасывалъ отъ себя всѣ постороннія данныя, находя ихъ недостаточно вѣрными для утвержденія первой истины. Протестантство, узаконивъ свободу изслѣдованія и положивъ въ основаніе его принципъ сомнѣнія и отрицанія, произносило смертный приговоръ надъ собою и вообще надъ всякою положительною религіею. Можетъ быть, инстинктивно сознавая, въ лицѣ первыхъ своихъ провозвѣстниковъ, гибельность для себя провозглашенныхъ принциповъ, оно, по крайней мѣрѣ на пер-

вѣхъ порахъ своего существованія, не пошло въ практическомъ при-
мѣненіи ихъ далѣе отрицанія церковнаго авторитета. Но это была
уже непослѣдовательность. Тѣ, на чемъ остановилось протестантство,
продолжила и довершила его непосредственная преемница — новая
философія. Приливъ науки съ Востока послѣ паденія Византіи и бо-
лѣе глубокое, непосредственное знакомство съ образованностью клас-
сическаго міра дали обильную пищу уму, освобожденному отъ деспо-
тической опеки римской церкви. Послѣдовало общее умственное
оживленіе; явился цѣлый рядъ великихъ мыслителей, хитро по-
строенное зданіе схоластиковъ мгновенно рушилось и навсегда кон-
чилась та діалектическая игра въ понятія, въ которой, по выраже-
нію Хомякова, дѣтская вѣра въ ученый авторитетъ, съ дѣтскою
самоувѣренностью, пыталась разрѣшить неразрѣшимую задачу. Но
съ появленіемъ новыхъ мыслителей, кончилось только рабское, без-
условное поклоненіе авторитету Аристотеля; предметъ мышленія
сталъ другой и направленіе иное; но исключительное преобладаніе
отвлеченной разсудочности сохранилось по прежнему. Въ народахъ
романскаго происхожденія, стремившихся, по своей исторической на-
турѣ, сливать внутреннее самосознаніе съ внѣшностью жизни, воз-
никла чувственно-опытная философія, восходившая отъ частныхъ на-
блюденій къ общимъ выводамъ и изъ порядка внѣшней природы вы-
водившая законы бытія и мышленія. Въ народахъ же германскихъ,
также вслѣдствіе ихъ національно-историческаго характера, она при-
няла противоположное направленіе: она пыталась изъ самыхъ зако-
новъ разума вывести законы внѣшняго бытія. Наконецъ, при даль-
нѣйшемъ развитіи, оба направленія философской мысли соединились
въ одно умственное воззрѣніе, основанное на тождествѣ бытія и мы-
шленія и развившее изъ этого тождества ту форму мышленія, которая
обнимала всѣ другія философскія системы и получила широкое раз-
витіе въ новѣйшей германской философіи, начиная съ Канта и кончая
школою Гегеля. На этой послѣдней фазѣ философіи, какъ заключаю-
щей въ себѣ всѣ предыдущіе моменты философскаго развитія, мы оста-
новимъ преимущественное вниманіе, коснувшись лишь въ общихъ
чертахъ міровоззрѣнія предшественниковъ Канта.—Не смотря на всѣ
измѣненія, которыя претерпѣвала философія въ своемъ поступатель-
номъ движеніи, не смотря на національно-историческія особенности
народовъ, среди которыхъ она развивалась, и на индивидуальныя осо-
бенности лицъ, заправлявшихъ ея развитіемъ,—она всегда удержи-
вала свой общій отвлеченно-раціоналистическій колоритъ. Самъ зна-

менитый родоначальникъ новой философіи, Декартъ, думавшій, что окончательно сбросилъ съ себя узы схоластики, и дѣйствительно, вмѣстѣ съ другимъ начинателемъ новой эры въ области философіи—Бaconомъ, нанесшій смертельный ударъ ложному средневѣковому аристотелизму, на самомъ дѣлѣ оставался вѣренъ принципу и методу, узаконенному Аристотелемъ, признавая точкою отправленія каждаго разумнаго изслѣдованія—сомнѣніе. Онъ былъ настолько поклонникомъ отвлеченно-логическаго мышленія, что свое внутреннее, непосредственное сознаніе собственнаго бытія до тѣхъ поръ считалъ неубѣдительнымъ, покуда не вывелъ его изъ отвлеченно-формальнаго умозаключенія. Примѣръ Декарта тѣмъ замѣчательнѣе, что не былъ лично особенностью этого мыслителя, но выражалъ общее, современное ему настроеніе передовыхъ умовъ. Ученикъ и преемникъ Декарта по господству въ области философскаго мышленія — Спиноза, „могъ, по выраженію Кирѣвскаго, такъ искусно и такъ плотно склеивать разумные выводы о первой причинѣ, о высшемъ порядкѣ и устройствѣ всего мірозданія, что, сквозь эту сплошную и неразрывную сѣть теоремъ и силлогизмовъ, не могъ во всемъ созданіи разглядѣть слѣдовъ живаго Создателя, ни въ человѣкѣ замѣтить его внутренней свободы“¹⁾). Тотъ же избытокъ формальной разсудочности замѣчается и у Лейбница. Всѣ послѣдующія школы, возникшія на развалинахъ павшаго авторитета, подъ знаменами эмпиризма, сенсуализма, идеализма и мистицизма, были не болѣе, какъ вариантами древнегреческой философіи въ различныхъ ея фазисахъ, пока, наконецъ, не разрѣшились въ остроумномъ, но сухомъ и мелочномъ скептицизмѣ Юма, доказывавшаго путемъ силлогизма, что въ мірѣ не существуетъ никакой истины, что правда и ложь подвержены одинаковому сомнѣнію и что основной разсудочный законъ причинности не имѣетъ никакого объективнаго значенія, а есть не болѣе, какъ слѣдствіе случайной привычки. Скептическая философія Юма вызвала на арену философской дѣятельности новыхъ дѣятелей, начавшихъ собою новую эпоху въ движеніи философской мысли.

Противъ мертвящаго дѣйствія скептицизма, воскрешеннаго Юмомъ, возсталъ Кантъ и дѣйствительно нанесъ ему рѣшительный ударъ. Но и этотъ несомнѣнно величайшій изъ мыслителей новаго времени стоялъ, и можетъ быть болѣе, чѣмъ всякій другой, на той же самой почвѣ, на которой стоялъ и Юмъ, дошедшій до безотраднaго созна-

¹⁾ Кирѣвскій, ч. II, стр. 253

нія о невозможности всякой истины. Желая отстоять основной разсудочный законъ причинности, безъ признанія котораго невозможно никакое серьезное знаніе, никакая наука, Кантъ предпринялъ изслѣдованіе не только закона причинности, но и всѣхъ другихъ законовъ нашего познанія. Онъ доказалъ, что формы нашего познанія, будучи врожденны (априорны) намъ, существуютъ первѣе всякаго познанія и служатъ его необходимымъ условіемъ: ибо все, что мы познаемъ, познаемъ не иначе, какъ подъ этими формами. Какъ априорныя, онѣ имѣютъ аподиктическую достовѣрность и не могутъ подлежать сомнѣнію, потому что онѣ—не что иное, какъ самый разумъ, самое я человѣка; а въ своемъ я человѣкъ не сомнѣвается просто потому, что не можетъ сомнѣваться, за неимѣніемъ той области, въ которую могъ бы онъ перенестись для утвержденія своего сомнѣнія. Таково положеніе Канта, неотразимое по своей убѣдительности, которое сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ всей новой философіи, и скажемъ болѣе,—если только оно будетъ вѣрно понято,—то и всей будущей философіи. „Не помню, говоритъ Хомяковъ, кто-то сказалъ очень остроумно и не безъ глубокаго смысла, что древняя философія говорила: „ощущаю, слѣдовательно есмь“; новая, освобожденная отъ схоластическаго аристотелизма, сказала: „мыслию, слѣд. есмь“; Кантовская же: „есмь, слѣд. есмь“ (sum, ergo sum), и въ этомъ много правды. Полнота человѣка поставлена была съ несомнѣнною увѣренностію въ себя“...¹⁾). Но самъ Кантъ едва ли въ такомъ смыслѣ понималъ добытый имъ выводъ. Подъ самознающимъ я, которому онъ присвоиваетъ несомнѣнную увѣренность въ себя, едва ли онъ разумѣлъ всю полноту человѣческаго духа во всецѣлой совокупности его силъ и способностей, а не одно только логическое мышленіе въ его оторванной отдѣльности. Поводомъ къ этому предположенію служить первое и основное положеніе системы Канта: такъ какъ оно есть не что иное, какъ скрытый силлогизмъ (sum, ergo sum), въ которомъ мыслитель непосредственное бытіе человѣка поставляетъ въ связь съ бытіемъ новопріобрѣтеннымъ посредствомъ труда мысли, утверждая аподиктическую достовѣрность за актомъ сознанія, а бытіе ставя въ отрицаніе, какъ возможное, и такимъ образомъ непосредственную априорную увѣренность въ себя утверждаетъ на логическомъ процессѣ, слѣдовательно, — ставитъ въ зависимость отъ разсудочнаго силлогизма. Логическая формула, допущенная Кантомъ въ эту высшую область самосознанія, необходимо должна была развиваться одностороннимъ ра-

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 255.

ціонализмъ. Что въ смыслѣ самосознанія Кантъ принималъ не иное что, какъ знаніе отвлеченно-разсудочное,—это подтверждаютъ и дальнѣйшіе выводы его системы. Доказавъ апіорность и аподиктическую достовѣрность общихъ формъ или законовъ нашего познанія, Кантъ вывелъ изъ этого еще и другое весьма важное заключеніе. Всѣ формы или законы нашего познанія — необходимія условія нашего опыта, внѣ которыхъ мы ничего не знаемъ и знать не можемъ; слѣдовательно, имѣютъ чисто-субъективный характеръ, а никакъ не принадлежатъ, какъ утверждали схоластики-реалисты, къ природѣ внѣ насъ и независимо отъ насъ существующаго міра; никакъ не выражаютъ его сущности, такъ что познаваемый въ этихъ формахъ міръ не имѣетъ самобытной дѣйствительности, а есть только міръ явленій или нашего представленія, и, кромѣ этихъ явленій, мы ничего не знаемъ и знать не можемъ; всякое же предполагаемое познаніе предметовъ самихъ въ себѣ, независимо отъ субъективныхъ формъ нашего познанія, невозможно; существующая внѣ ихъ дѣйствительность недоступна нашему познанію. И такъ, Кантъ не допускалъ другаго познанія, кромѣ познанія отвлеченно-разсудочнаго, и другаго орудія познанія, кромѣ отвлеченно-формальной способности разсудка.

Тѣмъ же путемъ, но еще рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе въ выводахъ, шелъ преемникъ Канта, Фихте, безусловно отвергнувшій бытіе всего существующаго внѣ человѣческаго познанія и признававшій сущимъ для человѣка только его личное пониманіе, его саморазвивающееся *я*, въ раздвоеніи *я* мыслящаго и *я* мыслимаго (*я-не-я*, иначе: субъектъ—объектъ). Онъ дополнилъ систему Канта и исправилъ допущенныя въ ней непослѣдовательности. У Канта вещь сама въ себѣ, бытіе внѣ формъ нашего познанія, о которомъ мы ничего не можемъ знать, тѣмъ не менѣе признается существующимъ реально, притомъ дѣйствующимъ на насъ, и своимъ дѣйствіемъ производящимъ тотъ эмпирический матеріалъ ощущеній, который, облекаясь въ общія формы познанія—категоріи, образуетъ предметный міръ явленій или область нашего представленія, нашего опыта. Но, считая вещь саму въ себѣ не познаваемою и въ то же время признавая за ней реальность, Кантъ уже приписываетъ ей качественную категорію существованія (реальности) и относительную (причинности); между тѣмъ, по ученію самого же Канта, всѣ категоріи, слѣд. и двѣ указанныя, суть только субъективныя формы нашего познанія, имѣющія свое законное примѣненіе только къ міру явленій или къ области нашего представленія; къ бытію же въ его самобытной дѣйствительности, къ вещи самой въ

себѣ, какъ вѣдѣ опытной, онѣ примѣняться не могутъ; слѣдовательно, ей нельзя приписывать ни дѣйствія на насъ, ни даже существованія. Такимъ образомъ, Фихте трансцендентальное единство самосознанія признаетъ за абсолютное начало всякаго бытія, какъ первичный творческій актъ. Въ актѣ самосознанія: „я е смъ я“ необходимо заключается положеніе: *не-я*, чѣмъ и дается начало міру объективному, который и есть „*не-я*“, слѣдовательно, не имѣетъ никакой самобытности, а существуетъ только въ нашемъ самосознаніи, въ нашемъ *я* и относительно *я*, какъ его необходимое отрицаніе или предѣлъ, имъ самимъ полагаемый. Самосознаніе обнимаетъ собою всю существующую дѣйствительность; все же, существующее вѣдѣ нашего *я*, есть обманчивый призракъ воображенія. Фихте явился, такимъ образомъ, представителемъ самаго чистаго, самаго отвлеченнаго раціонализма, называемаго обыкновенно субъективнымъ идеализмомъ.

Система Фихте, не смотря на всю свою кажущуюся полноту и послѣдовательность, на самомъ дѣлѣ такъ же, какъ и система Канта, страдала неполнотою и внутреннимъ противорѣчіемъ. Признавать весь существующій міръ за простое отрицаніе нашего *я*, не имѣющее подъ собою никакой реальной почвы, значило бы идти въ разрѣзъ съ общечеловѣческимъ убѣжденіемъ и субъективнымъ опытомъ каждаго; но въ то же время, утверждать за нимъ реальность и самобытность такъ же противорѣчило бы строго-логическому выводу философскаго мышленія. Примирителемъ этого противорѣчія явился Шеллингъ, который утверждалъ, что хотя вѣдѣшній міръ и дѣйствительно существуетъ, но душа міра есть не что иное, какъ „*я*“, развившееся въ бытіи вселенной и достигшее своего самосознанія въ человѣкѣ. До такого вывода онѣ доходитъ слѣдующимъ образомъ: если, по Фихте, все существующее есть не болѣе, какъ человѣческое *я*, какъ актъ человѣческаго самосознанія, то очевидно, что чистое *я* Фихте не можетъ быть признано тождественнымъ съ индивидуальнымъ сознаниемъ каждаго; ибо это послѣднее находитъ объективный міръ какъ давній, а не имъ созидаемый изъ себя самого, и если, тѣмъ не менѣе, объективный міръ не имѣетъ никакой самобытности, а долженъ по понятію полагаться другимъ, то это другое, очевидно, не можетъ быть человѣческимъ сознаниемъ (разумѣется сознание личное), и безусловный актъ его предшествуетъ нашему сознанию, въ которомъ оно находитъ только свое послѣднее выраженіе и достигаетъ частной опредѣленности. Этотъ абсолютный субъектъ, именно вслѣдствіе своей абсолютности, одинаково относится и къ человѣческому духу и ко вѣдѣшной природѣ. По-

этому, только для насъ, какъ сознательно опредѣленнаго субъекта, природа является, какъ внѣшнее, мертвымъ существомъ, но сама по себѣ она столько же жива и субъективна, какъ и нашъ духъ; разница между ними не въ сущности, а въ степени проявленія абсолютнаго. Въ абсолютномъ субъектѣ я и не я, идеальное и реальное, духъ и природа тождественны, и потому онъ не есть субъектъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ противоположность объекту, но, по выраженію Шеллинга, абсолютное безразличіе обоихъ. Какъ субъектъ безконечный, онъ не можетъ имѣть объекта въ собственномъ смыслѣ, какъ внѣшнее себѣ; но онъ самъ въ себѣ имѣетъ возможность своей предметности, самъ для себя является объектомъ и потому можетъ быть названъ субъектъ-объектомъ. Но абсолютное въ своемъ переходѣ на степень объекта проходить различныя ступени и при этомъ постепенно проявляетъ свою идеальность или субъективность въ творческомъ актѣ природы. Самый актъ осуществленія абсолютнаго у Шеллинга носитъ названіе объектъ-субъективаци. Конечнаго завершения этотъ міровой процессъ достигаетъ въ человѣческомъ сознаніи, въ которомъ абсолютное окончательно освобождается отъ своей реальности и является какъ чистая духовная дѣятельность, содержащая всю свою предметность, весь процессъ своего постепеннаго проявленія, но содержащая совершенно идеально въ сознаніи.

Путь, которымъ Шеллингъ дошелъ до послѣднихъ своихъ выводовъ, какъ и путь его предшественниковъ, былъ чисто рационалистическій; но рационализмъ достигъ у него крайняго своего предѣла, ударился объ всю границу. Переступить эту грань—значило бы избрать одно изъ двухъ: или признать, какъ начало и основу всего сущаго, безусловный, личный субъектъ, или же попытаться возсоздать міръ безъ субстрата. Колѣбаніе между этими двумя крайностями и отразилось на философіи Шеллинга. Въ самомъ дѣлѣ, что такое у него абсолютный субъектъ, или точнѣе—объектъ-субъектъ, обнимающій и, такъ сказать, вбирающій въ себя все существующее? Пусть Шеллингъ и признавалъ первое, не проявившееся бытіе тождественнымъ небытію. Изъ этого положенія онъ не дѣлалъ наукообразной формулы, служащей логическимъ началомъ дальнѣйшену развитію; но въ дѣйствительности это видимо отвлеченное бытіе имѣло у него весь характеръ и права сущаго, оно переходило въ объектъ и въ цѣлый міръ явленій и сознаний какою-то внутреннею вольною силою¹⁾. Шеллингъ не въ состояніи

¹⁾ Хомяковъ, 266 стр., т. I.

былъ выдти изъ этого неопредѣленнаго, колеблющагося положенія, не могъ разрѣшить представившейся его гениальному уму дилеммы. Согласиться съ первою посылкою ея и признать основою всего сущаго безусловный личный субъектъ—значило бы преступить границы логическаго разума, перейти въ область супранатурализма, въ то же время игнорировать весь предшествовавшій трудъ философской мысли и цѣликомъ разрушить то привлекательно-стройное зданіе, надъ построениемъ котораго трудились столько великихъ умовъ. Продолжать прежній путь и признать безсубстратность міра не позволили ему субъективныя особенности его богато-одаренной натуры. Во всякомъ случаѣ, Шеллингъ не пошелъ далѣе въ развитіи философской мысли. Но то, предъ чѣмъ остановился гениальный учитель, пытался довершить великій ученикъ его Гегель, окончательно устранившій всякую реальность, какъ основу всего сущаго, стремившійся все вывести изъ понятія въ его полнѣйшей отвлеченности, возсоздать міръ безъ субстрата. Грандіозная, по своей смѣлости, глубинѣ и послѣдовательности, система Гегеля была окончательнымъ довершеніемъ философскаго міровозрѣнія великой германской школы и вмѣстѣ конечнымъ предѣломъ развитія отвлеченнаго раціонализма.

Все существующее, по Шеллингу,—есть постепенное самовыявленіе абсолютнаго субъекта, находящаго послѣднее свое выраженіе и опредѣленность въ человѣческомъ сознаніи. Несомнѣнно, что въ этомъ саморазвитіи безусловнаго существуютъ двѣ различныя стороны: самый актъ, или процессъ развитія, то-есть формы и моменты его, и саморазвивающееся подлежащее, то-есть то, что, выходя изъ безразличія, постепенно объективируется и переходитъ изъ одной формы въ другую. Эти формы, какъ такія, вполне выражаются логически въ опредѣленныхъ понятіяхъ,—мыслятся. Но подлежащее всѣхъ этихъ формъ, которымъ въ данномъ случаѣ служить еще не проявившееся и при томъ абсолютное бытіе, по существу своему, не можетъ быть выражено ни въ какомъ опредѣленномъ понятіи. Что же оно такое? До проявленія своего и въ моментъ его, оно не можетъ быть опредѣляемо названіемъ абсолютнаго субъекта или субъектъ-объекта, потому что оно, въ указанные моменты, не есть такое; такимъ оно является только въ концѣ объектъ-субъективаци, какъ конечный ея результатъ,—является такимъ именно въ человѣческомъ сознаніи. Оно не есть дѣйствительный объектъ, потому что еще не объективировалось; слѣдовательно, не можетъ быть и дѣйствительнымъ субъектомъ: ибо одно съ другимъ соотносится и въ отдѣльности существовать не можетъ, а

потому не можетъ быть и дѣйствительнымъ единствомъ обохъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что все существующее необходимо бываетъ субъектомъ или объектомъ, а по соотношенію тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Поэтому, абсолютное начало Шеллинга не есть что-либо реально-существующее; слѣдовательно, оно существуетъ въ возможности, въ понятіи. Не будучи ничѣмъ дѣйствительно существующимъ, оно есть чистая возможность, чистое понятіе, — не какое нибудь опредѣленное понятіе, потому что опредѣленное и, какъ такое, частное понятіе не можетъ быть всеобщимъ, безусловнымъ началомъ, — а понятіе вообще, то-есть самая форма понятія. Но при этомъ не должно предполагать не только понятіе или даже самую форму его въ личномъ пониманіи человѣка, а даже понятіе въ общемъ какомъ бы то ни было пониманіи реально-понимающаго духа, какъ и думали нѣкоторые изъ учениковъ Гегеля. Понятіе тутъ вполне абсолютно: это не понятіе, а понимаемость, возможность въ предметѣ сдѣлаться понятіемъ. „Это—понятіе самосущее независимо отъ понимающаго и отъ понимаемаго въ своемъ развитіи ставящее того и другого. Вся реальность—въ немъ, и отъ него истекаютъ всѣ реальности, завершаемыя духомъ. И такъ, понимаемость есть сущность, или иначе—возможность понятія (его законъ) есть начало всего сущаго“ ¹⁾. Весьма остроуменъ способъ, посредствомъ котораго Гегель отыскиваетъ это абсолютное, всетворящее понятіе. Онъ сначала беретъ простѣйшія познанія изъ житейскаго круга и подвергаетъ ихъ анализу разсудка или, лучше сказать, разсудочной діалектики. Отъ опредѣленія, которое всегда оказывается неполнымъ и неудовлетворительнымъ, онъ восходитъ къ высшему, надъ которымъ произносится тотъ же приговоръ и все далѣе и далѣе, выше и выше, по выраженію Хомякова, отъ грубо-осязаемой земли до тонкаго невидимаго зѣира мысли и, наконецъ, до безпредметнаго знанія, до совершенной пустоты, которой уже возможно одно названіе „бытіе“. Вотъ съ этого-то момента у Гегеля и начинается процессъ творческаго возсозданія всего существующаго. Бытіе или понятіе бытія, лишенное посредствомъ вышеупомянутаго умственнаго процесса всякаго опредѣленнаго содержанія,—бытіе, ничѣмъ не отличающееся отъ небытія, въ этой самой тождественности своей съ небытіемъ почерпаетъ силу для поступательнаго движенія, для разклубленія изнутри и, переходя рядъ разнообразныхъ степеней осуществленія, наконецъ, находитъ высшее свое осуществленіе въ человѣкѣ. Какимъ же обра-

¹⁾ Хомяковъ, 294 стр., т. I.

зомъ совершается этотъ процессъ самозарожденія и саморазвитія всего сущаго изъ нѣдръ отвлеченнаго понятія, — это, какъ выражается Хомяковъ, воодухотвореніе отвлеченнаго бытія? Мы уже видѣли, что абсолютное понятіе не есть понятіе готовое, опредѣленное, личное, — оно есть не что иное, какъ понимаемость, или самый актъ, процессъ пониманія, а слѣдовательно, чистая безъсубъективная дѣятельность мышленія, которая невозможна безъ движенія, различенія или раздвоенія; въ противномъ случаѣ, она была бы чѣмъ-то неподвижнымъ, мертвымъ, но не была бы дѣятельностью. Поэтому, понятіе, какъ чистая дѣятельность, вѣчно движется, различается въ себѣ самомъ, относится къ себѣ отрицательно, полагаетъ себя какъ другое, измѣняется, переходитъ въ другое во множествѣ моментовъ. Отсюда — та вѣчная измѣняемость, постоянный переходъ одного въ другое, въ которомъ состоятъ бытіе и жизнь всего существующаго. Ибо все существующее есть проявленіе понятія, а понятіе, какъ дѣятельность, есть различеніе, отрицаніе, но различеніе и отрицаніе, происходящія въ самомъ же понятіи; оно само себя полагаетъ, какъ другое само себя отрицаетъ, и въ этомъ самоотрицаніи заключается его сущность. Поэтому, измѣняясь, полагая себя, какъ другое, понятіе выражаетъ только свою сущность, чрезъ отрицаніе утверждаетъ себя, какъ такое, становится для себя сущимъ, проявившимся понятіемъ; наконецъ, чрезъ цѣлый рядъ ступеней (едва ли выразимыхъ на русскомъ языкѣ), оно возвращается къ самому себѣ, но уже какъ проявившее противорѣчіе и потому свободное отъ него, — какъ высшее конкретное единство, моментъ положительно разумный.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Гегель взялся отыскать такое абсолютное начало для всего сущаго, которое, не будучи ни духовнымъ, ни матеріальнымъ, въ то же время заключало бы въ себѣ творческую силу и способность къ саморазвитію, самовыявленію во внѣ. Такимъ началомъ онъ признавалъ чистое понятіе, движущееся безъ личнаго субстрата, переходящее въ дѣйствительность помимо чего-нибудь понимающаго или понимаемаго. Это, какъ сказалъ Шеллингъ, была мысль, въ которой ничего не мыслилось. На этой безпредметной основѣ онъ и пытался построить мысленно весь міръ. Разумѣется, выполнить такую задачу оказалось невозможнымъ, потому что, по существу своему, она была невыполнима. Уже самый основной принципъ его системы заключалъ внутреннее противорѣчіе. Абсолютный мировой субстратъ есть чистое, безпредметное понятіе, равняющееся небытію, но оно имѣетъ въ себѣ возможность и силу быть предметнымъ бытіемъ. Эта

возможность и творческая сила сообщаютъ ему характеръ и свойства дѣйствительно, положительно существующаго и подводятъ его подъ качественную категорію реальности; а это уже противорѣчіе. Но предположимъ, что чистое понятіе Гегеля дѣйствительно было такимъ, какимъ представляетъ его мыслитель. Что же далѣе? Соблюдается ли строгая послѣдовательность въ дальнѣйшемъ развитіи его системы? Первый актъ творческой дѣятельности понятія заключается въ самоотрицаніи, изъ котораго чрезъ рядъ степеней развивается бытіе всего существующаго міра. Но сопоставленіе понятія о безусловномъ бытіи и понятія объ отрицаніи, то-есть понятія о цѣломъ, существующемъ мірѣ есть уже отношеніе,—слѣдовательно, есть извнѣ вносимая категорія и вносимая мыслью, слѣдовательно, сущимъ: ибо отрицать—значитъ мысленно противополгать отрицаемое, ставить его въ извѣстное отношеніе къ мыслящему субъекту,—значитъ мыслить; а мышленіе, какъ дѣятельность, необходимо предполагаетъ мыслящее, какъ подлежащее (субъектъ). Такая же непослѣдовательность, такіе же скачки повторяются и въ дальнѣйшемъ развитіи системы. Такъ, переходъ отъ понятія или возможности къ дѣйствительности опять-таки былъ невозможенъ безъ предшествовавшей дѣйствительности. Поэтому Гегель мимоходомъ вводитъ „мышленіе“ и, не оставивъ на немъ, поскорѣе утаиваетъ его. Это онъ дѣлаетъ по необходимости: вводитъ понятіе мышленія потому, что безъ него ничто не подвигалось къ дѣйствительности; а утаиваетъ потому, что хочетъ остаться вѣрнымъ своему основному принципу: создать или найти субстратъ всего сущаго, и въ то же время не предполагать его ни духовнымъ, ни матеріальнымъ. Критика, въ лицѣ Шеллинга, Тредоленбурга и др., не замедлила уличить его въ скрытомъ признаніи и затѣмъ въ утайкѣ безусловнаго субъекта, безъ котораго вся система его обращалась въ „мысль, въ которой ничего не мыслится“.

Система абсолютнаго раціонализма Гегеля, будучи логическимъ результатомъ предшествовавшаго развитія философской мысли, заканчиваетъ это развитіе и не допускаетъ дальнѣйшаго движенія по этому пути. Нельзя объяснять этого исключительно полнотою и законностью ея, ибо и система Гегеля, какъ мы сейчасъ видѣли, заключаетъ въ себѣ много такого, логическую законность и законченность чего еще можно заподозрить. Скорѣе причина этого кроется въ самой сущности принципа, положеннаго въ ея основаніе. Такъ какъ этотъ принципъ завѣдомо допускаетъ и узаконяетъ отрицаніе и противорѣчіе внутри самого понятія, какъ существенное условіе его саморазвитія,

то въ этой системѣ, какъ отвергающей законъ противорѣчія, уже невозможно указать на такое внутреннее противорѣчіе, которое служило бы мотивомъ для новаго философскаго развитія. Въ системѣ Гегеля всякое противорѣчіе ею же самою полагается, какъ логическая необходимость, и опять уничтожается или примиряется въ высшемъ единствѣ конкретнаго понятія. Въ этомъ смыслѣ она есть совершенно замкнутая система и уже не содержитъ въ себѣ элемента, который могъ бы дать начало и жизнь будущей философіи, не содержитъ постулата для нея. Для будущаго мыслителя представляется на выборъ одно изъ двухъ: или признать всю систему Гегеля цѣликомъ, или же цѣликомъ отвергнуть ее; примиряющей среды здѣсь быть не можетъ. Начинать же новую эру въ развитіи философской мысли и въ то же время поставить точкою отправленія основной принципъ—Гегели значило бы уклоняться въ сторону, допускать искаженіе самаго принципа и создавать какой-нибудь философическій абсурдъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось съ учениками великаго германскаго мыслителя.

Признать безсубстратность всего сущаго не позволяло непосредственное сознание каждаго; противъ такого воззрѣнія не замедлила возстать и доказать его несостоятельность и философская критика. Ближайшіе ученики Гегеля взялись восполнить мнимый недостатокъ своего учителя. Не понимая, что главная задача философіи его именно въ томъ и состояла, чтобы воссоздать все существующее безъ субстрата, они очень простодушно вообразили, что стоитъ только ввести въ систему его этотъ недостающій субстратъ, — и ошибка будетъ исправлена. Но что должно было служить всемірнымъ субстратомъ?—относительно этого мнѣнія раздѣлились. Одна сторона Гегелевой школы усвоивала за всемірнымъ субстратомъ характеръ идеальный, считая его за какой-то субъективный, личный и въ то же время собирательный геній, воплощаемый или въ цѣломъ составѣ міра или только въ человѣчествѣ. Не удивительно, поэтому, что часть школы, державшаяся этого воззрѣнія, въ скоромъ времени дошла до самаго туманнаго, пантеистическаго мистицизма и утратила всякое значеніе въ исторіи философіи. Другая часть школы, имѣвшая большое значеніе въ исторіи философской мысли и отчасти пользующаяся имъ и до нынѣ, держалась совершенно противоположнаго воззрѣнія на міровой субстратъ. Духъ, очевидно, не могъ быть имъ, во первыхъ, потому, что самая задача Гегеля прямо и выражала себя, какъ исканіе процесса, созидающаго духъ; а вовторыхъ, и потому, что самый харак-

теръ Гегелева рационализма, въ высшей степени идеалистическій, вовсе не былъ спиритуалистическимъ. „И вотъ самое отвлеченное изъ человѣческихъ отвлеченностей, — гегелианство, прямо хватило за вещество и перешло въ чистѣйшій и грубѣйшій матеріализмъ. Вещество будетъ субстратомъ, а затѣмъ система Гегеля сохранится, т. е. сохранится терминологія, большая часть опредѣлений, мысленныхъ переходовъ, логическихъ приѣмовъ и т. д., однимъ словомъ—сохранится то, что можно назвать фабричнымъ процессомъ Гегелева ума. Такимъ образомъ, для осуществленія всей системы Гегеля, для сообщенія ей характера полноты и законченности, хотя, конечно, съ полнымъ извращеніемъ ея, введено было новое абсолютное начало—вещь, какъ вещество вообще. Но почему именно вещество, а не что нибудь другое поставлено было на мѣсто абсолютнаго субстрата? Хомяковъ объясняетъ это тѣмъ простымъ и совершенно вѣрнымъ соображеніемъ, что одна крайность непременно вызываетъ другую, противоположную первой, или,—говоря его словами, — „всякая односторонняя мысль, или лучше сказать, односторонняя ложь мысли заключаетъ въ себѣ ложь противоположной односторонности...“ Поэтому понятно, что „самая грубая форма общаго субстрата должна была явиться въ томъ философскомъ мірѣ, который хотѣлъ вовсе обойтись безъ субстрата“ ¹⁾. Но можно полагать, что между крайнимъ идеализмомъ Гегеля и грубымъ матеріализмомъ новой германской школы существуетъ болѣе прямая, генетическая связь. Все, о чемъ можно мыслить, все существующее и не существующее у Гегеля проявляется въ трехъ главныхъ фазисахъ или моментахъ: въ чистомъ понятіи или понятіи въ самомъ себѣ, затѣмъ въ понятіи, воплощающемся во внѣшнемъ бытіи природы, и, наконецъ, въ возвратившемся въ себя—въ человѣческомъ духѣ. За абсолютное начало онъ принимаетъ первый моментъ, то есть, чистое, еще не проявившееся понятіе. Но такъ какъ понятіе, какъ дѣятельность, безъ понимающаго признается не мыслимымъ, то настоящимъ носителемъ понятія является человекъ. Однако, нельзя считать человека, какъ существо конечное, абсолютнымъ началомъ, ибо онъ самъ у Гегеля, по самому своему понятію, предполагаетъ уже существованіе внѣшней природы, необходимо его обуславливающей; слѣдовательно, остается признать первымъ безусловнымъ началомъ это внѣшнее бытіе природы. Этотъ выводъ, хотя въ существѣ своемъ и несогласный съ общимъ смысломъ міровоззрѣнія Гегеля, однако же

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 333.

естественно могъ быть сдѣланъ изъ него поклонниками и глашатаями новаго матеріализма.

Но былъ ли матеріализмъ явленіемъ логически-законнымъ, или же только nepозволительною nepослѣдовательностію, незаконною переносомъ словъ, посредствомъ которой вводится въ правильную систему понятіе, вовсе изъ нея не вытекающее,—во всякомъ случаѣ онъ уже не былъ новымъ словомъ въ области философіи. Не говоря объ аналогичности его съ древними матеріалистическими ученіями, для него можно найти совершенно параллельныя фазисы въ ближайшемъ, предыдущемъ развитіи философской мысли; разница только будетъ въ терминологіи, а не въ сущности. Въ матеріалистическомъ возрѣніи вещество,—для того, чтобы быть всеобщимъ субстратомъ,—утрачиваетъ свои существенныя свойства: протяженность, непроницаемость, тяжесть, дѣлимость и пр., которыми оно опредѣляется качественно и безъ которыхъ оно не мыслимо, какъ вещество. Причина этого понятна: удерживать за веществомъ принадлежащія ему свойства и чрезъ это опредѣлять его, какъ такое, какъ отдѣльное, слѣдовательно, ограниченное, конечное,—значило бы лишать его возможности быть всеобщимъ мировымъ субстратомъ: ибо конечное никогда не можетъ быть безконечнымъ или абсолютнымъ, каковою только и можетъ быть представляема основа всего сущаго. Утративъ же свои существенныя и основныя свойства, вещество перестаетъ быть веществомъ, а обращается въ чисто-отвлеченное понятіе, или лучше сказать, въ какой-то смутный образъ, которому матеріалисты усвоили произвольное названіе атома. Что же это такое, какъ не то же гегелианство въ извращенномъ видѣ! Проповѣдники новѣйшаго современнаго намъ матеріализма, замѣтивъ ошибку своихъ предшественниковъ и желая исправить ее, прямо признаютъ за всеобщую мировую основу вещество въ томъ видѣ, въ какомъ оно является нашему непосредственно-чувственному опыту и считаютъ объективный міръ только міромъ явленій, то есть нашего представленія, въ чемъ будто и заключается его сущность. Но явленіе, какъ бытіе несамостоятельное, а обусловленное другимъ, необходимо предполагаетъ это другое, какъ безусловное и самобытное. Здѣсь матеріализмъ, утративъ свой первичный грубо-чувственный обликъ и явившись въ формѣ позитивизма, дѣлаетъ въ системѣ идеализма еще шагъ назадъ и, по сущности своихъ возрѣній, почти совпадаетъ съ Фихте и Кантомъ. Полагаемъ, что все вышеизложенное служить достаточнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, высказаннаго славянофилами, что отвлеченно-раціональная

философія совершила свой путь, достигла крайняго своего предѣла, переступить который не могъ бы самый великій изъ человѣческихъ умовъ, не измѣнивъ радикально ея основнаго принципа, и что, потому, за невозможностью идти далѣе, ей остается разрастаться въ ширину, или же поворачивать назадъ, не имѣя силы выйти изъ этого заколдованнаго круга.

V.

Оставаясь вѣрными смыслу воззрѣній нашихъ мыслителей, мы очертили весь путь, пройденный отвлеченно-формальнымъ рационализмомъ, отъ самаго момента его зарожденія на Европейской почвѣ и включительно до эпохи полнаго и конечнаго развитія его въ новѣйшей германской философіи. Изъ этого очерка нельзя не видѣть тѣхъ безвѣчныхъ притязаній, какими задалось философское мышленіе, особенно въ послѣднемъ фазисѣ своего развитія, и вмѣстѣ съ этимъ скудости результатовъ, къ какимъ оно пришло послѣ своей вѣковой титанической работы. Поставить цѣлю отыскать всеобщее основаніе для бытія и познанія—абсолютный мировой субстратъ и въ концѣ концовъ придти къ отрицанію всякаго субстрата: вотъ та исполнинская задача, выполненіе которой взяла на себя рационалистическая философія и тотъ жалкій результатъ, котораго она достигла. Она не могла идти далѣе и выполнить взятой на себя задачи „не отъ истощенія своихъ дѣятелей, могущихъ до конца, не отъ ослабленія вниманія въ обществѣ, которое за ней слѣдило съ постояннымъ и почти суетвѣрнымъ вниманіемъ, не отъ распаденія на мелкіе расколы, порожденные шаткостью и темнотой положеній, выведенныхъ главными учителями; она не была вытѣснена новымъ ученіемъ, возставшимъ въ силѣ;—нѣтъ, она одна изъ всѣхъ философскихъ школъ совершила свой путь строго до послѣдняго вывода. Она остановилась и пала только предъ невозможнымъ, передъ возстановленіемъ или лучше сказать предъ возсозданіемъ сущаго изъ отвлеченнаго закона“¹⁾. Попытки продолжить ея дѣятельность въ прежнемъ направленіи оказались совершенно безплодными. Но если она пришла въ своемъ развитіи къ тому печальному результату, то, значитъ, въ самой сущности ея находились тавія несовершенства, которыя необходимо вызывали его. Въ чемъ же заключался главный и общій недостатокъ этой философіи? Онъ со-

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 273.

стоялъ, по мнѣнію нашихъ мыслителей, въ томъ, что она, будучи на самомъ дѣлѣ философіей разсудка, считала себя философіей цѣльнаго разума, и что, потому, ей была доступна истина только возможнаго, а не дѣйствительнаго, или иначе, — законъ, а не міръ, въ которомъ законъ проявляется. Что философія Аристотеля и креатура ея — схоластика — исключительно были философіей разсудка, это неоспоримо; но была ли такую философія и въ послѣдней фазѣ своего развитія, — это еще требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій и подтвержденій, тѣмъ болѣе, что сама она, въ противоположность своей предшественницѣ, считала себя исключительно философіей разума.

Понятіе о разумѣ, въ разные моменты развитія философской мысли, было не одинаково. Кирѣевскій совершенно справедливо по этому поводу замѣчаетъ ¹⁾, что разумъ безпрестанно мѣнялъ свои формы, оставаясь впрочемъ неизмѣннымъ по своей сущности; разница была только въ полнотѣ и точкѣ отправленія его развитія. Едва только понимали его недостаточность, какъ онъ ускользалъ отъ этого пониманія, являясь въ другомъ видѣ и оставляя свой прежній образъ, какъ простую чешую, въ рукахъ своихъ противниковъ. Такъ, чтобы избѣжать упрековъ въ недостаточности, онъ перешелъ отъ формально-логическихъ доказательствъ къ опытнымъ наблюденіямъ съ одной стороны, и внутреннему сознанію истины — съ другой, назвавъ прошедшее свое мышленіе разсудочнымъ, а новое разумнымъ; обнаруживъ вслѣдствіе своего развитія въ новой формѣ также и ея недостаточность, онъ назвалъ ее разсудочною и перешелъ къ чистому разуму. Критика доказала чисто-разсудочный характеръ теоріи чистаго разума Канта и Фихте. Господство разума, въ истинномъ его смыслѣ, должно было начаться съ послѣдней фазы развитія философіи, а именно въ системѣ Шеллинга и Гегеля. Такъ и думали творцы послѣдней, считавшіе циклъ разсудочнаго мышленія оконченнымъ системою Фихте, а свою философію философіей разума въ собственномъ смыслѣ. И такъ, разумъ, какъ его понимаетъ послѣдняя философія, не смѣшиваетъ себя съ логическимъ мышленіемъ, заключающимся въ формальномъ сдѣвленіи понятій и движущимся посредствомъ силлогистическихъ выводовъ и доказательствъ. Разумъ, по понятію шеллинго-гегелянской школы, выводитъ свое знаніе по законамъ умственной необходимости, не изъ отвлеченнаго понятія, составленнаго на основаніи чувственно-эмпирическихъ данныхъ, но изъ самаго корня само-

¹⁾ Кирѣевскій, ч. 2, стр. 318—319.

сознанія, гдѣ бытіе и мышленіе сливаются въ одно безусловное тождество (конкретное единство понятія Гегеля). Процессъ разумнаго мышленія состоитъ не въ логическомъ развитіи, движущемся посредствомъ отвлеченныхъ умозаключеній, но въ развитіи діалектическомъ, исходящемъ изъ самой сущности предмета. Нельзя конечно отрицать, что понятіе о разумѣ, выработанное новѣйшею философіею, теоретически совершенно вѣрно; но практически она прилагала его исключительно къ процессу отвлеченно-разсудочнаго мышленія. Все различіе діалектическаго развитія мысли отъ обыкновеннаго логическаго мышленія состоитъ только въ томъ, что процессъ перваго начинается отъ первыхъ, основныхъ законовъ познанія и нисходитъ до частнаго обнаруженія ихъ въ явленіяхъ; процессъ втораго совершается въ противоположномъ направленіи, восходя отъ частныхъ явленій къ общимъ, отвлеченнымъ законамъ бытія и мышленія; первое идетъ путемъ синтеза, второе — путемъ анализа; но тотъ и другой процессъ совершаются однимъ и тѣмъ же силлогистическимъ способомъ и имѣютъ дѣло съ одними и тѣми же отвлеченными формами или законами разсудка. Такимъ образомъ и философія шеллинго-гегеліанской школы есть также философія разсудка, какъ и предшествовавшія ей философскія системы.

Послѣ этого, намъ остается сдѣлать критическій анализъ того принципа подѣ преобладающимъ воздѣйствіемъ котораго совершалось все умственное развитіе западной Европы включительно до послѣдняго и высшаго момента своего выраженія въ философіи шеллинго-гегеліанской школы.

Принципъ, лежащій въ основѣ отвлеченно-раціоналистической философіи, можно резюмировать въ немногихъ словахъ: разсудочное мышленіе есть единственное орудіе познанія; оно же, и только оно одно, должно быть и критеріемъ истины; способъ познанаія (истины) логическое умозаключеніе; другаго способа и средства познанаія эта философія не знала и знать не хотѣла. Вопросъ теперь заключается въ томъ, способно ли отвлеченно-разсудочное мышленіе къ возможно-полному и всестороннему постиженію истины? Рѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ существенно зависитъ отъ двухъ условій: если а) будетъ доказано, что логика явленій, такъ называемаго, объективнаго міра вполнѣ совпадаетъ съ логикою нашего познанія ихъ, — иначе: законы бытія и мышленія тождественны между собою; если б) мы убѣдимся, что разсудочное познаніе обнимаетъ познаваемое во всей его полнотѣ и въ то же время само познаваемое, поступающее

въ распоряженіе нашего разсудка въ качествѣ представленія, слѣжитъ полнымъ выраженіемъ дѣйствительно сущаго,—если, говоримъ, будетъ это доказано, то полнѣйшая компетентность отвлеченно разсудочнаго мышленія въ дѣлѣ познанія не будетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію; въ противномъ случаѣ — оно можетъ считаться лишь частнымъ факторомъ нашего познанія, нуждающимся для полноты его въ содѣйствіи другихъ духовныхъ силъ. Западная философія, въ конечномъ своемъ развитіи, какъ мы видѣли, дошла до абсолютнаго отождествленія бытія и мышленія, и принявъ эту тождественность за аксіому, поставила ее своимъ основнымъ принципомъ. Но при безпристрастномъ анализѣ открывается много данныхъ, которыя заставляютъ насъ заподозривать научную самостоятельность этого принципа.

Законы нашего мышленія непремѣнно должны быть согласны съ законами развитія реального бытія; въ противномъ случаѣ было бы немислимо никакое достовѣрное познаніе и вся сумма приобретаемыхъ нами разнородныхъ свѣдѣній, всѣ науки обращались бы въ продуктъ досужей фантазіи. Но въ то же время между этими законами существуетъ и значительное различіе, игнорировать которое было бы весьма важною ошибкою. Діалектическое развитіе мышленія и причинно-хронологическое развитіе реального бытія совершаются въ силу тождественныхъ законовъ и идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ, но только въ обратнo-противоположномъ направленіи другъ другу. „Пути ихъ тождественны, но тождественны, какъ лѣстница одна и та же для восходящаго и нисходящаго“. Различіе это нагляднѣе всего можно прослѣдить на примѣрѣ. Положимъ, что извѣстныя лица затѣяли выстроить зданіе; поэтому они пригласили архитектора; поэтому архитекторъ выстроилъ зданіе; поэтому мы теперь его видимъ. Таково исторически послѣдовательное развитіе фактовъ дѣйствительности. Процессъ діалектическаго познанія въ данномъ случаѣ совершался бы въ обратнo-противоположномъ порядкѣ: я вижу зданіе; слѣдовательно, оно существуетъ; слѣдовательно, оно выстроено; слѣдовательно, былъ приглашенъ архитекторъ, который и выстроилъ его; слѣдовательно, постройка его была задумана извѣстными лицами. Опять рядъ слѣдствій, движущихся по тому же строго-логическому пути, но въ діаметрально-противоположномъ направленіи дѣйствительному, причинно-историческому преемству явленій. Съ формально-логической точки зрѣнія оба процесса совершенно правильны и повидимому сходны между собою; но, по существу своему,

они имѣютъ величайшее различіе; принимать ихъ безразлично, ставить одинъ на мѣсто другаго было бы величайшимъ заблужденіемъ. Въ дѣйствительномъ ходѣ событій каждое предыдущее явленіе необходимо обуславливаетъ послѣдующее одного и того же порядка, и послѣднее всегда находится въ причинной зависимости отъ перваго; въ отвлеченномъ же мышленіи—наоборотъ—прошедшее обуславливается настоящимъ впечатлѣніемъ. Принимать же отвлеченный діалектическій процессъ мышленія за безусловно-тождественный съ процессомъ послѣдовательнаго развитія реального бытія, поставять первый на мѣсто втораго—значить переставлять категорію причины на мѣсто категоріи слѣдствія, принимать слѣдствіе за причину. Неоспоримо, что въ познаніи всякое слѣдствіе обуславливаетъ свою причину, но едва ли найдется человекъ въ здоровомъ умѣ, который сталъ бы утверждать, что, въ преемственномъ ходѣ дѣйствительныхъ событій, причина вытекаетъ изъ своихъ послѣдствій? Возьмемъ для поясненія прежній примѣръ. Я вижу зданіе, построенное архитекторомъ: изъ того, что я вижу это зданіе, ясно вытекаетъ, что оно существуетъ и что построено архитекторомъ. Въ умѣ моемъ прошедшее обуславливается настоящимъ. Я не могъ бы видѣть зданія, еслибы оно не существовало, а его вижу: слѣдовательно, оно существуетъ. Противъ правильности этого вывода никто, конечно, не станетъ возражать. Но еслибы кто сказалъ, что зданіе построено потому что онъ его видитъ, то это было бы противно здравому смыслу. Вообще, различіе между тѣмъ и другимъ процессомъ можетъ быть сформулировано такъ: логически—предметъ существуетъ, и потому я его познаю; діалектически—я познаю предметъ, и потому онъ существуетъ. Смѣшивать или отождествлять законы реального бытія и формальнаго мышленія—значить искажать процессъ пониманія и дѣлать достовѣрное познаніе положительно невозможнымъ. Новѣйшая германская школа, безусловно отождествивъ бытіе и мышленіе, естественно должна была отождествить и законы того и другаго. Это и было одною изъ колоссальныхъ ея ошибокъ.

Но и въ томъ случаѣ, еслибы законы діалекческаго развитія мысли и законы развитія реального бытія были вѣрно поняты, все-таки отвлеченно-разсудочное мышленіе, въ своей оторванной отдѣльности отъ другихъ духовныхъ силъ, едва ли могло служить органомъ, совершенно достаточнымъ для познанія сущаго, во всей его полнотѣ и живой дѣйствительности. Разсудочное познаніе есть прежде всего знаніе посредственное. Разсудокъ имѣетъ дѣло не непосред-

ственно съ самою живою дѣйствительностію, а съ данными, доставляемыми ему другими способностями, входящими въ непосредственное сношеніе съ объективнымъ міромъ; онъ имѣетъ дѣло съ тѣми впечатлѣніями и образами, которые воспринимаются при посредствѣ внутренняго и внѣшняго чувствъ и хранятся въ воображеніи и памяти. Извѣстное же дѣло, что образъ, какъ бы онъ полонъ и совершенъ ни былъ, никогда не можетъ исполнѣ соответствовать изображаемому; копія, при всѣхъ своихъ совершенствахъ, никогда не выражаетъ исполнѣ оригинала. При тождествѣ другихъ условій, очевидецъ лучше знаетъ явленіе, чѣмъ знакомый съ нимъ чрезъ посредство другихъ,—какою бы полнотою и вѣрностію ни отличались полученныя послѣднимъ свѣдѣнія. Предположимъ, что оригиналъ отразился въ своемъ изображеніи исполнѣ—со всѣми микроскопическими подробностями, со всѣми едва уловимыми штрихами и оттѣнками, — что, конечно, въ дѣйствительности невозможно, но и тогда онъ будетъ страдать однимъ и самымъ существеннымъ недостаткомъ; а именно: ему будетъ недоставать живой реальности, присущей оригиналу; отсутствіе ея уничтожаетъ всякую возможность полнаго сходства между тѣмъ и другимъ. Разсудокъ стоитъ относительно познаваемого въ положеніи науки, имѣющей дѣло не съ подлинными данными, а съ болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами: нѣтъ нужды, что система науки, съ точки зрѣнія формальной логики, — верхъ совершенства; но если основа ея, самый научный матеріалъ, изъ котораго она построена, не имѣетъ за собою характера достовѣрности, то и всѣ дальнѣйшіе выводы ея, само собою разумѣется, бывають лишены этого характера. То же самое и въ данномъ случаѣ: какъ бы ни были вѣрны логическіе выводы, съ какою бы неумолимо-строگو послѣдовательностію ни вытекали они изъ своихъ предварительныхъ данныхъ, но если самыя данныя, служація посылками, заподозрѣваются въ неполномъ соответствіи съ дѣйствительностію, то и выводы изъ нихъ не могутъ быть признаны исполнѣ достовѣрными.

Эти простыя и, такъ сказать, вульгарныя соображенія уже достаточно ясно намекають на неполное соответствіе результатовъ, добываемыхъ посредствомъ логическаго мышленія, съ дѣйствительнымъ бытіемъ и положеніемъ вещей. Предположеніе это исполнѣ подтвердится, если мы обратимъ вниманіе на отношеніе логическаго познанія къ своему познаваемому и на свойства самаго познаваемого разсудкомъ. Разсудочное познаніе ставитъ познаваемое (все равно,—будетъ ли оно взято изъ міра объективнаго, или имъ будетъ собственная

личность познающаго), по отношенію къ себѣ, какъ что-то внѣшнее, противопоставляетъ его себѣ, своему собственному я — какъ не я, и, слѣдовательно, ставитъ его въ отрицательное отношеніе къ себѣ; всякое же отрицаніе, въ смыслѣ философскомъ, какъ противоположеніе я—не я, ставитъ отрицательное, какъ возможное только, а не дѣйствительно существующее, оставляя дѣйствительность только за самимъ собою. Познаніе это, по выраженію Хомякова, есть переводъ дѣйствительнаго въ область возможнаго, въ законъ. Первая, начальная ступень разсудочно-познавательной работы и въ то же время первое опредѣленіе, дѣлаемое разсудкомъ познаваемому, есть отрицаніе его, въ смыслѣ противоположенія я—не я. Противопоставляя познаваемое самому себѣ, разсудокъ беретъ его не во всей его полнотѣ и живой реальности, а въ томъ отвлеченномъ видѣ, какой оно принимаетъ отражаясь въ нашемъ духѣ, потому что дѣйствительность ему не доступна; слѣдовательно, онъ противопоставляетъ себѣ не самое дѣйствительное во всей полнотѣ его силъ, а только отвлеченную форму или схему, снятую духомъ съ дѣйствительнаго бытія,—схему, которая, правда, осуществляется въ дѣйствительности, но не выражаетъ самой и всей сущности реальнаго, а является только какъ возможность, какъ отвлеченный законъ. Будучи, такимъ образомъ, не въ состояніи, по самой своей природѣ, входить въ прямое, непосредственное сношеніе съ міромъ реальнаго бытія, но имѣя дѣло только съ отвлеченно-идеальными образами, слѣдовательно, съ сферою одного только возможнаго, логическое мышленіе, въ своей изолированности отъ другихъ духовныхъ силъ, оказывается бессильнымъ познавать живую, непосредственную дѣйствительность.

И такъ, познаваемое не отражается вполне въ разсудочномъ познаніи, потому что оно отражается безъ своей дѣйствительности, какъ отвлеченное, и, слѣдовательно, какъ возможное. Но насколько само познаваемое, которымъ въ данномъ случаѣ служатъ образы или представленія реальнаго міра, отражаетъ изображаемую дѣйствительность? Можетъ ли самое совершенное изъ представленій быть полнымъ отраженіемъ всѣхъ свойствъ представляемаго предмета, исключая, конечно, его реальности, не переходящей въ образъ? Собственный опытъ cadaго побуждаетъ отвѣчать на эти вопросы не иначе, какъ отрицательно. Едва ли нужно доказывать, что большинство нашихъ представленій имѣютъ лишь слабое, самое поверхностное сходство съ представляемыми предметами; даже самыя совершенныя изъ нихъ, по тщательной повѣркѣ, почти всегда оказываются неточными. Но

можетъ быть, само наше существо, нашъ самосознающій духъ, когда онъ переходитъ на степень познаваемаго, наиболѣе приближается къ идеалу представленія? Можетъ быть, представленіе его, какъ сферы, наиболѣе намъ извѣстной, есть самый полный и самый вѣрный образъ непосредственной дѣйствительности? Не касаясь тѣхъ сторонъ челоѳческаго духа, существованіе которыхъ обнаруживается слабо и не во всѣхъ, и потому подвергается болѣе или менѣе разумному сомнѣнію, мы ограничимся указаніемъ на такую сторону его, отъ которой находится въ зависимости цѣлая обширнѣйшая сфера челоѳческихъ дѣйствій, но которая тѣмъ не менѣе никогда не переходитъ въ предметный образъ. Это—челоѳческая воля. Служитъ ли воля самостоятельнымъ и самодвижущимъ началомъ нашей дѣятельности, или она есть результатъ внѣшнихъ условій, посторонняго давленія, — на рѣшеніи этого вопроса мы не будемъ здѣсь останавливаться; въ данномъ случаѣ для насъ выженъ только фактъ существованія воли. Отрицать ее, какъ неотъемлемую принадлежность челоѳческаго духа, какъ силу, возбуждающую его дѣятельность и движущую ее въ томъ или другомъ направленіи, противорѣчило бы очевидности; но подмѣтить и опредѣлить на самомъ совершившемся фактѣ силу, побуждающую субъектъ къ совершенію дѣйствія и присутствующую самому процессу дѣйствія, невозможно. Всѣ помыслы челоѳка до тѣхъ поръ, пока они остаются помыслами и не переходятъ изъ міра мысли въ область явленій, находятся въ полномъ распоряженіи челоѳка; онъ чувствуетъ себя полнымъ господиномъ своихъ мыслей, отъ воли котораго зависитъ осуществить ихъ на дѣлѣ и осуществить въ томъ или другомъ направленіи. Но вотъ задуманная мысль переходитъ въ дѣйствіе, вступаетъ въ міръ явленій; предъ Вами уже совершившійся фактъ: гдѣ тогда отыскать въ немъ слѣды воли? По какимъ признакамъ разсудокъ узнаетъ ея присутствіе? Анализируйте, сколько угодно, самый совершившійся фактъ, и вы не откроете въ немъ этихъ слѣдовъ: продуктъ свободнаго выбора и фактъ, совершившійся подъ нудящимъ давленіемъ необходимости, побывавъ даже подъ анатомическимъ ножомъ самаго строгаго анализа, часто смѣшиваются между собою и принимаются одинъ за другой. Причина этого заключается въ томъ, что мысль, вступая въ міръ явленій, въ то же время вступаетъ въ область необходимости и уже не представляетъ никакихъ признаковъ воли. Будучи однимъ изъ главныхъ факторовъ челоѳческихъ дѣйствій, воля сама не переходитъ въ ощущаемый образъ, а принадлежитъ къ области допредмет-

ной. Если же, какъ мы видѣли, разсудочное познаніе имѣетъ дѣло только съ отвлеченными образами или представленіями, а самая дѣйствительность познаваемаго ускользаетъ отъ него, то, въ такой же мѣрѣ, ему не доступна и область силъ, не переходящихъ въ предметный образъ; слѣдовательно, не доступна и воля. Вотъ почему для суда и оцѣнки человѣческихъ дѣйствій недостаточно одного холоднаго, всеразлагающаго анализа разсудка, а въ такой же, если не въ большей степени, требуется живое, непосредственное убѣжденіе.

Такимъ образомъ, воля: не подлежитъ разсудочному познанію; между тѣмъ, она, не говоря уже о всеобъемлющемъ значеніи ея въ области нравственной, играетъ весьма важную роль и въ дѣлѣ теоретическаго познанія. Не допускать участія ея въ дѣлѣ познанія или игнорировать его — значитъ исказить процессъ пониманія и дѣлать правильное познаніе невозможнымъ. Воля служить въ процессѣ познанаія не только движущею силою, но регулируетъ и различаетъ познаваемый матеріалъ. Выше было сказано, что разсудокъ имѣетъ дѣло только съ областью явленій, или нашего представленія. Все существующее познается имъ лишь по столько, по сколько оно поступаетъ въ вѣдѣніе мысли, въ качествѣ представленія. Будутъ ли представленія явленіями внѣшняго, объективнаго міра, или же собственнаго человѣческаго существа,—это для разсудка совершенно безразлично: весь міръ для него есть такой же предметъ, такое же познаваемое, какъ и самовыявленія его внутренняго существа, его я. Германская философія узаконила единство познаваемаго, тождество предметовъ, подлежащихъ нашему вѣдѣнію, но она на этомъ и остановилась по очень понятной причинѣ: для разсудка, который она считала единственнымъ органомъ познанія, всѣ представленія, изъ какой бы сферы они ни почерпались, по существу своему, однородны. Такъ и должно быть для разсудка, оторваннаго отъ другихъ силъ духа; но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Всякій предметъ, все познаваемое (въ качествѣ познаваемаго) бываютъ одинаковы, всѣ равно поступаютъ въ человѣческое сознание, но затѣмъ отношенія ихъ къ личному разумѣнію различны. Есть сила, которая различаетъ, такъ сказать, сортируетъ предметы нашего познанія, опредѣляя иные, какъ я и отъ меня, другіе же какъ я, но не отъ меня, и такимъ образомъ обличаетъ различіе первоначалъ, отъ которыхъ истекаетъ существованіе или измѣненіе познаваемыхъ предметовъ. Эта сила есть человѣческая воля. Воля отдѣляетъ предметы, ею самую созданные и вообще принадлежащіе къ внутреннему міру, отъ явленій міра внѣш-

наго,—и сдѣлать это можетъ только она одна: предметъ внѣшній не покоренъ волѣ; предметъ внутренній ею зарождается, или, когда онъ есть невольный отзывъ внѣшняго міра, то ею управляется; только при помощи ея происходитъ различеніе внутренняго отъ внѣшняго; парализована воля, теряется и различеніе. Воля сопровождаетъ каждое понятіе, обличаетъ первоначало, которое предшествуетъ явленію, и только она ограничиваетъ предѣлы человѣческой личности.

Полагаемъ, что сказаннаго достаточно для того, чтобы оправдать выводъ Хомакова, что „познаніе разсудочное не обнимаетъ дѣйствительности познаваемаго; познаваемое не содержитъ первоначала въ полнотѣ его силъ и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе оно можетъ передать его знанію даже въ отвлеченности“, и „что оно опредѣляетъ только внѣшность предмета или мысли и внѣшность ихъ отношеній къ другимъ“¹⁾ Для полноты характеристики разсудочнаго познанія приведемъ примѣръ, мѣтко характеризующій это познаніе, который приводитъ, между прочимъ, и Хомяковъ. Слѣпорожденный приобрѣтаетъ познанія; онъ въ полномъ кругѣ наукъ встрѣчается съ оптикою, изучаетъ ее, постигаетъ ея законы, остроумно характеризуетъ явленія и даже, можетъ быть, обогащаетъ ее нѣкоторыми новыми выводами, достигая, конечно, всего этого не чрезъ посредственное знакомство съ предметомъ, физически невозможное для него, но чрезъ сравненіе съ явленіями, подлежащими его непосредственному опыту, напримѣръ, свѣта со звукомъ. Спрашивается: знаетъ ли онъ свѣтъ? Нѣтъ; онъ не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія; онъ знаетъ только его законы, да и ихъ онъ знаетъ только изъ данныхъ, полученныхъ отъ зрячаго; — знаетъ ихъ потому, что они оказались аналогичными съ законами другихъ явленій, непосредственно ему извѣстныхъ. Но сама дѣйствительность, въ которой законъ проявляется, для него остается, по прежнему, terra incognita. Таково отношеніе разсудочнаго мышленія къ реальному бытію.

Отсюда слѣдуетъ, что разсудочное мышленіе никакъ не можетъ быть признано единственнымъ и вполнѣ достаточнымъ органомъ познанія. Главный и общій недостатокъ всей рационалистической философіи, особенно рельефно выступившій въ послѣдней фазѣ ея развитія на германской почвѣ, именно въ томъ и состоялъ, что она считала разсудокъ единственнымъ орудіемъ познанія и принимала частные его законы за законы всецѣлаго разума, признавая ихъ

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 278 и 254.

вполнѣ тождественными съ законами, по которымъ совершается развитіе реального бытія. Недостатокъ этотъ, еще не такъ ясно выдававшійся въ начинателѣ послѣдней философской фазы — Кантѣ, выразился совсею полнотою въ ея довершителѣ Гегелѣ. Но ученіе Гегеля было только логическимъ выводомъ изъ ученія Канта. Правда, Кантъ, категорически отвергнувъ безусловное сомнѣніе, совершенно справедливо утвердилъ исходную точку своей философіи въ самомъ средоточіи мысли, въ самосознающемъ я; но самое это средоточіе онъ постоянно стремился опредѣлить понятіемъ, слѣдовательно, разсудкомъ. Геніальный мыслитель, понимая односторонность раціонализма, все еще пытался своею критикою практическаго разума примирить его съ другими сторонами духовной жизни. Это была послѣдняя попытка, послѣ которой раціонализмъ получилъ полное, безраздѣльное господство въ области философскаго мышленія. Преемникъ Канта, Фихте, былъ уже полнымъ, самымъ пламеннымъ раціоналистомъ. Рѣзко и опредѣленно разграничиваетъ онъ личное пониманіе, какъ начало положительное, отъ предмета, какъ начала отрицательнаго, и обращаетъ весь міръ въ какой-то смутный образъ, лишенный реальности. Шеллингъ, поставившій свою задачу примирить бытіе и мышленіе и отождествившій то и другое въ безусловномъ актѣ объектъ-субъективаци, также стоялъ исключительно на раціоналистической почвѣ; выводы его, какъ добытые путемъ разсудочнаго анализа, не могли возвыситься надъ сферою разсудка; его субъектъ-объектъ былъ отвлеченнымъ понятіемъ, а постепенное самовыявленіе его посредствомъ субъектъ-объективаци есть не болѣе, какъ процессъ логическаго развитія понятія. Шеллингъ точку отправления духовнаго развитія духа прямо опредѣляетъ словомъ „чистая возможность бытія“. Абсолютный субъектъ теряетъ всякую реальную самобытность, обращаясь въ чистую отвлеченность. Но чтó у Шеллинга высказано было не такъ ясно и рѣшительно, то у Гегеля является въ полномъ и законченномъ развитіи. Гегель былъ полнѣйшимъ и единственнымъ раціоналистомъ въ мірѣ. Признавая, что „чистая возможность бытія“ Шеллинга не имѣетъ смысла въ наукѣ, онъ ставитъ всеобщимъ мировымъ субстратомъ чистое, самосущее понятіе о бытіи, тождественное небытію. Для него понятіе обнимаетъ все: въ немъ заключается причина и сущность всего сущаго; все сущее равняется понятію, и понятіе равно всему сущему. Законы развитія того и другаго совершенно тождественны. Бытіе и мышленіе, понятія и явленія, какъ тождественныя, движутся въ силу однихъ и тѣхъ же законовъ и въ

одинаковомъ направленіи. Отсюда ему кажется, что настоящее есть причина прошедшаго потому только, что прошедшее доходить до полнаго уразумѣнія въ настоящемъ. Этотъ взглядъ переносить онъ и на исторію человѣчества. Въ математикѣ онъ наивно утверждаетъ, что формула движенія планетъ есть причина движенія ихъ. Корень ошибки Гегеля—повторяемъ—лежалъ въ общей ошибкѣ всей германской философской школы, принявшей разсудокъ за цѣльность духа; а эта послѣдняя унаслѣдовала такой ошибочный взглядъ отъ своихъ предшественниковъ на пути умственнаго развитія. Принявъ понятіе за основу всего сущаго, Гегель лишилъ все существующее всякой реальности, обративъ его въ массу понятій, служащихъ развитіемъ одного общаго, безпредметнаго понятія бытія: ибо понятіе обращаетъ всякую подлежащую дѣйствительность въ чистую, отвлеченную возможность, въ законъ. Но отвлеченный законъ можетъ только отражаться, осуществляться въ дѣйствительности, а отнюдь не составляетъ ея сущности и причины. Математическая формула планетарной системы есть только выраженіе возможности, отвлеченный законъ, безъ котораго движеніе не существовало бы для насъ, общая форма, подъ условіемъ которой мы можемъ познавать это движеніе, и, слѣдовательно, она есть чисто отвлеченное понятіе; но само движеніе, въ своей реальности, есть продуктъ другихъ силъ, отличныхъ отъ мышленія, и управляется другими законами, независимыми отъ законовъ нашего пониманія. Неотразимую справедливость этого пойметъ всякій.

Но все-таки, не смотря на свое роковое заблужденіе, бывшее результатомъ всего склада западно-европейскаго умственнаго развитія, послѣдняя философская школа оказала безсмертную услугу въ исторіи человѣческой мысли. Кругъ отвлеченнаго мышленія ею обогатился и очерченъ; законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены разъ навсегда для всего человѣчества. Стоитъ разсматривать эту философію только какъ изложеніе и разъясненіе тѣхъ общихъ законовъ или формъ мышленія, чрезъ которые духъ сущій стремится къ собственному самопознанію въ явленіи, и устранить нѣкоторыя, уже указанныя нами непослѣдовательности, истекающія изъ первой ложной задачи, и тогда умъ изучающаго можетъ обогатиться многими глубокими выводами. Услуга ея относительно критики человѣческаго понятія громадна и польза ея изученія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

VI.

Предыдущее достаточно показало неполноту отвлеченно-разсудочнаго познанія и несостоятельность его въ дѣлѣ постиженія истины въ ея возможной полнотѣ и живой дѣйствительности. Но этихъ мы еще не хотимъ сказать, будто такое познаніе не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ постиженія истины — утверждать это было бы очевидною нелѣпостію; напротивъ, хотя оно и не обнимаетъ собою всей сферы человѣческаго вѣдѣнія, но занимаетъ въ ней одно изъ первенствующихъ мѣстъ, какъ знаніе опредѣляющее, систематизирующее, провѣряющее или критическое. Въ данномъ случаѣ мы только констатировали фактъ его несостоятельности въ дѣлѣ познанія живой, непосредственной дѣйствительности и области силъ, не переходящихъ въ предметный образъ. Не смотря на то, мы знаемъ эту дѣйствительность, эти непроявленныя силы, говоримъ о нихъ. Мы такъ увѣрены въ этомъ, что никто и ничто не въ состояніи убѣдить насъ въ протевномъ. Правда, во многихъ случаяхъ, мы не знаемъ и не можемъ дать отчета ни относительно причинъ извѣстнаго явленія, ни законовъ, лежащихъ въ основаніи его и пр., — и количество такихъ явленій тѣмъ больше, чѣмъ ниже уровень умственнаго развитія человѣка, но еслибы кто началъ увѣрять насъ, что мы не знаемъ самаго явленія, то, само собою разумѣется, увѣренія его остались бы напрасными. Ученый слѣпецъ можетъ прекрасно знать теорію цвѣтовъ или свѣта, но не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ цвѣтахъ и свѣтѣ; глухонѣмой отъ природы можетъ знать теорію звука, но остается въ невѣдѣніи касательно самаго явленія. Неученый крестьянинъ, наоборотъ, не знаетъ теоріи цвѣтовъ или звуковъ, но еслибы кто сталъ увѣрять его, что онъ совсѣмъ не знаетъ цвѣта или звука и не умѣетъ, напримѣръ, отличить краснаго отъ зеленаго, то всѣ увѣренія пропадутъ даромъ; его, пожалуй, можно убѣдить въ незнаніи причинъ и законовъ явленія, но не самаго явленія, потому что онъ дѣйствительно знаетъ его. Очевидно, это знаніе не есть знаніе разсудка. Въ такомъ случаѣ, что же оно такое? Какое это знаніе, которое проникаетъ въ самую дѣйствительность познаваемаго бытія и налагаетъ на добытые имъ результаты печать несомнѣнной достовѣрности? Если станемъ анализировать дѣятельность человѣческаго сознанія, то увидимъ, что оно не есть что-либо только предваряющее или сопровождающее разумное дѣйствіе, хотя

и бываетъ тѣмъ и другимъ; но оно соприсутствуетъ самому процессу дѣйствія и, такъ сказать, проникаетъ его съ самаго начала и до конца. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ сознание не только соприсутствуетъ собственной нашей самодѣятельности, но простирается и на все существующее, въ моментъ соприкосновенія его съ нашимъ духомъ. Оно не имѣетъ самостоятельности, отрѣшенной отъ познаваемой дѣйствительности; но за то, такъ сказать, органически соединяется съ самою дѣйствительностію, съ самою сущностію познаваемого,—само проникаетъ дѣйствительность и взаимно проникается ею, разумѣя внутреннюю связь являемой дѣйствительности съ дѣйствительностію еще не проявленнаго, невидимаго начала. „Познание это,—говоритъ Хомяковъ,—бѣется всѣми бѣніями жизни, принимая отъ нея все ея разнообразіе, и само проникаетъ ее своимъ смысломъ, оно само себя не доказываетъ; оно въ себѣ не сомнѣвается и сомнѣваться не можетъ; въ непроявленномъ оно чувствуетъ возможность проявленія, а въ проявленномъ узнаетъ вѣрность и законность проявленія въ отношеніи къ первоначалу; оно не похищаетъ области разсудка; но оно снабжаетъ разсудокъ (матеріаломъ) для его самостоятельнаго дѣйствія и взаимно обогащается его богатствомъ; наконецъ, оно знаніе живое въ высшей степени и въ высшей степени неотразимое“¹⁾. Оно не обнимаетъ всей области нашего разумѣнія,—это не всецѣлый разумъ, потому что разумъ, во всей своей цѣльности, обнимаетъ или вмѣщаетъ въ себѣ и область разсудка; это только одна изъ сторонъ нашего разума, одна изъ градацій познанія, за которую нѣмецкая философія усвоетъ не совсѣмъ точное названіе знанія непосредственнаго (das unmittelbare Wissen); по тому направленію, въ какомъ совершается его процессъ, его можно назвать знаніемъ синтетическимъ; а высшей степени его, имѣющей своимъ предметомъ область вышеопытнаго, усвоется названіе вѣры.

Отрицать только что указанный нами видъ познанія было бы равносильно отрицанію большей части нашихъ свѣдѣній, приобретаемыхъ единственно только этимъ путемъ,—значило бы незаконно съуживать до *non plus ultra* сферу нашего познанія, вопреки очевидному опыту каждаго. Но было бы другою крайностію присвоивать этому виду познанія исключительное значеніе на счетъ познанія отвлеченно-разсудочнаго. Оба вида познанія равно необходимы въ дѣлѣ постиженія истины, и каждый изъ нихъ долженъ занимать

¹⁾ Хомяковъ, т. I, стр. 279.

въ сферѣ познавательной дѣятельности духа свое опредѣленное мѣсто, восполняя другъ-друга. Познаніе, о которомъ у насъ рѣчь, входя въ соприкосновеніе съ познаваемымъ, схватываетъ послѣднее моментально и цѣликомъ, представляя уже послѣ различить и опредѣлить составные его элементы, отношенія ихъ между собою и къ цѣлому и пр. Эту послѣднюю задачу и выполняетъ аналитическое познаніе разсудка. Въ то же время, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, неточнымъ называть разсматриваемый нами видъ познанія непосредственнымъ и синтетическимъ, а тѣмъ болѣе несправедливо считать высшую ступень его какимъ-то таинственнымъ ясновидѣніемъ, какимъ считаетъ его мистицизмъ. Анализъ самаго простаго, самаго обыденнаго факта этого познанія дастъ намъ возможность убѣдиться, что оно не можетъ назваться въ строгомъ смыслѣ ни тѣмъ, ни другимъ, а тѣмъ болѣе его нельзя понимать въ послѣднемъ, преувеличенномъ смыслѣ. Положимъ, нашимъ глазамъ представляется предметъ бѣлаго цвѣта. Если всѣ условія для воспріятія благоприятны, мы однимъ разомъ, моментально и безъ всякаго анализа схватываемъ его нашимъ сознаніемъ и называемъ бѣлымъ. Но предположимъ, что совершенству нашего воспріятія мѣшаетъ или отдаленность или неблагоприятная среда между предметомъ и органомъ зрѣнія: и вотъ предметъ начинаетъ рисоваться нашему глазу различными цвѣтами радуги. Такъ совершается процессъ этого познанія въ области чувственно-осозательнаго міра. Возьмемъ другой фактъ изъ такой области, гдѣ идеальный элементъ занимаетъ несомнѣнно первенствующее мѣсто. Мы смотримъ на картину, или слушаемъ музыкальную пьесу: самыя разнообразныя впечатлѣнія мгновенно смѣняются одни другими, но въ концѣ концовъ, какъ общій выводъ, какъ результатъ всего видѣннаго или слышаннаго, — предъ нами возникаетъ цѣлая идея, воплощенная художникомъ въ его произведеніи, предъ нашимъ сознаніемъ является цѣлый художественный образъ во всей его полнотѣ и жизненной правдѣ. Мы сразу — такъ сказать, въ одинъ пріемъ — постигаемъ внутренней смыслъ произведенія. Несомнѣнно, что мы достигли этого знанія не посредствомъ отвлеченно-разсудочнаго анализа: гдѣ господствуетъ чувство, тамъ нѣтъ мѣста сухому, всеразлагающему анализу; анализъ возможенъ только тогда, когда уляжется чувство и художественный образъ, возбудившій его, низойдетъ на степень обыкновеннаго представленія. Но такъ же справедливо, что мы приобрѣли это знаніе не непосредственно: оно обуславливается всею

суммою предшествовавшихъ частныхъ впечатлѣній, служить результатомъ ихъ внутренняго соединенія.

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ приведенныхъ нами примѣровъ? Вопервыхъ, разсматриваемый нами видъ познанія не есть, въ строгомъ смыслѣ, знаніе непосредственное, такъ какъ оно является результатомъ предшествовавшихъ частныхъ впечатлѣній, выводомъ изъ нихъ, но выводомъ, въ большинствѣ случаевъ, безсознательнымъ, произвольнымъ; слѣдовательно, во вторыхъ, оно не есть въ строгомъ смыслѣ и синтетическое познаніе, такъ какъ ему предшествуетъ скрытый анализъ, который отличается отъ обыкновеннаго отвлеченно-разсудочнаго анализа необычайною, рѣдко-уловимою быстротою. Такимъ образомъ, тотъ и другой видъ познанія, по своему процессу, не такъ не похожи другъ на друга, какъ это кажется съ перваго взгляда; но вмѣстѣ съ этимъ между ними существуетъ и громадное различіе относительно содержанія. Содержаніемъ отвлеченно-разсудочнаго знанія служатъ, какъ знаемъ, отвлеченные образы или представленія; матеріалъ для другаго вида познанія даютъ ощущенія въ обширѣйшемъ значеніи этого слова. Подъ ощущеніемъ нужно разумѣть здѣсь не одно сознаніе чувственно-физическаго раздраженія, но сознаніе и всякаго чисто-духовнаго движенія, соприсутствующее самому акту соприкосновенія духа съ какою бы то ни было непосредственною дѣйствительностію. Ощущенія, понимаемыя даже въ этомъ обширномъ смыслѣ, далеко не то, что представленія. Они составляютъ первичную форму, первичный актъ человѣческаго познанія, и доставляютъ содержаніе для самого представленія, которое есть не что иное, какъ отвлеченное, идеализированное ощущеніе, или точнѣе — выводъ изъ цѣлаго ряда единичныхъ ощущеній. Но ощущеніе гораздо содержательнѣе представленія. Въ ощущеніяхъ духъ непосредственно соприкасается съ познаваемою дѣйствительностію, проникаетъ, осязаетъ ее (этимологія слова „ощущеніе“ можетъ служить прекраснымъ указаніемъ на такое отношеніе ихъ къ дѣйствительности); они служатъ соединительнымъ звеномъ между нашимъ духомъ и объективно существующимъ міромъ. Поэтому ощущенія имѣютъ полу-духовный, полу-чувственный, полу-субъективный, полу-объективный характеръ; они—сколько познаніе, столько же и чувство, или даже не столько познаніе, сколько чувство; они на себѣ самихъ испытываютъ непосредственное воздѣйствіе дѣйствительности со всѣми присущими ей, непредставимыми и часто невѣдомыми свойствами и силами, отзываясь на это воздѣйствіе движеніемъ того или другаго характера и

моментально передавая испытываемое въ сознание. Этимъ объясняется необыкновенное богатство содержанія и жизненность разсматриваемаго нами вида знанія. Вотъ почему это знаніе есть знаніе живое и безусловное, это, такъ сказать, — „зрячесть разума“, какъ его прекрасно называютъ нѣкоторые мыслители. Мы не станемъ въ противорѣчіе съ истиною, если припишемъ этому виду знанія первенствующее значеніе въ дѣлѣ постиженія истины предъ отвлеченно-разсудочнымъ познаниемъ, не умаляя, впрочемъ, важности и необходимости и этого послѣдняго. Какъ знаніе, ближайшимъ образомъ соприкасающееся съ дѣйствительностію, и потому живое и безусловное, оно доставляетъ уму рядъ положеній, рядъ данныхъ, имѣющихъ для него непререкаемое, аксіоматическое значеніе, стоящихъ для него выше всякаго анализа и сомнѣнія. Эти данныя относятся не только къ міру физическому, но столько же, если еще не болѣе, и къ міру духовному. Они служатъ основаніемъ и точками отправленія всей дѣятельности человѣческаго духа въ сферѣ умственной, нравственной и религіозной; безъ нихъ невозможенъ ни тотъ, ни другой, ни третій видъ его дѣятельности. Утратить ихъ, значитъ утратить все человѣческое и слиться съ стихійной безсознательностію природы. Это внутреннее и живое знаніе, эта зрячесть разума, особенно же на высшей своей ступени, какъ познаніе высшихъ основныхъ истинъ религіозныхъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ, и можетъ быть названо вѣрою по преимуществу; а за низшими ступенями его, какъ познанія предметовъ міра чувственнаго, усвоится названіе „внутренняго знанія, или живознанія“. Вотъ новый и, скажемъ, самый важный факторъ человѣческаго познанія, который упустила изъ виду германская философія.

VII.

Указавъ на недостатки раціоналистической философіи, служашіе причиною несостоятельности относительно выполненія принятой ею на себя задачи и скудости добытыхъ ею результатовъ, мы перейдемъ къ изложенію положительной стороны міровоззрѣнія славянофиловъ. Но предварительно считаемъ пужнымъ повторить оговорку, уже сдѣланную нами въ началѣ настоящаго очерка, — что преждевременная смерть многихъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, не позволила имъ развить особенно эту сторону своихъ воззрѣній въ полную и законченную систему. То, что намъ осталось, представляетъ скорѣе кратко и наскоро набросанный рядъ эскизовъ или тезисовъ для будущаго вапи-

тальнаго труда, чѣмъ законченное и обработанное въ подробностяхъ цѣлое. Многое только намѣчено, но не развито и не разъяснено; многое, чувствуется, не досказано... Но мы, вѣрныя своей скромной задачѣ, будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть, или что съ несомнѣнною очевидностію вытекаетъ изъ опредѣленно высказанныхъ положеній.

Какой же постулатъ вытекаетъ изъ всего сказаннаго выше о недостаткахъ рационалистической философіи? При какихъ условіяхъ возможно возникновеніе и развитіе новой, болѣе совершенной философіи? Что должно служить основнымъ принципомъ и исходною точкою для нея? Каковы должны быть ея характеръ и задача? Всѣ эти частныя вопросы сводятся къ одному общему вопросу о познаніи. Мы видѣли, что разумъ, въ своей оторванной отдѣльности, оказывается неспособнымъ къ постиженію сущаго въ его жизненной правдѣ и полнотѣ; внутреннее знаніе, взятое въ своей субъективной отдѣльности, также не даетъ его; тѣмъ менѣе способны къ этому другія духовныя силы, имѣющія въ дѣлѣ познанія лишь второстепенное, вспомогательное значеніе. При какихъ же условіяхъ возможно это познаніе?

Въ мірѣ физическомъ, органы чувствъ, для правильнаго и возможно-всесторонняго выполненія своего назначенія, должны удовлетворять двумъ главнымъ условіямъ: во первыхъ, они должны дѣйствовать сообща, согласно и дружно, взаимно помогая другъ другу и—каждый—восполняя недостатки или односторонность другаго; во вторыхъ, они должны быть приноровлены къ своему назначенію и потому согласны съ общими законами природы не только въ формѣ и геометрическомъ очертаніи, но и во всемъ своемъ химическомъ составѣ. Дѣйствуя хотя правильно, но въ отдѣльности другъ отъ друга, они знакомятъ наблюдателя только съ одною какою-нибудь стороною наблюдаемаго явленія; дѣйствуя несогласно и врознь, или потерпѣвъ поврежденіе, они доставляютъ ложное впечатлѣніе, или же вовсе не даютъ никакого. Этотъ же самый постулатъ долженъ быть примѣненъ и къ познавательнымъ силамъ духа. Для постиженія разумной цѣльности сущаго, для пониманія его истинной и живой дѣйствительности, для ощущенія допредметнаго движенія мысли, наконецъ, для воспріятія всего того, что—разъ воспринятое—опредѣляется сознаніемъ какъ я и отъ меня, или какъ я, но не отъ меня,—необходимъ цѣльный разумъ, не въ смыслѣ отдѣльной способности, оторванной отъ остальныхъ силъ духа, но въ смыслѣ совокупленія всѣхъ духовныхъ

силъ въ одно стройное, дружное и согласное цѣлое, то-есть разумъ, согласный съ законами всего разумно-сущаго не только въ отношеніи къ діалектическому разсудку, но и въ отношеніи ко всѣмъ живымъ и нравственнымъ силамъ духа. Не отвлеченная логическая разсудочность должна быть принимаема за органъ разумнѣя истины, ибо въ такомъ случаѣ человѣкъ долженъ стать относительно познаваемаго въ положеніе слѣпца-оптика; не голосъ восторженнаго чувства, не соглашенный съ другими духовными силами, нужно считать безошибочнымъ указателемъ правды, потому что чувство само по себѣ слѣпо и безотчетно, непостоянно и измѣнчиво, — чѣмъ сегодня наслаждается, къ тому завтра равнодушно; слѣдовательно, и оно — ненадежный руководитель на пути къ истинѣ; нельзя также признавать вѣрнымъ путе-водителемъ къ разумнѣю высшаго міро-устройства и эстетическое пониманіе, взятое независимо отъ другихъ понятій, потому что какъ прекрасное еще не исчерпываетъ собою всей области познаваемаго, такъ и пониманіе его составляетъ лишь часть круга нашего познанія; наконецъ, даже высочайшая и благороднѣйшая изъ дѣятельностей человѣческаго духа — любовь — и та, взятая отдѣльно, не можетъ служить руководительницею на этомъ пути, такъ какъ и она, не управляемая высшимъ авторитетомъ, можетъ обращаться на предметы, недостойные ея. Ни то, ни другое, ни третье, въ отдѣльности, не способно къ возможно-полному и всестороннему уразумѣнію истины. Поэтому, необходимо постоянно искать въ глубинѣ души внутренняго корня и средоточія разумнѣя, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливались бы въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума. При этомъ средоточіи душевныхъ силъ разума не будетъ представляться необходимости „приводить мысль, ему предстоящую, послѣдовательно и отдѣльно на судъ каждой изъ своихъ отдѣльныхъ способностей, стараясь согласить всѣ ихъ приговоры въ одно общее значеніе. Но въ цѣломъ мышленіи, при каждомъ движеніи души, всѣ ея струны должны быть слышимы въ полномъ аккордѣ, сливаясь въ одинъ гармоническій звукъ“ ¹⁾. Здѣсь, въ этомъ внутреннемъ средоточіи бытія, разсудокъ, воля, чувство и воображеніе, короче — весь объемъ ума сливается въ одно живое единство и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости. Только такимъ образомъ устроенному разуму дѣлаются доступными всѣ глубочайшія истины мысли, вся высшая правда вольнаго стремленія, всѣ самые сокровен-

¹⁾ *Куртескій*, т. 2, 310 стр.

ныя и самыя благородныя движенія сердца,—и только ему одному открываются тайны вещей божескихъ и человѣческихъ. Предъ этою самособранностью духа дѣйствительность является во всей своей существенности, отражается въ ней, какъ въ зеркалѣ, со всѣми своими малѣйшими, едва уловимыми оттѣнками. Это и будетъ та высшая степень разумѣнія, какая только возможна человѣку на землѣ и которую величайшій изъ богоозаренныхъ мыслителей церкви, ап. Павелъ, сравниваетъ съ видѣніемъ или отраженіемъ въ зеркалѣ, называя еѣ вѣрою. Опыты этого высшаго разумѣнія можно видѣть у великихъ христіанскихъ подвижниковъ Востока.

Но возможно ли для человѣка, въ настоящемъ его состояніи, среди житейскихъ заботъ, развлеченій и борьбы, достигнуть такой самособранности духа, сконцентрированности его силъ, тѣмъ болѣе возможно ли поддерживать ее? Не значить ли это всецѣло и беззавѣтно уйдти въ самого себя, отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ, житейскихъ интересовъ и обречь себя на самосозерцательный аскетизмъ, а если такъ, то вѣдь всякому мыслящему и стремящемуся къ высшему разумѣнію сущаго невозможно быть аскетомъ? Что достиженіе полной духовной самособранности, а тѣмъ болѣе постоянное сохраненіе ея невозможно для человѣка въ настоящей жизни,—это едва ли подлежитъ сомнѣнію, какъ то собственнымъ опытомъ подтверждаютъ и сами великіе христіанскіе подвижники, вдали отъ міра и житейскихъ тревоженій посвятившіе всю свою жизнь на нравственное самоусовершенствованіе, слѣдовательно на приведеніе въ согласіе и порядокъ своихъ духовныхъ силъ, въ обыкновенномъ состояніи разрозненныхъ: это только идеалъ или законъ, къ осуществленію котораго человѣку дано стремиться, но котораго не дано исполнить. Однако, сознавать, что въ глубинѣ души есть общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, скрытое отъ обыкновеннаго состоянія человѣческаго духа, но достижимое (хотя и въ извѣстной степени) для ищущаго, и что только оно одно способно постигать высшую истину,—стремиться къ этому сосредоточію и при постоянныхъ усиліяхъ въ извѣстной степени достигать его—возможно для человѣка даже при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, какъ это опять доказываетъ опытъ тѣхъ же св. мужей. Даже одно простое сознаніе необходимости этой духовной самособранности для высшаго разумѣнія истины, если только оно присуще человѣку, существенно измѣняетъ образъ и характеръ его мышленія. Оно не дозволяетъ человѣку отдавать исключительное предпочтеніе въ дѣлѣ познанія той или другой духовной силѣ и игнориро-

вать всѣ остальные, но побуждаетъ его слушаться общаго и согласнаго голоса ихъ и повиноваться только ихъ единогласному и единовременному приговору. Смирная разсудочное самоувѣніе и вообще не допуская исключительнаго преобладанія ни одной изъ духовныхъ силъ, но одновременно вызывая къ дѣятельности всѣ, оно этимъ самымъ не только не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ разума, равно какъ свободнаго отправления дѣятельности и всѣхъ другихъ силъ, напротивъ,—укрѣпляетъ ихъ самобытность, а вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ ихъ тому высшему разумѣнію, за которымъ усвоится названіе вѣры. Тогда на всякое познаніе, исходящее изъ какого-нибудь частнаго, низшаго источника разумѣнія, человѣкъ начинаетъ смотрѣть какъ на одностороннее, неполное и, слѣдовательно, невѣрное знаніе, которое не можетъ служить выраженіемъ высшей истины, хотя и можетъ быть полезнымъ на своемъ подчиненномъ мѣстѣ, можетъ служить высшею ступенью для другаго званія, стоящаго еще на, низшей степени.

Для того, чтобы дойти до такого сознанія, чтобы воспитать въ себѣ убѣжденіе въ недостаточности вообще какого бы то ни было односторонняго способа разумѣнія истины, а вмѣстѣ съ этимъ сознать нужду въ высшемъ источникѣ и средоточіи разумѣнія, усиленно стремиться найти его,—для этого не нужно отдѣляться отъ человѣческаго общества, отрѣшаться отъ всѣхъ дорогихъ интересовъ жизни, такъ какъ послѣднее было бы тоже крайностью, препятствующею нѣкоторымъ и, можетъ быть, лучшимъ сторонамъ духа раскрыться и получить практическое примѣненіе, а достаточно быть постоянно внимательнымъ къ самому себѣ, не отдаваться исключительному руководству одной какой нибудь духовной силы и считать ея голосъ безусловнымъ авторитетомъ, но только общему и согласному голосу ихъ придавать рѣшающее значеніе; необходимо, далѣе, внимательно и всесторонне изучать предшествовавшіе труды человѣческой мысли, всѣ способы и пути, которыми она шла къ истинѣ,—изучать безпристрастно, не увлекаясь тѣмъ или другимъ способомъ мышленія исключительно, но дѣлая надлежащую оцѣнку и отдавая должную справедливость каждому,—изучать труды не только тѣхъ великихъ тружениковъ мысли, которые стремились къ истинѣ путемъ научнаго опыта, или посредствомъ отвлеченно-разсудочнаго мышленія, но и тѣхъ святыхъ подвижниковъ, которые, подвизаясь въ тиши уединенія, шли къ ней путемъ гармоническаго развитія и усовершенствованія всѣхъ духовныхъ силъ. Только умъ, закалившій себя въ холодныхъ,

но укрѣпляющихъ струяхъ діалектическаго мышленія и въ то же время почерпнувшій для себя жизнь и силу въ животворномъ источникѣ мышленія зѣрующаго христіанскихъ подвижниковъ, можетъ смѣло смотрѣть впередъ и ясно видѣть цѣль, къ которой нужно постоянно и неуклонно стремиться всѣми силами духа. И такъ, сознавать, что для цѣльной истины нужна цѣльность разума, постоянно стремиться къ этой цѣльности, дѣятельно искать и, по возможности, достигать ее,—вотъ то главное условіе, при которомъ мыслимо возможно-полное и всестороннее постиженіе истины, и только оно одно обуславливаетъ возможность будущей философіи.

Условія, при которыхъ возможно возникновеніе и развитіе новой философіи, уже отчасти намѣчаютъ и точку отправленія для нея. Что же должно служить ея? Выше мы видѣли, что внутреннее познаніе, независимое отъ знанія отвлеченно-разсудочнаго, не есть что-либо таинственное, вносимое въ человѣческую душу извнѣ, но какъ и всѣ другія его свойства и силы, оно есть не болѣе, какъ одна изъ градацій, и при томъ первичная, въ нашемъ познавательномъ процессѣ. Степени этого познанія многообразны—отъ низшей, заключающейся въ простомъ воспріятіи предметовъ объективнаго міра, до высшей — полнаго уразумѣнія самой сущности бытія и постиженія его внутреннихъ законовъ. На высшей своей ступени, оно даетъ въ результатѣ рядъ истинъ, имѣющихъ для ума непреложное, аксіоматическое значеніе и служащихъ исходными точками всей духовной дѣятельности человѣка въ сферѣ религіозной, нравственной и интеллектуальной. Всѣ эти истины сводятся къ одной общей, главной и основной — признанію бытія Божія. „Сознаніе объ отношеніи живой божественной личности къ личности человѣческой служитъ основаніемъ для вѣры, или, правильнѣе, вѣра есть то самое сознаніе, болѣе или менѣе ясное, болѣе или менѣе непосредственное“ ¹⁾ и, прибавимъ, сознаніе общечеловѣческое. Но вѣра въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно (какъ индивидуумъ) и подверженномъ измѣнчивости, колебаніямъ и ошибкамъ, всегда и непремѣнно субъективна, слѣд. неопредѣленна; въ своемъ первичномъ состояніи она скорѣе темное предчувствіе и потребность, чѣмъ положительное знаніе и потому всегда доступна сомнѣнію и колебаніямъ; она въ самой себѣ сознаетъ возможность заблужденія. Чтобы возвыситься надъ сомнѣніемъ и заблужденіемъ и взойти на степень положительнаго

¹⁾ Куртесскій, ч. II, стр. 336.

знанія, ей необходимо возвыситься надъ собою, найти для себя точку опоры во-внѣ, пустить корни въ міръ объективный, въ міръ святыхъ реальностей, въ такой міръ котораго она сама была бы частью, и частью живою, неотъемлемою; ибо несомнѣнно, вѣришь тому міру, точнѣе сказать — знаешь только тотъ міръ, къ которому принадлежишь самъ. Этотъ міръ не можетъ заключаться ни въ дѣятельности разобщенныхъ между собою человѣческихъ личностей, ни въ ихъ случайномъ согласіи, ни въ рабскомъ отношеніи къ чему нибудь внѣшнему, чисто человѣческому; онъ заключается только во внутреннемъ единеніи человѣческой субъективности съ реальною объективностью живаго и органическаго міра, въ томъ святомъ единствѣ, законъ котораго не есть ни абстрактъ, ни что-либо другое, изобрѣтенное человѣческимъ разумомъ, а божественная реальность, самъ Богъ въ откровеніи взаимной любви. Это — божественное откровеніе и церковь. Первое уясняетъ религіозное сознание и сообщаетъ ему опредѣленное содержаніе; вторая предохраняетъ склонный къ заблужденію человѣческій разумъ отъ ложнаго толкованія откровенія; оба же вмѣстѣ возвышаютъ вѣру изъ субъективной неопредѣленности на степень живаго разумнаго убѣжденія.

Понятно, почему вѣра должна искать уясненія и опоры для себя не въ чемъ другомъ, какъ только въ божественномъ откровеніи, истолкованномъ единомысліемъ церкви. Вѣра не есть слѣпое понятіе разсудка, которое потому только въ состояніи вѣры, что не развито естественнымъ разумомъ и которое разумъ долженъ возвысить на степень знанія, разложивъ его на составныя части и показавъ, такимъ образомъ, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, чего бы и безъ божественнаго откровенія нельзя было бы найти въ сознаніи естественнаго разума; она также не одинъ внѣшній авторитетъ, предъ которымъ разумъ долженъ слѣпнуть, но авторитетъ вмѣстѣ внутренней и внѣшней, высшая разумность, высшій внутренней законъ для духа, выявляющаго себя въ дѣятельности. Для нея развитіе разума естественнаго служитъ только ступенями; превышая обыкновенное состояніе ума, она тѣмъ самымъ вразумляетъ его, что онъ уклонился отъ своей первоначальной цѣльности, и этимъ вразумленіемъ побуждаетъ его къ возвращенію на степень высшей дѣятельности. При такомъ убѣжденіи вся цѣль основныхъ началъ естественнаго разума, могущихъ служить точками отправленія для всѣхъ возможныхъ системъ мышленія, настолько является ниже разумной вѣры, насколько въ бытіи внѣшней природы вся цѣль органическихъ существъ является

ниже человѣка, способнаго, при всѣхъ степеняхъ развитія, къ внутреннему богопознанію. Это высшее начало духовной жизни человѣка, эта, можно сказать, сущность его сущности, въ неразрывномъ союзѣ съ божественнымъ откровеніемъ, истолкованнымъ единомысліемъ всей православной церкви, и должно служить основнымъ принципомъ и исходною точкою истинной философіи, и только, исходя изъ вѣры и при ея свѣтѣ, мышленіе можетъ постигать разумную сущность бытія.

Опредѣливъ условія и принципъ будущей философіи, попытаемся выяснить ея характеръ и задачу.

Мы уже имѣли случай достаточно убѣдиться, въ какой тѣсной связи и зависимости находится характеръ философіи отъ характера господствующей вѣры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда философія является какъ реакція вѣрѣ. Это, какъ уже было замѣчено, объясняется тѣмъ, что каждое особое исповѣданіе непременно предполагаетъ особое отношеніе разума къ вѣрѣ; особое же отношеніе разума къ вѣрѣ опредѣляетъ особенный характеръ того мышленія, которое изъ него рождается. Мы видѣли, въ какомъ отношеніи разумъ стоитъ къ вѣрѣ въ католичествѣ и протестантствѣ; совсѣмъ иныя отношенія существуютъ между ними въ церкви православной, всегда отъ самаго своего основанія и донныѣ остающейся вѣрною хранительницею богооткровеннаго ученія. Въ православной церкви божественное откровеніе и человѣческое мышленіе никогда не смѣшивались; границы между тѣмъ и другимъ разъ и навсегда строго опредѣлены единомысліемъ всей церкви и доселѣ стоятъ твердо и ненарушимо. Никогда никакой человѣческой авторитетъ, никакая власть, никакое глубокомысленное соображеніе человѣческаго ума не могутъ ни прибавить новаго догмата, ни измѣнить прежній, ни приписать частному толкованію значеніе богооткровенной истины и выдавать личное, слѣдовательно, произвольное мнѣніе за божественное ученіе. Частное человѣческое мнѣніе, каково бы ни было его достоинство, — хотя бы оно было мнѣніемъ большей части или даже всѣхъ христіанъ извѣстнаго времени, никогда не возводилось ею въ значеніе догмата. Такое строгое разграниченіе между разумомъ и откровеніемъ, ругаясь за чистоту и твердость вѣры въ православной церкви, съ одной стороны ограждаетъ ея ученіе отъ произвольнаго толкованія естественнаго разума, а съ другой — представляетъ полную свободу послѣднему въ свойственной ему сферѣ и ограждаетъ отъ незаконнаго вмѣшательства въ нее церковнаго авторитета. Поэтому,

для православной церкви всегда было и остается не мыслимымъ какъ воздвигать гоненіе на науку за ея выводы, несогласныя съ понятіями, господствующими въ извѣстную эпоху въ церковной іерархіи, такъ и подвергать сомнѣнію, а затѣмъ и отрицанію одинъ догматъ за другимъ. Если же и случались въ православной церкви печальные примѣры того и другаго, то это были исключенія, происходившія отъ непониманія истиннаго духа православія, или бывшія результатомъ чуждаго вліянія. По понятію православія, ни вѣра не должна угнетать разумъ и задерживать естественное его развитіе и движеніе на пути къ истинѣ, ни разумъ не долженъ вторгаться въ превышающую его область вѣры и вносить въ нее свои произвольныя и ошибочныя измышленія. Это двѣ различныя сферы дѣятельности человѣческаго духа. Первая имѣетъ предметомъ своимъ вѣчное, неизмѣняемое, безусловное; содержаніемъ второй служитъ временное, конечное и условное. Однако ошибочно было бы думать, будто, по понятію православія, онѣ чужды одна другой, не соприкасаются между собою и взаимно другъ друга исключаютъ; напротивъ, не смотря на кажущуюся противоположность, вѣра и разумъ, какъ по характеру, такъ и по цѣли, въ высшей степени солидарны между собою, взаимно другъ друга объясняютъ и дополняютъ. Вѣра выше разума, но разумъ служитъ необходимымъ орудіемъ вѣры. Разумъ, въ свою очередь, нуждается въ вѣрѣ: онъ находитъ въ ней точку опоры и руководительницу для себя, высшую цѣль и идеаль, къ которымъ онъ долженъ стремиться. Разумъ, при свѣтѣ вѣры, во временномъ, условномъ, измѣняемомъ стремится найти и постигнуть вѣчное, безусловное и неизмѣняемое. Вѣра, имѣя безусловное и безконечное, какъ уже данное, стремится провести его въ жизнь конечнаго и условнаго, согласить первое съ послѣднимъ посредствомъ разума. И такъ, по понятію православія, вѣра и разумъ какъ двѣ стороны единаго, нераздѣльнаго духа, существенно различны по своему содержанію, но въ высшей степени близки и гармоничны въ дѣятельности; отъ взаимнаго согласія ихъ зависитъ нравственное совершенство чловѣка и высшее познаніе истины. Отсюда становится понятнымъ то направленіе и характеръ, какіе должно принять исходящее изъ православія философское мышленіе; понятна и та цѣль, къ достиженію которой оно должно стремиться.

Чѣмъ яснѣе обозначены и чѣмъ тверже стоятъ границы между откровенною вѣрою и естественнымъ разумомъ, чѣмъ чище и неприкосновеннѣе первая и чѣмъ свободнѣе, независимѣе и искреннѣе въ

своихъ естественныхъ движеніяхъ послѣдній, тѣмъ неестественнѣе разногласіе и антагонизмъ между ними, и, наоборотъ—тѣмъ сильнѣе и осязательнѣе чувствуется потребность согласить и примирить понятія разума съ ученіемъ вѣры, тѣмъ полнѣе и правильнѣе стремится мышленіе къ божественной истинѣ. Ибо истина какъ для разума, такъ и для вѣры одна, и стремленіе къ сознанію этого единства есть постоянный законъ и основное побужденіе всякой разумной дѣятельности. Въ чемъ же должно состоять и на какихъ условіяхъ возможно соглашеніе разума съ вѣрою? Не значить ли это одно изъ двухъ: или понятія разума устроить сообразно съ принципами вѣры, избравъ соотвѣтствующія и исключивъ противорѣчающія ей, или же, наоборотъ—принципы вѣры обосновать на положеніяхъ, добытыхъ путемъ логическаго вывода, откидывая все, что не можетъ быть доказано разумомъ или выведено изъ него? Короче—не значить ли это или разумъ очистить отъ всего противорѣчающаго вѣрѣ, или же вѣру освободить отъ всего несогласнаго съ разумомъ? Ни то, ни другое. Допустить первое значило бы незаконно вторгнуться въ естественную область разума, отнять и подавить у него всякую свободную самодѣятельность; допустить второе—значило бы, напротивъ, незаконно посягнуть на неприкосновенность вѣры, ввести въ нее чуждый ей элементъ и поставить ее въ зависимость отъ другой, низшей силы. Результатъ того и другаго былъ бы одинъ и тотъ же: это—неминуемое уклоненіе мышленія внѣ вѣры и разрушеніе самой вѣры подъ анатомическимъ ножомъ разсудочнаго анализа, какъ это мы и видѣли на примѣрѣ западныхъ вѣроисповѣданій. Поэтому соглашеніе разума съ вѣрою, по понятію православія, должно совершаться при другихъ условіяхъ. „Для православно-мыслящаго, говоритъ Кирѣевскій, ученіе церкви не пустое зеркало, которое каждой личности отражаетъ ея очертаніе, не Прокустова постель, которая уродуетъ личности по одной условной мѣрѣ, но высшій идеалъ, къ которому только можетъ стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба, и, отражаясь въ сердца, освѣщаетъ разуму путь къ истинѣ“¹⁾. При такомъ значеніи вѣры въ глазахъ православно-вѣрующаго, соглашеніе или примиреніе съ нею разума должно состоять не въ томъ, чтобы отдѣльные понятія разума припоровить къ требованіямъ вѣры, или тѣмъ болѣе самую вѣру примѣнить къ понятіямъ разума, а въ томъ, чтобы ра-

¹⁾ *Кирѣевскій*, ч. 2, стр. 339.

зумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня, самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою и такимъ образомъ соединить два противоположные конца человѣческаго мышленія: тотъ, которымъ оно органически неразрывно связывается съ высшими вопросами вѣры,—богооткровенными истинами ея, и тотъ, гдѣ оно соприкасается съ развитіемъ внѣшней образованности,—соединить эти два противоположные полюса человѣческой мысли въ одну живую мысль, въ одно живое убѣжденіе, которое было бы, въ одно и то же время, первымъ основаніемъ для мышленія и послѣднимъ результатомъ его. Къ выполненію этой задачи и должна стремиться философія. Такимъ образомъ, „философія не есть одна изъ наукъ, не есть и вѣра; она—общее основаніе и общій итогъ всѣхъ наукъ и проводникъ между ними и вѣрою“¹⁾. Она должна представлять собою переходное движеніе человѣческаго разума отъ области вѣры въ многообразное приложеніе къ жизни бытовой. Она не есть само основное убѣжденіе, но его мысленное развитіе и выраженіе того отношенія, которое существуетъ между основнымъ убѣжденіемъ и бытовой жизнью. Стремясь согласить разумъ съ вѣрою, она стремится наполнить ту пустоту, которая раздвояетъ два міра, требующіе соединенія, утвердить въ умѣ человѣка истину духовную, откровенную видимымъ господствомъ ея надъ истинною естественною и возвысить истину естественную, поставивъ ее въ правильное отношеніе къ истинѣ духовной и, наконецъ, связать обѣ истины въ одну живую мысль,—словомъ, привести разумную дѣятельность человѣка въ гармоническое единство и направить ее къ одной цѣли, ибо истина одна, какъ одинъ разумъ, въ которомъ живетъ неотразимое стремленіе къ вѣчному и абсолютному единству, заключающемуся въ единомъ Богѣ.

Философія, понимаемая въ этомъ обширномъ смыслѣ, не можетъ быть принадлежностью только нѣкоторыхъ избранныхъ умовъ, она должна быть общечеловѣческимъ достояніемъ; въ ней можетъ и обязанъ упражняться всякій мыслящій человѣкъ,—всякій, для кого дорого его человѣческое достоинство, и кто желаетъ быть человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, ибо для всякаго возможно и необходимо связать направленіе своей жизни съ кореннымъ, господствующимъ убѣжденіемъ вѣры, согласить съ нимъ главное занятіе и каждое особое дѣло, чтобы всякое дѣйствіе было выраженіемъ одного стрем-

¹⁾ Куртескій, ч. 2, стр. 313. Хомяковъ, т. 1, стр. 283.

ленія, каждая мысль имѣла одно основаніе, каждый шагъ велъ къ одной цѣли. Безъ этого жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ обратится въ простую счетную машину и будетъ вращаться въ сферѣ узкихъ эгоистическихъ интересовъ, не видя ничего далѣе ихъ; сердце становится собраніемъ бездушныхъ струнъ, дающихъ отзвукъ на всякое случайное воздѣйствіе; никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ. Ибо человѣкъ—это его вѣра; жизнь его — осуществленіе убѣжденія вѣры. Задача философіи — быть проводникомъ вѣры въ жизнь ¹⁾.

Возможность и необходимость такой философіи кроется въ самой природѣ, въ самомъ существѣ человѣческаго духа. Ибо нѣтъ такого тупаго ума, который не понималъ бы своего безсилія и ничтожества и хотя бы смутно не сознавалъ необходимости для себя высшаго озаренія; нѣтъ такого сухаго и ограниченнаго сердца, которое не ощущало бы потребности въ другой любви, выше той, которую возбуждаютъ въ немъ предметы земные; нѣтъ такой совѣсти, которая не создала бы невидимаго существованія высшаго нравственнаго порядка; наконецъ, нѣтъ такой слабой воли, которая не могла бы рѣшиться на самопожертваніе за высшую любовь своего сердца. Совокупность этихъ частныхъ сознаний въ одно общее сознание, въ одну живую потребность высшаго божественнаго озаренія и есть вѣра, или—точнѣе—субъективная сторона вѣры, которая, органически сливаясь съ божественнымъ откровеніемъ, рождаетъ живое и неотразимое убѣжденіе разума. Разъ образовавшись, убѣжденіе это, по самому своему существу, уже не можетъ оставаться въ своей субъективно-идеальной сферѣ, но необходимо требуетъ для себя осуществленія во внѣ, ищетъ примѣненія не только въ области умственно-теоретической, но и въ жизни практической, бытовой. Стремиться устроить весь объемъ своей жизни сообразно тому идеалу, котораго требуетъ и ищетъ нашъ духъ, и который онъ находитъ даннымъ въ божественномъ откровеніи, поднять духъ со всѣми его силами и способностями до этого высшаго уровня и съ высоты его, при его свѣтѣ, изучать все существующее—вотъ естественная обязанность каждаго, большее и меньшее выполненіе которой и есть уже осуществленіе задачи истинной философіи.

¹⁾ Куртескій, ч. 2, стр. 338.

О СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ВОЗРЪНІЯХЪ НА НОВО- РОЖДЕННАГО РЕБЕНКА.

Въ жизни человѣка народная мысль рѣзко отмѣтила три главные момента—рожденіе, вступленіе въ бракъ и смерть. Безчисленное множество пѣсенъ, обрядовъ, повѣрій и примѣтъ приурочено къ этимъ рѣшающимъ событіямъ. Родинные, крестинные, и въ особенности, свадебные и похоронные обряды и пѣсни чрезвычайно разнообразны и разнохарактерны, какъ продукты нѣсколькихъ постепенно смѣнявшихся ступеней историческаго развитія народнаго міросозерцанія.

Нѣкогда обрядъ и пѣсня стояли другъ къ другу въ родственныхъ отношеніяхъ; между ними существовала связь, которая въ настоящее время, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, потеряна. Обрядъ обнаружилъ бѣольшую упругость и стойкость; въ борьбѣ со всеуничтожающимъ и всеизмѣняющимъ потокомъ времени, онъ сохранилъ кое-что отъ старины незапамятной, стоящей внѣ предѣловъ писанной исторіи; въ обрядахъ, въ неясныхъ, трудно уловимыхъ чертахъ, сохранились слѣды эпохи арійской жизни, когда главнѣйшія отрасли Индо-Европейскаго племени въ своемъ міросозерцаніи и основныхъ формахъ быта представляли единое и цѣлое. Летучая пѣсня не устояла; она на длинномъ пути историческаго развитія европейскихъ народовъ растеряла много древнихъ чертъ и особенностей; она отдѣлилась отъ обряда, если первоначально его сопровождала, и за весьма немногими исключеніями, приняла новое содержаніе и новую форму. Неумоимо создающая народная мысль и фантазія не дали ей застыть или окоченѣть въ пралѣдовской формѣ, отлитой въ стародавнія времена, но

постоянно толкали ее на торную дорогу текущей жизни, варьировали ее на калейдоскопически разнообразные образы, окрашивали ее всѣми возможными красками, однимъ словомъ, крѣпко завладѣли пѣсней, какъ удобнымъ, всегда имѣющимся подъ рукой орудіемъ для выраженія господствующихъ настроеній минуты.

Актъ высокой важности, первый болѣзненный крикъ человѣка въ области печали и юдоли, рожденіе окружено въ Россіи и земляхъ Славянскихъ значительнымъ количествомъ любопытныхъ обрядовъ, идущихъ изъ глубокой древности и раскрывающихъ возврѣніе древняго человѣка на беременную женщину и ребенка, на ихъ положеніе въ семействѣ, отношеніе къ владыкѣ дома, таинственную связь ихъ существованія съ бытіемъ свѣтилъ небесныхъ и съ пылающимъ на домашнемъ очагѣ огнемъ. Въ родинныхъ и крестинныхъ обрядахъ нельзя не видѣть нѣкоторой нравственной основы: мотивами ихъ служатъ радость при появленіи новаго члена семьи, его торжественное признаніе и привлеченіе къ нему покровительственныхъ высшихъ силъ для устраненія бѣдствій и увеличенія счастья.

По общеславянскому взгляду, дѣти—божіе благословеніе; несчастлива супружеская чета, ихъ не имѣющая. Въ послѣднемъ случаѣ винятъ молодую женщину. Въ Чехіи она получаетъ похвалы и подарки, если разрѣшится ребенкомъ въ первый годъ своего замужества. Чтобы расположить къ себѣ такимъ образомъ мужа и его родныхъ, она часто обращается за совѣтомъ къ знахаркамъ, которыя за условленное вознагражденіе готовятъ настой изъ можжевельника (*netata*) и пьютъ имъ молодую. Въ связи съ этимъ обыкновениемъ стоитъ начало чешской народной пѣсни:

Na hore rastie netata
neboj sa mladúcha dietata ¹⁾.

Въ Болгаріи неплодіе женщины считается большимъ несчастьемъ, насланнымъ злымъ колдуномъ ²⁾. Подобное мнѣніе распространено и во многихъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи. Въ Сербіи, въ случаѣ неплодія, жена беретъ горшокъ воды и держитъ его около огня, а мужъ въ это время бьетъ по головешкамъ. Какъ только искра упадетъ въ горшокъ, жена пьетъ изъ него воду ³⁾. Для объясненія этого страннаго обряда необходимо обратить вниманіе на существовавшую въ

¹⁾ *Sazop. Ges. Mus.* 1859, I, 502.

²⁾ *Kanitz*, Donau-Bulgarien, I, 69.

³⁾ *Гласник*, 1867, V, 153.

представленіи древняго человѣка связь огня, и въ частности, отдѣльной его искры или луча, какъ *pars pro toto*, съ человѣческой душой ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи уже во время свадьбы принимаютъ предосторожности, обезпечивающія успѣшное и легкое дѣторождение молодой женщины; такъ, въ Нижегородской губерніи молодыхъ изъ-за свадебнаго стола выводятъ такъ, чтобъ избѣжать круговаго обхожденія; иначе—молодая не будетъ родить ²⁾.

Почти у всѣхъ народовъ предпочтеніе отдается ребенку мужскаго пола. У дикихъ и варварскихъ народовъ предпочтеніе это выражается въ безчеловѣчной формѣ преданія смерти новорожденной дѣвочки. У Сванетовъ, сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало—отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ ³⁾. Когда Арабъ услышитъ—говорится въ Коранѣ,—что у него родилась дочь, лицо его должно покрыться мракомъ печали; это извѣстіе должно казаться ему столь позорнымъ бѣдствіемъ, что онъ не смѣетъ показываться людямъ и долженъ находиться въ раздумьѣ, слѣдуетъ ли ему сохранить дочь для своего безчестья, или прямо закопать ее въ землю ⁴⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что Коранъ вообще запрещаетъ дѣтубійство. У Лезгинъ рожденіе сына даетъ нѣкоторыя, впрочемъ весьма незначительныя права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастье быть бесплодною или рожать однѣхъ дочерей, то окончательно теряетъ расположеніе мужа, который обыкновенно женится на другой ⁵⁾. Осетину въ день свадьбы желаютъ имѣть девять мальчиковъ и одну голубоглазую дѣвочку ⁶⁾; рожденіе дочери причиняетъ ему большое огорченіе и не сопровождается никакимъ угощеніемъ друзей, тогда какъ рожденіе мальчика бываетъ причиной большихъ пиршествъ ⁷⁾. У Киргизовъ также только при рожденіи мальчика устраивается праздникъ ⁸⁾. Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь ⁹⁾. Всѣ Славянскія племена признаютъ за новорожденнымъ ребенкомъ женскаго пола право жизни; но и здѣсь яркою полосой проходитъ предпочтеніе мальчика. У Че-

¹⁾ *Аванасевъ*, Повтич. возвр. Слав. на пр. III, 196.

²⁾ *Этногр. Сборн.* 1, 50.

³⁾ Народы Россіи, IV, 333.

⁴⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 52; ст. *Плосса*.

⁵⁾ *Природа и Люди*, 1879, IX, 43.

⁶⁾ Сборникъ свѣд. о кавказск. горцахъ, IV, отд. III, стр. 29.

⁷⁾ *Природа и Люди*, 1879, VII, 32.

⁸⁾ Народы Росс., IV, 344.

⁹⁾ Нар. Росс. IV, 392.

ховъ невѣсту мальчика бьютъ шапками въ день свадьбы, чтобъ она родила мальчика ¹⁾. У Славянъ удержался свадебный обрядъ глубокой древности, имѣющій цѣлью расположить молодую женщину къ рожденію дѣтей мужскаго пола. Еще у древнихъ Индусовъ къ невѣстѣ подводили мальчика, и жрецъ садилъ его на колѣни невѣсты; отпуская ребенка, молодая одаривала его сладостями ²⁾. У Кашубовъ, во время покрыванія головы молодой, кладутъ на ея колѣни маленькаго ребенка мужскаго пола ³⁾; точно такое же обыкновеніе существуетъ въ Сербіи ⁴⁾, въ Угорской Руси ⁵⁾, у южно-македонскихъ Болгаръ ⁶⁾ и во многихъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи. Въ Сербіи при рожденіи мальчика не бываетъ конца веселью; рожденіе дѣвочки считается самымъ обыкновеннымъ домашнимъ событіемъ и не сопровождается никакими празднествами ⁷⁾.

Женщина, готовящаяся быть матерью, у многихъ народовъ получаетъ значеніе существа, которое, по особенной таинственной силѣ, вызванной исключительностью положенія, можетъ вліять на постороннихъ и благотворно, и вредно, чаще вредно. Вліяніе беременной женщины на окружающихъ обуславливается ея душевнымъ состояніемъ. Ея неудовольствіе можетъ причинить оскорбившему ея человѣку матеріальный вредъ. „Мы должны“, говоритъ Плоссъ, — „считать выраженіемъ высокаго нравственнаго чувства обычай Карфагенянъ и жителей Панноніи, которые, по свидѣтельству римскихъ писателей, относились къ беременнымъ женщинамъ съ величайшимъ уваженіемъ. Съ другой стороны, мы должны признать крайне грубымъ тотъ народъ, который не избавляетъ женщину въ періодѣ беременности отъ тяжелыхъ работъ и трудовъ“ ⁸⁾. Разсужденіе Плосса, касающееся сложнаго и труднаго вопроса о народной этикѣ, не можетъ быть названо вполнѣ основательнымъ. Довольно смѣло благоприятны для беременной женщины, но недостаточно объясненные обычай нѣкоторыхъ древнихъ народовъ принимать за свидѣтельство ихъ высокаго нравственнаго развитія. Народная масса въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ не всегда руко-

¹⁾ *Casap. Ges. Mus.* 1859, I, 97.

²⁾ *Wiber, Indische Stud.* V, 208, 329.

³⁾ *Kolberg, Lud.* XI, 205.

⁴⁾ *Гласник*, 1867, V, 135.

⁵⁾ *Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.* 1872, IV, 408.

⁶⁾ *Верховичъ*, Опис. быта Болгаръ, 27.

⁷⁾ *Знаніе*, 1877, III, прил. 52, ст. Плосса.

⁸⁾ *Знаніе* 1877, V, прил. 7.

водится сознанными побужденіями и нравственными началами. Уваженіе къ беременной женщинѣ, нѣкотораго рода предупредительность къ ея нуждамъ и желаніямъ, у народовъ, стоящихъ на низкой степени культурнаго развитія, вытекаетъ не изъ чистыхъ и нравственныхъ на нее воззрѣній, а изъ суевѣрнаго передъ нею страха, какъ передъ существомъ опаснымъ, которое, помимо своей собственной души, носить въ себѣ еще начало другой, не облекшейся въ плотскую форму таинственной души. Если вообще человѣческому взгляду приписывается способность разстроить здоровье и испортить хорошо начатое дѣло, то тѣмъ болѣе дурное вліяніе можетъ оказать беременная женщина, въ болѣзненно-измѣненномъ взглядѣ которой умственно неразвитый человѣкъ склоненъ видѣть присутствіе чего-то особеннаго, невѣдомаго и таинственнаго. Бразильскіе Индѣйцы, Калоши, обитатели Каролинскаго архипелага освобождаютъ беременную женщину отъ тяжелой работы; все же извѣстное объ этихъ народахъ не даетъ повода предполагать въ нихъ развитіе высокаго нравственнаго чувства. Что къ уваженію беременной женщины ведетъ страхъ передъ предполагаемымъ въ ней присутствіемъ таинственной силы, вызываемой душою зародыша, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго повѣрья бѣлорусскихъ крестьянъ: если беременная женщина проситъ денегъ, какой-нибудь вещи или чего-нибудь съѣдобнаго и получаетъ отказъ, то въ непродолжительномъ времени у того, кого она просила, и кто не удовлетворилъ ея просьбѣ, мыши или крысы изгрызутъ одежду; а потому, кто не хочетъ или не можетъ удовлетворить ея просьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ избѣжать нападенія мышей, долженъ, когда она будетъ отъ него отходить, непременно бросить вслѣдъ за нею или на нее уголекъ, кусочекъ земли или какой-нибудь соръ ¹⁾. Мышь есть образъ души. Въ германской мнѣологіи, мыши — эльбы, души. Царица эльбовъ — Гольда. Въ русскихъ сказкахъ мыши принадлежатъ къ хозяйству Яги (= Гольда), служатъ у нея на посылахъ, приносятъ дѣтямъ зубы и причиняютъ людямъ смерть ²⁾.

Въ Малороссіи беременная женщина не можетъ быть крестною матерью; въ противномъ случаѣ скоро умереть или окрещенный ею ребенокъ, или тотъ, появленія котораго въ свѣтъ она ожидаетъ. Точно такое же повѣрье распространено въ Германіи ³⁾. Въ Бѣло-

¹⁾ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1853, IX, 130.

²⁾ *Потѣбня*, О мнѣнч. знач. нѣкот. обр., 90.

³⁾ *Знаніе* 1877, II, прил. 16, ст. *Плюсса*.

русскія беременная женщина не можетъ присутствовать при повязываніи молодой женскимъ чепцомъ, иначе—молодая будетъ дремлива цѣлый годъ ¹⁾.

Мысль женщины, готовящейся стать матерью, преимущественно сосредоточена на обезпеченіи извѣстнымъ, заранѣе принятымъ образомъ жизни и соблюденіемъ опредѣленныхъ преданіемъ обрядовъ, съ одной стороны, благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, съ другой—спокойствія и счастья ожидаемаго младенца. Масса обрядовъ, совершаемыхъ беременною женщиной, имѣетъ цѣлью облегчить предстоящіе роды и сохранить плодъ невредимымъ. Въ старину въ русскомъ дворянствѣ господствовало убѣжденіе, что женщина въ описываемомъ положеніи должна обладать большимъ аппетитомъ и безпрепятственно удовлетворять его жирною и сытною пищею. Прибѣгали къ особому приему, чтобы возбудить въ беременной женщинѣ расположеніе къ частой и обильной ѣдѣ: брали у нищихъ сорокъ кусковъ хлѣба, которые она должна была съѣсть ²⁾; обычай, возникшій подъ вліяніемъ особенныхъ церковно-благочестивыхъ воззрѣній на милостыню. У Славянъ въ Богеміи и Моравіи беременныя женщины не должны выходить изъ дому съ непокрытою головою и не должны толкать ногой ни собакъ, ни кошекъ. Несоблюденіе этой предосторожности ведетъ къ преждевременнымъ родамъ. У ганноверскихъ Вендовъ беременной женщинѣ воспрещается заниматься смазкой колесъ, зажимать ротъ при прохожденіи мимо чего-либо дурно пахнущаго, чистить корни желтаго цвѣта, брать что-либо тайкомъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ ребенокъ можетъ пострадать физически или нравственно: родится грязнымъ, будетъ имѣть дурной запахъ изо рта, покроется веснушками, или сдѣлается воромъ ³⁾. Въ Архангельской губерніи запрещаютъ беременной женщинѣ браниться, чтобы дитя не вышло злымъ ⁴⁾. Въ такъ-называемый испугъ вѣрятъ почти всѣ народы. Думаютъ, что предметъ, испугавшій беременную женщину или вызвавшій съ ея стороны сильное отвращеніе, отразится на ребенкѣ. Китайцы запрещаютъ показывать беременной женщинѣ жабъ, ежей, раковъ или черепахъ, чтобы ребенокъ не обратился въ одно изъ этихъ животныхъ. Въ Германіи беременной женщинѣ совѣтуютъ смо-

¹⁾ Носовичъ, Бѣлор. пѣс. въ *Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн.* V, 149.

²⁾ *Авдѣева*, *Зап. о стар. и нов. русск. бытъ*, 139.

³⁾ *Знаніе* 1877, II, прил. 13—14, ст. *Плюсса*.

⁴⁾ *Извѣст. Общ. Люб. Естест., Антроп. и Этн.* XXX, 183.

трѣть на хорошія картины ¹⁾). Въ Малороссіи распространены повѣрья въ испугъ, при чемъ въ особенности опаснымъ считаютъ зрѣлище пожара. На тѣлѣ ребенка, преимущественно на лицѣ, должна образоваться черная полоса или темнокрасное кровавое пятно. Въ Харьковской губерніи беременныя женщины избѣгаютъ встрѣчи съ очень некрасивыми людьми, въ особенности съ людьми, имѣющими на лицѣ какой-нибудь порокъ, въ родѣ шрама или большого прыща. Хорошимъ средствомъ выносить красиваго ребенка считаютъ продолжительное смотрѣніе на красивыхъ людей въ натурѣ или на портретѣ. По русскимъ народнымъ понятіямъ, счастье человѣка обуславливается стеченіемъ многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ при рожденіи; почти все будущее человѣка зависитъ отъ того, когда и гдѣ онъ родился, и какое слово промолвитъ мать, когда его купаетъ, зависитъ отъ бабки и кумовьевъ. Въ одной галицкой пѣснѣ находится указаніе на ночное рожденіе, какъ на несчастливое. Женщина говоритъ своей матери: или ты меня родила ночью, что всѣмъ дала добрую долю, а мнѣ лихую ²⁾). Самое удобное время для рожденія человѣка—утреннее. Въ великорусской свадебной пѣснѣ изъ Саратовской губерніи говорится:

Хорошаго Александрushку
Матушка народила —
Межь обѣдни въ заутрени,
Малиною парила,
Сытою качивала ³⁾).

Въ слѣдующей малороссійской пѣснѣ перечислены обстоятельства рожденія, сдѣлавшія парня несчастнымъ:

А я хлопецъ несчастливый.
Чи я въ лісі родився?
Чи я въ полі хрестився?
Ой чи въ лісі, чи въ полі,
Не давъ мені Господь долі!
Чи такіи куми прийшли,—
Щастя, долі не принесли;
Чи такая баба брала,—
Щастя долі не вгадала ⁴⁾).

Для облегченія родовъ прибѣгаютъ къ разнаго рода приемамъ и

¹⁾ Знаніе 1877, II, прил. 18.

²⁾ Костомаровъ въ *Бесѣдѣ* 1872, IV, 49.

³⁾ Терещенко, *Бытъ Русск. Нар.* II, 328.

⁴⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. V, 34.

манипуляціямъ, имѣющимъ большею частью символическое значеніе. Въ Виленской губерніи во время родовъ знахарка зажигаетъ освещенную восковую свѣчу и держитъ ее передъ лицомъ больной, какъ бы вызывая на свѣтъ родственную огню душу ребенка. Кромѣ того, она метлой стучитъ въ потолокъ избы ¹⁾: обрядъ, имѣющій много соотвѣтствующихъ свадебныхъ обрядовъ и указывающій на молитвенное обращеніе къ домашнему духу, покровителю семьи. Нѣкоторымъ образомъ подобнымъ же обращеніемъ къ домашнему духу является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновение родильницы при родовыхъ боляхъ стучать три раза пятками о порогъ хаты. Въ Малороссіи соблюдается обыкновение переводить родильницу черезъ коcherгу и лопату ²⁾. Было бы странно, еслибы въ родинныхъ и крестинныхъ обрядахъ была обойдена печь, — это средоточіе древняго патриархальнаго семейства, мѣсто, наиболѣе близкое и пріятное домашнему духу. Въ Германіи мать принимаетъ окрещеннаго ребенка, сидя у печки ³⁾. Въ Малороссіи въ рукавъ рубашки, которую надѣваютъ на новорожденнаго, завязываютъ кусокъ печной глины, уголь и мелкую монету, которую на перекресткѣ кидаютъ чорту ⁴⁾. Въ древней Греціи новорожденнаго младенца обносили вокругъ очага ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи при трудныхъ родахъ больную обводятъ вокругъ стола, по краямъ котораго положена соль ⁶⁾. Въ Подтавской губерніи переводятъ родильницу черезъ красный поясъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ для облегченія родовъ пугаютъ родильницу; такъ, въ Тушетіи производятъ неожиданно для нея выстрѣлы изъ ружья ⁷⁾. Въ Харьковской и Пермской губерніяхъ домашніе родильницы поднимаютъ ложную тревогу съ криками: „пожаръ, пожаръ!“ ⁸⁾. Во многихъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи и въ Сербіи во время родовъ отмыкаютъ въ домѣ всѣ замки, развязываютъ всѣ узлы на платьѣ и расплетаютъ косу ⁹⁾. Кстаті замѣтить, что у Римлянъ, при принесеніи жертвы Юнонѣ, беременныя женщины не должны

¹⁾ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1857, XX, 258.

²⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. IV, 3, 4.

³⁾ *Kuhn, Mährn. Sagen*, 366.

⁴⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр., IV, 9.

⁵⁾ *Schoemann, Griech. Alterth.*, II, 499.

⁶⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. IV, 3.

⁷⁾ Народы Россіи, IV, 413.

⁸⁾ *Пермской Сборникъ*, I, 150.

⁹⁾ *Гласникъ* 1867, V, 155.

были имѣть узловъ ни въ одеждѣ, ни въ волосахъ ¹⁾). Почти у всѣхъ народовъ родильница во время родовъ старается скрыться, чтобъ избѣжать дурнаго глаза. Въ Великороссіи она уходитъ въ баню или въ хлѣвъ. Въ Малороссіи стараются скрыть время родовъ отъ знакомыхъ.

Въ отдаленную эпоху человѣческой жизни, когда впервые закладывались основы семейства, между отцомъ и дѣтьми не было моральной связи. Родство велось по матери. Если отецъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ и не боялся братьевъ жены, онъ предъявлялъ на своихъ дѣтей право собственности, какъ на вещь, обладаніе которою выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Между отцомъ и взрослымъ сыномъ устанавливалась взаимная ненависть. Съ одной стороны, стоялъ корыстолюбивый господинъ, съ другой—его подозрительный и невѣрный рабъ. Когда явилась потребность установить родственную связь между отцомъ и сыномъ, мысль древняго человѣка не нашла другаго выхода, какъ заставить отца разыграть роль родильницы съ подражаніемъ или повтореніемъ всѣхъ ея болѣзненныхъ стонъ, такъ сказать, уподобить матери и представить его, какъ вторую мать. У ребенка являлось двѣ матери: одна — дѣйствительная, другая — фиктивная, мужчина, пожелавшій завязать родственныи узелъ съ ребенкомъ подъ примѣрною формою дѣторожденія. Это было своего рода усыновленіе. У Караивовъ мужъ, во время родовъ жены, ложится и стонетъ, какъ больной; его окружаютъ заботами наравнѣ съ его женою; на другой день приходятъ сосѣди и поздравляютъ его съ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени ²⁾. Такое же обыкновеніе встрѣчается въ южной Франціи, и здѣсь оно называется *la souvade*. Это названіе въ наукѣ исторіи культуры сдѣлалось общимъ для всѣхъ однородныхъ вышеозначенному явленій. Одною происхожденія и значенія съ кувадой распространенный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи крестинный обрядъ, въ силу котораго отецъ новорожденнаго обязанъ съѣсть что-либо противное на вкусъ, чтобы не остаться въ долгу передъ своею женою, перенесшею страданія. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ Костромской губерніи отецъ новорожденнаго ребенка долженъ съѣсть на крестинахъ ложку каши, перемѣшанной съ укусомъ, хрѣномъ и солью ³⁾. Этотъ странный обычай встрѣчается

¹⁾ *Знаніе* 1877, II, прил. 12, ст. *Плосса*.

²⁾ *Giraud-Teulon*, *Les origines de la famille*, 199.

³⁾ *Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос.* 1846, II, 25.

также въ Харьковской и Орловской губерніяхъ ¹⁾). Въ Харьковской губерніи при этомъ на отца надѣваютъ бѣлую простыню.

Родильницѣ немедленно по разрѣшеніи отъ бремени даютъ въ руки или кладутъ подъ голову вещь, предохраняющую отъ колдовства и уроковъ. Въ Малороссіи кладутъ около родильницы ножъ, освященный въ день Пасхи, иногда цвѣты васильковъ ²⁾, въ Болгаріи—кольцо или чеснокъ ³⁾, у Кашубовъ чертятъ на воротахъ крестъ мѣломъ, освященнымъ предварительно въ церкви ⁴⁾, у Великоруссовъ въ старину ставили въ уголъ голикъ, на обязанности котораго лежало охранять родильницу и ребенка ⁵⁾.

По народнымъ воззрѣніямъ, роды дѣлаютъ родильницу и ребенка нечистыми. До совершенія очистительныхъ обрядовъ и окончанія естественнаго очистительнаго процесса, прикосновеніе къ нимъ считается опаснымъ и гибельнымъ для другихъ. Воззрѣнія эти вызваны были послѣродовымъ состояніемъ женщины. Ставя въ связь нечистоту женщины съ ея послѣродовыми выдѣленіями, народная мысль въ разныхъ странахъ обнаружила большое единство въ назначеніи срока окончанія нечистаго состоянія: у Египтянъ, Пшавовъ, Евреевъ, древнихъ и новыхъ Грековъ, Русскихъ полагается сорокъ дней; у иныхъ народовъ, напримѣръ, у древнихъ Евреевъ и Грековъ, послѣ рожденія дѣвочки женщина считалась нечистою вдвое болѣе дней ⁶⁾. Въ Индустанѣ родильницу помѣщаютъ въ особой хижинѣ, устраиваемой въ нѣкоторомъ отдаленіи изъ циновыхъ и бамбуковыхъ вѣтвей. Точно такое же удаленіе родильницы соблюдалось въ древней Персіи и въ настоящее время имѣетъ мѣсто у многихъ народовъ, разобщенныхъ обширными пространствами: у Самоѣдовъ, у обитателей острова Таити, у антильскихъ Индѣйцевъ, у Даяковъ острова Борнео ⁷⁾, у кавказскихъ горцевъ Пшавовъ, Хевсуровъ, Тушинъ ⁸⁾ и у многихъ другихъ народовъ земнаго шара. Распространеніе понятія о нечистотѣ женщины у различныхъ народовъ востока и запада исключаетъ возможность предположенія, чтобы понятіе это выработалось первоначально

¹⁾ *Зап. Геогр. Общ. по отд. Этн.*, II, 47.

²⁾ Труды этн.-ст. экп. въ Зап. Русск. кр. IV, 5.

³⁾ Народы Россіи, III, 242.

⁴⁾ *Этногр. Сборн.*, V, 73.

⁵⁾ *Авдеева*, Зап. о стар. и нов. русск. бытѣ, 148.

⁶⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 40, 80, ст. *Плосса*.

⁷⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 42—46, ст. *Плосса*.

⁸⁾ Народы Россіи, IV, 413.

на востокъ. Оно самостоятельно возникло у народовъ, сходныхъ по степени культурнаго неразвитія. Временное удаленіе родильницы строго соблюдается у Великороссіянъ и почти совсѣмъ не существуетъ въ Малороссіи. Въ Нижегородской губерніи дѣти рождаются въ банѣ, гдѣ родильница остается нѣсколько дней ¹⁾. Въ Тульской губерніи родильница, по разрѣшеніи, живетъ въ банѣ цѣлую недѣлю; изъ бани она отправляется къ матери и живетъ у нея до шести недѣль, и уже послѣ этого добровольнаго удаленія возвращается въ домъ мужа ²⁾. Въ Богеміи и Моравіи родильницу вскорѣ послѣ родовъ не пускаютъ одну ходить къ колодезю или на рѣку за водой, чтобъ она не испортила воды ³⁾.

У различныхъ народовъ существуютъ разные обряды очищенія женщины; главными очистительными стихіями являются огонь и вода, чаще послѣдняя. Сибирскія Татарки прыгаютъ послѣ родовъ черезъ зажженные костры ⁴⁾. Очищеніе родильницы водой распространено въ западной Африкѣ и на Малайскомъ полуостровѣ. У древнихъ Грековъ черезъ недѣлю послѣ родовъ совершалось повивальною бабкою обрядовое омовеніе рукъ ⁵⁾. Очищеніе родильницы водой нашло широкое примѣненіе въ Россіи на всемъ ея огромномъ пространствѣ. Обрядъ размывки рукъ, напоминающій древне-греческое омовеніе рукъ повивальной бабки, распространенъ во многихъ губерніяхъ. Въ Пермской губерніи воду берутъ непременно рѣчную, проточную; бабка идетъ на рѣку съ чистымъ ведромъ и зачерпываетъ воду по теченію; опустивъ въ ведро правую руку и зачерпнувъ горстью воду, пускаетъ ее по рукѣ черезъ локоть въ нарочно приготовленный тазъ; она черпаетъ тридевятъ горстей, то-есть, три раза по девяти, которыя считаются всегда съ отрицаніемъ: не одна, не двѣ, не три и т. д.; во время возліаній на руку она говоритъ заговоръ, оберегающій родильницу отъ уроковъ ⁶⁾. Этотъ обрядъ совершается во время родовъ и имѣетъ цѣлю предохранить родильницу отъ глазу и колдовства, если она только кѣмъ-либо изурочена. Обыкновенно размывка бываетъ шесть недѣль спустя послѣ родовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родильницѣ льютъ на руки и на спину наговоренную воду, поставивъ ее

¹⁾ *Этногр. Сборн.*, I, 23.

²⁾ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1853, VII, 87.

³⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 38, ст. *Плосса*.

⁴⁾ *Тэйлоръ*, Первоб. культ., II, 466.

⁵⁾ *Тэйлоръ*, Первоб. культ., II, 466, 471.

⁶⁾ *Пермскій Сборн.* II, 118.

на топорѣ или на вѣникѣ ¹⁾. Въ старину при размывкѣ рукъ клали въ тазъ серебряныя деньги ²⁾. Въ Харьковской губерніи около родильницы ставятъ вскорѣ послѣ родовъ сосудъ съ водой, чтобы, какъ говорятъ, не было молочной лихорадки: обыкновеніе, имѣющее предохранительное и вмѣстѣ съ тѣмъ очистительное значеніе. Великоросійское обыкновеніе рожать дѣтей въ банѣ стоитъ въ связи съ представленіемъ объ очистительномъ значеніи воды, а отъ нея и бани.

Нерѣдко случается, что ребенокъ родится въ перепонкѣ, въ такъ-называемой сорочкѣ. У многихъ народовъ сорочка эта служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что новорожденный въ жизни будетъ счастливъ. У древнихъ Римлянъ сорочку покупали адвокаты, признававшіе за нею таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Подобное возрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Даніи и въ Англии. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ публиковали о продающихся дѣтскихъ сорочкахъ. Во Франціи дѣтей, рожденныхъ въ перепонкѣ, считаютъ счастливыми ³⁾: извѣстно французское выраженіе „être né coiffé“, означающее счастливыхъ дѣтей. Въ Германіи вѣрованіе въ счастливую сорочку такъ сильно, что повивальныя бабки часто крадутъ ее для своихъ дѣтей ⁴⁾. Точно такое же вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено по всей Россіи. Дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ дворянскомъ сословіи, при начинаніи какого-нибудь серьезнаго и труднаго дѣла, брали на время у знакомыхъ дѣтскую сорочку, если не имѣли собственной ⁵⁾. Въ Харьковской губерніи плева, собравшаяся на головѣ новорожденнаго, носитъ названіе чепца. Чепецъ считаютъ предзнаменованіемъ, что новорожденный будетъ со временемъ архіереемъ. Повсемѣстно сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ ней родиться.

„По взгляду германской мифологіи“, говоритъ профессоръ Потенба въ статьѣ „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“, — „души до своего рожденія находятся у богини Гольды (сл. Яги) за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя

¹⁾ *Этногр. Сборн.* I, 350.

Черемшанскій, Опис. Оренб. губ., 213.

²⁾ *Авдѣева, Зап. о стар. русск. бытѣ*, 117.

³⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 33, ст. *Плюсса*.

⁴⁾ *Mülhause, Die Uhrrelig. d. deutsch. Volkes*, 1860, 11.

⁵⁾ *Авдѣева, Зап. о русск. бытѣ*, 138.

человѣчскій образъ, за нею слѣдуютъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея духи-хранители. Въ скандинавской мѣологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется *fylgia* (*weil er dem Menschen folgt* (Grimm), *se adjungens*), *hamingia* (*felicitas*). Появленіе этихъ спутниковъ на землѣ, одновременное съ рожденіемъ, есть нѣкоторымъ образомъ то же рожденіе. Мѣстопребываніе ихъ есть въ началѣ сорочка, которую иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (*glückshaube*), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье¹⁾.

У славянскихъ и германскихъ народовъ важное значеніе приписывается, наравнѣ съ сорочкой, пуповинѣ, которую, по отрѣзаніи, зашиваютъ и сохраняютъ²⁾.

Склонная къ анимизму, народная мысль облакаетъ въ плоть и кровь и одариваетъ даромъ жизни самыя мелкіе предметы. Если клубочекъ нитокъ въ сказкахъ живетъ и мыслить, принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ человѣка и ведетъ рѣчь съ злымъ духомъ, нѣтъ ничего страннаго и въ суевѣрномъ оживотвореніи дѣтскаго мѣста, такъ или иначе все же стоявшаго въ связи съ живымъ существомъ ребенка и его матери. Въ Оренбургской губерніи дѣтскому мѣсту приписываютъ важное значеніе; его заботливо зарываютъ въ землю: если его вырыть и повернуть пуповиной внизъ, то у только что разрѣшившейся отъ бремени родильницы не будетъ болѣе дѣтей; но если его обратно повернуть лопатой, то сила ворожбы теряетъ значеніе. Бабка выворачиваетъ мѣсто, если родители желаютъ имѣть ребенка другаго пола³⁾. Въ Малороссіи закапываютъ „місце“ въ хатѣ подъ поломъ (гдѣ спятъ) и посыпаютъ житомъ⁴⁾, имѣющимъ здѣсь, вѣроятно, такое же очистительное значеніе, какъ и при посыпаніи той лавки, на которой лежалъ покойникъ.

Новорожденному грозятъ многочисленныя опасности со стороны злыхъ духовъ. Новорожденный ребенокъ, считающійся, какъ уже было замѣчено, нечистымъ, и его нечистая мать въ теченіе нѣкотораго времени, до очищенія, легко доступны влиянію враждебныхъ челоуѣку силъ. У Грузинъ распространено повѣрье, что нечистая сила въ образѣ

1) *Древности*. Труды Моск. Арх. Общ. 1865, II, 20.

2) *Знаніе* 1877, III, прил. 35, ст. *Плосса*.

3) *Черемшанскій*, Опис. Оренб. губ., 212.

4) Труды этн.-ст. вѣсп. въ Зап. Русск. вр. IV, 5.

змѣя старается напасть на новорожденного и задушить родильницу ¹⁾. До крещенія въ Германіи очень опасаются, чтобы ребенокъ не былъ похищенъ подземными духами, и потому по ночамъ не тушатъ огня ²⁾. Въ Малороссіи отъ рожденія до крещенія младенца по ночамъ горитъ свѣча, чтобы діаволь не украсть и не подмѣнилъ его ³⁾. Въ простомъ южнорусскомъ народѣ ходитъ разказъ, что у одного мужика было дитя лѣтъ трехъ; оно ни говорило, ни ходило, только очень много ѣло, — однимъ словомъ „злыдень“. По худобѣ и безобразію легко было догадаться, что это „одміна“. Родители стали спрашивать у знающихъ людей, что сдѣлать, чтобы избавиться отъ этого ребенка и возвратитъ собственное отъ нечистой силы. Одинъ знахарь посовѣтывалъ вынести одмину на сорное мѣсто и бить его тамъ „деркачемъ“ (голикомъ) отъ правой руки къ лѣвой. По совѣту знахаря, родители начали сильно бить ребенка, на отчаянный крикъ котораго прибѣжала какая-то женщина и гнѣвно крикнула: „Зачѣмъ бьете, мучите мое дитя, отдайте мнѣ мое, возьмите себѣ свое“, и она бросила на соръ ихъ ребенка, а своего подхватила и быстро съ нимъ скрылась, только вихрь закрутился по направленію къ очерету лежавшаго вблизи пруда. Въ Украинѣ дѣти діавольскаго происхожденія называются упырями. Въ одномъ селѣ, разказываютъ, родился мальчикъ съ большою, какъ у взрослого, головой, съ длинными ногами и очень выразительными глазами. Онъ не могъ ходить; на седьмомъ году онъ началъ предсказывать, но только по утрамъ. Отецъ упыря имѣлъ пчельникъ, за которымъ смотрѣлъ его дѣдъ. Однажды ночью упырь началъ будить отца, говоря, что воры намѣрены дѣда убить, а медъ забрать себѣ. Отецъ не повѣрилъ ему, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ заснуть; но упырь снова началъ ему твердить, чтобы онъ скорѣе бѣжалъ, — иначе разбойники убьютъ старика. Отецъ вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ двухъ разбойниковъ, выбравшихъ изъ улья медъ, а подалъ связаннаго пасѣчника. Слава о пророчествѣ мальчика-калѣки разнеслась по селамъ. Многіе стали къ нему обращаться съ вопросами. Онъ умеръ на десятомъ году. Опытные люди говорятъ, что похоронили только его тѣло, а онъ снова гдѣ-то явился въ другомъ видѣ и продолжаетъ пророчествовать ⁴⁾.

¹⁾ Народы Россіи, IV, 391.

²⁾ *Kuhn*, Märk. Sagen 364, 383.

³⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. IV, 6.

⁴⁾ *Nowoselski*, Lud ukraiński II, 160—163.

Обезпечивая существованіе новорожденнаго и его безопасность отъ козней діавола, родители стараются заранѣе подготовить въ немъ способность къ дѣторожденію, для чего въ Малороссіи обвязываютъ его послѣ перваго купанья „полоскунами“, то-есть, коноплями съ сѣмемъ¹⁾. Въ Воронежской губерніи ребенка, по крещеніи, кладутъ на шубу, чтобъ онъ былъ богатъ²⁾. Въ Малороссіи ребенка послѣ крестинъ загоняютъ въ рай: обносятъ вокругъ стола³⁾. У Болгарь, 8-го января, бабка ходитъ посмотрѣть и благословить дѣтей, которыхъ она бабувала. Она несетъ съ собою красную и бѣлую шерсть, намоченную липкимъ медомъ, и просо. Изъ красной шерсти она дѣлаетъ усы и бороду, а изъ бѣлой — волоса и приклеиваетъ ихъ къ ребенку; приклеить также нѣсколько волоконъ красной шерсти и къ домохозяйкѣ, потому разбрасываетъ просо и приговариваетъ:

Да са червите,
Като тасъ вѣлна!
Да са гуите,
Като тосъ просо!
Да са ронте,
Като пчели въ пчелникъ!

Бѣлая шерсть обозначаетъ желаніе, чтобы ребенокъ дожилъ до сѣдой старости, красная чтобы щеки его были румяны, а просо — чтобъ онъ толстѣлъ, медъ — чтобъ онъ былъ работающій какъ пчела и чтобы умножилъ родъ человѣческій точно также, какъ матка-пчела выводитъ каждый годъ тысячи пчелъ⁴⁾.

Обрядъ этотъ находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе съ миеологической точки зрѣнія: пчелы — роющіяся въ облакахъ молніи, красная и бѣлая шерсть — грозовая туча въ цвѣтовыхъ отливахъ, просо — плодотворный весенній дождь.

Чтобы ребенокъ началъ скорѣе ходить, его проводятъ на Свѣтлое Христово Воскресенье по току⁵⁾. Въ Харьковской и Курской губерніяхъ, при первомъ шагѣ ребенка, на землѣ дѣлаютъ крестъ.

По знакамъ на тѣлѣ новорожденнаго судятъ о его долговѣчности. Въ Германіи синеваую черту или поперечную жилу надъ переносицей принимаютъ за знакъ, что ребенокъ умретъ до двухъ лѣтъ.

¹⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. IV, 6.

²⁾ *Этногр. Сборн.* I, 218.

³⁾ Труды эт.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр. IV, 16.

⁴⁾ *Каравеловъ*, Памяти. народ. быта Болгарь, I, 180.

⁵⁾ *Этногр. Сборн.* I, 218.

Въ Малороссіи считаютъ долговѣчнымъ ребенка, у котораго загнуты пятки, который при подниманіи посторонними корчитъ ножки, у котораго много мяса въ глазахъ по уголкамъ, и который имѣетъ крѣпкія уши и спитъ съ плотно закрытыми глазами. Появленіе паразитовъ въ Харьковской губерніи иногда принимаютъ за предзнаменованіе болѣзни; въ Рудныхъ горахъ думаютъ, что ребенокъ, у котораго заводятся паразиты, не проживетъ долѣе 12 лѣтъ ¹⁾.

Въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, однако не болѣе сорока дней, обыкновенно гораздо менѣе, недѣлю и всего нѣсколько дней, новорожденный считается нечистымъ. Въ Малороссіи мать не кормитъ ребенка до крещенія; его кормитъ посторонняя женщина ²⁾. Впрочемъ, здѣсь трудно опредѣлить, что собственно ввѣвало это обыкновеніе—понятіе о нечистотѣ родильницы, или наоборотъ, понятіе о нечистотѣ ребенка. Въ штирійскомъ Оберландѣ отецъ не можетъ прикасаться къ новорожденному младенцу, пока его не обмоютъ. Въ Чехіи полагаютъ, что привести не окрещеннаго ребенка въ чужой домъ, значитъ—звергнуть этотъ домъ въ несчастье ³⁾. Во многихъ мѣстахъ Россіи не окрещеннаго ребенка не находятъ возможнымъ хоронить на общемъ кладбищѣ и погребаютъ въ домѣ подъ порогомъ или въ переднемъ углу.

Очищеніе ребенка, также какъ и очищеніе родильницы, совершается посредствомъ огня и воды. У нѣкоторыхъ якутскихъ племенъ Малайскаго полуострова и на о. Мадагаскарѣ ребенка нѣсколько разъ проносятъ надъ огнемъ, въ который вкинуть кусокъ ароматическаго дерева. Обрядовое омовеніе ребенка встрѣчается въ Китаѣ и Японіи. Въ древней Мексикѣ кормилица обмывала новорожденнаго младенца во имя богини воды съ цѣлью смыть съ него нечистоту рожденія, очистить его сердце и дать ему хорошую и добрую жизнь. Она молила при этомъ невидимое божество низойдти въ воду, очистить ребенка отъ грѣха и скверны и избавить его отъ несчастій ⁴⁾. У Литовцевъ тотчасъ по рожденіи ребенка повитуха обмываетъ его самою холодною водой во имя Лаумы, богини изобилія и оплодотворенія земли ⁵⁾. Языческое крещеніе ребенка въ формѣ обрядоваго омовенія пользуется

¹⁾ *Знаніе* 1877, Ш, прил. 37, ст. *Плосса*.

²⁾ *Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр.*, IV, 8.

³⁾ *Знаніе* 1877, Ш, прил. 39, ст. *Плосса*.

⁴⁾ *Тэйлоръ*, *Первоб. культ.* II, 464—465, 465, 468, 469.

⁵⁾ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1857, XX, 258.

до сихъ поръ обширнымъ распространеніемъ на Руси: Вѣроятно, и у языческихъ Славянъ при купаніи ребенка имѣли въ виду опредѣленное божество, покровительствовавшее новорожденнымъ. Роль Лаумы у Славянъ могла играть одна изъ роженицъ или судицъ, дѣвъ судьбы, Въ южно-сибирской свадебной пѣснѣ о красивомъ женихѣ поютъ:

Обмывала тебя матушка
Ключевой водой студеною ¹⁾.

Это мѣсто пѣсни указываетъ на существованіе обряда, подобнаго литовскому. Холодная вода сообщила молодцу красоту, значить— вода была не простая, а освященная присутвіемъ или благословеніемъ высшей силы. Обыкновеніе купать новорожденнаго въ холодной водѣ бытуетъ во многихъ мѣстахъ Россіи.

Что купанье новорожденнаго у Славянъ стояло въ связи съ призваніемъ богини Виды или какого-либо сверхъестественнаго существа, имѣющаго присутствовать при совершеніи обряда, видно изъ обыкновенія кидать въ купель или корыто, гдѣ моютъ ребенка, золотыя или серебряныя монеты, или какія-либо цѣнныя вещи, имѣющія въ данномъ случаѣ значеніе жертвоприношенія. Въ Болгаріи, при купаніи ребенка, кладутъ въ корыто деньги или орѣхи ²⁾. Въ старинное время въ Россіи, при обмываніи ребенка, клали ему въ тазъ золотыя и серебряныя деньги, а у бѣдныхъ—серебряное кольцо ³⁾. Подобное обыкновеніе встрѣчается и въ Германіи, при первомъ купаньѣ новорожденнаго ⁴⁾. Въ Галиціи взрослые, умываясь на новый годъ, бросаютъ въ воду серебряныя деньги ⁵⁾.

По очищеніи ребенка омовеніемъ, его необходимо ввести въ ближайшее общеніе съ покровительствующимъ дѣтскому возрасту божествомъ. Нужно было привлечь къ нему вниманіе божества, расположить его въ пользу новорожденнаго, что совершалось двоякимъ образомъ: съ одной стороны, родители приносили жертву, съ другой стороны—и сирой, и нагій членъ человѣческаго общества отдавалъ божеству часть своего собственника существа, волосы, какъ *pars pro toto*.

Только самые дикіе народы не празднуютъ рожденія ребенка, особенно если новорожденный мужескаго пола. Славяне привѣтствуютъ

¹⁾ Гуляевъ въ *Библ. для Чит.* 1848, XC, 30.

²⁾ Чолаковъ, Българ. народ. сборн., 4, 49.

³⁾ Авдѣева, Зап. о стар. русск. бытѣ, 116.

⁴⁾ Кuhn, Märk. Sagen, 364.

⁵⁾ Маякъ 1843, XI, матер. 57.

появленіе новаго члена семьи веселымъ пиромъ. Въ лѣтописи подъ 1196 г. говорится о празднованіи родинъ древними Русскими князьями, при чемъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что гости „быша въ радости, и въ веселіи, и въ любви, и въ соединеніи вѣчномъ и тако розидошася во свояси“ ¹⁾. У Сербовъ празднуется только рожденіе мальчика, у Лужичанъ ²⁾, Болгаръ ³⁾ и другихъ Славянъ—безъ различія пола. Родинныя празднества произошли изъ древнихъ благодарственныхъ жертвоприношеній богамъ. Пированіе людей было нѣкогда, такъ сказать, заключительнымъ актомъ пированія боговъ. Южно-американскіе Индѣйцы приносили въ жертву лошадь, Альфурусы—козла или возу, смотря по полу младенца, Лимбусы Бенгаліи—курацу ⁴⁾. У древнихъ Индусовъ и Германцевъ при рожденіи младенца совершали возліянія медомъ и молокомъ ⁵⁾. Плиній говоритъ объ употребленіи Римлянами въ день рожденія ребенка каши, *fritilla, puls* ⁶⁾. Аналогическій обрядъ существуетъ въ настоящее время между крестьянами Тверской губерніи: готовятъ въ день родинъ двѣ каши, жидкую съ молокомъ и густую съ масломъ, а въ постные дни просяную и гречневую. За второю кашей родной отецъ новорожденного беретъ у всѣхъ присутствующихъ ложки и втыкаетъ ихъ въ кашу; гости выкупаютъ ложки, то-есть, каждый втыкаетъ денежную монету въ ломоть хлѣба, лежащій около каши; ломоть съ деньгами идетъ родительницѣ ⁷⁾. Обрядовое употребленіе каши на крестинахъ бываетъ въ Воронежской губерніи ⁸⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи на крестинахъ варятъ узварь ⁹⁾. Вообще надо замѣтить, что каша—по преимуществу родинное обрядовое кушанье, подобно тому какъ круглый хлѣбъ (коровай, курникъ, перепеча) есть по преимуществу свадебное угощеніе. Въ одномъ старинномъ Цвѣтникѣ сохранилось любопытное замѣчаніе, что „бабы каши варятъ на собраніе роженицамъ“. Въ одномъ сборникѣ XV в. упоминается ставленіе тряпезы роженицамъ. Покормъ роженицъ состоялъ преимущественно изъ каши; впрочемъ, кушанье это не исключало и

¹⁾ *Погодинъ*, Древн. русск. ист., II, 508.

²⁾ *Знаніе*, 1877, II, прил., 50, ст. *Плюсса*.

³⁾ *Чолаковъ*, Българ. нар. сборн., 2.

⁴⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 60.

⁵⁾ *Килъ*, Die Herabk. des Feuers, 137.

⁶⁾ *Roszbach*, Die römische Ehe, 104.

⁷⁾ *Этнограф.* Сборн. I, 184.

⁸⁾ *Ibid.* 218.

⁹⁾ *Маякъ*, 1843, XI, матер. 33.

другихъ предметовъ для жертвоприношенія: въ Вопрошаніи Кирика упоминается принесеніе въ жертву роду и роженицамъ хлѣба, сыра и меду ¹⁾).

Такъ-называемые постриги имѣютъ обширное распространеніе и встрѣчаются у народовъ, не имѣвшихъ никакой связи со Славянами. У Мандинговъ ребенку стригли волосы черезъ недѣлю послѣ рожденія. Жрецъ, призывая благословеніе, бралъ новорожденного на руки, шепталъ ему на ухо, плевалъ три раза въ лицо и громко произносилъ передъ присутствующими его имя. У древнихъ Перуанцевъ ребенка, по достиженіи двухлѣтнаго возраста, стригли посредствомъ каменнаго ножа (указаніе на древнѣйшее происхожденіе обряда) и давали ему имя. Въ настоящее время у перуанскихъ Индѣйцевъ соблюдается обыкновеніе отрѣзывать у новорожденного младенца клокъ волосъ ²⁾). Въ Лаврентьевской лѣтописи постриги упоминаются подъ 1192, 1194, 1212 и 1302 годами ³⁾). Въ первыхъ трехъ случаяхъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „бысть радость велика“; впрочемъ, это выраженіе составляетъ общее мѣсто въ лѣтописяхъ. Какъ извѣстно, торжественныя постриги имѣли мѣсто еще въ XVII в. въ царскомъ семействѣ. Въ Курской губерніи годовому ребенку крестный отецъ въ присутствіи гостей въ первый разъ стрижетъ волосы ⁴⁾). Въ Харьковской губерніи не стригутъ волосъ до года. Въ Малороссіи бабка отрѣзываетъ у новорожденного младенца три пучка волосъ ⁵⁾). Дѣтскія постриги стоятъ въ обрядовомъ родствѣ съ отрѣзываніемъ или урѣзываніемъ косы у невѣсты. Древнія Гречанки обрѣзывали передъ свадьбой косу въ жертву Ифиноѣ ⁶⁾). Подобное обыкновеніе существуетъ въ нѣкоторыхъ румынскихъ селахъ сѣверо-восточной Сербіи ⁷⁾). У древнихъ Китайцевъ подстригали волосы невѣсты ⁸⁾). Подобное обыкновеніе распространено въ Бѣлороссіи ⁹⁾). Въ объясненіе дѣтскихъ постриговъ можно указать на древне-германское повѣрье, что дѣвическая коса

¹⁾ *Архивъ Калачева*, II, 104: ст. *Срезневскаго* о роженицахъ.

²⁾ *Тэйлоръ*, *Первоб. култ.*, II, 465, 468.

³⁾ *Лѣтоп. по Лаврент.* сп., изд. *Архегр. ком.* 1872, стр. 388, 990, 416, 462.

⁴⁾ *Этнограф. Сборн.*, V, 23.

⁵⁾ *Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Русск. кр.*, IV, 4.

⁶⁾ *Wachsmuth*, *Hellen. Alterth.*, II, 234.

⁷⁾ *Kanitz*, *Serbien*, 331.

⁸⁾ *Kraszewski*, *Litwa*, 1847, I, 236.

⁹⁾ *Крачковскій въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1873, IV, 72.

стоитъ подъ особеннымъ надзоромъ богини Гольды ¹⁾. Эта богиня является царицей эльбовъ или душъ человѣческихъ. У Славянъ Гольдѣ соответствуетъ Яга. Быть можетъ, постриги были рассчитаны на ея ублаженіе; болѣе вѣроятнымъ представляется свидѣтельство одного стариннаго Цвѣтника, поставляющаго постриги въ связь съ поклоненіемъ роженницамъ ²⁾.

Крестинные обряды не имѣютъ самостоятельнаго значенія и не отдѣлимы отъ обрядовъ родинныхъ. Часто они переставляются, такъ что обряды, соблюдаемые въ одномъ мѣстѣ въ день крестинъ, въ другомъ мѣстѣ соблюдаются въ день рожденія младенца. Въ Малороссіи отецъ и мать не присутствуютъ во время крещенія ихъ младенца; въ Ярославской губерніи удаленіе обязательно лишь для одного отца ³⁾; впрочемъ, и мать, не имѣющая права входа въ церковь до сорока дней, также лишена возможности присутствовать во время крещенія своего ребенка. Въ Хорольскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи на порогѣ избы, черезъ который должны переступить восприемники, кладутъ топоръ, чтобы никто не могъ сглазить младенца, какъ желѣзо не можетъ сглазить ⁴⁾; является ли здѣсь топоръ символомъ молніи, или предметомъ, о который можетъ обрѣзаться злой духъ, если ему вздумается пробраться въ избу, или дѣйствительно топоръ клался и кладется, чтобы на немъ сломился злой глазъ,—основную мысль обряда въ настоящее время опредѣлить трудно.

Многіе изъ родинныхъ и крестинныхъ обрядовъ составляютъ актъ усновленія новорожденнаго отцомъ, признанія дитяти со стороны послѣдняго. Обряды эти возникли при патріархальномъ строѣ жизни, когда во власти отца было произносить смертный приговоръ надъ младенцемъ, котораго отецъ признавалъ не нужнымъ или тягостнымъ для семьи. Чаще всего въ правѣ на жизнь отказывали ребенку женскаго пола. У Готтентотовъ отецъ ожидаетъ появленія на свѣтъ ребенка около хижины, гдѣ родить его жена. Новорожденнаго выносятъ и кладутъ на землю. Отецъ поднимаетъ его и тѣмъ признаетъ. У древнихъ Германцевъ и у Римлянъ (*humi positio infantum*) существовалъ подобный обычай ⁵⁾. Бѣлоруссы (и Литовцы) Виленской губерніи когда,

¹⁾ *Mülhause, Die Urrelig. d. deutsch. Volk*, 82.

²⁾ *Архивъ Калачева*, II, 104: ст. *Срезневскаго* о роженницахъ.

³⁾ *Этногр. Сб.*, II, 20.

⁴⁾ *Этногр. Сб.*, I, 350.

⁵⁾ *Знаніе* 1877, III, прил. 48, ст. *Плюсса*.

воротятся изъ костела, окрестивъ ребенка, передають его отцу, который владеть его на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется: „освятить дитя черезъ порогъ“¹⁾; въ обрядѣ этомъ, какъ и во многихъ другихъ, слилось нѣсколько идей: съ одной стороны, юридическій актъ признанія ребенка отцомъ, съ другой—его освященіе черезъ положеніе на мѣсто, наиболѣе пріятное и близкое домашнему пенату. Въ Пермской губерніи, принеся новорожденнаго въ первый разъ въ избу, бабка передаетъ его на руки отцу, который самъ владеть его въ люльку и тѣмъ какъ бы официально признаетъ его своимъ ребенкомъ²⁾.

Одного значенія съ *humi positio infantum*—распространенный у Славянъ обычай обворачивать новорожденнаго ребенка въ отцовскую сорочку. Въ Харьковской губерніи новорожденнаго, безъ различія пола, заворачиваютъ въ нѣсколько загрязненную отцовскую сорочку. Кашубы-католики дѣлають младенцу первую пеленку изъ рубахи его отца или вообще мужчины³⁾. Въ Курской губерніи и во многихъ мѣстахъ Малороссіи, если новорожденный—мальчикъ, его заворачиваютъ въ рубаху отца, если дѣвочка—въ рубаху матери⁴⁾,—обрядъ, очевидно, распространенный съ потерей народомъ пониманія его значенія и смысла. Въ связи съ славянскимъ обрядомъ заворачиванія новорожденнаго въ отцовскую или вообще родительскую сорочку стоитъ германское обыкновеніе одѣвать его впервые въ старое платье, чтобы не рвалъ много платья⁵⁾, обыкновеніе, вѣроятно, выродившееся изъ древняго болѣе полного и содержательнаго, аналогичнаго съ славянскимъ обрядомъ.

Помимо повсемѣстно соблюдаемаго обращенія къ новорожденному съ совѣтами и пожеланіями, почти у всѣхъ народовъ посредствомъ извѣстныхъ символическихъ пріемовъ стараются указать ему направленіе предстоящей ему въ жизни дѣятельности. Для этой цѣли даютъ ребенку въ руки вещи, которыя должны дѣйствовать на его умъ и возбуждать въ немъ желательныя родителямъ склонности. Въ Малороссіи еще не успѣвъ родиться ребенокъ, какъ бабка спѣшитъ огорчить: если мальчикъ—садись на коня, если дѣвочка—берись за гребень⁶⁾. Это бабка опытная, хорошая, на которую Малороссъ не будетъ

¹⁾ *Вѣстн. Геогр. Общ.* 1857, XX, 258.

²⁾ *Пермск. Сборн.* II, 118.

³⁾ *Этногр. Сборн.* V, 73.

⁴⁾ *Этногр. Сборн.* V, 20; Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Р. кр. IV, 9.

⁵⁾ *Kuhn, Märk. Sagen*, 364.

⁶⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Р. кр. IV, 3.

жаловаться, что она ему не дала „части доли“; не успѣтъ она переступить за порогъ избы, гдѣ лежитъ родильница, какъ опредѣленною словесною формулою, такъ сказать, обезпечиваетъ новорожденному долготѣіе. Въ древней Мексикѣ новорожденному ребенку давали въ руки, смотря по полу, игрушечныя орудія войны, ремесла или домашнихъ работъ. Тожественное обыкновеніе есть и въ Китаѣ ¹⁾. По словамъ арабскаго писателя X в. Ибнъ-Фодлана, Русскіе Славяне бросали новорожденному ребенку мужскаго пола мечъ, говоря: „твое только то, что добудешь мечомъ своимъ“ ²⁾. У Черногорцевъ, если родится мальчикъ, то повивальная бабка прикасается къ нему какимъ-нибудь земледѣльческимъ орудіемъ, чтобъ онъ былъ хорошей земледѣлецъ, если же дѣвочка—то клоккомъ льна, чтобъ она была искусною хозяйкой ³⁾. Въ Россіи въ старинное время среди дворянства ребенку мужскаго пола клали въ колыбель, по окрещеніи, хлѣбъ, маленький лукъ и стрѣлу, а дѣвочкѣ—пряслицу ⁴⁾. Обычай дарить новорожденнымъ „на зубокъ“ одинаково распространенъ въ Россіи и у западныхъ и адриатическихъ Славянъ ⁵⁾.

Болѣзненное состояніе ребенка, обезпокоивающее родительское чувство чадолюбія, по народнымъ возрвніямъ, можетъ быть устранено соблюденіемъ извѣстныхъ завѣщанныхъ предъями обычаявъ. Зуборощеніе облегчается въ Харьковской губерніи навѣшиваніемъ на шею ребенка жерновокъ рака, которыя для этой цѣли продаются въ аптекахъ. Гораздо лучшимъ симпатическимъ средствомъ считаютъ волчій зубъ, который вѣшаютъ на шею ребенка на шуркѣ. Когда по ночамъ ребенокъ кричитъ, въ Малороссіи его купаютъ подъ насьтью, съ произнесеніемъ заговора, обращеннаго къ зарѣ ⁶⁾. Обыкновеніе класть хворыхъ дѣтей въ печь извѣстно въ Малороссіи ⁷⁾ и въ Германіи ⁸⁾. Въ Харьковской губерніи, если дитя болѣтъ, его продаютъ близкимъ родственникамъ за нѣсколько копѣекъ, то-есть, получаютъ отъ послѣднихъ деньги и говорятъ, что ребенокъ проданъ. Въ этой же мѣстности заказываютъ для царскихъ вратъ штору или

¹⁾ *Тэйлоръ*, Первоб. культ., II, 469.

²⁾ *Макушевъ*, Сказанія иностр., 143.

³⁾ *Макушевъ*, Задун. и Адриат. Слав., 24.

⁴⁾ *Авдеева*, Зап. о стар. русск. бытъ, 117.

⁵⁾ *Макушевъ*, Задун. и Адриат. Слав., 24.

⁶⁾ *Этногр. Сборн.* I, 218.

⁷⁾ Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-Р. кр. IV, 5.

⁸⁾ *Аванасьевъ*, Повт. возвр. Слав., II, 17.

ставятъ какому-нибудь святому свѣчу въ ростъ ребенка, чтобъ онъ былъ здоровъ. Въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи за здоровье дѣтей ставятъ на перекресткахъ кресты ¹⁾. Въ старинное время родители, теравшіе часто дѣтей, брали для новорожденнаго въ крестные отцы и матери первыхъ встрѣчныхъ ²⁾. Это обыкновение соблюдается въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи. Въ Минской губерніи, если родится дитя въ то время, какъ у другой женщины дитя умерло, мать умершаго причиной его смерти считаетъ новорожденное дитя и иногда держитъ постъ, чтобы Господь отомстилъ за нее матери новорожденнаго ³⁾. Въ Курской губерніи, если въ семьѣ умираютъ новорожденные дѣти, то мать купается на дровосѣбѣ, рубить топоромъ снятую съ себя сорочку и тутъ же сожигаетъ ее. „Топоръ“ — такъ объясняетъ значеніе обряда Аванасевъ, — „эмблема молніи, вода — дождя. Въ древнихъ поэтическихъ представленіяхъ облака уподоблялись небеснымъ покровамъ (тканямъ), волосамъ, шерсти и пряжѣ... Съ ихъ сожженіемъ пропадетъ и болѣзнь, подобно тому какъ въ пламени весеннихъ грозъ гибнетъ нечистая сила мертвящей зимы“ ⁴⁾.

Въ родинныхъ и крестинныхъ обрядахъ и въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ древняго происхожденія пробиваются намеки на божества, покровительствующія родильницѣ и новорожденному. Намеки эти не многочисленны и недостаточно ясны, чтобы на основаніи ихъ можно было вывести какія-либо строгія и точныя заключенія. Широкія обобщенія и вѣрные выводы о религіозно-миѳической сторонѣ родинныхъ обрядовъ требуютъ обширныхъ сближеній и сопоставленій этнографическихъ данныхъ разныхъ народовъ. Позволимъ себѣ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями о тѣхъ высшихъ силахъ и явленіяхъ природы, подъ покровительство которыхъ древній человѣкъ ставилъ новорожденнаго младенца.

Весьма естественно предположить, что богиней человѣческихъ рожденій должна быть мать сыра-земля, и дѣйствительно, въ такомъ значеніи она является у Эстовъ ⁵⁾; но гораздо обширнѣе культъ богини луны, какъ богини рожденія. Почти у всѣхъ народовъ лунная

¹⁾ *Кавеличъ*, Сочиненія, IV, 211.

²⁾ *Лядова*, Зап. о стар. русск. бытѣ, 139.

³⁾ *Крачковскій* въ *Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.* 173, IV, 204.

⁴⁾ *Аванасевъ*, Поэт. возвр. Слав., II, 18.

⁵⁾ *Тэйлоръ*, Первоб. культ., II, 353.

богиня является покровительницей дѣторожденія: Бхалани у древнихъ Индусовъ, Аналтисъ—у Иранцевъ, Алилатъ и Астарта у Семи-товъ ¹⁾. У древнихъ Грековъ дѣтямъ покровительствовали Аполлонъ и Артемида ²⁾. Артемида считалась покровительницей женщинъ и брачныхъ союзовъ; она завѣдывала родами, играла роль повивальной бабки и кормилицы. Въ Малороссіи время появленія мѣсяца вмѣстѣ съ звѣздочкою считается счастливымъ временемъ для рожденія, и казакъ, родившійся въ такое время, успѣваетъ во всемъ, что задумаетъ, особенно въ любви.

Зійшовъ місяць ізъ зорею, та й обгородився,
Счастливої годиньки казакъ уродився;
Куди вінъ подумає, той Богъ допомає,
Черезъ тую дівчиноньку, що его кохає ³⁾.

Душа ребенка стоитъ въ таинственной связи съ звѣздой. Упавшая звѣзда въ Малороссіи означаетъ, что ребенокъ скончался. Въ одной малороссійской пѣснѣ паденіе звѣзды знаменуетъ рожденіе ребенка ⁴⁾. Въ латышской пѣснѣ:

Не на всю ночь звѣзда,
Которая восходитъ вечеромъ;
Къ полуночи она уватывается
Въ жилище душъ ⁵⁾.

Есть прямые свидѣтельства, что у Славянъ покровительницей замужнихъ женщинъ, зачатія и дѣторожденія была утренняя звѣзда. Кстати замѣтить, что у древнихъ Индусовъ покровители дѣторожденія, Асвины, имѣли характеръ утреннихъ боговъ ⁶⁾. Въ замѣчательной болгарской народной пѣснѣ молодая женщина проситъ утреннюю звѣзду вымолить ей у Бога дитя мужескаго пола:

Звѣзда зарница изгрѣва,
Петканка двора метеше,
Петканка дума зорнице:
Зорнице, ясна зорнице,
Защо ми тѣй рано изгрѣя
Дѣца-та да си расплачеш;

¹⁾ *Знаніе*, 1877, III, прил. 21—22, ст. *Плосса*.

²⁾ *Schoemann*, *Griech. Alterth.*, II, 499.

³⁾ *Костомаровъ*, Объ истор. знач. южнор. нар. повз., въ *Бесѣдѣ* 1872, IV, 41.

⁴⁾ *Костомаровъ*, Объ ист. знач. и пр., въ *Бесѣдѣ* 1872, IV, 45.

⁵⁾ *Спрочицъ*, Памят. латышск. народ. творч., 315.

⁶⁾ *Вс. Миллеръ*, Асвины-Диоскуры, 135.

Мами-те да си раздигнем,
 Булки-те да си разбудиш?
 Зорнице, ясна зорнице,
 Ти стоиш близу при Бога,
 Много му здравѣ занеси,
 Молба да ти ми послуша,
 Девет сѣ цѣли годинки
 От кѣкто сме са женили,
 Ала си рожба не могше,
 Момчана ни момичана,
 Дано ми Господ подари
 От сърдце рожба да имам,
 Богущо щем го кръстиме.
 Господ Петканка послуша,
 Даде ѱ рожба от сърдце... ¹⁾.

Имя христіанскаго Бога здѣсь вставное, возникшее сравнительно со временемъ сложенія самой пѣсни въ позднее время. Первоначально пѣсня была молитвеннымъ обращеніемъ безплодной женщины къ утренней звѣздѣ. Въ замѣчательной болгарской пѣснѣ о свадьбѣ солнца (записана въ трехъ вариантахъ—Дозономъ, Миладиновымъ и М. С. Дриновымъ), по варианту, записанному однимъ изъ братьевъ Миладиновыхъ, невѣстой солнца является Дзевздо деница, утренная звѣзда ²⁾. Въ Воронежской губерніи въ заговорѣ на криксу встрѣчается обращеніе къ зарѣ, играющей въ данномъ случаѣ вполне естественную для вечерней зари роль усыпительницы: „Заря, зарница, красная дѣвица, возьми свою криксу, отдай намъ сонъ“ ³⁾.

У Славянъ видное мѣсто занимаетъ вѣрованіе въ могущественныхъ дѣвъ судьбы, плетущихъ нить человѣческой жизни, въ такъ-называемыхъ роженицъ или судицъ. Въ древне-русскомъ азбуковникѣ „рожденицы — кумири елленстїи, ихъ же погани влѣшвениемъ рожденїа нарицаху быти“ ⁴⁾. Древніе сербскіе Венды, жившіе въ Альтенбургѣ и Фохтландѣ, признавали роженицъ, изъ которыхъ одна, Поренуть, охраняетъ ребенка, пока онъ еще въ чревѣ матери, другая, Злота Баба, помогаетъ при родахъ, третья, Жижжа, покровительствуетъ ребенку во время кормленія грудью, и четвертая, Жива, придетъ ему жизненную нить, которую обрѣзываетъ неумолимая Мар-

¹⁾ *Дозон*, Болг. народ. пѣсни, р. 23.

²⁾ *Миладиновъ*, Бѣлг. нар. нѣс., 15—16.

³⁾ *Этногр. Сб.* I, 218.

⁴⁾ *Архивъ*, *Калачова*, II, 105; ст. *Срезневскаго* о роженицахъ.

зана. Чехи признають трехъ богинь судьбы, судиць или судичекъ. Это—три бѣлыя женщины, являющіяся въ полночь въ комнату, гдѣ лежитъ ребенокъ, или приближающіяся къ окну и возвѣщающія судьбу, ожидающую ребенка. Онѣ держатъ горящія свѣчи въ рукахъ и гасятъ ихъ, какъ скоро произнесутъ свой приговоръ. При ихъ приближеніи, все тотчасъ погружается въ глубокой сонъ, и только самые благочестивые люди пользуются счастьемъ видѣть ихъ ¹⁾; успяющій характеръ, быть можетъ, перенесенъ на судиць отъ зари вечерней. Въ Чехіи при рожденіи ребенка ставятъ на столъ хлѣбъ и соль для судичекъ. Эти вѣщія женщины въ чешскихъ народныхъ сказаніяхъ иногда смѣшиваются съ заимствованными у Германцевъ дикими женщинами, подмѣнивающими ребенка оборотнемъ; хорутанскіе Словенцы говорятъ, что въ мѣсячномъ лучѣ видны радужные покровы судиць ²⁾.

По повѣрьямъ южно-австрійскихъ Славянъ, при рожденіи каждого ребенка присутствуетъ отъ трехъ до семи виль, называемыхъ „роженницы“ или „суженицы“. Онѣ рѣшаютъ, будетъ ли новорожденный счастливъ или несчастливъ. Относительно сужениць въ народѣ ходятъ поэтическіе разказы; такъ, разказываютъ, что къ хижинѣ одного богатаго селянина, во время родовъ его жены, подошелъ гусярь и запѣлъ пѣсню о ниспосланіи счастья и всякаго благополучія на эту мирную кровлю. Было позднее время; селянинъ пригласилъ добраго вѣстника раздѣлить съ нимъ ужинъ и переночевать въ его хижинѣ. Когда наступила полночь, гусярь услышалъ въ трубѣ сильный шумъ и затѣмъ увидѣлъ семь молодыхъ, одѣтыхъ въ бѣлое одѣяніе, женщинъ. Ему удалось подслушать ихъ разговоръ; одна назначила новорожденному мальчику 70 лѣтъ жизни, богатство, троекратную женитьбу, отъ перваго брака—сына, отъ втораго—двухъ дочерей, отъ третьяго—четырехъ сыновей и въ заключеніе—смерть отъ удара; другая суженица опредѣлила прожить ему 89 лѣтъ въ господствѣ и богатствѣ, быть епископомъ и умереть отъ горячки. Третья приговорила ему жизнь торговцемъ, раззореніе и смерть среди душевныхъ мукъ. Рѣчь четвертой вилы была коротка: „пусть громъ его объѣтъ на 19-мъ году“. Съ этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ согласилось все собраніе, и участь новорожденнаго младенца такимъ образомъ была рѣшена; поутру, съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ, всѣ суженицы исчезли. На другой

¹⁾ *Знаніе* 1877, II, прил. 24, ст. *Плосса*.

²⁾ *Архивъ Балачова*, II, 107: ст. *Срезневскаго* о роженницахъ.

день гусляръ разказалъ все слышанное имъ въ эту ночь хозяину. Послѣдній выстроилъ для сына высокую крѣпкую башню, чтобы спасти его отъ молніи. Въ 19 лѣтъ обреченный на гибель суженицей былъ отважный и нравственный юноша. Онъ вѣровалъ въ Бога и на него одного возлагалъ надежды. На 19-ти годахъ въ день рожденія онъ былъ въ полѣ; черныя тучи заволокли небо; засверкавшая молнія разсѣкла дубъ, стоявшій вблизи молящагося юноши; но онъ остался не вредимъ. Этотъ молодой человѣкъ дожилъ до глубокой старости, до 95 лѣтъ; вступивъ въ бракъ съ молодою, красивою дѣвушкой, онъ имѣлъ семь сыновей и двухъ дочерей. Онъ постоянно говорилъ: „Судица—Богъ, а судицы—вральцы“¹⁾.

¹⁾ *Березинъ*, О миеол. возвр. австр. юж. Славянъ, въ *Знаніи* 1877 г.

Н. Сумцовъ.

ЦАРИ АЛЕКСЪЙ II И АНДРОНИКЪ КОМНИНЫ.

(1180—1185 гг.).

Пятилѣтній періодъ исторіи Комниновъ отъ смерти Мануила до вступленія на престолъ Исаака Ангела представляетъ собою весьма благодарный предметъ изученія какъ для повѣствователя, такъ и для изслѣдователя. Если остановиться на одной только величественной фигурѣ Андроника Комнина, то его романическія похождения, отдаленныя путешествія и разнообразныя личныя приключенія могли бы доставить занимательный сюжетъ для романа. Объ этой части жизни Андроника, проведенной имъ въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ, въ изгнаніи или заточеніи, можно дѣйствительно найти весьма полный живой разказъ въ нѣмецкой литературѣ ¹⁾. Но Андронику удалось, по смерти Мануила, завладѣть царскимъ престоломъ; его имя связано съ реакціей противъ правительственной системы Комниновъ и съ радикальными реформами, предпринятыми имъ въ удовлетвореніе національной греческой партіи, которой онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Съ этой стороны характеръ дѣятельности Андроника далеко еще не изслѣдованъ, если не говорить о нѣсколькихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ извѣстными византинистами Фальмерейеромъ и

¹⁾ *Wilken*, Historische Taschenbuch v. *Raumer*, 1831, S. 431—545; *Pervanoglu*, Historische Bilder aus dem Byzant. Reich: Andronicus Comnenus. Leipzig, 1879—1880. Ставя рядомъ эти два сочиненія, считаемъ нужнымъ сослаться на отзывъ византиниста Таоеля о трудѣ Вилькена; см. *Tafel*, Komnenen und Normannen. S. VI, Ulm., 1852.

Тафельмъ ¹⁾). Послѣдній имѣлъ случай высказать свой взглядъ на Андроника по поводу труда Вилькена ²⁾), удостоеннаго преміи Парижской академіи, которая въ 1809 году назначила на соисканіе тему: „Критическій разборъ источниковъ, относящихся къ исторіи Алексѣя Комнина и трехъ царей, за нимъ слѣдовавшихъ“. Тафель, по достоинству оцѣнивъ прекрасный трудъ Вилькена, справедливо высказывалъ недоумѣніе по поводу самой темы. Почему же, говорилъ онъ,—ученая корпорація, приглашая къ критическому изслѣдованію источниковъ для исторіи Комниновъ, исключила послѣднаго Комнина на византійскомъ престолѣ, Андроника? Не потому ли, что онъ былъ тиранъ и довольно кровожадный? Но въ томъ же смыслѣ (какъ похититель власти) тираномъ былъ и Алексѣй I, и многіе изъ его предшественниковъ. Андроникъ стоитъ въ рѣзкой противоположности къ его предшественникамъ, всего больше къ царю Мануилу. Онъ желалъ быть реформаторомъ государства въ истинномъ смыслѣ этого слова: хотѣлъ уничтожить продажу должностей, упрочить администрацію, облегчить подати, ослабить испорченную и сѣющую крамолы аристократію и очистить государство отъ массы сѣверныхъ и западныхъ искателей приключеній, прокравшихся на всѣ должности, словомъ—возстановить или вновь основать національное правительство.

Такая постановка вопросовъ, соединенныхъ съ исторіей Андроника, значительно усложняла задачи изслѣдованія. Самъ Тафель, вниманіе котораго съ любовью останавливалось на Андроникѣ, не успѣлъ опубликовать уже начатыхъ имъ въ этой области работъ ³⁾). Для освѣщенія характера Андроника Комнина и для объясненія его реформаторской дѣятельности недоставало весьма многого, и именно прежде всего—изданія рукописнаго матеріала, хранящагося въ бібліотекахъ и архивахъ западной Европы. Правда, и теперь этотъ недостатокъ не вполнѣ еще устраненъ, и такимъ образомъ, не настояло бы, по видимому необходимости останавливаться въ настоящее время на этомъ періодѣ предпочтительно передъ другими. Но автору предлагаемой статьи стали извѣстны нѣкоторые изъ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, которые способствуютъ къ разъясненію эпохи Андроника:

¹⁾ *Tafel*, Michaelis Acominati panegyricus Isaacio Angelo dictus, 1846, S. 4; Komnenen und Normannen, S. V—VI; *Fallmerayer*, Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. München, 1827, S. 29.

²⁾ *Wilken*, Rerum ab Alexio I, Ioanne, Manuele et Alexio II Comnenis gestarum libri IV. Heidelbergae. 1811.

³⁾ *Tafel*, Komnenen und Normannen, S. XVI.

это—мелкія сочиненія митрополита аѳинскаго Михаила Акомината, значеніе которыхъ для исторіи Византіи конца XII в. мы имѣли уже случай показать въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Часть ихъ съ особенною пользою можетъ быть приложена къ изученію времени Андроника Комнина. Кромѣ новыхъ матеріаловъ, къ изученію той же эпохи привлекаетъ и скрывающийся въ ней общенсторическій интересъ. Въ начавшейся по смерти Мануила борьбѣ партій и въ особенныхъ отношеніяхъ Андроника къ національной греческой партіи находится ближайшая причина движенія латинскаго запада, которое завершилось завоеваніемъ Константинополя въ 1204 году.

Чтобы понять причины образованія партій и ввести въ ходъ борьбы, выдвинувшей Андроника на историческое поприще, начнемъ съ обзорѣнія политики Мануила за послѣдніе годы его царствованія.

I.

Послѣдніе годы Мануила. Начало реакціи.

„Кажется, какъ будто въ божественномъ совѣтѣ рѣшено было, чтобы со смертью царя Мануила Комнина рушился строй Ромейскаго царства и чтобы съ закатомъ этого солнца покрыла насъ непроглядная тьма“. Сочиненіе Евстаѳія Солунскаго, изъ котораго взяты приведенныя строки ²⁾, появилось пять или шесть лѣтъ спустя по смерти царя Мануила, когда уже пресѣлся царствующій родъ Комниновъ. Старшій изъ писателей второй половины XII вѣка, привѣтствовавшій въ качествѣ придворнаго ритора вступленіе на престоль царя Мануила въ 1143 году, Евстаѳій духовно воспиталъ многихъ общественныхъ дѣятелей этой эпохи, и что еще важнѣе—оказалъ непосредственное вліяніе на оцѣнку историческихъ фактовъ и на историографію. Скорбное чувство невознаградимой утраты при воспоминаніи о первыхъ царяхъ изъ рода Комниновъ и сознаніе безотраднaго порядка дѣлъ при Андроникѣ Комнинѣ и Ангелахъ—таковъ внутренній смыслъ историческихъ произведеній конца XII и начала XIII вѣковъ. Часто

¹⁾ Незаданныя рѣчи и письмо М. Акомината, двѣ статьи, помѣщенныя въ *Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія* (январь и февраль 1879 г.); *Образованіе второго Болгарскаго царства*, Одесса, 1879, приложение VII, письма М. Акомината, о завоеваніи Латинянами Византіи и о Никейской имперіи.

²⁾ De Thessalonica urbe a Latinis capta c. 14, ed. *Tafel*, Eustathii Opuscula, p. 271.

бывали періоды, когда „власть творила насиліе и тиранствовала, налагая молчаніе на уста самыя словоохотливыя“. Но наступали лучшія времена, снимался запретъ со свободы слова: тогда или подъ угрозой казни молчавшіе, или по принужденію хвалившіе ораторы и писатели отдавали справедливое царямъ и ихъ совѣтникамъ, бичуя современный имъ строй жизни и указывая достойные подраженія примѣры въ царяхъ Алексѣѣ, Иоаннѣ и Мануилѣ.

Ораторы и писатели, произведеніями которыхъ мы будемъ пользоваться, находятся въ тѣсномъ родствѣ съ Евстаѣемъ. Никита и Михаилъ Акоминаты, М. Пселль, Ѡ. Продромъ, патріархи Θεодосій и М. Авторіанъ и другіе дѣятели относятся и по нравственному складу, и по политическимъ воззрѣніямъ, и по литературнымъ приемамъ къ той школѣ, во главѣ которой слѣдуетъ поставить знаменитаго комментатора Илиады. Можно такимъ образомъ отмѣтить какъ исходный для послѣдующихъ выводовъ фактъ: главнѣйшіе источники исторіи занимающаго насъ періода должны быть разсматриваемы какъ произведенія одной литературной школы и одной политической партіи. Комнины, въ особенности царь Мануиль, не разъ стояли на пути сближенія съ западомъ, отличаясь терпимостью, даже склонностью къ усвоенію западныхъ обычаевъ и понятій; они окружали себя иностранцами, которымъ давали въ Византіи права, ранги и помѣстья. Значительная партія западниковъ была и между образованными Византіяцами. Событія, слѣдовавшія за смертію Мануила, главнѣйшимъ образомъ вызваны были борьбой между западниками и партіей народнаго, то-есть, греческаго представительства при дворѣ и въ высшей администраціи.

Исторія постепеннаго проникновенія латинскихъ народовъ въ Византію ради торговыхъ цѣлей на востокъ составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ всеобщей исторіи ¹⁾. Въ концѣ XI в. Византійскіе императоры въ первый разъ измѣняютъ традиціонную систему высокаго обложенія пошлинами иностранныхъ товаровъ. Алексѣй Комнинъ I, для отраженія угрожавшей имперіи опасности отъ Норманскаго герцога Роберта Гвискара, поставленъ былъ въ необходимость заключить съ Венеціей оборонительный союзъ въ 1082 г. Слѣдствіемъ того былъ торговый договоръ, по которому республика получила чрезвычайныя привилегіи для торговли на востокъ, имперія же обез-

¹⁾ Этому вопросу посвящено капитальное сочиненіе Гейда: *Heud, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*. Stuttgart, 1879, два тома.

печивала за собою право располагать венеціанскимъ флотомъ для защиты своихъ береговыхъ областей ¹⁾). Съ 1082 г. венеціанскіе купцы не только имѣли право ввозить и вывозить товары, не платя никакихъ пошлинъ, но—что еще важнѣе—основывать факторіи и поселенія въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ имперіи, не исключая столицы. Это была непримѣрная привилегія, открывавшая предприимчивой націи блистательную будущность для политическаго и экономическаго преобладанія въ имперіи и на отдаленномъ востокъ ²⁾). Основной договоръ подвергался потомъ измѣненіямъ, всегда впрочемъ клонившимся къ расширенію правъ республики, а между тѣмъ служба ея имперіи была не всегда искренна и далеко не отвѣчала ожиданіямъ и нуждамъ византійскаго правительства. Держа въ своихъ рукахъ торговлю съ востокомъ и извлекая изъ нея огромныя выгоды, Венеція сдѣлалась въ XII в. первостепенною морскою державой: она имѣла многочисленный флотъ на Средиземномъ морѣ и воспитала школу опытныхъ въ морскомъ военномъ дѣлѣ матросовъ ³⁾). Частію домогательство другихъ италіанскихъ городовъ, раздѣлявшихъ съ Венеціей торговлю на Средиземномъ морѣ, частію весьма натуральное сознаніе того, что преимущества, данныя Венеціанцамъ, могутъ оказать вредное вліяніе на промышленность и торговлю имперіи—верѣдко побуждали царя Алексѣя и его преемниковъ нарушать привилегіи, клонившіяся къ исключительному господству венеціанскихъ товаровъ на восточныхъ рынкахъ. Но всякій разъ Венеція принимала столь угрожающее положеніе, что византійскому правительству не оставалось ничего болѣе, какъ продолжать срокъ дѣйствія перваго договора. Уже и то могло считаться побѣдой Комниновъ, что они уменьшили ввозную пошлину съ товаровъ, привозимыхъ Генуей и Пизой, соперницами Венеціи по торговлѣ съ востокомъ ⁴⁾), нанеся тѣмъ чувствительный ударъ вскормленному ими неблагодарному дѣтищу.

Крестовые походы породили много причинъ къ непріязни и взаимному недовѣрію между Греками и Латинянами и вообще не разъ возбуждали весьма справедливыя опасенія въ византійскомъ правительствѣ

¹⁾ *Tafel und Thomas*, Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante, I. Wien, 1856, №. XXIII.

²⁾ *Tafel und Thomas*, Urkunden, I, 51; *Heyd*, I, 132—133.

³⁾ *Guillermi Apuliensis lib. IV, ap. Periz*, SS. IX, p. 285.,

⁴⁾ *Heyd*, I, 212.

за будущность имперіи. Не говоря уже о томъ, что прохожденіе огромныхъ массъ часто голоднаго и не признавашаго надъ собою никакой власти люда нарушало порядокъ мирной жизни и сопрядалось разореніемъ цѣлыхъ областей,—самое существованіе государства подвергалось опасности. Еще во время перваго похода западныя политики сознали, что обладаніе Греціей, или еще лучше, Константинополемъ есть необходимое средство къ достиженію цѣли крестовыхъ походовъ. Недружелюбныя отношенія Латинянъ къ Грекамъ и наоборотъ не могли не отозваться и на положеніи италянской колоніи, которая процвѣтала на Босфорѣ подъ дѣйствіемъ торговыхъ привилегій и подъ защитой флота. Здѣсь Венеціанцы должны были входить въ ближайшія сношенія съ Греками, вступая съ ними въ браки и располагаясь среди нихъ на постоянное жительство. Въ гордомъ сознаніи своихъ преимуществъ и проистекавшаго отъ прибыльной торговли благосостоянія, они не стѣснялись въ рѣзкихъ выраженіяхъ своего презрѣнія къ Грекамъ, оскорбляя національное чувство въ народѣ и высшихъ классахъ ¹⁾.

Личныя расположенія царя Мануила Комнина (1143—1180 гг.), продолжавшаго по отношенію къ западу политику своего отца и дѣда (Іоанна и Алексѣя I), безповоротно втягивали Византію въ событія, совершавшіяся на западѣ, и связывали ея судьбу съ общимъ ходомъ европейскихъ дѣлъ. Комнинамъ удалось поставить имперію въ гораздо лучшія условія, чѣмъ въ какихъ она была въ XI вѣкѣ; очевиднымъ признакомъ успѣшности ихъ политики можетъ считаться то, что въ XII в. они могли заявлять и энергично поддерживать притязанія на области, давно отошедшія отъ Византіи. Но какъ мало эта политика опиралась на дѣйствительныя нужды и потребности государства, и сколько въ ней было ошибочнаго и мечтательнаго,—это показываетъ наступившая со смертію Мануила страшная ликвидація дѣлъ Византійской имперіи, обнаруживавшаяся отторженіемъ отъ нея цѣлыхъ областей и внутреннею реакціей. Пятилѣтній періодъ, обнимающій царствованіе двухъ послѣднихъ Комниновъ, Алексѣя и Андроника, любопытенъ именно какъ періодъ реакціи и государственныхъ реформъ, которыя имѣли вполне народную основу и вызывались совершенно справедливо понятными недостатками прежней системы управленія. Въ самомъ дѣлѣ, идти далѣе въ томъ направленіи, которое начато было Алексѣемъ I и продолжалось его преемниками, значило—

¹⁾ Cinnamus, p. 281; Nicetas, p. 223.

рѣшительно ослаблять господствующее населеніе имперіи и приготавливать на востокъ мѣсто турецкому и латинскому элементу. Уже самъ Мануилъ, воспитанный въ духѣ западнаго рыцарства, связанный то личными, то родственными отношеніями съ Германскими императорами и Французскими королями и вообще оказывавшій слишкомъ много предпочтенія Латинянамъ, и онъ, обманутый друзьями и разочарованный въ лучшихъ своихъ планахъ, подъ конецъ жизни созналъ вредъ своей политики и пытался исправить ошибку.

Взглядъ на восточную и западную политику царя Мануила за послѣднее десятилѣтіе его жизни ознакомитъ насъ съ положеніемъ, до котораго доведена была Византія правительствомъ Комниновъ, и введетъ въ сущность требованій и реформъ, предлагавшихся національною греческою партіей. Внушеніями этой послѣдней объясняются нѣкоторыя перемены во внѣшней и внутренней политикѣ, имѣвшія мѣсто въ послѣдніе годы Мануила.

Своими военными и финансовыми средствами Византійское государство обязано было по преимуществу восточнымъ провинціямъ. Центръ тяжести имперіи могъ переноситься на востокъ, и существованіе ея не подвергалось отъ этого опасности; но Византія, ограниченная западными провинціями съ утратою восточныхъ, потеряла бы самыя основы своего существованія и должна была бы распуститься въ Болгарскомъ или Сербскомъ царствѣ. Притязаніе играть значительную роль на западѣ и вмѣшиваться въ европейскія дѣла и отношенія всегда отзывалось существеннымъ вредомъ на состояніи восточныхъ окраинъ. Царь Мануилъ заслужилъ справедливыя упреки современниковъ за свои мечтательныя и неосуществимыя планы: его восточная политика по отношенію къ Франкамъ въ Сиріи и Палестинѣ, къ калифату Египетскому и султанату Иконійскому не соответствовала ожиданіямъ византійскихъ патриотовъ, такъ какъ прине сена была въ жертву честолюбивымъ домогательствамъ на западѣ. Въ угоду Антіохійскаго князя и Іерусалимскаго короля, льстившихъ признаніемъ надъ собою верховной власти Византіи, Мануилъ предпринималъ дорого стоявшіе и мало пользы обѣщавшіе походы противъ египетскихъ Фатимидовъ. Отдаленныя и мечтательныя планы его прямо содѣйствовали усиленію Иконійскихъ султановъ въ старыхъ греческихъ областяхъ—Вионіи и Фригіи, равно какъ образованію весьма сильнаго султаната въ Сиріи и Месопотаміи, подъ главенствомъ Нуреддина.

Калифы Египетскіе были гораздо слабѣе Багдадскихъ. Египеть,

терзаемый усобицами, обращалъ на себя вниманіе короля Іерусалимскаго Амалрика и Нуреддина ¹⁾. Губернаторъ верхняго Египта, Шаверъ, опираясь на помощь Нуреддина, захватилъ власть великаго визирия и сдѣлался неограниченнымъ распорядителемъ судьбами Египта. Замѣшательства, случившіяся въ Египтѣ, побудили Іерусалимскаго короля предпринять туда походъ, но въ это время (1165 г.) Нуреддинъ нанесъ христіанскимъ войскамъ въ Сиріи сильное пораженіе и взялъ въ плѣнъ Бозмунда Антиохійскаго и Раймунда Триполискаго. Съ точки зрѣнія національной византійской политики желательно было ослабленіе христіанскихъ владѣній на востокѣ, и политическое благоразуміе требовало лишь невмѣшательства въ египетскія и сирійскія дѣла, которыя складывались въ пользу Византіи. Царь Мануиль понялъ однако иначе свою задачу, и по просьбѣ Бозмунда ²⁾, вступилъ съ христіанскими князьями на востокѣ въ союзъ, слѣдствіемъ котораго была египетская экспедиція 1169 г. Греческимъ патриотамъ было весьма несочувственно это предпріятіе. „Полюбилъ Мануилу дальній походъ. Услышавъ о необыкновенномъ плодородіи Египта, онъ рѣшилъ положить на морѣ руку свою и на рѣвахъ десницу свою, чтобъ увидѣть собственными глазами и осязать руками тѣ блага египетскія, въ которыя влюбился по слуху. И это замыслилъ онъ, не обращая вниманія на то, что все по сосѣдству съ нимъ было еще въ волненіи, и хотя эти волненія подавлялись и погашались, но не уничтожались и не прекращались, а подобно гидрѣ, вновь возникали. А побудило его къ тому неумѣстное славолубіе и желаніе сравняться съ знаменитыми царями, которыхъ владѣнія нѣкогда простирались не отъ моря только и до моря, но отъ предѣловъ восточныхъ до столповъ западныхъ“ ³⁾.

Безуспѣшныя дѣйствія греческо-франкскаго флота, осенью 1169 г. приступившаго къ осадѣ Даміетты, обнаружили слабость союзниковъ и способствовали къ увеличенію вліянія Саладина, который по смерти Ширку, своего дяди, управлялъ политическими дѣлами калифата. Христіанскіе вожди, препиравшіеся изъ-за недостатка продовольствія, въ декабрѣ того же года должны были снять осаду и заключить съ Саладиномъ миръ. На возвратномъ пути изъ египетской экспедиціи

¹⁾ *Weil*, Geschichte der Chalifen, III, S. 320—321, Mannheim. 1851.

²⁾ *Wilhelmi* Тург., lib. XIX, с. 11.

³⁾ *Nicetas*, p. 208; русскій переводъ подъ редакціей проф. *Долонкаю*, стр. 205.

почти весь византійскій флотъ погибъ отъ бурь ¹⁾. Все это доставило Саладину такую популярность въ Египтѣ, что онъ рѣшился произвести переворотъ, на который прежде не имѣлъ отваги—свергнуть калифовъ Фатимидскихъ и провозгласить Египетъ въ зависимости отъ Багдадскаго калифа ²⁾. Когда заболѣлъ послѣдній Фатимидъ Аладидъ, Саладинъ приказалъ въ одной мечети помянуть вмѣсто Фатимидскаго Абассидскій родъ. Увидѣвъ, что это не вызвало ропота, вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ соответствующее распоряженіе относительно мечетей всего Египта (1170 г.). Съ тѣхъ поръ участь христіанскихъ владѣній въ Малой Азій, Сиріи и Палестинѣ зависѣла отъ Саладина, который уже въ 1176 г. распространилъ свою власть на Сирію ³⁾. Прямые интересы Византіи весьма мало затронуты были тѣмъ обстоятельствомъ, что политическое преобладаніе на востокѣ сталъ получать Египетъ вмѣсто Сиріи и Месопотаміи, гдѣ начались раздоры со смертію Нуреддина (1174 г.). Это перемѣщеніе центра тяжести могло открывать новые виды и сулить успѣхъ Іерусалимскому королю, Антиохійскому князю и другимъ христіанскимъ владѣтелямъ на востокѣ, но не византійскому правительству, еслибъ оно руководилось національною политикою и менѣе дорожило латинскими союзниками и друзьями. Между тѣмъ Мануилъ, за два года до своей смерти, еще разъ предпринялъ походъ въ Египетъ въ союзѣ съ палестинскими рыцарями ⁴⁾.

Отдаленные походы въ Египетъ и мечтательные планы на возстановленіе славы ромѣйскаго имени въ Европѣ и Азій отвлекали вниманіе царя Мануила отъ болѣе важныхъ задачъ, настоятельно требовавшихъ разрѣшенія. Начиная съ конца XI вѣка, передъ Византіей вставалъ уже турецкій вопросъ. Напоръ Турокъ Сельджуковъ на восточныя области имперіи, сопровождавшійся постепеннымъ отступленіемъ мирнаго населенія изъ внутреннихъ областей Малой Азій въ береговые укрѣпленные города, лишалъ Византійское государство существенныхъ внутреннихъ силъ, необходимыхъ для поддержанія заведеннаго строя. Наѣзды степняковъ не оставляли мѣста земледѣльческому труду, затрудняли торговыя сношенія и принуждали сель-

¹⁾ *Wilhelmi Tyriensis, lib., XX, c. 15—18 (Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Occidentaux, I).*

²⁾ *Abulfar. 376, a. arab. 567.*

³⁾ Прекрасное изложеніе событій по восточнымъ источникамъ у *Weil, Geschichte der Chalifen, III, S. 342—344.*

⁴⁾ *Weil, III, S. 359—360; Willh. Тург., XXI, c. 16.*

ское населеніе искать защиты за стѣнами городовъ. Такимъ образомъ, обработанныя области мало по малу переходили въ пастбища, на которыхъ паслись туркменскія стада и кочевали номады. Опаснѣйшими врагами имперіи съ этой стороны были Иконійскіе султаны, владѣвшіе почти всею переднею Азіей, за исключеніемъ побережья Чернаго и Эгейскаго морей.

Относительно Турокъ Сельджуковъ, власть которыхъ простиралась и на христіанское населеніе греческаго происхожденія, политика царя Мануила была въ особенности неосмотрительна. Султанъ Иконійскій былъ ближайшій и опаснѣйшій врагъ имперіи. Усиленіе Иконійскаго султаната прямо соединялось съ ослабленіемъ власти и авторитета имперіи на востокѣ. Определенныя отношенія Византіи къ Иконійскому султанату установились въ 1162 г., когда Килидж-Арсланъ II, лично явился въ Цареградъ, для переговоровъ съ правительствомъ ¹⁾, которому предстояло теперь или принять сторону султана, или поддерживать притязанія соперничавшихъ съ нимъ Каппадокійскихъ эмировъ, изъ рода Данишмендовъ ²⁾. Мануиль нашелъ полезнымъ обласкать этого грубаго, малорослаго, съ искривленными членами варвара, позволивъ ему оставаться въ столицѣ три мѣсяца и стараясь поразить его зрѣлищами и богатствами двора. Килидж-Арсланъ не оставался глухъ къ внимательности, тѣмъ болѣе, что это значительно возвышало его передъ соперниками. Онъ соглашался признать себя въ зависимости отъ императроа, если этотъ послѣдній поможетъ ему утвердиться въ Иконіи и усмирить Данишмендовъ. Почти все остальное время жизни Мануила отношенія имперіи къ Иконійскому султанату основывались на договорѣ, который имѣлъ мѣсто въ 1162 г. Султанъ обязался имѣть однихъ и тѣхъ же враговъ съ царемъ Мануиломъ, уступить нѣкоторые города, захваченные Турками-Сельджуками, не заключать договоровъ безъ согласія византійскаго правительства, доставлять вспомогательный отрядъ на войны въ Европѣ и Азіи, и наконецъ, сдерживать хищническіе набѣги на имперскія области Туркменовъ, на которыхъ простиралась власть его ³⁾. Въ Византіи особенно дорожили сдачей города Севастіи ⁴⁾, и Мануиль отправилъ вмѣстѣ съ султаномъ Константина Гавру принять

¹⁾ Nicetas, p. 154; Cinnamus, p. 205; Abulf., p. 358.

²⁾ О Данишмендахъ см. мою статью въ *Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей*, т. XI (Одесса. 1879).

³⁾ Cinnamus, p. 207, 208 (ed. Bonn.).

⁴⁾ Nicetas, p. 158.

этотъ городъ подъ руку императора ¹⁾. Какъ можно догадываться, Килиджъ-Арсланъ нашель въ договорѣ лишь средство усилить въ Малой Азійи свой собственный авторитетъ, отъ сдачи же городовъ отказался подъ разными предлогами. Возвратившись въ Иконію, онъ мало по малу подчинилъ себѣ области своихъ соперниковъ и скоро сдѣлался полновластнымъ господиномъ въ передней Азійи. Килиджъ-Арсланъ не хотѣлъ войны съ имперіей и не отказывался исполнять нѣкоторыя статьи договора. (Но и союзникъ это былъ весьма ненадежный: онъ высылалъ туркменскую конницу на византійскіе поселки, постепенно оттѣснялъ греческое населеніе къ берегу Чернаго моря и Босфора. Когда ему дѣлали по этому поводу представленія, то онъ извинялся невозможностію сдерживать набѣги и ночные грабежи Туркменовъ и посылалъ лъстивыя письма, называя себя сыномъ, а царя величая отцомъ своимъ. Въ этой политикѣ вѣроломства и обмана перевѣсъ оказался на сторонѣ султана. Постепенно надвигаясь, Туркмены измѣняли культурныя земли въ пастбища и луга, оттѣсняя земледѣльческое греческое населеніе къ востоку и сѣверу и приготовляя совершенное ослабленіе византійскаго вліянія на востокъ ²⁾). Между тѣмъ для имперіи былъ столько же собственный интересъ держать въ своихъ рукахъ полосу, по которой направлялись крестоносныя войска въ Палестину, сколько вопросъ чести передъ Европой. На войну Греческаго царя съ султаномъ Иконійскимъ въ Европѣ смотрѣли какъ на дѣло всего христіанскаго міра: побѣда надъ Турками Сельджуками дѣлала для христіанъ менѣе опаснымъ путь ко Гробу Господню ³⁾). Плоды страшнаго потворства византійскаго правительства Килиджъ-Арслану и невнимательности къ страданіямъ греческаго населенія по сосѣдству съ султанатомъ раскрылись наконецъ съ такою силою, что потребовались экстренныя мѣры и безотлагательная экспедиція на востокъ.

Къ 1176 году Мануилъ созналъ, наконецъ, ошибки своей политики на востокѣ, гдѣ, въ противорѣчіе интересамъ и обыкновенной практикѣ византійскаго правительства, больше пятнадцати лѣтъ онъ соблюдалъ выгоды и поощрялъ домогательства Иконійскаго султана,

¹⁾ А какъ Севастія принадлежала Данишменду Дзуль-Нуну, то можно заключить, что союзъ съ Византіей оплаченъ былъ владѣніями Данишмендовъ.

²⁾ Nicetas, p. 163, 18; *Finlay, History of the Byzantine and Greek Empires* p. 232 (1854 г.).

³⁾ Письмо папы Александра III отъ 29-го января 1176 года, ap. *Bouquet*, XV, p. 952.

допустивъ соперниковъ послѣдняго, калпадовійскихъ и армянскихъ Данишмендовъ до совершеннаго ослабленія. Тотъ авторитетъ, которымъ, по традиціи и по праву, должна была пользоваться Византія, перешель на Сирію и Месопотамію, во внутреннихъ дѣлахъ Иконійскаго султаната сталъ принимать участіе Нуреддинъ. Византія, по видимому, отказывалась отъ своей излюбленной теоріи: управляй однимъ варварскимъ народомъ посредствомъ другаго, ибо мелкіе владѣтели Мелитины, Севастіи и Неокесаріи, обиженные Килиджъ-Арсланомъ, искали помощи и защиты не у Византійскаго царя, а у Нуреддина ¹⁾. Едва ли не тотъ же Нуреддинъ открылъ глаза царю Мануилу на его ближайшія задачи по отношенію къ востоку, когда, въ 1172 г., онъ подстрекалъ Иконійскаго султана внести войну въ византійскія области ²⁾. Такъ или иначе, несчастная для Византіи война съ Турками Сельджуками, начавшаяся въ 1176 году и похоронившая смѣлые планы и надежды Мануила, должна быть разсматриваема какъ исходный пунктъ реакціи по отношенію къ восточнымъ дѣламъ. Въ то же самое время и неудачи западной политики, обнаружившіяся на Венеціанскомъ конгрессѣ послѣ извѣстной битвы при Леньяно, должны были дать господство теоріямъ національной греческой партіи.

Война съ Турками Сельджуками вызвана была вмѣшательствомъ Мануила въ отношенія Иконійскаго султана къ Данишмену Дзуссъ-Нуну, искавшему защиты въ Византіи ³⁾. Килиджъ-Арсланъ сначала не прочь былъ войти въ мирное соглашеніе съ Греками, но скоро измѣнилъ намѣреніе, увидѣвъ, что византійскій полководецъ, севасть Михаилъ Гавра, не располагаетъ такими силами, которыя могли бы устрашить его. „Такъ прошла весна, время особенно удобное для военныхъ дѣйствій“. Лѣтній походъ въ Малую Азію, подъ предводительствомъ самого царя Мануила, имѣлъ слѣдствіемъ возобновленіе и укрѣпленіе двухъ городовъ, опустошенныхъ Туркменами и находившихся подъ властію султана. Историкъ Киннамъ сообщаетъ любопытныя подробности о состояніи города Дорилея, въ какомъ нашли его Византійцы ⁴⁾. „Это былъ нѣкогда величайшій и знаменитѣйшій изъ городовъ Азіи. Онъ лежалъ въ долинѣ, распространяющейся на большое пространство и представляющей прекрасный видъ. На пло-

¹⁾ Abulfav., p. 366, a, arab. 1172.

²⁾ Ibn Athiv ap. *Weil*, III, S. 347.

³⁾ Abulf., p. 285, anno 1176; Cinnamus, p. 293, 295.

⁴⁾ Cinnamus, p. 294—295.

дородныхъ поляхъ ея росла сочная трава и поднимались богатая нивы. Видъ украшала протекающая по долигѣ рѣка, дающая вкусную воду, въ ней водилось множество рыбы, вполне достаточной для продовольствія жителей. У кесаря Мелиссина ¹⁾ здѣсь было прекрасное помѣстье и весьма населенныя деревни, съ самородными горячими ключами, портиками и купальнями. Эта мѣстность доставляла въ обилии все, что служить на удовольствіе человѣку. Но Турки разрушили городъ до основанія и сдѣлали его необитаемою пустыней, такъ что кругомъ не замѣтно и слѣда прежней культуры. Теперь раскинулъ здѣсь палатки туркменскій улусъ въ 2000 человѣкъ²⁾. Мануилъ прогналъ кочевую орду и занялся возобновленіемъ Дорилеа, имѣя въ виду основать здѣсь оплотъ противъ распространенія nomadovъ, угрожавшихъ обратить въ пастбища и покрыть кибитками культурныя византійскія области. Въ теченіе сорока дней Греки выкопали ровъ, вывели стѣну и заложили зданія для поселенія гарнизона и колопистовъ. „Турки же, испугавшись, что ихъ вытѣснятъ съ равнины, жирныя пастбища которой были такъ привольны для ихъ стадъ“, всѣми мѣрами старались препятствоваться работамъ ³⁾. Окончивъ укрѣпленіе города и снабдивъ его нужными средствами, Мануилъ роздалъ участки земли желавшимъ поселиться здѣсь колонистамъ греческаго и латинскаго происхожденія ⁴⁾. Въ тотъ же походъ, при истокахъ Меандра, найдено было еще весьма удобное мѣсто для крѣпости на остаткахъ бывшаго греческаго города Сувлеа. Но и здѣсь были уже пастбища и кибитки, которыя понадобилось отодвинуть, чтобы приготовить мѣсто для земледѣльческихъ поселеній ⁴⁾.

Можно сказать, что походъ 1176 года былъ лишь приготовительнымъ къ болѣе широкому предпріятію. Было положено возобновить его весной слѣдующаго года. Килиджъ-Арсланъ зимой посылалъ къ царю Мануилу посла, по обычаю предлагая сдать города, которые еще въ

¹⁾ Жилъ при царѣ Алексѣѣ I Комнинѣ (1081—1117 гг.).

²⁾ Nicetas, p. 228.

³⁾ *Bouquet*, XV, p. 952. Ad Petrum S. Chrysogoni pesb. card. Alex. episcopus. Innotuit nobis ex literis carissimi in Christo filii nostri Manuelis quod ipse in manu forti Turcorum terram ingressus... et in medio terrae soldani Iconii civitatem quamdam magnam et populosam construxit, ubi Latinos et Graecos qui eam custodiant posuit, et per civitatem ipsam magnae regioni Turcarum per Dei gratiam dominatur: usque adeo, quod viam sepulcri Domini visitandi omnibus christianis... reddidit securam.

⁴⁾ Cinnamus, p. 288. О положеніи города, *Hamilton*, *Researches*, II, p.167, 365.

1162 г. обѣщаль возвратить Византіи. Но Мануиль рѣшился не довѣрять болѣе султану. Въ этомъ настроеніи онъ принялъ энергическія мѣры, имѣя въ виду собрать крестовый походъ противъ Турокъ Сельджуковъ, для чего просилъ посредничества папы Александра III и съ цѣлью помѣшать союзу Саладина съ Килиджъ-Арсланомъ, приготовилъ флотъ во 150 кораблей для экспедиціи въ Египеть. Его послы трактовали въ Иерусалимѣ съ христіанскими князьями о совмѣстномъ дѣйствіи противъ враговъ христіанства. Призваны были вспомогательные отряды отъ Сербовъ и Угровъ, наняты охочіе люди изъ Латинянъ, договорились съ ордой Половцевъ. Къ веснѣ должна была собраться въ Константинополѣ многочисленная армія, достаточная разомъ ударить на турецкіе замки и города и туркменскіе улусы ¹⁾. Походъ 1177 года открылся не при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Уже много вредило предпріятію, что пропустили весеннюю пору и дождались лѣтнихъ жаровъ. Историкъ Киннамъ слагаетъ въ этомъ отвѣтственность на союзные отряды Сербовъ и Угровъ, которые только въ началу лѣта соединились съ главными византійскими силами, собравшимися на Риндакѣ. Осадныя орудія и обозъ затрудняли свободу движенія, неожиданныя гастрическія болѣзни ослабили войско еще до встрѣчи съ врагомъ ²⁾. Часть войска отдѣлена была Андронику, Ватацѣ, который долженъ былъ угрожать султану изъ Каппадокіи ³⁾; самъ же Мануиль направился къ столицѣ султана. Путь къ гнѣзду Турокъ, Иконію, представлялъ весьма значительныя затрудненія для большой арміи съ тяжелымъ обозомъ. Въ узкихъ горныхъ проходахъ войско должно было растагиваться на нѣсколько верстъ и во многихъ мѣстахъ подвергалось опасности быть разрѣваннымъ легкою турецкою конницею. На пути къ Иконію черезъ Келенъ, Аполонію и Антиохію (Фригійскую) Мануиль въ сентябрѣ мѣсяцѣ сдѣлалъ раздыхъ при Миріокефалѣ, приобрѣвшемъ извѣстность почти полнымъ истребленіемъ греческихъ войскъ ⁴⁾.

Килиджъ-Арсланъ прислалъ сюда посольство, предлагая царю миръ, на условіяхъ предыдущихъ договоровъ. Старые генералы, понимавшіе

¹⁾ Wilh. Tug., XXI, с. 16; Nicetas, p. 230. 10; *Bouquet*, XVI, p. 652.

²⁾ Nicetas, p. 231. 18. Сравни письмо царя Мануила къ Генриху, ар. *Bouquet*, XVI.

³⁾ Весьма вѣроятно, что съ этимъ отрядомъ былъ и Дзуль-Нунъ. Но на этомъ прекращаются анналы Киннама, лучшаго руководителя для исторіи Мануила.

⁴⁾ О движеніи войскъ см. *Finlay*, p. 235, примѣч. 3.

трудности похода, совѣтовали воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и заключить миръ съ султаномъ. Но партія молодыхъ любимцевъ, желавшихъ отличиться на глазахъ царя, склонила его дать рѣшительный отвѣтъ, что только подъ стѣнами Иконіи онъ согласенъ вступить въ переговоры съ султаномъ. Отъ Миріокефала слѣдовало идти черезъ горный проходъ (клизура) Циврицу ¹⁾, роковое мѣсто для византійскихъ войскъ и для военной чести имперіи. Этотъ проходъ было не что иное, какъ широкое ущелье съ висящими надъ нимъ высокими горами, сѣверная сторона которыхъ, постепенно понижаясь, образовала холмы и овраги; съ обѣихъ сторонъ клисура заперта была скалами и загромождена камнями. Историкъ Никита справедливо порицаетъ Мануила за то, что онъ не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, рѣшаясь слѣдовать этимъ проходомъ. Со стороны Византійцевъ не былъ даже посланъ развѣдочный отрядъ, чтобъ очистить проходъ отъ засѣвшихъ въ немъ Турокъ; не былъ оставленъ тяжелый обозъ, который въ критическую минуту, при тѣснотѣ пространства, послужилъ болѣе нападавшимъ, чѣмъ защищавшимся. Въ авангардѣ шли со своими отрядами два сына Константина Ангела, Іоаннъ и Андроникъ, за ними Константинъ Макродува и Андроникъ Лапарда. Въ серединѣ правое крыло велъ шурина царя Балдуинъ, лѣвое— Теодоръ Маврозомъ. За тяжелымъ обозомъ, съ припасами и военными снарядами, слѣдовалъ самъ царь, окруженный блестящею свитой. Въ аррьергардѣ былъ Андроникъ Контостефанъ. Передовыя части прошли благополучно, ибо пѣхотинцы, завидѣвъ турецкихъ стрѣлковъ, взбѣгались сами на возвышенныя мѣста и прогоняли ихъ вдалѣ. Какъ оказалось потомъ, въ этомъ состояла своего рода хитрость тактики турецкой. Ибо, давъ пройти клисуру передовымъ отрядамъ, Турки отрѣзали имъ сообщеніе со слѣдовавшими позади войсками и сдѣлали ожесточенный натискъ на правое крыло, предводимое княземъ Балдуиномъ. Градъ стрѣлъ сыпался на несчастный отрядъ, люди погибали, не имѣя возможности защищаться. Повозки и тяжелый снарядъ затормозили проходъ, впереди турецкіе стрѣлки производили страшный уронъ въ рядахъ византійскихъ. Здѣсь погибъ Балдуинъ и весь его отрядъ въ безпомощной борьбѣ. Ободренные успѣхомъ, Турки сдѣлали фланговое движеніе и напали на центръ арміи, гдѣ находился императоръ. Узкая дорога, заваленная повозками, убитыми и ранеными животными, прекращала всякую возможность движенія впередъ.

¹⁾ Nicetas, p. 232. 24; сравн. письмо къ Генриху.

Защита казалась также бесполезна, какъ невозможно бѣгство. Рвы наполнялись падавшими, кровь текла ручьями. Императоръ пересталъ отдавать приказанія и защищался сколько могъ, какъ простой воинъ. Грековъ заперли и рубили какъ стадо барановъ въ хлѣвѣ, по выраженію историка, которому мы обязаны замѣчательными подробностями этого дѣла ¹⁾. Императоръ потерялъ всю энергію, когда передъ его глазами Турки вонзили на копье голову Андроника Ватаццы, только что убитаго ими; „потерявъ духъ, безъ словъ и безъ слезъ, онъ переваривалъ тяжкую скорбь, выжидая событій и не зная, на что рѣшиться“. Наконецъ, съ нѣкоторыми приближенными, онъ ринулся въ середину враговъ, желая проложить себѣ путь, и получивъ много ранъ, успѣлъ соединиться съ передовымъ отрядомъ, еще ранѣе миновавшимъ проходъ. Греческая кавалерія, поражаемая со всѣхъ сторонъ, кинулась на близлежащій холмъ; передніе всадники, за столбомъ поднявшейся пыли, не могли разсмотрѣть глубокаго рва, раздѣлявшаго ихъ отъ холма. Всадники и лошади, одинъ рядъ за другимъ, стремглавъ летѣли въ пропасть ²⁾. Кровавыя сцены убійства и грабежа и неоднократно угрожавшая опасность за собственную жизнь сильно потрясли Мануила. Онъ, казалось, пересталъ слышать, что говорилось вокругъ него, и не отдавалъ себѣ отчета въ видѣнномъ.

Поздно вечеромъ собрались около Мануила Андроникъ Контостефанъ и другіе вожди, уцѣлѣвшіе въ этотъ страшный день. Поспѣшно укрѣпившись рвомъ, они ожидали наступленія дня и новаго нападенія Турокъ. „Всѣ сидѣли, печально понутивъ головы, воображая себѣ предстоящее бѣдствіе. Варвары подступали къ самому рву и приглашали своихъ соплеменниковъ, бывшихъ на службѣ у Грековъ, сію-же ночь оставить лагерь, похваляясь на зарѣ погубить всѣхъ, кто тамъ находится“ ³⁾. Мануиль сообщилъ одному изъ своихъ приближенныхъ намѣреніе бѣжать ночью изъ лагеря, предоставивъ остальнымъ свободу дѣйствовать, какъ кому вздумается. Скоро это стало извѣстно по всему лагерю и возбудило общее неудовольствіе. Андроникъ Контостефанъ представилъ императору вѣроятныя послѣдствія такого малодушнаго рѣшенія и убѣдилъ выжидать событій на мѣстѣ ⁴⁾.

¹⁾ Nicetas, p. 236.

²⁾ Послѣдній эпизодъ въ письмѣ Мануила къ Генриху; топографическія подробности у Никиты, p. 238. 5. 16.

³⁾ Nicetas, p. 243. 2.

⁴⁾ Nicetas, p. 243. Въ письмѣ къ королю Генриху роковое пораженіе опи-

Дѣйствительно, положеніе Грековъ, не было такъ безнадежно, какъ оно представлялось смущенной душѣ царя Мануила. Такъ, можно еще было надѣяться на помощь отъ передоваго отряда, почти не участвовавшаго въ дѣлѣ. Ночью собрали остатки арміи и составили отрядъ, который на утро высланъ былъ противъ Турекъ, пускавшихъ стрѣлы въ лагерь. Оказалось возможнымъ начать переговоры съ Килиджъ-Арсланомъ, который не предъявилъ неудобисполнимыхъ требованій ¹⁾). И для него, конечно, побѣда не обошлась безъ потерь. Притомъ же входившіе въ составъ его войска туркменскіе отряды съ жадностію набросились на богатую добычу, захваченную у Грековъ, и менѣе всего думали о продолженіи войны ²⁾). На другой день послѣ дѣла въ клясурѣ, Килиджъ-Арсланъ послалъ къ Мануилу своего уполномоченнаго, именемъ Гавра, вести переговоры о мирѣ, при чемъ предложилъ въ даръ царю арабскаго коня и мечъ. Мануилъ, адѣсь же въ лагерѣ, подписалъ договоръ, которымъ обязывался, между прочимъ, срыть недавно возведенныя укрѣпленія Дорилей и Сувлей. Позволительно дополнить не досказанное у лѣтописца: несчастное дѣло при Миріокефалѣ положило конецъ притязаніямъ Дзуль-Нуна, ибо оно надолго обезпечивало безраздѣльное господство Иконійскаго султана въ Малой Азіи.

Черезъ два дня Греки начали отступленіе. „Зрѣлище, представшее глазамъ, было достойно слезъ, или лучше сказать, зло было такъ велико, что его невозможно оплакать: рвы, до верху наполненные трупами, въ оврагахъ цѣлые холмы убитыхъ, въ кустахъ горы мертвецовъ; всѣ трупы были скальпированы, у многихъ вырѣзаны дѣтородныя части. Говорили, это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы нельзя было отличить христіанина отъ Турка, чтобы всѣ трупы казались греческими: ибо многіе пали и со стороны Турокъ. Никто не проходилъ безъ слезъ и стоновъ, рыдали всѣ, причитая погибшихъ — друзей и сродниковъ ³⁾). Проходя мимо Сувлея, Греки разрушили городъ; что же касается Дорилея, то императоръ не рѣшился исполнить эту

сано довольно подробно и сходно съ разказомъ Никиты; опущенъ только этотъ послѣдній эпизодъ.

¹⁾ Источники византійскаго происхожденія (Никита и Мануилъ въ письмѣ къ Генриху) приписываютъ Килиджъ-Арслану первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ, Абуль-Фараджъ, наоборотъ—Грекамъ (р. 386).

²⁾ *Finlay*, p. 240.

³⁾ *Nicetas*, p. 247. 10.

статью договора. Вслѣдствіе чего, враждебныя дѣйствія между Турками и Греками продолжались и въ слѣдующіе затѣмъ годы.

Пораженіе византійскихъ войскъ при Миріокефалѣ по своимъ послѣдствіямъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ неудачъ имперіи. Въ глазахъ западной Европы война Мануила съ Иконійскимъ султаномъ была дѣломъ обще-христіанскимъ и обще-европейскимъ. Этимъ поражениемъ не только обнаруживалась слабость Византійскаго государства въ устройствѣ его собственныхъ дѣлъ на востокѣ, но и подрывалось довѣріе къ Восточному императору въ глазахъ западно-европейскихъ союзниковъ и друзей Мануила. Предпринимая войну съ Иконійскимъ султаномъ, царь Мануиль былъ столько же выразителемъ стремленій національной греческой партіи, сколько благороднымъ рыцаремъ и господиномъ даннаго слова передъ папой, Французскимъ и Англійскимъ королями. Онъ далъ слово очистить христіанамъ путь ко гробу Господню и тѣмъ исполнить священный долгъ Римскаго императора, оказывавшійся не по силамъ для представителя имперіи на западѣ. Неудача на востокѣ влекла за собою весьма чувствительныя для честолюбивыхъ притязаній Мануила потери на западѣ: она возвышала авторитетъ Германскаго императора, ослабляла греческую партію въ Италіи и снова соединяла противъ Византіи папу и Фридриха I ¹⁾.

Духъ царя Мануила былъ глубоко потрясенъ несчастными событіями войны съ Иконійскимъ султаномъ, такъ что до конца жизни онъ не могъ освободиться отъ постигшаго его тяжкаго удара. Въ 1177 году онъ извѣщалъ Французскаго короля ²⁾ о дѣлѣ при Миріокефалѣ, не скрывая горькой правды и не умалчивая о подробностяхъ, далеко не лестныхъ для славы византійскаго имени на западѣ. И трудно было скрыть истину, потому что въ походѣ принимали участіе западные рыцари—о чемъ неоднократно замѣчается въ томъ же письмѣ ³⁾,—рыцари, которые по возвращеніи на родину могли разка-

¹⁾ *Bouquet*, XV, p. 952. Unde quia idem imperator (Мануиль) firmum votum se asserit et propositum gerere ad impugnatione illius nefandae gentis (Турки Сельджуки) nullatenus abstinere... usque adeo quod viam sepulcri Domini visitandi omnibus christianis—reddidit securam. *Ibid.*, p. 728. Nihilominus quoque petebat ut quia occasio juxta et tempus opportunum atque acceptabile se obtulerat, Romani corona imperii a sede apostolica sibi redderetur, quoniam non ad Friderici Alamanni, sed ad suum jus asseruit pertinere.

²⁾ *Bouquet*, XVI, p. 652. Изъ заключительныхъ словъ письма можно видѣть, что оно ошибочно надписывается ad Henricum.

³⁾ Ab his qui interfuerunt forsitan disceret de his tua nobilitas,... cohortes

зять всѣ подробности дѣла. Письмо оканчивается слѣдующими словами: „Хотя мы слишкомъ огорчены потерей погибшихъ нашихъ родственникововъ, однако сочли за нужное обо всемъ извѣстить тебя, какъ любезнаго друга нашего, тѣсно соединеннаго съ царствомъ нашимъ родствомъ дѣтей нашихъ“. Лучшее свидѣтельство о душевномъ состояніи Мануила, разстроенномъ неудачною войною съ Иконійскимъ султаномъ, представляетъ Вильгельмъ Тирскій, которому случилось провести нѣсколько времени въ Константинополѣ въ 1179 году. „Съ того дня“, говоритъ онъ, — „такими неизгладимыми чертами запечатлѣлись въ памяти императора обстоятельства этого несчастнаго случая, что онъ никогда уже, не смотря на старанія приближенныхъ, не обнаруживалъ той ясности духа и веселости, какою особенно отличался, и до самой смерти не могъ возстановить свои тѣлесныя силы, которыми надѣленъ былъ въ избыткѣ. Постоянное живое представленіе событія такъ мучило его, что не оставляло мѣста ни душевному покою, ни обычной умственной ясности“¹⁾).

Усиленіе Турокъ-Сельджуковъ въ Малой Азійи совершилось на счетъ честолюбивыхъ притязаній Византійскаго царя по отношенію къ Италіи. На сколько была успѣшна политика Мануила на западѣ, вознаграждались ли потери въ Азійи пріобрѣтеніями въ Европѣ? Основною мотивъ, руководившій предпріятіями Мануила въ Италіи, заключался въ воззрѣніи на титулъ Римскаго императора, какъ на законное право, исключительно принадлежащее преемникамъ Константина Великаго на Константинопольскомъ престолѣ. По этому воззрѣнію, которое никогда не умирало въ Византіи, и теоретическая справедливость котораго не могла быть отрицаема и на западѣ, перенесеніе титула Римскаго императора на Франкскихъ и Германскихъ королей было несправедливостью и насиліемъ противъ Византіи, Новаго Рима. Въ связи съ теоріей несправедливаго присвоенія титула Римскаго императора, въ Византіи по временамъ съ сильнымъ напряженіемъ выступали притязанія на возвращеніе утраченнаго господства въ Италіи. Эти притязанія частію опирались на дѣйствительномъ фактѣ завоеванія Италіи при Юстиніанѣ I, частію поддерживались симпатіями греческаго населенія южной Италіи, употреблявшаго до позд-

universae Graecorum et Latinorum... Gratium autem habuimus quod quosdam nobilitatis tuae principes accidit interesse nobiseum, qui narrabunt de omnibus quae acciderant tunc voluntati seriem.

¹⁾ Wilh. Тур., XXI, с. 12.

нѣйшаго времени греческій языкъ ¹⁾). Съ византійской точки зрѣнія, такимъ образомъ, въ притязаніяхъ Мануила можно видѣть только стремленіе возстановить нарушенную правду. Въ иномъ свѣтѣ представится дѣло, если взглянуть на него съ точки зрѣнія папы и Римскаго императора Германской націи. Византійскія притязанія могли осуществиться только на счетъ одной изъ этихъ силъ, обусловливавшихъ ходъ событій средневѣковой европейской исторіи. Византія смотрѣла какъ на узурпацію именно на то, чтò составляло необходимый жизненный элементъ въ исторіи развитія папства и Западной имперіи. Папство и Западная имперія выросли въ тѣсномъ союзѣ и своимъ могуществомъ обязаны были взаимной поддержкѣ. Въ полномъ развитіи силъ одна власть необходимо должна была вторгаться въ сферу другой, и вступая въ распрю, увлекать за соброю почти всѣ западно-европейскія государства. Но ни папа, ни Германскій императоръ никогда не подвергали колебанію принципиальные факты, на которыхъ основывалось ихъ могущество, и тщательно устраняли покушенія третьяго лица воспользоваться ихъ домашнею борьбой. Между тѣмъ, виды Мануила на титулъ Римскаго императора и по возстановленіи византійскаго господства въ Италіи опирались на этой борьбѣ имперіи съ папствомъ.

Для достиженія своихъ плановъ въ Италіи Мануиль долженъ былъ тщательно присматриваться къ событіямъ и отношеніямъ на западѣ. Еще отецъ его, Іоаннъ Комнинъ, заключилъ союзъ съ Германскимъ императоромъ; этому союзу Мануиль оставался вѣрнымъ въ первую и большую половину царствованія. Политическій и родственннй союзъ съ Гогенштауфенами обезпечивалъ притязанія Византіи на политическое господство въ южной Италіи и ближайше направленъ былъ противъ Норманновъ, соединившихъ подъ своею властію Сицилію и южную Италію. Въ томъ же направленіи полезенъ былъ этотъ союзъ для Гогенштауфеновъ, въ силу давнихъ притязаній Западной имперіи на господство въ сѣверной и южной Италіи. Но практическое осуществленіе плановъ Византійскаго и Германскаго императоровъ соединено было съ громадными препятствіями и затрудненіями. Папы въ борьбѣ со свѣтскою властью, постоянно опирались на Норманновъ, и такимъ образомъ римско-норманскій союзъ былъ естественнымъ охранителемъ существовавшихъ въ Италіи отношеній. Норманны же, въ свою очередь, находили себѣ поддержку во Французской націи и всякій разъ,

¹⁾ *Trinchera*, Syllabus graecarum membranarum (акты на греческомъ языкѣ).

какъ угрожала опасность, могли рассчитывать на помощь и содѣйствіе Французскаго короля. Такъ, оставляя уже въ сторонѣ симпатіи или антипатіи италіанскихъ торговыхъ республикъ Венеціи, Генуи и Пизы, византійско-германскій союзъ имѣлъ противъ себя лигу изъ папы и королей Сицилійскаго и Французскаго.

Союзъ Комниновъ съ Гогенштауфенами, еслибы осуществились планы той и другой стороны, сопровождался бы послѣдствіями не меньшей важности, чѣмъ союзъ папъ съ Каролингами. Въ этомъ заключается существенный его интересъ: для XII вѣка это былъ романтической, мечтательный планъ, какъ и смотрѣли на него представители національной партіи въ Константинополѣ. Крайнимъ логическимъ выводомъ изъ него было возвращеніе папства къ тому состоянію, въ которомъ оно находилось до половины VIII вѣка, то-есть, до союза съ Каролингами, и возстановленіе нарушенной по отношенію къ Византійскому царю правды. Нѣсколько извлеченій изъ сохранившихся отъ того времени документовъ ознакомить насъ съ духомъ революціонныхъ воззрѣній, приходившихъ съ востока на западъ. „Нѣтъ племени, царства или народа“, писалъ Конрадъ III къ Византійскому царю ¹⁾, — „который не зналъ бы, что вашъ Новый Римъ считается дочерью нашей Римской республики. Наши выгоды общія, одни у насъ друзья и одни враги на сушѣ и на морѣ: Норманнъ ли, Сицилиецъ ли, или какой другой врагъ... Всѣ царства увидятъ и услышатъ, какъ легко мы поражаемъ непріятелей, которые поднялись противъ самодержавія имперій нашихъ“. Личная дружба Конрада III съ Мануиломъ внушала сильныя опасенія Римской курии, которая не безъ основанія приписывала греческому вліянію гордость и непослушаніе Конрада ²⁾ и не обманывалась на счетъ послѣдствій союза Гогенштауфеновъ съ Комнинами. Въ 1149 г. палскій канцлеръ писалъ ³⁾ къ Вибальду, совѣтнику Конрада: „Я хочу поговорить съ тобою, какъ съ человѣкомъ осторожнымъ и благоразумнымъ. Стало извѣстно папѣ и намъ, и вездѣ носятъ о томъ слухи, что король Конрадъ заключилъ союзъ съ Византійскимъ царемъ, дабы нанести, если можно, тяжелый ударъ и пораженіе святой Римской церкви. Увѣщаваемъ любовь твою, прійми всевозможныя мѣры, чтобы миновала святую апостольскую Римскую церковь такая опасность“. Съ особенною нагляд-

¹⁾ Ottonis Frising. Gesta Friderici, I ap. Pertz, SS. XX, p. 363—364.

²⁾ Jaffé, Bibliotheca rerum Germanic. I. Wibaldi epistolae, № 252.

³⁾ Ibid., epist. 198, 252.

ностью формулирована цѣль византійско-германскаго союза въ двухъ письмахъ Гогенштауфена Фридриха II ¹⁾. Выдѣливъ изъ нихъ указанія на особенныя отношенія половины XIII вѣка, получаемъ слѣдующую картину неправдъ Римскаго престола, противъ которыхъ должны ратовать Византійскій и Германскій императоры. „Мы ищемъ не нашей только правды, но и правды друзей нашихъ и любезныхъ сосѣдей, по преимуществу же правды Грековъ, родственниковъ и друзей нашихъ, которыхъ папа, за нашу взаимную пріязнь и любовь, воздвигая на насъ свой ненаказанный языкъ, называетъ нечестивѣйшими и еретиками, хотя они—христіаннѣйшій родъ, самый крѣпкій въ вѣрѣ Христовой и самый правовѣрный...“ „Я не могу понять“, говорится въ другомъ письмѣ, — „какъ онъ, называющій себя великимъ архіереємъ, публично подвергъ отлученію тебя и всѣхъ подвластныхъ тебѣ Ромэевъ и безстыдно называетъ еретиками правовѣрнѣйшихъ людей, отъ которыхъ вѣра христіанская разошлась по всѣмъ концамъ земли;... какъ онъ, виновникъ схизмы, коварно притворствуетъ, чтобы взвести обвиненіе на невинныхъ; какъ, прикрываясь святостію, черезъ слугъ и вѣстниковъ его воли не перестаетъ всегда внушать Латинянамъ—называть отступниками отъ вѣры и вносящими соблазнъ тѣхъ, которые отъ начала обогащали благочестіе и проповѣдывали миръ всѣмъ странамъ; какъ издавна дьявольскимъ внушеніемъ навѣянную злобу къ Ромэямъ, которую не могли искоренить въ теченіе продолжительнаго періода времени многіе великіе архіереи и слуги Христовы словомъ и дѣломъ и усердною молитвой, онъ, многообразно усиливъ ее, думаетъ уничтожить въ короткое время хитрыми словами и коварными внушеніями? Откуда же это переняли наши архіереи поднимать оружіе на христіанъ и вмѣсто священной мантіи облекаться въ латы, вмѣсто духовнаго жезла носить копьѣ, вмѣсто трости—лукъ со смертоносными стрѣлами, безъ нужды держа въ рукахъ спасительное оружіе креста. Какой вселенскій или помѣстный соборъ, какой сонмъ мужей-богоносцевъ передалъ это, объявилъ или заповѣдалъ? Еслибы кто сталъ сомнѣваться, совѣтую ему самому взглянуть на соборъ святыхъ кардиналовъ и архіереевъ, облеченныхъ въ военное всеоружіе. Одинъ имѣетъ титулъ герцога, другой маркиза, иной графа; каждый владѣетъ епархіей, которою и командуетъ. Одинъ устроитъ фаланги, другой повелѣваетъ отрядами, третій начинаеть

¹⁾ Miklosich et Müller, Acta et diplomata, Wien, 1865, т. III, epist. XVI и XVIII.

сраженіе, нѣкоторые исполняютъ обязанности начальниковъ стана и знаменосцевъ. Вотъ какковы духовные и священные символы мира. Ужели такъ установили ученики Христовы? Увы, есть однако много неразумныхъ, которые рѣшаются приписывать имъ святость, каждодневно увеличивая число святыхъ!.. Таковы нынѣ пастыри во Израилѣ, это не архіереи церкви Христовой, но волки жадные, звѣри дикіе, поѣдающіе народъ Христовъ. Сколько человѣкъ въ Германіи, Италиі и окрестныхъ странахъ по ихъ винѣ убито, плѣнено и обращено въ бѣгство? Воззрѣнія Фридриха II на неправды Римской церкви, усвоенныя имъ изъ сношеній съ востокомъ, позволяютъ намъ понять причины смятенія въ римской куріи по поводу слуховъ о союзѣ и дружбѣ Конрада III съ Мануиломъ. Аббатъ Вибальдъ, которому поручалось отъ имени папы принять всевозможныя мѣры къ исправленію развращеннаго ума Конрада, писалъ къ кардиналу Гвидо: „Я исполнилъ, о чемъ вы меня просили, долгимъ сожительствомъ и постоянными убѣжденіями я внѣдрилъ въ этого человѣка благое послушаніе и смиреніе.“

Преемникъ Конрада (1152 г.) Фридрихъ I Барбарусса также подерживалъ добрыя отношенія съ Византіей, и казалось, былъ готовъ содѣйствовать планамъ Мануила въ южной Италиі ¹⁾. Но скоро обнаружилось, что интересы Западной имперіи по отношенію къ Италиі не совсѣмъ совпадали съ притязаніями Восточной. Въ одно и то же время Фридрихъ и принималъ мѣры къ скрѣпленію союза съ Мануиломъ „для приращенія владѣній той и другой имперіи“ и обязывался передъ папой противодѣйствовать попыткамъ Грековъ утвердиться въ Италиі ²⁾. Несостоятельность византійско-германскаго союза всякій разъ обнаруживалась тогда, когда Западная или Восточная имперія дѣлала рѣшительный шагъ къ осуществленію своихъ задачъ въ Италиі. Такимъ образомъ, питать широкіе планы и лелѣять надежду на возстановленіе нарушенной правды Византіи могла до тѣхъ только поръ, пока дѣло ограничивалось проектами и предположеніями. Противъ осуществленія притязаній Византіи была и сама Западная имперія, и папы, и Норманны, и Венеціанцы. Дѣйствительный ходъ вещей и отношеній на западѣ въ концѣ XII вѣка подготовлялъ почву не для торжества византійскихъ идей, а для коалиціи запада противъ Восточной имперіи. „Папство очень много было обязано Норманнамъ и вовсе

¹⁾ *Jaffé*, *Bibl. rer. Germanic.*, I, *epist.*, 410, 411.

²⁾ *Jaffé*, I, № 407; сравн. *Pertz*, *Leges* II, p. 92.

не имѣло интереса уничтожать ихъ власти на югѣ Италіи. Кого иначе оно могло бы противопоставить Нѣмецкимъ императорамъ. Но необходимо, чтобы Норманны были покорными слугами и вассалами Римскаго престола. Всякій разъ, какъ Норманны уклоняются отъ своего призванія, Римская курія противопоставляетъ имъ притязанія той или другой имперіи, или обѣихъ вмѣстѣ. Восточная и Западная имперіи одинаково имѣли притязанія на господство въ Италіи, но для одной важнѣе было господство на югѣ полуострова, для другой—на сѣверѣ его. Между ними возможно было, слѣдовательно, временное соглашеніе, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цѣли; но при одномъ только признакѣ ея достиженія, начиналось взаимное соперничество, и опасность для Норманновъ проходила благополучно. Когда гроза собиралась съ той или другой стороны, Норманны обращались съ раскаяніемъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ; тѣ, въ свою очередь, опирались на нихъ, чтобы не допустить Византію или Германію утвердиться прочно въ Италіи... Венеціанская республика была естественною союзницею Византіи, пока дѣло шло о томъ, чтобы не допускать господства Норманновъ на Адриатическомъ морѣ, не позволять имъ утвердиться въ Албаніи или на островахъ Ионическихъ. Но Венеціанцамъ вовсе не было желательно, чтобы Византія утверждалась въ самой Италіи; это было бы для нихъ то же самое, какъ еслибы Норманны утвердились на другомъ берегу Адриатики: оба берега въ рукахъ одной державы... Но у Венеціи то же были соперницы. Если Венеція была за Норманновъ, то Византіи не представлялось особенной трудности склонить на свою сторону Геную и Пизу¹⁾.

Царю Мануилу представлялось одно средство выйти изъ заколоченнаго круга, въ который его заперъ союзъ съ Германскимъ императоромъ, если онъ не желалъ покинуть свои мечтательные планы на господство въ Италіи. Предстояло искать союзниковъ и друзей въ самой Италіи и дѣйствовать сообща съ враждебными Германскому императору элементами. Колебанія въ западной политикѣ и попытки сблизиться съ Норманнами и папой, характеризующія вторую половину царствованія Мауила, въ первый разъ обнаруживаются

¹⁾ *Славянскій Сборникъ*, т. III, стр. 377—378: «Союзъ двухъ имперій» статья извѣстнаго нашего византиниста В. Г. Васильевскаго. Мы съ удовольствіемъ можемъ отослать къ ней желающахъ ознакомиться съ подробностями византійско-германскаго союза.

въ 1158 г., когда былъ заключенъ миръ между Вильгельмомъ Сицилійскимъ и Византійей ¹⁾).

Король Вильгельмъ II, опасаясь замысловъ Германскаго императора, былъ склоненъ подать руку царю Мануилу. Въ этомъ предположеніи не разъ поднимался вопросъ о бракѣ Сицилійскаго короля съ Маріей, дочерью Мануила ²⁾. Но политика короля должна была сообразоваться съ желаніями папской куріи и съ торговыми интересами Венеціанской республики. Что касается до Рима, сближеніе его съ Византійей обуславливалось весьма энергическими мѣрами, принятыми императоромъ Фридрихомъ I въ борьбѣ съ сѣверно-италианскими городами и ни мало не скрываемыми намѣреніями его утвердиться въ южной Италиі. Въ виду этой опасности, интересы папы и Сицилійскаго короля рѣшительно склонялись въ пользу союза съ Византійей. Съ 1167 г. начинаются сношенія папы съ царемъ Мануиломъ. Они исходили изъ обсужденія вопроса весьма живаго и одинаково важнаго для востока и запада—объ условіяхъ соединенія Восточной и Западной церквей и о возвращеніи титула Римскаго императора его законному обладателю, то-есть, Византійскому царю ³⁾. И ранѣе, и позже XII в. Византійскіе императоры и папы много разъ вступали въ переговоры объ уніи; и нужно признать, что не столько догматическія или церковныя различія, сколько традиціонныя притязанія на свѣтскую власть, служили главнѣйшими препятствіями къ соглашенію. Мануилъ по видимому, былъ искренно убѣжденъ въ возможности достигнуть черезъ союзъ съ папой того, чего не могъ пріобрѣсть въ союзѣ съ Германскимъ императоромъ ⁴⁾. Папа же не охлаждалъ довѣрія Мануила и поддерживалъ греческую партію въ Италиі до тѣхъ только поръ, пока не примирился съ Фридрихомъ I Барбаруссой. Между папой и Западнымъ императоромъ скорѣе возможно было соглашеніе, чѣмъ между папой и Византійскимъ царемъ, что и показали италянскія событія 1176—1177 г., какъ видно будетъ далѣе. Прочность союза Византіи съ Сицилійскимъ королемъ зависѣла отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ къ папѣ Западный императоръ, ибо значеніе, Норманновъ въ судьбахъ Италиі падало или возвышалось со-

¹⁾ Annal. Casin. ap. *Pertz*, SS. XIX p. 311.

²⁾ Romualdi ap. *Pertz*, SS. XIX, p. 436.

³⁾ Cinnamus, p. 261, 262; Nicetas, p. 261.; *Bouquet*, XV, p. 728, 974.

⁴⁾ Сохранилось письмо его къ папѣ Александру III отъ марта 1180 г.; ap. *Bouquet*, XV, p. 974.

образно съ взаимнымъ положеніемъ двухъ названныхъ силъ. Всячески старалась воспрепятствовать упроченію союза съ Норманнами и Венеціа, которой могущество на востокѣ возросло именно подѣ дѣйствіемъ страха, насылаемаго на Византію норманнскими набѣгами и завоеваніями. Сближеніе между Норманнами и Византіяцами сдѣлало бы венеціанскій флотъ не столь нужнымъ для Восточной имперіи и могло бы повести къ уменьшенію торговыхъ привилегій Венеціи. Такимъ образомъ, и порвавъ союзъ съ Гогенштауфенамя, Мануиль Комнинъ создавалъ себѣ много новыхъ непреодолимыхъ затрудненій для достиженія мечтательныхъ плановъ, отъ которыхъ не могъ отказаться до конца жизни.

Лучшимъ сравнительно успѣхомъ увѣнчалась италіанская политика Мануила въ Ломбардской лигѣ. Византійске золото разсыпалось щедрою рукой для поддержанія взаимной распри между отдѣльными италіанскими общинами и для подкупа доброжелателей и сторонниковъ греческой партіи. Вполнѣ уже дознано, что въ образованіи союза ломбардскихъ городовъ и въ успѣшной борьбѣ ихъ съ Германскимъ императоромъ принимали дѣятельное участіе византійскіе комиссары и оплачиваемые ими наемники. Центромъ расположенной къ Грекамъ партіи въ Италіи была Анкона. Здѣсь было складочное мѣсто греческаго оружія и стоянка для флота, отсюда шли нити политической интриги противъ Германскаго императора ¹⁾. Города сѣверной и средней Италіи вступили въ союзъ для защиты италіанской независимости. Приверженцы Гогенштауфеновъ теряли увѣренность и постепенно переходили на сторону лиги городовъ. Между значительными владѣніями сѣверной Италіи оставался вѣрнымъ Фридриху Барбаруссѣ только Вильгельмъ Монферратскій. Весьма натурально, что Мануиль принималъ близко къ сердцу успѣхи греческой партіи въ Италіи и возлагалъ большія надежды на Ломбардскую лигу, которая стремилась, по видимому, къ той же цѣли, что и Византія — къ противодействию Германскому императору. Именно съ этой точки зрѣнія любопытно взглянуть на тотъ неожиданный и въ высшей степени странный поступокъ византійскаго правительства по отношенію къ проживавшимъ въ Константинополѣ венеціанскимъ купцамъ, который относится къ 1171 году: имѣемъ въ виду приказаніе (12-го марта 1171 г.) посадить въ тюрьму всѣхъ Венеціанцевъ и конфисковать ихъ имущества. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ годовъ Венеція

¹⁾ Heyd, Geschichte des Levantehandels, I, 235.

не только должна была прекратить торговлю съ востокомъ, но и прямо стать на сторону враговъ Византии: она принимала участіе въ осадѣ Анконы въ 1173 г. и пыталась заключить отдѣльный договоръ съ Норманнами, пока въ 1175 г. Мануиль не нашелся вынужденнымъ „изъ страха передъ коалиціей западныхъ державъ“ ¹⁾ подтвердить за Венеціей всѣ прежнія права съ прибавкой вознагражденія пострадавшимъ въ 1171 году.

Для благосостоянія Венеціанской республики было весьма важно, чтобы Византия не заручилась союзниками и друзьями на западѣ и не имѣла владѣній на Адриатикѣ. Между тѣмъ Мануиль, помимо Венеціи, почти достигалъ того и другаго: отнялъ у Угровъ далматинское побережье съ городами Спистомъ и Зарой ²⁾, а на противоположномъ берегу моря занялъ прочное положеніе въ Анконѣ. Для Венеціи, бывшей дѣятельнымъ членомъ Ломбардской лиги, потерялъ всю важность вопросъ о противодѣйствіи Гогенштауфенамъ, и на первый планъ выступала необходимость борьбы съ возрастающимъ значеніемъ греческой Анконы ³⁾. Перемѣна политики должна была обнаружиться какъ въ Италіи, такъ и въ Константинополѣ, гдѣ жило до 60,000 Италіанцевъ, по преимуществу Венеціанцевъ и Генуэзцевъ, издавшихъ соперниковъ по торговлѣ съ востокомъ. Къ 1170 г. Венеція и Генуя и въ политикѣ принадлежали къ двумъ враждебнымъ лагерямъ. Въ то время, какъ первая, отдѣлившись отъ Ломбардской лиги, пристала къ сторонникамъ германской партіи и тѣмъ прямо заявила себя противъ греческихъ притязаній въ Италіи, вторая, не принадлежавшая прежде къ лигѣ, въ 1169 г. заключила съ Византией союзъ, направленный противъ Фридриха Барбаруссы, что обозначало переходъ ея на сторону лиги и византийской партіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Генуя имѣла уважительныя причины измѣнить свою политику. Въ связи съ ея переходомъ на сторону Византии должна разсматриваться золотая булла 1170 г., обеспечивавшая за нею торговныя привилегіи на востокѣ и особое мѣсто для склада товаровъ и поселеній въ Константинополѣ ⁴⁾. Предпочтеніе, оказанное генуэз-

¹⁾ Nicetas, p. 260.

²⁾ *Streit, Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzuges gegen Konstantinopel*, Anklam, 1877, S. 12, № 100.

³⁾ Cron. Altin., p. 172. Oderant enim Veneti Anconitanos tum propter inimicitias quae inter eos fuerant, tam etiam propter inimicos eorum Graecos quos ipsi in odium et contrarietatem Venetiarum suscipiebant.

⁴⁾ *Heyd*, I. S. 233, 237.

скимъ купцамъ, возбудило зависть и раздраженіе въ Венеціанцахъ, которые и произвели самовольную расправу съ своими соперниками, сдѣлавъ нападеніе на уступленный имъ кварталъ. Трудно распознать, безпристрастно ли держало себя византійское правительство по отношенію къ этому столкновенію, и могло ли оно предупредить беспорядки. Болѣе близкимъ къ истинѣ представляется намъ разказъ Киннама ¹⁾. Венеціанцы, говоритъ онъ,—вступили въ открытую вражду съ Ломбардами (то-есть, съ Генуэзцами) за то, что эти отстали отъ союза съ ними; въ ожесточеніи они напали на генуэзскую колонію, предали ее пламени и разграбленію и тѣмъ нанесли чувствительный вредъ своимъ соперникамъ. Мануилъ потребовалъ отъ Венеціанцевъ вновь выстроить разрушенные дома и вознаградить пострадавшихъ Генуэзцевъ за понесенные ими убытки. Венеціанцы же не только не согласились на это требованіе, но и угрожали возстаніемъ противъ Грековъ. Тогда Мануилъ приказалъ посадить въ темницу всѣхъ Венеціанцевъ и конфисковать ихъ имущество. Легко видѣть, что Венеціанцы подверглись слишкомъ жестокому и несправедливому наказанію, если даже допустить полное невмѣшательство византійскаго правительства въ распрю, сопровождавшуюся разграбленіемъ генуэзскаго квартала. Но именно эта радикальная мѣра противъ венеціанскихъ купцовъ, предшествуемая притомъ искусственнымъ привлеченіемъ ихъ въ Византію, служить основаніемъ къ обвиненію Мануила въ предумышленности и въ подстрекательствѣ ²⁾. Онъ видѣлъ, что Венеція становится ему на дорогѣ въ его италіанской политикѣ и склоняется къ союзу съ Фридрихомъ I Барбаруссой. Торговая и политическая соперница Венеціи, Генуя, могла въ свою очередь измѣнить Гогенштауфенамъ и пристать къ Ломбардской лигѣ. Въ этихъ соображеніяхъ и пожалована была генуэзскимъ купцамъ золотая булла, возстановлявшая одну республику противъ другой.

Такимъ образомъ, указанныя выше константинопольскія происшествія въ 1170—1171 годахъ были отголоскомъ тѣхъ сложныхъ отношеній, въ которыя впутался царь Мануилъ въ Италіи, преслѣдуя мечтательные планы возстановленія нарушенной исторической правды. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ италіан-

¹⁾ Cinnamus, p. 283; его же повѣствованію отдаетъ предпочтеніе *Гейдъ*, I, S. 237—8.

²⁾ Генуэзцы были убѣждены, что Мануилъ поднялъ на нихъ Венеціанцевъ; см. у *Гейда*, 238, прим. 2.

свой политики Мануила, необходимо подвергавшейся колебаніямъ и перемѣнамъ сообразно съ положеніемъ главныхъ сторонъ, оспаривавшихъ одна у другой побѣду—лиги городовъ и Германскаго императора. Существенный интересъ дѣла заключается въ томъ, что византійскія притязанія на господство въ южной Италіи были далеки отъ осуществленія и во вторую половину царствованія Мануила, когда былъ порванъ союзъ съ Гогенштауфенами. Перевѣсъ могъ оказаться на сторонѣ той или другой партіи, но этимъ нисколько не обезпечивался выигрышъ для Византіи.

Пораженіе, нанесенное Ломбардскою лигою Фридриху I при Леньяно (29-го мая 1176 г.), казалось бы торжествомъ византійской политики въ Италіи. Но стоитъ припомнить здѣсь одновременныя событія на востокѣ, отвлекшія все вниманіе Мануила къ войнѣ съ Иконійскимъ султаномъ, чтобы понять, какъ далека была въ это время Византія отъ возможности авторитетно поддержать свои притязанія на господство въ южной Италіи. Царь Мануиль опустилъ случай воспользоваться благопріятнымъ исходомъ борьбы, или лучше сказать, не такъ рассчиталъ вѣроятные результаты своей политики въ Италіи. „Не побѣду Ломбардской лиги видѣли въ битвѣ при Леньяно, но триумфъ папы Александра и католической церкви. Въ глазахъ большинства это было не пораженіе императора, долженствовавшее разрушить его политическіе планы, а новый, послѣдній и рѣшительный судъ Божій, поразившій и оглушившій схизматиковъ, осквернителей и грабителей церкви“¹⁾. Ближайшимъ результатомъ побѣды италіанской народной партіи надъ Германскимъ императоромъ былъ союзъ Александра III съ Фридрихомъ I. Венеціанскій конгрессъ въ іюлѣ 1177 г. установилъ отношенія и обсудилъ спорные вопросы между императоромъ и папой, Сицилійскимъ королевствомъ и Ломбардскою лигою. Византія оставалась на сторонѣ во время этихъ переговоровъ, наносившихъ послѣдній и рѣшительный ударъ ея притязаніямъ въ Италіи и соединившихъ противъ нея всѣхъ ея враговъ. Венеція вступила въ отдѣльный договоръ съ Норманнами и Германскимъ императоромъ²⁾. Венеціанскій конгрессъ былъ такимъ же ударомъ для Византійской имперіи, какъ и пораженіе, нанесенное ей Иконійскимъ султаномъ при Миріокефалѣ. Сблизивъ въ одно и то же время враждебные Ви-

¹⁾ Prutz, Kaiser Friedrich I, Danzig, 1871, II, 285—286.

²⁾ Prutz, II, 319, 311; Reuter, Geschichte Alexanders des Dritten, III, 291, Leipzig, 1864.

зантіи элементы на западѣ, онъ былъ предвозвѣстникомъ коалиціи, завоевавшей въ 1204 г. Константинополь и образовавшей на востокѣ латинскія государства.

Пораженіе при Миріокефалѣ и венеціанскій конгрессъ были весьма печальнымъ результатомъ продолжительнаго царствованія Мануила. Восточныя и западныя дѣла сложились такъ неблагопріятно для Византійскаго государства, что не могло оставаться сомнѣнія въ ошибочности системы, которую настойчиво проводило правительство. Партія національная естественно видѣла въ неудачахъ Мануила возмездіе за устраненіе ея отъ дѣлъ и невниманіе къ ея требованіямъ. Справедливая сторона представленій этой партіи заключалась въ порицаніи Мануила за отдаленные походы и широкія предпріятія, тяжело отзывавшіяся на экономическомъ благосостояніи населенія имперіи ¹⁾. Нужно было позаботиться о развитіи силъ Греческаго народа, поднять національный духъ внутренними реформами, улучшеніемъ административной и финансовой системы, особенно же мѣрами противъ сосредоточенія земель въ рукахъ знати и духовенства. Еслибы Мануилъ благовременно обратилъ вниманіе на эти представленія, то спасъ бы Византію отъ сильныхъ потрясеній, случившихся при его преемникахъ, когда національная партія, ставъ во главѣ управленія, получила возможность предпринять радикальныя реформы. Но тяжелые уроки и разочарованія весьма разрушительно подѣйствовали на духъ царя, лишивъ его энергіи и предпримчивости.

Въ италіанской политикѣ не замѣтно существенныхъ измѣненій въ послѣдніе три года жизни Мануила. Опять завязались дружественныя сношенія съ Римомъ, при чемъ снова былъ поднимаемъ вопросъ о соединеніи церквей и о возвращеніи римской императорской короны Византійскому царю. На Латеранскомъ соборѣ 1179 г. византійскій уполномоченный Нектарій строго отстаивалъ требованія царя, на которыя въ Римѣ не могли согласиться ²⁾. Надежды на утвержденіе въ Италіи при помощи папы еще разъ такимъ образомъ были обмануты. Не прекращая однако сношеній съ папой, царь вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ опоры въ нѣкоторыхъ городахъ и независимыхъ владѣтеляхъ Италіи, неудовлетворенныхъ положеніями Венеціанскаго кон-

¹⁾ Nicetas, p. 265.

²⁾ *Jaffe, Regesta Pontif. Roman.* № 8548; Wilh. Туг. XXI, с. 26; *Baronii Annales*, X, 12-е письмо.

гресса ¹⁾). Важнѣйшимъ завоеваніемъ Византіи въ этомъ направленіи было приобрѣтеніе союзника въ лицѣ Конрада, маркграфа Монтферратскаго. Въ 1178 г. онъ не только предался на сторону греческой партіи, но и организовалъ сильную оппозицію противъ полководца Германскаго императора, Майнцскаго архіепископа Христіана, которому поручено было привести въ исполненіе постановленія Венеціанскаго конгресса ²⁾). Во время болѣбы Ломбардской лиги съ Фридрихомъ I, домъ Монтферратскій стоялъ на сторонѣ германской партіи и пользовался особеннымъ уваженіемъ императора.

Должны были, конечно, существовать важныя побужденія, заставившія Монтферратскій домъ соединить свою судьбу съ ослабленною послѣдними событіями греческою партіей въ Италіи. Монографія Ильгена не совсѣмъ выясняетъ то обстоятельство, на сколько пострадали интересы маркграфа Монтферратскаго вслѣдствіе венеціанскаго мира ³⁾, въ чемъ кроются, безъ сомнѣнія, первыя причины перехода Конрада на сторону Византіи; политическія же преимущества и матеріальныя выгоды, приобрѣтенныя въ новомъ союзѣ, были весьма значительны. Византійскій царь почтилъ домъ маркграфовъ родственнымъ союзомъ, сберегавшимся до того времени для императорско-германскаго или королевско-сицилійскаго дома, при чемъ за брата Конрада, семнадцатилѣтнаго юношу Райнера, сосватана была дочь Мануила, Марія. вмѣстѣ съ рукою царской дочери этотъ принцъ получилъ въ Византіи санъ цезаря и богатыя помѣстья ⁴⁾.

Есть основанія предполагать, что пожалованія простирались и на весь домъ маркграфовъ Монтферратскихъ ⁵⁾. Тѣсно связавъ судьбу своего дома съ Восточною имперіей, Конрадъ сдѣлался проводникомъ византійскихъ инструкцій въ Италіи и успѣлъ образовать союзъ изъ Пизы, Лукки, Пистойи и Флоренціи, для противодѣйствія Майнцскому

¹⁾ Nicetas, p. 262: ἀλλ' οὐδέ τις ἦν τῶν Ἰταλιωτῶν ἢ τῶν ἐν πορρωτέρῳ πόλει καὶ ἢ ὁ βασιλεὺς οὗτος οὐκ εἶχεν ὁμότην οἰκείον καὶ φρονοῦντά οἱ πιστά.

²⁾ Недавно появилась отдѣльная монографія о Конрадѣ: *Ilgen, Markgraf Conrad von Montferrat. Margburg, 1880*; соображенія о причинахъ, побудившихъ Конрада измѣнить германской партіи см. тамъ на стр. 52—54.

³⁾ *Ilgen, S. 59.*

⁴⁾ Et dedit ei honorem Thessalonicensem, qui est maxima potestas regni sui post civitatem Constantinopolitanam, ap. *Buchon, Recherches, I, p. 64.*

⁵⁾ Въ 1204 г. Бонифаций монтеферратскій въ договорѣ съ Венеціей отказывается de toto feudo, quod Manuel quondam defunctus imperator dedit patri meo, ap. *Tafel und Thomas, I, p. 513.*

архіепископу. Къ этому союзу примкнулъ потомъ графъ Уголино изъ Сполетто и другіе ¹⁾. Въ концѣ сентября 1179 г. Майнцскій архіепископъ попался въ засаду въ маркѣ Анконской и былъ взятъ въ плѣнъ союзниками Греческаго императора. Оставивъ его подъ крѣпкою стражей въ Аквипендентѣ, Коврадъ отправился въ Константинополь, чтобъ извѣстить о томъ царя Мануила и получить отъ него новыя инструкціи ²⁾.

Что на плѣнъ архіепископа Христіана нельзя смотрѣть какъ на дѣло личной мести маркграфа Монтферратскаго, что это было одно изъ сложныхъ предпріятій, которыми царь старался разстроить новый порядокъ, созданный Венеціанскимъ конгрессомъ, видно ужъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя въ то же самое время испыталъ папа. Именно, противъ Александра III снова поднялись противники его и провозгласили новаго папу въ лицѣ Иннокентія III. Лишенный защиты съ плѣненіемъ Христіана, папа Александръ III оказался снова въ затруднительномъ положеніи, которое не разъ уже заставляло его обращать свои взоры на востокъ. Въ мартѣ 1180 г. Мануиль писалъ ему между прочимъ: „Царство мое удивлено, почему твое святѣйшество не послало къ намъ нунціевъ и не извѣстило письмомъ о своемъ здоровьи. Если вашему святѣйшеству благоугодно что сдѣлать ради нашего единенія и большаго согласія, царство наше съ удовольствіемъ выслушаетъ ваши предложенія“ ³⁾.

Чтобы лишить Германскаго императора и папу лучшаго дипломата и генерала, Мануиль предполагалъ перевезти плѣннаго Христіана въ Византію; но смерть его случилась ранѣе, чѣмъ этотъ ударъ нанесенъ былъ партіи Германскаго императора. Къ началу 1181 г. архіепископъ Христіанъ освобожденъ былъ изъ плѣна за огромный выкупъ. Въ Византіи наступили смуты, положившія конецъ вмѣшательствамъ греческаго правительства въ италіанскія отношенія. Поднявшая-было голову въ Италіи національная партія снова должна была смириться ⁴⁾.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ сдѣлать то заключеніе, что правительство царя Мануила, создавая разнообразныя комбинаціи для осуществленія притязаній на господство въ Италіи, до конца оставалось

¹⁾ *Bouquet*, XVII, p. 438.

²⁾ *Prutz*, Kaiser Friedrich I, III, 59—60.

³⁾ *Bouquet*, XV, p. 974.

⁴⁾ *Prutz*, III, 120—121.

последовательнымъ и вѣрнымъ разъ принятой системѣ. Съ изумительною настойчивостью Мануилъ преслѣдовалъ цѣль восстановленія нарушенной греческой правды, попеременно вступая для того въ союзъ съ Германскимъ императоромъ, папой, лигой италіанскихъ городовъ и независимыми властителями Италіи. Ради достиженія этой важнѣйшей для него цѣли Мануилъ долженъ былъ пожертвовать византійскими интересами на востокѣ и возбудить справедливыя неудовольствія среди населенія имперіи. Національная греческая партія порицала его за предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ и за всевозможныя привиллегіи, щедро раздаваемыя Латинянамъ разнаго происхожденія. Много было справедливаго въ этихъ порицаціяхъ, хотя нельзя не признать, что въ тяготѣннн Мануила къ западу, въ желаніи его вмѣшиваться въ взаимныя отношенія латинскихъ государствъ была скорѣе роковая необходимость, чѣмъ капризъ деспотическаго правителя. И величайшій политическій геній въ этомъ отношеніи не могъ сдѣлать болѣе того, что дѣлалъ Мануилъ: въ виду возможности образованія могущественной коалиціи необходимо было разъединять и ссорить папу и императора, Норманновъ и Венеціанцевъ, необходимо было также располагать друзьями и союзниками въ Италіи. Когда одержала перевѣсъ національная партія и измѣнилась внѣшняя политика Византіи, коалиція, которой такъ боялся Мануилъ ¹⁾, дѣйствительно образовалась. Сознаніемъ важности родственныхъ и политическихъ союзовъ на западѣ объясняется и то, что Мануилъ ввелъ презираемый Греками латинскій элементъ въ семью свою. Мы говорили уже о бракѣ цесаревны Маріи съ маркграфомъ Монферратскимъ; въ то же самое время (1179 г.) за малолѣтняго сына Мануила, будущаго царя Алексѣя II, была помолвлена восьмилѣтняя Агнесса, дочь Французскаго короля Людовика VII ²⁾.

О новыхъ предпріятіяхъ никто однако уже не думалъ въ Константинополь. Царь терялъ силы и энергію съ удивительною быстротой. Онъ утратилъ обычную веселость и спокойствіе духа, впалъ въ мистицизмъ и окружилъ себя астрологами, съ которыми занимался рѣшеніемъ вопроса о продолжительности его царствованія. Мануилъ умеръ 24-го сентября 1180 г., проживъ 58 лѣтъ. Распоряженія объ

¹⁾ Nicetas, начало VII книги Мануила.

²⁾ Wilh. Tug., XXI, cap. 26; XXII, 4; Chron. Alberti, ap. Pertz, SS. XXIII, p. 848.

опекѣ и регентствѣ, на время малолѣтства царевича Алѣксѣя, отданы были тогдашнему патриарху Θεодосію.

Намъ остается еще собрать отрицательныя черты внутренней дѣятельности Мануила, которая при неудачахъ внѣшней политики послужила мотивомъ къ настоятельному требованію реформъ. Въ этомъ отношеніи мы послѣдуемъ за писателемъ Никитой Акоминатомъ, который въ VII-й книгѣ царствованія Мануила, образцовой въ византійской историографіи, подводитъ итоги ко всей дѣятельности этого царя ¹⁾.

Нельзя скрыть, говоритъ Никита,—что онъ любилъ увеличивать подати и отдавать должности на откупъ. Но собираемая деньга не складывались въ казнохранилище, а разсыпаны были обѣими руками— на монастыри, на церкви, на благотворенія, а большею частію текли къ разнымъ народамъ, въ особенности къ Латинянамъ. Важную статью въ расходахъ составляли издержки на людей, близкихъ къ царю по родству и по другимъ отношеніямъ. Такъ, прежде всего, племянница царя Θεодора имѣла совершенно царскую свиту, хотя и не носила вѣнца, и родившіяся отъ нея дѣти переводили цѣлыя моря денегъ. А какъ царь былъ человѣкъ добродушный и легко отдавался въ руки постельничимъ и эвнухамъ, а равно и слугамъ изъ иноземныхъ народовъ, „у которыхъ слюна брызжетъ изо рту прежде чѣмъ послышится слово“, то и ихъ онъ дѣлалъ богатыми, склоняясь на ихъ желанія и исполняя ихъ просьбы. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли такимъ богатствомъ и собирали такія массы сокровищъ, какими владѣли развѣ вельможи у великихъ народовъ. И это были люди, лишенные всякаго образованія, весьма дурно говорившіе по еллински. Полагаясь на нихъ какъ на вѣрныхъ слугъ, царь не только поручилъ имъ высшія должности, но и ставилъ во главѣ судебныхъ учрежденій, гдѣ не скоро осваиваются съ дѣломъ и люди, спеціально занимавшіеся законодательствомъ. Въ особенно важныхъ дѣлахъ такіе люди предпочитались способнымъ и образованнымъ. Если иногда присоединяемъ былъ къ нимъ благородный Ромѣй, талантливый и образованный, то его пазначеніе было лишь обозначить, въ какихъ раз-

¹⁾ Nicetas, p. 265 и слѣд. Русскій переводъ подъ редакціей проф. Доломатова, стр. 261 и слѣд. Время написанія исторіи Мануила относится къ эпохѣ Ангеловъ, слѣдовательно, Никита не могъ тогда стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ. О Н. Акоминатѣ см. мое изслѣдованіе (С.-Пб. 1874), стр. 133.

иѣрахъ и съ какихъ статей собирать подать; первенствующимъ же лицомъ былъ варваръ, собиравшій дань и прикладывавшій печать къ сундукамъ, которые предполагалось отправить къ царю. Мануилъ не довѣрялъ Грекамъ и удалялъ ихъ отъ себя изъ подозрительности; обогащая же варваровъ, возбуждалъ противъ себя полезныхъ и вѣрныхъ слугъ. Ромѣи, замѣчая недовѣріе царя и оскорбляемые тѣмъ, что занимаютъ подчиненное относительно варваровъ положеніе, не радѣли объ общемъ благѣ и мало обращали вниманія на точный и вѣрный сборъ дани. Вслѣдствіе того въ казну доходили только остатки общественнаго сбора, большая же часть приставала къ рукамъ сборщиковъ.

Всѣ денежныя средства, какія должны были идти на содержаніе войска, царь собиралъ къ себѣ въ казнохранилище, какъ воду къ пруду, а жажду войскъ удовлетворялъ такъ называемыми даровыми приношеніями. Черезъ это, самъ того не замѣчая, онъ ослабилъ войско и перевелъ бездну денегъ и привелъ въ дурное положеніе ромѣйскія провинціи. При такомъ порядкѣ вещей лучшіе воины утратили соревнованіе въ опасностяхъ и побужденіе къ военной доблести, и провинціалы стали терпѣть величайшія притѣсненія отъ ненасытной жадности солдатъ, которые отнимали у нихъ имущество и доводили до послѣдняго раззоренія. Въ военное сословіе стали поступать всѣ, кому тяжело было отбывать государственныя повинности: портные, пастухи, каменщики и кузнецы. Они являлись къ вербовщикамъ, зачислялись безъ всякаго испытанія въ полки и получали земельныя надѣлы съ крестьянами, которые должны были служить имъ въ качествѣ рабовъ. Случалось даже, что Грекъ платилъ подати презрѣнному полуварвару, который никогда не видѣлъ боеваго строя, между тѣмъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ почтенный, хорошо зналъ военное дѣло и имѣлъ надъ своимъ господиномъ всѣ преимущества. Положеніе провинцій естественно вполне соотвѣтствовало безпорядкамъ военной системы: однѣ изъ нихъ страдали отъ иноплеменныхъ, которые или грабили ихъ или покоряли своей власти, другіе были опустошаемы и раззоряемы своими, словно чужія.

Административная система Мануила является, подъ перомъ Никиты, самымъ беспощаднымъ хищничествомъ, непомѣрнымъ обложеніемъ населенія податями, попраніемъ всякой справедливости, безконтрольнымъ распоряженіемъ государственною казною, расточаемой придворными и любимцами царскими. Такая система вела имперію

къ постепенному паденію и разложенію, сознавались настоятельныя необходимости положить ей конецъ. Но какъ? Власть и по смерти Мануила переходила къ лицамъ, которыя стояли за установившійся порядокъ ¹⁾.

¹⁾ Для сравненія см. оцѣнку политики и административной системы Мануила у Евстаѣя: *Tafel, Eustathii Opusula*, p. 199—200 и слѣд. (*Manuelis Comneni laudatio funebris*, с. 17, 18, 19 и др.).

Ф. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛІИ ¹⁾.

VI.

Распределеніе землевладѣнія въ лангобардской Италіи IX и X вѣковъ.

Для того, чтобы выяснитъ условія, вліявшія въ лангобардской Италіи IX и X вѣковъ, необходимо принять въ расчетъ и хотя вкратцѣ охарактеризовать нѣкоторыя основныя черты хозяйства того времени. Зависимое владѣніе не даромъ развивается такъ многообразно, въ такое значительное число отдѣльныхъ видовъ: въ X вѣкѣ оно и количественно преобладаетъ сравнительно съ полною собственностью, какъ крупною, такъ и мелкою. Преобладаніе это объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что зависимое владѣніе составляетъ средній терминъ между крупною и мелкою собственностью: масса свободныхъ людей теряетъ самостоятельную собственность на своихъ участкахъ, которые *de jure* соединяются въ рукахъ немногихъ, но удерживаетъ самостоятельное хозяйство на нихъ. Первое объясняется главнымъ образомъ политическими причинами, второе — причинами экономическими. Магнатъ X вѣка не сгонялъ прежняго мелкаго собственника съ земли, а обращалъ его въ арендатора или оброчнаго крестьянина, въ вассала или подданнаго, потому что условія грубаго натурального хозяйства чрезвычайно затрудняли сліяніе мелкихъ хозяйственныхъ единицъ въ крупныя, и приходилось при сосредоточеніи собственности поддерживать дробность владѣнія: средствомъ организаціи и іерархическаго подчиненія служили при этомъ формы зависимаго владѣнія. Не имѣя

¹⁾ *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

возможности вдаваться въ подробное изслѣдованіе италіанской хозяйственной жизни въ IX и X вѣкахъ, изслѣдованіе, которое можетъ составлять задачу только спеціальной работы, мы должны, однако, заняться ею на столько, чтобы поддержать высказанное въ данномъ случаѣ сужденіе относительно роли экономическихъ причинъ въ процессѣ феодализаціи землевладѣнія. Необходимо прибавить, что, отдѣляя въ изложеніи политическія вліянія отъ экономическихъ, противоположая ихъ другъ другу и утверждая, что сохраненіе зависимаго владѣнія за прежними собственниками объясняется главнымъ образомъ условіями экономическими, я разумѣю подъ послѣдними всякаго рода вліянія, проявившіяся въ формѣ экономической, хотя бы въ ихъ основѣ и находились первоначальныя политическія обстоятельства: важно, что обстоятельства эти дѣйствовали не непосредственно, а по своему давленію на хозяйство.

Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ главныхъ условій, характеризующихъ аграрный бытъ Италіи IX и X вѣковъ, спорадическое распространеніе культуры объясняется въ значительной степени политическимъ бытомъ. Пустырь, болото и лѣсъ занимали въ лангобардскихъ провинціяхъ Италіи громадныя пространства, которыя, на сколько можно судить при отсутствіи статистическихъ свѣдѣній, должны были значительно превышать количество обрабатываемыхъ земель ¹⁾. Запустѣніе началось еще въ эпоху величайшаго внѣшняго блеска Римской имперіи, когда латифундія пожирала мелкія крестьянскія хозяйства; оно было на время пріостановлено аграрною политикою имперіи въ эпоху паденія и развитіемъ колоната, снова стало распространяться вслѣдствіе ожесточенной борьбы, безурядицы и разбоевъ V и VI вѣковъ, когда набѣги Вестготеовъ, завоеванія Остготеовъ и ихъ полное истребленіе, кровавое завоеваніе Лангобардовъ не могли не повдѣять разрушительно на земледѣльческую культуру. VII и VIII вѣка, конечно, были временемъ сравнительнаго отдохновенія, матеріальныхъ улучшеній и правленія силъ, но за то IX и X вѣка были для Италіи временемъ не менѣе злосчастнымъ, чѣмъ для остальной Европы. Венгерская и сарацинская саранча поѣдала не одинъ хлѣбъ, истребляла не одни посѣвы, но самихъ сѣявшихъ, ихъ запасы, орудія, жилища, семейства. Для противодѣйствія этому насланію Италія не могла выставить та-

¹⁾ См. объ этомъ *Muratori*, *Antiquit. it.* II, 150, 153 и сл.; онъ сообщаетъ особенно много любопытныхъ данныхъ относительно положенія сельской культуры и необработанныхъ земель въ Моденской области. Ср. также *A. Gloria*, въ предисловіи къ *Codice diplomatico padovano*, §§ 51 и 52.

кихъ національныхъ героевъ, какъ Генрихъ Птицеловъ, какъ Ёдъ и Гуго Великій, потому что итальянскіе войны и правители своими раздорами, усобицами и самоуправствами только содѣйствовали, по своему, общему несчастію и разоренію. При этихъ условіяхъ не могутъ удивить постоянныя упоминанія въ источникахъ о заброшенныхъ земляхъ, пришедшихъ въ полный упадокъ постройкихъ. Въ 924 году король Рудольфъ даруетъ особая привилегіи кремонской церкви, владѣнія которой совершенно опустошены язычниками и дурными христианами ¹⁾. Въ 884 году Сарадины сжигаютъ монастырь Монтекасино, разгоняютъ его монаховъ и тѣмъ останавливаютъ надолго матеріальное развитіе всѣхъ областей, лежащихъ около этого центра культуры ²⁾. Въ 990 году южныя лангобардскія княжества разорены уже не языческими, а христианскими полчищами *propter exercitum Francorum multa inculta permanerunt* ³⁾. Набѣги и разбои варваровъ сдѣлались до такой степени обыкновенны, что этотъ случай принимался въ расчетъ при самыхъ простыхъ сдѣлкахъ, оговаривался въ арендныхъ договорахъ и освобождалъ колона отъ извѣстныхъ принятыхъ имъ обязательствъ ⁴⁾. Итальянскому землевладѣнію и земледѣлію приходилось не только бороться съ пустыремъ и болотомъ, которыя никогда не подлежали культурѣ, а также точно стараться о замѣщеніи вновь такъ-называемыхъ *mansi absi* ⁵⁾, то-есть, покинутыхъ крестьянами надѣловъ, о возведеніи вновь разрушенныхъ церквей и дворовъ ⁶⁾, какъ объ разчисткѣ лѣса и осушеніи болота. Чтобы заставить культуру вновь привиться къ опустошеннымъ мѣстамъ, что-

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 508, стр. 873. Nos autem ad eandem ecclesiam a paganis, et quod dolendum, a pessimis christianis desolatam, multisque calamitatibus et miseriis attritam, intelligentes. Cp. Monum. hist. patr. I, № 96, стр. 158: (ecclesiam): iam quasi profanatam et velut omnino anullatam.

²⁾ Cp. грамоту Атенульѳа, возобновляющую дѣйствіе документовъ, погибшихъ во время пожара монастыря—*Gattola, Accessiones, II, 44.*

³⁾ Cod. dipl. Cavens. № 422, XII, 289.

⁴⁾ Memorie di Lucca V, 2 ч. № 855, стр. 523: anteposito si gens Paganorum casis et rebus ipsis, seo predicto molino non incendiderint et non pigoraverint.

⁵⁾ См. Глоссарій къ XIII тому Mon. hist. patr. subn. v.

⁶⁾ Напр. S. Salvatore di M. Amiata, 865: — ipsa res indescaditu et indesposito esse videtur. Cp. Memorie di Lucca V, 2 ч. № 523, стр. 313: Eccl. S. Fridiani sita loco Gricciano, ubi dicitur ad Colle, qui est pertinens Eccl. Epis. v. S. Martini, quod tectis et muris ejus ad terram cecidisset, considerastis qualiter Eccl. ipsa eum rebus suis ad meliorem statum perveniret. Et ideo per cartula ad continendum dedisti mihi suprascripta Eccl. S. Fridiani.

бы произвести успѣшно ея „насажденіе“, недостаточны были какъ разрозненныя, не подкрѣпленныя капиталомъ, силы мелкихъ крестьянскихъ хозяевъ, такъ и отдаленная, широко расеянная власть крупнаго собственника; необходимъ былъ союзъ между интенсивною заботливостью однихъ и матеріальными средствами другаго.

Всего менѣе можно было обойтись безъ первой: и въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что магнаты и особенно духовныя корпораціи стараются всякаго рода преимуществами привлечь поселенцевъ на свои земли, предоставляютъ имъ самостоятельность въ хозяйствѣ, облегчаютъ повинности, обеспечиваютъ относительно личной свободы и связанныхъ съ нею правъ, наконецъ, общають помогать въ матеріальномъ отношеніи ¹⁾. Особенно выясняются цѣли и характеръ этой политики, когда отъ отдѣльныхъ случаевъ такъ-называемой эмфитеозы мы обращаемся къ примѣненію ея въ обширныхъ размѣрахъ, для цѣльныхъ массъ поселенцевъ, которые призываются какимъ-нибудь монастыремъ, на владѣнія, разоренныя Сарацинами и обращаемыя снова подъ обработку. Таковы колонатные договоры на земляхъ св. Викентія на Вольтурно ²⁾.

Тѣ же грамоты показываютъ, какъ монастырь старается удовлетворить второму условію, необходимому для возстановленія культуры. Настоятели продають монастырскія земли и отдають ихъ въ аренду за незначительныя цѣны для того, чтобы получить единовременно значительную сумму денегъ, которая становится капиталомъ для производства улучшеній ³⁾. Эта политика достигала громаднхъ размѣровъ

¹⁾ Capitolo di Benevento; Tubo № 2; 954 годъ:—ut extraneos homines, quos pars praedicti episcopi in tota pertinentia nostri principatus adduxerit, et eos ordinaverit in rebus suis, quas habet in pertinentia nostre terre, sint securi, atque defensi ab omni datione, et publico sernitio, vel ab omni angaria etc.

²⁾ Chron. Vulturn. ap. *Muratori*, Script., I, 418: — et quoniam his temporibus pene omnis haec regio vacabat habitatoribus, rarusque viator, aut agricola videbatur, prudenti consilio, ut posset iterum dissipatas monasterii colligere hereditates, de valvensi comitatu homines perducere studuit, qui et ipsi ex famulis Sancti Vincentii erant etc. — I, 426: Vos habeatis novem partes, et suprascripto monasterio datis partem decimam — et liceat vobis ibi vineas pastinare, et cunctum vinum usque in decem annos vestrae sit potestatis etc.

³⁾ Chron. Vulturn. ap. *Muratori*, I, 421: — convenit inter me Rainardi filius quondam Roccini ex natione Francorum, et te Raimbaldo vir venerabilis humilis abbas ex monasterio Sancti Vincentii — et dedi tibi in convenientia, in auro et argento librae viginti — pro restauratione vestri monasterii, quod ab Agarenis praedatum est, et abigne crematum, ut aliquid restaurare possitis. Pro hac convenientia dedisti mihi suprascripto vel ad meis heredibus, usque in viginti et novem annis, cellae et curti etc.

въ хозяйствѣ аббатства Фарфы ¹⁾ и подала тутъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ—къ отчужденію земель аббатства ниже ихъ дѣйствительной стоимости, къ расхищенію монастырскаго капитала аббатами, разбойниками и т. п. Въ основѣ ея лежитъ, однако, дѣйствительная необходимость для духовныхъ корпорацій поступиться частью своихъ громаднхъ земельныхъ владѣній, чтобы собрать капиталъ для эксплуатаціи остальныхъ частей.

Вообще, не смотря на то, что церкви, монастыри и нѣкоторые свѣтскіе люди располагали, по видимому, довольно значительными денежными средствами ²⁾, количество ихъ, сравнительно съ массою земли, находившейся въ распоряженіи, и примѣненіе ихъ къ производительнымъ цѣлямъ въ качествѣ земледѣльческаго капитала, было весьма недостаточно. Это явствуетъ изъ разнаго рода наблюденій.

При договорахъ эмфитеозы собственники берутъ на себя содѣйствовать до извѣстной степени зависимымъ хозяйствамъ возведеніемъ ли построекъ или ссуженіемъ арендаторовъ скотомъ и сѣменами ³⁾, но содѣйствіе это является гораздо рѣже и въ гораздо меньшей степени, нежели можно было бы предполагать. Если оговаривается подробно, какія именно хозяйственныя затраты должны быть произведены собственникомъ и какія падаютъ на либелларіа, то при этомъ вѣсы нерѣдко склоняются въ пользу первыхъ ⁴⁾. Мало того, весьма

¹⁾ *Catalogus Farfensis*, ap. *Pertz*, *Monum. Germ. Script.* XI, 586: *Ratfredus; hic huius monasterii res primus pecunia largitus est.*

²⁾ На это косвенно указываетъ описаніе роскоши монастырей. См. напримѣръ, *Destructio Farfensis*, с. 2; *Mon. Germ.* XI, 533.

³⁾ *S. Salvatore di M. Amiata*, 822, октябрь: дарственная монастырю, съ тѣмъ, чтобы онъ построилъ на пожертвованныхъ земляхъ мельницу и домъ, которыми будетъ пользоваться прежній собственникъ на правахъ либелларіа.—*Memorie di Lucca*, V т., 3 ч., № 1123, стр. 56: собственникъ даетъ либелларію пятьдесятъ солидовъ.—*S. Salvatore di M. Amiata*, 821, июнь: помощь быками и сѣменами; ср. *S. Salvatore di M. Amiata*, 854, январь. *Cod. diplom. Cavens.*, № 132, I, 169.

⁴⁾ *Cod. dipl. Cavens.* № 232, II, стр. 26; *infra ipse finis ipse quidem corbi eadem vinea temporibus suis laborare, potare, propaginare, ligare, zappare, et eas custodire et salba facere et bindemiare, et vinum ipsum medietatem nobis dare et medietatem eos sivi habere: et quando nos ibidem casa facere potuerimus, ille autem cum uxore sua ibidem residere et habitare, et omnis sua utilitate ibi facere et vinea ipsa hoc annum custodire et salba illa nobis facere, et quantum vinum et frugiens hoc annum inde exierit, totum eos nobis dare et nulla sortiones nobis inde tollere querat preter tollat exinde hoc annum pectiolum unum, nam da hoc annum in antea linea ipsa laborare usque ipso constitutum, sicut superlegitur, et quantum frugium*

часто земли сдаются въ аренду какъ разъ для того, чтобы необходимы для ихъ улучшенія затраты капитала были сдѣланы арендаторомъ ¹⁾.

Далѣе, хотя полнаго разрѣшенія вопроса о цѣнности земель также трудно достигнуть, какъ и опредѣленія ихъ средней доходности, тѣмъ не менѣе, даже при самомъ общемъ сличеніи между цѣнами на землю и на движимость, оказывается, что первыя были сравнительно столь же низки, какъ послѣднія высоки. Не разбирая частныхъ различныхъ данныхъ, ограничиваясь ихъ свидѣтельствами *en bloc*,—если можно примѣнить здѣсь это выраженіе,—легко замѣтить, что цѣны на отдѣльные участки колеблются въ купчихъ, которыя дошли до насъ въ огромномъ количествѣ, между двадцатью и шестидесятью солидами. Цифры двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ и шестьдесятъ солидовъ попадаются на каждомъ шагу; за эти цѣны покупаются дворы и участки, составляющіе отдѣльныя хозяйства, достаточныя для прокормленія семьи ²⁾. Затѣмъ, конечно, встрѣчаются многочисленные случаи какъ продажи мелкихъ частей, мелкихъ надѣловъ въ шесть ³⁾, три ⁴⁾, даже одинъ ⁵⁾ солидъ, такъ и купчія на недвижимое имущество въ значительныхъ скопленіяхъ, причемъ платится сто ⁶⁾, двѣсти ⁷⁾

da hoc annum in antea inde exierit, medium illud nobis dare et medium eos sivi habere, et si ipso vacibus nos pastenare potuerimus, tunc hubi illud pastenatum habemus, ille autem exinde curam et bigilationem habere et salbum illud nobis facere, tamen a circo in giro terra ipsa cum vinea et vacum ex omni parte cludere, ut ibidem animalema maiorinum intrare non possat. Cp. Cod. dipl. Cav. № 91, I, 117.

¹⁾ Напримѣръ, *Memorie di Lucca*, V т., 2 ч., № 543.

²⁾ Для примѣра 20 сол.—S. Salvatore di M. Amiata, 814, май; 821, августъ; 824 июнь; 973, апрѣль; *Citta di Massa*, 793, май; *Badia di Passignano*, 941, май; 967, 973, май; *Memor. di Lucca*, IV т., 1 часть № 111; V т., 3 ч., № 1000:—30 сол.—S. Salvatore di M. Amiata, 822, августъ 862, августа 20-го; *Passignano*, 884, августъ 965, мартъ; 981, май; *Memorie di Lucca*, IV т., 1 ч., № 108; IV т., 2 ч., № 38—40 и сл.—S. Salvatore di M. Amiata, 838, мартъ; 907, марта 15-го; *Passignano*, 903, мартъ; 992, мартъ; *Ss. Flora e Lucilla*, 927, февраль; *Memorie di Lucca*, V т., 2 ч., № 342:—50 сол.—S. Salvatore di M. Amiata, 826, августъ. 60 сол.—S. Salvatore di M. Amiata, 838, мартъ; 874, май; *Passignano*, 981 годъ, августъ; *Memorie di Lucca*, V томъ, 2 часть, № 216.

³⁾ *Passignano*, 988, май; 989, апрѣль, *Luigi Passerini* (еюр. арх.), 998, апрѣль.

⁴⁾ *Brunetti*, *Codice diplomatico toscano*, III, № 3.

⁵⁾ *Memorie di Lucca*, V т., ч. 2, № 224; № 241; *Cod. dipl. Cav. I*, № 16.

⁶⁾ S. Salvatore di M. Amiata 824, декабрь; 843, августъ; *Passignano*, 988, июль; 998, сентября 7-го; *Memor. di Lucca*, V т., часть 2, № 344; № 649.

⁷⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 858, августа 12-го; *Passignano*, 988, май; *Memorie di Lucca*, V т., часть 2, № 239, № 768.

солидовъ, или даже сорокъ ¹⁾, полтораста ²⁾, триста ³⁾, тысяча ⁴⁾ фунтовъ. Въ предшествующей главѣ былъ указанъ примѣръ оцѣнки, если не продажи, недвижимости, восходящей до колоссальной цифры въ десять тысячъ фунтовъ или двѣсти тысячъ солидовъ ⁵⁾. Но всѣ эти болѣе или менѣе изолированные примѣры не подрываютъ того факта, что большинство купчихъ заключено на суммы, колеблющіяся между двадцатью и шестидесятью солидами. Когда мелкія и среднія состоянія, дававшія матеріалъ для подобнаго рода купчихъ, начинаютъ исчезать, то-есть. къ концу X вѣка, самый фактъ перехода недвижимости изъ рукъ въ руки становится сравнительно чрезвычайно рѣдкимъ. Имѣнія сдаются въ аренду, но не продаются. Постоянство цѣнъ на земельные участки, тѣмъ болѣе замѣчательное, что стоимость отдѣльныхъ полей подвергалась весьма рѣзкимъ видоизмѣненіямъ и разнилась иногда весьма сильно въ мѣстностяхъ, расположенныхъ не далеко другъ отъ друга, постоянство цѣнъ на земельные участки позволяетъ намъ сдѣлать не лишенное интереса сопоставленіе между ними и стоимостью нѣкоторыхъ необходимыхъ для хозяйства предметовъ. Довольно низко стоятъ цѣны на мелкій скотъ, весьма важный для пропитанія населенія и въ то же время не требующій особенно благопріятныхъ условій для ухода. Бараны и свиньи постоянно цѣнятся въ шесть динаріевъ штука ⁶⁾. За то, лошади и рогатый скотъ чрезвычайно дороги — шесть-семь солидовъ за голову ⁷⁾. Рабъ или взрослая и обученная рабыня стояли около двадцати солидовъ ⁸⁾; иногда платили весьма дорого даже за молодыхъ невольниковъ ⁹⁾. О цѣнахъ на хлѣбъ мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ ¹⁰⁾; судя по отрывочнымъ свидѣтельствамъ, одежда и оружіе стоили очень дорого ¹¹⁾.

¹⁾ Monum. list. patr. XIII №№ 757 и 758.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 985.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 940.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 759.

⁵⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 973, апрѣля 18-го.

⁶⁾ Memorie di Lucca, V т., ч. 2, №№ 318, 606 и 859.

⁷⁾ S. S. Flora e Lucilla, 936, декабрь; Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 326.

⁸⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 86.

⁹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 591.

¹⁰⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 81, оцѣниваетъ восемнадцать мѣръ проса въ сто восемь динаріевъ, то-есть по шести динаріевъ мѣру, но тутъ же прибавлено—«Quia maxima decepta videtur esse».

¹¹⁾ Мечъ за 20 сол.—S. Salvatore di M. Amiata, 862, августа 20-го; плащъ за 6 солидовъ—S. S. Flora e Lucilla, 936, декабрь.

Дороговизна эта происходила оттого, что во всѣхъ этихъ предметахъ чувствовался недостатокъ, а не оттого, чтобы денегъ было много. Напротивъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что масса населенія сильно страдала отъ отсутствія денегъ. Примѣры задолжанія, вслѣдствіе котораго свободный собственникъ становится на время простымъ арендаторомъ кредитора, попадаются весьма нерѣдко. Иногда земля даже навсегда переходитъ въ руки займодавца. Какъ высокъ былъ процентъ и какъ мало, слѣдовательно, было свободныхъ капиталовъ, какъ великъ рискъ при ихъ помѣщеніи, показываетъ то обстоятельство, что при долгѣ въ какіе-нибудь пять, десять солидовъ собственникъ принужденъ былъ уже отдавать треть или даже половину сбора съ цѣлаго участка ¹⁾. Земля, приносящая шесть солидовъ дохода продавалась за двадцать-одинъ ²⁾. При этихъ условіяхъ становится понятнымъ, почему епископъ, рукополагавшій священника и выдававшій ему двадцать солидовъ для первоначальнаго обузаведенія въ приходѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ бралъ съ него обѣщаніе выплачивать ежегодно по десяти солидовъ ³⁾. Во многомъ объясняется и общій

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 85, стр. 160. accepimus ad vovis Sespaldo et Trasemundo germanis, filiis Trasoni de Beroniano creditoris meis, idest argento dinariis sexxenenti bonis et stedit eorum spatio usque ad annis quindice, et pro usuris eorum de suprascriptis dinariis punemus nus suprascriptis Dagimundo et Walderisso devitoris vovis Sespaldi et Trasemundi creditoris nostris in logo pignoris seo fiducio, idest omnibus rebus juris nostris in fundo Solomno; — — et repromitemus nus suprascriptis germanis una cum nostris heredes vovis suprascriptis germanis vel ad vestris heredes suprascriptis rebus laborare et meliorare et persolvere lavore de suprascriptis dinariis de ipsis rebus, idest segale tertio modio, panigo similiter testio modio et vino mediaetate, pro selva et prado dinariis duodicem et ipso trebudo cum nostro evegio per tempore suo perducamus usque in Beroniano ad casa vestra, et vovis consignare promitto, et super vendemias aut grano battere vus aut messo vestro ad nostro dispentio recipiamus. Cp. Monum. hist. patr., XIII, № 69, стр. 128. Cord. dipl. Cav., № 91, I, 117: ideo que ego mauru filius quondam ermemari, habitator sum noceria, in muctum accepit a et angelbertus presbiter filio leoni solidos quinque de dinari ex moneta salernitana et aba duodecim dinari per solidum unde wadia tibi dedit et mediatorem tibi posuit radelgrimu filio airissi ut amodo et usque in quinque anni completi emisit te in ipso casalem meum, quem habeo hic noceria propio ipsa casa mea. — — in tali bero rationem, ut bos ipso laborate cum bobi et date media semente et nos ibi ponimus media semente, et laboramus manualiter, et potamus et bendidiamus cum omnem meo spengio, et omnem frugio et laborem et binu et poma per equaliter debidamus annualiter. Cp. Cod. dipl. Cav., № 95, I, 121.

²⁾ Memor. di Lucca, IV т., 1 ч., № 111.

³⁾ Memor. di Lucca, V т., 3 ч., №№ 1107, 1297.

фактъ перехода земельной собственности отъ мелкихъ владѣльцевъ къ крупнымъ. [Помимо насилій и захватовъ, тутъ чрезвычайно важную роль играло задолжаніе мелкихъ людей. Необходимо, однако, прибавить, что и у послѣднихъ капитала хватало на то, чтобы пріобрѣсть собственность, но недоставало на то, чтобы пересоздать хозяйство, согнать вполнѣ прежняго владѣльца и посадить на его мѣсто управляющаго съ послушною массою рабовъ или наемныхъ рабочихъ. Какъ и при эмфитеозѣ, приходилось держаться средняго термина, и надо сказать, что въ этомъ случаѣ невозможность плантаторскаго хозяйства обуславливалась не только необезпеченностью капиталовъ, но также и свойствами находившагося въ распоряженіи труда. Ниже прійдется указывать на то, что рабство далеко не процвѣтало въ Италіи IX и X вѣковъ, — рабовъ было сравнительно весьма немного; еще менѣе можно было воспользоваться вольнонаемнымъ трудомъ, который всегда предполагаетъ извѣстную легкость передвиженія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, то-есть, условіе, совершенно неосуществимое при дурныхъ средствахъ сообщенія, обособленности различныхъ провинцій и даже городскихъ областей, наконецъ, великихъ опасностяхъ всякаго путешествія въ то время.

Изолированность отдѣльныхъ мѣстностей наравнѣ съ рѣдкостью значительныхъ капиталовъ чрезвычайно затрудняли развитіе торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Правда, особенно благопріятныя условія, въ которыхъ находилась Италія — традиціи римской промышленности и торговли, положеніе на полуостровѣ, выгоды климата и вообще природы, заставляли все-таки пробиваться торговый духъ. Венеція, Генуя, Амальфи дѣлались уже главными центрами торговли съ Левантомъ ¹⁾; въ ломбардскихъ горѣдахъ сосредоточивалось многочисленное населеніе, занятое ткацкою промышленностью ²⁾, и въ то же время жители долины. По научались пользоваться рѣкою для провоза и сбыта разнаго рода продуктовъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ

¹⁾ *Muratori*, Antiquitates, II, 881 — 882, 884, 885; *Heyd*, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, 104 и сл. Cp. Cod. dipl. Cav. II, № 300: извѣстіе о купцѣ изъ Атрани, который былъ «Bablonia ad navigandum».

²⁾ *Muratori*, Antiquit., II, 392.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 180, стр. 303: Dum in dei nomine dominus Hludowicus imperator suum generale placitum detineret civitatem ticinensem, ibique eidem proclamandum venerunt, idest Rothecharius, Dodilo, Gudipertus et ceteri habitatores de civitate Cremona, eo quod eis Benedictus venerabilis episcopus sancte ecclesie cremonensis multas violentias iniuste fecisset de suis navibus, que adducunt

этихъ отношеніяхъ IX и X вѣка видны только начатки развитія, остающіеся пока безъ рѣшительнаго вліянія на общій бытъ страны. Она все еще раздроблена, въ сущности, на множество однородныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой утвержденный правительствомъ рынокъ ¹⁾ для сбыта простѣйшихъ продуктовъ и закупки необходимѣйшихъ издѣлій, каждая распадается на нѣсколько десятковъ или сотенъ помѣстій, съ одинаковою культурой, съ извѣстнымъ числомъ домашнихъ промысловъ ²⁾, съ организаціей вывоза продуктовъ на барщинномъ началѣ ³⁾. Вслѣдствіе экономической разрозненности отдѣльныхъ мѣстностей Италіи, неразвитости промышленныхъ центровъ и торговыхъ артерій, недостаточности главнаго средства обмѣна — капитала, затруднительности сообщеній даже между смежными областями, Италія X вѣка является въ экономическомъ отношеніи скопленіемъ частицъ, которыя не связаны между собою органически и не расчленены, сообразно своимъ естественнымъ различіямъ и въ преслѣдованіи удобнѣйшихъ для достиженія цѣлей. Отдѣльныя области весьма слабо специализируются въ козьяйственномъ отношеніи: всѣ низведены къ исканію необходимѣйшихъ продуктовъ, такъ-сказать — хлѣба насущнаго. Трудно отмѣтить рѣзкія особенности относительно земледѣлія и винодѣлія. И то, и другое распространено равномерно повсюду. Точно также повсюду встрѣчаемъ мы упоминаніе о разведеніи оливковыхъ деревьевъ. Скотоводство, особенно развитое въ тосканской мареммѣ, представляетъ значительныя особенности сравнительно съ его характеромъ въ настоящее время: разво-

ad portum ipsius civitatis, quod nobis ripaticum et palificturam seu pastum detulisset, que nos nec parentes nostros antea nunquam dederunt. — — In primis Odepertus archipresbiter dixit adiuratus in suo sacerdotio: memoro ante tempora domni Karoli et Pipini regis, quod ipsi homines, qui contra hanc sanctam ecclesiam de ipso porto agunt, nec ipsi nec sui parentes naves proprias nunquam habuerunt suas, nec de Comaclo salem ad negotiandum in istum portum nunquam adduxerunt, nisi moderno tempore Panchoardi episcopi. — — Petrus iuratus dixit: Scio tempore domni Karoli atque Pipini regis, quod isti nec genitores sui suas nunquam habuerunt naves, cum in Comaclo pergerent, nisi comuniter, cum Comaclenses adducebant salem ad negotium peragendum, et de comuniter ripaticum et palificturam dabant iusta istud pactum, et tempore Panchoardi et Benedicti episcopi ceperunt cum suas pergere naves, in sorte stabant, et ripaticum et palificturam dabant, et riparias pascebant iuxta istud pactum.

¹⁾ Karoli M. 52; Monum. hist. patr. XIII, № 586.

²⁾ Напримѣръ, изготовленіе косъ. Monum. hist. patr. XIII, № 421.

³⁾ Memorie di Lucca, V т. 2 ч., № 303; ср. № 438.

дятся преимущественно свиньи, то-есть, животное, которое почти не требуетъ ухода и потому особенно подѣеь стать этому періоду постоянныхъ разбоевъ и случайнаго хозяйства. Главныя повинности, падающія на крестьянина за то, что его скоть пасется на господской землѣ, „escaticum“ и „glandaticum“, взимаются именно съ свиней за жолуди и побѣги, которые онѣ пожираютъ ¹⁾). Хозяйства, основанныя на безхитростномъ добываніи изъ земли продуктовъ, удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, естественно должны были сложиться въ хозяйства мелкія, хотя отъ обстоятельствъ зависѣло, будутъ ли эти мелкія экономическія единицы самостоятельными или зависимыми.

Устройство крупныхъ хозяйствъ встрѣтило бы непреодолимыя затрудненія, помимо незначительности капиталовъ и рѣдкости рабскаго и вольнонаемнаго труда, въ невозможности образовать для нихъ сколько нибудь годную администрацію. При тогдашнихъ сообщеніяхъ и условіяхъ общественной безопасности, или лучше сказать, при небезопасности, собственникъ могъ успѣшно контролировать только имѣнье, въ которомъ самъ жилъ, или же хозяйства, сведенныя къ самымъ простымъ формамъ, не представляющимъ никакихъ затрудненій для обзоренія. Даже за простыми соединеніями оброчныхъ дворовъ было до такой степени трудно услѣдить, если они находились довольно далеко отъ собственника, что онъ обыкновенно старался отвязаться отъ нихъ, продавъ или сдавъ въ аренду за безцѣнокъ ²⁾). Дѣло шло въ подобныхъ случаяхъ ужь не о хозяйствѣ, а о самомъ владѣніи, которое

¹⁾ *Du Cange, Glossarium. S. v.*

²⁾ *Memorie di Lucca, V, 2 ч., № 365, стр. 219: Manifestum est mihi Alperto filio b. m. Hilprandi abbati, quia dum tu dn. Jacobe gratia Dei Episc. substantia Eccl. Episc. vestr S. Martini, qui est in loco Tucciano fine civitatis Suanensi, longe a vobis esset, et a pravis hominibus invaderetur, et congnoissetis ea nimis deserta ac destitutam: considerastis qualiter deo volente omnis res ipsas per me melioretur, et ad parte Eccl. Episc. vestri S. M. sub integritate restauretur.— Ср. *Memorie di Lucca, IV, 1 часть, № 15, стр. 21; № 25, стр. 34.* Для того, чтобъ избѣжать неудобствъ, простилавшихъ изъ отдаленности владѣній, прибѣгала также къ иѣновымъ. *Monum. hist. patr. XIII, № 88, стр. 165: Et quamvis ipsa loca aequalia non sint, dum unus istum et alter magis alterum habet gratiam, quam iste maiorem et ille minorem, et rursus ille maiorem et alter habet minorem quam iste, ita hinc et inde ordinari potuisset, ut fructus major ad singula monasteria propter vicinitatem ut premissum est, locorum adscribere (acquirere) potuisset ex eo, quod in concambium suscipisset, quam ex illo prius habere potuisset quod suum ante fuit.**

трудно было поддерживать противъ насилія. Такіе могущественные люди, какъ аламанскій графъ Альпикари, рисковали во время отсутствія по дѣламъ государя потерять свое имущество вслѣдствіе захватовъ сосѣдей ¹⁾. Можно ли было думать объ образованіи крупныхъ хозяйствъ? Для нихъ недоставало годныхъ управляющихъ, свободныхъ капиталовъ, необходимаго рабочаго матеріала, удобства надзора со стороны собственника, безопасности отъ постоянно грозящаго насилія и разрушенія, наконецъ, самыхъ поводовъ къ существованію при низкомъ состояніи земледѣльческой культуры, едва выбивавшейся изъ пустыря и лѣса, лишенной сбыта и специализаціи, стремившейся къ удовлетворенію первыхъ потребностей.

И такъ, экономическія условія дѣлали мелкія хозяйства необходимыми. Посмотримъ, какъ эти мелкія хозяйства уживались съ крупною собственностью. Во внутренней Германіи, при сравнительно большой простотѣ отношеній, количество владѣнія опредѣлялось не исключительно хозяйственными условіями и фактическими данными. Существовали извѣстныя среднія нормы владѣнія, фиксированныя юридически народнымъ обычаемъ для массы свободныхъ людей, и такимъ образомъ землевладѣніе являлось непосредственною основою политическаго значенія. Даже когда съ теченіемъ времени жизнь прорвалась сквозь тѣсныя границы, поставленныя ей неразвитою въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи стариною, даже тогда прежнія нормы владѣнія не совсѣмъ потеряли свой смыслъ. Если наперекоръ имъ собственность скопилась массами въ рукахъ однихъ, ускользнула совершенно изъ рукъ другихъ, тѣмъ не менѣе въ народномъ сознаніи удержалось представленіе о „гуфѣ“, какъ о нормальномъ надѣлѣ свободного человѣка, какъ о естественной единицѣ для измѣренія, если не матеріальнаго протяженія земельной собственности, то ея общаго экономическаго и соціальнаго значенія. При большой измѣнчивости своихъ матеріальныхъ размѣровъ, сообразно измѣнчивости хозяйственныхъ условій различныхъ мѣстностей, гуфа въ каждой данной

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 138, стр. 243:... domno Pippino rege ambolavi cum predicta Aldelaidam infanciam ad domnum Carolum imperatorem, et dum in ejus servicio illic demorasse, sua mercede dedit mihi comitum; et dum per his et ceteris palatinis serviciis preocupatus venire in hac patria licenciam non habuissem, tunc iste Ragipertus diaconus et Melfrit germanus et advocatus ejus introierunt et me desvestiverunt malo ordine et contra legem sine ullo judicio de casis et rebus illis juris meis, que sunt in Cogotzago et in Caello.

мѣстности являлась величиною постоянною, необходимымъ *minimum* собственности свободнаго отца семейства ¹⁾.

Въ Италіи, при многообразіи отличій хозяйства, владѣнія и собственности, перешедшихъ къ среднимъ вѣкамъ отъ Римской имперіи, при безпорядкѣ, созданномъ цѣлымъ рядомъ смѣнявшихъ другъ друга завоеваній, при быстромъ развитіи общественныхъ неравенствъ, не могло укорениться представленіе о нормальномъ надѣлѣ среднесвободнаго человѣка. Если оно и существовало въ эпоху самостоятельности Лангобардскаго королевства, то послѣ франкскаго завоеванія, во время развитія феодальныхъ отношеній, оно исчезаетъ, не оставляя почти никакихъ слѣдовъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, придавать никакого особаго значенія такому изолированному факту, какъ упоминаніе, среди десятка тысячъ грамотъ, въ одной о „*hobas idest sortes plenas*“ ²⁾. Мы имѣемъ тутъ дѣло или съ послѣднимъ отголоскомъ исчезающаго обычая, или—что гораздо вѣроятнѣе, съ примѣненіемъ къ Италіи мѣрки, употребительной въ Германіи и хорошо знакомой составителямъ грамоты, секретарямъ Карломана.

Выраженіе „*sors*“, весьма часто попадающееся въ италіанскихъ грамотахъ, нисколько не равнозначительно съ выраженіемъ „*hoba*“; послѣднее въ переводѣ только что приведеннаго отрывка отмѣчено весьма характернымъ прибавленіемъ прилагательнаго „*plenus*“. Сама по себѣ „*sors*“ обозначаетъ нисколько не полный и не средній, а всякій надѣлъ, всякое выпадшее человѣку въ достояніе земельное владѣніе. Въ этомъ смыслѣ оно весьма часто употребляется и въ франкскихъ, и въ чисто германскихъ грамотахъ, гдѣ эквивалентомъ ему является также терминъ „алодъ“ или предложенія „*Quod ex alode [parentum] habeo, mihi obvenit*“ и т. п.

Точно также не равносильны гобъ „*mansus*“, о которомъ на каждомъ шагѣ упоминается въ средневѣковыхъ грамотахъ, между прочимъ и въ италіанскихъ. „*Mansus*“ служитъ, правда, хозяйственною единицей, участкомъ, необходимымъ для прокормленія семьи и достаточнымъ въ большинствѣ случаевъ для употребленія ея рабочихъ силъ; поэтому „*mansus*“ въ каждой отдѣльной мѣстности—величина довольно постоянная ³⁾. Но эта хозяйственная единица не есть въ то же время единица социальная, не имѣетъ никакого отношенія къ

¹⁾ *Guérard*, Polyptique de l'abbé Irminon, I, 480; *Pertile*, Storia del diritto, IV, 260 и сл., 272 и сл.

²⁾ *Monum. hist. patr.* XIII, № 284.

³⁾ См., напримѣръ, *Codice dipl. padovano*, LXX.

политическимъ обязанностямъ свободнаго человѣка и къ поддержкѣ политическихъ правъ свободной семьи, а потому одинаково, если не болѣе, примѣнима къ сферѣ отношеній несвободныхъ или полусвободныхъ людей ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ IX и X вѣкахъ терминъ „mansus“ употребляется въ Италіи въ одинаковомъ значеніи съ терминами „sors massaricia, casa massaricia, casa libellaria“ и т. п. Последнія выраженія притомъ въ гораздо большемъ ходу, нежели франкское „mansus“. Обозначаемыя всѣми ими единицы хозяйства опредѣляются потребностями и трудомъ не свободнаго, а зависимаго населенія.

Все болѣе и болѣе рѣдѣвшій кружокъ людей, которые сохранили свою полную свободу и свободную собственность, опирался при этомъ не на отдѣльные участки и надѣлы, а на массы ихъ, организованныя по группамъ вокругъ такъ-называемыхъ „господскихъ дворовъ, curtes dominicatae“. Иногда „господскіе дворы“ были центрами не только хозяйственными, но и политическими, укрѣпленными селами или замками ²⁾, центрами религіозными—монастырями и церквами, зависѣвшими отъ свѣтскаго владѣльца, или еще чаще, отъ духовной корпораціи ³⁾. Но существеннымъ признакомъ ихъ было все-таки ихъ хозяйственное значеніе, и притомъ не столько существованіе при нихъ господской усадьбы и земель, обрабатываемыхъ непосредственно для господина, сколько присутствіе господскаго управляющаго и направленіе къ нимъ оброковъ, барщины и всякаго рода службъ, приливавшихъ отъ зависимыхъ хозяйствъ къ центральнымъ. Въ предшествовавшей главѣ было указано въ общихъ чертахъ, какъ примыкали къ господскимъ дворамъ оброчные, и какъ складывалось хозяйство на первыхъ при помощи вторыхъ. Но чтобъ оцѣнить значеніе хозяйственной группы, образовавшейся вокругъ „curtis dominicata“, необходимо нѣсколько остановиться на свидѣтельствахъ имѣющихся у насъ въ распоряженіи описей имѣній. Я сошлюсь только на одну, сохранившуюся изъ

¹⁾ Я не хочу сказать, чтобы термины «гуа» и «mansus» никогда не употреблялись какъ равносильные; у Герара, напримѣръ, показано, что это случалось иногда. Но мнѣ кажется, что каждый изъ этихъ терминовъ имѣетъ свой опредѣленный оттънокъ значенія, который не позволяетъ ихъ смѣшивать.

²⁾ Напримѣръ, Castellum de Matenano, въ Фермоской области, принадлежавшій аббатству Фароѣ и служившій центромъ платежей даже для другихъ «Curtes». Cod. emph. Farf. f. 87, 167, 201, 204.

³⁾ Cellae S. Angeli in Reate, S. Mariae in Solestano, S. Gethulii и т. п. въ управленіи аббатства Фароы.

архива монастыря св. Юліи въ Брешии. Она составлена особенно подробно и хотя дошла до насъ въ спискѣ XI вѣка, но мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться, чтобъ она была составлена въ 903 или 905 году, какъ помѣчено на оборотѣ.

Планъ описанія таковъ: начало посвящено тому, что находится въ непосредственномъ владѣніи и управленіи господина, при чемъ перечисляются строенія, участки земли подъ различными культурами, число рабочихъ обоого пола, взрослыхъ и дѣтей, количество скота и птицы всякаго рода, запасы хлѣбомъ и другими продуктами; затѣмъ опись переходитъ къ оброчнымъ дворамъ, занятымъ и незанятымъ, и исчисляетъ общую сумму оброка въ разныхъ его формахъ и число барщинныхъ дней, — при этомъ отмѣчаются особые виды барщины; наконецъ, упоминается, сколько земли держитъ управляющій въ вознагражденіе за свои услуги и что она ему приноситъ. Мѣстами указано также, сколько хлѣба назначается въ довольствіе рабочимъ ¹⁾.

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 419, стр. 707: In curte Canellas casas III, caminatatas II, terra arabilis ad seminandum modia XC, vinea ad anforas XXX, de prada ad carrada X; prebendarii infra curte masculi maiores III, feminas IV, infantes VIII, boves IV, vitulum I, porcos XIII, oves XC, pullos XX; de frumento modia V, de segale modia XL, inter ordenum et avenam modia V, de leguminis modium I. Est alpa I, media nostra, unde venit ad censum in anno berbices X, formaticos X. Et sunt manentes XXII, et reddunt ad fictum de grano modia XXXIII, castaneas mundas modia II, de vino anforas XXX et opera medietatum; denarios XX, pullos XXXIV, ova CLXV, berbices XII, in uno anno porcos V aut selidos X, et in alio anno porcos III, libellarii VIII, et comendati manentes VIII, et reddunt insimul ad fictum de grano modia XXXVIII, denarios LXIII, pullos XVI, ova LXXX. Est aldus I, qui tantum vias et epistolas portat, ubi necessitas est. Et supra nominati manentes faciunt opera in anno MMMCCC et supranominati prebendarii et manentes tollent in anno de grano modia CXCIV. De beneficio Raidulfi scarii habet sortem absentem I, qui reddet ad fictum vinum anforas III, denarios X, pullos II, ova X. De beneficio lamperti canavarii habet sortem absentem I, qui reddet de grano modia VI. — Et sunt manentes VII, et V ex ipsis reddunt ad fictum de grano modia VI, vinum et opera medietatem, et sextus ille reddit de grano modium quartum, vinum et opera medietatem, et ille septimus reddit ad fictum omni anno ferro libras XX et inter totis reddunt denarios X, berbicum I, pullos XII, ova XL, libellarii V, et reddunt ad fictum de grano modia XII, de vino medietatem... VI, pullos X, ova L, unus ex ipsis qui nihil aliud facit in anno, nisi opera XXIV, et sunt aldiones II, qui mandatam et epistolas portant. Totum insimul suprascripti manentes XXIV, reddunt in summa de grano miscuo modia XVIII, de argento solidos III, de ferro libras XX, berbicum I, pullos XXII, ova XC de vino medietatem et opera in anno DCCCCXXIV; et supra nominati prebendarii tollent in anno de grano modia LXV.

Такого рода описаніе касается 60 господскихъ дворовъ, и надо прибавить, что оно тѣмъ не менѣе не совсѣмъ полно: и начало, и конецъ оторваны. При названныхъ шестидесяти дворахъ находится восемнадцать церквей, капеллъ и монастырей.

Эта громадная собственность чрезвычайно широко раскинута. Только меньшая часть имѣній, положеніе которыхъ мы можемъ опредѣлить ¹⁾, находится вблизи Брешии: большинство расположено въ дальнихъ концахъ области, въ сосѣднихъ областяхъ, особенно въ провинціяхъ Кремоны, Серміо и Бергамо, и даже въ округахъ Пармы, Піаченцы, Модены, въ Павіи, Луккѣ, герцогствѣ Сполето наконецъ. Порядокъ описанія избранъ крайне странный; въ настоящее время мы рѣшительно не можемъ уловить его руководящаго принципа, — видно только, что не слѣдовали ни географическому расположенію, ни хронологіи приобрѣтенія имѣній монастыремъ.

Въ большинствѣ случаевъ имѣнія не велики; число головъ скота, рабочихъ, запасы весьма не велики. Крупныя имѣнія въ родѣ Миліарины въ Моденской области, въ лѣсахъ которой пасутся 2000 свиней, или Альфіано, въ Кремонской области, съ значительнымъ числомъ лошадей, съ портомъ, составляютъ исключеніе. Ясно, что главное значеніе имѣютъ повинности разнаго рода лицъ, приписанныхъ къ имѣніямъ и сидящихъ на зависимыхъ участкахъ. Особенно поражаютъ громадныя цифры барщинныхъ дней, которыя должны были доставить монастырю массу дароваго труда ²⁾. Хозяйственныя характеристики этихъ имѣній среднихъ размѣровъ весьма однообразны; постоянно повторяются однѣ и тѣ же замѣчанія о запашкѣ, виноградникѣ на нѣсколько десятковъ амфоровъ вина, лугѣ, который даетъ столько-то телѣгъ сѣна, съ прибавленіемъ иногда упоминанія объ оливковой плантаціи, рошѣ каштановыхъ деревьевъ, лѣсѣ или пустырь (terra infructuosa). Кое-гдѣ однако выдвигаются впередъ спеціальности: въ Гриньяно, на примѣръ, заготовляютъ желѣзные издѣлія, въ Альфіано, которое въ то время было вѣроятно очень значительнымъ селомъ, живутъ каменьщики, устроенъ портъ; въ Magonivico преобладаетъ скотоводство, въ Изео на озерѣ того же имени — рыбные промыслы. Въ общемъ, хотя не замѣтно ни особенно интенсивной эксплуатаціи естественныхъ средствъ страны, ни особенно широкаго примѣненія капитала, легко замѣтить, что благоустроенная, правильная организація,

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, 706; in curte Griliano — — opera II milia DCCCL

²⁾ In curte Temulina — — opera in anno MMCCCL и т. п.

какая изображена въ описи имѣній св. Юліи, представляла громадныя хозяйственныя преимущества сравнительно съ несвязанными между собою и слабыми въ своей отдѣльности дворами мелкихъ свободныхъ людей.

Самаго бѣлаго взгляда на наши собранія грамотъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ историческаго движенія, происходившаго въ сферѣ земельной собственности. Хотя число грамотъ съ теченіемъ времени все возрастаетъ, хотя по этому можно было бы ожидать, по видимому, болѣе и болѣе частаго упоминанія о мелкихъ сдѣлкахъ, тѣмъ не менѣе мы наблюдаемъ въ общемъ какъ разъ обратное. Покупка и продажа на небольшія суммы, сдача въ аренду и промѣнъ незначительныхъ участковъ мало по малу совершенно исчезаютъ изъ нашихъ дипломатическихъ сводовъ. Сравнивая грамоты первой половины IX и второй половины X вѣка, сейчасъ же замѣчаешь рѣзкую разницу между обществами этихъ двухъ эпохъ: въ одномъ случаѣ замѣтна еще значительная дробность собственности, не смотря на то, что не трудно уже отличить нѣсколько пунктовъ, къ которымъ сосредоточиваются большія массы недвижимаго имущества; въ другомъ—число собственниковъ крайне невелико, повторяются имена все однихъ и тѣхъ же лицъ и учреждений, отъ которыхъ зависитъ въ экономическомъ отношеніи вся страна. По одного бѣлаго взгляда на ломбардскія или тосканскія грамоты не достаточно: онѣ отражаютъ, кромѣ общаго хода развитія, много вариантовъ и особенностей, которые заслуживаютъ вниманія. Даже не вдаваясь въ подробное изученіе распредѣленія собственности по различнымъ мѣстностямъ, можно все-таки указать на главнѣйшія характерныя черты этого распредѣленія и связанныхъ съ нимъ юридическихъ и политическихъ явленій.

Нашъ матеріалъ добытъ изъ церковныхъ и монастырскихъ архивовъ, и потому весьма естественно, что въ немъ преобладаютъ документы, относящіеся до духовнаго владѣнія. Вездѣ, однако, примѣняется большее или меньшее число сдѣлокъ между свѣтскими лицами, которыя попали въ духовные архивы вслѣдствіе позднѣйшаго перехода собственности и ея титуловъ въ руки церкви или же вслѣдствіе передачи документовъ на храненіе въ сравнительно безопасномъ и освященномъ мѣстѣ. Число такого рода „свѣтскихъ“ документовъ далеко не вездѣ одинаково: особенно мало ихъ въ ломбардскомъ собраніи, и это обстоятельство уже само по себѣ характерно для могущества ломбардскихъ духовныхъ корпорацій съ IX и X вѣковъ: едва

ли можно объяснять его чисто случайными причинами; вѣрнѣе будетъ предположить, что въ Ломбардіи матеріальная сила и богатство епископовъ, церквей и монастырей развилось сильнѣе и раньше, нежели въ Тосканѣ или въ южныхъ княжествахъ, гдѣ до самаго 1000 года держалась мѣстами весьма упорно мелкая и средняя собственность. Такого рода предположеніе не находится въ противорѣчій съ фактомъ подготовленія городской буржуазіи, которая такъ прославила Ломбардію въ XII вѣкѣ: эта буржуазія образовывалась какъ разъ подъ крыломъ духовныхъ властей, чтобы въ концѣ концовъ выступить противъ нихъ. Притомъ, сила ея уже въ X вѣкѣ заключалась въ торговлѣ ¹⁾, а сосредоточивалась она въ городахъ, а не по деревнямъ— послѣдними вполнѣ овладѣвало духовенство.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ объяснять одной случайностью то обстоятельство, что всѣ дошедшія до насъ грамоты Брешианской области, напримѣръ,—ихъ около 90 въ XIII томѣ туринскаго собранія—за весьма немногими исключениями описываютъ землевладѣльческую исторію монастыря св. Юліи въ Брешии; даже упомянутыя исключенія падаютъ преимущественно на монастыри—св. Бенедикта ad Leones ²⁾, св. Фаустина ³⁾; сдѣлокъ между свѣтскими людьми касается какой-нибудь десятокъ документовъ ⁴⁾, которые и по своему содержанію не показываютъ, чтобы свѣтскіе элементы были особенно могущественны въ Брешии. Не простою случайностью объясняется это обстоятельство, потому что ничего подобнаго мы не встрѣтимъ въ другихъ мѣстностяхъ, хотя и черпаемъ все изъ тѣхъ же архивовъ духовенства, хотя и имѣемъ множество свѣдѣній о его силѣ. Въ Брешианской области монастырь св. Юліи былъ дѣйствительно самымъ богатымъ собственникомъ в его грамоты рисуютъ намъ исторію громаднаго комплекса недвижимости, составившагося сравнительно весьма быстро, служившаго опорой для политическаго положенія нѣсколькихъ державныхъ домовъ, мало пострадавшаго отъ различныхъ политическихъ случайностей.

Монастырь, получившій в послѣдствіи, въ половинѣ IX вѣка, названіе обители св. Юліи, составилъ въ половинѣ VIII вѣка изъ трехъ

¹⁾ Миланскіе negotiantes довольно часто упоминаются въ грамотахъ, и по видимому, пользуются значительнымъ благосостояніемъ.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, №№ 221, 626, 666, 700, 802, 962.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 140, 162. Кроме того, встрѣчаются пожертвованія другимъ духовнымъ корпораціямъ (№№ 224, 277) и пожалованія епископамъ (№№ 254, 317, 886, 959).

⁴⁾ №№ 147, 284, 353, 375, 380 572, 897.

отдѣльныхъ монастырей—св. Михаила и Петра ¹⁾, св. Маріи ²⁾ и Спасителя ³⁾. Мы не можемъ сказать, всѣ ли три, или только послѣдній, были основаны королею Деидеріемъ и Анзой, его женой; во всякомъ случаѣ, въ многочисленныхъ своихъ грамотахъ монастырю Спасителя, образовавшемуся изъ сліянія трехъ отдѣльныхъ обителей, Деидерій и Анза постоянно называютъ себя его основателями. Они не только положили начало его богатству, но сдѣлали больше, нежели всѣ позднѣйшіе властители, для образованія громадной земельной собственности монастыря, который сразу занялъ одно изъ главныхъ мѣстъ между учрежденіями этого рода въ Италіи; первой настоятельницей была дочь Деидерія Ансельперга. Эпохи тяжелой борьбы и неяснаго будущаго были выгодны для монастырей, для которыхъ забота и молитва государей превращались въ замки и земли: какъ разъ въ то время, когда франкская туча стояла на горизонтѣ Италіи, выросли съ неимоверною быстротою аббатства Спасителя изъ пожалованій Деидерія и св. Софіи въ Беневентѣ изъ пожалованій Аригиза. Послѣдній жаловалъ прямо „pro salvatione gentis langobardorum“ ⁴⁾.

Уже въ 759 году монастырь Спасителя въ Брешии получилъ отъ короля подгородный дворъ in Serroristo ⁵⁾. Въ томъ же году монастырь былъ въ состояніи употребить 3850 солидовъ на покупку ⁶⁾ половины „двора“ in Albano, на Ольо, не далеко отъ Робекко въ Кремонской области ⁶⁾. Остальныя части этого громаднаго имѣнія были приобрѣтены уже впоследствии, въ 768 и 769 годахъ, за значительныя суммы ⁷⁾. Въ 760 году Деидерій и Анза жалуютъ еще нѣсколько барскихъ дворовъ со всѣми ихъ оброчными участками, какъ около Брешии ⁸⁾, такъ и на большомъ разстояніи отъ нея: монастырь былъ на столько силенъ, что могъ успѣшно управлять имуществомъ въ Писсериссе, при впаденіи Кіезе въ Ольо, въ Secinolum, на По, немного ниже Кремоны, въ Гуссунаго, около Гардскаго озера, въ мѣстности, приобрѣвшей впоследствии всемірную извѣстность, благодаря сраженію при Соль-

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 18.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 19.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 20. О сліяніи трехъ монастырей см. примѣч. на стр. 41 помянутаго собранія.

⁴⁾ Ughelli, Italia sacra, X, 429.

⁵⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 18.

⁶⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 19.

⁷⁾ Monum. hist. patr. XIII, №№ 37 и 38.

⁸⁾ Curtis «Runca». Monum. hist. patr. XIII, № 20.

ферино, наконецъ, въ Цикомаріи, между Казальмаджоре и Віаданой ¹⁾. Если главною цѣлью пожалованія 760 года было доставить монастырю мѣста для рыбной ловли и доходы отъ рѣчныхъ пошлинъ, то пожалованіе 765 года объясняется желаніемъ короля передать въ руки вѣрнаго монастыря недвижимость около Гардскаго озера, находившуюся въ неблагонадежныхъ рукахъ: конфискованная у Кунимунда изъ Серміо имѣнія переходятъ во власть Спасителя въ Брешии ²⁾. Разъ утвердившись въ этой мѣстности, аббатисса Анзельперга расширяетъ въ ней область своего вліянія: тотъ же Кунимундъ приноситъ ей въ даръ нѣсколько церквей и имѣній, едва ли вслѣдствіе одного своего благочестія, а вѣроятнѣе по приказанію короля или для того, чтобы заручиться могущественной покровительницей ³⁾; у Андрея изъ Серміо пріобрѣтается дворъ Суммолако по мѣновой ⁴⁾. Въ 772 году монастырь проникаетъ въ область города Реджо: король Деизидерій жалуетъ четыре тысячи югеровъ земли въ Меллиаринѣ ⁵⁾; у герцога Персепетскаго Анзельперга покупаетъ 200 югеровъ земли ⁶⁾ за 200 солидовъ. Наконецъ, все къ той же блестящей эпохѣ основанія монастыря и правленія первой аббатиссы относится пріобрѣтеніе земель въ центральной и южной Италіи. Въ 768 году Анзельперга вымѣниваетъ аббатству Фарфѣ дворъ Vallantis на дворъ de Classicella ⁷⁾, а въ подтвержденіи правъ, выданномъ Адельгизомъ въ 773 году, особенно упоминается о Секстунскомъ монастырѣ въ области Ріэти, и о монастырѣ св. Либератора въ беневентскомъ княжествѣ ⁸⁾.

Какъ отозвалось на Спасителѣ въ Брешии каролингское завоеваніе? Хотя Карлъ Великій выдалъ второй настоятельницамъ Радоарѣ грамоту, въ которой утверждалъ собственность, права и привилегіи конгрегации, хотя въ главномъ она сохранила свое положеніе, тѣмъ не менѣе развитіе этой лангобардской обители, всѣмъ обязанной Деизидерію, было на время пріостановлено при франкскихъ властителяхъ. Долго не слышно ни о какихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ; въ 818 году происходитъ обмѣнъ имѣній съ аббатствомъ Нонантулой, но весьма

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 20.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 27.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 29.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 43.

⁵⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 45.

⁶⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 46.

⁷⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 35.

⁸⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 50.

сомнительно, чтобы Брешианскій монастырь выигралъ при этомъ обменѣ¹⁾; въ 801 году онъ теряетъ имѣніе in Classicella, приобретенное по мѣновой 768 года, которую теперь нарушаетъ Фарфа²⁾. Затѣмъ доходятъ извѣстія только о неважныхъ дѣлахъ. Снова выдвигается впередъ монастырь въ концѣ царствованія Людовика Благочестиваго, потому что его получила въ бенефицій императрица Юдиѣ³⁾. Въ 837 году Лотарь I утверждаетъ въ своей грамотѣ владѣльческія права монастыря который, ставъ какъ бы апанажемъ принцессѣ царствующаго дома, извлекаетъ большія выгоды изъ этого положенія. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ IX вѣка имъ владѣютъ Эрмингарда, жена Лотаря I, и Гизла, дочь его⁴⁾; послѣ смерти послѣдней, монастырь получаетъ, во спасеніе ея души, крупныя имѣнья Laugretum, Turinga, Gabianum⁵⁾; въ 879 году аббатисса Эрмингарда сдаетъ въ аренду земли въ областяхъ Виченцы и Тревизо⁶⁾; въ 879 году относится богатое пожалованіе Карломана⁷⁾. Къ началу X вѣка въ мертвой рукѣ монастыря сосредоточивается колоссальное имущество, описанное въ много разъ упоминавшемся инвентарѣ.

Династии, смѣнявшіяся послѣ паденія Каролинговъ, продолжали смотрѣть на Брешианскій монастырь, какъ на апанажъ для принцессъ царствующаго дома: имъ управляетъ Берта, дочь Беренгарія I⁸⁾, затѣмъ Атта „ex regia progenie“⁹⁾. Однако дальнѣйшаго значительнаго увеличенія монастырскаго имущества мы не замѣчаемъ: во время постоянныхъ невзгодъ и переворотовъ приходилось думать не объ увеличеніи, а о сохраненіи имущества. Дочь Беренгарія строитъ

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 94. Передъ этимъ, въ 813 году, мы находимъ предписаніе знаменитаго Адальгарда въ пользу обмена между Нонантулой и брешианскимъ монастыремъ, изъ котораго явствуетъ, что симпатіи правительства склонялись на сторону Нонантулы. Земля послѣдняго аббатства цѣнится по три солида за югеръ, а земля брешианскаго монастыря по восьми динаріевъ. Monum. hist. patr. XIII, № 88.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 75.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 103.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, №№ 166, 193, 194, 195, 212.

⁵⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 220.

⁶⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 279.

⁷⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 283. Пожалованы дворы—Canellas, Bogonago, Trepontio et Piscaria de Sermione, Curtis Gumulfi, Ferrago, Frato Caprioli.

⁸⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 456, 467, 469.

⁹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 594.

замки и вѣрѣности противъ Венгровъ ¹⁾, принуждена отдать въ аренду за ничтожную плату дальнія имѣнія Моденской области, чтобы съ сосредоточенною энергіей завѣдывать ближайшими ²⁾. При Оттонахъ мы особенно рѣдко слышимъ о монастырѣ: только отъ Оттона III осталась грамота ³⁾, утверждающая монастырскія права. По всей вѣроятности, Саксонская династія находилась въ такомъ же положеніи относительно монастыря св. Юліи, въ какомъ была когда-то династія Каролингская по отношенію къ монастырю Спасителя.

Я нарочно остановился на исторіи этого монастыря, потому что она представляетъ примѣръ развитія подобнаго учрежденія при простѣйшихъ условіяхъ, безъ особенныхъ перипетій и осложнений и можетъ служить довольно вѣрнымъ типомъ исторіи духовныхъ корпорацій въ Сѣверной Италіи. Документы позволяютъ намъ отчасти составить себѣ понятіе о судьбахъ монастыря св. Амвросія при Миланскомъ соборѣ ⁴⁾, св. Сикста въ Пиаченцѣ ⁵⁾, св. Сильвестра въ Нонантулѣ ⁶⁾, нѣсколькихъ отдѣльныхъ церквей и монастырей въ Пармѣ ⁷⁾, въ Падуѣ ⁸⁾, и т. п. Нѣкоторыя важныя условія времени рельефнѣе сказываются въ жизни этихъ духовныхъ учреждений: напр., весьма характерна тѣсная зависимость Миланскаго монастыря отъ архіепископа и его политики ⁹⁾; въ пармскихъ документахъ отражается отчасти образованіе аристократическихъ родовъ, къ которому намъ ¹⁰⁾ еще придется возвращаться. Тѣмъ не менѣе акты св. Юліи по своей связности, по существованію подробной описи, представляютъ все-таки наибольшее удобство для характеристики сѣверно-италийскаго зем-

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 467, привиллегія на jus faciend castellum in Slavaria. Ср. № 456; — — Cujus precibus acclinati, eandem viam publicam existentem in circuito prefati castelli monasterio beatae Iuliae jure proprietario ad incidendum et fossata facienda, omnemque monitionem edificandam, et quicquid voluerit, faciendum concedimus et largimur.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 469.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 924.

⁴⁾ Масса грамотъ собрана въ XIII томѣ туринскаго собранія. Важнѣйшими пользовался уже Джулини, Memorie di Milano. 1854.

⁵⁾ *Affò*, Storia di Piacenza.

⁶⁾ *Tiraboschi*, Storia di Nonantola 1874.

⁷⁾ *Affò*, Storia di Parma. 1792.

⁸⁾ *Gloria*, Codice diplomatico padovano. 1877.

⁹⁾ См. напримѣръ характеристику дѣятельности архіепископа Ангильберта у *Giulini*, I, 146 и сл.

¹⁰⁾ См. *Affò*, Storia di Parma, I, 167 и сл., 170.

двладѣнія, и сравненіе съ другими документами только увеличиваетъ ихъ значеніе.

Для того, чтобы судить о землевладѣніи Италіи центральной, обратимся къ архивамъ двухъ монастырей совершенно различныхъ по своей роли и могуществу, къ архивамъ небольшого тосканскаго монастыря Спасителя на Monte Amiata и громаднаго аббатства Фарфы въ Сабинской области.

Кругъ дѣятельности и вліянія монастыря Спасителя на Монте Аміата весьма тѣсный. Владѣнія основаннаго около семидесятыхъ годовъ VIII вѣка монастыря ¹⁾ лежатъ преимущественно въ округахъ Кіузи, Соаны, Тосканеллы, Массы маритимы, Розелле и Сіенны и сведены вмѣстѣ съ оброчными дворами въ нѣсколько управленій ²⁾. Актовъ разнаго рода, относящихся къ исторіи отдѣльныхъ имѣній и управленій за періодъ времени отъ 736 до 1000 года, насчитывается до двухъ сотъ. Сравнивая документы VIII вѣка съ документами конца IX, перваго десятилѣтія и конца X вѣка, мы получаемъ любопытныя данныя для того, чтобы судить о совершившемся за это время преобразованіи въ распредѣленіи землевладѣнія и составѣ общественныхъ классовъ.

Въ VIII вѣкѣ мы имѣемъ дѣло въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ съ населеніемъ, состоящимъ изъ мелкихъ свободныхъ людей, и съ собственностью, раздробленною на участки самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Купчія, составляющія большинство актовъ этого времени ³⁾, иногда совершаются на цѣлые надѣлы или крупныя части ихъ цѣною въ какіе-нибудь тридцать солидовъ ⁴⁾; одинъ только разъ имѣние оценено въ сто солидовъ ⁵⁾; болѣею же частью продаются клочки земли, нѣсколько рядовъ виноградника за одинъ, два, четыре, шесть ⁶⁾ солидовъ. Въ однообразной средѣ бѣдныхъ людей едва замѣчаются

¹⁾ Первая грамота, въ которой упоминается настоятель монастыря Узингъ относится къ 774 году. *Trova*, Cod. dipl. lang. V, № 993.

²⁾ Nap. Casa in Geliano. S. Salvatore di M. A. 816, май; Curtis S. Gervasio in Offiliano S. S. 819, августъ; Cella palia—S. Salvatore 818, августъ.

³⁾ Девятнадцать изъ тридцати шести документовъ отъ 736 до 792 года.

⁴⁾ *Bethmann und Holder-Egger*, Langobardische Regesten, №№ 120, 521; *Brunetti*, Codice dipl. tosc. III, 272.

⁵⁾ *Brunetti*, Cod. dipl. tosc. III, 254.

⁶⁾ *Holder-Egger*, Regesten, №№ 114, 190, 312, 377, 379, 381; *Brunetti*, Cod. diplom. tosc. III, 219, 221, 266, 285. Большою частью дѣло идетъ о «res pauperum tacule», какъ сказано въ одной изъ грамотъ. *Brunetti*, Cod. dipl. tosc. III, 289.

аристократическія семьи людей, выдвинутыхъ благосостояніемъ или должностію. Такова семья Опцини въ округѣ Тосканеллы, члены которой занимаютъ гастальдаты¹⁾, владѣютъ цѣлымъ замкомъ, передавшимъ свое имя селу или мѣстечку²⁾. Вѣроятно, своего рода аристократическое положеніе занималъ и Гунтифридъ, уроженецъ Кіузи и владѣлецъ нѣсколькихъ дворовъ въ округѣ Розелле³⁾. Вліяніе только что основаннаго монастыря Спасителя при первыхъ его аббатахъ, Узингъ и Анспертъ, едва еще даетъ себя чувствовать. Онъ начинаетъ сильно притягивать къ себѣ недвижимую собственность уже при аббатѣ Аудоальдѣ, въ первой четверти IX вѣка.

Граматы этого времени рисуютъ, постоянно повторяясь, одинъ и тотъ же процессъ: на мѣсто сдѣлокъ между мелкими людьми на ничтожныя суммы выдвигаются отчужденія участковъ монастырю за тридцать—пятьдесятъ солидовъ⁴⁾. При этомъ весьма часто пользованіе участкомъ возвращается продавцу на арендныхъ основаніяхъ и вся сдѣлка получаетъ характеръ замѣны полной собственности условною. Аристократическіе элементы обозначаются уже яснѣе и попадаютъ чаще. Въ Сиенской области, напримѣръ, мы встрѣчаемся съ извѣстною изъ процесса епископовъ семьей Виллерада: одинъ изъ ея членовъ является опять сиенскимъ гастальдомъ въ 817 году и владѣетъ замкомъ въ предѣлахъ одного изъ приходовъ, составлявшихъ предметъ тяжбы въ 715 году, именно св. Маріи въ Кобонѣ⁵⁾. Достойно вниманія также извѣстіе объ Аламаннѣ Рихари, который въ 826 году получаетъ отъ аббата Аудоальда въ арендное держаніе недвижимость, за которую обѣщается платить монастырю сто солидовъ.

¹⁾ Мѣвовая 791 года у Brunetti, Cod. dipl. tosc. III, 287.

²⁾ Holder-Egger, № 417. Cp. S. Salvatore di M. A. 822, ноябрь, notitia memoratoria convenientiae inter Immonem, filium Gastaldi Occini, et Valcari, filium Gregorii. Дѣло идетъ о церкви св. Стевана въ Маріано, которую Иmmo отнялъ у законнаго арендатора Валькари и передалъ пріору монастыря Спасителя. Аббатъ Аудоальдъ объявляетъ недействительною незаконную сдѣлку, и Валькари вступаетъ снова въ нарушенныя права, при чемъ, однако, отказывается отъ всякихъ притязаній на движимое имущество и доходы, которыми воспользовался Иmmo.

³⁾ Документы 772 года за №№ 474 и 475 въ регестахъ *Бетмана* и *Гольдери-Эмера*.

⁴⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 814, май; 816, августъ; 819, ноябрь; 822, октябрь (пожертвованіе cum reservatione usufr.); 824, мартъ; 824, май; 826, августъ.

⁵⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 817, апрѣль. Cp. 825, мартъ.

Очевидно, рѣчь идетъ объ имѣніяхъ громаднѣхъ и богатѣхъ ¹⁾. Самъ Рихари является въ исторіи монастыря Спасителя первымъ примѣромъ арендатора или, лучше сказать, ленника изъ пришлыхъ въ Италію германцевъ, которые, благодаря своимъ военнымъ качествамъ, быстро пріобрѣтали совершенно исключительное положеніе.

Граматы перваго десятилѣтія X вѣка очень немного—всего шесть, но изъ нихъ уже три относятся какъ разъ къ сдѣлкамъ, заключеннымъ съ людьми германскаго происхожденія, пріобрѣтшими аристократическое положеніе въ Италіи. Въ 903 году графиня Берта, живущая по салическому закону, дѣлаетъ монастырю пожертвованіе землею ²⁾. Въ 907 салическій Франкъ Фрогери покупаетъ у священника Бенедикта два участка земли за 40 солидовъ ³⁾. Въ 909 году монастырь получаетъ пожертвованіе также отъ двухъ Франковъ, Додерама и Теудильды ⁴⁾. Изъ остальныхъ трехъ документовъ два несомнѣнно указываютъ на переворотъ въ жизненномъ строѣ, совершившійся въ аристократическомъ смыслѣ: я разумѣю либелларные договоры монастыря, заключенные въ 903 году съ Оттицери и Оспрандой, и въ 909 г. съ Петромъ и Тагальбергой ⁵⁾. И тотъ и другой обнимаютъ большое количество имѣній въ различныхъ мѣстахъ.

Но особенно выясняется характеръ совершившагося видоизмѣненія, если взглянуть на акты, относящіеся къ послѣдней четверти X вѣка. Мы тутъ имѣемъ дѣло почти безъ исключенія съ грамотами, выданными членами титулованной аристократіи и на очень значительныя массы имѣній; классъ мелкихъ и свободныхъ землевладѣльцевъ, который въ VIII вѣкѣ, такъ-сказать, занималъ всю сцену, въ эту эпоху совершенно исчезъ съ нея. Къ этому времени относятся купчая между Ламбертомъ, сыномъ маркграфа Ильдебранда, и священникомъ Раппрандомъ, который пріобрѣтаетъ за 10,000 фунтовъ все имущество Ламберта ⁶⁾, и купчая между графиней Эрмингардой, женой Ламберта, и священникомъ Генутардомъ, изъ которой выясняется, что проданное Раппранду имущество выкуплено женою продавца ⁷⁾.

¹⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 826, августъ.

²⁾ S. Salvatore di M. A., 903, августъ.

³⁾ S. Salvatore di M. A., 907, марта 15-го.

⁴⁾ S. Salvatore di M. A., 909, январь.

⁵⁾ S. Salvatore, 903, ноября 4-го: арендная плата въ 30 динаріевъ.—S. Salvatore di M. A., 909, сентября 18-го: арендуется шесть имѣній за 24 динарія.

⁶⁾ S. Salvatore, 973, апрѣля 18-го.

⁷⁾ S. Salvatore, 989, февраля 15-го.

Въ это же время мы имѣемъ купчія, совершенныя между монастыремъ и графинею Виллоу на сумму ста солидовъ ¹⁾, и между нѣкіемъ Геннари и графомъ Родульфомъ на 20 солидовъ ²⁾, наконецъ, два крупныхъ пожертванія монастырю отъ мареграфа Гуго ³⁾ и графа Бернарда ⁴⁾. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствуютъ лица не титулованныя, ясно, что дѣло идетъ о людяхъ высокопоставленныхъ и могущественныхъ. Подъ прикрытіемъ либелларнаго договора между аббатомъ Петромъ и сыновьями Куницо изъ Кіузи, составленнаго на владѣніе цѣлымъ рядомъ имѣній и, между прочимъ, двумя церквями, не трудно отгадать одну изъ тѣхъ скрытыхъ секуляризацій церковнаго имущества въ пользу сильныхъ свѣтскихъ сосѣдей, которыя такъ уменьшили богатство церкви въ теченіе X вѣка ⁵⁾. Въ общемъ, такимъ образомъ, въ собраніи грамотъ ниже-тосканскаго монастыря отражаются весьма разнообразныя и важныя условія, вліявшія на распредѣленіе земельной собственности въ періодъ времени отъ половины VIII до конца X вѣка. Крайне раздробленная сначала собственность сосредоточивается постепенно въ рукахъ духовныхъ корпорацій и свѣтскихъ магнатовъ, при чемъ прежніе собственники остаются на участкахъ въ качествѣ арендаторовъ, подъ началомъ и опекою новыхъ владѣльцевъ. Самое образованіе элементовъ мѣстной аристократіи довольно тѣсно и ясно связано съ дѣятельностью и привилегированнымъ положеніемъ должностныхъ лицъ и выходцевъ изъ Германіи, а также съ смягченною и замаскированою секуляризацией церковнаго имущества, благодаря выдачамъ церковныхъ земель въ арендное держаніе. Развитіе, которое въ общихъ чертахъ обрисовывается въ документахъ архива Спасителя in Monte Amiata, обнаруживается съ гораздо большею ясностью и разнообразіемъ въ актахъ знаменитаго аббатства св. Маріи in Acutiano или, какъ его называли позднѣе, аббатства Фарфы.

При общей характеристикѣ исторіи этого монастыря, въ которую вплетается исторія самыхъ областей, лежавшихъ вокругъ него, я буду держаться, главнымъ образомъ, лѣтописныхъ повѣствованій, извѣстныхъ подъ названіями Constructio и Destructio Farfensis, хотя,

¹⁾ S. Salvatore, 988, ноябрь.

²⁾ S. Salvatore, 973, апрѣль.

³⁾ S. Salvatore, 995, декабря 23-го.

⁴⁾ S. Salvatore, 1000, ноября 22-го.

⁵⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 995, августа 13-го.

при громадной массѣ сохранившихся и систематически сведенныхъ Григоріемъ Катинскимъ документовъ, можно было бы попытаться написать владѣльческую исторію аббатства по самымъ актамъ. Такого рода предпріятіе потребуеъ особой книги и будетъ возможно только тогда, когда будетъ изданъ вполне важнѣйшій изъ трудовъ Григорія Катинскаго — „Великій Сводъ“, *Gran Regesto*, аббатства Фарфы ¹⁾. Для нашей ближайшей цѣли только что упомянутыхъ лѣтописныхъ повѣствованій слишкомъ достаточно.

Исторія основанія монастыря и его роста до 857 года изложена вскорѣ послѣ этого времени неизвѣстнымъ авторомъ въ двадцати главахъ, которыя, впрочемъ, представляютъ, можетъ быть, только извлечение изъ болѣе подробнаго повѣствованія ²⁾. Происхожденіе монастыря возводится легендою къ поселенію въ Сабинской области Лаврентія изъ Сиріи въ царствованіе императора Неліана ³⁾. Дѣйствительнымъ же основателемъ является выходецъ изъ Савойи Тома, поселившійся на рѣкѣ Фарфѣ, въ мѣстности, называвшейся *Acutianum*, въ началѣ VIII вѣка ⁴⁾. Уже при немъ, если вѣрить разказу IX вѣка, религиозное и матеріальное вліяніе распространилось далеко: Беневентскій монастырь св. Викентія на Вольтурно получилъ основаніе въ зависимости отъ Фарфы ⁵⁾. Какъ бы то ни было, постепенный ростъ монастыря при четырнадцати первыхъ настоятеляхъ и матеріальное обогащеніе его, совершившееся, главнымъ образомъ, благодаря покровительству сполетскихъ герцоговъ, увеличивались безпрерывно и весьма мирнымъ путемъ, безъ толчковъ и перипетій. Только послѣ смерти шестаго аббата Алана произошли прискорбныя замѣшательства вслѣдствіе того, что онъ, вопреки канонамъ, лично назначилъ себѣ преемника, а этотъ послѣдній, грубый англосаксъ Вигбертъ, сталъ пользоваться захваченною властью, какъ тираннъ, избивая монаховъ, заключая ихъ въ темницу и изгоняя изъ оби-

¹⁾ Изданіе предпринято двумя сотрудниками римскаго отдѣленія историческаго общества—*И. Джорджи* и графомъ *Ую Баллани*. Второй томъ вышелъ, но, къ сожалѣнію, я не могъ уже имъ воспользоваться.

²⁾ *Ign. Giorgi*, въ статьѣ о фарфскихъ документахъ, помѣщенной въ *Archivio storico romano*, за 1879 годъ, стр. 434 и сл.

³⁾ *Gregorius Catinensis* in prologo registri Farfensis, ap. *Pertz*, *Monum. Germ. Script.*, XI, 520.

⁴⁾ *Constructio Farfens.*, с. 2; *Mon. Germ. Script.*, XI, 524.

⁵⁾ *Constructio F.*, с. 4; *M. G. S.*, XI, 525. Сравни изданіе житія Тагона Тазона и Пальдона въ *Mon. Germ. Scr.*, *rer. lang.* 547.

тели ¹⁾. Но за исключеніемъ этой кратковременной узурпаціи, исторія аббатства представляетъ совершенно спокойное и постоянное преуспѣяніе, достигшее своего апогея къ концу IX вѣка, во времени правленія двадцать второго аббата, Петра. На этомъ времени останавливается нѣсколько въ своемъ повѣствованіи аббать начала IX-го в. Гуго, которому пришлось описывать „разрушеніе“ монастыря, расхищеніе его колоссальнаго богатства, который и въ жизни особенно сильно боролся съ послѣдствіями пагубной исторіи X вѣка, употребилъ всѣ свои усилія, чтобы возвратить утраченное. Прежде чѣмъ приняться за описаніе бѣдствій всякаго рода, постигшихъ монастырь въ X вѣкѣ, онъ, повторяю, останавливается на минуту на описаніи его величія въ правленіе Петра, и съ увлеченіемъ разказываетъ о великолѣпнн шести храмовъ, изъ которыхъ состоялъ главный монастырь, о богатствѣ одеждъ, библиотеки, всякой церковной утвари ²⁾. Рассмотрѣнн сдѣлокъ, совершенныхъ за это время съ разными лицами, вполне подтверждаетъ извѣстія о колоссальномъ богатствѣ монастыря, хотя и характеризуетъ это богатство съ иной стороны, нежели повѣствованіе Гуго, именно со стороны недвижимой собственности. Либелларные договоры фарфскаго Ларгиторія, начинающіеся со времени десятаго аббата Мауроальда (790—802 гг.) показываютъ, что къ правленію Петра аббатство уже владѣло недвижимостью во всѣхъ главныхъ мѣстностяхъ, съ которыми связана и послѣдующая его владѣльческая исторія.

Если Гуго находилъ подходящее сравненіе для Фарфы того времени только въ Нонантулѣ ³⁾, то развѣ только по отношенію къ устройству и движимости самихъ монастырей: относительно земельного богатства Фарфу трудно сравнить съ какимъ бы то ни было аббатствомъ той эпохи. Ея владѣнія изрѣзываютъ во всѣхъ направле-

¹⁾ Constructio F., c. 12; p. 528; ср. *Giorgi*, o. 1., 415.

²⁾ *Destructio Farf.* c. 2; *Mon. Germ. Script.*, XI, 533: *Librorum volumina quanta et qualia vel quam diversis aureis argenteisque operibus ac gemmis lapidibus que pretiosis in texta habebantur, longum est enarrare. Vestes quoque maioris altaris deauratae et gemmatae tot erant, quot festivitates maiores, id est adnuntiatio, nativitas Domini, circumcisio, ac adventus Spiritus sancti, necnon assumptio sanctae Mariae et nativitas ejus. Diei namque iudicii talis ibi erat vestis terribilis, ut quisque eam videbat, statim timore incredibili ac pavore graviter replebatur, ita ut sine memoria mortis per plures dies esse non poterat etc.*

³⁾ — — *Quid multa? in toto regno Italico non inveniebatur simile illi monasterio in cunctis bonis, excepto monasterio quod vocatur Nonantule; sed non ex toto, ut plures fatentur.*

ніяхъ центральному Италію отъ моря до моря, наполняютъ римскую Сабину и лангобардское Сполето, марки Фермо и Асколи, верхній Абрुццо, глубоко танутся въ предѣлы Тосканы, съ одной стороны, Беневента съ другой, проникаютъ въ самый Римъ ¹⁾. Чтобы составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе о массѣ недвижимости, попавшей въ руки монастыря и о сложности ея управленія, достаточно замѣтить, что въ грамотахъ Ларгиторія до 998 года земельная собственность сосредоточена около 49 такъ называемыхъ *curtes* или *cellae* ²⁾. А какихъ размѣровъ были нѣкоторыя изъ этихъ *curtes*, можно судить по списку челяди обоего пола, приписанной при *curtis de Fursone* въ маркахъ ³⁾, или хотя бы по тому простому факту, что до насъ дошли извѣстія о сорока семи либелларныхъ договорахъ, по которымъ участки становились въ зависимость отъ двора св. Ангела въ Ріэти, и то только за время до 998 года.

Чѣмъ больше богатство, тѣмъ труднѣе съ нимъ справиться и его защитить. Уже при аббатѣ Петрѣ нанесенъ былъ первый ударъ благосостоянію монастыря, ударъ, отъ котораго, по видимому, было почти невозможно оправиться. Начиная съ 890 и въ теченіе семи лѣтъ, гарильянскіе Сарацины разоряли Сабину и Сполето, и аббатъ Петръ, который въ нѣсколькихъ стычкахъ одержалъ верхъ надъ „нечестивыми агарянами“ и съ успѣхомъ сопротивлялся имъ за стѣнами своего крѣпкаго монастыря, принужденъ былъ наконецъ уступить имъ опустошенную страну и самый монастырь. Монахи забрали съ собой все, что могли, и разошлись въ три разныя стороны, къ тремъ различнымъ центрамъ монастырскихъ владѣній: одни отправились въ Римъ, другіе въ Ріэти, третьи въ Фермскую область, гдѣ и построили замокъ Матенано ⁴⁾. Хотя Сарацинамъ удалось еще разрушить Ріэти, однако около 916 года ихъ набѣги прекратились вслѣдствіе паденія ихъ гарильянской колоніи ⁵⁾, и можно было подумать о поправленіи страшнаго вреда, нанесеннаго ими. Возстановителемъ аббатства Фарфы

¹⁾ Топографія владѣній аббатства изложена у *Фаттески*, *Memorie di Spoleto*, 130 и сл.

²⁾ Сокращенное описаніе всехъ владѣній монастыря составляетъ цѣлый толстый томъ, носящій названіе «*Floriger Farfensis*». Церкви и имѣнья перечислены въ немъ въ алфавитномъ порядкѣ.

³⁾ *Floriger Farf. S. v. furco. pino*. Однихъ «*manuales infra casam in fursone*» — семьдесятъ два имени, не считая дѣтей. Кроме того, масса земледѣльческихъ работниковъ.

⁴⁾ *Destructio*, с. 3, р. 533 и сл.

явился Раффредъ, который въ двадцатыхъ годахъ X столѣтія колонизировалъ вновь имѣнія монастыря въ Сполето и Сабинѣ съ помощью выходцевъ изъ Фермской области ¹⁾ и собралъ необходимый для поднѣя культуры капиталъ, введши въ монастырское хозяйство новый способъ либелларныхъ выдачъ за одновременную уплату извѣстной суммы денегъ ²⁾.

Оказалось, однако, что нельзя было исправить зло одними матеріальными мѣрами, потому что оно заключалось въ упадкѣ нравственности еще болѣе, нежели въ грабежахъ Сарацинъ. Великое народное бѣдствіе, приходившее, какъ бичъ Божій, безъ внутренней видимой причины, подрывавшее самые корни матеріальнаго благосостоянія и обезпеченности, отнимавшее надежду на результаты завтрашняго дня и на всходы сегодняшней работы, само по себѣ должно было вліять на пониженіе энергии, нравственной выдержки и вѣры въ справедливость. Беспорядокъ, раздробленность и эгоистическая мелочность политической жизни, которая находилась какъ разъ въ состояніи переработки отъ старыхъ формъ къ чему-то новому и неясному, не могли содѣйствовать поддержанію ни матеріальнаго порядка, ни нравственныхъ его основаній. Горячій аскетическій порывъ, который въ XI вѣкѣ поднялъ общество надъ всѣми матеріальными невзгодами и политическимъ убожествомъ, который, можно сказать, спасъ Европу своимъ идеалистическимъ стремленіемъ, аскетическій порывъ Петра Даміани, Григорія VII и крестовныхъ походовъ, не зародился и даже еще не зарождался. При этихъ условіяхъ земельное богатство и хозяйство всею своею тяжестью, такъ сказать, тянуло внизу духовные ордена и корпораціи, члены которыхъ скоро стали вести себя такъ, какъ неприлично даже и свѣтскимъ людямъ. Самые лучшія мѣры обращались въ эгоистическую пользу отдѣльныхъ лицъ и во вредъ общимъ интересамъ: рациональная колонизаторская политика Раффреда сдѣлалась въ рукахъ Кампо, Гильдебранда, Адама средствомъ къ расхищенію церковной собственности, потому что либелларныя раздачи по существу становились отчужденіями ³⁾, а денежные суммы составлявшіяся изъ одновременныхъ взносовъ либелларіевъ, всего менѣе могли быть подвергнуты контролю и могли служить личной роскоши или корысти аббата.

¹⁾ Destructio, с. 5, 535.

²⁾ Cod. emph. Farf. f. 64 и сл.

³⁾ Destructio, с. 6. p. 535.

Масса земель аббатства, которою вообще было такъ трудно управлять, которая сдерживалась въ единствѣ только благодаря могущественной религиозной связи между управителями монахами, распадается на части, какъ только нравственная связь ослаблена, повинуется общимъ центробѣжнымъ силамъ феодализаціи, подрывавшимъ обширныя соединенія и общіе интересы въ пользу мѣстныхъ самостоятельности. Кампо и Гильдебрандъ сначала дѣлятъ между собою земли аббатства, а потомъ ссорятся изъ-за дѣлежа. Представитель лучшаго направленія, вышедшій изъ клюнійской школы, Дагибертъ успѣваетъ утвердиться только въ той части монастырскихъ владѣній, которая находится подъ прямымъ вліяніемъ Рима и его патриція Альберика—въ римской области Сабинѣ; Кампо держатся въ Сполето, Гильдебрандъ—въ маркахъ ¹⁾). До самаго конца вѣка поддерживается раздѣленіе монастырскихъ владѣній на двѣ группы—восточную и западную; иногда вмѣсто двухъ аббатовъ являются три. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за всѣми перипетіями открытой борьбы между конкурирующими пастырями осадъ, убійствъ, вмѣшательства различныхъ властей. По отзыву аббата Гугона, всѣ конкуренты были почти одинаково дурны: Кампо былъ, по видимому, однако хорошій отецъ семейства, если и неудовлетворительный настоятель: онъ проживалъ въ монастырѣ съ своими женами и дѣтьми, щедро надѣляя послѣднихъ изъ монастырской казны, въ одинаковой же степени заботился о благосостояніи и болѣе дальнихъ своихъ родственниковъ и покровительствовалъ развитію такихъ же патриархальныхъ отношеній между своими монахами ²⁾). Гильдебрандъ, его соперникъ, отличался, очевидно,

¹⁾ Destructio, c. 7, 8.

²⁾ Destructio, c. b. — — Quia concubinis quas prius habuerant occulte, postmodum palam abuti coeperunt non solum ipsi, sed ut cuncti illorum monachi hoc scelus non verebantur patrare, sed nuptialiter unus quisque suam ducebat scortam. Ipsa namque pax non permansit inter eos nisi usque ad unum annum. Completo anno, coeperunt inter se contendere. Hildebrandus vero data pecunia iunxit se marchisianis, tulit que Camponi totam hereditatem monasterii que erat in marchia cum monachis et militibus, et sibi coepit vindicare. Campo autem econtra ampliori pecunia iis ipsis collata, venit illuc atque unam suam sororem tradidit marito cui nomen erat Transbertus, valdeque eam dotavit de bonis monasterii mobilibus et immobilibus. Curtem quoque sancti Marotis quae tam magna et spatiosa est, ut numero sexdecim milium modiorum contineatur, sicut plures affirmant, ipso suo cognato per concambium contulit; unde in Propetiano ut ferunt loco squalido et inculto econtra concambium recepit; alias duos curtes, sanctae Mariae in Strada et sanctae Mariae in Mura, pro prestaria nichilominus adiunxit. Unam vero filiam suam

своими воинственными качествами: четыре раза изгоняли его из фермской марки и четыре раза возвращался онъ побѣдителемъ и отбивалъ главный стратегическій пунктъ этой области—замокъ Матенано. Однако и онъ не пренебрегалъ удовольствіями мира и любви: послѣ своей окончательной побѣды надъ Сарилономъ онъ задалъ своимъ наложницамъ и помощникамъ великій пиръ, который заключился пожаромъ, уничтожившимъ замокъ ¹⁾. По части сластолюбія, всѣхъ, однако, превосходилъ аббатъ Сполетской половины Адамъ, котораго разъ изловили на мѣстѣ преступленія свѣтскіе сосѣди и заставили откупиться уступкою нѣсколькихъ монастырскихъ имѣній ²⁾.

Исторія этого печальнаго времени заключается именно насиліями свѣтскихъ людей, которые обращаются съ церковною собственностью, какъ со всякою другою собственностью своихъ сосѣдей, то-есть, по возможности присвоиваютъ и грабятъ ее. Стѣсняться имъ не кого, потому что сила у нихъ; уважать также не кого, потому что монахи сами позаботились уничтожить всякое уваженіе къ себѣ, сами вмѣшались въ ряды мірянъ, приняли ихъ привычки и образъ жизни, столкнулись своими глиняными боками съ желѣзными ребрами сосѣднихъ магнатовъ. Ничто не можетъ быть характернѣе для отношеній X вѣка, нежели 2-я глава въ повѣствованіи аббата Гуго о расхищеніи монастырскаго имущества: „папа Іоаннъ, по прозванію Старшій, вступивъ на папскій престоль, возвысилъ своего племянника, именемъ Бенедикта, далъ ему въ жены Теодеранду изъ знатнаго рода, дочь Кресценція, прозваннаго отъ мраморнаго коня, и далъ ему Сабинское графство и много другихъ. И онъ, прибывъ въ Сабину, сталъ жить въ замкѣ Арци. Въ то время монастыремъ управлялъ аббатъ Іоаннъ, нашъ предшественникъ, человекъ, какъ многимъ извѣстно, преданный мірскому образу жизни; ему вышеназванная Теодеранда доставляла различныя явства и наслажденія.— Аббатъ держалъ въ то время замокъ Трибукскій вмѣстѣ съ Мартиноу, сыномъ Рико и его сыновьями и сонаслѣдниками. Одну сторону башни держалъ аббатъ, а другую они, согласно условію, заключенному съ преж-

alteri viro dedit, cui similiter diversa largitus est donaria. . . . Septem filias et tres filios habuit, quos et quas cunctos dotavit de rebus monasterii; et alios parentes plurimos. Nam in Sabinis castellum de Bucciniano et Roccam et Salisanum et fundum Casaprote eis comulit; in Reatino comitatu et Amiternino et Furconino et Balbensi necnon et Marsicano illis paene cuncta distribuit, ut perpauca reservaret.

¹⁾ Destructio, 11.

²⁾ Destructio, 9.

ними аббатами. Когда аббатъ отправлялся въ дальнее путешествіе, то оставлялъ ихъ сторожами и въ своей части, которую получалъ обратно по своемъ возвращеніи. Люди же это были крайне дикіе и преступные—очень часто грабили путешественниковъ, позорили этимъ аббата и приводили его въ отчаяніе. Раздраженный противъ нихъ и расположенный въ пользу графа и его жены ихъ почтеніемъ и услугами, а также надѣясь получить богослужебный орнатъ для литургіи, который ему обѣщали, аббатъ составилъ въ пользу графа и его жены грамоту, которую Римляне называютъ „tertium genus“, относительно Трибукскаго замка. Тѣ, однако, не захотѣли дать обѣщанный орнатъ, по развазамъ—великолѣпный и стоившій тридцать фунтовъ. За то и аббатъ не утвердилъ грамоты въ три поколѣнія. Тогда графъ и его жена, не будучи въ состояніи захватить замокъ силою, такъ какъ сидѣвшіе въ немъ были очень свирѣпы и хитры, стали придумывать, какъ бы взять замокъ коварствомъ. Графъ по-блжлся имъ, какъ они хотѣли, и вызвалъ ихъ къ себѣ въ замокъ Арци. Тамъ онъ и его жена схватили двѣнадцать лучшихъ изъ этихъ людей, бросили ихъ въ темницу и заковали въ кандалы, а другихъ тридцать отпустили за выкупъ. Благодаря этому плѣвенію, графъ и его жена приобрѣли отъ сыновей Лотаря грамоту на дворъ св. Гетулія, а Лотарю выдалъ аббатъ Адамъ, когда тотъ его захватилъ на мѣстѣ прелюбодѣянія; отъ діакона Григорія приобрѣли грамоту на Трибукскій замокъ, отъ другихъ—другія монастырскія грамоты. Все это вопреки закону, ибо безъ разрѣшенія патрона никто не имѣетъ права передавать другому цензуальную землю. Оставшіеся въ замкѣ Трибуко держались въ немъ цѣлый годъ, благодаря помощи своего родственника Сеніоріета, сына Ардуина. По истеченіи же этого срока, Сеніоріетъ выдалъ замокъ за деньги графу и его женѣ. Тѣ вышли и подѣлили себѣ всѣ сосѣднія имѣнія, какъ нашего монастыря, такъ и принадлежащія св. Андрею и Римлянамъ“.

Исторія аббатства Фарфы представляетъ главныя движенія въ сферѣ италіанскаго землевладѣнія въ самой рѣзкой и характерной формѣ. Нигдѣ не рисуется ярче образъ дѣйствій духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, господству которыхъ подпала въ X вѣкѣ Италія, какъ въ повѣствованіи аббата Гуго о „разрушеніи“ аббатства. Мнѣ кажется, что прослѣдивъ за скромною исторіей Спасителя in Monte Amiata и за шумною исторіей Фарфы, мы можемъ закончить характеристику лангобардскихъ памятниковъ по отношенію къ землевладѣнію. Богатый архивъ св. Троицы около Салерно, напримѣръ, даетъ намъ

въ сущности только повтореніе уже изложенныхъ наблюденій, причѣмъ общая исторія монастыря будетъ въ сильной степени походить на развитіе обители Спасителя на Monte Amiata. Напротивъ, монтекас-синскіе документы рисуютъ судьбу знаменитаго бенедиктинскаго центра весьма сходною съ судьбой Фарфы ¹⁾. И тамъ и здѣсь одинаково сказываются быстрое обогащеніе монастырей въ VIII и IX вѣкѣ, разореніе, произведенное Сарацинами, колонизаціонная и организаторская дѣятельность корпораціи, упадокъ церковной дисциплины и матеріализація церкви въ X вѣкѣ, злоупотребленіе арендными формами для передачи земель въ свѣтскія руки, наконецъ, насильственное расхищеніе церковнаго богатства со стороны крупныхъ сосѣдей. Конечно, намъ приходится жалѣть, что наши документы исходятъ почти исключительно изъ церковныхъ архивовъ, но это обстоятельство имѣетъ и свою хорошую сторону: оно позволяетъ въ подробностяхъ обозрѣть церковное хозяйство и владѣніе и при этомъ оцѣнить историческое значеніе той роли, которая играла церковь въ процессѣ феодализаціи. Роль эта первостепенной важности, хотя и не совсѣмъ выгодная для духовныхъ корпорацій. Церковь является главнымъ посредникомъ между эпохою мелкой собственности и эпохою феодальной, особенно сильно работаетъ къ скопленію земель въ своихъ рукахъ въ VIII и IX вѣкѣ, а затѣмъ, въ X вѣкѣ, и по волѣ и по неволѣ передаетъ наслѣдство мелкихъ собственниковъ въ руки свѣтскихъ магнатовъ.

¹⁾ См. вообще *Gattola*, *Historia abbadae Cassinensis* и *L. Tosti*, *storia della badia di Montecassino*.

II. Виноградовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПОСЛАНИИ ДАНИЛА ЗАТОЧНИКА.

Любопытный памятник древней русской письменности, носящий название „Слова“ или „Моления Даниила Заточника“, какъ известно, существуетъ въ двухъ редакціяхъ: одна изъ нихъ, подъ именемъ „Слова“, относится къ XII вѣку, другая, съ названіемъ „Моленія“, — къ XIII ¹⁾.

Въ общемъ своемъ содержаніи обѣ редакціи близко сходятся. По той и другой редакціи содержаніе этого произведенія состоитъ въ слѣдующемъ: Нѣкто Данилъ, сосланный въ заточеніе на озеро Лаче или Лачь (въ нынѣшней Олонецкой губерніи), умоляетъ своего князя объ освобожденіи. Въ посланіи Заточника болѣе риторически, нежели живо и съ чувствомъ, изображается тяжесть заключенія. Но не въ этомъ главное содержаніе посланія. Большая часть его состоитъ въ изложеніи мыслей сочинителя о различныхъ предметахъ: не мало говоритъ онъ о значеніи князя для войска и народа, о нравственныхъ качествахъ, необходимыхъ для князя, о значеніи дружины, обѣ умныхъ и глупыхъ людяхъ, о злыхъ женахъ и т. д. Въ этомъ сходны обѣ редакціи. Но между ними есть и не мало различій. Такъ по редакціи XII в. Данилъ писалъ посланіе къ какому-то „сыну великаго царя Владимира“, вѣроятно — къ Георгію или Юрію Владиміровичу Дол-

¹⁾ Первая редакція напечатана *К. О. Калайдовичемъ* въ *Памятникахъ российской словесности XII вѣка* (М. 1821), а вторая — *В. М. Удольскимъ* въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г., кн. 2-я; позднѣйшія перепечатки обѣихъ этихъ редакцій находятся въ христоматіяхъ гг. *Буслаева*, *Аристовой* и проч. Кроме того, слово Даниила Заточника издано *И. И. Срезневскимъ* по Копенгагенскому списку въ *Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ*.

горувому († 1157 г.). Въ концѣ посланія въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщена слѣдующая басня: „Сіи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ озерѣ (вмѣсто озера Лача), и запечатавъ въ воскъ и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ее пороти, и узрѣ князь сіе написаніе и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія“. По редакціи же XIII в., Данилъ адресуетъ свое посланіе къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, который потомъ былъ великимъ княземъ Владимірскимъ († 1247); здѣсь Данилъ называетъ Переяславль своимъ городомъ; онъ—подданный князя, сынъ рабыни его; писалъ уже во время Монгольскаго нашествія. Кромѣ того, въ редакціи XIII в. высказываются нѣкоторыя мысли, которыхъ нѣтъ въ первой редакціи, таковы мысли о жизни на боярскомъ дворѣ, о холопахъ, о монашествѣ и друг. Наконецъ, въ редакціи XIII вѣка особенно много риторическихъ украшеній.

Уже одно существованіе двухъ столь различныхъ редакцій показываетъ намъ, что едва ли Данилъ, имя котораго стоитъ въ заглавіи произведенія, есть лицо историческое, едва ли онъ существовалъ на самомъ дѣлѣ. Предположивъ, что Данилъ Заточникъ дѣйствительно существовалъ, и что ему принадлежало означенное произведеніе, мы должны будемъ признать слѣдующее: какой-то сочинитель XIII в. многое измѣнилъ и дополнилъ въ сочиненіи Данила, измѣнилъ самый разказъ о немъ, и въ концѣ концовъ, издалъ это свое собственное сочиненіе подъ названіемъ „Моленія Данила Заточника“. Фактъ — непонятный и ничѣмъ необъяснимый. Но существуютъ еще болѣе важныя основанія, по которымъ можно рѣшительно отвергать дѣйствительное существованіе Данила Заточника. Основанія эти заключаются въ самомъ содержаніи посланія, его тонѣ и характерѣ и въ отношеніи сочинителя къ князю, къ которому обращается съ мольбою. Содержаніе посланія, какъ мы сказали, весьма разнообразно. Притомъ въ расположеніи частей произведенія не замѣчается большаго порядка: разнообразныя разсужденія слѣдуютъ одно за другимъ безъ особенной связи. Трудно предположить, чтобы въ прошеніи, такъ сказать, къ своему властителю авторъ сталъ говорить о столь разнообразныхъ предметахъ, и притомъ иногда безъ всякой послѣдовательности. Еще страннѣе отношеніе просителя къ своему князю: проситель нерѣдко обращается здѣсь въ наставника и проповѣдника, и притомъ весьма притязательнаго:

„Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо

одѣянїемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслию яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ; яко же рече Давидъ: „сладка словеса твоа паче меда устомъ моимъ“; Соломонъ рече: „словеса добра напаяютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному“... Добру бо господину служба, дослужится свободы; а злу господину служба, дослужится болшіа работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозъ дубравы, напаяюще не токмо челоуѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущъ каменни: не лза пити, ни коня напоити.... Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тгунъ бо его яко огонь трепетицею наклады, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ... Княже, господине мой! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко золото въ каднѣ сосудѣ, а богатъ красенъ не смысленъ, то аки поволочитое зголове соломы наткано“ (по редакціи XII в.).

Умоляя князя объ освобожденіи, сочинитель сравниваетъ свое положеніе съ княжескимъ, и нельзя не видѣть въ этомъ сравненіи укорины своему господину: „Но егда веселишися многими брашны, а мене помани сухъ хлѣбъ ядущъ, или піеши сладкое питіе, а мене помани теплу воду пьющи, и праха нападша отъ мѣста завѣтрена. Егда ляжеши на мягькихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помани подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе“ (ред. XII в.).

Сочинитель, далѣе, подаетъ совѣты своему князю, какъ послѣдній долженъ относиться къ дружинѣ: „Яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы, тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людемъ. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ... Княже мой господине! Не море топить корабли, но вѣтри; а не огонь творитъ разжженіе желѣзу но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ“ (ред. XII в.).

Едва ли прїятно было бы князю слышать изъ устъ просителя такіа наставленія, какъ ему, князю, обращаться съ своимъ имуществомъ, слышать разсужденія о томъ, какъ не велико значеніе князя безъ дружины: просителю естественнѣе было всѣми силами доказы-

вать великое значеніе княжеской власти. Съ другой стороны, едва ли естественно просителю-заточнику такъ относиться къ своему господину. Далѣе, еслибы посланіе было составлено какимъ-нибудь заточникомъ, то онъ—естественно—сталъ бы или доказывать свою невинность, или ослаблять значеніе своей вины, за которую сосланъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ его посланіи. Неудобно, упрасивая властителя о помилованіи, говорить только о тяжести своего положенія. Такому заточнику легко можно было ожидать такого отвѣта на свои просьбы: „Твое положеніе тяжело, говоришь ты,—ну такъ что же, если ты его заслужилъ?“ Ко всему сказанному нужно прибавить и то, что о Даниилѣ Заточникѣ нѣтъ — можно сказать — никакихъ другихъ извѣстій. Правда, въ лѣтописи, при описаніи Вожской побѣды надъ Татарами 1378 г., сказано, что одного священника сослали на озеро Лаче, „идѣже бѣ Данило заточеникъ“. Но это—уже слишкомъ позднее извѣстіе, явившееся, очевидно, подъ влияніемъ разбрасываемаго нами посланія.

Наконецъ, еще нѣкоторыя отдѣльныя выраженія въ посланіи доказываютъ, что оно вовсе не сочинено заточникомъ и не назначено исключительно для какого-нибудь извѣстнаго князя. Сочинитель начинаетъ свое посланіе обращеніемъ не къ князю, а къ какой-то братіи: „Вострубимъ братіе, яко во златоконанныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во серебряныя органы и возвѣстимъ мудрости своя“. А оканчивается посланіе такъ: „Уже бо престану глаголати... да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: „рѣчь продолжна недобро, продолжена паволова“.

Значить, сочинитель боится надоесть міру, а не князю, къ которому обращается съ просьбою. И такъ, дѣйствительное существованіе Даниила Заточника слѣдуетъ безусловно отвергнуть; болѣе чѣмъ сомнительно даже и то, чтобъ это произведеніе было прошеніемъ какого бы то ни было страдальца къ князю.

Однако, не смотря на столь очевидныя причины, заставляющія насъ отвергать дѣйствительное существованіе Заточника, оно признается, по видимому, всѣми учеными. Такъ, С. М. Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“, и Ѳ. И. Буслаевъ въ наиболѣе позднемъ своемъ трудѣ—„Русской Христоматіи“, какъ и ранѣе въ „Исторической Христоматіи“, г. Аристовъ въ „Христоматіи по Русской Исторіи“, г. Миллеръ въ „Опытѣ историческаго обзоренія русской сл о-

вѣстности" и друг. говорятъ о Даниилѣ Заточникѣ, какъ о лицѣ, дѣйствительно существовавшемъ. Изъ нихъ мы остановимся въ особенности на мнѣніи г. Миллера. „Слово“ по мнѣнію профессора Миллера, „написалъ какой-то Даниилъ—лицо, которое до своей опалы должно было стоять довольно близко къ князю, потому что въ посланіи постоянно намекается на лишеніе, какому подвергъ себя князь, удаливъ его, Даниила. И лѣтопись наша еще въ XIV в. помнила о заточенномъ Даниилѣ; подъ 1378 годомъ говорится въ ней объ одномъ сосланномъ на Лачь-озеро, и при этомъ замѣчается, что это озеро—то самое, „гдѣ былъ Данило Заточеникъ“. И въ народѣ ходили какія-то преданія о безчастномъ Даниилѣ, преданія, отъ которыхъ впоследствии осталась только пословица: „какъ Данило безчастный—не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго“ (разумѣется — у князя). Въ изводѣ XII в. совершенно точно, согласно съ лѣтописью, обозначается мѣсто изгнанія Даниила: это Лачь-озеро, сидя на которомъ, ему, какъ выражается онъ, сквозь слезы подсмѣиваясь самъ надъ собою, плачь горькій. Тутъ же обозначаетъ Даниилъ, также сквозь слезы тѣша себя и князя игрою словъ, и нѣкоторые мѣста, чѣмъ нибудь связанныя съ озеромъ Лачь: это Бѣло-озеро (а для него оно чернѣе смолы), находящееся по близости мѣста заточенія Даниила; это самъ великій Новгородъ, къ области котораго принадлежала вся страна, — „а мнѣ, говоритъ Даниилъ при имени Новгорода, углы отпали“—мѣсто, по видимому, испорченное. Также трудно понять, что тутъ значитъ: „кому Любиво, а мнѣ горе лютое“. „Слово“ сдѣлалось извѣстнымъ, нашло переписчиковъ, а въ старину переписчики всегда были также и передѣльвателями. Вотъ какому-то переписчику - Переяславцу и вздумалось подновить „Слово“: вмѣсто прежняго „сына великаго князя Владиміра“ онъ отнесъ его къ Всеволодовичу Ярославу, князю Переяславскому, и даже въ заглавіи поставилъ: „Данила Заточеника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичю“; исключилъ озеро Лачь и другія мѣста, сошедшія съ мѣстомъ изгнанія Даниила. Можетъ быть даже, „Словомъ“ прежняго опальнаго воспользовался какой-нибудь новый опальный, примѣнилъ его къ своимъ собственнымъ обстоятельствамъ и отправилъ къ князю, сохранивъ однако же имя прежняго, извѣстнаго Даниила, который въ серединѣ „Слова“ приводится тутъ въ третьемъ лицѣ, какъ посторонній писатель: „Даниилъ рече“, и т. д. Удержавъ имя Даниила, онъ, можетъ быть, хотѣлъ этимъ указать князю на сходство своей судьбы съ судьбою Даниила, хотѣлъ выразить надежду,

что исходъ судьбы ихъ будетъ одинаковъ, то-есть, счастливый (о Даниилѣ существовало преданіе, что онъ былъ прощенъ). Можетъ быть, даже новый опальный носилъ одно имя съ извѣстнымъ заточникомъ. Все это, разумѣется, только догадки; достовѣрно только одно, что къ кому бы даже ни было „Слово“ писано въ первый разъ, впоследствии оно было передѣлано и обращено къ другому, уже съ точностію намъ извѣстному князю, и такимъ образомъ явился новый изводъ, относящійся къ началу XIII вѣка¹⁾.

Многое въ этихъ словахъ намъ рѣшительно не понятно. Утверждая дѣйствительно существованіе Даниила Заточника, г. Миллеръ ссылается на лѣтописное извѣстіе и на народныя преданія о безчастномъ Даниилѣ. Но лѣтописное извѣстіе, какъ мы уже говорили, очевидно, само составилось подъ вліяніемъ „Слова“: въ XIV вѣкѣ первоначальный смыслъ и значеніе этого произведенія уже совершенно забылись, и русскіе книжники начали считать Даниила лицомъ, дѣйствительно существовавшимъ. Вотъ поэтому-то и могли появиться въ лѣтописи такія слова: „на озеро Лаче, идѣже бѣ Данило Заточеникъ“.

Также слѣдуетъ, конечно, объяснять и народныя преданія объ Даниилѣ: народныя разказчики, услышавъ какимъ бы ни было образомъ книжный разказъ о Даниилѣ, начали и сами составлять сказанія объ этомъ лицѣ. Понятно поэтому, что народныя преданія о Даниилѣ еще менѣе, чѣмъ лѣтописное упоминаніе, могутъ служить доказательствомъ подлиннаго существованія Даниила Заточника.

Далѣе, не понятно, почему г. Миллеру кажется испорченнымъ мѣстомъ: „кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали“. Здѣсь противопологается слово „Новгородъ“ выраженію „углы (жилища, въ которомъ изгнанникъ живетъ) опали“, то-есть, повачнулись, распались отъ древности и гнилости: чѣмъ хуже эта острота предыдущей: „кому Бѣло-озеро, а мнѣ чернѣ (или черные) смолы“? То же нужно сказать и о выраженіи: „кому Любиво, а мнѣ горе лютое“. Затруднять здѣсь можетъ только собственное имя Любиво, такъ какъ мы не знаемъ изъ исторіи ни города, ни селенія съ такимъ именемъ. Но, вопервыхъ, если намъ это имя не извѣстно, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобъ его вовсе не существовало. А вовторыхъ, г. Буслаевъ приводитъ въ „Исторической Христоматіи“ вариантъ къ этому имени— „Боголюбиво“ и тутъ же задаетъ вопросъ: „не Боголюбиво ли?“ хотя и не даетъ на него отвѣта. Такая догадка г. Буслаева

¹⁾ Опытъ истор. обозрѣнія русской словесности, вып. I.

заслуживаетъ большаго вниманія, и мы къ ней со временемъ возвратимся. Во всякомъ случаѣ, эта догадка даетъ намъ возможность не прибѣгать къ предположенію объ испорченности мѣста.

Предположенія г. Миллера относительно позднѣйшей редакціи мы оставляемъ безъ разбора: изъ словъ автора ясно видно, что онъ самъ признаетъ всѣ свои догадки слишкомъ натянутыми.

Затѣмъ г. Миллеръ подробно говоритъ о заимствованіяхъ въ „Словѣ“ изъ другихъ источниковъ и признаетъ языкъ его въ высшей степени напыщеннымъ, однако, по видимому, не находитъ въ этомъ ничего страннаго, не удивляется, какимъ образомъ могъ несчастный заточникъ въ прошеніи къ своему князю употреблять столько излишнихъ вставокъ, столько напыщенныхъ украшеній. Наконецъ, на стр. 383 „Опыта“ г. Миллера сказано: „Первоначальное посланіе, вѣроятно, оканчивалось словами: „сіи суть словеса, да не уже много глаголю“ (то-есть, вотъ и все, что мнѣ надо было сказать; пора кончить, чтобы не наговорить лишняго). Переписчики позднѣйшаго времени вставили послѣ этого разказъ о томъ, какимъ образомъ Даниилъ доставилъ свое посланіе къ князю и былъ прощенъ. Между тѣмъ, это не помѣшало какому-то новому переписчику послѣ вставленнаго разказа о прощеніи Даниила, то-есть, о послѣдствіяхъ посланія, заставить его опять проговорить нѣсколько строкъ о томъ, что не надобно говорить много, пора перестать, чтобы не уподобиться дыривому мѣху, роняющему богатство убогимъ; чтобы не уподобиться жерновамъ, которые насыщаютъ многихъ людей, а себя не могутъ насытить, — и т. д. до конца: все это, по всей вѣроятности, также приставка позднѣйшаго времени“.

Мы согласны признать это вставкой позднѣйшаго переписчика, и тогда, конечно, сказанное нами выше о томъ, существовалъ ли Даниилъ дѣйствительно, — теряетъ свою силу; но этимъ, однако, не уничтожается сила всѣхъ другихъ нашихъ доводовъ. Да наконецъ, и самъ г. Миллеръ, называя заключеніе „Слова“ позднѣйшею вставкою, не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія и высказываетъ его только въ видѣ догадки.

И такъ, повторяемъ, дѣйствительное существованіе Даниила Заточника слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть.

Кто же былъ сочинитель этого произведенія, и какъ вообще слѣдуетъ на него смотрѣть? Прямаго и положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать невозможно. Возможно только строить болѣе или ме-

нѣе вѣроятныя предположенія и догадки на основаніи самаго произведенія, что мы и постараемся сдѣлать.

Изъ произведенія ясно видно, что сочинитель отличался большою начитанностью и принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Извѣстно, что образование на Руси въ XII и XIII вв. было не обширно. Все чтеніе нашихъ предковъ состояло въ Священномъ Писаніи, поученіяхъ отцовъ церкви, да еще въ разныхъ сборникахъ, заимствованныхъ изъ Византіи, носившихъ названія „Пчелъ“, „Златыхъ цѣпей“, „Златоструевъ“, просто „Изборниковъ“ и т. д. Содержаніе такихъ сборниковъ было довольно разнообразно: тутъ были тѣ же поученія отцовъ церкви, иногда сочиненія по риторикѣ, сочиненія историческія, отрывочныя указанія по разнымъ отраслямъ науки (большею частію—полныя вымысловъ) и нѣкоторыя прагматическія замѣтки. Кромѣ этихъ книгъ, существовало у насъ не мало книгъ апокрифическихъ, и наконецъ, лѣтописи. Человѣкъ, прочитавшій наибольшее число вышеуказанныхъ книгъ, считался и былъ на самомъ дѣлѣ образованнѣйшимъ челоуѣкомъ своего времени. Таковъ былъ и авторъ посланія. Онъ довольно основательно зналъ Священное Писаніе, потому что не только приводитъ изреченія изъ разныхъ мѣстъ Библии и разные разказы изъ священной исторіи, но и самъ старается подражать въ тонѣ и выраженіяхъ священнымъ книгамъ, что мы видимъ, на примѣръ, въ началѣ посланія. Онъ былъ хорошо знакомъ и со многими изъ вышеуказанныхъ сборниковъ. Такъ, многія мѣста заимствовалъ онъ изъ „Пчелъ“. Не будемъ указывать на эти мѣста, отсылая желающихъ къ „Русской Христоматіи“ г. Буслаевъ, или къ „Опыту историческаго обозрѣнія русской словосности“ г. Миллера, гдѣ онѣ указаны весьма подробно. Скажемъ объ одномъ только заимствованіи. Въ посланіи есть очень рѣзкіе отзывы о злыхъ женахъ. Всѣ эти нападки на женщинъ заимствованы авторомъ посланія, очевидно, изъ „Пчелъ“. Указанная статья имѣетъ также большое сходство съ статьею о злыхъ женахъ, помѣщенной въ Изборникѣ Святослава. Въ Изборникѣ этомъ нападки на женщинъ даже гораздо рѣзче и несправедливѣе, чѣмъ въ „Словѣ“. Въ редакціи же XIII в. эти нападки еще болѣе сокращены и ослаблены. Притомъ, въ посланіи Даниила, кромѣ разсужденія о злыхъ женахъ, говорится и о женахъ добрыхъ и приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ Писанія. Мрачный типъ злой жены списанъ авторомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя не образованнаго, но еще молодого и свѣжаго русскаго общества, а съ греческихъ поученій о

женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византийская женщина, и которыя начали распространяться въ нашей письменности съ самаго ея начала. Слова о злыхъ женахъ во множествѣ появились въ „Пчелахъ“ съ различными измѣненіями и вариациями на одну и ту же тему. И потому мы жестоко ошиблись бы, еслибы стали рисовать картину дѣйствительной жизни и характера древней русской женщины по аскетическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ книжниковъ, принесеннымъ изъ Греціи. Впослѣдствіи подобныя разсужденія имѣли, конечно, вліяніе на положеніе женщины въ Россіи. Подъ вліяніемъ подобныхъ сочиненій и образовался въ древней письменности тотъ презрительный взглядъ на женщину, который перешелъ изъ нея въ жизнь и выразился здѣсь крутымъ и часто жестокимъ обхожденіемъ съ женщиной и весьма много, конечно, способствовалъ ея нравственному униженію. Но въ первые вѣка нашей исторіи нашимъ предкамъ отнюдь не свойственны были ненависть и презрительное отношеніе къ женщинамъ. Сочинитель посланія нападаетъ на женщинъ, очевидно, только изъ подражанія, да и то значительно ослабляетъ ихъ подъ вліяніемъ своихъ русскихъ чувствованій и убѣжденій.

Знакомъ былъ нашъ сочинитель и съ лѣтописями или вообще со сказаніями старины, какъ видно изъ его упоминаній о разныхъ старинныхъ событіяхъ. Такъ, онъ ссылается въ одномъ мѣстѣ на слова Святослава, сына Игорева, хотя такихъ словъ лѣтопись и не передаетъ. Далѣе, онъ упоминаетъ о словахъ князя Ростислава: „лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе“, хотя въ лѣтописи подобныя слова приписываютъ другому князю—Андрею Владиміровичу Переяславскому. По редакціи же XIII в. заточникъ ссылается на борьбу Святополка Окаяннаго съ Ярославомъ, на хитрость, употребленную ханомъ Бонякомъ въ войнѣ съ Уграми, и эти послѣднія указанія вполне согласны съ лѣтописными.

Наконецъ, самъ сочинитель такъ говоритъ о своихъ познаніяхъ: „Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философа научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвенный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла“ (ред. XII в.).

Глубокое знакомство съ Священнымъ Писаніемъ могло бы подать намъ поводъ думать, что авторъ — лицо духовное. Но этому противорѣчитъ частое обращеніе автора къ мірскимъ притчамъ, то-

есть, пословицамъ, и то важное значеніе, которое онъ имъ придаетъ. Совѣты, которые авторъ даетъ князю, еще болѣе доказываютъ, что это — человѣкъ свѣтскій. Лицу духовному тогдашняго времени едва ли свойственно было придавать дружинѣ столь важное значеніе, какое придаетъ ей нашъ сочинитель. Нашему духовенству съ самаго введенія христіанства на Руси свойственно было то высокое понятіе о верховной власти, какое проводится въ Священномъ Писаніи. Всякая власть, а тѣмъ болѣе власть князя, устанвлена Богомъ и есть орудіе его промысла: такъ говорило всегда духовенство, такъ говорить и нашъ первый лѣтописецъ. Разказавъ о злодѣяніяхъ Святополка Окаяннаго и постигшемъ его наказаніи, лѣтописецъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее разсужденіе: „Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскимъ, да аще сіи еще сице же сѣтворять, се слышавъше, ту же казнь примуть; но и больши сея, понеже вѣдая се, сѣтворить такоже зѣло убійство“. Какъ относилось къ княжеской власти тогдашнее духовенство, видно между прочимъ изъ житія преподобнаго Θεодосія. Преподобный, встрѣчаясь съ княземъ, всегда влѣняется ему и въ разговорѣ всегда называетъ его: „владыко благый“. По изгнаніи Изяслава съ кіевскаго престола, Θεодосій обличаетъ Святослава, „яко не по закону сѣдѣша на столѣ томъ (кіевскомъ) и яко отъца си и брата старѣйшаго прогнавъша“. Однако, когда Святославъ посѣщаетъ Кіевопечерскій монастырь, то Θεодосій вышелъ съ братіей изъ церкви и встрѣтилъ князя по обычаю, какъ говоритъ составитель житія, и всѣ поклонились, „яко же ꙗко лѣпо къ князю“. Употребленныя здѣсь составителемъ житія выраженія столь характеристичны, что едва ли нужно что-нибудь прибавлять о нихъ. Вообще, можно положительно сказать, что наше духовенство еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ питало сочувствіе къ единодержавію и самодержавію и едва ли признавало законнымъ явленіемъ ограниченіе княжеской власти дружиной и вѣчемъ. Въ XII в. явилось, конечно — подѣ вліяніемъ византійскимъ и подѣ вліяніемъ духовенства, даже названіе „царя“ для княжеской власти: это названіе есть и въ произведеніи Заточника. Но всего важнѣе то обстоятельство, что сочинитель нигдѣ не упоминаетъ о своемъ духовномъ званіи, что въ редакціи XIII в. онъ даже рѣзко говоритъ о постриженіи въ монашество: „Или речеши, княже: пострижися в черны. Не видалъ есмь мертвеца на свиняхъ ѣздачи, ни черта на бабѣ; ни ѣдалъ есмь отъ вѣя смокви... Луче ми есть тако скончати животь свой, нежели воспримши ангельскіи образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мирови, а не Богу: Богу

нелзѣ лгати, ни вышнимъ играти. Мнози бо, отшедше мира сего, паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мирское гонение; обиходятъ села и дома славныхъ мира сего, яко пси ласкосердіи; идѣжъ брацы и пирове,—ту чернцы и черницы, и беззаконніи, отеческіи имѣя на собѣ санъ,...а обычаемъ похабѣ“. Важно, наконецъ, и то, что сочинитель въ заглавіяхъ называется просто „Данииломъ Заточникомъ“: это ясно доказываетъ, что сочинитель былъ лицо свѣтское. А такъ какъ, кромѣ князей и духовенства, такимъ обширнымъ по тому времени образованіемъ, какое замѣтно въ сочинителѣ, могли обладать въ XII и XIII вв. только княжескіе дружинники, то и слѣдуетъ полжительно утверждать, что сочинитель былъ однимъ изъ членовъ тогдашней дружины. Еще болѣе убѣдимся мы въ этомъ, внимательнѣе вникнувъ въ содержаніе посланія.

Но тутъ мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и сказать въ нѣкоторыхъ словахъ о томъ, какое значеніе имѣла дружина въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Съ древнихъ временъ князья наши предпринимали свои походы, совершали завоеванія, собирали дань и управляли землею при содѣйствіи дружины изъ охочихъ людей, постоянно находившихся при князѣ. Это не было вполнѣ подчиненное ему войско, а скорѣе собраніе товарищей и совѣтниковъ князя, на что указываетъ уже самое названіе „дружины“. Впрочемъ, названіе совѣтниковъ князя можетъ быть вполнѣ приложено не ко всѣмъ членамъ дружины. Уже съ древнѣйшихъ временъ она раздѣлилась на старшую и младшую; члены первой дружины носили названіе „боляръ“, „мужей“, члены второй назывались „отроки“, „дѣтскіе“, „людіе“.

Боляре были совѣтниками князя. Безъ ихъ согласія послѣдній не могъ предпринимать ничего важнаго и даже подѣ часъ долженъ былъ противъ своей воли подчиняться ихъ желаніямъ. Такъ, о Владимірѣ говорится, что онъ любилъ дружину и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратахъ, объ уставѣ земскомъ; Святославъ не хотѣлъ принимать христіанства потому, что дружина станетъ смѣяться; бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры. Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя: два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. И такъ, бояре были

лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; дружинники младшіе были воины по преимуществу.

Кромѣ обязанности разсуждать съ княземъ о дѣлахъ государства, бояре часто получали должности намѣстниковъ, волостелей, воеводъ, воспитателей молодаго князя и т. п. Члены младшей дружины, кромѣ обязанности идти въ походъ, назначались на должности тиуновъ, то-есть, помощниковъ при князѣ, намѣстникѣ или волостелѣ. Обыкновенно тиунамъ принадлежала власть судебная; но, какъ кажется, такое названіе носили ближайшіе помощники и сотрудники правителя,—въ дѣлахъ ли государственныхъ, или частныхъ его дѣлахъ. Назначались младшіе дружинники и на низшія должности при дворѣ княжескомъ: дьяковъ (секретарей), ключниковъ, конюховъ, биричей, ловчихъ, сокольниковъ и т. п.

Члены дружины получали вознагражденіе изъ судебныхъ пошлинъ и за выдачу иравой грамоты, пошлины съ браковъ, пошлины съ нѣкоторыхъ частей торговли и кормы, то-есть, извѣстное количество ежедневныхъ запасовъ натурой. Наконецъ, дружина получала часть военной добычи при походахъ и завоеваніяхъ новыхъ земель. Во время войны члены младшей дружины должны были непременно идти въ походъ подъ начальствомъ князя или воеводы; бояре обыкновенно выступали въ сопровожденіи собственныхъ слугъ. Грабежъ на войнѣ не воспрещался, и каждый воинъ могъ завладѣть тѣмъ изъ непріятельскаго имущества, что попадалось подъ руку. Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира. Награды выдавались всѣмъ воинамъ (въ походахъ, кромѣ дружины, участвовали и охочіе люди изъ простаго народа); но дружина въ тѣсномъ смыслѣ получала ихъ чаще и скорѣе обогащалась. Для продовольствія войска во время его переходовъ волостные и городскіе люди отбывали натуральную повинность кормомъ, подводами, помѣщеніемъ ¹⁾.

Изъ сказаннаго видно, что дружина была сословіемъ, вполне обеспеченнымъ относительно своего содержанія; обеспеченность же въ жизни даетъ человѣку возможность и средства сдѣлаться образован-

¹⁾ Эта характеристика дружины заимствована нами изъ сочиненія г. Сергеевича: «Вѣче и Князь».

нымъ. Поэтому не диво, что въ средѣ дружины съ раннихъ поръ стали являться люди весьма образованные по своему времени и передовые. Таковъ былъ, на примѣръ, въ XII в. авторъ извѣстнаго „Слова о полку Игоревѣ“, несомнѣнно происходившій изъ дружины; изъ этой же среды происходилъ, по всей вѣроятности, и Боянъ, жившій вѣкомъ ранѣе, пѣснями котораго такъ восхищается авторъ „Слова“.

Послѣ всего сказаннаго едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что дружинникъ XII в. могъ создать произведеніе въ родѣ разбираемаго посланія, могъ обладать тѣми познаніями, какія мы видимъ въ сочинителѣ этого произведенія. Онъ подаетъ князю слѣдующіе совѣты о томъ, какъ поступать съ дружиною: „Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы“; тако и ты, княже господине, нев удержи злата и сребра, но роздай людемъ“ (то-есть, дружинѣ). Почему же такъ? А потому, что „поволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ“ (ред. XII в.). Совѣтники, думцы князя, по мнѣнію автора, имѣютъ чрезвычайно важное вліаніе на судьбу властителя: „Княже мой господине! Не море топить корабли, но вѣтри; а не огнь творитъ разженіе желѣзу, но надышаніе мѣшиное: тако же и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь висока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ“ (ред. XII в.). Столь важное значеніе дружины авторъ старается доказать и Священнымъ Писаніемъ и въ этихъ доказательствахъ—сознательно или нѣтъ, трудно рѣшить—допускаетъ большія натяжки: „якоже рече Соломонъ: слава Царю во многѣхъ языцѣхъ, тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во многѣхъ людехъ (во многочисленной дружинѣ)... Якоже бо похваляся Езикѣй царь посломъ царя Вавилонскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя, занеже мужи злато добудуть, а златомъ людей не добыти“. Натяжки здѣсь весьма очевидны. Такого выраженія пословъ вавилонскихъ Библия вовсе не знаетъ, хотя въ XX-й главѣ книги Царствъ (стихъ 12 и далѣе) и разказывается, какъ Езекія показывалъ Вавилонянамъ свое богатство. Приводимыя же здѣсь слова Соломона едва ли не измышленіе заточника: по видимому, они соотвѣтствуютъ слѣдующему выраженію „Премудростей Соломоновыхъ“: „имѣти буду ради ея (премудрости) славу въ народѣхъ“.

Такое высокое мнѣніе о дружинѣ, отчасти даже пристрастное, часть ссхп, отд. 2

могъ высказать—естественнѣе всего—только дружинникъ. Наконецъ, по редакціи XIII в., сочинитель, очевидно, причисляетъ себя къ дворянамъ, то-есть, къ дружинѣ княжеской: говоря о своей мудрости, онъ прибавляетъ: „всякому дворянину тѣмъ (то-есть, мудростью) имѣть честь и милость у князя“.

Противъ высказаннаго нами взгляда можно, однако, поставить слѣдующія возраженія: Какимъ образомъ могло случиться, что сочинитель-дружинникъ такъ презрительно отзывается о житьѣ на боярскомъ дворѣ (по редакціи XIII в.) и о княжескихъ тиунахъ (по редакціи XII в.). Если Даниила Заточника никогда не существовало, то къ чему же сочиненіе приписано ему, и зачѣмъ сочиненію дружинника придана форма моленія заточника?

Приведа неопровержимыя, по нашему мнѣнію, доказательства того, что Даниилъ Заточникъ—лицо вымышленное, и представивъ соображенія, почему сочинителя посланія должно признавать за члена дружины, мы, естественно, приходимъ къ слѣдующимъ предположеніямъ относительно разбираемаго произведенія.

Вѣроятно, это произведеніе вовсе не моленіе, не смиренная просьба къ властителю, а скорѣе поученіе для князя. Какой-то дружинникъ хотѣлъ дать наставленіе князю, хотѣлъ высказать ему свои взгляды на нѣкоторые предметы, и главнымъ образомъ, указать князю, какъ онъ долженъ относиться къ дружинѣ. Чтобы придать своимъ взглядамъ болѣе силы и убѣдительности, авторъ захотѣлъ подкрѣпить ихъ примѣромъ. Для этого онъ измыслилъ лицо, страдающее отъ того, что князь относится къ управленію не такъ, какъ слѣдовало бы. Яркимъ изображеніемъ страданій въ формѣ моленія страдальца авторъ хотѣлъ сильнѣе подѣйствовать на князя. Но сочинитель имѣлъ при этомъ въ виду не одного князя, но и всѣхъ другихъ читателей, преимущественно же членовъ дружины, почему и начинается свое посланіе обращеніемъ къ братіи; произведеніе назначалось не для одного лица, а для всеобщаго чтенія. Трудно, кажется, иначе объяснять первоначальное происхожденіе „Слова“ или „Моленія“ Даниилова ¹⁾. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, авторъ первоначальнаго „Слова“

¹⁾ По редакціи XII в. сочинитель даже и не называетъ свое произведеніе именемъ «моленія», а такимъ именемъ, которое обозначаетъ *произведеніе* вообще (ср. «Слово о полку Игоревѣ» и даже — *поученіе, наставленіе* (и до сихъ поръ церковныя проповѣди называются *словами*); кто знаетъ, можетъ быть, именно въ послѣднемъ смыслѣ мнимый заточникъ и называетъ такъ свое сочиненіе?

изображалъ въ своемъ произведеніи лицо, завѣдомо вымышленное. Что касается до редакціи XIII в., то мы затрудняемся рѣшить, авторъ ея считалъ ли Данила за лицо, дѣйствительно существовавшее, или нѣтъ. 'Эта редакція могла произойти двумя способами: или авторъ, тоже членъ дружины, зналъ объ истинномъ происхожденіи посланія, но вздумалъ дополнить его и измѣнить согласно съ обстоятельствами и своими собственными вкусами; или же авторъ и не подозревалъ поддѣлки въ посланіи и считалъ его дѣйствительнымъ произведеніемъ заточника; это сочиненіе ему понравилось сходствомъ высказываемыхъ убѣжденій съ его собственными, и онъ издалъ его въ свѣтъ въ прежней формѣ, но съ различными собственными прибавленіями и измѣненіями.

Послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Вопервыхъ, въ редакціи XIII в. попадаетъ слѣдующая фраза: „Данилъ рече: „храбра, княже, борзо (скоро) добудеши, а умный дорогъ есть...“ и т. д. Кто этотъ Данилъ, на котораго ссылается авторъ редакціи XIII вѣка? Съ большою вѣроятностью можно предположить, что здѣсь разумѣется не кто другой, какъ Данилъ Заточникъ, какъ предполагается и г. Буславевъ. Кому же естественнѣе сослаться на Данила Заточника: тому ли, кто считаетъ его дѣйствительнымъ лицомъ, или тому, кто знаетъ поддѣльность посланія? Конечно, первому. Въ вторыхъ, передѣлывать чужія произведенія, подражать имъ и выдавать эти передѣлки и подражанія за произведенія авторовъ оригинала было довольно распространеннымъ обычаемъ въ удѣльно-вѣчевой Руси ¹⁾. Но мы оставляемъ вопросъ о редакціи XIII в. открытымъ. Мы хотимъ обратить вниманіе только на то, что указаннаго выраженія, приписаннаго заточнику, въ той редакціи XII в., которая дошла до насъ, не находится, хотя смыслъ этого выраженія и не противорѣчитъ общему содержанію посланія. Значитъ, авторъ позднѣйшей изъ дошедшихъ до насъ редакцій пользовался какимъ-то новымъ вариантомъ посланія, до насъ не дошедшимъ. Отсюда можно думать, что разбираемое посланіе не разъ передавалось въ разныя времена разными сочинителями.

Принявъ вышеуказанныя предположенія, мы разрѣшаемъ только одно изъ представленныхъ нами недоумѣній: мы показали, какимъ образомъ случилось, что авторъ посланія, будучи самъ членомъ дружины, приписалъ свое произведеніе никогда не существовавшему заточнику.

¹⁾ О. Миллеръ, Опытъ, изд. 2-е, вып. I, стр. 401.

Теперь скажемъ относительно нѣкоторыхъ рѣзкихъ отзывовъ сочинителя о дружинникахъ. Въ редакціи XII вѣка такихъ мѣстъ весьма немного. Мы уже приводили одно мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о вредѣ, какой приносятъ князю „лихіе думцы“. Вообще о боярахъ сочинитель говоритъ безпристрастно; говоритъ не только о томъ, какую пользу приносятъ умные и хорошіе бояре, но и о вредѣ, происходящемъ отъ дурныхъ. Вотъ еще одно замѣчаніе о боярахъ въ посланіи: „Добру господину служба, дослужится свободы; а злу господину служба, дослужится большія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ дубравы, напаяюще не токмо челоувѣцн, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имуще каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезъ сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезъ солонъ“ (ред. XII в.). Далѣе, въ одномъ мѣстѣ посланія говорится: „ты, княже господине, оживляеши вся челоувѣкн своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеми“ (ред. XII в.). Наконецъ, мы находимъ въ посланіи слѣдующій рѣзкій отзывъ о тиунахъ княжескихъ: „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; тиунъ бо его, яко огнь трепетицею наклады, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія порть“ (ред. XII в.).

Что сказать объ этихъ отзывахъ? Намъ кажется, они не на столько рѣзки, чтобы рѣшительно не могли принадлежать дружиннику. Могли же наиболѣе просвѣщенные и передовые члены дружины сознать нѣкоторые недостатки своего сословія и указывать на нихъ въ поученіе князьямъ и своимъ сотоварищамъ. Дѣло будетъ еще понятнѣе, если предположить, что посланіе составлено членомъ младшей, а не старшей, дружины. Младшіе дружинники гораздо ближе стояли къ простому народу, потому что происходили изъ него же и были по преимуществу только воинами князя. Поэтому младшій дружинникъ могъ даже самъ лично страдать отъ дурнаго управленія въ государствѣ, или по крайней мѣрѣ, хорошо видѣть и сознать страданія народа; могли надоѣдать ему и княжескіе тиуны, такъ какъ хотя послѣдніе часто сами происходили изъ младшей дружины, но, находясь въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ княземъ и боярами и разживаясь на своей доходной должности, начинали дурно поступать съ народомъ, какъ въ недавнее время поступали приказчики и старосты, назначавшіеся изъ крестьянъ помѣщиками. Теперь понятно, что младшему дружиннику и естественно было составить раз-

бираемое посланіе въ поученіе князьямъ и боярамъ и въ немъ высказать вышеприведенные отзывы о боярахъ и тиунахъ.

Если относительно редакціи XII вѣка является предположеніе, что это—произведеніе члена младшей, а не старшей дружины, то относительно редакціи XIII вѣка такое предположеніе переходитъ уже въ рѣшительное убѣжденіе. Здѣсь сочинитель чрезвычайно рѣзко говорить о службѣ на боярскомъ дворѣ и несравненно выше ея ставить службу на дворѣ княжескомъ: „Княже мой, господине! Се былъ есмь въ велицей нужи, подъ работнымъ яремомъ пострадахъ; все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видети нога своя въ личицы (въ лапты) въ дому твоємъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми тобѣ въ дерузѣ (дерюгѣ) служить, нежели в баграницѣ въ боярстѣмъ дворѣ... Луче бы ми вода пити в дому твоємъ, нежели пити медъ въ боярстемъ дворѣ... Луче бы ми вода пити въ дому твоємъ, нежели пити медъ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плеча боранья отъ руки злыхъ государь“. Такой отзывъ могъ сдѣлать только челоуѣкъ, хорошо извѣдавшій на себѣ или видѣвшій на другихъ всю тяжесть службы на дворѣ боярскомъ. Поэтому, редакція XIII вѣка есть произведеніе непремѣнно члена младшей дружины.

Теперь намъ приходится опять возвратиться къ „Опыту“ г. Миллера, гдѣ нѣкоторымъ выраженіямъ посланія придается такое значеніе, которое противорѣчитъ сейчасъ высказаннымъ нами взглядамъ. О редакціи XIII вѣка говорится въ „Опытѣ“ слѣдующее: „Прежняго рода жалобъ на сильныхъ въ редакціи XIII вѣка уже нѣтъ: напротивъ, вмѣсто прежняго: „не удерживай золота, а раздай людемъ“, тутъ мы читаемъ: „раздавай сильнымъ“, то-есть, тѣмъ, которые и безъ того уже имѣютъ не мало. Вѣроятно, передѣлавшій „Слово“ потому такъ заботился о сильныхъ, что и себя причислялъ къ нимъ. И точно, говоря далѣе о своей мудрости, онъ замѣчаетъ, что всякому дворянину тѣмъ (то-есть, мудростью) слѣдуетъ получить почетъ и милость у князя. И такъ, онъ—дворянинъ, то-есть, находящійся при дворѣ князя, близкій къ нему, и онъ же—рабъ князя, сынъ рабыни его. Видно, по его понятіямъ, это все равно. Но есть одно мѣсто въ изводѣ XIII вѣка, гдѣ передѣлавшій „Слово“ возстаетъ противъ сильныхъ, противъ бояръ. Но какъ возстаетъ? „Лучше“, говоритъ онъ князю,—„миѣ видѣть свою ногу въ обуви изъ лыка у себя въ домѣ, нежели въ червленомъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ, и т. п. Нелѣпо прицѣпить золотую серьгу въ ноздри свинѣ, или хорошую одежду

надѣтъ на холопа. Хотя бы придѣтъ къ котлу золотыя уши,—на днѣ его все-таки будетъ черно. То же съ холопомъ: хотя бы онъ черезъ мѣру сталъ гордъ и буенъ, а все ему не отдѣлаться отъ укора холопьяго имени“. Передѣлавшій „Слово“ очевидно хочетъ сказать, что тѣ изъ холопей князя, которые горды, благодаря придѣтымъ серьгамъ и кольцамъ, то-есть, бояре, все-таки остаются холопьями. Потому-то ему лучше „пить простую воду въ домѣ князя“, нежели „медъ при дворѣ бояръ“, то-есть, тѣхъ же холопей, и т. д. въ этомъ же родѣ. Ясно, что его, дворянина, въ наказаніе за вину, князь отдалъ въ службу какому-нибудь боярину; но онъ, за честь для себя считающій быть холопомъ князя, не хочетъ быть холопомъ боярина, то-есть, такого же холопа, какъ и онъ самъ. Тутъ и самое-то чувство чести—уже чисто холопское!“

Вопервыхъ, отвѣчаемъ мы на это, въ редакціи XIII вѣка жалобы на сильныхъ остаются почти тѣ же, что и въ редакціи XII вѣка: недостаетъ въ первой только рѣзкаго отзыва о тиунахъ и разсужденія о скупомъ и щедромъ бояринѣ. Въ вторыхъ, мы думаемъ, что выраженія: „раздай людямъ“ и „раздай сильнымъ“ означаютъ одно и то же, такъ какъ слово люди означало дружину, а дружинники, даже низшіе, въ сравненіи съ земскими людьми, справедливо могли называться сильными, въ смыслѣ хорошо владѣющихъ оружіемъ, храбрыхъ, отважныхъ. Въ третьихъ, мы не видимъ противорѣчія въ томъ, что сочинитель называетъ себя дворяниномъ и въ то же время рабомъ князя, сыномъ рабыни его. Слово дворянинъ не должно непременно означать человѣка, живущаго при дворѣ князя, близкаго къ нему, какъ это думаетъ г. Миллеръ. Оно, вѣроятно, означаетъ только члена княжеской дружины, хотя бы и младшей. А членъ младшей дружины, которая вся происходила изъ низшаго сословія, могъ быть и дѣйствительнымъ рабомъ (отпущеннымъ) князя или называть себя этимъ именемъ вслѣдствіе происхожденія отъ рабыни княжеской. А если это такъ, то и словамъ мнимаго заточника (по редакціи XII вѣка): „луче бы ми тобѣ въ дерузѣ служить нежели в багрянці въ боярстѣмъ дворѣ; нелѣпо бо усерязъ златъ въ ноздри свини, ни на холопехъ добрыи портъ“... и т. д., слѣдуетъ придавать совсѣмъ не то значеніе, какое придаетъ имъ г. Миллеръ. Не потому заточникъ не хочетъ служить у бояръ, что считаетъ ихъ холопами, и что ему кажется униженнымъ служить у холопа. Не эту мысль имѣетъ въ виду авторъ посланія, а хочетъ онъ сказать, по нашему мнѣнію, слѣдующее: „Не хочу я служить у бояръ, хотя бы они и одѣвали меня и кормили отлично,

а предпочитаю служить князю, потому что, служа боярамъ, я непремѣнно сдѣлаюсь холопомъ ¹⁾). А потому, какъ бы я ни одѣвался, какъ бы я ни чванился, но если я буду служить у бояръ, то мнѣ не избавиться отъ унижительнаго имени „холопа“. Нельзя съ указаннымъ мѣстомъ сопоставлять выраженіе: „не холопъ въ холопехъ, кто у холопа работаетъ“ (какъ дѣлаетъ въ своемъ „Опытѣ“ г. Миллеръ, стр. 381). Стоитъ только это послѣднее выраженіе взять въ цѣломъ контекстѣ рѣчи, а не отдѣльно, и тогда станетъ видно, что одно съ другимъ не имѣетъ никакой связи. „Или речеши ми, княже: у богата тестя женися; ту пей, ту и яждь; то лучше бы ми“, говоритъ заточникъ, — „трасцею болѣти, ни со злою, с нелюбою женою быти. Трасца бо тряся пустить, а злая жена и до смерти сушить. Глаголетъ бо ся въ мѣрскихъ притчахъ: не потка въ поткахъ нетопыръ, не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скоть въ скотехъ коза, не холопъ въ холопехъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужехъ, который жены слушаетъ“ (ред. XIII в.). Ясно, что здѣсь сочинитель только старается возможно сильнѣе изобразить унижительность положенія того мужа, которымъ распоряжается жена, и для этого сравниваетъ его съ самыми низкими существами въ мѣрѣ. Говоря: „не холопъ въ холопехъ, кто у холопа работаетъ“, заточникъ, видимо, признаетъ невозможнымъ, или по крайней мѣрѣ, чрезвычайно рѣдкимъ такой случай; а принявъ толкованіе г. Миллера, мы должны признать, что всѣхъ холоповъ боярскихъ заточникъ считаетъ „не холопами въ холопехъ“. Если угодно, наконецъ, заточникъ въ этомъ выраженіи называетъ холопомъ жену, а мужа, во всемъ повинующагося ей, считаетъ рабомъ холопа.

Послѣ этихъ необходимыхъ замѣчаній обращаемся опять къ предмету нашей рѣчи.

Если все сказанное нами справедливо, если посланіе есть произведеніе дружинника, составленное въ поученіе князьямъ, то оно пріобрѣтаетъ для насъ болѣе важное значеніе, чѣмъ то, какое обыкновенно приписывается ему. Это не только выраженіе личныхъ взглядовъ и вкусовъ какого-то грамотника XII вѣка, находившагося притомъ въ совершенно исключительномъ положеніи (ибо взгляды человѣка, страдающаго въ заточеніи, едва ли могутъ отличаться безпристрастіемъ и спокойствіемъ),—нѣтъ, на посланіе Даниила должно

¹⁾ Служащій у князя служить государству, обществу, а служащій у бояръ прислуживаетъ отдѣльному лицу: вотъ, вѣроятно, мысль заточника.

смотрѣть какъ на выраженіе взглядовъ и убѣжденій, господствовавшихъ въ XII и XIII вв. среди княжеской дружины, по крайней мѣрѣ среди наиболѣе передовыхъ ея членовъ. Вслѣдствіе того и любопытно сравнить посланіе съ другимъ замѣчательнымъ памятникомъ XII в. — „Поученіемъ Владиміра Мономаха“.

Передъ нами — образованнѣйшій древній Русскій князь, дающій наставленіе своимъ дѣтямъ-князьямъ, и не менѣе образованный и передовой старинный дружинникъ, излагающій свои взгляды на княжескую власть и значеніе дружины. Сравнимъ же ихъ взгляды, и для того заставимъ говорить самихъ авторовъ. Мономахъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ „думать съ дружиною“. Что касается до сочинителя посланія, мы уже видѣли, какое важное значеніе придаетъ онъ думамъ князя. Въ одномъ мѣстѣ этотъ авторъ прямо повторяетъ о дружинѣ тѣ самыя слова, которыя сказалъ о ней прадѣдъ Мономаховъ — Владиміръ Святой: „Мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти“, говоритъ мнимый заточникъ. „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася злата и серебра“, говорилъ нѣкогда просвѣтитель Руси, приказывая выковать для дружины серебряныя ложки. И такъ, въ своихъ взглядахъ на дружину составитель посланія сходится съ лучшими изъ нашихъ древнихъ князей. Рекомендую своимъ сыновьямъ обращаться къ совѣтамъ дружины, Мономахъ однако требуетъ отъ нихъ, чтобъ и въ мирное время, и на войнѣ они все дѣлали сами, не полагались на своихъ помощниковъ, и постоянно слѣдили за дѣйствіями дружинниковъ: „Въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока.... На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводу.... и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше, около вой тоже ляжите, а рано встанѣте.... Вдовицу оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка.... Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не клати васъ начнутъ“. Мы уже видѣли, что и мнимый заточникъ также высказываетъ большое недовѣріе къ тиунамъ и говоритъ о томъ, что они часто обижаютъ народъ. Онъ же заявляетъ желаніе, чтобы князь предводительствовалъ войскомъ и вообще во всѣ дѣла входилъ самъ: „Дивья за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ—воевати. Многожды бо безнарядіемъ полцы погибають. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають. Гусли бо строятся персты, а

тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою; зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слуги бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ". Такъ много сходятся въ своихъ взглядахъ Мономахъ и сочинитель посланія! Еслибы въ удѣльно-вѣчевой періодъ постоянно существовало такое единомысліе между отдѣльными частями государственнаго организма, то удѣльно-вѣчевой порядокъ, сохранился бы надолго, тѣмъ болѣе, что, вмѣстѣ съ недостатками, онъ имѣлъ и немаловажныя достоинства. Но въ томъ-то и дѣло, что не всѣ князья были такъ хороши, какъ Владиміръ Мономахъ, этотъ можно сказать идеальный князь удѣльной Руси, и не всѣ дружинники держались тѣхъ взглядовъ, какіе высказываетъ мнимый заточникъ: многіе князья заводили крамолы, предпочитая собственныя выгоды выгодамъ государственнымъ; многіе дружинники возставали противъ княжеской власти и часто шли въ разрѣзъ съ выгодами народа. Вотъ почему удѣльный порядокъ не могъ перенести разразившихся надъ нимъ ударовъ судьбы и разрушился, уничтожился безвозвратно...

Считая посланіе произведеніемъ одного изъ членовъ дружины, составленнымъ въ поученіе князьямъ, мы все-таки должны были бы указать, хотя приблизительно, въ какое время посланіе впервые появилось. Но рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно. Мы уже знаемъ, что существуютъ двѣ редакціи посланія, довольно различныя между собою; существованіе еще третьей редакціи, до насъ не дошедшей, едва ли, какъ мы видѣли, подлежитъ сомнѣнію. Отсюда видно, что посланіе, служащее выраженіемъ взглядовъ удѣльно-вѣчевой дружины, нерѣдко передѣлывалось разными дружинниками, сообразно со вкусами каждаго составителя новаго варианта. Каждый передѣлыватель, вѣроятно, ставилъ въ посланіи имя современнаго себѣ князя и къ нему приурочивалъ все содержаніе произведенія. Если это такъ, то никто не можетъ ручаться, что дошедшая до насъ редакція XII в. и есть первоначальная: очень возможно предположить, что посланіе явилось еще въ XI в., сохранившаяся редакція XII в. есть уже позднѣйшая передѣлка. Мнѣ кажется, трудно сказать что-либо противъ такого предположенія, хотя—конечно—мы не имѣемъ прочныхъ основаній и настаивать на немъ.

Далѣе, если мы согласимся признавать редакцію XII в. первоначальною, то является вопросъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ „сыномъ великаго царя Владиміра“, къ которому адресовано „Слово“.

Объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія. Гг. Соловьевъ и Бус-

лаевъ прямо, безъ всякихъ доказательствъ высказываютъ предположеніе, что „Слово“ адресовано къ Юрію Долгорукому. Г. Миллеръ такъ говоритъ въ своемъ „Опытѣ“: „Домогаясь возвращенія изъ ссылки, Даниилъ въ изводѣ XII в. обращается къ князю съ словами: „помилуй мя, сыне великаго князя Владиміра“. Подъ Владиміромъ тутъ не можетъ подразумѣваться равноапостольный: „Слово“, по всѣмъ признакамъ, относится ко времени удѣловъ. Тутъ долженъ разумѣться другой Владиміръ; по заглавію же нашего извода въ копенгагенскомъ спискѣ, „Слово“ писано къ Володимировичю Ярославу, а по указанію въ „Словѣ“ на Новгородъ и т. п. можно заключить, что оно писано къ князю Новгородскому. Изъ князей же Новгородскихъ, кромѣ Ярослава Владиміровича I, того же имени и отчества былъ всего одинъ— Ярославъ, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Владиміра Мономаха, княжившій въ Новгородѣ съ 1182 до 1199 г. съ небольшими перерывами. Какъ князь Новгородскій, онъ владѣлъ и Бѣлоозеромъ, и Лачьозеромъ; а отецъ его Владиміръ названъ великимъ княземъ“. Въ примѣчаніи же къ этому мѣсту у г. Миллера прибавлено: „Таково мнѣніе И. И. Срезневскаго. Но въ словѣ есть ссылка на княжескія слова: лучше мнѣ смерть, чѣмъ Курское княженіе“. Въ Толстовскомъ спискѣ они приписываются Ростиславу, въ копенгагенскомъ—Ярославу (то-есть, какъ бы тому, къ кому и обращено слово); по замѣчанію же г. Безсонова (писавшему свое изслѣдованіе до открытія копенгагенскаго списка), слова эти въ лѣтописяхъ говорятся Андреемъ, княземъ Переяславскимъ (имя Ростислава, племянника этого Андрея, какъ думаетъ г. Безсоновъ, поставлено переписчикомъ), и были сказаны въ то время, когда вмѣсто Переяславля ему предлагали Курскъ. Андрей скорѣе былъ готовъ умереть, чѣмъ отказаться отъ роднаго города, того самаго, который заточнику сдѣлался Гореславлемъ, потому что „часть его не прорасте въ немъ“. Заточенный Андреемъ, Даниилъ приводитъ ему его собственныя слова, сказанныя передъ дружиною, къ которой могъ принадлежать и самъ Даниилъ. „Правду ты мнѣ говорилъ, князь“, замѣчаетъ ему заточникъ,— „что тебѣ лучше смерть, чѣмъ Курское княженіе“ (подразумѣвается: вмѣсто твоего собственнаго, Переяславскаго). Такъ точно и мужу твоему (то-есть, мнѣ, Даниилу) лучше смерть, чѣмъ жизнь, продолжающаяся въ нищетѣ и вдали отъ Переяславля, который теперь для меня Гореславль. Впрочемъ, къ кому именно писано первоначальное „Слово“ это, мнѣ кажется, и теперь нельзя считать вполне разъясненнымъ“. Таковъ окончательный отзывъ г. Миллера. Но видимо—онъ болѣе склоняется къ тому мнѣнію, что первоначальное

слово писано къ Ярославу Владиміровичу, правнуку Владиміра Моноха. Ту же мысль, и также съ оговоркою, высказываетъ и г. Порфирьевъ ¹⁾.

Разберемъ же доводы Срезневскаго, приводимые г. Миллеромъ.

Можно ли изъ упоминанія объ Новгородѣ выводить, что посланіе адресовано къ князю Новгородскому?—По нашему мнѣнію—пельзя. Заточникъ упоминаетъ о Новгородѣ, во первыхъ, потому, что озеро Лачъ находится въ Новгородской области, а во вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что слово Новгородъ даетъ заточнику поводъ къ каламбуру, о которомъ уже сказано выше („кому то есть Новгородъ, а у меня углы опали“). Мы хотимъ сказать, что изъ желанія сострить заточникъ могъ употребить здѣсь слово „Новгородъ“ даже безъ всякаго внѣшняго повода. Такъ могло случиться даже тогда, еслибы Даниилъ Заточникъ былъ лицомъ дѣйствительнымъ. А если послѣдній—лицо вымышленное, если посланіе есть произведеніе какого-то дружинника, составленное съ цѣлью дать наставленіе князю, то тѣмъ естественнѣе было автору упомянуть Новгородъ только ради каламбура. Далѣе, на сколько важно свидѣтельство копенгагенскаго списка, что посланіе посвящено какому то Володиміровичу Ярославу? Изъ словъ г. Миллера видимъ, что этотъ Ярославъ называется тутъ сыномъ великаго князя Владиміра, между тѣмъ какъ мы видѣли, что въ другихъ спискахъ имя князя не указывается, а онъ называется сыномъ великаго царя Владиміра. Стало быть, намъ нужно рѣшить два вопроса: 1) чтò стояло въ первоначальномъ посланіи—великаго царя или великаго князя? или иначе: чтò принадлежитъ переписчику: передѣлалъ ли онъ царя въ князя, или наоборотъ? 2) существовалъ ли когда-нибудь такой князь Ярославъ Владиміровичъ, котораго современники могли называть сыномъ великаго царя, или даже великаго князя? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нужно обратиться къ исторіи. Вотъ чтò говоритъ Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“ о титулѣ великаго князя и царя въ удѣльно-вѣчевой періодъ: „Князь былъ общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова дома. Старшій въ родѣ князь назывался великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы.

¹⁾ Ист. русск. слов., стр. 324, примѣч. 2.

Ярославъ I называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово: Русскій, однозначительно съ Всероссійскій, князь всея Руси, потому что Ярославъ, по смерти брата Мстислава, владѣлъ, за исключеніемъ Полоцка, всѣми русскими волостями. Послѣ Ярослава названіемъ великаго князя величается сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, но все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе „великій князь“ употреблялось иногда просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постоянного, опредѣленнаго смысла. Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе „великій князь“, то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе начинаетъ употребляться одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III. Великими князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III, первый съ достаточнымъ правомъ, второй какъ видно, изъ особеннаго, усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: „великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ; также не разъ поставлено позади имени Всеволода III, не одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя Рязанскаго“. Затѣмъ, Соловьевъ говоритъ, что князья назывались иногда и самовластцами, и другими именами: слово „самовластецъ“ въ лѣтописи употребляется въ значеніи „единовластецъ“: такъ, сказано про Ярослава I, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластецъ въ Русской землѣ; когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ своихъ съ сѣвера, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ это, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской землѣ. Для означенія высшей власти, также изъ большей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: „царь, царскій“; такъ, Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай мнѣ посадить сына въ Переяславлѣ, а ты сиди въ Кіевѣ“, то-есть, „а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому“. Говоря о епископѣ Феодорѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что Богъ спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестиваго, царскаго, правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда послѣ

Рутскаго сраженія войны Изяславовы, нашедши своего князя въ-живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава, какъ царя. Жена Смоленскаго князя Романа причитаетъ надъ гробомъ его: „Царь мой благій, кроткій, смиренный!“ Употребляются выраженія: „самодержецъ“ и греческое „кирь“. Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: „господинъ“, или чаще просто „князь“, иногда то и другое вмѣстѣ⁴⁾.

И такъ, мы должны отказаться отъ того общепринятаго мнѣнія, что въ удѣльной Руси князь Кіевскій обыкновенно назывался великимъ княземъ: титулъ великаго придавался только извѣстнымъ Кіевскимъ князьямъ, а иногда и другимъ замѣчательнымъ удѣльнымъ. Слово же царь, по видимому, не имѣло никакого особеннаго значенія и совершенно равнялось слову князь¹⁾.

А если такъ, то для насъ не особенно важно, что стояло въ оригиналѣ посланія—великаго царя или великаго князя. Вопросъ же о томъ, существовалъ ли когда-нибудь Ярославъ, сынъ великаго царя (князя) Владиміра, — рѣшить теперь не трудно. Изъ прежде сказаннаго ясно видно, что въ удѣльной Руси великимъ княземъ (или царемъ) Владиміромъ назывался только одинъ—Мономахъ, а у этого знаменитаго князя никогда не было сына Ярослава. Срезневскій и г. Миллеръ указываютъ еще на одного Владиміра, у котораго дѣйствительно былъ сынъ Ярославъ, и который, по ихъ мнѣнію, могъ быть названъ великимъ княземъ. Но стоитъ обратить вниманіе на всѣ историческія извѣстія объ этомъ Владимірѣ Мстиславичѣ, внуку Мономаха, и тогда ясно будетъ, на сколько основательно мнѣніе названныхъ ученыхъ. Вотъ что извѣстно изъ исторіи о Владимірѣ Мстиславичѣ: Младшій сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ, былъ княземъ Волынскимъ. Когда Юрій Долгорукій (сынъ Мономаха), ведшій долговременную борьбу съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ изъ-за кіевскаго престола, достигъ, наконецъ, своей цѣли послѣ смерти Изяслава, то на Волыни произошло слѣдующее: Сынъ Изяслава Мстиславъ неожиданно напалъ на своего дядю Владиміра Мстиславича (который былъ годами моложе своего племянника), захватилъ его жеу, мать, все имѣніе, а самого прогналъ

⁴⁾ Хотя изъ приводимыхъ словъ Юрія Долгорукаго мы могли бы заключить, что *царемъ* назывался преимущественно князь Кіевскій,—слова: «ты сиди и царствуй въ Кіевѣ» указываютъ, можетъ быть, на то, что *царствовать* означало преимущественно *быть княземъ Кіевскимъ*.

въ Венгрію. Юрій Долгорукій вступился—было за Владиміра, но безуспѣшно ¹⁾. По смерти Юрія, Кіевскимъ княземъ сталъ Ізяславъ Давыдовичъ, который пытался посадить Владиміра Мстиславича въ Туровской области, но также не имѣлъ въ этомъ успѣха, и Владиміръ по прежнему остался безъ волости ²⁾. Чтò случилось съ нимъ послѣ этого—неизвѣстно; но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ нѣсколькихъ князей къ Слуцку на Владиміра Мстиславича. Когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городомъ — неизвѣстно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владиміръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату своему Ростиславу, который въ это время княжилъ въ Кіевѣ; тотъ далъ ему Триполь съ четырьмя городами ³⁾. По смерти Ростислава, Владиміръ, вмѣстѣ съ другими Мономаховичами, пригласилъ на Кіевскій престолъ того самаго Мстислава Ізяславича Волынскаго, которымъ былъ изгнанъ изъ Волыни. Но приглашая Мстислава, Мономаховичи надѣялись, что онъ щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дать имъ все, чего они сами захотятъ, однако, ошиблись въ своихъ расчетахъ. Получивъ приглашеніе отъ своихъ родичей и Кіевлянъ, Мстиславъ немедленно отправилъ въ Кіевъ своего племянника Василька Ярополковича. Послѣдній узналъ здѣсь, что Владиміръ и нѣкоторые другіе Мономаховичи цѣловали другъ другу крестъ стоятъ за—одно съ цѣлю получить у Мстислава волости по своей волѣ. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ своего племянника, Мстиславъ съ войскомъ немедленно выступилъ къ Кіеву. Глава заговора, Владиміръ, бросился бѣжать съ семьей изъ Триполя въ Вышгородъ, гдѣ и затворился. Мстиславъ осадилъ этотъ городъ, послѣ нѣсколькихъ схватокъ уговорился съ Владиміромъ на счетъ волостей и сѣлъ въ Кіевъ. Когда же Владиміръ вскорѣ послѣ этого опять началъ строить разные замыслы противъ Мстислава, послѣдній призвалъ его на судъ въ Кіевъ и заставилъ цѣловать крестъ, что не будетъ замышлять никакого зла противъ своего племянника. Скоро однако Владиміръ опять началъ строить заговоры противъ Мстислава и на этотъ разъ, покинутый всѣми союзниками и своею собственною дружиною, долженъ былъ бѣжать въ Суздальскую область, гдѣ князь Андрей Боголюбскій также не принялъ его и послалъ въ Рязань. Когда Мстиславъ Ізяс-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Росс., т. II, стр. 197.

²⁾ Ibidem, стр. 209.

³⁾ Ibidem, стр. 219 и 220.

славичъ былъ изгнанъ изъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, который посадилъ здѣсь своего брата Глѣба, Владиміръ опять явился на югъ и жилъ въ волынскомъ городѣ Полонномъ. Послѣ смерти князя Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, Владиміръ Мстиславичъ захотѣлъ овладѣть Дорогобужемъ и явился подъ этимъ городомъ. Дружина покойнаго князя не хотѣла пускать Мстиславича въ городъ. Онъ далъ клятву, что не сдѣлаетъ зла ни дружинникамъ, ни вдовѣ покойнаго князя, и впущенный въ городъ, сейчасъ же нарушилъ клятву: разграбилъ имѣніе Андреевича и выгналъ княгиню изъ города. Когда Мстиславъ вторично овладѣлъ Кіевомъ, Владиміръ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обязался не искать Кіева не только подъ Мстиславомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что племянники позволили ему остаться въ Дорогобужѣ. Но когда умерли Мстиславъ и Глѣбъ, Владиміръ, по приглашенію племянниковъ своихъ Ростиславичей, тайкомъ отъ Ярослава вдругъ занялъ Кіевъ. Этимъ былъ недоволенъ Андрей Боголюбскій и приказалъ Владиміру убраться изъ Кіева. Только смерть избавила Мстиславича отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ (1171 г.), побывъ только четыре мѣсяца старшимъ княземъ. „Много перенесъ онъ бѣдъ“, говоритъ лѣтописецъ,— „бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи“.

Послѣ этого разказа, едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что сынъ Владиміра Мстиславича, того князя, который составлялъ позоръ для славной семьи Мономаховичей и часто не могъ найти себѣ мѣста въ Русской землѣ, который только обманомъ могъ просидѣть на Кіевскомъ столѣ четыре мѣсяца, что сынъ такого князя никогда не могъ получить отъ современниковъ названіе сына великаго князя Владиміра. Или Срезневскій и г. Миллеръ думаютъ, что смиренный заточникъ назвалъ такъ Ярослава Владиміровича изъ лести? Но не таковъ авторъ Слова Данила Заточника—все равно, былъ ли онъ дѣйствительнымъ заточникомъ, или нѣтъ: человекъ, хорошо знающій свое достоинство, по мнѣнію г. Миллера, человекъ смѣлый и гордый, авторъ посланія—думаемъ и мы—не способенъ былъ на такую гнусную лесть!

Какъ же мы должны смотрѣть на свидѣтельство копенгагенскаго списка о томъ, что посланіе адресовано къ Ярославу Владиміровичу? Безъ сомнѣнія, нужно думать, что въ первоначальномъ посланіи не было поставлено имени князя, и что какой-то переписчикъ поставилъ

имя Ярослава Владиміровича на основаніи собственныхъ догадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, могло же показаться переписчику, какъ повазалось и нѣкоторымъ современнымъ ученымъ, что посланіе адресовано къ князю Новгородскому. Въ такомъ случаѣ онъ сталъ отыскивать такого Новгородскаго князя, которому шло бы встрѣчающееся въ посланіи названіе сына великаго царя (князя) Владиміра; и вотъ отыскался такой князь: едва ли мы ошибемся, предположивъ, что переписчикъ разумѣлъ Ярослава Мудраго (сына Владиміра Святаго), князя весьма извѣстнаго... Не настаивая особенно на этомъ послѣднемъ предположеніи, мы, однако, рѣшительно можемъ утверждать, что первоначальное посланіе не было адресовано къ сыну Владиміра Мстиславича, а непременно назначалось для одного изъ сыновей Владиміра Мономаха; къ которому именно изъ нихъ—мы будемъ разсуждать впоследствии. А теперь мы можемъ точнѣе рѣшить вопросъ о томъ, какъ былъ названъ въ посланіи Владиміръ Мономахъ, къ одному изъ сыновей котораго оно несомнѣнно, какъ мы видѣли, адресовано: великимъ царемъ или великимъ княземъ? Здѣсь намъ опять приходится обратиться къ даннымъ русской исторіи. Хотя мы и видѣли, что названіе царь изрѣдка прилагалось ко всѣмъ князьямъ Русскимъ, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что имя царя у Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе образованномъ обществѣ (какъ это видно изъ лѣтописей), давалось по преимуществу Византійскому императору. Вотъ почему о Владимірѣ Мономахѣ, отецъ котораго, Всеволодъ, былъ женатъ на византійской царевнѣ, одинъ современникъ, митрополитъ Никифоръ (родомъ Грекъ), говоритъ: „Его же Богъ издавеча проразумѣ и прѣдповелѣ, его же изъ утробы освати и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ“. Въ послѣднемъ выраженіи ясно различаются кровь царская, кровь Византійскихъ императоровъ, и кровь княжеская, кровь Русскихъ князей. Соединяя поэтому съ именемъ царя болѣе возвышенное понятіе, чѣмъ съ именемъ князя, русскіе грамотнѣеки стали, какъ мы видѣли, придавать первое имя нѣкоторымъ князьямъ изъ учтивости и для выраженія большаго почета. Но одинъ изъ князей удѣльной Руси болѣе всѣхъ другихъ заслуживалъ такого почетнаго названія: это—Владиміръ Мономахъ. Мы уже видѣли, что его мать была греческая царевна, и такимъ родствомъ Владиміра съ Византійскими императорами гордились его родители, вслѣдствіе чего и дали ему при рожденіи имя Мономаха¹⁾; это же родство имѣло, какъ мы видѣли, важное значе-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, прим. 93.

ніе и въ глазахъ тогдашняго духовенства. Но, кромѣ происхожденія, Владиміръ заслужилъ великое уваженіе современниковъ своими личными качествами и своею дѣятельностью. Человѣкъ въ высшей степени благородный, добрый, ласковый, набожный, человѣкъ самаго твердаго характера и сильной воли, Владиміръ Мономахъ, сдѣлавшись княземъ Кіевскимъ, сталъ управлять другими удѣльными князьями вполнѣ безусловно, и Русь при немъ, вслѣдствіе того, отдохнула отъ междоусобій. Оттого, при описаніи кончины Мономаха, лѣтописецъ и называетъ его великимъ всея Руси. Конечно, вслѣдствіе того же обаянія, какое производила на современниковъ личность Мономаха, и составилось о немъ преданіе, будто бы самъ Византійскій императоръ присылалъ къ нему греческаго митрополита, который будто бы возложилъ на знаменитаго князя царскій вѣнецъ и назвалъ царемъ. Положимъ, что это преданіе весьма сомнительно, но оно важно для насъ, какъ выражающее народный взглядъ на Владиміра Мономаха. Послѣ этого весьма легко предположить, что какой-нибудь грамотникъ XIII в. могъ назвать Мономаха великимъ царемъ; и дѣйствительно, есть много основаній предполагать, что такъ именно и названъ былъ Владиміръ Мономахъ въ первоначальномъ посланіи заточника, и что замѣна словъ: „сыне великаго царя“ въ копенгагенскомъ спискѣ словами: „сыне великаго князя“ принадлежитъ позднѣйшему переписчику. Въ самомъ дѣлѣ, если мы предположимъ на оборотъ, если мы будемъ думать, что въ первоначальномъ посланіи (въ редакціи XII в.) Владиміръ былъ названъ великимъ княземъ, то сами собою являются вопросы: почему въ другихъ спискахъ этой же редакціи слово князь замѣнено словомъ царь? Почему въ редакціи XIII в. Ярославъ Всеволодовичъ называется сыномъ великаго царя Всеволода? Трудно что-нибудь отвѣтить на эти недоумѣнія. Относительно втораго вопроса г. Миллеръ предполагаетъ, что Всеволодъ III названъ такъ изъ лести; но если авторъ позднѣйшей редакціи хотѣлъ польстить Ярославу, то естественнѣе было ожидать, что онъ послѣдняго начнетъ называть царемъ, однако этого въ посланіи мы не видимъ. Но, предположивъ, что слова: „сыне великаго царя Владиміра“ стояли въ оригиналѣ, мы легко можемъ понять, почему въ копенгагенскомъ спискѣ этотъ Владиміръ названъ уже великимъ княземъ и почему, на оборотъ, въ редакціи XIII в. Всеволодъ III получилъ названіе великаго царя. Какому-нибудь позднѣйшему переписчику имя царя показалось страннымъ, такъ какъ онъ зналъ, что на Руси верховная власть постоянно носитъ наименованіе князя,

часть ссхп, отд. 2.

и конечно, тотъ человѣкъ, который не задумался поставить въ заголовкѣ имя Ярослава Владиміровича, не стѣснился сдѣлать неважное измѣненіе въ текстѣ. Авторъ же редакціи XIII в. могъ назвать царемъ Всеволода только по подражанію, только потому, что въ оригиналѣ такъ названъ Владиміръ Мономахъ. Но мы уже говорили и опять повторяемъ, что вопросъ этотъ имѣетъ для насъ второстепенную важность.

Обратимся къ вопросу о томъ, къ которому изъ сыновей Мономаха могло быть адресовано первоначальное посланіе. У него было пять сыновей: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Юрій, Андрей. Посланіе, безъ сомнѣнія, написано послѣ 1139 г., такъ какъ мы согласны съ догадкою г. Безсонова относительно выраженія, встрѣчающагося въ посланіи: „Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе“. Мы видѣли, что имя князя Ростислава г. Безсоновъ считаетъ позднѣйшею вставкою, такъ какъ по лѣтописи эти слова были сказаны не Ростиславомъ, а Андреемъ, сыномъ Мономаховымъ, и именно тогда, когда Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ прогнать этого Мономаховича съ Переяславскаго на Курское княженіе въ 1139 году. Поэтому посланіе, составленное не раньше этого года, не могло быть адресовано ни къ Мстиславу, ни къ Ярополку Владиміровичамъ, которыхъ тогда уже не было въ живыхъ. Изъ остальныхъ Мономаховичей Вячеславъ былъ личною на столько ничтожною, что для него не могло назначаться Слово Данила Заточника, наполненное, не смотря на смѣлый и подчасъ рѣзкій тонъ, похвалами „господину князю“. Остаются, стало быть, Юрій и Андрей Владиміровичи, и сомнѣніе можетъ быть только о томъ, къ которому изъ двухъ адресовано посланіе. Окончательно разрѣшить это сомнѣніе мы не беремся, такъ какъ существуютъ доказательства, какъ въ пользу одного предположенія, такъ и въ пользу другаго.

Если мы предположимъ, что посланіе было адресовано къ Андрею, прозванному Добрымъ, то вполне понятно будетъ вышеприведенное выраженіе: „Не лгалъ бо ми князь“ и т. д. (при чемъ имя Ростислава или Ярослава, какъ въ копенгагенскомъ спискѣ, мы здѣсь выпускаемъ, считая эти имена за позднѣйшую вставку). Составитель посланія употребляетъ, можетъ быть, 3-е лицо вмѣсто 2-го, то-есть, ссылается на слова самого князя Андрея. Далѣе, вполне понятенъ становится похвальный и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно смѣлый, даже рѣзкій тонъ посланія, если предположить, что оно назначалось для

князя, отличавшагося своею добротою. Въ такомъ случаѣ посланіе написано не позже 1142 года, когда умеръ Андрей Владиміровичъ. Но вотъ эта-то краткость времени, протекшаго между упоминаемыми словами Андрея Добраго и составленіемъ посланія, и можетъ нѣсколько затруднять изслѣдователя; очень невѣроятнымъ представляется, чтобъ очевидецъ событія, находящійся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ него, такъ смутно и вскользь упомянулъ о немъ. А если такъ, то всего вѣроятнѣйшимъ должно признать, что посланіе Данила обращено къ Юрію Долгорукому.

По содержанію посланіе вполне подходитъ къ дѣятельности Юрія. Сынъ того самого Владиміра Мономаха, съ которымъ авторъ такъ много сходится во взглядахъ, Юрій Долгорукій большую часть своего княженія провелъ въ борьбѣ съ своимъ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ за кievскій престолъ: нѣсколько разъ Юрій Долгорукій насильно овладѣвалъ Кіевскимъ княженіемъ и нѣсколько разъ снова былъ прогоняемъ своимъ соперникомъ. Ведя почти непрерывныя войны, Юрій необходимо долженъ былъ заботиться о расположеніи къ себѣ дружины. Такому-то князю, нѣсколько разъ достигавшему „высокаго стола“ и опять его терявшему, очень шли правоученія въ родѣ тѣхъ, какія высказываются въ „Словѣ“: „Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ... Мужи злато добудуть, а златомъ людей не добыти“....

Затѣмъ извѣстно, что Юрій Долгорукій слишкомъ много полагался на своихъ бояръ, думцевъ, давалъ имъ слишкомъ много воли. Татищевъ такъ отзывается объ этомъ князѣ: „(Юрій)... былъ... великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ; но все оное стояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ“¹⁾. Конечно, дѣлая такой отзывъ, Татищевъ основывался на какихъ-нибудь лѣтописныхъ источникахъ, до насъ не дошедшихъ. Такому князю нелишне было напомнить, что „князь не самъ впадаетъ во многія несчастія, но думцы вводятъ“; при такомъ князѣ дѣйствительно нужно было бояться тиуновъ и вообще рядовичей княжескихъ. Выраженіе: „помилуй мя, сыне великаго царя Владиміра!“ должно было звучать укоромъ для Юрія Долгорукаго и могло быть сказано составителемъ посланія съ намѣреніемъ сильнѣе

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, прим. 283.

подѣйствовать на князя примѣромъ отца, взгляды котораго такъ согласны были со взглядами мнимаго заточника.

Наконецъ, еще одно мѣсто посланія можно объяснить въ пользу того предположенія, что произведеніе назначалось именно для Юрія Долгорукаго. Вернемся къ вопросу о томъ, какъ объяснить выраженіе: „кому ти есть Любиво, а мнѣ горе лютое“. Зная, что существуютъ къ Любиво варианты: Боголюбивое, Любово, Любовь, мы имѣемъ основаніе предположить, что въ подлинникѣ стояло — блѣбово, вмѣсто Боголюбиво. Адресуя свое посланіе къ Юрію Долгорукому, князю Суздальскому, во владѣніяхъ котораго находилось село Боголюбовъ или Боголюбиво, любимое, какъ извѣстно, мѣстопробываніе сына Юрьева Андрея, авторъ имѣлъ нѣкоторое основаніе упомянуть объ этомъ селѣ, какъ видно — довольно извѣстнымъ въ свое время. Вотъ, стало быть, еще одно доказательство въ пользу того, что посланіе обращено къ Юрію Суздальскому.

Въ заключеніе повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ какимъ мы пришли при разборѣ посланія Данила Заточника:

I. Даниилъ Заточникъ—лицо вымышленное.

II. Посланіе Даниила составлено однимъ изъ членовъ княжеской дружины, и именно—младшей.

III. Поэтому на посланіе Даниила мы можемъ смотрѣть, какъ на выраженіе взглядовъ, господствовавшихъ между членами дружины, по крайней мѣрѣ, между наиболѣе просвѣщенными и передовыми, въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

IV. Смотри на посланіе съ этой точки зрѣнія, мы замѣчаемъ удивительное сходство во взглядахъ между передовыми князьями и передовыми дружинниками указаннаго періода (Даниилъ и Владиміръ Мономахъ).

V. Составленное какимъ-то дружинникомъ въ поученіе князьямъ, посланіе это въ разное время нѣсколько разъ передѣлывалось, опять членами же дружины.

V. Хотя, вслѣдствіе того, и нельзя отвергать, что первоначальная редакція посланія могла появиться раньше XII в., однако общее содержаніе произведенія не противорѣчитъ той мысли, что дошедшая до насъ редакція XII вѣка, назначенная, вѣроятно, для Юрія Долгорукаго, есть также первоначальная, подвергавшаяся впослѣдствіи передѣлкамъ.

Е. Модестовъ.

О СТАРИННЫХЪ РУКОПИСНЫХЪ СБОРНИКАХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ И БЫЛИНЪ.

Собирание памятниковъ народнаго творчества развилось у насъ въ настоящее время до весьма значительныхъ размѣровъ. Сказокъ, пѣсенъ, даже былинъ записано много, а между тѣмъ новый матеріалъ въ томъ же родѣ все продолжаетъ прибывать, далеко оставляя за собою ту научную разработку, которой онъ необходимо подлежитъ. Приемы записыванія произведеній народной словесности также доведены у насъ до замѣчательной степени совершенства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ лицъ, трудившихся на этомъ поприщѣ, ваковы П. В. Кирѣевскій, А. И. Пискаревъ, П. И. Якушкинъ, П. А. Безсоновъ, П. Н. Рыбниковъ, П. В. Шейнъ, Е. В. Барсовъ и А. Ѳ. Гильфердингъ. Поэтому, хотя въ будущемъ и не невозможно ожидать новыхъ болѣе или менѣе крупныхъ приобрѣтеній изъ народныхъ устъ, по ужъ и теперь можно сказать, что мы обладаемъ обильнымъ запасомъ матеріаловъ для знакомства съ такъ-называемою устною словесностью Русскаго народа въ ея современномъ состояніи, въ томъ видѣ, въ какомъ застала ея пытливость собирателей въ срединѣ XIX столѣтія.

Но этотъ современный обликъ народнаго творчества не можетъ вполне удовлетворить изслѣдователя народной поэзіи. Нерѣдко въ пѣсняхъ и сказкахъ, записанныхъ нѣ новѣйшее время, замѣчаются слѣды вліяній современной жизни. Какъ ни было бы медленно поступательное движеніе народныхъ понятій и воззрѣній, все же оно существуетъ и между прочимъ сказывается въ такомъ дорогомъ,

издревле накопленномъ достоиніи народности, какова народная поэзія. Это явленіе хорошо извѣстно всѣмъ, кому случалось изучать какое-либо произведеніе народнаго творчества по нѣсколькимъ пересказамъ, записаннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ, среди населенія, представляющаго извѣстные оттѣнки въ своей культурѣ; обильныя данныя для наблюденія такихъ видоизмѣненій, зависящихъ отъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, находятся въ сборникѣ Кирѣевского, въ которомъ помѣщены былины и историческія пѣсни, записанныя въ разныхъ концахъ Россіи, а явившійся вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ первыхъ выпусковъ этого изданія сборникъ г. Рыбникова и нѣсколько позже обнародованный сборникъ Гильфердинга даютъ еще новыя подтвержденія въ пользу того же наблюденія — и что особенно важно — съ точки зрѣнія одной мѣстности, очень своеобразной по своему характеру.

Но если любопытно и поучительно сравненіе пересказовъ одного и того же произведенія народной поэзіи, взятыхъ изъ разныхъ мѣстностей, то еще болѣе интереса и значенія должно представить сличеніе этихъ современныхъ пересказовъ съ текстами тѣхъ же памятниковъ, записанными за много лѣтъ предъ симъ. Въ этихъ старыхъ текстахъ естественно искать не только архаизмовъ рѣчи, но и историческихъ намековъ и именъ, понятій и образовъ, которые отжили свой вѣкъ въ народномъ сознаніи и потому исчезли теперь изъ народной памяти, или если и сохраняются еще въ ней, то лишь въ неполномъ или искаженномъ видѣ, такъ какъ они утратили для народа свой живой смыслъ. Примѣры такихъ утратъ, обнаруживающихся изъ сличенія старыхъ и новыхъ текстовъ произведеній народной словесности, были не разъ указываемы: вспомнимъ здѣсь хотя бы о тѣхъ различіяхъ, которыя представляетъ обширная и отличающаяся живыми бытовыми чертами повѣсть о Горѣ-Злосчастьи по указанной А. Н. Пыпинымъ Погодинской рукописи XVII — XVIII вѣка сравнительно съ краткими пересказами того же произведенія, записанными лѣтъ двадцать тому назадъ г. Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи; вспомнимъ и то, что въ старинномъ сборникѣ, носящемъ имя Кириши Данилова, есть такія былины, новые пересказы которыхъ вовсе не встрѣчались собирателямъ нашего времени. Частныхъ и мелкихъ различій между старыми и новыми текстами, различій въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ именахъ, въ историческихъ и бытовыхъ подробностяхъ, можно указать великое множество. Кромѣ того, нѣкоторые старые тексты, напримѣръ, въ томъ же сборникѣ К. Данилова,

несомнѣнно отличаются такимъ яркимъ поэтическимъ достоинствомъ, какого многіе тексты новые не имѣютъ. Все это говоритъ въ пользу важнаго значенія старыхъ текстовъ произведеній народной поэзіи и заставляетъ сожалѣть, что ихъ сохранилось не много ¹⁾.

Между тѣмъ, на рукописи такого рода у насъ обращено слишкомъ мало вниманія: писано о нихъ не много ²⁾, и далеко не весь содержащійся въ нихъ матеріалъ нашелъ себѣ мѣсто въ печати и подвергнутъ изслѣдованію. Это обстоятельство слѣдуетъ приписать малоизвѣстности такого рода рукописей, разбросанности ихъ по разнымъ бібліотекамъ общественнымъ и частнымъ, и можетъ быть, отчасти нѣкоторому недоуверію къ достоинству рукописей. Существуетъ мнѣніе, что новѣйшіе собиратели произведеній народной словесности умѣли искуснѣе записывать эти созданія народнаго творчества, чѣмъ тѣ старинные писцы, которые нѣкогда заносили ихъ на бумагу неумѣлою рукой и съ орфографическими ошибками, и что вслѣдствіе того, въ былинахъ, вновь записанныхъ изъ устъ народа, сравнительно больше „чертъ древнихъ“, чѣмъ въ былинахъ, записанныхъ въ старину съ подправкою на книжный ладъ. Дѣйствительно, старые писцы были люди по большей части малограмотные и неискусные; записывая былины и пѣсни, они нерѣдко нарушали размѣръ стиховъ, или вѣрнѣе, не были въ состояніи уловить и отмѣтить всѣ тѣ тонкости сказыванія былинъ и пѣнія пѣсенъ, которыми опредѣляется ихъ метрической складъ: въ такихъ случаяхъ записывателямъ-книжникамъ приходилось восполнять пробѣлы собственными словами, и тогда изъ-подъ пера ихъ естественно могъ вылиться, среди живой

¹⁾ Кромѣ рукописей, старые тексты памятниковъ народнаго творчества сохранились также въ печатныхъ сборникахъ XVIII вѣка, каковы пѣсенники Чулкова, Новикова, Трутовскаго и др. Нельзя не отдать полной справедливости достоинствамъ этихъ собраній, но все же сборники печатные по большей части моложе рукописныхъ, обзору коихъ посвящается настоящая статья; по справедливому замѣчанію г. Безсонова, печатные сборники пошли отъ рукописныхъ (см. Пѣсни, собр. *Киртеевскимъ*, вып. 7, прилож., стр. 80); притомъ въ печатные сборники рано начинается обычай подправокъ. Во всякомъ случаѣ сборники эти подлежатъ особому изслѣдованію, которому—по нашему мнѣнію—должно предшествовать изученіе сборниковъ рукописныхъ.

²⁾ Общія замѣчанія означеніи старыхъ текстовъ см. въ замѣткѣ г. *Безсонова* въ приложеніи къ 7-му вып. Пѣсенъ, собранныхъ *Киртеевскимъ*; статьи и замѣчанія объ отдѣльныхъ рукописяхъ принадлежатъ *Θ. И. Буслаеву, В. А. Варенцову, О. Θ. Миллеру, А. Н. Пипину* и др. Мы будемъ указывать имъ по мѣрѣ надобности.

народной рѣчи, цѣлый рядъ выраженій книжныхъ. Мы думаемъ даже, что этимъ объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ сказокъ, сходныхъ по содержанію и именамъ дѣйствующихъ лицъ съ былинами: сказки эти—тѣ же былины, и какъ таковыя, были слышаны записывателями, но послѣдніе при записываніи не сумѣли выдержать метрической складъ былинной рѣчи. Все это такъ; но только въ сей часъ указанномъ несоблюденіи стихотворнаго размѣра, да въ мелкихъ, ненамѣренныхъ промахахъ и почти бессознательныхъ подправкахъ на книжный ладъ, и заключаются недостатки интересующихъ насъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, сравнительно съ пересказами, взятыми изъ народныхъ устъ въ новѣйшее время. Можно не сомнѣваться, что старые писцы вовсе не были литераторами и не передѣлывали содержанія тѣхъ пѣсенъ, которыя заносили на бумагу. Если у нихъ не было того сознательнаго уваженія къ памятникамъ народнаго творчества, которое отличаетъ современныхъ образованныхъ собирателей, то конечно, не могло также быть и побужденій къ украшенію или измѣненію текста былинъ и пѣсенъ, сохраняемыхъ ихъ памятью. Такія побужденія скорѣе всего могли бы возникнуть подъ вліяніемъ тѣхъ—сравнительно не многихъ—произведеній письменной повѣствовательной литературы, которыя были въ обращеніи въ старинной Руси (Александрія, повѣсти о Соломонѣ, Девгеніи, Бова Королевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ и т. п.); но въ рукописныхъ текстахъ нашихъ былинъ не замѣтно вліянія повѣстей этого рода. Вообще, наша старинная литература рѣшительно не знаетъ той переработки былевого эпоса личными авторами, представителями искусственной литературы, какую мы видимъ въ западно-европейскихъ литературахъ. И потому тѣмъ увѣреннѣе мы можемъ сказать, что если не всегда по изложенію, то всегда по содержанію, старые рукописные тексты нашихъ былинъ и пѣсенъ заслуживаютъ полнаго вниманія и довѣрія науки ¹⁾.

Впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы старые тексты былинъ и пѣсенъ вовсе не представляли существенныхъ отличій отъ новыхъ текстовъ—ни по главнымъ чертамъ своего содержанія, ни по эпизодамъ, ни по изложенію, даже и въ этомъ случаѣ старые тексты имѣли бы свою

¹⁾ Рѣче другихъ недоувѣріе къ рукописнымъ текстамъ былинъ было высказано *О. Ѡ. Миллеромъ* въ его извѣстной монографіи объ Ильѣ Муромцѣ и Богатырствѣ Киевскомъ (напримѣръ, стр. III, VII, 757—760). Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется коснуться этихъ мнѣній почтеннаго автора.

цѣну для исторіи нашей народной поэзіи: они явились бы тогда неопровержимымъ доказательствомъ тому, что наша былевая поэзія, въ эпоху перваго (намъ извѣстнаго) нанесенія ея образцовъ на бумагу, имѣла вполнѣ тотъ же характеръ и складъ, то же содержаніе и изложеніе, какія мы видимъ въ текстахъ или пересказахъ современныхъ; а отсюда можно было бы сдѣлать и обратное заключеніе о томъ, что былины и пѣсни, записанныя въ наше время, представляютъ столь же цѣнный и авторитетный источникъ для объясненія нашей древности, какъ и памятники народнаго творчества, записанные еще въ старину, раньше чѣмъ историческія явленія послѣднихъ столѣтій успѣли войти въ жизнь и сознаніе народа.

Наконецъ, есть и еще одно обстоятельство, придающее интересъ рукописямъ, о которыхъ мы говоримъ. Какъ памятники письменности извѣстнаго періода, онѣ служатъ для характеристики литературныхъ понятій, интересовъ и вкуса того времени; поэтому важно, съ одной стороны, отмѣтить—какія именно части народнаго эпоса, и вообще, какія произведенія устной народной поэзіи записаны были еще въ старину, а съ другой, указать—на ряду съ какими произведеніями письменной литературы поставлены они были разумѣніемъ старинныхъ писцовъ. Прибавимъ еще, что въ нѣкоторыхъ изъ интересующихъ насъ сборниковъ ясно видна и практическая цѣль ихъ составленія—служить пособіемъ при пѣніи: объ этомъ можно заключать отчасти по наружному виду сборниковъ (по ихъ такъ-называемому альбомному формату), по указаніямъ, что нѣкоторые стихи должны быть повторяемы, а главное потому, что при текстѣ пѣсенъ записанъ и напѣвъ ихъ. Существованіе такихъ сборниковъ—это уже черта быта, и она также не должна быть оставлена безъ вниманія въ исторіи нашей образованности.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній намъ казалось небезполезнымъ собрать воедино свѣдѣнія о старинныхъ рукописяхъ, въ которыхъ встрѣчаются записанными произведенія народной поэзіи; въ обзорѣ этомъ мы ограничиваемся только поэзіей великорусскою, и притомъ, только былинами и пѣснями въ тѣсномъ значеніи этого слова: и сказки, изложенныя прозой, и духовные стихи, съ многочисленными отличающими ихъ чертами книжнаго происхожденія, мы исключаемъ изъ нашего обзора, такъ какъ тѣ и другіе стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ произведеніями письменной литературы.

При составленіи предлагаемаго обзора мы старались воспользоваться всѣмъ, что есть въ русской ученой литературѣ по интересую-

щему насъ вопросу, и съ своей стороны собрали свѣдѣнія о нѣкоторыхъ такихъ рукописяхъ, на которыя еще не было сдѣлано печатныхъ сообщеній. Тѣмъ не менѣе, мы заранѣе знаемъ, что нашъ очеркъ, скорѣе библиографическій, чѣмъ литературный, далеко не полонъ; но быть можетъ, появленіе его въ печати побудитъ другія лица сдѣлать новыя указанія по тому же предмету, да и мы сами не отказываемся отъ намѣренія вести дальнѣйшіе поиски въ той же области и сообщать о ихъ результатахъ тѣмъ, кому любопытна документальная исторія русской народной поэзіи. Нѣкоторые очень важные рукописные сборники былинь и пѣсень нынѣ утратились или неизвѣстно гдѣ находятся; поэтому намъ пришлось внести въ наше обзорѣе лишь тѣ о нихъ свѣдѣнія, которыя уже существуютъ въ печатной литературѣ; исключеніе же ихъ составило бы пробѣлъ въ нашемъ обзорѣ. Объ иныхъ сборникахъ, хотя и существующихъ, намъ также пришлось ограничиться лишь краткимъ упоминаніемъ, въ ожиданіи, что сами владѣльцы ихъ сдѣлаютъ о нихъ болѣе подробныя сообщенія.

I.

Тексты XVII вѣка.

До сихъ поръ не извѣстно текстовъ русскихъ былинь и пѣсень, которые были бы записаны ранѣе начала XVII вѣка, хотя имена героевъ русскаго эпоса попадаютъ въ лѣтописяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ и прежде того времени ¹⁾. Обличеніе противъ мірскихъ—бѣсовскихъ—пѣсень, противъ плясанія и гудѣнія, проходящія черезъ всѣ вѣка русской исторіи со времени просвѣщенія Руси христіанскимъ ученіемъ, а также малое распространеніе грамотности въ старой Руси—вотъ, безъ сомнѣнія, тѣ причины, вслѣдствіе

¹⁾ Лѣтописи, въ которыхъ встрѣчаются имена героевъ нашего эпоса, принадлежатъ къ позднимъ редакціямъ и сохранились въ спискахъ преимущественно XVII вѣка; тѣмъ не менѣе, наука не отвергаетъ сообщаемыхъ въ этихъ лѣтописяхъ извѣстій о событіяхъ даже изъ раннихъ вѣковъ русской исторіи; что же касается занесенныхъ въ тѣ же лѣтописи преданій о богатыряхъ, то, по замѣчанію г. Бесгушева-Рюмина, «вопросъ о томъ, когда они записаны, становится совершенно неразрѣшимымъ» (*Лѣтописи занятаі Археограф. Коммисіи*, вып. IV: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, стр. 69). Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ записяхъ нѣтъ подлинныхъ словъ былины или пѣсни.

которыхъ русская поэзія долгое время хранилась только въ народной памяти и не дѣлалась достояніемъ письменности, гдѣ преобладали между тѣмъ интересы религіозно-нравственные и дѣловые. Притомъ же, сберегаемая одною памятью, народная былина и пѣсня была обще-извѣстна, и для ея запоминанія не требовалось никакихъ особенныхъ приспособленій. Понятно поэтому, что ранѣе, чѣмъ Русскимъ людямъ, мысль о собираніи памятниковъ русскаго народнаго творчества могла прийти въ голову чужеземцамъ, которые посѣщали Россію. Такъ оно и случилось, и съ матеріаловъ, собранныхъ однимъ изъ такихъ образованныхъ иностранцевъ, намъ приходится начать обзорѣніе письменныхъ памятниковъ нашей народной поэзіи.

Въ 1618 году прибылъ въ Россію, въ званіи священника при англійскомъ посольствѣ, оксфордскій бакалавръ Ричардъ Джемсъ; въ январѣ того же года онъ пріѣхалъ въ Москву, а въ августѣ уже выѣхалъ оттуда въ обратный путь; но когда онъ съ посольствомъ достигъ Архангельска, время года оказалось слишкомъ позднимъ для морскаго плаванія, и Джемсъ съ большею частью посольства прожилъ въ Холмогорахъ цѣлую зиму и посвятилъ ее на изученіе русскаго языка. Для этого-то любознательнаго иностранца, еще во время пребыванія его въ Москвѣ, записано было шесть русскихъ пѣсенъ; текстъ ихъ, вмѣстѣ съ сборникомъ русскихъ словъ, а *russian Vocabulary*, и составляетъ содержаніе небольшой книжки, въ кожанномъ переплетѣ съ ремешкомъ для завязки, которая хранится нынѣ въ Бодлеевой библіотекѣ въ Оксфордѣ ¹⁾. Свѣдѣнія объ этомъ небольшемъ, но старѣйшемъ изъ всѣхъ по времени сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ впервые сообщены были академикомъ І. Х. Гамелемъ второму отдѣленію Академіи Наукъ въ 1852 году, и въ томъ же году текстъ пѣсенъ по списку Гамеля, провѣренному съ другимъ спискомъ, сдѣланнымъ профессоромъ К. А. Коссовичемъ, былъ напечатанъ И. И. Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ I-му тому Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Особые оттиски изъ этихъ приложеній, подъ заглавіемъ: „Памятники великорусскаго нарѣчія“ (С.-Пб. 1855), содержатъ въ себѣ то же изданіе пѣсенъ изъ записокъ Джемса; а позже тѣ же пѣсни были перепечатаны въ Исторической Христоматіи Ѳ. И. Буслаева (М. 1858), въ 7-мъ выпускѣ изданнаго подъ редакціей П. А. Безсонова сборника П. В. Кирѣевскаго и проч.

¹⁾ Гамель, Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 242—246.

Первая пѣсня Джемсова сборника имѣеть своимъ предметомъ въѣздъ патриарха Филарета въ Москву по возвращеніи изъ польскаго плѣна:

Зрадовалоя царство Московское
и вся земля Святорусская...

А что скажутъ, въѣхалъ батюшка государь
Филареть Микитичъ...

Сообщаемыя пѣсней подробности о встрѣчѣ Филарета царемъ и боярами, о томъ, что знаменитаго плѣнника сопровождалъ вмѣстѣ съ нимъ вернувшійся также изъ плѣна бояринъ М. Б. Шейнъ, и что немедленно по вступленіи въ Москву

пошли онѣ къ Пречистой соборной,

всѣ эти подробности, вполне согласныя съ точными историческими свидѣтельствами ¹⁾, доказываютъ, что пѣсня сложена на мѣстѣ событія, и по всей вѣроятности, очевидцемъ его.

Филареть вступилъ въ Москву 14-го іюня 1619 года, а Джемсъ въѣхалъ изъ Москвы 20-го августа того же года, „слѣдовательно“, — справедливо замѣчаетъ г. Буслаевъ, — „эта пѣсня дошла до насъ, вѣроятно, въ томъ видѣ, въ какомъ сочинена“ ²⁾. По этой же причинѣ г. Безсоновъ полагаетъ, что „она представляетъ какъ бы набросанный очеркъ, еще не успѣвшій развиться и разукраситься, а вмѣстѣ, какъ это бываетъ, и попортиться... Текущій складъ былинны, только что сложенной и не успѣвшей ни окрѣпнуть, ни опредѣлиться, выразился тѣмъ, что стихи ея состоятъ то изъ 9-ти, 11-ти и 13-ти, то изъ 10-ти и 12-ти слоговъ“ ³⁾. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не записано позднѣйшихъ вариантовъ этой пѣсни, которые были бы важны для сличенія.

Вторая пѣсня Джемсова сборника—плачь о смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачютца гости Москвичи....

¹⁾ Дворцовые разряды, I, 387—399, гдѣ между прочимъ читается, что и новприбывшіе, и встрѣчавшіе ихъ прежде всего «пошли въ соборную церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія».

²⁾ Истор. очерки, I, 518.

³⁾ Пѣсни, собр. *Киртеевскимъ*, вып. 7, прилож., стр. 122, 125.

Смерть Скопина послѣдовала 23-го апрѣля 1610 года ¹⁾, и вѣроятно, немедленно же сдѣлалась предметомъ народной пѣсни; въ „Сказаніи о роженіи князя Михаила Васильевича“, включенномъ въ одинъ изъ русскихъ хронографовъ XVII вѣка, уже упоминаются и частью излагаются риторическою прозою плачи о Скопинѣ, какъ Русскихъ людей, такъ и Шведовъ, и въ особенности ихъ начальника Якова Понтуса Делагарди ²⁾, но плачи, записанные до сихъ поръ изъ народныхъ устъ, не имѣютъ предметомъ Скопина.

Третья и четвертая пѣсни Джемса касаются царевны Ксеніи Борисовны Годуновой:

3-я пѣсня:

Спачетца мала птичка
бѣлая пелепелка...

4-я пѣсня:

А спачетца на Москвѣ царевна
Борисовна дочь Годунова.

Обѣ пѣсни излагаютъ причеты несчастной царевны по случаю нашествія перваго самозванца и смерти царя Бориса. По заимчанію г. Буслаева, „народная молва могла вложить въ уста Ксеніи эти пѣсни потому, что, по свидѣтельству хронографа Кубасова, Ксенія гласы воспѣваемыя любяше“ ³⁾. Очевидецъ, московскій пасторъ Беръ, разказываетъ, что когда Шуйскій переносилъ тѣла Годуновыхъ въ Троицкій монастырь, Ксенія провожала ихъ съ причетами ⁴⁾, а г. Безсоновъ дѣлаетъ заключеніе, что „эти самыя (?) причеты облечены въ форму былины съ разказомъ о всей уже судьбѣ Ксеніи и записаны въ 1619 году“ ⁵⁾. Ксенія умерла только въ 1622 году, стало быть, пѣсни о ней были сложены еще въ то время, когда она была жива и жила монахиней въ Суздальѣ. Г. Безсоновъ находитъ возможнымъ разсматривать эти два плача, какъ одну и ту же бы-

¹⁾ В. С. Иконниковъ въ *Др. и Н. Россіи* 1875 г., № 7, устанавливаетъ эту дату смерти Скопина на основаніи спеціальнаго томъ обследованія.

²⁾ Изборникъ статей изъ хронографовъ, А. Н. Попова, стр. 387 и слѣд.

³⁾ Истор. очерки, I, 525; ср. Изборникъ Попова, 314.

⁴⁾ *Устряловъ*, Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, I, 81. Иностранцы часто упоминаютъ о причетахъ женщинъ при русскихъ похоронахъ (см. нашу статью по поводу Причитаній Сѣвернаго края, изд. Е. В. Барсовымъ. въ *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г., ч. CLXIV, стр. 391).

⁵⁾ Пѣсни, собр. *Киртескимъ*, вып. 7, прилож., 115.

лину, записанную въ двухъ разнорѣчіяхъ; у него же находимъ сближеніе этой пѣсни съ плачами невѣсты въ свадебномъ обрядѣ ¹⁾.

Пятая пѣсня Джемса содержитъ въ себѣ восхваленіе весновой службы военныхъ людей и жалобы на тягости службы зимней:

Бережчикъ зблетца,
да песочикъ сыпетца...
Сотвори же, Боже,
весновую службу...

Какъ уже замѣтилъ г. Буслаевъ ²⁾, пѣсня эта можетъ служить образцомъ собирательной, міровой лирики, поэтическимъ проявленіемъ чувства, свойственнаго цѣлой общественной группѣ; это подтверждаетъ и современный вариантъ той же пѣсни, записанный Г. Н. Потанинымъ на Алтаѣ, около Семипалатинска, отъ казаковъ, которые относятъ ее къ отдѣлу отрядныхъ, то-есть, такихъ, кои поются во время походовъ въ Киргизской степи, называемыхъ отрядами ³⁾. Но въ вариантѣ г. Потанина мысль пѣсни развивается нѣсколько иначе, чѣмъ въ пѣснѣ Джемсова сборника: въ этой послѣдней—говоря словами г. Буслаева— „мало по малу проясняется чувство, и наконецъ, вмѣстѣ съ торжествомъ весны надъ зимою и ростопелью, торжествуетъ и оно, въ радости, что Богъ устроилъ весновую службу“ ⁴⁾; вариантъ г. Потанина начинается обращеніемъ къ кукушкѣ, предвѣщающей казакамъ зимніе походы, а затѣмъ пѣсня разливается въ жалобахъ на невыгоды и тягости зимней службы, и настроеніе пѣвца ни въ чемъ не находитъ себѣ просвѣтленія. Прибавимъ къ этому, что въ вариантѣ г. Потанина, какъ мѣстная, такъ и бытовая обстановка пѣсни, заимствована изъ жизни сибирскихъ казаковъ: изъ своей Баянской станицы они отправляются въ походъ съ ружьями и на коняхъ, между тѣмъ какъ молодцы Джемсовой пѣсни идутъ въ ветляныхъ стружечкахъ съ яровыми веселцами.

Шестая пѣсня Джемса—по выраженію г. Ягича, перлъ между позднѣйшими произведеніями народнаго русскаго эпоса ⁵⁾,—имѣетъ предметомъ нашествіе Крымскихъ Татаръ на Россію:

¹⁾ Тамъ же, стр. 60, прим. 1-е, и стр. 61.

²⁾ Истор. очерки, I, 543.

³⁾ *Этнографическій Сборникъ*, кн. VI: Юго-западная часть Томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, стр. 112.

⁴⁾ Истор. очерки, I, 542.

⁵⁾ V. Jagić, Gradja za historiju slovinske narodne poezije, стр. 62.

А не сильная туча затучилася,
а не сильныя громы грянули:
куде едетъ собака Крымской царь?

Имя Диви-Мурзы, встрѣчающееся въ этой пѣснѣ, даетъ точное указаніе, что въ ней рѣчь идетъ о набѣгѣ 1572 года ¹⁾. Въ Новгородской лѣтописи по архивскому списку (такъ - называемой второй Новгородской) это событіе описано такъ: „а пріѣхалъ царь Крымской к Москве, а с нимъ силы его 100 тысячъ и двадцать, да сынъ его царевичъ, да внукъ его, да дядя его, да воевода Дивій мурза,—і пособи Богъ нашимъ воеводамъ Московскимъ надъ Крымского сілоу царя, князю Михаилу Ивановичю Воротынскому і инымъ воеводамъ Московскимъ государевымъ, і Крымской царь побегалъ отъ нихъ не-верно, не путми, не дорогами, в мале дружине“... ²⁾. Эти послѣднія выраженія о поспѣшномъ бѣгствѣ Крымскаго хана повторяются и въ нашей былинѣ:

Побѣжалъ еси, собака Крымской царь,
не путемъ еси, не дорогою, не по знамени
не по черному.

Точно также, предположительный раздѣлъ добычи (русскихъ городовъ) между татарскими мурзами, о чемъ—по пѣснѣ—они толкуютъ, готовясь къ нападенію на Русскихъ, упоминается въ записи одного хронографа объ этомъ событіи: „и улицы на Москвѣ росписали, коемуждо мурзѣ коя улица“ ³⁾. Въ просьбѣ Диви-Мурзы дать ему по раздѣлу Новгородъ г. Буслаевъ предполагаетъ ироническій намекъ на то, что этотъ мурза, взятый въ плѣнъ Русскими, былъ отправленъ именно въ этотъ городъ „ко князю Борису Давидовичю Тулунова на брешень, на улицу на Рогатицу“ ⁴⁾

Такимъ образомъ, почти всѣ пѣсни Джемсова сборника относятся, по содержанію, къ періоду Смуты или къ событіямъ, близкимъ къ ней

¹⁾ Г. Безсоновъ относитъ эту пѣсню къ набѣгу 1591 года, въ царствованіе Федора Ивановича; это произошло, кажется, оттого, что имя Диви-Мурзы онъ повялъ только какъ нарицательное осмысленіе, между тѣмъ какъ оно принадлежить дѣйствительному историческому лицу (см. Пѣсни, собр. *Киреевскимъ*, вып. 7, прилож., стр. 57 и 77).

²⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. Комиссіи, подъ редакціей А. О. Бичкова (С.-Пб. 1879), стр. 119.

³⁾ *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс., IX, прим. 393, гдѣ ссылка на хронографъ гр. Толстого.

⁴⁾ Ист. очерки, I, 545; ср. Новгород. лѣтописи, 120.

по времени. Этимъ сборникъ какъ бы свидѣтельствуетъ съ своей стороны о замѣчательномъ взрывѣ народнаго творчества въ Смутное время, о томъ взрывѣ, многочисленные памятники котораго остаются и въ произведеніяхъ народной поэзіи, собранныхъ въ новое время прямо изъ устъ народа.

Въ письменныхъ памятникахъ нашей литературы того времени также можно найти указанія на то, что великія бѣдствія и купленные обильною кровью народа побѣды надъ врагами Русской земли воодушевляли народное воображеніе. Въ этомъ смыслѣ любопытенъ разказъ Лѣтописи о мятежахъ, подъ 1619 годомъ, о принявшемъ христіанскую вѣру татарскомъ князѣ Михаилѣ Конаевѣ, который „за православную вѣру и за государя“ ходилъ съ Москвы „подъ литовскіе таборы“: „И бился онъ съ Литвою безпрестанно, не щадя головы своей... И приде межъ Озерецкаго и Бѣлаго Расту, и тутъ на него придоша Литовскіе люди многіе, и бывшу у него съ ними бою великому, якожь убо многимъ дивитися его богатырству, уподобися бо древнимъ богатыремъ. Тутोजь его и убиша“¹⁾. Такъ даже подъ перомъ близкаго къ періоду Смуты лѣтописца, когда ему приходится говорить о дѣлахъ одного изъ современныхъ ратоборцевъ за Русскую землю, является воспомнаніе о древнихъ герояхъ народнаго эпоса.

Изъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, не одинъ Джемсъ обратилъ вниманіе на произведенія народнаго творчества, сложившіяся подъ впечатлѣніемъ чрезвычайныхъ событій того времени. Голландскій стихотворецъ Илья Германъ, посѣтившій Россію въ царствованіе Михаила Фёдоровича и составившій повѣствованіе о событіяхъ Смутнаго времени со словъ очевидцевъ, также упоминаетъ о пѣсняхъ, которыя Русскій народъ пѣлъ въ честь князя М. В. Скопина-Шуйскаго, и въ которыхъ разказывалось, что Скопинъ умеръ отъ отравы²⁾. Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ Германа и былина о смерти Скопина въ сборникѣ Кирша Данилова влагаетъ въ уста самому воспѣваемому герою похвальбу, что еще заживо ему

славу поють до вѣку

Отъ стараго до малаго,

¹⁾ Лѣтопись о мятежахъ, стр. 321—322.

²⁾ Сказанія Массы и Германа о Смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археологической Комиссіи, подъ ред. Е. Е. Замысловскаго, стр. 315.

какъ нѣкогда пѣли славу князьямъ древней Руси¹⁾. Свидѣтельство Геркмана объясняетъ намъ литературныя особенности одного русскаго памятника, относящагося къ періоду Смуты, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приводитъ насъ къ самому старому послѣ Джемсова сборника тексту, въ которомъ мы находимъ отрывокъ изъ русской былевой поэзіи.

Любопытный памятникъ, который мы разумѣемъ въ сейчасъ сказанныхъ словахъ, есть то уже упомянутое нами выше сказаніе „О роженіи князя Михаила Васильевича“, которое сохранилось въ одномъ изъ русскихъ хронографовъ XVII вѣка, принадлежавшемъ прежде М. П. Погдину, а нынѣ находящемся въ числѣ рукописей Императорской публичной бібліотеки, подъ № 1451²⁾. Сказаніе это, изданное А. Н. Поповымъ въ „Изборникѣ“, составляющемъ приложение къ его извѣстному изслѣдованію о русскихъ хронографахъ, стр. 379—388, содержитъ въ себѣ разказъ о подвигахъ и ранней смерти князя М. В. Скопина-Шуйскаго и о всеобщей скорби въ Русской землѣ по этому случаю. По происхожденію своему памятникъ этотъ, вѣроятно, весьма близокъ къ описываемымъ событіямъ, а по литературной формѣ онъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ историческихъ сказаній, къ роду произведеній, дававшему нашимъ стариннымъ книжникамъ возможность соединять интересъ историческаго разказа съ назиданіемъ и украшеннымъ изложеніемъ. Такъ поступилъ и авторъ сказанія о Скопинѣ: кромѣ многихъ оборотовъ и выраженій, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, въ его разказѣ встрѣчаются выраженія и описанія, напоминающія частью болѣе древніе памятники нашей литературы, частью слогъ и манеру изложенія, свойственныя произведеніямъ народной словесности³⁾. При такомъ литературномъ направленіи писа-

¹⁾ См. нашу статью по поводу IV-й части сборника *Рыбникова* въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1868 г., ч. СXXXVIII, стр. 615.

²⁾ См. *А. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. II, стр. 256—257. Другой списокъ того же сказанія, новаго времени, находится въ Румянцевскомъ музеѣ и въ описаніи *Востокова*, стр. 786, обозначенъ какъ снятый со списка Ярославской семинарской бібліотеки, въ свою очередь списаннаго съ хронографа, который принадлежалъ гр. А. И. Мусину-Пушкину.

³⁾ Таковы, напримѣръ, слѣдующія выраженія: «сѣй оставь... красную свою дружинну храбрую»; «жена ли тебѣ язъ, грашница, не въ любви была». Таково также слѣдующее описаніе битвы: «И Литовскіе гетманы и ихъ полковники всѣми полки своими устремилася на Руское воинство и ступилася обоихъ полцы вмѣсте и бысть сѣча зла велика, и сѣчахуся, на многихъ мѣстахъ биющеса чрезъ весь день, отъ оружнаго же стуку и копейного ломанія и отъ гласовъ, вопля и кричанія ото обоихъ людей войска не бѣ никако слышати другъ друга
часть ССХII, отд. 2.

теля и при его горячемъ сочувствіи къ Скопину становится понятнымъ, что, разказывая о смерти своего героя, онъ съ одной стороны—признаетъ вполне достовѣрною народную молву объ отравленіи Скопина на крестинномъ пиру князя Воротынскаго, и съ другой—включаетъ въ свое повѣствованіе подлинныя слова былины объ этомъ событіи. Еще Востоковъ указалъ, что это повѣствованіе объ отравленіи Скопина „сочинено русскими стихами и взято изъ какой-нибудь народной пѣсни“¹⁾. Въ послѣдствіи г. Костомаровъ издалъ весь указанный разказъ по Румянцевскому списку въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, вып. II, стр. 410—411, назвавъ его „отрывкомъ изъ старинной думы“. Такое названіе кажется намъ не совсѣмъ умѣстнымъ, но что отрывокъ дѣйствительно взятъ изъ былины, въ томъ удостовѣряетъ не только весь характеръ его изложенія, но и метрической складъ рѣчи, удержанный авторомъ сказанія по мѣрѣ своего умѣнья:

И какъ будетъ послѣ честнаго стола пиръ на весело,
и дьявольскимъ омраченіемъ злодѣйница та княгиня Марія, кума под-
крестная,

подносила чару питія куму подкрестному
и била челомъ, здоровалась крестникомъ Алексѣемъ Ивановичемъ,
и въ той чарѣ в питіи уготовано лютое питіе смертное....”

Въ такомъ родѣ, то-есть, складомъ былины, по неумѣло соблюденнымъ и слегка подправленнымъ рукой книжника, разказъ продолжается еще нѣсколько строкъ, изъ которыхъ послѣдними можно считать слѣдующія:

И начать у него утроба лютѣ терзатися
отъ того питія смертнаго...

Окончательнымъ подтвержденіемъ тому, что мы имѣемъ здѣсь отрывокъ изъ былины, можетъ служить сличеніе его съ пересказами былинь о М. Скопинѣ, записанными въ болѣе позднее время, и въ осо-

что глаголетъ, а отъ дымаго куренія едва бѣ видѣти, кто снемся бьетъ (должно быть: кто съ кѣмъ ся бьетъ), что звѣри рыкающе съвахуся» (см. Изборникъ А. Попова, стр. 382). Ср. сходныя мѣста въ разказѣ объ осадѣ Кева Татарами въ Ипатской лѣтописи подъ 1240 г., также въ «Сказаніи о нашествіи Батыя на Русскую землю» (Сахарова, Сказ. Русск. нар., т. I, вв. 4), отчасти въ былинь сборника Б. Давилова о Блиннѣ-царѣ (ср. мое изслѣдованіе: О былинахъ Владимірова цикла, стр. 30, прим. 1-е).

¹⁾ Описаніе рукописей Рум. музея, стр. 787; ср. *Буслаева*, Истор. Очерки, I, стр. 520—521.

бенности, съ пересказомъ, находящимся въ сборникѣ К. Данилова: въ этомъ послѣднемъ пересказѣ нѣкоторыя выраженія представляютъ дословное сходство съ выраженіями отрывка; равнымъ образомъ, и въ отношеніи мелкихъ историческихъ подробностей (мѣсто крестиннаго пира, имя крестника и его отца, и т. п.) должно замѣтить, что онѣ удержаны съ точностью, согласно съ отрывкомъ, только въ пересказѣ К. Данилова, и болѣе или менѣе позабыты пересказами позднѣйшими. Любопытно, однако, слѣдующее обстоятельство: въ сказаніи „О роженіи князя Михаила Васильевича“, какъ видно изъ приведенныхъ выше стиховъ,—жена князя Дм. Ив. Шуйскаго, кума Скопина и его отравительница, названа Маріей, тогда какъ по другимъ историческимъ свидѣтельствамъ извѣстно, что ее звали или Катериной, или Христиной, а Маріей звалась ея сестра, супруга Бориса Годунова ¹⁾. Откуда произошла эта ошибка — вслѣдствіе ли простаго смѣшенія именъ двухъ сестеръ, или вслѣдствіе того, что сказаніе взяло имя Маріи изъ былины, а былина, хотя недавно сложенная, уже успѣла позабыть, какъ на самомъ дѣлѣ звали жену Дм. Шуйскаго, и въ замѣнъ подлиннаго ея имени подставила ей имя, сходное съ тѣмъ, которое обычно приписывается въ эпосѣ злодѣйкѣ-еретницѣ Маринѣ? Если послѣднее предположеніе вѣрно, то оно также могло бы служить къ характеристикѣ разсматриваемаго отрывка, какъ взятаго изъ устъ народныхъ. Позднѣйшіе пересказы, и даже пересказъ К. Данилова, уже забыли имя отравительницы; г. Буслаевъ справедливо видитъ въ этомъ дѣйствіе того процесса, силою котораго историческій разказъ перерабатывается въ эпическую пѣсню. „Эпическая поэзія“, говоритъ почтенный ученый,—„довольствуется тѣмъ, что это была дочь Малюты Скуратова, и потому считаетъ вовсе не нужнымъ къ такому сильному эпитету вымышлять собственное имя“ ²⁾.

Какъ бы то ни было, но вѣрно, что въ первыя десятилѣтія XVII вѣка, въ то самое время, какъ образованный Голландецъ, для объясненія историческаго событія, счелъ возможнымъ сослаться на слышанную имъ народную пѣсню о Скопинѣ и тѣмъ засвидѣтельствовалъ,

¹⁾ *Древн. и Нов. Россія*, 1875 г., № 7, статья г. Иконникова о Скопинѣ, стр. 224.

²⁾ *Ист. Очерки*, I, 523. Впрочемъ, одинъ плохой вариантъ въ сборникѣ *Киржескаго*, вып. 7, стр. 9, даетъ отравительницѣ имя Акулины, но совершенно случайно и противно исторіи.

что подобныя пѣсни уже существовали тогда въ устахъ народа, — его малочувствительный русскій современникъ, безсознательно повторяя пріемъ автора Слова о Полку Игоревѣ, слагавшаго свою поэму „по былинамъ сего времени“, также не затруднился воспользоваться тою же народною былинной, и воспроизведя почти буквально часть ея въ своемъ произведеніи, доставилъ намъ одинъ изъ самыхъ старыхъ письменныхъ образцовъ русской народной поэзіи.

Къ тому же Смутному времени, около котораго возвращаются всѣ доселѣ разсмотрѣнные нами тексты, относится по содержанію еще одинъ текстъ изъ русскаго эпоса, близкій къ той же эпохѣ и по времени написанія. Это былина о Григоріѣ Отрепѣевѣ и Маринѣ. Отысканіемъ ея и изданіемъ въ свѣтъ въ 7-мъ выпускѣ Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, наука обязана П. А. Безсонову, нашедшему ее въ бумагахъ К. Θ. Калайдовича. По словамъ издателя, былина эта „написана на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, почеркомъ и правописаніемъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами надписала: „въ 196 году въ 7-и тысячѣ“, то-есть, 1688 года. Слѣдовательно, первая, не поправленная рукопись старше 1688 года, и по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности, близка періоду самозванцевъ“ ¹⁾. Запись старѣйшаго почерка не совсѣмъ грамотна и обличаетъ въ писцѣ, судя по засвидѣтельствованному орографіей выговору, Москвича. Напротивъ того, въ поправителѣ 1688 года г. Безсоновъ, судя по мѣсту разставленныхъ имъ удареній, предполагаетъ Малорусса или Бѣлорусса. Кромѣ того, въ рукописи встрѣчается еще одна поправка, сдѣланная уже третьимъ почеркомъ, нынѣшняго столѣтія, и тѣмъ же третьимъ почеркомъ (только не Калайдовича) приписаны къ былинѣ два заключительные стиха и сдѣлана на полѣ отмѣтка: „Наталья Волк...“

Таковъ внѣшній видъ этой драгоценной рукописи. Что касается содержанія былинны, она послѣ обращенія къ Господу Вседержителю, который прогнѣвался на Русскую землю и напустилъ на нее великій тяжкій грѣхъ, въ краткихъ словахъ отмѣчаетъ главныя событія изъ жизни перваго самозванца, а преимущественно останавливается на свадьбѣ его, на отреченіи отъ него инокини Марѣи и на обличеніи его самозванства, которое влагаетъ въ уста Басманову (въ былинѣ:

¹⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. VII, доп., стр. 62.

Петрушкѣ Басманникову). Два послѣдніе приписанные стиха говорятъ о смерти названаго царя. Былина въ этомъ пересказѣ очевидно является сложенною по живымъ слѣдамъ событіи, и если она дѣлаетъ грубую ошибку противъ исторической истины, выставляя одного изъ преданнѣйшихъ самозванцу людей какъ его обличителя, то въ этомъ слѣдуетъ, кажется, видѣть своеобразный и наивный, но довольно обычный въ эпосѣ изворотъ народной памяти, которая, соединяя въ пѣснѣ два имени—Басманова и Отрепьева, столь близко соединенныя и въ жизни, не могла въ то же время допустить, чтобъ у ненавистнаго народу самозванца нашлись искренніе и горячіе сторонники изъ Русскихъ же людей. Напротивъ того, былина хорошо запомнила, что многія лица выступали обличителями Разстриги, и подъ именемъ Басманникова, быть можетъ, хотѣла помянуть того дьяка Тимоея Осипова, объ обличеніяхъ котораго съ такимъ сочувствіемъ говорятъ современныя историческія сказанія ¹⁾). За исключеніемъ неумѣстно вставленнаго имени Басманова, былина остается вообще вѣрна исторіи, даже во многихъ второстепенныхъ чертахъ событій, которыя въ свое время должны были сильно поразить народное воображеніе: она знаетъ, что самозванецъ вступилъ въ бракъ въ четвергъ, на канунъ Николина дня, 9-го мая, и что вообще онъ не соблюдалъ церковныхъ и народныхъ обычаевъ; она помнитъ даже набережныя палаты, которыя выстроилъ себѣ Дмитрій на Москвѣ рѣкѣ, и которыя, съ ихъ невиданными причудливыми украшеніями, представлялись Москвичамъ какимъ-то адскимъ обиталищемъ ²⁾).

Разбираемый текстъ особенно важенъ тѣмъ, что для сравненія съ нимъ мы имѣемъ два болѣе поздніе пересказа — одинъ изъ XVIII вѣка въ сборникѣ К. Данилова, а другой, записанный въ половинѣ текущаго столѣтія въ Нижегородской губерніи ³⁾). Въ обоихъ этихъ пересказахъ, хотя и близкихъ къ первоначальному тексту, уже стерты многія яркія черты современности, находящіяся въ текстѣ XVII вѣка, и въ то же время встрѣчаются отмѣны и даже добавленія, въ которыхъ народное воображеніе дало себѣ волю независимо отъ историческихъ условий времени и мѣста. Такъ, въ пересказѣ Кирши Дани-

¹⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., т. XI, стр. 147.

²⁾ См. въ изданіи гр. М. Бутурлина: Четыре сказанія о Лже-Дмитріѣ, извлеченныя изъ рукописи Имп. Публ. библіотеки (С.-Пб. 1863 г.), стр. 120—121, главу 4-го сказанія подъ заглавіемъ «О сотвореніи ада на Москвѣ рѣкѣ».

³⁾ Оба помѣщены въ 7-мъ выпускѣ сборника *Киртзескиго*.

лова пропущены подробности текста XVII вѣка объ Архангельскомъ соборѣ,

гдѣ кладутся цари благоверныя,
благоверныя, благочестивыя,

очень сокращенно разказывается о томъ, какъ Разстрига нарушалъ церковные обычаи, и вовсе умалчивается объ обличеніяхъ Басманова противъ самозванца; конецъ былины К. Данилова повѣствуетъ о самоубійствѣ самозванца и о томъ, какъ Марина вылетѣла изъ царскихъ палатъ, обернувшись сорокою. Такъ народное воображеніе восполнило извѣстнымъ эпическимъ образомъ забытыя черты исторической дѣйствительности. Нижегородскій пересказъ вообще гораздо короче, гораздо сжатѣе обоихъ предшествующихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣднѣе подробностями; онъ говоритъ только о бракѣ и брачномъ пирѣ самозванца и объ обличеніи его старою царицей, которую ошибочно называютъ Олёною Михайловною.

Разсмотрѣннымъ текстомъ былины о Григоріѣ Отрепьевѣ и о Маринѣ завершается тотъ рядъ былинь и пѣсенъ о Смутной эпохѣ и ближайшемъ къ ней времени, который дошелъ до насъ въ рукописяхъ XVII вѣка. Какъ ни любопытны сами по себѣ эти памятники, все же ихъ такъ мало, что имѣть возможности судить по нимъ—на сколько сильна была въ то время потребность сохранять произведенія народнаго творчества на письмѣ. По имѣющимся немногочисленнымъ даннымъ на этотъ вопросъ скорѣе должно отвѣчать отрицательно, и сохранившимися текстами можно пользоваться только для оцѣнки ихъ сравнительно съ позднѣйшими пересказами тѣхъ же былинь и пѣсенъ. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣнные тексты драгоцѣнны тѣмъ, что они содержатъ въ себѣ произведенія, которыхъ происхожденіе близко по времени къ эпохѣ ихъ нанесенія на бумагу. Другими словами: есть большое вѣроятіе, что въ разсмотрѣнныхъ текстахъ мы имѣемъ произведенія нашей народной поэзіи почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были сложены, и стало быть, получаемъ твердый исходный пунктъ для опредѣленія тѣхъ измѣненій, которымъ они подверглись въ позднѣйшихъ пересказахъ. Заключенія наши по этому предмету предложены выше; въ данномъ случаѣ мы склоняемся вполне въ пользу старѣйшихъ текстовъ, не смотря на то, что запись ихъ не всегда удовлетворительна.

Теперь намъ остается упомянуть еще о двухъ принадлежащихъ XVII вѣку текстахъ произведеній народной поэзіи; въ отличіе отъ

выше разсмотрѣнныхъ, эти двѣ рукописи содержатъ въ себѣ произведенія, время происхожденія которыхъ не можетъ быть опредѣлено съ желаемою точностью. Поэтому, и подлежащія нашему обзору тексты могутъ имѣть только относительное значеніе для историческаго изученія самыхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ нихъ долженъ быть названъ весьма цѣннымъ, и остается только сожалѣть, что онъ до сихъ поръ не обнаругованъ.

Въ прекрасномъ собраніи рукописей, принадлежащихъ извѣстному собирателю „Причитаній Сѣвернаго края“ и изслѣдователю раскола, Е. В. Барсову, въ Москвѣ, находится довольно толстый сборникъ въ 8-ю долю листа, писанный скорописью около половины XVII вѣка (въ концѣ сборника есть помѣта 1643 года, сдѣланная—по мнѣнію владѣльца рукописи—почеркомъ болѣе позднимъ, чѣмъ тотъ, которымъ писана первая и большая часть рукописи). Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ частью поучительныя, частью повѣствовательныя статьи, и въ числѣ сихъ послѣднихъ, на листахъ 98—181 об., читается: „Сказаніе о кѣсскихъ богатырехъ какъ ходили воцарыградъ икакъ побили цареградскихъ богатыревъ учинили себѣ честь“. Это—былина довольно сходная по содержанію со „Сказаніемъ о семи русскихъ богатыряхъ“, напечатаннымъ по рукописи Ѳ. И. Буслаева во 2-мъ выпускѣ „Памятниковъ старинной русской литературы“. Не имѣя права распространяться о памятникѣ, сохраненномъ рукописью г. Барсова прежде, чѣмъ онъ будетъ изданъ, позволяемъ себѣ сказать только, что текстъ этотъ весьма замѣчательнъ, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, вполнѣ сохраняющему свѣжесть народнои рѣчи. Въ интересахъ русской науки вельзя не пожелать скорѣйшаго изданія въ свѣтъ этого драгоценнаго текста, который въ настоящее время есть самый старій по времени написанія памятникъ нашего героическаго эпоса.

Послѣдній изъ извѣстныхъ намъ рукописныхъ текстовъ произведеній народнои словесности, который съ достовѣрностью можетъ быть отнесенъ къ XVII вѣку, есть небольшая бытовая пѣсня, напечатанная С. М. Соловьевымъ въ приложеніяхъ къ XIV-му тому его „Исторіи Россіи“ (стр. XV—XVI). Она извлечена изъ столбцовъ приказнаго стола, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, № 3313, и относится къ 1699 году. Ближайшихъ подробностей о томъ, по какому случаю записана эта пѣсня, издателемъ не сообщено. Содержаніе пѣсни состоитъ въ жалобахъ молодой жены на стараго мужа, котораго она хочетъ извести. Новыхъ варіантовъ этой пѣсни намъ не встрѣтилось, но въ разныхъ сборникахъ про-

изведеній народнаго творчества попадаются пѣсни довольно съ нею сходныя по основному мотиву.

Заканчивая этимъ обзоръ народныхъ былинъ и пѣсень, записанныхъ въ рукописяхъ XVII вѣка, мы должны сдѣлать еще одну заключительную оговорку. Въ наше обзорѣніе не вошли ни „Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи“, ни „Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ“, которыя въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ г. Костомарова показаны напечатанными съ рукописей XVII вѣка. Это потому, что мы имѣли случай разсматривать обѣ помянутыя рукописи и пришли къ убѣжденію, что ихъ нельзя относить ранѣе какъ къ началу XVIII столѣтія.

Л. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Возраженіе императрицы Анны Іоанновны Историческій этюдъ. Д. А. Корсакова.
Казань. 1880.

Всѣ занимающіеся русскою исторіей знаютъ имя Д. А. Корсакова еще по его живой и занимательной магистерской диссертациі: „Мера и Ростовское княжество“. Послѣдніе годы онъ усердно занялся XVIII столѣтіемъ и въ Древней и Новой Россіи, начиная съ 1875 года, появился рядъ его этюдовъ, относящихся къ царствованію Анны Іоанновны—о Волинскомъ, Долгорукихъ, Голицынѣ. Наконецъ, въ настоящемъ году напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета его докторская диссертациія, подъ выписаннымъ заглавіемъ; ей предшествовалъ обстоятельный отчетъ о занятіяхъ въ архивахъ. Выборъ темы чрезвычайно удаченъ: затѣи верховниковъ и попытки представителей шляхетства составляютъ весьма важный эпизодъ въ развитіи русскаго дворянскаго сословія и тѣсно связываются съ заявленіями дворянства въ знаменитой Екатерининской комиссіи, которая легла въ основу „дворянской грамоты“ и узаконеній, передавшихъ въ руки дворянства все уѣздное управленіе и значительную часть губернскаго. Напрасно авторъ считаетъ желанія дворянства временъ Екатерины болѣе узкими (стр. 302); они только болѣе практичны, и идутъ, какъ и слѣдуетъ, съ самаго корня. Въ рукахъ дворянства отъ временъ Екатерины до нашихъ дней сосредоточивались администрація и судъ въ уѣздѣ; судъ въ губерніяхъ былъ тоже въ рукахъ дворянства; представители другихъ сословій (засѣдатели городскіе и сельскіе) были лицами, лишенными всякаго значенія; къ тому же дворянство было вооружено важнымъ правомъ—правомъ петиціи. Учрежде-

ніями Екатерины дворянство впервые образовало сословіе, и притомъ правительствующее въ странѣ. Какъ оно пользовалось своимъ положеніемъ—на этотъ вопросъ отвѣтитъ исторія, когда явится возможность судить вполне безпристрастно, и когда будетъ возможность вполне взвѣсить причины внутреннія и внѣшнія достигнутыхъ или не достигнутыхъ результатовъ. Значительнымъ количествомъ фактовъ для оцѣнки этихъ явленій обладаетъ русская наука: многое собрано въ известномъ сочиненіи А. В. Романовича-Славутинскаго: „Дворянство въ Россіи съ XVIII вѣка“; но подборъ матеріаловъ все еще недостаточенъ для произнесенія полного сужденія: архивы въ этомъ отношеніи почти еще не тронуты. Замѣчу мимоходомъ, что авторъ разбираемой книги, не пользуясь книгою г. Романовича-Славутинскаго, придаетъ слишкомъ много значенія книгѣ Клейншмидта: „Russland's Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels“ (стр. 22); я былъ несчастливѣе его: справлялся съ этою книгою и встрѣчалъ только недоразумѣнія (чтобы выразиться повѣжливѣе). Въ доказательство укажу на стр. 339, гдѣ невѣроятно перепутано происхожденіе близко мнѣ известной дворянской фамиліи. Знакомство съ книгою г. Романовича-Славутинскаго могло бы навести г. Корсакова на главную причину неудачи замысловъ 1730 г.: въ главѣ V-й авторъ указываетъ на отсутствіе мѣстныхъ дворянскихъ обществъ до отмѣны обязательной службы. Дѣйствительно, мы знаемъ, что желанія депутатовъ Екатерининской комиссіи, которыя были и выслушаны, и исполнены, выражены были въ наказахъ, данныхъ депутатамъ отъ избирателей; то были желанія большинства русскаго дворянства; а желанія, выраженные въ просьбахъ шляхетскихъ 1730 г., были желаніями того или другаго кружка, случайно собравшагося, и появленіе однихъ и тѣхъ же именъ подъ разными проектами только убавляетъ число заявившихъ, а не усиливаетъ значенія желавшихъ того или другаго.

Жалѣя, что авторъ не взглянулъ съ указанной стороны на дѣло, что объяснило бъ и значительную безучастность къ нему гвардіи, состоявшей въ большой мѣрѣ изъ шляхетства, и то, что прошенія остались только проектами, мы все-таки признаемъ за книгою Д. А. Корсакова большое значеніе и считаю ее значительнымъ шагомъ къ разъясненію не только изслѣдуемаго имъ эпизода, но и всей исторіи XVIII в., въ которой развитіе шляхетства имѣетъ важное значеніе. Въ книгѣ, нами разбираемой, впервые представляется полный обзоръ всего касающагося до изслѣдуемаго вопроса матеріала: до тѣхъ поръ

мы имѣли только изложеніе того, что было напечатано (въ статьяхъ гг. Щебальскаго, Карновича), или сообщеніе новаго матеріала, но неполнаго и безъ обзора остальнаго (въ „Исторіи Россіи“ Соловьева, „Памятникахъ новой русской исторіи“ Каширева и пр.); словомъ, предварительнаго, полнаго и обстоятельнаго разбора матеріала никто еще не дѣлалъ, и отрывочность матеріала восполнялась болѣе или менѣе остроумными домыслами; нынѣ же послѣ добросовѣстнаго и вдумчиваго обслѣдованія всего матеріала, произведеннаго авторомъ нашимъ, такія гаданія болѣе не имѣютъ мѣста. Но этимъ авторъ не ограничился: онъ не только перебралъ и критически оцѣнилъ каждый архивный документъ, каждое показаніе современниковъ, при чемъ оказывается много новаго и старое является въ новомъ видѣ; онъ не только сообщилъ нѣкоторые изъ бывшихъ въ его распоряженіи документовъ (хоть бы въ полномъ видѣ депеши Вестфалена)—жалъ, что не всѣ: это немного увеличило бы книгу, а много усилило бы благодарность автору со стороны будущихъ изслѣдователей,—не только—говорю я—сдѣлалъ онъ это, но онъ обозрѣлъ современную занимавшему его эпизоду политическую литературу, сохраняющуюся въ рукописяхъ и до сихъ поръ еще не подвергавшуюся такому обзору; онъ провелъ точнѣе, чѣмъ кто-либо до него, параллель плановъ кн. Д. Голицына съ государственнымъ устройствомъ Швеціи (указанія Е. П. Карновича были слишкомъ кратки). И этимъ не опредѣляется еще вполнѣ достоинство изслѣдованія Д. А. Корсакова: онъ взглянулъ на прошлую жизнь cadaго изъ дѣятелей, перебралъ всѣ сохранившіяся о немъ извѣстїи, заглянулъ, гдѣ было возможно, въ фамилїныя преданія и представилъ такимъ образомъ полныя и живыя характеристики; одно изъ приложений, сверхъ того, представляетъ всѣ какія только нашлись свѣдѣнія о второстепенныхъ дѣятеляхъ. Замѣтимъ, что напрасно при фамилии Чагина стоитъ знакъ знака вопроса (пр., стр. 46)—такая фамилія существуетъ; на стр. 57, при фамилии Бестужевъ прибавлено; „вѣроятно, родственникъ Петра Мих.“. По моему, со всѣмъ невѣроятно: сколько я знаю, всѣ родственники Петра Мих., даже очень по нашему дальніе, приняли прозваніе Рюминыхъ. Такимъ образомъ обрисовываются связи разныхъ дѣятелей этого времени и объясняются многія событія. Каждый изслѣдователь поблагодаритъ автора за подобный трудъ, очень кропотливый, но мало видный и мало цѣнимый у насъ, хотя пора бы понять, что при важномъ значеніи шляхетства въ XVIII и дворянства въ XIX в. родственныя связи должны быть изучаемы потщательнѣе, чѣмъ до сихъ поръ дѣ-

далось, а между тѣмъ какъ только начинается изслѣдованіе о какомъ-либо событіи, такъ сейчасъ оказывается необходимость осмотрѣть семейныя преданія, которыя у насъ и не хранятся даже какъ слѣдуетъ.

Говоря о богатствѣ такихъ свѣдѣній въ книгѣ Д. А. Корсакова, мы не можемъ умолчать однако о томъ, что глава VII (главнѣйшіе участники шляхетскихъ проектовъ) была бы значительно интереснѣе, если бы мелкія встрѣчающіяся въ ней свѣдѣнія отнесены были въ приложения; но за то глава II (верховники и ихъ противники изъ генералитета и синода) по полнотѣ матеріала, живости изложенія и интересу сообщаемыхъ свѣдѣній принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ страницъ въ русской историографіи послѣднихъ лѣтъ. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ въ трудѣ Д. А. Корсакова весьма удачное начало его занятій новою русскою исторіей, которая по своей неразработанности и неразобранности накопившагося громаднаго матеріала требуетъ большаго числа дѣятелей, чѣмъ древняя, гдѣ сдѣлано гораздо болѣе (за исключеніемъ XVII в.), и гдѣ требованія отъ удачной работы должны быть значительно повышены. Въ настоящее время настоятельно необходимо, чтобы разработка новой исторіи стала на ту степень, на которой стоитъ древняя, благодаря вѣковымъ положеннымъ на нее трудамъ: въ колоссальномъ памятникѣ, воздвигнутымъ С. М. Соловьевымъ, мы имѣемъ общее обзорнѣе всего поля; въ счастливыхъ попыткахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей мы видимъ начало спеціальнаго обмежеванія этой области. Къ числу ихъ послѣдними своими трудами примыкаетъ и г. Корсаковъ. Пожелаемъ ему продолжать удачно начатое дѣло и подарить ученую литературу рядомъ монографій.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Капцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Соч. *Н. Григоровича*. (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXVI). С.-Пб. 1880.

Считаемъ долгомъ, хотя и нѣсколько поздно — указать нашимъ читателямъ на капитальный трудъ г. Григоровича. Онъ былъ представленъ имъ, какъ извѣстно, въ Академію Наукъ на соисканіе преміи графа Н. А. Куселева-Безбородко, и Академія признала его вполне достойнымъ этой преміи. Въ свое время напечатанъ былъ въ нашемъ журналѣ отзывъ о немъ почтеннаго академика Я. К. Грота, который высказался, между прочимъ, что г. Григоровичемъ сдѣлано все, чего

въ настоящее время можно справедливо требовать для выполненія предпріятой имъ задачи". Главная заслуга автора заключалась въ собраніи матеріаловъ, разсѣянныхъ по различнымъ архивамъ правительственнымъ и частнымъ; онъ говоритъ въ предисловіи, что не исчерпалъ всѣхъ источниковъ для біографіи князя Безбородко, но благодаря ему, мы имѣемъ ихъ уже теперь въ такомъ обиліи, что историкъ не трудно будетъ возсоздать личность одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Екатерины II. Документы, обнаруженные авторомъ, изображаютъ князя Безбородко и какъ государственнаго, и какъ частнаго человѣка. Въ появившемся нынѣ первомъ томѣ, доведенномъ до 1787 года, помѣщено между прочимъ много писемъ его къ отцу, по которымъ можно слѣдить, какъ постепенно складывался его характеръ; въ нихъ же онъ самъ сообщаетъ любопытныя подробности о первыхъ шагахъ своихъ на служебномъ поприщѣ.

Документы, о которыхъ говоримъ мы, помѣщены въ приложеніи къ книгѣ г. Григоровича. На первомъ же ея планѣ находится біографія Безбородко, доведенная до того времени, когда онъ явился руководителемъ нашей внѣшней политики во время второй Турецкой войны при императрицѣ Екатеринѣ II. Біографія эта составлена очень тщательно. Авторъ не пускается въ общія соображенія, онъ держится исключительно фактовъ, но эти факты строго проверены имъ, и вообще онъ старается въ своемъ изложеніи говорить собственными словами дѣйствующихъ лицъ. Г. Григоровичъ основательно оправдываетъ этотъ приемъ слѣдующими словами князя П. А. Вяземскаго: „Въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго, чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ, на ту минуту проговаривающею рукой. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ“.

Трудъ г. Григоровича изданъ Русскимъ историческимъ обществомъ, сдѣлавшимъ уже такъ много для изученія исторіи XVIII вѣка. Изданіе это, какъ и всѣ другія означеннаго общества, очень изящно: къ нему приложены прекрасная гравюра *eau-forte* съ портрета князя Безбородко, писаннаго профессоромъ Лампи, а также снимки съ его почерковъ перомъ и карандашемъ. Вообще, книга г. Григоровича, со-

ставляющая цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, является въ полномъ достойномъ ея видѣ.

■ ■.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Томъ второй. С.-Пб. 1880.

Второй томъ сочиненія г. Васильчикова, по обилію и интересу вошедшихъ въ него матеріаловъ, нисколько не уступаетъ первому. Онъ даже выигрываетъ въ томъ отношеніи, что главнѣйшее содержаніе перваго тома, прежде выхода его въ свѣтъ, было уже извѣстно публикѣ, ибо появилось въ Осемнадцатомъ Вѣкѣ г. Бартенева, тогда какъ тутъ она найдетъ очень много совершенно новаго. Въ изданной нынѣ книгѣ авторъ помѣстилъ біографіи сыновей гетмана Разумовскаго, при чемъ главное мѣсто графу Алексѣю Кирилловичу съ его потомствомъ. Иначе не могло и быть, ибо изъ всѣхъ Разумовскихъ, о которыхъ идетъ рѣчь, одинъ лишь графъ Алексѣй Кирилловичъ занималъ особенно видное мѣсто въ государственной службѣ, а именно—съ 1810 по 1816 годъ управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Личность этого человѣка, непривлекательнаго въ частной жизни, обладавшаго свѣдѣніями, но исключительно въ ботаникѣ, и то потому, что ему принадлежали великолѣпныя теплицы въ его подмосковномъ имѣніи, не знавшаго Россіи, не имѣвшаго никакихъ опредѣленныхъ идей, и вслѣдствіе того, легко поддававшася вліянію иностранцевъ, которые умѣли краснорѣчиво развивать предъ нимъ теоріи, совершенно чуждыя потребностямъ и интересамъ нашего отечества,—очерчена г. Васильчиковымъ какъ нельзя болѣе рельефно. Всѣмъ извѣстны письма къ Разумовскому Жозефа де-Местра о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Эти письма впервые напечатаны теперь г. Васильчиковымъ вполне въ русскомъ переводѣ. Изъ другихъ сыновей гетмана останавливаетъ на себѣ вниманіе графъ Григорій Кирилловичъ, человѣкъ ученый, но, подобно многимъ изъ своихъ родственниковъ, отличавшійся необыкновенными странностями характера, сдѣлавшими его несчастнымъ на всю жизнь. По сравненію со всѣми своими потомками, престарѣлый гетманъ, не получившій основательнаго образованія, но умѣвшій цѣнить его—и самое главное—обладавшій здравымъ смысломъ, не лишеннымъ тонкаго юмора, представляется въ весьма привлекательномъ свѣтѣ. Нельзя читать безъ удовольствія письма его, которыхъ помѣщено очень много и во вто-

ромъ томъ монографіи г. Васильячкова. Вотъ что говорилъ онъ между прочимъ въ одномъ изъ нихъ о названномъ нами сейчасъ ученомъ своемъ сынѣ: „Читалъ я пространное твое письмо о философѣ нашемъ Григоріѣ. При всей его странности, хорошо, что онъ избралъ такое упражненіе, которое и похвально, и можетъ быть полезно для молодого человѣка, а ему всегда пріятно. Я не только что на него за сіе не сердить, но самъ апробую его упражненіе, яко могущее со временемъ ему славу наносить. Правда, что оно противно военному званію, но что дѣлать, когда ни сложеніе его здоровья, ни склонности его къ тому не влекутъ? Много охотниковъ есть, которые его мѣсто займутъ въ военномъ искусствѣ, но въ томъ, куда его судьба влечетъ,—мало; а что не имѣетъ стремленія ни къ знатнымъ чинамъ, ни къ декораціямъ, имъ свойственнымъ, то сіе рѣдкость неслыханная въ молодомъ человѣкѣ; но почитаю счастливымъ того, который на всѣ сіи суеты со спокойнымъ духомъ смотритъ и не занимается желаніемъ оныхъ. Нашъ философъ, устремившій свои мысли на полезныя знанія и на испытаніе существа натуры, кажется мнѣ, благую часть избралъ, которая не отнимется отъ него“. Графъ Григорій Разумовскій, занимавшійся сначала съ знаменитымъ Соссюротъ и не замедлившій, по своему обыкновенію, поссориться съ нимъ, издалъ нѣсколько изслѣдованій по части естественныхъ наукъ, не оставшихся не замѣченными за границей; онъ открылъ въ Силезіи минераль, который былъ названъ въ честь его Rasoumowski и подъ этимъ именемъ извѣстенъ до сихъ поръ ученому міру; понятно, что онъ имѣлъ право занять мѣсто въ нашей Академіи Наукъ и дѣйствительно удостоился этого избранія. Посредникомъ въ переговорахъ по этому поводу съ предсѣдательницею Академіи, княгинею Дашковой, явился престарѣлый его отецъ. „Теперь стану говорить“, писалъ онъ своему сыну Андрею, — „объ упадемъ въ ученую яму нашимъ философѣ Григоріѣ слѣпомъ. По поводу письма твоего говорилъ я на сихъ дняхъ о его желаніи съ княгинею Дашковой, чтобъ его сдѣлать членомъ Академіи, но чтобъ сіе сдѣлалось не для уваженія имени, ниже ко мнѣ, но судя по всей строгости ученой о его сочиненіяхъ, на которыхъ онъ садится и упирается яко на коня и уже въ нѣкоторыя академіи и ученныя общества уѣхалъ и одѣвается сими титулами яко кожею. Сія Минерва весьма такое стремленіе нашего мудреца похвалила и сказала мнѣ способъ, какъ сіе дѣлается въ нашей Академіи... Я думаю, сверхъ достоинствъ по сочиненіямъ, для рѣдкости такихъ членовъ, его оболванятъ“. Тотчасъ по вступленіи однако

Григорія Разумовскаго въ Академію произошла у него ссора съ Дашковой. Но неуживчивый, подозрительный и своенравный его характеръ обнаруживался преимущественно въ семейной его жизни и довель его до того, что, покинувъ отечество, онъ принялъ австрійское подданство.

Книга г. Васильчикова замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Впервыхъ, заставляетъ она задуматься о странной судьбѣ людей, выступающихъ въ ней предъ читателями, людей, которые, какъ немногіе, взысканы были фортуной, изъ ничтожества достигли высокаго положенія въ обществѣ, имѣли, кажется, все, чтобы быть полезными своей странѣ, но большею частью (по крайней мѣрѣ это слѣдуетъ сказать о самыхъ даровитыхъ изъ нихъ) превратились въ какихъ-то космополитовъ, жизнь коихъ протекла безслѣдно и для нихъ самихъ, и для другихъ. Очевидно, это условливалось не недостатками только и уродливостью ихъ характера, но и всею общественною средой, воспитавшею ихъ. Затѣмъ, въ разбираемой нами книгѣ, мы находимъ не исторію лишь одного семейства, а полную и рельефную картину общественныхъ нравовъ въ XVIII вѣкѣ. Сколько разсѣяно въ ней любопытныхъ чертъ, какія характеристическія подробности извлечены авторомъ изъ частныхъ архивовъ, которыми онъ пользовался! Эпиграфомъ къ своей книгѣ г. Васильчиковъ избралъ слова Пушкина:

Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ,

—и эту старину изображаетъ онъ съ живымъ интересомъ къ ней, не увлекаясь никакими тенденціями, заботясь только о вѣрности своихъ красокъ, что придаетъ его труду особенную цѣну.

Съ новымъ матеріаломъ, находившимся въ распоряженіи г. Васильчикова, можно между прочимъ познакомиться изъ приложенія къ его книгѣ. Здѣсь на 330 страницахъ помѣщенъ цѣлый рядъ еще не обнародованныхъ (за исключеніемъ писемъ де-Местра къ графу Алексѣю Разумовскому) документовъ. Особенно любопытны между прочимъ письма Поздѣева, одного изъ главныхъ членовъ масонскаго вѣрушка въ Москвѣ, къ которому принадлежалъ бывший министръ народнаго просвѣщенія, а также письма П. И. Голенищева-Кутузова, который, въ бытность Разумовскаго министромъ, занималъ должность попечителя Московскаго учебнаго округа. „Ограниченный, мелочный, завистливый и придирчивый“, говоритъ о немъ авторъ, — „Кутузовъ,

при безчисленныхъ цитатахъ изъ Священнаго Писанія и запутанныхъ мистическихъ фразахъ, зорко слѣдилъ за злобою дня и постоянно мечталъ о наградахъ и денежныхъ пособіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя было не подивиться подобному выбору, но что еще болѣе изумительно,—это то, что умный и провицательный графъ Растопчинъ въ этомъ ничтожномъ обскурантѣ, поставленномъ во главу учебнаго дѣла, видѣлъ какого-то опаснаго революціонера, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и мечтавшаго о низверженіи трона. Усердный доносчикъ на Карамзина и врагъ всякой либеральной идеи представлялся лицамъ высшей администраціи какимъ-то опаснымъ иллюминатомъ“. Кутузовъ, въ напечатанныхъ нынѣ его письмахъ, говоритъ очень много объ университетскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего они служатъ любопытнымъ матеріаломъ для исторіи Московскаго университета.

И. И.

Мингрельскіе этюды. Первый выпускъ: Мингрельскіе тексты съ переводомъ и объясненіями. Собранные и изданные *А. Цагарели*. Второй выпускъ: Опытъ фонетики мингрельскаго языка *А. Цагарели*. С.-Пб. 1880.

Книга г. Цагарели написана для соисканія высшей ученой степени. Она состоитъ изъ двухъ выпусковъ: въ первомъ (стр. XV+97) сообщаются мингрельскіе тексты съ русскимъ переводомъ, во второмъ (стр. XI+92) излагается фонетика мингрельскаго языка. Оба выпуска, по словамъ автора, суть только часть его обширнаго труда объ иверійскихъ языкахъ, который имѣетъ явиться въ послѣдствіи; но уже напечатанный отдѣлъ представляетъ нѣчто цѣлое, по которому весьма легко судить о томъ, въ какой мѣрѣ подготовленъ авторъ для выполнения задачи, заявленной въ предисловіи ко второму выпуску. Настоящая замѣтка посвящается исключительно второму выпуску, гдѣ собраны въ одно цѣлое научныя разысканія автора.

Г. Цагарели начинаетъ свои этюды заявленіемъ (Пред., стр. II), что о характерѣ грузинскаго языка „въ настоящее время также спорятъ... какъ это дѣлалъ болѣе полутора вѣка тому назадъ Лейбницъ“. Не беремся судить, много ли и часто ли ученые спорятъ объ этомъ предметѣ; несомнѣнно однако же, что спорятъ объ этомъ главнымъ образомъ тѣ, кто плохо знаетъ грузинскій языкъ. Г. Цагарели, по видимому, не согласенъ съ такимъ естественнымъ объясненіемъ положенія дѣла и постарался разгадать совершенно иначе часть ссхII, отд. 2.

вышеупомянутый прискорбный для науки фактъ: „Для опредѣленія типа языка“, говоритъ онъ,—„недостаточно однихъ даже самыхъ древнихъ памятниковъ“. По его мнѣнію, для этого нужно изучать живые языки, то-есть, тѣ, „которыхъ произволъ и капризы, обуславливающіе свободное развитіе формъ рѣчи, не стѣснены вмѣшательствомъ литературы“, или тѣ, которые „въ состояніи постояннаго сгорания“. Последнее опредѣленіе живыхъ языковъ, конечно, возбудитъ въ умѣ читателя нѣкоторое недоумѣніе: какимъ образомъ, невольно спросишь автора,—наблюденія надъ живыми языками постоянно сгорающими могутъ разъяснить типъ языка, и неужели безъ этого сгорающаго матеріала—изъ словеснаго матеріала, находимаго въ древнихъ литературныхъ памятникахъ, типъ языка не выясняется?

Не станемъ, однако же, спорить съ авторомъ по поводу оригинальнаго опредѣленія живаго слова, а также его важности для выясненія типа языка. Важность изученія живыхъ языковъ давно сознана и не требуетъ доказательствъ; всякій дѣльный трудъ о языкѣ или языкахъ мало извѣстныхъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ представляетъ одинъ не обработанный, но добросовѣстно собранный матеріалъ, можетъ, по справедливости, почитаться весьма полезнымъ, и авторъ такого труда заслуживаетъ полной признательности. Само собою разумѣется, если тотъ же авторъ задумаетъ представить собранный имъ матеріалъ въ научно-обработанной формѣ, къ его труду должны быть предъявлены особыя требованія, и его книга будетъ оцѣниваться на иныхъ основаніяхъ, не какъ простой сборникъ матеріаловъ, а какъ ученое произведеніе. Слышать и записывать звуки языка можетъ и не лингвистъ, а всякій, у кого есть вѣрный слухъ; тотъ же, кто взялъ на себя трудъ составить фонетическую азбуку или написать исторію звуковъ, долженъ быть знакомъ по крайней мѣрѣ съ приемами, методомъ и категоріями научной фонетики.

Г. Цагарелли не только собралъ, правда, не обширный матеріалъ для изученія мивгрельскаго языка, но и захотѣлъ представить его въ строго научной формѣ. Сообразно съ таковою задачею, онъ назвалъ свою книгу „этюдами“, а не матеріалами. На первый разъ онъ даетъ одну фонетику. Очевидно, при оцѣнкѣ его книги научная обработка матеріала есть именно та сторона, на которую всего болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе; и самъ авторъ, представляя свою книгу на соисканіе ученой степени доктора, естественно долженъ былъ особенно цѣнить научную обработку въ своемъ трудѣ; вѣроятно, и факультетъ восточныхъ языковъ присудилъ ему степень доктора не за первый вы-

пускъ (заключающій въ себѣ всего 97 стр.), а главнымъ образомъ за второй, въ которомъ авторъ долженъ былъ бы явиться изслѣдователемъ со строго-научнымъ методомъ и приемами, а не простымъ знатокомъ грузинскаго языка, каковымъ для природнаго Грузина не мудрено быть.

„Метода“, говоритъ авторъ,—„которой я держался при изслѣдованіи мингрельской звуковой системы, въ общихъ чертахъ та, которая выработана и практикуется въ области индо-европейскихъ языковъ“ (Пред., стр. V). И дѣйствительно, въ книгѣ г. Цагарели есть все то, что обыкновенно находится въ очень многихъ научныхъ грамматикахъ. Если разсматривать его трудъ съ внѣшней стороны, обращать вниманіе не на его содержаніе, а на наружную ученую обстановку, то-есть, на таблицу звуковъ, ихъ фізіологическія опредѣленія, распредѣленіе матеріала на параграфы, массу ученыхъ терминовъ, коегдѣ невѣрные или совершенно ненужные нѣмецкіе переводы очень понятныхъ русскихъ выраженій и т. п., то дѣйствительно, пожалуй, прійдется сознаться, что авторъ правъ, характеризуя такимъ образомъ свою методу; но какъ только читатель вздумаетъ взглянуть попристальнѣе на таблицу или внимательно прочесть хотя бы одну страницу „Мингрельскихъ этюдовъ“, то несомнѣнно онъ тотчасъ же убѣдится въ томъ, что метода г. Цагарели и общепринятый методъ писать научныя грамматики какихъ бы то ни было языковъ далеко не одно и то же. Метода автора своеобразна въ полномъ смыслѣ слова: обиліе и своеобразное употребленіе общепринятыхъ на ученыхъ терминовъ не только весьма часто затемняетъ фонетическія явленія языка, но не рѣдко даже наводитъ читателя на подозрѣніе, что авторъ употребляетъ слова, не вполне уяснивъ себѣ ихъ значеніе.

Дабы читателю не показалось наше обвиненіе пристрастнымъ или голословнымъ, мы постараемся подтвердить наше мнѣніе о книгѣ г. Цагарели нѣсколькими примѣрами, выбранными на удачу. Того же, кому этихъ примѣровъ покажется не достаточно, мы отсылаемъ къ самой книгѣ; на любой страницѣ онъ найдетъ одинъ или нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ объ оригинальномъ пониманіи авторомъ, какъ простѣйшихъ фонетическихъ терминовъ и явленій, такъ и вообще задачи фонетики.

Описанію фонетики мингрельскаго языка авторъ предпослалъ таблицу мингрельскихъ звуковъ. Въ этомъ краткомъ и наглядномъ выводѣ изъ описанія болѣе подробнаго и слѣдующаго далѣе едва ли не большинство звуковъ являются не принадлежащими къ тѣмъ именно

категоріямъ, къ которымъ ихъ обыкновенно относить научная фонетика. Такъ, авторъ дѣлитъ всѣ согласные звуки на мгновенные и продолжительные. Къ числу продолжительныхъ, между прочимъ, въ „Мингрельскихъ этюдахъ“ причисленъ звукъ t'; въ таблицѣ онъ стоитъ въ рубрикѣ глухихъ звуковъ; въ описаніи же (стр. 38) о немъ говорится, что онъ „мягкій продолжительный язычно-зубной звукъ“, и при этомъ дается весьма обстоятельное, хотя и мало вразумительное описаніе глухаго, мягкаго, продолжительнаго язычно-зубнаго t'. „Смягченный звукъ t'“, по словамъ г. Цагарели, — „производится такимъ образомъ: 1) легкимъ прижатіемъ кончика языка къ основанію верхнихъ зубовъ; 2) при этомъ нижній рядъ зубовъ слегка только касается нижней части кончика языка и т. д.“. Очевидно, для того, чтобы въ одно и то же время возможно было кончикъ языка легко прижать къ основанію верхнихъ зубовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нижними зубами слегка коснуться нижней части кончика языка, необходимо имѣть нижніе зубы необыкновенной длины и очень подвижную нижнюю челюсть.

Вообще отдѣлъ продолжительныхъ согласныхъ — въ „Мингрельскихъ этюдахъ“ фонетическая категорія до крайности непонятная — окончательно затемняется quasi-научными описаніями автора. Въ таблицѣ, напримѣръ, отмѣченъ продолжительный звукъ q', изъ описанія же (стр. 26) оказывается, что этотъ звукъ „менѣе продолжителенъ, чѣмъ звукъ q“, а послѣдній въ таблицѣ стоитъ самымъ первымъ въ категоріи мгновенныхъ... Авторъ учитъ насъ (стр. 25), какъ произносить этотъ звукъ. Онъ говоритъ, что для этого необходимо сильное прижатіе „самой задней части поверхности языка къ задней же оконечности дугообразной части неба, при чемъ токъ воздуха на мгновеніе совершенно спирается, затѣмъ, по разширеніи упомянутыхъ органовъ произношенія, выходящій токъ воздуха производитъ звукъ q“. Любопытно было бы знать, какимъ образомъ по разширеніи какихъ бы то ни было органовъ произношенія, то-есть, при раскрытомъ ртѣ, выходящій токъ воздуха можетъ производить согласный звукъ.

Физиологическія описанія вообще не удалось автору: попадаютъ совершенно одинаковыя описанія различныхъ звуковъ. О звукѣ ž говорится, что онъ „произносится плотнымъ прижатіемъ языка къ твердому небу“ (стр. 64), а о звукѣ ě, что онъ „произносится чрезъ прижатіе языка къ твердому небу“ (стр. 66). Послѣ таковыхъ описаній двухъ звуковъ, читатель въ правѣ ожидать, что оба звука оди-

паковы, и что авторъ напрасно придумалъ два различныя начертанія, но г. Цагарели тотчасъ же разубѣждаетъ въ томъ читателя. Въ первомъ случаѣ, при плотномъ прижатіи языка къ твердому нѣбу появляется звукъ, въ основаніи котораго „лежать два звука *д* и *ж*, которые слились вполне въ одинъ цѣльный звукъ“; во второмъ случаѣ, когда звукъ произносится „черезъ прижатіе языка къ твердому нѣбу“, получается нѣчто отличное: является звукъ, въ основаніи котораго „лежать два совершенно слитные и цѣльные звука *ж* и *ч*“ (стр. 64, 66). Въ таблицѣ наконецъ оба звука отнесены къ одной категоріи: а) нѣбно-язычныхъ, б) шипящихъ, в) продолжительныхъ, д) глухихъ. Очень ясно!

О мингрельскихъ гласныхъ мы узнаемъ отъ г. Цагарели, что они произносятся совершенно также, какъ русскіе (см. стр. 2, 5, 8, 10, 13), и что притомъ эти звуки не суть ни долгіе, ни краткіе, такъ какъ въ мингрельскомъ языкѣ нѣтъ ни долгихъ, ни краткихъ по природѣ, а есть краткіе звуки по положенію, и удвоенія краткихъ, чего привычное и чуткое ухо никакъ не смѣшиваетъ съ долгой; при этомъ г. Цагарели дѣлаетъ такое заключеніе: „Въ удвоеніи же мингрельскаго *а*, какъ и другихъ гласныхъ, чуткое и привычное ухо явственно можетъ различить на мгновеніе наступившую паузу вслѣдъ за окончаніемъ перваго *а* и началомъ втораго *а*, такъ что на мгновеніе звукъ какъ бы прерывается“ и т. д. (см. стр. 4). То же чуткое ухо помогаетъ автору, однакоже, заподозрѣвать въ сочетаніяхъ двухъ и болѣе слоговъ дифтонги и трифтонги (см. стр. 22, 23). Удивителенъ звуковой составъ мингрельскаго языка по описанію г. Цагарели; не менѣ оригинальны и историческія судьбы этихъ звуковъ. Въ мингрельскомъ языкѣ г. Цагарели открылъ и описалъ слѣдующее явленіе: „*j*, замѣнивши *l*, снова исчезаетъ, уступивъ мѣсто этому послѣднему: *gola* вм. *goja*, холмъ, и т. д.“ (стр. 76). Какое потребно чуткое ухо для того, чтобы разгадать подобное сложное явленіе: въ словѣ *gola* былъ когда-то звукъ *l*; онъ исчезъ и замѣнился новымъ звукомъ *j*; сей послѣдній, побывъ нѣкоторое время въ словѣ, вновь уступилъ свое мѣсто старому звуку *l*. Немногочисленность примѣровъ, послужившихъ автору для построения звуковой исторіи мингрельскаго языка, весьма естественно должна была привести къ оригинальнымъ выводамъ: на стр. 72 переходъ *а* въ *о* доказывається между прочимъ сравненіемъ *kata* (человѣкъ) съ *koči*, а на слѣдующей страницѣ тотъ же примѣръ доказываетъ обратное, что *о* переходитъ въ *а*. И такихъ обоюдострыхъ примѣровъ разсѣяно въ книгѣ, къ сожалѣнію, весьма много.

При недостаточности и полной ненаучности описанія звуковъ мингрельскаго языка, письменность котораго, по словамъ автора ограничивалась до появленія его мингрельскихъ текстовъ однимъ неудовлетворительнымъ переводомъ положенія о крестьянахъ (см. пред. къ I-му выпуску) да одного манифеста,—трудно было бы ожидать большаго совершенства въ сравнительной части его сочиненія. Тамъ, гдѣ Lautverschiebung отождествляется съ перестановкой звуковъ (стр. 89), тамъ, конечно, и тожество мингрельскаго naga съ грузинскимъ godeba можетъ казаться яснымъ до очевидности (см. стр. 89 и сравн. предисловіе ко II-му выпуску, стр. VI).

Въ интересахъ лингвистики было бы крайне желательно, чтобы всѣ послѣдующіе труды по языкамъ Кавказа не слѣдовали методѣ г. Цагарели, которую авторъ непонятно почему отождествляетъ съ наукою.

Такъ какъ высшая ученая степень уже присуждена г. Цагарели, и факультетъ восточныхъ языковъ, основываясь на отзывахъ своихъ извѣстныхъ и признанныхъ специалистовъ, нашелъ возможнымъ допустить книгу къ публичной защитѣ, а самую защиту призналъ большинствомъ голосовъ вполне удовлетворительною, то разсматривать „Мингрельскіе этюды“ съ этой точки зрѣнія, то-есть, задавать себѣ вопросъ: есть ли въ нихъ та научная подготовка, которая необходимо обязательна для ищущаго и получающаго степень доктора, было бы уже бесполезно. Но мы сочли нужнымъ указать на ненаучность приемовъ г. Цагарели, и кромѣ того, не желая придавать его книгѣ особенное значеніе, не можемъ не выразить нѣкотораго опасенія: „Мингрельскіе этюды“—книга, написанная природнымъ Грузиномъ; авторъ за ея написаніе удостоенъ степени доктора грузинской словесности; „Этюды“ легко могутъ попасть гдѣ-либо на отдаленныхъ окраинахъ въ руки какого-либо прилежнаго, но не вполне умѣлаго мѣстнаго изслѣдователя, и онъ не столько по незнанію мѣстныхъ языковъ, сколько по научной неопытности, не сумѣетъ разгадать настоящее значеніе той методы, которой г. Цагарели нашелъ нужнымъ держаться въ своихъ этюдахъ,—пожалуй, увлечется наблюденіями надъ движеніемъ адова яблока, ролью алвеолъ въ произведеніи звуковъ и т. п. хитрыми предметами, и вмѣсто того, чтобы добросовѣстно собирать матеріалъ, что и нетрудно, и очень полевно, задумаетъ разрѣшить какой-либо вопросъ въ родѣ присутствія въ мингрельскомъ языкѣ особаго л, произносимаго дорзально. Самъ докторъ Цагарели какъ бы приглашаетъ будущихъ изслѣдователей позаняться этимъ любопытнымъ явленіемъ.

ніемъ, рекомендуя вниманію продолжателей своего дѣла одного жителя деревни Накалакеви, умѣющаго производить сказанный звукъ особенно ясно (см. выпускъ II, стр. 50). И вотъ вслѣдъ за „Мингрельскими этюдами“, чего добраго, станутъ появляться новыя этюды и хитроумныя описанія другихъ кавказскихъ языковъ, малоизвѣстныхъ, но въ высшей степени любопытныхъ и важныхъ для лингвистики...

А между тѣмъ собирать лингвистическій матеріалъ не такъ трудно: для этого не требуется даже большой подготовки, и въ настоящее время въ литературѣ лингвистики есть точныя указанія, какъ слѣдуетъ приниматься за таковое дѣло.

И. Миннаевъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами почти на каждое правило для разбора и объяснительнаго диктанта и руководящими вопросами. Составилъ Ѳ. Рожественскій. По примѣрной программѣ гимназій М. Н. П. С.-Пб. 1880.

Названіе недавно изданной книжки г. Ѳ. Рожественскаго не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію. Этотъ „Учебникъ русскаго языка“ содержитъ въ себѣ только элементарный практический курсъ этимологій съ предварительными краткими свѣдѣніями изъ синтаксиса. Русскій языкъ, какъ учебный предметъ, далеко не состоитъ изъ одной грамматики: усвоеніе образцовъ рѣчи, упражненіе въ устномъ и письменномъ изложеніи занимаетъ въ преподаваніи русскаго языка такое же важное мѣсто, какъ и грамматика.

Прочтя со вниманіемъ разбираемую нами книжку, мы пришли къ заключенію, что она могла бы быть порядочнымъ учебникомъ для 1-го класса гимназій (отчасти и для 2-го), но только съ условіемъ—если въ ней будутъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что самый распространенный въ гимназіяхъ учебникъ элементарной русской грамматики—это грамматика гг. Кирпичникова и Гилярова (въ этомъ году вышло 15-е изданіе). Такое распространеніе указываетъ, во всякомъ случаѣ, на практичность изданія. Практичность эта достигнута очень просто. Издатели ясно опредѣлили цѣль своего труда—быть учебникомъ при занятіи грамматикой съ учителемъ. Поэтому, они могли выбросить изъ элементарнаго курса грамматики все то, что неудобно въ учеб-
часть сскп, отд. 3.

никѣ и не представляетъ существенной важности: опредѣленіе терминовъ, отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложенія. Въ учебникѣ гг. Кирпичникова и Гилярова мы не находимъ даже стереотипныхъ опредѣленій частей рѣчи: „имя существительное есть названіе предмета, глаголь означаетъ дѣйствіе или состояніе предмета“. Авторы поняли тщету и непрактичность стараній выяснить дѣтямъ логическую сторону грамматическихъ формъ и первые рѣшились покончить съ рутиной и оставить въ учебникѣ только то, что нужно для практическихъ цѣлей. Можно сказать, что популярность учебника гг. Кирпичникова и Гилярова зависитъ болѣе отъ того, чего въ этомъ учебникѣ нѣтъ, чѣмъ отъ того, что въ немъ есть.

Одинъ изъ недостатковъ труда г. Рождественскаго и состоитъ именно въ томъ, что въ немъ встрѣчаются неточныя и ненужныя опредѣленія терминовъ, неточныя именно потому, что имъ не мѣсто въ элементарномъ учебникѣ, гдѣ приходится эти опредѣленія искажать ради элементарности. Ихъ слѣдовало бы, по примѣру гг. Кирпичникова и Гилярова, просто выбросить. Такъ, на страницѣ 4-й объ опредѣленіи (какъ части предложенія) говорится слѣдующее: „то слово, которое опредѣляетъ собою другое слово въ предложеніи, называется опредѣленіемъ“. О дополненіи тутъ же говорится, что это „то слово, которое дополняетъ смыслъ связуемаго“ (какъ будто дополненіе непременно относится къ связуемому). Такія объясненія, успокоивая совѣсть составителя книги полнотою изложенія, въ сущности ничего не объясняютъ, а скорѣе сбиваютъ съ толку. Въ грамматикѣ надо опираться болѣе на формы и зависимость формъ одной отъ другой, чѣмъ на логическія отношенія словъ, неясныя и сбивчивыя для учащихся.

Этимологія начинается параграфомъ, который содержитъ въ себѣ только слѣдующія слова: „Русская грамматика научаетъ насъ правильно употреблять слова въ рѣчи и письмѣ, содѣйствуя въ то же время развитію нашего ума“. Вопервыхъ, грамматика учитъ употреблять правильно не только слова, но и знаки, а во вторыхъ, этотъ параграфъ вполнѣ бесполезенъ: самъ по себѣ онъ не объясняетъ дѣтямъ пользы грамматики, а разъяснять его ни одинъ благоразумный учитель не станетъ: общія опредѣленія науки понятны только послѣ знакомства съ этой наукой. Далѣе говорится о раздѣленіи грамматики на этимологію и синтаксисъ, о значеніи этимологіи (§§ 21 и 22),

что также лишнее. § 23 начинается словами: „каждое слово можетъ (?) состоять изъ разныхъ звуковъ, произносимыхъ нами“..... Зачѣмъ это?

На страницѣ 16-й дано обычное опредѣленіе имени существительнаго, какъ названія предмета и, сверхъ того, пояснено: „предметомъ называется: 1) все то, что мы можемъ представить въ умѣ, о чемъ можно мыслить и говорить, какъ о вещахъ.“ Если авторъ употребляетъ слово вещь въ обыденномъ смыслѣ, то онъ противорѣчитъ себѣ, называя выше слово „трудъ“ и т. п.; если же слово вещь онъ употребляетъ въ философскомъ смыслѣ, тогда всякая знаменательная часть рѣчи можетъ явиться названіемъ предмета, такъ какъ всякое знаменательное слово содержитъ въ себѣ какой нибудь смыслъ, означаетъ какую нибудь философскую „вещь“. Выдѣленіе авторомъ категоріи „умственныхъ предметовъ“ („которые мы представляемъ только въ умѣ“) можетъ запутать учащихся: неужели „бѣдность“ (которую авторъ причисляетъ къ умственнымъ предметамъ) мы только представляемъ въ умѣ, а не видимъ въ дѣйствительности? Разумѣется, учащимся не уловить логическихъ тонкостей, на которыхъ основано подраздѣленіе предметовъ на умственные, отвлеченные и проч.

Имена прилагательныя, по словамъ автора, „означаютъ различные признаки, которые принадлежатъ предметамъ“. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ предложеніяхъ: „птица летаетъ, столъ отличается крѣпостью и прочностью“ слова „летаетъ, крѣпость, прочность“, суть имена прилагательныя. Далѣе, приведя нѣсколько прилагательныхъ, авторъ спрашиваетъ: „понятны ли эти слова сами по себѣ“, и самъ отвѣчаетъ, что непонятны и что нужно приложить ихъ къ предметамъ, чтобы они получили опредѣленный смыслъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что не прилагательныя опредѣляютъ предметъ (какъ сказано выше), а наоборотъ.

Опредѣленіе термина „мѣстоименіе“ неточно. Въ § 54 сказано: „мѣстоименія употребляются или вмѣсто именъ существительныхъ, или какъ прилагательныя въ связи съ существительными“. Выходитъ такъ, какъ будто бы прилагательныя мѣстоименія не замѣняютъ существительныхъ и прилагательныхъ (напримѣръ, каждый ученикъ, вм. Петровъ, и Сергѣевъ, и т. д.). На стр. 46-й: „Глаголь есть такая часть рѣчи, которая (глаголетъ) говоритъ въ предложеніи о подлежащемъ“; какъ будто глаголь относится только къ подлежащему и не бываетъ дополненіемъ при сказуемомъ, не бываетъ самъ подлежащимъ. Авторъ пытается опредѣлить и наклоненія: „этотъ

способъ выраженія дѣйствія (съ указаніемъ лица и времени) называется изъявительнымъ наклоненіемъ (стр. 49)^а. Слова: „способъ выраженія дѣйствія“, ничего не выражаютъ для учащагося. О нарѣчіяхъ (стр. 63) неточно и неопредѣленно сказано, что они употребляются для показанія условій дѣйствія или состоянія. Здѣсь слово: „условія“ авторъ поставилъ вмѣсто слова „обстоятельствъ“.

Всѣ указанныя невѣрныя или неточныя объясненія можно было бы безъ всякаго ущерба исключить.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя невѣрности и недосмотры въ подробностяхъ изложенія курса. Въ § 26 говорится о неясности произношенія гласныхъ буквъ. Между прочимъ, авторъ указываетъ, будто бы *a* выговаривается, какъ *e*, въ словахъ: ужасъ, жалѣю, часы, шалунъ, щадить; что вмѣсто *я* слышится *e* въ словахъ: тану, вяжу, яйцо; что вмѣсто *o* слышится *a* въ словѣ: „столовая, и т. п. Вѣроятно, авторъ не обладаетъ хорошимъ слухомъ, если не замѣчаетъ, что въ этихъ словахъ слышится не *e*, а неопредѣленные звуки, произношеніе которыхъ измѣняется не только по областнымъ говорамъ, но и по личнымъ особенностямъ говорящаго.

Нѣкоторыя практическія правила правописанія даются авторомъ въ довольно непрактичной формѣ. Напримѣръ (стр. 24): *ъ* не пишется въ срединѣ словъ послѣ *ч* передъ согласными, напримѣръ, азбучка, ночка; но *ъ* послѣ *ч* пишется передъ гласною *ю* въ окончаніи творит. пад. единств. числа именъ женскаго рода, равно и въ окончаніи творительнаго пад. мн. ч. (*ыми*), напримѣръ, горечью, ночью, лошадыми, людьми (выходитъ такъ, какъ будто въ словахъ „лошадьми, людьми“ передъ *ъ* стоитъ *ч*: авторъ двумысленно изложилъ правило). Подчернутыя слова напрасно усложняютъ правило, такъ какъ окончанія *ью* и *ыми* даны уже въ склоненіяхъ и произносятся ясно; между тѣмъ, всякое правило тѣмъ лучше запоминается и тѣмъ лучше примѣняется, чѣмъ оно короче и проще.

Правило о замѣнѣ *ъ* буквою *и* въ словахъ, имѣющихъ передъ флексіей *и*, напрасно раздѣлено на два отдѣльныя правила (стр. 25); удобнѣе и гораздо короче выразить его такъ: въ существительныхъ, имѣющихъ передъ флексіей *и*, флексія *ъ* замѣняется буквою *и*, напримѣръ, о Василии (вм. Василіъ), въ житіи (вм. въ житіи), на линіи (вм. на линіи), и пр. На той же 25-й стран. вкрался недосмотръ: указано, что слова отцомъ и плащомъ пишутся черезъ *е*, и тутъ же прибавлено, что „когда на окончаніи есть удареніе, то ставится „омѣ“:

мечомъ, лицомъ, свѣчою“; какъ будто въ словахъ отцомъ и плащомъ удареніе *не* на окончаніи.

На страницѣ 26-й утверждается, что при замѣнѣ *ѣ* буквою *ѡ* въ предложномъ падежѣ всегда стоитъ *ъ*, а не *и*; въ примѣръ приведено: „въ ослѣпленьѣ“, гдѣ именно дѣлается отступленіе отъ правила въ пользу произношенія (въ ослѣпленьи).

На 28-й стр. сказано, что сравнительная степень показываетъ качество въ большей или меньшей степени; въ примѣръ приведена фраза: „этого ученика отвѣтъ хуже или худшій“, какъ будто худшій означаетъ меньшую степень качества, чѣмъ слово худой. Авторъ очевидно въ этомъ случаѣ слову качество придалъ обыденный смыслъ хорошаго.

На стр. 33-й, подъ рубрикой: „ореографія окончаній“ читаемъ: „послѣ ж, ч, ш, щ должно писать *ъ* въ краткомъ окончаніи им. пад. ед. числа муж. рода: пригожъ, горячъ, хорошъ, тощъ“. Это правило кажется намъ лишнимъ, такъ какъ и произношеніе, и родъ (муж.) словъ и безъ того указываютъ правописаніе ихъ. Лишнее правило только напрасно обременить учащихся.

На стр. 37-й встрѣчается такое замѣчаніе: „нѣкоторыя количественныя, дробныя и собирательныя числительныя склоняются, какъ имена прилагательныя съ краткимъ окончаніемъ“. Далѣе слѣдуетъ склоненіе слова одинъ, которое склоняется вовсе не какъ имя прилагательное съ краткимъ окончаніемъ (братнинъ, Господень). Два указанные нами недосмотра можно объяснить только торопливостью автора, желавшаго поспѣть со своимъ изданіемъ къ началу учебнаго сезона, такъ какъ книжка его, вообще говоря, дѣльная и можетъ быть съ пользою употребляема, если въ ней будутъ сдѣланы нѣкоторыя исправленія и сокращенія.

Учебникъ г. Рождественскаго полнѣе учебника Кирпичникова и Гилярова, подробнѣе излагаетъ правила правописанія, даетъ болѣе матеріала относительно нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій, о которыхъ учебникъ гг. Кирпичникова и Гилярова говоритъ ужь слишкомъ кратко.

Крупный и ясный шрифтъ, которымъ напечатаны слова, флексіи, суффиксы и другія части слова, — сообщаетъ учебнику особенную наглядность. Выѣшность изданія: бумага, шрифтъ — очень приличны.

А. А. Страховъ.

Русско-славянская азбука для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ и для домашняго обученія. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Составилъ *Ө. Пуцковичъ*. С.-Петербургъ, 1880 г.

Г. Пуцковичъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ руководствъ для начальныхъ училищъ. Изданная имъ нынѣ книга составлена, сообразно съ современными требованіями методики роднаго языка, т. е. мы находимъ въ ней сначала предварительныя упражненія въ рисованіи по клѣткамъ и другія, которыя имѣютъ цѣлью приучить дѣтей къ свободнымъ движеніямъ руки и пальцевъ при письмѣ; затѣмъ идетъ русскій алфавитъ, причѣмъ письмо изучается вмѣстѣ съ чтеніемъ; далѣе слѣдуютъ статейки для чтенія и различныя упражненія, обыкновенно встрѣчающіяся въ азбукахъ и, наконецъ, изученіе церковно-славянскаго алфавита, славянскій текстъ изъ Евангелія и важнѣйшія молитвы. Вся азбука раздѣляется на четыре части: въ 1-й изучаются 17 простѣйшихъ буквъ, во 2-й—остальныя буквы; 3-я названа довольно неудачно азбучной христоматіей, а 4-я содержитъ церковно-славянское чтеніе. Наставленія для учащихся очень кратки и помѣщены на внутренней сторонѣ обертки. Впрочемъ, особаго наставленія для обученія по этой азбукѣ и не требуется: она, очевидно, составлена по образцу „Роднаго слова“ Ушинскаго и „Азбуки“ Водозова, и каждый учитель, изучившій эти общеизвѣстныя азбуки, легко пойметъ способъ обученія по руководству г. Пуцковича.

Разсматриваемая книжка отличается отъ вышеназванныхъ особымъ расположеніемъ буквъ при ихъ постепенномъ изученіи и нѣкоторыми упражненіями; напр., въ ней помѣщено множество мелкихъ картинокъ безъ надписей, для того, чтобы дѣти сами догадались о названіи различныхъ предметовъ, и написали бы ихъ, когда учитель занятъ съ другими отдѣленіями. Упражненіе это не можетъ считаться безполезнымъ, если только рисунки хорошо выбраны и исполнены. Азбука г. Пуцковича имѣетъ нѣкоторыя довольно существенныя достоинства. Прежде всего, она очень изящно издана: напечатана она крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, нѣкоторые рисунки отчетливо исполнены, многіе изъ нихъ даже нарочно заказаны для этой книжки. Кромѣ того, въ руководствѣ г. Пуцковича встрѣчается мало словъ и фразъ безсодержательныхъ или неудобныхъ для дѣтскаго возраста,—недостатокъ, къ сожалѣнію, часто замѣчаемый во многихъ новѣйшихъ азбукахъ. Наконецъ, цѣна книжки очень умѣренная.

Но въ книжкѣ, о которой мы говоримъ, встрѣчается также не мало недостатковъ. Прежде всего, въ видѣ общаго замѣчанія, связ-

жемъ, что выборъ статей и особенно стихотвореній показался намъ не совсѣмъ удачнымъ. Большая часть ихъ или составлена самимъ авторомъ, или взята изъ малоизвѣстныхъ книгъ. У классическихъ русскихъ авторовъ можно найти множество прекрасныхъ и вполне доступныхъ для дѣтскаго возраста стихотвореній, описывающихъ времена года, лѣсъ, поля, сельскія работы и т. д. Г. Пуцковичъ, вмѣсто этихъ общеизвѣстныхъ стихотвореній, помѣстилъ другія, изъ которыхъ многія, по нашему мнѣнiю, довольно плохи. Напр., Дружно, братцы! (стр. 82), Кукушка (стр. 85), Пахарь (стр. 93), Лѣто (стр. 96), Зайчикъ (стр. 100), Поле (стр. 105), Изъ школы (стр. 124).

Прозаическiя статьи хуже, чѣмъ въ другихъ азбукахъ, напр., Корова (стр. 72), Лошадь (стр. 98), Мышка (стр. 102), Умный козелъ (стр. 107), Побасенка (стр. 113), Зимний день (стр. 117), Хомякъ (стр. 120). Въ статьяхъ о коровѣ и хомякѣ встрѣчаются даже невѣрности естественно-историческiя (сѣрая шкура у хомяка, молоко изъ живота собирается въ вымя).

Въ азбукѣ г. Пуцковича помѣщено множество упражненiй въ видѣ вопросовъ, на которые дѣти должны отвѣчать. Иные изъ нихъ таковы, что должны поставить въ тупикъ самаго догадливаго ребенка, напр.: галушки—кушанье, а гуси? (многіе ученики, конечно, скажутъ, что и гусь—кушанье); квасъ пьютъ, а песокъ? кто дѣлаетъ штыки и костыли? (какъ дѣтямъ это знать!) барбарисъ—кусть, а Барбось? булава—орудіе (?), а булка? цитра—музыкальный инструментъ, а овца? хлопунка—игрушка, а хлатьга? жаркое жарятъ, а денежки? фосфоръ—минералъ (что не вѣрно), а фуфайка? Кромѣ того, мы находимъ въ разбираемой азбукѣ множество упражненiй для отысканiя по единственному числу существительныхъ именъ множественнаго числа и наоборотъ. По нашему мнѣнiю, упражненiе это нельзя считать особенно полезнымъ, такъ какъ русскiя дѣти очень рѣдко ошибаются въ этомъ случаѣ. Рисунки по клѣткамъ въ началѣ азбуки совершенно неприноровлены къ степени умнiя дѣтей: нѣкоторые изъ нихъ очень красивы, но такъ трудны, что ихъ не нарисуетъ даже ученикъ 2-го и 3-го года обученiя. Первымъ словомъ для изученiя избрано шило, очевидно съ цѣлью познакомить дѣтей съ буквами, легкими для письма. Но въ звуковомъ отношенiи это слово совсѣмъ неудобно; въ немъ звукъ *и* не чистый, а произносится какъ *ы*. Въ первомъ же упражненiи для чтенiя дѣтямъ приходится читать слово лишили,

гдѣ первое и произносится иначе, чѣмъ второе, что должно сильно путать учениковъ на первой ступени обученія. Многіе изъ мелкихъ рисунковъ безъ надписей неясны и дѣтямъ будетъ трудно написать ихъ названія. Нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ предметы, мало извѣстные дѣтямъ, особенно деревенскимъ, напр., арфа, факель, феска, жираффа, пращъ, вентиляторъ, палица, пингвинъ, швейная машина, каминъ, страусъ, статуй. Курсивный шрифтъ въ началѣ книги слишкомъ малъ для того, чтобы быть образцемъ для письма, и буквы его не вполне одинаковы съ обыкновенными письменными.

Изъ всего этого видно, что азбука г. Пущиковича, не смотря на нѣкоторыя свои достоинства, составлена хуже большинства общепринятыхъ букварей.

Пчелка. Чтеніе для старшаго возраста. Москва. 1880.

Разсматриваемая книжка имѣетъ видъ сборника или хрестоматіи для дѣтскаго чтенія. Желательно было бы встрѣтить въ ней присутствіе системы и литературнаго вкуса въ выборѣ статей, но въ этомъ отношеніи „Пчелка“ не вполне удовлетворяетъ даже снисходительнымъ требованіямъ. Замѣтить здѣсь какую-либо систему чрезвычайно трудно. Рядомъ съ незначительными по содержанію, очевидно случайными, зависящими отъ клише, отрывками изъ естественной исторіи и путешествій, помѣщены всѣмъ извѣстныя, повторяющіяся въ каждой хрестоматіи стихотворенія: „Вѣтка Палестины“ Лермонтова, „Нива“ Майкова, и др., вслѣдствіе чего становится непонятнымъ, какъ смотритъ издательница на свой трудъ—какъ на хрестоматію образцовъ изящной словесности, или какъ на сборникъ полезныхъ статей для образовательнаго чтенія. Въ первомъ случаѣ, странно видѣть, рядомъ съ прекрасными произведеніями, стихотвореніе, напримѣръ, Лунина: „Въ началѣ весны“ (стр. 116—117), гдѣ, между прочимъ, встрѣчаются такіе стихи:

Зрѣютъ силы въ земли тайникахъ...
 Скоро въ блескѣ живомъ возродится
 Вся природа... Но въ жизни дарахъ,
 О Создатель, будь щедръ для людей и т. д.

При тяжелой, не русской конструкціи стиха, авторъ не умѣетъ соблюдать даже правильнаго чередованія мужскихъ и женскихъ риѣмъ. Выборъ статей серьезнаго содержанія также отличается случай-

нымъ характеромъ. Напримѣръ, на двухъ полустраничкахъ помѣщена статья „Племена рода человѣческаго“, по своей элементарности пригодная развѣ для только что начинающихъ учиться дѣтей; статья „Храмъ Саргона въ Корсабадѣ“, по краткости и сухости, неудобна для чтенія; статья изъ Тиндаля „Лавина остроконечной вершины Мортерачъ“ лишена всякаго интереса, и, конечно, изъ Тиндаля не трудно было бы выбрать что нибудь удачнѣе. Помѣщеніе статьи „Бернаръ Палисси“, какъ единственной біографіи изъ міра художествъ, также свидѣтельствуеетъ о случайности выбора. Статья „Петръ Пустынникъ“ составлена слогомъ учебника. Біографія Жана Рувэ, вся заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ придумалъ сплавлять лѣсъ плотами, вмѣсто того, чтобъ грузить его на барки, едва ли представляетъ интересъ для гимназистовъ старшихъ классовъ, для которыхъ предназначается сборникъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ вошедшихъ въ „Пчелку“ статей видѣны, впрочемъ, болѣе удачный выборъ. Къ такимъ относятся: „Константинополь“ Милюкова, „Соловецкій монастырь“ Немировича-Данченко, и др. Не лишены интереса и небольшіе отрывки изъ естественной исторіи, заимствованные преимущественно изъ нѣмецкихъ писателей, но, къ сожалѣнію, переводъ ихъ тяжелъ и несвободенъ отъ неправильныхъ оборотовъ; попадаются фразы въ родѣ такихъ: „между ними находились старья ихъ породы“ (стр. 78)—„этотъ корень одурѣваетъ рыбъ“ (стр. 160) и др.

Издана книжка очень изящно, на веленовой бумагѣ; рисунки, хотя не новые, большею частью прекрасны.

Изъ русской жизни и природы. Разказы для дѣтей *Е. Водовозовой*. Изданіе 4-е; съ 16-ю рисунками. С.-Петербургъ. 1880.

Въ книгѣ 71 статья. Между ними нѣтъ связи и расположены онѣ безъ всякой системы и порядка; такъ, за разказомъ „Миша въ подвалѣ“ слѣдуетъ „Лошадь“, а за „Мишей въ кузницѣ“—„Раки“, за „Дубомъ“—„Рудникъ“ и т. д.

Книга, повидимому, назначается для городскихъ дѣтей дошкольнаго возраста, которыхъ госпожа Водовозова хочетъ познакомить съ русской жизнію и природой, въ статьяхъ: „Дома“, въ „Школѣ“, „Моя няня“ и др.

Предметы бесѣды—самыя будничныя: птичница Аксинья съ гусями и утками, лошадь, корова, свиньи и поросята, са-

пожникъ, кузница, огородъ, кошка и котята, болото, муравьи, картофель, крапива.

Трудно маленькихъ дѣтей, которыя просятъ сказокъ, увлечь бесѣдою, какъ бы она ни была искусно ведена, о такихъ предметахъ, какъ сапожникъ или поросята, взятыхъ во всей неприглядной дѣйствительности, и—разказы вышли до-нельзя скучны, однообразны.

Въ каждой почти статьѣ на сценѣ дѣти или наивныя до-нельзя, или большіе умники, которымъ хочется все разузнать, все изслѣдовать, и вотъ ихъ мама или тетя поучаетъ уму-разуму.

„Вотъ тетя Оля,—читаемъ на стр. 11—или разказывала что нибудь дѣтямъ или ихъ распушивала... Конечно, каждый при этомъ старался выдумать что нибудь позамысловатѣе.

— Подумайте-ка, да скажите, сказала тетя Оля—какъ нужно жить, чтобы здоровымъ быть?

— Нужно гулять ходить, закричала одна дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебывала ее другая, совѣмъ не то.

— Самое главное, тетя, нужно ѣсть, ѣсть какъ можно больше, говорилъ Костя съ важностію опытнаго человѣка. Моя маленькая сестра Катя мало ѣла и оттого умерла.

— Нужно поменьше пить кислаго квасу, отъ него животь болитъ“, и т. д. на цѣлой страницѣ (12 стр).

Тетя Оля, выслушавъ мнѣніе дѣтей, высказываетъ на двухъ страницахъ (13 и 14) собственное свое мнѣніе: „Да, для здоровья нужна питательная пища“... И, въ доказательство этого своего мудраго гигиеническаго положенія, распространяется объ ужасахъ голодной смерти: „случалось, что матери, умирая съ голода, поѣдали своихъ дѣтей“. Далѣе слѣдуетъ картина голодной смерти: „глаза у нихъ (умирающихъ съ голода) страшно блестять, перестаютъ мигать и неподвижно смотрять на одну точку“ (стр. 14).

Изложеніе большей части статей отличается приторною сентиментальностію, объясняемою ложнымъ стремленіемъ автора пробудить въ дѣтяхъ сочувствіе къ скучному предмету бесѣды: очень многія мѣста своею сахарностію напоминаютъ идилліи конца прошлаго столѣтія во вкусѣ Дезульеръ, которая проливала слезы при видѣ летящихъ воробьевъ и посылала воздушные поцѣлуй каркающимъ воронамъ. На стр. 101-й г-жа Водовозова, описывая уженье рыбы, говоритъ: „Я оборвала челюсть рыбы и она, безпомощная, падаетъ къ моимъ ногамъ. Боже, какая жалость! какъ ей должно быть больно... „Во всѣхъ удовольствіяхъ, въ трудахъ и работѣ мой пудель прини-

малъ такое же участіе, какъ каждый членъ нашей семьи“ (стр. 20). На стр. 42 и 43 (113) нарисованы картины самыми густыми красками изъ жизни свиней и вдругъ мы читаемъ: „И теперь свиньи безъ ссоры и драки стали валяться въ лужѣ, нѣжно (?) прищуривъ свои глаза, хотя глупые, но прекраснаго голубаго цвѣта“.

Дѣвушка Настя ухаживаетъ за поросятами отъ всего сердца, потому что вскорѣ купленная свинья принесла 14 поросятъ, и разсуждаетъ такъ: „И людей трудно отучить отъ разныхъ привычекъ, тѣмъ болѣе животное, да еще такое непонятное какъ свинья. Всему нужно учить съизмала“. „Поросята ей нравились, это были премиленькіе звѣрки“ (стр. 46). „Настѣ хотѣлось видѣть благодарность (?) самихъ свиней“ (стр. 48).

Еще картина: „Настѣ-птичницѣ не было прохода и отъ голубей, и молоденькихъ куръ (?) Вотъ она сѣла подъ дерево. Одинъ цыпленокъ забрался къ ней подъ фартукъ, другой просовываетъ головку ей подъ руку, голубь воркуетъ и кружится на плечѣ, а на березѣ чирикаетъ воробей. Ему хотѣлось бы тоже взлетѣть на любимую хозяйку, да на ней нѣтъ мѣста (?)“ „Воробушекъ, миленькій, родненькій!“ она протянула къ нему руки.. „Вотъ онъ сѣлъ на голову, тербитъ волосы, перескочивъ на плечо, долбитъ носикомъ сережки“ (стр. 49). „Настя вонъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы приручить къ себѣ поросятъ... нѣкоторыя изъ свиней стали выказывать ей дружбу“ (стр. 50). О свиньяхъ и поросятахъ бесѣда идетъ на 12 страницахъ (40—52).

Въ статьѣ „Изъ крестьянскихъ ребятъ“ на стр. 54 такая мысль высказывается: „Я все думаю, зачѣмъ это надо нянчить дѣтей? Теленка только поятъ, съ котенкомъ и ничего не дѣлаютъ, зачѣмъ же это ребенка надо спать укладывать, зыбку качать, на рукахъ носить“? Или такіе разговоры: „вонъ надъсь тата (?), какъ вернулся изъ волости, вывернулъ кожухъ передъ маткой... оттуда только и звякнулъ что мѣдный пятакъ“ (стр. 62).

Болтовнею дѣтской, безцѣльной, безсвязной, пустой наполнена вся книга.

Примѣровъ ложной чувствительности въ книгѣ очень много: вотъ корова бурая видно цѣлуетъ, здороваается (стр. 150); ее другія коровы дурно принимаютъ (стр. 151). На хвосты коровъ и быковъ въ книгѣ обращено вниманія гораздо больше, нежели слѣдовало бы: „хвостъ виситъ какъ бичевка (стр. 152), коровы бѣгаютъ, хвосты поднимаютъ, мѣряются (?) силами (стр. 151)“, одинъ изъ при-

знаковъ быка въ стадѣ, что онъ бьетъ себя хвостомъ по широкимъ бедрамъ (стр. 153); черезъ строчку: „корова при первой опасности „поднимаетъ хвостъ“, задними ногами лягаетъ, (стр. 154).

Рядомъ съ идиллической картиной, гдѣ изображается окотившаяся машка съ котятами, ее сосущими (стр. 178), рисуются совсѣмъ противоположныя, напримѣръ, картины боѣни: „коровамъ не даютъ стариться и отводятъ въ боѣни: тамъ бьютъ ихъ тяжелымъ обухомъ прямо по лбу: ударъ сразу оглушаетъ ихъ, онѣ падаютъ безъ чувствъ, а мясники втыкаютъ въ горло длинный ножъ. Шкуру обдираютъ со всей коровы по самымъ колѣни“ (стр. 156). „Гуляя разъ по базару, кухарка увидала много убитыхъ кошекъ; стала разсматривать и въ одной узнала свою молоденькую кошечку“ (стр. 179). Кухарка стала ругаться съ лавочникомъ, изъ-за убитой кошечки: „нѣтъ, да какъ ты смѣлъ, нехристь окаянный, разбойникъ,—все приставала кухарка“.

— Потѣшная ты, право—слово, потѣшная! отвѣчалъ лавочникъ смѣясь: дѣтищемъ тебѣ приходится, что ли? Да ужъ, ма-тушка, ни слезами, ни бранью теперь не воскресишь“ (стр. 179).

Въ статьѣ „Сосна и ель“ встрѣчаемъ выраженіе: „хвойныя деревья самыя безчувственныя (187 стр.), вредныя насѣкомыя терзаютъ безжалостно бѣдное дерево“ (стр. 188); при описаніи жилища муравьевъ, г-жа Водовозова говоритъ: „Наконецъ, взбѣшенныя (?) насѣкомыя бросились на меня, страшно щекотали и кусали мнѣ ноги и руки; я побѣжала скорѣе домой и только тогда избавилась отъ мстителей (?), когда перемѣнила все бѣлье..“ (стр. 217). „Муравьи подойдутъ къ тлямъ (?) и пощекочутъ ихъ усиками: тѣ выпустятъ изъ себя сладкій сокъ“, который муравьи пьютъ съ необыкновенной жадностью... Впрочемъ, они ѣдятъ не только сладкое, но и дохлыхъ червей“ (стр. 221).

На стр. 227 говорится: „нѣсколько рабочихъ раздѣваются до-гола, оставляя на тѣлѣ только одну рубаху, да и то большею частію дырявую“.

Двѣ статьи „Въ школѣ“ и „Моя няня“, составляющія четвертую часть книги, посвящены воспоминаніямъ автора. Скажемъ нѣсколько словъ о первой изъ нихъ.

Дѣвочку привезли въ первый разъ въ школу и она дѣлится своими первыми впечатлѣніями съ дѣтьми, которымъ также предстоитъ въ будущемъ поступленіе въ училище. Школа, судя по бѣлымъ величественнымъ колоннамъ, огромному зданію, безконечно длинному

корридорѣ, дортуарамъ, принадлежитъ къ разряду институтовъ или пансіоновъ. И что же? Въ этой школѣ дѣвочки, одѣтыя въ коричневныя платья и шерстяные бѣлыя передники, ведутъ себя, какъ уличныя, выражаются грубымъ языкомъ, то-и-дѣло ссорятся, бранятся, обираютъ другъ друга и даже дерутся.

Одна, разказывая о старухѣ-вѣдьмѣ, прибавляетъ: „Днемъ въ большой компаніи съ другими дѣтьми я бѣгала на кладбище. Кто-нибудь захватывалъ (дѣти-то?) срубленную осину, мы обтачивали одинъ ея конецъ и этимъ коломъ протыкали могилу нелюбимой нами старухи, заклиная ее не вставать, не трогать насъ... Не сдѣлай мы этого—она перетаскаетъ всѣхъ насъ въ преисподнюю“ (стр. 316).

— „Вы не барышня образованная, какою себя считаете, а злая собаченка, готовая облять всякаго встрѣчнаго“ (стр. 325). „Вотъ дрянь-то попалась!“

— Какъ ты это смѣешь говорить! подлетѣла къ ней Кошелева... Это, навѣрно, по твоему науськиванью продѣланы надъ ней всѣ тѣ гадости... Ты безсовѣстнѣе всѣхъ... можешь выкинуть всякую гадость... Кого я грабила?

— Туда же бранится... злобно закричала на нее Кошелева, — на ладанъ вѣдь дышешь; того и гляди, тутъ же растянешься (!!)

(стр. 337).

— Ужь тебѣ не ѣсть больше моихъ гостинцевъ! ринулась къ ней Аня, а за ней и всѣ бросились къ Кошелевой, окружили ее, толкали ногами, показывали языки...

— Какъ вамъ не стыдно! Оставьте ее! кричали попеременно то Иванова, то Маня, но увѣщанія ихъ совершенно пронадали среди общаго шума, гвалта и остервенѣнія... Наконецъ, Кошелева, съ перекосившимся лицомъ, бормоча какіе-то невнятные звуки, вырвалась изъ толпы и побѣжала въ корридоръ, но покачнувшись въ дверяхъ и грохнувшись на полъ безъ чувствъ.

— Хищные звѣри! вдругъ пронзительно закричала Иванова и, съ бѣшенствомъ расталкивая недоумѣвающихъ подругъ, бросилась къ Кошелевой и стала растягивать ея платье... (стр. 338).

Нужно ли говорить о педагогическомъ вліяніи подобныхъ разказовъ?

Миша, 9 лѣтъ, живетъ съ матерью въ большомъ столичномъ городѣ и, гуляя одинъ, очень любитъ засматриваться (засматривать?) въ окна подвальныхъ коморокъ на знакомой улицѣ. Впрочемъ,

„онъ не только взглядываетъ (?) съ любопытствомъ въ эти жилища, но другой разъ приложится румяною щекою къ стеклу и долго, долго наблюдаетъ, что тамъ дѣлають“ (стр. 28). „Никто не сердился на это; видно, привыкли“. И вотъ Миша заводитъ разговоры съ сургучникомъ, прачкою, мывшею въ корытѣ грязное бѣлье. Подлѣ „прачки ползаль ребенокъ ея и размазывалъ рученками лужи грязи. Мать отъ времени до времени бросала стирку, вытирала руки грязнымъ бѣльемъ, подавала ребенку корку хлѣба“ (стр. 29).

„Мишу обдало разомъ затхлою атмосферою... (?) щелока и грязнаго бѣлья (стр. 36) и онъ пятится назадъ отъ дурнаго запаха... Затѣмъ, Миша нанимаетъ извозчика: „пожалуйста, во весь опоръ... Четвертакъ дамъ до той улицы, говориль онъ, забывая на минуту все на свѣтѣ и только желая блеснуть предъ знакомыми лавочниками и рабочими“ (стр. 31).

Изъ саней Миша замѣтилъ вдругъ Катю, выходившую изъ мелочной лавочки, и приглашаетъ прокатиться: „у меня еще гривенникъ остался. Хочешь, Катя, прокатиться?“

— Прокатиться? переспросила дѣвочка не то со злобою, не то съ усмѣшкою. Ужь лучше ты самъ катайся, а меня-то съ голодухи совсѣмъ распатаетъ (стр. 31).

— Эта Маша, замѣтилъ Миша, несла въ лавочку на рукѣхъ передникъ, чтобы заложить на хлѣбъ“ (стр. 32).

Миша продолжаетъ бесѣдовать съ Катей, поучаетъ ее разнымъ разностямъ—и все это на улицѣ: „Подумай, есть такіе люди, которые точно звѣри: если выстрѣлить изъ ружья или сдѣлается какой шумъ, они вскарабкаются на дерево—ни дать ни взять—дивій звѣрь...“ (стр. 33).

На стр. 42 свинья ѣсть околѣвшую мышь... На стр. 47 „мыши проѣдали у свиней дырки на кожѣ“. На стр. 96 „нѣтъ у лягушки и твердаго клюва, которымъ она могла бы долбнуть васъ въ-сердцахъ“.

На стр. 118 маленькія дѣти вырѣзаютъ съ натуры изъ бумаги фигуры; для этого одинъ снялъ съ себя сапогъ, поставилъ на столъ, и потомъ стали вырѣзать (стр. 117); другой принесъ полѣно и воткнулъ въ него топоръ (ребенокъ-то 7 лѣтъ?). Вотъ образчикъ юмора: на стр. 144 продавца глиняныхъ горшковъ, Терентьича, умоляетъ одна баба, ради сиротства, уступить горшковъ:

— Эка невидаль сиротство... У насъ у самихъ отъ эвтаго (?) самаго сиротства животы подводить...“

На стр. 155 говорится, что теленокъ, подаренный матерью дѣвочкѣ, нигдѣ и никогда не отставалъ отъ своей молодой хозяйки: дѣвочка въ комнату и онъ туда же. Хлыстомъ выгоняютъ—ничто не беретъ. „Завидитъ, бывало, теленокъ свою хозяйку, бросится къ ней, повалитъ ее навзничь“ (стр. 155).

На стр. 154: „у быка взглядъ болѣе разумный“. „Рѣшительно невозможно держать въ стадѣ двухъ быковъ“.

На стр. 203 разказывается, какъ отличился паукъ: „Вѣтеръ занесъ въ его паутину трехъ комаровъ. Съ двумя онъ поступилъ такъ же, какъ съ мухой (то-есть съѣлъ); наконецъ, въ брюхѣ больше нѣтъ мѣста“.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ видно, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезны для дѣтей рассказы г-жи Водозовой.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ—ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

На соисканіе въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено девять историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ восемь печатныхъ и одно рукописное. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора конференція Академіи Наукъ, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила комиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. К. Наука, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго. Впослѣдствіи, по смерти академика Срезневскаго, его мѣсто въ составѣ комиссіи занялъ академикъ И. В. Ягичъ.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія для разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ избрала рецензетовъ, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній въ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, комиссія, принявъ во вниманіе отзывы, данные о конкурсныхъ сочиненіяхъ разсматривавшими ихъ критиками, и внимательно обсудивъ сравнительныя достоинства сочиненій, въ засѣданіи 9-го сего сентября, большинствомъ голосовъ поста-

¹⁾ Читанъ въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1880 года, непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ.
ЧАСТЬ ССХІІ, ОТД. 4.

новила шесть сочиненій удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 р. каждая.

Эти увѣнчанныя преміями сочиненія суть:

I.

Семейство Разумовскихъ. Сочиненіе *А. А. Васильчикова*. Томъ I. С.-Пб. 1879.

При замѣчательномъ оживленіи трудовъ по русской исторіи, которымъ такъ счастливо отличается наше время, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей восемнадцатый вѣкъ, какъ такая эпоха, которая еще не такъ давно составляла у насъ почти заповѣдную область, для которой поэтому всѣ раскрываемыя нынѣ картины прошлаго имѣютъ для многихъ всю прелесть новизны, не говоря уже о томъ, что самая близость времени придаетъ лицамъ и событіямъ особую для насъ поучительность и болѣе живой интересъ. Въ ряду историковъ, посвятившихъ себя изученію русскаго XVIII вѣка, весьма почетное мѣсто занялъ отнынѣ авторъ обширной монографіи о семействѣ Разумовскихъ, которой первый томъ участвовалъ въ настоящемъ соисканіи Уваровскихъ наградъ.

Академикъ *М. И. Сукомлиновъ*, принявшій на себя, по вызову комиссіи, составить разборъ этого сочиненія, указываетъ въ особенностяхи на то, что монографіи, подобныя той, какую представилъ *А. А. Васильчиковъ*, имѣютъ для исторической науки особое важное значеніе; онѣ даютъ твердую основу и живыя краски для полного и всесторонняго изображенія жизни общества въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ, общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи „Семейство Разумовскихъ“ пользовался для своего сочиненія какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленныя, въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ изъ государственнаго архива, изъ архивовъ графа *А. С. Уварова*, князя *Н. В. Репнина*, князя *А. К. Разумовскаго*, изъ рукописнаго дневника *Ханенки*, изъ бумагъ семейства *Тавскихъ*, изъ рукописнаго историческаго словаря *Казадаева* и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору *Г. П. Галаганомъ* и *М. А. Крыжановскою*, рожденною *Перовскою*, и т. д.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, авторъ

имѣлъ въ виду „возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени“. Онъ говоритъ: „Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, воссоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобъ еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнуть въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, чтò вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, чтò при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдалились въ противоположную крайность, и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины“.

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ, по мнѣнію рецензента, едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринятыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей безцвѣтныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, чтò само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разъясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то конечно, часть ихъ, казалось бы, удобнѣе было помѣстить въ приложеніяхъ, а въ текстѣ передать только сущность ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе, и опредѣленнѣе. Притомъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора—воссоздать прежній бытъ, а для воссозданія не достаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ грудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто внѣшнемъ, хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанію и изложенію, то съ другой стороны, много и весьма многое изъ того, чтò приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ Григорье-

вичѣ. По чертамъ, разсѣяннымъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнымъ имъ въ одно цѣлое, можно составить себѣ живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ „обыкновенной исторіи“, разказанной авторомъ.

Однако, не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова.

Не распространяясь о содержаніи почтеннаго труда г. Васильчикова, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляетъ и обиліе собранныхъ матеріаловъ, и умѣнье представить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи восемнадцатаго столѣтія. Еслибъ авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и въ такомъ случаѣ книга его была бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ, не ограничиваясь этою скромною задачею, принялъ на себя трудъ критически рассмотреть и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину минувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ, не отступая отъ нихъ ни ради большей яркости, ни ради какой-либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героевъ своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи.

II.

Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразования (1814—1870). Сочиненіе ректора этой академіи, протоіерея С. К. Смирнова. М. 1879.

Высокоцитимый авторъ этого сочиненія извѣстенъ въ ученой литературѣ замѣчательными трудами по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи: несомнѣнныя достоинства его „Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи“ доставили ему въ 1857 году одну изъ Демидовскихъ наградъ, а изданное имъ въ 1867 году историческое сочиненіе о Троицкой лаврской семинаріи было увѣнчано Уваровскою преміей.

Присуждая теперь еще разъ Уваровскую награду новому капитальному творенію протоіерея С. К. Смирнова, Академія имѣла удовольствіе основать свой разговоръ на отзывѣ такого компетентнаго судьи,

какимъ, конечно, является авторъ „Исторіи С.-Петербургской духовной академіи“ и біографъ Теофана Прокоповича. Нашъ многоуважаемый членъ-корреспондентъ И. А. Чистовичъ доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, разборъ, который будетъ съ величайшимъ интересомъ прочитанъ всѣми, кто слѣдитъ за судьбами отечественнаго просвѣщенія, и изъ котораго мы приведемъ здѣсь только заключительныя сужденія.

Желая очертить общій характеръ разбираемаго сочиненія, рецензентъ указываетъ на ту особенность новой книги протоіерея Смирнова, что въ ней излагается исторія учебнаго заведенія, только полвѣка тому назадъ начавшаго свое существованіе,—заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершившихся событій, а для другой, болѣе отдаленной половины имѣеть свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ академіи съ самаго ея начала, весьма многія проходили и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивные документы способствуютъ только провѣркѣ данныхъ, которыя передаются въ свѣжихъ впечатлѣніяхъ свидѣтелей происшествій. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шель, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличительными особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которое судить о нихъ только по официальнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ описываемымъ событіямъ имѣеть и свою невыгодную сторону. Событія текущей жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать, такъ сказать, физическія ихъ границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, цѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ, каждое въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка и вывести разказъ за предѣлы задачи которая намѣчена предметомъ. Кромѣ того, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и стать на точку зрѣнія одностороннюю, личную.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній.

Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и чрезъ одно-два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію самой книги, рецензентъ предлагаетъ весьма оживленный разказъ о главныхъ событіяхъ въ исторіи московскаго разсадника высшаго духовнаго образованія, въ связи съ нѣкоторыми внѣшними явленіями, имѣвшими вліяніе на судьбу академіи, и въ заключеніи, сводя въ одно всѣ сдѣланныя имъ замѣчанія, заявляетъ, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея отъ одного преобразованія (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской духовной академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высокочтимомъ Русскою церковью покойномъ Московскомъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полулѣта непосредственнымъ руководителемъ академіи, — составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ „Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи“, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей — Филарета, Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и др., и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія; но всякому, знакомому съ этого рода трудами, извѣстно также, какъ не легко вести подоб-

ную критическую работу тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, тѣмъ менѣе будутъ возбуждать желанія, подобныя вышеизложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собирающаго и очистки матеріала.

III.

Анаематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія, священника *К. Никольскаго*. С.-Пб. 1879.

Желая положить въ основаніе своего приговора объ этомъ сочиненіи сужденіе о немъ извѣстнаго знатока исторіи Русской церкви и церковнаго права, Академія обращалась къ профессору здѣшняго университета священнику М. И. Горчакову съ приглашеніемъ разсмотрѣть изслѣдованіе отца Никольскаго. Съ рѣдкою готовностію принявъ это предложеніе и увлекшись самъ предметомъ, надъ которымъ трудился отецъ Никольскій, почтенный профессоръ сообщилъ намъ обстоятельную рецензію, въ которой не только представлена всесторонняя оцѣнка переданнаго на его судъ труда, но и сдѣланы многочисленныя существенныя дополненія и объясненія къ изысканіямъ и выводамъ автора.

По свидѣтельству рецензента, сочиненіе отца Никольскаго есть первое явившееся въ нашей церковно-исторической литературѣ ученое изслѣдованіе исторіи чина православія, составленное большею частью на основаніи не только не изданныхъ, но и остававшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся источниковъ. Своею книгою авторъ вывелъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и почти вовсе не обслѣдованную до него исторію важнаго во многихъ отношеніяхъ памятника богослужебной литературы Константинопольской и Русской церквей. Много стоило ему времени, труда, усердія, настойчивости и даже матеріальныхъ издержекъ, чтобы собрать таившійся преимущественно въ старыхъ архивахъ и бібліотекахъ рукописный матеріалъ, относящійся до его предмета; но за то ревность его увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, и можно сказать, что до сихъ поръ никому изъ частныхъ

лицъ еще не удавалось собрать такой коллекціи списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинопослѣдованій на недѣлю православія, какая накопилась у отца Никольскаго. Сверхъ того, онъ съ большимъ вниманіемъ изучилъ и печатные чины православія, какъ помѣщенные въ тріодяхъ XVII вѣка, такъ и изданные въ XVIII вѣкѣ. Но этимъ не ограничивается заслуга автора: значительной части собранныхъ имъ матеріаловъ онъ придалъ научную форму, привелъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставляя многіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ событіями и явленіями однородными и современными имъ и слѣдовавшими за ними, подобравъ и представивъ историческія объясненія ко многимъ изъ нихъ.

Отдавая въ этомъ отношеніи должную похвалу труду отца Никольскаго, рецензентъ находитъ однако, что авторъ воспользовался не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ, и притомъ не такъ, чтобы книга его не заставляла читателя желать и ожидать отъ нея бѣльшаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ отцемъ Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Особенно можно пожалѣть о томъ, что онъ оказался скупъ на приложеніе къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія, тогда какъ такія приложенія дали бы возможность не только провѣрить сообщенія и выводы автора по самымъ документамъ, но и ближе ознакомиться съ любопытными и малоизвѣстными памятниками.

Обращаясь затѣмъ къ характеру изслѣдованія отца Никольскаго, ученый критикъ прежде всего замѣчаетъ, что авторъ изложилъ исторію чина православія, какъ литургистъ и церковный археологъ, между тѣмъ какъ эта исторія, по своему содержанію, имѣетъ важное значеніе не въ одной области литургики и археологіи, но и въ исторіи византійской и русской—церковной и гражданской, а также въ области церковнаго права. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія и можно встрѣтить указанія и отвѣты на относящіеся сюда вопросы, но эти указанія и отвѣты даются мимоходомъ и не съ тою полнотою и опредѣленностью, какія желательны для историка и правовѣда. Другое замѣчаніе рецензента касается заглавія, книги, которое не вполне соответствуетъ ея содержанію. Назвавъ ее „Анаематствованіе“, авторъ присовокупилъ къ этому заглавію поясненіе, что предметъ ея „историческое изслѣдованіе о чинѣ православія“. Хотя, дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія посвящена изслѣдованію о той части чиновъ православія, въ которой содержатся отлученія отъ церкви,

однако нельзя упустить изъ виду, что авторъ изслѣдуетъ не только эту часть, но и вообще чиноположеніе православія, а въ немъ анаѳематствованіе является только однимъ изъ семи, а по древнимъ синодикамъ изъ пяти равночленныхъ предметовъ, такъ какъ въ содержаніе чиноположенія входятъ, сверхъ анаѳематствованія, молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статьи о вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. Поэтому авторъ, по словамъ рецензента, поступилъ нераціонально, давъ своему изслѣдованію вообще о чинѣ православія заглавіе „Анаѳематствованіе“, то-есть, употребивъ названіе части предмета вмѣсто его цѣлаго.

Равнымъ образомъ въ отношеніи построенія книги отца Никольскаго, планомъ и расположеніемъ которой онъ, по видимому, думалъ оправдать ея заглавіе, рецензентъ находитъ, что оно не соотвѣтствуетъ содержанію предмета, исторически изслѣдуемаго авторомъ. Представивъ весьма вѣскія доказательства такому мнѣнію своему и остановившись затѣмъ на частномъ разборѣ предисловія и каждой изъ пяти главъ, составляющихъ сочиненіе, отецъ Горчаковъ заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: „Сочиненіе отца Никольскаго слѣдуетъ признать оригинальнымъ и по тѣмъ, и по содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ собою первый и единственный опытъ изслѣдованія объ исторіи чина православія—предмета, до сихъ поръ вовсе не обслѣдованнаго и почти не затронутаго въ нашей ученой литературѣ. Сочиненіемъ своимъ авторъ приводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужбной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи. Въ немъ авторъ указываетъ русскимъ историкамъ новый, до нашего времени остававшійся безъ вниманія источникъ исторіи—церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ впервые сообщаются многочисленныя историческія свѣдѣнія, извлеченныя изъ архивовъ и бібліотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденныя на забвеніе; значительная часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ облечена въ научную форму: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностью; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ

безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ сочиненіи его матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе есть такой трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему держанію никакія существующія сочиненія, и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, сочиненіе отца Никольскаго, не смотря на недостатки его, обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ награжденія Уваровскою преміей. Это сочиненіе тѣмъ болѣе достойно вниманія и уваженія, что такіе учено-спеціальные труды въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ оцѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ, эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

IV.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. Сочиненіе С. Шафранова.

Это сочиненіе, первоначально напечатанное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1878 и 1879 года, было впоследствии подвергнуто авторомъ исправленію и значительному дополненію. Въ новой, улучшенной редакціи трудъ г. Шафранова явился на судъ Академіи уже въ видѣ рукописи.

Принявъ этотъ трудъ къ соисканію Уваровскихъ наградъ, коммиссія сознавала, что для правильнаго сужденія объ изслѣдованіи подобнаго рода необходимо, чтобы въ разсмотрѣніи его участвовалъ ученый, спеціально знакомый съ музыкою. Поэтому она обращалась къ профессору здѣшней консерваторіи А. С. Фаминцыну съ просьбою сообщить ей свое мнѣніе объ означенномъ сочиненіи, какъ къ такому лицу, которое своими познаніями по части теоріи и исторіи музыкальнаго искусства приобрѣло себѣ заслуженную извѣстность.

Въ доставленной намъ вслѣдствіе того подробной рецензіи г. Фаминцынъ прежде всего останавливается на судьбахъ русской народной пѣсни въ прежнее время и на томъ, что до сихъ поръ было

сдѣлано въ области ея изслѣдованія. Онъ объясняетъ, что, съ одной стороны, дѣятельность русскихъ музыкантовъ въ этомъ отношеніи ограничивалась почти исключительно собираніемъ и гармонизаціей нашихъ народныхъ пѣсень, а равно изученіемъ технически-музыкальнаго ихъ склада, вызывавшимъ въ послѣднее время энергическій протестъ противъ внесенія иноземнаго вліянія въ гармонизацію какъ народнаго, такъ и древне-церковнаго русскаго пѣнія. Съ другой стороны, филологи и любители отечественной древности, но не музыканты, изслѣдовали русскую пѣсню только въ отношеніи ея содержанія и стихосложенія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, рецензентъ обращается къ сочиненію г. Шафранова, котораго заслуга, по его мнѣнію, заключается именно въ томъ, что онъ сталъ на совершенно новую точку зрѣнія, рассмотрѣлъ нашу народную пѣсню, какъ состоящую изъ двухъ неразрывно связанныхъ элементовъ, текста и напѣва, и распространилъ свои изысканія одновременно на музыкальную и словесную ея стороны. По свидѣтельству критика, авторъ очевидно не принадлежитъ къ числу музыкантовъ, какъ въ томъ убѣждаютъ читателя нѣкоторыя высказанія имъ мнѣнія и даже бѣглый взглядъ на многочисленныя приложенныя къ его труду музыкальныя примѣры, обнаруживающіе не только неопытность въ дѣлѣ нотописанія, но и довольно сомнительный вкусъ въ выборѣ напѣвовъ; однако это не помѣшало ему, въ главной части изслѣдованія, очутиться на твердой почвѣ, и подобно тому, какъ новѣйшіе русскіе музыканты повели борьбу противъ западно-европейскаго гнета, тяготѣвшаго многіе десяти лѣтъ надъ нашими народными напѣвами, повести, по отношенію къ стихосложенію, борьбу противъ теоріи версификаціи, разсматривавшей сложеніе пѣсенныхъ текстовъ совершенно независимо отъ соответствующихъ имъ напѣвовъ и видѣвшей основу, на которой зиждется гармонія русскаго стиха, въ числѣ удареній.

Разсужденіе г. Шафранова распадается на четыре статьи. Разсмотрѣнію народно-русскаго пѣсеннаго склада рѣчи авторъ предпослалъ изложеніе господствующихъ въ теоріи стихотворства воззрѣній на основныя элементы ритмики и метрики, сопровождая ихъ замѣчаніями съ точки зрѣнія народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, дабы такимъ образомъ выяснить, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенныя и нѣмецкою, и нашею литературою, примѣнимы къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней самостоятельно. Первую статью своего труда авторъ

посвящаетъ разсмотрѣнію основъ количественнаго греко-латинскаго стихосложенія. Отсюда онъ переходитъ, во второй статьѣ, къ стихосложеніямъ слогочислительному и тоническому, разбирая ихъ по отношенію къ пѣсенному народно-русскому, при чемъ приходитъ къ заключенію, что истинной основы для строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать не въ нихъ, а тамъ же, гдѣ найдется основа древне-греческой, то-есть, въ пѣсенныхъ напѣвахъ. Заклучивъ этими главами историко-литературный отдѣлъ, служащій какъ бы введеніемъ къ изслѣдованію собственно народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, г. Шафрановъ, въ остальныхъ двухъ статьяхъ сочиненія, излагаетъ свой взглядъ на это послѣднее, равно какъ и на поэтическія формы, свойственныя русской пѣсенной рѣчи.

Подробный разборъ каждой изъ этихъ статей занимаетъ значительную часть рецензіи г. Фаминцына, который, съ надлежащимъ вниманіемъ и строгостью обсудивъ выводы автора, сводитъ свою критику къ слѣдующему общему заключенію: Г. Шафрановъ, обративъ вниманіе свое на двусоставную природу пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальнаго, тѣмъ самымъ разрушилъ грань, до сихъ поръ раздѣлявшую изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсеней на музыкантовъ и не музыкантовъ, и на развалинахъ этой грани воздвигъ свое новое ученіе. Въ наглядной формѣ онъ очертилъ отношеніе основъ стихосложеній количественнаго (греко-латинскаго), слогочислительнаго (въ Зендавестѣ и Ведахъ) и тоническаго къ народно-русскому пѣсенному, при чемъ основывался на древнѣйшихъ формахъ этихъ стихосложеній, проявившихся въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ гдѣ рѣчь, какъ и въ народно-русскихъ, была вообще неразрывно связана съ пѣніемъ. Затѣмъ онъ объяснилъ близкое соотношеніе главныхъ частей напѣва съ соответствующими главными частями строфъ пѣсеннаго текста. Далѣе, признавая созданную Востоковымъ и развитую его послѣдователями теорію народно-русскаго стихосложенія, названнаго тоническимъ, искусственною и на самомъ дѣлѣ не оправдываемую пѣснями, разсматриваемыми въ связи съ ихъ напѣвами, и относя ритмическія ударенія не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія, къ дикціи, г. Шафрановъ указалъ на важное значеніе стилистическихъ особенностей въ пѣсенной рѣчи и далъ стихосложенію народно-русской пѣсни названіе стилистическаго, какъ основывающагося на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи. Эти особенности слога онъ видитъ преимущественно въ повтореніяхъ, къ которымъ относятся между про-

чимъ и припѣвы, а также въ паралелизмѣ, при чемъ разсматриваетъ ихъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ примѣненіяхъ.

Отдавая, такимъ образомъ, справедливость достоинствамъ труда г. Шафранова, несомнѣнно пополнившаго пробѣлъ въ области изученія русской народной пѣсни, и выставляя на видъ смѣлость и новизну высказанныхъ имъ положеній, во многихъ случаяхъ подтвержденныхъ доказательствами, профессоръ Фаминцынъ съ полнымъ безпристрастіемъ не умалчиваетъ и о недостаткахъ этого изслѣдованія. Они, какъ уже было упомянуто выше, обнаруживаются преимущественно въ спеціально-музыкальной части сочиненія и въ неудовлетворительности музыкальнаго приложенія, изъ котораго авторъ почерпаетъ примѣры для подтвержденія своихъ положеній.

V.

Образованіе втораго Болгарскаго царства. Сочиненіе *Федора Успенскаго*. Одесса. 1879.

Исторія втораго Болгарскаго царства оставалась до послѣдняго времени въ той первоначальной разработкѣ, въ какой была передана нынѣшнему столѣтію Райчемъ и Энгелемъ. Только въ послѣднія 10—12 лѣтъ, трудами покойнаго Карла Гопфа, профессора Макушева, г. Голубинскаго, д-ра Иречка и другихъ этотъ темный періодъ болгарской исторіи изслѣдованъ и освѣщенъ до нѣкоторой степени. Однако, новые изслѣдователи обращали преимущественно вниманіе на внутреннія и внѣшнія отношенія уже готоваго, вполне сформированнаго втораго Болгарскаго царства и мало касались самаго его рожденія, его образованія.

Разработкѣ этого любопытнаго, но крайне темнаго предмета главнымъ образомъ посвящено сочиненіе, съ которымъ г. Успенскій явился въ числѣ соискателей Уваровскихъ премій.

Для ближайшей оцѣнки этой книги, Академія обращалась къ содѣйствію профессора Харьковскаго университета М. С. Дринова.

Трудъ г. Успенскаго распадается на двѣ части. Первая, занимая всего 73 страницы, служитъ какъ бы краткимъ введеніемъ ко второй, болѣе обширной, и посвящена изложенію состоянія Болгаріи подъ византійскимъ игомъ. По словамъ рецензента, при современномъ положеніи литературы предмета нельзя и ожидать отъ разсмотрѣнной имъ книги всесторонняго изслѣдованія этого вопроса. По видимому, авторъ желалъ оказать съ своей стороны лишь нѣко-

торое содѣйствіе уясненію туманнаго періода болгарской исторіи, непосредственно примыкающаго ко времени образованія втораго Болгарскаго царства. Здѣсь мы находимъ изслѣдованія двухъ самыхъ важныхъ источниковъ для этого періода, а именно писемъ архіепископа Теофилакта и Евстафія Солунскаго, изъ которыхъ, въ особенности изъ перваго, сдѣланы значительныя извлечения. Замѣчая, что въ этихъ извлеченияхъ встрѣчается иногда несовсѣмъ удачный переводъ трудныхъ мѣстъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что изданіемъ этихъ матеріаловъ авторъ оказалъ не маловажную услугу болгарской исторіи. Въ его переводѣ общій смыслъ особенно важныхъ для послѣдней извѣстій Теофилакта переданъ вѣрно, чѣмъ въ существовавшихъ латинскихъ переводахъ, которыми изслѣдователи преимущественно пользовались до сего времени. Историческое значеніе писемъ Теофилакта, по свидѣтельству профессора Дринова, выиграло и отъ хорошей группировки ихъ въ книгѣ г. Успенскаго. Но, къ сожалѣнію, дѣлая собственную оцѣнку разсматриваемаго имъ историческаго матеріала, авторъ повторяетъ въ немногихъ словахъ лишь то, что неоднократно высказывали до него другіе писатели, тогда какъ богатія по содержанію извлечения изъ писемъ Теофилакта, при освѣщеніи ихъ другими извѣстіями того же времени, могли бы пролить болѣе свѣта на событія. При этомъ первая часть сочиненія стала бы существенною, необходимою для всего изслѣдованія, была бы связана со второю частью болѣе органически, а не казалась бы, какъ теперь, какъ бы несовсѣмъ умѣстною.

Изложеніе самой исторіи образованія втораго Болгарскаго царства г. Успенскій счелъ нужнымъ начать съ разсмотрѣнія вопроса о Пловцахъ или Куманыхъ и о Румынахъ или Валахахъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ извѣстій о началѣ движенія въ Болгаріи и о первыхъ годахъ борьбы за независимость. Эти происшествія разсмотрѣны авторомъ на основаніи новыхъ, имъ самимъ добытыхъ данныхъ, доставившихъ ему возможность исправить смутныя сказанія Никиты Аемината, по которымъ доселѣ излагался ходъ этой борьбы. Въ особую заслугу критикъ ставитъ автору выясненіе важнаго значенія, какое имѣло для болгарскихъ дѣлъ возмущеніе византійскаго полководца Алексѣя Враны, отправленнаго съ военными силами имперіи противъ возставшихъ Болгаръ. Разказъ о болгарскихъ дѣлахъ во время похода Фридриха Барбароссы на востокъ и объ отношеніяхъ Сербовъ и Угровъ къ болгарскому движенію составляетъ, по отзыву г. Дринова, самую удачную часть труда г. Успенскаго, хотя

и здѣсь упущены изъ виду нѣкоторыя полезныя матеріалы и высказаны нѣкоторыя предположенія, съ которыми критикъ не можетъ согласиться. Слѣдя далѣе за изложеніемъ автора, послѣдовательно разсматривающаго движеніе на Балканскомъ полуостровѣ въ 1190—1196 гг., появленіе новыхъ болгарскихъ вождей, боярина Никиты и царя Іоанна, попытку уніи съ католическою церковью, участіе богомиловъ въ событіяхъ борьбы за независимость, антиболгарское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, отношенія Угровъ и Сербовъ къ Болгарамъ, и наконецъ, роль Болгарскаго царя между Греками и Латинянами по завоеваніи Царяграда крестоносцами, рецензентъ останавливается на тѣхъ объясненіяхъ и заключеніяхъ автора, которыя недостаточно оправдываются бывшимъ въ его распоряженіи матеріаломъ или опровергаются другими источниками, оставленными имъ безъ вниманія, хотя и отдаетъ ему должную дань похвалы относительно многихъ пунктовъ, впервые имъ намѣченныхъ или лучше и полнѣе выясненныхъ имъ, чѣмъ его предшественниками.

Въ заключеніе своей рецензіи профессоръ Дриновъ признаетъ, что авторъ внесъ въ свое изслѣдованіе много новаго матеріала, частью изданнаго, но не употребленнаго надлежащимъ образомъ въ дѣло, не обслѣдованнаго, а частью и не изданнаго. Огромный трудъ, котораго стоили собраніе, переводъ, изученіе и вообще обработка этого матеріала, оставлялъ ему мало времени для тщательнаго пересмотра общеизвѣстныхъ источниковъ. Отсюда произошли тѣ пробѣлы, и пожалуй, ошибки, которые встрѣчаются въ трудѣ г. Успенскаго. Но за то выдвинутый имъ новый матеріалъ, который долженъ, по своей важности, занимать первое мѣсто между источниками болгарской исторіи, далъ ему возможность пролить много новаго свѣта на изслѣдуемый вопросъ, принадлежащій къ самымъ важнымъ и самымъ темнымъ историческимъ вопросамъ. Если въ иныхъ случаяхъ авторъ и не совсѣмъ удачно воспользовался своимъ матеріаломъ, то это зависѣло отъ самаго свойства послѣдняго: такого рода матеріалы никогда не исчерпываются вполне первымъ обслѣдованіемъ, какъ бы тщательно оно ни было. Будущіе изслѣдователи въ области южно-славянской, а также и византійской исторіи XI, XII и начала XIII вв., не обойдутся безъ книги г. Успенскаго. Они не мало будутъ благодарны автору и за помѣщенные имъ, какъ въ „приложеніяхъ“, такъ и въ самомъ текстѣ книги, обширныя извлеченія изъ памятниковъ, отчасти совершенно новыхъ или же сдѣлавшихся библиографическою рѣдкостью.

VI.

Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской синодальной бібліотеки, съ древнѣшмъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ переводѣ. Трудъ архимандрита *Амфилохія* М. 1879.

Ординарный профессоръ здѣшней духовной академіи, Ив. Е. Троицкій, заявившійся по приглашенію Уваровской комисіи разсмотрѣніемъ этого сочиненія, доставилъ намъ весьма подробный и обстоятельный разборъ его, дающій полную возможность оцѣнить по достоинству новый трудъ архимандрита Амфилохія. Внимательное чтеніе этой книги показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду интересы церковно-историческіе и литургическіе, равно какъ и интересы палеографіи и филологіи. Понятно, что удовлетворить столь многимъ и столь разнообразнымъ интересамъ въ одной книгѣ можно было, по весьма справедливому замѣчанію рецензента, лишь при ясномъ сознаніи требованій, предъявляемыхъ этими интересами, при строгомъ разграниченіи сферы каждаго изъ нихъ и при стройной выдержкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга архимандрита Амфилохія оставляетъ желаетъ многого. Указавъ въ подробности тѣ обстоятельства и соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ приговоръ, ученый рецензентъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ означенная книга представляетъ собою большую цѣнность для церковной гимнографіи. Потребность въ возможно-полномъ собраніи и критическомъ изданіи оригинальнаго текста древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какими являются кондаки и икосы, чувствовалась давно въ этой области. Авторъ одинъ изъ первыхъ попытался удовлетворить этой потребности. По богатству собраннаго имъ матеріала, его книга превосходитъ аналогическіе съ нею труды кардинала Питры и Параники, заключаая въ себѣ много матеріаловъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ. Цѣнность ея, кромѣ вариантовъ, подведенныхъ къ греческому тексту, увеличивается еще массою драгоценныхъ славянскихъ текстовъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и обогащенныхъ вариантами. Пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ значительно облегчается тѣмъ, что большая часть черновыхъ, и слѣдовательно, самыхъ кропотливыхъ и неблагодарныхъ работъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, выполнена самимъ авторомъ, и притомъ, вообще говоря, удовлетво-

рительно. Не мало также разсыяно въ книгѣ вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній, дающихъ полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей въ этой, сравнительно очень мало изслѣдованной, области.

VII.

Независимо отъ премій, раздаваемыхъ Академіей вообще за сочиненія по русской и славянской исторіи, положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ установлена особая „поощрительная“ премія, которая присуждается за сочиненія, служація удовлетворительнымъ рѣшеніемъ той или другой ученой задачи, предлагаемой Академіей.

Въ настоящемъ году мы получили одно такое сочиненіе, написанное на тему, заданную Академіей нѣсколько лѣтъ тому назадъ: рукописное изслѣдованіе И. Тихомирова: „О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей“.

По порученію комиссіи, предварительнымъ разсмотрѣніемъ этого сочиненія занимался академикъ А. А. Куникъ, который въ своемъ донесеніи сообщилъ, что авторъ, уже извѣстный въ нашей литературѣ въ особенности изданнымъ имъ разборомъ такъ-называемой Тверской лѣтописи, въ новомъ трудѣ своемъ критически разсмотрѣлъ два издаваемые до сихъ поръ свода литовскихъ лѣтописей. Одинъ изъ нихъ, а именно изданный Нарбутомъ въ 1846 г., онъ называетъ „полною редакціей литовскихъ лѣтописей“, а сводъ, изданный въ 1823 (1827) и въ 1854 гг. И. Д. Даниловичемъ и А. Н. Поповымъ „краткою редакціей литовскихъ лѣтописей“. Собственно критическій трудъ автора занимаетъ въ первой части не болѣе 81 писанной страницы, въ листъ. Остальная часть содержитъ въ себѣ отдѣльныя свѣдѣнія о Литвѣ, извлеченныя изъ хроникъ Стрыйковскаго и Бѣльскаго и преимущественно изъ *Historia polonica* Длугоша.

По мнѣнію г. Куника, названіе редакцій „полною“ и „краткою“ можно допустить только въ условномъ смыслѣ; на краткую редакцію никакъ нельзя смотрѣть какъ на сокращеніе полной; полная же редакція въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ въ спискѣ, напечатанномъ Нарбутомъ, дѣйствительно объемистѣе краткой и отличается, между прочимъ, отъ нея тѣмъ, что передаетъ, хотя въ сказочномъ видѣ, первоначальную исторію Литвы до Гедимина, и что въ составъ ея вошло нѣсколько статей и извѣстій, не находящихся въ такъ-называемой краткой редакціи.

Авторъ, по вѣрно обдуманному плану, приступаетъ сперва къ разбору и оцѣнкѣ краткой редакціи, а затѣмъ переходитъ къ разбору полной, въ которой разказъ событій доведенъ до XVI вѣка, то-есть, гораздо дальше, чѣмъ въ краткой. Путемъ сравнительнаго анализа г. Тихомировъ старается разъяснить существующее между обоими сводами внутреннее сходство и указать на различіе между ними, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Выяснивъ эти и другіе вопросы, онъ переходитъ къ послѣдней части задачи, поставленной программой, а именно „изъ польскихъ историковъ сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и находящихся въ напечатанныхъ спискахъ западно-русскихъ лѣтописей, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ“ и т. д. По отзыву г. Куника, авторъ выполнилъ эту весьма трудную часть программы не вездѣ достаточно удовлетворительно; но за то онъ мѣтко характеризовалъ древне-польскихъ хронистовъ, пользовавшихся литовскими лѣтописями, при чемъ правдоподобіе и добросовѣстность Стрыйковскаго являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ представлялось въ былое время. Кромѣ того, становится очевиднымъ, что Бѣльскій и Стрыйковскій имѣли предъ собою списки литовскихъ лѣтописей въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе полные, чѣмъ списки, которыми пользовались составители двухъ изданныхъ до сихъ поръ литовскихъ лѣтописей.

Г. Тихомировъ нигдѣ не упоминаетъ о литовскихъ лѣтописяхъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ, до сихъ поръ не изданныхъ, тогда какъ ему, безъ сомнѣнія, могли быть извѣстны оглавленіе и отрывокъ, напечатанные Бодянскимъ по Познанскому списку полного свода. По убѣжденію г. Куника, окончательное и полное рѣшеніе вопроса о литовскихъ лѣтописяхъ и ихъ сводахъ не возможно безъ рассмотрѣнія тѣхъ списковъ этихъ лѣтописей, которые остаются еще въ рукописи, и цѣлый рядъ которыхъ г. Куникъ приводитъ въ своемъ донесеніи. Эти списки, вмѣстѣ взятые, представляютъ такой обильный и разнообразный матеріалъ для рѣшенія задачи, что нельзя оставлять ихъ безъ вниманія. Безспорно, сравненіе упомянутыхъ списковъ между собою и съ печатнымъ текстомъ такъ-называемыхъ полной и краткой редакцій потребуетъ не мало времени и труда; но г. Куникъ увѣренъ, что г. Тихомировъ не откажется отъ такого сравненія, коль скоро ему сдѣлается доступнымъ весь до сихъ поръ извѣстный матеріалъ для оцѣнки литовскаго лѣтописанія. Въ семь случаевъ г. Куникъ го-

товъ, съ своей стороны, оказать г. Тихомирову содѣйствіе къ доведенію его изслѣдованія до желаемой полноты предоставленіемъ ему возможности пользоваться многими, важными для его труда, рукописями, которыя теперь могутъ быть доступны.

Соглашаясь съ этимъ заключеніемъ своего сочлена, Уваровская коммиссія, на основаніи пункта 3-го § 16 положенія объ Уваровскихъ наградахъ, присудила г. Тихомирову почетный отзывъ, предоставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право вторично представить это сочиненіе, въ новой обработкѣ, на одинъ изъ слѣдующихъ Уваровскихъ конкурсовъ.

Въ заключеніе своего отчета, не можемъ не вспомнить о томъ значеніи, какое Уваровскія преміи въ теченіе почти двадцатипятилѣтняго своего существованія имѣли на развитіе у насъ ученой критики историческихъ трудовъ. Въ напечатанныхъ доселѣ отчетахъ о присужденіяхъ этихъ премій мы съ удовольствіемъ и гордостью видимъ цѣлый рядъ основательныхъ и безпристрастныхъ рецензій, изъ которыхъ многія могутъ считаться образцовыми въ своемъ родѣ. Важность этихъ рецензій увеличивается еще особымъ обстоятельствомъ: на Уваровскія состязанія является почти все, чтò производитъ русская историческая литература, а по соблюдаемому Академіей правилу, печатаются только разборы трудовъ, увѣчаныхъ наградами, то-есть, лучшихъ изъ ихъ числа. Поэтому занимающіеся русскою и славянскою исторіей находятъ въ нашихъ отчетахъ серьезную оцѣнку почти всего наиболѣе выдающагося въ этой области.

При этомъ случаѣ долгъ благодарности обязываетъ насъ заявить о томъ сочувствіи, которое Академія всегда встрѣчаетъ въ кругу постороннихъ ученыхъ, приглашаемыхъ ею къ участию въ разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій. Многіе изъ этихъ специалистовъ, не ограничиваясь предѣлами собственно критики, пользуются ею, какъ поводомъ сообщать ученому міру и собственныя, иногда очень обширныя изслѣдованія, составляющія для науки владѣ не менѣе цѣнный, чѣмъ и самыя разбираемыя сочиненія. Нѣсколькими такими превосходными критическими трудами наука обогатилась и въ настоящемъ году въ тѣхъ рецензіяхъ, которыя будутъ напечатаны въ приложеніи къ настоящему нашему отчету.

Принося свою искреннюю признательность вообще всѣмъ посто-

роннимъ ученымъ, участвовавшимъ въ разсмотрѣніи сочиненій нынѣшняго конкурса, Академія съ особымъ удовольствіемъ присудила золотыя Уваровскія медали, установленныя для такихъ критиковъ: члену учебнаго комитета при св. синодѣ И. А. Чистовичу, профессорамъ: здѣшняго университета священнику М. И. Горчакову, Варшавскаго университета В. В. Макушеву, здѣшней духовной академіи И. Е. Троицкому и С.-Петербургской музыкальной консерваторіи А. С. Фаминцину.

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ.

15-го октября текущаго года состоялось въ Москвѣ, въ залѣ Политехническаго музея, годовое засѣданіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ, въ присутствіи г. бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа князя Н. П. Мещерскаго, многихъ членовъ и постороннихъ посѣтителей.

Засѣданіе это было открыто слѣдующею краткою рѣчью президента общества Г. Е. Щуровскаго: „Въ прошедшемъ году общество устроило антропологическую выставку, которую посѣтили многіе иностранные ученые; знаменитые европейскіе дѣятели по антропологии и этнографіи признали эту выставку заслуживающею вниманія. Но случилось однакоже такъ, что денежный сборъ съ этой выставки оказался весьма незначительнымъ; русская публика отнеслась къ ней какъ бы съ нѣкоторою холодностью, и расходы по устройству выставки не могли даже быть ею покрыты. Не смотря на эти чувствительныя для общества потери, оно не упало духомъ и принялось за свою обычную научную работу“.

Изложенію научныхъ работъ членовъ общества посвящена была рѣчь секретаря его А. А. Тихомирова. Общество имѣло четыре общія собранія, посвященныя обсужденію научныхъ вопросовъ, и выпустило въ свѣтъ слѣдующія свои изданія: 1) одинъ томъ протоколовъ за послѣдніе года, 2) изслѣдованія А. А. Коротнева и Д. А. Тихомирова о целонтеразахъ и трихинахъ, въ двухъ выпускахъ съ таблицами, 3) первый выпускъ протоколовъ антропологическаго съѣзда, 4) сочи-

неніе профессора Д. Н. Анучина объ аномаліяхъ черепа, 5) новый томъ трудовъ физическаго отдѣла, 6) новый томъ трудовъ этнографическаго отдѣла, и 7) новый выпускъ „Путешествія въ Туркестанъ“ А. П. Федченка; всего—болѣе 60 печатныхъ листовъ со многими таблицами и полнотипажамъ. Кромѣ того, приготовлено къ выходу еще 40 печатныхъ листовъ. Въ заключеніе своего доклада г. Тихоміровъ указалъ, что полезная научная дѣятельность общества и всѣ его прошлые успѣхи должны быть отнесены главнымъ образомъ къ тому вдохновляющему участию въ его дѣлахъ, которое принималъ въ нихъ маститый предсѣдатель общества Г. Е. Щуровскій. Празднованіе въ 1878 году пятидесятилѣтняго юбилея его ученой и профессорской дѣятельности было выраженіемъ благодарности къ его трудамъ, но только близко знакомые съ дѣлами общества могутъ вполне оцѣнить ту организаторскую и животворную дѣятельность, которую вноситъ онъ въ дѣла предсѣдательствуемаго имъ общества. Вслѣдъ за этими словами г. Тихомірова маститому президенту была представлена золотая медаль, выбитая въ память еге юбилея. Присутствующіе горячо привѣтствовали по этому случаю г. Щуровскаго, а онъ, въ отвѣтъ на выраженное ему сочувствіе, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Кто изъ насъ, вступая въ жизнь, не питалъ какихъ-либо надеждъ, и надежды моей молодости были часто очень смѣлыя; но признаюсь, тотъ почетъ, который мнѣ пришлось встрѣтить, превзошелъ всѣ мои ожиданія, всѣ надежды моей юности; этотъ почетъ, который выпадаетъ на долю немногихъ, я не могу по совѣсти лично отнести къ моимъ заслугамъ; я хорошо понимаю, что во мнѣ чествовалось то общество, президентомъ котораго я имѣю счастье состоять; чествовалась энергическая дѣятельность тѣхъ лицъ, которыя успѣшно трудились на пользу русскаго общества и русской науки“.

Послѣ этой рѣчи секретарь антропологическаго отдѣла общества, профессоръ Д. Н. Анучинъ, указалъ на работы общества по части антропологии и этнографіи, напомнилъ объ утратѣ, которую понесла наука въ лицѣ знаменитаго французскаго антрополога П. Брокъ, и доложилъ письмо министра народнаго просвѣщенія во Франціи Ж. Ферри, въ которомъ выражена благодарность обществу и комитету бывшей антропологической выставки за поднесеніе министру, во вниманіе къ его содѣйствію этой выставкѣ, золотого жетона.

За болѣзнь предсѣдателя физическаго отдѣла общества А. С. Владимірскаго, секретарь отдѣла Е. Т. Покровскій прочелъ отчетъ о занятіяхъ этого отдѣла.

Предсѣдатель комиссіи по вопросу объ уменьшеніи проточныхъ водъ въ Россіи Я. И. Вейнбергъ изложилъ работы комиссіи, которая выработала до 80 вопросовъ, имѣющихъ быть предложенными губернскимъ статистическимъ комитетамъ, земскимъ управамъ и всѣмъ частнымъ лицамъ, желающимъ способствовать разработкѣ весьма важнаго вопроса о вліяніи истребленія лѣсовъ на климатъ Россіи. Матеріалы, собранные такимъ образомъ изъ разныхъ мѣстностей нашего отечества, могутъ много содѣйствовать разрѣшенію задачи комиссіи. Я. И. Вейнбергъ высказалъ при этомъ увѣренность, что и печать не откажется публикованіемъ этихъ вопросовъ привлечь всѣхъ желающихъ къ участию въ правильномъ разрѣшеніи высказанной задачи.

Предсѣдатель правленія Политехническаго музея Д. А. Наумовъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности этого учрежденія, столь тѣсно связаннаго въ своемъ развитіи съ развитіемъ общества. Въ истекшемъ году музей посѣтили 153,000 человекъ; изъ числа ихъ около 15,000 присутствовали при воскресныхъ объясненіяхъ и народныхъ чтеніяхъ съ туманными картинами. Фактъ этотъ уже достаточно свидѣтельствуесть о пользѣ, приносимой музеемъ, аудиторія котораго, по воскресеньямъ, далеко не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ (въ залѣ помѣщается не болѣе 350 человекъ). Всѣ сдѣланныя въ музей воскресныя объясненія вполнѣ издаются, и въ истекшемъ году ихъ вышло два выпуска. Каждое воскресенье комитетъ раздаетъ безвозмездно по сту экземпляровъ отдѣльныхъ объясненій, которыя могутъ служить весьма пригоднымъ чтеніемъ для юношества и для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ различными техническими производствами и прикладнымъ естествознаніемъ. Кромѣ того, музей началъ изданіе особыхъ популярныхъ брошюръ по различнымъ отдѣламъ техники; пока вышла одна изъ такихъ брошюръ—о продуктахъ, получаемыхъ изъ нефтяныхъ остатковъ, сочиненіе г. Нивитинскаго. Музей занимался также составленіемъ коллекцій, именно коллекціи почвъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи и коллекціи гальваническихъ элементовъ, отъ самыхъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ. Недостатокъ средствъ не позволяетъ, къ сожалѣнію, музею расширить, какъ было бы желательно, свою дѣятельность. Въ непродолжительномъ времени музей думаетъ открыть новый отдѣлъ, этнографическій, въ который войдутъ нѣкоторыя коллекціи, бывшія на антропологической выставкѣ. Музей даетъ помѣщеніе для засѣданій 12 ученымъ обществамъ; въ теченіе истекшаго года всѣхъ такихъ засѣданій было 153. Кромѣ того, въ музей читаются лекціи высшихъ женскихъ курсовъ профессора В. И. Герье,

помѣщается общество гувернантокъ, и происходитъ лѣтній съѣздъ учителей Московской губерніи, а также вечернія народныя чтенія. Помѣщеніе музея оказывается въ настоящее время очень тѣснымъ; уже готовы планы для его расширенія, но при настоящемъ финансовомъ положеніи, конечно, трудно думать объ увеличеніи музейныхъ помѣщеній.

Послѣ этихъ докладовъ, въ которыхъ предоставлена была многообразная дѣятельность общества въ минувшемъ году, въ томъ же засѣданіи сдѣлано было нѣсколько сообщеній по чисто научнымъ вопросамъ.

Г. Е. Щуровскій представилъ рефератъ о томъ, были ли покрыты лѣсами въ историческое время наши южныя степи. Авторитеты науки расходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ. Одни ученые утверждаютъ, что наши степи были когда-то покрыты лѣсами, которые были постепенно уничтожены кочевавшими здѣсь номадами; народы эти, родственные Печенѣгамъ, Половцамъ, Калмыкамъ и Киргизамъ, кочуя по лѣснымъ полянамъ, препятствовали правильному развитію лѣса: стада вытаптывали поляны и побѣдали молодые побѣги, сами же номады нерѣдко выжигали лѣса, небрежно оставляя въ нихъ огонь, разведенный ими во время стоянокъ; они могли даже умышленно выжигать лѣса съ цѣлью расширенія луговыхъ пространствъ. По мнѣнію другихъ ученыхъ, въ нашихъ южныхъ степяхъ не было никогда лѣсовъ, такъ какъ они никогда не могли развиваться тамъ вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ въ тѣ мѣсяцы года, которые особенно благоприятны для растительности лѣса; другая причина невозможности развитія лѣса въ южныхъ степяхъ — это недостаточный зимній покровъ этихъ степей; вслѣдствіе недостатка влаги почва не покрывается достаточнымъ количествомъ снѣга, и корни многолѣтнихъ растений необходимо должны вымерзать. Которое же изъ этихъ мнѣній болѣе справедливо? Геологія доказываетъ, что въ срединѣ такъ-называемаго третичнаго періода весь югъ Россіи былъ дномъ моря; впоследствии произошло поднятіе нѣкоторыхъ мѣстностей, и образовались водяныя скопленія, соотвѣтствующія нынѣшнимъ морямъ Черному, Каспійскому и Аральскому. Поднявшееся дно моря начало покрываться растительностью. Первые указанія исторіи о томъ, какого рода была эта растительность, мы встрѣчаемъ у Геродота, жившаго въ половинѣ пятаго вѣка до Р. Х. Геродотъ описываетъ весьма подробно весь югъ Россіи. Этотъ греческій историкъ, отличавшійся замѣчательною правдивостью, повѣствуетъ о югѣ Рос-

сія какъ объ обширной степной полосѣ, и только въ одномъ мѣстѣ указываетъ на лѣсное пространство. Геродотъ называетъ эту лѣсную мѣстность Гилеей. Гилея Геродота подаде поводъ многимъ утверждать, что на мѣстѣ теперешнихъ южныхъ степей росли лѣса. Но многіе ученые, и въ томъ числѣ Н. И. Надеждинъ, разбирая Геродота, останавливаются особенно на его сказаніи о скиѣской Гилеѣ и доказываютъ, что подъ этимъ именемъ Геродотъ разумѣлъ побережье Днѣпра, часть теперешняго Днѣпровскаго уѣзда; обиліе влаги у береговъ большой рѣки способствовало здѣсь произрастанію древесной растительности. Гилея—это былъ оазисъ среди степей, это не были лѣса въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли ихъ понимать; это былъ скорѣе рядъ рощицъ, составленныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ. Сказанія Геродота и изслѣдованія скиѣскихъ могилъ доказываютъ, что наша южная Россія въ историческія времена была заселена народомъ кочевымъ; слѣдовательно, въ то время тамъ не могло быть лѣсовъ. Академикъ Беръ приводитъ доказательство, хотя и косвенное, но довольно вѣское, того, что югъ Россіи никогда не былъ сплошь покрытъ лѣсами; въ лѣсахъ къ сѣверу отъ нашихъ южныхъ степей водится бѣлка, а въ лѣсной полосѣ Крыма бѣлки нѣтъ. Очевидно, эти лѣса были всегда раздѣлены довольно обширною луговою полосой, и бѣлка, питающаяся древесными сѣменами, не могла перебраться изъ нашихъ лѣсовъ въ Крымъ. Другимъ доказательствомъ противъ древняго обилія лѣсовъ въ южной Россіи могутъ служить работы одного изъ молодыхъ нашихъ геологовъ г. Докучаева; это—карты русскихъ почвъ, изданныя министерствомъ государственныхъ имуществъ и снабженныя весьма подробнымъ описаніемъ. Изъ этихъ изслѣдованій можетъ быть сдѣланъ прямой выводъ: гдѣ есть лѣса, тамъ нѣтъ чернозема, и слѣдовательно, обратно: гдѣ черноземъ, тамъ не было никогда лѣсовъ. Итакъ, если на югѣ Россіи никогда не было лѣсовъ, то очевидно, что и теперь искусственное разведеніе лѣса тамъ почти не возможно; но причины этого лежатъ не въ почвѣ, а въ климатическихъ условіяхъ, въ недостаткѣ влаги. Отдѣльныя успѣшныя пробы лѣсразведенія доказываютъ, какія громадныя необходимы для этого усилія, и самое поддержаніе имѣющихся уже лѣсныхъ насажденій требуетъ непрерывной заботы и постояннаго искусственнаго орошенія. Откуда же взять это орошеніе? Южныя рѣки годъ отъ года мелѣютъ, и воспользоваться ихъ водою было бы опасно для судоходства; прорытіе артезіанскихъ колодцевъ представило бы большія затрудненія и можетъ въ равнинной мѣстности не

увѣнчаться успѣхомъ; остается одно: для орошенія воспользоваться водой Чернаго моря; для этого необходимы подъемные механизмы для воды; придется прибѣгнуть къ гигантскимъ сооружеціямъ, чтобы усилить орошеніе юга, засадить его лѣсами и обезопасить разрозненныя степныя полосы отъ засухъ и отъ періодически повторяющихся неурожаевъ.

Слѣдующій рефератъ принадлежалъ доктору Е. А. Покровскому; онъ сообщилъ объ уходѣ за кожей дѣтей у нѣкоторыхъ народовъ, при чемъ представилъ много примѣровъ варварскаго и невѣжественнаго обращенія съ дѣтьми, существующаго у разныхъ народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ нашего отечества. Г. Покровскій написалъ большое сочиненіе о физическомъ воспитаніи дѣтей у различныхъ народовъ, преимущественно Россіи, которое и имѣетъ появиться со временемъ, со многими рисунками, въ одномъ изъ изданій общества.

Въ заключеніе Е. Т. Покровскій доложилъ рефератъ А. С. Владимірскаго о японскихъ магическихъ зеркалахъ, два образчика которыхъ присланы недавно обществу изъ Японіи, русскимъ посломъ въ Токио, г. Струве. Зеркала эти круглыя, металлическія, отполированныя; на задней сторонѣ ихъ находятся рельефныя японскія изрѣченія, изображенія драконовъ, птицъ и т. д. Магическими эти зеркала названы потому, что, при отраженіи отъ ихъ полированной поверхности свѣта на экранъ, на нѣсколько темномъ фонѣ появляются изображенія, находящіяся на обратной сторонѣ зеркала. Магическія зеркала не готовятъ нарочно, а попадаются случайно между обыкновенными японскими зеркалами, и притомъ чаще между болѣе тонкими и дешевыми. Зависитъ это свойство, вѣроятно, отъ неодинаковаго изгиба болѣе тонкихъ и толстыхъ частей зеркала, который получается при полировкѣ, но незамѣтенъ для глаза.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ.

Въ полученной нами послѣдней (XXIII) книжкѣ Временника Демидовскаго юридическаго лица помѣщенъ очеркъ состоянія этого учебнаго заведенія за истекшее десятилѣтіе. Извѣстно, что лицей преобразованъ былъ въ 1879 году. Очеркъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ директору его, М. Н. Капустину.

Демидовскій юридическій лицей—говоритъ почтенный авторъ—былъ преобразованъ изъ училища, которое, при трехлѣтнемъ курсѣ, обнимало предметы всѣхъ факультетовъ. Училищу этому надлежало дать спеціальнѣйшій характеръ. Такой цѣли возможно было достигнуть двоякимъ путемъ: или отдѣлить совершенно лицей отъ университетскаго типа, сдѣлавъ изъ него особую школу, или же дать ему характеръ факультета. Повидимому, между высшею спеціальною школою и факультетомъ не существуетъ различія. Но это только повидимому. Цѣли обихъ учреждений, а потому и весь ихъ внутренній строй, далеко не одинаковы. Спеціальное училище ограничивается только тѣми сторонами науки, которыя имѣютъ практическое примѣненіе; въ немъ находятъ себѣ мѣсто всѣ знанія, которыя могутъ быть пригодны будущему специалисту. Въ факультетѣ исключительно имѣется въ виду интересъ науки, знанія; практическая примѣнимость этого послѣдняго отодвигается на второй планъ; она можетъ быть и не быть.

Каждая отрасль науки способна сдѣлаться предметомъ изученія съ указанною двоякою цѣлью. Хотя въ дѣйствительности обѣ цѣли иногда смѣшиваются и учащіеся въ факультетѣ руководствуются практическими видами, но для всего строя учебнаго заведенія далеко не безразлично, что именно положено въ его основу.

Лицею былъ приданъ характеръ факультета. Въ истекшее десятилѣтіе установились опредѣленные и ясныя отношенія между нимъ и юридическими факультетами, входящими въ составъ университетовъ. Изъ лицей перешли въ эти факультеты восемь профессоровъ: три въ Харьковскій, два въ Новороссійскій и по одному въ Московскій, Кіевскій и Казанскій. Двое изъ нихъ были потомъ деканами и одинъ проректоромъ. При избраніи ихъ на каѳедры, университетскіе совѣты не дѣлали различія между преподавателями лицей и факультетомъ; такъ, въ одномъ случаѣ, когда предстояло избрать на каѳедру двухъ конкурентовъ — доцента лицей и профессора другаго факультета, — большинство оказалось въ пользу лицейскаго преподавателя и ему было отдано предпочтеніе. Изъ другихъ факультетовъ въ лицей перешло только два преподавателя, такъ что для пополненія личнаго состава своего лицей долженъ былъ обращаться почти исключительно къ молодымъ ученымъ. Кромѣ восьми профессоровъ, продолжающихъ въ другихъ факультетахъ дѣло, начатое въ Ярославлѣ, лицей лишился еще четырехъ преподавателей: одинъ похищенъ смертью (Н. Н. Ворошиловъ), трое другихъ оставили вовсе профессорское поприще.

Пополненіе юридическихъ факультетовъ преподавателями лицей, плодотворное для русской науки вообще, возлагало на лицей не легкую задачу постоянно заботиться о замѣщеніи каѳедръ, оказавшихся свободными. За нѣкоторыми исключеніями, лицейю предстояло дважды, а въ одномъ случаѣ (по исторіи русскаго права) три раза находить новыхъ преподавателей. Несмотря на это, всѣ каѳедры, кромѣ энциклопедіи права, и съ конца учебнаго года — гражданскаго судопроизводства, въ настоящее время заняты. Въ лицей теперь тринадцать преподавателей, изъ которыхъ пять имѣютъ степень доктора, четыре магистра и четыре выдержавшихъ экзаменъ на степень магистра; изъ послѣднихъ двое уже представили свои диссертациі на эту степень. Такой приливъ новыхъ ученыхъ силъ, говоритъ г. Капустинъ, служитъ залогомъ дальнѣйшаго упроченія лицейскаго преподаванія и доказательствомъ, что въ самомъ лицейѣ есть сила, привлекающая по-

стоянно лицъ, желающихъ трудиться на пользу юридическаго образованія и юридической науки.

По уставу лицея, Высочайше утвержденному 25-го декабря 1874 года, на совѣтъ его возложено завѣдываніе всѣмъ учебнымъ дѣломъ. „Поэтому, продолжаетъ авторъ статьи, намъ предстояло составить проекты различныхъ правилъ, изъ которыхъ, конечно, первое мѣсто занимаютъ правила объ экзаменахъ и о занятіяхъ студентовъ. Кто захотѣлъ бы ознакомиться ближе съ этими правилами, тотъ убѣдился бы, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, сочиненнаго или изобрѣтеннаго въ Ярославлѣ. Мы заимствовали изъ различныхъ университетовъ то, что въ нихъ уже оказалось полезнымъ и что, по нашему мнѣнію, было пригодно для лицея. Наибольшею оригинальностью, если можно такъ выразиться, отличаются правила объ экзаменахъ. Но они почти въ томъ же видѣ существуютъ въ Дерптскомъ факультетѣ и весьма близки къ тому, что практиковалось въ С.-Петербургскомъ. По сравненію съ правилами другихъ университетовъ, вся разница заключается въ томъ, что экзамены третьяго и четвертаго годовъ соединены вмѣстѣ; съ другой стороны студенту предоставлено держать экзамены въ маѣ и августѣ мѣсяцахъ, раздѣля ихъ на двѣ части, и даже откладывать экзаменъ по одной наукѣ на сроки отъ полугода до двухъ лѣтъ. Очевидно, что студенты находятся при нашихъ правилахъ съ формальной стороны въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ въ другихъ факультетахъ. Можетъ быть молодые люди не всегда различаютъ формальную сторону отъ матерьяльной, то есть отъ требованій серьезнаго знанія; но это ошибка, ради которой едва ли слѣдуетъ поступаться существомъ дѣла. Если на примѣръ, въ нынѣшнемъ году оказалось, къ сожалѣнію, значительное число не выдержавшихъ испытанія, то наши правила здѣсь не при чемъ; неудовлетворительнѣе другихъ былъ экзаменъ изъ наукъ второй группы, который ничѣмъ не разнится отъ курсоваго экзамена въ университетскихъ факультетахъ; студентамъ дозволено было еще уменьшить объемъ экзамена на одну науку, да сверхъ того распредѣлить все испытаніе на май и августъ мѣсяцы. Значитъ, при курсовой системѣ результаты были бы еще менѣе удовлетворительны. Наша система не представляетъ трудностей для студентовъ, если они убѣдятся, что необходима постоянная работа надъ наукой, что нельзя брать приступомъ знанія и, надѣясь на свою память, откладывать занятія до той роковой недѣли, которая отдѣляетъ одинъ экзаменъ отъ другаго. По моему личному убѣжденію, наша нынѣшняя система экзаменовъ имѣетъ большія пре-

имущества и можетъ оказать доброе вліяніе на весь строй ученія; но я не смѣю приписывать исключительно себѣ заслугу введенія ея въ лицей, равно какъ не отъ меня, а отъ совѣта могутъ зависѣть измѣненія въ ней“.

Совѣтъ принималъ мѣры, чтобы побудить студентовъ къ научнымъ работамъ. Студенты перваго года обязательно представляли извлеченія изъ какого-либо юридическаго сочиненія; отъ студентовъ втораго и третьяго годовъ требовались болѣе самостоятельныя работы на заданныя темы. Изъ окончивающихъ курсъ представляли свои разсужденія только тѣ, которые желали получить степень кандидата. Каждая поданная работа разсматривалась въ присутствіи студентовъ; указаніе на ошибки и объясненіе ихъ, а иногда возраженія и диспуты по тому или другому вопросу вызывали участіе всей аудиторіи. Было бы излишне говорить о пользѣ такого рода занятій. Можно указать лишь на то, что такъ-называемыя conferences во Франціи и Seminarien въ Германіи получаютъ все болѣе и болѣе значенія, отодвигая простое чтеніе лекцій или ихъ диктованіе на второй планъ. Въ Австріи, на примѣръ, на юридическіе факультеты ассигнуются особыя суммы въ награду студентамъ, участвующимъ въ семинаріяхъ. Лицей изъ своихъ скромныхъ специальныхъ средствъ выдалъ въ истекшемъ году 600 рублей за лучшія сочиненія и рефераты.

Посвящая свои силы главнымъ образомъ дѣлу преподаванія, профессоры лицея находили также время для ученыхъ работъ. Изъ ихъ сочиненій составилось двадцать три книги „Временника“, издаваемого лицеемъ. Здѣсь же нашли себѣ мѣсто и три кандидатскихъ разсужденія, которыя не прошли безслѣдно въ нашей юридической литературѣ. На долю истекшаго года приходится четыре книги „Временника“—отъ 20-й до 23-й—въ которыхъ помѣщено семь сочиненій значительнаго объема.

Въ теченіе десятилѣтняго существованія лицея, въ него поступило 656 студентовъ, не считая тѣхъ, которые подали просьбы о поступленіи въ августѣ нынѣшняго года; количество такихъ просьбъ—именно сто двѣ—оказывается болѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы, за исключеніемъ перваго.

Нѣтъ почти ни одной мѣстности въ Россіи, которая не выслала бы свой контингентъ студентовъ въ лицей. И въ нынѣшнемъ году получены прошенія изъ тридцати трехъ губерній: три изъ Уфимской, два изъ Томской, три изъ Полтавской, шесть изъ Воронежской, по одному изъ Лифляндской, Екатеринославской, Киевской и проч.

Сравнивая количество студентовъ въ девяти русскихъ юридическихъ факультетахъ за истекшій годъ, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

С.-Петербургъ.	641	
Москва.	326	
Ярославль.	209	
Дерптъ.	179	
Варшава:	158	
Кіевъ	126	
Одесса	120	} въ 1-му января 1879 года.
Харьковъ.	112	
Казань	87	

Если взять за то же время германскіе факультеты, то окажется, что по числу студентовъ-юристовъ Ярославль соотвѣтствуетъ Страсбургу и что только въ девяти факультетахъ Германіи и Австріи количество учащихся болѣе чѣмъ въ лицей¹⁾.

При десятилѣтнемъ существованіи лица, въ немъ могло быть только семь выпусковъ и изъ 646 вступившихъ окончили полный курсъ 212 студентовъ: 67 со степенью кандидата и 145 съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Къ сожалѣнію, не имѣется свѣдѣній о всѣхъ окончившихъ курсъ. Но о настоящемъ общественномъ положеніи 176-ти бывшихъ студентовъ лица извѣстно, что трое изъ нихъ занимаютъ мѣста товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, трое товарищей губернскихъ прокуроровъ, 30 судебныхъ слѣдователей, 38 секретарей и ихъ помощниковъ, 53 кандидата на судебныя должности 16 занимаютъ мѣста по администраціи и 5 учителей реальныхъ училищъ.

¹⁾ Въ Вѣнѣ было 1779, въ Берлинѣ 1315, въ Лейпцигѣ 1057, въ Прагѣ 814, въ Мюнхенѣ 642, въ Грацѣ 412, въ Бреславлѣ 356, въ Тюбингенѣ 301 и въ Боннѣ 231. Менѣе 87-ми студентовъ было: въ Іенѣ 81, въ Марбургѣ 77, въ Грейесвальдѣ 68, въ Эрлангенѣ 52, въ Ростокѣ 30 и въ Килѣ 27; въ Цюрихѣ только 25, а въ Базелѣ 19. Замѣчательно, что въ послѣдніе три года число студентовъ-юристовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ увеличилось на 300, а въ Гейдельбергѣ уменьшилось на 230 и въ Геттингенѣ на 150 (теперь только 183).

О состояніи и дѣятельности Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1879 году.

Въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи состояло къ 1-му января 1880 года штатныхъ преподавателей: профессоровъ 5, доцентовъ 9 (3 исправляющихъ должность), учителей 2 (1 исправляющій должность), лаборантовъ 2.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1879 году 34 засѣданія, изъ коихъ 14 были употреблены на производство испытаній окончательныхъ и для полученія званія лѣсничаго, а въ остальныхъ рѣшались какъ текущія дѣла, такъ и особыя мѣры для улучшенія учебной дѣятельности института. Учебный планъ преподаванія и веденія практическихъ занятій оставался въ общемъ тотъ же, какъ и въ 1878 году; въ частности же, по отдѣльнымъ предметамъ институтскаго курса, дѣло велось слѣдующимъ образомъ: Зоологія преподавалась для студентовъ 1-го курса (4 часа въ первомъ и два во 2-мъ полугодіи, причѣмъ, благодаря изданному профессоромъ Карпинскимъ литографированному курсу и принятой имъ мѣрѣ—предварительному сообщенію учащимся конспекта читаемыхъ лекцій—успѣхи по этому предмету замѣтно повысились. На практическихъ занятіяхъ въ маѣ, студенты знакомились въ кабинетѣ съ высшими животными мѣстной фауны, на экскурсіяхъ же съ высшими, по преимуществу, насѣкомыми. Физиологія животныхъ излагалась для студентовъ 2-го курса сельскохозяйственнаго отдѣленія. Курсъ не могъ быть пройденъ въ настоящей полнотѣ за недостаткомъ времени и надлежащихъ приспособленій для наглядной обстановки самаго преподаванія. Ботаника общая и физиологія растений преподавались для 1-го курса. Въ первомъ полугодіи были пройдены анатомія и общая морфологія, во второмъ—систематика и частная морфологія и физиологія растений. Практическія занятія учащихся состояли въ произведенныхъ, подъ руководствомъ преподавателя, экскурсіяхъ и въ микроскопическихъ наблюденіяхъ. Минералогія на 1-мъ курсѣ и геогнозія на 2-мъ курсѣ излагались безъ измѣненій въ характерѣ и объемѣ преподаванія. Лекціи дополнялись повторительными бесѣдами и самостоятельными занятіями учащихся какъ въ теченіе года изученіемъ коллекцій моделей и минераловъ, такъ и въ концѣ года—упражненіями въ углоизмѣреніи и въ опредѣленіи минераловъ по наружнымъ признакамъ и паяльной трубкой. Въ маѣ, подъ руководствомъ профессора и въ

присутствіи директора, произведена была со студентами 2-го курса геологическая экскурсія въ окрестностяхъ Новой Александрии и Казимира. Успѣхи студентовъ по обимъ предметамъ оказались вполнѣ удовлетворительными.—Физика и метеорологія съ климатологією были пройдены по возможности полно и настолько обстоятельно, насколько позволяли неблагоприятныя для чтенія физики условія, зависящія какъ отъ сравнительно-неудовлетворительнаго состоянія физическаго кабинета и недостатка нужныхъ приспособленій для лекцій и практическихъ занятій, такъ и отъ недостаточной подготовки большинства слушателей къ усвоенію научнаго курса общей физики. Практическія занятія производились съ ограниченнымъ числомъ студентовъ и состояли въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса, въ ознакомленіи съ употребленіемъ сферометра и спектроскопа и повѣркѣ термометровъ. Геодезія (1-й курсъ—2 часа) практическая механика (1-й курсъ—3 часа) и земледѣльческая механика (сводные часы для 2-го и 3-го курсовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія—2 часа) преподавались профессоромъ Зелинскимъ по прошлогоднимъ программамъ, одобреннымъ совѣтомъ. Имъ же преподавались, на первыхъ двухъ курсахъ, рисованіе и черченіе. Практическія занятія по этимъ предметамъ состояли въ слѣдующемъ: по геодезії и нивелированію студенты работали въ началѣ и въ концѣ года, причемъ они ознакомлялись съ простѣйшими приѣмами геодезическихъ работъ и собирали данныя для составленія плановъ и профилей нѣкоторыхъ мѣстностей въ окрестностяхъ института; по земледѣльческой механикѣ студенты упражнялись въ разборкѣ и складываніи земледѣльческихъ орудій и машинъ и въ опредѣленіи сопротивленія орудій помощію динамометровъ Морена и Бурга. По рисованію и черченію на 1-мъ курсѣ занятія состояли въ черченіи кривыхъ, имѣющихъ значеніе въ практической механикѣ, и зацѣпленій различнаго рода, а также и моделей простѣйшихъ частей машинъ; 2-й курсъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія чертилъ земледѣльческія орудія и машины по моделямъ, лѣснаго отдѣленія—упражнялся въ черченіи плановъ по даннымъ, собраннымъ на геодезическихъ осеннихъ экскурсіяхъ, и въ копировкѣ плановъ посредствомъ пантографа, вычисленіяхъ поверхностей планиметромъ Амслера и отдѣлкѣ плановъ красками. Общая химія читалась въ прежнемъ объемѣ, при чемъ лекціи постоянно сопровождались возможно-полными опытами и демонстраціями. Въ теченіе года производились также повторительныя бесѣды. Практическія занятія велись въ теченіе всего учебнаго года: со студентами

1-го курса во 2-мъ полугодіи и 2-го курса въ обоихъ полугодіяхъ, въ 1-мъ—по качественному, во 2-мъ—по количественному анализу. Не смотря на многочисленность практикантовъ (111 человекъ) и ограниченность матеріальныхъ средствъ лабораторіи, практическія занятія дали удовлетворительные результаты, отразившіеся на успѣхахъ студентовъ по неорганической и особенно аналитической химіи; менѣе удовлетворительны успѣхи учащихся по органической химіи. Земледѣльческая химія читалась директоромъ института, который, кромѣ изложенія курсовъ, произвелъ нѣсколько повторительныхъ бесѣдъ въ году. Программы курсовъ не измѣнились; найдено лишь нужнымъ болѣе обстоятельное изложеніе химическихъ процессовъ въ животномъ организмѣ. По заявленію преподавателя, общіе успѣхи студентовъ признаны удовлетворительными. Практическія занятія съ студентами 3-го курса производились по утвержденному совѣтомъ, въ 1878 году, расширенному плану. Результаты работъ оказались весьма удовлетворительными, въ особенности если принять во вниманіе то незначительное время, какое могутъ для нихъ удѣлять студенты при дѣйствующемъ учебномъ планѣ. Сельско-хозяйственная и лѣсная технологія излагалась по плану и программамъ предыдущаго года. Практическія занятія велись демонстративно въ 1-мъ полугодіи; кромѣ того, преподаватель произвелъ технологическія экскурсіи, при чемъ были осмотрѣны пивоваренный и кирпичный заводы, вѣтряная и водяная мельницы, въ срединѣ же курса студенты, подъ руководствомъ преподавателя, посѣтили фабрику шерстяныхъ, льняныхъ и бумажныхъ яздѣлій и свеклосахарный заводъ. Сельское строительное искусство съ проектированіемъ хозяйственныхъ построекъ преподавалось для 3-го курса въ томъ же объемѣ и направленіи, какъ и въ предыдущемъ году, причемъ, хотя студенты усвоивали читанное имъ безъ особыхъ затрудненій, но самому преподаванію желательно было бы сообщить болѣе прикладной характеръ и болѣе соответствія съ цѣлями института. Присоединенныя по уставу къ строительному искусству орошеніе и осушеніе полей, по рѣшенію совѣта института, должны были излагаться въ курсѣ геодезіи, но при дѣйствующихъ условіяхъ и эти отдѣлы сельскаго инженернаго искусства не могли быть пройдены съ надлежащей обстоятельностью и полнотой. Практическія занятія по строительному искусству состояли въ исполненіи студентами въ особые часы предложенныхъ имъ проектовъ сельско-хозяйственныхъ построекъ; представленные чертежи исполнены, впрочемъ, безъ смѣты и тщательной отдѣлки, почему и не мо-

гуть удовлетворять своему назначенію. Политическая экономія, статистика и законовѣдѣніе читались: первая—для 2-го курса—4 часа въ 1-мъ полугодіи, вторая—для того же курса—4 часа во 2-мъ полугодіи, послѣднее—для 3-го курса—2 часа въ 1-мъ полугодіи. Въ курсѣ политической экономіи изложены были законы общественности въ сферахъ производства, распредѣленія и потребленія продуктовъ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей человѣка; въ курсѣ статистики—популяціонистика и экономика или хозяйственная статистика; въ курсѣ законовѣдѣнія—поземельные законы и съ особенною обстоятельностью постановленія, относящіяся къ сельскому хозяйству и лѣсоводству. По первому и послѣднему изъ сихъ предметовъ въ теченіе года было нѣсколько репетицій въ формѣ бесѣдъ со студентами. Успѣхи учащихся по всѣмъ тремъ предметамъ вполнѣ удовлетворительны. Русскій языкъ и словесность читались студентамъ всѣхъ трехъ курсовъ: по два часа на 1-мъ и 2-мъ курсахъ и четыре часа на 3-мъ, при чемъ распредѣленіе курса и объемъ преподаванія, сравнительно съ прежнимъ, не измѣнились существенно. Практическія занятія учащихся по русскому языку состояли въ упражненіяхъ въ аудиторіяхъ и изготовленіи сочиненій на дому. Успѣхи по словесности были вполнѣ удовлетворительны, но по русскому языку желательны большіе успѣхи, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточной подготовки большинства учащихся какъ въ этомъ языкѣ, такъ и по другимъ предметамъ, постоянно встрѣчаются неполное владѣніе правильною русскою рѣчью и грамматическія ошибки. Нѣмецкій языкъ преподавался для всѣхъ курсовъ (на 1-мъ и 2-мъ по два часа, на 3-мъ одинъ часъ въ 1-мъ полугодіи). Цѣлью занятій была подготовка учащихся къ пользованію спеціальной литературою на этомъ языкѣ, почему и лекціи состояли главнымъ образомъ въ переводахъ самими студентами избранныхъ нѣмецкихъ книгъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству. Въ виду слабой подготовки по нѣмецкому языку большинства поступающихъ, а во многихъ случаяхъ и полного незнанія его, успѣхи имѣли характеръ случайности, и преподаваніе не приносило возможной и ожидаемой пользы. Земледѣліе читалось для 2-го курса (общее растенъеводство 2 часа) и сельско-хозяйственнаго отдѣленія 3-го курса (частное растенъеводство 3 часа) по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ; повторительныхъ бесѣдъ, вслѣдствіе болѣзни преподавателя и необходимости пройти цѣлый курсъ, не производилось. Въ особые часы, независимо отъ лекцій, подъ руководствомъ преподавателя производились практиче-

скія занятія студентовъ, состоявшія въ подробномъ ознакомленіи учащихся съ моделями земледѣльческихъ орудій и машинъ, находящимися въ кабинетѣ, и въ упражненіяхъ, въ опредѣленіи достоинства сѣмянъ, и на опытномъ полѣ—въ ознакомленіи съ приемами ручной посадки сѣмянъ и клубней и съ управленіемъ орудіями во время работы, при чемъ студенты сами вспахали и заборонили нѣкоторые участки опытнаго поля. При экскурсіяхъ на опытномъ полѣ студенты знакомились съ производствомъ на ономъ опытовъ и культуръ; съ особеннымъ интересомъ они изучали демонстративныя культуры въ видахъ опредѣленія растений и составленія гербаріевъ. Сверхъ того, преподавателемъ произведена была учебная экскурсія на гноище опытной нивы и одинъ изъ участковъ этой фермы—горную ниву. Успѣхи въ растенъеводствѣ, главнымъ образомъ, обусловливались предварительной подготовкой учащихся и находящимися въ распоряженіи преподавателя средствами для надлежащей обстановки чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій со студентами, и вслѣдствіе недостаточности этихъ средствъ не могли быть признаны вполне нормальными и соответственными цѣлямъ института. Въ этомъ отношеніи весьма желательна болѣе правильная организація активныхъ работъ самихъ учащихся. Почвовѣдѣніе преподавалось студентамъ 2-го курса обоихъ отдѣленій, для чего былъ удѣленъ одинъ изъ трехъ часовъ, назначенныхъ на общее растенъеводство. По одобренію совѣта, въ почвовѣдѣніи были изложены слѣдующіе отдѣлы: ученіе о геологическомъ характерѣ почвъ, механическомъ, химическомъ и минералогическомъ ихъ составѣ и физическихъ ихъ составахъ, при чемъ подробно были разсмотрѣны явленія превращенія и вывѣтриванія, окончательные продукты этихъ процессовъ, дѣятели разнесенія и размѣщенія этихъ продуктовъ, участіе органическихъ веществъ въ образованіи растительной почвы, происхожденіе первичныхъ, наносныхъ и перегнойныхъ почвъ и ихъ геологическая классификація. Во второмъ отдѣлѣ были разсмотрѣны методы механическаго, химическаго и минералогическаго анализа почвъ, результаты этихъ изслѣдованій и ихъ значенія для научной бонитировки почвъ. Въ третьемъ отдѣлѣ были разсмотрѣны всѣ физическія свойства почвъ, указаны методы изслѣдованія этихъ свойствъ, результаты этихъ изслѣдованій и ихъ значеніе для характеристики и бонитировки почвъ. Одновременно съ чтеніемъ лекцій происходили практическія занятія студентовъ по почвовѣдѣнію въ земледѣльской лабораторіи. Изъ подробнаго отчета о ихъ результатахъ можно заключить о полной успѣшности препода-

ванія. Скотоводство (общее скотоводство два часа для студентовъ 2-го курса и частное скотоводство два часа для студентовъ 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія) читалось по программѣ предшествовавшаго года. Для лучшаго усвоенія пройденнаго, студенты 2-го курса рѣшали задачи по составленію кормовыхъ нормъ для животныхъ различныхъ видовъ и назначеній; студенты же 3-го курса, въ зоотехническомъ кабинетѣ, производили краніоскопическія измѣренія; на фермѣ изучали экстерьеръ домашнихъ животныхъ и въ земледѣльческой лабораторіи занимались изслѣдованіемъ молока и шерсти; кромѣ того, ими были изучены физическія свойства шерсти при помощи имѣющихся шерстомѣровъ. Успѣхи студентовъ по скотоводству были удовлетворительны. Сельско-хозяйственная экономія читалась для 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія по прежней программѣ. Чтеніе сопровождалось практическими занятіями, состоявшими въ самостоятельной разработкѣ плана организациі фиктивного имѣнія во всѣхъ имѣющихся практическое значеніе деталяхъ и упражненіяхъ въ хозяйственномъ счетоводствѣ. По примѣру предшедшихъ лѣтъ, для болѣе обстоятельнаго усвоенія учащимися теоретическихъ курсовъ сельско-хозяйственныхъ наукъ и ознакомленія ихъ съ практикой дѣла, кромѣ курсовъ и работъ, были производимы занятія на опытной фермѣ и экскурсіи въ институтское имѣніе. Во время занятія на фермѣ, студенты ознакомились съ инвентаремъ, обстоятельно изучили болѣе сложныя машины, занимались изученіемъ полевой культуры на горной нивѣ и кемпѣ, подробно ознакомляясь съ сѣвооборотами ферскихъ полей и культурными работами. Ферское луговоеводство и хмѣлеводство были предметомъ особыхъ экскурсіей. Занятія на фермѣ сопровождались письменными отчетами, признанными удовлетворительными. Послѣ экзаменовъ, студенты 2-го и 3-го курсовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія собирались въ институтскомъ имѣніи, Конской-Волгѣ, для пракческаго изученія всего дѣла. Поѣздки эти имѣли характеръ экскурсіей, съ тою разницею, что студенты проводили цѣлыя дни въ имѣніи для рѣшенія розданныхъ имъ по группамъ вопросовъ; на нѣкоторыхъ же студентовъ возложено было дежурство для составленія дневныхъ журналовъ работъ. Общее наблюденіе за ходомъ экскурсіи принялъ на себя директоръ института; руководили же занятіями два преподавателя. Занятія велись сперва по скотоводству и сельско-хозяйственной экономіи. Студенты были раздѣлены на группы по 3—4 человека, и каждой группѣ былъ данъ отдѣльный вопросъ съ программой его разработки. По окончаніи дневной работы,

преподаватель провѣрялъ, въ присутствіи всѣхъ практикантовъ, исполненную работу и указывалъ пробѣлы для пополненія въ слѣдующій день. По изготовленіи общихъ отчетовъ, была произведена бесѣда, въ которой отчеты были прочитаны и разобраны на столько обстоятельно, что каждый студентъ могъ составить ясное понятіе о настоящемъ положеніи всѣхъ отраслей хозяйства Конской-Воли и его хорошихъ и слабыхъ сторонахъ. Числовыя данныя суденты собирали сами, пользуясь указаніями управляющаго институтскими имѣніями. По растениеводству также рѣшались задачи отдѣльно каждымъ студентомъ, при чемъ по частному растениеводству преподаватель предложилъ описать съ технической стороны культуру растений на одномъ изъ полей сѣвооборота, а по общему—почву и сорныя травы избраннаго участка. Остальнымъ студентамъ было поручено изученіе наиболѣе капитальныхъ изъ имѣющихся въ имѣніи машинъ — молотилки и жатвенныхъ машинъ. Кромѣ того, въ присутствіи профессора, въ присутствіи и при участіи всѣхъ студентовъ, на пшеничномъ участкѣ была произведена сравнительная проба жатвенныхъ машинъ: фермской—Джонстона, и Консковольской — Адриансъ, при чемъ имѣлось въ виду ознакомить учащихся съ приемами оцѣнки сельско-хозяйственныхъ орудій. По окончаніи занятія въ Конской-Волѣ, студентами сельско-хозяйственнаго отдѣленія совершена была экскурсія въ имѣніе графа Езерскаго, Гарбовъ, для изученія прудоваго хозяйства и рыболовства, производящагося въ этомъ имѣніи въ большихъ размѣрахъ. Въ этой экскурсіи студенты, благодаря любезному приему владѣльца, ознакомились со всѣми отраслями гарбовскаго хозяйства. Анатомія животныхъ и ветеринарныя науки (экстерьеръ лошадей, ковка и производство простыхъ животныхъ общая и частная патологія и терапія, ученіе о повально-заразительныхъ болѣзняхъ и наука о врачебныхъ средствахъ) преподавались доцентомъ Кротовскимъ. Преподаваніе сопровождалось надлежащими демонстраціями и практическими занятіями, на которыхъ студенты, подъ руководствомъ преподавателя, производили секціи, осматривали больныхъ животныхъ, знакомились съ способами изслѣдованія и леченія больныхъ животныхъ и сами упражнялись въ простѣйшихъ операціяхъ, напимѣръ, кровопусканіяхъ, спиваніи ранъ и проч. Повторительныя бесѣды производились во время практическихъ занятій. Не смотря на соединеніе столькихъ обширныхъ предметовъ въ одномъ лицѣ и краткость назначеннаго для нихъ времени, успѣхи студентовъ, принимая во вниманіе второстепенное значеніе

самихъ предметовъ, признаны удовлетворительными, хотя и познанія ихъ по необходимости имѣли чисто-практической характеръ отрывочныхъ свѣдѣній. Лѣсоводство читалось исправляющимъ должность Красускимъ и сопровождалось возможными демонстраціями, нѣсколькими повторительными бесѣдами и въ особые часы практическими занятіями. Послѣднія состояли въ производствѣ посѣвовъ въ лѣсномъ питомникѣ, въ пересадкѣ сѣянцевъ въ древесную школу, въ ознакомленіи въ ближайшихъ лѣсныхъ дачахъ съ типами насажденій, съ производствомъ рубокъ и съ приемами ухода за насажденіями; въ 3-мъ курсѣ, сверхъ того, студенты упражнялись въ лѣсномъ дѣлопроизводствѣ и счетоводствѣ. Лѣсная таксація читалась безъ особыхъ измѣненій въ программахъ какъ лекцій, такъ и практическихъ занятій. Въ маѣ студенты 2-го курса произвели въ сосѣдній лѣсъ три экскурсіи, на которыхъ они, подъ руководствомъ преподавателя, рѣшали главнѣйшіе вопросы практическаго характера, относящіеся къ опредѣленію запаса возраста и прироста какъ единичныхъ деревьевъ, такъ и цѣлыхъ насажденій; студенты же 3-го курса занимались примѣрнымъ устройствомъ сосѣдней маіоратской дачи по инструкціи 1839 года. По окончаніи экзаменовъ, студентами 3-го курса была произведена, подъ руководствомъ преподавателя, болѣе отдаленная экскурсія въ лѣса Ломжинской губерніи. Благодаря въ высшей степени полезному содѣйствію управляющаго Ломжинскою казенною палатою, экскурсія эта оказалась вполне цѣлесообразною и поучительною для студентовъ, которые имѣли полную возможность въ осмотрѣнныхъ лѣсахъ ознакомиться съ множествомъ культуръ, исполненныхъ по различнымъ способамъ, облѣсеніемъ летучихъ песковъ въ значительныхъ размѣрахъ, устройствомъ и охраненіемъ лѣсовъ, и вообще обстоятельно изучить способъ веденія казеннаго лѣснаго хозяйства въ Царствѣ Польскомъ. Во время экскурсіи студенты вели замѣтки, и на основаніи ихъ составили отчеты, которые признаны удовлетворительными. Лѣсная ботаника излагалась по прежней программѣ, при соответственныхъ демонстраціяхъ и практическихъ занятіяхъ, состоявшихъ въ экскурсіяхъ. Успѣхи найдены преподавателемъ вполне удовлетворительными. Садоводство, согласно постановленію совѣта, изложено было въ формѣ трехъ бесѣдъ со студентами 3-го курса, произведенныхъ въ институтскихъ садахъ, причемъ студенты упражнялись въ прививкѣ фруктовыхъ деревьевъ. Лѣсная энтомологія читалась для 2-го курса лѣснаго отдѣленія, при чемъ, для лучшаго усвоенія предмета, былъ прибавленъ часъ въ недѣлю

для практическихъ занятій студентовъ. На этихъ занятіяхъ студенты упражнялись въ опредѣленіи насѣкомыхъ, преимущественно ими же собираемыхъ. При этомъ студенты участвовали группами, такъ что каждый участвовалъ не болѣе пяти разъ въ занятіяхъ. Въ концѣ года были произведены общія экскурсіи для ознакомленія съ мѣстной энтомологической фауной и сбора коллекцій. По отзыву преподавателя, студенты занимались энтомологіей усердно и оказали довольно удовлетворительныя повзанія на экзаменахъ. Пчеловодство, шелководство и рыбоводство читались для студентовъ 3-го курса, при чемъ были изложены самыя капиталныя вопросы по этимъ предметамъ. Въ маѣ студенты ознакомлялись съ институтской пасѣкой. Успѣхи преподаватель признаетъ удовлетворительными, насколько они выразились въ отвѣтахъ на экзаменахъ. По мнѣнію директора, преподаванію этихъ предметовъ желательно придать такой же характеръ, какъ и преподаванію садоводства, и замѣнить лекціи бесѣдами и въ особенности практическими занятіями самихъ студентовъ подъ руководствомъ свѣдущихъ людей.

На заданныя въ 1878 году темы представлены были сочиненія: по земледѣльческой химіи, студентомъ 3-го курса Вас. Колесниковымъ — „Фосфорные туки“, по сельско-хозяйственной экономіи студентомъ 2-го курса Виет. Котарбинскимъ — „Описаніе Маціевцаго имѣнія графа Замоискаго“. Первый изъ нихъ награжденъ серебряною медалью, второй — почетнымъ отзывомъ. На 1881 годъ для исванія наградъ медалями назначены по сельско-хозяйственному отдѣленію слѣдующія темы: по растениеводству — „Костяное удобреніе, приготовленное по способу Ильенкова и Энгельгардту“, по скотоводству — „Употребленіе поваренной соли въ скотоводствѣ“, по земледѣльческой химіи — „Анализы водъ Ново-Александрійскаго института“.

Преподаватели института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи и другія служащія въ ономъ лица напечатали въ 1879 году слѣдующіе ученые труды: директоръ института Добровольскій помѣстилъ въ III-мъ томѣ Сборника института актовую рѣчь подъ заглавіемъ „Сельское хозяйство и химія“; профессора: Карпинскій литографировалъ курсъ общей зоологіи для студентовъ и напечаталъ въ мѣстной земледѣльческой газетѣ нѣсколько статей на польскомъ языкѣ о вредныхъ животныхъ; Малевскій помѣстилъ въ Сборникѣ института отчетъ о практическихъ занятіяхъ по почвовѣдѣнію; Антоновичъ издалъ трудъ „Основаніе политической экономіи“; доценты: Рудинскій — „Производительность почвы III (1878)

участка опытнаго поля института“ въ Запискахъ института; Хлюдинскій помѣстилъ: въ Запискахъ института — отчетъ о занятіяхъ студентовъ по шерстовѣдѣнію и отчетъ по заграничной командировкѣ въ 1878 году, въ журналѣ Сельское хозяйство и лѣсоводство — статью „Опыты откармливанія гусей и свиней“, въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства и лѣсоводства южной Россіи — статью „Оцѣнка племенныхъ производителей крупнаго рогатаго скота“ и издалъ отдѣльной книгой „Основы заводскаго искусства“; Краузе: въ Запискахъ института — статью „Высшее лѣсное образованіе въ нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ“, въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи — статью „Камышь, какъ предметъ культуры и побочнаго пользованія въ лѣсномъ и сельскомъ хозяйствахъ“ и въ *Baltische Wochenschrift* — статью „Eine Lösung der Frage der Forstorganisation“; Бердау: въ мѣстной Земледѣльческой энциклопедіи — статью „Рожь“ и въ журналѣ *Wiadomości farmaceutyczne* — статью на польскомъ языкѣ „О необходимости искусственной культуры медицинскихъ растений“; Красускій печаталъ въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ на польскомъ языкѣ статьи лѣсоводственнаго содержанія; Цихоцкій окончилъ редакцію и печатаніе перевода на польскій языкъ сочиненія Горена; лаборантъ Орловскій напечаталъ: въ 3-мъ томѣ Записокъ института — ежемѣсячные и годовые выводы изъ наблюденій на метеорологической станціи института въ 1878 году и выводы изъ шестилѣтнихъ наблюденій той же станціи, въ журналѣ *Zdrowie* — статью о необходимости учрежденія въ Царствѣ Польскомъ метеорологическихъ станцій.

Финансовыя средства института въ 1879 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ изъ государственнаго казначейства суммъ оставалось отъ 1878 года 1,543 руб. 33 коп., въ 1879 г. ассигновано 46,770 руб., въ теченіе года израсходовано 47,690 руб. 47 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1880 году было 622 руб. 86 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій отъ студентовъ и на пополненіе убытковъ въ имущество, приобретаемомъ на эти средства: оставалось къ 1-му января 1879 года 3,259 руб. 92 коп., въ 1879 году поступило 8,016 руб. 65 коп., въ теченіе года израсходовано 6,357 руб. 43 коп., къ 1880 году состояло 4,919 руб. 14 коп.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ: оставалось отъ 1878 года 1,397 руб. 79 коп., въ 1879 г. поступило 18,219 руб. 61 коп., израсходовано 13,713 руб. 3 коп., къ 1-му января 1880 года состояло въ остаткѣ 5,904 руб. 37 коп.; г) пожертвованныхъ капиталовъ или процентовъ: поступило въ 1879 г.

2,685 руб., изъ нихъ израсходовано 285 руб., въ остаткѣ къ 1880 г. имѣлось 2,400 руб. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ, 2,825 руб., на изданіе переводовъ и спеціальныхъ сочиненій 676 руб., на вознагражденіе за завѣдываніе опытною фермой 500 руб., на вознагражденіе сверхштатнаго лаборанта 500 руб., на олеонафту для выдѣлки газа въ лабораторіяхъ 333 руб., на выдачу пособій студентамъ за представленныя и одобренныя сочиненія 300 руб.

Число студентовъ института представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ первомъ полугодіи 1878 — 1879 академическаго года состояло студентовъ 164; во второмъ полугодіи принято 4, всего — 168; изъ нихъ вышло 54 (по прошеніямъ 16, за невзносъ платы за слушаніе лекцій, по неявкѣ, болѣзни и другимъ обстоятельствамъ 9, за окончаніемъ курса 28, со свидѣтельствами по дополнительному лѣсному отдѣленію 1); въ началѣ 1879 — 1880 академическаго года принято 84 (бывшихъ студентовъ Новоалександрійскаго института 3, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 3, получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости 4, невыдержавшихъ испытанія зрѣлости 6, окончившихъ съ аттестатомъ курсъ реальныхъ училищъ или выдержавшихъ въ нихъ окончательное испытаніе 60, окончившихъ съ аттестатами курсъ другихъ среднеучебныхъ заведеній 8); затѣмъ къ 1-му января 1880 года состояло на лицѣ 182 студента, которые распредѣлялись: а) по курсамъ: 1-го курса — 91, 2-го — 59, 3-го — 32; б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 111, дворянъ личныхъ 19, духовнаго званія 2, купеческаго званія 6, мѣщанъ и городскихъ обывателей 28, крестьянъ и сельскихъ обывателей 14, иностранцевъ 2; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго исповѣданія 40, римско-католическаго 124, армяно-григоріанскаго 1, евангелическаго 8, еврейскаго 9; г) по предварительному образованію: изъ университетовъ 2, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 7, изъ гимназій 37, изъ реальныхъ училищъ 114, изъ другихъ среднеучебныхъ заведеній и домашняго образованія 22; д) по мѣсту рожденія: уроженцевъ губерній Царства Польскаго 76, западнаго края 52, другихъ губерній имперіи 54. Стипендіями изъ частныхъ записей пользовались 5 студентовъ и одинъ стипендіей вольно-экономическаго общества. Размѣръ стипендій — отъ 50 до 250 руб. включительно. Допущено было къ бесплатному слушанію лекцій въ теченіе года изъ 249 студентовъ 25, что составляетъ 10% общаго числа

студентовъ. Для оказанія возможно большому числу несостоятельныхъ студентовъ пособій и для облегченія имъ взноса платы за слушаніе лекцій приняты были слѣдующія мѣры: а) въ зданіяхъ института отведено было 11 комнатъ, въ которыхъ пользовались помѣщеніемъ 18 студентовъ, изъ коихъ 6 освобождены были отъ платы, а съ остальныхъ взыскивалось по 1 руб. въ мѣсяцъ на покрытіе хотя части издержекъ по содержанію этихъ квартиръ; б) исходатайствовано у начальства округа пособие изъ суммъ округа въ количествѣ 250 р., которые были распределены между 11-ю студентами; в) сверхъ 5-ти стипендій по частнымъ записямъ жертвователей, производилась выдача профессорскихъ стипендій, которыми пользовались шесть студентовъ по 7 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ; г) совѣтъ выдалъ денежное пособие изъ общихъ специальныхъ средствъ института и изъ суммы сбора за ученіе 12-ти студентамъ, въ размѣрѣ отъ 3 до 50 руб., въ видѣ вознагражденія за труды по учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, всего на сумму 268 руб. 70 коп.; д) въ вознагражденіе 15 студентовъ за сочиненія, написанныя на предложенныя имъ темы, выдано 300 руб. Хотя мѣра эта и имѣетъ въ виду преимущественно поощреніе учащихъ къ самостоятельному труду, тѣмъ не менѣе косвеннымъ путемъ она даетъ возможность недостаточнымъ студентамъ приобрести сумму, необходимую для взноса платы за слушаніе лекцій; наконецъ е) совѣтъ института выдавалъ пособия, преимущественно безвозвратныя, несостоятельнымъ студентамъ для внесенія платы за ученіе, необходимаго содержанія и уплаты денегъ за леченіе, изъ дохода отъ концерта и двухъ спектаклей въ пользу недостаточныхъ студентовъ, котораго поступило 1,711 руб. 57 коп. Сверхъ того, для пособій студентамъ, при институтѣ продолжала существовать особая касса, движеніе суммъ которой представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ приходѣ, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1878 года, было 2,336 руб. 5 коп., изъ нихъ израсходовано 2,316 руб. 30 коп. (ежемѣсячныхъ стипендій 6-ти студентамъ 288 руб., заимообразныхъ пособій 53-мъ студентамъ 459 руб. 25 коп., безвозвратныхъ пособій 89-ти студентамъ 1,554 руб., въ больницу св. Карла и на другіе мелкіе расходы 15 руб. 5 коп.), затѣмъ къ 1-му января 1880 года состояло 20 руб. 75 коп. Пользовались въ 1879 году кассой, за исключеніемъ стипендіатовъ, 76 студентовъ, изъ коихъ нѣкоторые по 2, 3, 4, 5, 6 и 7 разъ. Къ 1-му января 1880 года состояло должниковъ кассы на сумму 2,689 руб. 97 коп. Независимо отъ сей кассы, въ завѣдываніи директора института состояла касса „фонда для заи-

мообразныхъ пособій студентамъ", основаніе которой положено въ 1878 году пожертвованіемъ профессора института А. А. Карпинскаго въ размѣрѣ 2,104 руб. 22 коп. Фондъ этотъ увеличился въ 1879 г. на 427 руб. 50 коп. Въ теченіе года произведено 44 выдачи на сумму 740 руб. Къ 1-му января 1880 года состояло 2,753 руб. 12 коп.

Состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений къ 1880 году и ихъ дѣятельность въ 1879 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: Основная бібліотека заключала въ себѣ 8,270 названій въ 12,809 томахъ на сумму 29,300 руб. Въ теченіе года приняты были особыя мѣры для установленія надлежащаго порядка въ этомъ учрежденіи: приглашено было по найму особое лицо для составленія инвентарей и увеличено число шкафовъ, такъ какъ въ виду значительнаго числа поступленій, въ особенности бесплатныхъ, число книгъ въ бібліотекѣ быстро возрастаетъ. Бесплатно и въ обмѣнъ на изданія института, бібліотека получила значительное приращеніе періодическихъ изданій, преимущественно спеціальнаго характера, именно 512 томовъ на 538 руб. Общее число поступающихъ въ бібліотеку института томовъ дошло въ 1879 году до 1,000; такое увеличеніе поступления, естественно, затрудняло какъ пользованіе книгами, такъ и соблюденіе порядка въ храненіи и веденіи описей. Профессорская читальня, составляющая часть основной бібліотеки и завѣдывавшаяся поочередно преподавателями института, получала 133 періодическихъ и другихъ изданій, въ томъ числѣ спеціальнаго содержанія 90; изъ общаго числа изданій: на русскомъ языкѣ—81, на польскомъ—16, на французскомъ—7, на нѣмецкомъ—34, на англійскомъ и итальянскомъ—по одному. Студентская бібліотека, по отчету завѣдывавшаго ею, состояла изъ 516 названій въ 974 томѣхъ на 2,101 р.; но къ этому слѣдуетъ присоединить значительное число бесплатно получающихся періодическихъ изданій. Въ теченіе года студентами было взято изъ обѣихъ бібліотекъ болѣе 2,000 томовъ и до 5,000 номеровъ періодическихъ изданій, при чемъ, кромѣ литературнаго чтенія, студенты пользовались бібліотекой института для приготовленія различныхъ письменныхъ работъ и подготовки къ испытаніямъ. Состояніе имущества химической лабораторіи и въ 1879 году осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ работы по составленію инвентаря и провѣркѣ онаго не окончены. Въ лабораторіи практически занимались, подъ руководствомъ двухъ лаборантовъ, 130 студентовъ, въ томъ числѣ 69 студентовъ 1-го курса и 22—2-го въ первомъ полу-

годѣ и 39 студентовъ во второмъ полугодіи. Въ лабораторіи было произведено одно судебно-медицинское изслѣдованіе (случай поддѣлки монетъ), состоявшее въ шести химическихъ анализахъ съ опредѣленіемъ удѣльнаго вѣса. Въ земледѣльческой лабораторіи имущество состояло изъ 812 названій на сумму 7,930 руб. Важнѣйшими пріобрѣтеніями были: градуированные приборы отъ Шиллинга на 148 р. и аппараты для механическаго анализа почвъ отъ Гугерсгофа на 262 руб. Работы въ лабораторіи производились во все учебное время кромѣ экзаменовъ и времени практическихъ занятій. Студенты 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія занимались различными сельско-хозяйственными анализами и изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ, анализомъ молока и шерсти и упражнялись въ техническихъ изслѣдованіяхъ; студенты 2-го курса занимались опредѣленіемъ физическихъ свойствъ и механическимъ анализомъ почвъ. Кромѣ того, нѣкоторые студенты занимались самостоятельно по одобреннымъ темамъ, а практикантъ стипендіатъ института Савицкій занимался изслѣдованіемъ фермскаго молока и опредѣленіемъ люпулина въ фермскомъ хмѣлю. Число практикантовъ доходило въ общемъ до 70-ти человекъ. По просьбѣ одного землевладѣльца Саратовской губерніи, была произведена проба овса его имѣнія. Физическій кабинетъ имѣлъ 275 названій на 6,519 руб. Уменьшеніе стоимости имущества кабинета произошло вслѣдствіе послѣдовавшаго исключенія приборовъ, пришедшихъ въ малолгодное для кабинета состояніе или совершенно для него излишнихъ. Занятія въ кабинетѣ были необязательныя для студентовъ и ограничивались производствомъ желающихъ изъ студентовъ 1-го курса вѣсовыхъ и объемныхъ опредѣленій посредствомъ имѣющихся въ кабинетѣ приборовъ. Метеорологическая обсерваторія состояла въ завѣдываніи лаборанта Орловскаго, производившаго постоянныя наблюденія, отсылавшіяся въ главную физическую обсерваторію. Цѣнность имущества обсерваторіи не измѣнилась сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Студенты по желанію знакомились съ пріемами наблюденій; преподаватели же могли пользоваться числовыми данными для своихъ научныхъ работъ. Зоологическій кабинетъ заключалъ въ себѣ 997 названій 1,383 предмета на 2,469 р. Болѣе цѣнными пріобрѣтеніями были аквариумъ и калифорнійскій приборъ для разведенія рыбъ. Общее состояніе кабинета вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ онъ даетъ возможность надлежащей демонстративной обстановки преподаванія зоологіи и энтомологіи. Въ ботаническомъ кабинетѣ было 4,246 предметовъ на 1,339 руб. Болѣе важ-

нымъ приобрѣтеніемъ были демонстративныя таблицы Додельпарта, Циппеля и Больмана. Кромѣ показыванія различныхъ предметовъ на лекціяхъ, коллекціи и микроскопы кабинета служили для самостоятельныхъ занятій студентовъ въ кабинетѣ. Въ минералогическомъ кабинетѣ имѣлось 11,706 разныхъ предметовъ на 3,158 руб. Общее состояніе кабинета вполне удовлетворительно, но чувствуется недостатокъ приборовъ для изслѣдованія физическихъ свойствъ минераловъ, что особенно замѣтно при практическихъ занятіяхъ студентовъ. Кабинеты механической, геодезической и рисовальной заключали въ себѣ: первый—265 предметовъ на 8,915 руб., второй—206 предметовъ на 2,596 руб., послѣдній—270 предметовъ на 473 руб. Технической кабинетъ имѣлъ 617 предметовъ на 5,380 руб. Въ земледѣльческомъ кабинетѣ находилось 1,232 предмета на 3,432 р. Въ кабинетъ поступили, между прочимъ, по распоряженію бывшаго министра народнаго просвѣщенія, 112 сортовъ весьма интересныхъ образцовъ сѣмянъ культурныхъ растений изъ Ливоніи, Туркестана, Италіи и проч. Зоотехнической кабинетъ состоялъ изъ 195 предметовъ на 2,519 руб. Къ числу важнѣйшихъ приобрѣтеній принадлежатъ: приборы для изслѣдованія шерсти, гидроинкубаторъ Арно для вывода цыплятъ и пожертвованный землевладѣльцемъ Чарновскимъ черепъ коровы. Въ настоящемъ состояніи своемъ кабинетъ представляется весьма удовлетворительнымъ сравнительно съ другими специальными кабинетами. Въ лѣсномъ кабинетѣ находилось 1,104 предмета на 1,706 руб. Кабинетъ въ нынѣшнемъ своемъ составѣ можетъ служить пособіемъ для демонстрацій на лекціяхъ и практическихъ занятій студентовъ, хотя и желательно, въ виду переполненія его массой мелкихъ образцовъ, увеличить помещеніе его. Ветеринарная клиника и кабинетъ моделей, препаратовъ и приборовъ по ветеринаріи имѣли: первая—329 предметовъ на 532 р., второй—747 предметовъ на 3,109 руб. Состояніе клиники и кабинета вполне удовлетворительно. Въ 1879 году на излеченіи находилось принадлежащаго институту скота 267 штукъ, изъ коихъ околѣло 53 штуки. Посторонними лицами было доставлено въ клинику 129 различныхъ животныхъ. Операций произведено было 16, секцій 13, причемъ имѣлись, главнымъ образомъ въ виду учебныя цѣли, почему операции и секціи производились въ присутствіи и при участіи студентовъ. Смертность институтскихъ животныхъ въ 1879 году въ общемъ менѣе значительна, нежели въ предыдущемъ году. Учрежденія для пчеловодства и шелководства заключали 148 предметовъ на 348 руб.

Въ пасѣвѣ состояло 19 роевъ и 39 ульевъ. Выходъ пчелъ продолжался 77 дней, т. е. на 10 дней болѣе противъ 1878 года. По шелководству разведеніе тутоваго и айлантоваго шелкопрядовъ было ограничено недостаткомъ молодыхъ тутовыхъ и айлантовыхъ деревьевъ. Въ садовыхъ учрежденіяхъ состояло растений 15,936 штукъ на 2,605 руб. Для теплицъ и оранжерей было приобрѣтено покупкой и размноженіемъ 856 штукъ новыхъ растений; кромѣ того, произведенъ новый ремонтъ, на что израсходовано 173 руб., вырученные отъ продажи 611 штукъ растений. Въ ботаническомъ отдѣленіи разводилось 1,148 видовъ и разновидностей различныхъ растений, имѣющихъ то или другое значеніе для цѣлей института, между прочимъ и образцы, присланные съ Парижской выставки 1878 года. Фруктовый садъ увеличился пересадкой изъ питомника 165 экземпляровъ. Древесные питомники дали 3,134 штуки молодыхъ деревьевъ, новыхъ воспитано 3,450 штукъ, на 151 штуку болѣе 1878 года. Доходъ съ фруктоваго и овощнаго садовъ и питомниковъ достигъ 1,070 руб., расходъ былъ въ 274 руб. На содержаніе парка израсходовано 274 руб. Общее состояніе садовъ улучшилось, и въ особенности важно усиленіе коммерческаго направленія, такъ что садовая учрежденія, не лишаясь научнаго учебнаго значенія, являются источникомъ болѣе обезпеченнаго дохода, такъ какъ число требованій на плодовые деревья возросло и, несомнѣнно, увеличится съ окончательнымъ устройствомъ заведеннаго въ 1879 году новаго питомника для плодовыхъ и декоративныхъ растений.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Со времени послѣдняго моего письма произошли значительныя преобразованія въ программахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выработаны онѣ новымъ главнымъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія, который занимался этимъ дѣломъ въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ. За подробностями читатели вашего журнала могутъ обратиться къ официальному тексту программъ, напечатанному въ только что появившейся брошюрѣ „Plan d'études des lycées, programme de l'enseignement secondaire classique“. Я ограничусь здѣсь лишь краткимъ очеркомъ. Реформа, о которой идетъ рѣчь, вызвана крайностями, давно уже укоренившимися въ нашей школѣ. До сихъ поръ въ молодыхъ людяхъ старались преимущественно развивать изящный вкусъ, теперь же хотятъ обращать болѣе вниманія на сущность дѣла, чѣмъ на форму; прежде на первомъ планѣ стояло упражненіе памяти, въ настоящее время—все то, что способствуетъ правильному и основательному мышленію. Главный совѣтъ предпослалъ новымъ программамъ нѣсколько объясненій, о которыхъ считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь. Въ элементарномъ курсѣ изученіе правилъ, говоритъ онъ, должно ограничиваться самымъ необходимымъ въ силу того принципа, что нужно изучать грамматику съ помощью языка, а не языкъ съ помощью грамматики: слѣдуетъ переходить отъ текста къ правилу, отъ примѣра къ формулѣ, отъ конкретнаго къ абстрактному. Не нужно злоупотреблять до крайности письменными упражненіями, которыя съ большею пользой могутъ быть замѣнены упражненіями устными, чтеніемъ авторовъ съ

необходимыми комментаріями. Латинская грамматика для начинающих должна быть упрощена. До сихъ поръ она была рассчитана у насъ главнымъ образомъ на то, чтобъ подготовить молодаго человѣка написать красивое латинское сочиненіе, обогатить его память различными оборотами, которыми онъ могъ бы воспользоваться; отнынѣ, не стремясь къ этой цѣли, она должна содержать толковое и обстоятельное изложеніе правилъ. Вообще относительно латинскаго, точно также какъ и греческаго языка составители программъ настаиваютъ на томъ, чтобъ правила были объясняемы при чтеніи авторовъ, вмѣсто того чтобъ переходить къ авторамъ лишь послѣ долгаго и подробнаго изученія грамматическимъ правилъ. Преимущественно нужно заниматься переводами, а сочиненія должны служить лишь для повѣрки пріобрѣтенныхъ знаній, тогда какъ до сихъ поръ было наоборотъ. Главный совѣтъ высказалъ мысль, что было бы несравненно лучше если бы большая часть работы происходила въ самомъ классѣ, при непосредственномъ и постоянномъ содѣйствіи учителя; въ ученикахъ, по мнѣнію того какъ подвигаются они въ своихъ занятіяхъ, нужно развивать самостоятельность. Латинскія сочиненія не отмѣнены вовсе, но будутъ значительно ограничены, такъ какъ, повторяемъ, главнымъ образомъ, вниманіе должно быть сосредоточено на переводахъ, сочиненія же отнесены къ старшимъ классамъ и постановлено не требовать, чтобъ они были такъ обширны, какъ условливалось прежними программами. Что касается сочиненій на отечественномъ языкѣ, то не слѣдуетъ ограничиваться только письмами, разказами и рѣчами; темами для нихъ можетъ служить все, что способствуетъ развитію мысленія. Слѣдовало бы — говорить далѣе объяснительная записка — пріучить молодежь не прибѣгать слишкомъ часто къ словарямъ, которые развиваютъ въ ней навыкъ переводить совершенно механически съ одного языка на другой. Безусловно отмѣнены обязательные латинскіе стихи, которымъ до сихъ поръ придавали такую цѣну въ трехъ старшихъ классахъ; вмѣсто нихъ будутъ заниматься изученіемъ метрики, а также правилъ французской версификаціи, которою до сихъ поръ пренебрегали; упражненіе въ латинскомъ стихотворствѣ будетъ предоставлено лишь избраннымъ ученикамъ, и то по собственному ихъ желанію. Въ преподаваніи исторіи нужно, по мнѣнію совѣта, обращать вниманіе не столько на хронологію и факты, сколько на учрежденія и внутренній бытъ.

Трудно, конечно, предугадать теперь же, какими послѣдствіями ознаменуется совершившаяся реформа. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ ея

часть ссхп, отд. 4.

возможенъ въ томъ лишь случаѣ, если классы лицеевъ не будутъ слишкомъ многолюдны; въ настоящее время круглымъ числомъ въ каждомъ изъ нихъ находится не менѣе 60 учениковъ,—придется сократить это число по крайней мѣрѣ до 25. „Новыя программы, говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, г. Гастонъ Буассье, значительно усложняютъ обязанности учителей,—преимущественно учителей древнихъ языковъ; не легко будетъ имъ дѣлать свои объясненія занимательными для учениковъ; мало того, что учитель знаетъ точный смыслъ каждаго слова въ произведеніи писателя, котораго онъ толкуетъ въ классѣ,—отъ него потребуется, чтобъ онъ былъ основательно знакомъ съ дѣйствующими лицами, чтобъ онъ составилъ себѣ обстоятельное и вѣрное понятіе о событіяхъ,—тогда только успѣетъ онъ заинтересовать своихъ слушателей. Новая программа изгоняетъ рутину: нельзя уже довольствоваться учебниками и составленными когда-то для себя тетрадками,—преподаватель долженъ будетъ обратиться къ ученымъ комментаріямъ. Все это потребуетъ отъ него много времени и много труда“.

Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ распределены занятія въ 10 классахъ, на которые распределенъ курсъ классическаго преподаванія въ нашихъ лицеяхъ (отъ 8 до 18-лѣтняго возраста). Означенные классы распадаются, какъ прежде, на три отдѣленія: элементарное, отдѣленіе грамматики и высшее.

Элементарное отдѣленіе: I. Приготовительный классъ: французскій языкъ—10 часовъ въ недѣлю; нѣмецкій и англійскій языки—4 часа; исторія—2, географія—2, естествознаніе—4, рисованіе—2. Исторія должна ограничиваться лишь біографіями великихъ людей; изученіе географіи будутъ начинать съ роднаго города, переходя потомъ къ кантону и департаменту; для физики назначены исключительно наглядные уроки. II. Восьмой классъ: та же программа. Въ курсъ исторіи входитъ исторія Франціи до Генриха IV, а въ курсъ географіи общій обзоръ пяти частей свѣта и путешествія знаменитѣйшихъ мореплавателей. Кромѣ того—арифметика, элементарныя понятія о геометріи, о растеніяхъ и животныхъ.—Седьмой классъ: та же программа, съ тѣмъ различіемъ, что для французскаго языка полагается 8 недѣльныхъ уроковъ; исторія Франціи съ Генриха IV до настоящаго времени; продолженіе арифметики, основныя свѣдѣнія о минералогіи. По окончаніи курса седьмаго класса установленъ экзаменъ; ученикъ, не выдержавшій его, не можетъ продолжать ученье;

ему остается перейти въ какую-либо техническую или ремесленную школу.

Съ VI класса начинается изученіе латинскаго языка; на французскій языкъ отведено только 3 урока, на латинскій же 10, на новѣйшіе языки 3, исторію 2, географію 1, естественныя науки 3 (относительно ихъ по прежнему должны господствовать наглядный методъ и опыты). По латинскому языку, кромѣ грамматики, изучаютъ въ означенномъ классѣ основанія просодіи, по исторіи—исторію Востока, въ курсъ коей входитъ и древняя Индія, чего не было въ прежнихъ программахъ; по географіи—общій очеркъ Европы и подробно бассейнъ Средиземнаго моря; изъ ариметики—дроби и продолженіе геометріи; два часа въ недѣлю посвящаются графическому рисованію. Въ V-мъ классѣ проходятъ исторію древней Греціи, географію всѣхъ частей свѣта, кромѣ Австраліи, и геометрію; не говорю о другихъ предметахъ, между прочимъ объ усиленныхъ занятіяхъ латинскимъ языкомъ; съ IV класса (то-есть съ 13-лѣтняго возраста) начинается греческій языкъ, которому отведено 6 часовъ въ недѣлю; 3 часа въ этомъ классѣ назначены на языкъ французскій, 6 на латинскій, 2 на новѣйшіе языки, 2 на исторію, 1 на географію, 2 на рисованіе. По отечественному языку ученики занимаются между прочимъ отчасти историческою грамматикой, которая вовсе не входила въ прежній курсъ; изъ исторіи—римская исторія до Θεодосія Великаго, а изъ географіи—подробная географія Франціи.

Затѣмъ съ III-го класса, то-есть съ 14-лѣтняго возраста, начинается старшее отдѣленіе. Здѣсь на древніе языки назначено по 5 часовъ на каждый, на французскій языкъ 3, новѣйшіе языки 3, исторію 3, географію 1, на естественныя науки 3 и на рисованіе 2. Программа исторіи обнимаетъ исторію Европы и преимущественно Франціи отъ V до XIII в.; продолжается подробное изученіе географіи Франціи, а также алгебра, геометрія и физика. Во II классѣ: отечественный языкъ 4 часа, латинскій 4, греческій 5, новые языки 3, исторія 3, географія 1, естественныя науки 3. Въ этомъ классѣ преподается между прочимъ исторія французской литературы, чего не было по прежней программѣ,—а именно литература съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка. Это очень полезное нововведеніе, хотя, быть можетъ, оно не совсѣмъ удастся, ибо именно наши преподаватели словесности очень придерживаются рутинны. Буало утверждалъ, что родоначальникомъ французскихъ поэтовъ слѣдуетъ считать Виллона:

Villon sut le premier dans ces siècles grossiers
Débrouiller l'art confus de nos vieux romanciers.

Еще и теперь многіе почтенные ученые, какъ, напримѣръ, Низаръ, который былъ когда-то директоромъ Нормальной Школы, придерживаются взгляда Буало, а для огромнаго большинства нашихъ учителей не только Буало, но и Низаръ—непререкаемые авторитеты. Въ 3-мъ классѣ продолжается изученіе исторіи Европы и преимущественно Франціи до смерти Генриха IV; изъ географіи проходятъ четыре части свѣта (за исключеніемъ Европы). Классъ реторики, въ которомъ прежде все было сосредоточено на изготовленіи латинскихъ сочиненій и стихотвореній, совершенно преобразованъ. Занятія распределены въ немъ такимъ образомъ: латинскій языкъ 4 часа, греческій—4, французскій—5; ученики упражняются въ литературномъ анализѣ латинскихъ авторовъ и знакомятся съ исторіей классическихъ литературъ; то же самое дѣлаютъ они и на урокахъ новыхъ языковъ (3 часа). На исторію (исторія Франціи до 1789 г.) и географію назначено 4 часа; затѣмъ 3 часа на геометрію, космографію и физику. По выходѣ изъ класса реторики молодые люди держатъ первую половину экзамена на степень бакалавра; во второй же половинѣ его они не могутъ приступить ранѣе чѣмъ черезъ годъ. Сдѣлано это съ цѣлью удержать ихъ въ классѣ философіи, который многіе старались обойти. Въ курсѣ философіи (8 часовъ) входятъ, какъ и прежде, психологія, логика и исторія философіи, но новая программа включила сюда еще одинъ предметъ, а именно основныя понятія о политической экономіи, которыя излагаются вслѣдъ за отдѣломъ объ обязанностяхъ гражданина относительно государства въ такомъ порядкѣ: производство цѣнностей и орудія его; трудъ, сбереженіе, капиталъ, собственность; распределеніе богатствъ; обмѣнъ, монета, кредитъ, заработокъ, проценты; потребленіе богатствъ; потребленіе производительное и непроизводительное; вопросъ о роскоши; государственные расходы; налоги, бюджетъ и займы.

Въ классѣ философіи происходитъ собственно повтореніе всего пройденнаго, но къ предметамъ прежнихъ курсовъ присоединены также химія и физиологія; и тутъ рисованіе обязательно (2 часа въ недѣлю).

Совершившаяся реформа не можетъ быть тотчасъ же примѣнена исполнѣ; необходимо принять въ расчетъ, что многіе изъ молодыхъ людей, застигнутые ею въ старшихъ классахъ, проходили курсъ по

старой программѣ и министерство народнаго просвѣщенія уже сдѣлало по этому поводу необходимыя распоряженія. Какъ замѣчено мною выше, въ настоящее время классы такъ переполнены, что необходимо будетъ раздробить, а вслѣдствіе того потребуется и увеличеніе наличнаго персонала преподавателей. Словомъ, является не мало трудностей: особенно въ Парижѣ не знаютъ какъ расширить помѣщенія лицеевъ; одинъ изъ нихъ—лицей Фонтана—уже вынужденъ былъ нанять сосѣднія съ нимъ лавки, чтобъ размѣстить въ нихъ классы, а нѣкоторые лицеи должны будутъ устроить у себя на дворѣ бараки.

II.

На ряду съ обществомъ, имѣющимъ цѣлью изученіе вопросовъ высшаго преподаванія, возникло другое, которое поставило себѣ задачей заниматься преимущественно средними учебными заведеніями. Вскорѣ я буду имѣть случай подробно поговорить о немъ: Что касается перваго изъ упомянутыхъ обществъ, то оно продолжаетъ, въ періодическомъ своемъ изданіи, помѣщать весьма любопытныя свѣдѣнія о заграничныхъ университетахъ и высшихъ школахъ. Бывшій начальникъ канцеляріи г. Жюля Симона (когда г. Ж. Симонъ былъ министромъ), г. Дельтуръ, издалъ недавно обширную брошюру о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи и въ Англіи, которая обратила на себя общее вниманіе и о которой г. Мишель Бреаль, одинъ изъ главныхъ виновниковъ теперешнихъ преобразованій, отозвался весьма сочувственно. Г. Дельтуръ настойчиво развиваетъ мысль о необходимости примѣнить наши среднія учебныя заведенія къ типу германскихъ.

Наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ представляется изданіе доселѣ неизвѣстныхъ публикѣ произведеній герцога С. Симона, автора знаменитыхъ мемуаровъ. Предпринято оно г. Фожеромъ, бывшимъ директоромъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ,—тѣмъ самымъ, который оказалъ нѣкогда огромную услугу, издавъ точный текстъ *Pensées* Паскаля. Всѣ отдають справедливость его эрудиціи и критическому такту, хотя г. Фожеръ имѣетъ и не мало враговъ, потому что при немъ государственныя архивы были почти недоступны для изслѣдователей. Завѣдуя ими, онъ не терялъ однако времени и успѣлъ снять копии со многихъ драгоцѣнныхъ документовъ. Бумаги С. Симона, въ обнародованію коихъ онъ теперь приступилъ,—драгоцѣнная находка и для историковъ, и для людей,

обладающъ изящнымъ литературнымъ вкусомъ. Все изданіе должно состоять изъ шести томовъ; особенно интересенъ первый изъ нихъ, оконченный С. Симономъ въ 1746 году подъ заглавіемъ: *Ra-gallèle des trois premiers rois Bourbons*. Извѣстно, что С. Симонъ обязанъ былъ возвышеніемъ своей фамиліи королю Лудовику XIII, при которомъ Клодъ С. Симонъ занималъ видное положеніе при дворѣ и получилъ много помѣстій. Онъ былъ безгранично преданъ своему благодѣтелю и чувство это вполне унаслѣдовалъ его сынъ. Авторъ мемуаровъ задался мыслью возвеличить Лудовика XIII, доказать, что относительно политическаго смысла и благихъ намѣреній онъ вовсе не уступалъ ни своему знаменитому предшественнику, Генриху IV, ни еще болѣе знаменитому своему преемнику, Лудовику XIV, и даже превосходилъ послѣдняго изъ нихъ. Онъ сравниваетъ трехъ королей по ихъ воспитанію, характеру, нравамъ, по ихъ придворной обстановкѣ, анализируетъ сокровеннѣйшія ихъ чувства и мысли, говоритъ подробно объ ихъ политикѣ и частной жизни. Разумѣется, подъ перомъ С. Симона, Лудовикъ XIII выходитъ вовсе не такимъ, какимъ изображали его историки: это человѣкъ пронизательный, энергическій, который не только не отдалъ все управленіе въ руки Ришельё, но, напротивъ, заставлялъ знаменитаго кардинала дѣйствовать по своимъ указаніямъ. Во всемъ этомъ много софизмовъ, пристрастія, увлеченій, но вмѣстѣ съ тѣмъ масса интересныхъ свѣдѣній и громадный талантъ. Безпрерывно попадаются удивительныя страницы, напримѣръ, описаніе *journee des dupes*, смерти Лудовика XIV и т. д. Недавно г. Фожеръ издалъ другой томъ С. Симона (всѣхъ будетъ шесть), подъ заглавіемъ: „*Melanges (mémoires sur les legitimés, mémoire sur la rénonciation, pièces diverses)*“, не представляющій столь живаго интереса, хотя и тутъ встрѣчаются мастерскія вещи, напримѣръ, характеристика Боссюета.

Г. Литтре, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, все еще предается неутомимой дѣятельности. Ежегодно помѣщаетъ онъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи по разнымъ вопросамъ, изъ которыхъ многія, отличающіяся единствомъ содержанія, выходятъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Такъ и въ нынѣшнемъ году почтенный ученый издалъ книгу подъ заглавіемъ: „*Etudes et glanures, pour faire suite à l'histoire de la langue française*“. Предисловіе къ ней начинается стихомъ Виргилія:

Extremum nunc Avethusa mihi concede laborem.

Читатель найдетъ здѣсь много интересныхъ изслѣдованій объ искаженіи словъ въ разговорной рѣчи, о французскихъ спряженіяхъ, латинскомъ языкѣ въ меровингскій періодъ и т. п. Всѣ эти статьи отличаются обычною г. Литтре добросовѣстностью и точностью. Въ концѣ книги помѣщена любопытная и еще неизвѣстная публикѣ замѣтка подъ заглавіемъ: „Какъ я составлялъ свой словарь?“ Г. Литтре рассказываетъ, что первая мысль объ этомъ громадномъ трудѣ явилась у него въ 1841 году, тотчасъ же принялся онъ за работу и довелъ ее до конца чрезъ тридцать лѣтъ. Послѣдняя часть его рукописи чуть не сгорѣла въ 1871 году, во время коммуны. У г. Литтре были сотрудники, но число ихъ никогда не превышало десяти. Въ теченіе очень долгаго времени работалъ онъ по 15-ти часовъ ежедневно, посвящая занятіямъ преимущественно ночи до 4-го часа утра; спалъ онъ не болѣе пяти часовъ въ сутки. Извѣстны слова Бюффона: *«Le génie n'est qu'une longue patience»*. Справедливость этого изреченія вполне подтверждается примѣромъ г. Литтре.

Благодаря его вліянію, а также неутомимой дѣятельности нашихъ специальныхъ школъ, во главѣ коихъ стоитъ Школа Хартій, изученіе стариннаго французскаго языка и старой французской литературы дѣлаетъ быстрые шаги впередъ. Оно проникло даже въ Нормальную Школу, гдѣ все, что касается среднихъ вѣковъ, не пользовалось до сихъ поръ особеннымъ почетомъ. Профессоръ этой школы, г. Пети де-Жюльвиль (*Petit de-Julleville*) задумалъ написать подробную исторію театра во Франціи и уже издалъ два тома о средневѣковыхъ мистеріяхъ (*Histoire du théâtre en France. Les Mystères*). Это бесспорно самое полное изслѣдованіе объ означенномъ предметѣ до начала XVI вѣка. Авторъ воспользовался для него, между прочимъ, многочисленными документами, появившимися въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. До сихъ поръ мистеріямъ не придавали значительной важности, но г. де-Жюльвиль держится совершенно противнаго взгляда: „Съ политической и соціальной точки зрѣнія, говоритъ онъ въ предисловіи, никогда драма не имѣла такой важности какъ въ средніе вѣка. Именно тогда въ каждомъ городѣ сцена служила средоточіемъ общественной жизни: она была трибуналомъ и каедрой, журналомъ и трибуной, она судить, увѣщеваетъ, злословить, произносить рѣчи. Нужно обратиться ко временамъ Перикла, дабы найти подобіе этому театру, столь сопривасавшемуся со всѣми явленіями жизни извѣстной эпохи и извѣстнаго общества. Теперь театръ служить не болѣе какъ для развлечения, а потому трудно даже пред-

ставить себѣ чѣмъ былъ онъ для средневѣковой публики, когда—не ограничиваясь предѣлами какого-либо зданія, куда собираются лишь немногіе—онъ былъ открытъ для всѣхъ и устраивался подъ открытымъ небомъ; когда актеры, набранные изъ всѣхъ слоевъ народонаселенія, насчитывались сотнями, когда представленія длились по цѣлымъ днямъ, когда были они единственнымъ радостнымъ и блестящимъ лучемъ среди обычной монотонности и скуки. Въ теченіе четырехъ столѣтій, отъ XII до XVI, никакое другое развлеченіе не увлекало въ такой степени публику. Мы удивляемся теперь этому, средневѣковыя драмы кажутся намъ жалкими и незанимательными, но искусство совершенствуется, а удовольствіе, которое оно доставляетъ намъ, остается все тѣмъ же: грубыя мистеріи возбуждали энтузіазмъ, какой безсильны возбудить современные намъ авторы своими неизмѣримо болѣе утонченными произведеніями*.

Г. Деможо, авторъ исторіи французской литературы, — книги, достигшей въ настоящее время семнадцатаго изданія — выступаетъ теперь съ обширною „Исторіей иностранныхъ литературъ въ связи ихъ съ постепеннымъ развитіемъ литературы французской“ въ двухъ томахъ (въ извѣстной коллекціи Дюрю). Авторъ подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ Франція вліяла на Испанію и Италію, затѣмъ на Англію и Германію, и какимъ образомъ она, въ свою очередь, воспринимала ихъ вліаніе. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Деможо весьма поучителенъ для французской публики; доведенъ онъ до 1830 года. Почти одинаковую съ г. Деможо задачу преслѣдуетъ и г. Альбергъ (Hallberg), профессоръ словеснаго факультета въ Тулузѣ, издающій теперь „Исторію иностранныхъ литературъ“. До сихъ поръ вышло два тома, а всѣхъ будетъ четыре. Въ первомъ изъ нихъ содержатся литературы скандинавская, нѣмецкая, голландская, во второмъ—англійская и славянскія; на ряду съ англійской авторъ представилъ очеркъ и литературы Соединенныхъ Штатовъ. Славянскимъ литературамъ посвятилъ онъ лишь нѣсколько страницъ и въ похвалу ему можно сказать только то, что на этихъ страницахъ встрѣчается менѣе ошибокъ чѣмъ у другихъ авторовъ.

Л. Л—ръ.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ¹⁾.

I.

На аѳинскомъ акрополѣ, въ галлерей Пропилей, между многими памятниками архитектурными, скульптурными и эпиграфическими, находится довольно значительный обломокъ плиты сѣраго гиметтскаго мрамора, покрытый съ обѣихъ сторонъ письменами (ὀπισθογράφος). Плита обломана такъ, что сохранившаяся часть имѣетъ видъ почти правильнаго прямоугольнаго четырехугольника съ треугольнымъ выступомъ въ срединѣ нижней стороны. Ширина камня въ самомъ широкомъ мѣстѣ 0,48 м., высота—0,38, толщина—0,12. Обѣ стороны исписаны въ 3 столбца, изъ которыхъ средній сохранился во всю ширину, отъ лѣваго (съ передней стороны, слѣдовательно, праваго съ задней) осталось около $\frac{3}{5}$, а отъ праваго съ передней стороны — не болѣе $\frac{1}{4}$ ширины. Мелкія и неглубоко вырѣзанныя буквы поставлены στοιχηδόν (то-есть буква подъ буквой), впрочемъ, не вездѣ строго правильно:

¹⁾ Германія и Франція давно уже имѣютъ въ Аѳинахъ археологическіе институты для изученія древне-греческихъ памятниковъ. Если въ настоящее время еще не можетъ возникнуть тамъ подобное же русское учрежденіе, то отчасти положено начало этому, а именно рѣшено отправлять въ Грецію молодыхъ людей, которые занимались бы подъ руководствомъ профессора С.-Петербургскаго университета и Историко-филологическаго института Э. Э Соколова. Самъ г. Соколовъ посѣтилъ Грецію нѣмалымъ лѣтомъ и мы надѣемся познакомить читателей съ отчетомъ объ его командировкѣ. Теперь же помѣщаемъ интересныя статьи гг. Латышева и Эрнштедта, свидѣтельствующія о томъ, что они усердно приступили къ дѣлу тотчасъ по прибытіи къ мѣсту своего назначенія. *Ред.*

знаки для обозначенія чиселъ поставлены иногда тѣснѣе, нежели буквы. Въ среднемъ столбцѣ содержится по 34 буквы въ каждой строкѣ, также и въ правомъ съ задней стороны (какъ можно судить на основаніи несомнѣнно вѣрныхъ дополненій, которыя могутъ быть сдѣланы къ нѣсколькимъ строкамъ его), а слѣдовательно и въ соответствующемъ съ передней стороны. Такъ какъ отъ лѣваго столбца съ задней стороны (= правому съ передней) сохранилось слишкомъ мало буквъ для того, чтобы можно было возстановить вполнѣ хотя одну строку, то и нельзя сказать, сколько въ нихъ было буквъ, но вѣроятно столько-же, сколько въ другихъ столбцахъ. Относительно вырѣзки отдѣльныхъ буквъ слѣдуетъ замѣтить, что нижняя черта въ буквѣ Δ, поперечная въ Α и точка въ срединѣ Θ были врѣзаны весьма неглубоко, такъ что во многихъ мѣстахъ отъ времени совершенно изгладились и вслѣдствіе этого Α и Δ часто ничѣмъ не отличаются отъ Δ, а Θ отъ Ο. Послѣ сокращенія словъ, а также съ обѣихъ сторонъ знаковъ для обозначенія чиселъ обыкновенно стоятъ двоячіе. Начертаніе буквъ вообще не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей сравнительно съ другими документами 2-й половины IV вѣка.

Камень найденъ былъ, по словамъ г. Питтакиса, въ 1838 году вблизи Пропилей. Находящіяся на немъ надписи были изданы уже нѣсколько разъ, а именно: Питтакисомъ ('Εφθμερ. ἀρχαιολ. пер. 1 (1839 г.) передняя сторона подъ № 113, задняя— № 114, строчными буквами¹⁾; кромѣ того, на особыхъ таблицахъ приложены литографическіе снимки съ обѣихъ сторонъ камня Рангависомъ (Antiq. Hellén. t. II, №№ 863 и 863 b. эпиграфическими и строчными буквами, съ подробными объясненіями), ле-Ба (Voyage archéol. en Gr. et en Asie Min., t. II, пер. стор. подъ № 232, задняя — № 221 majusculis); кромѣ того, надписи обѣихъ сторонъ почти цѣликомъ напечатаны Михаэлисомъ въ его сочиненіи „Der Parthenon“ (Leipz. 1871, стр. 307 и сл.) и одной задней — Бѣкомъ въ „Staatshaushalt d. Athener“ (т. II, стр. 315 и сл., изд. 2).

Большая часть сохранившейся надписи передней стороны (именно столбцы 1, 2 и 13 строкъ 3-го) содержитъ въ себѣ подробный пере-

¹⁾ Изданіе Питтакиса заслуживаетъ упоминанія исключительно потому, что оно—editio princeps для нашей надписи. Оно до такой степени изобилуетъ ошибками въ чтеніи, невозможными дополненіями и опечатками, что пользоваться имъ для ознакомленія съ надписью нѣтъ никакой возможности.

чень весьма разнородныхъ предметовъ одѣянія, пожертвованныхъ въ какой-то храмъ (по всей вѣроятности, въ храмъ Артемиды Бравронской; объ этомъ будетъ рѣчь ниже) многими женщинами. Въ надписи не сохранилось никакихъ указаній относительно времени пожертвованія, но на основаніи хронологическихъ данныхъ, находящихся на другой сторонѣ камня, г. Рангависъ предполагаетъ, что перечень начинается съ Ол. 106, 4 и доходитъ безъ сомнѣнія до Ол. 112, 3 (Antiq. Hell. II, p, 543). На это можно замѣтить, что надпись на другой сторонѣ не даетъ намъ никакого права брать указаные годы крайними предѣлами: мы не имѣемъ ни начала, ни конца ея, такъ что и не можемъ сказать опредѣленно, съ какого года перечень начинается и какимъ кончается; мы можемъ только сказать, что сохранившаяся часть надписи съ задней стороны обнимаетъ собою промежутокъ времени отъ архонта Өудема (Ол. 106, 4; 353 до Р. X.) до арх. Евзнета включительно (Ол. 111, 2; 335), но этими годами она не начинается и не кончается. — Съ 14-й стр. 3-го столбца передней стороны начинается перечень мѣдныхъ вещей, который продолжается, вѣроятно, и на первомъ столбцѣ задней стороны. По замѣчанію г. Рангависа „il paraît qu'ils (les objets en cuivre) ne sont pas rangés par date et que les noms des donateurs ne sont pas mentionnés“. Но въ виду того, что отъ столбцовъ, на которыхъ находился этотъ перечень, сохранилась лишь очень незначительная часть, нѣтъ возможности настаивать на вѣроятности этого предположенія.

Во всемъ первомъ столбцѣ и среднѣмъ втораго (строки 16—34) передней стороны буквы отъ времени стерлись такъ, что читаются съ величайшимъ трудомъ; нѣсколько лучше разбираются строки 1—16 и 34—40 втораго столбца, а въ остальной нижней части его и въ сохранившейся части 3-го буквы видны уже совершенно ясно.

Въ изданіи Питтакиса эта сторона камня скопирована въ весьма многихъ мѣстахъ невѣрно, многое осталось неразобраннѣмъ или замѣнено неудачными дополненіями. Не многимъ лучше и копія Рангависа. Третьему издателю, де-Ба, удалось разобрать гораздо болѣе чѣмъ его предшественникамъ, хотя всетаки не вездѣ вѣрно, какъ это легко можно видѣть теперь изъ сравненія его копіи съ найденнымъ впоследствии (въ 1865 г.) обломкомъ ¹⁾, на которомъ сохрани-

¹⁾ Изданъ г. Евстратіадисомъ въ 'Εφην. ἀρχαιολ. пер. 2, № 424 (1872 г.). Въ примѣчаніяхъ издатель отмѣчаетъ тѣ мѣста нашей надписи, которыя были невѣрно прочитаны прежними издателями.

лась часть того же самого списка (строки 5—29 второго столбца). При помощи этого новаго эпиграфическаго приобрѣтенія оказалось возможнымъ на столько возстановить текстъ большей части (притомъ наиболѣе пострадавшей отъ времени) надписи передней стороны, что врядь ли можно сдѣлать много новыхъ исправленій.

Менѣе посчастливилось другой сторонѣ камня. Питтакису, какъ видно изъ литографическаго снимка документа, не удалось разобрать многія отдѣльныя слова и даже цѣлыя строки, которыя онъ замѣняетъ своими дополненіями, подчасъ положительно чудовищными (примѣры см. ниже въ вариантахъ). Рангависъ про эту сторону замѣчаетъ, что „elle est comme l'autre fort indistincte dans presque toute son étendue“ (ц. с. с. 542) и также оставляетъ немало пробѣловъ въ своей копіи ¹⁾. Остальные списки (Бѣка, ле-Ба и Михаэлиса) хотя представляютъ болѣе вѣрное чтеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ, но также изобилуютъ пропусками. — При первомъ взглядѣ на эту сторону камня можно было, пожалуй, согласиться съ Рангависомъ, что надпись на ней *est fort indistincte*, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что большая часть ея покрыта густымъ и плотно приставшимъ слоємъ пыли, которую оказалось возможнымъ отчистить и тогда чтеніе сдѣлалось гораздо легче. Какъ ни странно это кажется, но я положительно думаю, что лица прежде списывавшія эту надпись, не догадались почистить ее: иначе невозможно объяснить того факта, что съ одной стороны были ими прочитаны слова, которыя читаются съ трудомъ, но были менѣе покрыты пылью, а съ другой — слова и даже цѣлыя строки, которыя теперь ясно видны на камнѣ, въ прежнихъ изданіяхъ отмѣчены точками, какъ не прочитанныя. Для примѣра достаточно указать на собств. имя Ἰφιδίχη, которое повторяется три раза и читается теперь довольно ясно, а прежде никѣмъ не было прочитано.

Вотъ мой списокъ задней стороны камня ²⁾:

¹⁾ Рангависъ самъ не списалъ надписи, но представилъ только копію литографическаго снимка, приложеннаго къ списку Питтакиса, которую прочиталъ и объяснилъ во многихъ мѣстахъ гораздо вѣрнѣе нежели Питтакисъ. Далѣе, въ вариантахъ, подъ именемъ чтеній Питтакиса, разумѣются его *minusculae*, а подъ именемъ чтеній Рангависа — варианты литографованнаго снимка.

²⁾ Въ скобкахъ поставлены въ копіи тѣ буквы и слова, которыя видны очень неясно, но все-таки могутъ быть прочитаны; точки поставлены на мѣстѣ такихъ буквъ, которыя нагладились на столько, что не могутъ быть прочитаны; пробѣлы, не отмѣченные точками, оставлены тамъ, гдѣ чтеніе невозможно вслѣдствіе поврежденія камня.

Варианты ¹⁾. Столб. 2. Стр. 1 не была прочитана прежними издателями. Въ стр. 2, за исключеніемъ 4 послѣднихъ буквъ (αργυ) прочитаны нѣсколько отдѣльныхъ буквъ, которыя дополняются такъ:
 . ολ. ἐπι. . . . ονος Ἄρχοντος. . . . Αργυ Π. . . . ἐπι. . . . ἄργυ Ρ.;
 τὰδ(ε)ἐπι. . . . ο(υ ἄρ)χο(ντος) — — — ἄργυ Μ. У Л. читается: ТАΔ.
 ЕΠΙ. . . . Ο. . . . Χ.Ο.Τ. . . . Ι. ΑΡΓΥ. Стр. 3.—ρίου.
 ριος παρέδωκεν ε Π. ΡΙΟΥ — — — — Τ — — — Ρ. ΟΣΠΑΡΕΔΩΚΕΝΕ
 Ρ., ΡΙΟΥ — — — Τ Τ — — — ΠΡΟΣΠΑΡΕΔΩΚΕΝΕ Л. и М., παρέδω-
 κεν (deutlich) Β.—Стр. 4. Π. ασ: τῆς Ἀριστο[δίκη Ἀνθε]μοκρίτου ο.
 αι—Π.—Π. Α. . ΤΠ. . ΡΙΣΤ. . . . ΗΑ. СЕΜΟ. ΡΙ. ΟΥ. ΓΔΙ =
 Ἄριστ(ο.)η Ἀνθεμοκρίτου (γ)υνή Ρ.—ΠΙΑ. ΧΟΝΤ.: ΡΙΣΤΙ . .
 Η ΑΝΘΕΜΟΚΡΙΤΟΥΜΕΔΙ—Л.—Ἐπι (Διοτίμου, der Name ist vom
 Steinmetze ausgelassen) ἄ(ρ)χοντ(ος Ἀ)ριστί(ππ)η Ἀνθεμοκρίτου Με(λ)ιτέ[ως]
 Μ.—Стр. 5. . . . ὄρους σταθμὸν ΕΓΓΙΣ: Προ.γγών Σφή—Π. □ — — —
 ΥΑΡ. . ΣΤΑΟΜΟΝΝΠΙΙΣ:ΓΛΔΓ ΓΩΝΣΦ. = σταθμον (ΕΓΓΙΣ:
 Πλαγγών. . Ρ. . . . ΘΕΤΩΝΔΔΣΤΑΘΜΟΝ:ΕΓΓΙΣ: ΠΛΑΓΓΩΝΣΦΙ—Л.
 и М.—Стр. 6. [τιος.. χρυσή ἀπροσθ. . σταθμὸν: τούτων—Π. — — —
 ΧΡΥΣ. . . . Π. ΟΣΟ. . . ΣΤΑΟΜ: ΤΩΝ.—Ρ. (безъ объясненій). — —
 — — ΧΑ. ΡΟ. ΩΝΤ: ΣΤΑΘΜ: ΤΩΝ. Л — γγίον? . . . (дополненіе къ
 слову предыд. строки) Μ.—Стр. 7. ρτ. ων τῶν Πρώτων. . . . Π.—
 ΡΤ. . . . ΠΝ. . . . ΟΝΤΩΝ—Ρ. ΡΤΔΙ. . . . Ε. . . . ΟΝΤΩΝ:
 ΓΙΣ: Л.—Конечъ строки съ слова ТАΔ всеми прочитанъ вѣрно.
 Стр. 8. [αίου ναοῦ οἱ ταμίαι] παρέδωκαν στερῆὰ τοῖς ἐπιστάταις Π. ΑΙΟΥ
 . . . ΠΑΡΕΔ. ΚΕΝΠΙΕΡΛΙΤΟ. . ΕΠΙΣΤΑΤΙ = αίου (ναοῦ) παρέδ(ω)κεν
 ἢ ἱέρει(α) το(ῖς) ἐπιστάτ(α)—Ρ.: αίου. . παρέδ(ω)κεν Π. . ρ. . το(ῖς) ἐπισ-
 τάτ(α) — Β. У Л. и М. прочитано вѣрно (у Л. не прочитано ω въ
 παρέδωκεν, α въ ἱέρεια и ς въ τοῖς). Стр. 9. [Εὐδῆμου]. . . . [εἰς] Π., .
 ΥΟ. . . Π. ΟΟ. . Ν. ΟΥΑΡΧΟΝΤΟΣ. . . ΤΟΝΠΑΡ—Ранг. Тѣ же
 буквы прочиталъ и Л., только вмѣсто Υ у него Т, потомъ. . ΠΙΘΟ
 . . Η. ΟΥ. (ς τ)ο(ῖς ἀ)π(ι) Θε(οδῆ)μου ἄρχοντος. . . . Β.—Стр. 10.
 [θεωνῶνα] χάκου (. . . καὶ συν)άρχουσι—Π. . . ΝΑΚΑΠΟΙ. . . Δ. Ν. Π
 ΩΑΡΧΟΥΣΙ = [θεωνῶ]να Κατρ)ί(ωνι(Σου)ν(ι)εῖ? (καὶ συν)άρχουσι

¹⁾ Π.= Питтакисъ, Ρ.= Рангависъ, Β.= Бѣкъ, Л.= ле—Ба, Μ.= Михаэлисъ
 Я считаю излишнимъ приводить варианты перваго столбца, такъ какъ чтеніе его
 совершенно не можетъ быть восстановлено вслѣдствіе незначительнаго количе-
 ства сохранившихся буквъ.—Бѣкъ, очевидно, пользовался спискомъ Рангависа,
 но воспроизводитъ его не буквально, а съ нѣкоторыми измѣненіями и дополне-
 ніями, почему я счелъ нужнымъ обращать вниманіе и на его варианты. Михаэ-
 лисъ пользовался копіею ле-Ба.

Р.; — — — — (Π)α(ι)ν(ι)εῖ и т. д. В.; . . . ΝΑΚΑ. ΠΙΟ. . . . Ν.ΕΙ
. . . . ΑΡΧΟΥΣΙ — Л.; Κα(ρ)πί(ωνι Σου)ν(ι)εῖ и т. д. М.—
Стр. 11. (x)αῖ παρέδοσαν. . . . τοῖς ἐπὶ Ἄριστ—Π. Οἱ δὲ παρ(ἐ)δοσ(α)ν
(ἐ)πισ(τ)άται(ς) τοῖς ἐπὶ Ἄριστ—Р. ΚΑΙ и т. д. Л. и В. стр. 12. [Δουσία]
Π.—ΔΥ. . Α. ΑΧΑΡΡ.Ι—Р.—ΑΡΧΟΝΤ. . ΔΥ. . Α. ΑΧΑΡΝΕΙ—Л.
λο(σί)α(ι) Ἄχαρ(νε)ῖ—В. Стр. 13. πομφόλυ(γες) ΔΔ: σταθμὸν ΗΠΙΣ—
Π. ΠΟΜ.Ο ΔΥΤ. . . . : ΩΤΑΟΝΠΠΙΣ. . Р.—ΠΟΜΦΟΔΥΓ. . . .
. . . . Ι. ΗΝΟΠ—Л: — πομφόλυ(ας ι.ητο (εἴτω καταχρόσους
σταθμ:?) Πт Мих. Стр. 14. σταθμὸν: ΠΙ τάδε ἐπ' Ἄριστο—Π. ΣΤΑΟΜ:
ΠΙ. . . . ΝΔ ΠΙΑΡΙΣΤΟΔΗ—Р. σταθμ: ΠΙ — — — (ἐ)πί В.
ΣΤΑΘΜ: ΠΙ. . . . ΑΔ. . ΠΙ—Л: σταθμ[ον] ΠΙ: (ταῦτ)α δ(ἐ ἐ)πί — М.
Стр. 15. (ἀνέθεσαν ἐς) Π.—ΑΝΕΥΕ. . . . ΤΟΝ.ΔΡΟΕΝ ΝΑ= ἀνε-
(τ)έ(θη εἰς) τὸν (Π)αρθαν(ῶ)να Р. — — — — — (καὶ су)νάρχ — В. —
ΑΝΕΤΕΘΗ. . . ΤΟΝ. ΑΡΘ и т. д. Л. Стр. 16. παρέδοσαν.
Δουσίας Π. — ΠΑΡΕΔΟΣΑΝ. . . . ΤΑΙ. ΥΣ. . ΣΑΧΑ—Р. и В.—...
ΣΤΑΤ. . . ΥΣ. . Σ и т. д. Л. Стр. 17. ρνεὸς καὶ συνάρχοντες παρέδωκαν
τοῖς ταμίαις τοῖ (??) Π.—ΣΥΝ—ΡΧΟ. Ι. Ι. Τ. ΙΣΤΟΙ—
Р. и В.—ΣΥΝΑΡΧΟ. Ε.Ι.Τ. . . ΙΣΤΟΙ—Л. Стр. 18. имя
эпистата [Απολλοδώρφ] Π. — ΟΕΕΟΔΟΥΑΡΧΟΝΤ. . . Р. . . ΔΕ. .
ΚΟΙ=Θεέλλου ἄρχοντ. (Ἐξη)κ(έστω) Αἰγίλ(ι)εῖ καὶ. Р.—Θε(σα)λοῦ ἄρχοντ
(:— — φ Ἄ — —) κ(α)ῖ. В. У Л. имя эпистата не прочитано (. . . .
ΑΙ. ΚΑΙ и т. д.). М. предполагаетъ (Ἐξηκέστω)Αἰξ[ωνεῖ] на основании
стр. 34, какъ и Р. стр. 19 ¹⁾. πεντ. . . . Θεοφίλου Π.—ΠΕΝΤ. Τ.
. . . . ΕΟΦΙ. ΟΥ = Πενт. . . . (Θ)εοφί(λ)ου Р.—ΠΕΝΤ. Τ.
ΕΟΦΙΔΟΥ Л. Тоже у М., но съ вѣрнымъ дополненіемъ Πεντ(ε)τ(ηρίς).
Стр. 20. σταθμ(όν). . . . Δεοστράτη Π.—ΣΤΑΟΜ. . . . ΟΣΤΡΑΤΗ
Р., Л. и М., первый съ доп. Κλεοστράτη. Стр. 21. ὑποδέ(ραιον σταθμὸν)
. . . . ρ: ἐλ. . ιγου Στορ—Π.
ΥΠΟΔΕΧ.Δ..... Ρ. ΓΑΔΕΙΓΟΥΕΙΥΡ=ὑποδέσ(μους,στ. Ρ. Ἑλλείπουσι(ν)χρ.
Р. ΥΠΟΔΕΣ..... Ρ. ΕΔΔΕΙΠΟΥΣΙΧΡ—Л.—ὑποδεσ(μον σταθμ.) Ρ и т. д.
М. Стр. 22. υσίου.... λΠετῶσας χρυσίου.. τ. ἄργυ—Π.ΥΣΙΟΥ.... ΑΠΕΤΕ.
ΣΔ. и т. д. Р.—ΥΣΙΟΥ.... ΑΠΕΤΕ.ΣΑ.ΧΡΥΣΙΟΥ.. Ι.ΑΡΓΥΡ—Л. и М.
(съ доп. ἀπέτεισαν). Стр. 23. ρίου Δεμον.... μα ἐπιστά(αις τοῖς)... Π.;
ΟΥΔΕΜ... ΜΔΕΠΙΣΤΑΤ..... ΣΤΟΚ=(ι)ου δὲ Μ(νᾶς...) ΠΔ ἐπιστά(αι
οἱ ἐπὶ Θεμ)στοκ. Р. ΙΟΥΔΕΜ..... Δ и т. д. (какъ у Р). Л. и М. (у
последняго доп. ἐπιστάταις τοῖς). Стр. 24. λέους Ἄρχο(ντος)... ἐς παν...
φρονος γονή σ. Π. ΔΕΟΥΣΑΡΧΟΝΤ..... ΔΥΣΙΠΠΗΥΤΑΝΜΟΥ = λέους

¹⁾ Строки 19—33 пропущены у В.

ἄρχοντας... Δουσίππη Εὐδήμου. Ρ.—ΔΥΣΙΠΠΗ. Υ. ΥΔΗΜΟΥ—Л. (М. до-
 полняетъ (Е)ὐ(θ)οδήμου). Стр. 25. φρ. να χρυσᾶ — — — (σταθμὸν τοῦ)
 Π.—ΦΡ.Ν.. ΧΡΥ — — Ε — — Τ — ΦΙ — — Ο—Ν-Ρ. ΦΡΑΓΙΑ.ΧΡΥΣ..
 Τ.Φ.Ι. — — — Ο...Ν. Л. Начиная съ этой строки до стр. 32 прежними
 издателями прочитано только по нѣскольку отдѣльныхъ буквъ въ
 каждой строкѣ, изъ которыхъ нельзя было возстановить ни одного
 слова кромѣ σταθμὸν въ стр. 26—27 (у Р. и Л. σταθμὸν σύν, у П.
 σταθμὸν (τῶ)ύτων) и въ 29. Въ началѣ стр. 30 вмѣсто ΣΥΝΤΩΙ у Р.
 и Л. читается ΥΚΤΩΙ. Стр. 33 παρέχουσαν ἐπὶ (Σωσιγένοус) П.
 ΜΔΕΠΑΡΕΧΟΣ. ΝΕΠΙΣΤ — — — — ΙΟΕ — — съ вѣрными дополне-
 ниями Р.—ΑΔΕΠΑΡΕΔΟΣ, ΝΕΠΙΣΤ — — — — ΙΘΕ. Δ.Ο.—Л. (τά)δε
 παρέ(δ)οσ(α)ν ἐπιστ(άται οἱ ἐπ)ὶ Θε(σσαλοῦ) Β. Стр. 34. *Ἀρχοντας . . .
 κεστός Π. ΑΡΧΟΝΤ-ΣΕΝΚΕΣΤΟΣΑΙ. . . Ε — — — — Ρ.—ἄρχον-
 τ(ο)ς. ος Ἄ — — — καὶ συνάρχοντες) Β.—ΑΡΧΟΝΤ: ΕΕΗΚΕΣΤΟ-
 ΣΑΙ . . . Ε — — — Л.—Ἐξήκαστος Αἰ(ξων)ε[υς] Μ. Стр. 35. *Ἀρχοντας Π.—
 ΤΟ.Σ—Р. и Л., το(ῖ)ς Β. Стр. 36 . . . οира καὶ и т. д. (Ἐλ)π
 Π. ΟΙΡΑΙ'Ν . . . ΚΥΔΔΟΜΣΙ: ΔΙΣΥΝΑΡΧΟΥΣΙΝ. ΦΙ = ο(ς) Θρασ(ω)-
 ν(ίδη) Κυδαθ(ην. . .) Ρ., (ος), Θρα(σω)νίδη и т. д. („Θρασωνίδη ist un-
 sicher“) Β.—ΟΙΡΑΓΕΝΕΙΚΥΔΔΑΘΗΝ: и т. д. Л.—Μοιραγέται Κυδαθη-
 ν[αίφ] Μ. Стр. 37. νίκη и т. д. . . . ὕπο — — — — Π., ΙΚ . . ΙΦΙΚΡΑ-
 ΤΟΥΣΘΥΓΑΤΗΡΥΠΟ — — — — ΙΜ=(γένεια? Ι)φικράτους θυγάτηρ ὑπο-
 (δέσμους. . . . Ρ. ΓΟΝΗ и т. д. — ΥΠΟ — — — ΙΜ у Л., Ἰφιγόνη у М. ¹⁾
 Стр. 38 σταθμὸν σύν Φανο(στράτη) Π. — — ΚΟ
 ΘΜΟΝΣΥ — — — ΝΩ — — ΦΑΝΟ, = . . . στα)θμὸν σὺ(ν . . . στέ)-
 φανο(ς—Р. Тожѣ прочитали Л. и М.; послѣдній предполагаетъ Φανο(δίκη)?).
 Стр. 39 πολέμους ΙΙΙ. σταθμὸν. Γ. στρα—Π. ΔΠΟΔΕΜΟΥ.
 ΣΙΠ. ΣΤΑΟΜ: ΓΥ . . . ΣΤΡΑ=ὐ)ποδέ(σ)μους ΙΙΙ. σταθμ.Η Ρ. Спи-
 совъ Л. даетъ ΑΠΟΔΕΣΜΟΥΣ. Стр. 40 : тαραχίους σταθμον Π.—
 ΙΩΙΔΤΑΡΑ. ΧΙΟ: ΣΤΑΟΜ: ΤΟΙ Ρ.—ΙΩΙΤΑΡΑ и т. д.
 Л. Стр. 41 με: ΙΙΙ. ο. ν. . . Π.—ΜΕ: Π: Π . . Ο.Ν. ΟΔΔ . . ΙΓ . .
 ΟΝΚΑ — Р. и Л. Стр. 42 ιπποι Π.—Ν: Ν. С.: ΙΓΟΙ . . .
 Δ — — — ΝΑ—Р. ΕΙΟ. ΙΠΠΟΤ . . Α ΝΑ. . . . Л. Стр. 43
 (χρυσούν) ἄπυρον σταθμὸν . . . Βόστρ(υξ)— Π. ΣΤΑΟΜΟΝ и т. д.
 Р., Л. и М. Стр. 44 ερκος ι, ἄπορ Π. — ΕРΚΟΣΙΑΠΟ.
 ΟΥ . . ΠΟΥΕΑ=х)έρκος ἢ ἀπό (τ)οῦ(δφ)εος Ρ.—ΤΟΥ . . ΓΟΥΕ. Α—Л.
 и М. Стр. 45 ιερι Ἀπολλοδώρου (ἄρχοντας) Π. ΙΕΡΙΑΠΟΔΔΟ-
 ΔΩΡΟΥ=ἐπιστάται οἱ ἐπὶ Ἀπολλοδώρου (ἄρχοντας τάδε—Р. ΕΙΠΙ и т. д.

¹⁾ У Бека снова пропускъ до стр. 45.

Л.—Стр. 46. παρέδωκαν Θρασ(ύλλω) (παρέδωκα) Π.—ΕΔΟΣΑΝΟ-
ΡΑΣΓ = προσπα)έδοσαν Θρασ(ωνίδης κωδαθηναϊεὺς και — Ρ. (παρ)έδοσαν,
Θρασ — — — Β. ΕΔΟΣΑΝΘΡΑΣΩΝ Л.—М. читаеть строки 45
и 46 слѣдующимъ образомъ: τάδε ἐπιστάται οἱ ἐπὶ Ἀπολλοδώρου (Μοι-
ραγ[ένης]κυ[δαθηναίος] και συνάρ[χοντες]παρ)έδοσαν Θράσωνι — — — και
и т. д. ¹⁾. Стр. 47 ν(τοῖς) ἐπιστάταις τοῖς ἐπὶ Ἀρχίππου Ἀρχοντος) Π.
Стр. 48 δοκεῖλο . . . Π.— . . ΔΟ . . . ΕΙ. ΔΙΟΝΙ—Ρ., ΙΔΟ . . .
ΕΙ. ΔΙΟΝΙ.—Л. Въ стр. 49 никто не замѣтилъ ни одной буквы („Z. 3
von unten ganz leer“ В.). Стр. 50. ΚΑΙΝΑ—Р. и Л. (ничего не замѣ-
тилъ П.). Стр. 51. ΟΙ—Р. и Л.

Столбець 3. Стр. 1. Π—Р. Стр. 2. ν υς Π. Ν.—
ΡΠΙΟ — Р., Ν — — — ΝΗ—Л.—Стр. 3. δερα — — — Π., ΔΕΡΑ — —
ΩΙ — — ΧΟΝ — Р.(= ἐπὶ χαίρ)ώ(νδου ἄρ)χον(τος?). ΔΕΡΑ — — — ΥΔ —
Л. Стр. 4. ΡΙΙΙ και δύο και ἐρ (κα) Π. — ΡΙΙΙ — — —
ΚΛΑΥΣΙΑ. ΕΡ — Р. ΡΙΙΙ — — — ΝΑΔΥΟΚΑΙΕΡ—Л. Стр. 5. λόμματα...
τοιάδε παρ(έδοσαν οἱ ταμί—) Π. ΛΥΝΔΤΑ — — — ΣΤ. ΡΔ. ΕΠΑΡ(= (κ)αλόμ-
ματα) Ρ.—ΔΥΜΑΤΑ — — — ΟΤ. ΤΑ. ΕΠΑΡ.—Л. Стр. 6. ΩΚΛΟΥ.
ΡΧΟΝ — Р., — — ΕΠΙ . . . ΩΝΔΟΥ—Л. Стр. 7. οἷς ἐπὶ Φρονίχου και
συνάρχουσαν ἐπὶ Ε (!!) Π. — — — ΧΟΥ — — Р. Стр. 8. υγενίδου Ἄρ-
χοντος) γονή στ Π. — ΥΤΕΝΙΑС — — ΤΥΝΝΕΤ= —
Ε)ὐ(ξ)ενίδου γονή—Р. — ΥΓΕΝΙΑΟ Ο ΕΓ. ΓΥΝΗΕΥ —
Л. Стр. 9. ΡΡΠΙС παρέδοσ(αν οἱ ταμίαι ο) Π. ΡΡΠΙСТ. ΙΚ — —
ΟΣΠ и т. д. = ΡΡΠΙ, ἔτ(ι δὲ προ)σπ... Ρ. ΡΡΠΙ... ΡΟΣΠΑΡ и т. д.
Л.. Стр. 10. ι ἐπὶ Χαϊρών(δου) ἄρχοντος (τοῖς ταμίαις) Π. ΙΕΠΙΚ . . Ρ. Ν . . .
ΑΡΧΟΝΤСΣ—Р.—ΠΕΠΙΧΑΙΡΩΝΔ . . ΑΡΧΟΝΤΟΣΔ—Л. Стр. 11. τοῖς
ἐπὶ Φρονίχου Ἄρχοντος οἱ ταμίαι οἱ ἐπὶ Φρονίχου Ἄ — Π. — ΑΡΧΟΝ—:
ΟΙ—Р. ΦΡΥΝΙΚΟΥ — Л. Стр. 12. ρχοντος τοῖς ἐπὶ Πυθο(δῆμου) τάδε οἱ
ταμίαι παρέδωκα—(!) Π. ΤΟΥΣΕΠΙ ΠΥΘΟ ΔС—Р.—ΤΟΙΣΕΠΙΠΥΘΟΔ . .
Л. το(ῖς) ἐπὶ Πυθο(δῆμου) В. Стр. 13. ΣΤΗΛΗΙΣΥ . . . = συγγεγραμμένα
Р.=ΣΥΓΓΕΓΡ — — Л. По замѣчанію В. чтение су(γγεγραμμένα) „ist un-
sicher“. Стр. 14. Πδοχίον: Ρ Π. ΠΔΟΙ: ΙΟΝ: Ρ . . . ΠΙ: — — —
ΙΟ — Р. ΠΔΟΠΟΝ . Ι . . ΠΙ — — Л. Стр. 15. θμόν: ΠΙ τ(άδε) προς(παρέ-
δωκαν ο) Π. ΟΜ: ΠΠΤ. ΤΑ . . ΠΡΟΣ — — — Ο = θμ: ΠΠ τ(άδε) προς-
(παρεδ)ο—Р.—ΘΜ: ΠΠΤ: ΤΑ . . ΠΡΟΣΠΑΡΕ. Ο—Л. Стр. 16. ι ἐπὶ Φρο-
νίχου ἄρχοντος τοῖς Π. — ΙΕΠΙΦΡΥΝΙ Ρ — Р. — — — ΑΡ-
ΧΟΝ Л.—Стр. 17. ἐπιστάταις (τοῖς ἐπὶ Πυθοδώρου Ἄρχοντος.) Π.—

¹⁾ Въ прямыхъ скобкахъ поставлены здѣсь и въ другихъ мѣстахъ тѣ буквы, которыя по мнѣнію М. сокращены въ надписи.

ΕΠΙΣΤΑΤ . ΙΣ . . . Σ и т. д. Ρ. и Л. Стр. 18. χρυσᾶ Φιλουμένη . . . Π. —
 ΧΡΥΣΑΦ . ΔΟΥΜ Ρ. — — ΦΙΔΟΥΜ Ε Λ. — — —
 Φιλουμ(ένη)ε — — Μ. — Стр. 19. νς ΠΙΙ σταθμόν (τούτων) (χρυσ.
 Π. — ΥΣΠΗΣ . ΔΟΜ = οὐς ΠΙΙ, σ(τ)αθμ(ον) Ρ. ΥΣΠΗΣΤΑΘΜ . . .)
 Л. и М. Стр. 20. οὐν δακτύλιον Π. — ΟΝΔΑΚΤΥΛΙΟΝ Υ . . . Τ.
 С — Ρ. ΟΝΔΑΚΤΥΛΙΟΝ ΟΥΝΣΤΑΘ — Л. Стр. 21. α Φαίδρου
 Ἀχαρν(έως χρυσοῦν δακτύλιον) Π. ΑΦΑΙΔΡΟΥΔΧ . ΡΝ — — — ΧΡΧ —
 Ρ. — — — ΑΧΑΡΝ : . . . ΝΧΡΥ — Л. и М. Стр. 22. σταθμόν : Γ . Γ . Γ
 Φ . . . ο(δα)κτύ(λιον σ) Π. — ΤΑΟΜ : Γ . Γ . Γ . С . Φ — — — ΚΥΥ — Ρ. —
 ΣΤΑΘΜ : Γ . Γ . Γ . Γ . IC : . . ΩΔΑΚΤΥΛ — Л. — δύ(ω) δακτολ(ίω — —) Μ.
 Стр. 23. ταθμόν(τούτων) одер..(στα) Π. — ΤΛΟΜ : . . Ε . — — —
 ΓΟΔΕΡ — Ρ. (объясн. ύποδέραιον) . ΤΑΘΜ : Γ . : . ΕΑ . ΣΤ . ΠΟΔΕΡ — Л.
 (Ν)εα(ρί)στ(η? ύ)ποδερ(ίδα — — στα) Μ. Стр. 24. θμόν : (τούτων) . . . φιάλαι . .
 Π. — Ο . ΣΥ — — — ΦΙΔ — Ρ. ΘΜ : ΣΥ — — — : ΦΙΔ Л. Стр. 25.
 λευκοῦ τῷ δέ Π — Π. ΔΕΥΚΟΥ — — — Τ . ἘΠ — Ρ. ΔΕΥΚΟΥ .
 ΣΤ . Μ : Γ . ΥΠΟΔΕΡ — Л. и М. Стр. 26. τῆς Ἀσ αν ἀτελές ι)
 Π. — ΗΕΛ — — — ΝΑΤΕ — Ρ. — ΘΗΣΑ Γ . . . ΝΑΤΕ — Л.
 Стр. 27. στόν Π. — ΕΤΟΝΟ — — — ΝΟΥ — — — Ρ. ΕΤΟΝΟ — — —
 ΝΟΥ . . Δ . . . Л. Стр. 28. ναίου χρυσοῦν σταθμόν : Γ . С — Π. ΝΑΙΟΥ
 ΧΡΥ — — ΤΛΟΜΕΓС — Ρ. ΝΑΙΟΥΧΡΥΣ . . . ΤΑΘΜ : IC : Л. и М. (по-
 слѣдней доп. χρυσία). Стр. 29. ὅσον ἐπὶ οἱ ἐπὶ Π(υθοδήμου Ἄρ-
 χοντος) Π. — ΟΣ . ΝΕΝΙ — — — Ο . ΠΙΠ — Ρ. — ΟΣΑΝΕΠΙΣΤ . . . ΟΙΕ-
 ΠΙΠ — Л. Стр. 30. (παρέδωκαν τοῖς ταμίαις τοῖς ἐπὶ) Π. — . . .
 ΤΕΟΣΤ — — — ΤΩΝΕ — Ρ. . . . ΤΕΟΣ ΑΥΤΩΝΕ — Л. и М. —
 Стр. 31. (Εὔαι)νέτου Ἄρχοντος Χρυ(σοῦν . . . στεφα) Π. — . . . Ν.
 ΤΟΥ — — — ΝΤ : ΧΡ — Ρ. — κοιν. ΧΡΥ . Л. — Стр. 32. (ν)ο(ς) χρυσοῦς
 πρὸς(τι) Π. — Ο . ΧΡ . ΟΥ . ΙΤΡΟ ΠΔΡ — Ρ. — . . . ΙΟΝΧΡΥ-
 ΣΟΥΝΤΡΟΧΩΙ : ΠΑΡ — Л. — Стр. 33 Ἀστ . . . σταθ(μον) . . . Π. — . . .
 ΔΣΤΑΨΟΦ . . . Τ . Ο . . . Ρ. — . . . ΑΡΙΣΤΗΕΤ . Τ . Ο . . . Л. — Стр. 34.
 δακτύλιον χρυσοῦν σταθμόν . . . Π — ΔΑΚΤΥΛΙΩ . ΧΡΥΣΟ . . . Ρ. — ΔΑΚ-
 ΤΥΛΙΟΝΧΡΥΣΟΥ Л. — Стр. 35. τήν ιο . . . Π. — Τ
 Ο Ο . . . ΤΟ . . . Ρ и Л. — Стр. 36 σταθμ(ον) Π. — — — —
 Ε . ΕΤ . Ο — — — = σ(α)θ(μον Ρ. — — — Ε . ΣΤΟΟΧ Л. Стр. 37.
 (στέφανος) χρυσοῦς πρὸς τι — Π. — Ε . Ο . ΟΚΙΟ . ΧΥΣΟΥ . ΠΡΟ . Τ . .
 (= . . . χ(ρ)υσοῦ(ν) . . .) Ρ. — Ε . Ο . ΟΚΙΟ . ΡΥΣΟΥΝΠΡΟΣΤ — Л.
 Стр. 38. του . υμβιον κυοι Π. — ΤΟ ΟΝ . . ΙΟΙ . ΠΩΝ . . . Ρ. —
 ΤΟ ΟΝ . . . ΠΙΟΙΕΠΙ . . . Л. Стр. 39. ν ἐπὶ Κτησικλέους (Ἄρχοντος τ)
 Π. — ΠΙΠ . ΙΔΣΙΚΔΕΟΥΣ (= вмѣстѣ съ предыдущей строкой :
 (τάδε ἐπιστάτα) ι ο(ί ἐπὶ Εὔαι)ν(έ)του (ἄρχ)ον(τ. παρέδωσαν το)ῖ(ς ἐ)πὶ (Κτη)

σικλέους (ἄρχοντας....) Ρ. I.. ΠΗΑΣΙΚΑΕΟΥΣ.... Λ. Стр. 40. ἀδε
προσπαρέδωκαν τοῖς ἐπὶ.....) Π. — ΔΔΞΠΡ. ΕΠΑΡ. ΔΟ... ΕΠΙ...
Ρ. — ΔΔΞΠΡ. ΣΠΑΡ. ΔΟΣΑΝΕΠΙ.. Λ. Стр. 41. —...Ο — — ΟΜ — —
Ρ. (ничего не прочитали Π. и Λ.). Стр. 42....Τ....Ρанг. 1).

Въ первомъ столбцѣвъ могутъ быть восстановлены лишь немногія
слова 2). Стр. 2. — — σ)ταθμ.. Стр. 5. — — ΔΔΓΓΓ (= 23 драхмы).
Стр. 6. — — ἀνευ τοῦ? — Стр. 7 — 8 — — δακτύλιον ἄσ(τατον? Стр. 11:
σταθμ: Стр. 12—13: — — δακτύλιον (χ)ρ(υσοῦν или (α)ρ(γυροῦν? — —
Стр. 15 — 17: — — χρυσ или ἀργυροῦν στα(θμ: — — — δακ(τύλι(ον — —
Стр. 18: — — σταθμ: — — ΓШСТ: Стр. 19: — — — σταθμ: ΠШСТ
Стр. 21: — — — ουγνή κ.Стр. 22 — — ὕκο[υ]γυγή. Стр. 24—25: — — —
καὶ δακ(ύλιον). Стр. 26: — — δ)ακτύλιος. Стр. 27: — — Θεοπόμπο(υ).
Стр. 34 — 35: — — — σταθμ: συ)ν τῶι λ(ίνοι. — — —

Столбецъ 2,

1. σ)ταθμον: ΗΠΙΙ: Ἀπέ(δ)
οσαν ἐπίσ(τα)θμον. χρυσοῦ σταθμ[όν]. . . . , ἀργυ-
ρίου δέ. Τάδε. προσπαρέδωκεν ἐ-
πί (εαυ?) τῆς Ἀριστο(μ)ά(χη) Ἀ)νθεμοκρίτο(υ)Μελι-
5. τέως. (δα)κτύλιον, σταθμὸν ΗΠΙС. Πλαγ(γ) ὦν..
. χρυσία τὰ προσόντα, σταθμὸν τῶν (χ)-
ρυσίων τῶν προσόντων: Π(Τ)Τ: Ταδ'ἐκ τοῦ ἀρ(χ)-
αίου νεῶ παρέδωκεν ἢ ἱέρεια τοῖς ἐπιστάτ(α)-
ις τοῖς ἐπὶ Θεο(δ)ήμου ἄρχοντος ε(ί)ς τὸν Παρ-
10. θενῶνα, (Κλ)εο(τ)ίμωι Ἀτηνεῖ (καὶ) συνάρχουσι,
(καὶ π)αρ(έδο)σαν ἐπιστάταις τοῖς ἐπὶ Ἀριστ-
οδήμου ἄρχοντος, Λυσίαι Ἀχαρνεῖ καὶ συνα-
ρχουσι(ν): πομφό(λυ)γ(ας) κατ[αχρόσους?], σταθμ[όν]: ΗΠΙШСТ:
δακτύλιον, σταθμ[όν]: ΠШΠ. Τάδε ἐπὶ Ἀριστοδή-
15. μου ἄρχοντ[ος] ἀνετέθη εἰς τὸν Παρθενῶνα χρ-
υσᾶ καὶ παρέδωσαν ἐπιστάται Λυσί(α)ς Ἀχα-
ρνε[ύς]καὶ συνάρχοντ[ες]τοῖς ἐπιστάταις τοῖ-
ς ἐπὶ Θεέλλου ἄρχοντ[ος], (Δ)ώρωι Ἀλαεῖ καὶ συ-
νάρχουσιν. Πεντατηρίς Θεοφήμου θυγάτηρ

1) Въ вариантахъ буква F, поставленная за не имѣніемъ въ типографіи долж-
наго эпиграфическаго знака, означаетъ цифру 50 (у Питтакиса въ одномъ слу-
чаѣ 50 талантовъ). Θ. С.

2) Въ полукруглыхъ скобкахъ поставлены слова и буквы, которыя не чи-
таются на камнѣ, въ прямыхъ—дополненія словъ сокращенныхъ.

20. δακτύλιον, σταθμ[όν]: Ι: Νικοστράτη Θεοφήμο[υ]
 γονή ὑποδερίδα, σταθμ[όν]: Η: Ἐ(λ)λείπουσι χρ-
 οσίου: (Τ?)Τ: Ἀπέτεισαν χρουσίου: (Τ)Τ, ἀργυρ-
 ίου δὲ νόμισμα, ἐπιστάται οἱ ἐπὶ Θεμιστοκ-
 λέους ἄρχοντ[ος]: ΗC: Δουσίπηττῃ Εὐφορονος γονή σ-
 25. φραγίδα χρουσί[ωι] δεδεμέ[νην], ἄστατ[ον]. Φ(ιλί)α Θεομνήσ-
 του Τειθρασί[ου] γονή ὑποδερίδα χρουστῆν, στα-
 θμὸν σὺν τῷ λίνωι: ΗC: Φιλουμένη Φανοσ-
 τράτου γονή δακτύλιον, σταθμ[όν]: ΗΙΙΙΙ: Ἰφιδ-
 ἰκη Ἰφικράτους θυγάτηρ ὑποδερίδα, σταθμ[όν]
 30. σὺν τῷ λίνωι: ΗΙC: Ἰφιδίκη Ἰφικράτους
 θυγάτηρ ὑποδερίδα καὶ ἀρτήματα ἀκίδων(?)
 ΙΙΙ κα(τά)χρ[υσα], σταθμ[όν] σὺν τῷ λίνωι: ΗΙΙΙCΤ.
 Τάδε παρέδωσαν ἐπιστάται οἱ ἐπὶ Θεέλλου
 ἄρχοντ[ος], (ἔ)ἤχεστος (Αἰξ)ωνε[ύς] καὶ συνάρχοντ[ες],
 35. ἐπιστάταις τοῖς ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἄρχοντ[ος],
 (Μ)οιραγένη Κυδαθη[ναίῃ] καὶ συνάρχουσιν. Ἰφι-
 δίκη Ἰφικράτους θυγάτηρ ὑποδερίδα καὶ μ-
 η(ν)ίσκον, σταθμὸν σὺν τῷ λίνωι: ΗC: Φανο-
 μάχη ἀποδέσμοις: ΙΙΙ: σταθμ[όν]: Ι: Τιμοστρά-
 40. (τη) ἐνώτ(ια) ίου, σταθμ[όν]σὺν τοῖς . .
 μενη. . . . ὄρνιθα δακτύλιον κα(ι χρου-
 σίον) ἄπυρον: ΙΙΙ: Ἰππόκλεα δακτύλι(ον καὶ
 χρουσίον) ἄπυρον σταθμ[όν]: ΗC: Βοστρου(.
 κ)έρκος ἢ ἀπὸ τοῦ ἵππου. . . (. Ἐπ
 45. ιστάται (οἱ ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἄρχ(οντος) τὰδ-
 ε προσπαρ)έδωσαν, Θράσων Δαμπτ[ρ]ε[ύς]: καὶ συνά-
 ρχοντες, ἐ)πιστάταις τοῖς ἐπὶ (Καλλιμάχου
 ἄρχοντος, Δη)μοκῆδει Παιονί(δη) καὶ συνάρ-
 49. χουσιν)
 καὶ μ?
 ροη

Столбецъ 3.

1.
 ν. ΗΙΙ.

 ΗΙΙ: καὶ ἐρ
 5. . . . στα(θμ: . .) CΤ: Τάδε παρ(έδωσαν ἐπιστάτ)-

- αι οι ἐπι(Χαιρ)ώνδου ἄρχοντ(ἐπιστάταις τ)
οἷς ἐπι(Φρον)ίχου ἄρχουσιν(. nom. propr. E)-
ὕγενίδ(ου Δαμπτ)ρέ[ως] γυνή στ(έφανον, σταθμὸν):
ΗΠΙΣΤ: Τ(άδ)ε (πρ)οσπαρέδοσ(αν ἐπιστάται ο)-
10. ἰ ἐπι Χαιρώνδου ἄρχοντος ἐπιστάταις τοῖ)-
ς ἐπι Φρονίχου ἄρχοντ[ος].οἰ)δὲ ἐπι Φρονίχου ἄ)-
ρχοντος τοῖς ἐπι Πυθοδήλο(υ . . . παρέδοσα?)
ν τὰ ἐν τῇ στήλῃ σου (. . . .
πλόκιον: Η(:) nom. pr. . . . (. . . . στα)-
15. θμ[ὸν]: ΠΙΤ: Τά(δε) προσπαρέδο(σαν ἐπιστάται ο)-
ἰ ἐπι Φρονί(χου ἄ)ρχοντ[ος]:ἀ(νατεθέν[τα] ἐφ'αὐτῶν)
ἐπιστάταις τ(οῖς ἐπι Πυθο(δήλου ἄρχοντος)
χρυσᾶ: Φιλουμ(ένη) Χαριδήμο(υ ὑποδερίδα χρ)-
υσῆν, σταθμ[ὸν] σ(ὺν τ)ῶι λίνωι (. . . . n. propr.
20. ον δακτύλιον χρυσ(οῦν, στα(θμ: n. propr.
α Φαίδρου Ἄχαρνέ[ως]γυνή χρυσ(.
σταθμ[ὸν]: ΗΗ(:Δ)μφίλη δακτύ(λιον χρυσοῦν,σ)-
ταθμ[ὸν] ΠΙ.: Δ(. . . . n. pr.)ς ὑποδερ(ίδα χρυσῆν στα).
θμ[ὸν] σὺν τῶι λ(ίνω)ι: ΠΙΠ: Φιλ(.
25. λευκοῦ σταθ(μ: . .): καὶ τότε π(αρέδοσαν τελευ-?)
τησάσης τῆς (ισ)ρέας ἀνατε(θὲν χρυσίον. Ἄρι?)
στονόηΦιλ(οξέ)νου γυνή με(.
. χρυσ(οῦν) σταθμ [ὸν]τC(: Τάδε προσπαρέδ)-
οσαν ἐπιστάται οἱ ἐπι Πυ(θοδήλου ἄρχοντ:)
30. ἀνατεθέντα ἐφ' αὐτῶν ἐπιστάταις τοῖς ἐπι)
Εὐαινέτου ἄρχοντ[ος]χρυσ(ᾶ)
ιον χρυσοῦν πρὸς τὴν παρ(. . . ἐν πινα?)
κίωι ἀστάτους σταθμ(ὸν.)
δακτύλιος χρυσοῦς(.)
35. σταθμ[ὸν]: τC.)
χρυσῆν. . . σταθμ(:. . . in. n. propr.)
εα πλόκιον χρυσοῦν πρὸς το(.)
τὸ κυμβίον
ν ἐπι Κτησικλέους. Τ)
40. ἄ)δε προσπαρέδοσαν ἐπιστ(άται οἱ ἐπι Εὐαιν)-
έτου ἄρχοντ[ος]: Κ(αλλικ)ράτ(ης. . . και συν)-
ἀρχοντες) ἀνατεθέ(ντα ἐφ' αὐτῶν ἐπιστάταις)

(τοῖς ἐπὶ Κτησ)ικ(λέους ἄρχοντος χρυσᾶ....) ¹⁾.

Въ вышеприведенной надписи заключается отчетъ эпистатовъ, завѣдывавшихъ драгоценными вещами, пожертвованными разными лицами женскаго пола, въ разное время, въ „старый храмъ“. Въ годъ архонта Θудема (Ол. 106, 4; 353 до Р. X.) нѣкоторыя пожертвованныя вещи были сначала приняты жрицею и потомъ переданы ею на храненіе въ Парѣенонъ, подъ надзоръ эпистатовъ; съ этого времени ежегодныя приращенія (ἐπέτατα) поступаютъ уже прямо въ Парѣенонъ, и эпистаты каждаго года принимаютъ ихъ счетомъ и вѣсомъ отъ ихъ предшественниковъ. Списокъ τῶν ἐπεταίων на сохранившейся части 2-го столбца отъ года арх. Θудема доходитъ до года Каллимаха (Ол. 107, 4; 349), на 3-мъ столбцѣ—отъ года Хэронда (338) до года Евэнета (335); слѣдовательно, на несохранившейся нижней части 2-го и верхней 3-го ст. находился списокъ за 11 лѣтъ (349—338). Издатели несогласны между собою въ томъ, о какомъ храмѣ идетъ рѣчь въ нашей надписи. И дѣйствительно, прямаго указанія на это нѣтъ въ ней; очевидно только, что упоминаемый храмъ посвященъ былъ женскому божеству, а не мужскому, потому что 1) при храмѣ находилась жрица, а не жрецъ, 2) въ спискахъ лицъ, дѣлавшихъ пожертвованія, нѣтъ ни одного мужскаго имени, и 3) жертвуются главнымъ образомъ женскія украшенія (кольца, ожерелья и т. п.) А такъ какъ упоми-

¹⁾ Трудъ г. Латышева представляетъ интересный и неожиданный примѣръ того, какъ много новаго можно иногда прочесть въ надписи, нѣсколько разъ списанной и изданной. Между прочимъ, замѣчательно появленіе буквы Т въ значеніи *четверти оболы* (тетартηδρόιον или τέταρτον) въ аеинской надписи. Г. Латышевъ увидалъ значеніе этого Т (объясненное Омоллемъ, Homolle, Bulletin de Cong. Hellén. 1878, p. 578) уже послѣ того, какъ статья его была написана и отослана въ Петербургъ. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 9-го сентября онъ проситъ отмѣтить, что въ строкѣ 22-й столбца 2-го надписи ему кажется теперь вѣроятнымъ, въ обоихъ случаяхъ, чтеніе (Π) Т. Это будетъ означать 5 драхмъ $\frac{1}{4}$ оболы. Но возможенъ и другой знакъ, на примѣръ, двѣ (или три) простыхъ черточки Π, означающихъ оболы. Въ строкѣ 7-й столбца 2-го также, конечно, буква Т, поставленная въ скобки, должна быть замѣнена другимъ знакомъ, Π или С. Homolle нашелъ и объяснилъ букву Т въ значеніи четверти оболы въ делосскихъ надписяхъ, но до сихъ поръ, если я не ошибаюсь, никто не отыскалъ этого знака въ аеинскихъ надписяхъ. Совершенная точность списка г. Латышева прекрасно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ спискѣ вездѣ этотъ знакъ стоитъ, *иде прочитанъ на камнѣ*, вполне на своемъ мѣстѣ, несмотря на то, что сначала былъ понятъ невѣрно; см. строку 13 столбца 2-го, строки 5, 9, 15 столбца 3-го.

Θ. С.

наемный храмъ несомнѣнно находился на акрополѣ, то можетъ быть выборъ между двумя храмами, къ которымъ могло бы относиться названіе „старыхъ“,—между святилищами Аѳины Полиады и Артемиды Бравронской. Питтакисъ, ссылаясь на два мѣста Страбона и Ксенофонта, предполагаетъ, что въ нашей надписи идетъ рѣчь о сокровищахъ храма Аѳины Полиады ¹⁾. Бѣкъ при объясненіи нашего документа не рѣшается сказать опредѣленно, какой храмъ упоминается въ немъ ²⁾; но по поводу другой надписи онъ подробно и убѣдительно доказываетъ (С. I. Gr. p. 264), что храмъ Полиады съ полнымъ правомъ назывался ἀρχαῖος ναός, „non origine, sed origine“, такъ какъ онъ былъ построенъ какъ разъ на мѣстѣ стараго храма, разрушеннаго Персами, и въ немъ сохранялась древняя статуя богини. Напротивъ, Рангавиъ предполагаетъ, а Михаэлисъ говоритъ съ увѣренностью, что въ надписи идетъ рѣчь о пожертвованіяхъ въ храмъ Артемиды Бравронской. Это мнѣніе подтверждается нѣсколькими другими надписями, содержащими въ себѣ списки предметовъ, пожертвованныхъ несомнѣнно Артемидѣ (эти надписи собраны у Михаэлиса, Parth. стр. 307 и сл.), и потому имѣетъ за собою полную вѣроятность.

Пожертвованныя вещи находятся въ вѣдѣніи эпистатовъ храма. Были ли это эпистаты Пареенона, или эпистаты Бравроея, въ надписи прямо не говорится. Выраженіе (ст. 2, стр. 7—10) „τάδ' ἐκ τοῦ ἀρχαίου ναοῦ παρέδωκεν ἡ ἱερέα τοῖς ἐπιστάταις ... εἰς τὸν Παρθενῶνα“ можно толковать и такъ, и иначе. Но такъ какъ 1) для завѣдыванія хранившимися въ Пареенонѣ сокровищами существовали особыя воллегіи казначеевъ (ταμίαι τῶν ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηνᾶς и ταμίαι τῶν ἄλλων θεῶν), и 2) въ дошедшемъ до насъ довольно значительномъ количествѣ документовъ, относящихся къ Пареенону и его сокровищамъ, нѣтъ нигдѣ упоминанія о существованіи особыхъ эпистатовъ Пареенона, то остается рѣшить, что въ надписи нашей упоминаются эпистаты Бравроея, какъ это и принимаютъ прочіе издатели. Вообще о храмовыхъ эпистатахъ сохранилось весьма немного упоминаній, да и то исключительно въ надписяхъ (въ дошедшихъ до насъ сочине-

¹⁾ Εἰς αὐτὴν (τ. ἑ. τὴν ἐπιγραφὴν) καταγράφοντα: τὰ ἀναθήματα ὅσα παρέδωκεν οἱ ταμίαι ἐκ τοῦ ἀρχαίου ναοῦ (ἴσως τοῦ ναοῦ τῆς Πολιάδος, ὅστις κυρίως ἀρχαῖος ναὸς ἐκαλεῖτο. ὄρα Στραβ. Β. 9. Ξενοφ. Ἑλλην. κεφ. 6. Β. Α. ἴδε πρὸς τοῦτοις καὶ ὅσα ἀναφέρει ὁ Μύλλερ (p. 18—21) καὶ ὁ Βοϊκχιος ἐπιγράφ. 160) εἰς τοὺς ἐπιστάτας εἰς τὸν Παρθενῶνα ἐπὶ Ἀριστοδήμου (?) ἀρχοντος. Ἐφημ. Ἀρχαιολ. I, σ. 153.

²⁾ Ἐπιστάται eines Tempels, entweder der Athena oder der Brauronischen Artemis, die auf der Burg einen Tempel hatte. Staatsh. II. 315.

нїяхъ классическихъ авторовъ и лексикографовъ, на сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ о нихъ не говорится); не удивительно поэтому, что извѣстнѣйшіе курсы древностей почти совершенно игнорируютъ ихъ ¹⁾. Между тѣмъ, показанія документовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подѣ именемъ ἐπιστάται существовали при различныхъ храмахъ особыя чиновническія коллегіи, въ рукахъ которыхъ находилось, повидимому, все завѣдываніе храмами и ихъ сокровищами. Такъ въ надписи (C. I. Att. I, № 32) объ учрежденіи особой коллегіи казначеевъ для завѣдыванія сокровищами другихъ боговъ, кромѣ Аѳины (ταμίαι τῶν ἄλλων θεῶν), сказано, между прочимъ, что вновь избранные чиновники должны принять сокровища, счетомъ и вѣсомъ, отъ завѣдывавшихъ тогда ими казначеевъ, эпистатовъ и іеропоевъ при храмахъ ²⁾. Изъ надписи, относящейся къ финансовому управленію Ликурга въ Аѳинахъ (изд. Келеромъ въ Hermes 1866 г., стр. 312 и Corp. Inscr. Att. II, № 162), видно, что эпистаты участвовали въ устройствѣ украшеній для храмовъ и статуй божествъ ³⁾. Можно еще, мнѣ кажется, прибавить сюда надпись С. I. A. I. № 322 (= С. I. Gr. № 160), содержащую въ себѣ отчетъ эпистатовъ „городскаго храма, въ которомъ древняя статуя“ (т. е. Эрехейѳона), объ оконченныхъ и неоконченныхъ работахъ въ этомъ храмѣ ⁴⁾ въ годъ арх.

¹⁾ Бѣкъ Staatsh. d. Athen. I, s. 218 и 303) только упоминаетъ о нихъ на основаніи приводимаго ниже мѣста надписи С. I. A. № 32; Шѣманнъ (Griech. Alterth. I, s. 453, изд. 3) мимоходомъ говоритъ о нихъ, какъ о «провизорахъ» храмовъ. Германнъ (Lehrb. d. Griech. Alterth. II, § 11, 6, изд. 2) отмѣчаетъ ἐπιστάτας τοῦ νεῶ при храмѣ Аѳины Полиады на основаніи С. I. Gr. № 160.

²⁾ Стр. 18 и слл.: Παρὰ δὲ τῶν νῦν ταμίῶν καὶ τῶν ἐπιστᾶτων καὶ τῶν ἱεροποιῶν τῶν ἐν τοῖς ἱεροῖς, οἱ νῦν διαχειρίζου(σι)ν, ἀπαριθμησάσθων καὶ ἀποστησάσθων τὰ χρήματα ἐναντίον τῆς βουλ(ῆ)ς ἐν πόλει καὶ παραδεξάσθων οἱ ταμίαι οἱ λαχόντες παρὰ τῶν νῦ(ν) ἀρχόντων...

³⁾ Стр. 13—14 (ων) τοῦ Διὸς τοῦ Σωτήρος... πο — αὐτοὺς μετὰ τῶν ἐπιστᾶτων τῷ Διὶ τῷ Ὀλυμπίῳ. Стр. 19—20 (πόη)σασθαι δὲ καὶ τῇ Ἀγαθῇ τύχῃ μετὰ τῶν ἐπιστᾶτων τοῦ ἱεροῦ τῆς Ἀγαθῆς Τ(ύχης).

⁴⁾ (Ἐ)πιστάται τοῦ νεῶ τοῦ ἐν πόλει, ἐν ᾧ τὸ ἀρχαῖον ἄγαλμα, Βροσον. . ης Κηφισαίους, Χαριάδης Ἀγρολῆθεν, Διῶδης Κηφισαίους, ἀρχιτέκτων (Φιλοκλῆς Ἀχαρνεύς, γραμματεὺς Ἐτσαρχος Κυδαθηναίους, (τάδ)ε ἀνέγραψαν ἔργα τοῦ νεῶ, ὡς κατέλαβον ἔχοντα, κατὰ τὸ ψή(φισ)μα τοῦ δήμου, ὃ Ἐπιγένης εἶπεν, ἐξειργασμένα καὶ ἡμίεργα, ἐπὶ Διο(χ)λέους ἀρχόντος... Бѣкъ при объясненіи этой надписи между прочимъ говоритъ: «Ἐπιστάται, operum publicorum curatores, ἐπιστάται τῶν δημοσίων ἔργων (cf. Oec. civ. Ath. I, 218); hos autem templo exstruendo praeffectos non dubito simul ceteram templi curam praeter sacra habuisse». Это замѣчаніе знаменитаго ученаго кажется мнѣ очень страннымъ: если упоминаемые эпистаты были только

Діокла (409—8 до Р. Хр.). Бѣкъ и Кирхгоффъ считаютъ, правда, упоминаемыхъ здѣсь эпистатовъ надзирателями общественныхъ построекъ (*ἐπιστάται τῶν δημοσίων ἔργων*), но очень можетъ быть, что здѣсь разумѣются именно храмовые эпистаты, на которыхъ, кромѣ прочихъ ихъ обязанностей, могло быть возложено и завѣдываніе работами въ храмѣ, при которомъ они состояли.

Другихъ упоминаній объ эпистатахъ храмовъ въ надписяхъ мнѣ встрѣчать не приходилось; но и на основаніи только-что приведенныхъ указаній можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія о дѣятельности этихъ чиновниковъ. Они существовали при храмахъ уже въ V в. до Р. Хр., покрайней мѣрѣ во 2-й его половинѣ (учрежденіе коллегіи *ταμιῶν τῶν ἄλλων θεῶν* Кирхгоффъ относитъ къ 435 г., см. С. I, А. I, стр. 15) въ видѣ ежегодно смѣнявшихся коллегій изъ нѣсколькихъ (не менѣе 3-хъ) членовъ, избиравшихся, по всей вѣроятности, по жребію, подобно большинству другихъ чиновниковъ (что они смѣнялись ежегодно, на это указываютъ постоянныя упоминанія въ нашей надписи о передачѣ сокровищъ эпистатами при такомъ-то архонтѣ эпистатамъ при слѣдующемъ архонтѣ, а что ихъ было не менѣе 3-хъ, это явствуетъ изъ выраженія *ὁ θεῖνα καὶ συνάρχοντες*). Малое количество упоминаній объ эпистатахъ заставляетъ думать, что они существовали не при всѣхъ храмахъ, а только при нѣкоторыхъ, быть можетъ болѣе богатыхъ и уважаемыхъ (какъ при Эрехейонѣ, Олимпейонѣ, храмѣ Артемиды и др.). Что касается до должностныхъ функций эпистатовъ, то они, какъ видно изъ нашего документа и изъ С. I. А. № 32, главнымъ образомъ завѣдывали имуществомъ храмовъ, между прочимъ, принимали поступающія пожертвованія, хранили ихъ и передавали, счетомъ и вѣсомъ, своимъ преемникамъ по должности; въ случаѣ, если оказывался недостатокъ суммъ или цѣнностей, они, быть можетъ, отвѣтствовали своимъ имуществомъ (стр. 21—24 ст. 2 нашей надписи). Во время существованія коллегіи *ταμιῶν τῶν ἄλλων θεῶν* изъ вѣдѣнія эпистатовъ было изъято управленіе сокровищами храмовъ, по крайней мѣрѣ тѣми, которыя хранились въ Паренонѣ, но самыя коллегіи эпистатовъ, по всей вѣроятности, продолжали существовать, по крайней мѣрѣ надпись № 32 не

надзирателями общественныхъ построекъ, то съ какой стати было имъ принимать на себя *seteram templi curam*? Это значило бы садиться не въ свои сани. Если же это замѣчаніе отнести къ храмовымъ эпистатамъ, то оно будетъ какъ нельзя болѣе вѣрно.

даетъ никакого права заключать объ ихъ уничтоженіи; а надпись № 322 даетъ даже положительное доказательство ихъ существованія одновременно съ коллегією казначеевъ другихъ боговъ, если только упоминаемыхъ въ надписи эпистатовъ принять за храмовыхъ. Изъ надписи времени Ликурга повидимому должно заключить, что дѣятельность эпистатовъ очень мало разнилась отъ дѣятельности τῶν ἱεροποῶν. Это послѣднее имя, какъ теперь извѣстно, принадлежало въ Аѳинахъ различнымъ коллегіямъ чиновниковъ. 1) У авторовъ, лексикографовъ и въ надписяхъ сохранились указанія о существованіи, подъ именемъ οἱ ἱεροποῖοι, коллегіи государственныхъ чиновниковъ изъ 10 лицъ, которая завѣдывала матеріальною стороною жертвоприношеній и устройствомъ празднованія пентетеридъ (т. е. празднествъ, совершавшихся черезъ каждые 4 года, именно Делосскаго, Бравронскаго, Гераклидовъ и Элевсинскаго), кромѣ Великихъ Панаѳеней ¹⁾. 2) Отмѣченное выше мѣсто надписи С. I. A. № 32, равно какъ нѣкоторыя другія надписи (С. I. A. №№ 1, 5, т. I) и между ними особенно недавно найденная надпись Элевсинская ²⁾,—драгоценнѣйшее эпиграфическое

¹⁾ Poll. VIII, 107,—Etymol. M. p. 469, Phot. Lex., p. 291 и др.; ср. Hermann, Lehrb. d. Griech. Alterth. I, § 160 и II, § 11.

²⁾ Изд. г. Фукаромъ въ Bull. de Corresp. Hellen. 1880, p. 225—256. Считаю не лишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ содержаніе этого драгоценнаго документа, такъ какъ онъ даетъ интересныя подробности о нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности чиновниковъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. По мнѣнію г. Фукара, документъ относится ко времени между 445 и 434 гг. до Р. X. Онъ содержитъ въ себѣ постановленіе, предложенное комиссією τῶν συγγραφέων, о томъ, чтобы Аѳиняне и ихъ союзники, а также и другіе эллинскіе города (послѣдніе—если пожелаютъ) жертвовали элевсинскимъ богинямъ начатки ежегодной жатвы въ размѣрѣ minimum 600-й части (ἕκτης сь 100 медимновъ) всего собраннаго ячменя и половины этого количества пшеницы. Сборомъ начатковъ въ каждомъ демѣ завѣдуютъ ихъ старшины (βήταρχοι), которые и передаютъ собранный хлѣбъ іеропоямъ элевсинскаго храма. Послѣдніе должны устроить для ссыпки хлѣба въ Элевсинъ 3 ямы (στροῦς), выбравъ для этого, по соглашенію съ архитекторомъ, наиболѣе удобное мѣсто. Доставленный демархами или союзниками хлѣбъ οἱ ἱεροποῖοι обязаны принять въ теченіе 5 дней, подвергаясь, въ случаѣ просрочки, штрафу въ 1000 драхмъ каждый. Такимъ же образомъ должны они принимать и хлѣбъ отъ другихъ эллинскихъ городовъ, которые его пришаютъ. На пожертвованный ячмень и пшеницу (т. е. на деньги, которые будутъ выручены отъ ихъ продажи) должны быть принесены жертвы различнымъ божествамъ, въ томъ числѣ «каждой изъ двухъ богинь» (т. е. Деметрѣ и Корѣ)—τρίτοια βοῶναρχος χρυσόχερος, то есть жертва изъ 3-хъ животныхъ съ позолоченными рогами, причемъ первымъ долженъ быть быкъ. Остальной ячмень и пшеницу іеропоя должны про-

приобрѣтеніе послѣдняго времени — свидѣтельствуютъ о существованіи, кромѣ упомянутой коллегіи, еще отдѣльных коллегій τῶν ἱεροποίων при различныхъ (по мнѣнію Бѣка, Staatsh. I, 218 и Фукара, ц. с. с. 233, при всѣхъ) храмахъ для завѣдыванія ихъ имуществомъ, доходами и вообще матеріальною стороною. А такъ какъ все это, по показаніямъ документовъ, лежало и на обязанности храмовыхъ эпислатовъ, то, повидимому, должностныя функціи эпислатовъ и іеропоевъ весьма мало между собою различались и, въ чемъ собственно состояло это различіе, невозможно опредѣлить по имѣющимся даннымъ. Нѣтъ также основаній и для рѣшенія другаго весьма интереснаго вопроса, — почему хранившіяся въ Парѣнонѣ сокровища Артемиды находились въ вѣдѣніи эпислатовъ ея храма, когда для завѣдыванія находившимися въ Парѣнонѣ сокровищами существовали особыя коллегіи казначеевъ, и какое вообще было отношеніе эпислатовъ къ этимъ казначеямъ. Извѣстно, что учрежденные по неоднократно упомянутому у насъ постановленію народа ταμίαι τῶν ἄλλων θεῶν существовали въ видѣ особой коллегіи, рядомъ съ коллегіею ταμίῶν τῶν ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηνᾶς, по всей вѣроятности, до уничтоженія 30 тиранновъ и несомнѣнно не далѣе 400 года; съ этого времени онѣ были соединены въ одну коллегію изъ 10 членовъ съ секретаремъ подъ именемъ ταμίαι τῶν ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηνᾶς καὶ τῶν ἄλλων θεῶν, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣсколько надписей этого времени ¹⁾. Такое соединеніе продолжалось, однако, не долго: съ года архонта Дексисея (Ол. 98, 4; 385) снова являются въ надписяхъ отдѣльно назначенъ священныя сокровища Аѣины, что свидѣлствуетъ, что завѣдываніе сокровищами другихъ боговъ снова изъято было изъ сферы дѣятельности казначеевъ Аѣины и ввѣрено особой коллегіи или чиновникамъ отдѣльных храмовъ, какъ это было до учрежденія коллегіи казначеевъ. Съ этого-то времени, по всей вѣроятности, сокровищами Артемиды Бравронской стали завѣдывать эпислаты ея храма ²⁾ и, слѣдовательно, къ этому времени нужно отнести начало составленія отдѣльных спи-

дять и на вырученныя деньги, по соглашенію съ совѣтомъ, устроить вклады (ἀναθήματα), какіе угодно будетъ аѣинскому народу, и написать на вклады, что они устроены на деньги, вырученныя отъ продажи начатковъ жатвы, и что эти начатки пожертвовали Элааны.

¹⁾ Бѣкъ, Staatshaush. d. Athen. I, стр. 219, изд. 2; Келеръ. Mittheil. d. Deutsch. Archaeol. Inst. 1880, стр. 92 сл.

²⁾ Ср. Rang. Ant. Hell. II, стр. 543.

сковъ сокровищъ Артемиды, отрывки которыхъ, пощаженные до насъ вѣками, собраны Михаэлисомъ въ упомянутомъ уже сочиненіи его: „Der Parthenon“ (стр. 307 и сл.).

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ частностямъ нашего документа, особенно къ тѣмъ, которыя ускользнули отъ вниманія прежнихъ его издателей. Содержаніе 1-го столбца, какъ уже замѣчено выше, не можетъ быть восстановлено, такъ какъ отъ него сохранились только окончанія строкъ, да и то значительно пострадавшія отъ времени. Очевидно однако, что въ немъ заключался списокъ пожертвованныхъ вещей (золотыхъ или серебряныхъ, но вѣроятно первыхъ, какъ видно изъ неоднократно встрѣчающагося слова *δακτύλιος*), составленный такъ же, какъ и на ст. 2 и 3, то-есть, съ обозначеніемъ имени жертвовательницы, ея мужа или отца (не всегда), рода пожертвованія и вѣса его. О времени пожертвованія или о передачѣ ихъ одними эпистатами другимъ упоминаній нѣтъ на сохранившейся части столбца.

Во 2-мъ столбцѣ строки 1—7 настолько пострадали отъ времени, что чтеніе ихъ представляетъ большія затрудненія, а нѣкоторыя отдѣльныя слова и совсѣмъ не удалось мнѣ прочесть, не смотря на все желаніе. На сколько можно понять изъ отрывочныхъ словъ и фразъ, въ этихъ строкахъ идетъ рѣчь о передачѣ (вѣроятно въ Парѣенонъ изъ стараго храма) всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и подводится общій итогъ ихъ вѣса. Вѣроятно во время самой передачи поступило пожертвованіе Аристомахи, жены Аноемокрита Мелитсаго, которое и было записано отдѣльно. Имя жертвовательницы не подлежитъ сомнѣнію, хотя прежніе издатели читали его не такъ: слогъ *μα* виденъ еще довольно ясно, а слѣдующія буквы хотя и не видны, но ихъ несомнѣнно было не болѣе двухъ до начала слѣдующаго собств. имени. Стр. 7—14. Въ годъ арх. Оудема (353) жрицею были переданы изъ стараго храма въ Парѣенонъ подъ надзоръ эпистатовъ нѣкоторыя вещи, которыя и были переданы эпистатами ихъ преемникамъ. Такъ какъ съ слѣдующаго года жертвуемыя вещи поступали прямо въ Парѣенонъ на храненіе эпистатовъ, то Михаэлисъ смотритъ на упоминаемую здѣсь передачу вещей жрицею эпистатамъ какъ на исключительный случай (Parth., с. 312). На основаніи предшествующихъ строкъ мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе, что при общей передачѣ всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей въ Парѣенонъ нѣкоторыя мелкія вещи (*πορφύρα* и *δακτύλιον*) оказались почему-либо на храненіи у жрицы и были переданы ею эпистатамъ. Эпистата, принявшаго вещи отъ жрицы, прежніе издатели

(Ранг. и Мих.) называютъ Κατρίων Σουμείος, но сохранившіеся на камнѣ (хотя не всё ясно) буквы не позволяютъ принять это чтеніе.

Стр. 14—21. Списокъ пожертвованій, поступившихъ въ годъ архонта Аристодема (352) и переданныхъ эпистатами этого года ихъ преемникамъ. Архонта слѣдующаго года Діодоръ (XVI, 40) и др. авторы называютъ Θέτταλος (какъ названъ онъ, на основаніи авторовъ, и въ спискѣ архонтовъ при 1-мъ т. Lehrb. d. Griech. Alterth. (5 Aufl) v. Hertmann; у Бека Θεσσαλός), но наша надпись не оставляетъ никакого сомнѣнія, что онъ назывался Θεέλλος ¹⁾.—Прежніе издатели, не прочитавъ имени эпистата въ стр. 18, подставляли его на основаніи стр. 34 (Ἐτηκέστω Αἰγίλει у Ранг., Ἐ. Αἰζωνεῖ у Мих.), но 1) этого не допускаетъ количество буквъ (въ сл. Ἐτηκέστω Αἰγίλει—17 б., въ Ἐτηκέστω Αἰζωνεῖ—16, а въ надписи только 10 и мѣсто одной буквы оставлено пустымъ, подобно тому какъ въ стр. 16, передъ сл. Δοσίφ), 2) на того или другаго изъ членовъ коллегіи, имя котораго упоминается въ документѣ съ прибавленіемъ καὶ συνάρχοντες, вовсе нельзя смотрѣть какъ на годичнаго президента коллегіи и требовать, чтобы только его имя ставилось впереди каждый разъ въ теченіе цѣлаго года. Изъ многихъ примѣровъ, подтверждающихъ это, достаточно указать на важный финансовый документъ, помѣщенный въ 1 т. С. I. А. подъ № 188, гдѣ выраженіе ὁ δεῖνα καὶ συνάρχοντες встрѣчается очень часто и въ немъ выборъ имени того или другаго члена коллегіи повидимому совершенно случайный. Такъ изъ 21 случая, гдѣ выраженіе ὁ δεῖνα καὶ συνάρχοντες употреблено по отношенію къ эллинонтаміямъ одного и того же года, 5 разъ поставлено впереди имя Проксена, по 4 раза имена Перикла, Діонисія и Θрасона, и по 1 разу имена Спудія, Фаланеа, Евполида и Калліа ²⁾.—Имя собственное Πενтетηρίς, не прочитанное прежними издателями нашей надписи, но вѣрно дополненное г. Михаэлисомъ, встрѣчается въ надписяхъ хотя очень рѣдко ³⁾. Имя отца Пентетериды несомнѣнно было Θεόφημος,

¹⁾ Ср. С. I. Att. II, № 105, примѣч.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ документа поставлены два различныхъ имени эллинонтамевъ въ *одномъ и томъ же день* (стр. 22: Ἐπὶ τῆς Ἀντιοχίδος ἐβδόμῃς πρὸς τῆς νεοῦσης πέμπτῃ τῆς πρωτανείας παρεδόθη Διονυσίῳ Κυδαθηναίῃ καὶ συνάρχουσιν εἰς τὴν διαβελίαν Τ.—ἐβδόμῃ τῆς πρωτανείας Ἑλληνοταμίαις Θράσωνι Βουτάδῃ καὶ συνάρχουσιν εἰς τὴν διαβελίαν... τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ Ἑλληνοταμίαις, Φαλάνθῳ Ἀγρολῆθεν καὶ συνάρχουσιν, σίτον ἵπποις...).

³⁾ См. ст. «Prêtresses d'Athéné Poliade» etc. par Hauvette Besnault въ Bull. de Corrесп. Hell. 1879 p. 484 sq. Здѣсь приведена надпись, въ которой Пенте-

хотя форма Θεόφιλος имѣть за собою авторитетъ прежнихъ издателей нашего документа.—Упоминаемая ниже Никострата была, вѣроятно, мать Пентетериды.—Не лишнимъ считаю отмѣтить остатокъ древняго правописанія въ формѣ Θεοφρήμο въ стр. 20 (также.. ὄκο γονή въ стр. 22 ст. 1).—ὑποδαρίς, по объясненію лексикографовъ, есть ὀρμίσκος, πλόκιον (Suid. s. v. ὑποδαρίδα) или κόσμος γυναικεῖος, οἶον δαίρειον (Phot. Lex. 627, 8). По мнѣнію Бека (C. I. Gr. p. 235^{et} 237) ὑποδαρίς est tegumentum rectoris collo proximi. Вѣрнѣе принять, по объясненію Фотія, что этимъ именемъ называлось украшеніе, которое женщины носили на шеѣ, родъ ожерелья или мониста, нанизаннаго на нитку, какъ видно изъ неоднократно повторяющагося выраженія „σταθμὸν σὺν τῇ λίνῃ“.

Стр. 21 — 24. Весьма страннымъ и неумѣстнымъ является здѣсь упоминаніе объ эпистатахъ при арх. Θεμιστοκλῆ, который исполнялъ эту должность четырьмя годами позже Аристодема (Ол. 108, 2; 347 до Р. X.). Дѣло идетъ, очевидно, о томъ, что при повѣрѣѣ сокровищъ храма оказался нѣкоторый недостатокъ въ вѣсѣ золотыхъ вещей и этотъ недостатокъ восполнили равнымъ количествомъ серебра (ἀργυρίου δὲ νόμισμα въ стр. 23) эпистаты года арх. Θεμιστοκλα. Но почему это упоминаніе о возмѣщеніи недостатка поставлено повидимому совершенно не на мѣстѣ? Мнѣ кажется, что объяснить это можно слѣдующимъ образомъ: недостатокъ въ вѣсѣ золотыхъ вещей замѣченъ былъ при арх. Аристодемѣ; началось, вѣроятно, слѣдствіе, которое затянулось на 4 года (хотя, по правдѣ сказать, это имѣть

τηρίς встрѣчается какъ имя собственное жрицы Аены Полиады. По поводу этого имени авторъ говоритъ: «Le nom propre Πεντετηρίδα est très rare, sinon inusité. Athénée parle, il est vrai, d'une femme appelée Πεντετηρίς; mais ce nom lui est donné, dans la procession solennelle en l'honneur de Dionysos, avec un sens allégorique; c'est ainsi que dans la même cérémonie figure un homme appelé Ἐμιατός (Athen. V, p. 198^A et. B). Ce n'est pas non plus comme nom propre qu'est employé le mot Πεντετηρίς dans ce passage d'Harpocration: ὁ Πολέμων ἐν τοῖς περὶ τῆς Ἀκροπόλεως παρατίθεται ψήφισμα καθ' ὃ ἀπείρητο Ἀθήνησι δῆγμα πεντετηρίδα τίθεσθαι δοῦλῃ ἢ ἀπελευθέρῃ ἢ πόρνῃ ἢ ἀλλήτριδι (Harp. au mot Νεμέας χαράδρα). L'expression δῆγμα πεντετηρίδος ne peut être traduite que par ces mots: un nom de fête quinquennale». Едва ли можно согласиться съ послѣднимъ объясненіемъ почтеннаго автора; мнѣ кажется, что πεντετηρίδα въ приводимомъ отрывкѣ изъ Гарпократиона иначе и понять нельзя, какъ тѣмъ смысломъ имени собственного, которымъ запрещено было называть рабынь, отпущенницъ и женщинъ легкаго поведенія. Какъ бы то ни было, но нашъ документъ доказываетъ, что имя Πεντετηρίς если и было rare, то во всякомъ случаѣ не было inusité.

за собою мало вѣроятности), такъ какъ въ аѳинскомъ судопроизводствѣ обѣ тяжущіяся стороны имѣли возможность дѣлать различныя проволочки, если это было для нихъ почему либо выгодно; наконецъ, при арх.Themistocleus дѣло кончилось тѣмъ, что эпистаты присуждены были восполнить недостатокъ, но взысканіе обращено было не на эпистатовъ, бывшихъ въ должности при арх. Аристодемѣ, а на коллегію того года, въ который окончилось слѣдствіе (можно было бы подумать, что долгъ заплаченъ былъ при арх.Themistocleus эпистатами, бывшими въ должности при Аристодемѣ, но такому пониманію препятствуетъ членъ *οἱ* при *ἐπί*). Впрочемъ, на основаніи надписи С. I. Att. II, № 61, можно высказать иное предположеніе, — что недостатокъ былъ восполненъ изъ государственныхъ средствъ по особому постановленію народа и что ассигнованная сумма была только передана эпистатамъ для внесенія въ Пароенонъ ¹⁾. А такъ какъ нашъ документъ представляетъ собою отчетъ объ администраціи храма и его сокровищъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ и былъ вырѣзанъ никакъ не ранѣе 334 г., а можетъ быть и нѣсколькими годами позже, то при упоминаніи о недостаткѣ вещей кстати помѣщено было вмѣстѣ и упоминаніе о возмѣщеніи его, хотя этимъ былъ нарушенъ хронологическій порядокъ. Нѣсколько иное объясненіе этого мѣста даетъ г. Рангависъ ²⁾.

Въ стр. 24—33 продолжается, прерванный упоминаніемъ о недостаткѣ вещей, списокъ пожертвованій года арх. Аристодема. Слова *χρυσί[ω]* *δεδεμέ[νην]* въ стр. 25, не понятія прежними издателями, были дополнены мною на основаніи инвентарей пожертвованій храма

¹⁾ Стр. 25 и сл.:... ἀκούσας(αν δὲ τὴν) βου(λὴν ἀ)ντ ἀναγίγνωσχομένων τ(ῶν ἀναγεγραμμένων (?) ἐν τῇ) χαλκο(θήκ)ει πρὸς τὰ ἀναγεγραμμένα ἐν ταῖς στήλαις, ἐ)άν τ(ινος) δέη προβουλευσας(αν ἐξενεγκεῖν εἰς τὸν δ)ῆμον, δ(πας ἀ)ν ἀκούσας ὁ δῆμος βου(λεύη πῶς ἀποπληρ)ωθήσεται(αι τὰ ἐ)λλείποντα, ὀ(π)ω(ς) σχ(ῆ) κάλλιστα καὶ εὐσεβεία(τα τὰ π)ρὸς τὴν θεόν.

²⁾ Ant. Hell. II, p. 545: Je suppose, qu'ayant été constaté qu'une certaine quantité d'or avait manqué, les épistates sous l'archontat de Themistocleus (Ol. 108, 2) furent forcés d'en dédommager le trésor. Toute cette inscription étant le résumé succinct de l'administration des effets de Brauronie pendant plusieurs Olympiades, dressé à une fois et non annuellement, on n'y a pas toujours observé un ordre rigoureusement chronologique. A la première mention qui y est faite des objets d'or, on parle aussi de la disparition d'une partie de la somme qui est sans doute d'une date postérieure, et de la restitution de cette somme, qui doit être de l'époque où l'on s'aperçut de la différence.

Асклепія, гдѣ встрѣчаются совершенно аналогичныя мѣста ¹⁾. Въ переводѣ на русскій языкъ это выраженіе значить „въ золотой оправѣ“. Имя Φιλομένη было весьма употребительно въ древности и встрѣчается въ надписяхъ сплошь да рядомъ; упоминаемая здѣсь Филумена — не та, которая упоминается въ стр. 17-й 3-го столбца. Имени Ἰφιδίκη вѣтъ въ Pape's Wörterbuch d. Griech. Eigennamen и оно, къ моему величайшему удивленію, не было прочитано въ нашей надписи прежними издателями, хотя повторяется въ ней 3 раза и читается ясно. Кромѣ нашей надписи, оно встрѣчается еще въ стихотворной надписи на 2-хъ обломкахъ мраморной колонки, найденной на акрополѣ (С. I. Att. I, № 350) ²⁾. Упоминаемая у насъ Ифидика не дочь ли извѣстнаго полководца того времени? — Ἀρτήματα (стр. 31) принадлежали къ числу женскихъ украшеній; судя по производству этого слова (гл. ἀρτάω) вѣроятнѣе всего предположить, что такъ назывался родъ серегъ или подвѣсковъ ³⁾. Слѣдующія слова до сл. σταθρόν очень неясны на камнѣ.

Стр. 34 — 44. Списокъ τῶν ἐπετείων, поступившихъ въ годъ арх. Θεελλα и переданныхъ эпистатами этого года ихъ преемникамъ. Читается онъ съ большимъ трудомъ; особенно сильно пострадали отъ времени строки 40 — 42. Въ числѣ жертвовательницъ опять стоитъ на первомъ мѣстѣ Ифидика, на этотъ разъ принесшая въ даръ ожерелье и μηνίσκον. Этимъ послѣднимъ именемъ, по объясненію лексикографовъ, назывались между прочимъ (металлическія) пластинки, которыя накладывались на головы статуй для того, чтобы птицы не садились на нихъ и не пачкали ихъ ⁴⁾. Женскаго имени Φανομάχη

¹⁾ Изданы гг. Girard et Martha въ Bull. de Corr. Hell. 1878, стр. 419 сл. (стр. 426: τοῦτο ἐγράφη χρυσίωι δεδεμένον... ἔστι [δ]ἄργυρ[...]).

²⁾ Преніе издатели этой надписи, Питтакисъ (Еф. ἀρχ. παρ. 1, №№ 335 и 336) и Рангавиъ (Ant. Hell., №№ 11 и 12) читаютъ Ἰφιδίκη (по мнѣнію Рангависа = Εὐφροδίκη), потому что φ въ надписи имѣетъ оригинальную форму θ; но что это φ, а не θ, это доказывается совершенно одинаковой формой этой буквы въ сл. Ἀφιδναί[ων] на другомъ обломкѣ, принадлежность котораго къ той же колонкѣ, по мнѣнію г. Кирхгоффа, несомнѣнна (θ имѣетъ въ этой надписи форму ⊗).

³⁾ «Thesaurus linguae graecae» Henr. Stephani даетъ слѣдующее объясненіе этого слова: Ἀρτήμα, τό, quod suspensum est vel appensum. Item Appendix. Sed ἀρτήμα peculiari sensu significat lorum, ex quo marsupium dependet. Hesych. ὀρμιά τοῖς ἀγκίστροις προσαρτημένη. Καὶ κόσμιά τινα: Her. II, 62: Ἀρτήματα λίθινα χρυτὰ καὶ χρύσεια εἰς τὰ ὤτα ἐνθέντες...

⁴⁾ Hesych. (s. v. μηνίσκος): τὰ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς τῶν ἀνδριάντων τιθέμενα, ἵνα

нѣтъ въ лексиконѣ Папе (3 изд. 1875 г.); я однако не сомнѣваюсь въ вѣрности моего чтенія, такъ какъ первая половина имени въ стр. 38 несомнѣнна, а на слѣдующей строкѣ довольно ясно видны μ и α . Нѣтъ въ лексиконѣ и имени Ἰππόκλεα или Ἰπτόκλεα , но за него и я не могу поручиться, такъ какъ 3 послѣднія буквы неясны. Въ числѣ пожертвованій этого года встрѣчается одно весьма оригинальное, именно $(\chi\epsilon)\rho\omicron\varsigma \eta \acute{\alpha}\pi\omicron \tau\omicron\upsilon \text{ἵπκου}$ (лошадиный хвостъ), назначеніе котораго опредѣлять весьма трудно. Можетъ быть, въ храмѣ находилась уже статуетка коня, съ отбитымъ хвостомъ и кака-нибудь благочестивая гражданка пожертвовала новый хвостъ? На такое предположеніе наводитъ упоминаемый въ одной надписи (С. I. Att. II, № 61, стр. 40) $\text{ἵπ(π)ος χαλκός μ(χρ)ός οὐρανὸν οὐκ (ἔχων)}$. Во всякомъ случаѣ чтеніе ἵπκου несомнѣнно. Рангависъ въ объясненіяхъ предлагаетъ чтеніе $(\delta\phi)\rho\omicron\varsigma$ вмѣсто ἵπκου („la queue du serpent, probablement de l'or qui représentait la queue d'un serpent de Minerve“), но въ эпиграфической копіи и у него, подобно копіямъ другихъ издателей, стоитъ... $\tau\omicron\upsilon$.

Съ стр. 45 начинается списокъ $\tau\omega\nu \epsilon\pi\epsilon\tau\epsilon\iota\omega\nu$, поступившихъ въ годъ арх. Аполлодора. Въ сохранившихся частяхъ строкъ нельзя уже разобрать ни одного имени жертвователей и ни одного названія вещи. Въ стр. 45 — 47 замѣчательно измѣненіе обычнаго порядка словъ въ формулѣ передачи (если только вѣрны дополненія г. Рангависа и мои): слова $\tau\acute{\alpha}\delta\epsilon \pi\rho\omicron\sigma\pi\alpha\rho\epsilon\delta\omicron\varsigma\alpha\nu$ поставлены не въ самомъ началѣ формулы, а послѣ слова $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$. Имя эпистата года Аполлодора несомнѣнно было $\Theta\rho\alpha\sigma\omega\nu \Delta\alpha\mu\pi\tau\rho\epsilon\upsilon\varsigma$, а не $\Theta\rho\alpha\sigma\omega\nu\iota\delta\eta\varsigma$ Κοδαθηναίος , какъ подставляли прежде на основаніи стр. 36-й.

Въ 3 столбцѣ строки 1 — 5 не могутъ быть восстановлены. Въ нихъ долженъ былъ заключаться перечень пожертвованій, поступившихъ въ годъ арх. Лисимахида (339), такъ какъ съ 5-й стр. начинается таковой же года Херонда (338). Въ записяхъ на этомъ столбцѣ уже не встрѣчается отиѣтка $\acute{o} \delta\epsilon\iota\nu\alpha \kappa\alpha\iota \sigma\upsilon\nu\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$ (за исключеніемъ, можетъ быть, стр. 41, на которой послѣ имени архонта стоитъ, по-

$\mu\eta \tau\acute{\alpha} \delta\rho\upsilon\epsilon\alpha \epsilon\pi\iota\kappa\alpha\theta\acute{\iota}\zeta\eta\tau\alpha\iota$. Suid. (s. v.): $\mu\eta\nu\acute{\iota}\sigma\alpha\chi\omicron\upsilon\varsigma \acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\alpha\varsigma, \pi\epsilon\tau\alpha\lambda\alpha, \pi\epsilon\rho\iota\tau\rho\alpha\chi\eta\lambda\iota\alpha \kappa\omicron\beta\epsilon\rho\iota\alpha \eta \acute{\alpha} \epsilon\pi\iota\tau\iota\theta\epsilon\alpha\sigma\iota \tau\omicron\iota\varsigma \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\lambda\mu\alpha\sigma\iota \delta\iota\acute{\alpha} \tau\omicron \mu\eta \epsilon\phi\iota\zeta\acute{\alpha}\nu\omicron\nu\tau\alpha \tau\acute{\alpha} \delta\rho\upsilon\epsilon\alpha \acute{\alpha}\pi\omicron\pi\alpha\tau\epsilon\iota\nu$. На основаніи словъ Свида можно принять $\mu\eta\nu\acute{\iota}\sigma\alpha\chi\omicron\nu$ въ нашей надписи и въ значеніи шейнаго украшенія.

видимому, Καλλικράτης... καὶ συνάρχοντες¹⁾),—рѣзчикъ разсчиталъ, вѣроятно, что недостаточно будетъ плиты, если продолжать записи съ прежнею подробностію, и для краткости пересталъ обозначать имена.

Стр. 5—15. Передача поступившихъ пожертвованій эпистатами года арх. Хэронда ихъ преемникамъ почему-то произошла дважды; для обозначенія второй передачи употребленъ глаголь προσπαράδιδόναι („сверхъ того передавать“), который, кстати сказать, не встрѣчается у авторовъ и даже не внесенъ въ „Thesaurum“ Стефана, но въ надписяхъ попадаетъ нерѣдко (напримѣръ, въ инвентаряхъ храма Асклепія и въ др.). Дополненіе другихъ издателей къ стр. 13-й σω(γγυραρ-μένα) я не рѣшаюсь принять, потому что: 1) сохранившіяся на камнѣ 3 и 4 буквы этого слова нивакъ не могутъ быть приняты за γυ или даже за γγ, а только за μμ или, въ крайнемъ случаѣ, за νν; 2) гл. σωγγράφειν не подходитъ по значенію (можно было бы допустить ἀναγγεγραμμένα, какъ справедливо замѣчаетъ Бѣкъ, Staatsh. II, 317). Въ слѣдующей строкѣ ясно читается πλόκιον, — родъ ожерелья, почти то же, что ὑπόδερίς (εἶδος περιδεραίου, по объясненію Гесихіа).

Стр. 15 — 28. Списокъ τῶν ἐπιστάτωνъ поступившихъ въ годъ арх. Фриниха (замѣтка о передачѣ поступившихъ ранѣе пожертвованій эпистатами этого года ихъ преемникамъ, эпистатамъ при арх. Пиеоделѣ, сдѣлана уже выше, въ стр. 11—12). Въ стр. 16 мною сдѣлано на основаніи стр. 30 дополненіе ἀνατεθέντα ἐφ' αὐτῶν, какъ единственно подходящее въ данномъ мѣстѣ по смыслу. Правда, при этомъ дополненіи количество буквъ въ строкѣ (36) оказывается 2-мя болѣе обыкновеннаго ихъ количества, но такъ какъ разстановка ихъ στοιχηδόν не вездѣ строго правильна въ нашей надписи, то излишекъ можно допустить, еще вѣрнѣе предположить сокращеніе 2 или 3 буквъ въ сл. ἀνατεθέντα. Къ какому существительному могъ бы служить опредѣленіемъ род. λευκοῦ въ стр. 25-й догадаться трудно. Очень не ясно также значеніе слѣдующихъ (къ тому же не вполне сохранившихся) словъ до стр. 27-й. Мое дополненіе (за которое я, впрочемъ, ничуть не ручаюсь) основано на мысли, что жрицы стараго храма, объ участіи которыхъ въ приемѣ пожертвованій гласитъ стр. 8 ст. 2-го, быть можетъ по прежнему принимали иногда пожертвованія и передавали ихъ эпистатамъ, и что послѣ смерти одной

¹⁾ Я предпочитаю Καλλικράτης, а не Καλλικρατίδης, потому что въ послѣднемъ случаѣ осталось бы слишкомъ мало буквъ для названія дема на несохранившейся части строки.

изъ нихъ въ 337 г. пожертвованіе Аристонои было вручено прямо послѣднимъ и передано ими преемникамъ отдѣльно отъ другихъ пожертвованій.

Стр. 28 — 40. Списокъ τῶν ἐπιτάσεωνъ поступившихъ въ годъ арх. Писодела и переданныхъ эпистатамъ года арх. Евэнета (335). Камень въ этомъ мѣстѣ на столько пострадалъ отъ времени, что могутъ быть прочитаны лишь немногія несвязныя слова. Въ стр. 30 слова „ἀνατεθέντα ἐφ' αὐτῶν“, не прочитанныя прежними издателями, мнѣ кажутся несомнѣнными, тѣмъ болѣе, что подтверждаются стр. 42-й. Слова „ἐπὶ Κτησιχλέους“ (имя архонта 334 г.) въ стр. 39 не принадлежатъ къ обычной формулѣ передачи τῶν ἐπιτάσεωνъ эпистатами года арх. Евэнета ихъ преемникамъ, такъ какъ эта формула начинается лишь съ самаго конца этой строки и кромѣ того слѣдующее за Κτησιχλέους слово, котораго, къ сожалѣнію, не удалось прочитать, никакъ не можетъ быть принято за „ἄρχοντας“.

В. Латышевъ.

Ρ Η
 . Ρ Η
 Τ Λ Ρ Λ
 Υ Ο Κ Λ Ι Ε Ρ
 Τ Α Δ Ε Ρ Α Ρ
 Ο Υ Λ Ρ [Χ] Ο Ν Γ
 Α Ρ Χ Ο Υ Σ Ι Ν
 Ε : Γ Υ Ν Η Σ Τ
 [Σ] Ρ Α Ρ Ε Λ Ο Σ
 Ρ Χ Ο Ν Τ Ο Σ Ε
 Χ Ο Ν Τ : Ο Ι Δ
 Ρ Υ Ο Ο Δ Η Λ Ο
 Σ Υ [Μ Μ] Ε Γ Γ
 Ε Δ [Η Γ] Ι Λ Ι Σ
 Σ Ρ Α Ρ Ε Δ Ο
 Κ Ο Ν Τ : Α Ι
 Ε Ρ Ι Ρ Υ Ο Ο
 Κ Λ Ρ Ι [Δ] Η Μ Σ
 Ψ Ι Λ Ι Ν Ω Ι
 Ο Υ Ν Σ Τ Α Σ
 Γ Υ Ν Η Ζ Ρ Υ
 Λ Η [Δ] Α Κ Τ Υ
 Σ Υ Ρ Ο Δ Ε Ρ
 Ι Ι Ι Ι : Φ Ι Λ
 [Α] Ι Τ Ο Λ Ε Ρ
 Σ Α Ν Α Τ Ε
 Γ Υ [Ν Η Μ Ε]
 Μ Ο Μ : Ρ Σ
 Ε Ρ Ι Ρ Υ
 Ω Ν Ε Ρ

ОДНА ИЗЪ ВНОВЪ НАЙДЕННЫХЪ АΘИНСКИХЪ НАДПИСЕЙ.

(Письмо къ проф. Θ. Θ. Соколову).

Вы помните, безъ сомнѣнiя, какъ мы, при посѣщенiи главнаго акропольскаго музея въ первыхъ числахъ августа, обратили вниманiе на одну надпись, найденную въ настоящемъ году на западѣ акрополя, у пропилей, Бономъ (R. Bohn) и пока неизданную. Рѣшено было немедленно списать ее, дополнить, на сколько возможно, и послать вамъ для лапечатанiя. Когда мы приступили къ дѣлу, оказалось, что сдержать обѣщанiе не такъ легко, какъ мы съ вами думали. Ни списать надпись, ни, тѣмъ менѣе, снять эстампажъ намъ не разрѣшили, на томъ основанiи, что—надпись къ намъ слѣдуетъ еще не списана. Читать, однако, не возбранялось; не возбранялось также и держать въ памяти прочитанное. Вотъ надпись съ дополненiями, какiя удалось прислать:

Ἐπὶ τοῦ δεῦρος ἄρχοντος ἐπὶ τῆς — — ἰδος — — ς πρ]οτανείας, ἧι
Ἄρχι...ς ...

ἐγγραμμάτευεν· — — ἄνος — —]άτει, ὀγδοεὶ καὶ δεκάτει
τῆς προ

τανείας· ἐκκλησία κυρία ἐν τῷ θεάτρῳ· τῶν προ]έδρων ἐπεψήφισεν
Δακράτ[ης·]ντο

καὶ συμπρόεδροι· ἔδοξεν τῷ]ι δήμῳ· Δημήτριος Κτήρωνος
Προβαλ

5 ἴσιος εἶπεν· ἐπειδὴ Ἄλε — — τιμ]ώμενος ὑπὸ τοῦ βασιλ(·)έως Πτο-
λεμαίου καὶ ὧν ἐν

προαγωγῆι μεγάλῃ εὐνοῦς ἐσ]τίν κοινεῖ τε τῷ δήμῳ καὶ καθιδίαν
τοῖς ἀφικνου

μένοις τῶν πολιτῶν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ Κορήνην ἀγαθοῦ τινοῦ
ἀ[εἰ π]αρ[α]ίτιος.

καὶ περὶ τούτων αὐτῶι πλείους ἀπομεμαρτορήασιν· [ιν]α
[ο]ῦ[ν]

ὁ δῆμος φαίνεται χάριτας ἀξίας ἀποδιδούς τοῖς εἰς ἑαυτὸν φιλοτι-
μουμένοις [καὶ

10 — —]οις· ἀγαθεῖ τύχει δεδόχθαι τῶι δῆμωι ἐπα[ν]έ-
[σαι Ἀ

λε——] ὄτην καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν χρυσοῖι στεφάνωι [εὖνο
ίας ἔνεκεν καὶ φιλοτιμίας τῆς εἰς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων καὶ τὸν
βασιλέα Π[τολε

μαῖον, ἀναγορεῦσαι δὲ τὸν στέφα]νον Διονυσίων τε τῶν ἐν ἄστει τρα-
γυιδῶν [τῶ]ι καὶ

νῶι ἀγῶνι καὶ Παναθηναίων καὶ Ἐ]λευσινίων καὶ Πτολεμ[αίω]ν τοῖς
γυμνικοῖς ἀγῶσιν·

15 τῆς δὲ ἀναγορεύσεως τοῦ στεφά]νου ἐπιμεληθῆναι τοὺς στρατηγούς·
εἶναι δὲ Ἀλε

— — καὶ εἰς τὸ λοιπὸν ἀποδεικ]νομένωι τὴν εὖνοιαν εὐρέσθαι καὶ
ἄλλο ἀγαθὸν πα

ρά τοῦ δῆμου οὗτου ἂν δοκῆι ἀξίος εἶ]ναι· ἵνα δὲ καὶ ὑπόμνημα
ὑπάρχηι τῶν (γε)γεγονότων

— —]ων, ἀναγράψαι τότε τὸ ψήφισμα τὸν νασατ
γραμματέα τὸν κατὰ προτανείαν] ἐν στήλει λιθίνει καὶ στήσαι ἐν

ἀκροπόλει· εἰς δὲ τῆ
20 ν ἀναγραφὴν καὶ τὴν ἀνάθεσιν]· τῆς σ]τήλης δοῦναι τὸν ταμίαν τῶν
στρατιωτικῶν τὸ γε

νόμενον ἀνάλωμα.]

Слѣва часть камня, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе значительная, отломана. Цѣликомъ сохранился лишь правый край, хотя и тутъ на поверхности камня конечныя буквы отчасти пострадали и читаются съ трудомъ, либо вовсе не видны. Отъ поврежденія верхняго и нижняго краевъ не утрачено ни одной строки; сверху сохранился легкій выступъ, а внизу (послѣ 20-й строки) если была еще строка, то неполная, не доходившая до того мѣста, гдѣ, какъ выше сказано, отломана лѣвая часть камня.

Въ 1-й стр. приходится оставить подъ сомнѣнiемъ имя секретаря. Если 5-я буква была, какъ намъ сначала казалось, Π, то его звали, разумѣется, Ἀρχιππος. Но 6-я буква, какъ кажется, была не Π, а

скорѣе Δ. Эстампажъ, конечно, обнаружилъ бы, было ли тутъ Ἄρχιππος или Ἄρχυλλος или Ἄρχικλῆς. Е не подлежитъ сомнѣнiю. Стр. 5: между Δ и Ε ρѣзчикъ по ошибкѣ вставилъ одну какую-то букву, надо думать Ε или Δ. Стр. 7: согласны мы относительно Α...ΑΡ.Ι.ΤΙΟΥΣ. Букву Π передъ ΑΡ видѣлъ одинъ изъ насъ. [ἀ]γαθοῦ τινοσ καρ. вы найдете С. I. A. II, 388, 8. Стр. 8: ΙΝΑΟΥΝ—чтенiе одного изъ насъ. Чтенiемъ другаго ΠΑΡΥ. подтверждаются буквы: Α и Υ. Ср. С. I. A. II, 310; 9 ἴνα οὖν καὶ ὁ δῆ[μος κτλ. Стр. 17: на камнѣ вырѣзано ΤΩΝΤΕΓΕΓΟΝΟΤΩΝ, какъ, наприμѣръ, въ постановленiи въ честь Фѣдра (331, 19 — 20) προγογόνοισ. Стр. 18: недостаетъ въ концѣ буквъ около 12-ти. Совершенно также строка 8 въ договорѣ Аэинянъ съ г. Регiемъ обрывается на ΚΑΛΛΙ, а затѣмъ незанятымъ оставлено мѣсто 10 буквъ: Newton-Hicks, the collection of ancient greek inscriptions in the British Museum; часть I, стр. 14.

Буквы вырѣзаны не στοιχηδόν. Число буквъ въ каждой строкѣ колебалось между 64 и 68. Если вамъ такое предположенiе покажется рискованнымъ (въ вашей статьѣ о постановленiи въ честь Аристомаха Аргосскаго вы вѣдь весьма строги на этотъ счетъ, хотя и тамъ строки выведены не στοιχηδόν), просимъ обратить вниманiе на 19-ю строку, въ которой несомнѣнно было 68 буквъ, и на стр. 15-ю, въ которой также несомнѣнно ихъ было 64. Если допустить, что въ стр. 16 читалось не τῆς δὲ ἀναγορεύσεως, а τῆς δὲ ποιήσεως καὶ ἀναγορεύσεως, то получимъ 74 буквы, чтó составляетъ еще большее отступленiе отъ 68 (числа буквъ въ 19-й строкѣ). Кромѣ того, въ пользу колебанiя между 68 и меньшимъ числомъ говорятъ другiя строки, изъ которыхъ нѣкоторыя дополняются съ достаточною достовѣрностью. Сюда мы относимъ прежде всего стр. 14, а затѣмъ и 6 и 7 и даже 3. О 3, 7 и 14 строкахъ мы говорить не будемъ. Что же касается нашего дополненiя 6-й строки, то оно заимствовано изъ постановленiя того же автора, Димитрiа, сына Ктисона, изъ Пробалинеа, С. I. A. II, 439:

Ἐπὶ Εὐπολέμου ἀρχοντος ἐπὶ τῆς Πτολεμαίδο[ς —]
 ἀτης πρυτανείας, ἧι Στρατόνικος Στρατονίκο[υ Ἄ]-
 [μαξ]αντεὺς ἐγραμμάτευεν· Μουσιχῶνος ἐν[δεκά]-
 τει· βουλή ἐμβουλευτηρίωι σύνκλητος στρατηγῶν]
 παραγγειλάντων καὶ ἀπὸ βουλῆς ἐκκλησία [χορία]
 ἐν τῶι θεάτρῳ· τῶν προέδρων ἐπεψήφισεν [Φ — — —]
 τῆς Θεόφρονος Λαμπρεὺς καὶ συμπρόεδρο[ι· ἔδοξεν]

мало. Подобныхъ вѣдь постановленій аэинскаго народа изъ эпохи діадочовъ много сохранилось. Какой-то Але(ксандръ?), вліятельная особа при дворѣ одного изъ Птоломеевъ, пожелалъ получить отъ Аэинянъ золотой вѣнокъ, и получилъ, благодаря тому, что нашелся человѣкъ, готовый внести объ этомъ предложеніе въ народное собраніе. Не въ нравахъ Аэинянъ тогдашнихъ было упустить случай лишній разъ расшаркаться предъ царемъ Птоломеемъ, хотя бы это стоило послѣднихъ грошей (Павс. VII, 11, 4: *κενίας γὰρ ἐς τὸ ἔσχατον Ἀθηναῖοι τῆραιατα ἤκον*, то-есть въ 156 г.). „Они разсыпались предъ всѣми царями“, говоритъ Поливій V, 116, 7 слѣд., „а въ особенности предъ Птоломеемъ, и допускали всевозможныя постановленія и провозглашенія, мало заботясь о приличіи, вслѣдствіе безтактности ихъ руководителей“. Слова эти, правда, относятся ко времени Евриклида и Мигіона, но, на сколько мы знаемъ, ни обстоятельства, ни люди въ Аэинахъ съ тѣхъ поръ къ лучшему не измѣнились.

В. Ериштедтъ.

В. Латышевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ернштедтъ, Обь основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Лигурга. С.-Петербург., 1879.
Antiphontis orationes edid. Victor Iernstedt. Petropoli. 1880.

I.

Знаменитый критикъ Иммануилъ Беккеръ (Bekker) въ изданіяхъ такъ называемыхъ мелкихъ аттическихъ ораторовъ, сперва оксфордскомъ, въ 1822 г., а потомъ и берлинскомъ, въ 1823 г.,—въ первыхъ изданіяхъ ораторовъ, основанныхъ на сличеніи почти всѣхъ извѣстныхъ до тѣхъ поръ списковъ рѣчей этихъ ораторовъ, могъ пользоваться сличеніемъ слѣдующихъ рукописей: *codex Crispianus* (A), *cod. Laurentiauss* (B), *cod. Marcianus* (L), *cod. Burneianus* 96 B (M), *cod. Vratia laviensis* (Z); далѣе онъ кое-гдѣ заглядывалъ еще въ *cod. Ambrosianus* D 42 и A 99. Всѣ эти списки, какъ отчасти положительно извѣстно, а—относительно худшихъ изъ этихъ списковъ—можно заключить преимущественно изъ данныхъ, сообщенныхъ И. Беккеромъ же, содержатъ этихъ ораторовъ и рѣчи ихъ въ одинаковомъ порядкѣ; происходятъ, слѣдовательно, изъ одного и того же сборника ораторовъ. По мнѣнію Беккера, А лучшій изъ этихъ списковъ, а остальные: B, L, M, Z въ томъ же порядкѣ каждый слѣдующій плоше предыдущаго. Затѣмъ въ 1838 г. Эд. Метцнеръ (Eduard Mätzner) впервые въ своемъ изданіи Антифонта пользовался неизвѣстно чьимъ сличеніемъ еще новаго списка, оксфордскаго N, принадлежавшаго прежде іезуитской коллегии въ Клермонѣ (Clermont), а затѣмъ находившагося въ *bibliotheca Meermanniana*, привезеннаго наконецъ Θ. Гасфордомъ (Th. Gaisford)

въ Оксфордъ и содержащаго рѣчи только трехъ изъ такъ называемыхъ мелкихъ ораторовъ, а именно Динарка, Антифонта и Ликурга, притомъ текстъ Ликуровой рѣчи не имѣетъ конца.

Съ тѣхъ поръ безспорно за самыя лучшія источники преданія текста мелкихъ ораторовъ принимались списки N и A, изъ которыхъ вѣроятно N написанъ въ XV, а A въ XIII вѣкѣ. Но о сравнительномъ достоинствѣ ихъ начался продолжающійся еще понинѣ споръ; Мецнеръ давалъ преимущество рукописи N, а за нимъ, между прочимъ, К. Л. Франке и Блассъ; мнѣніе послѣдняго, впрочемъ, колебалось; за то Г. Зауппе (Hermann Sauppe) считалъ N сначала списаннымъ съ A, а затѣмъ, хотя и списаннымъ съ той же самой рукописи, съ которой и A, но за то заслуживающимъ менѣе довѣрія, потому что она, будто-бы, интерполирована довольно свѣдущимъ и не глупымъ писцомъ. Но и Франке и Зауппе, судя о спискахъ A и N, сами признавались, что рукопись N имъ извѣстна только по весьма плохому сличенію. Да и списокъ A, хотя послѣ Беккера сличенъ былъ и Добсономъ, тѣмъ не менѣе былъ все еще недостаточно извѣстенъ въ частностяхъ. До послѣдняго времени въ сущности дѣло оставалось въ одинаковомъ положеніи относительно списка N; а списокъ A былъ сличенъ между тѣмъ Сиггомъ для Арнольда Гуга (A. Hug) въ Цюрихѣ.

Вотъ почему В. К. Ернштедтъ воспользовался своимъ приблизительно двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ Англіи лѣтомъ 1876 года для точнаго сличенія этихъ двухъ рукописей. Онъ могъ сдѣлать это удовлетворительно, потому что приступилъ къ дѣлу достаточно къ тому приготовленный. Онъ былъ уже хорошо знакомъ съ текстомъ мелкихъ ораторовъ, такъ какъ уже для полученія кандидатской степени представилъ критическія замѣчанія къ тексту Антифонта, доказывающія какъ трудолюбіе, такъ и, кромѣ несомнѣннаго критическаго дарованія, и хорошее пониманіе самаго дѣла критики; эти замѣчанія въ пересмотрѣнномъ видѣ были потомъ напечатаны въ Журн. Мин. Нар. Пр., іюль, 1878 года, подъ заглавіемъ *Observationes Antiphontaeae*. Кромѣ того, авторъ былъ предварительно подготовленъ и относительно палеографическихъ свѣдѣній, на сколько палеографію можно изучитъ по однимъ учебникамъ и различнымъ критическимъ изданіямъ древнихъ авторовъ, но не выдавъ еще и не сличавъ никакихъ рукописей.

На основаніи этого сличенія списковъ A и N, г. Ернштедтъ въ сочиненіи: „Объ основахъ и т. д.“ разбираетъ и опредѣляетъ взаимное отношеніе означенныхъ списковъ. Но это только одна часть вопросовъ,

разбираемыхъ въ „Основахъ“, другая часть состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, каковы отношенія списковъ В, L, M, Z, какъ другъ къ другу, такъ и къ спискамъ А и N.

Эта вторая часть разбираемыхъ г. Ернштедомъ вопросовъ до сихъ поръ еще не была тщательно изслѣдована, хотя можно бы было сдѣлать это, если не на основаніи новаго тщательнаго сличенія рукописей В, L, M, Z, но хотя бы только на основаніи вариантовъ, приведенныхъ И. Беккеромъ въ его изданіяхъ. Вотъ почему и насчетъ этихъ списковъ составились совершенно различныя мнѣнія; одни, какъ, напримѣръ, Мецнеръ, всѣ рукописи мелкихъ ораторовъ дѣлили на двѣ фамиліи, а другіе на три, притомъ въ томъ и другомъ случаѣ принималось, что и В, L, M, Z сохранили независимое преданіе текста. Результатомъ же изслѣдованій г. Ернштеда является впервыхъ то, что признавать приходится только два семейства, такъ какъ В, L, M, Z списаны съ А, и потому сами не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія; а вовторыхъ то, что никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ Г. Заупе, будто N интерполированъ, а напротивъ того надлежитъ принимать, что преданіе текста въ N сохранилось въ гораздо менѣе испорченномъ и особенно въ несравненно менѣе интерполированномъ видѣ.

На основаніи этихъ результатовъ своихъ розысканій, г. Ернштедтъ издалъ и текстъ рѣчей Антифонта (за исключеніемъ отрывковъ, которые не сохранились и въ выше приведенныхъ спискахъ) съ критическими примѣчаніями на латинскомъ языкѣ подъ текстомъ. А чтобы западные ученые, не знающіе русскаго языка, которымъ поэтому „Основы“ недоступны, могли легче ознакомиться съ причинами, почему текстъ въ изданіи основанъ преимущественно на преданіи, сохранившемся въ списокѣ N, авторъ сообщилъ въ весьма сжатомъ, сравнительно сокращенномъ и измѣненномъ, то-есть исправленномъ видѣ содержаніе своего изслѣдованія.

Итакъ эта praefatio отнюдь не переводъ только на латинскій языкъ „Основъ“, какъ видно изъ того, что отдѣльные пункты, разбираемые въ „Основахъ“, совсѣмъ опущены въ praefatio, и что различныя недосмотры, встрѣчающіеся въ „Основахъ“, не повторены во введеніи. А такъ какъ я съ сущностью содержанія какъ „Основъ“, такъ и „Предисловія“, которое еще будетъ вкратцѣ изложено мною далѣе, совершенно согласенъ; и такъ какъ объ „Основахъ“ я больше говорить не стану, то позволю себѣ теперь коснуться двухъ пунктовъ, впрочемъ далеко не существенныхъ, а потому и не повторен-

ныхъ въ *praefatio*, въ которыхъ авторъ, по моему мнѣнію, сдѣлалъ недосмотры.

На стр. „Основъ“ 12 по поводу разбора приписки Марціановскаго списка (M): *Toiν και παλαιᾶ γένους εὐδοξία και περι ἄμφω τῷ λόγῳ προκοπῆ διαφερόντων Παύλῳ και Δαδισλέφ Ποурλιλιών*, авторъ слова *προκοπῆ περι ἄμφω τῷ λόγῳ* переводить словами: „успѣхами въ диалектикѣ“, слѣдуя въ этомъ отношеніи Фирману Дидо (*Firmin Didot*), который въ сочиненіи: *Alde Manuce et l'héllénisme à Venise*, стр. 506, мѣсто письма Марка Мусура (г. Ернштедтъ пишетъ Мусуръ) въ его зятю Іоанну Григоровуло: *καθ' αὐτόν ἐν δωματίῳ παντοδαπῶν περι ἄμφω τῷ λόγῳ βιβλίων και ὄν ἐμφοροῦμενον και πολλῶ πλειόνων μετὰ μικρὸν ἐμφορήσεσθαι μέλλοντα* переводить: *dans une chambre où je jouis de toute sorte de livres traitants du pour et du contre* и т. д.

Такой переводъ, мнѣ кажется, не вѣренъ, потому что, вопервыхъ, неизвѣстно, чтобы М. Мусуръ когда бы ни было занимался диалектикою; далѣе, могъ ли онъ въ то время, когда писалъ приведенное письмо, имѣть намѣреніе заниматься диалектикою впоследствии еще болѣе, чѣмъ прежде, какъ слѣдовало бы заключить изъ предложеннаго Ф. Дидо перевода письма ¹⁾? Итакъ, не знаю, говорю я, согласенъ ли такой переводъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о занятіяхъ Марка Мусура. Во всякомъ случаѣ приведенныя слова не только можно, но и надлежитъ, мнѣ кажется, переводить иначе; предлагаемый мною переводъ, если и нельзя сказать, что несомнѣнно вѣренъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ сомнѣнія, несравненно основательнѣе предложеннаго Ф. Дидо и, по его примѣру, г. Ернштедтомъ. По моему, *περι ἄμφω τῷ λόγῳ βιβλία* въ письмѣ М. Мусура, и въ припискѣ Марціановскаго списка, значатъ: книги, относящіяся къ той и другой классической (то-есть греческой и латинской) литературѣ (то-есть = *utraeque litterae, i. e. litterae graecae et latinae*). Такой переводъ этихъ

¹⁾ По крайней мѣрѣ, ни Гумфридъ Годи (*Humphridius Hody, de graecis illustribus*), ни К. Менге (*Menge, de M. Musuri Cretensis vita studiis ingenio narratio*), напечатанная въ V томѣ Шмидтова (*M Schmidt*) изданія словаря *Исихія*—сочиненіемъ Бёрнера (*Boerner*) *de doctis hominibus graecis* я пользоваться не могъ—ни Годи, говорю я, ни Менге ничего не знаютъ о томъ, чтобы Мусуръ когда-нибудь занимался специально диалектикою,—но что онъ занимался не только греческимъ языкомъ, но зналъ и по латыни, видно изъ того, что, какъ извѣстно, онъ переводилъ на латинскій языкъ различныхъ греческихъ писателей, что есть его латинскія предисловія, что онъ помогалъ Альду Мануцію при изданіи *Стація*. Ср. у Менге стр. 9, 12, 20, 24, 25, 27, 29, 34, 41, 47, 52, 53.

словъ въ одномъ случаѣ несомнѣнно согласенъ съ личностью греческаго ученаго, знавшаго отлично не только по гречески, но и по латини; но, разумѣется, невозможно ни утверждать, ни отрицать, идетъ ли къ Павлу и Владиславу Пурлиліонамъ мой переводъ спорныхъ словъ приписки Марціановской рукописи, содержащей, по моему, похвалу, что они отличались знаніемъ греческой и латинской словесности. О Пурлиліонахъ мы ничего не знаемъ и г. Ернштедтъ, не смотря на всѣ свои старанія, не доисвался никакихъ свѣдѣній объ нихъ. Но такая похвала вещь не рѣдкая во времена возрожденія: какъ часто она воздавалась ученымъ того времени, можно видѣть изъ писемъ и стихотвореній греческихъ ученыхъ или въ ихъ честь, приведенныхъ Годіемъ (*Humphridius Hody, de graecis hominibus doctis*). Тутъ мы читаемъ на стр. 251: *in queis graecis colui Ianum Easacum virum graecum utraque lingua pereruditum*; на стр. 262 въ эпитафіи того же Яна Ласкариса, сочиненнаго Маріемъ Молсою—стихи:

Hic etiam in Latium dilectas Palladi Athenae
Detulit et gemino mox dedit ore loqui;

не отиѣтилъ, на какой страницѣ сочиненія въ стихотвореніи Бенедикта Лампридія слова... *libris virorum latinisque... et Atticis, utramque*

Quando de teneris unguibus
Solida bona colens
Novit elegantiam

(съ этимъ ср. слова письма Паррасія къ Яну Ласкарису, на стр. 270: *Lis mihi est cum Politiano... quaeque non nisi ab eo, qui juxta graece sciat ac latine decidi recte possit*); на стр. 274 въ письмѣ Гиральда (*Gyraldus*): *non solum graece et latine doctus etc.*

Такая-же похвала неоднократно встрѣчается и въ предисловіяхъ, въ посвященіяхъ первыхъ изданій греческихъ авторовъ, перепечатанныхъ Beriah Botfield'омъ въ *Prefaces of the first editions of the greek and roman classics and of the sacred scriptures*. London. 1861. Такъ, на стр. 132 въ предисловіи изданія Плинія Лудовикомъ Карбономъ: *gratulari licet saeculo nostro, Dive Borsi etc., in quo... adeo late pateat romana ac graeca facundia, ut jam Galli et Britanni bonos oratores et poetas habere videantur*; на стр. 140 въ предисловіи Варео-ломея Герарда къ изданію сочиненій Авсонія: *usi in his quae tum ad graecarum tum ad latinarum litterarum sollertiam pertinent.*

Итакъ, если во времена возрожденія знакомства съ древними литературами, съ древнимъ искусствомъ и наукою не могло не считаться

верхомъ образованія и учености знаніе двухъ классическихъ языковъ и литературъ, и потому такая похвала повторяется довольно часто, то естественно видѣть такую же похвалу, а не что иное, и въ словахъ Мусура и въ припискѣ къ Марціановскому списку: *περί ἀμφω τῶ λόγῳ.*

Но, спрашивается, оправдывается-ли предложенный мною переводъ: „относящіеся къ той и другой литературѣ“, и самими словами, употребленными въ приведенныхъ случаяхъ. Тутъ два обстоятельства представляютъ затрудненіе: во 1) употребленіе слова *λόγος* или *λόγοι*, въ смыслѣ письменности, литературы, и во 2) употребленіе двойственного числа, для означенія множества предметовъ, группирующихся въ двѣ категоріи, въ смыслѣ *utrique* въ отличіе отъ *utroque*.

Примѣровъ того значенія слова *λόγοι*, по которому оно только равносильно съ выраженіями *γράμματα*, *litterae*, словесность, литература, не сообщаютъ намъ наши словари, то-есть, ни Thesaurus Генри Этьена (Henri Etienne=Stephanus) въ парижскомъ изданіи, ни Дю-Канжъ (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, Парижъ 1688), ни Софюль, *Greek Lexicon of the roman and byzantine periods*. Boston. 1870 г.). Но, хотя изъ всей византійской литературы я знакомъ только съ частью грамматическихъ сочиненій, случайно мнѣ удалось встрѣчать нѣсколько разъ значеніе этого слова въ византійскій періодъ греческой литературы, начиная съ Василія Великаго (329—379). Въ сочиненіяхъ епископа Кесарійскаго находится между прочимъ и рѣчь къ молодымъ людямъ о пользѣ, которую они могутъ извлечь изъ эллинской (языческой) литературы (*πρὸς νέους, ὅπως ἂν ἐξ ἑλληνικῶν ὠφελοῦντο λόγων*). Здѣсь, какъ въ самомъ заглавіи рѣчи, такъ и нѣсколько разъ въ самой рѣчи слово *λόγοι* употреблено въ означенномъ смыслѣ, можетъ быть преимущественно относительно содержания, такъ какъ *λόγος* можетъ вѣдь означать и разсужденіе. Въ этомъ значеніи слово употреблялось уже издревле, ср. *οἱ ἐπὶ λόγος εὐδόχιμοι* у Геродота=люди пользующіеся хорошою славою по своему образованію. Сюда должно, прежде всего, отнести выраженіе *ιεροὶ λόγοι*=священное писаніе. Въ означенномъ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ словомъ *λόγοι* можно бы было понимать преимущественно прозаическую, и особенно дидактическую, или въ обширномъ смыслѣ, философскую литературу. Но такъ какъ *λόγος* (напримѣръ, у Геродота или у Аристотеля) можетъ означать и отдѣлъ всякой книги. всякаго сочиненія, а также и отдѣльное сочиненіе, и такъ какъ *λόγος* значитъ и разказъ, даже поэтическій, то слово *λόγοι* обнимаетъ литературу не

только прозаическую, но и поэтическую. Вотъ почему Василій Великій въ своей рѣчи разбираетъ сперва пользу, которую молодые люди могутъ извлечь изъ поэтической литературы Грековъ, а затѣмъ и пользу, доставляемую литературою прозаическою, то-есть, историческою и философскою. Такъ въ ней говорится: *πάσῃ φολακῆι τὴν ψυχὴν τηρητέον, μὴ διὰ τῆς τῶν λόγων ἡδονῆς, παραδεξάμενοί τι λάθωμεν τῶν χειρόνων*; надлежитъ оберегать душу, чтобы мы, по причинѣ прелести τῶν λόγων, то-есть стихотвореній, поэтической рѣчи, незамѣтно не восприняли чего-нибудь дурнаго. Кромѣ того тамъ же читается: *Ἔως γε μὲν ὑπὸ τῆς ἡλικίας ἐπακούειν τοῦ βάρους τῆς διανοίας αὐτῶν (= τῶν ἱερῶν λόγων) οὐχ οἶόν τε, ἐν ἑτέροις (sc. λόγοις) οὐ πάντῃ διεστηκόσιν, ὥσπερ ἐν σκιάῃσι τοῖσι καὶ κατόπτροις, τῶι τῆς ψυχῆς ὄμματι προγυμναζόμεθα etc.* По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока по возрасту своему мы не въ состояніи постичь глубокаго смысла его (то-есть священнаго писанія), до тѣхъ поръ мы упражняемся напередъ духовнымъ глазомъ по другимъ сочиненіямъ, (ἐν ἑτέροις λόγοις).

Но λόγος означаетъ не только отдѣльную часть сочиненія, но и сочиненіе, книгу вообще, такъ что λόγοι = сочиненія, книги = γράμματα, litterae. Напримѣръ, въ различныхъ спискахъ сочиненій Иппократа, между прочимъ, парижской библіотеки № 2255 (ср. и № 2254) по Литтре (Littré, Oeuvres d' Hippocrate, t. I, p. 518) написано: *Τὸ παρὸν βιβλίον περιέχει Ἰπποκράτους λόγους λθ'*, ὧν τὸν κατάλογον εὐρήσεις ἐν τῶι τέλει τοῦ βιβλίου. *Ἀρχονται δὲ ἐξ ἀρχῆς καὶ τελειοῦνται εἰς τὸν περὶ προγνώσεως λόγον*, то-есть, настоящая книга содержитъ 39 сочиненій Иппократа, перечень которыхъ найдешь въ концѣ книги. Начинаются онѣ съ начала (то-есть съ перваго сочиненія Иппократа) и кончаются сочиненіемъ о прогнозисѣ.

Позволю себѣ привести еще часть предисловія къ Альдинскому изданію Павсанія, написаннаго М. Мусуромъ, которую выписалъ Менге на стр. 39, и въ которой употребляется какъ λόγοι, по всей вѣроятности въ смыслѣ литературы, такъ, кромѣ того, и двойственное число ἄμφω τῶ λόφω. Здѣсь цѣль греческой школы (академіи), которую тогда Левъ X задумывалъ основать въ Римѣ, опредѣляется М. Мусуромъ словами: *ὡς μὴ ἀποσβεσθῆι, τὸ σωζόμενον ἔτι τῶν ἐλληνικῶν λόγων*, чтобы не погасла, то-есть не погибла дошедшая до той поры часть греческой литературы, разумѣтся, и знакомство съ нею. Далѣе М. М. говоритъ, что молодые Греки, принятые въ число учениковъ этой школы, найдутъ въ ней и кровлю и одежду и дѣльныхъ учителей, такъ что, вслѣдствіе того, они будутъ удивительно какъ успѣ-

вать, περί ἄμφω τὸ λόγῳ. А такъ какъ для сохраненія греческой литературы и распространенія знакомства съ ней (чего явно желалъ Левъ X), никакъ не нужно особеннаго знанія діалектики, а необходимо знаніе преимущественно греческой словесности, затѣмъ и римской, такъ какъ латинскій языкъ былъ тогда органомъ науки и преподаванія, — то и здѣсь, какъ и въ приведенномъ выше письмѣ, М. Мусуръ употребляетъ ἄμφω τὸ λόγῳ въ смыслѣ той и другой словесности. Вслѣдствіе этихъ мѣстъ, а особенно послѣдняго, можно бы было считать вполне доказаннымъ то, что и въ припискѣ Марціановской рукописи, ἄμφω τὸ λόγῳ значать то же самое, а отнюдь не діалектику, если бы употребленіе двойственнаго числа не казалось крайне страннымъ. Объяснить его я не берусь; могу только указать на то, какимъ путемъ можно бы было понять это явленіе. Такъ какъ уже въ κοινή διάλεκτος Александрійской эпохи двойственнаго числа не существовало, то и отдѣльныя употребленія его учеными той или позднѣйшей, византійской эпохи представляютъ подражаніе древнѣйшему языку или явленіямъ, встрѣчаемымъ въ древнихъ памятникахъ языка, можетъ быть только по искаженному преданію текста, явленіямъ, въ которыхъ, по объясненію александрійскихъ или византійскихъ ученыхъ, доступному ученымъ конца 15 и начала 16 столѣтій, двойственное число означало распаденіе на двое множества предметовъ. Но въ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ, гдѣ двойственное число объясняется такимъ образомъ, то византійскими учеными, то новѣйшими, въ формѣ двойственнаго числа ставится или прилагательное (причастіе), какъ, напримѣръ, *Iliad.* А 565 сл., гдѣ съ θεοί согласовано будто бы ἰόνθ', то-есть ἰόντες, потому-де, что боги, какъ и люди, бываютъ или мужскаго или женскаго пола, или глаголъ, согласованный съ подлежащимъ во множественномъ числѣ или съ нѣсколькими подлежащими въ единственномъ числѣ, какъ, напримѣръ: Δ, 454 или Π, 371.

Итакъ, доступныя въ концѣ XV столѣтія объясненія такого рода подобныхъ приведеннымъ мѣстъ не могли навести ни М. Мусура, ни Альда Мануція на употребленіе двойственнаго числа τὸ λόγῳ въ выше опредѣленномъ смыслѣ. Пока не найдется болѣе удовлетворительнаго объясненія, можетъ быть позволено будетъ предположеніе, что двойственное число вызвано тутъ предшествующимъ ἄμφω, какъ оно вызывается и формою двойственнаго числа числительнаго δύο (употребленіе двойственнаго числа per attractionem см. Bieber, Aug., de duali numero apud epicos, lyricos, atticis, стр. 37

и сл.),—а если во всѣхъ примѣрахъ, приведенныхъ Виберомъ, двойственное число означаетъ только пару, состоящую исключительно изъ двухъ единицъ, а не изъ двухъ множествъ, и этими примѣрами, слѣдовательно, и аттракціею объясняется вполне употребленіе τὸ λόγῳ въ смыслѣ греческой и римской словесности, то можетъ быть ученые тогдашняго времени выражались такимъ образомъ по аналогіи, напримѣръ, латинскаго выраженія *utraeque litterae* въ значеніи: та и другая литература.

Другой случай, гдѣ я не согласенъ съ авторомъ „Основъ“, и о которомъ я желаю упомянуть, слѣдующій. На стр. 9-й въ описаніи Крипсіановскаго списка читаемъ: „(Знаки препинанія) поставлены рѣшительно на угадъ и (вычеркни: даже) не впопадъ. Бываетъ напримѣръ, что ѣv находится (или находилось первоначально) между запятыми“.

Послѣдній фактъ, по моему, вовсе не доказываетъ того, что знаки препинанія въ списокѣ поставлены на угадъ, а только то, что писецъ, которому мы обязаны Крипсіанскимъ спискомъ, въ постановкѣ знаковъ былъ небреженъ. Если ѣv подчасъ находится между запятыми, то можетъ быть по оплошности писецъ возлѣ ѣv поставилъ лишнюю запятую, и эту оплошность впоследствии позабылъ исправить, какъ онъ это дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по замѣчанію г. Ернштедта, ѣv находилось между запятыми только первоначально. Такая оплошность въ постановкѣ знаковъ препинанія—явленіе не рѣдкое; мнѣ приходилось встрѣчать ее въ различныхъ плохихъ спискахъ древнихъ авторовъ; но при всей оплошности писцевъ въ этомъ отношеніи я замѣчалъ (и въ этомъ случаѣ едва-ли ошибаюсь), что или въ дошедшемъ до насъ списокѣ, или въ оригиналѣ, съ котораго онъ списанъ, соблюдалась какая-то система, отличная, разумѣется, отъ нашей системы постановки знаковъ препинанія. Мнѣ казалось, что различные знаки препинанія въ прозаическихъ сочиненіяхъ—въ византійскій періодъ греческой литературы—ставились въ концѣ какъ предложеній и періодовъ, такъ и каждаго изъ противопологаемыхъ одно другому колѣнъ (κῶλα) періодовъ или предложеній, то-есть вездѣ, гдѣ конецъ колѣна, предложенія, періода при чтеніи (декламации) означался особенною модуляціею голоса. Итакъ, постановка знаковъ препинанія должна была служить облегченіемъ при чтеніи (декламации), а отнюдь не указаніемъ на синтаксическій строй періода или предложенія. Эту догадку я высказываю тѣмъ смѣлѣе, что она подтверждается замѣчаніями и другихъ ученыхъ, такъ, на-

примѣръ, замѣчаніемъ Штальбаума (Stallbaum) въ предисловіи къ перепечатанному имъ изъ римскаго изданія Евстаѣіева комментарія къ Одиссеѣ. Слова его: *Interpunctio veterum codicum cum omnino magis ad recitandi usum comparata fuit, quam ad intelligendi rationem (!?)*. *Atque hinc factum est, ut ubi verbum est omissum est, comma interponi soleret. Multa tamen carent certa ratione hoc in genere* (то есть, по моему, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ система затемнѣна небрежностью переписчиковъ). Желательно, чтобы кто-нибудь взялся за скучную, но полезную работу, выяснить основательно, и изложить, хотя вкратцѣ, но все-таки съ надлежащею полнотою господствовавшую въ византійскій періодъ, а можетъ быть даже и въ концѣ александрійскаго періода, систему постановки знаковъ препинанія.

Разсмотримъ теперь, преимущественно на основаніи предисловія къ изданію Антифонта, какимъ образомъ разобранъ г. Ернштедтомъ вопросъ о взаимномъ отношеніи рукописей, и какъ устроено его изданіе рѣчей Антифонта.

Что А, В, L, M, Z происходятъ изъ одного источника, авторъ выводитъ, какъ уже замѣчено выше, изъ того явленія, что во всѣхъ этихъ спискахъ, на сколько можно заключить по скуднымъ замѣткамъ И. Беккера въ его изданіяхъ, а отчасти и по его молчанію, — и ораторы и рѣчи ихъ слѣдуютъ другъ за другомъ въ одинаковомъ порядкѣ. Происхожденіе однихъ изъ этихъ списковъ отъ другихъ г. Ернштедтъ показываетъ на основаніи пропусковъ, общихъ въ однихъ спискахъ и не встрѣчаемыхъ въ другихъ. Наглядную таблицу пропусковъ представилъ онъ на XII и слѣд. страницахъ введенія; причемъ онъ не могъ не замѣтить, что, приписывая извѣстные варианты той или другой рукописи, И. Б. иногда могъ ошибаться.

Кромѣ того, для того, чтобы возможно было съ большей увѣренностью говорить о спискахъ L и особенно о свойственныхъ ему пропускахъ, рассмотрѣнъ вопросъ о томъ, по какому списку напечатана Альдина (то есть первое изданіе Альдомъ Мануціемъ мелкихъ ораторовъ), и показано, что все сообщенное намъ И. Беккеромъ о рукописи L, совершенно сходно съ текстомъ Альдины; а всѣ отступленія этого изданія отъ чтенія списка L представляются попытками Альда исправить текстъ, попытками то удачными, то неудачными. Такимъ образомъ, г. Ернштедтъ отстраняетъ догадку нѣкоторыхъ новыхъ критиковъ, будто рукопись, съ которой напечатана Альдина, имѣла какое-то самостоятельное значеніе.

Изъ сличенія пропусковъ, встрѣчаемыхъ въ спискахъ А, В, L, М, Z, становится яснымъ, что В копія съ А, а L копія съ В, М копія съ L, Z копія съ М; причемъ г. Ернштедтъ нѣсколько разъ оговаривается, что въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно или даже невозможно безъ новаго сличенія списковъ рѣшить, надлежитъ ли принимать списокъ х за непосредственную или только за посредственную копію со списка у.

Такимъ образомъ, результатомъ розысканія нашего автора является слѣдующее: преимущество списка А предъ В, L, М, Z несомнѣнно, но не только преимущество списка А, но и несамостоятельность списковъ В, L, М, Z; такъ что никакъ нельзя болѣе принимать эти худшіе списки за самостоятельные, за особенную фамилію списковъ.

Такимъ образомъ, г. Ернштедтъ (въ истинѣ этого положенія онъ насъ совершенно убѣдилъ) признаетъ только два самостоятельныхъ источника преданія текста мелкихъ ораторовъ, а именно въ спискахъ N и A. Насчетъ ихъ взаимнаго отношенія онъ приходитъ къ результату противоположному мнѣнію Г. Зауппе, по слѣдующимъ причинамъ. Вопервыхъ, Зауппе былъ не рѣдко введенъ въ заблужденіе неточнымъ, неумѣлымъ сличеніемъ списка N, которымъ онъ пользовался; кромѣ того, Зауппе—наперекоръ его признанію, что такъ не должно поступать,—въ доказательство своего мнѣнія объ отношеніи двухъ поименованныхъ списковъ, зачастую пользуется такими различіями чтенія одного списка отъ чтенія другаго, которыя, при надлежащемъ вниманіи и знаніи дѣла, оказываются безразличными, потому что могутъ быть принимаемы то за бессознательныя описки писца, то за сознательныя попытки его исправить текстъ; причемъ отчасти даже ясно видѣнъ поводъ, заставившій переписчика отступать отъ найденнаго имъ въ оригиналѣ чтенія. Отчасти эти измѣненія текста самыя легкія, отчасти и вполне удачныя. Отстраненіе вариантовъ, разборъ которыхъ не можетъ рѣшить вопроса о взаимномъ отношеніи двухъ главныхъ списковъ, составляетъ, по моему, одну изъ главныхъ заслугъ изслѣдованій г. Ернштедта. Въ этомъ дѣлѣ онъ показываетъ замѣчательную осмотрительность, остроуміе, знакомство какъ съ дѣломъ критики вообще, такъ особенно и съ палеографіею; здѣсь онъ обращаетъ обыкновенно вниманіе на всѣ различныя стороны, съ которыхъ только можетъ быть разсмотрѣно то или другое различіе чтенія. Приведу только одинъ примѣръ такой осмотрительности, который съ тѣмъ вмѣстѣ покажетъ и сжатость изложенія въ предисловіи. На стр. XXXVI сл. авторъ говоритъ:

„V, 90 A cum habeat φηρισμένοις (sequitur μὲν ὑμῖν ἐμοῦ), Sauppe

id quod est in N φεισαμένοις aliquo modo sententiae convenire dicit, sed verissimam esse Aldi conjecturam ἀποψηφισαμένοις. fugit igitur virum clarissimum φεισαμένοις μὲν unice convenire ei quod paullo infra legitur ἀπολέσσαι δὲ, quae scriptura a Turicensibus demum editoribus, Sauppio et Baitero auctore Dobraeo reposita est pro ἀπολογήσασθαι. nam quod Schöll (ann. phil. СIII, p. 301) negat hominem qui se injuria accusatum dicat poscere posse ut sibi a iudicibus parcat, quale hoc sit docent verba Socratis Platonici (Apologia p. 31 A): ἀλλ' ἐὰν πείθηθε, φείσεσθέ μου. neque eo ψηφισαμένοις commendatur quod absurdum est, facile enim ex φεισαμένοις fieri potuit φισαμένοις ac deinde pro hoc substitui ψηφισαμένοις sententiae quidem non aptum, at bene graecum vocabulum, qualibus in correctionibus librariorum saepe acquiescisse nemo nescit ¹⁾).

Такъ, авторъ доказаль, что А и N списаны съ одного источника, но списокъ N свободнѣе отъ произвольныхъ интерполяцій, нежели А, и потому самый чистый, самый надежный источникъ преданія текста.

При изслѣдованіи взаимнаго отношенія рукописей г. Ершштедтъ не могъ не входить и въ исторію ихъ. Онъ разъяснилъ особенно исторію

¹⁾ Въ вѣрности изложенной поправки сомнѣвается Кобетъ въ отзывѣ объ изданіи Ершштедтомъ Антифонта, о которомъ я въ скоромъ времени поговорю, и высказывается *противъ пріямія V, 90 чтенія*: φεισαμένοις и за *Лондонско чтеніе* ἀποψηφισαμένοις, — утверждая, что въ словахъ Сократовой Аποлогіи Платона р. 31: τοιοῦτος ἄλλος οὐ ραϊδίως ὑμῖν, γενήσεται, ὃ ἄνδρας ἀλλ' ἐὰν πείθηθε φείσεσθέ μου. Г. Ершштедтъ невѣрно понялъ мысли Сократа Платоновскаго, ничего не сказавшаго о пощадѣ Сократа, а о томъ, что надо его *сберечь, спасти* на будущее время, какъ чловѣка, еще нужнаго для блага аеинскаго государства. Безъ сомнѣнія, высказанное въ послѣднихъ словахъ мнѣніе Кобета вполне вѣрно, но покуда онъ не опровергнетъ того, что въ этомъ мѣствѣ догадка Добри ἀπολέσσαι совершенно вѣрна, — а въдъ съ этимъ онъ соглашается (ср. въ отзывѣ стр. 17 и 18, къ рѣчи V, § 70), — покуда противоположеніе ἀποψηφισασθαι и ἀπολέσαι останется какъ-то неладнымъ, между тѣмъ если бы поставить φεισαμένοις, то все гладко и ладно. Да изъ φεισαμένοις могло прозвойдти и ψηφισαμένοις, то-есть чтеніе лучшаго, по г. Ершштедту, источника текста Антифонта.

Но, правда, Кобетъ не согласенъ и съ тѣмъ выводомъ г. Ершштедта, что дѣйствительно лучшей источникъ текста Антифонта N; по его же мнѣнію, такой источникъ не списокъ N, а списокъ А, не Оксфордская рукопись, а Крипсіанская—въ Лондонскомъ British Museum. Но это Кобетъ обѣщаль изложить впоследствии; поэтому намъ приходится дожидаться, пока онъ докажетъ мнѣніе свое.

списка А, списковъ В, L и М, о которыхъ онъ сообщаетъ намъ факты, или бывшіе еще совершенно неизвѣстными или изложенные неполнѣе точно. Далѣе, онъ вѣрнѣе Сигга разбираетъ вопросъ о различныхъ почеркахъ, замѣчаемыхъ или будто замѣчаемыхъ въ списокъ А; онъ отличаетъ въ немъ поправки самого писца, сдѣланные по оригиналу списка (А¹), отъ позднѣйшихъ поправокъ (А²); между тѣмъ какъ Сиггъ отмѣчалъ три почерка въ списокъ.

Что касается до изданія Антифонта, то текстъ его основанъ — какъ и нельзя было не ожидать, преимущественно на списокъ N; но вездѣ приводятся и чтенія списка А, съ тою цѣлью, чтобы читатель могъ убѣдиться самъ въ вѣрности результата розысканій, что текстъ должно основывать исключительно на списокъ N. Чтенія же остальныхъ худшихъ рукописей приводятся г. Ернштедтомъ не чаще догадокъ новѣйшихъ ученыхъ и только въ такихъ же точно случаяхъ, какъ и послѣднія, то-есть только къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ представляютъ достойную вниманія поправку текста, представляемого или списками N и А, или однимъ спискомъ N, поправку, все равно сдѣлана ли она сознательно или можетъ быть и бессознательно. Изъ такихъ поправокъ внесены въ самый текстъ только тѣ, которыя г. Ернштедту казались весьма вѣроятными, чуть ли не несомнѣнными; а тѣ, которыя ему казались только правдоподобными, но далеко не несомнѣнными, онъ оставлялъ подъ текстомъ. Множество попытокъ исправить текстъ, какъ, на примѣръ, попытокъ прилежнаго и старательнаго, но не довольно остроумнаго покойнаго К. Ф. Кайзера, г. Ернштедтъ вовсе — даже и съ намѣреніемъ — не упоминаетъ. Изъ поправокъ новѣйшихъ ученыхъ чаще всего приняты въ текстъ поправки двухъ остроумнѣйшихъ критиковъ Іоанна-Якова Рейске (J. Jacob Reiske) и Петра-Павла Добри (Peter Paul Dobree).

Такимъ образомъ, въ новѣйшемъ изданіи текстъ Антифонта значительно исправнѣе текста всѣхъ прежнихъ изданій, а критическія примѣчанія освобождены отъ лишняго хлама *variantum lectionum* и догадокъ новѣйшихъ ученыхъ, хлама, обременявшаго старинныя лжекритическія изданія, хлама, противъ котораго постоянно ратуетъ славный голландскій критикъ Кобетъ. Это изданіе можетъ облегчать и дальнѣйшее изученіе и исправленіе текста Антифонта.

Если едва возможно сомнѣваться въ вѣрности основанія текста Антифонта, признаваемаго г. Ернштедтомъ, то относительно частностей, разумѣется, нерѣдко прійдется усомниться, правъ ли авторъ,

когда онъ такую-то догадку принимаетъ въ текстъ, а другую только въ отдѣлѣ примѣчаній.

Не стану приводить въ частностяхъ свое несогласіе съ принятыми г. Ернштедтомъ чтеніями, гдѣ, по моему мнѣнію, дѣло не касается принципа. За то упомяну свое несогласіе съ авторомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ по принципу важно, какое чтеніе принимать или не принимать въ текстъ.

Такъ, по моему мнѣнію, нельзя одобрить того, что I, 10 авторъ вмѣсто рукописнаго чтенія ἐρωτῶ μὴ внесъ въ текстъ ἐρωτῶίνην, отвергнувъ поправку Рейске: ἐρωτῶίμι, принятую всѣми новѣйшими издателями (которые, разумѣется, пишутъ ἐρωτῶίμι, какъ и авторъ ἐρωτῶίνην). Дѣло вотъ въ чемъ. Въ аттическомъ діалектѣ формы желательнаго на *ιμι* (то-есть *οιμι*, *οις*, *οι* и т. д.), то-есть формы, гдѣ суффиксъ желательнаго наклоненія одно *ι*, а не *ιῆ* (*ιῆ*) или *ιε*, а суффиксъ перваго лица ед. числа полное окончаніе—*μι*, а не усѣченное — *ν*, имѣютъ въ желательномъ наклоненіи всѣ глаголы, за исключеніемъ глаголовъ на—*μι* и глаголовъ на *ᾶω*, *ἑώ*, *ῶω*. Послѣдніе глаголы у Атиковъ оканчиваются обыкновенно на *ίην*, *ίης*, *ίη* (*οίην*, *οίης*, *οίη*) или *οίην*, *οίης* и т. д. Но такъ не всегда было. Въ древне-іонійскомъ языкѣ эпоса и древне-дорійской лирики, въ омирическихъ пѣсняхъ и въ лирикѣ Пиндара, и въ слитныхъ глаголахъ употребляются еще нерѣдко окончанія *οίμι* *οίς*, *οί* или *οίμι*, *οίς*, *οί*; гораздо рѣже такія формы желательнаго наклоненія въ аттической драмѣ; см., однако, Софоклова Филоклита 895, ср. съ 1393 и Еврип. Иппол. 336. Затѣмъ, эти формы становятся весьма рѣдкими; судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, писцы не рѣдко замѣняли формы—*μι*, *ις*, *ι* (*οιμι*, *οις*, *οι* или *οιμι*, *οις* и *οι*) болѣе обыкновенными, такъ-называемыми аттическими формами желательнаго наклоненія (ср. Lagosche, въ Zeitschr. f. österr. Gymn. 1874, стр. 421 слл. и вообще Г. Курциусъ Das griech. Verbum, стр. 91 слл.) На основаніи связаннаго, можно съ увѣренностью утверждать, что уже во времена аттическихъ трагиковъ обыкновенныя формы желательнаго наклоненія глаголовъ слитныхъ были *ιην*, *ιης*, *ιη*; но были ли онѣ, напримѣръ, въ продолженіе всего пятаго столѣтія, исключительно въ употребленіи, этого утверждать никакъ нельзя. Итакъ, нельзя и воплѣтъ отвергать относительно этого времени употребленіе формъ *οιμι*, *οις*, *οι* (или *οιμι*, *οις*, *οι*)¹⁾. Вотъ почему и въ нашемъ мѣстѣ, по моему мнѣнію, или

¹⁾ Дѣло не измѣняется тѣмъ, нужно ли принимать такое *μι* желательнаго

въ текстъ нужно было ввести исправленіе Рейске и возстановить здѣсь прежнюю форму $\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega}\mu\iota$, изъ которой, такъ какъ она въ позднѣйшее время произносилась, а отчасти и писалась $\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega}\mu\iota$, легко могло образоваться $\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega} \mu\eta$, или же, если употребленіе Антифонтомъ такой формы, какая ни въ рукописяхъ, ни въ надписяхъ V столѣтія не встрѣчается, исключая у поэтовъ, казалось нашему автору сомнительнымъ, то надлежало по крайней мѣрѣ оставить въ текстѣ рукописное чтеніе $\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega} \mu\eta$, не смотря на то, что это чтеніе явно бессмысленно и непонятно. Послѣднее обстоятельство, однако, не бѣда. Вѣдь это изданіе не назначено для употребленія учениками-гимназистами. А введеніемъ въ текстъ поправки $\epsilon\rho\omega\tau\acute{\omega}\iota\gamma\upsilon$, какъ то дѣлаетъ г. Ернштедтъ, устраняется на задній планъ чтеніе, правда, само по себѣ ошибочное, но указывающее, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію и по мнѣнію, безъ сомнѣнія, всѣхъ издателей, начиная съ Рейске, на первоначально вѣрное чтеніе.

наклоненія за явленіе, свойственное не одному греческому языку, но за явленіе наследственное, принятое имъ изъ доисторической индо-европейской эпохи, какъ то полагаютъ и Курціусъ въ означенномъ мѣстѣ, или нужно такіа желательныя наклоненія на $\mu\iota$, гдѣ они встрѣчаются, принимать за нововведенія (см. Густ. Мейера, Griechische Grammatik, стр. 350, 3). Во всякомъ случаѣ это нововведеніе было уже введено во времена составленія (сложенія) омирическихъ пѣсней, и потому можетъ быть въ древнѣйшее время было уже достояніемъ греческаго языка, прежде чѣмъ онъ началъ явно распадаться на отдѣльные діалекты. Вотъ почему употребленіе аттическими писателями такихъ формъ въ глаголахъ слитныхъ, по моему мнѣнію, мы не имѣемъ право приписывать исклю-чительно вліянію языка омирическаго эпоса, какъ то думаетъ г. Ернштедтъ; тѣмъ менѣе мы имѣемъ право предполагать, что въ глаголахъ на ω (напримѣръ, $\tau\rho\epsilon\phi\epsilon\iota\upsilon$) встрѣчается $\mu\iota$ только у греческихъ писателей, а отнюдь не въ омирическомъ эпосѣ.

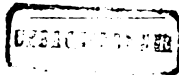
К. Люгебиль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1880.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90-1.

1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Взглядъ Никона на значеніе патриаршей
власти В. К—ва.
- Замѣтки объ изданіи Новгородскихъ пис-
цовыхъ книгъ. А. НИКИТСКАГО.
- Очерки Черногорья Н. РОВИНСКАГО.
- Петренда голландскаго поэта Гадзо Копман-
зія Л. МИЛЛЕРА.
- Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ
Лангобардской Италіи (Окончаніе.) . П. ВИНОГРАДОВА.
- О жизни и трудахъ Симеона Метафраста. . В. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
- Критическія и библиографическія замѣтки:
Податки за исторію сръпске цркви из путничког
записника П. СЫРКУ.
- Объ элементарномъ курсѣ грамматики. . . Ал. СТРАХОВА.
- О зданіяхъ для реальныхъ училищъ . . Булгака.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: высшія
учебныя заведенія.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEBA

Князьининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

1880.

Средняя Подъячская, 1.
2164

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

2. (23-го сентября 1880 г.) Объ открытіи приготовительнаго класса при второй Дерптской учительской семинаріи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта объ открытіи приготовительнаго класса при второй Дерптской учительской семинаріи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь князь Урусовъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ открытіи приготовительнаго класса при второй Дерптской учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

1) При второй Дерптской учительской семинаріи открыть, съ 1-го іюля 1881 года, приготовительный классъ, назначивъ особаго для сего класса учителя, на одинаковыхъ вообще основаніяхъ съ учителями начальныхъ училищъ при учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

2) Установленіе правилъ о времени пребыванія учениковъ въ при-

готовительномъ классѣ, объ условіяхъ приѣма въ оный, а также о предметахъ и объемѣ преподаванія предоставить попечителю Дерптскаго учебнаго округа, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія; самый же порядокъ занятій въ семь классѣ, равно какъ и всѣ дѣла по оному, предоставить вѣдѣнію педагогическаго совѣта названной учительской семинаріи, на общемъ основаніи съ дѣлами семинаріи.

3) Тому же педагогическому совѣту предоставить распредѣленіе положенныхъ по штату семинаріи казенныхъ стипендій между воспитанниками основныхъ и приготовительнаго класса оной.

4) На содержаніе открываемаго приготовительнаго класса отпустить изъ государственнаго казначейства по одной тысячѣ триста рублей въ годъ, въ томъ числѣ: на жалованье учителю сего класса 450 р., на наемъ помѣщеній для класса, учителя и воспитанниковъ 500 р., на отопленіе и освѣщеніе помѣщеній воспитанниковъ, на соотвѣтственное увеличеніе прислуги при семинаріи, а также на учебныя пособія и учебныя матеріалы 350 руб., съ включеніемъ этихъ денегъ съ 1882 года въ расходныя смѣты министерства народнаго просвѣщенія; по смѣтѣ же министерства на 1881 г. ассигновать, по расчету съ 1-го іюля, половину упомянутой суммы, именно шестьсотъ пятьдесятъ рублей. Кромѣ того, въ смѣту на 1881 годъ внести, единовременнымъ расходомъ, двѣсти рублей на приобрѣтеніе мебели и классныхъ принадлежностей для означеннаго класса.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

3. (13-го октября 1880 г.) О присвоеніи открываемому въ гор. Костромѣ четвертому начальному народному училищу наименованія „Александровскаго“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ: открываемому въ гор. Костромѣ, согласно постановленію Костромской городской думы, въ ознаменованіе исполнившагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Его Императорскаго Величества, на счетъ городскихъ средствъ, четвертому начальному народному училищу присвоить наименованіе „Александровскаго“, по Августѣйшему имени Его Величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Вели-

честву благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

4. (13-го октября 1880 г.) О принятіи подѣ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексія Александровича Репьевскаго сельскаго начальнаго училища, Сызранскаго уѣзда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе подѣ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексія Александровича Репьевскаго сельскаго начальнаго училища, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, согласно просьбѣ о томъ членовъ церковнаго попечительства Успенско-Репьевскаго прихода.

II. ВЫСОЧАЙШИИ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(№ 11). 17-го сентября 1880 года. Утверждаются: въ званіи камергера, статскій совѣтникъ Себряковъ—почетнымъ попечителемъ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, по май 1882 года.

Докторъ медицины Вагнеръ—вновь почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища св. Павла, на три года, съ 13-го августа 1880 года (Высоч. пов. 13-го августа 1880 года).

Самарскій 1-й гильдіи купецъ Субботинъ—почетнымъ попечителемъ Самарскаго реальнаго училища, на три года.

Назначается: помощникъ начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Разумихинъ—начальникомъ сего архива.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: сверхштатному астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи Струве—на два мѣсяца, съ 1-го сентября 1880 года.

Экстраординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Петріеву—на одинъ годъ, съ 1-го мая 1880 года.

Кандидату Императорскаго Варшавскаго университета Качановскому—на одинъ годъ, съ 1-го іюля 1880 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Востоковъ — на восемь мѣсяцевъ съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на два мѣсяца.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Гавриловъ, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го октября 1880 г.). Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи учителямъ церковныхъ школъ иностранныхъ исповѣданій удостовѣреній требуемыхъ п. 3, ст. 63 уст. о воинской повинности для пользованія льготою при отбываніи этой повинности.

Въ разрѣшеніе возникшаго по вѣдомствамъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія вопроса о томъ, какимъ порядкомъ учителя церковныхъ школъ, иностранныхъ исповѣданій, должны получать удостовѣренія, требуемыя п. 3 ст. 63 устава о воин. повин. для пользованія льготою по отбыванію этой повинности, по соглашенію сихъ министерствъ, признано соотвѣтственнымъ установить слѣдующее:

1. Учителя тѣхъ изъ означенныхъ школъ, находящихся въ завѣдываніи мѣстныхъ консисторій, кои поименованы въ приложенномъ къ уставу о воинской повинности списокѣ учебныхъ заведеній и дополнительныхъ къ оному распоряженіяхъ, получаютъ требуемыя ст. 63 сего устава удостовѣренія изъ консисторій своего исповѣданія, кромѣ губерній Виленскаго учебнаго округа, гдѣ упомянутыя удостовѣренія выдаются на общемъ основаніи подлежащими директорами народныхъ училищъ, по представленіямъ мѣстныхъ инспекторовъ, а также исключая лютеранскихъ школъ Прибалтійскихъ губерній, учителямъ коихъ таковыя удостовѣренія выдаются порядкомъ, опредѣляемымъ въ Высочайше утвержденномъ 3 февраля 1876 г. мнѣніи государственнаго совѣта.

2. Консисторіи вѣдѣютъ въ обязанность духовнымъ лицамъ, за вѣдующимъ на мѣстѣ школами, доставлять непосредственно отъ себя по третямъ года директорамъ народныхъ училищъ (а гдѣ ихъ нѣтъ, губернскимъ директорамъ училищъ, или начальникамъ учебныхъ дирекцій, или инспекторамъ народныхъ училищъ) списки такихъ учителей сихъ школъ, которые по возрасту подлежатъ призыву въ войска или зачислены въ запасъ арміи, но которымъ не истекъ еще 6-ти лѣтній срокъ со времени зачисленія ихъ въ запасъ. Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ находятся учителя какъ сей категоріи, такъ и не подлежащіе воинской повинности, въ списки вносятся и тѣ и другіе. Списки же учителей такихъ школъ, гдѣ нѣтъ преподавателей, подлежащихъ призыву въ войска или зачисленныхъ въ запасъ, не представляются.

3. Списки должны заключать въ себѣ обозначеніе: а) школы, гдѣ каждый учитель преподаетъ; б) званія или сословія, къ коему онъ принадлежитъ; в) времени, съ котораго онъ состоитъ преподавателемъ и г) мѣста, гдѣ получилъ образованіе. Кромѣ того, въ первомъ по времени изъ представляемыхъ списковъ, слѣдуетъ изложить свѣдѣнія о числѣ классовъ, а также мужскихъ и женскихъ отдѣленій въ церковныхъ школахъ: въ послѣдующихъ же спискахъ сообщаются лишь измѣненія, когда таковыя произойдутъ въ устройствѣ упомянутыхъ школъ.

4. На основаніи означенныхъ списковъ, директора и инспекторы народныхъ училищъ и соотвѣтствующія имъ лица учебнаго вѣдомства имѣютъ при обычномъ осмотрѣ упомянутыхъ школъ наблюденіе, находятся ли при исполненіи своихъ обязанностей тѣ изъ учителей сихъ школъ, коимъ выданы упомянутыя въ п. 1 удостовѣренія.

5. Учители церковныхъ школъ, окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ, или такихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ преподаваніе русскаго языка необязательно, должны, сверхъ удостовѣреній, упомянутыхъ въ п. 1, представлять примѣнительно къ ст. 37 уст. о воинской повинности удостовѣренія въ умѣнн бѣгло и со смысломъ читать и четко писать по русски.

6. Испытаніе таковыхъ учителей въ знаніи русскаго языка производится на основаніи прилагаемыхъ у сего правилъ, педагогическими совѣтами правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, которые и выдаютъ надлежащія въ семъ удостовѣренія по указанной въ правилахъ формѣ.

О вышеизложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходитель-

ству съ приложеніемъ экземпляровъ упомянутыхъ выше правилъ, для зависящихъ распоряженій.

Правила для испытаній и выдачи учителямъ школъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій удостовѣреній въ знаніи русскаго языка, требуемыхъ ст. 57 устава о воинской повинности 1-го января 1874 г.

(Утверждены г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Желаящій подвергнуться испытанію въ означенномъ знаніи русскаго языка, долженъ собственноручно написать о томъ прошеніе на имя ближайшаго къ его мѣсту жительства педагогическаго совѣта такого правительственнаго учебнаго заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ преподается русскій языкъ.

2) Въ прошеніи должно быть указано званіе или сословіе просителя, лѣта его, при чемъ представляется свидѣтельство, въ подлинникѣ, или въ копіи, объ окончаніи просителемъ курса ученія въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи. Свидѣтельство, представленное въ подлинникѣ, возвращается просителю, по минованіи надобности.

3) Прошеніе должно быть засвидѣтельствовано пасторомъ, патеромъ и вообще священникомъ того церковнаго прихода, гдѣ проситель состоитъ учителемъ школы.

4) Прошеніе подается лично просителемъ предсѣдателю педагогическаго совѣта соответствующаго учебнаго заведенія, причемъ предсѣдатель въ то же время опредѣляетъ срокъ испытанія.

5) Испытаніе производится въ присутствіи предсѣдателя педагогическаго совѣта и одного или двухъ членовъ онаго.

6) Испытаніе состоитъ въ слѣдующемъ: а) по выбору экзаменаторовъ, испытуемый читаетъ нѣсколько статей изъ какой нибудь книги для чтенія и пересказываетъ содержаніе ихъ, хотя по вопросамъ со стороны экзаменаторовъ; б) испытуемый пишетъ подъ диктовку одну изъ статей прочитанныхъ имъ во время испытанія.

7) Чтеніе должно быть бѣгло, со смысломъ и безъ особенныхъ неправильностей въ произношеніи, а диктовка написана четко, безъ линеекъ, безъ особеннаго искаженія продиктованнаго и съ обозначеніемъ знаковъ препинанія.

8) Экзаменаторы оцѣниваютъ достоинство отвѣта устнаго и письменнаго словами: „удовлетворительны“ и „неудовлетворительны“ при

чемъ каждый изъ нихъ собственноручно вноситъ оцѣнку на тотъ же листъ, на которомъ написана диктовка, съ подписью своей фамиліи.

9) Письменная работа испытуемаго вносится въ педагогическій совѣтъ, который, въ случаѣ признанія ея удовлетворительною, опредѣляетъ выдачу свидѣтельства по формѣ, указанной ниже.

10) Свидѣтельство это выдается испытуемому подъ собственноручную росписку, которая дѣлается на его же прошеніи.

11) Прошеніе испытуемаго и его письменная работа сохраняются при дѣлахъ соответствующаго учебнаго заведенія.

Форма удостовѣренія.

Такой-то педагогическій совѣтъ симъ удостовѣряетъ, что такой-то (обозначить имя и прозваніе, званіе,) выдержалъ удовлетворительно, испытаніе въ знаніи русскаго языка, въ объемѣ, требуемомъ ст. 57 устава о воинской повинности. Выдано такового-то числа, мѣсяца и года.

Подписи членовъ совѣта.

2. (5-го ноября 1880 г.). Правила о стипендіи имени Григорія Николаевича Навроцкаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Земство Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, желая почитать полезную для земства дѣятельность землевладѣльца Роменскаго уѣзда, коллежскаго секретаря Навроцкаго, выразившуюся въ особенности въ дѣлѣ проведенія до г. Ромны желѣзной дороги, учреждаетъ въ честь его имени стипендію при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го октября 1880 года, именуется: „стипендія коллежскаго секретаря Григорія Николаевича Навроцкаго“.

§ 2. Капиталъ для этой стипендіи земство Роменскаго уѣзда отчислило по постановленію Роменскаго земскаго собранія 1875 года 18-го августа изъ свободныхъ остаточныхъ земскихъ суммъ, въ количествѣ трехъ тысячъ рублей, на которые Роменскою земскою управою приобрѣтены билеты восточнаго займа по номинальной ихъ стоимости въ суммѣ 3300 рублей.

§ 3. Цѣнности, составляющія капиталъ стипендіи, хранятся въ правленіи Харьковскаго университета, каковое правленіе получаетъ

слѣдующіе для выдачи стипендіатамъ проценты; при погашеніи же билетовъ и при накопленіи невыданныхъ процентовъ заботится о своевременномъ приобрѣтеніи соответственныхъ процентныхъ бумагъ.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ Григорію Николаевичу Навроцкому, во все время его жизни; о своемъ выборѣ онъ извѣщаетъ Роменскую земскую управу письменно. По смерти Навроцкаго, правомъ этимъ пользуется земство Роменскаго уѣзда, избирая стипендіатовъ изъ бѣдныхъ потомственныхъ дворянъ Роменскаго уѣзда.

§ 5. Начальство Харьковскаго университета выдаетъ стипендію по полугодіямъ, въ сроки полученія по капиталу процентовъ, тѣмъ студентамъ Харьковскаго университета, которые, по увѣдомленію Роменской уѣздной управы, будутъ избраны сначала Навроцкимъ, а затѣмъ Роменскимъ земствомъ.

§ 6. Въ виду незначительности размѣровъ стипендіи, стипендіатъ, по усмотрѣнію университетскаго начальства, можетъ пользоваться и другими стипендіями и пособіями.

§ 7. Буде по какимъ либо случайностямъ за какой нибудь годъ или полугодіе, стипендія не будетъ выдана, по ненахожденію ли стипендіата, или по причинѣ исключенія его изъ числа стипендіатовъ Харьковскаго университета, то на невыданныя суммы приобрѣтаются процентныя бумаги, которыя и присоединяются къ капиталу въ цѣляхъ увеличенія такимъ путемъ размѣровъ стипендіи въ будущемъ. Поэтому правленіе университета ведетъ особый счетъ какъ капиталу, такъ и процентамъ, не смѣшивая этихъ счетовъ съ другими своими источниками для выдачи стипендій.

§ 8. Въ случаѣ окончательнаго закрытія Харьковскаго университета капиталъ стипендіи, въ какихъ бы размѣрахъ онъ въ ту пору ни числился, возвращается Роменскому земству, которое, по своему усмотрѣнію, даетъ ему назначеніе на образовательныя цѣли, сохранивъ первоначальное названіе капитала.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: —

книгу „Исторія Греціи и Рима“ (курсъ систематическій). Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье, исправленное. С.-Петербургъ. 1880 г.—одобрить какъ руководство при преподаваніи древней исторіи въ V и VIII классахъ гимназій.

— Изданія: 1) Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ А. С. Грибоедова подъ редакціею П. А. Ефремова. 4 изд. С.-Пб. 1880 г. цѣна 10 к. 2) Повѣсти Карамзина. Бѣдная Лиза, Наталья, боярская дочь. Марфа Посадница и покореніе Новгорода Островъ Борнгольмъ. Чувствительный и холодный. Второе изданіе. С.-Пб. 1880 г. цѣна 15 к. и 3) Д. И. Фонъ-Визинъ. Двѣ комедіи. I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. II Недоросль. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Второе изданіе С.-Пб. 1880 г. цѣна 15 к. рекомендовать какъ учебныя пособія для всѣхъ учебныхъ заведеній, а также для библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книги подъ заглавіями: 1, „Homeri Ilias. Pars I. Iliadis, с. I — XII. Petropoli. Apud A. S. Suvorinum. 1880 г. цѣна 35 к. одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. 2, „Сокращенное изданіе латинскаго синтаксиса. И. В. Петушила, преподавателя древнихъ языковъ въ Харьковской 3-й гимназій и латинскаго языка въ Маріинской 1-й женской гимназій. Харьковъ. 1880 г. цѣна 75 к. — допустить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книги подъ заглавіями: 1) Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Сергіевскаго реальнаго училища Н. Раевскимъ. 3-е исправленное изданіе съ 142 рисунками. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.—одобрить какъ очень хорошее руководство для реальныхъ училищъ.

2) Приготовительный курсъ ботаники. Сост. по Любену директоромъ реальнаго училища Н. Раевскимъ. 8 изданіе, вновь исправленное, съ 49 рисунками. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 к.—одобрить какъ учебникъ для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій и какъ учебное пособіе для реальныхъ училищъ.

Русская Хрестоматія. 2 части. (1-я для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, 2-я для III и IV классовъ тѣхъ же заведеній). Сост. П. Смирновскій. С.-Пб. 1880 г. Цѣна: 1ч. — 85 к. 2-ой — 1руб.—одобрить какъ учебное пособіе для вышеозначенныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, то-есть 1-ю часть—для первыхъ двухъ классовъ, а 2-ю — для III и IV классовъ.

4) Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Вѣляевскаго. Изд. 2-е, испр. и дополненное. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р.— одобрить какъ учебное руководство для гимназій.

5) Хрестоматія въ руководству для теоретическаго изученія литературы. Влад. Стоюнина. 2 части. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 1 р. 25 за обѣ части—одобрить какъ учебное пособие для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— Книгу: „Основы умственнаго воспитанія въ связи съ психологіею и логикою. Педагогическое и дидактическое руководство для учителей гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и т. д. Сост. К. Гюнцбургъ. Москва. 1880 г.“ Цѣна 2 р.—допустить въ основныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ латинскаго языка для I и II классовъ гимназій. Составили вполне согласно съ учебнымъ планомъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го іюня 1877 г. П. Симсонъ и К. Югансонъ. Часть II. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и обратно. Дерптъ. 1880 г. Цѣна 1 р. 20 к.“—одобрить въ видѣ руководства по латинскому языку для I и II классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Учебникъ географіи. Курсъ I класса гимназій. Примѣнительно къ учебному плану министерства народнаго просвѣщенія. Сост. Н. Черкуновъ, учитель Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ. 1880 г. Цѣна 50 к.“ — допустить въ видѣ пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. (Необходимое пособие при наглядномъ обученіи и бесѣдахъ съ дѣтьми.) Сост. К. К. Веберъ. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р.“ — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для учащихся средняго возраста.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Учебникъ латинскаго языка по Остерманну, для 1-го класса гимназій и духовныхъ училищъ, составленный А. Ржаницынымъ, преподавателемъ Московской 2-й прогимназіи. Часть 1. А) Грамматическія свѣдѣнія. В) Vocabularium. Часть II. Упраженія въ переводахъ. Москва. 1880 г.“ — допустить въ 1-й классъ гимназій и прогимназій въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ капитанъ С. Вѣликовъ, штатный преподаватель 3-го

военнаго Александровскаго училища. Часть III. Глазоѣрная съемка. Съ чертежами въ текстѣ. Москва. 1880 г. Цѣна 90 к.— допустить въ основныя библіотеки реальныхъ училищъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книги подъ заглавіями: 1) „Арифметическіе примѣры и задачи. Часть I. Цѣлыя числа. Сост. Ф. В. Геде. Цѣна 40 к., стр. VI—124 in 8. С.-Пб. 1880 г.—“ допустить для употребленія въ видѣ учебнаго пособія, какъ въ начальныхъ училищахъ, такъ и въ приготовительномъ и I классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. 2) „Родной языкъ. Обученіе механическому чтенію и письму. Выпускъ I. Сост. Павелъ Чудецкій. Кишиневъ. 1880 г. Цѣна 50 к.“— допустить для библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Составленную Н. П. Поливановымъ книжку: „Разказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ. Москва. 1880 г.“— одобрить для библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу „Уловія и приемы объяснительнаго чтенія. Руководство для воспитанниковъ учительскихъ институтовъ и семинарій, воспитаницъ педагогическихъ курсовъ женскихъ гимназій, преподавателей русскаго языка низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и учителей народныхъ школъ. Сочиненіе директора учительской семинаріи В. Зимницкаго. Отдѣльный оттискъ изъ народной школы за 1879 г. Вольскъ. 1880 г. цѣна 75 к.“— одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній.

— Составленную В. Д. Кренке брошюру подъ заглавіемъ „Азбука для народныхъ школъ съ наставленіемъ для учителя. С.-Пб. 1880 г.“,— допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Составленныя Казимиромъ Промыкомъ-Прушинскимъ двѣ книжки на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Obwarchoisa nauka pisania i czytania, ulozyl Kazimierz Promykczaśc 1-sza, a во второй книжкѣ“ „сreśc 2-da i 3-cia Дозволено цензурою. Печат. io Warsravie druk. Kowalewskiego ul kroleraska № 23“, одобрить для начальныхъ школъ,

гдѣ обучаютъ польской грамотѣ, первую часть какъ руководство, а вторую книжку, заключающую въ себѣ часть 2 и 3-ю, какъ пособіе.

— Доставленныя книгопродавцемъ Н. Фену и К^о „Стѣнные таблицы по зоологіи Лейтеманна. 15 таблицъ. Цѣна 13 р. 50 к. Картины изъ жизни животныхъ Зоологическая христоматія, составленная Дитлейномъ. Текстъ къ 15 картинамъ животныхъ Лейтеманна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею А. П. Кирпотенко. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 80 к.“—одобрить Стѣнные таблицы какъ учебное пособіе для начальныхъ училищъ, а зоологическую христоматію допустить въ бібліотеки названныхъ училищъ.

— Книгу „Ремесленникъ“. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и приемами въ мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузнечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, сапожной и портняжной. 320 рисунковъ въ текстѣ, изображающихъ инструменты, употребляемые въ различныхъ мастерскихъ, съ яснымъ ихъ объясненіемъ. Сост. А. П. Классень. Изд. 3, значительно дополненное. Цѣна 1 р. 60 коп.—допустить въ учительскія бібліотеки реальныхъ и начальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Изданную Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюру: „Московский кремль. Соч. Т. Толычевой. Москва. 1880 г. Цѣна 30 к.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ (для старшаго возраста), учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Куликовская битва. Историческій очеркъ, составленный Е. Тихомировымъ. Къ 500-лѣтней годовщинѣ Куликовской битвы. Москва 1880 г. Цѣна 10 к.“—одобрить для бібліотекъ начальныхъ сельскихъ училищъ и для городскихъ училищъ, а также для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры: 1) „Александръ I Благословенный. Съ раскрашенною картинкою. С.-Пб. 1880 г.“ и 2) „Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Историческая быль временъ Петра I. Съ раскрашенною картинкою. С.-Пб. 1880 г.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній и допустить: первую—для бібліотекъ начальныхъ училищъ, а вторую для городскихъ и начальныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ:
1) открыть, съ начала 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при IV классѣ Минской гимназіи, съ платою за ученіе въ сей параллели по сорока рублей въ годъ съ каждаго ученика, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію ея на специальная средства названной гимназіи.

2) Закрыть, съ начала будущаго 1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при I классѣ Кронштадтскаго реальнаго училища и взамѣнъ онаго открыть, съ того же времени, таковое же отдѣленіе при IV классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе вновь открываемой параллели расхода на специальныя средства Кронштадтскаго реальнаго училища.

3) Открыть, съ начала текущаго 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VII классѣ Виленской гимназіи, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на плату за ученіе въ этой параллели, каковую плату установить по семидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

4) Открыть, съ начала 1880—1881 учебнаго года, при Роменскомъ реальномъ училищѣ 1 и 2 классы, съ отнесеніемъ на средства Роменскихъ земства и городскаго общества всѣхъ расходовъ, исчисленныхъ на содержаніе вновь открываемыхъ классовъ.

5) Открыть, съ начала настоящаго 1880—1881 учебнаго года, при I классѣ Каменецъ-Подольской гимназіи, второе параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе этой параллели расхода, въ количествѣ 1703 рублей, на специальныя средства названной гимназіи—сумму сбора за ученіе.

6) Закрыть, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, младшее отдѣленіе пригготовительнаго класса при С.-Петербургской Введенской прогимназіи и, взамѣнъ онаго, открыть, съ того же времени, параллельное отдѣленіе при III классѣ названной прогимназіи, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода, въ количествѣ до двухъ тысячъ рублей, на специальныя средства названной прогимназіи.

7) Открыть при IV классѣ Рижельевской гимназіи параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе этой параллели

расхода, въ количествѣ до 1,800 рублей, на спеціальныя средства означенной гимназіи.

8) Открыть, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при приготовительномъ классѣ 3-й С.-Петербургской прогимназіи, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода, въ количествѣ одной тысячи ста рублей, на спеціальныя средства названной прогимназіи.

9) Открыть, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при III классѣ Виленской 6-тиклассной прогимназіи, съ платою за ученіе по семидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика сей параллели.

10) Закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Динабургскаго реальнаго училища и вмѣсто онаго открыть, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при IV классѣ названнаго училища: съ оставленіемъ параллельнаго отдѣленія при III классѣ, съ установленіемъ платы за ученіе въ сихъ параллеляхъ по шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

11) Закрыть параллельное отдѣленіе при III классѣ Кременчугскаго реальнаго училища и, взамѣнъ онаго, открыть таковое же отдѣленіе при II классѣ названнаго училища, съ отнесеніемъ расхода, потребнаго на содержаніе сей параллели, на спеціальныя средства заведенія.

12) Закрыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Черниговской гимназіи и, взамѣнъ онаго, открыть таковое же отдѣленіе при III классѣ названной гимназіи, съ отнесеніемъ необходимаго для сего расхода на сумму, отпущавшуюся на содержаніе параллели при IV классѣ.

13) Закрыть, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Гомельской прогимназіи и, взамѣнъ онаго, открыть таковое же отдѣленіе при IV-мъ классѣ названной прогимназіи, съ платою за ученіе въ сей параллели по тридцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

14) Открыть параллельныя отдѣленія при I классѣ Елисаветградской прогимназіи, при IV классѣ Курской гимназіи, и при II классѣ Воронежскаго реальнаго училища, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ на содержанію сихъ параллелей на спеціальныя средства названныхъ учебныхъ заведеній.

15) Открыть, съ начала текущаго 1880—1881 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при I классѣ Слуцкой гимназіи, съ отнесеніемъ расхода по содержанію этого отдѣленія на взимаемую въ ономъ плату

за ученіе, для чего установить означенную плату по сорока рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 31-го іюля 1880 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Златопольской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи, съ будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ основныхъ классахъ по тридцати руб., а въ приготовительномъ по двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) взымать съ начала 1880—1881 учебнаго года плату за ученіе въ приготовительномъ классѣ Минской гимназіи по двадцать четыре рубля въ годъ съ каждаго ученика.

2) Взымать плату за ученіе во вновь открываемой въ г. Черкасахъ прогимназіи въ нормальныхъ классахъ по двадцати пяти рублей, а въ приготовительномъ по двадцати рублей въ годъ съ каждаго ученика.

3) Увеличить, съ начала 1880—1881 учебнаго года, плату за ученіе въ Казанскихъ 2 и 3 гимназіяхъ въ нормальныхъ классахъ до тридцати шести рублей, а въ приготовительномъ до двадцати четырехъ рублей, а въ Сарапульскомъ реальномъ училищѣ до двадцати пяти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

Г. управляющій министерствомъ, утвердилъ: 1) Опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Новгородской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ основныхъ классахъ по тридцати рублей и въ приготовительномъ по двадцати рублей въ годъ съ каждаго ученика.

2) Опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Орловской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, по сорока рублей въ годъ съ учениковъ нормальныхъ классовъ и по тридцати рублей съ учениковъ приготовительнаго класса.

3) Опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Самарскаго реального училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ, съ начала 1880 — 1881 учебнаго года, по тридцати рублей въ годъ съ каждаго ученика.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Цѣна I и II частямъ допущенной ученымъ комитетомъ министерства въ число учебныхъ пособій для реальныхъ училищъ книги: «Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Сост. С. Вѣликовъ. Москва. 1880 г.» понижена авторомъ съ 1 р. 15 к. за I-ю часть и 1 р. за II-ю часть до 90 к. за каждую часть.

ВЗГЛЯДЪ НИКОНА НА ЗНАЧЕНІЕ ПАТРИАРШЕЙ ВЛАСТИ.

Патріархъ Никонъ особенно выдается изъ ряду нашихъ іерарховъ своимъ столкновеніемъ съ свѣтскою властью. Эта сторона въ его исторіи привлекла къ изслѣдованію его личности не только многихъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, но даже и иностранныхъ, изъ коихъ нѣкоторые признаютъ его за идеаль пастыря ¹⁾. Его оригинальные взгляды, обнаружившіеся при этомъ столкновеніи, на сравнительное достоинство духовной и свѣтской властей и ихъ взаимоотношеніе заставили многихъ изъ нашихъ писателей констатировать фактъ замѣчательной близости его идей съ идеями Римскихъ папъ ²⁾. Но ни одинъ изъ нашихъ изслѣдователей еще до сихъ поръ не попытался извлечь изъ его многочисленныхъ сочиненій сколько-нибудь цѣльное представленіе его взгляда на эти предметы, что было бы очень важно для цѣльнаго и правильнаго представленія этой замѣчательной личности. Это изложеніе хотя бы и не извинило нѣкоторыхъ слишкомъ крайнихъ его воззрѣній и черезъ-чуръ рѣзкихъ выраженій, но по крайней мѣрѣ вполне объяснило бы ихъ и показало, что за этими крайностями стоитъ очень серьезная, своеобразная аргументація,—плодъ глубокаго изученія церкви. Этотъ пробѣлъ и попытались восполнить мы, при чемъ считаемъ нужнымъ заявить, что главною и единственною нашею цѣлію было не уясненіе правиль-

¹⁾ *Palmer*, Dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Catholic communion. London, 1853.

²⁾ *Знаменскій*, Русская церк. исторія. Казань. 1840, стр. 268. *Иконниковъ* въ своей статьѣ о Арсеніи Мацѣевичѣ: *Русск. Старина* 1879 г., апрѣль, 739—743.

ности или неправильности воззрѣній Никона, а по возможности правильное, точное и цѣльное изложение его взглядовъ ¹⁾.

Строй церковный, по взгляду Никона, въ разныхъ своихъ іерархическихъ степеняхъ долженъ отличаться строгимъ благочиніемъ и порядкомъ, по образцу порядка между различными органами тѣла и соподчиненія тѣла духу. „Человѣческое изображеніе“, говоритъ онъ, „Творецъ и Владыка всего создавъ, главу, яко изрядну и всѣхъ уды пріезищнѣйшую, на высокомъ и благообразномъ мѣстѣ тѣла всего водрузи и пятьми чувствами украси: зрѣніемъ, всѣхъ лучшимъ, слышаніемъ, обонаніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; меньшіе же уды—руки, низае причины и по сихъ вся уды даже до ногъ... устрои. Правителя же сихъ умъ, души совершеніе, постави правити и устроить тѣлесное смѣшеніе. Отъ него же (человѣческаго изображенія) свѣдущіи и мудріи вину пріемше, положиша и въ общемъ человѣческаго естества состояніи чины различные вельможныхъ мѣстоначальниковъ, князей и прочихъ достолѣпныхъ достоинствъ, да благочинно человѣческая дѣются, а не неправильнѣ. Идѣже бо начало, ту и благочиніе, а безначаліе есть вина несогласія и разрушенія. Томужде всячески, и благочинію и красотѣ, подобаше убо быти и въ церковномъ благодѣпіи, яко сущемъ и мірскаго прічта лучшимъ и наипаче, подобае имѣти благочинное и краснѣйшее (управленіе)“ ²⁾. Если же все въ церковномъ порядкѣ должно быть стройно и согласно, то естественно и іерархическая лѣстница разныхъ степеней (діакона, священника, епископа, митрополита) должна имѣть завершеніе въ одной личности, всѣмъ управляющей и завѣдывающей. Такою личностію является патріархъ, на котораго, какъ на главу, завершеніе всего строя, возлагаются всѣ прерогативы чести и власти, „якоже во единомъ тѣлеси уди мнози, уди же не вси тожде имуть дѣланіе, но глава и очи честнѣйши есть“ ³⁾.

¹⁾ Однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ при составленіи этой статьи послужило сочиненіе Никона: «Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божією милостію патріарха, противо вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа гаскому митрополиту Паисію Лигаридіусу и на отвѣты Паисіевы», которыми мы пользовались по рукописи С.-Петербургской духовной академіи (Новгор. соф. библ. № 1371). Другія сочиненія, которыми мы приняли во вниманіе, будутъ видны изъ цитатъ.

²⁾ Древняя Россійская Визлѣовика III, 301: грамота Каллисту игумену Марковскому.

³⁾ Рукопись Новг. Соф. библ. № 1371 и 285.

„Патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ, дѣлеса и словеса въ себѣ живописуя истину“¹⁾. Говоря это, Никонъ даже отвергаетъ такое толкованіе, что „Христось глава церкви, а архіерей только глаза и уста“, и положительно настаиваетъ на томъ, что патріархъ есть „образъ самого Христа²⁾, глава церкви, князь людей“³⁾. Патріархъ стоитъ выше всякаго посторонняго вліянія. „Мы инаго законоположника“, торжественно заявляетъ Никонъ, „не вѣмы развѣ Христа, иже даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ власть вязати и рѣшати“⁴⁾.

Власть вязать и рѣшать и составляетъ одну изъ главныхъ прерогативъ патріарха. Рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ ненаруσιμο. „Ей важно“, (отвѣчаетъ Никонъ на вопросъ Стрѣшневна Паисію: „важно ли его проклятіе?“) самъ Христось такую власть даде своимъ ученикомъ и апостоломъ. Ты еси Петръ, и на семь камени созижду церковь мою и врата ада не одолѣють ю. И дамъ ти ключи царствія небеснаго и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ“. Или: „и се рекъ, дуну и глагола имъ: примите духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи отпустятся, имъ же держите держатся“⁵⁾. Такимъ образомъ, патріархъ, когда разрѣшаетъ или связываетъ, то этимъ самымъ какъ бы призываетъ санкцію самого Христа, св. отцовъ и апостоловъ. „Мы“, говоритъ Никонъ, „не своею властію вяжемъ, но Божіею благодатію, данною намъ отъ пресвятаго и животворящаго духа. Кто сія глаголетъ? Самъ Небесный Царь. Что сего свидѣтельства болши?“⁶⁾. „Мы отъ Бога есмы, разумѣвая Бога послушаетъ насъ, иже нѣсть отъ Бога не послушаетъ“⁷⁾. „Мы послѣдующе богоносныхъ отцевъ преданіямъ, ихъ же они проклиаи

¹⁾ Тамъ-же л. 77 об:

²⁾ Образъ Христа, только, а истинная глава церкви все-таки Христось. «Еда глава церкви Царь? Ни, но глава есть Христось», пишетъ Никонъ (тамъ-же л. 101 об).

³⁾ Положеніе, что патріархъ—образъ самого Христа, Никонъ выводитъ изъ двухъ правилъ церковныхъ. Толкованіе 55 правила Апостольскаго говоритъ, что «епископи по образу суще Господа нашего Іисуса Христа», а 14-е прав. Неокесарійскаго,—что «сельстїи епископи по образу 70-ти апостоловъ, градстїи же по образу 12-ти апостоловъ, всѣмъ глава—патріархъ» (ib л. 74).

⁴⁾ Ib, л. 124.

⁵⁾ Рукоп. Новг. Соф. библ., № 1371, л. 111.

⁶⁾ Ibid., л. 111 и об.

⁷⁾ Ibid., л. 112.

и мы, соблюдая ихъ заповѣданіе, проклинаямъ ¹⁾, и (самъ) Павелъ (апостоль) и нынѣ таковыхъ (проклятыхъ отъ него) проклинаятъ ²⁾. Судь патриарха въ этомъ отношеніи рѣшительно безапелляционенъ. „Правила св. отецъ“, пишетъ Никонъ, „не оставляютъ патриаршій судъ никому посуждать, не точію пришельцу, но и всѣмъ епископомъ“ ³⁾.

Этой мощной власти подлежатъ прежде всего всѣ пасомые патриарха, всѣ члены той церкви, представителемъ которой онъ состоитъ. „Слушая васъ“, пишетъ Никонъ, „мене слушаетъ, и отменяйся васъ мене отменяется. Божіе есть слово и не погрѣшаетъ отъ истины. Аще ученицы мои, рече, пребудете въ словеси моемъ; къ сопротивнымъ же рече: вы нѣсть отъ истины, но есте отца вашего діавола“ ⁴⁾. Изъ области этой власти патриарха не исключаются и епископы. Какъ „глава церкви“ ⁵⁾, какъ „отецъ отцовъ“ ⁶⁾, наконецъ, какъ „образъ Христовъ живъ и одушевленъ“ ⁷⁾, патриархъ стоитъ въ такихъ же отношеніяхъ къ епископамъ, въ какомъ Христосъ стоялъ по отношенію къ апостоламъ. „Егда убо согрѣшили апостоли, еже будучи во Христовомъ послушаніи“, разсуждаетъ Никонъ, „не возбранили Христу отъ злобы Иродовы и прочихъ злодѣйствъ жидовскихъ, еже множицею хотяху Его убити? Ни, но единъ Иуда, предавый Его... Аще и верховный Петръ Господу рекъ, не возбраняя, но маловѣриемъ ятъ, глаголя: милосердъ ты Господи, не имать тебѣ се быти. Но что божественный отвѣтъ? Иди за мною сатано“ ⁸⁾. Такимъ образомъ, епископы должны не только исполнѣть и во всемъ слушаться патриарха, но даже не могутъ самопроизвольно не только возбранять ему тѣ или другія дѣйствія, но даже и совѣтовать.

Сообразно такой широкой власти патриарха не только по отно-

¹⁾ Ibid., л. 117.

²⁾ Ibid., л. 117 об.

³⁾ Ibid., л. 264.

⁴⁾ Рукоп. Новгор. Соф. библ., № 1371, л. 64 об.

⁵⁾ Ibid., л. 74.

⁶⁾ Ibid., л. 77 об.

⁷⁾ Ibid., л.

⁸⁾ Ibid., л. 64 и об. Все это Никонъ говоритъ въ отвѣтъ на вопросъ Стрѣшневъ: «если архіереи, которые обрѣтаются въ послушаніи патриаршескомъ имѣютъ ли грѣхъ, что не возбранили ему Никону злаго совѣту или кончее и совершенно обвинены, что не возбранили въ томъ учиненномъ дѣлѣ, не грѣшны ли?» Смыслъ этихъ словъ, такимъ образомъ, становится вполне яснымъ (ibid., л. 64).

шенію къ пасомымъ, но даже къ высшимъ представителямъ церковной іерархіи, значеніе его все болѣе и болѣе уясняется: онъ несмѣняемъ. „Нелѣпо прежде смерти иному быти архіерею на живаго (мѣсто)“, пишетъ Никонъ ¹⁾. Только смерть патріарха дѣлаетъ важнымъ его мѣсто и даетъ возможность избрать ему преемника. „Архіереомъ же власть есть по благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ по соборному дѣянію (при утвержденіи патріаршества въ Россіи) по смерти коегождо патріарха инаго поставляти, якоже перваго и втораго собора въ церкви св. Апостоль шестнадцатое правило утверждаетъ: „ни по которому образу да не въздетъ кто на епископію, ея же епископъ живъ есть“, „и се живъ есмь, тотъ умеръ отъ жизни вѣчна, отъ кого изшелъ есмь“, добавляетъ при этомъ Никонъ ²⁾.

Никонъ не могъ, конечно, обойти молчащемъ вопроса о судѣ надъ патріархомъ, въ случаѣ неправильнаго ученія его, неправильныхъ дѣйствій. Кто въ такомъ случаѣ можетъ произнести надъ нимъ компетентный приговоръ? Разрѣшенію этого вопроса Никонъ посвящаетъ особенное вниманіе. Прежде всего, онъ церковными правилами обосновываетъ тотъ фактъ, что „епископамъ нѣсть достойно о себѣ собора творити свѣне сущаго въ митрополіи епископа, рекше митрополита“ ³⁾, тѣмъ болѣе безъ вѣдома патріарха. Не имѣя возможности собраться на соборъ безъ вѣдома патріарха, епископы, конечно, не имѣютъ никакой возможности судить его. Въ правилѣхъ св. апостоль, говоритъ Никонъ нигдѣ же есть, ни въ седми вселенскихъ написано, еже бы своего митрополита свои епископы судили, (тѣмъ болѣе) патріарха. Четвертаго же вселенскаго собора 9-е правило не оставляетъ ни митрополитомъ митрополита судити, развѣ своего патріарха или константинопольскаго патріарха“, пишетъ онъ ⁴⁾.

¹⁾ Рукоп. Новгор. Сое. библ., № 1371, л. 95.

²⁾ Ibid., л. 104 и об.

³⁾ Рукоп. Новгор. Сое. библ., № 1371, л. 66. Для подтвержденія этого Никонъ приводитъ правила: св. Ап. 37; 1-го Всел. соб. 5-е; Ант. 20; Лаод. 31; 4-го Всел. 19; Кареаг. 18, 74, 77, 95; 6-го Всел. 50; 7-го Всел. 6. (Ibid., л. 65 и об. и л. 67).

⁴⁾ Ibid., л. 104 об. Въ силу этого убѣжденія онъ протестовалъ противъ собора 1660 г., какъ созваннаго «безъ его повелѣнія» (Грамм. Пансію ibid., л. 70 об.). «Поважи миѣ правила таковы», обращается онъ къ Пансію въ другомъ мѣстѣ, «аще митрополита митрополиты не могутъ судити, колми паче патріарха—главу тѣмъ составомъ» (93). Ibid., л. 74 об.

самъ Господь говорить“, пишетъ Никонъ, „аще нога твоя, или рука твоя соблажняетъ тя, отсѣци ю и верзи отъ себе. Смотри правосудіе Божіе“, выясняетъ онъ, „яко кромѣ инѣхъ удовъ возможно жити человѣку, а безъ главы не есть лѣзѣ“ (такъ какъ Христосъ не говоритъ, отсѣви голову). „Тѣмъ же невозможно инѣмъ удомъ главу отсѣщи и тако всѣмъ живымъ и дѣйствуемымъ быти“¹⁾. Если не могутъ судить патріарха епископы, то тѣмъ менѣе имѣютъ права судить его простые міряне, его пасомые. Покушающимся на это грозитъ страшная участь. „Господу глаголющу, обращается Никонъ къ Стрѣшневу, „не можетъ человѣкъ пріяти ничтоже, аще не даво ему будетъ съ небесе... ты же дерзновеніе откуду такое пріялъ еси наскакати на несущая своя. Аще сынъ Божій глаголетъ: яко не ищю волю мою, но волю пославшаго мя отца, ты же гдѣ обрѣлъ какову любо заповѣдь, да суда на насъ ищещи? Не слышалъ еси, что о неимущемъ брачныя одежды, то есть достоинства? И вшедъ на бракъ Господь рече: возмите его и, связавше ему рудѣ и новѣ, вверзите во тьму кромѣшную. Ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ, еже и сотворить ти Господь по дѣламъ руку твоею“²⁾.

Право суда надъ патріархомъ, не принадлежа епископамъ и мірянамъ, можетъ быть дано только другимъ патріархомъ. „Такое дѣло“ (судъ надо мною), пишетъ онъ, „вамъ патріархамъ знати“³⁾. Только соборъ всѣхъ ихъ и компетентенъ для произнесенія приговора надъ патріархомъ, но и такой даже приговоръ будетъ истиненъ лишь въ случаѣ полного согласія его съ канонами церкви. Въ противномъ случаѣ и онъ можетъ быть оспариваемъ. Въ примѣрѣ этого Никонъ приводитъ проклятіе седьмымъ вселенскимъ соборомъ одного изъ предшествовавшихъ соборовъ, про который онъ говоритъ: „Тамо бывшу царю и патріарху вселенскому, но обаче беззаконно дерзнувшимъ, и послѣди собору тому прокляту бывшу по первому правилу седмаго вселенскаго собора и все ни во что ихъ злодѣйство бысть. Аще и царь благочестивъ былъ, и вселенскій патріархъ, и со прочихъ патріархъ намѣстники, но беззаконное дѣяніе сотворше, тѣми отвер-

¹⁾ Ibid., л. 76 об.

²⁾ Рукоп. Новгор. Сое. библ., № 1371, л. 76.

³⁾ Ibid., л. 93 об. «А о судѣ, како подобаетъ патріархомъ судитися, пишетъ Никонъ Константинопольскому патріарху, отъ великихъ патріархъ, и митрополитовъ, и епископовъ, се не вѣсть ваше святительство. Но ни митрополита подобаетъ судити по правиламъ св. отецъ безъ патріарха, колики паче патріарха безъ собору святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ». Ibid., л.—309.

жено есть и со незаконными вмѣнено есть“ ¹⁾. Такое убѣжденіе Никона было весьма твердо. „А что будетъ въ семь дѣлѣ неправедно ваше кое повелѣніе, Господь нашъ І. Христосъ възыщи въ день судный на васъ то праведно“,—такими словами онъ заканчиваетъ свою грамоту къ Константинопольскому патриарху Діонисію ²⁾.

Переходя къ изложенію взгляда Никона на отношеніе патриаршей власти къ свѣтской, необходимо остановиться на томъ, какъ судилъ онъ о сравнительномъ достоинствѣ этихъ властей.

„Священство царство преболѣе есть“; „священство самага царство честнѣйши“ — вотъ основное положеніе, изъ котораго исходитъ Никонъ ³⁾. При болѣе точномъ опредѣленіи мѣры преимущества патриаршей власти надъ свѣтскою, Никонъ не скупится на сравненія съ цѣлю возвысить первую изъ нихъ. „Елико небо земли честнѣйши есть... якоже капля дожда отъ великія тучи, яко земля отъ небеси мѣрится, тако царство меньшится отъ священства“ ⁴⁾.

Но сравненіями Никонъ не ограничивается, а приводитъ въ зачету своего воззрѣнія нѣсколько своеобразныхъ доказательствъ, находя источникъ ихъ 1) въ анализѣ сферы обѣихъ властей 2) въ происхожденіи и 3) исторической судьбѣ ихъ.

1) „Священники“, говоритъ Никонъ, „не точію князей и мѣстниковъ, но и самыхъ иже діадимю обложенныхъ, большую пріапа честь... аки въ большихъ и надъ большими претворяюще человекѣи“ ⁵⁾. Это значитъ, что монархъ имѣетъ власть надъ человѣкомъ только здѣсь, на землѣ, и при томъ лишь надъ его тѣломъ и внѣшнимъ благосостояніемъ, а духовный пастыръ имѣетъ такую власть надъ человѣкомъ, влияніе которой отражается на небеси и при томъ касается самага высшаго, самага дорогаго для человѣка—его вѣчнаго спасенія. Эта параллель проводится Никономъ очень строго. „Царь“, говоритъ онъ, „здѣшнимъ ввѣренъ есть, а азъ небеснымъ; царь телесемъ ввѣренъ есть, іереи же душамъ; царь долги имѣніемъ

¹⁾ Ibid., л. 69 об.—70.

²⁾ Рукоп. Новгород. Соф. библ., № 1371, л. 309. «Елика бываетъ въ семь дѣлѣ, кромѣ истинны вашей, какаѣ заповѣдь, Господь Богъ нашъ І. Христосъ възыщеть въ день страшнаго суда на васъ сію правду»—стоитъ въ этой грамотѣ по изданію Русск. Археол. общества (*Записки его*, томъ II, стр. 529). Вариантъ нашей рукописи, очевидно, выразительнѣе.

³⁾ Ibid., лл. 102 и об.; 122, 123 об.; 136 об.; 101 об.).

⁴⁾ Ibid., лл. 140, 141, 143 об.

⁵⁾ Рукоп. Новгород. Соф. библ., № 1371, л. 139 об.

оставляетъ, священникъ же долги согрѣшеніямъ“¹⁾. Развивая это еще подробнѣе, онъ говоритъ: „Аще бо и честенъ вамъ престолъ царскій является отъ приложенныхъ ему каменій и обдержаща и злата... но обаче на земли (точію) получилъ есть строительствовати и множае сея власти не имать ничто же“²⁾. Поэтому его судъ не имѣеть вѣчнаго характера. „Царь, аще и власть пріялъ отъ Бога въ маловременнемъ семъ царствіи почтити или уничтожити кого, но не пребываетъ; и Богъ того разрѣшити можетъ и на самаго того царя судъ Божій настоитъ, аще почтилъ, его же почтилъ, благозаконно, а не по своей любви, и уничжилъ, его же уничжилъ, по закону заповѣдей, а не по своей ненависти“³⁾. Патріархъ же, имѣя власть надъ болѣе высшимъ, такъ какъ въ его область входитъ душа и вѣчное спасеніе человѣка⁴⁾, кромѣ того обладаетъ правомъ исполнѣнн рѣшительнаго суда. „Священства престолъ на небеси посажонъ есть“, пишетъ Никонъ. „Кто сія глаголетъ? Самъ царь небесный: елико бо свяжете на земли, будутъ связаны на небесѣхъ. Что ся равно убо будетъ чести? Отъ земли начало суда приемлетъ небо, понеже судія на земли сѣдитъ, владыка послѣдуетъ рабу,—убо сей осудитъ, сія онъ утверждаетъ. И между Бога и человѣческаго естества стоитъ священникъ, яже отонуду чести сводя къ намъ, яже о насъ мольбы возводя... ко общему примиревая естеству, приразившася насъ исхищая отъ того руку“⁵⁾. „Священникъ аще кого свяжетъ на земли, ни самъ Богъ разрѣшитъ того, — будетъ, рече, связанъ и на небеси. Зриши ли, яко небеснаго жительствова достойнаго свяжетъ священникъ на земли, Богъ того на небеси, хотя бы и царь былъ, не разрѣшитъ“⁶⁾. — „И самъ тою діадемою украшайся священнической власти повиненъ, его же кто по правдѣ свяжетъ на земли, будетъ связанъ на небеси; сему быти истинно вѣруемъ“, говоритъ Никонъ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., л. 102.

²⁾ Ibid., л. 101 и об.

³⁾ Ibid., л. 141. «А его же царь свяжетъ временно, или убіетъ, имать о семъ и отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ въ день судный дати», говоритъ Никонъ въ другомъ мѣстѣ (ibid., л. 124 об.).

⁴⁾ Рукоп. Новгор. Соф. библ., № 1371, л. 102.

⁵⁾ Ibid., л. 101 об.

⁶⁾ Ibid., л. 141. Это впрочемъ, единственное мѣсто, гдѣ Никонъ такъ рѣшительно высказывается по этому предмету; въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ ограниченія, что судъ его правиленъ только когда патріархъ поступаетъ по правиламъ (ibid., лл. 117, 124 об. и др.).

⁷⁾ Ibid., л. 124 об.

Судъ патриарха во всемъ этомъ вполнѣ безапелляціоненъ,—на него нѣтъ суда. „Житіе наше, пишетъ Никонъ, на небесѣхъ есть и животъ нашъ тамо сокровенъ со Христомъ по Бозѣ и почести тамо и теченіе о сущихъ тамо вѣнцѣхъ, ниже бо разоряется по скончаніи сей животъ, но то сіяетъ болши“ ¹⁾.

Далѣе Никонъ старается доказать, что свѣтская власть ниже патриаршеской и по атрибутамъ своимъ и по средствамъ для осуществленіи своихъ цѣлей. „Приложенные“ къ престолу царя, „камени и обдержающая и злато“ ²⁾—вотъ принадлежность его власти, по взгляду Никона. „Но мы лучшею и добрѣйшею“, продолжаетъ онъ, „обложени одеждою есмы, юже ни тля свѣдаетъ, ниже время изнуряетъ, и вѣнецъ имамы различный, иже славы, иже щедротъ Божіихъ, и благоволенія, и иже благодати“ ³⁾. „Онъ (царь) принуждаетъ, а сей (патриархъ) утѣшаетъ; онъ же нуждею, сей же совѣтомъ; онъ же оружія чувствевна имать, а сей духовная; онъ же брань имать къ сопостатомъ, сей же къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка“ ⁴⁾.

Не лучшей участи подвергается свѣтская власть и при сравненіи сравнительнаго состоянія ихъ въ жизни. „Ниже онъ“ (царь), пишетъ Никонъ, „безпечальное живеть житіе, но многихъ скорбей и попеченій исполненное. Не бѣ на діадиму зриаеши, но на влаяніе и попеченіе, имъ же ему вѣнецъ раздаеть, ниже багряницу гляди, но на душу паче, оныя багряницы чернѣющуюся,—не тако вѣнецъ вяжетъ главу, якоже душу попеченіе; ниже на оруженосцевъ множество да взирати, но печали множества,—ниже бо простую храмину обрѣсти толикихъ исполненную попеченій, еликихъ царская,—и прежде трапезы кровопроливаема и прежде питія, вмѣсто питія крови наполняется и присно есть исполненъ помость царской кровми. Но царство небесное не таково, еже пріятіе, миръ, животъ, радость, веселіе“ ⁵⁾.

2) Затѣмъ Никонъ обращается къ происхожденію той и другой

¹⁾ Ibid., л. 140 об.

²⁾ Рукон. Новг. Соф. биб. № 1371 л. 101.

³⁾ Ibid. л. 122 об.

⁴⁾ Ibid. л. 102.

⁵⁾ Рукон. Новг. Соф. биб. № 1371, л. 122. Здѣсь Никонъ сравниваетъ объ власти въ ихъ, такъ сказать, основной стихии. Основаніе для сравненія—вышеупомянутое положеніе его: «царская власть имѣетъ на земли точію строительствовати, священства же престолъ на небеси».

властей, „Священство“, пишетъ онъ, „отъ Бога непосредственно“¹⁾. Обращаясь за подтвержденіемъ этого къ св. писанію, Никонъ находитъ его въ изложеніи Моисея о началѣ священства. Здѣсь онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что у Моисея послѣ 40-дневнаго собесѣдованія съ Богомъ „прославися обличіе плоти лица его“ и говоритъ: „И се есть освященіе Моисеова священства, таже Моисей, по заповѣди Господни освяти Аарона и сыны его“²⁾. „Се есть“ „начало священства ветхаго завѣта, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но самимъ Богомъ, и потомъ распрострѣся по вся дни Израиля“³⁾. Переходя затѣмъ къ новому завѣту, Никонъ говоритъ: „егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего... и во крещеніи... помаза Его Духомъ св. и силою.... Се священства Христова помазаніе. Та же Христось рукоположи святыхъ Своя ученики и апостолы, глаголя: примите Духъ свѣтій, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите держатся. И се явѣ Господь рукоположи св. апостоль—пріятіе бо св. Духа не ино что знаменуетъ, точію божественныя благодати и власти преподаваніе, сего ради рече: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа... Се есть священническія власти дѣяніе“⁴⁾. Изложивъ затѣмъ исторію дальнѣйшаго учрежденія іерархіи, сказавъ о поставленіи апостолами епископовъ въ разныхъ мѣстахъ, о выдѣленіи патріархатовъ, объ учрежденіи іерархіи въ Россіи и, наконецъ, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ⁵⁾, онъ заключаетъ: „Видѣлъ ли како священство начашеся не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но отъ самого Бога и древнее и нынѣшнее“⁶⁾. Происхожденіе же царской власти таково: „царство, аще и отъ Бога дадеся въ міръ, но во гнѣвѣ (и ярости) Божіи“⁷⁾. Въ подтвержденіе этого Никонъ словами Св. Писанія⁸⁾ разказываетъ исторію о поставленіи Израилю перваго царя Саула. Въ этомъ разказѣ ясно видно, что желаніемъ Евреевъ—имѣть царя—остается недоволенъ какъ самъ Самуилъ, о которомъ говорится: „и бысть лукавны предъ очима Самуиловыма (Израильтяне)“, такъ и

¹⁾ Ibid., л. 136 об.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., л. 137.

⁴⁾ Рук. Новг. Соф. биб. № 1371, л. 137—138.

⁵⁾ Ibid., л. 138 и об.

⁶⁾ Ibid., л. 140.

⁷⁾ Ibid., л.

⁸⁾ 1 кн. Царствъ.

самъ Богъ, который говоритъ по этому поводу Самуилу: „Послушай гласа людей... яко не тебе уничижиша, но мене, не царствовать ми надъ нами... оставивше мя“.

Находитъ Никонъ соотвѣтствующее своей основной мысли различіе и въ обрядахъ поставленія патріарха и царя. И здѣсь, въ то время какъ на каждаго члена іерархіи призывается благодать св. Духа непосредственно, царь поставляется при посредствѣ елєя чрезъ священника. „Священства помазаніе“, говоритъ Никонъ, „св. Духомъ непосредственнѣ, якоже Господь нашъ Исусъ Христосъ помазанъ на архіерейство... также и св. апостоли... сего ради на помазаніи священства архіерея, приѣмше св. Евангеліе и распростерше, свыше держать надъ главою поставляющагося архіереа“, моля, чтобы самъ Христосъ осѣнилъ его „осіаніемъ, и силою, и благодатію св. своего Духа“, сотворилъ его „подобника себѣ, Истинному Пастырю, наставника слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, свѣтильника міру“ ¹⁾. Царь же помазывается „чрезъ архіереа“ ²⁾, что прямо, по мнѣнію Никона, свидѣтельствуєтъ будто бы о низшемъ достоинствѣ его власти, сравнительно съ патріаршею. „Сего ради, говоритъ онъ, царіе помазуются отъ священническую руку... (сего ради) и самую царскую главу священниковы рудѣ полагаетъ Богъ, наказуя насъ, яко сей онаго бывшій властникъ,—меньшее бо отъ большаго благословляется“ ³⁾.

3) Обращаясь къ судьбѣ двухъ властей въ исторіи, Никонъ и здѣсь изыскиваетъ доказательство для своего положенія о преимуществѣ патріаршей власти. „Богъ издревле предпочте священство“ ⁴⁾—вотъ основное его положеніе. Мы представимъ говорить самому Никону его собственною нѣсколько своеобразною и рѣзкою рѣчью, допуская по мѣстамъ нѣкоторыя сокращенія. „У перваго патріарха Авраама царь египетскій неправедно осуди о женѣ его Саррѣ отъяти жену отъ мужа жива. И его умучи Господь, дондеже познавсѣ, отпусти патріарха съ честію и богатствомъ многимъ. И паки второе того-же патріарха Авраама Авимелехъ Герарскій неправедно разсуди пояти

¹⁾ Ibid., л. 140.

²⁾ Никонъ при этомъ усиливается опровергнуть Паисія, который училъ, что царь помазанъ отъ Бога, говоря: «аще ты глаголєшь, для того царь ходитъ въ алтарь, что помазанъ отъ Бога, и то ты солгалъ — помазанъ есть чрезъ архіерея на царство и таковыхъ мы православныхъ правилъ не обрѣтаемъ». (Ibid., л. 270 об.).

³⁾ Рукоп. Новгор. Сов. биб. № 1371, л. 101 об.

⁴⁾ Ibid., л. 163 об.

жену его. И приде Господь Богъ къ Авимелеху ношю во снѣ, и рече ему: се ты умреша жены ради сея. И возврати Авимелехъ патриарху Аврааму Сарру жену его со многымъ богатствомъ... Егда же возста на Моисей и Арона Корей, Дааанъ и Авиронъ, племене Рувимля, а не священническа, и слышавъ Моисей паде ницъ, и глагола Корею и ко всему сонму его, рекій: согляда и позна Господь сущихъ его и святыхъ, ихъ же приведе къ себѣ. И не послушаша Моисея престати, вознеистовашася на священство и, взявше кадила, покадиша. И отверзеса земля и пожре я и дома ихъ и вся люди сущія съ Кореомъ и скоты ихъ; снидоша сіи и вся, елико ихъ бѣше, живи во адъ¹⁾ „Раскаяхся, яко помазахъ Саула на царство, понеже отвратися отъ мене“, говоритъ Богъ Сауду. „Что же отвращеніе Саулово? Понеже, рече, словесъ моихъ не соблюде.. И приде къ Сауду Самуилъ и се той самъ возносѣя всесоженія Господу... И рече Самуилъ къ Сауду: еда не малъ ты бысть передъ Нимъ (Богомъ), и не властелина ты поставихъ хоругви колѣна Израилева... По что не послушаша гласа Господня,... но устремился на корысть пожрети ю? Еда сіи быша угодны Господу всесоженія и жертвы?... Видѣ ли“, прибавляетъ при этомъ Никонъ, „глаголь Божій, яко властелина ты поставихъ хоругви колѣна Израилева, и помаза ты на царство Израилево, а не жертвы и всесоженія приносить, предъявляя, яко священство болши есть царства и еже болши пожелалъ, большое сущее свое погубилъ. Царь Озія вниде во храмъ Господень, не слуха священника, хотя покадяти, глагола: понеже праведенъ есть. Праведенъ еси, но пребывай внутри устовъ своихъ,—ины уставы царскія²⁾, и ины уставы священства, но сіе есть болѣе онаго. Вниде же Азарія вслѣдъ его, ибо егда всеу глаголахъ, яко болши есть царя священникъ, не бо яко царя хотя изгнати, но яко изгонника и раба неблагодарна. Сице привниде со зельностію, яко же нѣкій песь доблестенъ притекъ на нечистаго³⁾ звѣря, яко того изгнати отъ владычнія храмины. Видѣ ли душу іереову, дерзновенія исполненну многа и мудрованія высова? Не поблуде бо начальства величество, но⁴⁾ помысли,

¹⁾ Ibid., «Тако и нынѣ, аще кто чимъ преобидитъ архіереовъ Божіихъ симъ закономъ, съ каковымъ Богъ судитъ тѣмъ, а не инако». «Тако нынѣ, аще кто не священъ, дерзаетъ священнической чинъ и достояніе судити и владѣти, имать и тѣмъ Богъ метати» (ibid., л. 163 об. и 164).

²⁾ «Церковныя» не вѣрно написано въ рукописи.

³⁾ «На чистаго»—ошибкой стоятъ въ рукописи.

⁴⁾ «Не»—ошибка въ рукописи.

колико душу, похотѣніемъ піану удержати; не слыша Соломона глаголюща: прещеніе царево подобно ярости лвовѣ, но истинному Царю небесному поблуди, и судище помысливъ оно и воздаяніе, и симъ себе помысли утверждѣ, сице наскочи на мучителя, вѣдяще явѣ, яко прещеніе царево мечтаемо приготавлиаемоу душу отдать, нежели священныя законы презрѣти ругаемы,—пса всякаго немощнѣйши онъ есть.—Ничто же бо немощнѣйше, о еже божественныя законы преобидящаго, яко же убо ничтоже крѣпчайши, о еже божественныя законы охраняющаго ¹⁾... о иже правду дѣлаяй самаго царя царственнѣйши есть, аки всѣхъ послѣднѣйши будутъ. Сія вся бѣ любомудрствова доблій онъ, привниде церкви. Совнидемъ и мы, аще мнится, да видимъ, что цареви бесѣдуетъ, не мало есть пользованія слово обличаема видѣти царя. Что же бо рече священникъ? Не хѣпо ти есть показати Господеви. Не именована его царя, иже отъ начальственнаго нарече его имени, понеже бо самъ себе, предваривъ, изгна отъ чести. Что убо Богъ? Понеже священникъ преобиденъ бысть и слово священничества попираемо бѣ и ничтоже можаше къ тому священникъ царя ²⁾, еже обличити и дерзновение показати, а не оружія подвизати, ни щиты похищати, копія потрясати, ни лукъ наляцати; и понеже обличаше іерей, не повинуже ся царь, но оружіе подвизаше и щиты, копія и область приемляше свою, іерей рече: азъ свое сотворихъ, ничтоже множае могу, помози священству попираему—законы преобидими суть уставы превращаемы бывають. Что убо человекѣлюбець Богъ? Абіе яви проказу на челѣ его. Идѣже бо безстудіе, ту и мученіе. Видѣ ли человекѣлюбіе Божіе и мученіе? Не тресновение попусти, ни землю потрясе, ни смути небо, но израсти проказу, не на иномъ мѣстѣ, но на челѣ, яко да мученія показаніе носить, да яко же на столпѣ писмена суть ³⁾.

И царіе предпочтожа священство паче царства ⁴⁾, говоритъ Никонъ. Это свое положеніе Никонъ доказываетъ подложной грамотой Константина Великаго, „перваго христіанскаго царя“, гдѣ между прочимъ говорится: „идѣже святительская власть и христіанскаго благочестія глава небеснымъ царемъ уставлена бысть, недостойно есть

¹⁾ «Отметающаго».—стоитъ въ рукописи, прямо нарушая мысль.

²⁾ «Священника».—стоитъ въ рукописи.

³⁾ Рукоп. Новгор. Сое. биб. № 1371, л. 102 об. 103.

⁴⁾ Ibid., л. 122 об.

тамо власть имѣти земному царю¹⁾, при чемъ впрочемъ онъ приводитъ ее всю²⁾, заключаая: „Видѣлъ ли великаго царя Константина вѣру и дѣяніе и утвержденіе, како при себѣ и по себѣ и на вѣки до окончанія міра утвердилъ и заключилъ страшнымъ прецениемъ, глаголя: аще ли кто силою или невѣріемъ или гордостію преобидникъ будетъ, вѣчными объятъ осужденными и онѣхъ да подпадаетъ томленію и обрящетъ тогда сопротивныхъ св. Божіихъ начальныхъ апостолъ Петра и Павла въ настоящемъ убо житіи и въ будущемъ, и да въ преисподнемъ адѣ мучимъ будетъ, и да исчезнетъ со діаволомъ и со всѣми нечестивыми“³⁾. Затѣмъ, приводя выдержку „отъ свитка новыхъ заповѣдей царя Юстиніана, главизны 1-й“, гдѣ между прочимъ говорится: „Великая паче инѣхъ же еста въ человѣцѣхъ дара Божія отъ Вышняго дарована человѣколюбія Божія: священство же и царство; ово убо божественнымъ служа, (ово же) человѣческими владѣя и пекиѣся“⁴⁾,... Никонъ говоритъ: „Видѣ ли царское правыя души произношеніе, непорочныхъ св. догматъ лобзаніе и священства предпочитаніе и вѣры несумнѣнныя глаголь?“⁵⁾. Кромѣ этого, Никонъ ссылается на какой-то древній уставъ, гдѣ будто бы говорится: „архіерей есть вышши нежели царь“⁶⁾, и на примѣръ св. равноапостольнаго князя Владиміра⁷⁾. Въ заключеніе онъ останавливается на томъ поступкѣ Федора Ивановича при учрежденіи патриаршества, что онъ обратился для учрежденія его къ собору, каковъ фактъ и комментируетъ такимъ образомъ: „Аще и властію можаше превьсочайшій патриаршескій престолъ устроить, яко царь и самодержецъ, но обаче изволи повинутися волѣ Божіей... и святительскому совѣту. Предпочиташе бо святительство болѣ царства, предстоянія ради ко алтарю“⁸⁾.

Ставя такъ высоко патриаршій санъ, даже рѣшаясь доказывать рѣшительное преимущество патриаршей власти предъ царскою по сравнительному достоинству, Никонъ, конечно, съ своей точки зрѣнія не могъ предоставить царской власти права на широкое вліяніе въ

1) Ibid., л. 176 об.

2) Ibid., л. 131—132.

3) Ibid., л. 133 об.

4) Ibid., л. 119 об.

5) Ibid., л. 120.

6) Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1371, л. 146, ст. 145 об.; 148).

7) Ibid., л. 133 об.—135.

8) Ibid., л. 70 об.

церковныхъ дѣлахъ. „Еда глава есть церкви царь?“ восклицаетъ онъ. „Ни,... но яко единъ отъ удъ“¹⁾). Какъ членъ церкви, онъ, конечно, обязанъ повиновеніемъ общимъ церковнымъ постановленіямъ. „Всѣмъ“, пишетъ Никонъ, „Господь рекъ есть,—(аще и царь): слушай васъ мене слушаетъ и отменяяся васъ мене отменяется“²⁾). Слѣдовательно, „и самъ той діадимомъ украшайся священнической власти повиненъ, его же кто по правдѣ свяжетъ на земли, будетъ связанъ и на небеси“³⁾). Поэтому „къ намъ“, говоритъ Никонъ, „и самому посящему діадиму по дому есть во всемъ повиновеніе, якоже Господь заповѣдалъ“⁴⁾). Къ этому царь обязывался при своемъ крещеніи⁵⁾ и поставленіи на царство⁶⁾). Такое положеніе вещей признаетъ будто бы нормальнымъ и естественнымъ и народный обычай. „Аще бы“, пишетъ Никонъ, „имѣлъ кто гласъ велій испустить во вся люди, яко царь Христа отвергся есть и Бога, кто бы похвалилъ то, развѣ отступникъ?... И аще кто рекъ, яко царь безчеститъ отца своего духовнаго, и то кто осудитъ, яко по правдѣ, аще не ума отступивый? Аще бы кто видѣлъ царя священствуя, литургію служа, или иная священству достойная творя, ктобы то могъ глаголати, яко и въ правду и достойно есть, аще не изумленный умомъ“⁷⁾). А если это такъ, если царь „не можетъ дѣйствовать въ церкви“, то, по странному заключенію Никона, онъ не можетъ и не долженъ принимать никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ.

Неудивительно, что принципомъ для нормальныхъ отношеній ме-

1) Ibid., л. 101 и 102.

2) Ibid., л. 101 об.

3) Ibid., л. 124 об.

4) Рукоп. Новг. Соф. биб. № 1371 и 141.

5) Никонъ указываетъ при этомъ на молитву предъ оглашеніемъ, при совершеніи крещенія, гдѣ совершающій таинство молится о крещаемомъ: «даждь ему во всѣхъ заповѣдѣхъ ходити и угодная тебѣ творити» (ibid., л. 272). «Какоже послушникъ Божій будетъ, иже не слушаетъ Божиихъ учителей... и не просто не слушаетъ, но и себе повелѣваетъ архіереомъ Божиимъ слушати», говоритъ Никонъ, усиливаясь примѣнить данный фактъ къ царю (ibid., л. 274).

6) Въ наставленіи царю Алексію Михайловичу при поставленіи говорилось: «ко святій же соборной апостольской церкви имѣй вѣру и страхъ Божій и воздавай честь... и нашему смиренію и ко всѣмъ богомольцамъ своимъ о святѣмъ дусѣ царское свое духовное повиновеніе по Христову слову... слушай васъ, мене слушаетъ» (ibid., л. 144 и об.). Этотъ фактъ и разумѣетъ въ данномъ случаѣ Никонъ.

7) Ibid., л. 101 об.

жду свѣтскою властію и властію патріарха, по мѣнью Никона, является слѣдующее положеніе: „Добро всякому своя мѣра хранить, въ неже кто позванъ, въ томъ да пребываетъ ¹⁾, а не восхищаться на несущая своя,—никтоже собою приѣмлетъ честь, но званый отъ Бога“ ²⁾. А такъ какъ и самъ царь долженъ повиноваться церкви, такъ что и „сердце его въ рудѣ Божіей, егда внутрь божіихъ уставъ пребываетъ“ ³⁾,—то отсюда Никонъ выводитъ, что церковь должна быть вполнѣ самостоятельна. „Ина убо власть царю и ина архіерею“ ⁴⁾. Отношеній церкви къ государству не должно быть никакихъ. «А ему, великому государю, святая соборная церковь ничѣмъ неповинна, развѣ, по завѣщанію св. апостолъ, молитвою и честію“ ⁵⁾. Что можетъ дать свѣтская власть церкви, спрашиваетъ Никонъ. „Его же сама не имѣетъ? Священство ли? Но самъ то не имѣетъ. Како можетъ инѣмъ преподавати, аще самъ кто не имѣетъ? Аще ли глаголаши, яко священства благодать,—хулитъ царь священства благодать... и не имать основанія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Власть вязати и рѣшати? И се нѣсть его власть подаяти, но Христа единого“ ⁶⁾. Свѣтская власть не могла дать ничего этого, не можетъ оказать кому-либо изъ іерархіи даже какой бы то ни было чести. „Да которую же ли честь отъ царя приѣмлетъ“ ⁷⁾? Лѣпо есть царю почитати подданныхъ слугъ своихъ, ихъ же хоцетъ, а не архіеревъ“ ⁸⁾. Предоставленіе нѣкоторыхъ матеріальныхъ благъ служителямъ церкви, исходя изъ божественнаго закона, не обязываетъ послѣднихъ къ какой-либо благодарности. „И мы“, говоритъ Никонъ, „за милостыню царскую не будемъ кланяться... Если что малое подаяніе (и подаетъ царь) за оставленіе грѣхъ своихъ, то не даетъ паچهже приѣмаетъ сторицею, и животь вѣчный наслѣдитъ“ ⁹⁾.

Стоя на этой почвѣ, Никонъ не хотѣлъ предоставить свѣтской власти никакого вмѣшательства въ церковныя дѣла. Она будто бы не имѣетъ права собирать соборъ, такъ какъ епископы по 37 прав.

¹⁾ Рукоп. Нов. Соѡ. биб. № 1371, л. 96 об. ср. 158.

²⁾ Ibid., л. 100 об.

³⁾ Ibid., л. 266.

⁴⁾ Ibid., л. 142 об.

⁵⁾ Ibid., л. 97 об.

⁶⁾ Ibid., л. 124 об.

⁷⁾ Ibid., л. 141 об.

⁸⁾ Ibid., л. 140 об.; 141.

⁹⁾ Ibid., л. 141 об.

ап. сами собираются, „а не собираетъ царь“; онъ можетъ, впрочемъ, умолять церковную власть о собраніи такового. „Аще въ древняя лѣта“, пишетъ Никонъ, „благочестивыхъ царей соборы были, но по умоленію, а не съ повелѣніемъ, якоже нынѣ дѣйствуется съ повелѣніемъ и нуждею“¹⁾. Этимъ и ограничиваются права свѣтской власти на вмѣшательство въ церковныя дѣла. Вообще Никонъ занимается подробнымъ разсмотрѣніемъ означеннаго вопроса и хотя всѣ его разсужденія стоятъ на отрицательной почвѣ, мы все-таки считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ.

„Гдѣ есть Христово, да власть имать царь надъ церковію? А что нынѣ чрезъ волю Божию дѣйствуетъ насильствомъ церкви Божіи насилуетъ²⁾, еже бы царю обладати властелински (чѣмъ-либо церковнымъ) нигдѣ же написано обрѣтается“³⁾. Вотъ положеніе, изъ котораго ближайшимъ образомъ выходитъ Никонъ. Посмотримъ же, какъ онъ развиваетъ его.

1) Прежде всего вопросъ объ избраніи епископовъ и другихъ лицъ церковной іерархіи. „Нигдѣ есть о семъ въ царскихъ законахъ, еже бы царемъ избирати епископовъ или архимандритовъ, но паче сопротивна во св. апостольскихъ и св. отецъ правилѣхъ, также и въ царскихъ законахъ“, при чемъ Никонъ прискиваетъ много правилъ, между которыми особенно прельщаетъ его 13 пр. Лаод. соб., гласящее: „епископъ, мірскими избранъ, неизбранъ“⁴⁾. Избраніе епископовъ царемъ лишаетъ ихъ права отправленія епископскихъ обязанностей. „И елицы“, пишетъ онъ, „аще брящутся избраны мірскими властью, божественная правда не оставляетъ таковымъ быти, но изверже. И иже избрали таковыхъ, аще и царь будетъ, повиненъ есть епитиміи, а иже отъ таковыхъ избранныхъ епископовъ поставлены, не суть поставлены, и крещены, не суть христіане“⁵⁾. Такое вмѣшательство, по мнѣнію Никона, противорѣчитъ здравому смыслу. „Царь тую (благодать св. Духа) уничижи и обезчести и не мощну ту сотвори, яко безъ царскаго указу не можетъ нынѣ дѣйствовати благодать св. Духа, яко же пишутъ расходни умомъ архіерей“⁶⁾. „Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ“, пишетъ онъ царю, „страшно молвить, но терпѣть

¹⁾ Ibid., т. 68 об.

²⁾ Рукоп. Новг. Соф. баб. № 1371, т. 102.

³⁾ Ibid., т. 98.

⁴⁾ Ibid., т. 265 об.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid., т. 130.

невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна св. Духу такъ: по благодати св. Духа и по указу великаго Государя; недостаточно св. Духа посвятить безъ твоего указу? Но если кто св. Духа хулитъ, не имѣетъ оставленія: если это тебя не утратило, то что утратитъ можетъ“? ¹⁾). Обращая вниманіе на тогдашнее положеніе епископовъ и другихъ по отношенію къ государству, Никонъ пишетъ: „вынѣ архіереи привуждены царскимъ величествомъ во все злое мірское дѣло и тягло, и дѣйствовать яко простымъ челоуѣкомъ“ ²⁾, что, по его воззрѣнію, ясно видно здѣсь, не соотвѣтствуетъ идеѣ этого сана ³⁾. Не имѣя права вмѣшиваться въ избраніе чиновъ іерархіи, не имѣя права покорять ихъ своей власти, правительство, по воззрѣніямъ Никона, также мало имѣетъ права вмѣшиваться въ созваніе соборовъ. „Аще кто умъ имѣяи назоветъ сіе соборище жидовскимъ сонмищемъ, не погрѣшитъ истины“, пишетъ Никонъ о соборѣ 1660 года ⁴⁾, возмущавшемъ его потому, что онъ былъ созванъ, безъ вѣдома патріарха. Никонъ про него пишетъ: „Нигдѣ же есть послѣ седми вселенскихъ соборовъ иже царемъ собирати или собратися со царь, развѣ Флорентійскаго осмаго собора, нынѣшняго девятаго... И сей соборъ девятый не точію сонмищемъ Іудейскимъ достойно нарицати, но и бѣсовскимъ, яко не по правиламъ соборовъ, такожде и собираніе все по цареву указу дѣлали, якоже онъ восхотѣлъ, соборъ собралъ по ево государеву указу, и дѣлано все по ево государеву указу“ ⁵⁾.

2) По необходимости сталкиваясь съ вопросомъ о церковныхъ имуществахъ, такъ какъ въ то время онъ началъ уже выступать съ большою настоятельностью, Никонъ довольно долго останавливается на немъ и силится доказать неотъемлемость имуществъ отъ церкви, призывая на помощь и св. писаніе, и преданіе и исторію.

Прежде всего онъ хочетъ выяснитъ самое понятіе о церковныхъ

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XI, 313.

²⁾ Рук. Новг. Соф. биб. № 1371, л. 119 об. «Всѣ церковницы, митрополиты, архіепископы, епископы и вси причетницы покоряются (царю), оброки даютъ, воюютъ» (ibid. л. 124).

³⁾ Подобные взгляды Никона на этотъ предметъ будутъ раскрыты ниже, такъ какъ вопросъ объ этомъ соприкасается съ вопросомъ о неотъемлемости церковнаго суда и имуществъ.

⁴⁾ Ibid., л. 60 об.

⁵⁾ Рук. Новг. Соф. биб. № 1371, л. 92 и об.

имуществахъ такъ, чтобы изъ него выходила мысль о ихъ неотъемлемости. „Господу Богу“, говоритъ онъ, „во св. Троицѣ, и пресв. Богородицѣ, и св. ангеломъ, и св. пророку и предтечи Іоанну и св. славнымъ и всехвальнымъ апостоломъ и св. пророкомъ, и мученикомъ, и святителемъ, и преподобнымъ отцемъ и всемъ святымъ давали великіе государи цари и великіе князи, и прочіи боголюбцы, ко св. Божиимъ церквамъ по божественной заповѣди, въ вѣчный поминокъ, а не патріарху, митрополитомъ и владыкомъ и монастыремъ, якоже свидѣлствуютъ тѣхъ боголюбцевъ данныя грамоты и духовныя ихъ уставы.. Патріархъ и самъ рабъ Божій и служитель св. церкви и ничтоже имѣетъ своихъ вотчинъ, но что есть слобода и крестьяне—Божіе наслѣдіе, патріархъ единъ сынъ, а по немъ инъ; Богъ же присно есть и будетъ и не измѣнится во вѣкъ, и достояніе его пребудетъ во вѣкъ ¹⁾. Извлеки такимъ образомъ изъ самаго понятія мысль о неотъемлемости церковныхъ имуществъ, Никонъ уже сравнительно просто рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому же надо пользоваться ими. „Господь утверждаетъ божія богови отдати, а кесарева кесареви“ и говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, „остави да первѣе насытятся чада,—несть бо достойно отъяти хлѣба чадомъ и повраци псомъ и не дадите, рече, святая псомъ“ ²⁾. Мысль, скрывающаяся за этимъ подборомъ текстовъ, ясна; кто по мысли Никона, ближе къ Богу церковнаго чина? Кто какъ не они—возлюбленнѣйшіе чада божія. Кто по преимуществу святъ?

Но этимъ однимъ Никонъ не ограничивается. Обращаясь къ самой глубокой древности, онъ останавливается на уставѣ о Левитахъ, какъ уставѣ самого Бога, и примѣнительно къ своей цѣли дѣлаетъ подробныя выписки изъ книгъ Моисея и Іисуса Навина. И въ заключеніе всего этого говоритъ: „И аще бо древній законъ и храмъ, и жертва—сѣнь будущимъ, то есть Новаго Закона, и церкви и священства, толикою чѣстію почтена, кольми паче подобаетъ новаго закона церкви и священству быти предпочтеннѣйше“? ³⁾. На этомъ основаніи онъ думаетъ, что всѣ повелѣнія Божія относительно ветхозавѣтнаго богослуженія и ветхозавѣтныхъ служителей, вполне сохраняютъ свою силу и значеніе и въ Новомъ Завѣтѣ и въ нашемъ теперешнемъ состояніи. Поэтому онъ приводитъ весьма много мѣстъ

¹⁾ Рукоп. Нов. Соф. биб. № 1371, л. 261.

²⁾ Ibid., л. 87 об.

³⁾ Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1371, л. 263 об., см. 261—262 об.

изъ Ветхаго Завѣта. „Богу самому заповѣдающе“, пишетъ онъ, „и да не явишия предъ Господомъ Богомъ твоимъ тощъ... окомъ благимъ прослави Господа и не умали отъ начатка руки твоя во всякомъ даяніи... дарове мою и даянія моя и приноси мои въ воню) благоволенія да снабдите приносить мнѣ на вся праздники моя“... „Они же (бояре и царь), претворше божественное повелѣніе на ся, вси сошедшея въ праздникъ въ церковь Господню, ни что же приносяще даровъ Господеву“ ¹⁾). Никонъ думаетъ, что Господь и въ Новомъ Завѣтѣ не отмѣнилъ этого повелѣнія: по крайней мѣрѣ это ясно видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Господу рекушу: аще принесеши даръ твой ко олтарю и имать братъ твой нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ смирися съ братомъ своимъ и тогда пришедъ принеси. А нашего государя мати его святая великая соборная церковь, которая породила водою и Духомъ, и на царство помазала, обидима плачетъ, яко сирота послѣдняя, и яко вдова обругана, прося отмщенія присно, предстоя у двора его. Онъ же не точію мститъ, но и самъ... вся сущія вещи въ домъ свой посліова“ ²⁾). „Зриши ли“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ по поводу этого же текста, „яко аще и во гнѣвѣ кто принесетъ даръ свой ко олтарю, не повелѣ Господь возвращати, но оставити предъ олтаремъ, дондеже смирится“ ³⁾).

Обращаясь къ примѣру боголюбцевъ, Никонъ находитъ достойныя подражанія примѣры въ лицѣ Константина Великаго, Юстиніана, Владиміра ⁴⁾), въ заключеніе чего говоритъ: „такжеже и христіюбивыя ихъ царицы и благовѣрныя княгини усердно въ похвалу свою лѣпотную утварь, и всякую нарочитую кузнь и свѣтлыя ризы, злато же и каменіе драгое, и великій жемчугъ и св. иконы и Евангелія, и царскими сосудами престолы украсивше, обогатили паче тѣхъ, отъ кого сія пріяли суть, внимающе писанію апостольскихъ правилъ“ ⁵⁾). При этомъ онъ приводитъ и болѣе близкій примѣръ Филарета Нитича и Михаила Феодоровича ⁶⁾).

¹⁾ Ibid., л. 271 и об.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., л. 155 об.

⁴⁾ Ibid., л. л. 130—133.

⁵⁾ Ibid., л. 135.

⁶⁾ О нихъ Никонъ говоритъ: «и елика отецъ его государевъ, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всеа Русіи, со отцомъ своимъ великимъ государемъ святѣйшимъ Филаретомъ патриархомъ Московскимъ и всеа Русіи ис-

Такъ смотритъ на это и сама церковь,—она во многихъ правилахъ оберегаетъ церковныя имущества, какъ неотъемлемыя. Много доказательствъ приводитъ Никонъ въ подтвержденіе взгляда во особенно правило 4-го всел. соб., которое гласитъ: „яже суть къ монастырю имѣнія да будутъ неотъемлема безъ вины“.

Самая цѣль и назначеніе церковныхъ имуществъ такъ высоки, что ни у кого не должны были бы подниматься руки на отъятіе ихъ. „Церковное богатство“, пишетъ Никонъ, „нищихъ богатство, еже симъ издовляти весь освященный чинъ и вся причетники церковныя и возраста ради сиротъ, и въ старость пришедшимъ, и въ немощи, и въ недуги впадшихъ нищимъ въ прекормленіе и многоубогія чади; и страннымъ въ прилежаніе, и убогимъ сиротамъ въ промышленіе, вдовицамъ же пособіе, дѣвицамъ potreбы, обидимымъ заступленіе, плѣннымъ искупленіе, во гладъ прекормленіе, церквамъ пустымъ и монастыремъ подъятіе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе, а мертвымъ память“ ¹⁾. Поэтому и самъ Богъ жестоко отмщаетъ всякое попользованіе завладѣть имуществами. „Что бысть Ахару, сыни Харміеву, еже взялъ отъ возложенныхъ Богу мало нѣчто? На весь Израиль гнѣвъ Божій бысть... Взыде Сусакимъ, царь Египетскій, на Іерусалимъ взяти сокровища святыхъ церкви, и порази его Господь. Взыде Сенахеримъ, царь ассирійскій, взяти святая и поругатися Сіону святому и порѣзи ангель 185 тысячь. Взялъ Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, сосуды отъ св. церкви, отъ царства изгнанъ, и со звѣрми семь лѣтъ питася. Взялъ Валтасаръ, царь Вавилонскій, святыхъ сосудовъ на свою потребу, въ ту ночь смертію умре и царство Вавилонское скончася. Взыде Антиохъ царь на Іерусалимъ взяти церковное богатство, лютою смертію скончася, самъ о себѣ свидѣльствова, яко того ради умеръ. Взялъ Ахазъ царь казну церковную и отдаде Ассирійскому царю и не бысть во благо, но паче гнѣвъ Божій умножи на ся. Сказа финикійскій воевода ассирійскому царю о богатствѣ церковномъ, лютою язвою пораженъ; дерзнулъ Менелай (?) церковное богатство взяти, живъ черви снѣденъ, умре; Филопаторъ, царь Антиохійскій, вниде въ церковь, люто пораженъ, скончася“ ²⁾. Такова участь дерзающихъ восхитить Божіе достояніе. Совершенно иная

правила, и обновили, и утвердили, все до конца ни во что положи (ibid. л. 136).

¹⁾ Ibid., л. 135.

²⁾ Ibid., л. 155 и об.

участь боголюбцевъ, жертвователей св. церкви и Богу. „Коея ради неправды первое міръ погиге потопомъ, и коихъ ради добродѣтелей Ное самъ есмь спасенъ, аще и не дары и приношеніи лучшими и нераскаянными? И первый отъ Бога завѣтъ пріять, на небеси знаменіе дугу поставлену, еже къ тому не быти потопу и по первомъ праотцѣ Адамъ второй всему человѣческому роду наречеса. Такожде и Авраамъ, праотецъ нашъ, не дарошеніа ли ради угоди Богу и обѣтованія пріять? И сына своего Исаака, единороднаго, возлюбленнаго, вознесе Господу на всеплодіе и не усумнѣся и вмѣсто единаго, яко звѣзды небесныя и яко песоѣ мірской, ужножи сыны тому Богъ“ ¹⁾. „Такъ и нынѣ“, пишетъ Никонъ, „посягнувшіе на церковныя имѣнія малое взяша, а большое свое погубиша; взяша тысящи, а погубиша тьмы многи, ово междуусобіемъ, ово миромъ, ово войнами и иными многоразличными напастыи и бѣдами, ихъ же кто можетъ исписати, или исчислити порознь?“ ²⁾.

3) Современное Никону положеніе церковнаго суда, противъ котораго онъ направляетъ свои громы, описываетъ онъ такимъ чертами. „Все царское владѣніе обняло, а мы ни во что почтены есмь,“ ³⁾. „Разширился государь надъ церковію“ ⁴⁾, весь на себя судъ, и управленіе архіерейское на себя взялъ“ ⁵⁾. Ненормальность такого положенія для Никона видна уже изъ одного того, что въ такомъ случаѣ нарушаются правильныя отношенія между пастыремъ и паствою. „Ненадобно овцѣ“, пишетъ онъ, „пастырю указывать, но паче слушать и повиноваться по апостолу, а не повиновати; братіе, рече, повинуйтеся наставникомъ вашимъ“ ⁶⁾. „Гдѣ есть законъ таковъ еже царемъ владѣти архіереи и прочимъ священнымъ чиномъ?“ ⁷⁾. „Гдѣ есть писано еже бы царемъ и княземъ, и бояромъ, и дьякомъ, и судіямъ патріарха и митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, и поповъ причетниковъ судить? Въ которомъ правилѣ писано?“ ⁸⁾. Нигдѣ, а противное этому, положительное запрещеніе судить священный чинъ, и предоставленіе

¹⁾ Ibid., т. 154 об. и 155.

²⁾ Рукоп. Новг. Соѡ. биб. № 1371, т. 263 об.

³⁾ Ibid. т. 317.

⁴⁾ Ibid. т. 266.

⁵⁾ Ibid. т. 90 об.

⁶⁾ Ibid. т. 250.

⁷⁾ Ibid. т. 175 и об.

⁸⁾ Ibid. т. 264.

ему самому суда есть въ священномъ писаніи. „Къ таковымъ“, пишетъ Никонъ, „запрещаетъ Господь глаголя: не судите, да несудими будете, имже бо судомъ судите—осудитесь, то-есть, якоже вы неправедно мой судъ восхитисте, не данный вамъ, царіе и князи, и вознеистовастесь на рабовъ моихъ, архіереовъ и прочихъ священнаго чина, и неправедно осудисте: азъ васъ праведно осужду по дѣламъ вашимъ..... А ко иже хотящимъ судитися предъ мірскими судіями отъ священнаго чина, коего любо суть, апостоль завѣщаетъ, сице глаголя: смѣетъ ли кто вещь имѣя, ко иному судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Или не вѣсте: яко святіи мірови судять? Зриши ли.... и тогда мірови хотять судити, или како кто стерпитъ судимъ быти тѣми, имже самъ хоцетъ судити. Будуть же судити, не сами сѣдяще и слово истязующе, но осудять. Сіе убо являетъ, глаголюще: и аще ваши судъ пріемлетъ міръ, недостойни есте судищемъ худымъ. Вещь, рече, вамъ приносятъ срамъ и уничиженіе неизглаголанно, понеже подобно имъ бѣ отъ внутреннхъ судимымъ срамлятися, противное убо есть срамъ, рече, егда отъ внѣшнихъ судитесь, онаа бо судица наихудшая есть. Не вѣсте ли, яко ангеломъ судити будетъ, а не точію житейскимъ..... Како можно святому отъ житейскихъ судъ пріяти? Тѣмже и наведъ; рече: житейская убо судилища, аще имате уничиженныхъ въ церкви, сихъ посуждаете, къ сраму вамъ глаголю, таковіи ни единъ въ васъ мудръ, иже можетъ разсудити между братій своихъ.... Аще бо и ни единъ есть, рече, мудръ, остави и не мудрымъ по власти и достоянію судити“ ¹⁾ Самъ Христосъ подтверждаетъ неотъемлемость суда у церкви: „Того ради и Господь ко ученикомъ и ко учителемъ слова рече: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди, обличи его... аще ли не послушаетъ, пойми собою единого или двухъ.... И аще по сихъ, рече, не послушаетъ, повѣждь церкви, то-есть архипастырю церкви патріарху или митрополиту или архіепископу или епископу и подобнымъ отъ сихъ, и онъ накажетъ его повиноватися божественными евангельскими заповѣдми“ ²⁾.

Утверждая такимъ образомъ за церковію неотъемлемость суда, Никонъ не разграничиваетъ вполне точно различныя его области. Утверждать, что Никонъ при своихъ разсужденіяхъ о церковномъ судѣ разумѣетъ только неподсудность свѣтской власти лицъ церков-

¹⁾ Ibid. г. 167.

²⁾ Рукоп. Новг. Сое. биб. № 1371, г. 240 об.

ной ієрархіи, было бы неправильно. Онъ часто расширяетъ область церковнаго суда далеко за эти границы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Тако глаголетъ Господь: а иже бо речеть брату своему рака, повиненъ есть сонмищу. Соборъ убо не царское или боярское и прочихъ мірскихъ судей, но архіерейской судъ глаголетъ, якоже правила, и царскія и великихъ князей уставы таковы безчестныя суды (кто кого обезчеститъ словомъ) судить архіереомъ и прочимъ священнаго чина“ ¹⁾. Такимъ образомъ выдѣляетъ въ область церковнаго суда всѣ дѣла за обиду словомъ. Часто приводитъ онъ такіе факты изъ ветхаго завѣта, гдѣ левитамъ предоставляется вся область суда и управленія.

Никонъ не ограничивается священнымъ писаніемъ, но обращается за доказательствами своихъ воззрѣній къ правиламъ церкви и къ исторіи. Онъ пользуется въ качествѣ источника выпиской о церковномъ судѣ, сдѣланной на стоглавомъ соборѣ, гдѣ приводятся правила 2-е Апост., 9-е Халкидонскаго, 15-е Кароаг.; Юстиніан. пр. 74, изъ титлѣ гл. 1 пр. 87 и заповѣдъ царя Мануила греческаго, основная мысль которыхъ высказана тѣмъ же стоглавымъ соборомъ слѣдующимъ образомъ: „Не подобаетъ княземъ и боярамъ и всякимъ мірскимъ судіямъ, священническаго и иночнаго чина на судъ привлечати, ниже таковымъ судити, да не обладаетъ ими никто же отъ простыхъ людей, точію великая соборная церковь обладаетъ и судитъ таковыми по закону священныхъ правилъ; а отъ простыхъ людей ни князь, ни бояринъ, ни всякъ мірскій судія да не обладаетъ іереа, ниже монастыри, ниже мниси, сія вся освященная Богови возложена суть и святителемъ и никто же ими обладаетъ отъ мірскихъ, яко неосвященна“ ²⁾. Такого убѣжденія относительно неприкосновенности церковнаго суда были и св. отцы и учителя церкви. Въ подтвержденіе чего Никонъ приводитъ слова Григорія Богослова, говоренныя имъ въ память Афанасія и Василія Великихъ, и выдержку изъ житія Іоанна Златоустаго, въ заключеніе чего говоритъ: „видѣ ли мужество св. и приснопамятныхъ великихъ отецъ нашихъ, како не точію сами подъ царей приходили, но и царей беззаконныя суды исправляли и обличали, аще и множицею муками и смертію претими, но не возмогоша тѣмъ устрашити, изволиша правды ради умрети, нежели беззаконенъ судъ пріяти?“ ³⁾.

¹⁾ Ibid, л. 238 об.

²⁾ Ibid., л. 186 об.

³⁾ Рукоп. Новг. Соѡ. биб. № 1371 л. 174 об.

Такъ, продолжаетъ Никонъ, смотрѣли на церковный судъ, не только всѣ благочестивые цари, но и многіе изъ иновѣрныхъ царей. Обзоръ ихъ постановленій начинается онъ съ царя Давида, при чемъ особенно оригинально толкуетъ 2-й псаломъ: „И бѣ, Давидъ, творяй судъ и правду надъ всѣми людьми его, а не надъ священники. Паки Давидъ божественный, по Христу и за Христа, такожде и на Христа борющихся глаголаше: вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстїи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его, то-есть на свято еи священное Евангеліе, глаголющее: аминъ глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будетъ связано на небесахъ, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ? И глаголаша: расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ, то-есть не послушаемъ запрещенія патриаршаго, и отвержемъ отъ насъ повелѣніе его. Таковымъ живыи на небесахъ насмѣется имъ и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ и яростію своею посмѣется имъ. Тѣмъ же паки той блаженный Давидъ, аки совѣтуя, глаголетъ: и нынѣ, царіе, разумѣйте и накажитесь вси судящїи земли: работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ. А еже: и нынѣ царіе разумѣйте, то-есть: не переходите уставъ, пребывайте въ данномъ вамъ уставѣ, и на восхищенїи не желайте, сирѣчь священническія власти и суда не отъемлите. Тѣмъже и претить, глагола: накажитесь вси судящїи земли, како прежде васъ которые восхитили святительское дѣйство, якоже Саулъ и прочіе, погибоша. И паки, засвидѣтельствую, глаголетъ: примите, рече, наказаніе, то-есть законъ заповѣдей Божїихъ. И паки устрашая, глаголетъ: да не когда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость его“¹⁾. „Такоже“, говоритъ Никонъ, далѣе, „и Соломонъ подобно свидѣтельствуетъ: Ты же избралъ мя царя людемъ Твоимъ и судїю сыномъ Твоимъ и дочеремъ, а не священникомъ. И паки: слышите бо, рече, царіе и разумѣйте, и научитесь судїи концемъ земли, внушите содержащїи множества и гордящїися о народѣхъ языкъ, яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго, иже истяжетъ дѣла ваша и помышленїи испытаетъ яко слуги суще царства Его, не судисте право и не сохранисте, ниже по воли Божїи ходисте“²⁾. Останав-

¹⁾ Ibid. г. 174 об. и 175.

²⁾ Рукоп. Новг. Соф. биб., № 1371, г. 175. «Да гдѣ есть законъ или воля Божїа, еже царемъ или вельможамъ его судити архїереевъ и прочїй священный чинъ и достояніе ихъ?»—прибавляетъ при этомъ Никонъ.

ливаюсь далѣе на примѣрѣ иудейскаго царя Иосафата, Никонъ разсказываетъ о немъ словами книги Паралипоменонъ: „Во Иерусалимѣ постави Иосафатъ левиты и священницы, и начальницы обителемъ отъ Израиля, да судъ и вещь ту судятъ жителемъ во Иерусалимѣ. Повелѣ же имъ, глаголюще: тако дѣлайте во странѣ Господни и вѣрнѣ и сердцемъ совершеннымъ всяку же вещь, иже придетъ къ вамъ братій вашихъ, иже обитаютъ во градѣхъ ихъ, про между кровію кровью; гдѣ колиже вопрошеніе будетъ отъ закона, и отъ заповѣди, отъ чиновъ, и отъ оправданій, покажите имъ, да не согрѣшаютъ Господеву и не придетъ ярость на васъ и на братію вашу, тако бо дѣлающе не согрѣшите“¹⁾. Переходя затѣмъ къ постановленіямъ относительно левитскаго суда царя Артаксеркса, Никонъ пишетъ: „Послушай же, како язычестіе гаріе, боящися Бога, предпочитающе священство древле, якоже пишетъ въ книгѣ Ездры“²⁾. Приведа затѣмъ текстъ самой грамоты царя, въ которой дѣйствительно Ездры предоставлялось широкое полномочіе относительно суда и управленія надъ своими единоплеменниками, Никонъ пишетъ: „видѣ ли древняго иноплеменническаго царя, боящагося Бога Израилева, какову честь и свободу священникомъ сотвори? Не имать ли въ день судный возстати на судъ и осудити, иже кто нынѣ преобидитъ священническую честь и власть, якоже пишется: царица южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ“³⁾.

Такъ поступали и христіанскіе цари. „Аще восхощеша увѣдѣти“, говоритъ Никонъ, „и отъ христіанскихъ царей, и законовъ, и заповѣдей навькнути о семъ, яко не подобаетъ благочестивымъ царемъ судомъ священническимъ обладати, послушай. Первый христіанскій царь Константинъ, при концѣ своей заповѣди къ Сильвестру, папѣ римскому, пишетъ сиче: Идѣже бо святительская власть и христіанскаго благочестія глава небеснымъ царемъ установлена бысть, недостойно есть тамо власть имѣти земному царю...“⁴⁾. „Видѣ ли“, прибавляетъ Никонъ, „благочестивые души царскія преданіе и утвержденіе странное?“ Такъ онъ и поступалъ. „На первомъ святомъ вселенскомъ соборѣ враждебніи нѣціи мужіе на нѣкіе епископы подписана даваше царю оклеветанія, онъ же, сія пріимъ и свивъ и перст-

¹⁾ Ibid. т. 175 об.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., т. 176.

⁴⁾ Ibid., т. 176. и об. Подробнѣе объ этомъ см. т. 131—132.

немъ запечатлѣвъ, повелѣ хранити, таже къ смиренію тѣхъ и едино-мыслию учинивъ. И сія принесъ, предъ всѣми сожже, отнюдъ никакоже прочте писанныхъ, не бо, рече, лѣпо есть согрѣшеніямъ священническимъ явленнымъ быти мнозѣмъ, вину отсюду приѣмше, безъ страха согрѣшаютъ“ ¹⁾. Подобное же узаконяли и другіе благочестивые цари. Напримѣръ, Юстиніанъ пишетъ: „восхотѣхомъ благоговѣйнымъ мнихомъ токмо отъ градскихъ епископовъ, подъ ними же суть монастыріе ихъ, называемымъ быти на судъ. (Теперь) убѣждени бывше отъ Мины, боголюбиваго епископа пребогатаго сего града, и вселенскаго патріарха, и благоговѣйнымъ причетникомъ (восхотѣхомъ) таковое дати свобожденіе, яко аще кто имать нѣкакову распрю съ нѣкимъ, первое боголюбивому епископу, подъ нимъ же естъ возвѣстити о томъ и безъ писанія разсужденіе пріяти; и аще будетъ се, не стужати имъ, ни повлачити же на градское судище.... Аще же нѣкогого ради неудобія не будетъ епископу возможно разрѣшити вины, тогда свободно будетъ и предъ градскія власти ити“. И въ своихъ законахъ, которые Никонъ тутъ же и указываетъ, Юстиніанъ дѣйствительно опредѣляетъ это ²⁾. Подобный же уставъ далъ и князь Владиміръ ³⁾. Его примѣру слѣдовалъ и Ярославъ ⁴⁾. Приводитъ Никонъ въ доказательство и ханскій ярлыкъ митрополиту Петру ⁵⁾. Наконецъ, въ заключеніе, останавливается онъ на стоглавомъ соборѣ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, о которомъ говоритъ: „Видѣ ли еси произволеніе царское, и усердіе, и покаяніе о содѣянныхъ мимошедшихъ злыхъ, и церковныя законы велитъ утверждати по преданію св. апостолъ и св. отецъ, и самъ спострадати общася, аще ли, рече, и азъ въ чемъ погрѣшу, не умолчите, но воспретите безъ всякаго страху, да жива будетъ душа моя“ ⁶⁾.

Чѣмъ же является патріархъ во взаимоотношеніи съ свѣтской властію?

Патріархъ Никонъ былъ весьма высокаго мнѣнія о миссіи духовенства вообще. „Священникъ да будетъ“, пишетъ онъ, „по священному слову, свѣтъ міру, соль земли, око слѣпыхъ, врачъ больныхъ,

¹⁾ Ibid., л. 176 об.

²⁾ Рук. Новг. Соѡ. биб. № 1371, л. 176 об.

³⁾ Ibid., л. 177 об.—178.

⁴⁾ Ibid., л. 178 об.

⁵⁾ Ibid., л. 178 об.—180.

⁶⁾ Рук. Новг. Соѡ. биб. № 1371, л. 183 об; 180—183.

заблудившихся обращаѣй и стоящихъ утверждаѣй“¹⁾. Патріархъ, по самой высотѣ своего сана долженъ быть такимъ по преимуществу²⁾. Поэтому всѣ бѣдныя, угнетенныя, приниженыя и несчастныя находятся подъ его покровительствомъ,—помогать всѣмъ имъ его прямая обязанность. „Царствуй истины ради и кротости... помогая немощнымъ и безсильнымъ“ — пишетъ онъ³⁾. „А что о правдѣ говорили“, пишетъ онъ въ грамотѣ патріарху Діонисію, „и бѣдныхъ отъ бѣды избавляли, и то мы архіереи на сіе поставляемъ“⁴⁾. Въ этой области патріархъ по необходимости сталкивается съ свѣтскою властію, такъ какъ часто несчастія въ жизни происходятъ отъ несправедливости, недосмотра ея органовъ. Его обязанность бороться противъ всякой неправды, противъ всякаго злоупотребленія властію. „Препояши оружіе твое по бедрѣ твоей, силне, сирѣчь мечъ твой по бедрѣ твоей, и борися съ мучителемъ“⁵⁾. Это—завѣтъ самого Христа: „Намъ же Христосъ Богъ нашъ собою узаконоположи...., обличати“, пишетъ Никонъ⁶⁾. Патріархъ можетъ обличать за неправду даже самого царя. „Досаждати цареви, или князю всѣмъ возбранено есть, а не архіереомъ“, пишетъ онъ, „обличати же по достоянію нѣсть возбранено, аще и обличенія словеса люта зѣло.... по правдѣ кто обличаетъ царя нѣсть муки достойнъ“⁷⁾. Даже больше—„глаголатъ о свидѣніяхъ Божіихъ предъ царемъ, не стыдися“—прямая обязанность патріарха⁸⁾. И царь не долженъ на это гнѣваться, а смотрѣть на

¹⁾ Древн. Росс. Визл., III, 306.

²⁾ Рукоп. Новг. Соф. биб., № 1371, л. 318.

³⁾ Ibid., л. 121.

⁴⁾ Ibid., л. 303 об.

⁵⁾ Ibid. л. 121.

⁶⁾ Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1371, л. 164 об.

⁷⁾ Ibid. л. 285 об. Это Никонъ выставилъ требованіемъ при избраніи своемъ на патріаршество. Онъ говорилъ, по его словамъ, въ своей рѣчи къ царю: «Егда изводитъ Богъ Никону митрополиту (быть, на патріаршествѣ и Никонъ митрополитъ усмотря во царѣ и великомъ князѣ пороки, который противенъ евангельскимъ св. заповѣдемъ, или противно что св. апостольскимъ и отеческимъ правиломъ и ему Никону по писанному во псалмѣхъ не стыдися говорити о заповѣдяхъ, церквахъ Божіихъ... предъ царемъ и предъ бояры, а ему государю царю и ево государемъ боярамъ слушати во всемъ» (Ibid., л. 276 об.)

⁸⁾ Ibid., л. 61. «Особная патріарху, пишетъ Никонъ въ другомъ мѣстѣ, еже быти учительну: еже ко всѣмъ высокимъ же и смиреннымъ не тѣсноуишииъ неравняшия и кротку убо быти ко всѣмъ, приступающимъ къ нему и собесѣдующимъ ученыи, обличительну же къ непокоряющимся, о истинѣ же и отищеніи преданій и соблюденій правды глаголати предъ царемъ и не стыдѣтися» (Ibid. л. 78).

это, какъ на прямую обязанность патріарха, его долгъ. „О истинѣ“, пишетъ Никонъ, „кто еще и царю глаголетъ, не подобаетъ ему гнѣватися или отмщати самому себѣ, или обидѣти“¹⁾. Стремясь вполне прочно утвердить это право за патріархомъ, Никонъ признавалъ личность патріарха неприкосновенною, не подлежащею суду царя при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Поэтому онъ съ такою силою протестовалъ противъ царскаго приказанія сдѣлать въ его домѣ обыскъ. „Дивлюсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія?“ писалъ онъ по этому поводу царю; „прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ“²⁾.

Таково должно быть взаимное отношеніе власти царя и патріарха. Такъ какъ всякаго рода попытка нарушить эти отношенія—есть „презорство“³⁾, „насилъство“⁴⁾, „лихоимство“⁵⁾, „любодѣйство“⁶⁾, „гоненіе“⁷⁾ противъ церкви, Царства Божія, то величайшія наказанія ожидаютъ виновныхъ въ томъ⁸⁾. Для отмщенія всѣхъ такихъ дѣйствій „есть свыше царь царемъ и Господь господемъ, иже обѣщался всякую неправду неправедникомъ и насилующимъ отмстити вскорѣ, якоже и прежде гордящимъ и превозносящимся надъ Божиимъ достоиніемъ и наслѣдіемъ множицею мстилъ есть Богъ, якоже Фараону, Моаву, Гевалу, Аммону въ потопѣ Киссовъ и Ассуру, Мадіаму и Сисарѣ и Авиму, и Амалику, и Ориву, Изиву, Изевею и Салмону, Даавану и Авирону, Навуходносору, царю Вавилонскому, неправедно судившему Даніила пророка и трехъ отроковъ, и Валтасару, глумящемуся въ св. сосудѣхъ, и Саулу, пожирателю сквернъ, и Озіи, не преподобно каждающему, и Ахаву пророко-убійцѣ и гонителю, Ироду, Понтійскому Пилату, архіереомъ и старцемъ жидовскимъ и прочимъ св. пророковъ и св. апостолъ и всѣхъ св. неправосудцамъ, гоните-

¹⁾ Ibid. л. 97.

²⁾ Соловьевъ, XI; Рук. л. 300—301.

³⁾ Рук. л. 98.

⁴⁾ Ibid., л. 102.

⁵⁾ Ibid., л. 89.

⁶⁾ Ibid., л. 107, 124.

⁷⁾ Ibid., л. 100 об.

⁸⁾ «Того ради гнѣвъ Божій бываетъ на царя и на все царство его» (Рук., л. 98).

лемъ и убійцамъ, Максентію, Юліану законопреступнику, Валенту¹⁾. Участь всѣхъ этихъ презорцевъ ожидаетъ и теперь всякаго, поступающаго подобно имъ, всякаго, осмѣливающагося поднять руку на права церкви и ея достояніе. Всѣ таковыя „имъ же судомъ судятъ, тѣмъ и осудатся“²⁾. Ихъ ожидаетъ участь „горши паче Содомлянъ и Гоморрянъ“³⁾. Никонъ словами Давида призываетъ всевозможныя бѣды на главу всѣхъ идущихъ, по его мнѣнію, противъ церкви. „Намъ паче гонимымъ Господу Богу на гонителей подобна есть глаголати еже глагола царь Давидъ гонимъ отъ врагъ своихъ, да избавитъ насъ отъ врагъ нашихъ; и не едино, еже: „суди Господи обидящихъ насъ“, даже до конца, но и приложити къ симъ. Вознесися судай земли, воздаждь воздаяніе гордымъ! Доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся, провѣщаютъ и глаголютъ неправду; возглаголютъ вси дѣлающіи беззаконіе, люди твоя, Господи, смириша и достояніе твое озлобиша и рѣша: не узритъ Господь? И пакы: иже рѣша, да наслѣдимъ себѣ святилище Божіе, Боже мой, положи ихъ, яко коло, яко трость предъ лицемъ вѣтра, яко огонь попадающій дубравы, яко пламень пожигающій горы, тако пожени я бурю твою и гнѣвомъ твоимъ смутити ихъ, наполни лица ихъ безчестія, и да възшутъ имене Твоего, Господи, да постыдятся и погибнуть и увѣдаютъ, яко имя Тебѣ Господь, Ты единъ вышній по всей земли“ и т. д.⁴⁾ Проникнутый убѣжденіемъ, что такія дѣйствія не могутъ остаться безнаказанными, Никонъ находилъ возможнымъ указывать на нѣкоторыя явленія тогдашняго времени, какъ на наказанія Божіи за насилія противъ церкви. „Не сія ли вся сбывшася на насъ“, пишетъ Никонъ, „по писанному: соберу на нихъ злая и стрѣлы моя скончаю въ нихъ? Не быша ли морове велицы во царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ лютою язвою и неисцѣльною? Не поболѣса ли сердце царево, егда миру бывшу, царицѣ же на Москвѣ со царевичемъ Алексіемъ и со царевными и не вѣда что сотворити и камо бѣжати? Не бысть ли князи въ пагубу, якоже князь Михайло Пронскій съ товарищи въ моръ на Москвѣ умре? И отъ всенароднаго множества не ослабѣ ли всяка рука, яко же съ князь Алексіемъ Трубецкимъ съ товарищи

1) Ibid., т. 165.

2) Ibid., т. 128.

3) Ibid., т. 107 об.

4) Рукоп. Новг. Сов. библ., т. 162 об.—163.

два и прочіи, елико со инѣми воеводы, съ Василіємъ Шереметевымъ и съ князь Иваномъ Хованскимъ? Коликіе тѣмы скончашася моромъ по градомъ и по селомъ и по деревнямъ и на войнѣ? Не убоишася душа человѣка? Не смятошася ли послы отъ царя послаеми до Москвы въ моръ и отъ Москвы до царя? Не пріяша ли болѣзни, яко жена раждающая? Не поболѣша ли другъ о другъ? Не ужаснуша ли ся ужасомъ велимъ? Не быша ли лица ихъ, яко пламя ¹⁾? Не быша ли день Господень безъ цѣльбы, полнъ ярости и гнѣва? Не положи ли Господь Москву и окрестныя грады пустъ? Не погуби ли грѣшники отъ нихъ? Не расшири ли адъ души своея, и не разверзе ли устъ своихъ? Не внидоша ли (въ него) славніи и велиціи, богатіи и нищии, иже число единъ Богъ вѣсть? Не все ли се сбышася по писаному: псомъ и свинямъ на пожреніе и расхищеніе, и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ на растерзаніе? Кто тѣхъ оплака? Кто же ли погребе? Никто же. Не се ли всѣхъ (насъ) отдаде въ погибель всѣмъ царствамъ земнымъ, яко же отъ всѣхъ слышится отъ тамо приходящихъ, яко нѣсть дому во странахъ поганскихъ, въ немъ же не бѣ христіанина невольника, то-есть полоненика? И сбышася вся на глаголющихъ, иже рѣша: да наслѣдимъ себѣ святилище Господне.. И смирися человекъ, и обезчестися мужъ, и очи высоко-глядающіи понизистася, обаче за хищенія ихъ, положилъ еси имъ злая, низложилъ еси я, внигда возгордѣшася, како быша въ заупустѣннѣи внезапно, исчезоша и погибоша за беззаконіе свое. И по всѣхъ сихъ неотвратися ярость Господня, но еще рука его высока! Тако и оставльшимъ зло творящимъ" ²⁾.

Таковы взгляды патріарха Никона на значеніе патріаршей власти. Многіе наши изслѣдователи, какъ мы уже видѣли, высказывали мысль о близости его идей къ идеямъ папства. Едва ли это справедливо. Мы видѣли, какъ мало Никонъ, обосновывая свои взгляды, становится на западную точку зрѣнія, какъ мало дѣлаетъ онъ замѣствованій изъ католицизма ³⁾. Намъ кажется, что идеи, которыхъ держался онъ, могли быть ему внушены не примѣромъ только папской власти. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Осія Кордубскій Константину Великому, по поводу вмѣшательства его въ арианскіе споры: „Не вмѣшивайся въ церковныя дѣла и не издавай намъ ни-

¹⁾ Какъ опаленныи огнемъ: такъ, кажется, должно понимать это выраженіе.

²⁾ Рукоп. Новг. Соф. библ., № 1371, лл. 199—200.

³⁾ Ни одного, если не считать грамоты Константина патріарху Сильвестру.

какихъ повелѣній касательно этихъ дѣлъ, а напротивъ къ намъ обращайся за указаніями: тебѣ Богъ вручилъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви; и какъ посягающіе на твою власть противятся Богу, ее установившему, такъ и ты бойся, какъ бы не навлечь на себя тяжкаго обвиненія, если будешь посягать на дѣла церкви: воздадите убо, написано, кесарево кесарю, а Божія Богови“¹⁾. Въ томъ же родѣ высказывается Григорій Богословъ въ своемъ 17-мъ словѣ: „Законъ Христовъ подчинилъ васъ (владыкъ земныхъ) нашей власти и нашему суду. Ибо и мы также властвуемъ и наша власть даже выше вашей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ духъ долженъ преклоняться предъ матеріей, небесное предъ земнымъ?“²⁾. Св. Златоустъ въ своемъ словѣ о священствѣ выражается такъ: „Священство настолько превосходитъ царство, насколько душа превосходитъ тѣло. Царь управляетъ послѣднимъ, а священникъ первымъ. Поэтому царь долженъ преклонять свою голову предъ десницею священника. Когда нужно умолять небо о милости, то царь обращается къ священнику, а не священникъ къ царю; слѣдовательно, власть священника выше царской“³⁾. Еще энергичнѣе выражается св. Люциферъ, еп. Кальярскій въ Сардиніи: „Какое право имѣешь ты (императоръ Констанцій) принуждать католическихъ христіанъ творить волю друга твоего сатаны? Развѣ ты забылъ, что не только не имѣешь никакой власти надъ епископами, но и обязанъ повиноваться ихъ распоряженіямъ, что ты заслуживаешь кары за свое стремленіе уничтожить опредѣленія соборовъ, за высокоумное приравниваніе себя Богу? Развѣ можетъ быть судьей епископовъ тотъ, кто самъ обязанъ имъ повиноваться?“⁴⁾. Св. Иларій, еп. Пуатверскій, въ своемъ сочиненіи *contra Constantium*⁵⁾ восклицаетъ: „пора говорить, потому что прошло уже время молчать. Нужно ожидать втораго пришествія Христова, поелику настало уже царство антихриста. Да возвысятъ гласъ свой пастыри, такъ какъ обратились въ бѣгство пастухи. Положимъ души за овецъ, поелику подкрадываются тати и ходитъ уже окрестъ левъ рыкающій. Вслѣдъ за этими словами выступимъ на мученія, поелику ангелъ сатаны преобразился въ ангела свѣта. Но, Всемогущій Воже!... почему

¹⁾ *Migne, Patrologiae Cursus completus, Ser. Gr., t. XXV, стр. 746, historia Arianorum, cap. 44.*

²⁾ *Opera omnia S. Gregorii Theologi, ed. Paris. 1778, I, p. 322.*

³⁾ См. 3-е слово о священствѣ.

⁴⁾ См. его сочиненіе *Pro Athanasio lib. I.*

⁵⁾ См. гл. 1—7.

Ты допустилъ всему этому совершиться именно въ наше время? Почему не сподобилъ меня исполнить это дѣло моего исповѣданія и моей вѣры въ Тебя и Твоего Единороднаго Сына во времена Нероновъ, Деціевъ?... Будемъ же биться открыто и съ увѣренностію въ усѣхъ противъ отвергающихъ, мучающихъ, убивающихъ, и да послѣдуютъ за нами люди твои, какъ за вождями своими. Будемъ биться противъ лживаго гонителя, противъ лстиваго врага, противъ Констанція антихриста, который не хребетъ поражаетъ, а чрево ласкаетъ; не лишаетъ жизни, а обогащаетъ въ смерть, не извлекаетъ изъ темницы на свободу, но въ стѣнахъ своего дворца осыпаетъ почестями на рабство, не бока терзаетъ, а сердцемъ овладѣваетъ, не главу мечемъ отсѣкаетъ, а душу золотомъ убиваетъ, не огонь публично возжигаетъ, а геенну тайно воспламеняетъ. Онъ не борется, чтобы не быть побѣжденнымъ, но ласкательствуетъ, чтобы властвовать; исповѣдуетъ Христа, чтобы отвергать Его; заботится объ единеніи, чтобы не было мира; подавляетъ ереси, чтобы не было христіанъ; чтитъ священниковъ, чтобы не было епископовъ; строить церковныя крыши, чтобы разрушать вѣру. Объявляю тебѣ, Констанцій, то же самое, что сказалъ бы я Нерону, что услышалъ бы отъ меня Децій и Максиминъ: ты борешься противъ Бога, неистовствуешь противъ церкви, преслѣдуешь святыхъ, ненавидишь проповѣдниковъ Христовыхъ, истребляешь вѣру, тиранствуешь не надъ человѣческими, а надъ божескими предметами; именуешь себя христіаниномъ, между тѣмъ какъ ты врагъ Христовъ, предтеча антихриста, совершаешь тайны его беззаконій, поддерживаешь вѣру, живя противъ вѣры. Ты наученъ всему мірскому, и совершенный профанъ въ божественномъ. Раздаешь епископства своимъ креатурамъ, замѣняешь добрыхъ пастырей дурными. Отдаешь подъ стражу священниковъ, терроризируешь церковь своими войсками, созываешь соборы“...

Не чужды были подобныхъ идей и нѣкоторые изъ дѣятелей нашей церкви. „Елико отстоятъ небо отъ земли, толико отстоятъ нашъ санъ паче всякаго сана мірскаго“—говорилъ митрополитъ Фотій въ своемъ обращеніи къ духовенству ¹⁾ Митрополитъ Кипріанъ проводилъ мысль о независимости епископовъ отъ воли великаго князя, который не долженъ ни назначать, ни судить ихъ ²⁾. Максимъ Грекъ

¹⁾ *Праг. Собесѣдникъ* 1861 г., II, 315; *Русск. Старина* 1879 г., апрѣль, 735.

²⁾ *Русск. Старина* 1879 г., апр., 732; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868 г., февр., 331.

объ этомъ предметѣ пишетъ такъ: „Да учится преподобіе твое, яко святительство и царство мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителейъ и сего ради руки ихъ съ желаніемъ и благоговѣнствомъ цѣлуютъ, аки освященныхъ Богу Вышнему, и главу свою приклонъ, аки прочій народъ, знаменіемъ честнаго креста знаменуется отъ нихъ по премногу. Убо болши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія менша отъ болшаго благословляется, глаголетъ божественный апостоль. Тѣмъ же аще изгнашася Божиимъ судомъ мірскіи царствующей, но духовнѣи царствующи не отриновенъ есть руки Божія благодати“¹⁾.

Эти выдержки показываютъ, что идеи, подобныя идеямъ Никона, часто проявлялись среди представителей церковной мысли, какъ въ греческой, такъ и въ нашей церкви, и поэтому совершенно излишне предполагать какое-либо соотношеніе Никона съ папствомъ.

Между прочимъ обвиняетъ въ этомъ Никона С. М. Соловьевъ²⁾ который въ данномъ случаѣ слѣдуетъ, какъ кажется, Паисію Лигариду³⁾. Но не Паисій Лигаридъ, самъ несомнѣнно латинумудрствовавшій⁴⁾ и даже изъ самой Россіи писавшій латинскимъ прелатамъ письма о возможности присоединенія Русскихъ къ католичеству, сталъ бы обличать Никона за наклонность къ латинству, еслибы это сколько нибудь было похоже на правду. Никогда Никонъ не держался такихъ воззрѣній; онъ, напримѣръ, такъ выражается объ отношеніяхъ русской церкви къ латинской въ своей грамотѣ къ патріарху константинопольскому: „Отъ воплощенія Божія Слова въ лѣто 886, при блаженнѣйшемъ патріарсѣ Царя Града Фотіи и при царѣ Василии Македонанинѣ, какъ пріяли Россы св. крещеніе отъ святыхъ восточныхъ церкви, по сіи наши лѣта не бысть намъ Россомъ ни ко-его общенія западному костелу, но во всѣхъ нужнѣйшихъ исправленіяхъ, какъ верховнѣйшихъ архіереевъ о постановленіяхъ, тако и о прочихъ духовныхъ дѣлахъ, разсужденіе пріимали святыхъ восточныхъ церкви отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ совѣтъ и благословеніе. Единъ токмо русскій митрополитъ Исидоръ, бывъ на Флорен-

¹⁾ Твор. Максима Грека изд. Каз. дух. акад., ч. III, стр. 155.

²⁾ XI, 327.

³⁾ *Palmer, The Patriarch and the Tzar vol. III (History of the Condemnation of the Patriarch Nicon written by Paisius Ligarides, London 1873), p. 70 и 79.*

⁴⁾ См. ст. *Горскаго* о Паисіѣ Лигаридѣ въ *проб. къ Твор. св. отц.* 1862 г., I, 133—148.

скомъ соборѣ, соединился съ римскимъ костеломъ и по соединеніи, какъ приде отъ собору на Русь, не пріяли его, яко православна, но яко еретика, его отринули¹⁾). Поэтому Никонъ первый обличалъ Пансіа въ латинствѣ²⁾ и говорилъ даже, что чрезъ общеніе съ нимъ олатинилась и русская церковь³⁾).

¹⁾ Рукоп. Новг. Соф. биб., № 1371, л. 307 об.

²⁾ Ibid., лл. 75 об.; 264 об.; 283 об.; 305 об. и др.

³⁾ Ibid., л. 307 об.

В. К—въ.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ИЗДАНИИ НОВГОРОДСКИХЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ.

Значеніе писцовыхъ книгъ, какъ историческаго памятника перво-степенной важности, въ настоящее время слишкомъ очевидно для всякаго, чтобы нужно было о томъ много распространяться. Всѣ лица, посвящающія свои труды изученію отечественной старины, получаютъ изъ знакомства съ ними самую богатую жатву. Географъ изъ изученія ихъ выноситъ самое обстоятельное знакомство съ распредѣленіемъ въ древности народонаселенія, благодаря которому, онъ легко можетъ дать наглядную карту населенныхъ мѣстъ древней Россіи. Политико-экономъ извлекаетъ изъ писцовыхъ книгъ массу данныхъ, касающихся экономическаго быта древней Руси и могущихъ дать понятіе о мельчайшихъ экономическихъ отношеніяхъ древне-русскаго общества. Юристъ находитъ въ нихъ важныя указанія, поясняющія намъ какъ отношенія различныхъ классовъ общества къ владѣнію и пользованію землей, такъ и строй государственнаго управленія. Наконецъ, историкъ въ однообразной, по видимому, массѣ матеріала открываетъ нерѣдко черты, свидѣтельствующія о совершившихся въ жизни глубокихъ переворотахъ. Конечно, такая богатая жатва извлекается изъ писцовыхъ книгъ не безусловно. Нельзя ожидать, чтобы географъ далъ намъ наглядную карту населенныхъ мѣстъ древней Руси, когда въ писцовыхъ книгахъ будутъ перемѣшаны селенія не только отдѣльныхъ погостовъ, но даже и цѣлыхъ отдѣльныхъ краевъ. Точно также было бы странно надѣяться, что политико-экономъ и юристъ дадутъ намъ правильное понятіе о производительныхъ силахъ

древней Руси или объ отношеніяхъ различныхъ древне-русскихъ классовъ къ землѣ и объ управленіи, когда источникъ, откуда они станутъ почерпнуть свои свѣдѣнія, будетъ представлять пестрое смѣшеніе самыхъ разнородныхъ явленій. Такимъ образомъ, для того, чтобы польза, извлекаемая изъ писцовыхъ книгъ каждымъ специалистомъ въ своемъ отдѣлѣ, была полною, необходимо, чтобы изданіе писцовыхъ книгъ имѣло критическій характеръ, такой же точно, какой усвоенъ уже давно другимъ историческимъ памятникамъ—лѣтописямъ, актамъ и литературнымъ произведеніямъ. Согласимся, что было бы совершенно излишне предъавлять къ изданію писцовыхъ книгъ всѣ требованія, которыя имѣются въ виду при обнаруженіи древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ. Какъ произведенія позднѣйшаго времени, обладающаго довольно обильною массою филологическаго матеріала, писцовыя книги представляютъ мало поводовъ къ приложенію къ нимъ строгихъ филологическихъ требованій. Но за то тѣмъ большее право мы имѣемъ ожидать, чтобы при изданіи ихъ были уважены собственно историческія требованія, чтобы изданіе писцовыхъ книгъ представляло намъ подлинникъ въ его дѣйствительномъ, истинномъ видѣ, а не въ томъ случайномъ сочетаніи листовъ, строкъ и словъ, въ какомъ онъ дошелъ до настоящаго времени.

Мы не имѣемъ въ виду рѣшать вопросъ объ удовлетворительности изданія всѣхъ писцовыхъ книгъ, къ какой бы эпохѣ по своему составленію онѣ ни относились. Въ настоящемъ случаѣ мы намѣрены ограничиться разсмотрѣніемъ изданія только древнѣйшихъ изъ нихъ, которыя, стоя на рубежѣ двухъ обширныхъ періодовъ русской исторической жизни—княжескаго и царскаго, заслуживаютъ со стороны историковъ особеннаго вниманія. Мы разумѣемъ Новгородскія писцовыя книги древнѣйшаго времени, а именно писцовыя книги Деревской и Вотьской пятинъ, какъ онѣ обнаружены археографическою комиссіей и обществомъ исторіи и древностей въ Москвѣ¹⁾. Но за то, въ виду важности предмета, эту болѣе ограниченную задачу мы предполагаемъ разрѣшить нѣсколько полнѣе. Мы рассчитываемъ именно дать въ

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги. Томы I, II и III. Изданіе Археографической Комиссіи. С.-Пб. 1859, 1862 и 1868. Эти томы содержатъ въ себѣ оброчную книгу Деревской пятинъ 1495 г. и первую половину оброчной книги Вотьской пятинъ 1500 г.—Переписная окладная книга Вотьской пятинъ 1500 г. напечатана во *Временникъ общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ*, кн. XI-я и XII-я, 1851 и 1852.

своей статьѣ не столько критику изданія Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, сколько необходимыя поправки, которыя нужно имѣть въ виду при пользованіи этимъ памятникомъ или при возникновеніи надобности въ его новомъ обнародованіи. Такое намѣреніе инымъ можетъ показаться нѣсколько отважнымъ, особенно для лица, совсѣмъ не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи подлинника Новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Но не нужно опускать изъ виду того обстоятельства, что въ писцовыхъ книгахъ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ совершенно особаго рода. Способъ составленія ихъ, какъ легко замѣтитъ каждый при самомъ бѣгломъ ознакомленіи, отличается необычайною правильностью, проникающею распредѣленіе матеріала не только по большимъ отдѣламъ, какъ, на примѣръ, по погостамъ, но одинаково и по второстепеннымъ единицамъ, даже по отдѣльнымъ деревнямъ и дворамъ. Въ нихъ все занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, и одно сообщеніе какъ неизбѣжно слѣдуетъ за извѣстнымъ другимъ, такъ и въ свою очередь неизбѣжно сопровождается извѣстнымъ третьимъ. Самыя измѣненія, которымъ подвергается распорядокъ матеріала, смотря по различнымъ краямъ Новгородской земли или по особеннымъ приемамъ отдѣльныхъ писцовъ, принимавшихъ на себя трудъ ихъ описанія, весьма незначительны и легко могутъ быть приняты во вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, такая правильность дѣлаетъ изложеніе писцовыхъ книгъ при чтеніи крайне монотоннымъ и тяжелымъ; но за то, съ другой стороны, она много помогаетъ при установленіи истинной связи между отдѣльными частями описанія Новгородской земли и при отведеніи каждому отрывку его законнаго мѣста въ цѣломъ. Можно даже сказать, что благодаря такой педантической правильности даже не съ подлинникомъ въ рукахъ, а единственно съ болѣе или менѣе удовлетворительною копіей, истинное распредѣленіе матеріала писцовыхъ книгъ не только можетъ быть вполне восстановлено, но и восстановлено чуть ли не съ безусловною математическою точностью.

Какъ мы уже сказали раньше, изданіе писцовыхъ книгъ должно стремиться представить намъ подлинникъ въ его дѣйствительномъ истинномъ видѣ. Для достиженія этой цѣли, изданіе прежде всего должно быть полнымъ. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не объ абсолютной полнотѣ. Легко можетъ статься, что въ самомъ подлинникѣ будутъ встрѣчаться разные пропуски, которые издателями могутъ быть только отмѣчены на своемъ мѣстѣ. Говоря о полнотѣ, мы имѣемъ въ виду собственно только то, чтобъ изданіе не относилось къ числу пропусковъ въ подлинникѣ того, что въ дѣйствительности въ немъ суще-

ствовало и только случайно не найдено на своемъ мѣстѣ. Изданіе Новгородскихъ писцовыхъ книгъ врядъ ли можетъ быть признано въ этомъ отношеніи совершенно безупречнымъ. Въ III-мъ томѣ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, заключающемъ въ себѣ описаніе Вотской пятины, недостаетъ, напримѣръ, описанія части Дягиленскаго и еще двухъ другихъ цѣлыхъ погостовъ, Спасскаго Орлинскаго и Никольскаго Грезневскаго. Издатели первой половины писцовой книги Вотской пятины (гг. Савваитовъ и Тимошеевъ) въ оправданіе свое ссылаются на отсутствіе листовъ, соотвѣтствующихъ описанію этихъ погостовъ, въ самомъ подлинникѣ. Ссылка однако не совсѣмъ понятна. Издатели сами же сообщаютъ въ предисловіи къ III-му тому писцовыхъ книгъ, что подлинникъ, съ котораго совершенно ими изданіе переписной оброчной книги Вотской пятины, принадлежитъ Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ и есть тотъ самый, который подробно описанъ К. А. Неволнымъ въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества, кн. VIII, прил. I. Но вотъ что замѣчательно: издатели писцовыхъ книгъ говорятъ объ отсутствіи въ подлинникѣ описанія части Дягиленскаго и двухъ слѣдующихъ за нимъ по оглавленію погостовъ, а между тѣмъ К. А. Неволинъ, пользовавшійся тѣмъ же подлинникомъ, представляетъ въ своемъ трудѣ „Опятинахъ и погостахъ Новгородскихъ“, прил., стр. 34—37, обстоятельное извлеченіе изъ описанія всѣхъ этихъ трехъ погостовъ, не упоминая ни слова не только объ отсутствіи относящихся къ нимъ листовъ въ подлинникѣ, но даже и о простой постановкѣ ихъ въ неподлежащемъ мѣстѣ! Какъ объяснить это явленіе? Мы первоначально думали было, что не вералось ли какъ-либо описаніе недостающихъ погостовъ въ описаніе другихъ, имѣющихся на лицо. Поиски наши не привели однако къ утвердительному результату, а потому въ недостающихъ листахъ необходимо видѣть пропускъ, существенно умаляющій достоинство изданія Новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Пропускъ этотъ тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, что въ описаніи недостающихъ погостовъ, какъ на зло, встрѣчаются черты новгородскаго быта, замѣчаемыя въ описаніи другихъ новгородскихъ погостовъ въ высшей степени рѣдко. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, было бы желательно, чтобъ Археографическая коммиссія обратила свое вниманіе на пропажу описанія указанныхъ погостовъ въ изданныхъ подъ ея знаменемъ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Какъ показываютъ выдержки Неволіна, листы, заключавшіе въ себѣ недостающее теперь описаніе трехъ погостовъ, въ подлинникѣ

несомнѣнно существовали. Теперь представляется дилемма: утрачены ли они окончательно для науки, или же листы, быть может, совсѣмъ не утрачены, а только какъ-либо ускользнули отъ вниманія почтенныхъ редакторовъ первой половины писцовой книги Вотской патины?

Второе требованіе, которому должно удовлетворять изданіе писцовыхъ книгъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ изданіи все стояло на своемъ мѣстѣ, то-есть, чтобы подлинникъ воспроизводился не съ аккуратностью кописиста, оставляющаго все какъ есть, даже ошибки предшествующихъ переписчиковъ и переплетчиковъ, а съ пониманіемъ ученаго, умѣющаго передать подлинникъ въ его истинномъ смыслѣ и всему указать его надлежащее мѣсто. Съ этой стороны изданіе Новгородскихъ писцовыхъ книгъ можетъ быть признано удовлетворительнымъ еще менѣе, чѣмъ даже въ отношеніи желательной полноты. Можно даже сказать, что недостатки его въ этомъ отношеніи весьма значительны и служатъ источникомъ большой путаницы. Прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что ко II-му тому писцовыхъ книгъ издателями приложены „листы, не на своихъ мѣстахъ влетенные и неизвѣстно куда принадлежащіе“. Должно, конечно, быть благодарными издателямъ за то, что, руководясь желаніемъ передать читателю писцовую книгу Деревской патины вполнѣ, они приложили эти листы къ концу изданія. Но было бы гораздо цѣлесообразнѣе, еслибъ издатели потрудились найти для неизвѣстно куда принадлежащихъ листовъ ихъ настоящее мѣсто въ изданіи и тѣмъ избавили бы послѣднее отъ неестественныхъ перерывовъ, опущеній и смѣшеній. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ указать на эту обязанность издателей, что исполненіе ея для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ содержаніемъ писцовой книги Деревской патины, не представило бы, вѣроятно, ни малѣйшаго затрудненія. Намъ, по крайней мѣрѣ, удалось безъ особенныхъ хлопотъ отыскать несомнѣнное мѣсто всѣхъ приложенныхъ ко II-му тому безсвязныхъ отрывковъ, не исключая даже самыхъ неопредѣленныхъ. Начнемъ, какъ оно и естественно, сначала. Къ числу неизвѣстно куда принадлежащихъ листовъ на стр. 885—888 II-го тома Новгородскихъ писцовыхъ книгъ отнесены 77-й и 78-й листы подлинника, начинающіеся словами: „и прибыла деревня, а дворовъ шесть, а людей пять человекъ, а обжа“. Но стоитъ только приглядѣться нѣсколько къ содержанію, какъ 77-го и 78-го, такъ и тѣсно связанныхъ съ ними 75-го и 76-го листовъ подлинника (II, 883—885), какъ даныя, необходимыя для опредѣленія ихъ настоящаго мѣста, получатся тотчасъ же. Въ самомъ дѣлѣ, изъ содержанія листовъ 77-го и 78-го

ясно видно, что въ нихъ описываются имѣнія помѣщика Парши Иванова сына Племянникова, находящіяся въ двухъ новгородскихъ погостахъ, Посонскомъ и Жабенскомъ. И такъ, настоящее мѣсто этого отрывка нужно искать въ томъ или другомъ погостѣ, скрѣпе всего въ первомъ, такъ какъ имя того погоста, въ которомъ описывается имѣніе извѣстнаго помѣщика, въ писцовой книгѣ приводится обыкновенно первымъ. Обращаясь къ Посонскому погосту, мы дѣйствительно находимъ въ немъ описаніе помѣстій Парши Иванова Племянникова, къ которому листы 77-й и 78-й относятся, какъ окончаніе къ началу. Далѣе за описаніемъ помѣстій Племянникова на листахъ 77-мъ и 78-мъ подлинника слѣдуетъ описаніе находящейся также въ Посонскомъ погостѣ волостки Гриди Аврамова Кречетникова. Ясно, слѣдовательно, что описаніе и этой волостки относится къ описанію Посонскаго погоста, какъ непосредственное продолженіе исчисленія деревень Племянникова. Описаніе волостки Кречетникова однако на 78-мъ листѣ не кончается; но это горе—легко поправимое. Продолженіе и окончаніе описанія помѣстій Кречетникова мы находимъ сначала на 76-мъ, а затѣмъ на 78-мъ листѣ подлинника, какъ они напечатаны на стр. 883—885 II-го тома Новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Мы могли бы представить значительное число соображеній, свидѣтельствующихъ о правильности сдѣланныхъ нами догадокъ. Но намъ кажется, что въ справедливости ихъ всего лучше можно убѣдиться изъ простаго возстановленія истиннаго вида описанія Посонскаго погоста съ того мѣста, гдѣ начинается перечень деревень Парши Племянникова. Вотъ этотъ истинный видъ:

„Въ Посонскомъ жъ погостѣ в. князя волостка Федоровская Семенова Деснищина за Паршею, за Ивановымъ сыномъ Племянникова въ помѣстьѣ.

Д. Сидорово: дв. самъ Парша, дв. человекъ его Гридка; а христьянъ ихъ: дв. Микулка, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, двѣ обжи; старого дохода 10 денегъ, 4 коробыи ржи, 3 коробыи овса. Д. Глѣбово: дв. Онанка Климовъ, дв. Кипреянко Иевль, дв. Микиеорикъ Ивашковъ, сѣютъ ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ, три обжи; старого дохода гривна, 2 коробыи ржи, коробыя овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Ларино: дв. Якушъ Тимохинъ, сѣетъ ржи 3 коробыи, а сѣна косятъ 20 копенъ, обжа; старого дохода 5 денегъ, 3 четки ржи, 3 четки овса; а новой доходъ по тому же. Д. Старица: дв. Потапко Степановъ, сѣетъ ржи 3 коробыи, а сѣна косятъ 15 копенъ, обжа; старого дохода три

денги, полкоробьи ржи, полкоробьи овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Спицино: дв. Нестеригъ Калининъ, дв. Смешко Вахновъ, сѣютъ ржи пол-3 коробьи, а сѣна косятъ 15 копенъ, обжа; старого дохода 6 денегъ, коробья ржи, коробья овса, четка пшеницы, четка ячмени; а новой доходъ по тому жъ. Д. Тевелево: дв. Васко Федотовъ, сѣютъ ржи 3 коробьи, а сѣна косить 20 копенъ, обжа; старого дохода 5 денегъ, 3 четки ржи, 3 четки овса; а новой доходъ за все 10 денегъ. Д. Городокъ: дв. Федко Ивашковъ, дв. Якимко Калининъ, дв. Якушъ Онашкинъ, сѣютъ ржи 9 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ, три обжи; старого дохода гривна, пол-2 коробьи ржи, пол-2 коробьи овса, четка пшеницы, четка ячмени; а новой доходъ по тому жъ. Д. Земцово: дв. Ондрѣйко Острецовъ, дв. Ивашко, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, двѣ обжи; старого дохода 6 денегъ, 3 четки ржи, 3 четки овса; а новой доходъ по тому жъ.

„И по старому писму деревень семь, а дворовъ въ нихъ 10, а людей въ нихъ 10 человекъ, а обжа 12, а сохъ 4 сохи. А стараго дохода денгами полпята гривны; а хлѣба поспомъ 11 коробей съ четкою ржи, 9 коробей съ четкою овса, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени (Новгород. Писц. кн., I, 62 — 63). И прибыла деревня, а дворовъ 6, а людей 5 человекъ, а обжи двѣ.

„И по новому писму деревень восемь; а дворовъ въ нихъ: дв. Паршинъ да дв. его человекъ, а христьянскихъ дворовъ 14; а людей въ нихъ 14 человекъ, а обжа 14, а сохъ 5 безъ трети сохи. И изъ тѣхъ обжа Парша и съ своимъ человекомъ пашетъ на себя двѣ обжи, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косить 40 копенъ; а за христьяны 12 обжа. А новаго дохода съ двунадцати обжа 4 гривны и 2 денги, а хлѣба поспомъ пол-7 коробьи ржи, пол-6 коробьи овса, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени.

„Въ Жабенскомъ погостѣ в. князя деревни Федоровскіежъ, Семёнова сына Десницына, за Паршею жъ, за Ивановымъ сыномъ Племяникова, въ помѣстьѣ.

„Д. Лентьево: дв. Иевикъ Насоновъ, сынъ его Федко, дв. Пронка, сынъ его Сенка, дв. Ивашко Долгой, пасынокъ его Грилка, сѣютъ ржи 8 коробей, а сѣна косятъ пол-40 копенъ, три обжи; старого дохода 3 гривны, 5 коробей ржи, 5 коробей овса, пол-коробьи пшеницы, пол-коробьи ячмени; а новой доходъ по тому же. Д. Шанюгино: дв. Ивашко Глуховъ, дв. Сенка Сысоевъ, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ пол-30 копенъ, двѣ обжи; старого дохода гривна, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Елици:

дв. Нестерикъ Степанковъ, дв. Тимошка Данилковъ, дв. Онишка Лентьевъ, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжи; старого дохода гривна и 2 денги, пол-4 коробьи ржи, пол-4 коробьи овса, пол-коробьи пшеници, пол-коробьи ячмени; а новой доходъ по тому жъ.

„И по старому писму три деревни да починокъ, а дворовъ въ нихъ восемь, а людей въ нихъ 11 человекъ, а обещъ 7. А старого дохода денгами 5 гривенъ и 2 денги; а хлѣба поспомъ пол-одинадцати коробьи ржи, пол-11 коробьи овса, коробья пшеници, коробья ячмени. И убылъ починокъ.

„И по новому писму 3 деревни, а дворовъ въ нихъ 8, а людей въ нихъ 11 человекъ, а обещъ 7, а сохи двѣ съ третью сохи. А новаго дохода денгами 5 гривенъ и двѣ денги; а хлѣба поспомъ пол-11 коробьи ржи, пол-11 коробьи овса, коробья пшеници, коробья ячмени.

„И по старому писму за Паршею, за Ивановымъ сыномъ Племянникова, въ дву погостѣхъ, въ Посонскомъ погостѣ и въ Жабенскимъ погостѣ, Оедоровскихъ, Семенова сына Десницына, деревень 10 да починокъ; а дворовъ въ нихъ 18, а людей въ нихъ 20 и 1 человекъ, а обещъ 19, а сохъ 6 съ третью. А старого дохода денгами пол-10 гривны и 2 денги; а хлѣба поспомъ 20 коробей и 2 коробьи безъ четки ржи, 20 коробей безъ четки овса, полторы коробьи пшеници, полторы коробьи ячмени. И прибыла деревня, а дворовъ 6, а людей 5 человекъ, а обжи двѣ; а починокъ убылъ.

„И по новому писму деревень 11; а дворовъ въ нихъ: дв. Паршинъ, да дв. его человекъ, а христьянскихъ дворовъ 20 и 2; а людей въ нихъ пол-30 человекъ, а обещъ 20 и 1, а сохъ 7. И изъ тѣхъ обещъ Парша и съ своимъ человекомъ пашеть на себя 2 обжи, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косить 40 копенъ; а за христьяны 19 обещъ. А новаго дохода денгами 9 гривенъ Ноугородская и 4 денги; а хлѣба поспомъ 17 коробей ржи, 16 коробей овса, полторы коробьи пшеници, полторы коробьи ячмени.

„Въ Посонскомъ жъ погостѣ в. князя волостка Ульянинская, Олександровскіе жены Клементьева, за Гридею, за Аврамовымъ сыномъ Кречетникова, въ помѣстьѣ.

„Д. Жылотова: дв. Якушъ Павловъ, дв. Михаль, сѣютъ ржи 3 коробьи, а сѣна косятъ 15 копенъ, обжа; старого дохода 10 денегъ, коробья ржи, коробья овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Чернятино: дв. Еремѣйко, дв. Микитка, сѣютъ ржи пол-7 коробьи, а сѣна косятъ пол-30 копенъ, 2 обжи; старого дохода 10 денегъ, а изъ

хлѣба пятаина; а новой доходъ по тому жъ. Д. Григорево: дв. Власко Ондрѣевъ, дв. Лаврокъ Онисимовъ, дв. Обакумикъ Дмитровъ, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копень, двѣ обжи; старогó дохода гривна, 2 коробки ржи, 2 коробки овса; а новаго дохода 7 денегъ, пол-коробьи овса. Д. Лонница: дв. Сенка Олѣимовъ, дв. Сонка Сенкинь, сѣють ржи 6 коробей, а сѣна косятъ пол-40 копень, 2 обжи; стараго дохода 5 денегъ, коробка ржи, коробка овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Назарьино дв. Михаль, дв. Вавулка Сенкины, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копень, 2 обжи; стараго дохода 3 денги, а изъ хлѣба пятаина; ключнику четка ржи, лопатка боранья, сыръ, горсть льну; а новой доходъ по тому жъ. Д. Резаново: дв. Микулка Гавриловъ, сынъ его Ивашко, дв. Бориско Гридинъ, сѣють ржи 6 коробей, а сѣна косятъ пол-30 копень, 2 обжи; старогó дохода гривна, пол-2 коробки ржи, 2 коробки овса; а новой доходъ по тому жъ. Д. Мулино: дв. Сенка Соооновъ да Микитка Яшинъ, сѣють ржи 3 коробки, а сѣна косятъ 20 копень, обжа; старогó дохода 3 денги, а изъ хлѣба пятаина; ключнику четка ржи, лопатка боранья (Писц. кн. II, 885 стр., 12 строка снизу и до 888 стр. 19 строки сверху), сыръ, горсть лну; а новой доходъ по тому жъ. Д. Пудово: дв. Ондрѣйко Ооминъ, сѣеть ржи пол-3 коробки, а сѣна косятъ 20 копень, обжа; старогó дохода 7 денегъ, а изъ хлѣба пятаина; ключнику четка ржи, сыръ, 2 горсти лну; а новой доходъ по тому жъ. Д. Дьяково: дв. Харка Логиновъ да зять его Левоникъ, дв. Харка Олиповъ, дв. Кондратикъ, сѣють ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 40 копень, 3 обжи; старогó дохода 9 денегъ, а изъ хлѣба пятаина; а новой доходъ по тому жъ. Д. Пудово жъ: дв. Мартышко Ивашковъ, сѣеть ржи 2 коробки, а сѣна косятъ 16 копень, обжа; дохода съ нее нѣтъ: сѣлъ ново. Поч. Сии: дв. Данилко Давыдовъ, сѣлъ ново: пашни нѣтъ.

„И по старому писму деревень 8, а дворовъ въ нихъ 12, а людей въ нихъ 12 человекъ, а обержъ 11, а сохи 4. А старогó дохода со 6 обержъ денгами 3 гривны съ денгою; а хлѣба поспомъ ржи пол-6 коробки, а овса 6 коробей; а со 6 обержъ доходъ денгами 2 гривны и 4 денги, а изъ хлѣба пятаина; да со всѣхъ 12 обержъ давали 50 копень сѣна. А ключника дохода съ 2 обержъ 3 четки ржи, двѣ лопатки боранья, 3 сыръ, 4 горсти лну. И прибыли двѣ деревни да починокъ, а дворовъ 8, а людей 11 человекъ, а обержъ 5.

„И по новому писму деревень 10 да починокъ, а дворовъ въ нихъ 20, а людей въ нихъ 20 и 3 человекъ, а обержъ 17, а сохъ 6 безъ

трети сохы. А новаго дохода съ семи обежъ денгами пол-3 гривны съ денгою; а хлѣба поспомъ 4 коробьи ржи, пол-5 коробьи овса; а съ девяти обежъ доходъ денгами двѣ гривны и 4 денги, а изъ хлѣба пятина; да со всѣхъ со 16 обежъ дають 50 копенъ сѣна. А съ обжи дохода нѣтъ: сѣли ново. А ключника дохода съ 4 обежъ 3 четки ржи, 2 лопатки бораньи, 3 сыры, 4 горсти лну.

„Въ Жабенскомъ погостѣ в. князя деревни Богдановскіе Трубицина за Гридеужъ за Кречетниковымъ въ помѣстьѣ.

„Д. Королево: дв. Самоиликъ, дв. Захарко, дв. Ермачко, дв. Гридка, дв. Мигулка, сѣють ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ, 5 обежъ. Д. Выглядово: дв. Палка, дв. Якушъ, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжи; старого дохода съ обѣихъ деревень 2 гривны и 2 денги, а изъ хлѣба пятина, а за пятиною пол-2 коробьи ржи, пол-2 борана, 2 лопатки бораньи, 2 куровъ, 2 сыра 3 хлѣбовъ, пол-2 овчины, пятокъ и 2 горсти лну; а новой доходъ по тому жъ.

„И по старому писму 2 деревни, а дворовъ въ нихъ 7, а людей въ нихъ 7 человекъ, а обежъ 7, а сохи 2 съ третью (Писц. кн., II 884—885, подлинника листь 76-й). А старого дохода 2 гривны и 2 денги, а изъ хлѣба пятина, а за пятиною пол-2 коробьи ржи, пол-2 борана, 2 лопатки бораньи, 2 куровъ, 2 сыра, 3 хлѣбовъ, пол-2 овчины, пятокъ и двѣ горсти лну.

„И по новому писму 2 деревни, а дворовъ въ нихъ 7, а людей въ нихъ 7 человекъ, а обежъ 7, а сохи двѣ съ третью. А новаго дохода 2 гривны и 2 денги, а изъ хлѣба пятина, а за пятиною пол-2 коробьи ржи, полтора борана, 2 лопатки бораньи, двое куровъ, 2 сыра, 3 хлѣбовъ, полторы овчины, пятокъ и 2 горсти лну.

„И по старому писму за Гридею за Кречетниковымъ въ обѣихъ погостѣхъ, въ Посонскомъ погостѣ и въ Жабенскомъ погостѣ, въ обѣихъ боярщинахъ, въ Ульянинской, Александровскыя жены Клементьева, и съ Богдановской Трубицина, деревень 10, а дворовъ въ нихъ 19, а людей въ нихъ 19 человекъ, а обежъ 19, а сохъ 6 съ третью. А старого дохода со 6 обежъ денгами 3 гривны Новгородская съ денгою, а хлѣба поспомъ пол-6 коробьи ржи, 6 коробей овса а съ 13 обежъ доходъ денгами 4 гривны и 6 денегъ, а изъ хлѣба пятина, да 50 копенъ сѣна, а за пятиною и съ ключничимъ 2 короби съ четкою ржи; а мѣлкого дохода и съ ключничимъ пол-2 борана, 2 куровъ, 4 лопатки бораньи, 5 сыровъ, 3 хлѣбовъ, полторы

овчины, два пятеа съ горстью лну. И прибыли двѣ деревни да починокъ, а дворовъ 8, а людей 11 человекъ, а обожъ пять.

„И по новому писму деревень 12 да починокъ, а дворовъ въ нихъ 20 и 7, а людей въ нихъ 30 человекъ, а обожъ 20 и 4, а сохъ 8. А новаго дохода съ 7 обожъ пол-3 гривны съ денгою, а хлѣба поспомъ 4 коробки ржи, пол-5 коробки овса; а со 16 обожъ доходъ денгами 4 гривны и 6 денегъ, а изъ хлѣба патины, да 50 копенъ сѣна; а за патиною и съ ключничимъ 2 коробки съ четвою ржи, полтора борана, 2 куровъ, 4 лопатки бораньи, пять сыровъ, 3 хлѣбовъ, полторы овчины, два пятеа съ горстью лну. А съ обжи дохода нѣтъ: сѣла ново. И убыло у стараго дохода 7 денегъ, а хлѣба ржи и овса 3 коробки“ (Писц. кн., II, 883—884, подлинника листъ 75-й).

Возьмемъ теперь изъ неизвѣстно куда принадлежащихъ 102-й листъ подлинника, напечатанный на стр. 881—882 II-го тома писцовыхъ книгъ и начинающійся словами: „пол-гуряти, пол-сыра, пол-ставца масла, пол-3 горсти лну“. Отрывокъ прямо не даетъ обстоятельнаго указанія на лицо, земли котораго составляютъ предметъ описанія. Поземельный владѣлецъ обозначается въ немъ просто названіемъ Михалѣ. Не трудно однако доискаться, что за Михалѣ разумѣется въ повѣствованіи отрывка. Михалѣ отрывка, между прочимъ, характеризуется тѣмъ, что онъ вымѣнялъ нѣсколько дворовъ у князя Михаила Оболенскаго. Разсматривая помѣстья князя Оболенскаго, мы не только находимъ указаніе на эту мѣну, но и на лицо другаго участника въ ней. Въ Писцовыхъ книгахъ, I, стр. 861, мы читаемъ: „Въ той же деревнѣ, на Яковлской половинѣ Федорова, что ее вымѣнялъ князь Михаило у Михаила у Бедринскаго“... И такъ, въ разсматриваемомъ отрывкѣ рѣчь идетъ о деревняхъ Михаила Бедринскаго. Теперь остается только отыскать въ Писцовыхъ книгахъ помѣстье Михаила Бедринскаго, и дѣло прійдетъ въ порядокъ. Мы находимъ его дѣйствительно въ I-мъ томѣ на стр. 829. Къ сожалѣнію однако, описаніе его тамъ далеко не полное; тамъ перечисляется всего только 4 деревни, тогда какъ изъ отрывка видно, что ихъ должно быть цѣлыхъ двѣнадцать; поэтому пропускъ на стр. 829 долженъ по прежнему оставаться въ силѣ, и только за нимъ уже можетъ быть помѣщенъ разсматриваемый отрывокъ, представляющій не что иное, какъ окончаніе описанія деревень Бедринскаго съ подведеніемъ имъ итога. Далѣе, на стр. 879 — 881 II-го тома Писцовыхъ книгъ мы встрѣчаемся также съ неизвѣстно куда принадлежащимъ листомъ подлинника, а именно 2-мъ, начинающимся словами: „пол-4 коробки, а

сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжы“. Для опредѣленія истиннаго мѣста этого отрывка обыкновенной логики недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, отрывокъ заключаетъ въ себѣ только одно характерное указаніе, а именно слова: „А въ Городенскомъ погостѣ“... Но эти слова въ высшей степени неопредѣленны. Они значатъ только, что мѣста отрывка должно искать во всѣхъ погостахъ Деревской пятины, кромѣ Городенскаго. Такимъ образомъ, для отысканія настоящаго мѣста 2-го листа подлинника нужна не логика, а счастье, удача. Сколько намъ кажется, счастье въ данномъ случаѣ оказалось на нашей сторонѣ. Если мы именно присоединимъ 2-й листъ подлинника концомъ его (II, 881) къ описанію деревень Алексѣя и Володи Базаровыхъ, начинающемуся послѣ перерыва на стр. 829 1-го тома Писцовыхъ книгъ, то найдемъ, что онъ подходитъ туда, какъ нельзя болѣе кстати. При такомъ соединеніи мы, во первыхъ, не замѣтимъ никакого нарушенія связи въ ходѣ изложенія дѣла. А во вторыхъ, независимо отъ этого важнаго обстоятельства, есть еще другія данныя, свидѣтельствующія о принадлежности разсматриваемаго отрывка именно къ описанію деревень Базаровыхъ. Въ подведеніи итога землямъ послѣднихъ (Писц. кн., I, 835) говорится, что земли эти находятся въ трехъ погостахъ. А если такъ, то слова отрывка: „а въ Городенскомъ погостѣ“, какъ нельзя болѣе умѣстны, какъ указаніе на третій (первымъ долженъ считаться Яжелбицкій) изъ погостовъ, заключавшихъ въ себѣ боярщины Базаровыхъ. За симъ, описаніе деревень Базаровыхъ (Писц. кн., I, 829—836) отличается большою обстоятельностью: при каждомъ селеніи отмѣчается подробно старый и новый доходъ, и доходъ, слѣдующій въ обоихъ случаяхъ ключнику; а такимъ же именно характеромъ отличается и конецъ отрывка, долженствующій примкнуть къ описанію деревень Базаровыхъ. Отрывокъ однако не возмѣщаетъ всего пропуска, замѣчаемаго въ описаніи помѣстья послѣднихъ. Начала описанія, имѣющаго предметомъ указаніе владѣльцевъ помѣстья и перечисленіе ихъ деревень въ Яжелбицкомъ погостѣ и еще въ какомъ то другомъ, все-таки будетъ недоставать. Такимъ образомъ, со внесеніемъ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами отрывковъ, изложеніе Писцовой книги получитъ слѣдующій видъ:

„Въ Яжелбицкомъ же погостѣ в. князя деревни Яковльскіе Федорова за Михалемъ, за Васильевымъ сыномъ Бедринскаго, въ помѣстіи.

„Д. Восница: дв. самъ Михаль, а людей его дв. Степанко, дв. Митца, дв. Митца жъ, дв. Некраско, на Михалѣ сѣютъ ржи 8 коро-

бей, а сѣна косятъ 140 копень, 3 обжы; старого дохода 2 гривны, а изъ хлѣба пятаина, боранъ, 2 сыра, 2 пятка льну; ключнику пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну. Д. Глазуново: дв. Луча Якушовъ, дв. Омельянигъ Гридинъ, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копень, 2 обжы; старого дохода гривна, изъ хлѣба пятаина, пол-борана, сыръ; ключнику четка ржи, 2 горсти лну; а новой доходъ по тому жъ. Д. Новина: дв. Васко Ивашковъ, сѣють ржи 4 коробьи, а сѣна косить 30 копень, пол-2 обжы старого дохода гривна, а изъ хлѣба пятаина пол-борана, сыръ; ключнику четка ржи, 2 горсти лну; а новый доходъ потому жъ. Д. Подсосенъ: дв. Онтонко Оминъ, дв. Демешко Демидовъ, сѣють ржи 4 коробьи, а сѣна косятъ 20 копень, 2 обжы; старого дохода гривна, а изъ хлѣба пятаина, пол-борана, вуря, сыръ, ставецъ масла, пятокъ лну, а ключнику четка ржи, четка овса, сыръ, горсть лну; а новой доходъ по тому жъ. Въ той жъ деревнѣ, на Власовской трети Космынина, что ее вымѣнилъ Михаило Бедринскій у князя у Михайла у Оболенскаго: дв. Исачко Матѣевъ, сѣють ржи 2 коробьи, а сѣна косить 10 копень, обжа (Писц. Кн., I, 829).

пол-вуряти, пол-сыра, пол-ставца масла, пол-3 горсти лну; а ключнику пол-четки овса, сыръ, горсть лну. А новаго дохода пол-4 деньга, а изъ хлѣба пятаина, пол-борана, пол-вуряти, сыръ, 2 горсти лну; а ключнику пол-четки ржи, пол-четки овса, сыръ, горсть лну.

“А въ Еглинскомъ погостѣ. Д. Селское, Яковльская жъ Оедорова: дв. Гришка Ивашковъ, сѣють ржи 3 коробьи, а сѣна косить 20 копень, обжа; старого дохода пол-4 деньга, а изъ хлѣба пятаина, пол-борана, вуря, сыръ, горсть лну; а ключнику пол-четки ржи, пол-четки овса.

„И всѣхъ деревень по старому писму за Михалемъ и съ вопчими двѣма деревнями 12; а дворовъ въ нихъ и съ тѣми, что въ Ижицахъ да и въ вопчихъ 2 деревняхъ, 20 и 2; а людей въ нихъ 20 и 2 челоувѣка, а обержъ 20 и 1. А старого дохода съ Яковльскихъ Оедорова съ 18 обержъ деньгами пол-12 гривны, а изъ хлѣба пятаина; а за пятиною пол-6 борана безъ четверти, пол-8 курати, пол-12 сыра, пол-8 ставца масла, 8 пятковъ и пол-3 горсти лну. А со Власовскіе обжы старого дохода 7 денегъ, а изъ хлѣба пятаина, четверть борана, пол-вуряти, пол-сыра, пол-3, горсти лну. А съ Яковльскихъ Губина съ 2 обержъ старой доходъ невѣдомъ; а съ Еглинской обжы старой

доходъ невѣдомъ. А ключнику 3 коробы ржи, пол-3 коробы овса, пол четки ячмени, 17 сыровъ, 4 пята съ горстью лну.

„И по новому письму деревень и съ тою, что ее вымѣнилъ у Уліаны у Мусиной Яковльскихъ Губина да и съ Еглинской 13; а дворовъ въ нихъ съ тѣми, что вымѣнилъ у князя Михаила у Оболенскаго: дв. Михалевъ; а людей его 4 двора, 4 человекъ, а христьянскихъ дворовъ 20 и 1; а людей въ нихъ христьянъ 20 и 1 человекъ, а обжа 20 и пол-5 обжн. И изъ тѣхъ обжа Михаль пашеть на себя и съ своими людьми 3 обжн, сѣютъ ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 100 и 40 копенъ; а за христьяны обжа 28 и пол-2 обжн. А нового дохода съ Яковльскихъ обжа Федорова съ пол-19 обжн деньгами пол-10 гривны, а изъ хлѣба пята; а за патиною пол-6 борана, пол-9 куряти, 11 сыровъ, 7 ставцовъ масла, 7 пятковъ и 3 горсти лну. А съ Яковльскимъ Губина дохода 7 денегъ, а изъ хлѣба пята, пол-борана, куря, сыръ, ставецъ масла, 2 горсти лну. А со Власовской новой доходъ по тому жъ. А ключнику 3 коробы безъ четки ржи, пол-3 коробы овса пол-четки ячмени, 17 сыровъ, 4 пята съ горстью лну (Писц. Кн., II, 881—882).

.

. . пол-4 коробы, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжн; старого дохода изъ хлѣба пята, боранъ, полоть мяса, пятокъ лну; а ключнику 2 сыра, 2 хлѣбовъ; а новой доходъ по тому жъ. Д. Ухабъ: дв. Оватъ, дв. Исаѣ Якушовы, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ пол-30 копенъ, 2 обжн; старого дохода изъ хлѣба пята, боранъ, полоть мяса, пятокъ лну, двое хлѣбовъ, 2 сыра, а новой доходъ по тому жъ. Д. Новина: дв. Долматко Демидовъ, сѣетъ ржи пол-3 коробы, а сѣна косить 15 копенъ, обжа; дохода нѣтъ: сѣла ново. Д. Каменка: дв. Прокошъ Родивоновъ, сѣетъ ржи пол-2 коробы, а сѣна косить 10 копенъ, обжа; старого дохода изъ хлѣба пята, четверть борана, четверть полти мяса, 2 горсти лну; а ключнику хлѣбъ, сыръ, да изъ хмѣлю боярину пята. А новой доходъ по тому жъ.

„А въ Городенскомъ погостѣ. Д. Залѣсье: дв. Сенка Андрѣевъ, дв. Еремѣйко Михалевъ, дв. Ивашко Гридинъ, дв. Полушка Еремѣиковъ, сѣютъ ржи 10 коробей, а сѣна косятъ 100 копенъ, 4 обжн; старого дохода изъ хлѣба пята, боранъ, полоть мяса, куря, коробы солоду, четка пшеници, пол-коробы хмѣлю, пятокъ лну; а ключнику пол-коробы ржи, пол-коробы овса, лопатка боранья, коврига, сыръ, овчина, горсть лну. А новаго дохода гривна и 10 денегъ, а изъ часть сскп, отд. 2.

хлѣба пятаина, коробья солоду, четка пшеницы, пол-коробьи хмѣлю, 2 пятака лну; а ключнику пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса, лопатка боранья, коврига, сыръ, овчина, горсть лну. Д. Фалнѣво: дв. Дмитрокъ Тимошкинъ, дв. Федко Ивашковъ, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 2 обжы. Д. Мартиново: дв. Петрокъ, дв. Степанко Кондратовы, сѣють ржи 4 коробьи, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжы; старого дохода съ обѣихъ деревень изъ хлѣба пятаина, пол-2 коробьи солоду, пол-2 четки пшеницы, 3 четки хмѣлю, пол-2 борана, пол-2 полти мяса, пол-2 куряти, пол-2 пятака лну; ключ(нику) 3 четки ржи, 3 четки овса, полторы лопатки бораньи, пол-2 ковриги, пол-2 сыра, пол-2 овчины, пол-2 горсти лну. А новаго дохода пол-3 гривны съ деньгою, а изъ хлѣба пятаина, пол-2 коробьи солоду, пол-2 четки пшеницы, 3 четки хмѣлю, 3 пятака лну; а ключнику 3 четки ржи, 3 четки овса, пол-2 лопатки бораньи, пол-2 хлѣба, пол-2 сыра, пол-2 овчины, пол-2 горсти лну. Д. Фалнево жъ: дв. Ермачко Еросимовъ, сѣетъ ржи пол-5 коробьи, а сѣна косить пол-30 копенъ, 2 обжы; старого дохода изъ хлѣба пятаина, пол-коробьи солоду, пол-четки пшеницы, четка хмѣлю, пол-борана, пол-полти мяса, пол-куряти, пол-пятака лну; ключнику четка ржи, четка овса, пол-лопатки бораньи, пол-ковриги, пол-сыра, пол-овчины, пол-горсти лну. А новаго дохода 12 денегъ, а изъ хлѣба пятаина, пол-коробьи солоду, пол-четки пшеницы, четка хмѣлю, пятокъ лну; а ключнику четка ржи, четка овса, пол-лопатки бораньи (Писц. кн., II, 879—881), пол-хлѣба, пол-сыра, пол-овчины, пол-горсти лну. Д. Боръ: дв. Ивашко Тулковъ, дв. Никониъ Харитониковъ, дв. Андрѣйко "... и т. д. по Писц. кн., I, 830.

Обратимся, наконецъ, къ послѣднему изъ неизвѣстно куда относящихся листовъ подлинника, а именно къ 458, напечатанному въ Писц. кн., II, стр. 888—890 и начинающемуся словами: „старого дохода гривна и 10 денегъ, а изъ хлѣба треть“. Изъ содержанія отрывка ясно видно, что рѣчь идетъ о деревняхъ, находящихся въ помѣстьѣ за какимъ-то дьякомъ Ермолой и составлявшихъ прежде принадлежность новгородца Кипреяна Григорьева. Описаніе такихъ деревень мы дѣйствительно находимъ на стр. 654 II-го тома Писцовыхъ книгъ, и притомъ съ явнымъ пропускомъ. Разсматриваемый отрывокъ какъ разъ восполняетъ все недостающее въ текстѣ. Послѣдній будетъ имѣть такимъ образомъ слѣдующій видъ:

„Въ Курскомъ присудѣ въ Налючскомъ погостѣ в. князя деревни Кипреяновскеі Григорьева за Ермолою, за діакомъ за дворцовымъ, въ помѣстѣѣ.

„Д. Дубье: а въ ней дв. Ермолинъ, а въ немъ человекъ его Васко, сѣть ржи 6 коробей, а сѣна косить 50 копенъ, 2 обжы (Писц. кн., II, 654); старого дохода гривна и 10 денегъ, а изъ хлѣба треть. А христьянъ: дв. Онтушко Исаковъ, дв. Ульянка вдова, дв. Ѳеодолко Онкундиновъ, сѣютъ ржи 18 коробей, а сѣна косятъ 120 копенъ, 6 обержъ. старого дохода 4 гривны и 4 денги, а изъ хлѣба треть; а новой доходъ по тому жъ. А людей непашонныхъ: дв. Калининка, дв. Ѳатьянигъ Ивашковы, дв. Палка Ѳалелѣвъ, дв. Минна Кириловъ; а позему дають двѣ гривны. Д. Вѣтца: дв. Демешко Оеоносовъ, сѣть ржи 6 коробей, а сѣна косить 50 копенъ, 2 обжы; старого дохода гривна и 10 денегъ, а изъ хлѣба треть; а новой доходъ по тому жъ; а ключнику ото всякого овина жита по четверкѣ. Д. Глубокая: дв. Гридка Олисовъ, дв. Ивашко Кононовъ, дв. Маковѣйко Самойловъ, сѣютъ ржи 9 коробей, а сѣна косить 40 копенъ, 4 обжы; старого дохода 3 гривны и 6 денегъ, а изъ хлѣба треть; а новой доходъ по тому жъ; дв. Игнатко Зинововъ, не пашотъ; а позему даетъ 7 денегъ. Д. Круглица: дв. Устинко Игнатовъ, сынъ его Михаль, сѣть ржи 3 коробы, а сѣна косить 20 копенъ, обжа; старого дохода за все 2 гривны; а новой доходъ по тому жъ. Д. Сокино: дв. Гридка Ѳедковъ, сѣть ржи коробью, а сѣна косить 15 копенъ, пол-обжы; старого дохода за все гривна; а новой доходъ по тому жъ. Д. Грива: дв. Еросимко Ивашковъ, дв. Ермачко Устиновъ, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косить 15 копенъ, 2 обжы; старого дохода гривна и 10 денегъ, а изъ хлѣба треть; а новой доходъ по тому жъ.

„А въ вопчемъ погостѣ, въ Налючѣ, на Кипреановскомъ жеребью Григорьева: дв. Микитка Тимохинъ, сѣть ржи 4 коробы, а сѣна косить 20 копенъ, обжа; старого дохода гривна и 10 денегъ, а изъ хлѣба треть; а ключнику сыръ, горсть лну, да ото всякого овина всякого жита по четверкѣ; а новой доходъ по тому жъ. Въ дер. въ Рогахъ на Кипреановской четверти: дв. Власко Ивашковъ, дв. Ивашко Зинововъ, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжы; старого дохода гривна, а изъ хлѣба треть; а новой доходъ по тому жъ. А половина тое деревни Кузминская Кипреанова за Ермолю жъ за дьякомъ. и тѣ дворы и люди и обжы писаны въ семь же погостѣ съ ихъ обжами вмѣстѣ; а четверть Захарьинская Жохова за Ѳеодоромъ за Замытцимъ, и та четверть писана въ семь же погостѣ съ его обжами вмѣстѣ.

„И по старому писму и съ селцомъ деревень 6, а дворовъ въ нихъ и съ ключниковымъ 15, а людей 15 человекъ, а обержъ 15 и съ

тѣми, что ему даны на пашню. А старого дохода денгами рубль Ноугородской и 3 гривны и 2 денга, да съ тѣхъ же съ полу-14 обжы изъ хлѣба треть; а ключнику со всякія обжы отъ всякого овина всякого жита по четверткѣ, сыръ, горсть лну. А съ пол-2 обжы дохода за все денгами, и тѣ денги писаны впереди (Писц. кн., II, 888—890) съ тѣми жъ денгами вмѣстѣ“.

И по новому писму деревень 6; а дворовъ въ нихъ и съ тѣми, что въ Налучѣ“... и т. д. по Писц. кн., II, 654.

Отъ листовъ, неизвѣстно куда принадлежащихъ, перейдемъ къ такимъ листамъ, которые хотя и занимаютъ въ Писцовыхъ книгахъ извѣстное мѣсто, но тѣмъ не менѣе занимаютъ его совершенно неправильно. Къ числу такихъ листовъ принадлежитъ прежде всего отрывокъ, заключающій въ себѣ описаніе деревень, состоявшихъ за Ляхомъ Дюкинымъ съ дѣтми, и напечатанный во II-мъ томѣ Писцовыхъ книгъ, стр. 582, строка 12 снизу. Находясь между двумя перерывами и не имѣя ни начала, ни конца, разсматриваемый отрывокъ уже тѣмъ самымъ какъ бы указываетъ, что его настоящаго мѣста нужно искать не тутъ, а въ какой-либо другой части Писцовыхъ книгъ. Дѣйствительно, это настоящее мѣсто отрывка мы находимъ въ Писц. кн., II, 521, на 12-й строкѣ снизу. Не трудно убѣдиться въ истинности этой догадки. Со 2-й строки стр. 518 тома II-го Писцовыхъ книгъ начинается описаніе деревень великаго князя „за Ляхомъ за Дюкинымъ съ дѣтми, съ Ивашкомъ да съ Третьякомъ да съ Гридею, въ помѣстьѣ“, то-есть, именно за тѣми лицами, о которыхъ идетъ рѣчь и въ отрывкѣ. Далѣе. Въ описаніи помѣстья Ляха Дюкина съ дѣтми на стр. 521, въ 12-й строкѣ снизу, есть перерывъ, не отмѣченный издателемъ. Описаніе деревень Жабенскаго погоста, состоявшихъ за Ляхомъ Дюкинымъ, кончается именно итогомъ деревень по старому писму съ обозначеніемъ доходности ихъ, также старой. По принятому въ писцовой книгѣ порядку изложенія, нужно было бы ожидать далѣе итога деревень по новому писму съ обозначеніемъ ихъ новой доходности. Но, вопреки ожиданію, мы далѣе вновь встрѣчаемся съ перечнемъ доходности по старому писму, и притомъ такого широкаго размѣра, который никакъ не соответствуетъ незначительному числу деревень Дюкина въ Жабенскомъ погостѣ. Пропускъ въ этомъ мѣстѣ слѣдовательно несомнѣненъ; но если мы поставимъ тутъ отрывокъ, напечатанный неправильно въ Писц. кн., II, 582, то перерывъ совершенно исчезнетъ, и естественная связь будетъ вполне восстановлена. Отрывокъ начинается итогомъ деревень и ихъ доходности по новому писму,

а этого-то итога, какъ мы уже видѣли, и недостаетъ именно описанію деревень Дюкина въ Жабенскомъ погостѣ. Отрывокъ кончается, далѣе, общимъ итогомъ по старому письму деревень Дюкина во всѣхъ трехъ погостахъ, но только однихъ деревень; общаго же итога старой доходности, равно какъ и неизбѣжнаго общаго итога по новому письму, въ немъ недостаетъ. А продолженіе описанія деревень Дюкина на стр. 521, въ 12 строкѣ снизу, и заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ эти недостающія указанія на общую старую доходность и на общій итогъ по новому письму. Такимъ образомъ, со внесеніемъ отрывка въ текстъ, не только все (за вычетомъ исчезнуваго въ общемъ итогѣ по старому письму указанія на число обожъ и сохъ) окажется на своемъ мѣстѣ, но и общій итогъ по новому письму какъ разъ будетъ соотвѣтствовать предшествующему изложенію дѣла. Если присоединить данныя отрывка, деревни Дюкина съ дѣтьми дѣйствительно окажутся въ трехъ погостахъ (Демонскомъ, Жабенскомъ и Полоновскомъ) и въ пяти боярщинахъ или отдѣльныхъ помѣстьяхъ. Описаніе помѣстій Ляха Дюкина, начиная съ Жабенскаго погоста, будетъ имѣть такимъ образомъ слѣдующій видъ:

„Въ Жабенскомъ погостѣ в. князя деревни Ивашковскіе Кипрова Лодыжкина за Ляхомъ же за Дюкинымъ съ дѣтьми.

„Д. Домкино: дв. Ивашко Васковъ, сѣютъ ржи 2 коробы, а сѣна косить 20 копенъ, обжа; старого дохода гривна, а новой доходъ по тому жъ. Д. Стехново: дв. Ивашко Степанковъ, дв. сынъ его Якушъ, дв. Ѳедко Лукинъ, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 3 обжы. Д. Козаново: дв. Лучка, дв. Кирилко Давыдовы, дв. Ѳилка Гридкинъ, сѣютъ ржи 7 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 3 обжы; старого дохода съ обѣихъ деревень 10 денегъ, 3 коробы ржи, коробья овса, 3 четки пшеницы, 3 четвертки ячмени, боранъ, пятокъ лну; а новой доходъ по тому жъ.

„И по старому писму 3 деревни, а дворовъ въ нихъ четыре, а людей въ нихъ 5 человекъ, а обжы 4. Старого дохода пол-2 гривны и 3 денги, 3 коробы ржи, коробья овса, 3 четвертки пшеницы, 3 четки ячмени, боранъ, пятокъ лну (Писц. кн., II, 521). И по новому писму 3 деревни, а дворовъ въ нихъ 7, а людей въ нихъ 7 человекъ, а обожъ 7. А дохода съ нихъ пол-2 гривны и 3 денги, 3 коробы ржи, коробья овса, 3 четвертки пшеницы, 3 четвертки ячмени, боранъ, пятокъ лну.

„Въ Полоновскомъ погостѣ в. князя деревни Максимовскіе Оеонасова Волняница за Ляхомъ же за Дюкинымъ съ дѣтьми.

„Д. Могилево: дв. Омелянко Пуминиковъ, дв. Гридка Ивашковъ, Сооронко Насонковъ, дв. Исачко Сооронковъ, сѣютъ ржи 9 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 3 обжы; старого дохода пол-2 гривны, 6 коробей ржи, 6 коробей овса, полкоробьи пшеницы. А новой доходъ по тому жъ; да переимають 12 денегъ, коробья съ четкою ржи, коробья съ четкою овса; а недоимають полкоробьи пшеницы. Д. Горка: дв. Степанко Костинъ, дв. Панка Морщихинъ, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 15 копенъ, 2 обжы; старого дохода 7 денегъ, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, четка пшеницы. А нового дохода 13 денегъ, 3 коробьи безъ четки ржи, 3 коробьи безъ четки овса. Д. Киселево: дв. Ивашко Петрушинъ, дв. сынъ его Микитка, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжы; старого дохода 10 денегъ, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, полкоробьи пшеницы, 2 сыра, двѣ горсти лну; а новой доходъ по тому жъ. Д. другое Киселево: дв. Савастьянко Степанковъ, сѣетъ ржи пол-3 коробьи, а сѣна косить 20 копенъ, обжа; старого дохода 5 денегъ, коробья ржи, коробья овса, четка пшеницы, сыръ, горсть лну; а новой доходъ по тому жъ. Д. Новинки: дв. Ивашко Тать, сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна косить 15 копенъ, обжа; старого дохода нѣтъ: сѣла ново. А новаго дохода пол-3 денги, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, полчетвертки пшеницы. Д. Ветопъ: дв. Клишко Ѳедковъ, дв. тестъ его Михаль, сѣютъ ржи пол-6 коробьи, а сѣна косятъ пол-40 копенъ, 2 обжы; старого дохода 5 денегъ, коробья ржи, коробья овса, четка пшеницы; а новой доходъ по тому жъ. Д. Горки: дв. Ѳедко Ивашковъ, дв. Олешко Малаховъ, дв. Сенка Онаньинъ, сѣютъ ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 3 обжы; старого дохода гривна съ денгою, 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса, 3 четки пшеницы; а новой доходъ по тому жъ.

„И по старому писму село, а дворовъ въ немъ 10, а людей въ нихъ 10 человекъ, а обещъ 9. Старого дохода денгами пол-5 гривны Ноугородская, а хлѣба поспомъ ржи 15 коробей, а овса 15 коробей, а пшеницы пол-3 коробьи, 3 сыры, 3 горсти лну.

„И по новому писму деревень 7, а дворовъ въ нихъ 15, а людей въ нихъ 15 человекъ, а обещъ 14. А нового дохода денгами 6 гривенъ безъ полуденги; а хлѣба поспомъ ржи пол-18 коробьи, пол-18 коробьи овса, 2 коробьи безъ полчетки пшеницы, 3 сыры, 3 горсти лну.

„Въ Полоновскомъ же погостѣ в. князя деревни Ильинскіе Еремѣева Волковы за Ляхомъ же за Дюкинымъ съ дѣтми.

„Поч. Новошкино: а въ ней дворъ Ивашковъ Ляхова сына; сѣла ново: пашни нѣтъ. Д. Лаврово: дв. Гаврилко Нероновъ, дв. Микитка

Гридинъ, дв. Михаль Калининъ, сѣють ржи 10 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ, 3 обжы; старого дохода пол-2 гривны, 3 коробья ржи, 3 коробья овса, 3 четки пшеницы. А новой доходъ по тому жъ; да переимають пол-2 гривны и 3 денги, пол-2 коробья ржи, 3 коробья овса, пол-2 коробья ячмени. Д. Мернцово: дв. Омелянко, дв. Потапко Павликовы, сѣють ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 70 копенъ, 2 обжы; старого дохода гривна, 2 коробья ржи, 2 коробья овса, четка пшеницы. А новой доходъ по тому жъ; да переимають гривну и 2 денги, полкоробья ржи, полкоробья овса, коробья ячменя.

„И по старому писму 3 деревни, а дворовъ въ нихъ 12, а людей въ нихъ 12 человекъ, а обержъ 12. А старого дохода пол-3 гривны, 5 коробей ржи, 5 коробей овса, коробья пшеницы.

„И по новому писму 2 деревни да починокъ, а дворовъ въ нихъ: дв. Ивапковъ, а христьянскихъ 5 дворовъ, а людей въ нихъ 5 человекъ, 5 обержъ. А новаго дохода денгами 5 гривенъ и 5 денегъ, а хлѣба поспомъ ржи 7 коробей, а овса пол-9 коробья, а пшеницы коробья, а ячмени пол-3 коробья.

„И по старому писму во всѣхъ 5 боярщичкахъ, во всѣхъ 3 погостѣхъ деревень и съ сельцомъ 18, а дворовъ въ нихъ и съ сельщскими 48, а людей въ нихъ 50 человекъ, а обержъ (Писц. кн., II, 582—584). А старого дохода денгами рубль Ноугородской съ гривною и 5 денегъ, а хлѣба поспомъ всякого 72 коробья съ четвертью, боранъ, 11 сыровъ, 4 пятка лну, 3 острамки сѣна. И прибыли 8 деревень, а дворы по старинѣ; а людей 4 человекъ убыли, а обержъ 2 убыли.

„И по новому писму за Ляхомъ съ дѣтьми во всѣхъ 5 боярщичкахъ“... и т. д. по Писц. кн., II, стр. 521—522

Еще болѣе странное впечатлѣние производитъ отрывокъ, напечатанный въ Писц. кн., III, стр. 826—832. Какъ показываетъ примѣчаніе къ страницѣ 826, издателю было не безызвѣстно, что листы, заключающіе отрывокъ, влетены въ первую половину писцовой книги Вотской пятины неправильно, и что собственное мѣсто ихъ находится во второй половинѣ этой книги, изданной Бѣляевымъ. Но не смотря на это, издатель нимало не позаботился объ исключеніи разсматриваемыхъ листовъ изъ неестественной связи и объ отнесеніи ихъ къ числу приложений къ III-му тому Писцовыхъ книгъ, гдѣ въ настоящее время они единственно могли бы быть помѣщены правильно. Намъ неизвѣстенъ мотивъ, которымъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ издатель. Во всякомъ случаѣ этимъ мотивомъ ни-

какъ не могло быть сомнѣніе на счетъ истиннаго мѣста разсматриваемаго отрывка. Последнее, какъ хорошо извѣстно издателю, было совершенно вѣрно и точно опредѣлено уже покойнымъ Невוליнымъ. Съ своей стороны, въ пользу вывода, сдѣланнаго Невוליнымъ (Зап. Русск. Геогр. Общ., VIII, прилож. стр. 40), мы считаемъ не лишнимъ прибавить вѣкоторыя дальнѣйшія соображенія. Въ описаніи Карбосельскаго погоста (Врем., XI, 225) говорится, на примѣръ, что деревни своеземца Васюка Хотенскаго встрѣчаются и въ Городенскомъ погостѣ Орѣховскаго уѣзда. Между тѣмъ, въ напечатанномъ во Временникѣ, XI, 137 стр., перечнѣ своеземческихъ деревень Городенскаго погоста о Васюкѣ Хотенскомъ совсѣмъ не упоминается; вмѣсто того, имя его мы встрѣчаемъ въ отрывкѣ, помѣщенномъ въ Писц. Кн., III, стр. 832. Подобнымъ образомъ, при описаніи Карбосельскаго погоста замѣчается, что у перечисляемыхъ тамъ своеземцевъ, Машки Ѳедотова, Савы Кондратова, Кондрата Петрушина, Давыдка и Евахи Климовыхъ и другихъ, есть деревни также и въ Городенскомъ погостѣ (Врем. XI, 226). Между тѣмъ, въ дошедшемъ до насъ описаніи Городенскаго погоста о такимъ поземельныхъ собственникахъ тамъ совсѣмъ не упоминается: вмѣсто того, имена ихъ мы опять встрѣчаемъ въ отрывкѣ, напечатанномъ въ III-мъ томѣ Писцовыхъ книгъ. Такимъ образомъ, ясно, что отрывокъ, неумѣстно напечатанный въ III-мъ томѣ Писцовыхъ книгъ, относится собственно къ описанію Городенскаго погоста Орѣховскаго уѣзда. Не трудно угадать и мѣсто, которое онъ долженъ занять въ описаніи только что упомянутого погоста. Отрывокъ начинается перечисленіемъ деревень Никиты Сидорова „одного“; несомнѣнно, слѣдовательно, что ему должно предшествовать описаніе деревень, которыми Никита Сидоровъ обладалъ не одинъ, а въ обществѣ со своими родственниками. Такія деревни дѣйствительно описываются въ Городенскомъ погостѣ, а именно на стр. 138 словами: „Еськи да Кости, да Ивашка, да Микитки Сидоровыхъ, да брата Илейки Сидорова жъ сына“. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, мы получимъ полное право сказать, что отрывокъ, напечатанный неумѣстно въ III-мъ томѣ Писцовскихъ книгъ, долженъ собственно быть помѣщенъ во Временникѣ, XI, 139, тотчасъ за описаніемъ деревень семьи Сидоровыхъ, непосредственно послѣ 19-й сверху строки, кончающейся словами: „изъ хлѣба полове“. Что же касается до 20-й строки, заключающей въ себѣ слова: „И при старомъ прибыль дворъ“, то она должна быть отнесена къ концу отрывка, къ описанію деревни Бродкины на Невѣ, которому именно подобнаго до-

бавленія недостаетъ. По ясности дѣла, мы не считаемъ здѣсь нужнымъ воспроизводить вполнѣ тотъ текстъ Писцовой книги, который получится по совершеніи исправленія.

Важные примѣры неправильнаго размѣщенія матеріала представляетъ и вторая половина писцовой книги Вотской пятины, изданная Бѣлиевымъ. Къ числу такихъ примѣровъ прежде всего нужно отнести отрывокъ, встрѣчающійся въ описаніи Куйвошскаго погоста Орѣховскаго уѣзда и занимающій во Временникѣ, XI, пространство отъ стр. 172, строки 16 снизу до страницы 176, строки 24 сверху. Неправильность помѣщенія видна ужъ изъ того обстоятельства, что отрывокъ трактуеть о помѣстныхъ владѣніяхъ и между тѣмъ занимаетъ мѣсто среди своеземческихъ деревень. Что же касается до его истиннаго мѣста, то оно легко опредѣляется изъ слѣдующихъ соображеній. Изъ содержанія отрывка видно, что въ немъ описываются между прочимъ деревни, принадлежащія нѣкому владѣльцу Ивашку съ братьею. А описанію своеземческихъ деревень Куйвошскаго погоста и предшествуетъ именно описаніе волости, находящейся въ помѣстьѣ „за Иванцомъ, да за Митицею, да за Куземкою, да за Оедкомъ за Костиными дѣтми Бормосова“ (Временникъ, XI, 167). Далѣе. Отрывокъ начинается словами: „А стараго дохода шло и съ поселничимъ доходомъ денегъ 14 гривенъ и пол-10 денги“ (Временникъ, XI, 172), которыя, сообразно съ принятымъ въ писцовой книгѣ порядкомъ изложенія, заставляютъ предполагать, что отрывку должно предшествовать указаніе на число деревень, состоящихъ по старому письму за описываемымъ владѣльцемъ. А описаніе деревень Ивашка Бормосова съ братьею и заключается именно во Временникѣ, XI, 171, 10 строка сверху, представленіемъ по старому письму итога всѣхъ деревень, состоящихъ за этими владѣльцами, къ которому указанія отрывка на старую доходность и на итоги деревень и ихъ доходности по новому письму какъ разъ подходятъ, какъ естественное окончаніе къ началу. Такимъ образомъ, ясно, что настоящаго мѣста отрывка нужно искать во Временникѣ, XI, 171, непосредственно послѣ словъ десятой строки: „а въ сохѣ по три обжы“. Отрывокъ одного не представляетъ самъ въ себѣ вполнѣ законченнаго цѣлага. Въ концѣ его недостаетъ небольшой замѣтки, долженствующей содержать въ себѣ указаніе на старый и новый доходъ, шедшій въ пользу Бориса Барыкова, другаго помѣщика, земли котораго составляютъ предметъ описанія отрывка. Но это опущеніе не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ всякій, сколько-нибудь понимающій дѣло, легко можетъ

восполнить пробѣлъ общаго итога доходности при помощи данныхъ, представляемыхъ отрывкомъ въ частныхъ итогахъ для обѣихъ боярщинъ, которыя находились въ помѣстномъ владѣніи за Борисомъ. По ясности дѣла, мы и здѣсь не находимъ нужнымъ воспроизводить въполнѣ настоящій текстъ писцовой книги, который получится, какъ результатъ предложеннаго нами перемѣщенія.

Подобнымъ образомъ и описаніе Ровдужскаго погоста Корѣльскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ также значительную долю совершенно посторонней примѣси. Въ перечнѣ деревень этого погоста, состоявшихъ въ помѣстьѣ за различными лицами, мы встрѣчаемъ отрывокъ, стоящій явно не на своемъ мѣстѣ. Мы разумѣемъ именно отрывокъ, обнимающій во Врем., XII, пространство отъ 91 стр. 21 строка снизу и до стр. 97 9-й строки также снизу и начинающійся словами: „четвертка ржи, четвертка овса“. Неправильность помѣщенія отрывка очевидна. Въ заголовкѣ къ описанію предшествующихъ деревень говорится, что предметъ послѣдующаго описанія составляютъ деревни, находящіяся въ помѣстномъ владѣніи; а между тѣмъ въ отрывкѣ описываются деревни своеземцевъ. Отрывокъ далѣе заключаетъ въ себѣ въ началѣ итогъ, гласящій, что число предшествующихъ ему въ описаніи деревень равняется пяти; а между тѣмъ изъ предшествующаго изложенія мы узнаемъ, что это число равняется не пяти, а шести. Противорѣчія эти показываютъ ясно, что настоящаго мѣста разсматриваемаго отрывка нужно искать не въ Ровдужскомъ погостѣ, а въ какомъ-либо иномъ отдѣлѣ писцовой книги. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ согласно, что этимъ другимъ отдѣломъ можетъ быть только Кельтушскій погостъ, описанный во Временникѣ, XI, стр. 244. Въ отрывкѣ, напримѣръ, въ разрядѣ своеземческихъ владѣній упоминаются деревни „Онаньки да Тараска, да Луки, да Ивашка, да Селиванка Тимошкиныхъ дѣтей Юрьева, да братанича ихъ Иваша Онцифорова сына“ (Врем., XII, 91). А объ этихъ своеземцахъ въ Писц. кн., III, 827, замѣчается, что у нихъ есть еще деревни въ Куйвошскомъ и Кельтушскомъ погостахъ. При повѣркѣ однако оказывается, что въ дѣйствительности деревни Тимошкиныхъ описываются только въ одномъ Куйвошскомъ погостѣ; что же касается до Кельтушкаго, то въ дошедшемъ до насъ описаніи послѣдняго нѣтъ и рѣчи о подобныхъ своеземцахъ. Въ отрывкѣ далѣе перечисляются деревни своеземцевъ „Якова да Фили, да Карпа Панкратовыхъ, да братанича ихъ Конаника Калинина (Врем., XII, 93), а въ Писц. кн., III, 828, объ этихъ лицахъ опять замѣчается, что у нихъ есть еще

деревни въ Куйвошскомъ и Кельтушскомъ погостахъ. При повѣркѣ же вновь повторяется та же исторія: въ описаніи Куйвошскаго погоста владѣнія Панкратовыхъ оказываются дѣйствительно на лицо, въ Кельтушскомъ же о нихъ нѣтъ и помину. И такъ, несомнѣнно, что въ разсматриваемомъ отрывкѣ мы имѣемъ не что иное, какъ часть описанія своеземскихъ деревень Кельтушскаго погоста. Не трудно подыскать для отрывка и настоящее мѣсто въ описаніи послѣдняго погоста. Печатавъ вторую половину писцовой книги Вотской пятины, Бѣляевъ перечень деревень своеземца Орѣховскаго уѣзда, Кельтушскаго погоста, Якова Юрьева сына Кобылкина, напутствовалъ въ концѣ краткимъ замѣчаніемъ, что „здѣсь листъ утраченъ“ (Врем., XI, 245). Вѣрнѣе было бы, впрочемъ, сказать, что листъ не утраченъ, а только не на своемъ мѣстѣ напечатанъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ описанія деревень Якова Юрьева сына Кобылкина какъ разъ долженъ слѣдовать разсматриваемый нами отрывокъ, открывающійся ни чѣмъ инымъ, какъ окончаніемъ описанія деревень Кобылкина и подведеніемъ имъ итога. Въ доказательство справедливости нашего мнѣнія мы можемъ привести двоякаго рода соображенія. Вопервыхъ, съ исключеніемъ изъ Ровдужскаго погоста разсматриваемаго нами отрывка тамъ не только не произойдетъ никакого пропуска, но даже восстановится истинная связь изложенія и соотвѣтствія описанія съ итогомъ. Безъ исключенія, описаніе дер. Попкова (Врем., XII, 91) будетъ оставаться не полнымъ; въ немъ можно будетъ найти указаніе на старый доходъ землевладѣльца, но мы не найдемъ тамъ данныхъ на счетъ стараго дохода ключника и новаго дохода обоихъ лицъ. Напротивъ, съ присоединеніемъ къ ея описанію продолженія, находящагося на страницѣ 97, этотъ недостатокъ будетъ восполненъ и изложенію возвращено его естественное теченіе. Затѣмъ, при такомъ соединеніи и итогъ, подведенный на страницѣ 101-й всѣмъ владѣніямъ Осташа Редрова, окажется вполне согласнымъ съ подробнымъ описаніемъ. Какъ въ итогѣ, такъ и въ описаніи, число деревень будетъ одинаково 20, кромѣ двухъ общихъ; точно также будетъ одинаковымъ и число дворовъ (20). Во вторыхъ, съ перенесеніемъ нашего отрывка въ Кельтушскій погостъ, и описаніе деревень Якова Кобылкина получитъ законченный видъ. Оно въ настоящемъ видѣ обрывается словами: „а изъ хлѣба треть, за третью“,... заставляющими ожидать дальшаго указанія на извѣстное количество ржи и овса. Отрывокъ, напечатанный во Временникѣ, XII, стр. 91, строка 21, какъ разъ удовлетворяетъ этому ожиданію, начинаясь выраженіями: „чет-

верка ржи, четверка овса". Затѣмъ и итогъ деревень Кобылкина будетъ вполне соотвѣтствовать ихъ подробному описанію. Находящійся въ началѣ отрывка итогъ говоритъ о пяти деревняхъ и семи дворахъ; а если мы сомнеемъ отрывокъ съ описаніемъ деревень Якова Кобылкина, то и въ подробномъ описаніи окажется какъ разъ пять деревень и семь дворовъ.

Для нагляднаго представленія предлагаемыхъ нами поправокъ позволимъ себѣ возстановить истинный текстъ описанія занимающихъ насъ частей Ровдужскаго и Кельтушкаго погостовъ, если не вполне, что потребовало бы много мѣста, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ должно производиться сляніе. Начнемъ съ Ровдужскаго погоста.

„Въ Ровдужскомъ же погостѣ в. князя волостка Лукинская Левонтьева, да Петровская Есипова Кречатникова, за Осташомъ, за Деметьевымъ сыномъ Редрова, за Васильевскимъ человѣкомъ Борисовича за Тучковскимъ, да Исаковская волостка Левонтьева жъ.

„Лукинскихъ.

„Д. Килбино, а въ ней въ большемъ дворѣ самъ Осташъ, сѣють ржи 7 коробей, а сѣна косить 100 копенъ, 2 обжи. А старого доходу шло 4 денги, боранъ, бочка пива, два блюда масла, 2 горсти лну, а изъ хлѣба треть; а ключнику пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса. А нынче Осташъ тѣ обжи пашеть на себя. Д. Бораново надъ Поповымъ озеромъ: дв. Онашка тиунъ, да сынъ его Гридка; сѣють ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 20 копенъ, полторы обжи. А старого доходу шло 5 денегъ, боранъ, бочка пива, пол-3 горсти лну, а изъ хлѣба треть, а ключнику 2 горсти лну. А новой доходъ по тому жъ. Д. Большой дворъ: дв. Терехъ Власовъ да Михаль Степановъ, сѣють ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 20 копенъ, 2 обжи. А старого доходу шло 5 денегъ, боранъ, пол-3 горсти лну, а изъ хлѣба треть; ключнику двѣ горсти лну, пол-коробьи овса. А новой доходъ по тому жъ. Д. Попково: дв. Оверкей Кузьминъ Базиковъ да Михаль Наумовъ, сѣють ржи 8 коробей, а сѣна косятъ 20 копенъ, двѣ обжи. А старого доходу 4 денги, пятокъ лну, а изъ хлѣба треть (Врем., XII, 90—91); а ключнику двѣ горсти лну, пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса. А нового доходу гривна и двѣ денги, боранъ, полоть мяса, 4 бочки пива, два пятка лну, 20 яицъ, а изъ хлѣба треть; а ключнику 3 денги, 2 горсти лну, 10 яицъ, пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса. Д. Ворушка: дв. Филипка Ермолинъ да Сменко Осташовъ, сѣють ржи 3 коробьи“... и т. д. по Временнику, XII, стр. 97.

А теперь обратимся къ Кельтушскому погосту.

„Д. Зацево: дв. Тимошка Исаковъ, сѣть ржи пол-3 коробы, а сѣна косить 10 копенъ, полъ обжи; а доходъ своеземцу деньга а изъ хлѣба треть. Д. Богдашково: дв. Сенка Степанковъ, сынъ его Климко, сѣютъ ржи 6 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, полторы обжи; а дохода 7 денегъ, 6 горстей льну, а изъ хлѣба треть, да за третью четвертка ржи, четвертка овса. Д. Кудрово: дв. Мануиликъ Кузьминъ, дв. Васюкъ Кузьминъ, сѣютъ ржи 4 коробы, а сѣна косятъ 30 копенъ; обжа. А дохода 7 денегъ, 6 горстей лну; а изъ хлѣба треть за третью (Врем., XI, 245) четвертка ржи, четвертка овса. Д. въ Кяхкомѣ Уголь: дв. Лукьянко да Якимко Микитины, сѣютъ ржи 7 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, полторы обжи; а дохода 7 денегъ, 6 горстей лну, а изъ хлѣба треть, да за третью четвертка ржи, четвертка овса. Д. въ Кяхкомѣ жъ: (дв.) Иевигъ да Перха Родивоновы, дв. Сидоригъ да Максимко Сергѣевы, сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ, пол-3 обжи. А дохода денегъ гривна, два пятка и 3 горсти лну, а изъ хлѣба треть, да за третью четвертка ржи, четвертка овса.

„И по старому письму деревень 5, а дворовъ въ нихъ 7, а людей 12 человекъ, а обжа 6, 2 сохи. А по новому письму деревень 5, а дворовъ въ нихъ 7, а людей въ нихъ 11 человекъ“... и т. д. по Временнику, XII, 91.

Третье и послѣднее требованіе, которое можетъ быть предъявлено къ изданію писцовыхъ книгъ, заключается въ томъ, чтобы дошедшія до насъ и поставленныя на своемъ мѣстѣ части ихъ были переданы вполне вѣрно, то-есть, согласно съ духомъ подлинника. Въ сравненіи съ первыми двумя, это послѣднее требованіе удовлетворяется въ существующихъ нынѣ изданіяхъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ значительно полнѣе, чѣмъ другія. Однако и здѣсь мѣстами встрѣчаются кое-какія опущенія, которыя легко могли бы быть избѣгнуты. Прежде всего, изданіе Археографической комиссіи страдаетъ отсутствіемъ строгаго правописанія. Правда, недостатки, вытекающіе отсюда, легко поправимы; однако все же какъ-то странно видѣть въ ученомъ изданіи, что явно нарицательныя имена, каковы, напримѣръ, названія людей по происхожденію и роду занятій, печатаются въ немъ сплошь и рядомъ съ большой буквы, тогда какъ нѣкоторыя прозвища (напримѣръ, Псаломникъ, Писц. кн., III, 337)—наоборотъ съ малой буквы. Затѣмъ—и это обстоятельство гораздо прискорбнѣе—въ изданіи нерѣдко оставляются безъ исправленія промахи

первоначальныхъ писцовъ, и чрезъ это мѣстами возникаетъ явный ущербъ для смысла. Нельзя сказать, чтобъ издатели не позволяли себѣ дѣлать никакихъ улучшеній въ текстѣ писцовыхъ книгъ. Напротивъ, очевидныя и легко устранимыя погрѣшности послѣдняго рѣдко оставляются ими безъ поправокъ. Даже больше. Стремленіе къ возможно правильнѣйшему воспроизведенію писцовыхъ книгъ доводитъ иногда издателей до того, что подъ видомъ исправленія они просто на просто искажаютъ ихъ истинный текстъ. Такъ, напримѣръ, въ Писцовой книгѣ, II, 633, напечатано: „А оброку великаго князя на тѣ деревни положено денгами за полов(ин)ной и за четвертной хлѣбъ“... Къ чему эта вставка въ скобкахъ слога: „ин“? Нужно читать не „половинной“, а именно „половной“, такъ какъ послѣднее прилагательное происходитъ отнюдь не отъ половины, а отъ слова „половье“, подобно тому какъ отъ того же слова происходитъ и прилагательное „половой“ (Писц. кн., II, 702). Въ виду такой рѣшительной склонности издателей къ исправленію, нельзя не пожалѣть, что она осталась безъ приложенія къ тѣмъ именно мѣстамъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, которыя особенно требовали рѣшительнаго исправленія. Такъ, напримѣръ, въ т. III-мъ Писцовыхъ книгъ, на стр. 23 мы читаемъ: „И при старомъ убyla деревня, списано въ домѣ сто горнецъ (такъ!) зъ Денисовымъ изъ старога писма изъ Кречневскаго погоста въ сесь въ Пидебской погостъ“. Фраза, очевидно, испорченная и отсутствіе въ ней смысла ни мало не вознаграждается тѣмъ: „такъ!“, которымъ снабдилъ ее редакторъ при печатаніи. Между тѣмъ, удѣли издатель этой фразѣ нѣкоторую долю вниманія, и истинный смыслъ ея раскрылся бы самъ собою. Вотъ онъ: „И при старомъ убyla деревня, списано въ одно мѣсто Горнецъ зъ Денисовымъ изъ старога писма изъ Кречневскаго погоста въ сесь Пидебской погостъ“. Для желающихъ можно предложить слѣдующія доказательства: Списываніе деревень въ одно мѣсто представляетъ въ писцовыхъ книгахъ весьма обыкновенное явленіе. А затѣмъ, на стр. 22 мы читаемъ: „Д. Горнецъ-Денисово, а въ старомъ письмѣ ся деревня писана была на двое“. Подобнымъ образомъ, въ томъ же томѣ III-мъ стр. 28, въ описаніи деревень Важицкаго монастыря напечатано: „А въ вопчихъ: въ селцѣ въ Коцехъ въ вопчемъ въ Богдановскомъ Есипова, что за Еремою за Трусовымъ вопче съ своеземцы со Ондрѣйкомъ съ Оедковымъ да съ его братаничемъ съ Микулкою зъ Борисковымъ, на монастырскихъ на трехъ жеребѣхъ половины: дв. монастырскаго“... Мѣсто это также принадлежитъ явно къ разряду ис-

порченныхъ. Настоящій смыслъ его можетъ быть восстановленъ не иначе, какъ совершеннымъ опущеніемъ слова: „половины“. Это слово не можетъ имѣть мѣста въ рассматриваемомъ описаніи уже потому, что Вяжицкому монастырю въ Копцахъ принадлежала отнюдь не половина или какія-либо половины. Главная часть села, половина съ четвертью или $\frac{12}{16}$, составляла владѣніе Еремы Трусова (Писц. Кн., III, 25), $\frac{1}{16}$ принадлежала своеземцамъ (III, 27); на долю монастыря, слѣдовательно, оставались только $\frac{3}{16}$, то-есть, именно три жеребья; но этими жеребьями монастырь владѣлъ вполне. Неправильно далѣе напечатано въ томъ же томѣ III-мъ, стр. 32, и слѣдующее мѣсто: „великаго князя половину тое пустоши папуть и косятъ христьяне изъ Давыдовской жъ деревни изъ Керести Ивашко Селивановъ съ товарищи, а сѣялъ на ней коробью ячмени, да урѣзалъ корью рѣпы“... Не слѣдуетъ ли здѣсь читать: „коробью рѣпы“? Примѣры неправильнаго воспроизведенія текста встрѣчаются мѣстами и въ другихъ томахъ писцовыхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, въ Писц. Кн., I, стр. 11, напечатано: „Пустошь Кочетыговская, придана къ деревнѣ къ Мишакову Терешку Рагозѣ да Ѳедку“; между тѣмъ, изъ сравненія со стр. 9, гдѣ между крестьянами деревни Мишакова упоминаются Обросимко Харламовъ, сынъ его Нефедко, Терехъ Рагоза, видно, что читать слѣдовало бы: „придана къ деревнѣ къ Мишакову Терешку Рагозѣ да Нефедку“. Подобнымъ образомъ ясны слѣды извращенія носить на себѣ и слѣдующее мѣсто, напечатанное въ томъ же томѣ I-мъ, на стр. 680: „А на погостѣ: дв. Ивашко Кузнецъ, дв. Неронко, дв. Гридка, доброволно, сѣютъ ржи 2 коробы, а сѣна косятъ 30 копень, обжа“. Здѣсь, можетъ быть, вмѣсто слова: „доброволно“ скорѣе всего слѣдовало бы читать или фамилію, или прозвище крестьянъ по ихъ соціальному положенію; но что именно—положительно сказать безъ подлинника трудно. Накопецъ, сильное недоразумѣніе возбуждаетъ заголовокъ, напечатанный въ томѣ I-мъ, стр. 799: „Въ Яжолобитцкомъ жъ погостѣ великаго князя деревни... за Максимомъ за Собакою... въ помѣстьѣ“. Здѣсь вмѣсто словъ: „Въ Яжолобитцкомъ жъ погостѣ“ нужно поставить: „Въ Налѣсскомъ жъ погостѣ“; въ противномъ случаѣ описаніе помѣстья Максима Собаки прійдется совсѣмъ вынести изъ Налѣскаго погоста, въ которомъ оно помѣщено, въ погостъ Яжелбицкій. Съ нѣскольکو сходною ошибкой мы встрѣчаемся и въ Писц. Кн., I, стр. 539.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ прибавить, что предложенныя нами поправки не исчерпываютъ всѣхъ погрѣшностей, присущихъ

изданію Новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе послѣднихъ откроетъ, быть можетъ, и инныя опущенія. Но какъ бы, впрочемъ, ни было значительно число ихъ, опущенія эти отнюдь не уменьшаютъ значенія услуги, оказанной издателями изученію отечественной старины. Нельзя не пожалѣть только, что еще до сихъ поръ остаются не изданными два сохраняющіеся въ Археографической комиссіи отрывка изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, изъ которыхъ одинъ относится къ Шелонской пятинѣ, а другой — къ Обонѣжской. Скорѣйшее по возможности изданіе этихъ важныхъ отрывковъ (по времени составленія они принадлежатъ къ концу XV столѣтія) было бы крайне желательно. Оно значительно расширило бы поле зрѣнія изслѣдователей древне-русской старины, дало бы имъ матеріалъ для сравненія и такимъ образомъ повело бы къ обстоятельнѣйшему ознакомленію какъ съ бытомъ Великаго Новгорода, такъ и со временемъ Московскаго царства.

А. Никитеній.

ОЧЕРКИ ЧЕРНОГОРЬЯ.

I.

Общая характеристика мѣстности Черногорья.

Откуда могло производиться названіе Черной-горы. — Кто прежде жилъ въ этой мѣстности. — Позднѣйшее ея заселеніе. — Черная-гора — убѣжище свободы. — Видъ съ Ловчена. — Географическій путь распространенія Черногорья. — Характеристика мѣстности собственно Черногорья отдѣльно отъ Брдъ: всюду камень (крш): его свойства, и въ особенности, вліяніе на растительность; обиліе атмосферныхъ водъ и недостатокъ воды на поверхности земли; сносы земли водою; трудность обработки земли и необходимость создавать ее искусственно; результатъ работы. — Характеристика отдѣльныхъ частей: Пиперы, Братоножичи, Кучи, Морача и Ровцы, Дробнаки и Васоевичи; Хасъ.

Княжество Черногорія состоитъ изъ двухъ частей: собственно Черногорья (Црна-гора) и Брдъ. Руководясь словопроизводствомъ по современному сербскому языку, мы протолковали бы первое названіе Черный-лѣсъ, и притомъ въ горахъ, такъ какъ гора означаетъ лѣсъ, растущій именно по горамъ, тогда какъ общее названіе лѣса — шума; второе же названіе Брда значитъ собственно Горы.

Такое толкованіе совершенно оправдывается разсмотрѣніемъ самой мѣстности. Какъ ни оголена въ настоящее время такъ-называемая Черная-гора, вы всюду по ней видите густую поросль лѣса, преимущественно буковаго, а также дуба, граба, ясена, мѣстами ели и сосны. Лѣсъ этотъ, однако, обезображенъ отчасти пожарами, отчасти вырубкой и послѣ скотомъ, который не даетъ подняться молодой поросли. Самая высокая часть этой мѣстности, вершины Штировника и Ловчена, безъ сомнѣнія, также когда-то были покрыты лѣсомъ, и этотъ лѣсъ долженъ былъ быть хвойный. На Штировникѣ я нашелъ въ

часть ссхп, отд. 2.

видѣ стелющагося кустарника породу сосны съ болѣе грубою и болѣе темною хвоей, чѣмъ у нашей обыкновенной сосны, и съ темною также, а не красноватою кожей. Въ Васоевичахъ этотъ самый видъ сосны находится на Комѣ, гдѣ деревья, весьма большія и старыя, обезображены сваливающимся снѣгомъ; а больше всего онъ находится на Зелотинѣ и Сѣкирицѣ (высоты одинаковыя съ Ловченомъ или немного выше его). Тамъ это дерево называется чернѣй или дикѣй боръ (дивли), въ отличіе отъ сосны вообще, которую называютъ бор просто или бор питоми, то-есть, благородный, какъ облагороженные фруктовыя деревья, и луч. Спутники мои на Ловченѣ не успѣли мнѣ назвать его; а въ Босніи, мнѣ кажется, онъ самый называется чамъ и употребляется для водопроводныхъ трубъ, какъ болѣе другихъ родовъ дерева способный сохраняться въ землѣ и сырости. Если мы представимъ себѣ, что когда-то эта мѣстность была покрыта сплошнымъ лѣсомъ и на самомъ верху стоялъ хвойный лѣсъ, и преимущественно чернѣй боръ, то окажется, что видъ этихъ горъ былъ такой мрачный, какъ теперь Зелотинъ и Црне-горе въ Васоевичахъ, а также Црна-планина, изъ-подъ которой вытекаетъ р. Вѣруша, одинъ изъ истоковъ Тары. Такихъ Черныхъ-горъ множество не въ одной Черногоріи, а и по другимъ сербскимъ землямъ.

Поэтому мы безошибочно можемъ принять, что эта страна когда-то была покрыта сплошь густымъ лѣсомъ. И теперь еще, идя отъ Петинья къ Ловчену, вы проходите по мѣстамъ, гдѣ въ густой поросли стоятъ столѣтніе буки съ огромными дуплами, которыя служатъ кладовыми для чабановъ; сваливаясь, они тутъ же гниютъ, покрываясь грибами и другими тайнобрачными. Отъ толстаго слоя перегноя подъ ногами у васъ мягко, и обдаетъ васъ то особеннымъ ароматомъ мха, то влагой и гнилью отъ массы разлагающихся растительныхъ веществъ. Видъ былъ мрачный; но тогда было больше воды, которая изсыкаетъ не съ вѣвами, а съ годами. Какъ скоро мѣстность очищена отъ лѣса, она не только подвергается болѣе сильному осушенію солнцемъ, но въ то же время лишается своего землянаго покрова, который, съ одной стороны, единственно можетъ впитывать въ себя и задерживать воду, а съ другой—закрываетъ тѣ щели, которыми такъ богатъ здѣшній камень (карст), и въ которыя уходитъ вся вода, исчезая въ безднахъ, и гдѣ-нибудь въ отдаленной мѣстности, въ глубокой долинѣ или совсѣмъ у мора вытекая рѣкой или большимъ потокомъ. Такихъ явленій множество въ Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи и здѣсь. Никшичская равнина вся заливалась бы

водой, еслибы тамъ не было понара (проваль въ землѣ); то же самое было бѣ и съ Цетинской. Какъ скоро эти понары засоряются, бываютъ наводненія. Я видѣлъ нѣсколько котловинокъ, въ которыхъ открылись щели въ недавнее время, вслѣдствіе сноса земли.

Такимъ образомъ, въ дополненіе картины, какую въ древности представляла эта мѣстность, мы должны присоединить къ обилію лѣса обиліе воды. Тогда она представляла именно такую мѣстность, которая, не привлекая къ себѣ по своему мрачному и уединенному характеру вообще населеніе, была превосходнымъ лѣтнимъ убѣжищемъ для стадъ: для катуновъ (лѣтниковъ) здѣсь были всѣ условія. Но кромѣ того, она была полна дичи и привлекала къ себѣ людей знатныхъ для охоты (лова). Отсюда легко могли произойти названія Катунъ и Ловчена.

Помимо, однако, всѣхъ догадокъ, не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстность эта прежде XIV столѣтія не была заселена и служила лѣтнимъ кочевьемъ для стадъ, принадлежавшимъ Зетскимъ государямъ и ихъ первымъ людямъ; быть можетъ, такъ было и раньше XIV вѣка.

Были, безъ сомнѣнія, здѣсь жилища и кромѣ катуновъ: уединенные дворы богатыхъ людей, а можетъ быть, былъ и монастырь. На это указываютъ нѣсколько надгробныхъ камней на Цетини близъ такъ-называемой Влашской церкви. Это громадныя монолиты въ родѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются въ Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи, и о которыхъ никто не можетъ сказать, кому они принадлежали; только, судя по громадности, мы можемъ положительно утверждать, что для простыхъ людей такіе памятники были не подъ силу.

Когда началось здѣсь сплошное заселеніе, точно сказать не можемъ; но во всякомъ случаѣ оно началось не раньше того времени, когда Балканскимъ полуостровомъ и Сербскими землями стали овладѣвать Турки. Такъ, племя Нѣгушей, Оздриничей и другія по своимъ фамильнымъ преданіямъ твердо знаютъ, что они здѣсь не автохтоны, а переселенцы откуда-то изъ Герцеговины и Босніи. Другія же заселенія не цѣлымъ племенемъ, а въ одиночку или группами, совершались до недавняго времени. Съ тѣхъ поръ Черная-гора, бывшая когда-то роскошнымъ убѣжищемъ знати и богатства, сдѣлалась убѣжищемъ героевъ, которые въ ней, какъ въ твердынѣ, не только отстаивали свою свободу, но и воспитали въ себѣ такую силу, что впоследствии могли пуститься на освобожденіе своихъ братьевъ, которые и сами лънули къ нимъ. Такъ составила Черногорія, присоединивъ

къ себѣ — Рѣку, Прмницу, Лѣшкополе, а потомъ и одинъ край Зетской долины, которая на время составила границу. Связь съ Граховымъ колебалась.

Если вы взойдете на Ловченъ, то увидите подъ собою всю Черную гору. Вся эта мѣстность образуетъ впадину или по здѣшнему—увалу, въ которой самое низкое мѣсто представляетъ Цетинская равнина, упершаяся въ невысокую гряду, отдѣляющую ее отъ спуска въ Рѣку. Протяженіе этой увалы—на сѣверо-сѣверо-востокъ, гдѣ она опускается въ Граховскую равнину. Вдоль ея съ противоположной стороны идетъ также закраина съ отдѣльными высотами, какъ Пустой-Лисацъ, Гарачъ, Дебелацъ и др., за которою находится долина Зеты. По самой увалѣ расположились Нѣгуши, Цетинье, Чекличы, Бѣлице, Оздриничы и Цуцы, а по восточной окраинѣ со склономъ на ту сторону — Команы, Загарачъ и Пѣшивцы; послѣдніе упираются въ барьеръ передъ Нившичскою равниною съ высотой Будашемъ и занимаютъ верховья Зеты.

Далѣе вы видите съ Ловчена глубокую впадину Зетской долины, оканчивающуюся обширною равниною нижней Зеты, на которой стоитъ Подгорица, и которая, въ свою очередь, сливается съ глубокою низменностью, вмѣщающею въ себѣ такъ-называемое Блато (Скутарійское или Скадарское озеро).

Смотря далѣе черезъ Зету, вашъ взоръ упирается въ горы, которыя идутъ все выше и выше въ видѣ хребтовъ и отдѣльныхъ вершинъ, до половины лѣта покрытыхъ снѣгомъ. Та половина несравненно выше этой: тамъ настоящія горы, между которыми Ловченъ былъ бы горою средней величины. Та вся сторона и названа по преимуществу—Брда (Горы), и это названіе еще болѣе имѣетъ смысла по отношенію къ Зетѣ, до которой спустились Черногорцы. Тутъ къ нимъ примкнуло племя Бѣлопавличей, которые сидятъ частью на равнинѣ Зеты, частью въ горахъ по обѣ ея стороны, главнымъ же образомъ подъ Брдами. Эта часть и послужила первымъ связующимъ звеномъ между Черною-горой и Брдами. Ближе всего стоятъ Пиперы, занимающіе Морачскія предгорья и упирающіеся на юго-востокъ въ Морачу и Зету, гдѣ они соприкасаются съ Кучами, сидящими тотчасъ за Морачей. Послѣ этого легко было присоединить всѣхъ Морочапъ, Ровцы и ту часть Дробняковъ, которые, какъ у с к о к и, заселили пространство къ югу отъ Дурмитара вдоль высокаго хребта Синавины.

Небольшое племя Братоножичей, усѣвшись подъ высочимъ, но

сухимъ и бесплоднымъ хребтомъ Вѣтерникомъ съ южной его стороны и окруженные Ровчанами, Пиперами, Кучами и Васоевичами, должны были примыкать къ тѣмъ или другимъ. Далѣе всѣхъ отъ Черной-горы находились Васоевичи. Но въ этомъ многочисленномъ племени, не смотря на такую отдѣльность, рано пробудилось народное самосознаніе, вслѣдствіе чего Васоевичи, не состоя съ Черногорьемъ въ прямой, непосредственной связи, постоянно тяготѣли къ нему и рано вступили въ политическій союзъ, которому оставались вѣрны отъ начала до конца.

Мы мало сказали о нахіяхъ Лѣшанской, Рѣдкой и Цермницкой, которыя, по своему физическому положенію, составляютъ ничто иное, какъ склоны и придатки Черной-горы,—все равно, какъ и вся Бокка съ Кривошіями и примыкающимъ къ ней Приморьемъ по физическому строенію составляетъ также ея нераздѣльную часть, хотя исторія и раздѣлила ихъ. Исторія часто насилуетъ природу; но въ концѣ концовъ послѣдняя должна одержать верхъ, или вѣрнѣе, исторія, какъ факторъ разумной силы, сама должна признать ея права и сдѣлать ей уступку.

Вотъ тотъ естественный путь, по которому шло образованіе и развитіе Черногорья.

Объ половины княжества Черногоріи, какъ по наружному виду, такъ и по физическому строенію своему, весьма различны. Одна изъ нихъ представляетъ высокое плато, приблизительно до 3,000 ф. высоты надъ моремъ, все изрытое, раздѣленное на безчисленное множество углубленій неправильной формы и не имѣющихъ между собою никакого сообщенія: ни одной долины, ни одного даже узкаго ущелья нѣтъ между ними, чтобы можно было пройти изъ одного углубленія въ другое. Незнакомые съ геологіей, геогнозіей и минералогіей, мы не будемъ говорить о геологическомъ образованіи и составѣ этого плато, а остановимся только на наружномъ видѣ этой формации и ея свойствахъ, наблюденіе которыхъ доступно и тому, кто не посвященъ въ эти науки.

Несомнѣнно, что главный составъ его — известнякъ, въ которомъ отъ вершины горъ и до наибольшихъ углубленій вы не найдете никакой правильной формации: дробясь подъ вліяніемъ атмосферныхъ причинъ, онъ разсыпается въ видѣ глыбъ и кусковъ самой неопредѣленной формы, и притомъ всегда съ острыми краями или углами; и глыбы эти, подвергаясь дальнѣйшему дѣйствію тѣхъ же атмосферныхъ вліяній или воды, никогда не округляются, не даютъ валуновъ,

а скорѣе разсыпается въ мелкій щебень, который также не теряет своей острой формы или же обращается совершенно въ порошокъ, придающій бѣлый мутный цвѣтъ протекающей по немъ водѣ. Нигдѣ вы здѣсь не встрѣтите ровной плоскости вслѣдствіе легкаго вывѣтриванія этого камня. Но и вывѣтриваясь, скалы эти обостряются, въ видѣ зубьевъ или ножей, и даже у круглыхъ ямокъ образуются острые края. Камень этотъ слишкомъ твердъ противъ механическаго напора: трудно сломить рукой чрезвычайно тонкую оконечность въ видѣ шпнца или острой пластинки; но въ то же время извѣденность его и множество трещинъ свидѣлствуютъ, что онъ слабъ противъ вывѣтриванія. Онъ преимущественно сѣраго цвѣта, который измѣняется между почти бѣлымъ и чернымъ, почему онъ раздѣляется мѣстными жителями на черный и бѣлый—к р и с т. Первый служитъ для выжиганія извести и грубыхъ построекъ, второй—для надгробныхъ памятниковъ, дверныхъ и оконныхъ косяковъ, для устройства цистернъ и т. п.; на немъ же преимущественно растетъ р у й (*rhus cotunus*), невысокое деревцо, большею частью въ видѣ мелкой поросли, дающее изъ листьевъ желтую краску и составляющее важную доходную статью Черногорья.

Чрезвычайно твердый для ногъ пѣшехода, камень этотъ не представляетъ неблагоприятной почвы для растительности, особенно для древесной: корни растенія всегда найдутъ въ немъ щели, въ которыхъ атмосферная влага, забираясь, производитъ разложеніе и такимъ образомъ подготавливаетъ почву. Поэтому здѣсь каждая щель полна отличнаго чернозема, который Черногорцы выгребаютъ и переносятъ на свою ниву, если она находится близко. Въ этихъ щеляхъ и болѣе широкихъ углубленіяхъ вы находите требующій глубокой почвы козала с ѣ (арайникъ?) и множество луковичныхъ растеній: нарцисы, тюльпаны, гіацинты, мелкій видъ лилій и т. п. Древесная же растительность весьма богата всюду; она обезображена только вырубкой и пастьбою скота: здѣсь при недостаткѣ сѣна имѣютъ обыкновеніе сѣять молодую поросль для корма скота на зиму. Какъ и вездѣ, сѣверные склоны богаче лѣсомъ, а южные—травой.

Все это доказываетъ, что здѣсь нѣтъ недостатка въ атмосферной влагѣ, а недостатокъ ключей и вообще текучихъ водъ объясняется необыкновенною скважностью известняка и его истресканностью. Иногда скопленія воды отъ снѣга и дождя бываютъ такъ велики, что всѣ находящіяся здѣсь замкнутыя равнины должны бы надолго оставаться подъ водою. Но вмѣсто обилія вы страдаете здѣсь среди

лѣта отъ недостатка воды, именно вслѣдствіе того, что она вся проваливается внизъ; и это составляетъ главный недостатокъ страны. И что еще хуже: тамъ, гдѣ бывають сильныя наводненія, потоки увлекають съ собою и самую землю, оставляя одинъ камень, не говоря уже о болѣе скатистыхъ мѣстахъ, гдѣ земля совершенно смывается, и остаются голыя скалы.

Вотъ почему здѣсь обработка земли возможна только на самомъ днѣ впадинъ; а тамъ, гдѣ есть склонъ, Черногорецъ устраиваетъ свои нивы въ видѣ совершенно горизонтальныхъ террасъ, для чего снизу подстраиваетъ цѣлую стѣну; иногда вышиною въ сажень, и кругомъ также обноситъ невысокою каменною стѣнкой. Такимъ образомъ, нивы черногорскія представляютъ цѣлый рядъ уступовъ, идущихъ лѣсенкой со дна долины до верха горы. Этимъ, однако, не ограничивается работа: на каждую площадьу нужно наносить еще земли, такъ какъ тамъ ея мало, и послѣ того каждый годъ приносить удобрение.

Въ видахъ удобрения на болѣе обширныхъ равнинахъ Черногорцы устраивають на нихъ торъ (временный пригонъ скота); въ Нѣгушахъ берутъ для этого даже чужую скотину на лѣто на попасъ, довольствуясь малою цѣной и имѣя въ виду главнымъ образомъ удобрение.

Тяжелымъ трудомъ достается Черногорцу обработка почвы, за то она и вознаграждаетъ его трудъ. До послѣдней войны Черногорецъ пользовался благосостояніемъ: у него не только хватало хлѣба для себя, но и для отпуска въ сосѣднюю съ нимъ Бокку; а черногорскій картофель за его доброкачественность вывозился и дальше. Благодаря такому труду, усилившему производительность земли, въ Черногорьи $\frac{1}{3}$ десятины стоитъ въ Катунской нахи отъ 40 до 60 талеровъ, а въ Цермницкой и до 100. Однимъ словомъ, Черногорецъ своимъ трудомъ возвышаетъ производительность земли, а гдѣ ея нѣтъ, онъ создаетъ ее.

На всей этой мѣстности нѣтъ ни одного живаго, бьющаго ключа, кромѣ нѣсколькихъ ключей подъ вершинами Ловчена и Штировника и подъ ихъ отрогомъ на пути къ Цермницѣ, тогда какъ у подножія того самаго плато и изъ-подъ него текутъ: Рѣка, впадающая въ Блато, Цермница со множествомъ ключей, потокъ Которскій, а въ Зетскую равнину — Сушица и Ситница, составляющаяся изъ нѣсколькихъ потоковъ.

Такимъ же точно характеромъ отличается и Пиперское плато.

Оно также состоитъ изъ известняка другаго впрочемъ сложенія: тамъ очевидно пластовое сложеніе, и вы видите гигантскія плиты, ровныя какъ полъ, голыя, только кое-гдѣ по трещинамъ украшенныя зеленою можжевельника и небольшихъ сосенокъ. Начиная отъ Ровцевъ, на протяженіи 8 часовъ, вы также не встрѣтите ни одного ключа, но въ то же время увидите роскошную лѣсную растительность и прекрасныя равнины, гдѣ стоятъ большія и зажиточныя села Радовче, Копинье и Рогаша. Это какой-то безводный островъ между рѣками Зетой и Морачей. Такой же безводный островъ составляетъ Вѣтерникъ съ его важнымъ склономъ, на которомъ пріютились Братоножичи. Но здѣсь голый камень преобладаетъ больше. Растительность вы находите только тамъ, гдѣ обработана земля, и видя кругомъ голую каменную розсыпь или скалы, вы недоумѣваете, откуда эта земля, не смотря на то, что, спустившись съ Вѣтерника, отъ перваго села Пелева-брга вплоть до границъ Кучъ, вы нигдѣ не имѣете ни высокихъ подъемовъ, ни спусковъ; эта дорога мучительна такъ, какъ нигдѣ въ Черногоріи. Если здѣсь нѣтъ лѣса, какъ въ Черной-горѣ, за то растутъ виноградъ и другіе фрукты.

Кучи также сидятъ большею частью на голомъ камнѣ и безъ воды; но часть ихъ примыкаетъ уже къ Кому, изъ котораго бьетъ вода на всѣ стороны въ видѣ ключей, большихъ потоковъ и рѣкъ или собирается въ небольшихъ, но чрезвычайно глубокихъ озерахъ.

Отчасти съ такимъ же характеромъ мѣстность между Никшичемъ и Войникомъ, составляющая водораздѣлъ между притоками верхней Морачи, Дрины и Зеты (такъ какъ всѣ потоки, собирающіеся на Никшичской равнинѣ, севозь землю проникаютъ въ Зету): она также безводна, но здѣсь менѣе остраго камня и голыхъ скалъ, и вы всюду видите лѣсъ и превосходныя травянистыя логотины.

Совершенно одинакова съ Черною-горой вновь уступленная Черногоріи Краина, полоса земли между Блатомъ и хребтомъ, надъ которымъ возвышаются вершины Сутармакъ, Рунія и др.

Морача и Ровцы хотя имѣютъ достаточно воды и годную для обработки, весьма плодородную землю, но слишкомъ стѣснены горами.

Совершенную противоположность представляютъ пологіе склоны Дурмитара, занятые съ одной стороны Дробняками, съ другой Шаранцами. Здѣсь цѣлая сѣть рѣкъ, сливающихся въ притокъ Дрины, Пиву, множество озеръ, лежащихъ на высотѣ, а самый Дурмитаръ съ обширнымъ плато и тянущейся отъ него такой же плоскій хребетъ Синавина представляютъ роскошнѣйшія пастбища, на которыхъ

воспитывается лучшая въ Черногоріи порода овецъ. Долины всё сплошь могутъ обрабатываться для всѣхъ родовъ хлѣба. Что и говорить, какое богатство представляетъ масса текучихъ водъ, этой даровой механической силы.

Одинаковую мѣстность занимаютъ и Васоевичи, со всѣхъ почти сторонъ обнявшіе Комъ и ухватившіе всё его отроги, представляющіе сплошныя травянистыя плато, тогда какъ всё долины полны воды, а по стокамъ отличныя мѣста для пашни. Но вѣнецъ всего составляетъ такъ-называемый Хасъ: это обширная равнина, въ которую собираются всё долины съ сѣверной стороны Кома; сюда она какъ вѣнцомъ окружена горами, стоящими впрочемъ вдалекѣ, а впереди открытый путь въ Боснію и Герцеговину, въ княжество Сербію и въ Старую Сербію, въ Печь, Призренъ и т. д. Эта равнина однако вмѣстѣ со стоящимъ на ней недавно основаннымъ городомъ Беранами и съ разрушеннымъ монастыремъ Георгіевыми Столбами, задушбиной Стефана Уроша III Дечанскаго, остается во владѣніи Турокъ.

Послѣднія двѣ мѣстности, при всѣхъ ихъ естественныхъ богатствахъ, не могли развиваться вслѣдствіе ихъ пограничнаго положенія въ сосѣдствѣ съ Турками и Арнаутами, которые всегда грозятъ имъ войной и раззореньемъ.

II.

Способы добыванія и храненія воды въ Черногоріи.

Въ собственной Черногоріи, а также и въ Брдахъ, именно въ Пиперахъ, Братоножичахъ, Кучахъ и частью между Никшичемъ и Дробняками замѣчается, недостатокъ воды не только на поверхности земли, но и въ самой землѣ. Кромѣ Зеты, нигдѣ нѣтъ колодезя, который обыкновенно копаются до постоянной водяной жилы, и въ которомъ вода не иссякаетъ никогда, и постоянно возобновляется новымъ притокомъ. Въ этихъ мѣстахъ существуютъ только воды, скопляющіяся изъ дождей и снѣга на поверхности въ какихъ-нибудь углубленьяхъ или подъ нею въ почвѣ, и рѣдко гдѣ имѣются какіе-то особые источники въ видѣ постоянныхъ, но весьма скудныхъ нажимовъ, едва пополняющихъ постоянную весьма умѣренную трату воды.

Для добыванія, накопленія и сохраненія этой воды существуютъ въ Черногоріи различныя способы, и хранящіе воду резервуары бываютъ различныхъ видовъ и носятъ различныя названія.

Самый простой видъ—каменица. Это природное углубленіе внутри какой-нибудь скалы, въ которую сама собою просачивается дождевая или снѣжная вода сверху; чтобъ увеличить объемъ, съ наружной стороны выкладываютъ стѣнку и прикрываютъ сверху каменною плитой для предохраненія отъ засоренія и отъ испаренія. Такія каменницы устраиваетъ отдѣльный домъ для себя или нѣсколько домовъ вообще; но другимъ не дается вода.

Есть цѣлыя небольшія пещеры, въ которыхъ бываетъ значительное скопленіе воды, и устраивается резервуаръ какимъ-либо богатымъ лицомъ или на народный счетъ—большого размѣра, такъ что вода не исчерпывается никогда и служитъ для употребленія всѣхъ. Такіе общественные резервуары находятся между Нѣгушами и Цетиньемъ (устроенный владыкой Петромъ II) и между Цетиньемъ и Рѣкой.

Въ Цетиньи копаются колодези на глубинѣ двухъ или трехъ сажени, въ діаметрѣ менѣе сажени, выкладываются камнемъ внутри, а снаружи также изъ камня выкладывается кругъ съ выпуклостью къ серединѣ, гдѣ и находится отверстіе. Это называется бистіерна. Сверху бистіерна имѣетъ отверстіе круглое или четверугольное, съ деревянною крышкою на петляхъ, можетъ запираться замкомъ, потому что составляетъ частную собственность одного или нѣсколькихъ домовъ, которые дозволяютъ пользоваться, кому хотять. По срединѣ Цетинья на площади устроена подобная бистіерна однимъ изъ Петровичей и предоставлена въ пользованіе всѣхъ живущихъ вокругъ площади, для чего открывается три раза въ день: утромъ, въ полдень и передъ вечеромъ. Нѣкоторые имѣютъ бистіерны въ своихъ дворахъ. Большая же часть бистіернъ находится внѣ города, въ полѣ, гдѣ ихъ до десятка.

Вода здѣсь собирается, просачиваясь сверху; поэтому въ сухое лѣто она сильно пересыхаетъ, и тогда хозяева отказываютъ постороннимъ, сберегая воду только для себя. Пить скотъ тогда здѣсь совсѣмъ не чѣмъ, потому что едва хватаетъ для людей, и тогда скотъ весь отгоняется отсюда или гоняютъ на водопой часа за два разстоянія и больше. Въ верхней части Цетинской долины вода совершенно исчезаетъ, и оттуда ходятъ за водой на Цетинье, что составляетъ разстояніе болѣе трехъ верстъ. Понятно, что качество воды тогда ухудшается, вслѣдствіе того, что она становится мелкою и мутится при черпаніи.

Въ другихъ мѣстахъ при дорогахъ устраиваются эти резервуары на общественный счетъ. Они бываютъ довольно обширные, круглые и

четвероугольные, въ діаметрѣ сажени 3 и до 5 и въ глубину до 5 и 6 сажени; въ нихъ воды можетъ стоять до 3 и болѣе сажени. Они бывають закрытыя и открытыя. Это собственно убао (въ род. пад. убла, въ множ. убלי или ублове). Одни — съ четверугольною деревянною покрывшкою, другіе — круглыя, съ каменною стѣнкою и съ отверстіемъ, отъ котораго внутрь устроена каменная лѣсенка для схода къ водѣ, такъ что, по мѣрѣ убыванія воды, вы можете спускаться все ниже и ниже; въ большей же части нѣтъ ни отверстія, ни лѣсенки, и нужно доставать воду сосудомъ, привязаннымъ на веревку; при нѣкоторыхъ находится желѣзное ведро съ цѣпью, наглухо прикованною къ краю.

Для поила скота устраиваются ублы отдѣльно, и при нихъ ставятся корыта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльные ублы для мытья бѣлья прямо въ нихъ. Такіе я видѣлъ въ Шестанахъ (въ Краинѣ, между Боромъ и Блатомъ). Тамъ же я видѣлъ маленькіе колодцы въ родѣ нашихъ копанокъ, но также выложенные камнемъ; они неглубоки, и для доставанія воды обыкновенно лежитъ длинная палка съ мѣшкомъ изъ сырой телячьей кожи, который называется жабка, а самый колодезь — дубочица. Въ Подгорицѣ маленькіе колодцы при домѣ внутри двора называются саранджа.

Кромѣ того, для поила скота и для мытья бѣлья дѣлають прудки, которые называются ұстава (срав. малорусск. ставъ, ставокъ). Они дѣлаются также и для накопленія ключевой воды для иоливы или въ видѣ четверугольныхъ прудовъ, углубленныхъ въ землѣ съ каменными стѣнками, или въ видѣ круглыхъ бассейновъ изъ крупнаго тесанаго камня, какъ по дну, такъ и въ стѣнкахъ (особенно въ Цермницѣ).

Наконецъ, мѣстами, для поила скота, а иногда въ крайности и для людей, служатъ природныя скопленія воды въ родѣ лужи или маленькаго озерца, носящія названіе локвы; такова, на примѣръ, Жабяча-локва между Ивачевымъ доломъ и Радовчемъ въ Пиперахъ: это—въ полномъ смыслѣ лужа съ мутною грязною водою; но, зная, какъ иногда, во время войны, люди въ Черногоріи умирали отъ жажды, тогда, когда нѣсколько глотковъ самой скверной воды могли бы дать имъ жизнь, нельзя не включить въ число источниковъ воды и эти лужи.

Въ высокихъ горахъ цѣлое лѣто сохраняется снѣгъ; поэтому жители Катуня, сидящіе въ всякихъ другихъ источниковъ воды, приносятъ снѣгъ и таятъ его въ корытахъ, вырубленныхъ въ какомъ-

нибудь свалившемся сухомъ деревѣ. Есть пещеры и глубокіе поноры, въ которыхъ все лѣто держится снѣгъ или ледъ, и которыми также пользуются люди для добыванія воды. Въ Цетиньи все лѣто возможно снабженіе снѣгомъ изъ-подъ Ловчена. ❧

Природныя, весьма значительныя углубленія иногда служатъ естественными хранилищами воды. Такъ, въ Прогоновичахъ (по прямому направленію изъ Команъ въ Цетинье) находится природное углубленіе, въ которомъ находится вода: чтобы дойти до нея, нужно спуститься по 56 ступенькамъ, высѣченнымъ въ бокахъ этого углубленія, приблизительно на 22 аршинъ (каждая ступенька не менѣе 1½ четв. аршина).

Въ Подгорицѣ, кромѣ р. Морачиши-Зеты, протекаетъ рѣчушка Рыбница, которая и въ самое сухое лѣто остается большимъ, быстрымъ потокомъ; но вода въ ней нѣсколько согрѣвается, поэтому прибѣгаютъ къ колодезямъ, которые выкапываются до такой глубины, гдѣ оказывается водяная жила. Вода изъ нихъ поднимается бадьей на цѣпи съ помощью колеса на воротѣ, что называется на чекрѣ. Вверхъ по Зетѣ есть колодези также съ постоянно возобновляющеюся водой, которая поднимается или также на чекрѣ съ помощью дѣрема, которому отвѣчаетъ нашъ бѣчепъ или журавль. Вотъ его составныя части: соа, соја или сохо — соха аршинъ 5 до 6 въ вышину съ развилиной вверху; въ эту развилину вкладывается длинная жердь, вращающаяся на деревянномъ гвоздѣ между развилиной, такъ чтобы задній конецъ всегда перевѣшивалъ: это называется шиц; къ болѣе тонкому концу его привязана веревка или цѣпь, и на ней кожа или кѡва-бадья.

Въ Васоевичахъ нѣтъ надобности много трудиться надъ добываніемъ воды, такъ какъ здѣсь всюду рѣки и потоки съ чистою, холодною водой. Но и тамъ, чтобы не спускаться далеко къ рѣкѣ или чтобы имѣть чистую воду, когда она вслѣдствіе дождей сдѣлается мутною въ рѣкѣ, прибѣгаютъ къ ключамъ: для этого вставляется только желобъ, иногда подставляемый съ одного края какими-нибудь пнемъ или наложенными одинъ на другой камнями, и водопроводъ готовъ; это называется: точакъ. Тутъ же иногда устраивается и корыто для поила скота.

Тамъ пользуются водою не только для питья и мытья, но также для мельницъ и для орошенія луговъ и полей. Для этого она просто отводится канавой, которая называется яцъ или вада, и потомъ разводится другими меньшими канавками.

Къ сожалѣнiю, здѣсь чрезвычайно мало общиннаго духа, поэтому каждый самъ по себѣ ведетъ канаву для орошенiя, и только мельницы находятся въ общемъ владѣнiи одного села, представителя одного рода или нѣсколькихъ домовъ. Въ Морачѣ, гдѣ источники менѣе обильны, захватъ воды частными хозяевами ведетъ къ тому, что вода одна обходитъ нивы, не орошая ихъ, а потомъ, сросивъ поля владѣтеля, пускается напрасно, тогда какъ могла бы легко захватить и верхнiя нивы, не сдѣлавъ никакого ущерба нижнимъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы встрѣчаемся съ послѣдствiями сильно развитаго личнаго владѣнiя землею въ Сербскомъ племени въ ущербъ началу общинному. У насъ въ Забайкальи, гдѣ возможно орошенiе, оно устраивается селомъ сообща, всякiй пользуется водой по очереди; главныя канавы копаются мiромъ, а отдѣльныя хозяева проводятъ только боковыя, такъ-называемыя отгорки.

III.

Черногорскiя поселенiя и устройство жилищъ.

Городъ: отсутствiе городского сословiя и слабость гражданскаго элемента.—Села: различное расположенiе ихъ—скупенно и въ разбросъ.—Патронимическiя названiя мѣстъ поселенiя.—Дѣленiе на роды.—Нѣгуши какъ представители родоваго начала.—Домъ въ собственной Черногорiи: выборъ мѣста и расположенiе; матерiалъ и способъ постройки; прiятный наружный видъ и мрачность внутренности; около дома.—Колиба.—Домъ въ Васоевичахъ: наружность и постройка; изба: внутреннее расположенiе и обстановка.—Временныя жилища: савардокъ или дубиного и станъ.—Жизнь въ Катунѣ и влiянiе ея на выработку характера.—Неустранимость дѣвушекъ.—Разставанiе съ Катунюмъ.—Подвижная колиба, катафа и бусара.

Прежде чѣмъ говорить объ устройствѣ жилища Черногорца, нужно сказать нѣсколько словъ объ особенномъ характерѣ вообще черногорскихъ поселенiй, чѣмъ они разнятся какъ отъ нашихъ русскихъ сель и городовъ, такъ и отъ сель и городовъ остальной Европы.

Городской жизни въ собственномъ смыслѣ этого слова здѣсь нѣтъ, такъ какъ нѣтъ городскихъ сословiй ни торговаго, ни промышленнаго; а занятiя торговлей и промысломъ соединено съ званiемъ воина или чиновника, и почти всякiй житель города имѣетъ свой клочекъ земли, который или онъ самъ обрабатываетъ, или его родня. Исключенiе составляютъ только выходцы изъ другихъ земель, которые исключительно отдаются торговлѣ. Здѣсь нѣтъ даже вообще гражданской жизни; все устройство политическое и гражданское основывается на

военномъ началѣ, и Черногорецъ всю свою жизнь прежде всего воинъ, а послѣ—все остальное. Даже внутренняя, семейная жизнь парализуется этимъ безконечнымъ военнымъ положеніемъ. Положеніе это извѣстно всѣмъ, а потому мы и не будемъ останавливаться на немъ и перейдемъ къ описанію поселеній въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время.

При отсутствіи необходимыхъ условій для полной гражданской жизни, въ Черногоріи мы встрѣчаемъ только зародыши этой жизни. Такъ торгово-промышленная дѣятельность, кромѣ Цетинья, до недавняго времени проявлялась лишь въ слѣдующихъ мѣстечкахъ: Даниловомъ-градѣ (основанномъ княземъ Даниломъ съ цѣлью перенести туда столицу Черногоріи), въ Рѣкѣ, Вирбазарѣ. Нѣгушахъ и Андриević; въ настоящее время Черногорія обладаетъ, сверхъ того, городами въ настоящемъ смыслѣ, какъ Баръ Подгорица, Никшичи и Колашинъ. Какъ въ этихъ городахъ, такъ и въ упомянутыхъ выше мѣстечкахъ, жилища скучены: дома стоятъ рядами и образуютъ улицы, и въ каждомъ изъ нихъ имѣется базарная площадь, носящая названье пѣяцы.

Села расположены иначе: на болѣе обширныхъ равнинахъ, какъ Цетинская, Граховская, Копильская (въ Пиперахъ), Зетская, они довольно скучены, но нигдѣ вы не найдете улицъ; въ мѣстностяхъ же, сильно расчлененныхъ самою природою, дома такъ разбросаны, что сосѣди не видятъ другъ друга, и если нужно сообщить что другъ другу, они выходятъ на болѣе возвышенное мѣсто и начинаютъ переключку, которая въ Черногоріи часто замѣняетъ телеграфъ. Трудно иногда опредѣлить, гдѣ одно село кончилось, и гдѣ другое началось.

Да и села ли это? Хотя большая часть ихъ носитъ названія, усвоенныя отъ географическаго названія мѣстности или отъ особеннаго ея характера, на примѣръ, Загарачъ—по горѣ Гарачъ, Нѣгуши—по горѣ Нѣгошу (въ Герцеговинѣ), Заслапъ—по мѣстности Слѣпъ (водопадъ на Зетѣ), Градацъ, Подострогъ—по горѣ Острогъ; Пеовацъ—отъ горы Пэ; или: Равни, Луге, Забрдье, Присоја, Медьюречь, Стѣна, Убли и т. п., отвѣчающія характеру мѣстности; тѣмъ не менѣе, каждое село представляетъ собою одинъ родъ, откуда происходитъ множество названій патронимическихъ, какъ Мартиничи, Милошевичи, Штеповичи, Бойовичи, Божиичи и др. Но и безъ патронимическихъ названій черногорскія села представляютъ собою, если не вездѣ, то по большей части, поселеніе одного рода, связаннаго родственными узами, а не общественными интересами. И при этомъ дѣленіе между родами такъ рѣзко, что они стараются имѣть все от-

дѣльно свое, исключая, конечно, браковъ, которые затруднительны въ одномъ родѣ. Рѣзкое разграниченіе родовъ ведетъ иногда къ враждѣ, которая достигается до ожесточенія. Последнее явленіе однако ослабѣваетъ отчасти подѣ влияніемъ власти, отчасти вслѣдствіе прогресса гражданскаго развитія Черногорья.

Самое типичное въ этомъ отношеніи поселеніе Нѣгуши. Оно состоитъ изъ 9 селъ или группъ, изъ которыхъ каждое занимаетъ одинъ родъ. Вотъ они: Ераковичи (тамъ же и Петровичи), 50 домовъ, 3 церкви—св. Георгія, св. Савы и св. Недѣли (первое воскресенье послѣ Воздвиженія, послѣ 14-го сентября); Раичевичи (тамъ же и Радоничи), 100 домовъ и 3 церкви—св. Георгія, Успенія Богородицы (соборная) и св. архангела Михаила; Дуги-до, 50 домовъ и церковь св. Николая; Копито, 50 домовъ и церковь св. Николая; Врба, 40 домовъ и 2 церкви—св. Петки и св. Георгія; Залазы-весеви, 50 домовъ и церковь св. Врачей; Мальсе, 36 домовъ и церковь св. Іована (26-го сентября). Эти села группируются всѣ вокругъ одной Крстачко-Нѣгушской равнины. Есть еще 2 села немного въ сторонѣ: Жаневъ-до, 8 дворовъ и церковь св. Іереміи, и Мираць, 40 дворовъ съ церковью св. Георгія; сверхъ того, одинъ поселокъ подѣ Ловченомъ изъ выселившихся Раичевичей, гдѣ также есть церковь. И такъ, 10 селъ и поселковъ, въ которыхъ до 480 домовъ и 15 церквей; на каждыя 32 дома по церкви. Этого, конечно, нигдѣ нѣтъ. Церкви эти крошечныя, иную едва замѣтишь между домами и скалами; подѣ крышу можно рукой достать; а все-таки каждое село хочетъ имѣть отдѣльно свою собственную церковь. Однако не при каждой церкви есть священникъ: въ настоящее время тамъ 3 священника и одинъ протопопъ.

Какъ это напоминаетъ родовой бытъ Славянъ въ эпоху отдаленной древности, о которой говорятъ и наши старинные письменные памятники, когда „каждый жилъ родомъ своимъ“.

Цетинье также представляетъ собою нѣсколько селъ и нѣсколько родовъ, окружающихъ Цетинье-городъ. Было время, когда эти села въ полномъ смыслѣ воевали одно съ другимъ, и на случай этой внутренней войны имѣлись фортицы. Да и каждый домъ черногорскій, какъ бы въ силу этого обстоятельства, представляетъ изъ себя маленькую фортицу, или какъ говорятъ здѣсь, кулу.

Теперь перейдемъ къ описанію жилища Черногорца въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, жилища одной семьи.

Общее названіе—к у т ѣ я или домъ. Строятся дома по цѣлому Черногорью изъ камня, исключая Васоевичей, у которыхъ всѣ дома деревянные, каменный же домъ составляетъ рѣдкость, и гдѣ, поэтому, каждый каменный домъ называется к у л а; на Морачѣ кулой называется исключительно домъ въ два этажа, при чемъ вверху помѣщаются люди, внизу же домашній скоть, а иногда какіе-нибудь припасы.

Начнемъ съ каменныхъ домовъ. Они лѣплятся обыкновенно подлѣ какой-нибудь скалы, къ чему побуждаютъ двѣ причины: нежеланіе занимать подъ домъ ни одного клочка земли, который можетъ быть обработанъ, и экономія строительнаго матеріала и труда, такъ какъ въ этомъ случаѣ скала служитъ какою-нибудь частью дома—фундаментомъ или стѣной.

И съ какимъ искусствомъ умѣетъ Черногорецъ выбрать мѣсто для дома; какъ ловко прилѣпляетъ его къ скалѣ, дѣлая изъ него нѣчто одно цѣлое со скалою, такъ что трудно разобрать, гдѣ природная стѣна и гдѣ постройка. Углубленіе между скалами обращается въ нижній этажъ; и тѣ же скалы служатъ природною террасой передъ домомъ, на которой высѣкаются ступеньки для схода, скамеечки для сидѣнія передъ дверьми дома, а поодаль устраивается токъ для молотбы. Иногда группа скалъ образуетъ нѣчто въ родѣ двора: домъ, обыкновенно, или живописно высится надъ этою природною огорожей, или скрывается за нею.

Строительнымъ матеріаломъ служитъ мѣстный камень, известнякъ, преимущественно такъ-называемый бѣлый крш (изъ другаго, который называютъ чернымъ, выжигаютъ только известь), или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ долинахъ, гдѣ есть рѣки или потоки) с и г а, камень тоже известковой породы, смѣшанной съ алебастромъ, который вырывается изъ земли, изъ мокрыхъ мѣстъ, и въ этомъ видѣ мягокъ, легко тешется, а послѣ твердѣетъ.

Крыши преимущественно соломенные, невысокія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты плитками мѣстнаго шифера, называемаго п л о ч а, а близъ Цетинья и у болѣе зажиточныхъ людей черепицей. Стѣны дома снаружи выбѣлены или не выбѣлены, но всегда бѣлѣютъ, потому что таково свойство камня. Дверные и оконные косяки также изъ камня, хорошо высѣчены и пригнаны.

Общій видъ черногорскаго дома весьма пріятный, особенно если близъ него виднѣется какое-нибудь дерево или группа деревьевъ или кустарниковъ, а это есть почти при всякомъ домѣ. Дома въ Церм-

ницѣ, окруженные фруктовыми деревьями и виноградниками, напоминаютъ заграничные дачные домики. Вокругъ расположенныя нивы, въ видѣ правильныхъ четверугольниковъ, всѣ обнесены невысокою каменною огорожей, которая укрываетъ зелень колючаго кустарника или вьющихся растений, еще болѣе усиливаютъ это пріятное впечатлѣніе.

Всматриваясь ближе, вы замѣчаете недостатокъ оконъ, которыя притомъ очень малы сравнительно съ величиной дома и расположены безъ симметріи; замѣчаете, что черногорскій домъ какъ-то глухъ и слѣпъ, что въ немъ мало жизни, которая вся кроется куда-то внутрь, вглубь. Правда, причиной этого то, что большая часть домовъ лицомъ обращена не къ дорогѣ, а къ горѣ или скалѣ, которая служитъ какъ бы щитомъ противъ непогоды; но и безъ того вы найдете въ домѣ только двери и затѣмъ въ сторонѣ гдѣ-нибудь два или три окошечка, расположенныя безъ всякой симметріи, или просто четверугольныя отверстія безъ рамъ, закрываемыя досками или заплѣненныя бумагой.

Войдя въ домъ, вы еще болѣе поражаетесь мрачнымъ характеромъ внутренней обстановки черногорскаго жилища. Вы вступаете въ просторное помѣщеніе въ родѣ нашихъ сѣней, занимающее большую часть дома и оставляющее пространство только для одной или двухъ маленькихъ коморокъ. Если затворите дверь, то дневной свѣтъ проникаетъ только черезъ одно небольшое четверугольное отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ. Полъ состоитъ изъ досокъ, насланныхъ въ одинъ рядъ, и притомъ всегда почти съ большими щелями. По срединѣ такъ-называемое огниште, которое устроено такъ: въ полу сдѣлана прорубка приблизительно въ квадратный аршинъ; въ эту прорубку на перекладки положена каменная плита, по краямъ обложенная мелкими каменными плитками, и между ними одинъ выдающийся камень около четверти въ ширину; затѣмъ все это пространство смазано и плотно убито глиной и затерто пескомъ. Выдающийся камень служитъ для того, чтобы на него класть дрова, длинныя бревна, и называется прикладъ. Онъ бываетъ и желѣзный, изъ полосы желѣза съ загнутыми концами съ двумя парами ножекъ; ему придается видъ фантастическаго животнаго, при чемъ одинъ загнутый конецъ представляетъ конскую голову, а другой — змѣиный хвостъ. Такого рода приклады доносятся изъ Скадра или изъ Старой Сербіи. Надъ огнищемъ съ перекладки спущена цѣпь съ крючкомъ

часть сскіі, отд. 2.

(ланац, синджир или вериге), на который навѣшивается, когда нужно, котель для приготовления кушанья.

Дымъ, поднимаясь еверху, стелется подъ крышей, которую всю и перекладины покрываетъ слоемъ копоти съ лаковымъ лоскомъ. Копоть эта предохраняетъ дерево отъ гніенія; и въ то же время дымъ служитъ для сушенья и копченья бараньяго и говяжьяго жира (пастрма и кланица). Кругомъ стоятъ вдоль стѣнъ кадлушки, мѣшки съ мукой или зерномъ, лотки, на полкахъ мелкая посуда и т. п. Это собственно кутья. Изъ нея ходъ въ такъ-называемую камару. Это небольшая комнатка съ однимъ окномъ, съ потолкомъ или безъ потолка, съ выбѣленными стѣнами; въ ней стоитъ широкая кровать, столъ, вдоль стѣнъ сундуки съ различнымъ имуществомъ, на стѣнахъ виситъ оружіе, носильное платье, въ углу икона съ лампадой, но не всегда. Въ рѣдкихъ домахъ находится маленькая печь, въ родѣ турецкихъ, въ формѣ колпака, которая топится изъ кути. Комната съ печью, хотя бы желѣзною, называется соба, а иногда собою называютъ и самую печь; поэтому говорится: сядь ближе къ собѣ; затопи собу; мы хотимъ поставить собу (желѣзную печь).

Если домъ попросторнѣе, то бываетъ двѣ камары, изъ которыхъ одна для главы семейства—почище, въ другой же помѣщаются жена съ малыми дѣтьми и различная рухлядь, и чистота не соблюдается.

Большая часть домовъ имѣетъ еще съ передней стороны террасу или галерею: для этого верхній этажъ подается назадъ, и оставшееся подъ крышей пространство занимаетъ этой галереей, которая называется триjem; подъ углами крыши стоятъ столбы, сложенные изъ камня, а если промежутокъ между ними великъ, то ставится еще столбъ или два по срединѣ; вмѣсто перилъ невысокій барьеръ также изъ камня, изъ большихъ квадръ; отсюда идетъ внизъ каменная лѣсенка, иногда довольно высокая, ступенекъ въ десять.

О мебели нечего и говорить, потому что ея почти нѣтъ: скамеечка на трехъ ногахъ, иногда нѣчто въ родѣ стула, тоже на низенькихъ ножкахъ, съ низенькою круглою спинкой; это носитъ названіе столице. Большею частью люди сидятъ или просто на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, или на подстилѣ и на какомъ-нибудь камнѣ, деревянномъ обрубѣ, боченкѣ. Есть, впрочемъ, и длинныя скамьи (кнупе), которыя больше служатъ для того, чтобъ на нихъ ставить боченокъ съ водой, ведерки съ молокомъ и т. п. Есть еще круглый столикъ на низенькихъ ножкахъ вершка въ два, называемый табла, который въ другихъ земляхъ называется турецкимъ именемъ софра,

такъ какъ самый предметъ заимствованъ у Турокъ (той же формы и у Китайцевъ).

Нижній этажъ называется ко́ноб или ко́ноба, куда ведутъ снаружи большія ворота. Здѣсь помѣщается весь скотъ: большое отдѣленіе занято крупнымъ рогатымъ скотомъ; тамъ же отгорожено мѣсто и для двухъ-трехъ лошадей ¹⁾ или для марь (лошаковъ); отсюда небольшая дверь ведетъ въ два отдѣленія для овецъ и козъ; у нѣкоторыхъ есть отдѣленіе для свиней.

Вообще въ старой Черногоріи, то-есть, въ Катунской нахи, держать мало скота, и потому онъ весь можетъ помѣщаться подъ домомъ. Если кто имѣетъ больше козъ и овецъ, то тутъ же отгораживаетъ для нихъ небольшой базокъ или строитъ отдѣльный хлѣвъ; а подъ домомъ помѣщается только приплодъ и суягныя матки. Само собою разумѣется, что это помѣщеніе нужно только зимой; лѣтомъ же весь скотъ днемъ на паствѣ, а ночью загоняется въ торъ (огороженное мѣсто), который большею частью устраиваютъ на не засѣянной нивѣ, чтобъ удобрить ее. Въ конобѣ же устраивается иногда и маленькая кладовая, въ одномъ изъ угловъ, куда ведетъ лѣсенка изнутри куты.

Огороженный дворъ рѣдко гдѣ есть; а каменная стѣна окружаетъ вмѣстѣ съ домомъ и поля. Надворныхъ построекъ также нѣтъ никакихъ; только боши для ссыпки намоченной кукурузы — это плетенки длиною отъ одной сажени до двухъ, шириною аршина въ полтора и вышиною въ сажень; онѣ стоятъ приподнятыя надъ землею для предохраненія отъ мышей и сверху покрыты досками. Тутъ же стоятъ кучки различной соломы и сѣна. Зерновой хлѣбъ въ мѣшкахъ, плетенкахъ и кадешкахъ помѣщается въ домѣ, кутѣ или подъ крышей на помостѣ изъ досокъ или жердей. Картофель сохраняется въ ямѣ, которая называется трай.

Все, чтò мы говорили до сихъ поръ о жилищѣ, относится къ домамъ болѣе или менѣе зажиточнымъ. Много однако тамъ людей, которые живутъ въ колибахъ: это тоже дома, сложенные изъ простаго камня, не обтесаннаго, различной величины и формы; кладка на глинѣ и весьма неплотная, такъ что вездѣ дыры и щели, въ которыхъ свободно дуетъ вѣтеръ. Полкомъ служитъ земля. Объ окнахъ, конечно, нѣтъ и помину; иногда нѣтъ даже никакого отверстія въ

¹⁾ Лошадей здѣсь держатъ очень мало; я думаю, половина жителей не имѣетъ ихъ вовсе, другіе же довольствуются однимъ верховымъ конемъ.

стѣнѣ. Нѣтъ здѣсь и раздѣленія помѣщений; всѣ живутъ въ одной комнатѣ, которую скорѣе можно назвать сараемъ. Иногда все-таки и здѣсь найдется уголокъ, огороженный посредствомъ досокъ, и образуется коморка; здѣсь помѣщена кровать и два-три сундука съ разною рухлядью. Если жители имѣютъ нѣсколько козъ и овецъ, то устраиваютъ имъ особенный клѣвушокъ; а когда этотъ скотъ начнетъ котиться, люди берутъ его въ свое помѣщеніе.

Совсѣмъ иной видъ имѣютъ и производятъ другое впечатлѣніе деревянныя дома Васоевичей. Въ то время, какъ черногорскій домъ, сравнительно съ высотой, довольно узокъ и потому приближается по виду къ фигурѣ куль (башня), васоевицкій домъ всегда почти на широкомъ квадратномъ основаніи, стѣны его изъ бревенъ, имѣютъ высоту не больше одной сажени; надъ нимъ громоздится высокая соломенная крыша; соломы, видимо, не жалѣютъ; сверху она прижата жердями, которыя называются притиски или лем еждѣе; наверху, по краямъ конька торчатъ высоко два рога, концы жердей, поставленныхъ внутри подъ крышей. Этотъ домъ много напоминаетъ нашу великорусскую избу. Съ лица онъ стоитъ прямо на землѣ; а нижній этажъ изъ камня выходитъ сзади. Спереди же подъ навѣсомъ крыши тремъ съ досчатымъ поломъ, съ деревянными столами и деревянными же перильцами. Обыкновенно двое дверей—переднія и заднія. Входите вы сначала въ кутю, гдѣ огнище, а потомъ дверь въ бокъ, и вы вступаете въ большую теплую комнату. Полъ изъ толстыхъ досокъ, плотно сколоченъ, потолокъ изъ такихъ же широкыхъ дощечекъ, съ кантами по краямъ. У стѣны, ведущей въ кутю, печь глиняная, которая топится извнѣ. Это—соба, въ которой можно согрѣться и зимой; тепло поддерживается даже ночью тѣмъ, что нѣсколько разъ въ ночь подбросятъ дровъ. Надъ печкою деревянная рама, на которой развѣшиваютъ для просушки обувь и мокрую одежду. Свѣту однако и здѣсь мало; два и не больше трехъ окошечекъ, залѣпленныхъ бумагой, плохо освѣщаютъ, особенно комнату довольно большую, низкую и съ потемнѣвшими стѣнами. Въ нѣкоторыхъ домахъ такъ темно, что съ прихода вы не видите ровно ничего, пока не осмотритесь; впрочемъ, такая темнота далеко не всюду. Вообще же это помѣщеніе производитъ весьма пріятное впечатлѣніе: оно тепло и сухо, тогда какъ въ черногорскомъ домѣ отъ нахолодѣвшихъ каменныхъ стѣнъ такъ и вѣетъ холодомъ и сыростью; а сырость бываетъ въ нихъ такая, что все подлѣ нихъ мокнетъ и плесневѣетъ.

Поддомное помѣщеніе каменное и предназначается для скота. Весь низъ называется избой; поэтому говорятъ, что у такого-то домъ хорошій, стоитъ на избѣ.

Деревянная часть построена не изъ брусевъ, какъ у насъ, а изъ досокъ, толщиною вершка въ два и различной ширины—отъ четверти до двухъ, вытесанныхъ изъ цѣлаго дерева топоромъ безъ помощи пилы (здѣсь и такія доски сначала дерутся, а потомъ выглаживаются топоромъ). Углы рубятся въ замокъ, то-есть, не дѣлается выпускъ. Между бревнами, какъ и у насъ, кладется мохъ, а снаружи сверхъ того проконопачиваютъ паклей. Лѣсъ, служащій для постройки домовъ—сосна, пихта и самое лучшее дерево молика, родъ сосны съ болѣе мягкою хвоей, растущей только по высокимъ горамъ.

Внутренняя обстановка дома почти такая же, какъ у остальныхъ Черногорцевъ. Но здѣсь непремѣнную принадлежность дома составляетъ столовакъ или столовачь, довольно большое кресло съ высокою круглою спинкой вмѣстѣ съ подлокотниками, и гусли, которая въ старой Черногоріи находится у немногихъ, здѣсь же имѣется въ каждомъ домѣ, потому что Васоевичъ любитъ пѣніе и музыку, и почти каждый изъ нихъ умѣетъ пѣть уз гуслу; и въ издѣліяхъ изъ дерева онъ искуснѣе, чѣмъ другіе Черногорцы.

И Васоевичи не городятъ двора вокругъ своего жилья, а также не имѣютъ и никакихъ надворныхъ построекъ; случается даже, что въ переднемъ отдѣленіи дома ставятъ лошадь или корову, отгородивъ имъ мѣстечко въ родѣ стойла близъ заднихъ дверей, а иногда и у переднихъ, занимая подъ стойло половину пространства трема. Кромѣ кути и собы, въ такихъ домахъ бываютъ еще въ боку коморки для склада разныхъ домашнихъ принадлежностей.

Намъ остается сказать еще о временныхъ жилищахъ въ катунахъ, то-есть, лѣтникахъ, гдѣ часть черногорской семьи проводитъ со скотомъ все лѣто отъ Юрьева дня (23-го апрѣля) до Покрова (1-го октября) и дальше, а иногда остается и на зиму.

Собственно въ Черногоріи эта жизнь въ катунахъ не имѣетъ такого значенія, какъ въ Брдахъ и особенно на окраинахъ—въ Дробнякахъ, Васоевичахъ и Кучахъ. Въ Черногоріи не держатъ большихъ стадъ, потому что нѣтъ простора для нихъ, нѣтъ обширныхъ пастбищъ: здѣсь, куда ни посмотришь, все камень; каждая маленькая площадка между нимъ обрабатывается подъ посѣвъ, а овцѣ остается щипать траву, съ трудомъ пробивая мусоръ въ щеляхъ и тѣснинахъ между скалъ, и глодать тощую лѣсную поросль. Правда, трава эта

очень питательна, и сжатая въ снопы, она дорогою цѣною продается на Цетиньи для корма лошадямъ; но ея очень мало; она достается бѣдному пасущемуся животному съ такимъ трудомъ, что о большомъ ростѣ, о нагулѣ мяса и жира здѣсь нечего и думать,—овца здѣсь потому мелкая, сухая, и Нѣгушане, спеціально занимающіеся заготовкой мяса, покупаютъ для этого овецъ въ другихъ мѣстахъ.

Черногорцу некуда кочевать со стадомъ: выгоняя его на пастбище рано утромъ, онъ въ вечеру пригоняетъ его домой или загоняетъ въ горъ, устроенный на какой-нибудь нивѣ. Катуны здѣсь имѣютъ только подъ Ловченомъ, и тамъ устраиваютъ временное жилье, называемое колибой, съ которою мы уже познакомились. Начиная отъ Грахова, вы встрѣчаете чаще эти колибы, все того же вида. Есть, впрочемъ, тутъ колибы не только изъ камня, но и изъ бревенъ.

Идя отъ Никшича въ Шавники и спустившись съ Крнова, вы встрѣчаете новый типъ временной постройки—саврадакъ. Это—большой шалашъ изъ длинныхъ жердей, поставленныхъ въ конусъ и покрытыхъ сверху соломой. Внутри его поперекъ положены довольно толстыя бревна; иногда изъ нихъ дѣлается цѣлый помостъ въ родѣ потолка, на который ставятся плетенки съ зерновымъ хлѣбомъ и различныя хозяйственныя принадлежности. По срединѣ, конечно, огнище. Саврадаки устраиваются на столько солидно, что въ нихъ живутъ цѣлыя семьи, какъ въ постоянныхъ жилищахъ; въ Дробникахъ, мнѣ кажется, живутъ тѣ, у кого поля далеко отъ дома; въ другихъ же мѣстахъ, какъ напримѣръ, близъ Колашина и всюду въ Васоевичахъ, въ нихъ живутъ по нуждѣ, потому что всѣ дома во время послѣдней войны сожжены. Тѣмъ не менѣе видно, что этотъ типъ жилья въ тѣхъ мѣстахъ никогда не переводился. Саврадаки обычно довольно обширны: въ основаніи (обыкновенно кругломъ) сажени 4 въ діаметрѣ, а въ вышину саженой до 5; покрытыя толстымъ пластомъ соломы, они довольно хорошо защищаютъ отъ холода и вѣтра, и благодаря своей обширности и особенно высотѣ, не менѣе обезпечены противъ пожара, чѣмъ и кута, потому что они внутри выше послѣдней. Отъ Колашина и къ Васоевичамъ они называются не саврадаками (очевидно—турецкое названіе), а дубирогами; но различія въ устройствѣ нѣтъ никакой.

Собственно въ катунахъ устраиваются станы. Это четырехугольная продолговатая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ всякой плотной пригонки; крыша ея плоская или съ едва приподнятымъ конькомъ изъ досокъ и древесной коры, притиснутыхъ камнями или забросан-

ныхъ дерномъ. Станъ бываетъ обыкновенно раздѣленъ на двѣ половины: впереди помѣщаются люди, и тутъ же отгорожено мѣстечко для молочныхъ скоповъ; а въ самомъ задѣ, за болѣе прочною перегородкой, помѣщеніе для мелкаго скота, ягнятъ и козлятъ, когда они еще слабы, и нужно ихъ укрыть отъ непогоды. Огонь разводится также, какъ и въ другихъ жилищахъ, внутри, ближе въ двери.

Переселеніе въ катуны составляетъ эпоху. Переселяется туда обыкновенно старшая годами женщина, планинка, и съ нею большая часть дѣтей-подростковъ, которыя могутъ оказать какую-нибудь помощь при пастьбѣ скота, также взрослая дѣвушка или сноха, не имѣющая груднаго ребенка; изъ взрослыхъ же мужчинъ никого нѣтъ съ ними, развѣ какой-нибудь старикъ или молодой неженатый парень. Туда несутъ множество разной посуды, нужной для приготовления молочныхъ скоповъ: различныя штругги, карлицы, горшки, котелки, кадучечки и т. п. Тамъ же прядутъ шерсть и возвращаются оттуда съ большимъ запасомъ пражы въ моткахъ и огромныхъ клубкахъ. Жизнь тамъ чрезвычайно дѣятельная: двѣ-три женщины вечеромъ доятъ овецъ и козъ; а потомъ цѣлый день нужно варить и квасить молоко, откидывать творогъ, снимать скарупъ; промежутки свободного времени наполняютъ пряденіемъ. Младшіе члены семьи заняты при пастьбѣ.

Для дѣтей жизнь въ планинѣ (въ горахъ)—истинное наслажденіе, и потому они крайне неохотно возвращаются домой въ село. А между тѣмъ въ горахъ имъ дѣла много. Какой-нибудь маленькій Пеко, пятилѣтній мальчуганъ-крѣпышъ, цѣлый день съ кускомъ хлѣба и сыра пасетъ табунокъ ягнятъ, имѣя при себѣ единственнаго товарища косматаго пса Муртава. Немного побольше его сестренка лѣтъ восьми Юша пасетъ телятъ. Прійдя на станъ, они опять не свободны: покуда старшіе доятъ, имъ все время нужно держать свое мелкое стадо, которое рвется, чтобы поскорѣ воспользоваться своимъ правомъ на оставшееся послѣ доенія молоко. Даже послѣ ужина, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Пеко выйдетъ нѣсколько разъ посмотрѣть, мирно ли лежатъ овцы, и прокричитъ дикимъ голосомъ, чтобы напугать волковъ. И какъ дѣти поправляются тамъ! Конечно, жизнь и въ селѣ не представляетъ никакихъ неблагоприятныхъ условий для здоровья, но въ планинѣ человекъ совершенно измѣняется. Люди чахлые, проживъ тамъ нѣсколько недѣль, возвращаются неузнаваемыми. Это дѣлаетъ воздухъ высокихъ горъ и дѣятельная жизнь безъ принужденія. Я это приписываю именно тому, что пища здѣсь весьма

скромная: молоко, сыръ, кукурузный хлѣбъ и больше ничего; мяса не ѣдятъ никогда, и убить овцу считается за грѣхъ; напротивъ того, въ селѣ нерѣдко ѣдятъ и мясо, и пшеничный хлѣбъ, и кое-какія овощи, пьютъ кофе, и ѣдятъ не одинъ разъ въ день; здѣсь же только ужинаютъ, а на обѣдъ никогда не собираются.

Не хуже жизнь и для женщинъ, въ особенности для планинки: здѣсь ея царство. Женщины и здѣсь работаютъ не меньше, чѣмъ дома, но ими никто не командуетъ; не слышать онѣ здѣсь деспотическаго голоса главы семейства, у котораго они вѣчно на личныхъ его послугахъ: то принеси горячій огонь, чтобы раскурить трубку, то налей воды, когда ему нужно чуть только приподняться, чтобы самому взять; тѣ же услуги не только ему, но и всякому мужчинѣ, который отъ бездѣля пришелъ побалагурить, но не шевельнется самъ для себя, если есть въ домѣ женщина, хотя бы послѣдняя была занята дѣломъ.

Изъ дому въ планину не требуютъ ничего, кромѣ муки и соли, а напротивъ изъ планины два-три раза въ недѣлю посылается домой вареника (вареное прѣсное молоко), скарупъ (родъ масла изъ сливокъ), кислое молоко и молодой сыръ. Носить это обыкновенно дѣвочки лѣтъ отъ двѣнадцати до шестнадцати.

Какъ теперь вижу—въ одну изъ моихъ прогулокъ въ Васоевичахъ съ знакомымъ — на встрѣчу намъ спускается съ горы дѣвочка лѣтъ четырнадцати съ ведромъ на головѣ. Одною рукой она слегка придерживаетъ кошу, другую несетъ на отмашь, уравновѣшивая ею свою походку; ноги ея, обутыя въ опанки, быстро и вѣрно переступаютъ съ камня на камень, чуть касаясь ихъ; она не идетъ, а летитъ, граціозно лавируя своимъ тонкимъ гибкимъ станомъ,—только развиваются полы бѣлаго суконнаго зубуна. Большіе каріе глаза смотрятъ такъ умно, весело и бойко; изъ-подъ бѣленькаго платочка на головѣ растрепались и выбились наружу русые волосы, стриженные по-мужски въ скобку, ротъ полураскрытъ отъ сильнаго, здороваго дыханія; лицо горитъ, и одѣтая въ бѣлое съ головы до ногъ, она вся какъ-то сіяетъ. Вотъ гдѣ физическое здоровье, ловкость, грація и красота вмѣстѣ съ здоровою душою, съ чистотою нравственною.

Мой спутникъ былъ братъ этой дѣвушки; поэтому мы ее остановили и воспользовались частью того, что она несла: это была грушovina—сваренное овечье молоко, которое съ августа мѣсяца бываетъ самое густое и сладкое; мы не пили его, а ѣли, потому что

оно было густо, какъ самая жирная сметана. И снова дѣвушка полетѣла своимъ путемъ.

И это версть за пятнадцать, безъ дороги, черезъ лѣсъ, горы и потоки. Нерѣдко на верху горы захватываетъ туманъ, и дѣвочкѣ приходится часъ-другой поплутать, рискуя нарваться на звѣря или на злаго человѣка. Въ бытность мою въ Васоевичахъ, на одномъ катунѣ въ той самой мѣстности Турки отбили цѣлое стадо, а пастуха-старика избили, связали и бросили. Съ такой ранней поры не только въ мужчинахъ, но и въ женщинахъ, развивается необыкновенная смѣлость. Одинъ Васоевичъ въ ту зиму купилъ сѣно въ турецкихъ владѣнiяхъ, отъ нашей границы версть за 40, и отогналъ туда стадо на зимовку съ старухой-матерью и сестрою, дѣвушкой семнадцати лѣтъ. Правда онѣ помѣшались въ семьѣ одного христіанина, но Турки разузнали, что онѣ изъ Васоевичъ, и затѣвали что-то противъ дѣвушки; ей однако удавалось всякій разъ скрыться отъ нихъ, и наконецъ, можно было уже вернуться домой. „Что стала бы ты дѣлать“, спрашиваю я ее, — „еслибъ на тебя напали Турки“. „Я сначала побѣжала бы“, отвѣчала она совершенно обдуманно и самоувѣренно, а „потомъ убила бы со скалы“.

Это здѣсь не въ первой. Тутъ же мнѣ разказывали слѣдующій случай, бывшій передъ началомъ послѣдней войны.

Въ одной мѣстности за Беранами, когда всѣ мужчины, зажегши свои дома, отправились впередъ, чтобы соединиться съ васоевицкимъ войскомъ, за ними потянулись и ихъ семьи. Турки кивулись за ними, чтобы отнять имущество. Нагнавъ одну семью, они увидали весьма красивую дѣвушку и кивулись въ ней. Тогда она помчалась отъ нихъ, какъ серна; но ихъ было нѣсколько человѣкъ, они могли ее, что называется, угонять. Она уже утомилась, и одинъ Турчинъ протянулъ уже руку, чтобы схватить ее, и закричалъ: „Стой дѣвка (двугодовая козочка)! теперь ты моя“. Но дѣвушка дѣлаетъ еще усиліе и вскакиваетъ на край утеса, кидается внизъ и смертью избавляется отъ поруганья.

Какъ радостно отправление въ катунъ, такъ не весело прощаніе съ нимъ. Имущество все отправляется домой понемногу за нѣсколько дней, и остается только самое необходимое; вечеромъ доять немного, чтобы лучше накормить ягнятъ и телятъ; съ вечера же плавинка дѣлаетъ распоряженіе, кому что дѣлать и кому идти впереди, кому за нимъ, а кто долженъ остаться послѣднимъ для приборки. Утромъ начинается приборка въ катунѣ. Все собирается и увязывается;

вьючать двѣ лошади, между тѣмъ какъ третья идетъ подь сѣдломъ: на ней пріѣхалъ сынъ старухи, чтобы помочь ей. Каждый, поравнявъ свое стадо со станомъ, перекрестится, поклонится передъ нимъ и уходить. Впереди всѣхъ гонить коровъ и быковъ одна сноха; за нею маленькая Юша гонить своихъ телятъ; потомъ съ овцами отправляется молодой парень Джуканъ съ Пекомъ.

Изъ уютной логотинки, гдѣ расположенъ катунъ, и гдѣ трава приотптана и смѣшана съ грязью, поднявшись на первый зеленѣющій холмъ, скотина по привычѣ останавливается и сворачиваетъ въ сторону, чтобы попасть; но ее гонять дальше, и она послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ покорно шествуетъ впередъ, вытянувшись въ линію по тропинкѣ. Скоро коровы и телята скрылись, переваливъ за холмъ; какъ жемчужное ожерелье, вытянулись въ нитку овцы, ярко отдѣляясь своею свѣжною бѣлизной на фонѣ чернѣющей тропинки и противъ зелени холмовъ, покрытыхъ мелкою травой, только что выступившей послѣ недавнихъ теплыхъ дождей. Шествіе заключаетъ косматый Муртанъ, весело прыгая около своего хозяина Пека. А въ станѣ все еще идетъ уборка. Наконецъ, все готово. Дѣвушка Митра вычистила и вымела станъ, точно въ ожиданіи гостей; наложила свѣжихъ дровъ на огнище и раздула потухавшее пламя. Оно живо вспыхнуло и громко затрещало въ опустѣломъ, ничѣмъ не загроможденномъ пространствѣ; тамъ чисто и свѣтло; только глухо и пусто. Митра и Шагра помолились Богу и вышли къ лошадямъ; за ними вошла старуха. Она тоже помолилась, осмотрѣла еще разъ, не осталось ли чего, постояла съ минуту въ раздумьи и вышла тихо, аккуратно притворивъ дверь и заперевъ ее палочкой. Затѣмъ она обошла вокругъ стана; не знаю, было ли то прощаніе съ нимъ, или просто осмотръ, все ли въ порядкѣ. Ворота въ бозахъ также аккуратно заложены жердами, какъ будто тамъ еще стояла скотина.

Теперь можно и въ путь. Старуха садится на лошадь верхомъ и беретъ себѣ на руки двухлѣтнюю внучку, каирзиницу Бару, которая безъ лалы (такъ она прозвала свою бабушку) ни на шагъ. Двѣ дѣвушки, нагружившись ведерками съ молокомъ и различными узелками, погнади передъ собою лошадей съ вьюками, въ которыхъ чего только нѣтъ: кадушечки, корытцы, пренуля, въ которой пекутъ хлѣбъ, кожаный мѣшокъ, набитый скарупомъ, одѣяла и веретья, въ которыя завернута разная мелочь; тамъ, какъ приподнятая рука, торчитъ длинный деревянный половникъ и рядомъ съ нимъ преслица (прялка) съ не спряденною еще и не снятою шерстью; на самомъ верху поса-

жень большой котель, опрокинутый дномъ вверхъ, весь почернѣлый; подъ нимъ болтаются какіе-то твердые предметы, постукивая ему въ бока. Внучка, прижавшись къ груди старухи, смотритъ на все молча, въ какомъ-то недоумѣніи; видно, что ей не охота оставлять жилище, гдѣ всѣмъ было такъ весело и просторно.

Прощай катуны и стань! прощай привольное лѣто!

Есть еще жилища передвижныя, которыя я видѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ, а также въ Никшичѣ и Граховѣ. Это сарайчикъ, сплетенный изъ тонкой лозы или сложенный изъ тонкихъ досокъ, покрытый соломенною крышей и поставленный на полозья, или на низкія колеса въ родѣ катковъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Онъ также называется колиба. Отправляясь со скотомъ на лѣто въ горы, колибу эту тащатъ туда же быками, и тамъ иногда перетаскиваютъ ее на другое мѣсто. На мѣстѣ въ ней выстилается внутри полъ изъ досокъ, и она дѣлается совершенно удобною для жилья, предохраня притомъ отъ сырости изъ земли. Возвращаясь домой, эти колибы везутъ наполненныя различной посудой съ молокомъ и молочными скопами. Обратному передвиженію помогаетъ, конечно, покатость горъ. Говорятъ, что въ Гацкомѣ (въ Герцеговинѣ) такимъ образомъ цѣлыя села передвигаются съ равнины въ горы.

Остается упомянуть еще два вида временныхъ жилищъ, употребляемыхъ въ Васоевичахъ — катафу и бусару. Первая ничто иное, какъ небольшой шалашъ, покрытый вѣтвями. Подобнаго рода шалаши встрѣчаются тамъ, гдѣ кочевка бываетъ слишкомъ на короткое время. Я видѣлъ ихъ только въ чрезвычайно пустынной мѣстности на сужьѣ Пиперъ и Ровцевъ; потомъ къ нимъ прибѣгаетъ войско, когда нѣтъ ни становъ, ни палатокъ, а также Цыгане. Бусара—тотъ же дубирогъ, покрытый, вмѣсто соломы, плитами дерна. Дѣлается это по недостатку соломы; иногда со стараго дубироба снимаютъ солому въ продолженіе зимы для корма скота, а весной покрываютъ его дерномъ, называемымъ бусен, откуда происходитъ и названіе цѣлаго жилища.

Послѣ 1876—1877 г. населеніе окраинъ Черногорья жило только въ описанныхъ выше временныхъ жилищахъ; съ тѣхъ поръ прошло два года, а изъ раззоренныхъ жителей и четвертая часть не можетъ, выстроить настоящихъ домовъ и продолжаетъ жить какъ кочевники.

А сотни христіанскихъ семействъ близъ Берань, бывшихъ уста-

шей, живутъ еще въ худшемъ положеніи: у нихъ Турки отняли все—луга и нивы, и не дали ни жерди вырубить для устройства жилища; вслѣдствіе того они вынуждены жить въ ямахъ, кое-какъ прикрытыхъ хворостомъ и разнымъ мусоромъ и землей. Одни изъ нихъ нынѣшнею весной отправились кормиться въ Черногорье; а другіе не въ состояніи были пойти и остались тамъ, обреченные на голодную смерть, которая и начала свою жатву.

И. Ровинскій.

ПЕТРЕИДА ГОЛЛАНДСКАГО ПОЭТА ГАДЗО КОПМАНЗІЯ.

Въ одной изъ статей, помѣщенныхъ мною въ филологическомъ отдѣлѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1878 г., ноябрь) стр. 147 и слѣд., я упоминалъ о латинскомъ эпическомъ стихотвореніи „Петреидѣ“ („Petreis“) нидерландскаго поэта Гадзо Копманзія. Въ означенной статьѣ я могъ сообщить о немъ только то, что встрѣчается у Перлвампа „de poetis Latinis Nederlandiarum“, стр. 526 и слѣд.; теперь же считаю не бесполезнымъ сказать еще нѣсколько словъ о Петреидѣ, такъ какъ я успѣлъ послѣ того ближе познакомиться съ нею.

Изданіе этой „Петреиды“ не поступило въ продажу, но въ 1807 г. Копманзія роздалъ извѣстное количество экземпляровъ ея своимъ друзьямъ. Поэтому не удивительно, что „Петреида“ сдѣлалась библиографическою рѣдкостію, и я долго безъ всякаго успѣха старался отыскать ее. Но благодаря постояннымъ и усерднымъ стараніямъ моего друга, извѣстнаго филолога W. H. D. Suringar, мнѣ удалось наконецъ приобрести экземпляръ, правда, не вполне сохранившійся. Въ немъ недостаетъ заглавнаго листа и окончанія, такъ какъ послѣдняя страница (32) перерывается, (560-мъ стихомъ 2-й книги „Петреиды“) на срединѣ предложенія. Но, кажется, недостаетъ именно только одного листа; ибо вторая книга не могла содержать въ себѣ болѣе 560 стиховъ, такъ какъ въ 1-й книгѣ ихъ было лишь 428, а изъ 3-й книги напечатана была, по словамъ Перлвампа, стр. 526, только одна „pagina“.

О жизни и сочиненіяхъ Гадзо Копманзія говорено мною въ выше-

упомянутой статейкѣ, причежъ книга Перлкампа, стр. 524 и слѣд., служила мнѣ источникомъ. Считаю не лишнимъ повторить здѣсь главнѣйшія свѣдѣнія.

Нидерландцы въ XVI и двухъ слѣдующихъ столѣтіяхъ усердно занимались стихотворствомъ на латинскомъ языкѣ, и мало извѣстныя теперь сочиненія тогдашнихъ латинскихъ ихъ поэтовъ не оставались безъ вліянія даже на тѣхъ современныхъ авторовъ, которые не прибѣгали къ латыни. Это и не удивительно, потому что латинскіе писатели нерѣдко заимствовали сюжеты изъ новѣйшаго времени.

Изъ школы Іоанна Шрадера, находившейся въ небольшомъ, теперь давно уничтоженномъ Франкерскомъ университетѣ, съ 1750 по 1783 годъ вышло много искусныхъ латинистовъ и поэтовъ, въ числѣ которыхъ былъ и профессоръ медицины и химіи Гадзо Копманзіи (1746—1810), родомъ Фрисландецъ. Онъ также не безъ успѣха занимался и латинскою поэзіей. Стихотвореніе его „de variolis“, въ которомъ онъ жалуется на потерю единственной дочери, умершей отъ оспы, было даже переведено на нѣсколько языковъ.

Въ 1807 году онъ издалъ отрывокъ латинскаго эпическаго стихотворенія „Petreis“, посвященнаго описанію подвиговъ Петра Великаго, въ двухъ книгахъ, вмѣстѣ съ началомъ третьей. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ (въ 1810 г.) смерть поэта помѣшала, кажется, окончанію упомянутаго произведенія.

Произведеніе это начинается описаніемъ мужа, подвиги котораго поэтъ желаетъ воспѣть; потомъ обращается къ музамъ (I, 1—20):

Gesta, virumque cano, qui fausto numine ductus,
 Nobilis imperii facie, formaque vetusta
 Mutatis, regnum fundavit legibus aequis;
 Vomere qui docuit neglectas scindere glebas,
 Munere qui multo Musas adlexit et artes,
 Atque ausus dubiis committere carbasa ventis,
 Ditavit patriam, mutandis mercibus, auro;
 Insuetum, textit densis qui classibus aequor,
 Belligerasque acies sed, seditione solutas,
 Legibus inpositis, praeclaras reddidit armis;
 Naturaque soli victa, spretoque labore,
 Munitam, mediis in stagnis, condidit urbem;
 Qui duros animos hominum, moresque feroces
 Leniit, et patriam, densa caligine mersam,

Sustulit ad laudis culmen, famamque perennem.
 Dic mihi, Musa! Deus quinam tam fortibus ausis
 Adspirans, Arctonque fovens, gelidumque Booten,
 Impulerit juvenem insuetum tot adire labores,
 Et solo ductum ingenio, clarique parentis
 Exemplo, optatam populis adferre salutem.

Подражаніе Энеидѣ Виргилія здѣсь очевидно. Даже первый полустихъ „gesta virumque saepe“ напоминаетъ ея начало: arcta virumque saepe. Сравн. и ст. 16 слѣд. съ Эн. I, 8—11.

Содержаніе, какъ видно изъ нижеслѣдующаго извлеченія, составляютъ большею частью общезвѣстные факты исторіи царствованія Петра I, и сверхъ того, выдумки, созданныя фантазіей поэта. Въ сложеніи сочиненія замѣтны тѣ же приемы, которыми римскіе эпическіе поэты послѣ Виргилія, какъ и новѣйшіе подражатели его, постоянно пользовались. Кромѣ Виргилія, Копманзій мѣстами подражаетъ Овидію, Горацію и другимъ римскимъ поэтамъ.

Послѣ введенія описывается юность Петра, начиная съ его пребыванія въ Преображенскомъ; далѣе говорится о его проектахъ, объ отношеніяхъ къ друзьямъ, особенно къ Лефорту, которому онъ сообщаетъ свои намѣренія, и совѣты котораго онъ выслушиваетъ (I, 27—216). Потомъ упоминается о стараніяхъ Петра образовать благонадежную армію и флотъ. Слѣдуетъ пространная рѣчь Тиммермана, въ которой онъ знакомитъ Петра съ обстоятельствами, благоприятными и неблагоприятными для мореплаванія (ст. 217—314). Затѣмъ описываются интриги, направленные противъ Петра.

Оканчивается первая книга разказомъ о заточеніи Софіи въ монастырь и указаніемъ на то, что власть окончательно перешла въ руки Петра (ст. 315—428).

Вторая книга начинается съ упоминанія о бракосочетаніи Петра съ Евдокіей Ѳедоровной Лопухиной. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе торжественнаго вступленія его въ Москву (1-го октября 1689 г.). Здѣсь онъ и открываетъ многочисленному собранію дворянъ, духовенства и народа свои будущія намѣренія, которыми присутствующіе восхищаются (II, 1—87); далѣе говорится о посольствѣ Головина въ Китай (1689 г.), и о заключеніи дружественнаго союза съ этою страной въ 1689 году (ст. 88—104).

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе Азовскихъ походовъ (ст. 105—354). Петру, опечаленному неудачей перваго приступа къ Азову, является

во снѣ его отецъ Алексѣй, утѣшающій его и возвѣщающій ему будущее величіе Россіи (ст. 144—229). При этомъ упоминается о Наполеонѣ (ст. 184 и слѣд.):

veniet labentibus annis
 aetas, qua magni Caroli vestigia pressans
 Europae invadet tractus, submittet et armis
 Napoleon, ductor Gallorum, Corsius heros,
 imperium ad Rhenum extendens, et nomen ad astra.

Вотъ что авторъ говоритъ о царствованіи Александра I и объ отношеніяхъ его къ Наполеону (ст. 212 и слѣд.):

Objicibus ruptis, non ulla gente morato
 victori, in Scythiam meditantі ferre triumphos
 Rhiphaeasque arces, tandem praeclara nepotum
 gloria, virtutum regnorum haeresque tuorum,
 primus Alexander, sancti de nomine dictus,
 Palladis oblatis ramis, ac foedere juncto,
 Europae requiem reddet, solatia mundo,
 et gemini claudet stridentia limina Jani.
 Hic, Constantino iuncto sibi fratre, paterni
 imperii extendet fines, hic pignora famae
 auferet, infensosque arcebit finibus hostes.
 Hic cinctus lauru, et cumulatus honore perenni,
 laeta revocabit populis Saturnia regna.

Стихотвореніе издано, какъ мы видѣли, во время Тильзитскаго договора и послѣдовавшей здѣсь дружбы Александра и Наполеона. Не смотря на то, очевидно, намекается на враждебныя Россіи намѣренія Наполеона, побудившія его въ послѣдствіи къ походу 1812 года.

Ободренный сновидѣніемъ, Петръ настаиваетъ на осадѣ Азова, которая и оканчивается послѣ упорнаго сопротивленія Турокъ взятіемъ крѣпости. Затѣмъ описываются странствованія Петра къ рѣкѣ Кубани, при чемъ онъ предается охотѣ и убиваетъ громаднаго льва (ст. 355—446). Потомъ онъ отправляется на полуостровъ Тамань и въ Крымъ, красота и древняя слава котораго его привлекали. Путеводителемъ его является Татаринъ, знакомящій его съ древнею исторіей страны (ст. 447—503), и къ изумленію читателя, обладающій знаніями мнѳологическихъ и историческихъ древностей. Изъ Крыма путешественникъ возвращается въ Азовъ. На дорогѣ Петръ,

„какъ нѣкогда Юпитеръ и Меркурій у Филемона и Бавкиды“, останавливается въ бѣдной избѣ старой четы. Тамъ посланные изъ Москвы приносятъ ему извѣстіе о послѣдовавшей во время осады Азова смерти брата его Ивана (ст. 503—560). Какъ извѣстно, царь Иванъ Алексѣевичъ умеръ въ январѣ 1696 г., до взятія Азова, послѣдовавшаго 19-го іюля того же года.

На этомъ оканчивается текстъ моего неполнаго экземпляра „Петреиды“. Изъ этого краткаго извлеченія видно, что Гадзо Копманзіи имѣлъ намѣреніе сдѣлать свое стихотвореніе довольно обширнымъ; быть можетъ, оно должно было содержать въ себѣ не менѣе книгъ, чѣмъ Илиада Гомера.

Отзывъ „Перлкампа“ о Петреидѣ (стр. 526) довольно строго: *Petreis carminis heroici famam non sustinet, nec apta rerum varietate, nec verborum elegantia et gravitate, nec artificiosa versum modulatione.* Нельзя же сказать, что онъ совсѣмъ несправедливъ.

Упомянувъ нерѣдко о событіяхъ жизни Петра менѣе важныхъ, поэтъ пропускаетъ нѣсколько подробностей его юности, которыя могли бы имѣть мѣсто въ поэтическомъ описаніи, какъ, на примѣръ, приключенія его въ 1682 г., или опасное плаваніе на Бѣломъ морѣ къ Соловецкому монастырю въ маѣ и іюнѣ 1694 г. Не смотря на то, встрѣчается нѣсколько изящныхъ мѣстъ, на примѣръ, въ вышеупомянутомъ предсказаніи Алексѣя. Необходимо имѣть въ виду и то, что преждевременная смерть поэта помѣшала ему окончить свой трудъ и пересмотрѣть изданный имъ отрывокъ. Его изложеніе мѣстами отличается плавностію и стройностію, хотя нерѣдко встрѣчаются слова, вставленныя съ цѣлью дополнить гекзаметръ, и даже грамматическія и просодическія ошибки, какъ, на примѣръ, I, 27, 28 *postquam garrisset*, 185 *lictis* вм. *relictis*, II, 447 *pulerat*, 512 *sociosve vel hostes* вм. *sociosne an hostes*; I, 41 *labantes*, II, 78 *plaga*, 198 *Vandalorum*, 212 *Pyrænaeus*, 224 *revocabit*, 274 *minantia*, 332 *lapidibus*, 498 *patantes*, 518 *petiturus*, 534 *sobrius* и т. п. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ здѣсь ошибокъ встрѣчаются, правда, и у другихъ новѣйшихъ латинскихъ стихотворцевъ, или даже у дурныхъ древне-римскихъ. Иногда виноваты въ такихъ ошибкахъ и наборщики, а не поэтъ. Такъ, на примѣръ, I, 212 слѣдуетъ читать *coerptaue ne careant* вм. *nec careant*, II, 185 *pressans* вм. *pressus*, II, 473 *Agamemnone natam* вм. *Agamemponi*. Нѣкоторые стихи шероховаты въ метрическомъ отношеніи, какъ, на примѣръ, I, 183; 192; II, 540. Нельзя также не указать и на то, что поэтъ пользуется русскими именами собственными, не

часть сскн, отд. 2.

согласуя ихъ съ требованіями латинскаго языка, что считали необходимымъ классическіе писатели древности.

На сколько мнѣ извѣстно, произведеніе, съ содержаніемъ котораго я познакомилъ читателя, есть единственная эпическая поэма о Петрѣ I, написанная на латинскомъ языкѣ. Поэтому я считаю не лишнимъ сказать о немъ еще разъ нѣсколько подробнѣе.

Экземпляръ „Петреиды“, о которомъ выше упомянуто мною, составляющій, можетъ быть, литературное unicum, я подарилъ отдѣленію „Russica“ Императорской Публичной Библиотеки.

Л. Миллеръ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНИЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛІИ ¹⁾.

VII.

Политическая жизнь въ Лангобардской Италіи ІХ и X вѣковъ.

Если перемены въ характерѣ земледѣлія и въ его распредѣленіи подкапываютъ общественный и политическій строй, основанный на преобладаніи многочисленнаго класса свободныхъ людей, то къ тому же главному результату, къ передачѣ вліянія отъ массы свободныхъ земледѣльческой аристократіи приводили факты и политической жизни. Разлагавшаяся государственная власть попадала въ руки немногихъ, выдвинувшихся, благодаря должностямъ и богатству, и становилась для нихъ новымъ источникомъ силы и вліянія.

Обратимъ сначала вниманіе на общія задачи и общее положеніе государственной власти въ періодъ времени отъ франкскаго завоеванія до конца X вѣка. По видимому, франкское завоеваніе, давшее Италіи свѣжій правительственный слой и новую династію, вполне независимую отъ мѣстныхъ интригъ и усобицъ, должно было укрѣпить государственную власть, освободить ее отъ частноправовыхъ примѣсей, направить ее къ общимъ цѣлямъ и возвысить надъ мелкими и мѣстными интересами. И въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ Карла Великаго сказываются широкія политическія тенденціи, недоступныя

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

варварскимъ королевствамъ, на развалинахъ которыхъ онъ воздвигъ свою имперію. Въ связи съ принятіемъ римскихъ титуловъ и терминовъ, съ оживленіемъ классическимъ запятій, съ вліяніемъ образованнаго на римскій ладъ духовенства, начинается выработываться известная госуларственная теорія и проникаетъ въ сознаніе различіе между личными выгодами монарха и интересами вѣреннаго ему Богомъ государства ¹⁾. Могучая власть, власть великаго императора, оградившаго христіанскій міръ отъ нашествія язычниковъ, волнующихся на всѣхъ его границахъ, ставитъ себѣ и во внутренней дѣятельности громаднѣю задачу водворить спокойствіе и законный порядокъ, гражданственность, хотя и не ту утонченно—римскую, которую насаждалъ Теодорихъ. Карлъ Великій только ратуетъ противъ постоянныхъ проявленій дикаго варварства, которыя иногда освящены старымъ обычаемъ и тѣмъ не менѣе не могутъ быть терпимы въ обществѣ съ самостоятельнымъ правительствомъ и культурными стремленіями.

Характеренъ въ этомъ отношеніи походъ Карла Великаго противъ кровной мести, фиды, являвшейся источникомъ постоянныхъ междоусобій и поддерживавшей принципъ личной расправы наперекоръ государству. Въ герсигальскомъ капитуляріи 779 года Карлъ говоритъ: „Пусть пришлютъ ко мнѣ того, кто не хочетъ мириться“, грозитъ императорь,—„а я отправлю его туда, гдѣ онъ никому не будетъ вреденъ“ ²⁾.

Для борьбы съ безначаліемъ и преступленіемъ государь, проникнутый идеей своей культурной миссіи, не ограничивается прежними, болѣе или менѣе слабыми и медленными средствами, а напрягаетъ,

¹⁾ *Waitz*, *Verfassungsgeschichte*, III, 202, 203; ср. III, 281, о томъ, какъ продолжаетъ держаться германскій взглядъ на государя, какъ на сильнаго человека, въ равной степени и смотря по потребностямъ охраняющаго своихъ подданныхъ.

²⁾ Капитулярій перешелъ въ лангобардское собраніе павійской книги. Кар. М. 19: «*Si quis pro faida pretium recipere noluerit, tunc ad nos sit transmissus, et nos eum dirigamus ubi dampnum minime facere possit. Simili modo et qui pro faida precium solvere noluerit nec iustitiam inde facere, tunc ad nos sit transmissus: in tali loco eum mittere volumus, ut pro eo maius damnum non accrescat.*» Ср. Кар. М. 20 и 91. Loth. 54: «*De his qui discordiis et contentionibus studere solent et in pace vivere nolunt et inde convicti fuerint similiter volumus, ut per fideiussores ad nostrum palatium veniant, et ibi cum fidelibus nostris consideremus, quid de talibus hominibus faciendum sit.*»

такъ сказать, свою власть до высшаго предѣла, направляетъ противъ извѣстныхъ опаснѣйшихъ преступленій и преступниковъ свою личную волю и авторитетъ. Выработывается понятіе и терминъ *bannus* ¹⁾, которые невозможно перевести, потому что они составляютъ характерную особенность того порядка, свидѣлствуютъ объ исключительномъ примѣненіи государственной власти, о возведеніи ея въ квадратъ, если можно такъ выразиться, въ виду того, что необходима усиленная охрана нѣкоторыхъ правъ, усиленное искорененіе нѣкоторыхъ злоупотребленій.

Однако, уже самое нарожденіе подобнаго рода политическаго средства показываетъ, какъ тяжела и въ общемъ безуспѣшна была дѣятельность правительства въ этомъ направленіи: исключительныя мѣры свидѣлствуютъ о невозможности мѣръ общихъ и простыхъ, судорожное усиліе государства въ немногихъ случаяхъ заставляетъ предполагать его безсиліе въ большинствѣ случаевъ ежедневныхъ. Противорѣчіе между благими тенденціями руководителя общества и неподатливостью общественной массы замѣчается, конечно, не въ этомъ единственномъ отношеніи. Ограничиваясь пока характеристикой общихъ политическихъ условій, укажу на замѣчательное разъясненіе въ присягѣ 802 года, которая одинаково ярко очерчиваетъ и тенденцію Карла Великаго, и матеріалъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Присяга вѣрности не только налагаетъ на человѣка обязанность не содѣйствовать измѣнѣ и не совершать ее: приносящій клятву обязывается, по взгляду императора, соблюдать цѣлый рядъ положительныхъ правилъ, которыя особенно часто нарушаются вслѣдствіе непониманія присяги. Подданные обѣщаютъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовать закону Божію, хотя бы и не было на то положительнаго приказанія императора, воздерживаться отъ всякаго насилія противъ церквей, вдовъ, сиротъ и чужестранцевъ, не захватывать собствен-

¹⁾ Kar. M. 79. (Cap. in leg. Langob. add. a. 801): «Si quislibet contempta iussione nostra, ceteris in exercitum pergentibus, domi residere praesumpserit, plenum eribanum secundum legem Francorum id est 60 solidos sciat se debere componere. Similiter pro contemptu singulorum capitulorum quibus per nostram regiam auctoritatem bannum promulgavimus, id est qui pacem ecclesiarum Dei viduarum orphanorum pupillorum ac minus potentium ruperit vel raptum infra patriam fecerit aut incendium alienae domus vel cum collecta multitudine vim cuiuslibet intulerit, 60 solidorum pena multetur». Ср. *Waitz*, *Verfassungsgeschichte*, III, 272 и сл.

ности государя и не присвоивать себѣ того, что онъ выдалъ въ бенефицій, честно отбывать воинскую повинность, не сопротивляться волѣ и приказанію государя ¹⁾ и т. п. Вообще не о повиновеніи законамъ идетъ дѣло, а о возбужденіи въ подданныхъ личной нравственной инициативы и политическаго чувства, безъ которыхъ порядковъ немислимъ, а государственная опекающая власть бессильна: не можетъ она, въ самомъ дѣлѣ, послѣть за всѣми и за каждымъ съ своими предписаніями и наказаніями.

Самыя частности разъясенія показываютъ, какія преступленія были особенно опасны для общества того времени. Всѣ они группируются въ одинъ классъ правонарушеній, всѣ объясняются тѣмъ, что сильные міра злоупотребляютъ своею силою, вопреки праву слабыхъ и интересу государства, притѣсняютъ, захватываютъ, ослушничаютъ, не смотря на всѣ усилія императора, призваннаго защищать политическое единство и индивидуальное право.

Замѣчательно и весьма важно, что и самъ императоръ, не смотря на свои возвышенныя цѣли, не совсѣмъ еще научился различать интересы государственные и личные и во многихъ отношеніяхъ продолжаетъ смотрѣть на свою громадную державу, какъ на помѣстье, управленіе которымъ оплачивается значительными доходами.

Всего яснѣе эта точка зрѣнія въ распоряженіяхъ 806 г., которыми Карлъ Великій опредѣлялъ судьбу подвластныхъ земель послѣ своей смерти ²⁾. Хотя онъ и упоминаетъ объ ихъ совокупности, какъ

¹⁾ Cap. Aquisgran. a. 802; Mon. Germ. Lgg. I, 91, C. 2: «Ut omni homo in toto regno suo, sive aecclesiasticus sive laicus, unusquisque secundum votum et propositum suum, qui antea fidelitate sibi regis nomine promississent, nunc ipsum promissum hominis caesaris faciat. Et hii qui adhuc ipsum promissum non perfecerunt, omnes usque ad duodecimo aetatis annum similiter facerent. Et ut omnes traderetur publice, qualiter unusquisque intellegere posset, quam magna in isto sacramento et quam multa comprehensa sunt, non, ut multi usque nunc extimaverunt, tantum fidelitate domno imperatori usque in vita ipsius, et ne aliquem mimicum in suum regnum causa inimicitiae inducat, et ne alicui infidelitate illius consentiant aut retaciat, sed ut sciant omnes istam in se rationem hoc sacramentum habere». C. 3. «Primum ut unusquisque et persona propria se in sancto dei servitio, secundum dei praeeptum et secundum sponsonem suam, pleniter conservari studeat secundum intellectum et vires suas; quia ipse dominus imperator non omnibus singulariter necessariam potest exhibere curam et disciplinam». Cp. *Waitz*, *Verfassungsg.* III, 202 и сл.

²⁾ *Bethman-Holweg*, *Civil process*, V, 187, *Waitz*, *Verfassungsg.* IV, 554 и сл. старается выдвинуть впередъ государственныя соображенія.

о единомъ государственномъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе это единство должно распасться тотчасъ послѣ его смерти для того, чтобы можно было удовлетворить частноправовому взгляду, требующему равномѣрнаго распредѣленія наслѣдства между сыновьями. Карлъ, Пиппинъ и Людовикъ получаютъ каждый свою часть, при чемъ области для нихъ образованы безъ соображенія съ національностью и съ историческимъ характеромъ различныхъ мѣстностей. Прогрессъ, сравнительно съ меровингскими раздѣлами Галліи, вытекавшими изъ того же принципа, состоитъ только въ томъ, что устранена чрезполосность и взяты большія связныя массы, а это обстоятельство косвенно приводитъ къ преобладанію въ каждомъ изъ трехъ отрѣзковъ одной національности и одного историческаго соединенія и даетъ возможность Карлу титуловаться королемъ Франковъ, Пиппину — королемъ Лангобардовъ или Италіи, Людовику — королемъ Аквитаніи. Обширныя прирѣзки къ исторической части cadaго показываютъ, что при раздѣлѣ господствовали далеко не историко-политическія соображенія ¹⁾. Особенно рельефно выставляется пренебреженіе къ историческимъ связямъ въ постановленіи, что при бездѣтной смерти Пиппина Карлъ возьметъ въ Италіи всю страну влѣво отъ Аппенинъ и герцогство Сполетское, а Людовикъ — всю страну вправо и герцогство Тосканское ²⁾. Чисто слу-

¹⁾ Часть Пиппина, напримѣръ, составлена слѣдующимъ образомъ: «*Italiam vero, quae et Langobardia dicitur, et Baiovarum, sicut Tassilo tenuit, excepto duabus villis quarum nomina sunt Ingoldestat et Lutrahahof, quas nos quondam Tassiloni beneficiavimus et pertinent ad pagum qui dicitur Northgowe; et de Alamannia partem quae in australi ripa Danubii fluminis est, et de ipso fonte Danubii currente limite usque ad Rhenum fluvium in confini pagorum Chletgowe et Hegowe in locum qui dicitur Enge, et inde per Rhenum fluvium sursum vertus usque ad Alpes quicquid intra hos terminos fuerit et ad meridiem vel orientem respicit una cum ducatu Curiensi et pago Durgowe, Pippino dilecto filio nostro*» (Mon. G. Lgg. I, 141, C. 2).

²⁾ М. G. Lgg. I, 141, C. 4: Si vero Karolo et Ludovico viventibus, Pippinus debitum sortis humanae compleverit, Karolus et Lodovicus dividant inter se regnum quod ille habuit, et haec divisio tali modo fiat, ut ab ingressu Italiae per Augustam civitatem accipiat Karoliis Eboream, Vercellas, Papiam, et inde per Padum fluvium termino currente usque ad fines Regensium, et ipsam Regiam, et civitatem Novam atque Mutinam usque ad terminos sancti Petri. Has civitates cum suburbanis et territoriis suis, atque comitatibus quae ad ipsas pertinent, et quicquid inde Romam pergenti ad laevam respicit, de regno quod Pippinus habuit, una cum ducatu Spoletano, hanc portionem sicut praediximus, accipiat Karolus. Quicquid autem a praedictis civitatibus vel comitatibus Romam eunti ad dextram afacet de

чайныя обстоятельства воспрепятствовали осуществленію этого плана, который по существу возобновляется въ различныхъ формахъ при Людовикѣ Благочестивомъ. Раздѣлы и проекты раздѣловъ 817, 830, 837, 838, 839 годовъ ¹⁾ при всемъ различіи въ подробностяхъ, при большемъ или меньшемъ сохраненіи связи между частями ²⁾, при большемъ или меньшемъ значеніи національныхъ принциповъ ³⁾, пропущены все-таки частнопрововымъ взглядомъ на государство, какъ на вотчину. Самое разнообразіе комбинацій и значительность колебаній показываютъ, какую роль играли личныя соображенія, и какъ случайно обращались съ подвластными странами. Даже еще въ Берденскомъ договорѣ, послужившемъ исходною точкой для развитія трехъ національностей, частнопрововой взглядъ осуществляется въ постановленіи о раздѣлѣ промежуточной полосы на три равныя и точно раздѣльныя части ⁴⁾.

Всякаго, занимающагося Каролингскою эпохой, особенно поражаетъ внимательство Карла Великаго во всѣ области жизни, его неустанная дѣятельность по самымъ разнороднымъ вопросамъ, и всякому невольно навязывается мысль, что въ политическомъ строѣ Каролингской эпохи

praedicto regno, id est portionem quae remansit de regione Transpadana, una cum ducatu Tuscano usque ad mare australe et usque ad Provinciam, Ludovicus ad augmentum sui regni sortiatur». Напрасно Вайцъ не приводитъ этого характернаго распоряженія: оно существенно видоизмѣнило бы его характеристику раздѣла.

¹⁾ См. о нихъ Вайца, *Verfassungsg.* IV, 557, и сл., 566, 587 и сл. *Simson*, *Ludwig der Fromme*, I, 100 и сл., 387.

²⁾ Наиболее сильно выражена идея государственнаго единства въ постановленіяхъ 817 года. *M. G. Lgg.* I, 198.

³⁾ Въ этомъ отношеніи любопытенъ планъ раздѣла неизвѣстнаго года, составленный при дворѣ Людовика. *M. G. Lgg.* I, 357. Всего вѣроятнѣе, что актъ составленъ въ началѣ 831 года. *Dümmler*, *Geschichte des ostfränkischen Reichs*, I, 63. *Зиккель* помѣщаетъ его въ февраль 831 года. *Acta Karol. Lud.* P. 280. Ср. *экскурсъ II*, 338.

⁴⁾ *Nithard*, W., 3. M. D. *Script.* III, 669: Si vellet aliquid illi supra tertiam partem regni propter nomen imperatoris, quod illi pater illorum concesserat, et propter dignitatem imperii, quam avus regno Francorum adjecerat, augere, facerent, siu aliter tertiam tantummodo partem totius absque Langobardia Bojaria et Aquitania illi concederent; regetque quisque illorum Deo favente portionem regni sui prout melius posset». *Nithard* IV, 5; p. 671:... melius esse, ut firmaretur pax inter illos mitterentque pariter per universum imperium et imbreviaretur, ac tum tandem jurare quod certum est absque periculo aequaliterque dividere posse censebant.

громадную роль играли именно личное значеніе, энергія и авторитетъ императора, а потому не могло быть и рѣчи о разграниченіи или противоположеніи личныхъ и государственныхъ интересовъ и правъ ¹⁾. Но дѣло личнаго авторитета также скоропреходяще, какъ отдѣльная личность; относительные успѣхи, относительное уваженіе къ государственной власти, добытые грознымъ Карломъ, съ избыткомъ уравниваются ничтожествомъ благочестиваго Людовика, который начинаетъ свои эдикты покаяніемъ въ своихъ политическихъ прегрѣшеніяхъ ²⁾. Что созданіе Карла Великаго не исчерпывалось однако установленіемъ одного его личнаго вліянія это, можетъ быть, лучше всего доказывается какъ разъ безотрадными событіями IX и половины X вѣка. Преемники Карла по императорскому титулу и италянскій коронѣ въ состояніи хотя кое-какъ владѣть свое жалкое правительственное существованіе, исключительно благодаря политическому капиталу, оставленному имъ Карломъ,—своего они ни въ какомъ отношеніи не прибавляютъ, а только стараются сохранить хотя что-нибудь изъ доставшейся имъ организаціи.

При непосредственныхъ наслѣдникахъ великаго императора—Людовикѣ, Лотарѣ и Людовикѣ II, каролингскія традиціи еще на столько сильны и жизненны, что, не смотря на громаднѣйшій ущербъ, нанесенный государственной власти междоусобіями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и незаконнымъ развитіемъ церковнаго вліянія, власть эта не теряетъ изъ виду своихъ главныхъ обязанностей, заботится, на сколько возможно, и о поддержаніи нѣкотораго внутренняго порядка, и объ отраженіи внѣшнихъ враговъ ³⁾. Сравнительно наиболѣе удачно дѣйствуетъ въ обоихъ направленіяхъ Людовикъ II, послѣдній изъ энергическихъ представителей Каролингскаго дома и первый изъ Итальянскихъ королей, избавленныхъ отъ блеска и тяжести императорской дѣятельности ⁴⁾. Послѣ него начинается эпоха беззащитной слабости по отношенію къ иноплеменнымъ грабителямъ, которыхъ претенденты на престолъ предпочитаютъ имѣть скорѣе союзниками нежели врагами ⁵⁾,

¹⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.* IV, 543, 549.

²⁾ *Waitz*, IV, 568.

³⁾ Особенно выясняется государственная дѣятельность послѣднихъ Каролинговъ въ ихъ законодательствѣ. Ихъ преемники, за весьма немногими исключеніями, не законодательствуютъ.

⁴⁾ См. вообще *Leo*, *Geschichte von Italien*, I, 265 и сл.

⁵⁾ *Dümmler*, *Gesta Berengarii imperatoris*, 50.

безплодныхъ усобицъ за обладаніе поверхностною государственною властью и соединенными съ нею значительными матеріальными выгодами ¹⁾, богатаго результатами, но тяжкаго политическаго броженія, при которомъ въ обществѣ аристократическіе элементы отдѣлялись изъ класса свободныхъ людей, поднимались вверху и сплывались въ твердую и обособленную кору. Ни въ одномъ документѣ или фактѣ не выражается такъ ясно путаница политическихъ отношеній и понятій, какъ въ единственномъ законодательномъ памятникѣ этой эпохи, въ постановленіяхъ императора Гвидона. Первый параграфъ этихъ постановленій составленъ въ такой формѣ, что приходится недоумѣвать, идетъ ли дѣло о преслѣдованіи разбойниковъ, или о продовольствіи воиновъ, служащихъ государству и союзныхъ съ ними ²⁾. „Чужестранцы“, о которыхъ идетъ рѣчь, являются „для разграбленія страны“, епископы призываются проклинать ихъ, графы и населеніе должны сопротивляться имъ—по видимому, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что говорится о вражескомъ нашествіи какихъ-нибудь Сарациновъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить отеческую

¹⁾ Liutpr. V, 28 (M. G. Script. V, 335): Lothario denique Mediolanium petente, rex Hugo Pavia omni cum pecunia egressus Italiam deserere atque in Burgundiam ire cogitavit. Sed res eum ista retinuit, quoniam dum misericordia inclinati, Lotharium in ecclesia beatorum confessoris et martirum Ambrosii, Gervasii et Protasii, ante crucem prostratum erigerent, regemque sibi constituerent, quam mox post Hugonem dirigunt nuntium, quem se iterum super eos regnaturum promittunt. Hoc plane consilium, immo deceptionem, non omnes sed Berengarius ut erat calliditate suffarcinatus, advenit, non quo hos regnare disponeret sed, ut post claruit, ne Hugo discederet atque immensa quam habebat pecunia Burgundionum aut aliarum gentium, super se populos invitaret.

²⁾ Cap. Wid: 1: Placuit nobis etiam summopere statuere, ut episcopi et comites uniti sint in suis parochiis et comitatibus pro pace et salvatione in omnibus honoribus suis habitantibus, ita ut nullum praedonem raptorem vel incestum permittant morari in suis sedibus vel concessis honoribus; et si intellexerint ex alia parte per eorum terminos velle aut debere transire exteros ad istius regni vastationem, obviam eis missos communiarios dirigant ut pacifice sine praeda per eorum transeant terram; vendere autem eis quae necessaria sunt faciant, non plus carum sed secundum usum et consuetudinem terrae. Si vero noluerint adquiescere sed praedas et rapinas exercuerint, quicquid alteri rapuerint, legaliter cum banno nostro ab episcopo et comite eiusdem loci emendare cogantur; quodsi exequi noluerint, statim ab episcopo excommunicentur. Postea vero si contigerit, ut comes loci populusque terrae super ipsos praedones venerint et eos impederint et fuerint mortui, neque faida inde crescat neque compositio aliquando requiratur pro his qui ibidem occubuerint.

заботливость о томъ, чтобъ этихъ чужестранцевъ провожали посланные областныхъ правителей, а припасы продавались бы имъ не дороже рыночныхъ цѣнъ? Ужь не имѣются ли въ виду союзники Гвидона изъ южной Франціи и наемный сбродъ, служившій у самого императора и его приверженцевъ? Ближайшее разсмотрѣніе дѣлаетъ наиболѣе вѣроятнымъ какъ разъ послѣднее предположеніе: „чужестранцы“ предполагаются находящимися не на военномъ положеніи, а подъ защитою законовъ, призываются къ отвѣтственности передъ областными судьями, упоминаются, наконецъ, прямо, какъ люди въ зависимости отъ туземныхъ магнатовъ въ одномъ изъ параграфовъ выборной конституціи Гвидона ¹⁾. Самое недоумѣніе, которое возникаетъ по поводу такого законодательнаго постановленія, какъ нельзя болѣе характерно для времени, когда власть, даже въ своихъ законодательныхъ выраженіяхъ, не въ состояніи была отличить своихъ приверженцевъ отъ грабителей страны.

Можно ли отмѣтить въ постоянномъ волненіи этого періода какія-либо обще-государственныя теченія? Намъ приходится среди всѣхъ возможныхъ частныхъ указатъ на нѣсколько болѣе крупныхъ и важныхъ въ политическомъ отношеніи условий. Прежде всего въ пестрой исторіи столкновеній, примиреній, сверженій и изгнаній различныхъ претендентовъ и королей обозначаются два главныя направленія, около которыхъ укладываются отдѣльные факты, направленіе западное и восточное, чтобы не сказать французское и нѣмецкое. Объ тенденціи сказываются тотчасъ же по смерти Людовика II въ борьбѣ между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ за императорскую корону и обладаніе Италіей. Къ первому тянетъ, главнымъ образомъ, папа и средняя Италія, ко второму—сѣверо-восточныя области ²⁾. Послѣ короткаго преобладанія сначала западныхъ Франковъ, затѣмъ восточныхъ, борьба за корону завязывается между италіанскими династами, но Гвидонъ Сполетскій опирается на помощь изъ Франціи ³⁾, а Беренгарій Фріульскій держится первое

¹⁾ Mon. G. Lgg. I, 555, C. 8: Quicumque ab exteris provinciis adventantes, depredationes atque rapinas infra regnum hoc exercere presumunt, hi cum quibus morantur aut ad audientiam eos adducant aut pro eis emendent, neque eos ulterius in talibus ausis sua potestate defendere audeant; quod si fecerint, inter excommunicatos habeantur quousque resipiscant».

²⁾ *Dümmler*, Geschichte des ostfränkischen Reichs, II, 240.

³⁾ *Dümmler*, Gesta Berengarii, 21 и сл.

время исключительно покровительствомъ и вмѣшательствомъ Арнульфа Германскаго ¹⁾). Точно также и Людовикъ Нижнебургундскій является по своему происхожденію представителемъ западной партіи, и что характерно, находитъ себѣ приверженцевъ преимущественно въ средней Италіи ²⁾). Послѣ смерти Беренгарія, въ то время, когда Германія отвлечена внутренними замѣшательствами и борьбою съ Венграми и Славянами, въ Италіи рѣшительно преобладаетъ сѣверо-западное вліяніе, хотя южно-германскіе герцоги все-таки не остаются безучастными зрителями происходящаго за Альпами ³⁾). Возрожденіе Германіи къ новому могуществу при Оттонѣ I высказывается сначала возвышеніемъ Беренгарія Иврейскаго, пріобрѣтшаго власть благодаря Оттону, хотя и не сохранившаго ему вѣрность ⁴⁾), и наконецъ, основаніемъ новой Германо-Римской имперіи. Эта противоположность между сѣверо-восточнымъ и сѣверо-западнымъ теченіемъ любопытна не только потому, что она вноситъ нѣкоторый порядокъ въ беспорядочную исторію 85 лѣтъ, истекшихъ послѣ смерти Людовика II, и не потому, что она доказываетъ постоянное тяготѣніе сѣверныхъ народностей къ благословенной природою, римскою культурою и римскою политическою традиціею южной землѣ: для насъ она важна, главнымъ образомъ, какъ свидѣтельство политическаго безсилія самихъ Италіанцевъ, безсилія, происходившаго въ значительной степени отъ роковой исторической розни между тремя полосами Италіи—верхней, съ господствующимъ лангобардскимъ элементомъ, средней, съ преобладаніемъ Рима, нижней, тяготѣющей къ Греческой имперіи. Какъ бы то ни было, сохраненіемъ даже тѣхъ правительственныхъ формъ, которыя имѣла Италія въ концѣ IX и началѣ X вѣковъ, она обязана, съ одной стороны, остаткамъ каролингскихъ учреждений, а съ другой—вліяніямъ, исходившимъ изъ сосѣднихъ странъ.

Понятно, что жалкіе представители партій, разрывавшихъ Италію, не были въ состояніи преслѣдовать не только самостоятельную, но хотя бы опредѣленную политику по отношенію къ внутреннему строю государства. Всего менѣе могли они освободиться отъ требованій и притязаній свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, державшихъ ихъ сторону въ борьбѣ. Напротивъ того, королямъ и императорамъ приходится в

¹⁾ *Dümmler*, *Gesta Berengarii*, 30.

²⁾ *Gesta Berengarii*, 37 и сл.

³⁾ *Leo*, *Geschichte von Italien*, I, 308.

⁴⁾ *Giesebrecht*, *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, I, 367 и сл.

по необходимости и почти по сознательному плану расширять роль и независимость мѣстныхъ силъ, потому что только эти силы и можно противопоставить набѣгамъ варваровъ. Беренгарій, Рудольфъ не препятствуютъ, а способствуютъ построению замковъ и укрѣпленій, въ надеждѣ, что объ эти твердыни городовъ, епископовъ, сеніоровъ разобьются грозныя полчища Сарацинъ и Венгровъ, съ которыми отказываются бороться сами представители государства. Стремленіе ослабить значеніе областныхъ и мѣстныхъ самостоятельности успѣло выразиться только въ политикѣ Гуго Нижнебургундскаго, который систематически старался искоренять могущественныя въ отдѣльныхъ областяхъ династіи и сажать повсюду своихъ незаконныхъ сыновей и другихъ родственниковъ ¹⁾).

Императоры Саксонскаго дома, конечно, много содѣйствовали приведенію италіанскихъ дѣлъ въ большій порядокъ, но они явились слишкомъ поздно, нашли слишкомъ сильную аристократію, и наконецъ, были слишкомъ отвлечены управленіемъ и защитой Германіи, чтобъ остановить ходъ феодализаціи въ смыслѣ разложенія государственной власти. Руководясь соображеніями общей пользы и располагая значительнымъ вѣдѣннымъ могуществомъ, они въ то же время мало сдѣлали для созданія прочной политической организаціи. Для того, чтобы понять роль ихъ въ послѣднемъ отношеніи, необходимо обратиться къ характеристикѣ основныхъ учреждений, осуществлявшихъ въ своемъ дѣйствіи идею государственнаго единства и власти. Такого рода характеристика должна быть необходимымъ дополненіемъ сказаннаго о политическихъ тенденціяхъ различныхъ правительствъ IX и X вѣковъ.

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, коренное значеніе для всего послѣдующаго устройства имѣли мѣры Карла Великаго. Значитъ ли это, что франкское завоеваніе совершенно измѣнило лангобардскую систему управленія? Напротивъ того, судя по началу и по общему положенію, предоставленному Италіи, можно было бы думать, что измѣненія произойдутъ самыя несущественныя. Первоначально Карлъ ограничился расквартированіемъ въ завоеванной странѣ нѣсколькихъ франкскихъ гарнизоновъ, и только возстанія и волненія побудили его наложить на Италію болѣе тяжелое иго ²⁾). Королевство Лангобардовъ не было поглочено Франкскимъ, а присоединено къ нему съ своимъ

¹⁾ *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, I, 362 и сл.

²⁾ *Hegel*, Städteverfassung, II, 3; *Abel*, Jahrbücher, I, 311.

раздѣльными титуломъ, раздѣльнымъ численіемъ годовъ царствованія, даже раздѣльными, хотя и зависимыми королями¹⁾. Номинально распространялось на Италію дѣйствіе общаго для всей имперіи законодательства, но юридическая обособленность полуострова принималась на столько въ расчетъ, что выросло цѣлое специально лангобардское законодательство²⁾. Вообще, лангобардская Италія³⁾ занимаетъ какое-то двойственное положеніе въ совокупности частей Карловой монархіи, сохраняетъ значительную долю самостоятельности и въ то же время связана съ прочими королевствами гораздо болѣе, нежели „персональною уніей“⁴⁾. Этому неопредѣленному, двойственному положенію соответствуетъ и характеръ государственнаго устройства: въ основѣ вмѣстѣ съ лангобардскимъ правомъ сохранились и лангобардскіе порядки, должности, дѣленія; тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ Фрянковъ, въ страну проникаютъ постепенно, безъ внезапныхъ переворотовъ⁵⁾, весьма многія новыя учрежденія и условія. Совершившіяся измѣненія можно вкратцѣ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: областное управленіе переходитъ отъ герцоговъ и гастальдовъ къ графамъ, духовенство призывается къ дѣятельному участию въ управленіи; для обезпеченія связи между отдѣльными частями государства и проникновенія центральной воли во всѣ эти части создается новый правительственный органъ — „*missi dominici*“, государевы посланцы; для возбужденія самостоятельности общества, значительное мѣсто въ администраціи и судѣ отводится собраніямъ народа и засѣданіямъ изъ народа. Необходимо сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ политическихъ учрежденій и о перемѣнахъ, которымъ они подверглись съ теченіемъ времени.

Графы, назначенные сперва Карломъ Великимъ только въ нѣкоторыхъ городахъ, сдѣлались впоследствии областными намѣстниками по всей Италіи и вытѣснили совершенно герцоговъ⁶⁾. Замѣна герцога графомъ въ какой-нибудь Луккѣ или Брешии означала не простое переименованіе и не простую замѣну Лангобарда-намѣстника Франкомъ, а назначеніе чиновника на мѣсто болѣе или менѣе зависимаго

¹⁾ *Waitz*, *Verfassungsgeschichte*, III, 155.

²⁾ *Boretius*, *Die Capitularien im Langobardenreich*.

³⁾ Понимается она въ самомъ узкомъ смыслѣ. *Waitz*, *Verfassungsgeschichte*, III, 307.

⁴⁾ *Waitz*, III, 303—306.

⁵⁾ *Abel* I. 1.; *Malfatti*, I, 195.

⁶⁾ *Hegel*; II, 11,12; *Pertile*, I, 156; *Waitz*, III, 15², 326.

вождя. Хотя графское достоинство давалось пожизненно, тѣмъ не менѣе, по мысли Карла Великаго, назначаемый не долженъ былъ имѣть въ области другой силы, кромѣ дарованной ему государемъ. Впрочемъ, въ этой безусловной формѣ принципъ рѣдко осуществлялся даже при самомъ Карлѣ, хотя и бывали отдѣльные примѣры назначенія лицъ, совершенно чуждыхъ мѣстности и лишенныхъ всякаго личнаго могущества или богатства ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, получая свое намѣстничество, графъ въ то же время непременно получалъ бенефицій, какъ вознагражденіе за службу и какъ основаніе для успѣшной дѣятельности, а вмѣстѣ съ этимъ, его положеніе осложнялось частноправовымъ элементомъ, который естественно стремился, такъ сказать, поглотить элементъ должностной. Карлъ Великій по крайней мѣрѣ не допускалъ соединенія нѣсколькихъ графствъ подъ властью одного лица и передачи графскаго достоинства по наслѣдству ²⁾, потому что послѣднее условіе прямо вело къ установленію княжествъ, а первое—къ расширенію ихъ предѣловъ. Преемники великаго императора не въ состояніи были поддержать его политики ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи: они уступили мало по малу стремленію бенефициаровъ къ наслѣдственности своихъ помѣстій и наслѣдственности должностей, ради которыхъ были даны помѣстья ³⁾; съ другой стороны, не чувствуя себя въ силахъ защищать государственныя границы отъ внѣшнихъ враговъ своею центральной властью, они по неволѣ должны были своими собственными руками усиливать отдѣльныхъ намѣстниковъ, къ которымъ перешла оборона границъ, подчинять имъ другихъ графовъ и всячески расширять кругъ дѣятельности новыхъ маркграфовъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ результатѣ реформа высшаго областного управленія Карломъ Великимъ на весьма только короткое время остановила развитіе самостоятельныхъ княжествъ на италіанской почвѣ: маркграфства или герцогства X вѣка несравненно сильнѣе лангобардскихъ герцогствъ VIII вѣка, потому что обнимаютъ гораздо болѣе обширныя территоріи. Второстепенное чиновничество сохранило большею частію названія и должностное

¹⁾ *Waitz*, III, 327.

²⁾ *Waitz*, III, 326.

³⁾ *Waitz*, III, 328, 329.

⁴⁾ *Muraletori*, *Antiquitates italicae*, I; de marchionibus Italiae; *Pertile*, *Storia del diritto*, I, 235.

положеніе, которыя имѣло въ Лангобардскомъ королевствѣ ¹⁾, но въ то же время повсюду стремится завоевать себѣ частное могущество и земельное богатство и выставляетъ главный контингентъ для образованія мелкой феодальной аристократіи.

Духовенство, главный культурный слой тогдашняго общества, естественно должно было представляться главнымъ проводникомъ культуры въ государствѣ и важнымъ политическимъ двигателемъ. Оно обладало въ сравнительно значительной степени всѣми тѣми свойствами, которыхъ недоставало германской и германо-романской массѣ и отсутствіе которыхъ дѣлало эту массу такою неподатливою и невоспримчивою въ политическомъ отношеніи. Духовенство обладало образованіемъ, дисциплиной, широко-раскинутыми связями, политическими традиціями, культурными идеалами. Естественно, что Карль Великій, при обсужденіи государственныхъ дѣлъ, прежде всего и больше всего обращается за совѣтомъ къ духовенству; естественно, что и въ областяхъ онъ предоставляетъ епископамъ обширную политическую роль, дѣлаетъ ихъ какъ бы надсмотрщиками графовъ, поручаетъ имъ для проведенія нѣкоторыя важныя дѣла, которыя не должны страдать отъ безучастія или эгоистическихъ тенденцій негоднаго гражданского управленія ²⁾; естественно, что, разъ допустивши іерарховъ къ такому исключительному положенію въ государствѣ, Карль принужденъ обращаться съ ними какъ съ постояннымъ рычагомъ своей политической машины, слаживать ихъ дѣйствія съ цѣлями лицъ гражданского вѣдомства, проповѣдывать и тѣмъ, и другимъ единодушіе, энергическое содѣйствіе другъ другу ³⁾. Это естественное расширеніе

¹⁾ *Bethmann-Holweg*, V, 131, 196; *Waitz*, III, 341.

²⁾ *Waitz*, III, 361.

³⁾ Kar. M. 59. (Cap. lang. Pippini): Volumus, ut episcopi et comites concordiam et dilectionem inter se habeant ad Dei et sanctae ecclesiae protractatum peragendum ut episcopus suo comiti ubi ei necessitas poposcit, adiutor et exortator existat, qualiter suum ministerium explere possit. Similiter et comes faciat contra suum episcopum, ut in omnibus illi adiutor sit qualiter infra suam parochiam canonicum possit implere ministerium». Cap. Lud. Pii: 825, C., 14; Lgg. I, 244: «Et quoniam, sicut diximus, unusquisque vestrum partem ministerii nostri per partes habere dinoscitur, volumus studere et aut per clamatores aut per alia quaelibet certa inditia, per missos nostros quos ad hoc ordinaverimus qualiter unus quisque in hoc certare studuerit, et per commune testimonium, d est episcoporum de comitibus, comitum de episcopis, comperire, qualiter scilicet comites rustitiam diligant et faciant, et quam religiose episcopi conversentur et praedicent, et amborum relatu de aliorum fidelium in suis ministeriis consistentium aequitate et pace atque concordia cognoscere».

сферы дѣятельности духовенства повело однако къ особенно пагубнымъ для государства послѣдствіямъ: Карлу нечего было опасаться соперниковъ и ограниченій, но его непосредственные преемники испытывали, что значить могущественная, гордая, сознающая свое несомнѣнное превосходство духовная корпорація, не только допущенная, но даже призванная къ участию въ государственной дѣятельности; Людовикъ Благочестивый и Лотарь испытали и трудность борьбы, и горечь униженія. Главное же, епископы, поставленные въ антагонизмъ съ графами, освобожденные вмѣстѣ съ своими подчиненными отъ нѣкоторыхъ обязанностей, лежавшихъ на всѣхъ подданныхъ, стали расширять свою независимость на счетъ графа, приобретаая, съ одной стороны, графскія права, выхлопывая, съ другой—распространеніе своихъ иммунитетовъ все на большее число дѣлъ и на болѣе обширныя территоріи. Оставляя пока этотъ вопросъ о разлагающемъ вліяніи духовенства, къ которому мнѣ еще придется возвращаться, я отмѣчу въ заключеніе еще тотъ характерный фактъ, что Оттоны, возвратившіе Италіи порядокъ и власть, не только принуждены были признать права и захваты духовенства, но даже опирались на него, какъ на надежнѣйшее свое орудіе. Правительство до такой степени нуждалось въ помощи этого единственнаго культурнаго сословія, что готово было пожертвовать ему своею властью въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, властью, все равно неосуществимою, чтобы только заручиться его содѣйствіемъ для общихъ предпріятій ¹⁾).

Любопытна метаморфоза, совершившаяся въ теченіе IX и X вѣковъ съ должностью „государевыхъ посланцевъ“, одною изъ главныхъ пружинъ Карлова управленія. Уже при Каролингахъ можно различить три вида посланцевъ: одни назначаются для исполненія опредѣленнаго или нѣсколькихъ опредѣленныхъ порученій и только на время ихъ исполненія, другіе получаютъ отъ государя извѣстныя чрезвычайныя полномочія на продолжительный срокъ и въ опредѣленной мѣстности, такъ что ихъ можно назвать постоянными посланцами, третьи посылаются для производства ревизіи и возстановленія справедливости и порядка, пользуются властью на короткій срокъ и должны объѣхать свою область ²⁾). Посланцы перваго рода никогда не имѣли особаго значенія; напротивъ, такъ-называемые *missi discurs-*

¹⁾ *Bethmann-Holweg*, V, 223, *Giesebrucht*, *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, I, 321, 330 и сл. Ср. вообще *Waitz*, *Verfassungsgeschichte*, VII, 183 и сл.

²⁾ *Ficker*, *Forschungen zur ital. Recht und Rechtgeschichte*, § 210.

gentes играли чрезвычайно важную роль при Каролингахъ: въ отдѣльные округи назначались ежегодно для объѣзда по два посланца, которые являлись непосредственными представителями императора съ правомъ вызывать къ своему трибуналу дѣла, предназначавшіяся для графскаго суда, слѣдить за правильнымъ исполненіемъ государственныхъ повинностей, за поведеніемъ графовъ и другихъ чиновниковъ, наконецъ, участвовать въ назначеніи скабиновъ и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ ¹⁾). Обычай разсылать такого рода посланцевъ могъ дѣйствительно содѣйствовать контролю центральной власти надъ областями, но этотъ важный обычай мало по малу совершенно выводится изъ употребленія при короляхъ и императорахъ конца IX и начала X вѣка. Только при Оттонахъ, сообразно общему оживленію правительственной власти, онъ снова входитъ въ силу ²⁾). Тѣмъ не менѣе, главное значеніе приобрѣтаютъ и удерживаютъ послѣ паденія каролингской династіи лица, которымъ предоставлены нѣкоторыя права верховной власти, главнымъ образомъ по суду, въ извѣстной области и въ видѣ постоянной функціи. Характерно, что такого рода постоянною делегаціей правъ посланца во второй половинѣ IX вѣка пользуются епископы въ своихъ епархіяхъ ³⁾). Въ 876 году, на сеймѣ въ Павіи проходитъ даже общее постановленіе, по которому всѣмъ епископамъ передается подобнаго рода власть въ ихъ епархіяхъ ⁴⁾). Въ X вѣкѣ они стремятся уже къ иной, болѣе высокой цѣли—стараятся приобрѣсть графство въ своихъ городахъ, и потому пренебрегаютъ приобрѣтеніемъ правъ государева посланца ⁵⁾). Для завѣдыванія судебными дѣлами, связанными съ этимъ положеніемъ, государи X вѣка избираютъ въ извѣстномъ городѣ или области знакомаго съ юриспруденціей горожанина ⁶⁾): это входитъ особенно въ обычай при Оттонахъ, но есть отдѣльные случаи и болѣе ранняго назначенія юристовъ посланцами и королевскими судьями ⁷⁾). Такимъ образомъ, все учрежденіе, бывшее сначала могущественнымъ средствомъ контроля, ослабѣваетъ, и хотя къ разслѣдъ ревизоровъ снова начинаютъ

¹⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.* III, 380.

²⁾ *Ficker*, *Forschungen*, §§ 268, 269.

³⁾ *Ficker*, § 219.

⁴⁾ *Ficker*, § 218; II, 12.

⁵⁾ *Ficker*, II, 15.

⁶⁾ *Ficker*, § 230.

⁷⁾ *Ficker*, § 220* и 230* отмѣчаетъ самые ранніе случаи въ 948, 925 и 905 годахъ.

прибѣгать въ концѣ X вѣка, тѣмъ не менѣе, вообще говоря, оно распадается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ судебныхъ полномочій, которыя сначала находятся въ рукахъ епископовъ, а затѣмъ, потерявъ совершенно свое государственное значеніе, сдѣлавшись судебно-техническимъ средствомъ, переходитъ въ руки буржуазіи.

По отношенію къ участию народа въ судѣ и управленіи каролингское господство произвело, въ большей части имперіи, реформу въ аристократическомъ смыслѣ, потому что выдвинуло впередъ судебное собраніе графства вмѣсто собранія сотни ¹⁾, передало судогвореніе небольшой группѣ засѣдателей изъ лучшихъ людей округа, имѣющихъ возможность, по своему состоянію, присутствовать на разбирательствѣ чужихъ дѣлъ, и ограничило число обязательныхъ общихъ собраній народа для важнѣйшихъ случаевъ областной администраціи и суда тремя въ году. При такого рода организаціи мелкіе свободные люди почти устранялись отъ участія въ дѣлахъ слишкомъ обширной графской области, среди которыхъ почти затеривались дѣла небольшой мѣстности, способныя интересовать ихъ: областной судъ и администраціи находились слишкомъ высоко надъ уровнемъ интересовъ и средствъ мелкихъ людей; до нихъ доставали, если можно такъ выразиться, только графъ и крупнѣйшіе землевладѣльцы округа. Но каролингское устройство, бывши въ Германіи или Галліи регрессомъ, уступкой вліянію аристократіи и политическому безсилію массы, являлось въ Лангобардской Италіи шагомъ впередъ, сравнительно съ устройствомъ господствовавшимъ до 774 года и основаннымъ на единоличномъ управленіи и судѣ герцоговъ, гастальдовъ и другихъ областныхъ правителей ²⁾. Какъ было показано выше, вѣчевое начало у Лангобардовъ не дѣйствуетъ ни въ городскомъ округѣ, ни въ его подраздѣленіяхъ; только въ селѣ мы находимъ собраніе сосѣдей, которое, подъ названіемъ „fabula“, разрѣшаетъ нѣкоторые вопросы мѣстнаго значенія. Одинъ изъ капитуляріевъ Пиппина показываетъ, что въ графствахъ, на которыя распадается каролингская Италія, введены три обязательныхъ собранія народа около графа ³⁾. Это каролингское нововведеніе рассматривается однако какъ повинность, отъ которой стараются

¹⁾ Waitz, Verfassungsg. IV, 307 и сл.

²⁾ Bethmann-Holweg, Civilprocess, V, 7 и сл.

³⁾ Постановленіе занесено въ павійскую книгу подъ рубрикой Кар. М. 68: Et ingenuos homines nulla placita faciant custodire, postquam illa tria custodierint placita quae instituta sunt, nisi forte contingat ut aliquis aliquem accuset: exceptis illis scabinis qui cum iudicibus residere debent.

отдѣлаться ¹⁾); собраніе, число членовъ котораго постоянно уменьшается, оттого что уменьшается число свободныхъ людей, не пріобрѣтаетъ дѣйствительнаго и энергическаго вліянія на дѣла. Напротивъ, отлично принялся на италіанской почвѣ институтъ скабиновъ, хотя его развитіе въ IX и X вѣкахъ совершилось въ иномъ направленіи, нежели имѣлъ въ виду Карлъ Великій. Графъ и другія должностныя лица сохраняютъ только предсѣдательство на судѣ; разбирательство дѣла по существу, постановленіе приговора становится обязанностью засѣдателей ²⁾). Эти послѣдніе однако представляютъ въ судѣ не столько народный элементъ, въ противоположность правительственному, сколько юридическую технику въ противоположность принудительной власти предсѣдателя. Принимая къ римско-правовому учрежденію такъ называемаго „*judex*“ столько же, сколько и къ каролингскому скабинату ³⁾, они выдѣляются въ особую профессію, объединенную спеціальной подготовкой, и въ концѣ X вѣка вмѣстѣ съ лицами, получившими полномочія посланцевъ, образуютъ контингентъ „*королевскихъ или императорскихъ судей*“, *judices domini regis vel domini imperatoris* ⁴⁾).

Характеристика судебной организаціи естественно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію государственныхъ повинностей, потому что, какъ было сказано выше, участіе въ судѣ представлялось населенію прежде всего какъ тяжелая повинность, отнимавшая непроизводительное время и трудъ. Оттого Каролинги и заботятся такъ старательно, чтобы графы не утомляли народъ вызовомъ его на собранія болѣе нежели три раза въ годъ ⁵⁾). Часто повторяющееся предупрежденіе, что для рѣшенія дѣлъ совершенно достаточно присутствія сторонъ и скабиновъ, показываетъ, что государи опасались притѣснительныхъ вызововъ со стороны графовъ. „Мы хотимъ уничтожить всякій гнетъ“, говоритъ императоръ Лотарь, „чтобы народъ могъ въ мирѣ проживать подъ нашимъ владычествомъ“ ⁶⁾). Въ видѣ особой привилегіи

¹⁾ Объ этомъ ниже.

²⁾ *Hegel*, *Städteverfassung*, II, 36 и сл. *Bethmann-Holweg*, *Civilprocess*, V, 20 *Ficker*, *Forschungen*, §§ 527, 530 и сл.

³⁾ *Ficker*, *Forschungen*, § 465, 466.

⁴⁾ *Ficker*, *Forschungen*, §§ 437, 439, 440, 449, 452.

⁵⁾ *Karoli M.* 68; *Loth.* 62, 63, 71.

⁶⁾ *Loth.* 76: *Neque cogantur ad placita venire praeter ter in anno, sicut in capitulari continetur, excepto scabinis et causatoribus et testibus necessariis: quia omnia volumus auferre, ut populus noster pacifice sub nostro regimine vivere possit.*

мы встрѣчаемъ даже освобожденія отъ трехъ обязательныхъ собраній ¹⁾).

Въ финансовомъ отношеніи ни каролингская, ни послѣдующія эпохи не представляютъ, конечно, никакого прогресса сравнительно съ лангобардскимъ королевствомъ. Матеріальныя средства для своего существованія государство по прежнему черпаетъ главнымъ образомъ въ доходахъ съ доменовъ, только капиталъ гораздо менѣе значителенъ, а расходы, соотвѣтственно развитію вассальныхъ отношеній, гораздо больше. О прямомъ обложеніи естественно нечего и думать. Если еще и существуютъ какіе-нибудь остатки прежнихъ прямыхъ налоговъ, то они сливаются неразлично съ совершенно частными сборами; другое дѣло — косвенные налоги: пошлины на привозимые и провозимые товары подъ разными именами быстро размножаются, отчасти вопреки волѣ самихъ государей и вслѣдствіе злоупотребленій епископовъ или графовъ, сидящихъ у большой судоходной рѣки или проѣзжей дороги ²⁾). О постоянныхъ злоупотребленіяхъ лицъ, власть имѣющихъ, слышимъ мы и по поводу натуральныхъ повинностей всякаго рода, которыя возложены на населеніе въ видахъ общей пользы и содѣйствія должностнымъ лицамъ. Чиновникъ, вассаль или свободный человѣкъ, путешествующіе по государственному порученію или службѣ, имѣютъ право требовать отъ жителей той области, по которой они проѣзжаютъ, квартиру, пищу, кормъ для лошадей и вьючныхъ животныхъ, иногда перевозочныя средства. Точно также живетъ на счетъ населенія комиссаръ государя, присланный въ область для суда, административной ревизіи, или производства набора. Наконецъ, законъ предоставляетъ намѣстнику или епископу, отправляющемуся въ походъ, взять помощь съ своего округа для своего путешествія и для оставляемаго имъ хозяйства ³⁾); но всѣ эти права упоминаются

¹⁾ Напримеръ, *Mon. hist. patr.* XIII, № 508.

²⁾ *Car. M. 15: De teloneis, quae iam antea forbannita fuerunt: nemo tollat, nisi ubi antiquo tempore fuit consuetudo.*

³⁾ *Car. M. 141: Pervenit ad aures clementiae nostrae, quod aliqui duces et eorum iuniores gastaldii vicarii centenarii seu reliqui ministriales falconarii venatores et ceteri per singula territoria habitantes vel discurrentes mansionaticos et parvaredos accipiunt, non solum de liberis hominibus sed etiam de aecclisiis Dei, monasteriis videlicet virorum ac puellarum et senodochiis atque per diversas plebes et super reliquos servientes aeccliesiarum Dei, insuper homines atque servientes aeccliesiarum Dei in eorum opera, id est in vineis et campis seu pratis necnon et in eorum aedificiis, illos faciunt operari et carnaticos et vinum contra omnem iusticiam ab eis exactare non cessant, et multas oppressiones paciuntur ipsae aecclie-*

капитуляріями только потому, что даютъ поводъ къ безконечнымъ злоупотребленіямъ и насиліямъ. Мелкій людъ задавленъ разными по-стоями, барщинами, реквизиціями лошадей и телѣгъ, взысканіями на снаряженіе и прокормленіе, требованіями, которыя часто исходятъ отъ людей, не имѣющихъ права, но имѣющихъ силу 1).

Точно также по поводу злоупотребленій узнаемъ мы о другого рода натуральныхъ повинностяхъ, объ обязательныхъ работахъ по исправленію мостовъ, дорогъ, церквей. Въ данномъ случаѣ капитуляріи заботятся о томъ, чтобы какъ нибудь не устранилось отъ повинностей духовенство 2). Частое повтореніе однихъ и тѣхъ

siae Dei vel servientes earum. Lud. P. 51. Ut missi nostri qui vel episcopi aut abbates aut comites sunt, usque quo infra sua iudiciaria vel terminum fuerint, nichil de aliorum coniectu accipiant. Postquam vero inde longe recesserint, tunc accipiant secundum quod in sua tractoria continetur. Vassi vero nostri et ministeriales qui missi sunt, ubicumque venerint, coniectum accipiant. Mon. hist. patr. XIII, № 180, стр. 304 : Gundepertus presbiter adiuratus in suo sacerdotio et inquisito dixit: Scio ad tempora domni Karoli et Pipini regis, quod isti nunquam suas habuerunt naves, quod de comaclo sale ad negotium peragendum adduxisset, nisi cum nave comaclense comuniter cum militibus sale aut alias sepecies adduxerunt, et comuniter ripaticum et palificuram dabant parti regie et ecclesie cremonensi iuxta istud pactum. — Cunimundus iuratus dixit, quod tempore Bernardi regis fuit riparius, et ripaticum et palificuram dedit, et isti legibus dare debent.

1) Lar. M. 119. Audivimus etiam, quod iuniores comitum vel aliqui ministri rei publicae sive etiam nonnulli fortiores vassi, comitum aliquas redibitiones vel collectiones, quidam per pastum quidam etiam sine pasto quasi deprecando a populo exigere solent; similiter quoque operas collectiones frugum urare seminare runcare caricare vel cetera his similia a populo per easdem vel alias machinationes exigere consueverunt, non tantum ab ecclesiasticis sed etiam a reliquo populo. Quae omnia nobis ab omni populo iuste amovenda esse videntur: quia in quibusdam locis in tantum inde populus oppresus est, ut multi ferre non valentes per fugam a dominis vel patronis suis lapsi sunt, et terrae ipsae in solitudinem redactae sunt. Potentioribus autem vel ditioribus, ex spontanea tamen voluntate vel mutua dilectione volentibus solatia praestare invicem, minime prohibemus. Cp. Pipp. 36.

2) Pipp. 4: Ut de restauratione aeccliarum vel pontibus faciendis aut stratis restaurandis omnino generaliter faciant, sicut antiqua fuit consuetudo; et non anteponatur emunitas, nec pro hac re ulla occasio proveniat. Loth. 42: De pontibus vero vel reliquis similibus operibus, quae aeccliarum per iustitiam et antiquam consuetudinem cum reliquo populo facere debent, hoc praecipimus, ut rector aeccliae interpelletur et ei, secundum quod possibilitas fuerit, portio deputetur, et per alium exactorem aeccliarum homines ad opera non compellantur. Si vero, opus suum constituto die impletum non habuerit, liceat comiti pro poena propositi operis pignerare iuxta aestimationem vel quantitatem imperfecti operis, quousque perficiatur. Cp. Pipp. 1; Loth. 8, 11.

же предписаній показывается, на сколько безсильны были въ данномъ случаѣ общія постановленія правительства, отъ которыхъ оно само готово было въ частныхъ случаяхъ отступать ¹⁾).

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нѣтъ никакого повода проводить рѣзкую границу между фактами IX и X вѣковъ, или учрежденіями Каролинговъ и Бургундцевъ: тѣ же элементы, которые соединены въ нѣкоторомъ порядкѣ при Каролингахъ, такъ сказать, всплываютъ и среди безпорядка X вѣка; новаго въ отношеніи финансовъ и натуральныхъ повинностей ни Беренгарія, ни Гуго не придумали. За то весьма замѣтенъ контрастъ между IX и X вв. по отношенію къ самой важной изъ всѣхъ повинностей, къ главной обязанности подданныхъ относительно государства—къ повинности воинской. Военная система меровингской Галліи, лангобардской Италіи и каролингской имперіи виждется на службѣ свободныхъ людей своему отечеству, требуетъ тяжелыхъ, продолжительныхъ затратъ и самоотверженія и вознаграждаетъ воиновъ добычею, которую они могутъ, въ счастливомъ случаѣ, приобрести на походѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ завоевательное движеніе Германскихъ племенъ прекратилось, и войны приняли оборонительный характеръ, служба въ ополченіи потеряла шансы даже на случайное вознагражденіе изъ добычи и обратилась исключительно въ раззорительную повинность. Совершенно противоположный характеръ имѣетъ феодальная военная система, основанная на точномъ соответствіи между услугою военнаго человѣка и вознагражденіемъ со стороны власти, пользующейся этой услугою. Государи X в. принуждены опираться въ своихъ войнахъ на наемниковъ и ленниковъ, потому-что, еслибъ они и были въ силахъ взыскать старую, бесплатную военную службу, то не нашлось бы тѣхъ, съ кого ее приходилось взыскивать. Государи IX в., хотя и пользовались уже въ значительной степени вассальнымъ войскомъ, главную тяжесть своихъ войнъ все таки старались взыскать на свободное населеніе и тѣмъ особенно способствовали его уничтоженію. Такимъ образомъ можно

¹⁾ Освобожденіе отъ судной повинности. Mon. hist. patr. XIII, № 508, стр. 873: Sancimus preterea et regali auctoritate decernimus, ut libellarii et manentes praetaxate ecclesiae, qui absque proprio sunt et proprium non habent, placitum non celebrent publicum. Освобожденіе отъ натуральныхъ повинностей. Mon. hist. patr. XIII, № 143 p. 250: concessit curtem Cucullo, Teclero, Brivisula et porto Vulpariolo cum molitura de molinis et transitoria militum № 193, p. 325: Similiter quoque concedimus prefato Ermealdo omnem utilem expeditionem, atque publicam functionem, quatenus maneat ab his omnibus bene immunes.

сказать, что главная форма, въ которой проявлялась политическая жизнь въ варварскихъ государствахъ, главное требованіе правительства по отношенію къ подданнымъ, важнѣйшее политическое средство этой грубой эпохи—воинская повинность—особенно сильно содѣйствовала разрушенію государственнаго подспорья въ массѣ свободныхъ и непосредственныхъ подданныхъ, переходу къ системѣ вознагражденій за общественную службу, разложенію самаго тѣла государственнаго. Давленіе воинской повинности на классъ свободныхъ людей играетъ слишкомъ первостепенную роль въ исторіи феодализации ¹⁾, чтобы мы могли ограничиться высказанными общими замѣчаніями: необходимо нѣсколько подробнѣе заняться условіями воинской повинности въ IX вѣкѣ.

Первый вопросъ, и вопросъ спорный, съ которымъ мы встрѣчаемся при разсмотрѣніи воинской повинности, касается отношенія ея къ землевладѣнію. Противоположныя возрѣнія на этотъ предметъ, развитыя Вайцомъ и Ротомъ, хотя и относятся непосредственно къ франкской исторіи, но имѣютъ значеніе и для лангобардской Италіи, подпавшей въ концѣ VIII в. франкскому владычеству. Мы принуждены обратить на нихъ вниманіе и отчасти воспользоваться чисто франкскими данными. Вайцъ утверждаетъ, что воинскою повинностью у Франковъ были обязаны землевладѣльцы; каролингская эпоха привлекла отчасти къ службѣ капиталистовъ и въ то же время, такъ сказать, возвысила военный цензъ для землевладѣльцевъ ²⁾. Ротъ выводитъ воинскую повинность изъ отношеній подданства, распространяющагося одинаково на всѣхъ свободныхъ людей—бѣдныхъ и богатыхъ, безземельныхъ и землевладѣльцевъ; каролингская эпоха вводитъ какъ новизну различныя изъятія и смягченія ³⁾. Бореціусъ, въ своей замѣчательной статьѣ о воинской повинности при Каролингахъ, защищая въ главныхъ чертахъ мнѣніе Рота, отвергаетъ въ то же время всякое рѣзкое видоизмѣненіе при Каролингахъ ⁴⁾. Матеріалъ нашъ

¹⁾ Ср. *Roth*, *Feodalität und Unterthanverband*, 334.

²⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.* IV, 450 и сл., 474 и сл.

³⁾ *Roth*, *Beneficialwesen*, 33 и сл., 169 и сл., 392 и сл., *Feodalität und Unterthanverband*, 316, 333.

⁴⁾ Ueber die Wehrpflicht unter den Karolingern, въ *Beiträge zur Capitularienkritik*. Въ концѣ у него помѣщенъ текстъ капитуляріевъ, относящихся къ воинской повинности, на который я и буду ссылаться, такъ какъ онъ представляетъ значительныя исправленія сравнительно съ изданіемъ Пертца въ *Mon. Germ. Lgg.* I.

для разбора вопроса состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ и частныхъ распоряженій и инструкцій ¹⁾. Отсутствіе общихъ законодательныхъ постановленій не позволяетъ предполагать рѣзкаго законодательнаго измѣненія при Каролингахъ; но въ совокупности отрывочныхъ распоряженій не трудно отличить общую тенденцію къ облегченію раззорительной повинности для мелкихъ людей. Въ принципѣ воинская повинность падаетъ на лицо, а не на имущество, на свободного человѣка, а не на землю. Это доказывается тѣмъ, что объявляются служить всѣ, кто присягаетъ; а присягаютъ всѣ свободные люди ²⁾. Въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствительно и призывается на войну все свободное населеніе, способное носить оружіе ³⁾; но государство не можетъ нуждаться въ постоянномъ вызовѣ всѣхъ своихъ членовъ, а общество не могло бы переносить подобныхъ постоянныхъ вызововъ; общая воинская повинность отлично примиряется съ частными и временными изъятіями, подобно тому какъ общее право государства облагать своихъ членовъ податями нисколько не заставляетъ его облагать непременно всѣхъ, безъ всякихъ исключеній. Частныя ограниченія общей воинской повинности сводятся, главнымъ образомъ къ тремъ видамъ: освобождаются отъ призыва жители областей, слишкомъ отдаленныхъ отъ театра войны; лица, необходимыя для поддержанія хозяйства въ своемъ собственномъ домѣ или въ домѣ какого-либо чиновника; наконецъ, бѣдные люди, неспособные произвести необходимыя издержки. Освобожденіе по первой категоріи имѣло особое значеніе въ эпоху, когда еще поддерживалось единство каролингской имперіи; для различныхъ частей ея были различно намѣчены крайнія границы, на которыя высылались ихъ ополченія ⁴⁾.

¹⁾ *Boretius*, Beiträge, 73 и сл. 143.

²⁾ Cap. 802; *Boretius* I, 151, c. 7: Ut ostile bannum domni imperatori nemo premittere presumat nullusque comis tam presumtiosum sit ut ullum de his qui hostem facere debiti sunt exinde vel aliqua propinquitatis defensionem vel cuius muneris adolationem dimittere audeant. *Boretius*, 109, cp. 123, 136.

³⁾ Cap. anni inc. VI b, 156, c. 2. Si vero circa Surabis patria defendendi necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant. *Boretius*, 116.

⁴⁾ Cap. 811. X, 160, c. 8: Constitutum est ut secundum antiquam consuetudinem praeparatio ad hostem faciendam indicaretur et servaretur, id est victualia de marca ad tres menses et arma atque vestimenta ad dimidium annum. Quod tamen ita observari placuit ut his qui de Reno ad Ligerem pergunt, de Ligere initium victus sui computetur; his vero qui de Ligere ad Renum iter faciunt de Reno trium mensium victualia habenda esse denoscatur; qui autem trans Renum sunt et per Saxoniam pergunt ad Albiam marem esse sciant; et qui trans Ligerem manent

Впослѣдствіи земское войско служило уже только „для защиты родины“, то-есть, въ узкихъ границахъ своей національной территоріи ¹⁾. Что касается изъятій втораго разряда, то примѣръ ихъ мы видѣли уже въ законодательствѣ лангобардскаго королевства ²⁾. Въ инструкціяхъ франкской эпохи поводъ изъятія особенно ясно высказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ оставленіи сына при отцѣ, или одного изъ нѣсколькихъ братьевъ, ведущихъ общее хозяйство ³⁾. Всего важнѣе, конечно, облегченія, вызываемыя имущественнымъ положеніемъ.

Всевозможными средствами стараются государи сдѣлать насиліе воинской повинности сколько-нибудь сноснымъ. За уклоненіе отъ повинности назначенъ строгій штрафъ, но правительство нѣсколько разъ отступаетъ отъ взыканія этого штрафа по закону, чтобы не погубить провинившихся и оставить имъ чѣмъ служить государству ⁴⁾. Другія предписанія соразмѣряютъ вооруженіе со средствами служащаго ⁵⁾, третьи распредѣляютъ обязанныхъ на классы, при чемъ только записанные въ первый классъ должны являться лично и всѣ безъ исключенія, въ другихъ же классахъ трое, четверо, шестеро складываются, чтобы снарядить и выставить одного воина; самые бѣдныя

atque in Spania proficissi debent, montes Pirinaeos marcam sibi esse cognoscant. *Boretius*, 122, 135.

¹⁾ Mem. Loth. 823; XXI, 166: Quicumque enim liber homo a comite suo fuerit ammonitus aut ministris ejus ad patriam defendendam et ire neglexerit et exercitus supervenerit ad istius regni vastationem vel ad contrarietatem fidelium nostrorum, capitali subiaceat sententiae. Similiter observandum est, si vocati fuerint audito inimicorum nostrorum adventu et ita contigerit quod hostes non supervenerint, hi qui vocati fuerint et venire noluerint unusquisque secundum legem suam hoc emendet.

²⁾ Liutpr., 83.

³⁾ Cap. 825; XXIII, 167, c. 6.

⁴⁾ Cap. 805; IV, 154, c. 19: de homine habente libras sex in auro in argento bruneis aeramento pannis integris, caballis boves vaccis vel alio peculio (et uxores vel infantes non fiant dispoliati pro hac re de eorum vestimentis) accipiant legitimum haribannum id est libras tres. Qui vero non habuerint amplius in suprascripto praecio valente nisi libras tres, solidi triginta ab eo exigantur id est libra et dimidia. Qui autem non habuerit, solidi quinque, ita ut iterum se valeat praeparare ad Dei servitium et nostram utilitatem.

⁵⁾ Cap. 805, IV, 153, c. 6: De armatura in exercitu sicut iam antea in alio capitulare commendavimus ita servetur. Et insuper omnis homo de duodecim mansis bruniam habeat. Qui vero bruniam habens et eam secum non tulerit, omne beneficium cum brunia pariter perdat.

просто оставляются дома ¹⁾. Хотя въ дошедшихъ до насъ случайныхъ извѣстіяхъ весьма много колебанія и разнообразія, тѣмъ не мѣнѣе есть указанія, что правительство мало по малу выработало довольно опредѣленныя нормы для раздѣленія на классы.

Капитулярій Лотаря, напримѣръ, отъ 825 года ссылается на обычную практику и потому не признаетъ нужнымъ дѣлать какія-либо ближайшія распоряженія ²⁾; съ другой стороны, мы узнаемъ о составленіи списковъ по классамъ ³⁾. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить какого рода имущество требовалось для зачисленія въ тотъ или другой классъ; но, судя по отдѣльному распоряженію Людовика II для экспедиціи въ Беневентъ, очень важную роль играла при распредѣленіи сумма, равная вергельду, то-есть, полтораста солидамъ ⁴⁾.

Понятно, какъ трудно было разложить равномерно воинскую повинность и какъ легко, напротивъ, было для сильныхъ людей воспользоваться ею, какъ рычагомъ, для достиженія цѣлей своего корыстолюбія и властолюбія. Не мудрено, что Карлъ Великій передалъ

¹⁾ Cap. 807. VIa, 155, c. 2: Quicumque liber mansos quinque de proprietate habere videtur, similiter in hostem veniat. Et qui quatuor mansos habeat similiter faciat. Qui tres habere videtur similiter agat. Ubi cumque autem inventi fuerint duo, quorum unusquisque duos mansos habere videtur, unus alium praeparare faciat; et qui melius ex ipsis potuerit, in hostem veniat. Et ubi inventi fuerint duo, quorum unus habeat duos mansos, et alter habeat unum mansum, similiter se sociare faciant et unus alterum praeparet; et qui melius potuerit in hostem veniat.— Illi vero qui dimidium mansum habent, quinque sextum praeparare faciant. Et qui sic pauper inventus fuerit, qui nec mancipia nec propriam possessionem terrarum habeat, tamen in praecio valente quinque libras, quinque sextum praeparent. Cp. Cap. 808; VII, 157.

²⁾ Cap. Loth. 825, XXIII, 167, c. 1: De mediocribus quippe liberis hominibus qui non possunt per se hostem facere, comitum fidelitati committimus, ut inter duos aut tres seu quattuor (vel si necesse fuerit amplius) uni qui melior esse videtur adiutorium praebeant ad nostrum servicium faciendum. De his quoque qui propter nimiam paupertatem neque per se hostem facere neque adiutorium prestare possunt, conserventur quousque valeant recuperare.

³⁾ Cap. 829, 162. Cp. *Boretius*, 126, 127. Онъ слишкомъ умаляетъ значеніе этихъ распоряженій, которыя всѣ, такъ сказать, указываютъ въ одну сторону.

⁴⁾ Exp. Benev. 866, XXIV, 168, c. 1: Quicumque de mobilibus widrigild suum habere potest, pergat in hoste; qui vero medium widrigild habet, duo iuncti unum qui utilior est instruant, ut bene ire possit. Pauperes vero personae ad custodiam maritimam vel patriae pergant, ita videlicet, ut qui plus quam decem solidos habet de mobilibus, ad eandem custodiam vadant; qui vero non plus quam decem solidos habet de mobilibus, nil ei requiratur.

производство набора своимъ личнымъ помощникамъ, такъ-называемымъ посланцамъ¹⁾; но эти уполномоченные центральной власти не могли упразднить вліянія графовъ и епископовъ уже потому, что сами были чужды условіямъ мѣстности, въ которой имъ приходилось дѣйствовать; и дѣйствительно, изъ постоянныхъ жалобъ на графовъ мы можемъ видѣть, какъ велико было ихъ вліяніе и ихъ произволь въ этомъ дѣлѣ²⁾ Воинская повинность давала намѣстнику всѣ средства милости и казни по отношенію къ свободнымъ людямъ его округа. Вызывая на войну, императоръ устанавливалъ градаціи по исправленію повинностей, нормы освобожденія, наказаній, но отъ графа зависѣло подвести каждое отдѣльное лицо подъ ту или другую норму, разорить человѣка, возложивъ на него непосильныя обязанности, или оказать ему неопцѣненную услугу, даровавъ ему изъятія³⁾. Конечно, благоволеніе графовъ надо купить, и они ставятъ на него дорогую цѣну — заставляють людей отказаться отъ своей свободы и полной собственности и укрываться отъ воинской повинности въ зависимыхъ отношеніяхъ⁴⁾. Графъ можетъ освободить извѣстную часть своихъ слугъ, можетъ представить достаточнаго человѣка бѣднымъ⁵⁾. Такое же, если не большее, значеніе имѣетъ покровительство епископа; и вотъ, подъ вліяніемъ тяжелой службы и злоупотребленій властей, руководящихъ ею, классъ свободныхъ людей, подкопанный различными экономическими и политическими причинами, быстро разрушается въ теченіе IX в. Государство открыло одинъ исходъ для избѣжанія военной службы — обѣдненіе, и всѣ ищутъ полуфиктивного, полудѣйствительнаго обѣдненія въ несомнѣнной зависимости отъ силь-

¹⁾ *Boretius*, 144.

²⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.* IV, 489, 490.

³⁾ Mem. 811; IX, 159; c. 2: Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate. Et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios.

⁴⁾ Mem. cit. c. 3: Dicunt etiam quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel comiti aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperum quomodo eum condemnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero qui traditum habent, absque ullius inquietudine domi resideant.

⁵⁾ Mem. cit. c. 4: Quod episcopi et abbates sive comites dimitunt eorum liberos homines ad casam in nomine ministerialium; similiter et abbatissae. Hi sunt falconarii, venatores, telonarii, praepositi, decani et alii qui missos recipiunt et eorum sequentes. C. 5: Dicunt etiam alii quod illos pauperiores constringant et in hostem ire faciant, et illos qui habent quod dare possint ad propria dimitunt.

ныхъ людей, которые могутъ обойти законъ¹⁾. Напрасно преслѣдуетъ правительство передачу земельной собственности и переходъ въ полусвободное состояніе, совершенное съ цѣлью уклониться отъ военной службы: оно не въ состояніи угнаться за всѣми отдѣльными случаями такого рода сдѣлокъ²⁾.

Въ февральскомъ капитуляріи 825 года императоръ Лотарь устанавливаетъ условія службы не для одного ополченія, но точно также и для вассальнаго войска, которое должно было вытѣснить ополченіе и уже въ Каролингскую эпоху составляло весьма важную военную силу³⁾. Согласно предписаніямъ 825 года, „аустальды“, служащіе при дворцѣ императора, остаются для придворной службы; его вассалы, живущіе на своихъ земляхъ, частью будутъ отправлены на войну, частью останутся, по благоусмотрѣнію императора; наконецъ, вассалы, имѣющіе бенефиціи и не живущіе въ своихъ земляхъ, пойдутъ всѣ⁴⁾. Такая градація, вѣроятно, объясняется желаніемъ государя не отрывать отъ занятій своихъ служителей, завѣдывавшихъ дворцомъ и частями доменовъ, выданными въ бенефиціи: вся тяжесть призыва

1) Кар. М. 23: *Et nostri missi caveant et diligenter inquireant, ne per aliquod malum ingenium subtrahant nostram iusticiam, alteri tradendo aut commendando.* Кар. М. 99: *Ut servi, aldiones, libellarii antiqui vel illi noviter facti, qui non per fraudem neque pro malo ingenio de publico servitio se subtrahentes sed per solam paupertatem et necessitatem terram ecclesiasticam colunt vel colendam suscipiunt, non a comite vel aliquo ministro illius ad nullam angarium seu servitium publicum vel privatum cogantur vel compellantur.* Кар. М. 120: *De liberis hominibus qui ad servitium Dei se tradere volunt, ut prius hoc non faciant quam a nobis licentiam postulent.* Hoc autem ideo dicimus, quia audivimus aliquos ex illis non tam causa devotiois hoc fecisse quam pro exercitu seu alia functione regali fugienda, quosdam vero cupiditatis causa ab his qui res illorum concupiscunt circumventos audivimus. Loth. 22: *Placuit nobis, ut liberi homines qui non propter paupertatem sed ob vitandum rei publicae utilitatem fraudulentem ac ingeniose res suas ecclesiis delegant easque denuo sub censu utendas recipiunt, ut, quousque ipsas res possident, hostes et reliquas publicas functiones faciant.*

2) Въ монастырскихъ описяхъ люди, бѣжавшіе отъ государственныхъ повинностей, составляютъ особый классъ. *Breve de curte tenuenta.* Mon. hist. patr. XIII, № 126, стр. 225: *«Sunt aldiones duo, qui propter hostem ad ipsam villam se tradiderunt, donant censum argentum solidos IV».*

3) См. постановленія о службѣ ленниковъ у *Boretiusa*, V, VIa, VII, XXII.

4) *Exp. Cors. 825. Boretius*, XXII, 166, с. 1: *Ut dominici vassalli qui austaldi sunt et in nostro palatio frequenter serviunt, volumus ut remaneant. — — — Qui autem in eorum proprietate manent, volumus scire qui sint et adhuc considerare volumus, qui eant aut qui remaneant. Illi vero qui beneficia nostra habent et foris manent, volumus ut eant».*

должна лечь на бенефициаровъ, пользующихся доходами съ помѣстій и не живущихъ въ нихъ, какъ бы пренебрегающихъ ими ¹⁾). Что касается до духовныхъ лицъ, то они должны выставить всѣхъ своихъ вассаловъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ аустальдовъ, которымъ позволено остаться для хозяйства ²⁾). Затѣмъ капитулярій переходитъ къ опредѣленію воинской повинности свободныхъ людей, такъ-называемыхъ „баргильдовъ“ ³⁾). Но гдѣ же вассалы свѣтскихъ людей? Было бы совершенно ошибочно предположить, что ихъ не существовало вообще въ Итали. Вопервыхъ, ничто не вынуждаетъ къ такому предположенію, такъ какъ молчаніе капитулярія можно весьма просто объяснить подведеніемъ свѣтскихъ вассаловъ подъ общее понятіе баргильдовъ, съ которыми они, слѣдовательно, раздѣляли въ данномъ случаѣ всѣ обязанности по военной службѣ. Вотъорыхъ, мы имѣемъ фактическія доказательства существованія вассалитета на свѣтскихъ земляхъ въ такой же силѣ, какъ и на духовныхъ или на королевскихъ доменахъ.

При оцѣнкѣ вассальныхъ отношеній намъ приходится начинать съ приведеннаго уже въ одной изъ предыдущихъ главъ капитулярія Пиппина. „Свободные люди имѣютъ право препоручать себя кому хотять, согласно тому, какъ они дѣлали еще при Лангобардахъ, только бы отъ этого не терпѣла служба графу“ ⁴⁾). На сколько этотъ

¹⁾ Мнѣ кажется, объясненіе *Бореміуса*, 129, недостаточно. Зачѣмъ было оставлять вассаловъ, имѣющихъ собственныя земли, и вызывать имѣющихъ одинъ бенефіція?

²⁾ Cap. cit. c. 2: *Homines vero episcoporum seu abbatum (et) qui foris manent, volumus ut cum comitibus eorum vadant, exceptis duobus quos ipse elegerit; et eorum austaldi liberi, exceptis quattuor, volumus ut pleniter dirigantur.*

³⁾ Cap. cit. c. 3: *Ceteri vero liberi homines quos vocant bbarigildi, volumus ut singuli comites hunc modum teneant: videlicet ut qui tantam substantiae facultatem habent qui per se ire possint et ad hoc sanitas et viris utiles adprobaverit, vadant; illi vero qui substantiam habent et tamen ipsi ire non valent adiuent valentem et minus habentem. Secundi vero ordinis liberis, qui pro paupertate sua per se ire non possunt et tamen ex parte possunt, coniungantur duo vel tres aut quattuor (alii vero si necesse fuerit) qui iuxta considerationem comitis eunti adiutorium faciant quomodo ire possit. Et in hunc modum ordo iste servetur, usque ad alios qui pro nimia paupertate neque ipsi ire valent neque adiutorium eunti praestare. A comitibus habeatur excusatus post antiqua consuetudo eis fidelium comitibus observanda.*

⁴⁾ Pipp. 22: *«Stetit nobis de illis hominibus liberis Longobardis, ut licentiam habeant se commendandi ubi voluerint, sicut a tempore Longobardorum fecerunt, in tantum ut suo comiti facient rationabilia quae debent».*

параграфъ характеренъ для происхожденія коммѣндаціи у Лангобардовъ, какъ учрежденія, развившагося независимо отъ закона и какъ бы скрытно отъ источниковъ, на столько же онъ важенъ и для франкской эпохи, потому что показываетъ, какъ она въ этомъ существенномъ отношеніи не произвела рѣзкаго переворота и не ввела чего-либо новаго, а только продолжала дѣло, зародившееся еще раньше. Лагоническое постановленіе Пиппина, болѣе заставляющее догадываться, нежели говорящее прямо, можетъ въ то же время служить типомъ всѣхъ нашихъ извѣстій объ одномъ изъ важнѣйшихъ институтовъ того времени, извѣстій отрывочныхъ, односложныхъ, дающихъ болѣе намеки, нежели разъясненія.

Мы постоянно слышимъ о вассалахъ или вассахъ императора ¹⁾, церкви ²⁾, графовъ и другихъ свѣтскихъ лицъ ³⁾, но весьма нелегко отвѣтить на главные вопросы, невольно представляющіеся по поводу вассальныхъ отношеній: какія обязанности возлагаются на вассала? въ чемъ состоятъ обязанности сениора? какая связь существуетъ между вассалитетомъ и бенефициальнымъ порядкомъ? Я постараюсь все-таки указать на нѣкоторыя основныя черты по всѣмъ этимъ главнымъ пунктамъ.

Изъ капитуляріевъ мы узнаемъ, что вассаль прежде всего былъ обязанъ своему сениору военной помощью ⁴⁾; а лѣтописныя извѣстія постоянно показываютъ намъ магнатовъ IX и X вѣковъ окруженными вассалами и оруженосцами ⁵⁾, но до насъ не дошло отъ этого времени ни одного извѣстія о какой-либо присягѣ вассала или условіи, въ которомъ было бы выражено обѣщаніе служить сениору. Въ франкской монархіи, какъ мы знаемъ навѣрно, вассальная присяга стала рядомъ съ присягой подданнаго государю ⁶⁾, и это заставляетъ насъ предполагать, что и въ лангобардскомъ королевствѣ отношенія между

¹⁾ Напримѣръ, *Memorie di Lucca*, V т., 2 ч., № 595; *Monum. hist. patr.* XIII № 143 и множество другихъ случаевъ.

²⁾ *Mon. hist. patr.* XIII, № 143: — — *Isti vassalli episcopi.*

³⁾ *Mon. hist. patr.* XIII, № 399: пожалованіе Беренгарія I вассалу графа Сигиерда. *M. h. p.* № 546—пожалованіе вассалу вассала; № 291—вводъ во владѣніе двумя вассалами императорскаго вассала; № 145—вассаль частнаго чело-вѣка.

⁴⁾ См., напримѣръ, *Cap. de exp. Corsicana* 825, ар. *Roset.*, p. 139.

⁵⁾ *Erchempert.* 62. *Exceptis brevis Hugonis farfensis*, *M. G. Script.* XI, p. 138.

⁶⁾ *Waitz*, *Verfassungsg.* IV, 208. *Ehrenberg*, *Commendation und Holdigung*, 132 и сл.

сеніоромъ и вассаломъ закрѣплялись клятвенно ¹⁾. Своего рода отголоскомъ этой вассальной присяги можетъ служить обѣщаніе одного священника луккской области своему епископу, что онъ никогда не будетъ сговариваться съ врагомъ епископа ²⁾. Личныя отношенія между духовными лицами въ этомъ случаѣ такъ же точно уподобляются вассалитету, какъ земельныя раздачи при опредѣленіи священниковъ уподобляются бенефиціямъ. Само собою разумѣется, что обязанности вассала не всегда сводились на военную помощь, а точно также и на содѣйствіе по хозяйству, въ администраціи имѣній, въ устройствѣ дома: какъ разъ такого рода обязанности несутъ аустальды капитулярія Лотаря. Но вооруженная служба составляетъ собственно отличительный признакъ вассалитета въ противоположность оброчнымъ и зависимымъ отношеніямъ низшаго разряда. И какъ вооруженный частный союзъ, и какъ присяжное соединеніе частныхъ людей, вассалитетъ шелъ въ разрѣзъ съ главными и общими цѣлями государства, хотя и могъ не только ужиться съ нѣкоторыми специальными цѣлями, въ родѣ организаціи военной службы, но даже содѣйствовать ихъ достиженію. Государы сознавали опасность и запрещали незаконныя дѣйствія дружинъ (*collectae*), особенно дѣйствія, направленные противъ представителей власти, посланцевъ или графовъ ³⁾. Собственно говоря, они должны были бы такъ же запретить вассальныя отношенія, какъ запрещали гильды и присяжныя товарищества ⁴⁾, но на подобную мѣру никто не рѣшился, да она и не удалась бы. Вассальныя соединенія были призваны, чтобы, такъ сказать, официально разлагать государственное тѣло.

Объ обязанностяхъ сеніора по отношенію къ вассалу источники хранить полнѣйшее молчаніе: только общія соображенія и выводы отъ состоянія дѣлъ въ позднѣйшую эпоху позволяютъ заключить, что сеніоръ, во первыхъ, долженъ былъ покровительствовать вассалу, защищать его, а во вторыхъ, обязанъ былъ заботиться о немъ въ матеріальномъ отношеніи ⁵⁾. Последнее тѣсно связано съ вопросомъ о вознагражденіи вассаловъ.

¹⁾ На это указываетъ какъ тѣсная связь италянскаго развитія съ франкскимъ, такъ и извѣстіе о присягѣ Бенно, о которомъ ниже. Ср. *Pertile*, I. 168, 169.

²⁾ *Mem. di Lucca*, IV т., ч 2, № 117.

³⁾ Напримѣръ, *Karoli M. 29*; *Loth. 5*, 55.

⁴⁾ *Karoli M. 13*; *Loth. 67*.

⁵⁾ Ср. вообще *Waitz*, *Verfassungsg. IV*, 227;

Въ IX и X вѣкахъ нѣтъ еще никакой необходимой связи между вассальной зависимостью и бенефициальнымъ владѣніемъ. Фактически, вассальная служба всего чаще вознаграждается именно предоставленіемъ земли въ бенефициальное пользованіе, вмѣсто того, чтобы опредѣлять вассаламъ штрафъ за нарушеніе геербанна или другой проступокъ, имъ грозить отнятіемъ леновъ ¹⁾, но юридическая связь еще не установилась даже въ концѣ X вѣка. Законодательство, предписывая конфискацію леновъ за проступки, предусматриваетъ иногда и случаи, что у вассала лена не окажется ²⁾; служба вознаграждается иногда просто содержаніемъ на счетъ сениора, подарками движимости, предоставленіемъ земли не въ бенефициальное пользованіе, а въ арендное держаніе или въ полную собственность; самая выдача бенефиція ни временемъ, ни обрядомъ, ни формулой не соединена съ заключеніемъ вассальнаго договора. Повторяю, въ IX и X вѣкахъ связь между бенефиціемъ и вассалитетомъ только еще фактическая: оба института, развившіеся независимо другъ отъ друга, сблизились, но не слились.

Вообще наши свѣдѣнія о томъ, насколько къ концу X вѣка подвинулась юридическая выработка феодальныхъ положеній, весьма скудны. Можно однако быть увѣреннымъ, что королевскіе судьи павійской школы, которые начинаютъ дѣйствовать какъ разъ во второй половинѣ вѣка ³⁾, подготовляли въ своей практикѣ дѣло систематизаціи обычаевъ по отношенію къ условному владѣнію, дѣло, завершившееся въ XII вѣкѣ появленіемъ знаменитыхъ „Книгъ“ ломбардскаго леннаго права, обозначившееся уже въ XI вѣкѣ въ постановленіяхъ Генрика II и Конрада II.

Для того, чтобы дать понятіе о колебаніяхъ и неопредѣленности фактическихъ и юридическихъ отношеній въ эпоху перехода отъ X къ XI вѣку, я сошлюсь на чрезвычайно замѣчательный повѣствовательный отрывокъ, сохраняющійся въ флорентинскомъ архивѣ и вѣроятно составлявшій когда-то часть такой же скорбной лѣтописи монастырскаго раззоренія, какъ и *Destructio Farfensis* ⁴⁾. Возможно,

¹⁾ Cap. 811, ap. *Boret.* 160; ср. 121 и 122.

²⁾ *Karoli M.* 9.

³⁾ *Pertile*, *Storia del diritto*, I, 343 и сл., 353 и сл. *Ficker*, *Forschungen*, III, § 452. Павійская школа однако разрабатываетъ въ началѣ главнымъ образомъ не ленное право, а земское, которое и собрано въ Павійской книгѣ.

⁴⁾ Въ Флорентинскомъ архивѣ онъ помѣченъ: *Narrazione forse dell' anno 971*, но такъ какъ дѣло идетъ о маркгравахъ Воннеадіа и Райнерѣ, то очевидно отрывокъ ССХІІ, отд. 2.

что онъ даже вложилъ въ чашобитную или всевоое прошение монастыря св. Михаила въ Подлибонни ¹⁾ противъ нагнатовъ, захватившихъ его земли. Упомянутый отрывокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ главныя условія, при которыхъ совершалась выработка феодальныхъ отношеній: на разнообразныя формы личной зависимости, на ихъ связь съ земельною зависимою, на происхождение и тѣхъ и другихъ изъ политическаго неравнѣя и т. п.

Повѣствованіе касается судьбы монастыря св. Михаила, основаннаго маркиграфомъ тосканскимъ Гуго около 970 года ²⁾, и захватываетъ исторію этого монастыря при маркиграфахъ Бонифаціи и Райнерѣ, правленія которыхъ относятся уже къ началу XI вѣка ³⁾. Разказъ можно разложить на описаніе четырехъ различныхъ эпохъ, изъ которыхъ первой является время до основанія монастыря и слѣдовательно до 970 года. Гуго приобретаетъ недвижимую собственность въ Паваяно и Булизіано у Гвинико, сына Угона, который продаетъ свои земли, чтобы онѣ не попали въ руки его дяди Анцо, умертвившаго отца Гвинико ⁴⁾. Приобрѣтенныя имѣнія эксплуатируются разными лицами въ пользу собственника, маркиграфа Гуго: священникъ Іоаннъ и гастальдъ Бонинцо завѣдуютъ оброчными людьми маркиграфа и руководятъ ихъ барщиною: вице-графъ держитъ судъ въ замкѣ Паваяно и управляетъ матеріальною частью при замкѣ: священникъ Левъ служитъ маркиграфу за церковь св. Андрея ⁵⁾.

иотъ составленъ послѣ 1014 года. Однако, какъ потертъ, такъ и содержаніе показываютъ, что составленъ онъ весьма скоро послѣ этого года, вѣроятно еще до 1020 года.

¹⁾ Въ Тосканѣ, около Сиены. См. *Fabi, Cosografia d'Italia, S. h. v.*

²⁾ Грамота у *Riccinelli, Storia di Ugo di Toscana, Milano, 1664, p. 223.* Пятидесятая совершенно вѣрно рассчитывается для всѣхъ 986 годъ, такъ какъ она датирована девятымъ годомъ Оттона I, четвертымъ Оттона II и XII индиктомъ, то-есть, 970 годомъ отъ Р. X.

³⁾ Гуго умеръ въ 1002, Райнеръ вступилъ въ управленіе въ 1014 году. *Ficker, Forschungen, § 317, прим. 3.*

⁴⁾ *Cum azzo filius petri occidisset ugonem fratrem suum et tulisset con[jugem?] suam et tulisset eam uxorem tulit omnem substantiam eius ita ut guinizus filius ugoni ex omnibus bonis patris uictum pater habere non posset, quia pergens ad marchionem ugo fecit ei cartulam de pajaiano cum omni pertinentia sua et de bulisiano et retinuit in usufructuario.*

⁵⁾ *Et ex illa die iohannus clericus de gaiano et bonizo castaldo de marturi homines guinizi et tazzi et azzi ducebant in omni opere que demnicata marchionis*

Вторая эпоха продолжается отъ основанія монастыря св. Михаила до смерти Гуго. Маркграфъ передалъ свои права на Папайано новому монастырю; судебная повинность и барщина государственнаго происхождения, лежавшія на населеніи этой мѣстности, прекратились — населеніе служить аббату ¹⁾.

Третій періодъ тяжелаго испытанія для монастыря наступилъ съ утвержденіемъ Бонифація маркграфомъ ²⁾. Онъ раззоряетъ обитель, основанную Гуго, поселяется въ ней съ своими слугами и наложницами и конфискуетъ въ свою пользу пожалованныя предшественникамъ земли. Такимъ образомъ возстановляются въ Папайано прежнія зависящія отношенія гастальда Боница и священника Льва.

Довольно запутаны и въ то же время особенно важны для насъ условія четвертаго періода, относящагося къ правленію маркграфа Райнера, который, оставивъ за собою значительную часть отобранныхъ у монастыря имѣній, возвращаетъ остальные аббату и назначаетъ фогтомъ монастыря своего вассала и друга Ардинга. Съ этимъ послѣднимъ вступаетъ въ соглашеніе сынъ прежняго владѣльца, Бенно. Его соединяютъ съ Ардингомъ и отношенія личнаго свойства, закрѣпленныя присягою, и отношенія по землѣ, унаслѣдованныя еще отъ отцовъ: одинъ допускаетъ другаго къ пользованію сообща землями, принадлежащими маркграфу и выданными имъ въ бенефиціи ³⁾. Бенно

erat et uicomes de marturi castellum de papaiano laborabat et placitabat et leo presbyter de ecclesia sancti andreae seruiebat marchionis.

¹⁾ Postea ugo marchio aedi ficauit monasterium et dedit monasterio quecumque pertinebat sibi et cessauerunt angaria et placita de papaiano et seruiebat abbati sancto bononio et leo presbyter ibat in seruitio monasterio quandocumque abbas percipisset.

²⁾ Mortuo ugo marchio cum benefatio filius alberti factus eest marchio et monasterio que ugo aedificauerat deuastaret, uenit marturi et tam abbatem sanctum bononium, quam omnes monachos inde eicens quecumque aeclesie dei pertinebat suum domnicatu fecit, quia etiam in claustra et ceteris monachis preparatis habitabat cum famulis et concubinis et ancillis set et thesaurum aeclesie scilicet fabulas aureas textum euangelii tollens unam fregit et sciphos et uarios apparatus suos inde fabricari fecit alteram comitis rozzo donauit. Sicque factum est ut papaiano iterum addomnicatum marchionis rediret, et bonizo castaldo reinuestiuit et leoni presbytero precepit ut marchioni seruiret quod et fecit. Nam cum melle et cera et pigmentis et pane et uino et carne in seruitium marchionis uenit et masa illa de fossule que fuit guinizi dedit idem marchio alberto presbytero seruianti in capella marchionis etad huc terra uinisi domnicata marchionis est.

³⁾ Benno autem filius idem guinizi cum fideret de ardingo et atque iuratus illo esset, et pater suus guinizo patri illius uberto dedisset de eadem terra sua quam

пользуется поддержкой Ардинга, чтобы продать и выдать въ либеральное пользованіе разнымъ лицамъ помѣстья, которыя когда-то принадлежали въ полной собственности его отцу, но съ тѣхъ поръ перешли къ маркграфу Гуго, монастырю св. Михаила и наконецъ къ маркграфу Райнеру ¹⁾. Ардингъ поддерживаетъ эту незаконную сдѣлку, и протесты аббата и управляющихъ имѣніями остаются безъ послѣдствій.

Таково, какъ мнѣ кажется, наиболѣе вѣроятное объясненіе этого документа, въ послѣдней части весьма неяснаго. Даже и при этомъ толкованіи, отдѣльные пункты могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ: нельзя, напримѣръ, опредѣлить, кто кому выдавалъ землю „in consortio“, или на какого рода хотя бы призрачныхъ правахъ основывался Бенно, — дѣйствовалъ ли онъ только какъ сынъ прежняго собственника или какъ бенефициарный владѣлецъ, прекарістъ и т. п. Но общій смыслъ повѣствованія уловить можно, и мнѣ кажется, что ради этого общаго смысла мы имѣли право отойти нѣсколько съ главнаго пути въ сторону. Мы слышимъ о всевозможныхъ видахъ зависимости и зависимыхъ людяхъ: о крестьянахъ, обязанныхъ оброками и барщиной, о священникѣ, отплачивающемъ за свое положеніе въ приходской церкви, о должностномъ лицѣ, которому достается вмѣстѣ обязанность судить и обязанность управлять имѣніемъ, наконецъ, о воен-

marchioni dederat non proprie set quasi in consortio sicut etiam adhuc et isti faciunt de terra quam de marchione tenent dant cui sibi placent. Quia et ardingo familiaris erat marchionis ragineri successoris bonifatii quem advocatorem monasterii de marturi constituit ut sicut bonifacius deuestiuerat ita et ragineri re inuestiret ae quescumque; ugo marchio ipsi monasterio offererat quam ius[uis?] ipse ragineri maximam partem sibi retinuerit sicut et perbabile est et ardingo apud eundem marchionem maximum locum familiaritatis optineret.

¹⁾ Idem benno filius guinizi cepit liuellare et donare et uendere terram suam, quicumque emere uoluisset) ipse enim non habebat filium cui relinqueret. Sicque uenit sizo clericus de florentia filius leonis presbyteri de quo supra diximus quia fuit capellanus ugoni marchionis et postea abbatis ac iterum bonefatii marchionis quia et adhuc uiuebat; emit uidente patre suo capellam sancti andreae quam pater suus tenuerat ita sicut et diximus. Cui dixit pater: Fili ne facias nostri enim quia ego marchioni seruiui haec quam tu comparare uis et si modo tacetur, iterum reclamabitur, ui de ne facias. Qui noluit acquiescere set comparauit et tenet filius eius. Abbas autem tunc requisiiuit sed habere non potuit quia marchio omnia illa tenebat et tenet adhuc. Sed tunc quando sizo comparauit aecclesiam noluit ire bonizo castaldo et iohannes minatare et iunestire quodcumque benno tenebat et quod uendiderat vel quod liuellauerat et ecce ardingo rogauit ne faceret propter suam quam tenebat. Sicque illi accepto pretio siluerunt.

ныхъ людяхъ, личныя и вассальныя отношенія которыхъ переплетаются разнообразными земельными и бенефициальными отношеніями. Союзъ между Бенно и Ардингомъ, можетъ быть, и не принялъ опредѣленной формы вассалитета, но кто не видитъ, что въ основѣ его лежатъ какъ разъ тѣ же поводы, какіе приводили именно къ вассалитету.—Съ одной стороны, защита отъ давленія маркграфа и осуществленія его собственныхъ и чужихъ правъ, съ другой—служеніе сеніору, доставленіе ему матеріальныхъ выгодъ. Союзъ закрѣпляется присягой низшаго высшему. Consortium, заключенный между Гвиницо и Убертомъ, поддержанный между Бенно и Ардингомъ, не есть бенефициальная сдѣлка, но направлена къ тѣмъ же цѣлямъ, потому что сообщаетъ бесплатное пользованіе и ограждаетъ въ то же время право собственника. Личная зависимость не вызвана земельною сдѣлкою и, формально, не вызываетъ ее, но очевидно, что въ сущности онѣ какъ бы требуютъ другъ друга. Чрезвычайно характерно, что вассаль въ данномъ случаѣ выдаетъ бенефицій, а не получаетъ его: образующіяся ленныя отношенія находятся еще въ той стадіи своего развитія, когда они особенно легко прилаживаются къ различнымъ обстоятельствамъ, еще не установились въ опредѣленные, неподатливыя формы.

Про вассала, который вступаетъ на службу сеніора, говорятъ, что онъ коммендируется сеніору. Но терминъ коммендація можетъ быть употребленъ и въ иномъ, специальномъ смыслѣ. Вассалы соединяются вокругъ сеніора для отысканія общей выгоды, какъ сильныя вокругъ сильнѣйшаго; къ коммендаціи прибѣгаютъ слабыя, ищущіе покровительства сильнаго, во избѣжаніе притѣсненій и насилій. Въ принципѣ и тотъ и другой институтъ имѣютъ много общаго, потому что и тотъ и другой предполагаютъ замѣну государственной охраны частною и образованіе политическаго союза на частноправовомъ основаніи, но все-таки развивается этотъ принципъ въ двухъ совершенно различныхъ направленіяхъ. Коммендація въ собственномъ смыслѣ, которая появляется особенно рано, какъ первый симптомъ государственнаго разложенія, позднѣе, когда дѣйствуютъ во всей силѣ остальные стороны феодализаціи, отступаетъ на задній планъ. Не то, чтобы защита слабыхъ отъ сильныхъ сдѣлалась не нужна въ IX или X вѣкахъ, но эта защита переходитъ теперь по праву въ руки извѣстныхъ лицъ, присвоившихъ государственную власть, и въ концѣ концовъ начало свободнаго частнаго союза совершенно исчезаетъ. Коммендація упраздняется развитіемъ иммунитета и патримоніальной юрисдикціи. Въ

IX и X вѣкахъ мы слышимъ еще довольно часто о лицахъ, коммендированныхъ тому или другому монастырю, но наши извѣстія являются уже послѣдними слѣдами переходнаго состоянія ¹⁾. Выше было указано на воинскую повинность, какъ на одну изъ главныхъ силъ, толкавшихъ населеніе къ подчиненію.

Личный союзъ комментаціи оттъсняется отношеніями, выросшими на территоріальной основѣ, весьма близкими другъ къ другу въ началѣ своего развитія, но приводящими въ концѣ концовъ къ весьма различнымъ результатамъ. Уже лангобардское королевство знало иммунитетъ, поскольку онъ сообщаетъ финансовыя привилегіи; въ франкскую и послѣдующую эпохи права, соединенныя съ иммунитетомъ, все расширяются къ полному присвоенію государственной власти нѣкоторыми, особенно благопріятно поставленными, подданными. Уже лангобардская эпоха предоставляла помѣщикамъ нѣкоторую власть надъ свободными людьми, поселенными на ихъ земляхъ; въ франкскую и послѣдующую эпохи развивается отсюда самостоятельная юрисдикція, политическая власть землевладѣльцевъ, которая, правда, не распространяется на всѣ дѣла и случаи, но за то не нуждается ни въ какой спеціальной выдачѣ.

Мы начнемъ съ развитія иммунитетовъ, которое отражается въ законахъ и королевскихъ грамотахъ.

Каролингскіе иммунитеты, выданные, какъ и большая часть нашихъ грамотъ, духовнымъ учрежденіямъ, не содержатъ въ себѣ какого-либо выдѣленія извѣстной области въ самостоятельное политическое тѣло, не подчиненное графству въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ. Права, сообщаемыя иммунитетными грамотами, разнообразны, но никогда не доходятъ до этихъ размѣровъ. Исходною точкой служитъ свобода „*ab introitu iudicium*“, вслѣдствіе которой предписанія закона исполняются на подлежащей территоріи не обыкновенными должностными лицами, въ нее не проникающими, а духовнымъ главою епархіи или монастыря и его адвокатомъ ²⁾. Наиболѣе рѣзкій при-

¹⁾ См., напримѣръ, частыя упоминанія о «*liberi commendati, liberi, qui proprium eorum tradiderunt*» въ инвентарѣ св. Юлія въ Брешині. *Monum. hist. pat.* XIII, № 419.

²⁾ Примѣръ каролингской иммунитетной грамоты—*Mon. hist. patr.* XIII, № 103, стр. 188: — *Quapropter precipientes jubemus, ut nullus iudex publicus vel quibuslibet ex iudiciaria potestate in ecclesias aut loca vel agros seu reliquas possessiones, quas moderno tempore infra ditionem imperii nostri juste et legaliter possident, vel que deinceps in jure ipsius sancti loci voluerit divina pietas augeri,*

мѣръ такого рода самостоятельности по отношенію къ исполненію закона представляетъ случай выдачи преступниковъ изъ предѣловъ иммунитета—и розыскъ, и выдача производятся, такъ сказать, домашними средствами ¹⁾. Само по себѣ такого рода ограниченіе исполнительской сферы дѣйствія обыкновенныхъ должностныхъ лицъ несколько не влечетъ за собой судебныхъ изъятій, но косвенно полицейская власть духовнаго учрежденія тѣсно связана съ нѣкоторою судебною самостоятельностью: при гражданскомъ искѣ противъ свободного члена иммунитета истецъ можетъ предпочесть короткій и простой путь жалобы адвокату и не доводитъ дѣла до формальнаго представленія графскому суду ²⁾. Съ другой стороны, являются финансовыя изъятія, которыми устраняются отъ предѣловъ „свободы“ всѣ стѣсненія и безпокойства, могущія произойти отъ квартированія въ ней королевскихъ людей, отъ взысканія помощи для нихъ хлѣбомъ, фуражемъ или перевозочными средствами, отъ прямыхъ сбо-

ad causas audiendas vel freda exianda, aut mansiones vel paratas faciendas, aut fidejussores tollendos, aut homines ipsius monasterii distringendos, nec ullas redibitiones aut inlicitas occasiones requirendas nostris et futuris temporibus ingredi audeat, vel que supra memorata sunt, penitus exigere pressmat; sed liceat predictae conjugi nostre atque successores ejus, rectores videlicet predicti monasterii, cum omnes fredos concessos et cum rebus vel hominibus liberis seu comendatis ad idem monasterium pertinentes, sub immunitatis nostrae defensione quieto ordine possidere, qualiter ipsas ancillas Dei, quae ibidem Deo famulantur, pro nobis et conjuge prae loque nostra vel pro stabilitate totius imperii nostri iugiter misericordiam exorare delectent.

¹⁾ Kar. M. 101. Si autem homo furtum aut homicidium vel quodlibet crimen foris commiserit et infra emunitatem fugerit, mandet comes episcopo vel abbati vel vicedomino vel quicumque locum episcopi vel abbatis tenuerit, ut reddat ei reum. Si ille contradixerit et reddere noluerit, in prima contradictione solidos 15 culpabilis iudicetur; si ad secundam inquisitionem eum reddere noluerit, solidos 30 culpabilis indicetur; si nec ad tertiam inquisitionem consentire noluerit, quicquid reus damni fecerit, totum ille qui cum infra emunitatem retinet nec reddere vult solvere cogatur, et ipse comes veniens licentiam habeat ipsum hominem infra emunitatem quaerendi, ubicumque eum invenire potuerit. Si autem statim in prima inquisitione comiti responsum fuerit, quod reus infra emunitatem quidem fuisset sed fuga lapsus est, sic statim luret, quod ipse eum ad justitiam cuiuslibet diffaciendam fugere non fecisset, et sit ei in hoc satisfactum. Si autem intraverit in ipsam emunitatem comes, et collecta manu quislibet resistere temptaverit, comes hoc ad principem deferat ibique iudicetur, ut, sicut ille qui in emunitate dannum fecerit 600 solidos componere debet, ita qui comiti collecta manu resistere praesumpserit 600 solidos culpabilis iudicetur.

²⁾ *Bethmann-Holweg*, Civilprocess, V, 40 и сл.

ровъ ¹⁾. Не связано по существу съ основнымъ принципомъ иммунитета освобожденіе отъ платежей и пошлинъ въ предѣлахъ всего государства или извѣстной его части ²⁾. Это преимущество, равно какъ и предоставленіе епископамъ и монастырямъ правъ на тѣ сборы, отъ которыхъ отказалось государство, является одностороннимъ развитіемъ иммунитета въ силу особой привилегіи ³⁾. Зато, въ общемъ правилѣ, жители иммунитета не освобождаются отъ натуральныхъ повинностей по устройству и исправленію дорогъ, мостовъ и церквей ⁴⁾. Насколько каролингскій иммунитетъ ограниченъ качественно, настолько же онъ стѣсненъ количественно—географически онъ распространяется только на земли, составляющія собственность церкви или монастыря, нарушеннымъ же считается иммунитетное право только тогда, если должностныя лица или частныя люди ворвались въ предѣлы огороженной собственности ⁵⁾. Таковъ общій характеръ учрежденія въ каролингскую эпоху—разложить его на отдѣльные историческіе моменты постепеннаго возростанія правъ для этого времени невозможно.

Совершенно иначе представляется дѣло въ X вѣкѣ. Уже въ началѣ его иммунитетъ получаетъ значительное географическое расширение: вмѣсто того, чтобы покрывать отдѣльныя и разбросанныя имѣнія церквей или монастырей, онъ распространяется на цѣлыя города и городскіе округа, захватывая при этомъ свободное населеніе этихъ городовъ и округовъ, сидящее на собственной землѣ. Это расширение круга дѣйствія иммунитета ставится въ непосредственную связь съ обособленіемъ городовъ вслѣдствіе обнесенія ихъ стѣнами. Возводятся эти стѣны столько же противъ графовъ, сколько противъ варваровъ ⁶⁾.

¹⁾ *Sickel*, въ *Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, XLIX, 346 и сл.

²⁾ *Sickel*, 348.

³⁾ *Sickel*, 351.

⁴⁾ Loth. 11: Volumus ut de scubiis quae ad utilitatem regni nostri pertinent preceptum emunitatum impedimentum non praestet sed adiutorium.

⁵⁾ *Sickel* въ *Wiener Sitzungsber.*, XLIX, 333.

⁶⁾ Привилегія Беренгарія для Бергамо. *Mon. hist. patr.* XIII, № 410, стр. 690 *innocescentes eandem urbem Pergamum hostili quadam impugnatione devictam, unde nunc maxime se vorum Ungarorum incursione, et ingenti comitum suorumque ministrorum oppressione tenebatur, postulantes ut turres et muri ipsius civitatis rehedificentur, et studio et labore praefati episcopi suorumque concivium et ibi confugientium sub defensione ecclesiae beati Alexandri martyris in pristinum rehedificentur et deducantur.*—*ut pro imminente comitum necessitate et paganorum incursu civitas ipsa pergamensis rehedificetur, ubicumque praedicus episcopus et concives ne*

Видѣтъ съ этимъ внѣшнимъ распространеніемъ иммунитета ростеть его качественное значеніе, потому что суду епископа подчиняются уже не одни полусвободные или либелларіи, но также и свободные жители города, посколькѣ они ведутъ тяжбы между собою ¹⁾). Недостаетъ одного—полнаго устраненія графскаго суда и передачи всѣхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, вѣдѣнію епископа и его адвоката. Этого начинаютъ достигать іерархи уже въ концѣ вѣка, вслѣдствіе пріобрѣтенія епископами пфальцграфскихъ правъ ²⁾). Въ началѣ вѣка епископы пользуются только расширеніемъ области своей патримоніальной юрисдикціи и судебной-исполнительной власти.

До сихъ поръ я говорилъ только о духовныхъ лицахъ и корпораціяхъ, получившихъ иммунитетъ, но имъ пользовались также свѣтскія лица въ своихъ владѣніяхъ. На это несомнѣнно указываютъ если не грамоты, которыхъ вообще такъ мало относительно свѣтскихъ владѣній, то законы ³⁾). Впрочемъ, отъ X вѣка сохранились даже грамоты. Особенно любопытна привилегія, выданная королемъ Лотаремъ своему вассалу Варемунду, отъ 948 года. Варемундъ получаетъ право

cessarium duxerint, turres quoque et muri seu portae urbis labore et studio ipsius episcopi et concivium ibidem confugientium, sub potestate et defensione supradictae ecclesiae et praenominati episcopi suorumque successorum, perpetuis consistant temporibus; domos quoque in turribus et supra morus, ubi necesse fuerit, potestatem habeat edificandi, et vigiliae et propugnacula non minuantur; et sint sub potestate ejusdem ecclesiae beati Alexandri martiris. Districta vero omnia ipsius civitatis, quae ad regis pertinent potestatem, sub ejusdem ecclesiae tuitione, defensione et potestate praedestinamus permanere: eo videlicet ordine, ut pontifex jam dictae ecclesiae, qui pro tempore ipsi prefuerit, supradicta omnia ad jus et dominium ipsius ecclesiae habeat, teneat, possideat, disponat, vindicet atque judicet, prout omnes alias res, quae a pontificibus ejusdem ecclesiae priscis temporibus fuerint possessae ac vindicatae.

¹⁾ *Hegel*, Städteverfassung, II, 69 и сл.

²⁾ *Beihmann Holweg*, V, 204 и сл. *Fischer*, Forschungen, § 220.

³⁾ *Kar. M. 9*: Ut latrones de infra emunitate illos iudices et advocati ad comitum placita, quando eis adnunciatum fuerit, praesentent. Et si dixerint, quod illos latrones presentare non potuissent, iurare debent, quod nec illum presentare potuissent, postquam eis denuntiatum fuerit, nec pro ulla iustitia dilatanda illi latroni fugere consentissent, nec pro causa dilatationis de sua potestate vel de suo ministerio ipsum latronem iactassent; et hoc iurent ut per suam voluntatem; si possint, ipsum latronem presentare debeant ad iustitiam faciendam. Et qui hoc non fecerit, beneficium et honorem perdat. Similiter et vassus noster, si hoc non adimpleverit, beneficium et honorem perdat; et qui beneficium non habuerit, bannum nostrum solvat.—Послѣднія выраженія указываютъ на то, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ свѣтскими вассалами императора.

избирать лично себѣ посланцевъ или адвокатовъ для разрѣшенія касающихся его дѣлъ, при чемъ эти посланцы будутъ имѣть то же положеніе, какъ и королевскіе „missi“; вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлено, что онъ лично будетъ отвѣчать на судѣ не иначе какъ въ королевскомъ трибуналѣ. Въ совокупности, эти два постановленія должно понимать такимъ образомъ, что адвокатъ Варемундова иммунитета будетъ пользоваться всѣми правами королевскаго управляющаго, а самъ Варемундъ получаетъ право судиться непосредственно королемъ или его пфальц-графомъ. Затѣмъ слѣдуютъ обычныя распоряженія о замкахъ, рынкахъ и свободѣ отъ вторженія обыкновенныхъ должностныхъ лицъ ¹⁾. Если, такимъ образомъ, иммунитеты имѣли значеніе для присвоенія государственныхъ правъ не одними духовными, но и свѣтскими лицами, то необходимо замѣтить все-таки, что главное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло фактическое завладѣніе властью, ускользающее отъ юридическаго опредѣленія и не закрѣпленное грамотами. Вышее, чего добились духовныя лица при развитіи иммунитетовъ,—было приобрѣтеніе графскихъ правъ; могущественнѣйшіе изъ свѣтскихъ магнатовъ могли и не добиваться этого, потому что, въ качествѣ представителей правительства, они права эти уже имѣли. Все дѣло для нихъ состояло въ перемѣнѣ основанія, на которомъ они пользовались властью, въ преобразованіи ея изъ должности въ частное, какъ бы помѣщичье право. Фактически они добились этого уже въ X вѣкѣ, потому что передавали свои должности и титулы по наследству и держали себя весьма самостоятельно относительно ко-

¹⁾ Mon. hist. patr. XIII, № 586, стр. 1002:— —ut de suis rebus et causis atque quaerelis quemcumque voluerit advocatorem et missum, quem sibi elegerit, habeat ante cujus missi presentiam diffiniatur omnis ejus intentio et quaerimonia, tamquam ante presentiam comitis vel missi nostri percurrentis, in suis quoque proprietatibus edificare curtes et castella sua merulis et propugnaculis et cum omni bellico apparatu; legem etiam sine sua voluntate in alio loco non faciat nisi in palatio nostro, per hoc nostrum preceptum, prokt juste et legaliter possumus, tam illi quam suis heredibus licentiam concedimus. Insuper quoque si aliquid negotium in suis castellis vel villis, seu in aliis suis propriis locis factum fuerit, vel si ipse Waremundus et sui heredes aliquid mercatum in supradictis eorum propriis locis fecerunt, quicquid exinde parti publicae pertinere debetur, donamus, eidem Waremundo et suis heredibus, concedimus atque largimur, et de nostro regio jure et potestate in eorum proprium jus et potestatem transmittimus ac delegamus; eo scilicet ordine ut nullus publicus inibi aliquam potestatem habeat, omnium hominum injusta contradictione vel molestatione remota.

ролей и императоровъ; юридически же они не обратили своихъ должностей въ частную собственность даже и въ XI вѣѣ¹⁾.

Если магнаты X в., свѣтскіе и духовные, пріобрѣтали значительную и независимую политическую власть, какъ въ силу фактическаго захвата, такъ и съ помощью формальныхъ привилегій, то и болѣе мелкіе люди, имѣвшіе на своей землѣ крестьянъ и арендаторовъ, также получили свою часть политическихъ правъ въ эпоху государственнаго разложенія. Права эти были, конечно, довольно скромны, но все-таки дѣлали изъ помѣщиковъ какъ бы правителей отдѣльныхъ мѣстностей и отдавали въ ихъ руки свободное, но безземельное населеніе. Помѣщикамъ удалось распространить свою патримоніальную юрисдикцію и полицію съ рабовъ и альдіевъ на свободныхъ либелларіевъ, и при этомъ они дѣйствовали не безъ вѣдома правительства и не безъ помощи законодательства. Уже дангобардскіе короли думали воспользоваться вліяніемъ помѣщика на арендаторовъ, чтобы облегчить розыскъ и задержаніе преступниковъ²⁾. Каролингскіе государи не только удержали въ этомъ отношеніи полицейскую отвѣтственность и полицейское значеніе помѣщиковъ³⁾, но и усилили ихъ. „Людей безъ земли“, говоритъ одно постановленіе Карла Великаго, — „трудно привести къ исполненію закона; пусть же представляютъ ихъ на судъ помѣщики или пусть сами за нихъ отвѣчаютъ“⁴⁾. Правительству приходится принимать въ расчетъ то могущественное теченіе, которое заставляло людей жертвовать независимостью и собственностью, чтобы только уйдти отъ повинностей, скрыться отъ государства за покровительство крупныхъ землевладѣльцевъ: оставалась одна возможность бороться съ этимъ зломъ, оставалось взыскивать съ

¹⁾ *Bethmann-Holweg*, *Civilprocess*, V, 195.

²⁾ *Liutpr.* 68.

³⁾ *Loth.* 85: De liberis hominibus, qui super alterius terram resident et usque nunc a ministris rei publicae contra legem ad placita protrahebantur et ideo pignerabantur, constituimus, ut secundum legem patroni eorum eos ad placitum adducant. Et si quis eos contra hanc nostram auctoritatem et eorum legem pignerare aut distringere praesumpserit, patrono eorum omnia cum lege emendet et insuper pro ipsa praesumptione bannum nostrum componat.

⁴⁾ *Kar. M.* 127: Et quia sunt nonnulli, qui sine proprietatibus in regno nostro degentes iudicia comitum effugiunt atque, non habentes res aut substantiam pro quibus constringi possint, ideo malitiam exercere non cessant: de illis nobis placuit ut ipsi cum quibus manere videntur aut eos praesentent aut pro eorum malefactis rationem reddant *Cr. Kar. M.* 99.

покровителей за подначальных¹⁾. Законодательство капитуларіевъ естественнымъ образомъ настаиваетъ на тѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагало на помѣщика его вліятельное положеніе. Грамоты освѣщаютъ другую сторону дѣла, показываютъ каковы были нѣкоторые изъ правъ помѣщика относительно зависимаго населенія. Въ арендные договоры разнаго рода весьма часто заносится обѣщаніе арендатора являться на призывъ землевладѣльца и подчиняться его суду²⁾. Это обѣщаніе, не всегда ясно выраженное, получаетъ однако въ нѣкоторыхъ документахъ болѣе обстоятельное толкованіе. Впервыхъ, выясняется, что оба требованія, хотя они и выражаются иногда раздѣльно, находятся однако въ тѣсной связи: либелларій обязанъ явиться по приказанію именно для того, чтобы отвѣчать на судъ³⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо выговорено, что землевладѣлецъ не имѣетъ права стѣснять арендатора вызовами по какому либо иному поводу; въ другихъ, вызовъ на судъ допущенъ только два раза въ годъ и обусловленъ тѣмъ, чтобы дѣло происходило въ извѣстной мѣстности⁴⁾. За то было бы большимъ заблужденіемъ предполагать, что дѣло идетъ въ грамотахъ о представленіи либелларія помѣщикомъ на чужой судъ, напримѣръ, на графскій же: условіе относительно двукратнаго вызова показываетъ, что рѣчь идетъ не о графскомъ судѣ, который не можетъ быть ограниченъ такими частными договорами; впрочемъ, въ такихъ косвенныхъ указаніяхъ нѣтъ даже и надобности, потому что нѣкоторыя грамоты высказываются весьма ясно и опредѣленно. Либелларій обязанъ повиноваться приговору, какъ онъ поставленъ помѣщикомъ⁵⁾.

Договоры имѣютъ, какъ кажется, въ виду, главнымъ образомъ, граж-

¹⁾ Loth. 30: Videtur nobis, ut, quicumque liber ingeniose in servitium se alicui tradiderit, is qui eum recepit hoc quod ille qui se in servitium tradidit in publico per antiquam consuetudinem facere debuit adimpleat.

²⁾ S. Salvatore di M. Amiata, 818, августъ: a mandatis venire et iudicium nostrum audire. Cp. Capitolo di Pistoja, 954, мартъ; St. Flora et Lucilla, 963, сентябрь и т. п.

³⁾ S. Salvatore, 827, сентябрь: pro justitia facienda ad mandatis nostris reniatis et iudicio nostro adimpleatis interterritorio clusino.

⁴⁾ S. Salvatore, 863, октябрь: Duatvice in anno pro sola justitia faciendum si nos vos pro ipsa res aliquit ad plaito quesieri infra ipso comitato, nam pro nulla alia facigacione. Cp. S. Salv. 903, ноября 4-го.

⁵⁾ S. Salvatore, 853, май: et in iudicio nostro stare, si vos nobis legem iudicaveritis.

данскія дѣла ¹⁾; въ то же время они предоставляютъ помѣщику право не только рѣшать дѣло, но и приводить приговоръ въ исполненіе. Наконецъ, необходимо отмѣтить, что подлежать патримоніальному суду не только споры арендаторовъ одного и того же помѣщика, но и иски третьихъ лицъ противъ зависящихъ отъ землевладѣльца людей.

Мнѣ остается сказать о классахъ, на которые распадалось лангобардское общество IX и X вв. Я ограничусь въ данномъ случаѣ не многими по двумъ причинамъ: вопервыхъ, характеризуя землевладѣніе, государственныя повинности и т. п., мнѣ постоянно приходилось касаться вопроса о распредѣленіи общества на группы и отчасти намѣчать главныя заключенія, къ которымъ въ данномъ случаѣ приходится прійти; вовторыхъ, хотя главныя черты общественнаго движенія достаточно ясны, за то въ частностяхъ чрезвычайно много неопредѣленнаго. Недостаточность законодательныхъ памятниковъ въ IX в. и почти полное отсутствіе ихъ въ X особенно затрудняютъ при характеристикѣ общественныхъ группъ.

Въ положеніи массы зависимаго населенія въ IX и X вв. мы замѣчаемъ болѣе полное развитіе началъ, которыя опредѣлились еще до 774 года, хотя, при случаѣ, источники отличаютъ среди зависимыхъ людей лица рабскаго происхожденія, полусвободныхъ и свободныхъ либелларіевъ, тѣмъ не менѣе, всѣ эти оттѣнки, въ сущности, сливаются. Рабы въ собственномъ смыслѣ, продающіеся какъ вещь и находящіеся въ полной волѣ господина, упоминаются весьма рѣдко ²⁾. Остатки старо-лангобардскаго сословія альдіевъ, приравненнаго къ франкскимъ литамъ и къ государевымъ рабамъ ³⁾, встрѣчаются чаще. Въ большинствѣ случаевъ члены этого класса занимаютъ особое положеніе, напоминающее роль германскихъ министеріаловъ: ихъ специальнымъ назначеніемъ является носить письма и передавать приказанія ⁴⁾. На сколько сливаются однако классы несвободныхъ и полусвободныхъ, видно изъ неясности въ употребленіи терминовъ, характеризующихъ власть господина и разряды обязанныхъ. Въ одной ломбардской грамотѣ, напримѣръ, то же лицо, которое сначала названо

¹⁾ Pro ipsa res v. s.

²⁾ Memorie di Lucca, V т., 2 ч., № 163, № 873; Mon. hist. patr. XIII, №№ 83, 86, 136.

³⁾ Kar. M. 82: Aldiones vel aldiandae ea lege vivant in Italia in servitute minorum suorum, qua fiscalini vel lidi vivunt in Francia.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 419; Memorie di Lucca, IV т., 2 ч., № 86.

„dominus“, затѣмъ получаетъ названіе „senior“ ¹⁾. Въ одномъ изъ памятниковъ постоянныхъ споровъ, которые происходили между архіепископомъ миланскимъ и зависимымъ населеніемъ его имѣнія Лемонте, населеніе это названо сначала рабами, а потомъ альдіями ²⁾. Самые споры эти чрезвычайно интересны, потому что показываютъ, какъ въ земледѣльческихъ отношеніяхъ произволъ господина замѣнялся постепенно властью обязательнаго обычая и даже формальныхъ соглашеній. Лемонтскіе крестьяне въ борьбѣ съ такимъ могущественнымъ противникомъ, какъ архіепископъ Миланскій, настойчиво проводятъ идею, что они обязаны служить архіепископу только по старинѣ и не должны подчиняться произвольнымъ нововведеніямъ ³⁾. Эти люди рабскаго происхожденія въ концѣ концовъ отстаиваютъ себѣ право работать на архіепископа по добровольному соглашенію съ нимъ, а не въ силу своего личнаго положенія ⁴⁾. Если они доби-

¹⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 156.

²⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 314.

³⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 417, стр. 702. Contigit quod maxima multitudo amulorum utriusque sexus curtis Lemunte, perti nentes ad monasterium beatissimi confessoris Christi Ambrosii, ubi sacratissimum eius corpus requiescit, prefatum domnum archiepiscopum acclamando lacrimosis... adirent clementiam, dicentes quod ex parte Gaidulfi abbatis, qui iam dicto monasterio preerat, maximam paterentur superimpositam. Interrogati autem quidam multitudinis famuli, quam superimpositam paterentur, responderunt, dicentes: Supra id quod debet, censum a nobis atque navigium exquiri; animalia nostra prepositus eius Pedelbertus iniuste aufert, et olivas contra consuetudinem colligere et premere sive calcariam facere precepit; ad Clepiatis quoque, volentes nolentesque, ire et vites illic amputare contra consuetudinem iubet. Et quod peius est, multotiens nos granum flagellare et capillos nostros aufert, sicut in presenti cernitis, precipit. — — — Vere servi iam dictorum excellentissimorum imperatorum fuimus, et quia nos suis testamentis parti monasterii sancti Ambrosii contulerunt, servi eiusdem monasterii esse debere non denegamus; sed quia a parte prescriptorum imperatorum numquam aliud parentes nostri aut nos annue soliti fuimus solvere, nisi tantum denariorum libras tres cum solidis X, frumentum sextaria XII, caseum libras XXX, pullos pariter XXX, ovas CCC. Insuper olivas eiusdem curtis Lemonte cum regali dispendio colligere et premere ideo a parte monasterii vestri, cui nos prelibati imperatores suis preceptis contulerunt, aliud annue solvere non debemus, nisi tantum modo ea quae diximus.

⁴⁾ Monum. hist. patr. XIII, № 625, стр. 1070: Scimus omnes, quales inter nos fininet tempus maxime et fructus vindemie ob nostris iminentibus peccatis, quod nobis penis assidua contritione satis fallit; ideoque solitus fui secundum temporis qualitatem aliquantis vicibus nostrae curtis Lemonta famulos ibidem commanentes precare, ut secundum illorum possibilitatem de vino quod fecissent, non pro conditionem sed propter precationem juxta quod potuissent, nobis deferrent; quod ita se

ваются своего, то это служить сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ, что крестьянское населеніе, даже несвободное и полусвободное по происхожденію, значительно повысилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда на раба смотрѣли какъ на простое орудіе или животную силу въ производствѣ. Какъ уже замѣчено было въ одной изъ предыдущихъ главъ, крѣпостное держаніе IX и X вв. очень приближалось къ колонатному участку, а при повсемѣстномъ господствѣ оброчнаго хозяйства и для рабовъ должны были сложиться такія же среднія оброчныя отношенія, какъ и для мелкихъ арендаторовъ. Однако, уже и раньше приходилось указывать, что въ образованіи зависимаго земледѣльческаго населенія участвуютъ двѣ тенденціи: на сколько оброчное хозяйство и мѣстные аграрные обычаи поднимаютъ несвободныхъ и полусвободныхъ, на столько же они опутываютъ и принижаютъ свободныхъ. IX и X вв., особенно сильно содѣйствовавшіе разложенію средняго класса, привели значительную часть его въ совершенно крѣпостное состояніе.

Для характеристики какъ безнадежной борьбы мелкихъ арендаторовъ противъ землевладѣльца, (приравнивавшаго ихъ къ несвободнымъ людямъ, такъ и дѣйствительной близости этихъ состояній, интересенъ ломбардскій процессъ 901 года ¹⁾. Колоны доказываютъ, но конечно—безуспѣшно, что они имѣютъ полную личную свободу ариманновъ и исполняютъ извѣстныя обязанности исключительно за пользованіе извѣстными участками земли. Хотя источники позволяютъ намъ такимъ образомъ прослѣдить за сліяніемъ раздѣльныхъ классовъ въ общую массу зависимаго земледѣльческаго населенія, они особенно скупы на свѣдѣнія о феодальныхъ повинностяхъ личнаго свойства, которыя такъ процвѣтаютъ въ XII и даже XI вв. Мы мо-

omnes fecisse huc usque cognovimus; unde ipsi famuli timore compulsi, timentes ne hanc precationem sibi suisque parentibus pro conditione eis in usum aliquis requireret vel in posterum ex hoc pro lege ipsi requisituri aliquatenus fuissent.

¹⁾ Mon. hist. patr. XIII, № 396, стр. 664: *Et nos eis dedimus responsum, quod non aldii de nostris personis esse deberemus, nisi liberi homines arimanni et nostram proprietatem in nostram partem habere deberemus, et de liberi parentibus essemus nati. — Nam pro persona nostra nos nec parentibus nostris condicionaliter nunquam ad ipsam curtem operas fecissent neque pro reliquis rebus proprietatis nostris. Et cum iste Adelgisus advocatus perseveraret, nos pro aldiones ad ipsam curtem operas pro personis et proprietatis nostris nos et parentibus nostris fecissemus, et nos interrogati ad ipsi auditores, si nostra approbare potuissemus libertate, et nos manifesti fuimus pro nostra paupertate, libertatem nostram minime aprobare poteremus.»*

жемъ составить подробнѣйшее исчисленіе разнаго рода оброковъ и видовъ барщины, но совершенно не въ силахъ указать въ X в. antecedенты различныхъ сениоріальныхъ правъ, привязывавшихся къ самой личности зависимаго человѣка. Только объ одномъ изъ такихъ правъ мы узнаемъ изъ грамотъ нашей эпохи. Колоны освобождаются иногда отъ весьма распространеннаго, по видимому, сениоріальнаго права, до извѣстной степени соответствующаго французскому *forstagiage*; это такъ называемый *rapnaticum*, который уплачивается изъ движимости крестьянки, выходящей замужъ ¹⁾.

Менѣ всего можемъ мы сказать опредѣлительно объ организаціи той части общества, которая сохранила личную свободу и собственность. Мы не разъ должны были указывать на причины, по которымъ эта часть была весьма незначительна. Ея сословное распредѣленіе мало подвинулось впередъ въ теченіе X вѣка. Держатся еще старыя сословныя названія и правила; въ юридическомъ отношеніи, единственной новизной является проведеніе рѣзкой границы въ средѣ свободныхъ, между малоимущими людьми, которые не владѣютъ ни землею, ни движимостью на сумму полнаго вергельда, то-есть полтораста солидовъ, и состоятельными людьми, располагающими этою суммой или даже большими ²⁾. Можно говорить уже объ образованіи фактической аристократіи съ землевладѣльчески-служилымъ характеромъ ³⁾; но едва ли основательно будетъ приписывать X вѣку образованіе сословій воинскаго и городского соответственно различію рода занятій ⁴⁾. Если, въ политическомъ и землевладѣльческомъ отношеніи, X вѣкъ представляетъ уже всѣ главныя черты феодальнаго строя, то, въ отношеніи сословномъ, многое остается еще недодѣланнымъ и развивающимся.

Обозрѣвая весь ходъ изслѣдованія о происхожденіи феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи, я долженъ въ заключеніе остановить вниманіе на двухъ главныхъ результатахъ, которые сами собою складываются изъ частныхъ предыдущаго изложенія. И романскій, и германскій элементы одинаково участвуютъ въ образованіи феодальнаго порядка, но при этомъ каждый изъ нихъ играетъ свою спе-

¹⁾ S. Salvatore, 856, май: *filie femine, qui de ipsa suprascripta casa ad maritum ambolaberi badant cum scirpula sua.*

²⁾ Loth. 27, 64; Mem. di Lucca, V m., № 697; Mon. hist. patr. XIII, № 229.

³⁾ *Giesebrechti, Geschichte der Kaiserzeit, I, 131.*

⁴⁾ *Hegel, Städteverfassung, II, 95 и сл.*

ціальную роль: одинъ prepares общественное строеніе феодальной Италіи, другой создаетъ ее въ политическомъ отношеніи. Германцы, явившіеся въ Италію, уже нашли въ полномъ развитіи крупную поземельную собственность и безземельность массы населенія, нашли оброчную систему и классъ крѣпостныхъ, распадавшійся на два разряда, по происхожденію своихъ членовъ. Введеніемъ новаго матеріала они на время заравняли прежнія неравенства, но въ корнѣ изменить ихъ не могли, потому что не хотѣли и не умѣли; напротивъ, противоположности, сдерживаемыя въ Римскомъ государствѣ сильною рукою закона, у германскихъ варваровъ обострились до фактической борьбы за существованіе. Если Германцы нашли въ Италіи всѣ элементы для господства землевладѣльческой аристократіи и быстро восприняли и развили ихъ, то въ то же время они нашли могущественную и утонченно устроенную политическую власть, которую имъ было не подъ силу поддерживать. Они находились въ томъ политическомъ возрастѣ, когда народъ можетъ справиться только съ потребностями небольшого государственнаго тѣла и дѣятельно участвовать только въ простѣйшихъ формахъ государственной жизни. Отчаянная борьба съ Римлянами съ преждевременною быстротою вогнала ихъ въ крупныя государственныя формы и вызвала къ существованію сильную королевскую власть; завоеваніе римскихъ провинцій навязало имъ обширныя территоріи и множество самыхъ сложныхъ культурныхъ и общественныхъ отношеній. Завоеваніе и утвержденіе въ завоеванныхъ странахъ было въ то же время апогеемъ этого неравномернаго и непосильнаго политическаго развитія. Усѣвшись на мѣстахъ, и Франкское, и Лангобарское племя начало снова распадаться на простѣйшія политическія части, при чемъ нельзя было вернуться просто къ прежнимъ общиннымъ дѣленіямъ, а приходилось считаться съ создавшеюся, вслѣдствіе завоеванія, землевладѣльческою и должностною аристократіей.

Какъ показываетъ сравненіе съ Германіей и Англіей, наибольшее значеніе имѣлъ въ исторіи феодализаціи вкладъ Германскаго племени, при чемъ во вліяніи его сказались не какія-либо всегда присущія этнографическія свойства, а особенности историческаго возраста и положенія. Отказываясь отъ односторонне-національныхъ объясненій романистовъ и германистовъ, мы въ то же время должны признать, что такія условія, какъ разложеніе сельской общины, не имѣютъ особеннаго значенія въ исторіи лангобардской Италіи, а

видоизмѣненіе военной системы и секуляризація церковныхъ имуществъ только ускорили процессъ, а не обусловили его. Уже Гизо указалъ на великое значеніе преждевременнаго развитія политической жизни у Германцевъ и необходимо послѣдовавшаго затѣмъ паденія; политическихъ формъ: этого объясненія дѣла приходится держаться и для лангобардской Италіи.

И. Виноградовъ.

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ СИМЕОНА МЕТАФРАСТА.

Имя магистра и логогета Симеона, по прозванію Метафраста, связано съ двумя важными произведеніями византійской литературы и— съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся византійской, а отчасти южно-славянской и русской историографіи. Составленное имъ собраніе Житій Святыхъ пользовалось величайшимъ уваженіемъ не только у его соотечественниковъ, но и во многихъ другихъ странахъ. Греческая церковь осватила его трудъ своимъ признаніемъ и высшимъ одобреніемъ: она ввела составленный имъ сборникъ отчасти въ цѣломъ, еще болѣе по частямъ—въ своей ежедневной священной обиходъ, а самого автора, наиболѣе потрудившагося для прославленія святыхъ, она признала достойнымъ раздѣлять ихъ славу. Не только въ предѣлахъ Византійской имперіи, но и въ другихъ областяхъ, гдѣ раздавался еще греческій языкъ, именно въ южной Италіи, знаменитые церковные писатели XI вѣка съ восторгомъ вспоминали о составителѣ сладкихъ списаній или метафразъ. Не одинъ магистръ Симеонъ, и даже не онъ первый, трудился на этомъ поприщѣ собранія и новаго изложенія или переработки завѣщанныхъ предыдущими вѣками благочестивыхъ сказаній о мученикахъ и святыхъ подвижникахъ. Но только за нимъ однимъ наименованіе метафрастъ, то-есть, перелагатель непонятныхъ или исправитель древнихъ устарѣлыхъ текстовъ, осталось въ видѣ прозанія, что, конечно, указываетъ и на большіе размѣры, и на высшія достоинства совершенныхъ имъ трудовъ. Позднѣйшіе составители Дѣяній Святыхъ и четгій-миней, Болландисты на западѣ, у насъ Димитрій Ростовскій, пользовались, какъ источникомъ, трудами своего византійскаго предшественника.

Протестантскіе нѣмецкіе ученые богословы и первые представители церковно-исторической критики въ католической Франціи очень много, и можно сказать, вкривь и вкось разсуждали о Симеонѣ Метафрастѣ и его сочиненіяхъ, то вида въ немъ ограниченнаго, невѣжественнаго и суетвѣрнаго школьнаго учителя: такъ понимали они его титулъ магистра ¹⁾, указывающій на принадлежность къ высшимъ степенямъ византійской придворной и чиновной іерархіи, то возлагая на него одного отвѣтственность за все содержаніе — иногда, конечно, фантастическое и невѣроятное — передаваемыхъ имъ добросовѣстно вѣковыхъ, самою своею древностію почтенныхъ легендъ, то обличая его, все-таки большею частію несправедливо, въ частныхъ злонамѣренныхъ искаженіяхъ древняго преданія. Такъ иль иначе Симеонъ Метафрастъ не переставалъ пользоваться большою славою, какъ у друзей, такъ и у враговъ; вопросы, касающіеся его личности и біографіи, всегда интересовали историческую и богословскую науку. Тѣмъ не менѣе какимъ-то страннымъ образомъ было утрачено всякое сколько-нибудь опредѣлительное и точное представленіе о времени, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ: одни помѣщали его въ первой половинѣ VII вѣка и даже еще гораздо ранѣе, другіе относили ко второй половинѣ XI вѣка, и только Бароній приближался къ истинѣ, указывая на первую половину IX вѣка. Всѣ недоумѣнія, казалось, были устранены съ появленіемъ „діатрибы (разсужденія) о сочиненіяхъ Симеона“, написанной знаменитымъ бібліотекаремъ Ватиканскаго инагохранилища, Львомъ Алляціемъ (1664 г.) ²⁾. Изъ находившихся такъ близко у него подъ руками сокровищъ богатѣйшаго въ мірѣ собранія греческихъ рукописей Алляцій извлекъ и предалъ печати нѣсколько документовъ, относящихся къ вопросу о Метафрастѣ, и сообщил по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ — главнѣйшія данныя для его біографіи. Всѣ позднѣйшіе ученые ими пользовались и считали возможнымъ успокоиться на результатахъ поисковъ, сдѣланныхъ еще въ XVII вѣкѣ. Намъ кажется, что вопросъ требуетъ пересмотра, и что можно отыскать новые источники для его рѣшенія.

¹⁾ Сравни. *A. Rambaud, L'empire grec au X-me siècle* (Paris, 1870), pag. 97.

²⁾ *Leonis Allatii, de Symeonum scriptis Diatriba, Parisiis, 1664.* Документы, относящіеся къ Симеону Метафрасту, въ первый разъ изданные вполне или въ извлеченіи Алляціемъ, равно какъ и часть *діатрибы*, относящаяся къ Метафрасту, перепечатаны въ Греческой патрологіи аббата *Минья* (Patrol. graeca, t. c. XIV).

Равнымъ образомъ существуютъ и новыя побужденія для того, чтобы заняться означеннымъ вопросомъ. Въ настоящее время, особенно благодаря трудамъ нѣмецкаго ученаго Гирша, главныя и основныя моменты въ развитіи византійской историографіи разъяснены весьма удовлетворительнымъ образомъ; если остается какой пробѣлъ, спорный и темный пунктъ, то онъ касается хроники, обозначаемой опять-таки именемъ магистра и логогета Симеона. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать этого Симеона за одно лицо съ Симеономъ Метафрастомъ, былъ поставленъ давно и до послѣдняго времени рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Рѣшеніе его по нѣкоторымъ обстоятельствамъ должно было специально интересоваться русскихъ ученыхъ, такъ какъ въ хроникѣ магистра Симеона находятся не одни только общія многимъ греческимъ хронографамъ, но и свои особенныя извѣстія о Руси и Русскихъ, неясность и смутность которыхъ не помѣшаетъ, однако, изслѣдователямъ и критикамъ находить здѣсь ключъ къ окончательному рѣшенію стараго спора о начальной страницѣ русской исторіи. Хотя и безъ такой неосновательной надежды, но тоже по отношенію къ русской проблемѣ, занимался вопросомъ объ авторѣ хроники, а слѣдовательно, и о Метафрастѣ, русскій академикъ А. А. Куникъ и пришелъ къ такому заключенію, что едва ли Симеонъ Метафрастъ и Симеонъ магистръ, составитель хроники, жили въ одно время, во всякомъ случаѣ они не тождественны ¹⁾. Не всѣ согласились съ такимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ 1848 году; составитель византійской хронографіи Муральтъ и А. Рамбо, въ своемъ превосходномъ сочиненіи о Константиѣ Багрянородномъ, держались другаго взгляда; въ послѣднее время Гиршъ, въ своихъ „Византійскихъ студіяхъ“, подвергъ вопросъ новому разсмотрѣнію и съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ аргументаціи рѣшилъ его, однако, въ томъ же смыслѣ, какъ и А. А. Куникъ. Все основано главнымъ образомъ на соображеніяхъ о томъ, что Симеонъ Метафрастъ, жившій въ началѣ X столѣтія, не могъ написать хроники, составленной, какъ убѣдительно доказываетъ Гиршъ,—въ концѣ того же столѣтія, въ послѣдней его четверти. Но въ своемъ изслѣдованіи Гиршъ опустилъ

¹⁾ Статья А. А. Куника была помѣщена къ видѣ приложенія къ изданному имъ сборнику изслѣдованій *Krugs Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug. Zweiter Theil, S. 785 fol. 9.* Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь упомянуть о небольшой статьѣ, посвященной Симеону Метафрасту Филаретомъ Черниговскимъ въ третьемъ томѣ Историческаго ученія объ отцахъ церкви, стр. 387—394.

изъ виду 1) существованіе славянскихъ переводныхъ хроникъ, прямо приписываемыхъ Симеону Метафрасту, и слѣдовательно, доказывающихъ, что ту или другую хронику онъ писалъ, и 2) существованіе новыхъ данныхъ о времени жизни Симеона Метафраста, находящихся въ нѣкоторомъ противорѣчій съ тѣми, которыя были сообщены Алліціемъ, и въ явномъ противорѣчій съ основнымъ положеніемъ самого Гирша.

Не касаясь пока вопросовъ о хроникѣ, мы намѣрены подвергнуть внимательному изученію документы, относящіеся къ біографіи Метафраста.

I.

Похвала Пселла.

Мы должны начать съ похвальнаго слова, написаннаго въ честь Метафраста Михаиломъ Пселломъ, ученымъ и государственнымъ дѣятелемъ, жившимъ, какъ теперь уже нѣтъ никакихъ сомнѣній, во второй половинѣ XI вѣка. Хотя это сочиненіе сильно отзывается риторикою, но все-таки оно сообщаетъ наиболѣе свѣдѣній о не забытой тогда личности Симеона магистра.

Мы узнаемъ изъ похвалы Пселла, что Симеонъ Метафрастъ былъ уроженецъ Константинополя: если это въ началѣ было честію для рожденнаго, то впоследствии содѣйствовало увеличенію славы самаго царственнаго города.

Обнаруживъ уже въ дѣтствѣ необыкновенныя способности, Симеонъ, когда тому пришло время, сталъ посѣщать столичныя школы, и особенно посвятилъ себя изученію риторики и философіи. Онъ понималъ, объясняетъ намъ біографъ,—что если совершенство человѣческой природы выражается въ дѣятельности разума, то въ такой же степени оно проявляется и въ силѣ человѣческаго слова (языка). Между тѣмъ, какъ онъ усматривалъ, изъ прежнихъ знаменитыхъ мудрецовъ науки одни устремляли вниманіе на усовершенствованіе своего ума философіей, другіе на очищеніе своей рѣчи риторикою, примѣры же соединенія обоихъ совершенствъ представлялись крайне рѣдкими. Исключая одного или двухъ, всѣ прочіе склонялись либо на ту, либо на другую сторону; у однихъ рѣчь текла рѣкою, другихъ прославили возвышенныя мысли, и за то на оборотъ одни овазывались (сохраняемъ риторическія преувеличенія Пселла) совер-

шенно лишенными мысли, а другіе — безгласными и нѣмыми ¹⁾). Симеонъ избралъ средній путь; онъ сталъ по срединѣ обоихъ направленій, или лучше — соединилъ въ себѣ обѣ доселѣ удаленныя одна отъ другой половины. Языкъ онъ связалъ съ мыслью, мысль — съ языкомъ; посредствомъ риторики онъ придалъ философіи практической и дѣятельный характеръ, посредствомъ философіи возвысилъ риторическое искусство. Сливъ лучшія качества науки и искусства, онъ сдѣлалъ, такъ сказать, умъ благозвучнымъ и языкъ — мыслящимъ ²⁾).

Все это клонится къ тому, чтобъ указать основанія, почему Симеонъ съ одинаковымъ усердіемъ занимался риторикой и философіей, и объяснить, какъ этимъ опредѣлялось дальнѣйшее его поприще. По воззрѣніемъ Византійцевъ, и въ частности Пселла, наслѣдованнымъ, впрочемъ, изъ классической древности, риторика находилась въ родствѣ съ политикой и политической дѣятельностью, готовяла государственныхъ людей, а философія склоняла къ умозрѣнію, къ отвлеченнымъ ученымъ занятіямъ, къ удаленію отъ міра, даже къ монашеству, почему монахи назывались иногда христіанскими философами. Примиреніе въ лицѣ Симеона обоихъ направленій означало, что онъ будетъ и практическимъ мірскимъ дѣятелемъ, и ученымъ, что политическое поприще не отвлечетъ его отъ служенія высшимъ духовнымъ интересамъ.

Ученныя занятія Симеона были совершенно безкорыстны: принадлежа къ знатному и славному роду, обладая громаднымъ богатствомъ ³⁾, онъ не имѣлъ нужды искать въ наукѣ средствъ къ пропитанію, не имѣлъ побужденія обращать ее въ ремесло и усвоивать себѣ странности записныхъ философовъ; ему не за чѣмъ было жить въ бочкѣ, отпускать длинную бороду, носить мрачное выраженіе на лицѣ, а съ другой стороны — ничто его не вынуждало къ пустымъ школьнымъ упражненіямъ современныхъ риторовъ, къ изобрѣтенію лживыхъ темъ, невозможныхъ въ жизни случаевъ, и т. п. Поэтому, занимаясь наукой, онъ не мѣнялъ ни одежды, ни образа жизни, свойственнаго вельможамъ, не отказывался отъ величавой пышности, не безчестилъ рода какими-либо новшествами, не сочинялъ за деньги судебныхъ рѣчей для другихъ. Онъ пользовался своимъ богатствомъ отчасти для поддержанія достоинства и блеска своего дома, отчасти для благотворительности.

¹⁾ ὡς εἶναι τοὺτους μὲν μικροῦ δεῖν ἀγλώττους, ἐκείνους δὲ ἐρήμους νοήσεως.

²⁾ ἐμφωνον, ἰν' οὕτως εἶπω, τὸν νοῦν καὶ ἔννοον τὴν γλώτταν εἰργάσατο.

³⁾ ὅτι καὶ γένους εὐ ἔχων — βαθεῖ τε πλούτῳ κομῶν.

Своими талантами, своимъ образованіемъ, а также употребленіемъ, которое онъ дѣлалъ изъ своего богатства, Симеонъ прославился не только въ столицѣ, но и во всей имперіи, по всѣмъ городамъ. Онъ сдѣлался любимцемъ царей, ихъ довѣріе выразилось въ присвоеніи ему самыхъ почетныхъ должностей и званій; именно—за свой умъ онъ удостоился стоять вблизи (царскаго) трона, притомъ облеченъ былъ высшею правительственною должностію (τὴν πολιτείας διοίκησιν), и сверхъ того, ради особеннаго природнаго такта, кѣмъ онъ отличался, на него возлагались (отдѣльныя) важныя порученія¹⁾.

За этимъ общимъ замѣчаніемъ, въ которомъ довольно ясно различаются три стороны въ высокомъ служебномъ положеніи Симеона, слѣдуетъ нѣсколько болѣе подробное описаніе его карьеры въ хронологическомъ ея движеніи.

„Съ начала онъ завѣдывалъ тайными дѣлами и былъ участникомъ въ сокровенныхъ совѣщаніяхъ (царскихъ) совѣтниковъ. Затѣмъ, когда его вѣрность была достаточно доказана, на него были возложены вмѣстѣ съ тайными (кабинетными) и мірскія явныя заботы; именно— онъ былъ сдѣланъ довлѣдчикомъ государю отвиѣ и объявителемъ его воли внѣшнимъ; онъ былъ прямою связью правительства (соединительнымъ звеномъ въ правительственномъ механизмѣ). Солнечный кругъ отращенъ одною стороною прочь отъ насъ, другою къ намъ; и онъ былъ обращенъ въ двѣ стороны: къ царю и къ государственнымъ дѣламъ“²⁾. Но сверхъ того, разнообразныя дарованія природы дѣлали его ко всему способнымъ: онъ подавалъ совѣты, онъ же приводилъ ихъ иногда въ исполненіе, онъ принималъ мѣры къ удаленію варваровъ отъ предѣловъ Ромѣйской земли, вель съ ними войны и побуждалъ ихъ оружіемъ или хитростью.

Приведенными отрывками ограничиваются всѣ извѣстія, какія мы находимъ въ Похвалѣ относительно служебной карьеры Метафраста. Псеслъ считалъ недостойнымъ своего краснорѣчія называть вещи обыкновенными усвоенными имъ наименованіями и намѣренно избѣгалъ официальныхъ канцелярскихъ выраженій, служившихъ для обозначе-

¹⁾ Βασιλεῦσι γὰρ ἐπέραστος γεγωνός, τὰ τιμιώτατα τῶν ὄλων πιστεύεται, τὸ μὲν ἔγγυς εἶσθαι τοῦ βήματος, διὰ τὴν σύνεσιν, τὴν δὲ πολιτείας διοίκησιν διὰ τε τὴν φύσεως ἐπιτηδειότητι καὶ τὴν τῶν πραγμάτων προσλαβῶν ἐπιμέλειαν.

²⁾ Καὶ πρῶτα μὲν ταῖς μυστικωτέραις ἐφεστήκει τῶν πράξεων, καὶ τοῖς ἀπορρητοῖς κοινῶς παρειστήκει τοῖς συμβουλευούσι. Ἐπεὶ δὲ ἡ τοῦ τρόπου πίστις ἐν τοῦτοις ἐκήρυξε, μετὰ τῶν ἀδούτων καὶ τὰς κοσμικὰς φροντίδας συνειληφεν· ὡς αὐτὸν γεγενῆσθαι εἰσαγγελεῖα τε τῷ κρατοῦντι ἐξῶθεν καὶ ἐξαγγελεῖα τῶν τοῦ κρατοῦντος τοῖς ἐξῶθεν.

нія чиновъ и должностей, такъ какъ это могло бы испортить и унижить высокій слогъ, какой по риторикѣ непременно требовался для похвальной рѣчи. Вслѣдствіе того послужной списокъ Симеона Метафраста представляется для насъ нѣсколько темнымъ. Для объясненія его, не обращаясь пока къ другимъ источникамъ, мы должны прежде всего свести описательныя выраженія и перифразы Пселла къ официальной византійской терминологіи.

Завѣдываніе тайными дѣлами, съ чего, по видимому, началась государственная служба Симеона, означаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ званіе секретаря или писца, такъ какъ мистическія или таинственныя дѣла—по гречески, секретныя—по латини и секретарскія—по русски—все это одно и то же, съ тѣмъ только различіемъ, что греческое выраженіе представляетъ переводъ латинскаго *secretaria*, а обще-европейское и русское секретарь заимствовано прямо отъ латинскаго, и что у Византійцевъ секретными дѣлами считались только дѣла царскаго кабинета, и слѣдовательно, секретари могли быть только при особѣ самого монарха. Официальнымъ терминомъ для обозначенія должности или званія оставалось у Византійцевъ все-таки латинское *a secretis*, которое они передавали греческимъ написаніемъ: ἀσκηρητικὸς и ἀσκήρητικος. Писатели, которые считали нужнымъ сопровождать чуждое греческому языку слово какимъ-нибудь толкованіемъ или перифразомъ, дѣлали это обыкновенно въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какія употреблены Пселломъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ при указаніи на первую ступень служебной карьеры Метафраста ¹⁾. Нерѣдко они называютъ такого рода царскихъ секретарей, состоящихъ по тайнымъ, то-есть, кабинетнымъ царскимъ дѣламъ, просто писцами ²⁾, но среди этихъ писцовъ выдался и отличался

¹⁾ Диаконъ Игнатій въ жизнеописаніи патріарха Никифора (*Nicophori oruscula historica ed. de Boor, Lipsiae 1880, pag. 144*) пишетъ: ἡρέθη γὰρ ὑπογραφεὺς τοῖς τῶν κρατούντων μυστηρίοις ὑπηρετούμενος, οὕτω γὰρ παρὰ τῇ Αὐσονίδι διαλέκτῳ τὸ Ἀσκηρητικὸς ὄνομα, ὃ ἐπὶ μυστηρίων μεθερμηνεύεσθαι βούλεται. Онъ жевъ житіи патріарха Тарасія (греческій неизданный текстъ находится въ *cod. Paris. № 1451*) говорить, что тотъ до своего избранія былъ прѣто: ὑπογραφεὺς τῶν βασιλικῶν μυστηρίων, а мы знаемъ даже по спискамъ патріарховъ, что Тарасій былъ ἀσκηρητικὸς (см. у *de Boor pag. 120*). О томъ же Тарасіѣ до патріаршества въ житіи Георгія Амастридекаго (греческій текстъ въ копіи съ [Парижской рукописи находится въ С.-Петербургской академіи наукъ), говорится, какъ о лицѣ: ἐν τῷ τάγματι τῷ μυστικῇ ἐπιτελοῦντι βασιλικὴν χρῆσιν κατελεγεμένον, ὅπερ Ἀσκηρητικὸς τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ προσαγορεύεται.

²⁾ *Nicophori Breviar. de Boor, pag. 49*: γ ρ α μ α τ ε α οὖς τῇ Ἰταλῶν φωνῇ καλεοῖαι ἀσκηρητικὸς κ τ δ.

одинъ, имѣвшій уже высокое положеніе въ іерархіи и значеніе нашего статсъ-секретаря; онъ назывался протасекретомъ, то-есть, первымъ секретаремъ, вмѣстѣ съ другими сановниками участвовали въ царскомъ синклитѣ или совѣтѣ, занималъ опредѣленное мѣсто въ сонмѣ чиновъ, окружавшихъ тронъ императора при всякихъ торжественныхъ и церемоніальныхъ его появленіяхъ, стоя иногда при этомъ впереди простыхъ секретарей, какъ бы предводительствуя ими, и наконецъ, согласно съ своимъ названіемъ онъ въ извѣстныхъ случаяхъ былъ орудіемъ возвѣщенія царской воли—составлялъ, редактировалъ и скрѣплялъ царскія законодательныя постановленія ¹⁾). Званіе протасекрета доставалась обыкновенно людямъ знатнымъ и высокаго образованія; три знаменитые Константинопольскіе патриарха, Фотій, Тарасій и Никифоръ, возведены были на высшій постъ церковнаго учительства изъ протасекретовъ. На основаніи словъ Пселла о близости Симеона къ царскому трону и объ участіи его въ совѣщаніяхъ и сокровенныхъ дѣлахъ — слѣдуетъ уже догадываться, что Метафрастъ носилъ званіе протасекрета, кабинетнаго или государственнаго секретаря, хотя это не исключаетъ возможности думать, что еще ранѣе того онъ былъ простымъ секретаремъ, но что Пселлъ не считалъ нужнымъ сдѣлать на то указаніе или намекъ.

Болѣе опредѣленнымъ признакомъ правительственной должности, въ которую Метафрастъ былъ произведенъ изъ секретарей, слѣдуетъ считать то, что она соединена была съ обязанностію докладывать царю о текущихъ дѣлахъ и съ почетнымъ правомъ быть его посредникомъ при объявленіи его воли подданнымъ. Въ византійской іерархіи было два сановника, которымъ могла принадлежать эта почетная функція. Хотя государственное устройство Діоклетіана и Константина, послужившее основаніемъ всей позднѣйшей правительственной византійской системы, не сохранилось во всей своей чистотѣ до временъ Метафраста, въ какомъ бы отдѣлѣ X вѣка мы его ни помѣщали, все-таки еще въ періодъ изданія византійскаго свода, называемаго Василиками, и вообще при Македонской династіи — продолжала существовать должность государственнаго квестора (*quaestor sacri palatii*), призваннаго служить главнымъ органомъ провозглашенія царской воли ²⁾). Однако, существуютъ явные признаки, что эта долж-

¹⁾ Constant. Porphyrog. de cerimon., pagg. 551, 718, 728, 729, 731.

²⁾ Liber VI Basilicor. tit. 6 § 1 (ed. *Heimbach*, tom. I, 175) κοινίστωρες — ἀναγινώσκουσι: δὲ τὰς βασιλέων βίβλους καὶ βουλεύονται ἐν τῇ συγκλήτῳ καὶ τὰς βασι-

ность уже начинала въ означенный періодъ утрачивать свое первоначальное значеніе, и что ея функціи переходили на нѣсколько низшія должности другаго происхожденія и характера. Съ квесторомъ во многихъ отношеніяхъ конкурируетъ такъ-называемый логоетъ дрома, что буквально значитъ счетчикъ (казначей) государственной почты (*rationalis curzus publici*): несомнѣнно, что таковъ именно и былъ первоначальный кругъ его вѣдомства. Съ завѣдываніемъ почтою, которая по римскому образцу продолжала существовать единственно для государственныхъ и царскихъ потребностей, довольно естественнымъ образомъ соединялось отправленіе и приѣмъ всякаго рода гонцевъ и вѣстниковъ, отбывающихъ или прибывающихъ по казенной дорогѣ, приѣмъ иностранныхъ пословъ, а слѣдовательно, и дипломатическія сношенія съ ними ¹⁾. Сановникъ, совмѣщавшій въ себѣ министра почты и иностранныхъ дѣлъ, необходимо долженъ былъ получить свой докладъ у царя; логоетъ дрома его имѣлъ, и не только по дѣламъ своего вѣдомства, но вообще по государственнымъ дѣламъ. Патриархъ Никифоръ въ своей хроникѣ прямо говоритъ, что сановникъ, вносившій царю доклады о государственныхъ дѣлахъ, былъ логоетъ дрома ²⁾. Несомнѣнно, что и Пселль, называя Симеона докладчикомъ предъ царемъ извнѣ и возвѣстителемъ его повелѣній внѣшнимъ, — разумѣеть не одни только иностранныя дѣла, но вообще государственныйя дѣла. А что Симеонъ Метафрастъ былъ именно логоетомъ дрома, и что эту именно должность его имѣлъ въ виду Пселль, на то мы встрѣтимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ясныя подтвержденія.

Къ описанію чиновнаго поприща, пройденнаго Метафрастомъ, Пселль прибавляетъ нѣсколько словъ, характеризующихъ его героя не только какъ сановника, но и какъ человѣка. Онъ всегда и вездѣ умѣлъ приноровляться ко времени и обстоятельствамъ, былъ измѣнчивъ, гибокъ, когда нужно, не боялся новизны, когда это было по-

λικὰς ἀναγινώσκουσι κελεύσεις. Ср. Zosim. pag. Σαλοῦιος ὁ τὰ βασιλεῖ δοκοῦντα τεταγμένος ὑπαγορεύειν, ὃν Κοισίτωρα καλεῖν οἱ ἀπὸ Κωνσταντίου δεδωκασί χρόνοι.

¹⁾ Въ роли министра иностранныхъ дѣлъ онъ является и въ описаніи придворнаго церемоніала у Константина Багрянороднаго; такъ онъ спрашиваетъ по слову о здоровьѣ и пр.

²⁾ Nicéph. Breviâr. ed. de Boor, Lipsiae, 1880, pag. 74: Ἀντίοχος ὁ τῶν δημοσίων πραγμάτων τὰς ὑπομνήσεις αὐτῷ (τῷ βασιλεῖ) διακομιζῶν (λογοθέτην δὲ τοῦ δρόμου τὴν ἀξίαν οἱ περὶ τὰ βασιλεῖα καλοῦσιν.

лезно, стоялъ за старинный обычай, когда это было удобно ¹⁾. Его приемы отличались граціей, его рѣчь—изящною шуткой, на его лицѣ была улыбка ²⁾. Роскошная одежда, величавый видъ и поступъ не мѣшали ему быть для всѣхъ доступнымъ, приятнымъ въ обращеніи; своею улыбкой онъ привлекалъ всѣхъ ³⁾. Руки его оставались по прежнему для всѣхъ открытыми, такъ какъ природное расположеніе дѣлало его щедрымъ, а наслѣдственное богатство давало къ тому средства.

Дополненіемъ къ сообщеніямъ Пселла можетъ служить переписка Симеона Логовета, сохранившаяся (или только изданная) въ очень небольшомъ объемѣ (всего восемь писемъ). Пять писемъ, адресованныхъ епископу Лаодикійскому, не названному по имени, писаны именно тогда, когда авторъ занималъ важный постъ на государственной службѣ. Мы воспользуемся для ихъ характеристики словами того изъ новыхъ ученыхъ, на вкусъ котораго въ данномъ случаѣ вполне можно положиться ⁴⁾. Письма Симеона Метафраста исполнены того утонченнаго остроумія, той изысканности—можетъ быть нѣсколько педантичной, которую любили Итальянцы и Греки среднихъ вѣковъ. Ни въ одномъ изъ писемъ, которыя мы отъ него имѣемъ, нѣтъ ничего такого, что могло бы послужить достойнымъ побужденіемъ взяться за перо. Они большею частію посвящены извиненіямъ, почему авторъ не довольно часто пишетъ, или упрекамъ такого же рода въ отношеніи къ корреспонденту. Серіозной основы нѣтъ; но авторъ достигъ совершенства въ искусствѣ говорить эти пустяки, казавшіеся очаровательными людямъ его эпохи. Приводимъ образцы ⁵⁾:

„Я получилъ это изящное и милое письмо“, отвѣчаетъ Симеонъ на посланіе Лаодикійскаго епископа,—„ясное изображеніе твоей прекрасной и нѣжной души. По правдѣ, ты вложилъ въ него свой честный нравъ и свою кротость; отъ него вѣяло медовымъ ароматомъ и сладостью рѣчей, льющихъ съ губъ твоихъ. Мнѣ казалось, вотъ ты на яву бесѣдуешь со мною—съ этою тебѣ обычною чинностью, кото-

¹⁾ *Migne*, *Patrol. Graeca*, CXIV, 180.

²⁾ Καὶ ἐπὶ τούτοις οὐδὲ χάριτος ἄμοιρος ὁ ἀνὴρ, ἀλλὰ κατήρτυτο αὐτῷ πρὸς πᾶσαν σπουδὴν μετ' ἐμμελοῦς παιδείας καὶ ἡ γλώττα καὶ ἡ διάνοια.

Ἐλκων πάντας τῷ μειδίᾳματι.

⁴⁾ См. *Rambaud*, *L'empire grec au dixième siècle*, pag. 99.

⁵⁾ Письма, изданные въ первый разъ *Аллагіемъ*, перепечатаны въ *Патрология Минья*, т. CXIV, pag. 228 и сл.

рая смягчается примѣсю граціи. Только ты умѣешь такъ сливать эти два качества и проникать въ души какимъ-то тайнымъ жаломъ нѣжности. Когда я перечитывалъ твое письмо, я говорилъ себѣ: во сколько же, однако, разъ сильнѣе эта цѣломудренная грація, чѣмъ всякая иная, лишенная такого качества! Зачѣмъ придаютъ такое большое значеніе дѣйствию того пресловутаго пояса, въ которомъ заключались склонность съ пожеланіемъ и—кое-что иное болѣе постыдное! Еще не важно, если его очарованію поддавался самъ Зевсъ, очень ко всему такому склонный. Но твое письмо—во сколько разъ богаче оно всяческими пріятностями, могущими покорить даже самую цѣломудренную душу. Говоря это самъ себѣ, я ублажалъ (прославлялъ) тебя за твой языкъ — не такъ риторически и замысловато, какъ ты дѣлаешь по отношенію ко мнѣ. Ты зналъ, что мой языкъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего хорошаго, и если ты разсудилъ за благо воздать ему хвалу, то ради того только, что имъ пользуется для рѣчей самъ великій царь нашъ ¹⁾. Но, вѣдь, однажды избравъ себѣ руководительницей философію и возлюбивъ простоту болѣе, сколько я знаю, чѣмъ кто-либо другой изъ царей, онъ можетъ довольствоваться и такимъ языкомъ, въ которомъ нѣтъ ничего изящнаго, нѣтъ ничего изысканнаго, какъ ты самъ сказалъ. Сосудъ для нагрѣванія я принялъ не столько ради употребленія, сколько для того, чтобъ этотъ подарокъ былъ приличнымъ напоминаніемъ о твоей дружбѣ мнѣ, твоему горячему почитателю“.

Вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ письма, адресованнаго тому же лицу:

„Я прочиталъ со вниманіемъ посланіе твоего боголюбія и узнаю, ты сокрушаешься тѣмъ, что не получаешь отвѣтовъ на твои письма: вотъ мое оправданіе, которое постоятъ за себя и весьма соотвѣтствуетъ истинѣ. Не забвеніе о тебѣ — причина молчанія, какъ тебѣ подумалось; не потому, что мы слишкомъ бы мало тебя цѣнили, рука наша сдѣлалась менѣе дѣятельною на письмо, но неумолимая настоятельность общественныхъ дѣлъ и то, что мы непрерывно были заняты заботами о нихъ,—вотъ что мѣшало языку и рукѣ отвѣчать на

¹⁾ ἐμακάριζόν σε τῆς γλώττης, οὐχ οὕτως ὡσπερ σὺ τὴν ἐμὴν ῥητορικῶς καὶ εὐτέχνως, ἢν ἐπαὶ μηδὲν ἐγνωσ ἀφ' ἑαυτῆς ἔχουσαν, ἀπὸ τοῦ κευχθῆσθαι τῷ μεγαλῷ Βασιλεῖ πρὸς λόγους, ἔκριναι, ἐπαινεῖν, οὗτος δὲ ἀπαξ φιλοσοφεῖν ἐλόμενος καὶ λιτότητα, ὡς οὐκ οἶδ' ἄλλος τις βασιλεὺς, ἡγαπηκῶς, ἀνέχεται καὶ ταύτης δὴ πάντως τῆς γλώττης и т. д.

твой письма ¹⁾). Но то, что удерживаетъ языкъ и руку, никакъ не мѣшаетъ душѣ помнить знакомыхъ. Писать можетъ и тотъ, кто не любитъ; помнить и держать въ душѣ можетъ только тотъ, кто искренней расположенъ ²⁾.

Извѣстны также разные стихотворные опыты, надписанные именемъ господина Симеона, логовѣта дрома. Одно изъ нихъ посвящено Стилиану протасекрету; отсюда видно, что Стилианъ былъ товарищемъ и помощникомъ Симеона, дѣлившимъ его труды и заботы ³⁾. Такъ какъ стихотвореніе оплакиваетъ смерть протасекрета Стилиана, то очевидно, здѣсь нельзя разумѣть того Стилиана, который игралъ чрезвычайно важную роль въ царствованіе Льва Мудраго (886—912 гг.), женатаго на его дочери, и достигъ гораздо болѣе звучныхъ титуловъ, чѣмъ протасекретъ. Онъ именовался василеопаторомъ, царскимъ отцемъ ⁴⁾.

Главною заслугою логовѣта Симеона, его великимъ подвигомъ, который собственно и вызвалъ похвальную рѣчь Иселла, была его дѣятельность по изданію и переработкѣ Житій Святыхъ. Для насъ будетъ очень полезно ближе познакомиться со взглядомъ на это дѣло

¹⁾ ἀλλ' ἡ τῶν δημοσίων ἀπαιράτῃτος ἀσχολία, καὶ τὸ διηγεκῶς ἡμᾶς ἀπειλῆσθαι τῇ περὶ ταῦτα φροντίδι, τοῦτο καὶ γλώτταν εἶργει καὶ χεῖρα τὰ παρ' ὀμῶν ἀμείβεσθαι γράμματα.

²⁾ Приводимъ еще одно письмо въ прекрасномъ переводѣ г. Рамбо, дающемъ, можетъ быть, наилучшее представленіе о подлинникѣ. Письмо было отправлено Никитѣ, митрополиту Смирнскому и занимаетъ второе мѣсто въ собраніи *Алліа* (*Migne, Patrol. Graeca, CXIV, 228*): «Bien que ta lettre soit un peu dure pour celui que tu accuses, celui qui sait la deguster sent très-bien la douceur qui est en elle, et le miel de l' âme qui y est mêlé. Et il me semble que celui qui est en butte à des invectives si gracieuses doit s'imaginer non pas recevoir des injures, mais être couvert des roses. Les roses ont beau être hérissées d'épines; elles n'en ont pas moins d'attrait pour ceux qui sont amoureux de leur éclat. Elles n'en sont que plus désirables et plus charmantes. C'est comme ce suave bois des Indes, la cinnamome, qui mord le palais, mais en même temps irrite et éveille le désir. L'amour lui-même, ne dit-on pas qu'il aime à lancer des traits, et qu' il ne donne jamais de plaisir sans douleur?» etc.

³⁾ *Migne, Patrol. gr., CXIV, 133*: Εἰς τὸν κύριον Στυλιανὸν τὸν πρωτοσηκρήτιν... pag. 136:

Κόπων βοηθῆ, συμμέριστα φροντίδων
Κοινωνῆ πάντων...

⁴⁾ Ошибку, противъ которой мы предостерегаемъ, сдѣлалъ А. Рамбо. См. *L'empire grec, pag. 100*: au fameux Stylianos, alors πρωτοσηκρήτης et destiné à être une sorte de beau-père de Leon VI et son premier conseiller.

такого авторитетнаго судьи и знатока, какимъ былъ Пселлъ, тѣмъ болѣе, что его характеристика представляетъ единственный надежный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть правильныя свѣдѣнія о направленіи и цѣли всей работы, о ея результатахъ, а также получить сколько-нибудь надежный критерій для отличенія передѣлокъ Метафраста отъ другихъ однородныхъ произведеній болѣе древнихъ и позднѣйшихъ.

Вотъ чтò сообщаетъ намъ похвала Пселла:

Существовавшія до Симеона описанія дѣяній святыхъ и мучениковъ совсѣмъ не соответствовали по исполненію высотъ своей задачи и благородству содержанія; не говоря уже о томъ, что въ нихъ было много лживаго, невѣрнаго, они были написаны въ стилѣ слишкомъ простомъ и грубомъ, такъ что болѣе изысканный вкусъ современниковъ Симеона и болѣе утонченный слухъ не могли спокойно выносить чтенія такихъ твореній; доходило до того, что въ мѣсто умиленія они возбуждали смѣхъ ¹⁾. „Всѣ совершенно ясно сознавали и порицали недостатки этихъ произведеній, но замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучшимъ—у однихъ не было силъ, хотя и было желаніе, у другихъ не было охоты, хотя и были силы; одни не могли стряхнуть съ себя душевную вялость, другимъ дѣло казалось слишкомъ важнымъ и сложнымъ, такъ что на него, пожалуй, не стало бы и цѣлой жизни человѣческой. Но чудный Симеонъ не остановился на однихъ неопредѣленныхъ порывахъ; не отставая отъ другихъ въ выраженіи порицанія написанному, онъ пошелъ дальше ихъ и рѣшился на смѣлое предпріятіе, или лучше сказать, принялъ на себя счастливую задачу, въ которой всякій другой потерпѣлъ бы неудачу, но которая сдѣлала его повсюду славнымъ посреди самыхъ избранныхъ“ ²⁾.

Довольно ясно и отчетливо Пселлъ описываетъ внѣшній ходъ работы: „Говорятъ, что онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не по собственному побужденію; его привели въ нему увѣщанія царскія и побужденія со стороны тѣхъ, кому не чужды были попеченія о разумѣ и словѣ. Всѣ нужныя приготовленія были сдѣланы; вокругъ него было сгруппировано достаточное количество помощниковъ: одни изъ нихъ записывали подъ его диктовку первоначальный текстъ, за-

¹⁾ Ἐυθεντοί οἱ μὲν οὐδὲ φιλῆν ἐχατέρου τὴν τῶν ὑπομνηματισθέντων ἀνάγνωσιν, τοῖς δὲ καὶ γέλωτος ἀφορμὴ τὰ λεγόμενα ἐγνωρίζετο.

²⁾ Καὶ θαρρεῖ τι πρᾶγμα νεανικόν, μᾶλλον δὲ εὐτοχῆ πρᾶξιν, ἣν οὐδαὶς τῶν πάντων εὐτετόχηκε.

тѣмъ другіе переписывали продиктованное (каллиграфически), при чемъ иногда мѣнялись ролями; тотъ, что прежде писалъ подъ диктовку, въ другой разъ бралъ на себя обязанность переписчика (каллиграфа). Сверхъ того, были справщики, просматривавшіе написанное и по требованію смысла выправлявшіе ошибки, пропущенныя переписчиками. Самъ Симеонъ, вслѣдствіе громаднаго количества сочиненій (подлежащихъ пересмотру), не имѣлъ возможности нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же предмету (житію, сказанію) и вновь пересматривать свое изложеніе¹⁾.

Уже во время Пселла существовали сомнѣнія относительно достоинствъ труда, совершеннаго подъ руководствомъ Симеона; однако упреки, которыя тогда были высказываемы, не имѣютъ ничего общаго съ тяжкими обвиненіями въ намѣренной лжи, произвольныхъ искаженій, въ безстыдныхъ поддѣлкахъ, вообще съ обвиненіями, взводимыми на византійскаго сановника со стороны протестантскихъ ученыхъ XVI вѣка и со стороны представителей французской критической школы XVII столѣтія (Тильмонъ и др.). Напротивъ, Пселлъ свидѣтельствуетъ, что въ своей передѣлкѣ Симеонъ не касался самаго содержанія подлинниковъ, смотрѣлъ на древнѣйшія прозведенія, какъ на первообразы, отъ которыхъ онъ не долженъ былъ отступать, дабы не показалось, что онъ создаетъ нѣчто другое новое помимо подлежащаго образца; онъ передѣлывалъ внѣшній видъ сочиненія, не измѣняя его матеріи (τὴν ὕλην) и состава, а только исправляя недостатки рѣчи; онъ не вводилъ новыхъ мыслей, но только измѣнял ихъ способъ выраженія, то-есть, стиль и характеръ изложенія²⁾. Однимъ словомъ, это была только новая редакція старыхъ памятниковъ, главною задачею которой было подновленіе языка и слога, то, что Греки называли метафразомъ или перифразомъ. Большихъ дополненій или вставокъ нельзя было ожидать уже по внѣшнему ходу работы; Симеонъ даже не писалъ заново своихъ статей, а диктовалъ со старыми подлинниками въ рукахъ, сдѣлавъ, все-таки нужно думать, нѣкоторыя предварительныя въ нихъ замѣтки о томъ, что подлежало опущенію, и что исправленію. Такъ какъ въ виду имѣлось составить цѣльный однородный сборникъ, то уже на этомъ основаніи подлежало исключенію многое изъ того, что было и

¹⁾ *Migne, Patrol. graeca, XIV, 197: Βασίλειος δὲ τοῦτον παραλήψεις ἐπὶ τοῦτο προύνευχαν* и т. д.

²⁾ *Ibid., pag. 196: ὡς πρὸς ἀρχέτυπα δὲ τὰ ἀρχαιότερα τῶν πραγμάτων ἐνατενίζων, ἐκείνων μὲν οὐκ ἀφίσταται* и т. д.

считалось украшеніемъ отдѣльныхъ житій въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ. Не зачѣмъ было удерживать при отдѣльныхъ сказаніяхъ длинныя вступленія, часто весьма схожія по содержанію. Значительное количество подлежащихъ пересмотру житій написано было въ формѣ торжественныхъ похвальныхъ рѣчей, что, кромѣ достаточно длиннаго вступленія, непременно требовало патетическаго заключенія и разныхъ другихъ украшеній по срединѣ, состоявшихъ большею частью изъ общихъ мѣстъ, риторическихъ сравненій и уподобленій. Все это само собою отпадало; оставалась одна повѣствовательная часть. Но и въ повѣствовательной части многое могло быть сокращено безъ ущерба для главной цѣли сборника. Посмертныя чудеса, необходимыя въ первоначальныхъ сказаніяхъ, какъ доказательство прославленія святаго на небѣ и какъ основаніе для его, такъ сказать, канонизаціи на землѣ, утрачивали свою важность и отступали на второй планъ въ жизнеописаніи, относящемся уже къ общепризнанному и прославленному долгимъ чествованіемъ святому; и вотъ въ несомнѣнно Метафрастовыхъ редакціяхъ или совсѣмъ опускаются, или же сильно сокращаются повѣствованія о сверхъестественныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ почившими праведниками послѣ ихъ кончины. Наконецъ, нужно признать, что мірская наука, свѣтское настроеніе и образъ мыслей, высокій государственный постъ и соединенная съ нимъ необходимость болѣе широкаго кругозора наблюденій и мысли не остались безъ вниманія на обращеніе магистра и логовѣта съ подлежащимъ пересмотру матеріаломъ. Настроеніе его осталось, конечно, благочестивымъ и набожнымъ; но онъ уже чуждъ былъ того мистическаго одушевленія и той аскетической ревности, которыя одушевляли многихъ первоначальныхъ писателей житій, выходившихъ изъ среды монашества и духовенства. Не всѣ чудеса ему одинаково нравились; уродливое, странное и слишкомъ фантастичное возбуждало въ немъ недоувѣріе; онъ устранялъ, вычеркивалъ то, противъ чего возставала его разсудительность, чѣмъ возмущался его все-таки болѣе развитой и тонкой вкусъ. Житіе, переработанное Метафрастомъ, вслѣдствіе того становилось иногда болѣе правдоподобнымъ и естественнымъ, болѣе согласнымъ съ природою вещей и человѣческимъ разсудкомъ, чѣмъ иной первоначальный образецъ, наполненный страшными, безобразными бѣсовскими явленіями и поминутными отступленіями отъ всякихъ законовъ естества. Только одно недоразумѣніе было причиной ожесточенія, съ какимъ прежде нападали на Метафраста именно съ рационалистической точки зрѣнія, предъ которою

онъ всего менѣе лично виновенъ. Если кто имѣеть право жаловаться на его—въ другихъ отношеніяхъ—разумныя сокращенія и поправки, то развѣ только историкъ, знающій, что сочиненіе, написанное съ самаго начала подъ вліяніемъ возбужденной фантазіи и мистической экзальтаци, не пріобрѣтаетъ большей фактической достовѣрности вслѣдствіе позднѣйшихъ прозаическихъ и умныхъ поправокъ, а только теряетъ свой настоящій оригинальный характеръ, въ которомъ выражались, можетъ быть, настроеніе и духъ цѣлой эпохи, утрачиваетъ многія и дорогія частныя черты быта и нравовъ. Симеонъ Метафрастъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду назиданіе, почерпаемое изъ знакомства съ жизнью и дѣлами праведныхъ мужей. И вотъ мы отъ Пселла узнаемъ, что именно это ограниченіе каждаго жизнеописанія однимъ простымъ назидательнымъ разказомъ о подвигахъ или страданіяхъ святаго не нравилось позднѣйшимъ взыскательнымъ риторамъ. Они предъявляли требованія съ нашей точки зрѣнія довольно странныя. Они жаловались на то, что въ новомъ сборникѣ они не находятъ высокихъ философскихъ мыслей, выраженныхъ высокими словами, не находятъ разсужденій о разнаго рода научныхъ проблемахъ, относящихся къ математикѣ и физикѣ; имъ нужно было, чтобъ и тутъ ставились и рѣшались такого рода вопросы посредствомъ даже геометрическихъ фигуръ и математической терминологіи. На это дѣйствительно была мода во второй половинѣ XI вѣка, и самъ Пселлъ, въ удовлетвореніе ей, написалъ очень любопытное сочиненіе—въ вопросахъ и отвѣтахъ—по части естественныхъ наукъ; но довольно странно было такія же требованія предъявлять къ сборнику житій святыхъ.

Относительно изложенія въ упрекъ Метафрасту ставилось однообразіе стиля; въ его сборникѣ не замѣчалось приличнаго смѣшенія разныхъ родовъ рѣчи, то-есть, не было элементовъ ораторскаго и патетическаго, не было достаточно троповъ и фигуръ. Отвѣчая на эти упреки, Пселлъ пишетъ, что Симеонъ Метафрастъ владѣлъ всякою формой изложенія, но намѣренно избралъ такую, которая могла бы одинаково дѣйствовать на слухъ, какъ ученыхъ людей, такъ и толпы. И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Пселлъ,—онъ успѣлъ удовлетворить обѣимъ сторонамъ. Плавностію (ритмомъ) и красотою рѣчи онъ привлекаетъ избраннаго слушателя и достаточно очаровываетъ его приманками граціи; ясностію и простодушіемъ ея онъ привлекаетъ и простой необразованный слухъ; краткостію же и достовѣрностію онъ дѣйствуетъ на обоихъ, на ученаго и на простаго. Я не скрою, говоритъ Пселлъ,—что

существуютъ способы Изложенія болѣе изящныя; можно указать много произведеній болѣе совершенныхъ съ точки зрѣнія риторическаго искусства, но я не знаю другаго писателя, стиль котораго такъ хорошо былъ бы приспособленъ къ избранному предмету. Если бы взялся за эту задачу одинъ изъ тѣхъ, которые достигли наибольшаго мастерства въ изложеніи, то конечно, онъ могъ бы создать рѣчь болѣе отдѣланную и художественную, но не думаю, чтобы болѣе доступную и пригодную для всѣхъ слушателей. Вступленіе у него близко касается главнаго содержанія; не заходя далеко, онъ сейчасъ же объясняетъ свою цѣль, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ (житіяхъ)—и все дальнѣйшее содержаніе своей рѣчи, указавъ на ея раздѣлы (*divisio*)“ и т. д.

Наконецъ, Пселль находитъ, что изложеніе Метафраста совсѣмъ не лишено и тѣхъ качествъ, которыя особенно цѣнились современными ему риториками. Отчасти оно удовлетворяетъ даже запросамъ естествонаучнымъ: Метафрастъ иногда сообщаетъ кое-что о рѣкахъ и разсуждаетъ объ ихъ истокахъ (по терминологіи Пселла это есть физиологія), говоритъ о климатѣ (раствореніи воздухѣ) и благопріятномъ мѣстоположеніи городовъ, о гармоніи временъ года. Тонъ его рѣчи тоже не всегда одинъ и тотъ же; иногда онъ бываетъ болѣе одушевленъ, а иногда болѣе кротокъ. Всегда приличный и чинный, слогъ автора возвышается по временамъ до изысканнаго изящества. Два главные сюжета приходилось изображать Симеону—энтузіазмъ мучениковъ и аскетическое терпѣніе подвижниковъ: ни тотъ, ни другой предметъ не былъ выше его искусства; но все-таки Метафрастъ былъ сильнѣе въ изображеніяхъ жизни святыхъ подвижниковъ, анахоретовъ и пустынниковъ. Когда рѣчь его вслѣдъ за ними поднимается въ горы или спускается въ пещеры, она становится болѣе одушевленною и звучною. Онъ живо изображаетъ намъ подвижника, сидящаго подъ дубомъ или сосною, показываетъ—какою пищею, какими растеніями онъ питался, изъ какихъ источниковъ онъ бралъ воду для питья. Для такихъ разбазовъ у него находятся счастливыя выраженія, которыя разцвѣчиваютъ его рѣчь, сообщаютъ ей живыя и разнообразныя краски. Можно позавидовать, кончаетъ свою литературную характеристику Пселль,—легкости и пріятности его языка, еще болѣе — хорошему выбору сюжетовъ. Я самъ пишу, пишу много и о многомъ, но едва ли мои сочиненія возбуждаютъ такую ревность и подражаніе: ученые люди, можетъ быть, и станутъ считать ихъ достойными вниманія, даже будутъ подражать имъ ради

ихъ слога; но за то толпа будетъ всегда пренебрегать ими, такъ какъ она не заботится о болѣе глубокихъ проблемахъ и мысляхъ ¹⁾).

Пселлъ говорить о назидательной и благочестивой кончинѣ Метафраста въ такихъ выраженіяхъ, которыя какъ будто заставляютъ думать, что въ его время были еще въ живыхъ ея свидѣтели и очевидцы ²⁾. Это привело бы насъ къ тому заключенію, что Метафрастъ скончался — наибольшее за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ до составленія ему похвалы знаменитымъ византійскимъ литераторомъ слѣдующаго поколѣнія, то-есть, приблизительно около 990—1000 года, такъ какъ литературная дѣятельность Пселла сдѣлалась сколько-нибудь значительною не ранѣе 1050 года. Мы должны заключить свои извлеченія изъ его похвальной рѣчи Метафрасту сожалѣніемъ, что онъ не былъ яснѣе и точнѣе въ своихъ хронологическихъ намекахъ и указаніяхъ, что онъ не назвалъ намъ по имени ни того царя, при которомъ Симеонъ началъ свое служебное мірское поприще, ни того государя, который покровительствовалъ его большому и важному для церкви и общества труду агіологическому.

Косвенное указаніе по крайней мѣрѣ на первый моментъ, то-есть, начало служебнаго поприща, находятъ въ другомъ небольшомъ сочиненіи Пселла, именно въ канонѣ или службѣ въ честь святаго Симеона Метафраста, ибо, какъ уже сказано въ началѣ, писатель, столь много содѣйствовавшій прославленію святыхъ, самъ былъ сопчисленъ къ ихъ лику ³⁾. Канонъ есть совокупность короткихъ поэтически изложенныхъ гимновъ въ честь святаго. Въ такого рода произведеніи трудно было бы помѣстить точныя біографическія сообщенія о мірскомъ поприщѣ прославляемаго; но за то въ немъ возможны намеки на то, что предполагается болѣе или менѣе извѣстнымъ. Въ канонѣ Пселла, посвященномъ Метафрасту, мы встрѣчаемъ указанія на его высокое служебное положеніе: онъ

¹⁾ Εἰ γὰρ ἅρῃοι πολλὰ καὶ περὶ πολλῶν συγγράφεται — — — — катаφρονήσουσι δὲ οἱ πολλοὶ, ὅτι μὴ μέλον αὐτοῖς ζητημάτων καὶ ἐνοπιῶν ἀπορήτοτέρων.

²⁾ Οὐ γὰρ ὡσπερ τετραῖσθι αὐτῶν οἱ συνηραχότες φασὶν и т. д. Предположеніе, что Пселлъ повторилъ это выраженіе вслѣдъ за какимъ-нибудь писаннымъ источникомъ, которымъ онъ пользовался при составленіи своего сочиненія, рѣшительно не можетъ быть допущено. Оно противорѣчитъ всему складу сочиненія и тону рѣчи Пселла, а также его литературнымъ привычкамъ и обычаю о себѣ мнѣнію.

³⁾ Память его, какъ указываютъ греческія мнѣя, праздновалась 28-го ноября.

сіалъ среди властей земнаго синклита какъ мужъ совѣта ¹⁾. Даже прозаическое обозначеніе должности и званія оказалось болѣе сподручнымъ для поэтическаго произведенія, чѣмъ для ораторскаго. Симеонъ нѣсколько разъ именуется въ канонѣ логоеетомъ. Это выраженіе вводится въ гимнъ не вдругъ, и притомъ подъ прикрытіемъ остроумнаго оборота фразы, указывающей на первоначальное этимологическое значеніе слова. Съ начала Симеонъ называется „боговдохновеннымъ украшеніемъ логографовъ“, словописателей: затѣмъ онъ величается по истинѣ удивительнымъ логоеетомъ, словоположникомъ, слагателемъ словесъ; наконецъ онъ воспѣвается просто какъ великій служитель Бога и святой логоееть ²⁾. Помимо всего этого, въ службѣ мы встрѣчаемъ и такое указаніе, какого совсѣмъ нѣтъ въ похвалѣ; отсюда мы узнаемъ, что первымъ опытомъ Симеона логоеета на прославившемъ его впоследствии поприщѣ агиографа была не передѣлка стараго готоваго житія, а составленіе самостоятельнаго сказанія о святой Θεоктистѣ Лесбійской, и что трудъ этотъ былъ ему внушенъ однимъ монахомъ на островѣ Паросѣ:

Въ шестой пѣсни канона говорится:

„Первое списаніе твое, Симеонъ вдохновенный, появилось по Божію смотрѣнію вслѣдствіе бесѣды со священнымъ пресвитеромъ и монахомъ, котораго ты видѣлъ на островѣ Паросѣ.

Ты достойно воспѣлъ свѣтлые и божественные подвиги лесбійской Θεоктисты, свое истинно ангельское и почти безтѣлесное житіе закончившей всемудрственно“ ³⁾.

Тѣмъ же самымъ Аллаціемъ, который издалъ въ первый разъ похвалу и канонъ Пселла въ честь Метафраста, отыскано было въ сокровищахъ Ватиканской бібліотеки житіе святой Θεоктисты. Оказалось, что авторъ этого житія, не называющій себя по имени, говоритъ, однако о себѣ въ первомъ лицѣ и сообщаетъ весьма любопытныя автобіографическія подробности о своемъ посольствѣ на островъ Критъ, о своемъ пребываніи на островѣ Паросѣ, о встрѣчѣ тамъ съ однимъ пустынноикомъ, отъ котораго и получилъ свѣдѣнія

¹⁾ *Migne*, *Patrolog.* XIV, 203: Ἐνδιαπρέφας ἐν ἀρχαῖς ταῖς τῆς κάτω συγκλήτου.

²⁾ *Ibid.* p. 201—205.

³⁾ Τὸ πρῶτόν σου σύγγραμμα, ἐκ προνοίας θεῆς καὶ ὁμιλίας γέγονε τοῦ ἱεροῦ πατριάρχου καὶ μοναχοῦ, Συμεῶν θεσπέσιε, ὃν ἐν Πάρῳ τῇ νήσῳ τεθεώρησας. Ἄξιως ἐξῴμνησας τῆς Λεσβίας τὰ λαμπρὰ καὶ θεῖα ἀγωνίσματα Θεοκτίστης, τῆς ὄντως ἀγγελικῆν, μικροῦ καὶ ἀσώματον τελεσάσης πανσόφως τὸ πολίτευμα.

о святой Теокистѣ, кончившей свою жизнь на томъ же самомъ островѣ Паросѣ. Алляціи имѣлъ полное основаніе видѣть въ житіи Теокисты первое сочиненіе Симеона логогета, а въ подробностяхъ, сообщаемыхъ о себѣ его писателемъ, драгоценныя данныя для біографіи знаменитаго Византійца, счастливымъ образомъ дополняющія довольно скудныя свѣдѣнія похвалы, написанной Пселломъ, и что всего важнѣе, по видимому, дающія несомнѣнную возможность безошибочно опредѣлить до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное время жизни Симеона Метафраста. До сихъ поръ всѣ соображенія ученыхъ людей относительно послѣдняго вопроса, получившаго еще новую важность вслѣдствіе болѣе пристальныхъ занятій византійскою исторіографіей, основываются на отрывкахъ изъ житія Теокисты, сообщенныхъ Алляціемъ; мы считаемъ полезнымъ привести, хотя и въ русскомъ переводѣ, но не въ отрывкахъ, а въ сплошномъ разказѣ всю біографическую часть сочиненія. Хотя подлинный цѣльный текстъ житія остается еще не изданнымъ, но мы имѣли возможность изучать его въ двухъ рукописныхъ сборникахъ — одномъ Парижскомъ (cod. № 1525) и одномъ синодальномъ Московскомъ (cod. № CLXX или 169) ¹⁾.

II.

Житіе св. Теокисты.

Въ благополучное царствованіе блаженной памяти императора Льва, унесшаго съ собою въ гробъ счастье Ромэевъ, я прибылъ на островъ Паросъ, направляясь къ Криту. Я долженъ былъ сопровождать въ походѣ знаменитаго Имерія, который былъ тогда превосходнымъ начальникомъ и сухаго пути, и всего флота, и равно, чтобы сказать еще большую правду, былъ полнымъ владыкою своихъ страстей. Впрочемъ, касаться только мимоходомъ его военныхъ заслугъ и упоминать о немъ вскользь въ краткихъ словахъ — значило бы не воздать ему надлежащей чести; поэтому я обращаюсь къ своему пред-

¹⁾ Въ Московской Синодальной библіотекѣ находятся три списка житія Теокисты: одинъ изъ нихъ (№ 177) отнесенъ составителемъ каталога, Маттеи, къ X вѣку. Къ сожалѣнію, мы имѣли подъ руками не этотъ, а другой списокъ, болѣе молодой, но все-таки болѣе исправный, чѣмъ редакція показаннаго Парижскаго кодекса. Въ своихъ цитатахъ мы не отмѣчаемъ разночтеній того и другаго, но молча поправляемъ текстъ одного при помощи лучшихъ чтеній другаго. Какъ извѣстно, Житіе начинается словами: εἰχόμενος καὶ στῆλα: καὶ ἀνδράντες.

мету, имѣя въ виду вспомнить о немъ въ свое время ¹⁾). Итакъ, я былъ посланъ съ одной стороны для участія въ военномъ походѣ, дабы, слѣдя, на подобіе молодого птенца при матери, за наиболѣе ловкими проявленіями его искусства, я и самъ подвигался впередъ въ военномъ опытѣ—такова именно была цѣль покойнаго императора,— а съ другой стороны, для того чтобы въ званіи посла я велъ переговоры съ Арабами, владѣющими островомъ Критомъ ²⁾). Когда мы достигли острова Іо ³⁾, неблагоприятное направленіе вѣтра помѣшало нашему дальнѣйшему плаванію, и мы пристали къ Паросу, дабы кстати осмотрѣть островъ и взглянуть на тамошній храмъ Богородицы. Но вышло такъ, что случайное и второстепенное обратилось въ наиболѣе важное. Мы пристали въ гавани Пароса, обращенной въ сторону острова Накса (Наксоса). Гавань эта, постепенно углубляющаяся внутрь острова, недоступная для морскаго волненія, огражденная со всѣхъ сторонъ горою, въ углубленіи которой она заключена, представляетъ удобное мѣсто, и для зимней, и для лѣтней стоянки судовъ. Очутившись на берегу и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ внутрь острова, мы сейчасъ же замѣтили храмъ и поспѣшили къ нему. Мы совершили въ немъ сожженіе омиіама и принесли обычныя молитвы, а затѣмъ стали осматривать его вокругъ съ чувствомъ глубокаго удивленія. Дѣйствительно, его стоило видѣть, и обзоръіе его составляло настоящее наслажденіе для глазъ. Храмъ еще сохранялъ остатки своего древняго изящества; онъ былъ выстроенъ симметрически со всѣхъ сторонъ и опирался на частыя колонны изъ (такъ-называемаго) царскаго камня; по всей стѣнѣ онъ былъ одѣтъ полированнымъ камнемъ, изъ котораго сдѣланы были колонны ⁴⁾). Но искусство худож-

¹⁾ Γενομένω μοι ποτε κατά την Πάρον· γεγονός δέ. Καί γάρ ἐπί Κρήτην διέπλεον ὑπὸ τοῦ μακαρίτου Λέοντος ἐκείνου πεμφθεῖς, Λέοντός φημι τοῦ εὐτυχοῦς ὄντος βασιλέως καί τὴν εὐτυχίαν Ῥωμαίων τῷ τάφῳ συνθέψαντος. Ἐπεμπόμην δὲ συστρατεύομενος Ἱμερίφ τῷ πάνυ, τῷ στρατηγικωτάτῳ δηλαδὴ ἄρχοντι τοῦ τε δρόμου καί τοῦ στόλου παντός, ἢ τότε ἀληθέστερον καί αὐτῶν εἰπεῖν τῶν παθῶν καί ἵνα μὴ τὸ πολλῶν ἐγκωμίων ἄξιον τῆς στρατηγίας ἐκείνου πάρεργον ποιησάμενος καί μικρὰ τούτου μνησθεῖς ἀτιμάσω τὸν ἄνδρα, ἐπὶ τὴν παροῦσαν τέως ὑπόθεσιν εἰμι, ἐκείνου κατὰ καιρὸν μνησθησόμενος.

α) Ἐσταλλόμενῃ τοιγαροῦν τοῦτο μὲν ἐκείνῳ συστρατεύομενος καί προβιβαζόμενος εἰς πῆραν στρατηγικὴν, οἷα πῶλος μητρὶ πρὸς γενναϊότατα τῶν στρατηγημάτων ευσκαιρῶν οὕτω γάρ ἦν ὁ τοῦ μακαρίτου μου βασιλέως σκοπός· τοῦτο δὲ πρεσβευσόμενος πρὸς τοὺς τὴν Κρήτην ἔχοντας Ἄραβας.

β) Ἐπει δὲ κατὰ τὸν Ἴον ἐγεγόνειν τὴν νῆσον.

γ) Ὁ δὲ ἦν ἄρα καί ἀξιοθέατος καί ὀφθαλμῶν ἀτεχνῶς τρυφή, λείψανα σώζων

ника превратило камень въ такіе тонкіе узоры, что казалось, стѣна была покрыта виссонными тканями. Камень обнаруживалъ свѣжесть и блескъ, превосходившіе блескъ жемчуга ¹⁾. Необычайно и странно было качество камня; но еще болѣе удивительна была работа художника, который постарался придать прекрасную форму природнымъ его качествамъ. Когда мы увидѣли внутри (церковныхъ) вратъ сводъ надъ божественною трапезою, что обыкновенно называется киворіемъ, то были поражены его изяществомъ. Совсѣмъ не было похоже на то, чтобъ эта рѣзба (τόρευμα) была по природѣ камнемъ, и чтобъ она была высѣчена желѣзомъ, искусствомъ или рукою; но скорѣе она была похожа на какое-то молоко, сгущенное посредствомъ смоквичнаго сока и отлитое какимъ-то искусствомъ въ форму крова или свода ²⁾. Я видѣлъ нѣкогда Селину (луну), везомую на колесницѣ волами; она была сдѣлана изъ такого же камня.

Всѣ мы сошлись на зрѣлище и стояли „въ изумленіи предъ разбитымъ и поверженнымъ на землю памятникомъ. Потомъ мы стали всячески поносить того, кто былъ виновникомъ разрушенія, такъ какъ эта вещь была приношеніемъ и сокровищемъ, вполне достойнымъ храма Божіаго. И когда мы находились подъ такимъ настроеніемъ, мы вдругъ видимъ, что вотъ выступилъ изъ лѣса, выдается на поверхности пустыни и направляется къ намъ какой-то монахъ ³⁾. Блѣдный лицемъ, съ изсохшими ланитами, босоногій, весь запыленный, одѣтый въ волосяной хитонъ, въ такія же наплечье и головной покровъ, обросшій волосами, какъ дикій звѣрь, но благорасположенный, какъ ангелъ, онъ не былъ похожъ на обыкновеннаго смертнаго, питающагося хлѣбомъ, но на безтѣлесное и почти безкровное видѣніе. Однимъ словомъ, внѣшній видъ его лица, какъ и ближайшее ознакомленіе съ его душой, одинаково производили впечатлѣніе чего-то чудеснаго. Подойдя къ намъ, онъ сказалъ обычное привѣтствіе; мы

ἐτι τῆς παλαιᾶς ὑπαιότητος· σύμμετρος γὰρ ἐδεδόμητο πάντοθεν καὶ κίσιι συγκοίσι τοῖς ἐκ βασιλικῆς εἰρήρευστο λίθου· πριστῶ τε λίθῳ πάντα τοῖχον ἡμφίαστο, παραπλησίως τοῖς κίσιιν.

¹⁾ Εἰς τοσοῦτον δὲ τὸν λίθον λεπτόνας, ἐξύφανεν ὁ τεχνίτης, ὡς δοκεῖν ἐξ ὑφασμάτων τὸν τοῖχον ἐνδεδύσθαι βυσσίνων.

²⁾ Οὐδὲ γὰρ ἐώκει λίθου φύσιν ἔχειν τὸ τόρευμα, οὐδὲ σιδήρῳ καὶ τέχνῃ καὶ χερσὶ λελάσθαι· ἀλλ' οἷά τινα γάλακτι ὁπῶ φουραθέντι, καὶ πρὸς τὸ σχῆμα τοῦ τέγους μεμηχανευμένῳ τῷ χεύματι.

³⁾ Ὁρῶμεν ἐξαπίνης μοναχὸν ὑπερκύψαντα τῆς ἐρήμου καὶ τοῦ ἄλσους προβαίοντα καὶ ὡς ἡμᾶς ἀφικνούμενον.

ему отвѣтили тѣмъ же, и затѣмъ просили сказать, кто онъ, откуда родомъ и одинъ ли тутъ живетъ. Онъ сказалъ на это, что онъ не можетъ указать ни родины, ни родства, ни другихъ признаковъ, чѣмъ хвалятся люди, обитающіе въ городахъ—обо всемъ этомъ онъ не заботился: „Отецъ мой и владыка есть Богъ, которымъ однимъ я живу, и ради котораго пришедьствуя, я уже провелъ въ этой пустынѣ болѣе тридцати годовъ; имя мнѣ Симеонъ, а по званію—я монахъ, и жрецъ (священникъ) животворящей и безкровной жертвы“¹⁾. Таковы были слова его. Пораженные удивленіемъ и благоговѣннымъ страхомъ, мы пали къ его ногамъ, прося его молитвъ и прощенія. Онъ съ своей стороны помолился и предложилъ намъ слова утѣшенія, повелѣвъ внимать себѣ и не предаваться унынію. Водворилось молчаніе. Тогда я, отличаясь отъ другихъ болѣе большимъ любопытствомъ, а также проникательностію въ пониманіи характера людей, просилъ великаго сказать намъ въ назиданіе нѣчто отъ сокровеннаго и тайнаго²⁾: мнѣ сдввалось, что онъ не лишень прямаго сообщенія съ божествомъ. Но старецъ отвѣчалъ, что это пусть остается удѣломъ другихъ, а онъ считаетъ себя недостойнымъ. „Я пришелъ сюда оплакивать свои грѣхи“, говорилъ онъ,—„а не искать вышихъ меня“. Однако слова эти не были согласны съ истиной и произнесены были только ради смиренія, какъ послѣ и оказалось. Взявъ меня за правую руку и обращаясь со мною какъ издавна знакомый, онъ пригласилъ насъ сѣсть³⁾: мы размѣстились какъ пришлось; ибо тутъ была камни и колонны разрушеннаго зданія, густая и мягкая трава, источникъ съ пріятною для питья водою, и вся окрестность была полна тишины и покоя. Старецъ, сѣвъ самъ, посадилъ меня рядомъ, и казалось, былъ въ восторгѣ отъ того, что насъ встрѣтилъ. Вглянувъ на него, я сказалъ: „Отецъ, теперъ удобное время разказать, если ты видѣлъ здѣсь что хорошаго. А пока объясни намъ, кто поступилъ такъ съ симъ покровомъ божественной трапезы, какая безчувственная къ изящному и звѣрская рука подыалась на то, чтобы разбить въ куски безъ со-

¹⁾ χρόνους ἤδη πλείους ἢ τριάκοντα χάρτερῶ. ὄνομα δὲ μοι Σιμεών, τὸ δὲ ἀξίωμα μοναχὸς καὶ ἱερεὺς τῆς ζωοθύτου καὶ ἀναμάρτου φημί θυσίας.

²⁾ Ἐγὼ δὲ περιεργότερος ὢν καὶ συνιέναι δεινός (въ рукоп. ἀδεινώς) ἦθος ἀνδρὸς, ἤξιοον τὸν μέγαν καὶ διδάξει τι τῶν ἀπορρήτων.

³⁾ Λαβόμενος οὖν μου τῆς δεξιᾶς καὶ καταψήσας ὡσπερ σηνήτης. οὕτω γὰρ αὐτὸν διέθηκε τὸ ἀπλοῦν.

жалѣнія такое произведеніе искусства“ ¹⁾). Затѣмъ я предполагалъ перейти къ болѣе высокимъ предметамъ. Онъ отвѣчалъ: „Слыхалъ ли ты о Насирѣ, который начальствовалъ надъ критскимъ флотомъ? Именно онъ былъ здѣсь. Приведенный въ удивленіе красотой этого покрыва, онъ задумалъ перенести его на Критъ ²⁾). Онъ велѣлъ сначала измѣрить церковныя врата, потомъ этотъ божественный и священный покровъ: казалось, что все хорошо приходится, и онъ повелѣлъ тащить его вонъ изъ храма. Но вотъ — влекомый предметъ увеличился въ объемѣ; Насиръ приказалъ разобрать часть стѣны, и затѣмъ снова смѣривъ, старался извлечь драгоценный предметъ. Но онъ опять увеличился, и это повторялось много разъ. Наконецъ Арабъ отказался отъ своихъ усилій, но не отказался отъ зависти и злобы. Какъ говорятъ, онъ имѣлъ намѣреніе украсить эту святыню свою агарянскую синагогу; когда же убѣдился въ невозможности, то повелѣлъ разбить въ дребезги драгоценный предметъ, завидуя украшенію храма Богоматери ³⁾). Когда я выслушалъ разказъ, то сталъ ругать святотатца. Но старецъ сказалъ мнѣ: „Успокойся; не много прошло времени, и онъ былъ наказанъ за свое безуміе. При оконечности острова Евбеи, при мысѣ, называемомъ Ксилофагъ, онъ потерпѣлъ крушеніе и утонулъ въ морской пучинѣ“ ⁴⁾). Затѣмъ я приглашалъ божественнаго старца вкусить пищи и ободрить наше малодушіе относительно плаванія и продолженія пути, ибо казалось, что мы теряемъ время, такъ какъ противные вѣтры продолжали дуть. Онъ вкусилъ пищи, и не скрывая, объявилъ мнѣ: „Ты приплывешь въ Накось, и простоявъ при этомъ островѣ одинъ день, еще другой день будешь плыть и на третій день достигнешь Крита безъ всякихъ дурныхъ приключеній тамъ ты успѣешь все устроить согласно съ твоимъ желаніемъ и соотвѣтственно царскому повелѣнію. Воротившись обратно домой, ты встрѣтишь благосклонный приемъ со стороны того, кто тебя послалъ“ ⁵⁾). Все это отъ начала до конца

¹⁾ κατάλεξον τις ὁ διαθεῖς οὕτω τῆς θείας τραπέζης τοῦτ' ἐστὶ τὸ κάλυμμα καὶ τις ἡ ἀφιλόκαλος καὶ θηριώδης ψυχὴ τε καὶ χεὶρ ἢ τοσοῦτο ἔργον ἀμερίμνως συντριψάσα;

²⁾ Ὁ δὲ τὸν Νάσιρον ἐκεῖνον ἀκούεις, ἔφη, τὸν τοῦ ναυτικοῦ τῆς Κρήτης καταρξάντα; οὗτος ἐκεῖνος ὡς γενόμενος — μεμελέτηχεν εἰς Κρήτην διακομίσει.

³⁾ ἔσπευδε γάρ, ὡς λέγεται, τῇ συναγωγῇ τοῦτο τῶν τῆς Ἀγάρ ἀνάθημα καταθέσθαι... συνθλάττει τὸ καλὸν ἐκεῖνον ἔργον ὁ βδελυρός.

⁴⁾ ἀμέλησον· ἔδωκε γάρ τῆς παροιτίας οὐ μετὰ πολὺ δίκην πρὸς τὸ τῆς κατ' Εὐβοίαν θαλάσσης συντριβεῖς ἄκρω, ὁ Ξυλόφαγος ὠνόμασται, καὶ γέγονεν ὑποβρύγιος.

⁵⁾ ὡς διαπλεύσεις μὲν εἰς Ναξίαν· καθεῖσε μίαν ναυλοχυσάμηνος ἡμέραν καὶ τὴν

послѣ сбылось такъ, какъ онъ сказалъ ¹⁾). Уже тогда ясно было, что невѣдѣніе, которое онъ себѣ приписывалъ, не было истинное, а принимаемое на себя ради смиренія. Помолившись и отслуживъ молебень въ храмѣ, мы воротились къ нашимъ кораблямъ, чтобъ утромъ же перѣехать въ Наксосъ, который отстоялъ отъ гавани только на десять почти стадій. Самъ пустынный, отправивъ литургію и давъ намъ святыхъ таинъ, принялъ пищу вмѣстѣ съ нами. При этомъ онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Можетъ быть, ты будешь отговариваться отъ исполненія того, чего я сейчасъ потребую отъ любви твоей какими-нибудь предлогами—неискусствомъ въ словѣ, служебными недосугами или заботами о женѣ, дѣтяхъ и домѣ; но я тебѣ впередъ обѣщаю благосостояніе, во всемъ полный достатокъ, а равно и много досуга, и прошу тебя, когда ты будешь въ такомъ положеніи, вспомнить мои слова и записать то, что здѣсь случилось, такъ какъ это достойно памяти и повѣствованія“ ²⁾). Прибавивъ еще нѣсколько словъ въ увѣщаніе, онъ началъ разказъ.

Разказъ этотъ собственно и содержитъ житіе св. Теокисты. Нужно однако замѣтить, что пустынныйъ сообщаетъ его не отъ своего имени, а передаетъ только то, что онъ самъ услышалъ отъ одного охотника, случайно встрѣтившаго здѣсь святую пустынницу. Мы не приводимъ здѣсь всей повѣсти, потому что не хотимъ слишкомъ расширять объемъ статьи. Отмѣчаемъ только два любопытные пункта. Интересно и не лишено исторической цѣнности описаніе острова Пароса, сообщаемое въ началѣ повѣствованія о Теокистѣ. Мы видимъ, что нѣкогда знаменитые и густо населенные острова Архипелага, вслѣдствіе арабскихъ набѣговъ изъ Африки и Крита, сдѣлались совершенно пустынными. Охотники посѣщаютъ Паросъ ради дивныхъ козъ, которыя тамъ водились во множествѣ и отличались особенными качествами—величиною роста, превышающаго ростъ оленей, и длинными рогами. Островъ отличался такимъ пустыннымъ и заброшеннымъ характеромъ, что

δευτέραν πλεύσας τριταῖος εἰς τὴν Κρήτην ἀφίκη, μηδεμίαν ὑποστάς κάκωσιν. διαθήσεις τε τὰ κατ' αὐτὸν ὡς ἂν ἐθέλησας καὶ καθὼς ἔχει τὰ τῆς βασιλικῆς διατάξεως. αὐθις καὶ πάλιν νοστήσας, εὐ ἀποδεχθῆση παρὰ τοῦ πεμπαντος.

1) ταῦτα μὲν οὖν ὑστερον ὡς ἐκεῖνος ἔφη γέγονέ τε καὶ πέρας εἰληφεν.

2) Εἶτα λέγειν ἤρξατο πρὸς με· σὺ μὲν ἴσως προφασίσῃ περὶ ὧν ἀξιοῦν ἐθέλω σου τὴν ἀγάπην, ἀπορίαν λόγων ἢ δουλειῶν ἀφορμὰς, ἢ γυναικὸς καὶ τέκνων καὶ οἴκου φροντίδας ἢ τινὰς ἄλλας αἰτίας, διακροούμενος ἡμῶν τὴν ἀξίωσιν. ἐγὼ δὲ σοὶ καὶ εὐημερίαν καὶ εὐπορίαν πάντων ἐπαγγέλλομαι· καὶ δέομαι· τηλικαῦτα τῶν ἐμῶν λόγων ἐν μνήμῃ γενόμενον τὸ τῆδε γεγονός· συγγράψαι.

одинъ изъ охотниковъ, увидѣвъ подлѣ извѣстнаго намъ храма въ небольшой ямѣ нѣсколько стебельковъ лупина (волчьихъ бобовъ), плавающихъ въ водѣ, сейчасъ же былъ наведенъ на мысль о какомъ-нибудь необыкновенномъ посѣтителѣ заглохшаго и уединеннаго мѣста. Такимъ посѣтителемъ казалась женщина страннаго и ужаснаго вида; это была Теокиста. Она разказала свою исторію, которая тоже имѣетъ историческій интересъ. Она была родомъ съ острова Лесбоса, изъ города Миоимны. Лишившись еще въ дѣтствѣ родителей, она была отдана родными въ женскій монастырь и тамъ надѣла иноческое платье. Когда ей было 18 лѣтъ, она вздумала въ праздникъ Пасхи посѣтить свою замужнюю сестру, жившую въ сосѣднемъ селеніи. Но вотъ, во время ея тамъ пребыванія, ночью напали Сарацины съ острова Крита, подъ начальствомъ Насира (очевидно—того самаго, который выше представляется виновникомъ разрушеній на островѣ Паросѣ). Село было разорено, жители захвачены въ плѣнъ; на другое утро Сарацины увели ихъ съ собою, въ числѣ прочихъ, и Теокисту¹⁾; когда они на возвратномъ пути пристали къ Паросу, Теокиста успѣла незамѣтно скрыться и бѣжать въ лѣсъ; она провела въ этомъ уединеніи и безмолвно на этомъ островѣ цѣлые тридцать-пять лѣтъ²⁾, и только предъ смертью она открылась одному изъ охотниковъ, посѣщавшихъ пустынное ея убѣжище. Сей послѣдній доставилъ ей, по ея просьбѣ, желанное напутствіе на предвидѣнный ею часъ смертный, то-есть, святыя дары, и вскорѣ затѣмъ нашелъ на мѣстѣ прежней встрѣчи ея бездыханное тѣло. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, знавшимъ тайну жизни чудной и святой женщины; онъ-то и сообщилъ всѣ свѣдѣнія о ней пустыянику Симеону, въ свою очередь передавшему разказъ писателю житія. Намъ остается прибавить, что собесѣдникъ старца, выслушавъ повѣсть, отправился далѣе, какъ того требовало данное ему отъ царя порученіе. При благопріятномъ вѣтрѣ онъ прибылъ на слѣдующій день на маленькій островъ Дію, составлявшій послѣднюю станцію предъ Критомъ, а оттуда и на самый Критъ³⁾.

¹⁾ ἔτη δὲ ἑγγός που ὀκτώ καὶ δέκα γενομένη περὶ τὰς τοῦ Πάσχα ἡμέρας εἰς τὴν πλησίον τῆς πόλεως ἐξέδραμον κόμην, ἀσπασομένη τὴν ἀδελφὴν. ἦν γὰρ μοι κατοικῶσα πρὸς τὴν κόμην μετὰ συμβίου. Νυκτὸς δὲ ἐπιδραμόντες Ἄραβες Κρητῆς, ὧν ἀρχηγὸς ὁ Νισίρις ἦν ἐκεῖνος, πάντα ὑμᾶς αἰρούσιν.

²⁾ Καὶ νῦν ἤδη πέντε καὶ πρὸς τοῖς τριάκοντα χρόνοις καὶ μικρόν τι πρὸς, ἐντῶσθα — — διατελώ.

³⁾ Επιφόρων δὲ ἀνέμων πνευσάντων τῇ ἐπιούσῃ κατήχθημεν εἰς τὴν Δίαν, ἐξ ἧς εἰς Κρήτην. Cameniati, pag. 591: νῆσον, ἣτις Διὸς καλεῖται, Theoph. Contin. pag. 77: πρὸς

III

Мнѣнія новыхъ ученыхъ.

Ближайшее знакомство съ разказомъ, изъ котораго мы сейчасъ привели обширное и подробное извлеченіе, даетъ намъ основаніе и право сдѣлать два замѣчанія, какія не могли быть сдѣланы прежними учеными, не имѣвшими подъ рукою подлинныхъ текстовъ сказанія. Несомнѣнно, что тонъ и слогъ повѣствованія о жизни Θεоктисты по своей ясности, простотѣ, безыскусственности и даже нѣкоторой задушевности совсѣмъ не напоминаютъ намъ изысканнаго и притязательнаго автора вышеприведенныхъ писемъ къ епископамъ Лаодикійскому и Смирнскому, а съ другой стороны—мы не находимъ здѣсь тѣхъ характерическихъ особенностей, которыя отличаютъ подобнаго рода произведенія, побывавшія въ рукахъ Метафраста и переработанныя имъ за ново. Правда, мы должны сказать себѣ, что начинающій авторъ, какимъ слѣдуетъ считать Паросскаго собесѣдника, при первыхъ своихъ самостоятельныхъ опытахъ могъ слѣдовать совсѣмъ другимъ приѣмамъ, чѣмъ тѣ, какія онъ выработалъ въ послѣдствіи при составленіи большаго сборника изъ чужихъ трудовъ. Поэтому не будетъ ничего особенно страннаго въ томъ, что авторъ, снабдившій житіе Θεоктисты такимъ длиннымъ объяснительнымъ вступленіемъ, послѣ безжалостно уничтожалъ въ чужихъ произведеніяхъ всѣ подобныя отступленія и эпизоды. Однако, этимъ объясненіемъ не устраняются возникающія сомнѣнія. Все-таки странно, что языкъ, которымъ написано житіе Θεоктисты, довольно рѣзко отличается какъ отъ эпистолярной манеры Симеона Логоѣта (Метафраста), такъ и отъ позднѣйшаго свойственнаго ему стиля, на сколько онъ знакомъ намъ изъ несомнѣнно принадлежащихъ ему передѣлокъ. Въ житіи Θεоктисты почти совсѣмъ не видно слѣдовъ риторической школы, и весьма мало риторическаго, между тѣмъ какъ отъ риторики всего менѣе могъ бы освободиться начинающій авторъ, воспитанный на риторикѣ. Сверхъ того, можно найти нѣкоторое фактическое противорѣчіе въ томъ, что списатель житія Θεоктисты заставляеть пустытника и подвижника Симеона предсказывать себѣ въ будущемъ благосостояніе и бо-

την Δίαν. Constant. Porphyrog. Stasiodromicon (de cerimon. I, 678): ἀπὸ τῆς Δίας ἕως Κρήτης μιλ. εβ.

гатство, тогда какъ Симеонъ Метафрастъ, по свидѣтельству Пселла, по самому рожденію своему принадлежалъ къ знатному и богатому дому, никогда не чувствовалъ недостатка ни въ средствахъ для своей пышной жизни, ни въ источникахъ для щедрой благотворительности. Далѣе обнаружится довольно важное затрудненіе при соглашеніи словъ Пселла о кончинѣ Симеона Метафраста съ тѣмъ хронологическимъ опредѣленіемъ начальнаго пункта его карьеры, которое заключается въ житіи Теоکتисты: но объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Все, что мы могли пока указать, конечно, не такъ важно и вѣско, чтобы заставить насъ прямо отвергнуть свидѣтельство Пселла о принадлежности житія Теоکتисты Симеону Метафрасту. Мы удовольствуемся пока легкимъ сомнѣніемъ, поставленіемъ вопроса, къ которому, можетъ быть, придется возвратиться. Теперь мы пойдемъ дальше, признавая пока вмѣстѣ со всѣми учеными, что въ авто-біографическихъ данныхъ, составляющихъ введеіе къ разказу о лесбійской плѣнницѣ и святой паросской подвижницѣ, находится ключъ ко всѣмъ вопросамъ, касающимся жизни и трудовъ Симеона Метафраста, что въ разказѣ о встрѣчѣ съ пустыннокомъ на островѣ Паросѣ говорить о себѣ ни кто другой, какъ Симеонъ Метафрастъ. Мы переходимъ именно къ дальнѣйшему разъясненію этихъ данныхъ, относимыхъ всѣми учеными къ Метафрасту.

Путешествіе автора житія св. Теоکتисты на островѣ Паросѣ и Критѣ приурочивается ко времени царствованія Льва Мудраго (886—912 гг.) и связывается хронологически съ военными дѣйствіями превозносімаго въ житіи вождя Имерія. Объ Имеріѣ и его военныхъ дѣлахъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній, почерпаемыхъ частію въ хроникахъ, повторяющихъ одна за другою то, что первоначально было написано продолжателемъ Георгія Амартола, частію въ документахъ другого рода. Въ 904 году протасекретъ Имерій, поставленный во главѣ флота, отправленъ былъ противъ вождя (эмира) Сарацинъ Сирійскихъ и Киликійскихъ, знаменитаго ренегата Льва Триполійскаго (Триполисъ—въ древней Финикии), который угрожалъ съ начала самымъ окрестностямъ столицы, а потомъ обратился противъ Солуни, бывшей тогда по населенію и богатству вторымъ городомъ имперіи, и успѣлъ тамъ надѣлать много зла, прежде чѣмъ явились на помощь отправленные царемъ воеводы ¹⁾. Потомъ, въ 908 году Имерій, уже

¹⁾ Georgii Hamartol. Chron. ed. *Muralet*, pag. 783; Theoph. Continuat. p. 367. Cp. Nicolai patriarch. epistol. № 76.

возведенный въ званіе дромологоета, сдѣланъ былъ начальникомъ всего флота, и опять отправился противъ сирійскихъ Агарянъ; на сей разъ онъ дѣйствовалъ успѣшно и 6-го октября одержалъ надъ враждебнымъ флотомъ побѣду, которая доставила ему большую славу ¹⁾. Затѣмъ, въ 911 году онъ встрѣтился вблизи острова Самоса съ двумя сирійскими эмирами—оба были христіанскими ренегатами—Даміаномъ Тирскимъ и вышеупомянутымъ Львомъ, и потерпѣлъ отъ нихъ такое страшное пораженіе, что едва спасъ собственную жизнь ²⁾. Послѣ возвращенія своего въ столицу, въ 912 году, онъ нашелъ на престолѣ уже не Льва, своего покровителя, а его брата Александра, и былъ тотчасъ сосланъ въ монастырь на заточеніе, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ горести. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Александръ наказывалъ не воеводу за его неудачи, небрежность или неискусство, а своего личного недруга, какимъ былъ для него Имерій въ прошлое царствованіе ³⁾. Итакъ, все военное поприще Имерія заключается въ предѣлахъ восьми лѣтъ (904—912 гг.) и ознаменовано главнымъ образомъ борьбою съ мусульманскими эмирами противолежащихъ береговъ Малой Азіи и Сиріи, постоянно опустошавшими острова Архипелага и самыя берега Македоніи и Эллады. Хроникѣ ничего не говорятъ о походѣ Имерія противъ мусульманъ острова Крита; но несомнѣнно, что въ царствованіе Льва Мудраго, подъ начальствомъ Имерія, совершена была большая экспедиція и противъ критскихъ мусульманъ, дѣйствовавшихъ почти всегда за одно съ Сирійскими. Константинъ Багрянородный, въ сочиненіи о церемоніяхъ Византійскаго двора, сообщаетъ намъ „составъ и снаряженіе флота и военныхъ силъ, отправленныхъ противъ богоненавистнаго Крита съ патриціемъ и логоетомъ дрома Имеріемъ при христолюбивомъ государѣ Львѣ“. Эта экспедиція замѣчательна для насъ уже тѣмъ, что въ ней долженъ былъ участвовать и русскій отрядъ въ 700 человекъ ⁴⁾. Вѣроятно, она была рѣшена послѣ успѣшныхъ дѣйствій Имерія въ 908 году ⁵⁾; ранѣе того онъ не былъ, по видимому,

¹⁾ Hamartol. pag. 788; Theop. Contin. 371.

²⁾ Hamartol. p. 794; Theoph. Contin. 377; Cedren. II, 273.

³⁾ Hamartol., p. 797.

⁴⁾ De cerimon. I, 651, 652, 654.

⁵⁾ *Мураметъ и Герибериъ* (Gesch. Griechenlands, pag. 256) относятъ эту экспедицію къ 902 году, *Рамбо* (pag. 94) къ 903, но, какъ замѣтилъ Гиршъ, безъ всякаго основанія. У Константина Багрянородскаго нѣтъ никакого хронологическаго указанія, а относящіяся сюда мѣста въ перепискѣ Николая Мистика остались неизвѣстными Гиршу.

логоетомъ, какъ прямо названъ въ документѣ. О военныхъ предпріятіяхъ Имерія противъ Крита и сирійскихъ береговъ говоритъ патриархъ Николай Мистикъ въ посланіи къ Критскому эмиру, писанномъ вскорѣ послѣ 915 года ¹⁾. Такъ къ издержки и потери, причиненныя походомъ на Критъ при императорѣ Львѣ, впоследствии служили доводомъ противъ всякихъ этого рода предпріятій ²⁾, то слѣдуетъ думать, что Критская экспедиція Имерія не относилась къ числу счастливыхъ и удачныхъ. Обращаясь теперь къ автору жизнеописанія Θεοκτιστη, мы не должны связывать его поѣздки на островъ Критъ прямо съ экспедиціей сего послѣдняго противъ этого острова. Сомнительно, чтобы въ византійское время было въ обычаѣ посылать къ врагамъ въ одно и то же время и посла, и вооруженную эскадру. Всего вѣроятнѣе, что посольство имѣло цѣлю воспрепятствовать соглашенію между Критомъ и сирійскими эмирами, противъ которыхъ въ данный моментъ дѣйствовалъ Имерій; точно такъ при Критской экспедиціи принимались всѣ мѣры для того, чтобы не послѣдовало диверсии со стороны Сирійской ³⁾. Отсюда слѣдуетъ, что намъ нѣтъ нужды отыскивать дѣйствительный и точный годъ Критской экспедиціи при Львѣ Мудромъ для опредѣленія времени поѣздки Симеона Метафраста на Парось и Критъ; достаточно знать, что она совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда Имерій, въ званіи логоета дрома, крейсировалъ съ греческимъ флотомъ въ водахъ Архипелага и Средиземнаго моря, то-есть, помѣщается между 908 — 911 годами. Каковъ бы ни былъ предметъ переговоровъ, посолъ не могъ быть избранъ въ числѣ только что вышедшихъ изъ отрочества юношей; слѣдовательно, мы должны считать за вѣрное, что около 910 г. авторъ Житія Θεοκτιστη, предполагаемый Симеонъ Метафрастъ, имѣлъ около 30 лѣтъ. Хотя въ Житіи онъ и сравнивается съ дѣтенышемъ или молодымъ жеребенкомъ, перенимающимъ у матери ея приемы, однако это сравненіе относится не столько къ возрасту, такъ какъ послѣ идетъ рѣчь о женѣ, дѣтяхъ и собственномъ домѣ, принадлежащихъ сравниваемому лицу,

¹⁾ Spicilegium Romanum, t. X. Nicolai archiepiscopi Constantinopol. epistolae. Мы имѣемъ въ виду первое посланіе: τῷ περιδόξῳ καὶ λαμπροτάτῳ ἀμὴρῶ Κρητῆς, гдѣ находятся слѣдующія мѣста: "Ὡ καὶ διό τι πρὸς τὴν σὴν εἰσῆλασε χώραν Ἡμέριος καὶ τῆς Συρίας πόλιστα τὰ τινα ἐκπολεμήσας κεχείρωται, διὰ ταῦτα ὑποκείσονται Κύπριοι τιμωρίας... Ὡς οὐκ οὖν ἀδικον καὶ ἀπάνθρωπον πολεμεῖν Κυπρίους, διότι κατὰ τῆς ὑμετέρας ἐξεστράτευσε χώρας Ἡμέριος.

²⁾ См. Theophan. Contin. pag. 474.

³⁾ De cerimon. I, 657, 660.

сколько къ его положенію начинающаго въ отношеніи къ опытному знатоку своего дѣла. Итакъ, если Житіе Θεοκτισты дѣйствительно принадлежитъ тому лицу, которому оно приписано Пселломъ, то Симеонъ Метафрастъ родился приблизительно въ 880 году; если же онъ умеръ въ самомъ дѣлѣ при томъ поколѣннн, которое еще Пселлъ засталъ въ живыхъ, то онъ прожилъ никакъ менѣе ста десяти лѣтъ. Еслибы это было такъ, Пселлъ, вѣроятно, не прошелъ бы молчаніемъ въ своей похвалѣ такой важной черты.

Чтобы не опустить изъ виду чего-нибудь нужнаго и важнаго для рѣшенія занимающихъ насъ вопросовъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ другое сопоставленіе, которое обыкновенно дѣлается въ изслѣдованіяхъ о Метафрастѣ. Мы уже упомянули о томъ, что Имерій, отправленный въ 904 году на выручку Солуни, не успѣлъ спасти этотъ важный городъ; онъ былъ взятъ Сарацинами Льва Триполійскаго. Іоаннъ Каменіата, современникъ и очевидецъ, самъ пострадавшій вслѣдствіе печальнаго событія, въ разказѣ о разореніи Солуни и о своихъ собственныхъ злключеніяхъ въ плѣну Сарацинскомъ, сообщаетъ намъ, что когда эмиръ Левъ Триполійскій далъ позволеніе приходитъ въ захваченный и ограбленный имъ городъ бѣжавшимъ заранѣе и спасавшимся въ окрестностяхъ Грекамъ для выкупа плѣнныхъ, то сюда явился нѣкто Симеонъ, мужъ зрѣлаго и твердаго ума и большой опытности въ дѣлахъ; онъ посланъ былъ въ Солунь съ какимъ-то порученіемъ отъ цари за нѣсколько времени до ея взятія; авторъ не считалъ нужнымъ объяснять въ точности предметъ и цѣль порученія¹⁾. Именно этотъ Симеонъ былъ представителемъ греческой стороны при заключеніи сдѣлки, предложенной эмиромъ, относительно тѣхъ плѣнниковъ, перевозить которыхъ въ Тарсъ не было ни выгоды, ни возможности. Рѣшено было, что они останутся въ живыхъ дома, съ тѣмъ чтобы при заключеніи неизбежнаго договора о размѣнѣ плѣнныхъ императоръ Левъ считалъ оставленныхъ на родинѣ Солунцевъ тоже за сарацинскихъ плѣнниковъ и выкупилъ ихъ дарованіемъ свободы соотвѣтствующему числу плѣнныхъ мусульманъ. Симеонъ, увѣренный въ челоуѣколюбіи своего государя, отъ его имени скрѣпилъ договоръ своею клятвой и под-

¹⁾ Ιοαννης Καμενιάτα de excidio Thessalonicensi cap. 62 (Theophan. Continuat. ed. Bonn.), pag. 574. συνέπετο μετ' αὐτῶν καὶ τις ἀνὴρ καλοῦμενος Σιμεών, φρονήσει βεβηκώς καὶ διὰ πείρας ὡν πολλῶν πραγμάτων, ὅς ἦν πρὸς τοῦ βασιλέως σταλαῖς διὰ αἰτίαν τινὰ χρειώδη πρὸ μικροῦ τῆ πόλει, περὶ ἧς νῦν οὐκ ἀναγκαῖον εἰπεῖν.

писью. Когда затѣмъ злой и хитрый ренегатъ грозилъ уцѣлѣвшимъ городскимъ зданіямъ пожаромъ, то Симеонъ опять явился спасителемъ. Нуженъ былъ выкупъ, и онъ былъ представленъ въ тотъ самый моментъ, когда Сарацины уже поджигали дома въ приморскихъ частяхъ города. вмѣстѣ съ вліятельными и зажиточными горожанами — изъ тѣхъ, что пришли для выкупа плѣнныхъ, Симеонъ вытребовалъ у воеводы Стримонскаго округа два таланта денегъ, которые принадлежали казнѣ, предназначались для раздачи въ видѣ жалованья воинамъ и матросамъ сицилійской эскадры, дѣйствовавшей противъ Сарацинъ африканскихъ, и были туда отправлены съ царскимъ евнухомъ Родофилломъ; Родофиллъ прибылъ въ Солунь какъ разъ предъ нашествіемъ Льва Триполійскаго; принужденъ былъ отложить дальнѣйшее путешествіе и попалъ въ плѣнъ, успѣвъ заблаговременно передать чрезъ вѣрныхъ людей царскую казну сосѣднему воеводѣ, но за то обрекши себя заранѣе на всякія истязанія и мучительную смерть. Конечно, нуженъ былъ значительный авторитетъ, чтобы теперь взять эти деньги обратно изъ рукъ Стримонскаго воеводы. По свидѣтельству продолжателя хроники Георгія Амартола, который тоже говоритъ объ эпизодѣ спасенія Солуни отъ пожара деньгами Родофилла, Симеонъ былъ тогда асекретомъ (секретаремъ), но послѣ достигъ званія протасекрета и патриція ¹⁾. Обыкновенно думаютъ, что герой этой солунской исторіи, называемый Симеономъ, есть одно и то же лицо съ авторомъ разказа въ Житіи Θεοκτιστις Лезвійской, одно и то же лицо съ Симеономъ Метафрастомъ. Съ хронологической точки зрѣнія въ этомъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ между взятіемъ Солуни (904 г.) и поѣздкою въ Бритъ извѣстнаго намъ лица (около 910 года)—разстояніе не болѣе шести лѣтъ. Но есть одно обстоятельство, которое препятствуетъ несомнѣнности отождествленія, и которое въ первый разъ выставлено на видъ Ф. Гиршемъ въ его „Византійскихъ студіяхъ“. Вотъ какъ объясняетъ свои сомнѣнія названный ученый: „Въ продолженіи Георгія сообщается, что Симеонъ 904 года послѣ сдѣлался патриціемъ и протасекретомъ, а о

¹⁾ Hamartol., ed. *Muralt*, pag. 784: διερχόμενος δὲ Συμεὼν ἀσκηρῆτις, ὁ μετὰ ταῦτα γεγὼς πατρικίος καὶ πρωτασκηρῆτις, ἀνελάβετο τὸ τε χρυσίον καὶ τὰ δῶρα, ἅπερ εἶασεν ὁ Ροδοφύλλης ἐν τῇ ὁδῷ καὶ πολλὰ βασανισθεὶς ἐτέλευτήσε. Τοῦ δὲ Τριπολίτου βουλομένου τὴν πόλιν καταστρέψαι, μαθὼν Συμεὼν δηλοῖ αὐτῷ λαβεῖν χρυσίον καὶ ταύτην εἶσαι.

Симеонъ Метафрастъ мы не знаемъ, чтобъ онъ носилъ эти званія; напротивъ, намъ извѣстно, что онъ занималъ гораздо высшее положеніе—логоета. Еслибъ оба Симеона были тождественны, то логоетъ, авторъ продолженія къ хроникѣ Георгія, упоманувшій о позднѣйшемъ повышеніи асекрета Симеона, конечно, не преминулъ бы прибавить, что онъ достигъ и того другаго — высшаго достоинства. Сходство имени еще не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ Симеонъ есть названіе, довольно часто встрѣчающіеся у Византійцевъ. Подстолбтіемъ позднѣе находимъ мы, что рядомъ упоминаются два лица такого же имени, притомъ облеченныя тѣми же званіями — въ 963 и 968 годахъ мы встрѣчаемъ патриція и протасекрета Симеона, а въ 975 году магистра и логоета Симеона, знаменитаго знаніемъ астрономіи: опять нѣтъ никакого повода считать ихъ тождественными¹⁾. Не всѣ замѣчанія, здѣсь высказанныя, имѣютъ одинаковый вѣсъ. Мы уже показали выше, что Симеонъ Метафрастъ, по всей вѣроятности, былъ протасекретомъ; примѣръ Имерія, который возведень былъ въ логоеты дрома тоже изъ протасекретовъ, доказываетъ, что такого рода повышеніе было обыкновеннымъ въ чиновной византійской карьерѣ. То, что продолжатель Георгія Амартола упоминаетъ о возвышеніи Солунскаго Симеона въ протасекреты, но ничего не говоритъ о достиженіи имъ должности логоета, — это только въ такомъ случаѣ будетъ имѣть значеніе, если мы допустимъ, что продолжатель писалъ приведенныя строки по завершеніи всей служебной карьеры Симеона Метафраста другими словами: пережилъ его. Но этого никакъ нельзя считать доказаннымъ, или даже возможнымъ. Здѣсь же кстати сдѣлать замѣчаніе относительно титуловъ патриція и магистра. Въ данное время эти громкія названія были именно одними почетными титулованіями, принадлежавшими высшимъ служебнымъ должностямъ, и притомъ такъ, что титулъ патриція былъ низшимъ сравнительно съ титуломъ магистра; съ производствомъ въ высшую должность давался и высшій титулъ. Такъ знаменитый юристъ Θεодоръ Декаполитъ былъ сначала патриціемъ, а потомъ магистромъ²⁾. Протасекреты обыкновенно бывали патриціями; логоеты дрома — патриціями, и магистрами³⁾. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ не только вѣроятнымъ, но даже несомнѣннымъ, что

¹⁾ *Hirsch*, *Byzantin. Studien*, pag. 312.

²⁾ *Zachariae*, *Jus Graecoromanum*, III, 261, 281.

³⁾ *Constant. Porphyrog. de cerim.* I, 728, 729 et pass.

патрицій и протасекретъ 968 года есть одно и то же лице съ магистромъ и логоетомъ 975 года; произошло только совершенно правильное повышеніе по службѣ и рангу. Симеоновъ, дѣйствительно, могло быть много у Византіяцевъ: но только немногіе изъ нихъ достигали высшихъ должностей, и только тотъ могъ всѣхъ скорѣе сдѣлаться магистромъ и логоетомъ, кто ранѣе былъ протасекретомъ и патриціемъ. Мы еще воротимся къ Симеону 975 года, такъ какъ онъ имѣеть для насъ весьма большую важность.

Гораздо болѣе основательными кажутся намъ разсужденія нѣмецкаго ученаго относительно тожества Симеона 904 года и Симеона 910 года (считаемаго имъ за Симеона Метафраста) съ логоетомъ и магистромъ Симеonomъ, авторомъ любопытной и загадочной хроники, интересующей особенно русскихъ ученыхъ,—хотя и здѣсь его выводы нужно будетъ подвергнуть небольшому видоизмѣненію. Пока мы можемъ говорить его словами:

„Ни съ которымъ изъ тѣхъ обоихъ Симеоновъ, современныхъ Льву VI, не можетъ быть тожественъ логоетъ и магистръ Симеонъ, сочинитель нашей хроники: это обнаруживается совершенно просто изъ хронологическихъ отношеній. Въ хроникѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на личность автора; когда онъ жилъ—это тѣмъ менѣе доступно точному опредѣленію, что мы пока даже не знаемъ навѣрно, какъ далеко достигала его хроника. Но во всякомъ случаѣ твердый пунктъ состоитъ въ томъ, что онъ написалъ свое сочиненіе никакъ не ранѣе времени императора Никифора Фоки (963—969 гг.). Какъ показано будетъ ниже, кромѣ другихъ источниковъ, онъ пользовался Георгіемъ (Амартоломъ) и его продолженіемъ, хроникою логоета, а также продолженіемъ Теофана; а оба эти произведенія, хроника логоета и продолженіе Теофана, какъ доказано, кончены именно при названномъ императорѣ; слѣдовательно, хроника магистра Симеона могла быть написана только позднѣе. Теперь, какъ асекретъ Симеонъ, котораго мы узнаемъ въ 904 году, такъ и логоетъ Симеонъ, сочинитель житій святыхъ, котораго мы узнаемъ около 903 года, должны были во время Никифора имѣть приблизительно около 90 лѣтъ: возрастъ, въ которомъ немногіе достигающіе его люди не имѣютъ обычая предаваться литературнымъ занятіямъ. Куникъ, первый обратившій вниманіе на этотъ пунктъ, выставилъ еще нѣкоторые возраженія противъ тожества нашего хрониста съ Симеonomъ Метафрастомъ, котораго онъ еще считаетъ тожественнымъ съ асекретомъ 904 года. Онъ считаетъ непонятнымъ, какъ такой высоко-

поставленный и замѣчательный человекъ, какъ Симеонъ Метафрастъ, могъ произвести на свѣтъ столь тощее и сухое дѣтище, какъ наша хроника, составленная большею частію по другимъ болѣе подробнымъ хроникамъ. Далѣе онъ указывалъ на то, что Симеонъ Метафрастъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ жизнеописанія Теокисты обѣщалъ при другомъ случаѣ подробнѣе поговорить объ адмиралѣ Имеріѣ, а между тѣмъ это обѣщаніе въ томъ мѣстѣ хроники, гдѣ къ тому представлялся наилучшій поводъ, оказывается не исполненнымъ, а напротивъ сочинитель хроники скорѣе обнаруживаетъ къ личности Имерія полное равнодушіе. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе и на то, что нашъ хронистъ нѣсколько отстываетъ отъ своего источника (Куникъ считалъ таковымъ продолженіе Теофана) именно при разказѣ о солунскихъ событіяхъ 904 года, и именно здѣсь совершаетъ промахъ, называя того Симеона, то-есть, по общепринятому мнѣнію—себя самаго, уже тогда протасекретомъ. Первые два возраженія кажутся мнѣ не особенно состоятельными. Человекъ, въ иныхъ отношеніяхъ почтенный и высокопоставленный, не обязанъ непременно быть дѣльнымъ историкомъ, и по извѣстнымъ примѣрамъ такая несамостоятельная дѣятельность, какъ выписываніе изъ другихъ источниковъ, не можетъ казаться странною у византійскаго хрониста, и всего менѣе у Симеона Метафраста, который и при сочиненіи житій святыхъ ограничивался почти только переработкою другихъ древнѣйшихъ писателей. Относительно Имерія точно также не было бы ничего удивительнаго, если бы сочинитель, давъ въ одномъ болѣе раннемъ сочиненіи извѣстное обѣщаніе, въ другомъ позднѣйшемъ забылъ о немъ. Напротивъ, послѣдній пунктъ всячески заслуживаетъ болѣе пристальнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ хронистъ Симеонъ показываетъ въ своемъ разказѣ о дѣятельности того Симеона 904 г. въ Солуни нѣкоторыя отступленія отъ своего источника, которымъ для него служило не продолженіе Теофана, какъ думалъ Куникъ,—а хроника логогета, продолженіе Георгія (Амартола). Отступая отъ своего источника, нашъ хронистъ сообщаетъ, что тотъ Симеонъ былъ протасекретъ (вмѣсто асекретъ), далѣе, что онъ былъ посланъ къ Франкамъ (вмѣсто Сициліи), далѣе прибавляетъ, что золото находилось въ корзинѣ, и что пощажены были какъ самый городъ, такъ и его стѣны ¹⁾. Два послѣднія отступленія слишкомъ мелочны,

¹⁾ Sim. mag., pag. 707 (ed. Bonn.): βουλομένων δὲ αὐτῶν καὶ τὴν πόλιν καταστρέφαι, Σιμεῶν ὁ πρωτ-ασηκρητὴς εὐρεθεὶς λαβῶν πρὸς Ροδοσόφλου τοῦ ἀποστα-

чтобы можно было придавать имъ важность; но за то другія два сообщенія содержатъ такія неправильности, какихъ всего менѣе можно ожидать отъ лица, принимавшаго прямое участіе въ событіяхъ. Если здѣсь Симеонъ названъ сейчасъ же протасекретомъ, то очевидно, это происходитъ отъ того, что составитель слишкомъ неточно и поспѣшно соображалъ свой источникъ; что же касается извѣстія, что Родофиллъ былъ посланъ къ Франкамъ, то оно неясно, и трудно догадаться, какъ дошелъ до него сочинитель. Очевидецъ Іоаннъ Каменіата, согласно съ продолженіемъ Георгія, сообщаетъ, Родофиллъ самъ показывалъ, что его золото было назначено для византійскихъ войскъ въ Сициліи; а что это войско состояло преимущественно изъ франкскихъ наемниковъ (такъ пытался объяснить Франковъ Куникъ) — на это нигдѣ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, и это очень мало вѣроятно.

„Муральтъ (въ Опытѣ Византійской хронографіи) и Рамбо (въ сочиненіи о Константинѣ Багрянородномъ), слѣдуя ему, думаютъ устранить хронологическія трудности, сопротивляющіяся отождествленію нашего хрониста съ Симеономъ Метафрастомъ, посредствомъ предположенія, что Симеонъ самъ написалъ не всю хронику, но что его трудъ достигалъ первоначально только до 912 года, до смерти Льва VI, а остальная часть естъ позднѣйшее продолженіе другой руки. Но это предположеніе совершенно произвольно. Какъ единственное основаніе, Муральтъ приводитъ то обстоятельство, что въ двухъ этихъ частяхъ хронологія опредѣляется различнымъ образомъ, въ первой—посредствомъ указанія годовъ царствованія императоровъ, во второй—посредствомъ счета по индиктамъ. Но это обстоятельство, допускающее и другое толкованіе, совсѣмъ недостаточно, чтобы послужить основаніемъ для вышеозначеннаго предположенія; прежде всего нужно обратить вниманіе на цѣлую структуру и составъ сочиненія и затѣмъ изслѣдовать, можно ли различить существенныя отличія въ тѣхъ двухъ частяхъ. Этого именно и нѣтъ; хроника, какъ въ первыхъ, такъ и въ позднѣйшихъ частяхъ, является компиляціей изъ другихъ источниковъ, переработанныхъ вездѣ по одному способу;

λέντος πρὸς τοὺς Φράγγους μετὰ χαλκισκίου χρυσοῦ λίτρας ρ' ὅς καὶ δέδωκεν τὸ τε χρυσοῦν καὶ τὸ χαλκισκίον τοῖς Σαρακηνοῖς· καὶ εἶσαν τὴν πόλιν καὶ τὰ τεῖχη. Впрочемъ, Гаршъ не понялъ, что слово *χαλκισκίον* здѣсь по византійскому словоупотребленію значитъ приношеніе, подарокъ, *sportulum*, *honorarium*, *donum*; *χαλκισκίον* здѣсь—*дѣра*. За то отсюда же дѣлается ясною полная неосновательность предположенія А. А. Куника, что подѣ Франками разумѣются наемники.

итаѣ, въ высшей степени не вѣроятно, чтобы такая совершенно однородная работа могла происходить отъ различныхъ сочинителей“¹⁾).

Гиршъ далѣе доказываетъ однородность хроники посредствомъ тщательнаго и полнаго анализа всего ея содержанія. Въ основательности его изслѣдованія не можетъ быть никакого сомнѣнія; результатъ онаго тотъ, что Симеонъ 208—210 годовъ, авторъ житія Θεоктисты, или что то же, Симеонъ Метафрастъ, составитель сборника житій святыхъ, никакъ не можетъ быть считаемъ составителемъ хроники, приписываемой магистру и логоеету Симеону, хотя послѣднй въ нѣкоторыхъ рукописныхъ экземплярахъ хроники и называется тоже Метафрастомъ: авторъ сказанія о Θεоктистѣ жилъ въ первой половинѣ X вѣка, а составитель хроники во второй половинѣ того же столѣтїа. Но такой выводъ не устраняетъ противорѣчїй, какія обнаруживаются при сопоставленїи обстоятельствъ жизни и смерти Метафраста, переданныхъ Пселломъ, съ нѣкоторыми выраженїями автора житія Θεоктисты о самомъ себѣ. Сверхъ того, все-таки нельзя будетъ отрицать, что оба Симеона—Метафрастъ и составитель хроники—носили должность логоеета и санъ магистра, при чемъ государственная дѣятельность перваго будетъ падать на царствованіе Романа Лакапина и Константина Багрянороднаго (913—945 гг.). Отчего же на страницахъ современной исторїи не встрѣчается логоеета такого имени? Повторяемъ, что Симеоновъ было много, но только одинъ изъ всѣхъ Симеоновъ въ извѣстный періодъ времени носилъ званіе дромологоеета, и тотъ, кто достигалъ этого, почти всегда оставлялъ послѣ себя память на страницахъ исторїи. Въ данный періодъ времени мы знаемъ логоеетовъ дрома—Стиліана, Агіополита, Имерїя при Львѣ Мудромъ²⁾, Θому и Козьму при Константинѣ и Романѣ³⁾; затѣмъ въ самостоятельное правленіе Константина выразителями его воли и составителями его эдиктовъ (новыхъ заповѣдей) являются сначала патрицій и квесторъ Θεофилъ, затѣмъ патрицій и квесторъ (послѣ магистръ и квесторъ) Θεодоръ Декаполитъ⁴⁾, между тѣмъ какъ Симеонъ Метафрастъ въ своихъ письмахъ хвалился, что царь пользуется его языкомъ и рѣчью для выраженія своихъ повелѣнїй.

¹⁾ *Hirsch*, *Byzantinische Studien*, 313—317.

²⁾ *Hamartol. Chron.*, ed. *Muralet*, pp. 767, 788.

³⁾ *Ibid.*, Θομα: *Theophan. Contin.* p. 383. Козма: *Hamartol.* pag. 827.

⁴⁾ *Zachariae*, *Jus Graecorum*. III, 253, 261, 267, 281. См. каждый разъ написанія новеллъ.

Не разрѣшатся ли всё эти затрудненія, если мы сдѣлаемъ такого рода догадку: составителемъ хроника дѣйствительно былъ Симеонъ Метафрастъ, жившій во второй половинѣ X вѣка и носившій тогда званіе логоэета (дрома) и магистра, но онъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, ни съ Симеономъ 904 года, ни съ путешественникомъ, посѣтившимъ Паросъ около 908—910 годовъ,—будетъ это одно лицо или нѣтъ съ героемъ солунскихъ событій. Другими словами, мы предполагаемъ, что Пселлъ въ составленномъ имъ канонѣ сдѣлалъ ошибку, приписавъ Метафрасту житіе Θεоктисты. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія представитъ положительныя доказательства въ пользу такого предположенія.

IV. Житіе Павла Латрсакаго.

Мы уже имѣли случай указать на одинъ документъ монастыря св. Павла на горѣ Латрѣхъ близъ Милета, въ которомъ упоминалось имя Симеона Метафраста и прямо приписывалось ему сочиненіе житія самого основателя лавры, святаго Павла ¹⁾. По поводу одной тяжбы съ сосѣдями въ 1196 году игуменъ монастыря долженъ былъ доказывать предъ судомъ патріаршимъ самостоятельность и независимость лавры. Предъ лицомъ патріаршихъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ напоминаетъ своимъ прозваніемъ знаменитаго канониста (Арестинъ), игуменъ ссылался на монастырскій уставъ и приводилъ изъ него то мѣсто, гдѣ выводился на сцену самъ основатель лавры, Павелъ Латрскій, ведущій свою предсмертную бесѣду съ братіей, и наконецъ, поручающій попеченіе о ней послѣ своей кончины ни кому другому, кромѣ самаго Христа, ни царю, ни папѣ. Но оказывалось, что монастырскій уставъ, никѣмъ не утвержденный, еще не могъ служить непререкаемымъ доказательствомъ, и потому пришлось обратиться къ житію преподобнаго Павла, авторомъ котораго признавался святой Симеонъ Метафрастъ. Разказъ о кончинѣ святаго Павла, о его прощальныхъ словахъ и предсмертномъ общаніи представлялся въ изложеніи житія въ сущности сходнымъ съ изложеніемъ монастырскаго типика. Признавая высокой авторитетъ свидѣтельства, принадлежащаго Метафрасту, чины патріаршаго при-

¹⁾ См. июльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* 1880 года, стр. 109.

каза признали полную самостоятельность лавры и выдали соответствующий документъ ¹⁾.

Трудно допустить, чтобы въ данномъ случаѣ могла быть сдѣлана ошибка, и потому мы можемъ изучать житіе Павла Латрскаго какъ дѣйствительное произведение Симеона Метафраста. Греческій подлинникъ житія остается до сихъ поръ не изданнымъ, но мы имѣли возможность пользоваться Парижскимъ кодексомъ, заключающимъ весьма исправный его текстъ ²⁾.

Вступленіе развиваеъ ту мысль, что добродѣтель и святость не зависятъ отъ времени и одинаково могутъ существовать въ новѣйшее время, какъ могли въ древнее. Напрасно многіе думаютъ, что великіе подвижники могли являться только въ старинныя времена, и что новѣйшее время вообще отличается холодностью къ вѣрѣ и малою заботой о дѣлахъ благочестія. Такое мнѣніе оказывается неосновательнымъ и не выдерживающимъ повѣрки; ибо какъ въ древнее время много было людей, относившихся съ небреженіемъ къ добродѣтели и даже совсѣмъ ее презиравшихъ и предпочитавшихъ зло, такъ, наоборотъ, даже по нынѣ является не мало людей, пылающихъ къ ней горячею любовью и неуклонно шествовавшихъ по пути къ ней ³⁾. Таковъ былъ и празднуемый нынѣ Павелъ — по времени являющийся малымъ, но подвигами добродѣтели никому не уступающій изъ

¹⁾ *Miklosich*, Acta graeca, IV, 306: Κὰν ἀβεβαίον, φησι, τὸ τοιοῦτον ἦν τοπικόν, ἀλλὰ βεβαιοῦται ὡς ἐν τῷ ἔδοξέ φησι τῶν ἐμπεριεχομένων ῥημάτων τῷ ἐκτεθέντι καὶ συγγραφέντι παρὰ τοῦ ἁγίου ἐκείνου Μεταφραστοῦ χυροῦ Συμεῶν τοῦ λογοθέτου βίῳ τοῦ ῥηθέντος ὁσίου Παύλου τοῦ καὶ δομητοροῦ τῆς μονῆς, ἐνθα φησὶν ἐκπέμπεται τοίνυν εἰς τῶν μοναχῶν, ὅς καὶ ἀπαντὰ τοῖς κληθείαι πρὸς τὸν μέγαν ἀνερχομένοις ὡς δὲ κατέλαβον καὶ εἰς λόγους αὐτοῖς ἔρχεται· и т. д. Ср. ниже, pag. 307. Καὶ μετ' ὀλίγα· ὅτι δὲ ἀληθῆς ἡ ἐπαγγελία τὸ ἐπὶ Λαζάρῳ γενόμενον, εἰς δὲ οὗτος τῶν μοναχῶν, μετὰ τὴν εἰς θεὸν τοῦ πατρὸς ἐκδημίαν, ἀκριβῶς δηλώσει, ὡς περ ἄρα περὶ αὐτοῦ καὶ τῷ τῆς λαύρας ἐγγέγραπτο βιβλίῳ.

²⁾ Codex Paris. 1195 (ancien fonds), fol. 204 et seqq.

³⁾ Fl. 205 recto: Μάτην οἱ πολλοὶ τὸν χρόνον αἰτίον ἀξιοῦσιν τοῦ περὶ τὰ καλὰ ζήλου καὶ τῶν ἄκρων τῆς ἀρετῆς βαθμῶν καὶ τῆς ἄχρι τέλους ἀναβάσεως· τοὺς μὲν πάλαι γεγενημένους σφοδρούς ἐπιθυμιτὰς αὐτῆς καὶ ζηλωτὰς ὑπάρχει λέγοντες, τοὺς δὲ γε νῦν ἢ καὶ μικρῷ πρόσθεν γενομένους μαλακὰς καὶ ψυχροτέρους ἔχειν τὰς πρὸς ἐκείνην ὀρμὰς, καὶ μὴδὲ μέχρι τοῦ μέσου ταύτης ἀναβῆναι σπουδῆν τιθεμένων· οὐδὲν ἀσφαλές· οὐδ' ἐχέγγυον ὑπὲρ τούτου λέγοντες· ὡς περ γὰρ κὰν τοῖς παλαιτέροις τῶν χρόνων πολλοὶ τινες ἦσαν οἱ μὴ μόνον ῥαθυμῶς τῆς ἀρετῆς ἤπτοντο, ἀλλὰ καὶ εἰς ἅπαν ὀλιγωροῦντες αὐτῆς πρὸς κακίαν ἐχώρουν· οὕτω δὲ κὰν τοῖς μετὰ ταῦτα καὶ μέχρι τοῦ νῦν οὐκ ὀλίγοι θερμῷ τῷ πρὸς αὐτὴν διατετήχασιν ἔρωτι καὶ τὴν ἐκείσε φέρουσαν συντόνως ὁδοιποροῦντες.

древнихъ: напротивъ, можно сказать, что на сколько онъ отстаетъ отъ нихъ по времени, на столько опережаетъ своими трудами и подвигами ¹⁾.

Родиною блаженнаго Павла былъ городъ по имени Элея, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ Пергама, а Пергамъ — одно и то же съ Азіей ²⁾. Отецъ его назывался Антиохомъ, а мать Евдскіей. Антиохъ занималъ въ мірѣ (свѣтѣ) очень высокое положеніе: онъ служилъ во флотѣ и былъ въ немъ отдѣльнымъ начальникомъ (comes). Онъ умеръ вслѣдствіе тяжелой раны стрѣлою, полученной въ сраженіи съ критскими Агаранами близъ острова Хіоса ³⁾; вдова его съ двумя дѣтьми поселилась послѣ того во Фригіи, въ одномъ селеніи, которое называется Петровымъ и находится въ сосѣдствѣ съ мѣстностію, именуемою Мариватами, откуда происходилъ блаженный Іоанникій, состоявшій въ родствѣ съ Евдскіей ⁴⁾. Дѣти назывались Василій и Павелъ. Какъ и въ другихъ многихъ житіяхъ, здѣсь не опущено упоминаніе о школьномъ образованіи обоихъ братьевъ, дѣтей умершаго сановника. Въ данномъ случаѣ прямо замѣчено, что мѣстомъ первоначальнаго ихъ обученія былъ монастырь, монастырская школа ⁵⁾. Затѣмъ рѣчь идетъ о томъ, какъ старшій братъ Василій противъ собственной воли и охоты долженъ былъ взять себѣ жену, и какъ тотчасъ же послѣ брака онъ оставилъ родину и удалился на гору Олимпъ, сдѣлавшуся давно однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ монашеской жизни, и поселился тамъ въ лаврѣ св. Иліи ⁶⁾. Но такъ какъ пребываніе его здѣсь

¹⁾ τοιοῦτός τις ἐστὶν καὶ ὁ σήμερον ἡμῖν εἰς ἑορτὴν προκείμενος, ὁ θεσπέσιος φημι Παῦλος κ τ. δ.

²⁾ Fol. 205 verso: Φύτο μὲν οὖν τοῦτο δὴ τὸ θεῖον θυτὸν πόλις Ἐλαία τοῦ νομα, οὐ μακρὰν οὔσα Περγάμου· ἢ Πέργαμος δὲ Ἀσία. Ἀντίοχος καὶ Εὐδοκία ὀνόματα τοῖς πατράσιν.

³⁾ πλὴν Ἀντίοχος καὶ ἀρχὴν τινα κοσμικὴν μετῆει, καὶ κόμης ἦν ἐν τῷ πλωτικῷ στρατῷ· ὃν καὶ πολέμου ποτὲ συρραγέντος περὶ τὴν Χίον πρὸς γε τοὺς Κρητὰς Ἀγαρηνοὺς, βέλει χαλεπῶς βληθέντα τῇ οἰκίᾳ τε οὐκ εἰς μακρὰν ἐπανελθόντα καὶ αὐτὸ τὸ τοῦ βίου πέρας ὄρᾳ.

⁴⁾ καὶ οἰκειρδὲ ἐν τινι χωρίῳ, ὁ τοῦ Πέτρου μὲν λέγεται, προσεχὲς δὲ ἐστὶ τοῖς τοῦ Μαρυκάτου κατονομαζομένοις, ὅθεν ὁ θεῖος ἐν μοναχοῖς Ἰοαννίκιος ὠρμητο.

⁵⁾ Τοὺς μέντοι παῖδας αὐτῆς τὸν Βασίλειον καὶ τὸν Παῦλον τὸ τοῦ ἀγίου Στεφάνου σεμνεῖον ἐπί διδασχῇ γραμμάτων παραλαμβάνει.

⁶⁾ πρὸς τὰ τοῦ Ὁλύμπου ὄρη θάττον μεταναστεύει· ἔπειτα δὲ τῇ ἐκεῖ μὲν ὑπαρχούσῃ λαύρᾳ τοῦ ἀγίου δὲ Ἡλίου καλουμένην πρόσεισι.

скоро сдѣлалось извѣстнымъ, то Василій, недовольный частыми посѣщеніями родныхъ и знакомыхъ, оставивъ Олимпъ, поселился временно на другой горѣ, называемой Аврахіаномъ или Врахіаномъ, затѣмъ окончательно основался на горѣ Латрѣ близъ Милета ¹⁾. Здѣсь Василій вспомнилъ о братѣ, пожелалъ его видѣть подлѣ себя и на той же дорогѣ ко спасенію. Онъ нанялъ одного монаха, чтобы тотъ отправился и привелъ къ нему брата. Посланный нашелъ Павла въ печальномъ положеніи круглаго сироты, такъ какъ за это время умерла и его мать. Онъ дошелъ до крайней бѣдности, такъ что вынужденъ былъ наниматься у туземныхъ жителей на работу и пасъ свиней. Обыватели села Петрова не хотѣли отпустить Павла съ незнакомымъ человѣкомъ; имъ приходило даже на умъ довольно характеристичное предположеніе, что незнакомецъ замышляетъ продать его въ рабство. Нѣсколько разъ посылалъ такимъ образомъ Василій за своимъ братомъ; наконецъ, самъ пришелъ къ нему. Поживъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ, онъ затѣмъ увелъ его съ собою, и оба пришли на гору Латрѣ къ Петру, настоятелю монастыря Карійскаго, великому угоднику и чудотворцу ²⁾. Павелъ, порученный своимъ старшимъ братомъ попеченіямъ и руководительству карійскаго настоятеля, остался у этого старца въ услуженіи, а Василій возвратился сначала на Врахіанову гору, а потомъ и на Олимпъ. Здѣсь, въ упомянутой выше лаврѣ св. пророка Иліи, онъ подвизался до конца дней своихъ, бывъ въ ней настоятелемъ. Павелъ, оставшійся на горѣ Латрѣ, старался во всемъ подражать избранному руководителю, старцу Петру, но и самъ изобрѣталъ новые подвиги. Такъ, для борьбы съ дремотой, онъ придумалъ особенное средство „нѣкоторое испытаніе и какъ бы бичъ тяжкій противу сна“. По трудности этого дѣла, продолжаетъ авторъ Житія,—оно можетъ показаться, пожалуй, невѣроятнымъ, особенно для тѣхъ, кто привыкъ полагать себя; однако, если бы мы вздумали не вѣрить тѣмъ, кто объ этомъ разказывалъ, то мы заслужили бы справедливое порицаніе, потому что свидѣтели и очевидцы факта находятся на лицо, притомъ не въ количествѣ одного или двухъ, но по крайней мѣрѣ двадцати человѣкъ; это суть

¹⁾ καὶ πάλιν ἀναστὰς ἀπὸ τῶν ἐγγυτέρω πρὸς τὰ μακρότερα τοῦ ὄρους—Ἀβραχίανος καλεῖται—μεταφορῶν καὶ τῆ τοῦ Λάτρου ὄρει πλησιόχωρος γίνεται.

²⁾ Fol. 206: Ἐπειτα παραλαβὼν αὐτὸν (Παῦλον) ἀπεισι πρὸς τὸ Λάτρον, καὶ τῆ μεγάλῃ πατρὶ τοῦτον καὶ θαυματοῦρῳ Πέτρῳ, ὃς τῆς μονῆς ἦπερ ἡ Καρὺα ὠνόμασται, ἐξηγεῖτο,—ἐγγχειραῖζει.

лица, которыя жили вмѣстѣ съ сподвижникомъ и отличаются не только правдолюбіемъ, но и добродѣтелью. Всѣ они разказывали объ этомъ согласно, и во главѣ ихъ великій по добродѣтели Гавріилъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже ¹⁾). Самый подвигъ, дѣйствительность котораго подтверждается всѣми этими свидѣтелями, состоялъ въ томъ, что Павелъ, когда его клонило ко сну, привѣшивалъ на плечахъ два тяжелые камня и такъ ходилъ вокругъ монастыря. Не довольствуясь аскетическими подвигами вмѣстѣ съ другими братьями, Павелъ стремился къ уединенію и пустынножителству; онъ открылъ свой помысль одному изъ своихъ сподвижниковъ, Димитрію, который былъ къ нему наиболѣе привязанъ, а также пользовался наибольшимъ его расположеніемъ. Согласившись, они поднимаются вдвоемъ на самую вершину горы Латра, затѣмъ спускаются на южную ея сторону и приходятъ въ лавру, называемую Келливарами, гдѣ и познакомились съ братіей ²⁾). Однако, цѣль ихъ была не въ томъ, чтобъ оставаться въ общежитіи, и вотъ они розыскали въ нѣкоторомъ удаленіи, въ мѣстности, называемой Филеримомъ, незанятую и уединенную пещеру. Замѣчательны преданія, сообщаемыя въ Житіи объ этой мѣстности. Тутъ были постройки древнихъ людей и городовъ, по имени Иравлія, въ которомъ, по преданію, сообщаемому авторомъ Житія, училъ нѣкогда апостоль Апелла (отъ семидесяти). Стѣны и дорогихъ построекъ и въ прежнее время не было на этомъ мѣстѣ; скалы и утесы, дикое недоступное положеніе служили для жителей достаточною охраною. Вотъ именно поэтому сюда спаслись нѣкогда подвижники горъ Синая и Раваа, успѣвшіе бѣжать отъ постигшаго ихъ нападенія и грозившаго избіенія сарацинскаго. Ихъ было числомъ триста человекъ; повинувшись руководительству ангеловъ, они прибыли къ Филериму и поселились тамъ ³⁾). Но суды Бо-

¹⁾ Fol. 207 recto: Ἄλλα καὶ αὐτὸς ἐπινενόηκέ τι ἕτερον ὕπνου πικρὰν βάσανον καὶ οἰοεὶ μάλιστα βαρεῖαν. Ὅπερ ἐκ τοῦ πράγματος χαλεπότητος ἔτοιμον ἀπιστεῖν καὶ μάλιστα τοῖς φανουστότεροις, ἀπὸ δὲ τῶν ἐξηγησαμένων τὸ μὴ πιστεῦειν οὐδαμῶς ἐλευθερον μέμψεως. Τοὺς γὰρ ἐξηγητὰς αὐτοὺς ἐκείνους καὶ θεατὰς ἔχομεν, οὐχ ἓνα ἢ δύο, ἀλλὰ καὶ τῶν εἰκοσιν οὐκ ἐλάττους, οἱ μέγιστον τε συμβεβίωκασιν καὶ εἰσὶν οὐ φιλαλήθεις ἀπλῶς, ἀλλὰ κομιδῆ καὶ φιλάρετοι:—οἱ περὶ τοῦτο διηγήσαντο σύναμα τῶ μεγάλῳ τὴν ἀρετὴν Γαβριήλ.

²⁾ Fol. 208: ἀνίσταί πρὸς τὴν κορυφὴν τοῦ ὄρους, τοῦ Λάτρου φημί: ἐξ ἐκείνου δὲ καὶ πρὸς τὸ νότιον κατέρχονται μέρος, πρὸς αὐτὴν τε τὴν οὕτω λεγομένην τῶν Κελλιβάρων ἔρχονται λαύραν.

³⁾ Ἐπειτα δὲ τῆς ἐλευθέρη μου σπύλαα ἱστοροῦσιν ἐνθα καὶ πολίχινον ὑπήρχε,

жизни неисповѣдимы: и здѣсь они не нашли себѣ безопасности и спокойнаго убѣжища. Не только обитатели Филерима, но и всѣ другіе монахи, жившіе въ обителяхъ, разсѣянныхъ по горѣ Латру, сдѣлались добычею непріятелей; спаслись только тѣ, которые скрывались отъ глазъ вражескихъ на Микалѣ, что въ просторѣчи называется обыкновенно горою Врахіановою¹⁾. Укрывшіеся здѣсь монахи, послѣ удаленія Сарацинъ, воротились снова на свои прежнія мѣста въ разныхъ пунктахъ горы Латра; они собрали трупы убитыхъ и скоронили ихъ въ пещерѣ Келливарской. Въ сосѣдствѣ съ нею погребенъ былъ и великій Акакій, о которомъ упоминаетъ знаменитый Іоаннъ Лѣствичникъ, такъ какъ этотъ Акакій подвизался тоже въ Келливарахъ²⁾. Всѣ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ описатель Житія, — заимствованы не изъ какихъ-нибудь случайныхъ сообщеній и спорныхъ источниковъ, но они содержатся въ памятныхъ записяхъ, хранящихся въ знаменитой лаврѣ Латрской³⁾.

Вотъ въ этомъ-то Филеримѣ поселился Павелъ вмѣстѣ съ Димитріемъ. Они обошли всѣ тамошнія пещеры и нашли одну, которая имъ особенно понравилась: въ ней они и остановились. Димитрій находилъ мѣсто совершенно неудобнымъ для жительства и приглашалъ своего спутника поселиться ближе къ монастырю Келливарамъ⁴⁾. „Памъ слѣдуетъ воротиться назадъ ближе къ Келливарамъ и пристать къ которому-нибудь изъ безмолвствующихъ тамъ; такимъ образомъ мы не будемъ терпѣть отъ недостатка въ пищѣ, а всегда будемъ

παλαίων ἀνδρῶν οἰκοδομήματα Ἡράκλεια τοῦτο ὄνομα, ἐφ' ᾧ καὶ Ἀπελλᾶν ἀπόστολον τὸν σοφὸν διδάξει τέ φασὶ καὶ κηρῆσαι τὸ κατὰ Χριστὸν Εὐαγγέλιον.

Fol. 208 verso: Φασὶ δὲ καὶ τοὺς ἐν τῷ Σινᾷ καὶ τῇ Ραῖθου ὄρεσιν ἀκουμένους, ὅσοι δηλαδὴ τὸν προγεγενημένον τῶν Σαρακηνῶν διέφυγον φόνον—τριακόσιοι οὗτοι τὸν ἀριθμὸν ἴσαν — — πρὸς τῇ Φιλερήμῳ τῆδε κατοικήσαι

1) Εἰθ' οὕτως, οἷά σου τὰ ἀπόρρητα Χριστὲ κρίματα! κἀν τῇ Φιλερήμῳ ὄντες ἔργον, οἶμοι, τοῦ Σαρακηνῶν ἕϊφος γίνονται.—Καὶ οὐκ αὐτοὶ μόνοι, ἀλλὰ καὶ ὅσοι τῶν μοναχῶν ἕτεροι παρ' ὅλον τὸ ὄρος τοῦτο διεσκήνηντο, θήραμα γεγόνασι τῶν ἐχθρῶν, μόνων καταλειφθέντων τῶν εἰς τὴν Μυκάλην τὸ ὄρος διαφυγόντων, ὁ σύνθετος ὀνομάζειν Βραχιανόν.

2) Объ Акакіѣ ср. Ioannis Cl' macis scala paradisi (τοῦ — — Ιωάννου κλίμαξ): *Migne*, t. LXXXVIII, 720 (=82, 83). Въ АА. SS. Bolland I Jul. 7 d. совершенно невѣрно объясненіе прибавочной замѣтки при его имени «ниже въ Лѣствичнѣ свѣдѣгельствованнаго»: его принято за указаніе его мѣстожителства.

3) Fol. 208 verso: ἀλλ' ὡμολογήμενοι σαφῶς κἀν τοῖς ὑνομήμασι, ἃ τὸ περιωνυμιον ἔχει τοῦ Λατροῦ ὄρος, ἐγχειμενοι

4) Fol. 209: ἀπιτέον σὺν ἐγγύς τοῦ τῶν Κελλιβάρων.

получать ее въ достаточномъ количествѣ либо изъ самой лавры, либо отъ уединенныхъ старцевъ, живущихъ въ келіяхъ. Но Павелъ хотѣлъ остаться въ пещерѣ; и когда Димитрій спрашивалъ: „чѣмъ же мы будемъ питаться“?—то указалъ ему на горные дубы, тутъ растущіе. „Развѣ намъ будетъ недостаточно этихъ деревьевъ? Смотри, какъ они богаты плодами!“¹⁾ „Но ужели мы будемъ кормиться желудями?“ спрашивалъ Димитрій,—„вѣдь даже голодныя свиньи не охотно пользуются ими?“²⁾. Павелъ стоялъ на своемъ; и вотъ послѣ восьмидневнаго голоданія, они обратились къ жолудямъ и тотчасъ же испытали дурныя послѣдствія такого рода пищи: послѣдовала страшная припадокъ рвоты желчью и кровью. Когда Димитрій указывалъ на то, что онъ былъ правъ, Павелъ все-таки оставался непреклоненъ и отвѣчалъ на его сѣтованія, что тѣмъ лучше: если въ ихъ тѣлѣ до сихъ поръ было что-нибудь немощное, то теперь оно уже извергнуто, и они оба уже будутъ навсегда свободны отъ всякаго рода болѣзненныхъ припадковъ. Однако Димитрій не убѣдился и все-таки ушелъ, впрочемъ, получивъ на то согласіе и даже совѣтъ самаго Павла. Встрѣтившись съ однимъ подвижникомъ, по имени Матеемъ, спасавшимся въ уединеніи на горѣ выше лавры Келливарской, Димитрій сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ. Они оба заботились о Павлѣ, снабжали его жизненными припасами, пока онъ оставался одинъ въ Филеримѣ, продолжая свои иноческіе подвиги и подвергаясь разнымъ искушеніямъ. Такъ прошло восемь мѣсяцевъ. Затѣмъ какъ Димитрій, такъ и Павелъ, должны были воротиться въ свой монастырь по письму игумена, который не только приглашалъ ихъ вернуться, но и грозилъ эпитиміей въ случаѣ непослузанія. Посѣтивъ дорогою Матеея, который предсказалъ имъ будущее, они достигли монастыря Каріи³⁾. Но Павелъ оставался въ немъ опять недолго. Получивъ соизволеніе игумена, онъ оставилъ обитель и возвратился на свою гору Латрѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ монахомъ Аѳанасіемъ, которому поручено было настоятельство въ одномъ изъ патриаршихъ монастырей; но теперь онъ былъ безмолвникомъ на горѣ подлѣ такъ-называемой лавры Спасителя. Павелъ просилъ этого монаха, чтобъ онъ устроилъ

¹⁾ τί δέ, ἀλλ' οὐκ ἀρκούσιν αὐταί, ἔφη, ἐπιδείξας τὰς πρίνους ὄρας, ὅπως τῷ καρπῷ βριθοῦσιν;

²⁾ ἀλλὰ τὰς βαλάνους ταύτας — — καὶ χοῖροι κεινῶντες οὐ ραδίως προσήσονται (sic).

³⁾ Fol. 209 (bis): Ἐπειτα εἰς τὸ αὐτῶν ἀπίσαι μοναστήριον... — — — —
Καρούαν.

ему столбъ не въ далекомъ разстояніи отъ сейчасъ названной лавры (онъ хотѣлъ сдѣлаться столпникомъ). Аѳанасій указалъ своему собесѣднику уже готовый нерукотворный столбъ, которымъ нѣкогда уже пользовался другой великій подвижникъ, по имени тоже Аѳанасій, жившій во время иконоборства, именно въ царствованіе Миханла Аморейскаго. Бѣгая отъ господствующей ереси, онъ оставилъ Константинополь и прибылъ на гору Латръ, взомель на высокую скалу, почти касающуюся облаковъ, нашель здѣсь небольшую природную пещеру, въ которой и провелъ 22 года затворникомъ ¹⁾.

Здѣсь поселился Павелъ. Начался новыи рядъ трудовъ и подвиговъ, искушеній, борьбы, искушеній, что сопровождалось явными проясненіями небеснаго покровительства, какимъ, напримѣръ, было чудесное открытіе воды. Около Павла начинаютъ собираться ищущіе спасенія въ аскетическихъ подвигахъ. Одни строили себѣ шалаши, другіе выкапывали пещеры; возникъ и небольшой молитвенный домъ во имя архангела Гавріила. Съ большимъ вниманіемъ къ духовнымъ потребностямъ и способностямъ каждаго, Павелъ раздѣлялъ пришельцевъ на два разряда—на такихъ, которые избираютъ жизнь вполне иноческую и безмолвную, и такихъ, для которыхъ предпочтительно общежитіе и совокупные труды вмѣстѣ съ другими. Онъ преподавалъ тѣмъ и другимъ правила нестяжательности, которыя, по замѣчанію біографа, сохраняются въ лаврѣ до его времени ²⁾.

Постоянно умножающееся число посѣтителей и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе постороннихъ заботъ опять сдѣлали необходимымъ переселеніе. Когда число монаховъ въ Лаврѣ достигло большаго количества, то Павлу приходилось часто сходить къ нимъ съ своей горы ради душеполезной бесѣды и поощренія ихъ въ подвигахъ; съ другой сто-

¹⁾ Fol. 210 r.: "Ἐξεῖσι μὲν τοῦ μοναστηρίου πρὸς δὲ τὸ τοῦ Λάτρου ὄρος αὐθις παλινορομεῖ. Ἐνθα γενόμενος — — περιτυχὼν δὲ Ἀθανασίῳ τινι μοναχῷ — — — — — παρὰ τῆ λαύρα, ἣ λέγεται τοῦ Σωτῆρος, ἐφρησυχάζοντι, ἀξιοῖ τὸν ἄνδρα στόλον αὐτῷ μὴ μακρὰν τῆς δὲ τῆς λαύρας τοῦ Σωτῆρος ἀφαστηχότα δεῖμασθαι. Ὁ τοίνυν Ἀθανάσιος οὗτος διερμηνεύει τῷ μεγάλῳ στόλον ἄλλοι ἀχειροποίητον, ὡπερ ὁ πολὺς ἐχρήσατο Ἀθανάσιος. — — — Καὶ γὰρ ἐπὶ Μιχαὴλ οὗτος ἐτύγχανεν ὢν, ὃς καὶ αὐτὸς τῆ τῶν εἰκονομάχων μανίᾳ κάτοχος ἦν. Τῆς αἰρέσεως ταυτῆς ἐπικρατούσης, ἐξεῖσι μὲν τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων, τὸ τοῦ Λάτρου δὲ ὄρος καταλαβὼν, τὸν ἀχειροποίητον τοῦτον ἀναβαίνει στόλον. Этотъ Аѳанасій, кажется, совсѣмъ не извѣстенъ въ святцахъ и мивеняхъ. Аѳанасій Павлопетрійскій, воспоминаемый 22-го севрала, очевидно, другое лицо.

²⁾ Fol. 212 verso.

роны, стали приходять къ нему многіе изъ почитателей добродѣтели въ сосѣднемъ Милетѣ. Все это доставляло Павлу много огорченій; душа его скорбѣла и стремилась къ любимой тишинѣ уединенія. Онъ рѣшился покинуть все, скрылся тайкомъ изъ своей пещеры и направился на островъ Самось. Когда онъ пришелъ къ берегу, онъ нашель здѣсь морское судно, на которомъ находилось десять морскихъ солдатъ, заключенныхъ въ оковы по распоряженію мѣстнаго окружнаго воеводы за то, что они хотѣли уклониться отъ исполненія лежавшей на нихъ государственной повинности и спастись отъ нея бѣгствомъ ¹⁾). Любопытная и не одинъ разъ встрѣчающаяся въ Житіяхъ даннаго времени черта: одѣтый въ мопошеское платье подвижникъ, представитель духовнаго авторитета, потребовалъ у свѣтской власти освобожденія виновныхъ, и голосъ его имѣлъ такую силу, что начальникъ корабля не счелъ возможнымъ послушаться. Высадившись на островъ Самось, Павелъ принялъ рѣшеніе поселиться на верху горы, которая называлась Керкою; тамъ была пещера, въ которой по преданію жилъ нѣкоторое время древній философъ Пифагоръ ²⁾). Не безъ труда, и даже не безъ большихъ опасностей для своей жизни достигъ Павелъ цѣли своего путешествія. Когда онъ поднялся вверхъ по обрывистому склону горы, онъ едва не былъ затравленъ собаками и убитъ стрѣлою охотника, такъ какъ, скрываясь, среди тростниковъ, онъ легко могъ быть принятъ за дикаго звѣря. Все-таки онъ поселился тамъ, гдѣ обиталъ нѣкогда знаменитый основатель Пифагорейскаго ордена, такъ похожаго на позднѣйшіе монашескіе ордена. И здѣсь стали стекаться къ Павлу со всѣхъ сторонъ люди, ищущіе спасенія, отказываясь отъ своего имущества и достоянія, и отдавая ихъ въ распоряженіе—избраннаго руководителя. Мы узнаемъ изъ нашего источника, что въ описываемое время на островѣ Самось находились три монашескія лавры, и что всѣ онѣ были разрушены Агарянами, подобно тому какъ разрушены были храмы на островѣ Паросѣ. Онѣ были восстановлены вслѣдствіе внушеній со стороны

¹⁾ 'Αμέλει· καὶ πᾶσαν διαλαθῶν αἰσθησιν, ἀπίστω τύχει πρὸς τὴν Σάμον ἔχουει. Ἦδη δὲ αἰγιαλῷ προσβλῶν, πλοίου παράχημα τυγχάνει δέκα τῶν πλωίμων στρατιωτῶν δεσμίους ἄγοντος· ἦν δὲ οὕτω προσταγὴν παρὰ τοῦ τὴν πρόνοιαν τοῦ θέματος ἐπιτετραμμένου· ἄτε δὴ φυγάδας αὐτοῦς τῆς τοῦ κοινοῦ λειτουργίας γεγενημένους.

²⁾ Πρὸς τὴν νῆσον εὐθὺς περαιούται. Εἶτα καὶ πρὸς τῷ ἐκεῖ ὄρει γενόμενος ὅπερ Κέρκης καλεῖται, εἶπω μὲν ἀελλθεῖν τὸ ἐν αὐτῷ σπήλαιον, ᾧ Πυθαγόραν ἐκείνον ἐμβιῶναι φασὶ τὸν φιλόσοφον.

Павла на средства, пожертвованныя его почитателями ¹⁾. Между тѣмъ, пока Павелъ подвизался на вновь избранномъ мѣстѣ и велъ борьбу съ искушениями діавола, явившагося ему разъ въ видѣ вооруженнаго воина, монахи на горѣ Латрѣ сильно печалились о его удаленіи и употребляли всѣ усилія, чтобъ открыть его мѣстопребываніе. Это наконецъ имъ удалось: посланный ими человекъ отыскалъ Павла на островѣ Самосѣ и убѣдилъ его воротиться. Опять начались на старомъ мѣстѣ, на верху горы Латра, подвижническіе труды Павла; но за то и слава его стала распространяться по всей землѣ: о немъ узнали, говорить авторъ Житія,—даже обитатели стараго Рима, Критяне и Скионы. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣются, конечно, Славяне, и въ частности Болгаре, такъ какъ непосредственно за вышеприведенными словами слѣдуетъ любопытное сообщеніе о Петрѣ, тогдашнемъ царѣ Болгарскомъ. Петръ, властитель Болгаріи, часто присылалъ Павлу благосклонныя и даже смиренныя письма и просилъ у него молитвъ. Римскій папа, до котораго также дошли слухи о дѣлахъ Павла, присылалъ въ Малую Азію одного престарѣлаго монаха съ единственною цѣлью собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о чудномъ греческомъ подвижникѣ ²⁾. Но что всего важнѣе и о чемъ нельзя умолчать: блаженной памяти царь Константинъ, — разумѣется Константинъ Багрянородный,—показывалъ во многихъ случаяхъ свое довѣріе и свое благорасположеніе къ святому; наилучшимъ доказательствомъ этого служить, однако, его письма къ Павлу, которыя, прибавляетъ авторъ,—всякій желающій можетъ читать, такъ какъ они сохраняются въ лаврѣ ³⁾. Въ сношеніяхъ Павла съ импе-

¹⁾ Fol. 217 recto: οὐχὶ τὰ ὄντα ἑαυτοῖς ἀπεκλήρουσιν μόνοις, ἀλλὰ καὶ ἑτέροις θεοφιλῶς ἐκκοινώνουν. οἷς καὶ τὰς ποτε μὲν οὐσας ἐκεῖ τρεῖς λαύρας, ὑπὸ δὲ τῶν οἰῶν τῆς Ἀγῶρ ἤδη καταβλήθεισας, παρήνεσε καὶ ἐπεισεν αὐτῆς ἀναστήσασαι.

²⁾ Fol. 219 recto: ὡς ἐντεῦθεν ὀλίγον δεῖν εἰς πᾶσαν τὴν γῆν ἐξελεῖν τὸν τῆς ἀρετῆς αὐτοῦ φθόγγον· καὶ παρὰ τοῦτο καὶ Κρήτες καὶ Σκύθαι καὶ οἱ τὴν παλαιάν Ῥώμην οἰκοῦντες τὸν ἄνδρα ἐγνώσαν, καὶ ὄνομα αὐτῶν ἦν ἐκεῖνος περιαιδόμενος καὶ θαυμαζόμενος. Ἀμέλει· καὶ Πέτρος ὁ τῆς Βουλγαρίας ἄρξας ἐπιστολαῖς αὐτὸν εὐπροσηγόροις, μᾶλλον δὲ μετριόφροσι, πυκνῶς ἠπάσχετο καὶ τοῦ αὐτοῦ ὑπερεύχασθαι σωτηρίας ἡΐου. Καὶ ὁ Παπᾶς Ῥώμης· οὕτω γὰρ σύνθηες ἐκείνον καλεῖν· τῇ περὶ αὐτοῦ φήμη τὰς ἀκοὰς πληρωθεῖς, μοναχόν τινα γηραιὸν ὡς αὐτὸν ἐκπέμπει, οὐδὲν ἕτερον πρόφασιν ἔχοντα τῆς ἀποστολῆς, ὅτι μὴ προσεσιπῆν μόνον καὶ βίον αὐτοῦ καὶ ἰδέαν ὅπως ἔχει μαθεῖν.—εἰθ' οὕτως ἐπανεληθόντα γνώριμα αὐτῷ πάντα θέσθαι.

³⁾ Ἀλλὰ τί τῶν ἄλλων μνησθέντες τὰ τοῦ μακαρίου φημί Κωνσταντίνου, ὃς μέγας ἐν βασιλευσίαι καὶ περιφανέστατον ἔλαμψεν, ἀμνημόνευτα δὲ παρήκαμεν; τούτου γὰρ καὶ ἐξ ἄλλων μὲν οὐκ ὀλίγον τὸ πρὸς τὸν μέγαν δηλοῦται πιστόν τε καὶ εὐγνω-

раторомъ обнаружился явнымъ образомъ даръ предвидѣнія, вслѣдствіе котораго онъ могъ предсказывать будущее. Въ доказательство сообщается намъ слѣдующій фактъ, имѣющій очевидно истинное основаніе и большую историческую цѣнность, но между тѣмъ пройденный молчаніемъ въ другихъ современныхъ источникахъ Константинъ, подражая отцу своему Льву VI, намѣренъ былъ снарядить большую военную экспедицію противъ Крита и сообщил о своемъ намѣреніи въ письмѣ къ Павлу; отвѣтъ пришелъ такой, что задуманное предпріятіе не угодно Богу. Тѣмъ не менѣе царь подъ предлогомъ большихъ издержекъ, употребленныхъ на снаряженіе флота, не захотѣлъ отказаться отъ своего плана. Какіе онъ пожалъ плоды отъ своего непослушанія, и что потерпѣлъ высланный флотъ отъ нечастныхъ Агарянъ, объ этомъ, восклицаетъ писатель житія,—всѣ знаютъ ¹⁾. Царю пришлось испытать позднее раскаяніе; и это былъ не единственный такой случай. Одинъ разъ императоръ послалъ нѣкоего Василия, родомъ съ острова Родоса, къ знаменитому сарацинскому повелителю, Хамвдану, для разнѣна плѣнныхъ, что — прибавляемъ отъ себя—было весьма обычнымъ дѣломъ и обычнымъ побужденіемъ къ сношеніямъ именно съ этимъ Хамвданомъ. Святой предостерегалъ царя въ данномъ случаѣ этого не дѣлать, такъ какъ посольство останется безплоднымъ и бесполезнымъ: неприятности, постигшія Василия, убѣдили царя въ томъ, что онъ не хорошо поступилъ, не послушавшись святаго ²⁾.

Слѣдующій разказъ имѣетъ значеніе по заключающимся въ чемъ бытовымъ даннымъ:

μον· ἐκ δὲ τῶν ἐπιστολῶν οὐχ ἤκιστα· καὶ ὁ βουλόμενος αὐτὰς μετιέναι παρὰ τῆ λαύρα εἴσεται.

¹⁾ Fol. 219 recto: Τοῦτο γὰρ (Κωνσταντῖνον) ἐπῆλθέ ποτε στόλον κομιδῆ πολυανθρωπώτατον κατὰ Κρήτης ἐκπέμψαι Ἐπῆλθε δὲ καὶ τῷ μεγάλῳ τοῦτο πατρὶ περὶ αὐτοῦ γράψαι. Καὶ ὅς ἀντέγραφεν, ὡς οὐδαμῶς εἶη κατὰ νοῦν θεῶν ἢ ἐκεῖσε αὐτῆ ἐπιστολῆ· ἀλλ' οὕτω μὲν ὁ μακάριος. Ὁ δὲ βασιλεὺς πρόφασιν ἔχων τὸ πολυάριθμον τῶν ἐν τῷδε τῷ στόλῳ καταβληθέντων ἀναλωμάτων, ἀνηκόως ἔσχε· καὶ οἴους ἐκ τοῦ μὴ ἀκούσαι τοὺς καρποὺς ἐδρέψατο καὶ οἶα τῷ πεμφθέντι στόλῳ παρὰ τῶν μιαρῶν ἐπῆλθε Κρητῶν, ἴσασι παντες.

²⁾ Fol. 219 verso: Οὐκ ἐνταῦθα μόνον ἢ μεταμελεία, ἀλλὰ καὶ ἡνίκα γοῦν πρὸς τὸν ἐκ Σαρακηνοῖς περιώνυμον—δηλος δὲ οὗτος ἅπασι καὶ ἐξ ονόματος ὁ Χαμβδᾶς—τὸν ἐκ τῆς Ῥόδου Βασιλείου ἀποστέλλων ἢ ἀνταλλαγῆς χάριν αἰχμαλωτῶν χριστιανῶν καὶ τότε γὰρ γνωρισθὲν αὐτῷ παρὰ τοῦ οἴου μὴ ἀποστῆναι, ἄτε δὴ ἀλοσιτελεῖς δν καὶ ἀσύμφορον. ἐξ ὧν τῷ πεμφθέντι συμβέβηκεν ἐναντίων, ἡσθετο ἐκεῖνος οὐ καλῶς δρᾶσαι μὴ ὑπακούσας.

По близости отъ мѣста, уже прославленнаго подвигами святаго, находились царскія имѣнія, управленіе которыми было поручено спаѳарію Михаилу. На долю этого Михаила, хорошо извѣстнаго святому, досталось несчастіе имѣть своими сосѣдами людей очень дурныхъ и очень злыхъ, прямыхъ разбойниковъ: прозваніе имъ было Мавры. Они наносили всяческія обиды, ущербъ и разоренія убогимъ, то-есть, крестьянамъ по сосѣдству съ царскими имѣніями. Спаѳарій не однократно обращался къ нимъ съ увѣщаніями прекратить свой разбой и серіозно предостерегалъ ихъ. Такъ какъ они оставались глухи къ словамъ, то онъ рѣшился на поступокъ, который никакъ нельзя было одобрить: зло онъ хотѣлъ исправить зломъ и насиліе еще болѣе тяжкимъ насиліемъ. Онъ собралъ большую толпу народа и устроилъ то, что послѣ въ другихъ мѣстахъ называлось паѣвдомъ. Но Мавры не поддались, не отказались отъ обычной имъ дерзости и безумія, не думали просить прощенія за прошедшее, а напротивъ противопоставили нашествію спаѳарія смѣлый и храбрый отпоръ: произошла схватка, въ которой было убито нѣсколько чловѣкъ изъ среды Мавровъ. Товарищи убитыхъ принесли потомъ жалобу царю, просили суда и управы. Царь—это былъ уже выше упомянутый Константинъ Багрянородный — немедленно вызвалъ Михаила къ своему суду, предъ которымъ тотъ предсталъ вмѣстѣ съ Маврами. Послѣ строгаго и тщательнаго розыска спаѳарій былъ осужденъ на смертную казнь мечемъ. Но ему была дана отсрочка, дабы онъ могъ устроить свои домашнія дѣла, а также дать послѣдній отчетъ по царскимъ имѣніямъ. Михаилъ воспользовался отсрочкою для того, чтобы обратиться съ просьбой о помощи и заступленіи къ святому Павлу. Дѣло кончилось помилованіемъ, о чемъ Павелъ и возвѣстилъ роднымъ осужденнаго въ тотъ самый моментъ, какъ оно было изречено ¹⁾.

Потомъ говорится объ изцѣленіи отъ какой-то тяжелой и непо-

¹⁾ Fol. 220 recto et verso: Σπαθάριος Μιχαήλ ἐκείνος, ᾧ ἡ τῶν βασιλικῶν κτημάτων ἐκεχειρίστο πρόνοια· γνωστός δὲ ἀνὴρ τῷ μεγάλῳ. οὗτος γείτονας λαῶν ἀδίκους καὶ ληστρικοὺς· Μαῦροι ἡ ἐπωνυμία· οἱ οὐ διελίμπανον τοῖς περὶ τὰ ὄρια τῶν βασιλικῶν κτημάτων πάνησι ἐπιηραῖζοντες καὶ ληϊζόμενοι. — Πλήθει λαοῦ καὶ ἐπιθέσει βαρύτερα τὰς ἀδίκους αὐτῶν ὁρμὰς ἐπισχεῖν ἔγνω.... Συμβαίνει τοιγαροῦν ὡσπερ εἰκὸς ἐν τοῖς τοιοῦτοις ἐνίοις τῶν Μαύρων ἀναιρεθῆναι. Οἱ δ' ἄλλοι τῷ βασιλεῖ προσελθόντες· ὁ αἰδιδίμος οὗτος ἦν Κωνσταντῖνος· ἐνεκάλουεν τε τὴν ἐπίθεσιν καὶ ἐκδικίας ἠτοῦντο τυχεῖν. Μετακαλεῖται Μιχαήλ ὅτι τάχιστα — — — τὸν διὰ ξίφους καταψηφίζεται θάνατον ἢ τ. δ.

нятной болѣзни нѣкоего Льва, жившаго въ мѣстѣчкѣѣ Оивахъ вблизи Милета и затѣмъ постригшагося въ монахи. Дальнѣйшія сообщенія о Левѣ, переименованномъ Лукою, особенно важны для опредѣленія времени, когда было написано житіе Павла Латрскаго. Лука служилъ не отлучно своему благодѣтелю при его жизни; а когда онъ умеръ, то все-таки не хотѣлъ разстаться съ монастыремъ и служилъ братіи; это продолжалось цѣлыя тридцать-пять лѣтъ ¹⁾. О Лукѣ сообщилъ автору житія доблестный Гавріилъ, одинъ изъ приближенныхъ къ святому монаховъ и его преемникъ по управленію обителью, имъ основанною. Гавріилъ, который очень любилъ Луку за его кротость и чистоту душевную, разказывалъ, какъ тотъ умеръ у него на рукахъ и былъ погребенъ въ общей для всѣхъ усыпальницѣ, какъ потомъ, по истеченіи семнадцати лѣтъ, когда Гавріилъ нашелъ нужнымъ перенести въ другое мѣсто кости усопшихъ братій, честное его тѣло оказалось нетлѣннымъ и т. д. ²⁾. Такъ какъ годъ смерти самаго Павла отмѣченъ ниже совершенно отчетливо точно, то изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно будетъ опредѣлить годъ, ранѣе котораго Житіе не могло быть написано. Въ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно, откуда считаются тридцать-пять лѣтъ служенія Луки; включаются или нѣтъ въ счетъ годы его служенія при самомъ подобномъ Павлѣ.

Отмѣтимъ также разказъ о путешествіи по порученію преподобнаго двухъ монаховъ, Симеона и Іоанна, въ Царьградъ. На пути, вблизи острова, который назывался Калонимю, монахи застигнуты были бурными вѣтрами; при этомъ они были поражены и напуганы страшнымъ явленіемъ природы, которое по описанію, очень подробному, должно быть признано за смерчъ и названо по гречески еифономъ: что они при этомъ не погибли и остались цѣлы, путеше-

¹⁾ Fol. 222 recto: Τοιγαρδὸν ἀποκείρεται καὶ Λουκᾶς μὲν μετονομάζεται· τὸ δὲ ἀπ' ἐκείνου ἀδιάσπαστος γίνεται τοῦ μακαρίτου πατρὸς ἔχει δὴ καὶ πέρασ ἔσχεν αὐτῷ ἢ ζωῆ... καὶ οὐ τούτῳ μόνον ἀλλὰ καὶ μετὰ τὴν τοῦ πατρὸς ἐκδίμιαν οὐ διέλιπε τοῖς ἀδελφοῖς πᾶσι διακονούμενος καὶ οὐκ ἐν βραχεῖ ταύτην, ἀλλὰ παρ' ὁλοῖς πέντε καὶ τριᾶκοντα χρόνοις, ἀρχέσασα ν.

²⁾ Περὶ τούτου καὶ ὁ τᾶλλα μοι πάντα καταξείρετον παραδοῦς ὁ τὴν ἀρετὴν θαυμαστὸς Γαβριήλ διεσάφησεν... — — — ταῦτα δὲ ἔφη ὁ πάγκρατος Γαβριήλ καὶ ὅτι πρὸς ταῖς ἡμῶν ἐκπνεύσας χερσὶ τῷ κοινῷ ἐγκατετέθη κοιμητηρίῳ· ἐπτα δὲ πρὸς τοῖς δεκαδιαγενομένων ἐνιαυτῶν, ἀλαχόσε ἔφη ἤδη κοιμηθέντας ἀδελφοὺς μεταθεῖναι ἔγνω. Καὶ — — — εὐρέθη (τὸ ἐκείνου σῶμα) καθαρὸν, ἀηδὲς οὐδὲν ἔχον, ὅλως ἀκέραιον...

ственники приписывали заступленію своего настоятеля преподобнаго Павла ¹⁾.

Расположеніемъ угодника пользовался одинъ изъ важныхъ столичныхъ сановниковъ, по имени Фотій, носившій санъ патриція и почтаемый самимъ царемъ Константиномъ, какъ полезный и отличный слуга. Когда онъ прибылъ однажды съ письмомъ отъ царя и возвращался назадъ съ отвѣтнымъ посланіемъ, то Павелъ обратился къ нему съ такою просьбой, чтобы тотъ, по прибытіи въ столицу, приложилъ къ верукотворенному образу Спасителя, называемому мандиліемъ, равный по величинѣ кусокъ полотна и прислалъ ему ²⁾. Просьба была исполнена, и Павелъ, смотря на полотно, всегда видѣлъ на немъ точное отображеніе и какъ бы оттискъ чудеснаго образа, но видѣлъ это только Павелъ, для другихъ же изображеніе оставалось незримымъ ³⁾.

Наконецъ, авторъ житія, въ похвалу своему герою, сообщаетъ намъ о его ревности по вѣрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ чрезвычайно любопытное указаніе на существованіе въ Малой Азіи еретиковъ дуалистическаго толка. Именно преслѣдованіемъ манихеевъ Павелъ доказалъ, что не уступаетъ ни Финеесу, ни Или въ сказанной ревности. Болѣе знатные изъ еретиковъ, отъ которыхъ слѣдовало ожидать наибольшаго вреда, были изгнаны изъ окрестностей Милета и вообще изъ предѣловъ Кивирреотскаго воеводства; къ этой мѣрѣ склонилъ царя Павелъ своими письмами, которыя были для него слаще меда ⁴⁾.

Повѣствованіе о кончинѣ преподобнаго замѣчательно многими подробностями, переданными автору отъ очевидцевъ; сопоставленіе его съ отрывками, приведенными въ документѣ 1192 года, ясно доказываетъ тожество текста, на который ссылались монахи лавры св.

¹⁾ Fol. 222 verso: ἐπεὶ οὖν ἀντικρὺ τῆς νήσου γεγόνασι ἡ Καλῶνυμα καλεῖται: — — — ὡφθη ἔμπροσθεν αὐτῶν συνήθως καλούμενος σίφων.

²⁾ Fol. 224: Φώτιον ἐκείνον, ὃς τιμῆς μὲν τῆς τῶν πατρικίων ἤξιωτο — — και Κωνσταντίνῳ τῷ βασιλεῖ θεράπων εὐχρηστος και ἀπόλεκτος.

³⁾ "Ὅστε τῇ ἀχειροποιήτῳ τοῦ Χριστοῦ εἰκόνι, ἣν σύνηθες μανδῆλιον ὀνομάζειν, ἐπιτεθῆναι ταύτῃ μέρος ὀθόνης ἰσόμενης ἀκριβῶς.

⁴⁾ Fol. 225 verso: Οὐ μὴν οὐδὲ πρὸς τοῖς ἄλλοις καλοῖς οὐδὲ τοῦ ζήλου τῶν ἁγίων ἀπελιμπάνετο, ἀλλὰ και Финеес ἐν τούτῳ παρήλαυε και 'Ἡλίου παρ' οὐδὲν ἤλατ- τοῦτο. 'Ἀπόδειξις τῶν εἰρημένων, ἀίχρατῶν Μανιχαίων αὐτοῦ σπουδαί' ὦν και τοὺς ἐπισημοτέρους και τῷ βλάπτειν πιθανοτέρους τῶν ὀρίων τοῦ Κιβυρραίω του τέφμη και Μιλήτου μακρὰν ἐκτετόπιχε τοῖς πρὸς βασιλέα χρησάμενος γράμμασιν.

Павла предъ патріархомъ, съ тѣмъ изводомъ Житія, какой находитя у васъ подъ руками. „Когда преподобный почувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты, онъ поручилъ Симеону, чтобы тотъ написалъ Дмитрію, Іоакиму и другимъ лицамъ, пользовавшимся его дружбой, и пригласилъ ихъ всѣхъ подняться къ нему на гору, такъ какъ его посѣтило желаніе ихъ видѣть. На это Симеонъ замѣтилъ: „Отче, Іоакимъ ушелъ въ городъ и еще остается тамъ“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Павелъ, — „онъ уже вышелъ изъ города, и его слѣдуетъ позвать“. Отправленъ былъ съ этою цѣлью одинъ изъ монаховъ, и дѣйствительно, онъ встрѣтилъ всѣхъ званыхъ на пути къ великому угоднику. Когда они пришли, онъ вступилъ съ ними въ бесѣду такого содержанія, какое имъ прилично было слушать, а ему говорить, то есть, полную пазиданія. Видя его положеніе, собравшіеся спрашивали о паствѣ, кому онъ хочетъ ее поручить. Онъ отвѣчалъ: „Тому, кто будетъ по мысли братіи“. И вотъ, собравъ всѣхъ, онъ сталъ спрашивать объ этомъ. Но присутствующіе отдавали выборъ въ его руки, говоря, что это его дѣло и его Богомъ просвѣщаемога разума. Отъ сердца глубоко и тяжело вздохнувши, онъ сказалъ на это: „Ни кому другому, одному Христу и Богу моему оставляю васъ на руки ¹⁾. Но какъ это брѣнное тѣло не будетъ отнато у васъ, такъ и духомъ я буду всегда съ вами, дабы вы не уклонялись на ложные пути, ведущіе къ погибели, и пусть будетъ написано въ вашей памяти и никогда не подвержено сомнѣнію то, что если кто выдержитъ до конца на этой суровой горѣ и встрѣтитъ на ней смерть, то хотя бы и во многихъ прегрѣшеніяхъ былъ повиненъ, я за него дамъ отвѣтъ“. Таковы были его слова, и что обѣщаніе его было истинно, это ясно съ полною ясностію обнаружилось послѣ его кончины въ исторіи съ Лазаремъ—это былъ одинъ изъ монаховъ—которая записана въ монастырской книгѣ ²⁾. Отечески преподавъ братіи другія наставленія и поученія,

¹⁾ Fol. 227. verso: ἐπέμπεται τοίνυν εἰς τῶν μοναχῶν, ὃς καὶ ὑπαντᾷ τοῖς κληθεῖσι πρὸς τὸν μέγαν ἐρχομένοις. ὡς δὲ καὶ κατέλαβον ἀσπασάμενος καὶ εἰς λόγους αὐτοῖς ἔρχεται, λόγους οὓς ἐκεῖνόν τε εἶδει λέγειν καὶ αὐτοὺς ἀκούειν, γέμοντας ὠφελείας· οἱ γὰρ καὶ οὕτως ἔχοντα θεασάμενοι ἤροντο περὶ τοῦ ποιμνίου· τίμη μέλλεις εἰπόντες ἐπιτρέπειν αὐτοῖς; ἐκεῖνος, ἔφη, τῷ κατὰ γνώμην ὄντι τοῖς ἀδελφοῖς· ἀθροίσας τοιγαροῦν ἀπαντας ἐπονθίνετο, οἱ δὲ τὴν ἐκλογὴν αὐτῷ ἐγχειρίζουσι· σοῦ, πάτερ, εἰπόντες τὸ ἔργον καὶ τῆς ἐκ θεοῦ φωτιζομένης σου διανοίας. Πρὸς ταῦτα ἐκεῖνος, ἐγκάρδιόν τι καὶ πεπονημένον ἄκρω στενάξας οὐδενὶ ἐτέρῳ, ὅτι μὴ χερσὶν ὑμᾶς τοῦ ἐμοῦ χριστοῦ καὶ Θεοῦ καταλείπω· ἔσται δὲ καὶ ῥυπαρόν τοῦτο σῶμα и т. д.

²⁾ ὅτι δὲ ἀληθὴς ἡ ἐπαγγελία, τὸ ἐπὶ Λαζάρῳ γεγόμενον ἀκριβῶς δηλώσει μετὰ τὴν

онъ потомъ отпустилъ каждаго въ свою келлію на покой, ибо былъ уже вечеръ. Только одинъ изъ нихъ остался, чтобы снова возжечь горящій тамъ свѣтильникъ, уже потухающій; обращаясь къ нему, Петръ сказалъ: „Подними вверхъ возглавіе“. Когда это было исполнено, онъ воздѣлъ руки вверхъ и тихо произнесъ слова Давида „въ руки твои“, и тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно предалъ свою святую душу въ руки Божіи.

Изъ явленій, сопровождавшихъ кончину святаго, особенно замѣчательно то, которое было тогда же разказано епископу Монемавасійскому Павлу: отсюда мы узнаемъ о времени, когда жилъ этотъ малоизвѣстный по печатнымъ изданіямъ, но во многихъ отношеніяхъ любопытный и важный для историка писатель ¹⁾).

Годъ смерти Павла Латрскаго обозначенъ въ житіе слѣдующимъ образомъ: „Успѣніе или лучше преселеніе къ Богу преподобнаго отца нашего послѣдовало въ 15-й день мѣсяца декабрія, 14-го индикта, въ лѣто отъ сотворенія міра 6464“ ²⁾. Это равняется 955 году по Р. Х.

Одно изъ посмертныхъ чудесъ относится къ слѣдующему царствованію, къ тому времени, когда Никифоръ Фока, сдѣлавшійся вскорѣ императоромъ, отправлялся въ свой знаменитый Критскій походъ. Когда настоятель монастыря, безпокойный происками одного дурнаго монаха Игнатія Харзаны, не благовременно хотѣлъ искать свиданія съ знаменитымъ вождемъ, то святой, явившись ему во снѣ, удержалъ его отъ напрасныхъ хлопотъ ³⁾. Другое чудо не отмѣчено хронологически, но любопытно по содержанію. Предъ судьей Фракискійскаго вое-

εις Θεόν του πατρὸς ἐκδημίαν. εἰς οὗτος τῶν μοναχῶν ὡσπερ ἄρα περὶ αὐτοῦ καὶ τῆς λαύρας ἐγγέγραπται βιβλίῳ· πολλὰ δὲ καὶ ἕτερα τοὺς ἀδελφοὺς νοουητήσας и т. д.

¹⁾ Въ одномъ изъ Парижскихъ рукописныхъ сборниковъ находится рядъ краткихъ повѣствованій Павла Монемавасійскаго о святыхъ угодникахъ и пустынникахъ. Отсюда оказывается, что и небольшой разказъ о плѣнномъ *Скиотѣ* (въротно—Русскомъ), изданный *Газе* въ примѣчаніяхъ ко Льву Діакону (note, pag. 484), принадлежитъ Павлу Монемавасійскому. Въ томъ спискѣ, по которому издавалъ *Газе*, не было указанія на имя сочинителя. Имя Павла Монемавасійскаго встрѣчается также въ пресловутой Монемавасійской хроникѣ.

²⁾ Vol. 227 verso: Ἡ δὲ κοίμησις τοῦ θείου πατρὸς ἢ πρὸς Θεὸν δὲ μᾶλλον μετάβασις, ἡμέρα μὲν πεντε καὶ δεκάτῃ τοῦ Δεκεμβρίου μηνός, ἰνδικτιῶνος τοῦ τέσσαρες καὶ δεκάτης, τοῦ κόσμου κτίσεως τέταρτον ἐξηκοστὸν τε τρακοσιοστὸν πρὸς ταῖς ἑξήδη λαθὴ χιλιάδιν (6464).

³⁾ Vol. 231 verso. ὁ γοῦν τῆς λαύρας τότε προσετώσ — — καὶ ὃη καὶ πρὸς τὸν τῆς βασιλείας οὐ πολλοῖς μετὰ ταῦτα χρόνοις ἐπλαθόμενον Νικηφόρον κατὰ τῆς Κρήτης ἤδη ἐπίοντα, ἀπρηιέντουχεῖν ἐκείνῳ βουλόμενος.

водства (темы) были обвинены, и притомъ, напрасно нѣкоторые крестьяне: мнимая вина ихъ заключалась въ дерзости, непокорности и въ самоуправствѣ противъ сосѣдей. Отправлены были люди — схватить ихъ и насильно привести къ суду связанными. Трое были взяты; ихъ вели на веревкахъ, привязанныхъ къ шеѣ! Но вотъ ночью на отдыхъ они стали усердно молиться св. Павлу Латрскому, и за то на утро получили чудесную возможность спастись отъ суда: веревка, на которой ихъ вели, сверхъестественнымъ образомъ оборвалась, стражи, между тѣмъ ничего не почувствовали, и крестьяне бѣжали ⁶⁾).

V

Заключеніе.

Когда написано житіе Павла Латрскаго, это съ достаточною ясностію опредѣляется самымъ его содержаніемъ. Оно изобилуетъ хронологическими указаніями, прямо обозначаетъ годъ (955) и день смерти святаго, оно основывается на показаніяхъ лицъ, современныхъ ему, упоминаетъ оКритскомъ походѣ Никифора Фоки (961 г.) и о его царствованіи (963—969 гг.); оно передаетъ свѣдѣнія, сообщенныя автору монахомъ Гавріиломъ, однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ святаго по управленію его монастыремъ. Все это приводитъ насъ къ семидесятымъ годамъ X столѣтія, и можетъ быть, нѣсколько далѣе. О Гавріилѣ изъ подлинныхъ документовъ, недавно изданныхъ Миклошичемъ, мы знаемъ, что онъ былъ настоятелемъ лавры св. Павла въ 986 и въ слѣдующемъ году ²⁾). Во время тяжбы, которую онъ велъ съ сосѣднимъ монастыремъ именно въ означенные годы, обнаружилось, что тогда можно было найти въ сосѣднемъ монастырѣ трехъ престарѣлыхъ монаховъ (стр. 309), помнившихъ обстоятельства, относящіяся къ личности святаго Павла; въ самой Латрской лаврѣ такихъ лицъ мы можемъ предположить нѣсколько болѣе: и вотъ мы получимъ ту самую обстановку, при которой авторъ житія могъ сказать, что онъ въ состояніи набрать до двадцати свидѣтелей подвиговъ своего героя. Когда писалось Житіе, то уже прошло семнадцать лѣтъ послѣ смерти смиреннаго монаха Лук и, питавшаго такую безграничную

¹⁾ Vol. 232 recto: τῶ δικίῳσι: ἐν τοῦτω φημί τῷ θέματι ὅπερ συνεϊθημένον ὀνομαζέειν τῶν Θρακησιῶν, χωρίται τινές—δελήθησαν и т. д.

²⁾ Miklosich, Acta graeca IV, 309—313. Сравни нашу статью въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* июль 1880 г., стр. 103 и сл.

привязанность къ святому Павлу и умершаго на рукахъ его преемника, вышесказаннаго настоятеля Гавріила. Если изъ тридцати-пяти лѣтъ, приведенныхъ этимъ Лукою на службѣ монастырю, мы отнесемъ одну половину на время жизни самаго Павла и другую половину на время послѣ его смерти, то получимъ именно 987 годъ, когда іеромонахъ Гавріиль, представляемый еще живымъ въ нашемъ памятникѣ, дѣйствительно былъ живъ и управлялъ Латрскою общиною. Трудно идти дальше; нѣтъ ни основанія, ни побужденія истолковывать подразумеваемое здѣсь мѣсто (оно приведено выше) въ томъ смыслѣ, что всѣ тридцать-пять лѣтъ пребыванія Луки при монастырѣ съ цѣлю служенія братіи должны относиться къ періоду послѣ смерти Павла (955 г.). Въ сложеніи съ семнадцатью годами, протекшими отъ перваго погребенія Луки, это давало бы 1007 годъ, что представляется мало вѣроятнымъ по отношенію ко всѣмъ другимъ обстоятельствамъ. Остановимся на 980—990 годахъ, какъ наиболѣе вѣроятномъ періодѣ для отыскиваемого нами срока. Теперь представляется вопросъ: дѣйствительно ли Житіе Павла Латрскаго, появившемся около 980—990 года, написано Симеономъ Метафрастомъ, какъ это утверждаютъ монахи Латрской лавры въ концѣ XII вѣка. Очевидно, что если мы примемъ это свидѣтельство, то должны будемъ усумниться въ справедливости показанія другаго свидѣтеля, жившаго цѣлымъ вѣкомъ ранѣе, притомъ такого авторитетнаго свидѣтеля, какимъ долженъ быть считаемъ знаменитый много знавшій и еще болѣе писавшій философъ Михаилъ Пселль. Совершенно не возможно допустить, чтобы авторъ Житія св. Θεоктисты, имѣвшій въ 910 году около тридцати лѣтъ возраста, слѣдовательно, родившійся около 880 года, былъ еще не только живъ, но и занимался литературой около 990 года, когда написано Житіе Павла Латрскаго. Одно изъ показаній должно быть отвергнуто, но которое именно—въ этомъ именно и состоитъ вопросъ.

Выше мы замѣтили, что тонъ, стиль и языкъ житія св. Θεоктисты мало соотвѣтствуютъ тому представленію, какое мы должны были составить себѣ о литературныхъ приемахъ Симеона Метафраста и по его письмамъ, и по отзывамъ о немъ того же самаго Пселла. Если бы мы съ этой точки зрѣнія стали разсматривать житіе Павла Латрскаго, то-есть, захотѣли бы по внутреннимъ признакамъ рѣшить вопросъ, которое изъ двухъ житій (Θεоктисты или Павла) скорѣе можетъ быть приписано Метафрасту, то отвѣтъ не подлежалъ бы сомнѣнію. Житіе св. Павла ясно свидѣтельствуетъ о широкомъ знаком-

ствѣ автора съ государственными дѣлами, съ политическими событіями ближайшей къ нему эпохи. Его сообщенія о Критской экспедиціи Константина Багрянороднаго, приготожденія къ которой такъ подробно описалъ самъ ея виновникъ (во второй книгѣ о церемоніяхъ глава 45-я), и о результатахъ которой мы до сихъ поръ имѣли только краткое извѣстіе Льва Діакона; его указаніе на неизвѣстное изъ другихъ источниковъ посольство Василя Родосскаго—самое это лицо встрѣчается въ хроникахъ ранѣе, въ царствованіе Романа Лакапина (Hamartol. pag. 831; ср. 793?),—для переговоровъ съ знаменитымъ тогда Алеппскимъ владѣтелемъ Сеиф-аддаулой (у Грековъ Гамвданомъ); его разказъ о любимцѣ Константина Фотіѣ, упоминаемомъ вскользь и въ другихъ источникахъ, и многія другія подробности и частности придають всему сочиненію характеръ и достовѣрнаго и цѣннаго историческаго источника. Съ другой стороны авторъ обнаруживаетъ большее и высшее литературное образованіе, чѣмъ собесѣдникъ Паросскаго старца. Въ предисловіи онъ заявляетъ стремленіе къ остроумнымъ сопоставленіямъ и антитезамъ, напоминающее извѣстныя намъ письма; его рѣчь вообще гораздо болѣе выработана и изыскана, чѣмъ приемы разказчика о поѣздкѣ на Критъ. Авторъ житія св. Павла знакомъ съ преданіями еллинской древности и сообщаетъ такія свѣдѣнія о Пиеагорѣ и о мѣстѣ его пребыванія, какія не всѣмъ были легко доступны; съ другой стороны, ярко выступаетъ на видъ его обширное знакомство съ разнообразнѣйшими сказаніями о жизни и дѣяніяхъ святыхъ и мучениковъ; извѣстная мѣстность сейчасъ напоминаетъ ему рядъ подвижниковъ, ее посѣтившихъ, начиная съ древнихъ апостольскихъ временъ до иконоборческихъ. Если житіе св. Павла писалъ свѣтскій человѣкъ, то такой, который уже много занимался и очень пристально интересовался этимъ родомъ литературы.

Свидѣтельство Пселла, конечно, имѣетъ большую цѣну, но, какъ мы уже показали, онъ самъ находится въ нѣкоторомъ противорѣчій съ собою. Въ похвалѣ онъ говоритъ объ очевидцахъ смерти Метафраста, еще остающихся въ живыхъ—въ его время (около 1050 г.); въ канонѣ онъ приписываетъ Метафрасту автобіографическія воспоминанія, относящіяся къ началу предыдущаго столѣтія. Съ другой стороны, хотя и справедливо, что Симеону Метафрасту приписывается много такого, что ему не принадлежало, хотя и вѣрно то, что его имя сдѣлалось почти нарицательнымъ и безъ разбора помѣщалось въ заглавіи, какъ сборниковъ житій, такъ и отдѣльныхъ житій; но въ данномъ случаѣ положеніе дѣла нѣсколько иное. Житіе Павла Латр-

скаго приписывается Симеону Метафрасту не кѣмъ-либо другимъ не знающимъ и постороннимъ, а самими властями и монахами лавры, основанной Павломъ Латрскимъ. Житіе это находилось у нихъ, конечно, не въ общемъ сборникѣ житій, назначенномъ для ежедневнаго церковнаго обихода, но и хранилось отдѣльно какъ святыня. Притомъ они ссылались на него какъ на юридическій документъ, почерпавшій свою силу и значеніе именно въ происхожденіи отъ извѣстнаго автора; и конечно, не безъ разсмотрѣнія признали доказательность документа патріаршіе чиновники, такъ какъ тутъ дѣло шло о правахъ самаго патріарха, оспариваемыхъ на основаніи одного мѣста въ Житіи.

Если мы допустимъ, что авторомъ Житія св. Павла былъ именно Метафрастъ, и что Метафрастъ жилъ и писалъ въ концѣ X вѣка, то этимъ устранится много сомнѣній и недоразумѣній. Тогда намъ легко будетъ найти въ современной исторіи слѣды того Симеона, который сначала былъ протасекретомъ, языкомъ котораго пользовался великій царь для изложенія своей воли, который достигъ потомъ званія логовета дрома. Мы имѣемъ три царскія постановленія (новеллы, новыя заповѣди), редактированныя и объявленныя патриціемъ и протасекретомъ Симеономъ: первое изъ нихъ относится ко времени Романа Младшаго (959—963 гг.), второе къ царствованію Никифора Фоки, къ 964 году, третье къ тому же царствованію и къ 967 году¹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что патрицій и протасекретъ Симеонъ, упомянутый подъ 963 годомъ въ одной не изданной византійской хроникѣ, и наконецъ *proto a secretis Simeon*, который велъ переговоры въ 968 году съ Кремонскимъ епископомъ Лиутпрандомъ и такъ раздражалъ его²⁾, былъ все тотъ же Симеонъ, составитель царскихъ указовъ, потому что протасекретъ всегда бывалъ одинъ за одинъ разъ, а не вдругъ нѣсколько. Итакъ, великій, то-есть, старшій царь (такой именно смыслъ имѣетъ это слово при существованіи нѣсколькихъ императоровъ), который пользовался языкомъ Симеона для своихъ рѣчей, былъ именно Никифоръ Фока, считавшійся соправителемъ и опекуномъ малолѣтнихъ царей,

¹⁾ *Zachariae*, Jus Graecorum. III, pag. 287, 292, 297 (Coll. III, № 17, 19, 20): формула вездѣ одна и та же: *νεαρά, ἢν ἐπιγύροσε Σιμεὼν πατριμὸς καὶ πρωτοσηκρητις*.

²⁾ См. *Hase*, Leo Diacon., Annotationes (ed. Bonn: pag. 427). Liutprand, Legatio, c. 19 (*Pertz*, SS. III, 351): *Quumque indignans abire vellem, Leo coropalates, imperatoris frater, et proto a secretis Simeon pone me sequuntur.*

Василія и Константина, на простую, даже суровую и аскетическую жизнь котораго есть не мало указаній въ современныхъ источникахъ. Затѣмъ этотъ же самый Симеонъ, сообразно съ обычною послѣдовательностью достиженія высшихъ чиновъ и ранговъ, при Цимисхіѣ сдѣлался уже логоеетомъ и магистромъ, считался наиболѣе образованнымъ и опытнымъ въ словѣ человекомъ своего времени; онъ сопровождалъ Цимисхіа въ Сирійскомъ походѣ 975 года ¹⁾; онъ же разумѣется подъ магистромъ и логоеетомъ Симеономъ, старшимъ современникомъ знаменитаго юриста, Евстаѳіа ²⁾. Наконецъ, это и есть нашъ Симеонъ Метафрастъ, магистръ и логоеетъ, авторъ житія Павла Латрсакаго и хроники „магистра и логоеета Симеона“.

Въ заключеніе мы приводимъ прямое и рѣшительное свидѣтельство, подтверждающее и какъ бы скрѣпляющее главный результатъ нашего изслѣдованія. Это свидѣтельство принадлежитъ Иоанну (Яхъѣ) Антиохійскому, продолжателю патріарха Евтихія Александрійскаго, писавшему около 1025 года. Приводимый ниже отрывокъ изъ драгоценной хроники, общающей пролить много свѣта на византійскую исторію, а по связи съ нею—также на болгарскую и русскую, сообщенъ намъ извѣстнымъ нашимъ ориенталистомъ, барономъ Розеномъ, приготовляющимъ изданіе арабскаго подлинника и русскихъ изъ него извлеченій по рукописямъ Парижской библіотеки и преосвящ. Порфирія Успенскаго:

„Въ четвертомъ году царствованія Василія Николай былъ патріархомъ Константинопольскимъ. Онъ оставался имъ двѣнадцать лѣтъ и умеръ. И въ это время былъ (или сталъ) извѣстенъ Симонъ, секретарь, логоеетъ, который составилъ сказанія о святыхъ и ихъ праздникахъ“. Рѣчь идетъ о самостоятельномъ правленіи Василія II Болгаробойцы, начавшемся въ 976 году, и о патріархѣ Николаѣ Хрисовергѣ, вступленіе котораго на Константинопольскую кафедру обыкновенно относятъ къ 982 году (Муральтъ). Что логоеетъ Симонъ, составитель сказаній о святыхъ и праздникахъ есть нашъ Симеонъ логоеетъ—это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣ-

¹⁾ Leon Diac., ed. Bonn., pag. 169: ἦσαν δὲ οἱ ταῦτα παρεξηγούμενοι Συμεῶνης τε ὁ Λογοθέτης καὶ μάγιστρος καὶ ὁ τῆς Νικομηδείας πρόεδρος Στέφανος, ἄνδρες τῶν τότε σοφῶν ὄντες ἑλλογιμώτεροι.

²⁾ Παῖρα, pag. 272, tit. LXIV, § 1: Εἰπόντος τότε Συμεῶνος τοῦ μαγίστρου καὶ λογοθέτου. Это относится ко времени, когда Евстаѳіи былъ еще обыкновеннымъ судьейю.

нію ¹⁾. И вотъ, весьма достовѣрный, въ высшей степени свѣдующій, почти современный писатель, самъ принадлежащій къ православной церкви, свидѣтельствуетъ, согласно съ похвалою Пселла, но противорѣча его гимну, что Метафрастъ жилъ, занималъ высокія должности, и трудился—не въ началѣ, а въ концѣ X столѣтія. Нашъ теперешній вопросъ этимъ окончательно рѣшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ въ новую стадію и вопросъ о греческой и славянской хроникѣ Симеона Метафраста, которому мы надѣемся вскорѣ посвятить отдѣльную статью.

¹⁾ Указаніе сирійско-арабской хроники на сказанія о *праздникахъ*, составленныя Симеономъ Логоетомъ, заставляетъ насъ вспомнить о рукописи Московской Синодальной бібліотеки, въ которой содержится—весьма важное по своему историческому содержанію—сказаніе о такъ-называемой Римской иконѣ Богородицы, приписываемое здѣсь прямо *Симеону Метафрасту*. Въ Вѣнской рукописи, изъ которой сдѣлано было извлеченіе Ламбеціемъ, нѣтъ этого обозначенія (см. *Lambec., Biblioth. Vindobon. VIII, 692—713*); поэтому наши специалисты по агиографіи, знакомые со сказаніемъ пока только по извлеченіямъ Ламбеція, не могли возбудить вопроса о принадлежности его Метафрасту (см. архив. *Certis, Православный мѣсяцесловъ Востока, II, 78*). Въ Московскомъ кодексѣ (№ CCVI или 205) на верху сдѣлано другою рукою замѣчаніе, что это сказаніе Метафраста читалось въ недѣлю православія; а изъ самаго сказанія видно, что въ честь возвращенія иконы изъ Рима въ Константинополь учреждены были и еженедѣльные крестные ходы и особенные дни воспоминанія въ продолженіе года.

В. Васильевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Матеріалы для исторіи Сербской церкви.

Податки за историју српске цркве из путничког записника *И. С. Јастрѣбова*.
У Београду. 1879.

Милош С. Молојевѣћ у Призрену и његовој околини. Од *Величка Трпића*,
призренца. У Београду. 1880.

Послѣ А. Ѡ Гильфердинга никто у насъ не писалъ о Старой Сербіи, кромѣ развѣ г. Голубинскаго, и на сколько извѣстно, никто, кажется, изъ русскихъ ученыхъ не путешествовалъ по этой странѣ. Для своего времени Гильфердингъ своею книгою „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ сдѣлалъ довольно много; но для настоящаго времени этотъ его трудъ является далеко недостаточнымъ. Путешествуя по Старой Сербіи, Гильфельдингъ обратилъ преимущественное вниманіе на рукописи; въ его книгѣ мы находимъ весьма немного данныхъ чисто и этнографическихъ историческихъ и немногимъ больше данныхъ для исторіи тамошней православной церкви, въ которой однако, можно сказать, выразилась народная историческая жизнь мѣстнаго сербскаго населенія послѣ завоеванія Балканскаго полуострова Турками. Данныхъ о языкѣ также нѣтъ почти никакихъ; притомъ, тогда еще не былъ выдвинутъ сербско-болгарскій споръ объ этнографической границѣ между Сербіей и Болгаріей.

Но и сами Сербы сдѣлали для исторіи и этнографіи Старой Сербіи немного больше, чѣмъ Русскіе. Въ Гласникѣ Сербскаго ученаго общества было обнародовано нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Старой Сербіи; въ 1852 г. въ Бѣлградѣ изданъ былъ іеромонахомъ

Дечанскаго монастыря Гедеономъ Юришичемъ „Дечански Пргенацъ“, а въ 1864 году архимандритомъ того же монастыря Серафимомъ „Дечански Споменици“, и въ слѣдующемъ 1865 году г. Сречковичъ напечаталъ свою брошюру „Синаан-паша“ (очеркъ изъ исторіи магометанства у Сербовъ). Наконецъ, съ 1871 года г. Милошъ Милоевичъ сталъ издавать въ Бѣлградѣ же по частямъ описаніе своего путешествія по Старой Сербіи подъ заглавіемъ „Путопис дела правестаре-Србије“. Но какъ сообщенія въ Гласникѣ, такъ и помннутыя три книги, заключаютъ въ себѣ слишкомъ немного данныхъ для такихъ важныхъ моментовъ въ исторіи Старой Сербіи, какъ завоеваніе ея Турками, Печская сербская патриархія и уничтоженіе ея, судьба Дечанскаго монастыря и мусульманство у Сербовъ. Что касается г. Милоевича, то въ сочиненіи его столько подложнаго и невѣрнаго, какъ уже доказалъ отчасти г. Трпичъ въ своей брошюрѣ, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи,—что пока не будетъ провѣренъ на мѣстѣ весь заключающійся въ немъ матеріалъ, пользоваться имъ положительно небезопасно.

О Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи если и писано немного больше, чѣмъ о Старой Сербіи, то это по большей части мелкія статьи, и притомъ данныя, заключающіяся въ нихъ, касаются по преимуществу самого послѣдняго времени и отрывочны. У Сербовъ, правда, начались изысканія по исторіи этихъ странъ; но о судьбѣ ихъ со времени подпаденія подъ турецкое иго у нихъ, какъ и у Хорватовъ, не сдѣлано почти ничего, особенно по исторіи церкви.

Что касается Албаніи, то это, можно сказать одинъ изъ самыхъ темныхъ для Славянъ уголковъ Балканскаго полуострова. Кромѣ книги г. Макушева „О Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“, кажется, ни въ одной изъ славянскихъ литературъ не существуетъ сочиненія объ Албаніи, если не считать мелкихъ журнальныхъ статей и газетныхъ замѣтокъ. Между тѣмъ Албанцы, ихъ положеніе и отношенія къ Славянамъ составляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыхъ занимательныхъ и важныхъ задачъ для славянскаго историка, филолога и этнографа.

При такомъ положеніи историческихъ и этнографическихъ изысканій о Сербяхъ нельзя не радоваться появленію такихъ книгъ по этому предмету, составители которыхъ жили и живутъ между Сербами. Г. Трпичъ, призренскій уроженецъ, человекъ довольно образованный, составилъ критическій разборъ части 2-го тома „Путописа“ г. Милоевича на основаніи провѣрки на мѣстѣ данныхъ, собранныхъ

послѣднимъ въ Призренѣ и его округѣ. Въ довольно иногда рѣзкихъ выраженіяхъ, но основательно доказываетъ онъ, что г. Милоевичъ не только невѣрно сообщаетъ текстъ надписей, дѣлаетъ въ немъ вставки и извращаетъ его, но даже сочиняетъ и выдумываетъ надписи съ невозможными событіями ¹⁾, вызванными желаніемъ доказать громкую славу и могущество Сербскаго народа времени кралей и царей, описываетъ мѣста, имъ не посѣщенные, или по наслышкѣ, или по сообщеніямъ лицъ, не заслуживающихъ довѣрія ²⁾.

Однимъ словомъ, г. Трпичъ вполне подтверждаетъ распространенное въ ученомъ славянскомъ мірѣ мнѣніе о г. Милоевичѣ, что послѣдній подъ вліяніемъ слѣпаго сербскаго патриотизма и теоріи о происхожденіи и пришествіи Славянъ прямо изъ Индіи прибѣгаетъ, для доказательства этой теоріи, къ самымъ смѣлымъ выдумкамъ и подлогамъ, желая показать, что въ сербской народной словесности сохранилась память о славянскихъ языческихъ богахъ—Сварогѣ и его матери, Радгостѣ, братѣ его Петрѣ, Прпршѣ, братьяхъ Коледѣ и Купалѣ, Перунѣ, Велесѣ, Даворѣ, Ярилѣ, Поревитѣ, Сведидѣ (Севидѣ) Триглавѣ, Лели и Полели, Живѣ, Ладѣ, Божичѣ Сворожичѣ и др., и представляетъ нѣкоторыя данныя для ихъ характеристики ³⁾.

¹⁾ Напримѣръ: «Средцѣ рекоми св. Софии митрополии своени сръбскон». *Трпичъ*, 20; *Милоевичъ*, 151, или: «сни гробъ воеводе Стефана Доушана ѿ цара и императора Громъ, Сръбомъ, Бугаромъ, Оугровлахомъ, Оугромъ, и р. лене Тамъ же, 27, 157. Справедливо г. Трпичъ пронизываетъ, говоря, что легко можно было сдѣлать изъ *p* прямо «роусомъ». См. у *Трпича*. еще стр. 34, 35, 36, 37, 41 и др.

²⁾ Ср. *Милоевича* 166; *Трпича* 44—46; *Јастрбов*, 129—130 и др.

³⁾ Свѣдѣнія о языческихъ богахъ приведены г. Милоевичемъ въ 1-й части его «Песме и обичаи укупног народа српског (обредни)», изданной въ Белградѣ въ 1869 г. Замѣчательна въ этомъ отношеніи пѣсня на Ивановъ день (тамъ же, стр. 3 и *Sitzungsberichte der böhmischen Gesellschaft der Wissensch. in Prag*. Jahrg. 1874, стр. 250), записанная будто бы имъ въ 1867 г. въ Призренской нахи, гдѣ приводится цѣлый каталогъ отмѣченныхъ мною выше славянскихъ боговъ. Въ другой приводимой имъ пѣснѣ говорится:

«Дом му затри Прпръруша, сеја (сестра) Давора,
Обиље му не додао богат Купало,
Мъивеве (мелить) му не додао страдан Коледо,
Не имао ни честнице (калачъ) на тог Божича,
На Божича тог младича старог Сварога,
Ни погаче бијелице (бѣлая лепешка), љеба краваја (хоровай),
А на бѣлу лепу Љезу, Љезу Пожељу.
Ни на Љезу ни Пожељу штјери (дочера) Ладивој,

Г. Трпичъ, какъ мѣстный уроженецъ, съ малыхъ лѣтъ знакомый съ своею родиной, имѣлъ возможность прослѣдить до мельчайшихъ подробностей за г. Милоевичемъ и уличать его на каждомъ шагѣ. Такимъ образомъ, книга г. Трпича содержитъ въ себѣ множество географическихъ мелочей; тѣмъ она для насъ и дорога, что даетъ только положительныя данныя. Я не буду распространяться о ней, потому что мнѣ пришлось бы останавливаться на каждой страницѣ ея; но буду всегда сравнивать данныя г. Трпича съ данными, приводимыми у г. Ястребова,—иными словами, буду провѣрять одного другимъ. Прибавлю къ этому, что каждый, желающій познакомиться со 2-мъ томомъ Путюписи г. Милоевича, долженъ непременно имѣть подъ руками книжку г. Трпича, который одинъ, какъ мѣстный уроженецъ, имѣлъ возможность и средства провѣрить г. Милоевича.

И. С. Ястребовъ нѣсколько лѣтъ уже состоитъ русскимъ консу-

Тој Ладиној и Љсьовој штјери Пожези,

Ни сомуна (бѣлый хлѣбъ) на Радгоста красне преславе».

Милоевичъ, I, стр. 225 и *Sitzungsber. der böhm. G. der W.*, стр. 250. Ср. Путюписъ, II, 166 (Дод = Дожд-бог или Додод). О прародинѣ Славянъ въ Азiи говорится въ пѣснѣ: «Сива Жива, сива силна голубица», о которой далѣе сказано, въ какихъ мѣстахъ она путешествовала:

«Я сам тамо путовала

У Индију нашу земљу

Пролетјела Гиндушана

И ту Глобу (по I. Иречку, д. б., Гоби) Тартарију,

Црни Гиндуш и Тартару.

Летила сам господару

Нашем сильном Триглав богу,

Те гледала, што тамъ чини,

Што тамъ чини, заповеда».

(Ср. *Раковскаго*, Българска Старина. I. Букурештъ, 1865, стр. 30, 35). Затѣмъ изображается могущество Божица Сворожича:

«Божич поје по сву земљу,

Небоји се Гиндушана,

Нити црног Тартарана,

Ни големе те пустаре

А проклете Глобе црне,

Глобе црне Тартарије

И те гадне Манѣурје!» Тамъ же, стр. 71, *Sitzungs-*

ber., стр. 250—251. Подробно о подлинности и неподлинности собранія М. С. Милоевичемъ не издавнынъ произведеній народной словесности см. рефератъ *Новоковича* и *Кулонджича* въ *Гласникъ*, XXXVIII (1873 г.), стр. 329—348.

ломъ въ Призренѣ въ нынѣшней верхней Албаніи, или собственно, въ Старой Сербіи. Онъ давно занимается изученіемъ историческихъ памятниковъ нынѣшнихъ и бывшихъ сербскихъ земель, для чего въ свободное отъ своихъ официальныхъ занятій время объѣздитъ Старую Сербію, Боснію, Герцеговину, верхнюю Албанію и Черногорію. Результаты своихъ изысканій на мѣстѣ онъ постепенно печаталъ по сербски въ Гласникѣ Сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ. Въ 1879 г. всѣ эти свои статьи онъ пересмотрѣлъ, и собравъ въ одну книжку, заглавіе которой записано въ началѣ этой статьи, издалъ вторично. Такимъ образомъ, книга г. Ястребова не представляетъ чего-нибудь цѣлаго, но состоитъ изъ отдѣльныхъ статей и очерковъ. Въ общихъ чертахъ она содержитъ въ себѣ: 1) переводъ турецкихъ фермановъ, въ силу которыхъ была уничтожена Сербская патріархія, и обзоръ другихъ фермановъ, изданныхъ тотчасъ послѣ уничтоженія патріархіи; 2) изложеніе фермановъ, служащихъ матеріаломъ для біографіи Призренскаго митрополита Іоанниія; 3) очеркъ состоянія Дежанскаго монастыря за послѣднія три столѣтія по турецкимъ ферманамъ, хранящимся въ этомъ монастырѣ; 4) надписи и замѣтки; 5) очеркъ „Синаи-наша и Кукли-бег“; 6) небольшое изслѣдованіе о православныхъ сербскихъ старыхъ и новыхъ церквахъ въ старой Зетѣ или нынѣшнемъ Скадрскомъ или Скутарійскомъ округѣ; 7) другое, также небольшое изслѣдованіе о Зетской епископіи; 8) изложеніе султанскихъ фермановъ, приобрѣтенныхъ католическимъ духовенствомъ отъ Порты для опредѣленія его отношеній къ православному Герцеговинскому и Боснійскому митрополиту; 9) замѣтку о названіи Черногоріи и 10) замѣтки и списки съ нѣкоторыхъ грамотъ, хранящихся въ Цетьни, о монастырѣ св. Николая на островѣ Враньивѣ.

Церковь послѣ завоеванія Турками Балканскаго полуострова играла и играетъ самую важную роль во внутренней жизни христіанскихъ народностей полуострова, сохраняя національную самобытность и единство послѣднихъ. Почти все, что ни предпринималось бы Славянскими народами Балканскаго полуострова за это время, требовало непременно участія, и притомъ дѣятельнаго, представителей церкви; они почти всегда были посредниками между турецкимъ правительствомъ и православнымъ или вообще христіанскимъ населеніемъ въ дѣлахъ, касающихся улучшенія быта, положенія или отношеній послѣдняго къ мусульманамъ, а также и къ той или другой изъ христіанскихъ народностей. Голосъ духовенства имѣлъ

всегда гораздо больше значенія у турецкаго правительства, чѣмъ голосъ обыкновеннаго гаура. Изъ христіанъ одна только духовныя лица высшаго сана пользовались тѣми же почти почестями, какія оказывались высшимъ турецкимъ чиновникамъ - мусульманамъ. За то на нихъ лежала и лежитъ большая отвѣтственность за разные проступки какъ свои, такъ и остальнаго христіанскаго населенія, чѣмъ на обыкновенныхъ гаурахъ.

Но чтó было причиной такого положенія христіанской церкви, и какова была ея судьба вообще въ Оттоманской имперіи—до настоящаго времени весьма мало извѣстно. Нельзя сказать, чтобы эта малоизвѣстность происходила только отъ малочисленности историческихъ данныхъ или свѣдѣній о положеніи христіанской церкви въ Турціи. Матеріаловъ для исторіи положенія христіанскихъ народностей и христіанской церкви въ Оттоманской имперіи гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ, но многіе изъ нихъ до настоящаго времени никѣмъ не тронуты, потому что еще очень немногія лица занимаются ихъ розыскиваніемъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ и прямыхъ источниковъ для исторіи положенія христіанскихъ народностей и христіанской церкви въ Турціи безспорно могутъ быть турецкіе официальные документы.

До настоящаго времени почти никто не обращалъ вниманія на громадное значеніе султанскихъ фермановъ и другихъ турецкихъ актовъ, относящихся къ исторіи Балканскаго полуострова и Румыніи; важность этихъ документовъ, какъ историческаго матеріала, становится болѣе ясною и ощутительною въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ такими событіями, для изображенія, или по крайней мѣрѣ, для уясненія которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ въ письменныхъ или неписьменныхъ памятникахъ той или другой народности, и для которыхъ турецкіе акты являются единственнымъ источникомъ. Кромѣ того, въ султанскихъ ферманахъ и нѣкоторыхъ другихъ турецкихъ актахъ почти всегда излагается содержаніе и вербѣдко повторяются цѣликомъ официальные и неофициальные христіанскіе документы, которые или не дошли до насъ, или же, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, долго еще будутъ недоступны пользованію ученыхъ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени почти совершенно нѣтъ доступа къ турецкимъ архивамъ и бібліотекамъ, гдѣ только они есть; но и тамъ, гдѣ эти акты доступны, пользованіе ими сопряжено съ значительными препятствіями вслѣдствіе безпорядочности ихъ помѣщенія и распредѣленія (не говоря уже о

малоизвѣстности турецкаго языка),—безпорядочности, доходящей до того, что документы легко могутъ быть уничтожены, похищены или повреждены и испорчены; почти вездѣ ихъ обладатели и распорядители, какъ мусульмане, такъ и христіане, не вполне понимаютъ ихъ значеніе. Мало того, специалисты по исторіи Балканскихъ Славянъ новѣйшаго времени не могутъ еще до ихъ поръ пользоваться для научныхъ цѣлей султанскими ферманами и другими турецкими документами, написанными по славянски, или точнѣе, по сербски, за весьма немногими исключеніями—вслѣдствіе того, что не возможно собрать ихъ.

Г. Ястребовъ возымѣлъ прекрасную мысль—положить начало исполненію этого пробѣла въ литературѣ историческаго изученія народностей Балканскаго полуострова, состоящихъ подъ турецкимъ владычествомъ. Благодаря основательному знанію турецкаго языка, онъ, кажется, первый обратилъ серьезное вниманіе на султанскіе ферманы и другіе турецкіе акты, а также на историческіе труды Турокъ, надписи, записи, замѣтки и др., какъ на весьма важный и цѣнный матеріалъ для исторіи христіанской церкви на Балканскомъ полуостровѣ послѣ завоеванія онаго Турками. Большая часть его книги заключаетъ въ себѣ переводъ двухъ и изложеніе содержанія болѣе 79 султанскихъ фермановъ и нѣсколькихъ другихъ турецкихъ актовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ бывшей Печской патріархіи, Дечанскаго монастыря, митрополии Призренской и канцеляріи католическаго епископа въ Мостарѣ (въ Босніи).

Приступая къ обзорѣ турецкихъ документовъ, касающихся бывшей сербской Печской патріархіи, онъ начинаетъ съ фермановъ, относящихся къ исторіи уничтоженія патріархіи, такъ какъ между ферманами, сохранившимися въ Печи, онъ, не нашелъ ни одного, который былъ бы данъ турецкимъ правительствомъ Сербскимъ патріархамъ до присоединенія Сербской патріархіи къ Константинопольскому патріархату. Нѣсколько такихъ документовъ сохранилось до 1831 г., когда Гусейнъ-капетанъ (родомъ Боснякъ), разорилъ Печь (Ипекъ). Нынѣшній настоятель Печской патріархіи, Рафаиль Тоничъ, разказывалъ г. Ястребову, что бывшій тамъ въ то время настоятелемъ о. Саватій, замученный Босняками-мусульманами, возвращавшимися съ Косова послѣ пораженія султанскаго войска, будучи арестованъ какъ человѣкъ подозрительный и нѣкоторое время заключенъ, сжегъ много фермановъ, изъ коихъ нѣкоторые были большаго формата, написаны золотыми чернилами и украшены царскою таврою. Онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе того, что отъ страха сошелъ съ ума... (стр. 1). Изъ хранящихся въ Печской

патріархіи двѣнадцати, по словамъ г. Ястребова, фермановъ онъ приводитъ только десять, во главѣ которыхъ ставитъ „самый точный“, какъ онъ выражается, „сербскій переводъ, копию съ берата, во всемъ сходнаго съ оригиналомъ“, — берата, даннаго султаномъ Мустафой III (1757—1774=1171—1187 г.) 13-го сентября 1766 (въ 9-й день мѣсяца реби-уль-охра 1180 г.) Нишскому митрополиту Гавріилу на званіе митрополита Призренскаго тотчасъ послѣ уничтоженія Печской сербской патріархіи и присоединенія ея въ Константинопольскому патріархату¹⁾. „Этотъ берать“, говоритъ г. Ястребовъ, — „важенъ для насъ потому, что до настоящаго времени неизвѣстно, какъ уничтожена Печская патріархія, какія причины выставлены были греческою патріархіей султану для достиженія своей цѣли, а также неизвѣстенъ и годъ, когда именно была уничтожена патріархія. Этотъ берать съ пользой послужитъ источникомъ и для изображенія дѣйствій и объясненія выдумки причинъ, которыми пользовалась греческая патріархія, а также объясненія того, кто былъ главнымъ виновникомъ того положенія Печской патріархіи, въ которомъ представили ее султану“ (стр. 2).

Нисколько не умаляя важнаго значенія этого берата для исторіи уничтоженія Печской патріархіи, я не могу однако вполнѣ согласиться съ г. Ястребовымъ относительно важности и значенія берата для рѣшенія вопроса о причинахъ и времени уничтоженія означенной патріархіи. Уже давно извѣстны и изданы греческіе акты, излагающіе причины и способы и указывающіе на время уничтоженія Сербскаго патріаршества. Правда, берать лучше освѣщаетъ нѣкоторыя стороны вопроса; онъ начинается цѣлымъ, неизвѣстнымъ до нынѣ донесеніемъ Константинопольскаго патріарха съ его синодомъ митрополитовъ, поданнымъ въ видѣ прошенія султану, о положеніи Печской патріархіи; но за то въ немъ не такъ рельефно представляется роль Константинопольской греческой патріархіи въ этомъ дѣлѣ, какъ въ греческихъ актахъ²⁾.

¹⁾ Содержаніе этого берата извѣстно уже по италянскому переводу, напечатанному по сербски въ *Гласникъ*, кн. IX (стр. 227—241) и XI (стр. 181—186), но г. Ястребовъ при всемъ этомъ оказалъ не малую услугу наукѣ, переведя берать со всеми оттѣнками, обычными въ ферманахъ, даваемыхъ султанскимъ правительствомъ митрополитамъ; кромѣ того, переводъ *Гласника* не всегда отличается точностью, и турецкіе оффиціальныя термины оставлены безъ объясненія, какъ говоритъ и самъ г. Ястребовъ (стр. 9, пр. 1).

²⁾ Эти акты обнародованы въ книгѣ митрополита Хіосскаго *Григорія*: *Πραγματεία περί τῆς κακοκίης δικαιοσύνης τοῦ Οἰκουμενικοῦ θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βουλγαρίᾳ*

Берать не замѣнимъ въ томъ отношеніи, что изъ него мы узнаемъ, каково должно было быть положеніе Печской патриархіи послѣ ея уничтоженія. Въ виду этого, думаю, не лишне будетъ подробно изложить здѣсь его содержаніе съ нѣкоторыми впрочемъ сокращеніями. Вотъ его начало:

„Константинопольско-греческій патриархъ съ синодомъ митрополитовъ, находящихся здѣсь, въ моей столицѣ, представилъ моему дивану подтвержденное печатами прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Такъ какъ митрополиты Печской (патриархіи) области остались уже безъ патриарха, то нѣкоторые изъ нихъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ,—каждый своими средствами, назначая кандидатовъ на престолъ упомянутой патриархіи,—обратили ее въ источникъ прибыльнаго дохода; а тѣ, которые дѣлались патриархами, старались только о своихъ интересахъ, выманивая съ подвластнаго имъ народа (райи) деньги сверхъ опредѣленной для нихъ въ бератахъ таксы. Другіе опять брали въ долгъ отъ разныхъ лицъ, сколько только они могли, давая займодавцамъ росписки отъ имени патриархіи, не платили никому ни одного акче ¹⁾ и такимъ образомъ довели ее до бѣдности и разоренія. Кромѣ того, нѣкоторые пришельцы достигали до патриаршескаго званія безъ всякаго на то права, заручившись заявленіемъ объ этомъ отъ одного только округа, и затѣмъ изъ своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей съ своей стороны также насилывали народъ, и увеличивая долги патриархіи, довели послѣднюю до крайней бѣдности и невозможности выплатить эти долги. Сверхъ того, такіе люди, достигши до патриаршескаго званія, но будучи между тѣмъ простаго просхожденія и необразованы, нисколько даже къ этому не приготовлены и притомъ не принадлежа къ монашескому чину, бывали предтечами латинства между райею (православными христианами), у которой и такъ видно стремленіе отступить отъ православной вѣры. И если не будутъ приняты нужныя мѣры къ установленію твердаго мира и порядка между тамошними христианами, то

ὀρθόδοξων χριστιανῶν. 'Εν Κωνσταντινουπ. 1860 г., затѣмъ перепечатаны Българскимъ митрополитомъ *Анонимомъ* въ его книгѣ: Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφή τῆς ἱεράς μητροπόλεως Βελεγράδων. 'Εν Βερχόρα 1868, и совершенно независимо отъ первыхъ двухъ напечатаны въ брошюрѣ: Τὰ κατὰ τὰ ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχρίδων καὶ Πελίου. 'Εν Κωνσταντινουπ. 1869. (и по болгарски: Исторически изслѣдованія за Охридска-та и Ипекска архіепископії. Прѣводъ *Н. Михайловскаго*. Цариградъ, 1869). Я пользовался этою брошюрой за неимѣніемъ другихъ сочиненій.

¹⁾ Ак(х)че—асира; 3 аспры=1 пары, а пара составляетъ $\frac{1}{6}$ копѣйки.

ихъ положеніе сдѣляется еще печальнѣе, вслѣдствіе чего ускорится ихъ совершенная погибель; это ясно, какъ божій день (стр. 2—3) ¹⁾.

„Но чтобы сразу прекратить такой беспорядокъ вещей, то-есть, чтобы охранять и защищать христіанъ и установить у нихъ твердый и хорошій порядокъ, Печскій патріархъ Калиникъ ²⁾, митрополитъ, бывший прежде Печскимъ патріархомъ, Гавріилъ, Скопійскій митрополитъ Константинъ, Боснійскій митрополитъ Серафимъ, Ужицкій митрополитъ Митрофанъ, Бѣлградскій митрополитъ Иеремія, Самоковскій митрополитъ Неофитъ и Кюстендильскій митрополитъ Гавріилъ, — всѣ восемь поименованныхъ митрополитовъ, прѣбывавшихъ теперь сюда, въ мою царскую столицу, — лично подали утвержденное ихъ печатами прошеніе о томъ, чтобы Печская патріархія со всѣми ея митрополитами была присоединена къ Константинопольской греческой патріар-

¹⁾ Ср. *Голубинскаю*, Ератвій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдовацкой. М. 1871, стр. 142—145, 293—295. Для сравненія приведу начало акта объ избраніи новаго митрополита Привренскаго послѣ уничтоженія Печской патріархіи. Вотъ это начало: «Τῆς Ἀγιωτάτης Ἀρχιεπισκοπῆς ποτὲ Πεκίου ἤδη συνενωθείσης τῷ Ἀγιωτάτῳ Ἀποστολικῷ καὶ Οἰκοῦμ-θρόνῳ ὁμοῦ μετὰ τῶν ὑποκειμένων αὐτῇ Μητροπόλεων, τοῦ τε Σκοπίων, τοῦ Πρεζρένης, τοῦ Γενί-Παζαρίου, τοῦ Μπόσνης, τοῦ Οὐτζίτζης, τοῦ Ἑρεσίου, τοῦ Μπελιγρადίου, τοῦ Νύσσης, τοῦ Σαμακοβίου, καὶ τοῦ Κιστεντιλίου, διὰ τὰς συνεχεῖς καὶ ἀλλεπαλλήλους ἐπιδρομὰς καὶ ἐφόδους τῶν κατὰ καιροὺς ληστρικῶ τρόπῳ παρεισπηδόντων ἐς αὐτὴν, καὶ παρὰ τοὺς θεῖους καὶ ἱεροὺς τῆς ἁγίας Ἐκκλησίας μας κανόνας, ἄνευ βουλῆς καὶ ψήφου καὶ γνώμης τῶν περὶ αὐτὴν ἀγιωτάτων Μητροπολιτῶν, διὰ δόσεως δὲ ἀμυθῆτων χρημάτων καὶ φθορᾶς καὶ δαπάνης ἀρπαζόντων τὴν Ἀρχιεπισκοπὴν ταύτην, ἐξ ὧν συνέβαινε, οὐ μόνον λεηλατεῖσθαι καὶ ὁσημέραι κατατρέχεσθαι αὐτόν τε τὸν ἀρχηγὸν τῶν κακῶν καὶ τοὺς ἀνατίους ὁμοῦ, καὶ καταδραπανάσθαι καὶ φθειρεσθαι, ἀλλὰ καὶ ὅλον τὸ περὶ αὐτὴν χριστόνομον τῶν ὀρθοδόξων πλήρωμα, τῶν μὲν ἀλόγως ἀπαιτούντων, τῶν δ' ἀναξίων καὶ παραλόγως καταβαλλόντων, ὥστε εἰς ὑπέρογκα βάρη καὶ ἀπαραμύθητα ὑποπεσεῖν ὅλον τὸ ἔκεισε κλίμα, μηδενὸς ὄντος τοῦ προϊσταμένου καὶ οἰκονομοῦντος καὶ σώζοντος καὶ φυλάττοντος, ἀλλὰ φύρδην καὶ ἀναμίξ συγκυρημένων τῶν ἔκεισε τῆς Ἐκκλησίας πραγμάτων, καὶ τέλος κινδυνεύειν τὰ ἔσχατα ἐρημωθῆναι τὰς ἔκεισε Μητροπόλεις, καὶ ἄρδην ἐκ μέσου ἐξαλειφθῆναι τοὺς τε ποιμαίνοντας καὶ ποιμενημένους ἐξ αἰτίας μόνης τῶν δοξομανούντων περὶ τὸ ἀρχιεπισκοπεῖν ὄνομα. Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς... σελ. 62—63. Въ братѣ о Спаварѣ ничего не говорится. Тамъ же, 58, 60—61.

²⁾ Г. Ястребовъ не нашелъ объ этомъ Калиникѣ никакихъ данныхъ для пополненія свѣдѣній о немъ, заключающихся въ «Обшти листъ» въ *Гласникъ*, кн. XXXV, стр. 76. Только между турецкими документами Дечанскаго монастыря онъ нашелъ одно буюрулду (губернаторскій приказъ), въ которомъ упоминается Калиникъ, а также и его предшественникъ Василій Бркичъ (стр. 3, примѣч. 1). Ср. *Голубинскаю*, оп. с., 486—487.

хи, и чтобы на будущее время Константинопольскій патріархъ за одно съ своимъ синодомъ изъ митрополитовъ непосредственно доносили мнѣ о ихъ (митрополитовъ, подчинявшихся Печскому патріарху) дѣлахъ и особенныхъ нуждахъ, о ихъ назначеніяхъ и отставкахъ, по уставу монашескому (церковно-іерархическому). Вслѣдствіе того, да будетъ вписано въ епископскій протоколъ слѣдующее постановленіе: „никогда никому болѣе не давать (отдѣльно) этой патріархіи ни по какой и ни почьей просьбѣ“¹⁾.

... „Такъ какъ упомянутая (Печская) патріархія, по изданному высочайшему ферману, нынѣ присоединена къ патріархіи Константинопольской греческой, то изъ опредѣленнаго отъ Печской патріархіи прихода,—90 тысячъ акче, 65,940,—сумма съ давнихъ поръ назначенная на содержаніе янычаръ, стоящихъ въ Дербентихане (не сторожевые ли караулы?), Рогатицѣ и Новомъ Горянѣ (Гораждѣ?), входящихъ въ составъ Новопазарской капетаніи Боснійской области

¹⁾ Ср. Διαυτά ταυτα τὰ αἷτια συνδραμόντων ἐνταῦθα εἰς Βασιλεύουσαν τοῦ τε ἄρτι ἔχοντος τὸ Ἰπέκι, καὶ ἰδίᾳ βουλῇ καὶ γνώμῃ παραιτησαμένου καὶ τοῦ πρώην ἀρχιεπισκοπεύοντος ἐν αὐτῇ, νῦν δὲ Νύσσης, κύρ Γαβριήλ (ἔχοντος καὶ τὴν γνώμην τοῦ τε Μπελιγραδίου κύρ Ἰερεμίου, καὶ τοῦ Οὐζιτζης κύρ Μητροφάνους) μετὰ τῶν τοῦ κλίματος ἐκείνου Μητροπολιτῶν τοῦ τε Σχοκίων κύρ Κωνσταντίνου (ἔχοντος καὶ τὴν γνώμην τοῦ Μπόσνας κύρ Σεραφεῖμ), τοῦ Σαμακοβίου κύρ Νεοφύτου, καὶ τοῦ Κωνστανδουλίου κύρ Γαβριήλ, καὶ διὰ κοινῆς αὐτῶν καὶ τῶν ὑπ' αὐτοὺς χριστιανῶν ἐνοφραγίστου ἀναφορᾶς τὰ κατ' αὐτοὺς ἀπολοφυραμένων τῷ ὕψει τοῦ Κραταιοτάτου ἡμῶν Ἄνακτος, καὶ τὴν κοινὴν τῶν χριστιανῶν καὶ τὴν ἰδίαν αὐτῶν σωτηρίαν πρὸ παντός ἄλλου αἰτουμένων διὰ τῆς πρὸς τὸν Πατριαρχικὸν καὶ Οἰκοῦμ. ὁμῶν θρόνων ὑποταγῆς, καὶ τῆς δεήσεως αὐτῶν εἰσακουσθείσης, ὡσαύτως δὲ καὶ τῆς ποτὲ Ἀρχιεπισκοπῆς Πεκίου μετὰ τῶν ἀνωτέρω διαληφθεισῶν ἱεροπόλεων εἰς ἐν τῆς Ἐκκλησίας σῶμα συναρμολογηθεισῶν, ὥστε εἶναι καὶ λέγεσθαι τούντεῦθεν εἰς τὸν ἐξῆς ἅπαντα αἰῶνα Μητροπόλεις ὑποκείμεναι τῷ Οἰκοῦμ. θρόνῳ καὶ τῇ λοιπῇ τῶν ἀδελφῶν χορείᾳ, ὃν τρόπον καὶ αἱ ἔκπαλαι αὐτῷ τῷ Οἰκοῦμ. θρόνῳ ὑπαγόμεναι ἱεροπόλεις ἐν τε τῇ Ἀσίᾳ καὶ Εὐρώπῃ, καὶ συναριθμηθῆναι τῷ χορῷ τῶν λοιπῶν Μητροπόλεων τῆς Κωνσταντινουπόλεως, καὶ συνεδριάξιν τῇ ἱερᾷ Συνόδῳ, καὶ συμπηφίζιν μετὰ τῶν λοιπῶν ἀδελφῶν, καὶ ψῆφον καὶ γνώμην ἔχειν ἐπὶ πάσης καὶ παντοίας ὑποθέσεως, καὶ ὅλως καρποῦσθαι καὶ νέμεσθαι κατὰ τοὺς λοιποὺς τῶν Μητροπολιτῶν τὰ κοινὰ γέρα καὶ βραβεῖα· τοῦ δὲ τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς ὀνόματος Πεκίου ἀποξεσθῆναι ἐκ τῶν βασιλικῶν πινάκων, καὶ ὡς μηδέποτε γεγονότος λογιζομένου». Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς... 63—64. Изъ этого греческаго акта видно, что не всѣ поименованные въ бератѣ митрополиты при подачѣ прошенія султану находились въ Константинополѣ. Затѣмъ почему въ этомъ актѣ не упоминаются еще три митрополита: Гавриилъ Новопазарскій, Анѣимъ Герцеговинскій и Гавриилъ Призренскій, какъ во второмъ, избирательномъ актѣ, гдѣ сказано, что и они подписались и приложили свои печати на прошеніи, поданномъ султану? Тамъ же, стр. 58—9.

(санджака), — должны быть уплачиваемы для той же цѣли, какъ и прежде. Остальные 24,060 акче Константинопольско-греческая патриархія должна вносить ежегодно въ мою царскую казну. Но чтобы напрасно не пропадалъ мирн-пешкешъ ¹⁾ отъ уничтоженной Печской патриархіи, по общему желанію населенія шести тамошнихъ округовъ— Призренскаго, Новобрдскаго, Приштинскаго, Печскаго, Вучитрънскаго и Дьяковскаго; предъявитель сего высочайшаго фермана, примѣрный для христіанскаго народа, монахъ Гавріиль, — дабы окончилъ послѣдніе дни своей жизни въ добрѣ, — назначенъ митрополитомъ означенныхъ округовъ, при чемъ переносится на образованную изъ тѣхъ же округовъ Призренскую митрополию мирн-пешкешъ бывшей Печской патриархіи ²⁾).

... „Для того, чтобъ осуществить и установить тамъ силою закона, если угодно Богу, такой порядокъ вещей, Константинопольско-греческій патриархъ за одно съ митрополицимъ синодомъ послѣ всего просилъ ввѣрить монаху Гавріилу митрополию, образованную изъ шести указанныхъ выше округовъ, за чтò будетъ вноситься мирн-пешкешъ деньгами въ 100 тысячъ акче въ мою царскую казну... (стр. 7).

„Итакъ, въ силу фермана, даннаго 6-го реби-уль-ахра (10-го сентября) сего 1180 (1766 г.), вычеркнуть (Печскую патриархію) изъ списка и издать бератъ, въ который включить и слѣдующее рѣшеніе: Печская патриархія уничтожена, вычеркнута изъ заведенныхъ для этой цѣли списковъ и присоединена къ Константинопольско-греческой патриархіи. Вслѣдствіе того изъ суммы дохода отъ Печской патриархіи 90 тысячъ акче изъ 66,940, нынѣ идущихъ на содержаніе янычаръ въ означенныхъ мѣстахъ, Константинопольско-греческая патриархія должна платить на содержаніе того же войска, согласно берату, а удостовѣреніе въ полученіи этой суммы онымъ войскомъ будетъ отмѣчаться узаконеннымъ знакомъ на оборотной сторонѣ берата, даннаго патриархіи. 24,060 акче, назначенныхъ на уплату долговъ Константинопольской патриархіей, при провѣркѣ счетовъ, будущіе послѣ того патриархи должны вносить въ мою царскую казну каждый разъ въ началѣ мѣсяца мухарема (марта), а также вносить и калеміе ³⁾ въ опредѣленные для того мѣста ежегодно, при провѣркѣ

¹⁾ Мирн-пешкешъ—деньги, платимыя въ видѣ подарка епископами и митрополитами въ царскую казну за ферманъ, которымъ утверждается получающій епархію въ своемъ чинѣ и званіи (стр. 6).

²⁾ Ср. *Tâ hatâ tâs ârchiepiskopâs*... 64.

³⁾ Ванось на канцелярію 10% отъ дохода съ частнаго имущества.

счетовъ въ канцеляріи, при чемъ выдавать имъ скрѣпленную и приложеніемъ печатей утвержденную копію съ этихъ счетовъ и тогда отмѣчать въ нарочно заведенной для того книгѣ объ ея (патріархіи) расчетѣ съ казной.

... „Сего 1180 (1766 г.) 9-го дня реби-уль-ахра (13-го сентября) издаемъ мы настоящій ферманъ и повелѣваемъ: быть выше означенному монаху Гавріилу митрополитомъ ¹⁾ упомянутыхъ выше городовъ: Призрена, Новобѣрда, Приштины, Печи, Вучитрѣна и Дьякова съ правомъ безпрепятственно исполнять свои митрополичьи обязанности сообразно съ обычаями и согласно законамъ, съ давнихъ временъ установленнымъ для райи (христіанъ). Сверхъ того, во всѣхъ мѣстахъ, подвластныхъ этой митрополии, райя—малые и великіе, епископы и священники, монахи и монахини съ ихъ игуменами, должны признать его своимъ митрополитомъ, уважать его права, не сопротивляться его распоряженіямъ касательно вѣроисповѣдныхъ дѣлъ и быть всегда послушными, но не показываться склонными къ неповиновенію. Епископы, находящіеся въ округахъ Призренскомъ, Новобѣрскомъ, Приштинскомъ, Печскомъ, Вучитрѣнскомъ и Дьяковскомъ, должны, согласно постановленіямъ ихъ вѣроисповѣдныхъ уставовъ, признавать его своимъ митрополитомъ, подчиняться и слѣдовать ему въ дѣлахъ вѣроисповѣдныхъ, такъ какъ онъ можетъ смѣнять и назначать ихъ, и никто не въ правѣ требовать отъ него отчета.

„Въ мѣстахъ, входящихъ въ составъ этой митрополии, никто не въ правѣ безъ особаго распоряженія отнимать церкви и монастыри, состоящіе въ его во власти съ старыхъ временъ ²⁾; никто не въ правѣ препятствовать исправлять церкви и монастыри, держась прежняго плана, освященнаго ихъ закономъ. Равнымъ образомъ и полицейскіе чины не въ правѣ чинить какія-либо насилія церквамъ и монастырямъ, основываясь на томъ, что они только въ силу буюрудду (губернаторскихъ приказовъ) обязаны производить тамъ слѣдствія и судъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые будутъ указаны моимъ особымъ ферманомъ.

„Въ дѣлахъ, касающихся вѣнчанія и развода между христіанами

¹⁾ Изъ протоколовъ греческаго синода видно, что избирательное собраніе было 11-го сентября 1766 г., и тогда же предложены были три кандидата на Призренскую митрополию, изъ которыхъ первымъ былъ Гавріиль, бывший Амасійскій: *πρωτον ἐθέμεθα, говорится тамъ,—τὸν Πανιερώτατον πρῶτον Ἀμασειᾶς κὴρ Γαβριήλ. Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπ., 64.*

²⁾ Оправданіе этого пункта фермана см. ниже.

обоего пола, никто не въ правѣ вмѣшиваться, кромѣ уполномоченныхъ для того митрополитомъ лицъ.

„Если случится, что кто-нибудь изъ свѣтскихъ или изъ духовныхъ составитъ передъ своею смертію какое бы то ни было завѣщаніе по ихъ вѣроисповѣдному закону на имя патріарха, митрополита или епископа, то оно можетъ имѣть силу закона, и свидѣтели-христіане признаются.

„Если кто-нибудь изъ подвластныхъ этому митрополиту епископовъ, монаховъ, священниковъ, монахинь и игуменовъ совершитъ какое-нибудь преступленіе противъ вѣроисповѣднаго закона, и митрополитъ, основываясь на церковныхъ постановленіяхъ, назначить такому лицу какое-либо наказаніе, то никто не въ правѣ препятствовать ему и вмѣшиваться въ эти дѣла, но напротивъ, стараться, чтобы исполнено было назначенное митрополитомъ или уполномоченными имъ лицами наказаніе священнику, заключившему незаконный бракъ или вообще совершившему такіа дѣла, которыя не позволяютъ христіанамъ безъ особаго на то разрѣшенія митрополита или безъ его вѣдома.

„Въ случаѣ если возникнетъ какая-нибудь жалоба на митрополита или его уполномоченныхъ и кого-нибудь изъ его людей, имѣющая отношеніе къ вѣроисповѣданію, то такая жалоба не можетъ быть удовлетворена на мѣстѣ жительства обвиняющихся, но представляется въ мой царскій диванъ на разсмотрѣніе моего везира и кадиаскера ¹⁾; такъ какъ такого рода дѣла подлежатъ разсмотрѣнію моего дивана, находящагося въ моей столицѣ, то и запрещается мѣстнымъ властямъ принимать ихъ для рѣшенія.

„Никто не въ правѣ требовать отчета отъ священниковъ, назначаемыхъ на мѣста ихъ служенія, ни заставлятъ своими просьбами митрополита назначить того или другаго монаха епископомъ, или насильно требовать уволить такого-то священника и назначить на его мѣсто другаго, или принуждать его назначить для такой-то церкви священника по волѣ другихъ.

„Мѣстныя власти обязаны быть сподручниками административнымъ путемъ митрополичьимъ уполномоченнымъ, посланнымъ собирать подать съ епископовъ, монаховъ, священниковъ и свѣтскихъ лицъ, или вообще когда они дѣлаютъ какое-нибудь дѣло или взыскиваютъ старыя долги отъ тѣхъ же лицъ. Однимъ словомъ, всякаго

¹⁾ Кади-аскеръ—верховный судья въ дѣлахъ, касающихся вѣроисповѣданія. О немъ см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1880 г., июнь, стр. 387.

рода подать съ христіанъ, всякое добровольное пожертвованіе, доходъ съ ярмарокъ, съ позволеній на бракъ и съ монастырей, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи митрополита должны уплачиваться безъ всякаго препятствія въ силу ихъ давнишнихъ обычаевъ и установленныхъ бератовъ.

„Въ мѣстахъ, подвластныхъ митрополиту, нѣкоторые изъ священниковъ, отрехшихся отъ мірской жизни, позволяютъ себѣ шататься изъ одного мѣста въ другое и тѣмъ причиняютъ распри и беспорядокъ. Такихъ лицъ, по желанію митрополита и согласно ихъ церковнымъ постановленіямъ, строго наказывать и запрещать имъ шататься, возвращая ихъ въ монастыри, гдѣ они прежде жили, чтобъ они болѣе не шатались по своей волѣ и вопреки церковнымъ правиламъ.

„По временамъ священники и монахи, съ разрѣшенія митрополита, ходятъ по христіанскимъ домамъ для совершенія разныхъ требъ: ни кадіи (судьи), ни наобы (помощники судей), ни мутеселими (вице-губернаторы), ни капудалери (придворные камергеры), ни мутевелин (управляющіе султанскимъ недвижимымъ имуществомъ), ни субаши (сельскіе старосты), и никто вообще изъ полицейскихъ чиновниковъ не въ правѣ препятствовать имъ совершать у христіанъ все, что дозволяется закономъ и обычаями, освященными ихъ вѣрученіемъ. Вообще вездѣ въ богохранимой моей державѣ нужно всегда имѣть большую заботливость о дѣлахъ живущей въ моей державѣ бѣдной райи, имѣя въ виду ея преуспѣяніе и развитіе.

„Въ дѣлахъ, касающихся доходовъ и расходовъ и всякаго рода церковнаго имущества, мнѣніе тѣхъ, которые состоятъ въ званіи патріарха, не признается больше имѣющимъ значенія, на основаніи ихъ церковныхъ постановленій; мнѣніе синодальныхъ митрополитовъ считается вполне рѣшающимъ. Такъ какъ синодъ во всякое время отвѣтственъ за всѣ церковные долги, то и печать патріаршей церкви всегда ввѣряется синодальнымъ митрополитамъ, и они должны выдавать деньги, отданныя займообразно или на проценты. Сверхъ того, имѣя еще въ виду то обстоятельство, что синодъ обезпеченъ отъ всякихъ случайныхъ насилій и отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣла, и имѣя въ своихъ рукахъ печати отъ всѣхъ монастырей въ моей державѣ, онъ получаетъ на храненіе и печать церкви патріаршеской, какъ было и до нынѣ... сообразно съ этимъ, патріаршія заодно съ синодомъ прошенія, скрѣпленные законными печатями, о монастырскихъ дѣлахъ считаются вполне законными, и всѣ представленія и донесенія такого рода имѣютъ вполне законную силу,

„Не возбраняеть митрополиту и священникамъ чтение евангелій по домамъ, если только этимъ они не производять страшнаго шума. Полицейскія власти, которыя причиняють христіанамъ безпокойство и обижаять ихъ за то, что послѣдніе изъ своихъ домовъ ходять въ частныя или въ особо для того построенныя дома, гдѣ они вмѣстѣ совершаютъ богослуженіе, читають евангеліе, вѣшаютъ лампы, зажигаютъ свѣчи, ставятъ иконы и аналогіи, завѣшиваютъ завѣсы, зажигаютъ ладанъ и курятъ имъ и держатъ въ рукахъ палки, — отнынѣ ничего подобнаго онѣ не вправѣ дѣлать. Равнымъ образомъ, и мири-мирани (губернаторы) и другія облеченныя властію лица, имѣя въ виду обогатиться, не могутъ чинить никакихъ насилій, ни требовать денегъ какимъ бы то ни было незаконнымъ образомъ за право молиться. Этотъ параграфъ присоединить къ постановленіямъ прежде изданныхъ бератовъ и записать въ заведенную для этого книгу. Вообще отнынѣ да не будутъ производимы насилія и вымогательства, противныя настоящему ферману.

„Митрополичьи управляющіе и другіе люди, которыхъ митрополиты посылають для обычнаго сбора миріи (владычнины; подать митрополиту), должны имѣть отъ мѣстныхъ властей провозачныхъ; а во время сбора миріи никто изъ чиновъ полиціи не въ правѣ грозить имъ съ цѣлію отнять у нихъ собранныя деньги, если бы даже они во время сбора ходили переодѣтыми и носили при себѣ оружіе, ибо и въ этомъ не должно чинить имъ никакихъ препятствій.

„Если вмѣсто денегъ за обыкновенную митрополичью мирію кто-нибудь изъ уполномоченныхъ митрополита или кто-нибудь изъ его людей получить матерію или одежду, то никто изъ чиновниковъ не въ правѣ заставлятъ этихъ людей силою платить за означенные предметы таможенныя и всякаго рода пошлины стоящимъ на караулахъ большихъ дорогъ и около большихъ городовъ, а также и въ портахъ и на другіихъ таможенныхъ заставахъ ничего отъ нихъ не брать.

„Служащіе на таможенныхъ заставахъ и въ портахъ и стоящіе на караулахъ не въ правѣ требовать ни таможенныхъ, ни всякаго рода другихъ пошлинъ за предметы, подносимые митрополиту въ даръ, какъ, напримѣръ, за медь, масло, сладкое вино и др., какъ и за тѣ, которые добываются въ собственной экономіи митрополита.

„Никто не можетъ вмѣшиваться въ управленіе митрополіями, монастырями и церквами съ приписанными къ нимъ имѣніями, какъ,

напримѣръ, виноградными садами, огородами и хуторами, такъ какъ церквамъ и монастырямъ предоставляется полная свобода самостоятельно управлять и распоряжаться своими имѣніями, приобретенными по завѣщанію, — лугами, нивами, мельницами, ярмарками (во время храмовыхъ праздниковъ), домами, лавками, разными предметами, денежными суммами и всякаго рода домашними животными.

„Жалобы пашей, кадіевъ и набовъ на митрополитовъ и ихъ епископовъ, донесенія первыхъ о нехорошемъ правленіи кого-нибудь изъ послѣднихъ, а также и ихъ требованія отправить въ заточеніе митрополита или кого-нибудь изъ епископовъ или лишить званія не будутъ приняты во вниманіе до тѣхъ поръ, пока не будутъ изслѣдованы обстоятельства дѣла; но и тогда, если о подобныхъ же случаяхъ былъ уже изданъ ферманъ, нельзя поступать по записанному въ немъ постановленію, котораго не должно брать во вниманіе. Наконецъ, если будутъ ссылаться на каковой-нибудь изъ прежде изданныхъ моихъ указовъ, то оный во всякомъ случаѣ не можетъ быть прилагемъ въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ онъ изданъ.

„Если кто-нибудь изъ христіанъ въ составленномъ при жизни духовномъ завѣщаніи записалъ что-либо патріарху, или митрополиту, или епископу, или церквамъ, то послѣ его смерти все завѣщанное должно быть взято отъ его наслѣдниковъ законнымъ путемъ. Въ случаѣ смерти мужа или жены закономъ опредѣленные подати подъ названіемъ портаси (подать съ каждой двери христіанскаго дома), парсіе (то-есть, парусіе, добровольное пожертвованіе монастырю) должны быть взыскиваемы административнымъ путемъ отъ наслѣдниковъ умершихъ.

„Объявляется всѣмъ епископамъ, священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірянамъ, живущимъ въ подвластныхъ вышеупмянутому митрополиту городахъ, округахъ и селахъ, что, кромѣ установленныхъ ежегодныхъ денежныхъ сборовъ съ ярмарокъ, агіязмъ (священныхъ и цѣлительныхъ водъ), отъ перваго, втораго и третьяго браковъ, а также въ видѣ добровольныхъ пожертвованій и зарари касабіе (подать за кожу)¹⁾, каждый христіанинъ долженъ ежегодно платить патріархіи по 12 акче, а каждый священникъ—по одному дукату.

¹⁾ Зарари-касабѣ — убытокъ отъ рѣзниковъ или налогъ на свиней, который называется такъ потому, что Турки, какъ мусульмане, не могли вписать свинью въ росписи казенныхъ податей, и вслѣдствіе того, убытокъ должны были доплачивать митрополиты (стр. 14, пунктъ 1).

Равно образомъ, и міряне, и священники должны ежегодно по столько же платить и митрополиту. А если кто-нибудь изъ христіанъ вмѣсто этой подати будетъ давать хлѣбомъ въ зернахъ, то во время перевозки хлѣба, масла скоромнаго и постнаго не платитъ ни таможенныхъ и никакихъ другихъ пошлинъ.

„Такъ какъ полицейскіе чины вредили и производили ущербъ, какъ самому митрополиту, такъ и его уполномоченнымъ людямъ, во время ежегодныхъ сборовъ миріи съ церковей и сель, во время собиранія денегъ за вѣнчаніе и всѣхъ вообще и отдѣльно взятыхъ доходовъ, то вслѣдствіе того отнынѣ всякаго рода насилія возбраняются: никто не въ правѣ своимъ вмѣшательствомъ ихъ беззаконитъ, ни грозить имъ или запрещать имъ дѣлать свое дѣло.

„Если кто-нибудь изъ христіанъ пожелаетъ жить въ задругѣ, состоящей изъ извѣстнаго члена семействъ или задругъ и избравшей себѣ одно лице старѣйшиной, случись это во время собиранія миріи или передъ тѣмъ, не слѣдуетъ противиться его желанію только въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе этого платимая имъ сумма не уменьшается.

„Зіаметъ ¹⁾ и тимаріотъ ²⁾ не въ правѣ воспрепятствовать собиранію у христіанъ упомянутыхъ податей, оправдывая себя тѣмъ, что нѣкоторые изъ христіанъ живутъ на ихъ земляхъ и въ селахъ въ качествѣ батраковъ, наемныхъ слугъ и земледѣльцевъ—и потому многіе до этого времени запрещали христіанамъ выплачивать слѣдующую съ нихъ подать.

„Если случится, что между договаривающимися сторонами о бракѣ или разводѣ у христіанъ возбудится споръ, и митрополитъ или имъ уполномоченныя лица для примиренія спорящихъ, согласно церковнымъ правиламъ, потребуютъ, чтобы одна сторона дала присягу или приговорить къ извѣстному наказанію, то-есть, къ отлученію отъ церкви, то кадіи и наибы не могутъ вмѣшиваться въ эти дѣла.

„Безъ разрѣшенія и вѣдома митрополитовъ никто изъ подчинен-

¹⁾ Зіамъ—полевая угодія, которыя давались военнымъ за военныя заслуги, съ условіемъ вносить ежегодно въ царскую казну не менѣе 2,000 аспръ или въ военное время поставить въ армію опредѣленное число солдатъ, получавшихъ содержаніе отъ зіамета (стр. 15, пр. 1).

²⁾ Тимаръ — такая же награда военнымъ за заслуги, дававшаяся на арендныхъ земляхъ, съ условіемъ, чтобы за каждыя 300 аспръ изъ годовыхъ арендныхъ доходовъ тимаріотъ давалъ въ военное время одного вооруженнаго коннаго солдата и отправился самолично (тамъ же, примѣч. 2).

ныхъ ему священниковъ не въ правѣ совершать у христіанъ церковью не дозволенные брачныя обряды, такъ какъ христіане, по смыслу ихъ установленій, могутъ жениться только три раза, а четвертая женитьба воспрещена церковными законами. Ни подъ какимъ видомъ не дозволяется закономъ развестись съ законною женою и взять на мѣсто ея другую, а если кто-нибудь поступитъ противъ закона, то подвергнется заслуженному наказанію.

„Если митрополитъ послѣ смерти епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинь въ счетъ слѣдуемой ему миріи задержать ихъ деньги, вещи, лошадей, недвижимое имущество и все, что относится къ разряду предметовъ церковнаго служенія, то ни хранители сокровищъ, ни завѣдывающіе имуществомъ умершихъ, ни управляющіе вакуфами, ни таможенные надзиратели, ни воеводы, ни субаши и никакіе другіе казначеи не могутъ заявлять, что это право принадлежитъ имъ и никому другому.

„Согласно церковнымъ постановленіямъ, входъ въ церковь воспрещенъ тѣмъ изъ христіанъ, которые самовольно, вопреки церковнымъ установленіямъ, вступаютъ въ не дозволенный бракъ, а потому, когда умираютъ такія лица, то ни кадїи, ни наибы, ни другія власти, ни вліяніе богатыхъ людей не могутъ принуждать священниковъ совершать надъ ними отпѣваніе.

„Если епископы или священники при собираніи опредѣленной закономъ миріи откажутся уплачивать оную и въ силу церковныхъ установленій будутъ за то наказаны или лишены званія и ихъ мѣста будутъ отданы другимъ, то никто не въ правѣ препятствовать этому.

„Никто также не въ правѣ воспротивиться и тогда, когда, согласно церковнымъ постановленіямъ, со стороны митрополитовъ посылается кому-нибудь изъ христіанъ отлучительное письмо съ цѣлію исправить его.

„Если кто-нибудь изъ христіанъ задумаетъ жениться вопреки церковнымъ законамъ и для приведенія въ исполненіе своего намѣренія отправится въ другое мѣсто, то и тамъ не можетъ быть вѣнчанъ.

„Если кто изъ христіанъ оставляетъ по духовному завѣщанію третью часть своего имущества церквамъ, или монастырямъ, или патриарху, или митрополиту, или епископу, то въ такомъ случаѣ допускаются въ качествѣ свидѣтелей и лица греческаго вѣроисповѣданія, и ихъ показанія берутся во вниманіе.

„Когда митрополитъ требуетъ, чтобы полицейскія власти представили ему кого-нибудь изъ епископовъ, священниковъ и монаховъ,

оныя обязаны употреблять всѣ нужныя мѣры, дабы требуемое имъ (митрополитомъ) лицо было немедленно предано въ его руки.

„Никто не можетъ возбранять митрополиту, когда послѣдній, по провѣркѣ церковныхъ и монастырскихъ счетовъ, за растрату церковнаго имущества смѣщаетъ настоятеля и на его мѣсто назначаетъ другаго.

„Никто изъ придворныхъ и другихъ слугъ не въ правѣ принуждать митрополита взять его, противъ его желанія и вопреки условію, непремѣнно въ проводники.

„Также никто не въ правѣ отнимать отъ митрополита и его при-служниковъ ни лошадей, ни муловъ.

„Ни военныя, ни полицейскія власти не въ правѣ помѣщать какія-нибудь тяжелыя вещи въ домѣ, гдѣ живетъ митрополитъ.

„Ни мири-мирани, ни мири-лива (дивизионные генералы), ни мутесалими, ни мутевелии, ни назири (директоры), ни воеводы, ни сержандари, ни начальники султанской гвардіи, ни начальники янычаръ, ни полицейскіе, ни сельскіе старшины, — словомъ, никто не въ правѣ ни препятствовать митрополиту носить свой жезлъ, ни упрекать его за это“.

Далѣе повелѣвается всѣмъ военнымъ и гражданскимъ властямъ въ точности исполнять постановленія этого фермана, изданнаго въ „богохранимомъ Истамболѣ“ (стр. 2—18).

Весьма интересно начало втораго (Б), изъ приводимыхъ г. Ястребовымъ фермановъ, даннаго Нишскому митрополиту Гавріилу 30-го сентября 1766 (26-го числа того же мѣсяца и года гиджры) года, при вторичномъ утвержденіи Гавріила въ званіи митрополита Нишскаго. Вотъ что тамъ говорится: „Константинопольско-греческій патріархъ и находящійся въ моей столицѣ синодъ митрополитовъ подали въ мой царскій диванъ подтвержденное печатами прошеніе, въ которомъ объясняется, что нѣкоторые пройдохи-пришлецы не монашескаго чина ставъ разными способами патріархами и притомъ не бывъ нисколько достойны этого званія, угнетали и мучили какъ митрополитовъ, такъ вообще и всю райю, причинивъ этимъ разнаго рода безпорядки, смуты и несогласія между тѣми и другими, и мало того, такимъ образомъ принуждали ихъ перебивать вѣру. По милостивому расположенію къ райѣ, ради установленія твердаго порядка и ради избавленія отъ насилія и угнетенія и тѣхъ и другихъ, нынѣ высочайшимъ указомъ Печская патріархія уничтожена и вычеркнута изъ официальныхъ спис-
часть ссхп, отд. 2.

ковъ. Въ томъ же прошеніи выражена просьба о томъ, чтобы, принимая во вниманіе нужды, вслѣдствіе которыхъ райя Нишской митрополіи также была присоединена къ Константинопольско-греческой патриархіи, снова данъ былъ высочайшій царскій беретъ Гавриилу, какъ митрополиту Нишскому,—въ особенноти теперь полезному для христіанскаго народа и дабы дни его окончились въ мирѣ,—и былъ бы записанъ упомянутый монахъ въ епископскомъ спискѣ въ званіи митрополита Ниша и его окрестныхъ округовъ; ему же и дается этотъ священный царскій мой ферманъ, въ которомъ изложены всѣ тѣ условія, какъ и въ ферманахъ другихъ митрополитовъ, давно подвластныхъ Константинопольской патриархіи ¹⁾. По росписи приходовъ отъ епископовъ, находящейся въ моей царской казнѣ, оказалось, что упомянутая митрополія по высочайшему берату значится за вышеназваннымъ

¹⁾ Чтò за человекъ и какого рода пастырь былъ этотъ Гавриилъ и каковы были его отношенія къ турецкому правительству—можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного сербскаго памятника прошлаго столѣтія: «той враг и разоритель нашей клими.... Ни единаяго $\bar{\omega}$ архіерея в мирѣ не $\bar{\omega}$ стави, но некіа с царскою властію и въ заточеніе посла. Так $\bar{\omega}$ жде и $\bar{\omega}$ начальвѣшихъ мирскихъ наипаче в Босніа и всю климу в последня приведе см $\bar{\omega}$ щеніе и разореніе и престолъ под тежчајшии д $\bar{\omega}$ зь авведе. Баше бо кзавиетанъ рода нашег $\bar{\omega}$ хотя и надѣяся изворенити срсбскіе архіерея поставль же Грек $\bar{\omega}$ въ.....» См. Общи лист, изд. С. Милоевичемъ (въ Гласникѣ, XXXV, 1872, стр. 81). А какимъ онъ былъ послѣ того, какъ вступилъ во второй разъ въ управленіе бывшей прежде печской патриархіей, можно видѣть тамъ же, на стр. 82: «Гавриилъ Г. $\bar{\omega}$ султана С $\bar{\omega}$ леимана (по Ястребову, должно быть, — Османа III). Сег $\bar{\omega}$ ради вся время чрезъ лѣтъ пят бист великое паденіе и раздоръ во вси клими священни и мирскимъ. Патриаршіа же в последнѣ за $\bar{\omega}$ щеніе приде. Еще же реченному Антипатриарху Гавриилу во царств $\bar{\omega}$ ющемъ градѣ с $\bar{\omega}$ щ $\bar{\omega}$ в началѣ лѣта 1785 в првомъ числѣ Марта патриарх $\bar{\omega}$ мъ вселенскимъ соборомъ $\bar{\omega}$ суждается Гавриилъ за $\bar{\omega}$ татіе епархіи Белградскія уж датія Кирилъ архидякону $\bar{\omega}$ ваникіа Халкидонскаг $\bar{\omega}$ чрез прежде бившаго ег $\bar{\omega}$ антицесаря Пајса и $\bar{\omega}$ патриаршескіа власти низложеноъ и ниши $\bar{\omega}$ ю епархію восприл $\bar{\omega}$ пакы за свое препитаніе». Сербы до того не любили Гавриила, что пустили слухъ, что онъ принялъ мухамеданство съ именемъ Мегмеда-эенди. Гласник IV, 1854, стр. 5, 46. Достоверность этого слуха справедливо отвергается г. Ястребовымъ, тѣмъ болѣе, что о такомъ крупномъ въ мѣстной церковной жизни фактѣ не осталось никакихъ преданій (стр. 4—5, примѣч. 1).

монахомъ Гавріиломъ съ 4000 акче мири-пешкеша для государственной казны.....“ (стр. 18—20).

Третій (Г)¹⁾ ферманъ изданъ (въ 1773=1187 г. султаномъ Мустафой III, 1757—1774 гг.) по поводу жалобы Нишскаго митрополита Гавріила Константинопольскому патріарху на нѣкоего попа Мирчу за то, что этотъ бунтовщикъ нарушаетъ миръ и порядокъ въ народѣ вопреки церковнымъ и государственнымъ законамъ, и противно своему званію, вмѣшивается въ дѣла митрополитовъ, думая захватить дѣла церковнаго управленія мирнымъ и благонадежнымъ народомъ. Патріархъ, изъ сожалѣнія къ народу, котораго упомянутый попь почему-то не оставляетъ въ покоѣ, проситъ правительство приказать, чтобы того попа власти въ Нишѣ,—здѣсь и гдѣ бы то ни было,—нашли, связали и отправили подъ стражей въ заточеніе въ крѣпость Эгри-Паланки“. Ферманомъ повелѣвается нишскимъ властямъ поступить съ попомъ Мирчей, какъ пожелаетъ митрополитъ (стр. 21—22).

Четвертый (Д) ферманъ (отъ 1777=1191 г. 15-го реби-уль-евелья султана Абдуль-Гаида 1774—1789 г.) обязываетъ мутесарифа (областнаго начальника) Аладжа-гиссара, кадямъ и наибамъ въ Нишской митрополіи, чтобы никто не запрещалъ митрополиту Гавріилу собирать по епархіи мирію (стр. 32).

Пятый (Е) ферманъ (того же года 27-го реби-уль ахира) изданъ по поводу того, что въ продолженіе нѣсколькихъ предыдущихъ лѣтъ (во время митрополита Гавріила) не была собрана мирія въ Нишской епархіи, почему повелѣвается всѣмъ кадямъ и наибамъ въ означенной епархіи не дѣлать никакихъ затрудненій посланному съ ферманомъ іерарху Игнатію собирать мирію (тамъ же).

Шестымъ (Ж) фирманомъ (1808—1223 г. 21-го шабана-Мустафы IV, 1807—1808 г.) приказывается кадямъ и наибамъ округовъ Нишской епархіи не возбранять управляющимъ (векиламъ) митрополита Гавріила при собираніи миріи ходить переодѣтыми и носить оружіе для охраны себя отъ разбойниковъ, такъ какъ управляющіе поступаютъ такъ въ силу правъ, означенныхъ въ бератѣ митрополита (тамъ же).

Седьмой (В) ферманъ (1766 сентября 30-го—1180 г. 26-го д. реби-уль акра)—бератъ, писанный золотомъ, данный послѣ уничтоженія Печской патріархіи Саввѣ на званіе митрополита Черногорскаго съ

¹⁾ Этотъ ферманъ у г. Ястребова стоитъ четвертымъ, по я ставлю его третьимъ потому, что, какъ и слѣдующіе за нимъ три, онъ касается личности Гавріила.

обязательствомъ вносить ежегодно 800 акче въ султанскую казну (стр. 20—21 ¹⁾).

Осьмой (З) ферманъ (1776—1190 г.) изданъ вслѣдствіе просьбы патріарха схватить монаха Меѳодія, собиравшаго милостыню на Дечанскій монастырь, но ничего не передававшаго монастырю и уличеннаго, кромѣ того, въ противозаконныхъ поступкахъ и вообще въ безнравственномъ поведеніи. Ферманомъ повелѣвается дакаджинскому митесарифу схватить Меѳодія, отобрать у него всѣ деньги и отправить на работы (послушаніе) въ монастырь св. Авраамія въ Калафатъ (стр. 23).

Девятый (И) (того же года, 4-го реби-уль-евеля—11-го мая)—брать, данный митрополиту Никодиму, какъ „пастырю самому способному, многоиспытанному и достойному“, за то, что внесъ въ султанскую казну 7000 акче за званіе митрополита Новаго-Пазара, Новаго-Вароша, Сѣницы, Митровицы, Бѣлополя, Трговишта и Брвеника на мѣсто Герасима, который „не бывъ достоинъ своего призванія, совершалъ разныя несправедливости, и поведеніе его было не несогласно съ церковными канонами; кромѣ того, обнаружилось, что у него такіе замыслы и намѣренія, которые не говорятъ въ его пользу“ (стр. 23).

Десятый (J) ферманъ (того же года и мѣсяца, но въ 28-й день) данъ Никодиму на званіе митрополита тѣхъ же городовъ со включеніемъ Гусинья (стр. 23—24).

Одинадцатый (К) ферманъ (того же года и мѣсяца, въ 9-й д.) изданъ по' просьбѣ Константинопольскаго патріарха Абдуломъ-Гамидомъ на имя боснійскаго валии (губернатора), кадіевъ и наибовъ, входящихъ въ составъ Новопазарской митрополіи; имъ дается право Никодиму, какъ и митрополиту Ужицкому, по установленному издавна порядку, брать съ перваго брака 400 акче, со втораго—800, съ третьяго 1200, за разводъ—800, а отъ тѣхъ, которые женятся на вдовѣ-попадѣ — 1200, и затѣмъ повелѣвается не чинить никакого препятствія никому изъ людей митрополита и патріарха при собираніи миріи (стр. 24).

¹⁾ Г. Ястребовъ справедливо замѣчаетъ, что, на сколько извѣстно, митрополтъ Савва никогда не вносилъ такой суммы въ султанскую казну, но, что вѣроятно, за него внесъ ее патріархъ Константинопольскій, и что въ этомъ фирманѣ никогда не нуждался митрополтъ Савва, а потому онъ остался у митрополита Призренскаго. Такіе бераты давались и другимъ митрополитамъ, которые были подвластны Печескому патріарху, но ихъ теперь нѣтъ ни въ Печи, ни въ Дечанскомъ монастырѣ (стр. 20, пр. 2).

Двѣнадцатый (С) ферманъ (1198 — 1783 г. 19-го д. джемази-уль-ахира, въ царствованіе султана Абдула-Гамида—1774—1789 г.) приказываетъ новопазарскимъ властямъ отправить немедленно тамошняго митрополита Никодима и его управляющаго Димитрія подъ стражей въ Константинополь, чтобъ они дали объясненіе, отчего задолжали такъ много монастырямъ и не платятъ патріархіи мирію, и кромѣ того, задолжали нѣкоторымъ купцамъ въ Константинополѣ, и когда митрополитъ получилъ письмо отъ патріархіи съ требованіемъ дать отчетъ и заплатить, нисколько о томъ не позаботились (стр. 26—27).

Двѣнадцатый (Л) ферманъ (1190 года, 10-го реби-уль-ахира) изданъ на имя румелійскаго валія, кадія и наиба округа Новопазарской митрополии, чтобъ они не судили и не налагали наказаній на митрополита и его управляющихъ вслѣдствіе жалобъ, поступающихъ отъ христіанъ, поддерживаемыхъ иногда Турками, за стѣсненія первыхъ людьми митрополита при собираніи миріи; такого рода дѣла подлежатъ исключительно суду патріарха въ Константинополѣ (стр. 24).

Тринадцатый (М) ферманъ (того же года и мѣсяца, въ 14-й день) изданъ на имя тѣхъ же лицъ о томъ, чтобы никто со стороны народа не смѣлъ дѣлать никакихъ безчинствъ противъ митрополита и не вымогалъ силою денегъ по ложнымъ документамъ отъ имени монастырей. Такъ какъ на этихъ документахъ нѣтъ ни подписей митрополита, ни его поручительства за долги какихъ-то монаховъ, которые изъ корыстолюбивыхъ цѣлей брали деньги въ займы, то и не требовать отъ него долговъ, согласно съ фетвой шейхъ-уль-ислама, данною Кесарійскому митрополиту, которая освобождаетъ митрополитовъ отъ уплаты долговъ его предшественниковъ или монастырей по документамъ, на коихъ нѣтъ ни ихъ подписи, ни поручительства (стр. 24—25).

Четырнадцатый (Н) ферманъ (того же г., 22-го д. мѣсяца джамази-уль-ахира)—на имя кадиевъ Боснійскаго, Новопазарскаго, Нововорощскаго, Ужицкаго, Кюстиндильскаго и Травникскаго вилаетовъ по просьбѣ патріарха Іерусалимскаго Авраамія о дозволеніи попу Матвѣю (Матеху) собирать въ означенныхъ округахъ милостыню хлѣбомъ, масломъ и медомъ для обѣднѣвшей патріархіи и объ освобожденіи его отъ всякихъ пошлинъ (стр. 25).

Шестнадцатый (О) ферманъ (1191 года, 19-го дня мѣсяца зильхидже)—на имя кадиевъ и наибовъ Новаго-Пазара, Новаго-Вароша, Сѣницы, Брвеника, Бѣлополя, Митровицы, Стараго Влаха, Трговишта, Гусинья и округовъ этихъ городовъ о непричиненіи никакого пре-

пятствія эзарху Никодиму, назначенному патриархіей собирать милостивую въ означенныхъ мѣстахъ (тамъ же).

Семнадцатый (П) ферманъ (1779—1193 г., въ первые дни мѣсяца реджеца) данъ султаномъ Абдуль-Гамидомъ по просьбѣ Константинопольскаго патриарха на имя боснійскаго вали, кадіевъ и набовъ и властей всѣхъ вообще мѣстъ Боснійскаго вилаета, гдѣ распространены революціонныя идеи (такъ въ подлинникѣ) и на имя властей въ Паланкѣ Егридере, чтобы схватить нѣкоего Димитрія, гдѣ только его найдутъ въ подвластныхъ имъ мѣстахъ и отправятъ его въ Паланку Егридере на заточеніе за то, что этотъ Димитрій бродитъ подъ именемъ митрополита, и выдавая себя за архіерея, совершаетъ разныя требы и богослуженія, вопреки церковнымъ правиламъ и законамъ. Такимъ образомъ, шатаясь по разнымъ мѣстамъ и подъ разными именами и иногда переодѣваясь, какъ европейскій чужестранецъ (Френкъ), онъ выдаетъ себя за челоуѣка благороднаго и за купца и этимъ только причиняетъ бѣдствіе и нарушаетъ спокойствіе бѣдныхъ людей (христіанъ) (стр. 26) ¹⁾.

Восемнадцатый (Р) ферманъ (1193 года въ 12-й день рамазана) данъ на имя кадіевъ Бѣлграда, Ниша, Герцеговины, Печи, а также и всѣхъ властей остальныхъ мѣстностей, входящихъ въ составъ этихъ округовъ, вслѣдствіе жалобы патриарха на то, что „въ пограничныхъ мѣстностяхъ появились иностранныя монахи, которые совращаютъ христіанъ съ пути истины, уговаривая ихъ отречься отъ священниковъ, зависящихъ отъ митрополита и предлагаютъ имъ свои услуги, дабы ихъ отвратили отъ старыхъ обычаевъ“; затѣмъ повелѣвается не позволять этимъ монахамъ пропагандировать, хватать и наказывать ихъ согласно требованіямъ договоровъ съ патриархіей, изложеннымъ въ бератахъ каждаго митрополита, по которымъ безъ позволенія послѣдняго, никто не имѣетъ права входить въ христіанскій домъ и совершать церковныя требы (тамъ же) ²⁾.

¹⁾ Это былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь Сербъ изъ Австріи, для котораго Константинопольскій патриархъ не пожалѣлъ уже никакихъ красокъ, и какъ опаснаго для себя челоуѣка, постарался выпроводить его изъ среды православныхъ Сербовъ, подпавшихъ его неограниченной власти въ церковно-административномъ отношеніи.

²⁾ Замѣчательно, что въ XVIII в. новыя религіозныя и политическія идеи проникаютъ не только въ тогдашнюю западную часть Европейской Турціи, но и въ восточную, и преслѣдователемъ ихъ является опять Константинопольскій патриархъ. Вотъ одно такое донесеніе патриарха Іереміи султану, извлеченное

Призренскій митрополитъ Іоаникій, родомъ Сербъ, былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ и полезнѣйшихъ пастырей Старой Сербіи въ то время, когда тамошнее православное населеніе стонало подъ турецкомъ игомъ и грабительски разорялось греческими митрополитами, которые его обирали, заключали въ тюрьму, били, озлобляли и причиняли ему всякаго рода бѣдствія, но никогда не дѣлали ничего полезнаго для того, чтобы сохранить его въ вѣрѣ. Призренская митрополія, на которую нужно было обратить особенное вниманіе, чтобы сохранить въ томъ краѣ православіе, послѣ смерти митрополита Евстаѳія; въ 1789 г. оставалась не занятою около 18 лѣтъ; завѣдываніе ею было поручено митрополиту Новопазарскому Іоаникію, который долженъ былъ временно присматривать за нею. Судя по ферманамъ, изданнымъ на его имя въ Константинополѣ и найденнымъ г. Ястребовымъ въ Дечанскомъ и Печскомъ монастыряхъ, этотъ іерархъ довольно заботился о вѣрѣ, по крайней мѣрѣ, на сколько то было по силамъ одному человѣку; но распространить свое вліяніе отъ Новаго-Пазара до Охриды и отъ Антивара и Скадра до Новаго-брда ему было не возможно.

Безпристрастный біографъ разъяснить заслуги митрополита Іоаникія православной церкви, и сербскому народу. Къ сожалѣнію, объ

изъ султанскихъ архивовъ въ Адрианополѣ: «Ваше величество, державнѣйшій, благоденствующій милостивый государь, да здравствуете! Поелику Автоболскій епископъ Аѳанасій, подвѣдомственный нашей патриархіи, несообразно съ своимъ положеніемъ, сталъ причиной смутъ между бѣдной райею и побуждалъ къ смутамъ и привлекалъ нѣкоторыхъ изъ райи въ еренскую вѣру, и сталъ причиной ущерба въ дѣлѣ собиранія казенныхъ податей, то прошу вашей высокой милости, дабы для удаленія и заточенія упомянутаго епископа Аѳанасія, именно для ссылки его на островъ Лимносъ и заключенія его въ Лимносской крѣпости (иміе адасиѳ), былъ командированъ рабъ вашъ чаушъ. Повелѣніе и распоряженіе относительно того принадлежитъ державнѣйшему и благоденствующему августѣйшему моему милостивому государю. Рабъ Іеремія константинопольскій греческій патриархъ». Сверху стоитъ слѣдующая резолюція: «Посему быть заточену и заключену въ Лимносской крѣпости (Лимини-джезиресинѣ). Махмудъ». На оборотѣ противъ подлинси просителя приложена малая печать съ греческою надписью имени патриарха вокругъ, въ серединѣ, — сверху турецкая надпись того же содержанія, а снизу по гречески $\alpha\phi\iota\ \mu\alpha\rho\tau\iota\sigma\upsilon\ \chi\upsilon$. Автоболу — Агаеополь на берегу Чернаго моря къ сѣв. отъ Великой рѣки. Получено это донесеніе мною отъ молодого Болгарина Стояна Петрова Джансъзова, долго состоявшаго на государственной службѣ въ Адрианополѣ. Переводъ принадлежитъ ему, а тщательное исправленіе перевода — прое. В. Д. Смирнову, которому, какъ и Джансъзову, приношу искреннюю благодарность.

этомъ іерархъ до настоящаго времени извѣстно очень мало. Г. Ястребовъ возымѣлъ прекрасную мысль отмѣтить изъ фермановъ, хранящихся въ Дечанскомъ и Печскомъ монастыряхъ, и тѣ, которые касаются личности Іоаникія. Онъ указываетъ на 15 фермановъ, 1 рапортъ и 1 собственноручное письмо Іоаникія, хранящееся у частнаго лица въ Призренѣ; изъ нихъ я укажу, на слѣдующіе какъ наиболѣе замѣчательные:

1) Ферманъ (Ш), изданный въ 1783 г. (1198, мѣс. зиль-каде 24-го д.) на имя кадиевъ и набовъ, находящихся въ мѣстностяхъ Ново-Пазарской митрополіи, о томъ, чтобы не чинить никакихъ препятствій управляющимъ митрополита, монахамъ и священникамъ Новаго-Вороша, а также и другихъ мѣстъ, при отправленіи богослуженія, въ силу правъ, данныхъ бератомъ митрополиту Новопазарскому Іоаникію (стр. 30).

2) Ферманъ (Щ), отъ 1793 (1208 г. мѣс. сефера) г., изданный въ царствованіе султана Селима III (1789—1807 г.) на имя печскаго кадия, которому повелѣвается не чинить никакого препятствія христіанамъ при ремонтірованіи церкви въ Печи, городѣ, принадлежащемъ къ ново-пазарскому санджагу (тамъ же).

3) Ферманъ (Ъ), отъ 1804 (1219, въ одинъ изъ первыхъ дней мѣс. зиль-каде) г. на имя мутесарифа и кадия призренскаго о томъ, чтобы не угнетать христіанъ, но оказывать митрополиту честь и оберегать монаховъ и христіанъ вообще (тамъ же).

4) Ферманъ (Ы), отъ 1796 (1211 г. въ мѣс. джемази-уль-ахира) г. въ правленіе того же султана на имя кадиевъ и набовъ Призрена, Новобрда и Вълчитръна о томъ, чтобы не дѣлать никакихъ препятствій митрополиту Новопазарскому при собираніи миріи въ подвластныхъ ему городахъ—Призренѣ, Приштинѣ, Новобрдѣ, Вълчитрънѣ и др., такъ какъ спахи запрещаютъ христіанамъ платить миріи, а таможенное начальство задерживаетъ пшеницу и другія вещи, которыя отправляютъ митрополиту вмѣсто миріи.

5) Ферманъ (Ѣ) отъ 1806 (1221, въ началѣ мѣсяца джемази-уль-евеля, въ правленіе того же султана) года—на имя кадиевъ и набовъ скадрскаго окружія, которымъ строго наказывается, чтобы „никто не смѣлъ, ни мусульмане, ни католики, безъ особаго фермана присвоивать себѣ старыя развалины монастырей и церквей, издавна принадлежащихъ жителямъ греческаго вѣроисповѣданія“. Изданъ былъ этотъ фирманъ „вслѣдствіе жалобы православныхъ въ Скадрѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоаникіемъ на притѣсненія со стороны католиковъ, под-

держиваемыхъ Турками, съ цѣлю ограничивать свободу вѣроисповѣданія православныхъ“. Въ фирманѣ повелѣвается „оказывать помощь жителямъ греческаго закона на основаніи договоровъ, заключенныхъ султанами по отношенію къ христіанамъ, живущимъ въ его имперіи“, и строго наказывается, чтобы „никто не смѣлъ посягнуть на какую бы то ни было ихъ собственность“¹⁾.

6) Берать (Ю), изданный султаномъ Мустафой IV (1807—1808 г.) въ 1222 г., въ 18-й д. зиль-хидже (подписанъ въ 1223 г. въ 4 д. сефера), на имя митрополита Новаго-Пазара, Трговишта, Брвеника, Митровицы и Новаго-Вароша съ ихъ округами, оникія на званіе его митрополита Призрена, Новаго-Брда, Приштину, Печи, Вълчитръна и Дьякова со всѣми своими округами. Это одинъ изъ весьма важныхъ документовъ для исторіи отношеній Константинопольской патріархіи къ подвластнымъ ему епархіямъ, когда дѣло касалось денежныхъ интересовъ. Въ бератѣ сказано, что, какъ и послѣ смерти Призренскаго митрополита Евсевія, митрополія долгое время оставалась не занятою, такъ какъ мири-пешкешъ, лежавшій на ней, великъ, а доходы епархіи невелики, и никто не соглашался занять ее, и вслѣдствіе того некому было исполнять тамъ христіанскій законъ и присматривать за христіанами. А чтобы дѣла христіанъ не пришли въ крайнее замѣшательство, и для установленія правильнаго сбора мири, дабы не страдала царская казна, по просьбѣ патріарха Константинопольскаго, назначается на это мѣсто Новопазарскій митрополитъ Іоаникій, при чемъ Новопазарская епархіа присоединяется къ Призренской. Новопазарскій митрополитъ долженъ вносить въ царскую казну прежнюю сумму въ 7000 акче мири-пешкеша, а за митрополію Призренскую, вмѣсто прежнихъ 100000 акче, вносить только 9000, всего 16000 акче. „Но чтобы отъ этого не было какого-нибудь ущерба царской казнѣ, то распределить 91000 акче такимъ образомъ: 5500 наложить на митрополита Скопійскаго, 6300 на митрополита Самоковскаго, 7000 на Нишскаго, 4200 на Кюстендильскаго, 16500 на Зворникскаго, 9000 на Герцеговинскаго²⁾, 15000 на Бѣлградскаго, 15000 на Боснійскаго и 12000 на Ужидцаго“ (стр. 32—33).

¹⁾ Этотъ фирманъ хранился у скарской общины, а теперь хранится въ тамошней церкви (стр. 31).

²⁾ Герцеговинскіе митрополиты до 1807 г. платили царской казнѣ только 24000 аспрь, какъ видно изъ фирмана отъ 1633 (1043 г.), даннаго митрополиту Симеону и хранящагося въ Дечанскомъ монастырѣ.

Наконецъ, нелишне будетъ привести и собственноручное письмо митрополита Іоаникія къ скадрской общинѣ, указывающее на заботы митрополита о своихъ пасомыхъ и отношеніе къ нимъ, а также проливающее нѣкоторый свѣтъ на экономическое положеніе скадрскаго духовенства:

„Іоаникие милостию Божію православи митрополитъ Ново-пазарски Призренски і Скендерискии.

„Смирение наше пишетъ въ богомъ покриваемѹю Епархию нашѹ шехеръ ¹⁾ Скадар священником и свима Христанима молитва и благословение и шпрошшение да се зна како нареидисмо са христанима шо да узимлю попови бирь. Ш первихъ пулю (2 піастра и 2 пары), втори—грошъ, трети—золоту, четверти—двадесет пара. Свечарско ²⁾ и водица и писима и споментъ живихъ и мертвихъ пара :10: жена кадъ роди водица и молитва штрочѹ и жени за четиредесет дана парѣ :5: крештение пара :15: і кумъ :5: заподуше (за души умершихъ) гроша :3: и литургиѹ, вынчаны први бракъ грошъ: масло Ермаца (Германа) 21 грош: евангелиѹ гроша: за молбанъ :10: пара. Светога Василиѹ великаго молитва сас каномомъ и сас уставомъ пара :40: литургие :40: аспри, водица пара петъ: мало шпело (малое отпѣваніе) :40: аспри :40: пара у црквѹ од прихода црковнога попь Филипъ да узимле :12: а попь Іаковъ :10: і миръ вамъ божи: на: 1805 ѿца августа :8: дан.“ (стр. 31—32). Митрополитъ Іоаникіи умеръ въ Призренѣ въ 1818 году ноября 27-го ³⁾.

Одно простое сравненіе дѣятельности и отношеній митрополита Іоаникія съ дѣятельностью и отношеніями митрополитовъ—Грековъ и Константинопольскаго патріарха къ населенію Старой Сербіи и турецкому правительству, на сколько это видно изъ отмѣченныхъ г. Ястребовымъ фермановъ, показываетъ, какая огромная разница существовала между тѣмъ и другими; первый заботится о благѣ народа, вторые всегда на первомъ планѣ ставятъ матеріальные интересы, для удовлетворенія которыхъ пускается въ ходъ все, что только для нихъ было возможно,

¹⁾ Городъ.

²⁾ Деньги, платимыя свечаромъ (празднующимъ ежегодно день памяти какого-нибудь святаго или свои именины) священнику за освященіе кутьи.

³⁾ Г. Ястребовъ говоритъ, но основанія не указываетъ, что Іоаникіи умеръ 1818, іюля 16-го (стр. 75). Я слѣдую записи на постной тріодѣ,—приведенной Трипчемъ,—гдѣ сказано: «Престаки се Іѡниѡиѣ владика 1818 ѿца ноѡмѡбра: 27 у Призренѡ» (стр. 80, примѣч.).

не исключая все святое и священное, и поддерживая такимъ образомъ надъ собою и надъ другими дикую власть и тяжелый гнетъ Турокъ.

Дечанскій монастырь, самый важный памятникъ славы Сербскаго народа, до настоящаго времени не имѣетъ своей исторіи, хотя въ немъ хранится еще множество документовъ, важныхъ не только для исторіи его самаго, но и всего сербскаго народа. Дечанскій монастырь оказалъ услугу народу именно въ турецкое время, когда среди всѣхъ опасностей, грозившихъ православію и сербской народности въ Старой Сербіи, онъ не только оставался цѣль, но и велъ еще упорную борьбу съ тѣми, кто посягалъ на его цѣлость, святость и неприкосновенность ¹⁾. Нынѣшніе мусульмане въ своей безсильной злобѣ жестоко укоряютъ своихъ дѣдовъ, что они не отуречили этотъ монастырь и не создали на его мѣстѣ какой-нибудь красивый городъ; тогда монахи не надѣдали бы имъ своими жалобами (стр. 36—37). Лучшими свидѣтелями этой борьбы служатъ султанскіе ферманы, разныя буюрудлу пашей, илямы и другіе официальные документы, дорого купленные монастыремъ отъ турецкаго правительства въ разныя времена для огражденія своихъ правъ и бережно хранимые нынѣ монахами этого монастыря. Большое количество этихъ документовъ показываетъ, что окружные мусульмане, и преимущественно Албанцы, по отношенію къ монастырю всегда твердо держались турецкой пословицы: „урманда ферманъ йокъ“, то-есть, въ лѣсу нѣтъ фермана, а иными словами— для злодѣя-разбойника не существуетъ закона.

На эти турецкіе документы, какъ матеріалъ для исторіи Дечанскаго монастыря и вообще судьбы Сербскаго народа подъ турецкимъ владычествомъ, ученые обращали слишкомъ мало вниманія, чтобы не сказать — совсѣмъ не замѣчали ихъ. Г. Ястребовъ оказалъ дѣйствительную услугу не только Дечанскому монастырю, но и ученому міру, указаніемъ на нѣкоторые изъ этихъ фермановъ (до 31) и сообщеніемъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ историческихъ данныхъ изъ нихъ. Какъ ни отрывочны эти данныя, но по нимъ въ главныхъ чертахъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе о состояніи и положеніи Дечанскаго монастыря подъ турецкимъ владычествомъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ началѣ второй половины XVI в. одинъ изъ спахievъ сдѣлалъ доносъ, что подъ соборною церковью монастыря есть золотая руда, и что церковь нужно разнести, чтобы открыть руду (стр. 37); что не смотря на это, ни одному мюлтому (покупщику имѣній) не удалось

¹⁾ Ср. Полное собраніе сочиненій А. Гильфердинга, III, стр. 136.

купить монастырь и такимъ образомъ прогнать монаховъ, а церковь обратить въ джамію (фетфа муфтія, стр. 38); что спахи очень часто посягали на собственность и неприкосновенность монастыря и очень обижали монаховъ и заставляли ихъ отбывать разныя повинности, не обращая вниманія ни на какіе царскіе ферманы и другіе официальные документы (стр. 39—43). Но особенно монастырь терпѣлъ, и терпитъ еще до этихъ поръ (стр. 46), отъ Албанцевъ, для которыхъ не существовало ни закона, ни царскаго указа; они не только нападали и убивали монастырскихъ людей внѣ монастыря, но и врываются во всякое время дня и ночи въ монастырь и требовали всего, чего только имъ не вздумается (тамъ же)¹⁾. Особенно монахи терпѣли въ тѣ времена, когда около монастыря устраивались ярмарки; во время этихъ ярмарокъ Албанцы предавались пьянству, происходили драки, которыя оканчивались часто убійствами, за что монахи должны были отвѣчать. Такимъ образомъ монахи принуждены были хлопотать о запрещеніи устройства ярмарокъ около монастыря (стр. 49), хотя эта мѣра была невыгодна для монастыря въ матеріальномъ отношеніи: монастырь лишался доходовъ отъ стекавшагося сюда народа. Такія же безчинства дѣлали Албанцы и во время храмовыхъ праздниковъ (стр. 56).

Чтобы прекратить эти безчинства, монахи рѣшили, какъ видно изъ протокола монастыря, обнести монастырь каменною оградой и построить особую гостиницу внѣ монастыря и особую комнату для булюкъ-баши надъ монастырскими воротами. Съ просьбой о дозволеніи они обратились къ Назифу-пашѣ. Въ 1865 г. въ монастырь пріѣхалъ дьяковскій мудиръ и привезъ дозволеніе монахамъ; а затѣмъ письмомъ отъ 21-го іюня того же года извѣстилъ монаховъ, что пошлетъ и каменщиковъ, которые и были посланы при письмѣ отъ 30-го числа того же мѣсяца. Каменщики начали работы надъ стѣной. Но 5-го августа того же года Албанцы среди бѣла дня убили одного изъ работниковъ, а другіе всѣ разбѣжались; убійца былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Тогда Албанцы устроили дѣло такимъ образомъ, что дьяковскій кадія пріѣзжалъ два раза въ монастырь съ многочисленною свитой изъ членовъ

¹⁾ Ср. Полное собраніе сочиненій *А. Гильфердинга*, III, стр. 138—135 Г. Ястребовъ не приводитъ ни одного фермана о запрещеніи Албанцамъ требовать отъ монаховъ верховыхъ лошадей во время свадебъ, занимать ложки, посуду и даже парчевыя ризы для украшенія невѣстъ, о которыхъ упоминаетъ Гильфердингъ. Вѣроятно, монахи предпочитали отдѣлаться отъ «прислителей» исполненіемъ ихъ требованій, такъ какъ послѣдніе «по минованіи надобности» честно возвращали монастырю все занятое (тамъ же). Иначе монахамъ бѣда!

меджлиса и слугъ и оба раза пребывалъ тамъ по два дня на всемъ годовомъ. Наконецъ, было рѣшено разрушить возведенную стѣну отъ основанія, что и было исполнено 2-го октября 1866 г. Кромѣ расходовъ по содержанію кади со всемъ совѣтомъ и слугами, монахи дали 1300 грошей членамъ меджлиса, по ихъ требованіямъ; а на работы по возведенію стѣны было израсходовано 25771 грошей 10 паръ. Сверхъ того, освобожденный убійца Албанецъ требовалъ 1000 грошей; но у монаховъ уже не было денегъ, и онъ не оставлялъ монаховъ въ покоѣ до самой своей смерти (стр. 56—57). Изъ фермановъ же видно, что нерѣдко приходилось монахамъ платить крвину за убитыхъ на ихъ земляхъ (стр. 47—48). Не мало пришлось терпѣть монахамъ и отъ царскихъ чиновниковъ, особенно отъ сборщиковъ податей (стр. 43—46, 38—39).

Чтобъ оградить Дечанскій монастырь отъ всякихъ нападеній, обидъ и посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны, монахи старались заручиться всякого рода привилегіями, возможными для своего положенія; братство монастыря могло приписаться къ одному изъ привилегированныхъ классовъ въ Турціи, сокольникамъ (шайнджіе).

„У турокъ“, говоритъ г. Ястребовъ,—„сокольники—особый разрядъ чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ самому царю (султану), еслибы даже они жили не въ столицѣ. Главный сокольникъ пребывалъ въ Константинополѣ, при дворѣ, вмѣстѣ съ другими подчиненными ему сокольниками, и назывался „дуганджи-баши“, глава сокольниковъ. Его обязанность была надзирать за „дуганджіями“, „шайнджіями“, „чакирджіями“ и „атмаджіями“. Эти послѣднія слова означаютъ то же, что и „дуганджи“: разница только состоитъ въ различеніи соколовъ: дуганъ=falco lumagiis; шайнъ=falco commixis; чакиръ=falco polambagiis; атмаджа=nisus. Но и дуганджіи шайнджіи, чакирджіи и атмаджіи имѣли привилегіи, какихъ не было у простыхъ поселянъ и горожанъ. Земли, поля, поземельные участки—однимъ словомъ, все движимое и недвижимое имущество было освобождено отъ десятка и другихъ податей; а сами соколовцы или сокольники не подлежали платежу дани еспендже. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ ферманахъ, данныхъ на званіе шайнджи (сокольника), вписывалось повелѣніе не платить поцу за вѣнчаніе или мюрдъ-бехаси (родъ платы за погребеніе умершихъ родственниковъ). Сообразно съ родомъ чиновничьей должности сокольниковъ, послѣднимъ позволялось носить оружіе, какъ особенный знакъ отличія отъ другихъ. Сверхъ всего этого, въ дѣла

о земляхъ и о земельныхъ участкахъ сокольниковъ никто не смѣлъ вмѣшиваться: ни паши, ни беги, ни другіе чиновные люди не имѣли права свободнаго проѣзда чрезъ нихъ. Жиль, какъ говоритъ старое преданіе, — дуганджи въ с. Любиждѣ, недалеко отъ Призрена, и когда паша хотѣлъ проѣхать чрезъ это село, то онъ не посмѣлъ приказать, чтобы впереди его били въ бубны и играли, но далеко до границъ владѣній этого дуганджи онъ долженъ прекратить всю свою игру и весь шумъ и гамъ (стр. 50—51).

Монахи Дечанскаго монастыря, какъ свидѣтельствуется нѣсколько фермановъ, — были сокольниками, думая, что особенныя привилегіи дадутъ имъ возможность оберегать монастырь и монастырское имущество; но не смотря на это, мусульмане все-таки не давали монахамъ покоя (стр. 51—55).

Таково было положеніе Дечанскаго монастыря за послѣднія три столѣтія по турецкимъ источникамъ. Можно только благодарить г. Ястребова за сообщеніе этихъ весьма интересныхъ свѣдѣній.

Чтобы покончить съ ферманами, я сдѣлаю здѣсь же нѣсколько замѣчаній о содержаніи фермановъ, которые католическое духовенство приобрѣло себѣ отъ Порты для опредѣленія своихъ отношеній къ православному Герцеговинскому и Боснійскому митрополиту (стр. 191—205). Но прежде, чѣмъ изложить содержаніе этихъ фермановъ, г. Ястребовъ не совсѣмъ къ мѣсту рѣшаетъ вопросъ о резиденціи Захолмскаго епископа (Захумскаго, Холмскаго), отвергая распространенное мнѣніе, что резиденція этого епископа находилась въ Стонь¹⁾. Но уже профессоръ Голубинскій считаетъ опровергаемое г. Ястребовымъ мнѣніе невѣроятнымъ, предполагая, хотя весьма осторожно, что кафедра этой епархіи могла быть въ Заломѣ²⁾. Г. Ястребовъ окончательно и совершенно убѣдительно дока-

¹⁾ Кромя приведенныхъ у г. Ястребова мнѣній, нужно прибавить и мнѣніе *К. Иречка*, *Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters*. Prag. 1879, стр. 26. Ср. *Новаковича*, Сръпске области X и XII века пре владе Неманине. У Београду 1879, 41. Стонь — нынѣ деревушка на перешейкѣ полуострова Сабіончело, у Славянъ—Полѣшадцъ. Тамъ же.

²⁾ Краткій очеркъ исторіи прав. церкви, стр. 583—583. *Заломъ*—нынѣ деревня подъ горой Свиняромъ къ юго-востоку отъ Невесенья и Заломъ-Паланка (мѣстечко) у Заломской брды, на дорогѣ изъ Метохіи и Фойницы въ Невесинье, Благай и Мостаръ. См. карты III, D и II къ *Die occupation Bosniens und der Herzegovina durch k. k. Truppen im Jahre 1878*. Heft I u. II. Wien, 1879. Епископія была на мѣстѣ нынѣшней Заломъ-Паланки, что доказываютъ и развалины стараго города. *К. Живедек*, *op. c.*, стр. 26, прим. 77 и 83.

заль предположеніе профессора Голубинскаго на основаніи преданія, слышаннаго имъ (въ 1875 г.) въ Невесеньи, что въ Невесеньскомъ кадилыкѣ (округъ) была нѣкогда митрополія (стр. 197), и слѣдующаго извѣстія у Фарлати, который заимствовалъ его у Лекіена, а этотъ послѣдній у Досифея, патріарха Иерусалимскаго: Lequienus auctoritate Dosithei lib. 8. de patriarchis Hierosolymitanis cap. 13 duodecim episcopos enumerat a S. Sabba delectos qui in coenobiis quidem degerent... Zalamae in monasterio Panagie (Пуг. sacr, VIII, p. 48) ¹⁾, а также и извѣстія Тронушской лѣтописи (Гласник, V, стр. 37), приводимаго и г. Голубинскимъ. При этомъ г. Ястребовъ предполагаетъ, можетъ быть и справедливо, что въ „рукописномъ подлинникѣ“ краткой сербской лѣтописи ²⁾, должно быть было: оу Заломѣ вмѣсто невѣрно прочитаннаго: оу Стонѣ (стр. 196). Изъ Залома митрополія была перенесена въ старый монастырь Успенія Богородицы, называвшійся Тврдошанъ, но не надолго, потому что въ 1766 г. Захолмскій епископъ уже жилъ въ монастырѣ Дужѣ, не далеко отъ Требинья, а послѣ уничтоженія Печской патріархіи первый греческій митрополитъ перенесъ ее въ Мостаръ, можетъ быть, въ 1767 г. (стр. 197—198).

Ферманы хранятся въ канцеляріи католическаго епископа въ Мостарѣ, въ переводѣ на латинскій языкъ, въ рукописной книгѣ. Они изданы по поволу жалобъ католическихъ фратровъ-миссіонеровъ на патріарховъ и митрополитовъ Сербскихъ до уничтоженія Сербскаго патріаршества, а послѣ того и на греческихъ митрополитовъ за то, что послѣдніе вмѣшивались въ ихъ дѣла и беспокоили ихъ, собирая у нихъ незаконно мирію и другія церковныя подати и отвлекали отъ нихъ принявшихъ латинскую вѣру (стр. 191 и 199). Г. Ястребовъ излагаетъ содержаніе двѣнадцати фермановъ, включая въ это число и тѣ, которые онъ нашелъ не въ Мостарѣ. Я укажу здѣсь только на болѣе важныя:

Изъ фермана султана Мустафы (№ 41, —отъ 1625 г.—1035 гид.) видно, что, по донесенію сараевскаго кадїи, католическій епископъ Матвѣй Іовановичъ заявилъ, что султанъ Мухамедъ-ханъ со времени завоеванія Босніи далъ духовенству этой области свободу совершать службу и св. тайны по ихъ обряду въ ихъ церквахъ безъ всякаго

¹⁾ У Досифея сказано: «Σίββας..... χειροτονεὶ δὲ καὶ Ἐπίσκοπος, πρῶτον Ζαλομῆς εἰς μοναστήριον Παναγίας..... Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. ἐν Βυζαντιῶν. 1715, σελ. 814.

²⁾ Шафарикъ, Раматку drevn. pesemn., стр. 69.

вѣзательства со стороны священниковъ сербской народности или самаго Сербскаго народа, или официальныхъ полицейскихъ властей, и просить о новомъ подтвержденіи правъ католическаго духовенства (стр. 200—201). Изъ фермана же (№ 3) султана Ахмеда отъ 1615 г. (9-го сефера 1024 г.) видно, что живущіе въ Босніи шокци (католики) и Мадьяре заявляютъ: „Мы, жалобщики, латинской вѣры, и секта наша совершенно различны отъ гяуровъ-Сербовъ, Грековъ и Влаховъ, съ которыми мы не имѣемъ никакихъ сношеній и ничего общаго въ нашихъ религіозныхъ дѣлахъ. Платимъ за вѣнчаніе и за другіе церковныя требы францисканцамъ и священникамъ нашей вѣры. Между тѣмъ митрополиты, руководимые духомъ корыстолюбія, собираютъ у насъ насильно мирію, которую мы даемъ францисканцамъ, и беспокоятъ насъ чрезъ мѣру, основываясь на царскомъ ферманѣ, какимъ то образомъ приобрѣтеномъ ими съ правомъ собирать отъ насъ мирію“. Вслѣдствіе того повелѣвается везиру предложить разрѣшеніе этого спора бѣлградскому кадїи, предъ которымъ должны изложить свои права и та, и другая сторона; и если окажется, что вѣра жалобщиковъ отлична отъ вѣры греческой, то запретить митрополитамъ собирать у нихъ мирію и не обращать вниманія на протесты послѣднихъ, если они останутся недовольны рѣшеніемъ (стр. 200). Но султанскіе ферманы часто не исполнялись, и католическое духовенство не только самолично являлось безчисленное множество разъ съ новыми жалобами къ султанамъ, но и очень часто обращалось за заступничествомъ къ консуламъ и посламъ католическихъ державъ при султанскомъ дворѣ. Такой случай мы видимъ изъ фермана султана Мухамеда отъ 1614 г. (гид. 1023), изданнаго вслѣдствіе жалобъ латинскаго духовенства посланнику Германскаго императора. Посланникъ, основываясь на мирныхъ договорахъ между обоими государствами, Турціей и Австріей, исходатайствовалъ передъ Портой, чтобы священникамъ латинскаго вѣроисповѣданія не было чинимо никакого препятствія ни при построеніи, ни при ремонтірованіи ихъ домовъ въ Высокой, Крешевѣ и Фойницѣ (стр. 202).

Православные митрополиты не безъ права собирали мирію отъ католиковъ. Г. Ястребовъ приводитъ отрывокъ изъ весьма интереснаго и важнаго для исторіи православной церкви въ Турціи фермана, найденнаго имъ въ монастырѣ Дужѣ, отъ 1692 (гид. 1104) г., изъ котораго видно, что „Герцеговинскій митрополитъ Симеонъ явился въ царскій лагерь у Бѣлграда и жаловался, что гяуры Герсека (Герцеговины), Мостара, Габеле Руяна....., непосредственно подчиненные Печ-

скому патриарху, и всѣ латины, Мадыаре, шокцы, гвардіяны (католическіе игумены), Лужане и Арнауты и другихъ названій гуяры и священники до этихъ поръ платили падающія на нихъ мирійскія подати и денежныя вспомошествованія за ярмарки, священныя источники и др., а теперь они противятся, когда отъ нихъ требуется все это, говоря, что они платятъ Римъ-папѣ“. Вслѣдствіе этой жалобы былъ изданъ ферманъ, окончивающійся такъ: „На основаніи стараго закона повелѣваю: упомянутые шокцы и латины обязаны платить патриарху и митрополиту все, что слѣдуетъ по обычаю и правиламъ ихъ вѣроисповѣданія, и никто не можетъ противиться старому закону; никому не вмѣшиваться въ дѣла упомянутаго митрополита при собираніи своей опредѣленной миріи и исполненіи его обязанностей по епархіи“ (стр. 204). При этомъ, совершенно, справедливо замѣчаетъ г. Ястребовъ, — турецкое правительство не очень-то заботилось о порядкѣ между своими подданными не мухамеданской вѣры; напротивъ, оно содѣйствовало ихъ разъединенію и религиознымъ распрямъ, всегда преслѣдуя одну цѣль—свою матеріальную выгоду (стр. 204—205).

Приступая къ обзорѣнію „подписей и замѣтокъ“, г. Ястребовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „Старая Сербія не была настолько счастлива, чтобъ ее объѣздили ученые люди для разысканія и изученія старыхъ памятниковъ и отображенія подписей. Одинъ только Гильфердингъ посѣтилъ ее; но, говоря между прочимъ, онъ, кромѣ старыхъ, на пергаментѣ написанныхъ книгъ, собралъ очень мало матеріаловъ для уясненія церковной исторіи. Объѣздилъ ее еще г. Милоевичъ; и право, онъ сообщилъ въ своемъ „Путописѣ“ порядочное число замѣтокъ. Хотя и я здѣсь предлагаю еще нѣсколько записей и замѣтокъ, неизвѣстныхъ ни Гильфердингу, ни Милоевичу, но въ Старой Сербіи осталось еще довольно много дѣла любознательнымъ ученымъ путешественникамъ“ (стр. 58).

На первомъ мѣстѣ г. Ястребовъ ставитъ „надписи на церквахъ (числомъ четыре), изъ которыхъ только одна (стр. 59) неизвѣстна¹⁾. Къ сожалѣнію, снимки г. Ястребова не всегда точны; по крайней мѣрѣ текстъ его снимковъ не всегда согласуется съ текстомъ снимковъ съ

¹⁾ 2-я у *Трича*, стр. 29—30, *Милоевича*, Путописъ дела правле-Старе-Сербіе, II, стр. 158; 3-я у *Трича*, стр. 25, *Милоевича* 155; 4-я у *Трича*, 95—6, *Милоевича*, 231.

тѣхъ же надписей у г. Трпича ¹⁾. За этими слѣдуютъ „надписи на церковныхъ колоколахъ“ (числомъ четыре): двѣ славянская, одна латинская и одна румынская, и сверхъ того, весьма любопытная турецкая надпись въ стихахъ надъ дверьми (съ наружной стороны) часовой башни въ Приштинѣ. Содержаніе последней—восхваленіе подвиговъ валия (губернатора) Призренской области Махмуда-паши Ротуловича во славу оттоманскаго оружія. Этотъ Ротуловичъ былъ одинъ изъ вышедшихъ изъ повиновенія султану пашей въ XVIII в. ²⁾, какъ дьяковскій Курдъ-паша, приштинскій Яшаръ-паша, видинскій Пазвантолу и др. Ротуловичъ, какъ говоритъ надпись,—избилъ множество Сербовъ, а сколько зарѣзалъ, сколько женъ и дѣтей залопотилъ, имущества сколько тогда награблено! Между прочимъ, онъ въ Смедеревѣ добылъ прекрас-

¹⁾ Въ 3-ей надписи строка 2-я: ОДИГРИНЕ ІСТЕМАНА (въ примѣчаніи из темеля) и 4-я СО ЕЛЕНОМЪ,— у Трпича: ОДИГРИНЕ ІС ТЕМАНА И С ЕЛЕНОМЪ. Въ 4-й строка 3-я: И ПОТЬЩА... СКЪСЕ 4-я: ДА СТО..., 7-я: СО.....НЬ,— у Трпича: И ПОТЬЩАСКЪ СЕ; ДА КТО....., КОНЬ (конь см. у Даничича, Рјечник. I, стр. 479). Въ текстѣ 4-го снимка у г. Ястребова указано не мало пропусковъ, а между тѣмъ онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что надпись испорчена на камнѣ. Кстати приведу здѣсь для сравненія 3-ю надпись по снимкамъ гг. Ястребова, Трпича и Милоевича для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ послѣдняго къ памятникамъ славянской старины вообще:

У и. Ястребова и Трпича:

Почесе и създа се божьствни
и всечстни храмъ пречистие бла-
дичице наше богородице одигит-
рине (одигритие) іс темлана (істем-
лана) ба дан прѣвисокаго краалѣ
ѡроша с трѡдомъ і с поспеше-
ниемъ Іоана (Івана) великаго
казница Драгослава со Еленомъ
с подроужіемъ своїмъ і Стани-
шомъ синомъ си и са Яномъ дще-
рню сї. к лѣто свѣг. ендк (енд) : е.

У г. Милоевича:

Въ славоу єдиносоуциниа и не
раздальниа тронци почесе се и
създа се божьствни и въскътъ
ни храмъ прѣчистие бладичице
наше богородице одигитрине ис
темелна за прѣвисокаго краалѣ
ѡроша сь трѡдомъ и споспеш-
ниемъ Іоана великаго казница
Драгослава с еленомъ сь подрѡ-
жнемъ своимъ. И сь Стани-
шомъ синомъ сн сь Яномъ дще-
рю си къ лето 5 шкрен.

²⁾ Нѣкоторыя подробности о Ротуловичѣ можно найти у Трпича, 82—86; ср. Милоевича, стр. 192—3.

ный колоколь, который, будучи поднятъ на башню, „своимъ звукомъ радость возвѣщаетъ“. Это было въ 1813 (1129) г. (стр. 62—63).

Что содержится въ румынской надписи (на стр. 62), г. Ястребовъ не понялъ, какъ и самъ о томъ заявляетъ. Къ сожалѣнію, онъ представляетъ не совсѣмъ вѣрный снимокъ съ нея и потому затрудняетъ ея чтеніе; по моему разумѣнію, эта надпись читается такъ: **ИЧЕСТЬ КЛОПѢ ЛАФ ФЪХ-КЪТ АМЪЛАЪ ЖУПАН ИОН МЛАКАН. А. 1789** ¹⁾.

Далѣе приводятся 11 „надписей на каменныхъ плитахъ“, изъ которыхъ четыре латинскія, къ сожалѣнію, очень неисправно напечатанныя и потому во многихъ случаяхъ неудобопонятныя.

Послѣ того приводится около 33 (2) весьма интересныхъ „замѣтокъ на церковныхъ книгахъ“ (стр. 68—73, 79—87), къ которымъ нужно присоединить три „надписи на антиминсахъ“ (стр. 87—89) и одно письмо Призренскаго митрополита Софронія (стр. 74) ²⁾, найденное между церковными книгами въ Призренѣ, взятыми изъ села Кариши (въ часъ разстоянія отъ Призрена (стр. 75), и кромѣ того, два письма другаго Призренскаго митрополита Пароенія (1849—1854 г.) отъ 30-го мая 1850 г. къ скадрской общинѣ, хранящіяся у скадрскаго купца Филиппа Беровича ³⁾,—письма, имѣющія большую

¹⁾ У Ястребова эта надпись приводится въ такомъ видѣ: **ИЧЕСТЬКАПѢ ЛАФФЪ ХЪТА МЪЛАЪ ЖУПАН ИОНИМО ЛКАН А. 769.**

²⁾ Это весьма любопытное письмо очень вежливо; оно прекрасно «объясняетъ, въ какомъ положеніи находились Сербы послѣ уничтоженія Печской патриархіи подъ греческими деспотъ-вѣвндіями, и вслѣдствіе чего они турчилились и католичились». Документальныхъ свѣдѣній о времени жизни митрополита Софронія до нынѣ неизвѣстно; но преданіе говоритъ, что онъ занималъ Призренскую кафедру предъ митрополитомъ Евсеіемъ, управлявшимъ ею до 1789 года (стр. 74, 32). Этого Софронія, извѣстнаго безпиривственною жизнью, звали еще Петромъ,—но едва ли потому, что онъ былъ по лишеніи его кафедры призренской, какъ склоненъ думать г. Ястребовъ, *хранителемъ ключей* гроба Господня въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и членомъ патриаршескаго синода. Призренцы передаютъ, что однажды въ призренской церкви св. Георгія народъ напалъ на Софронія: его били и выгнали изъ церкви за то, что онъ вмѣстѣ съ Цинцарами (гегами) требовалъ, чтобы въ церкви читали и пѣли по гречески (стр. 174—175).

³⁾ Одно изъ этихъ писемъ оофициальное, а другое частное — къ *четыремъ* старѣйшинамъ скадрскимъ: первое письмо, то-есть, оофициальное гласитъ, «да се прочати на еденъ велики правдикъ оу церквѣ на двери пощо се прочати свято еванѣліе часомъ да *чѣ*е васъ народъ». Въ обоихъ письмахъ пред-

важность для исторіи управленія православною церковію въ Старой Сербіи и Албаніи греко-фашиаріотскими митрополитами и для исторіи принятія католичества Сербами Балканскаго полуострова. При этомъ г. Ястребовъ приводитъ слѣдующій списокъ Призренскихъ митрополитовъ послѣ уничтоженія Печской патриархіи понинѣ: Гаврилъ съ 1766 г. ¹⁾; Софроній; Евсевій до 1790 г. ²⁾; Іоаникій 1807—1818 г.;

писывается: во 1) «даскаль (учитель) да има бытъ цара нашего рая и оузети арачинскѣ книги (платящій харачъ, государственныя подати)...., а не пашапортліе ...защо такое повеленіе царско по свемъ царствѣ и тако е церква велика (константинопольская патриархія) заповѣдала»; 2) «да имате макнѣте (изгнать) латинскѣ децѣ изъ ваше школе» (стр. 78), такъ какъ они «оуче свой папищанскій законъ кровъ кое (чрезъ это) огорчеваю се ниховимъ оученіемъ и кваре наша православна дѣца и оставиа свои отеческіи еззыкъ и письма святая, а развратный папищанскій еззыкъ и письма додаю нашой православной деци нихне смрадне книге кое сѣ пѣне отрови и развращенія имаюѣ на полакъ (на половину) латински а на полакъ арнаѣтскій еззыкъ и дрѣге нихне книге кое оуближѣю къ паклѣ (ведутъ въ пекло), а не къ раю, гроское (все болѣе?) день по день оувѣкѣю се православныи оу нихѣ ересъ и оставляю свою вѣрѣ» (стр. 77), и 3) «да имате извадити све латинске книжице изъ школе пак ставити на едно место докъ (пока) я доѣмъ (прійду) а ваша чада нека (пусть) оуче свои отчинъ еззыкъ и законъ перво» (стр. 78). Тогда же было отправлено митрополитомъ Парееніемъ въ Скадаръ и третье письмо къ тамошнему архимандриту, своему наместнику, объ одномъ изъ тамошнихъ поповъ, Павлѣ, но этого письма г. Ястребовъ не нашолъ. Содержание его, впрочемъ, извѣстно изъ письма къ старѣйшинамъ скадрскимъ; въ немъ митрополитомъ было предписано: «да има спѣщити поѣ Павле брадѣ, ако ли неће послѣшати да спѣши брадѣ не има изина (позволенія) де вешат епитрахила докъ не спѣщи брадѣ ни оу церквѣ, ни пошехерѣ, ни по селамъ, ни оу мою епархію ниѣде страшно повелѣваемъ овако бѣде а не инако, за то да бѣдете мѣаецъ (одолженіе) и да ми вы отпишете ели се послѣшало моѣ повеленіе» (стр. 79). За этимъ тамъ же говорится вообще о всѣхъ его предписаніяхъ: «Ако ли се бы нашао кои хрстіянинъ да се противи моемъ повеленію да пишете име негово и презвие (прозваніе) пакъ да пишемъ проклетство на неѣ и да пишемъ на оурѣмели валію-а (Румелійскому генералъ-губернатору) отъ оурѣмели валіеѣ да доѣе писмо на пашѣ пакъ да види архіерейско повеленіе и свое противленіе» (тамъ же).

¹⁾ Ср. *Голубинскаго*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 485.

²⁾ Съ 1790 по 1806 г. кафедрѣ Призренской митрополіи не была занята, а управлялась Новопазарскимъ митрополитомъ Іоаникіемъ, который въ 1807 г. принялъ званіе митрополита Рашко-призренскаго (стр. 74 и затѣмъ беретъ о его назначеніи на стр. 32—33).

хаджи-Захарія 1819—1830 г. ¹⁾; Ананія 1830—1836 г. ²⁾; Германъ управлялъ епархіей всего годъ ³⁾; Синесій 1837—1840 ⁴⁾; Игнатій 1840—1849; Парѳеній 1849—1854; нынѣшній Мелетій съ 1854 года.

¹⁾ Весьма интересны и характерны обстоятельства, послужившія причиной полученія хаджи-Захаріей каведры Призренской митрополіи и сопровождавшія его служебную дѣятельность. Когда умеръ митрополитъ Іоанній, пашой призеренскимъ былъ извѣстный уже намъ Махмудъ-паша Ротуловичъ, который часто говорилъ Сербамъ: «я вашъ царь, везиръ, патріархъ, паша и старѣйшина». И дѣйствительно, въ подвѣдомственной ему области онъ былъ такимъ. Онъ также отослался я къ греческимъ митрополитамъ, посланныхъ въ Призрень изъ Константинополя. Понимая значеніе митрополита, духовнаго главы, для христіанъ, Ротуловичъ хотѣлъ, чтобы Призеренскій митрополитъ былъ вполне отъ него зависимый человѣкъ, дабы сдѣлать свою власть совершенно самостоятельною. Поэтому послѣ смерти Іоаннія, онъ тотчасъ вызываетъ изъ Дечанскаго монастыря монаха Захарію, котораго по выбору Сербовъ и соглашенію съ ними отправляетъ въ Константинополь для посвященія въ санъ митрополита. Хаджи-Захарія долженъ былъ получить султанскій ферманъ предъ выѣздомъ изъ Константинополя, но Ротуловичъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Положеніе хаджи-Захарія послѣ посвященія его въ митрополиты было довольно тяжелое; онъ долженъ былъ или быть во многихъ случаяхъ слѣпымъ орудіемъ Махмуда-паши, или постоянно жить въ Дечанскомъ монастырѣ и никогда не являться въ Призрень, иначе онъ долженъ былъ ожидать очень несприятныхъ для себя столкновеній съ Ротуловичемъ. И случай столкновенія скорѣй представился. Нѣкто Риста Бриндицъ, Цинцаръ (македонскій румынъ), золотыхъ дѣлъ мастеръ у Ротуловича, по разказу стариковъ Призеренцевъ, хотѣлъ женить своего сына на своей родственницѣ въ шестомъ поколѣніи, въ чемъ содѣйствовалъ ему священникъ Янко Цинцаринъ. Узнавъ объ этомъ, хаджи-Захарія хотѣлъ подвергнуть церковному наказанію упомянутаго священника, а золотыхъ дѣлъ мастеру воспретилъ женитьбу. Послѣдній обратился за помощію къ Махмуду-пашѣ, который сталъ на сторонѣ его и священника. Но хаджи-Захарія остался не преклоннымъ, и чтобы спасти себя, бѣжалъ въ Дечанскій монастырь, подвѣдомственный дяковскому Курду-пашѣ, который былъ почти всегда въ ссорѣ съ Махмудомъ-пашой. Такимъ образомъ хаджи-Захарія оставалось или помириться съ Ротуловичемъ, или ожидать, пока онъ не умретъ. Но по прошествіи трехъ лѣтъ своего пребыванія въ Дечанскомъ монастырѣ, хаджи-Захарія обманомъ былъ увезенъ друзьями Махмуда-паши въ Дяково, а оттуда въ Призрень, гдѣ тотчасъ, въ Троицынъ день 1823 г., былъ посаженъ въ тюрьму, но чрезъ два дня былъ пережѣненъ въ частный домъ, гдѣ содержался подъ арестомъ. Преданіе говоритъ, что хаджи-Захарію «хотѣли повѣсить, какъ греческаго патріарха (въ 1820 г.)». Пострадалъ тогда не одинъ митрополитъ; многихъ гражданъ и первостепенныхъ призеренскихъ купцовъ Махмудъ-паша заключалъ въ тюрьму, подвергалъ временному аресту и штрамамъ. *Трпий*, стр. 82—86. Ср. *Милојевића*, стр. 192—193 (у *Трпийа*, 81—82).

²⁾ *Јастребов*, 75; *Трпий*, 87. Ср. *Милојевића*, 193.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Трпий*, 87.

Всѣ приведенныя г. Ястребовымъ „замѣтки на церковныхъ книгахъ“ можно раздѣлить на двѣ части: замѣтки на книгахъ, хранящихся въ Призренѣ, и замѣтки на книгахъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Призрена.

Призренскія „замѣтки“ сдѣланы на книгахъ, хранящихся въ церкви св. Георгія, которой принадлежатъ только двѣ-три старыя книги, какъ ея давняя собственность, остальные же книги принесены сюда изъ разныхъ окрестныхъ сель, бывшихъ прежде христіанскими, тѣми изъ мѣстныхъ жителей, которые, не желая принять мухамеданство, спасались бѣгствомъ въ Призренѣ; здѣсь христіанамъ оставлена была только церковь св. Георгія, которая — какъ гласитъ замѣтка (20-го января) 1815 г. попа Стояна на одной Псалтыри—носила названіе „великаѣ цркви и ставропиги светаго Гѣургия“, а прежде называлась „Руновичѣва црква“ по фамиліи знатнаго рода Руновичей, которымъ принадлежала эта церковь (стр. 68 - 69) ¹⁾. Въ призренскихъ „замѣткахъ“ мы находимъ много весьма важныхъ указаній, касающихся топографіи стараго Призрена и его частей и затѣмъ исторіи Призренской митрополіи и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ-призренскія замѣтки представляютъ не мало данныхъ, правда, по большей части мелкихъ, для исторіи новой церковной литературы, географіи и языка Старой Сербіи и сопредѣльныхъ съ нею областей. Я укажу здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ ²⁾. Къ сожалѣнію, г. Ястребовъ не догадался занумеровать приведенныя имъ „замѣтки“, вслѣдствіе чего пользованіе ими представляетъ нѣкоторыя внѣшнія неудобства.

Прежде я приведу имена Печскихъ патріарховъ, упоминаемыхъ въ „замѣткахъ“: Герасимъ (7104=1596 г.) ³⁾, Іоаннъ (7104=1596 г.) ⁴⁾, Максимъ († 29-го октября 7189 = 1681 г.) ⁵⁾, Арсеній (7187=1679

¹⁾ Въ Призренѣ и другая, по всей вѣроятности, также знатная фамилія Корачевичей имѣла свою церковь, которая называлась «црква Корачѣвѣкѣи свѣтаго Николѣ... оу момѣи махале» (нынѣ джамія въ Тервимахала, по предположенію г. Ястребова), какъ гласитъ запись 1592 г. по Трјоди (стр. 73), или просто «Корачева црква» (тамъ же).

²⁾ Къ этимъ указаніямъ и даннымъ я присоединяю и нѣсколько изъ брошюры *Трпича*.

³⁾ Стр. 73, ср. *Голубинскій*, Краткій очеркъ, 478, гдѣ сказано, что этотъ патріархъ упоминается подъ 1579—1580 г.

⁴⁾ Стр. 83; *Голубинскій*, 479.

⁵⁾ *Трпичъ*, 19; *Голубинскій*, 482.

и 7194 = 1686 г.)¹⁾, Моисей (1731 г.)²⁾, Аванасій (1747—1752)³⁾.

Изъ архіепископовъ упоминается только Маварій (7077=1569 г.)⁴⁾.

Изъ Приврненскихъ митрополитовъ до уничтоженія Сербской патриархіи въ „замѣткахъ“ отмѣчены: Мееодій (7077=1569 г., стр. 71, 89), Михаилъ (7104=1596 г., стр. 73) и Исаія ТѸцакъ (1731 г., стр. 81). Затѣмъ упоминаются: „Михаилъ митрополитъ баньскы глаголемъ“ (такъ у г. Ястребова) Коласія, кратовскы и щипскы (7162=1654 г.)⁵⁾, Никоноръ митрополитъ градъчанскій (7038=1530 г., стр. 70), Юсафъ „вльчитрънскы“ (7086=1578 г., стр. 82), Евемій—„владька нишевьськи и лесковачьки“ (7100=1592 г., тамъ-же), Василиій „новобордьскы“ (7065=1557 г., † 7103=1595, февр. 24; Трпић, 19). Софроній „врананскы“ (7073=1565 г., тамъ же, стр. 17)⁶⁾.

Укажу еще на „писателѣа монастирскаго“, бывшаго игумена „прѣкраснѣй обители дечанскоа“, іеромонаха „Евстратія“, который „спи-

¹⁾ Стр. 83—84, 89; Трпић, 21; Голубинскій, 483 и 615.

²⁾ Ястребов, 81, 88; Голубинскій, 484.

³⁾ «И пребысть на прѣстолю. є. (5) лѣт. и м. (40) дней и престависе 1752 года». Стр. 70; Голубинскій, 485.

⁴⁾ Стр. 71; Голубинскій, 478.

⁵⁾ Стр. 69 (ср. Голубинскаго, 712). Запиеть на «Псалтыри», на которой сдѣланы и другія замѣтки, между прочимъ и слѣдующая о святыхъ, мощи которыхъ хранятся въ Печской патриархіи: «Святаго Сустоеѣа отнесли на нѣѸ стравѸ почивати мню на черной рѣдѣ. Святаго же Арсеніѣа раздробили и разсѣли бѣзбожнѣи Сквен, и едѣа глава его обрѣтаесѣа. У Господи, придоша і Гавьцы свирѣщи въ достоянїе. 1737 марта 21-го». Тамъ-же. Баню, зовомую Коласіей і. Ястребовъ, приурочиваетъ къ вышнему Кюстендилу, который называется *Великой Баней*, какъ отмѣчено въ памятникѣ грачаницкой церкви, въ отличіе отъ *Малой Бань*. Тамъ-же, прим. 1. Ср. Голубинскаго, 499—300. Шопы постоянно, какъ я самъ слышалъ и увѣрился, называютъ Кюстендиль Баней и рѣдко *Костандимъ*; только въ восточной и южной Болгаріи и вообще нtelлигентныя Болгаре называютъ этотъ городъ гурецкимъ именемъ. Я долженъ здѣсь заявить, что отказываюсь отъ своей замѣтки, сдѣланной недавно, по недоразумѣнію, о не тожествѣ епархіи Коласійской съ Кюстендильскою (*Ж. М. Н. Пр.* 1880, июль, стр. 175, пр. 3).

⁶⁾ Упоминаются еще Скопійская митрополія (1747 г., стр. 70), которою управлялъ между прочимъ и отмѣченный мной Печскій патриархъ Аванасій, и затѣмъ епископія Положская (епископъ положски), стр. 79. Трпић, 16. О Пологѣ см. у *Иречка*, *Исторія Болгарь*. Одесса. 1878, стр. 53. Прочитанное о *Антониомъ, БОЛОСЪ* въ «помѣникѣ» Слепченскаго монастыря. (Поѣздка въ Румелию. С.-Пб. 1879, прим. на стр. 300 и *Ж. М. Н. Пр.* 1880, июль, стр. 175, прим. 4), есть, по всей вѣроятности, ПОЛОГЪ.

саше Ѡаалтнр съборны и Г (З) минеа .ш. и Гѣнваріа и фервара. и .А. месеце пролога. і апостоль накожи“ и жилъ „въ тежка и нуждна врѣмена“, когда „члци на се съмртъ призиваху а не живот.“¹⁾ Не лишне будетъ привести здѣсь и имена „списателей“ и книжныхъ людей: даскала Димитріа († 7140=1622 г.)²⁾ и ученива его даскала „Лак хача исто име зовом Андреа († 27-го іюля 7180=1672 г.) Ѡ мѣстѠ Іанѣво“³⁾, сподвижника и можетъ быть ученика патріарха Максима: „васемѠдраго и добраго книгочитца и доброписца хачи Евлогіа, великаго ревнителя за великѠ црковѠ, емѠже отачство иного не израститъ ни родить земля“ († 1-го марта 7187=1679 г.)⁴⁾ и „владѣбу бѠдимскаго хачи КирилѠ“, котораго „тачию ва аеонсѣи горе стѣи искѣсни мѠжи именованѠ га златоѠстомѠ“ († 10 декабря 7188=1680 г.)⁵⁾.

Изъ названій мѣстностей укажу прежде всего на слѣдующіе монастыри: „Лѣшьѣъ (м. св. Аеонасіа, отстоящій на часъ разстоянія отъ Тетова (у тур. Калканделенъ),—въ записи 1565 (7073 г.) въ памяникѣ монастыря св. Троицы,—у С. А. Игуменова въ Призренѣ стр. 80); „святѣи Троици называемой Роусинской въ области призренской“ (тамъ-же), Девичъ (зап. 7100=1592 г. въ Тріоди, принадлежащ. этому монастырю; стр. 82). Ѡсоговъ (зап. 7194=1686 г. въ рукописи евангел. въ Печи; стр. 83), Дечанскій монастырь (зап. на февральск. минеи у купца г. Алексича въ Дубровникѣ; стр. 84), царская обитель (задушбина Ст. Душана) „архистратигъ Михаилъ и Гаврила и Рафаила недалеко отъ Призрена (зап. въ рукоп. евангелии у того же; стр. 86), и лавра „градъчанской митрополіи“ (зап. 7038=1530 г. въ Прологѣ за январь, февраль и мартъ въ церкви св. Георгіа въ Призренѣ; стр. 70, Трпий, 19); а затѣмъ и слѣдующіе села и города: Никшинъ Колъ (? въ Прологѣ, тамъ-же),

¹⁾ Запись на рукописной минеѣ за февраль мѣсяць, находящейся въ Дубровникѣ у купца г. Алексиса (стр. 84—85). Къ сожалѣнію, г. Ястребовъ ничего не сообщаетъ о годѣ рукописи; по нѣкоторымъ словамъ рукописи, можно догадаться, впрочемъ, что минея списана уже въ турецкое время.

²⁾ Запись на прологѣ, списанномъ Димитріемъ (Трпий, 20), но когда—неизвестно.

³⁾ Тамъ же, Трпий, 20.

⁴⁾ Тамъ же, 21.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 19.

Хоча Заградска (нынѣ мусульм. с., $1\frac{1}{2}$ ч. разстоянія отъ Призрена. Зап. на Тріоди; стр. 72), Плоскиште (мусульм. с. съ 20 д; тамъ-же), Мѹшѹтище (зап. 1731 на толкованіе Теофилакта болгарск. на еванг. отъ Матвея...“; стр. 81), „предели Хоришкѣа“ (тамъ-же), Сибовацъ „оу Чачавице (христіанск. правосл. с., $1\frac{1}{2}$ ч. разстоянія отъ Призрена. Зап. 7086=1578 г. на Тріоди; стр. 82), Марина (нынѣ албанское селеніе недалеко отъ монастыря Девича. Зап. 7104=1596 г. на рукоп. еванг. XIV в., стр. 83), Шашковацъ (Зап. 7187=1679 г. въ Прологѣ,—у Трпића, 21), къ которымъ можно присоединить замѣтку о родинѣ св. Петра Хоришскаго,—село Ѹнѣмир или Оунѣмир (въ печскомъ округѣ; стр. 87).

Не менѣе важны нѣкоторые титулы и слова, встрѣчающіеся въ приводимыхъ г. Ястребовымъ замѣткахъ. Отмѣчу здѣсь слѣдующіе:

„Икономъ великиѹ цркви и ставропиги светаго Георгиѹ“ (зап. 1815 г. на Псалтири; стр. 69). Этотъ титулъ встрѣчается и въ болгарской рукописи XVI в. (7072=1564 г.) службы и житія св. Николая софійскаго (хранится въ соборной церкви „свети краль“ въ Софій, нынѣшней болгарской столицѣ): „Въ днѣи бѣагоштва гѹподина кнеза Димитріѹ ¹⁾ и иконома тога стіе и вѣлиціѹ цркви прѣвие гѹстиніаніе...“ (л. 208 на обор.). Весьма интересно опредѣлить власть и значеніе иконома ²⁾, *πάσης Βουλγαρίας* ³⁾ и другимъ духовнымъ и свѣтскимъ также и отношеніе его къ μεγαλοεττης τῆς ἀγ. Γουστινιανῆς καὶ властямъ.

„Турьски царь Мехъмедъ благочестивы же Петарь немачьки Игнациѣ Леопо(л)дъ“ (зап. 7100=1592 г. на Тріоди монастыря Девичъ, стр. 82) ⁴⁾.

Торьци (тамъ же), и торце (въ письмѣ призренскаго митрополита Софронія; см. выше вм. турци).

„Цигани, Чергари и Мечкари“ (запис. 1789 г. на январск. Миней; стр. 72), какъ у Болгаръ. Ср. румынскія названія Цыганъ

¹⁾ Въ одной изъ рукописей собранія Григоровича есть два посланія къ этому князю. Собраніе рукописей В. И. Григоровича. А. Викторова. М. 1879, № 52, стр. 40. Ср. Григоровича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. Изд. 2-е. М. 1877, стр. 160.

²⁾ Въ настоящее время, мнѣ кажется, трудно сказать, на сколько вѣрно и полно объясненіе этого термина *Даничичемъ*, Рјечникъ, I, стр. 405.

³⁾ Греческая надпись начала XVII в.—у Антонина, Повѣдка въ Румелию. С.-Пб. 1879, стр. 203 и Ж. М. Н. Пр. 1880 г., июнь.

⁴⁾ Ср. Антонина, стр. 289, и Ж. М. Н. Пр. 1880 г., июль, примѣч.

по роду занятій: *šetragi* (шетрарь—живущіе въ шатрахъ), *ursari* (урсарь—водители мдвѣдей), *lingurari* (лингурарь—ложечники и вообще дроводѣльцы и угольщики), *lăutari* (лѣутарь—музыканты): *scîrcari* (скрипкарь—играющіе на скрипкѣ), *sobz(d)ari* (кобз(дз)арь—играющіе на кобзѣ), и *lăesi* (лѣесь—кочующіе).

Сѣрб(ом. Запись старца Моисея В(Ф)рушкорца 1747 г. на Псалтыри; стр. 70). Ср. румын. *Sîrb* (Сѣрб), или (во множ. ч.) *Sîrb(gh)î* (Сѣрб(г)ѣ), гдѣ *î* (ы) изъ *i* (и) по аналогіи съ *în* (ын) изъ *in*, *întru* (интрѣ) изъ *inter* и др.¹⁾.

Стехвана (надп. 7072=1564 г. на антиминосѣ, стр. 89), Скоробиште, Мачешево, Пологъ и др. (названія селъ въ помѣнникѣ мон. св. Троицы; стр. 80).

Катаметеа (стр. 81; ср. Руварца, Прилошци в обѣшвѣу изворе српске цркве. Беогр. 1878 стр. 7) вм. *W* мат(е)а.

Схитъ вм. свитъ (въ запис. 1731 г., стр. 83).

Сѣпърница (зап. 7104 = 1596 г. въ еванг. XIV в., стр. 83), сѣпарница (зап. 7194=1686 г. на еванг. въ Печи, стр. 84) и сѣпърница (зап. 7065=1557 г. на Прологъ,— у Триѣа, 19), *W*хѣрстим (зап. старца Моис. В(Ф)рушкогорца, см. выше), вм. *W*хѣрстнимъ Ср. прикви (сѣкве — въ глаголич. надписи въ церкви въ Грижанѣ въ Винодонѣ)²⁾, а также *î*ничѣра (зап. 1869 г. на апрѣльск. минеи; стр. 73).

W годища (ежегодно, — зап. 7073=1565 г., стр. 79) вм. *W* годна, какъ и *W*рмаща (въ письмѣ митр. призренскаго Іоанкиія отъ 1805 г. стр. 32), вм. (Г)ермана.

да му ест (зап. 1596 г. на еванг. XIV в., стр. 83), *W*зано да ксть (зап. 1679 г., на апрѣльск. минеи, стр. 72) де се *W*наеть (зап. 7038=1530 г. на Прологъ; стр. 70)³⁾ при: до се зна (зап. 7100=1592 г. на „Триходнѣ“; стр. 82).

¹⁾ Обѣ *i* (и) и *i* (ы) см. у Ламбриора, «Essai de phonétique roumaine», въ «Romania». 1880, № 33 (t. IX), p. 100—107.

²⁾ Nekoliko glagolskih nadpisa iz Grižana u Vinodolu Любича въ *Viestnik hrvatskoga arkeolog. društva*. God II (1880), br. 3, str. 70.

³⁾ Ср. оковчаніе 3 л. единст. ч. наст. врем. въ македонскомъ нарѣчїи болгарскаго языка:

Книга пентъ, градумъ сѣлди ронитъ.

Миладинови, Български народни пѣсни, 303.

ке, какъ признакъ будущаго времени: кто ке ю (книг⁸) отнестъ (запись на Тріодѣ — неизвѣстно какаго времени, стр. 72); тво би(е) тои потвърити да ест . . . (зап. 7073=1565 на помянникѣ, стр. 80).

Ср. Ясъ ке одамъ сестра да ѣ канамъ....
Бельки ке съ писмо забо-раеть ¹⁾).

Наконецъ, въ числѣ мелкихъ замѣтокъ г. Ястребовъ приводитъ (е) „объясненіе сокращенныхъ словъ“ (стр. 99—100), постоянно встрѣчающихся въ книгахъ на надписяхъ. Это объясненіе онъ нашелъ, какъ самъ передаетъ, въ одной старой книгѣ Печской патриархіи ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 306.

²⁾ Думаю, что не лишне будетъ привести здѣсь всѣ сокращенныя слова въ такомъ видѣ, какъ они приведены у г. Ястребова, на стр. 90, съ русскими объясненіями:

И: Ч: В: Х: Ц: С:	Похвала Честному Кресту Христову. Царь Славы.
І. Н. Ц. І: ІС: С: W.	Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій. Исусъ Христосъ. Елена обрѣте.
Д. Ч. Н. Х. Х. Х. Х. Х.	Древо Честнаго Креста Христова. Христова Хорухва Христیانомъ Хвала.
Ц. Ц. Ц. Ц. Н. Н. Н. Н.	Царскій Цвѣтъ Црквамъ <i>Цестим</i> . Невидимый Непостижимый Неизглаголаннй Неизчезимый.
Б. Б. Б. Б. С. С. С. С.	Билэг (знакъ) Божій Бысть Вѣсы. Спасъ Содѣла Свѣь Сатаѣь.
В. В. В. В. В. В. В. В.	Крестъ Кръпость Константину К (Вѣрѣ). Вѣрующимъ Вѣ (него) Веліе Веселіе.
Д. Д. Д. Д. М. Д. Р. Б.	Добро Древо Діаволу Досада. Место Любно Рай Бысть.
Ч. Ч. Ч. Ч. Р. Р. Р. Р.	Честна Честъ Честнымъ Человѣкомъ. Радость Речена Роду Реченному.
П. П. П. П. П. В. П. В.	Пою Поклююся. Почитаю. Подножіе Путь В(рай). Первый В(негоже).
Н. Ц. В. Х. В. Н. Н. Б. С.	Начальствуетъ Царь Возшедъ Христосъ Вознесесе. Намъ Надежда. Вѣгаетъ Сего Вѣсовская Сила. Тре-Богатое Древо На немъ же Вознесесе Христосъ.
Б. С. Т. Б. Д. Н. В. Х.	Древо Обоштреное Кровію Боготочною. Тре-штрый Мечъ Вѣсомъ.
Д. W. В. Б. Т. W. М. Б.	Губитель. Крестъ Возносится: Радуется Христіанская Вѣра. Крестъ Возносится:
Г. В. В. Р. Х. В. Н. В.	Падають Вѣсы. <i>Мала Должина Должны Побѣждает Мир</i> . Сіе Древо.
П. Б. М. Д. Д. П. М. С. Д.	

Очеркъ „Синан-паша и Кукли-бег“ (стр. 91 — 142) написанъ по поводу интересной книги г. Сречковича „Синан-паша“, изданной въ Бѣлградѣ въ 1865 г. Раздѣленный на четыре отдѣла, почти не находящіеся во внутренней связи между собою, этотъ очеркъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ изъ исторіи обращенія Сербовъ Старой Сербіи въ мухамеданство, исторіи, не только до настоящаго времени мало разработанной, но и вообще мало извѣстной, чтобы не сказать—почти совсѣмъ неизвѣстной. Въ первомъ отдѣлѣ очерка, озаглавленномъ: „Синан-паша“ (стр. 91 — 109) и прямо относящемся къ главному предмету книги г. Сречковича, г. Ястребовъ, на основаніи турецкихъ источниковъ и личныхъ распросовъ у интеллигентныхъ призренскихъ мусульманъ, доказываетъ, что г. Сречковичъ совершенно ошибочно приписываетъ Синану-пашѣ, бывшему пять разъ великимъ везиромъ, разрушеніе бывшей призренской соборной церкви св. Архангеловъ, „задужбины“ Сербскаго царя Стефана Душана, и построеніе изъ ея камней и на ея мѣстѣ джаміи, и что послѣднее совершенно другимъ Синаномъ-пашей, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ „Софы Синан-паши“, родившагося въ селѣ Вильи или Вильны ¹⁾, бывшаго два раза губернаторомъ Буда-Пешта (Офена) и умершаго въ Галиполи въ 1615 г. При этомъ г. Ястребовъ совершенно справедливо считаетъ родиной перваго изъ указанныхъ здѣсь Синан-пашей село Топольяне (Люмскаго среза,—волости), жители котораго, а также и нѣкоторыхъ другихъ селъ, въ 1585 г. были еще христіане, а не село Соколовацъ (Шанновци, опольской жупы), какъ говоритъ г. Сречковичъ. Но не совсѣмъ убѣдительно, какъ мнѣ кажется, соображенія и предположенія г. Ястребова о не-

Б. Б. Н. К. М. Н. К. К. К. Вѣсть Бвсм. Начало Ввры Моисеовъ Крестъ
Вѣмъ Ввримъ Возвращение.
К. Н. Н. Н. Н. W. O. O. С. С. В(ран) Ношь Неввдвнн Ннзлагаетъ Нуж-
дою. Wбрътвенный Обрътатель Обръ-
тается Еленю С(древаже).
К. Н. К. С. Б. Я. Ц. Б. П. Вся. Н(а древъ) Виситъ Сынъ Божій. Ан-
гельскій Царь. Богъ Превѣчный.
Д. К. Д. Ж. С. М. С. X. П. Десница Врѣпка. Древо Жжжнн Спасеніе
Міру. Свѣтъ Христовъ Провсвѣщаетъ.
К. С. X. П. К. Всѣхъ. Свѣдъ Христовъ Положенъ В(гробъ).

¹⁾ Это село находится въ 1½ часа разстоянія отъ такъ-называемой нынѣ крѣпости Дода-вале'аси, находящейся недалеко отъ большаго албанскаго села Калиса (стр. 96, прим. 2).

вѣрности преданій объ эпизодѣ изъ пастушеской дѣтской жизни Сивана-паша (стр. 100, 101 и 102) и о нынѣшнемъ названіи села Соколовца: Шаиновци (стр. 106—108).

Второй отдѣлъ „Кукли-бег“ есть очень небольшое изслѣдованіе изъ исторіи беговъ въ Старой Сербіи; здѣсь г. Ястребовъ представляетъ весьма интересный разказъ о Кукли-бегѣ, бывшемъ владѣтелѣ почти всей опольской жупы (находящейся къ югу отъ Призрена за горой Цвильеномъ, у сѣверной части Шаръ-планины), подаренной ему султаномъ по завоеваніи Турками Сербскаго царства за отличіе на войнѣ. Кукли-бегъ пришелъ сюда съ своимъ отцемъ изъ Бухары. Начавъ съ описанія живописнаго холма, возвышающагося среди опольской жупы, около села Бродосана, на которомъ стоитъ запустѣлый дворецъ Кукли-бега, авторъ переходитъ къ перечисленію, со словъ послѣдняго члена изъ рода Кукли-бега, Маличъ-бега, живущаго нынѣ въ Призренѣ, потомковъ рода Кукли-бега и разказываетъ объ отношеніяхъ послѣдняго къ подчиненному ему христіанскому населенію опольской жупы; при этомъ приводится сербскій переводъ духовнаго завѣщанія бездѣтнаго Кукли-бега, который „предавалъ все огню и творилъ всякія беззаконія, который за харачъ заковывалъ христіанъ въ оковы и все, что изъ сербскаго народа могъ потурчить, турчить, — бичъ всей призренской области, и чьей звѣрской свирѣпости и безграничной разнузданности не забыли еще и теперь христіане приренскіе; во время его христіанскій народъ, стелая подъ обитымъ острыми гвоздями ярмомъ, долженъ былъ отречься отъ вѣры Христовой, чтобы болѣе не терпѣть скорбей и мученій, на которыя онъ былъ осужденъ, и не подвергаться со стороны этого злодѣя безжалостнымъ притѣсненіямъ; призренскіе мусульмане считаютъ Куклибега святымъ, но христіане убѣждены, что такой человекъ, который запятнанъ невинною христіанскою кровью, проклятъ не только людьми, но и самимъ Богомъ (стр. 110—111).

Третій отдѣлъ „Ополье“ и четвертый „Гора“ составляютъ краткое историко-статистическое описаніе сель двухъ жупъ ¹⁾ Призренскаго округа: Ополя (съ 20 селами, разбросанными у сѣверныхъ развѣтвленій Шаръ-планины) и Горы (съ 27 селами).

¹⁾ Послѣ завоеванія Турками Старой Сербіи, жупы получили названіе *байрак'овъ* (тур. байракъ=знамя), потому что при отправленіи на войну каждая жупа составляла особый баталіонъ и обязана была имѣть каждая свое знамя (стр. 123).

Перечисляя села Опольской жупы и указывая нерѣдко на ихъ этнографическій элементъ прежняго и нынѣшняго времени (нынѣ 4425 мужч. и 4645 женщ.), г. Ястребовъ дѣлаетъ весьма поучительныя для насъ замѣтки объ историческомъ образованіи и движеніи этого составнаго элемента, вѣроисповѣданіи, языкѣ, обычаяхъ и нравахъ жителей. „Извѣстно“, говоритъ онъ, — „что Сербы послѣ паденія Сербскаго царства на Коссовомъ, стали покидать свое отечество, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть турецкаго ига. Но ихъ земли не замедлили занять Албанцы, которые предпочли плодородныя земли своимъ скалистымъ горамъ. Соединившись съ бывшими здѣсь во времена Сербскаго царства своими единоплеменниками, составлявшими тогда особыя колоніи, они стали размножаться, и такимъ образомъ ихъ языкъ самъ по себѣ приобрѣлъ нѣкоторое право гражданства въ этихъ мѣстахъ. Не можетъ быть, чтобы Сербы во времена Сербскаго царства говорили съ Албанцами, Матами, Миридитами и вообще Фандами, Шальями по сербски. Большая часть жителей не знала языка албанскаго; но послѣдній не былъ чуждъ сербскому уху“ (стр. 129). Въ турецкое время албанскій элементъ въ Старой Сербіи еще болѣе усилился и особенно послѣ переселенія въ Австрію Сербскихъ патриарховъ, Арсенія III Черноевича и Арсенія IV Ювановича, которые увлекли за собою много Сербовъ изъ Старой Сербіи; свободныя земли тотчасъ были заняты Албанцами. Но не всѣ Албанцы здѣсь пришлые; много чистыхъ Сербовъ съ принятіемъ мухамеданства обалбанилось, перемѣнивъ свой языкъ, особенно послѣ бѣгства означенныхъ выше патриарховъ.

Здѣшніе Сербы сохраняютъ свою народность и языкъ до тѣхъ поръ, пока не принимаютъ мухамеданства; но послѣ этого они стыдятся говорить на родномъ языкѣ, чтобы ихъ не называли „потурцами“ (потурченными; стр. 133). Изъ всѣхъ жупъ Призренской области только въ одной Горѣ Сербь-мухамедане не забывали еще своего роднаго языка, и то только потому, что женщины у нихъ не имѣютъ сношеній ни съ чистыми Албанцами, ни съ Арнауташами (тамъ же). Впрочемъ, турецкое правительство заставляетъ здѣшнихъ Сербовъ „отдавать дѣвушекъ въ призренскую женскую школу или въ турецкія семейства, чтобы онѣ научились по турецки“. Кромѣ того, мужчины, отправляясь на нѣсколько мѣсяцевъ въ Румелію на заработки или продавать салепъ (теплый, сладкій съ медомъ напитокъ) и брагу, привыкаютъ мало по малу къ турецкому языку, особенно въ послѣднее время, такъ какъ онъ нуженъ для солдатчины, и примѣшиваютъ въ свой языкъ болгарскія выраженія, которыя не мало

способствуютъ его порчѣ. Но при всемъ этомъ Сербы еще и теперь по возвращеніи домой послѣ долгой разлуки съ членами своихъ семействъ весьма рады говорить на своемъ языкѣ, „чтобы насладиться“, какъ они сами говорятъ (стр. 138),—хотя, съ другой стороны, нѣкоторые изъ такихъ по возвращеніи турчили своихъ дѣтей „по убѣжденію“ (стр. 140).

Въ Горѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ не было ни одного мусульманина. Сербы и здѣсь стали принимать мухамеданство послѣ бѣгства Арсенія Іовановича IV; турецкая пропаганда до того времени не имѣла большаго успѣха. Кукли-беги тогда еще не могли насильно обращать христіанъ въ мухамеданство; но они не пускали случая чинить христіанамъ всякаго рода зло, вслѣдствіе чего случалось, что иногда Горанинъ отпадалъ отъ христіанства только изъ-за несправедливаго и пристрастнаго турецкаго суда, у котораго онъ желалъ, будучи правъ, получить защиту отъ хищничества и угнетенія всякаго мусульманина. Судъ охотно рѣшалъ по справедливости въ пользу христіанина, если послѣдній принималъ мухамеданство. Бывали случаи, что христіане принимали мухамеданство только изъ-за того, чтобы получить свое право на судъ съ мусульманиномъ. Но бывали и такіе случаи, когда принимали мухамеданство для того только, чтобы выиграть дѣло на судъ съ „потурченьякомъ“ (принявшимъ мусульманство). Впрочемъ, подобнаго рода случаи, говоритъ г. Ястребовъ,—бываютъ и теперь. Таково было положеніе дѣлъ до уничтоженія Печской сербской патриархіи. До этого времени Горане все-таки имѣли надежду на лучшія времена, не смотря на то, что по деревнямъ не было уже священниковъ, которые убивались Турками, и ими же многія церкви были разрушаемы, у христіанъ вообще даже и мысли не было о принятіи мухамеданства. Но какъ только уничтожена была сербская патриархія въ Печи, центръ ихъ вѣры, гдѣ творились судъ и расправа по старому обычаю, всѣ упали духомъ. И теперь, говоритъ г. Ястребовъ,—когда заведешь рѣчь о Печи, это производитъ особенно подавляющее впечатлѣніе на горанскихъ стариковъ. На мой вопросъ о томъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-нибудь записей или грамотъ стараго времени, гдѣ можно было бы найти какія-нибудь замѣтки о прежней ихъ жизни, когда они были христіане, они, указывая мнѣ на Печь, говорили: „Тамъ найдешь все, что насъ касается, если не унесли съ собою въ Константинополь греческіе деспоты-эфенди, которые съ того времени стали приходиться въ Печь“. Я никогда не забуду, говоритъ далѣе г. Ястребовъ,—печальнаго вида

Горанина изъ Брода, который сказалъ мѣ эти слова, и ту задумчивость, выразившуюся на лицахъ слушателей, которыхъ было довольно со мною, когда я посѣтилъ Бродъ“ (стр. 139—141).

И дѣйствительно, тяжело было положеніе христіанъ въ Старой Сербіи послѣ уничтоженія сербской патриархіи въ Печи и послѣ того, какъ тамошнія митрополитскія мѣста стали занимать греческіе митрополиты, которые не только не старались „сохранить православіе отъ конечной гибели“, но всегда вѣстѣ съ Турками, а иногда и хуже, обирали, угнетали и терзали христіанъ; послѣдніе по дѣлымъ годамъ не видывали у себя священниковъ, такъ что церковныя требы совсѣмъ не исполнялись. Оставалось одно: христіане, чтобы облегчить свое положеніе, принуждены были принять мусульманство. И такъ, не Кукли-беги и имъ подобныя заставили христіанъ принять мухамеданство, а греческое фанаріотское духовенство, заключаетъ г. Ястребовъ (стр. 141—142).

Какъ бы то ни было, въ настоящее время можно различить чистокровнаго Албанца отъ Арнауташа. „Стоитъ спросить Албанца какого бы то ни было села, къ какому фису (роду) онъ принадлежитъ“, говоритъ г. Ястребовъ—„и сейчасъ по отвѣту можно узнать—пришлый ли онъ ¹⁾ или нѣтъ... Тутъ вамъ не нужно знанія албанскаго языка... Если Албанецъ отвѣтитъ, что онъ принадлежитъ къ фису Гаша, Шалы, Кабаша, Миридитовъ, то знайте, что онъ дѣйствительно изъ пришлыхъ. Но если онъ отвѣтитъ, что принадлежитъ къ фису своего села или жупы, къ которому причислено его село, то знайте, что онъ Арнауташъ (обалбаненный Сербъ). Жители Ополья не знаютъ названія своего фиса (стр. 131),—значитъ, они не чистокровные Албанцы. Кромѣ того, чистокровный Албанецъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, очень привязанъ къ своему фису. Напримѣръ, если Арнауташъ убьетъ Албанца, принадлежащаго къ тому или другому фису, то члены фиса, чтобы отмстить кровію, непременно нападутъ на село—родину убійцы, хотя бы оно отстояло на 10 час. (50 верстъ) отъ фиса. Но Опольцы такъ не поступаютъ; они обращаются къ властямъ въ Призренѣ. Между тѣмъ настоящіе Албанцы считаютъ унижительною обращаться ради мести или удовлетворенія къ властямъ; они обращаются къ старѣйшинамъ своего фиса, къ такъ-называемому суду „Плечія“ (стр. 132). Кромѣ того, чистаго Албанца легко можно отличить отъ Арнауташа и по тому, что первый всегда „вѣренъ дан-

¹⁾ То-есть, переселенецъ—Албанецъ.

ному слову и никогда его не измѣнитъ: онъ умѣетъ уважать права другихъ. Арнауташъ, напротивъ, не знаетъ, что такое честь; онъ лжетъ и невѣренъ своему слову. Арнауташъ поддѣляется ко всякому; его отношеніе къ властямъ подло и лицемерно. Албанецъ въ подобныхъ случаяхъ держитъ себя съ достоинствомъ и благородно" (тамъ же). „Арнауташъ мало чѣмъ отличается отъ нынѣшняго Серба, подавленного бѣдствіями; только первый болѣе дерзокъ; но эту дерзость онъ проявляетъ лишь по отношенію къ христіанамъ, на которыхъ надаютъ всѣ бѣдствія и повинности за то, что они остались вѣрными и твердыми въ вѣрѣ. Нужно прибавить здѣсь и то, что Арнауташъ всегда въ большей степени ослѣпленъ фанатизмомъ, чѣмъ пришлый Албанецъ, который гораздо больше ненавидитъ Арнауташа, чѣмъ христіанина" (стр. 133).

Арнауташа можно узнать еще по тому, что онъ, не смотря на то, что—мусульманинъ, сохраняетъ еще нѣкоторые изъ христіанскихъ праздниковъ и обычаевъ, на примѣръ, въ Ополий празднуютъ дни св. Георгія и Дмитрія, и притомъ по календарю восточному, а не латинскому¹⁾, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ день св. Іліи (по тур. Али-гюнъ), св. Николая, канунъ Нового года, Рождества. Между Горанами встрѣчаются еще такія лица, которыя гораздо лучше многихъ христіанъ могутъ сказать, когда начнется Петровскій постъ и когда окончится, когда будетъ пасха въ тотъ или другой годъ или такой-то праздникъ (стр. 127 — 128, 130, 138 — 139). Въ нѣкоторыхъ селахъ еще и теперь устраиваютъ хороводы чисто по сербски и особенно когда бываютъ свадьбы и др. (стр. 128).

Въ статьѣ „О православномъ српскимъ старимъ и новымъ црквама у старој Зети, садашнемъ скадарскомъ округу" (стр. 146—176) г. Ястребовъ представляетъ не мало, по большей части совершенно новыхъ, данныхъ о прежнемъ состояніи въ Старой Зетѣ, нынѣшнемъ Скадрскомъ округѣ, православія, которое все болѣе и болѣе угасаетъ въ неравной и тихой борьбѣ съ католичествомъ и мухамеданствомъ; тутъ же приводится и нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ исторіи политической.

Прежде всего авторъ доказываетъ, на основаніи найденной имъ надписи въ маленькой церкви на одномъ островѣ болотистаго Скадрскаго

¹⁾ Впрочемъ, эти два праздника празднуютъ и сами Турки (стр. 127 — 128).

озера Вешкѣ (Бесѣ, Брезицѣ, между островами Морачникомъ и Старчевомъ) и другихъ данныхъ, что дочь князя Лазаря и супруга Георгія Страцимировича звалась Еленой, а не Марой или Деспой, какъ ошибочно думали прежде (стр. 143—144), а затѣмъ излагаетъ, на основаніи папскихъ буллъ и другихъ документовъ, краткую исторію Ргачскаго монастыря, принадлежавшаго сперва православнымъ, отъ которыхъ его отняли католики, а въ концѣ XV столѣтія разрушили его Турки послѣ взятія отъ Венеціанцевъ Бари; при этомъ сообщаются весьма интересныя данныя объ имущественныхъ отношеніяхъ папской куріи къ этому монастырю (стр. 146—151) ¹⁾.

За этимъ г. Ястребовъ описываетъ церковь св. Сергія на Боянѣ, церковь, въ которой живопись, по его словамъ, чисто сербская (?), но не византийская, какъ и въ Дечанскомъ монастырѣ,—при чемъ исправляетъ ошибку профессора Макушева, смѣшавшаго эту церковь съ церковію св. Сергія и Вакха въ селѣ Поди (Ж. М. Н. Пр. 1867, апрѣль, стр. 157); указываетъ на значеніе мѣста церкви, во время непріязненныхъ отношеній между Сербами и Венеціанцами и во время мирныхъ переговоровъ между тѣми и другими. Приэтомъ авторъ передаетъ, что живы еще лица, которыя разказываютъ, что ихъ православныя матери ходили въ церковь св. Сергія исправлять разные церковныя православныя обряды, пока не присвоили ея католики, которые напрасно стараются доказать, что эта церковь съ самаго начала была католическою; они только сдѣлали нѣкоторыя перемѣны въ ней вполнѣдствіи времени и замѣнили славянскія надписи на иконѣ Богоматери латинскою, что дѣлается католиками довольно часто, особенно тогда, когда имъ нужно доказать, что та или другая церковь принадлежала католикамъ со времени ея основанія (стр. 152—155). Эти доказательства со стороны католиковъ еще довольно сильны; но какія еще бываютъ—можно судить до нѣкоторой степени по спору, возникшему въ 1855 г. между православными и католиками

¹⁾ Изъ папскихъ буллъ видно, что Римская курія считала этотъ монастырь своею собственностію (папа Пій II отъ 1462 г. *Theiner*, p. 462), что Ргачскій монастырь имѣлъ вассаловъ (*vassallos*) и подданныхъ (*subditos*) съ семействами и слугами и находился въ непосредственной власти папы, который отдавалъ его иногда во владѣніе комедаторіямъ съ условіемъ, чтобы послѣдніе находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ и не имѣли бы никакихъ денежныхъ расчетовъ съ архіепископомъ и капитуломъ барскимъ (папа Сикстъ IV; *ib.*, p. 497), и что аббатъ этого монастыря посылалъ ежегодно въ Римъ опредѣленную сумму денегъ (папа Мартинъ V, отъ 1421 г.; *ib.*, p. 358).

изъ-за церкви св. Іоанна Крестителя, такъ-называемаго Рашскаго, въ 2 часахъ разстоянія отъ Скадра (Скутари), въ Ріольской планинѣ, у племени Ріоли, близъ села Враны ¹⁾. Не только письменныя свидѣтельства доказываютъ, что здѣсь не было католиковъ даже въ XIV вѣкѣ ²⁾, но и все мусульманское, бывшее христіанское, населеніе села Коплику, и скадрскіе старики свидѣтельствуютъ, что эта церковь всегда была православною, и что католики стали являться туда лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, именно со времени прихода бывшаго французскаго консула въ Скадрѣ Гіацинта Геккара, который всегда и во всемъ помогалъ католикамъ (стр. 156—159) ³⁾. При этомъ г. Ястребовъ сообщаетъ весьма интересныя и цѣнныя свѣдѣнія о появленіи латинскихъ священниковъ въ нижней Зетѣ или Албаніи.

По словамъ автора, „католическая вѣра стала распространяться въ нижней Зетѣ съ конца XVI в., когда Турки все болѣе или болѣе умножались и усиливались, и когда сталъ чувствоваться совершенный недостатокъ въ православныхъ пастыряхъ, особенно во время бѣгства патріарховъ въ чужую землю съ множествомъ передовыхъ Сербовъ и отборнымъ вѣиromъ. Не было священниковъ, не было людей интеллигентныхъ, ослабѣла всякая надежда на лучшую будущность у оставшагося населенія. Доходило до того, что дѣти оставались не крещеными, мертвые не погребенными. Охотно приняли мухамеданство всѣ тѣ, которые жили въ долинахъ, а горные жители были готовы принять всякаго самозванца-священника, а такихъ было не мало—для увеличенія соблазна. Латинская прапаганда съ епископами *in partibus infidelium* предприняла всѣ мѣры къ тому, что водвориться при стадѣ, оставшемся безъ пастыря. Они всегда при началѣ всякаго дѣла весьма осторожны и терпѣливы и такимъ образомъ дѣйствуютъ, пока не достигнутъ своей цѣли. Чтобы не бросилось въ глаза Тур-

¹⁾ Этотъ споръ вкратцѣ переданъ Геккаромъ въ своей: *Histoire et description de la haute Albanie ou Guégarie*. Paris. 1879 г., стр. 153—154.

²⁾ Маріанъ Болица въ своемъ описаніи путешествія по нижней Зетѣ у Ф. Демормана въ его книгѣ: *Les tures et les monténégrien*. Paris.

³⁾ Г. Ястребовъ разказываетъ, что Геккаръ старался уничтожить даже и слѣды церковныхъ развалинъ, напоминающихъ прежнюю славу Сербскаго царства и сербскаго владычества въ Албаніи, если только ему удавалось вырвать ихъ отъ православныхъ. Такъ онъ сдѣлалъ съ развалинами церкви св. Богородицы въ Призренѣ; онъ подговорилъ Турокъ уничтожить всѣ надписи на ней. Завладевъ съ помощію Турокъ старымъ христіанскимъ кладбищемъ, онъ далъ возможность католикамъ построить здѣсь великолѣпную церковь на мѣстѣ бывшей небольшой православной (стр. 157—158).

камъ появленіе священниковъ изъ Рима, послѣдніе являлись въ качествѣ лѣкарей для жителей горъ, и турецкая совѣсть осталась спокойною. Чтобы водвориться у христіанъ, привывшихъ видѣть своихъ священниковъ съ бородами и длинными волосами, они рѣшились ходить въ такомъ видѣ. Бѣдный народъ! Онъ былъ доволенъ и этими священниками, хотя они были изъ Рима, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не требовали отъ него признанія папы главой церкви. Поэтому и теперь видимъ, что у Миридитовъ обыкновенно причащаются подъ обоими видами; видимъ у нихъ старыя греческія кресты ¹⁾; у нихъ сохранились остатки церквей въ византійскомъ стилѣ съ изображеніемъ святыхъ на стѣнахъ ²⁾. Нужно сказать, что у Миридитовъ такихъ церквей довольно мало; гораздо больше такихъ церквей осталось въ низменныхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе болѣе или менѣе богато и могло украшать свои храмы (стр. 159—160). За этимъ слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній о церкви Пречисты (Пречистой Богородицы), краинской (стр. 162), монастырѣ св. Владиміра недалеко отъ Элбасана, (стр. 162—163) объ общинѣ Мрковичи, занимавшей пространство отъ границъ нынѣшняго и стараго скадрскаго округа до самаго города Бари и раздѣляющей на братства (стр. 165—166 ³⁾), которыя слѣдуетъ сравнить съ болгарскими колибами и ихъ устройствомъ на Балканахъ, особенно съ помакскими, о развалинахъ церкви Масренской (алб. Масрена, нынѣ Посриша (по г. Ястребову: pos gira)—Зидримле; (мас-рек=за рекой) стр. 166—168) ⁴⁾, о Балешѣ, городѣ, бывшемъ у албанскаго племени Риоли, на сѣверовостокъ отъ Скадра, (стр. 168—170), объ остаткахъ церкви у села Златицы, къ востоку отъ Подгорицы на лѣвомъ берегу рѣки Морачи, насупротивъ стараго города Дюклеи; по народному преданію, эта церковь, стоявшая на ровной живописной мѣстности, была посвящена архангелу Михаилу, и была митрополіей ⁵⁾ въ старинныя времена (стр. 185). Въ настоящее время, по даннымъ, собраннымъ г. Ястребовымъ, въ

¹⁾ *Hecquard*, Hist. et descr. de la haute Albanie, p. 220, 226.

²⁾ *Ibid.*, 226.

³⁾ Изъ этихъ братствъ первымъ приняло магометанство братство Никезичей, послѣдовавшее примѣру своего священника, Марка Никезича, принявшаго мусульманство въ день Космы и Демьяна за то, что въ этотъ день храмоваго праздника совершена была литургія безъ него (стр. 166).

⁴⁾ Подробности о Посрипѣ и ея главномъ городѣ см. у *Hecquard*, p. 136—143.

⁵⁾ Только не Зетскою, какъ говорить г. Ястребовъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 171).

скадрскомъ, барскомъ, спичскомъ, подгорицкомъ, спужскомъ дульцинскомъ округахъ или однимъ словомъ, въ нижней Зетѣ, находится 25 церквей, изъ которыхъ двѣ сооружены на добровольныя пожертвованія изъ Росеи, на 5 городовъ и 56 деревень со 2000 домовъ и 10.615 д. обоего пола (стр. 171—176) ¹⁾.

Выше было упомянуто, что г. Ястребовъ приводитъ народное преданіе, по которому въ старинныя времена на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ видны остатки монастырской церкви св. Михаила у Златицы, недалеко отъ древней Діоклеи, была епископія. Въ статьѣ „Епископія зетска“ онъ представляетъ, по моему разумѣнію, довольно удачный опытъ доказать справедливость этого преданія; основываясь на двухъ извѣстіяхъ—одномъ латинскомъ ²⁾, а другомъ сербскомъ ³⁾ и на соображеніи, что старое названіе горы Дрепъ есть нынѣшнее Требачъ ⁴⁾, недалеко отъ остатковъ указанной церкви св. Михаила, г. Ястребовъ категорически утверждаетъ, что „св. Савва между прочими епископіями учредилъ и Зетскую при церкви св. архангела Михаила близъ Дрепа въ Діоклетіи, то-есть, Діоклеи, въ Зетѣ“ (стр. 184) ⁵⁾,

¹⁾ Въ это число не вошли Кучи и Дрекаловичи (1000 домовъ съ 6800 д. на 4 церкви), официально причисленные къ Скадрской епархіи, но надѣявъ они зависятъ отъ Черногоріи во всѣхъ отношеніяхъ; въ это число также не вошло населеніе города Гусинья съ окружными селеніями, не принадлежавшаго въ старыя времена къ нижней Зетѣ; для Гусинья и всего его округа есть всего одна церковь въ селѣ Брезовицѣ, построенная 471 годъ тому назадъ, по преданію, въліиємъ Несторомъ, слугою св. Саввы (стр. 175—176). Гевкаръ почему-то ничего объ этомъ не говоритъ.

²⁾ «In consilio Delminano Dioclea, duae civitas erat serblorum praecipua, non ita longe a Cattaro in orientem distans, constituta est mitropolis ecclesiae serblianae et Scodra urbs olim primaria regni Illyrici et sedes regum Illyriorum, eademque metropolis ecclesiastica totius provinciae Praevalitanae in ordinem civitatum episcoporum redacta est ac novo diocletano mitropolitae subjecta». *Favlati, Illiryc. sac. IV* p. 430.

³⁾ «Проводимъ биваетъ святи (Савва) чрезъ Зету до града Драчкаго, (Днюдуже благословивъ своя, одадеса пути плаванія (им. ошибочно напечатаннаго правленія) и пришедъ во Аонскую гору... «Обшти листъ» *отъ Гласникъ* кн. XXXV, стр. 26. На Тронашскую лѣтопись г. Ястребовъ ссылается, вроятно, по ошибкѣ.

⁴⁾ По г. *Ястребову*, Дрепъ перешло въ Требачъ вслѣдствіе обычнаго у Сербовъ перехода *д* въ *т* и *б* въ *п* (стр. 186). Нынѣ извѣстно племя Трепчи (Trierpi у Албанцевъ или Затричи у Сербовъ) Объ этомъ подробности у *Гевкаръ*, *Nis. et desc. de la haute Albanie...*, p. 170—175.

⁵⁾ Къ литературѣ этого вопроса нужно прибавить и сочиненіе *Божича*, «Черногорія подъ управленіемъ владыкъ», въ *Ж. М. Н. Пр.* 1878 г., ч. 198, стр. 207—272; наше мѣсто на стр. 262—264.

но совсѣмъ не на Превлакѣ въ области Котора (Бокко ди-Катаро) и не на островѣ Враньинѣ, на Скадрскомъ озерѣ, какъ думали до этихъ поръ (стр. 176—183 ¹⁾). Изъ Дюклеи епископія была перенесена въ Крайну къ церкви Пречисты Краинской до разрушенія послѣдней Турками, какъ видно изъ грамоты Георгія Страшимировича отъ 1417 (6925) г. (стр. 187—188) ²⁾ и договора венеціанскаго правительства съ Стефаномъ Черноевичемъ отъ 1455 г. о добровольномъ подчиненіи жителей Зеты Венеціанской республикѣ (стр. 188—189) ³⁾. „Правда“, говоритъ далѣе г. Ястребовъ, — „она (епископія) была нѣкоторое время на островѣ Враньинѣ при церкви св. Николая, прежде чѣмъ ее перенесъ на Цетинье Ив. Черноевичъ, но не была и не могла быть перенесена сюда каѳедрально (стално). Лучше сказать, Враньина была переноснымъ пунктомъ епископіи Зетской при перенесеніи ея на Цетинье“ (стр. 189). Это мнѣніе г. Ястребова, по моему крайнему разумѣнію, требуетъ еще подтвержденія.

„Белешка о имени Црне Горе“ (замѣтка о названіи Черногоріи) написана по поводу утвердившагося въ сербской исторіи мнѣніи, что Черногорія стала такъ называться только со времени управленія оной Черноевичами (1427—1499 гг.), слѣдовательно, получила свое названіе отъ прозванія послѣднихъ. Г. Ястребовъ вполне основательно и убѣдительно доказалъ, что названіе Черногорія—Црнагора существовало какъ въ устахъ народа (ср. албанское названіе этой страны: Мализи (мал=гора+зи=черный, откуда: Мальзезь=Черногорецъ, стр. 208), такъ и въ письменномъ языкѣ, до Ивана Черноевича ⁴⁾, хотя въ послѣднемъ обыкновенно эта окраина извѣстна была подъ названіемъ Зеты, а жители ея—подъ именемъ Зетч(ѣ)анъ (212).

Наконецъ, г. Ястребовъ сообщаетъ „копіи съ восьми грамотъ въ

¹⁾ При этомъ г. Ястребовъ могъ сослаться еще и на *Фарлати* (Шуг. з. т. VIII), который заимствуетъ извѣстіе о 12 сербскихъ епископіяхъ изъ *Лекіена*, а вотъ послѣдній—изъ исторіи іерусалимскихъ патріарховъ Досеоя, гдѣ на стр. 814 сказано: Σίββας ... χειροτονεὶ δὲ καὶ Ἐπισκόπος,.... δεύτερον, εἰς τὴν Διοκλιτείας εἰς Ἐκκλησίαν Μιχαήλ τοῦ Ἀρχαγγέλου. Кроме того, нужно замѣтить, что тутъ идетъ рѣчь только о церкви, а не о монастырѣ, какъ склоненъ думать г. Ястребовъ (ср. 185).

²⁾ Ср. *Дучича*, «Бока и Зета» въ *Гласникъ*, кн. XLII, стр. 168.

³⁾ *Acta ven. arch.* II, p. 454—457.

⁴⁾ *Miclosich*, *Monum. Serb.*, 95 (ср. *Ami Boué*, *La Turquie d'Europe* II, 538. Wilune, 1854, p.153). Въ грамотѣ Стефана Милутина (1274 или 1275—1320 г.) встрѣчается Черна Гора у *Ястребова*, стр. 211, 219. У Венеціанцевъ: *Montenegro* (1435 г.), см. въ *Acta archivi veneti*, II, p.294—2995.

Цетиньи о монастырѣ св. Николая на (островѣ) Враньинѣ“: 1) „Елена Божию помощію кралица сръбска остави село Кринѣце и Ђланик ѿ Крѹшевицу и сто перперъ светомѹ Николи“ (стр. 215—216); 2) „Стефанъ краљ Богомъ поставленни Урош приложи село Орахово и още .р. перперъ отъ светаго Сръѣа“ (стр. 217—219)¹⁾; 3) Гоургъ Страшимировикъ приложи Раке“ (1404 г., стр. 219—220); 4) „Господинъ Балша приложи Карѹче“ (1420 г., стр. 221); 5) „При царе Соултан Соуленмане“ возстановленіе границъ имѣній монастыря и подтвержденіе правъ (1527 г., стр. 221—222); 6) „Господарь Иванъ Черноевикъ“ даетъ село Забес (1469 г.), что подтверждено его сыномъ Скендеромъ (бегъ Ивановикъ въ 1527 г. февраля 5, стр. 222—223); 7) „Силни царь и велік амир султан Мухамедъ“ подтверждаетъ права монастыря на всѣ его имѣнія и свободу монахамъ и людямъ монастырскимъ (безъ года, стр. 223); 8) „Матагѹжи приложиши ѹвич ѿ Зети“ (1468 года ноября 23 дня стр. 224) съ условіемъ „ко годъ би дошаѡ отъ них (матагужей) да има часть ѿ васоко доба како кто отъ нас братие кои слѹжимо светомѹ! монастырѹ. или волом (вм. воѡм) или отъ нѹжде или бисе етиѡ построїи. да ни е волан ни игѹман ни кто отъ братие да рече неѣмо те примит него да ѣсть примѣнѣнъ како брат монастырски. и да имъ е мертигъ васегда кадби ко дошаѡ“.

Эти и другіе также еще нигдѣ не напечатанные грамоты и акты, весьма важныя для исторіи быта, церкви, географіи и языка Сербовъ и вообще южныхъ Славянъ, сохранились въ копіяхъ, собранныхъ въ одну книгу монахомъ означеннаго выше монастыря святаго Николая на островѣ Враньинѣ на Скадрскомъ озерѣ, Гавриломъ въ 7129=1621 г., какъ видно изъ приписки въ концѣ книги. Книга эта хранится въ ризницѣ Цетиньской митрополи, вмѣстѣ съ подлинными грамотами, описанными сербскимъ архимандритомъ Никифоромъ Дучичемъ (въ кн. XXVII Гласника, стр. 186—192). О сборникѣ грамотъ монаха Гавриила г. Ястребовъ говоритъ: „Читая эти копіи, всякій легко можетъ замѣтить, что монахъ Гавриилъ во многихъ мѣстахъ отступилъ отъ текста и правописанія подлинниковъ и потому допустилъ довольно часто перифразы, но отъ этого не пострадала сущность смысла. Не излишне было бы напечатать полными словами, изъ грамотъ тѣ копіи съ хрисовуловъ св. Саввы, которыя Миклошичемъ не прочитаны, а также и копіи съ хрисовуловъ Ивана Черновьяча, отличныхъ отъ тѣхъ, которые напечатаны въ Monumenta Serbica.“

¹⁾ Подлинникъ этой грамоты въ Цетиньи (стр. 217, примѣч. 1).

Слѣдовало бы кому-нибудь взять на себя трудъ пересмотрѣть грамоты въ Цетиньи, и поставивъ ихъ въ надлежащій порядокъ, напечатать изъ нихъ то, что до настоящаго времени не напечатано" (стр. 214).

Таково содержаніе дѣльной, хотя и необъемистой, книги г. Ястребова.

При обзорѣни этого сборника, нельзя не замѣтить, что заключающіяся въ немъ статьи по своему внутреннему составу раздѣляются на два разряда или отдѣла; содержаніе однихъ изъ нихъ составляетъ голый, сырой матеріалъ, приведенный въ порядокъ одною нумераціей; другія представляютъ изъ себя видъ очерковъ или этюдовъ. Соответственно этому слѣдовало распределить и содержаніе книги, но не такъ, какъ распредѣлилъ его г. Ястребовъ. По моему, слѣдовало бы раздѣлить книгу на два отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ можно было бы включить I, II, III, VIII, IX и X статьи, а во второмъ—всѣ остальные. Такой порядокъ представляетъ больше удобствъ при пользованіи книгой для сравненія данныхъ, заключающихся въ статьяхъ перваго отдѣла. При этомъ я не могу умолчать объ одномъ, хотя виѣшнемъ, но большемъ недостаткѣ книги; смотря на ея очень аккуратную виѣшность, просто удивляешься невниманію автора къ типографскимъ ошибкамъ, которыя чуть ли не на каждомъ шагу бросаются читателю въ глаза и дѣлаютъ нѣкоторыя мѣста книги невозможными для пользованія: особенно это замѣтно въ текстахъ подлинниковъ.

Но эти чисто виѣшніе недостатки нисколько не уменьшаютъ внутреннего достоинства книги г. Ястребова. Представляя богатый складъ по большей части совершенно новыхъ свѣдѣній или данныхъ не только по исторіи сербской церкви, но и по исторіи политической, бытовой, литературы и языка, она вноситъ богатый вкладъ не только въ сербскую, но и вообще въ славянскую литературу. Г. Ястребовъ не строгій ученый въ полномъ смыслѣ слова; онъ скорѣе прекрасно подготовленный любитель науки, любитель того научнаго дѣла, за которое онъ взялся; въ этомъ можно убѣдиться по многимъ, правда, мелкимъ, мѣстамъ его книги и самому ея составу; но, по весьма справедливому замѣчанію проф. Вл. Ив. Ламанскаго, еслибы всѣ писавшіе о Балканскомъ полуостровѣ относились къ своему предмету такъ дѣльно и добросовѣстно, какъ г. Ястребовъ, то мы давно прекрасно знали бы Балканскій полуостровъ. И дѣйствительно, только человекъ, такъ основательно знающій языки, прошлую и нынѣшнюю жизнь населенія, среди котораго онъ вращается, а также и мѣст-

ность, какъ г. Ястребовъ, только обладающій такимъ самопожертвованіемъ, какъ онъ, могъ задать себѣ такую нелегкую задачу, какую задалъ себѣ г. Ястребовъ, и выполнить ее такъ, какъ онъ ее выполнилъ. Тѣмъ отрадиѣе встрѣтить эти качества въ русскомъ консулѣ, который ознакомился съ сербскимъ языкомъ не на столько лишь, на сколько послѣдній нуженъ ему для практическихъ цѣлей, но изучилъ его и владѣеть имъ такъ основательно, что можетъ свободно на немъ писать; разбираемая книга, написанная увлекательнымъ, мѣстами, слогомъ на довольно хорошемъ и чистомъ языкѣ Старой Сербіи, доказываетъ, что авторъ ея очень свыкся, какъ приличествуетъ консулу, съ условіями жизни сербскаго общества, и тѣмъ принесъ пользу и ему, живо отзываясь на его нужды и потребности. Въ виду этого г. Ястребовъ совсѣмъ бы не ошибся, если бы издалъ свою книгу и по сербски, и по русски; примѣромъ для него могли бы служить изданія австрійскихъ славянскихъ ученыхъ, которые печатаютъ свои сочиненія и изслѣдованія на своемъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на нѣмецкомъ.

III. Сырву.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ КУРСЪ ГРАММАТИКИ.

I.

Прежде чѣмъ изложить свой планъ преподаванія элементарнаго курса грамматики, считаемъ умѣстнымъ разобрать нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ руководствъ по этому предмету. При разборѣ ихъ выяснятся какъ хорошія, такъ и дурныя стороны господствующаго нынѣ метода преподаванія грамматики и яснѣе опредѣлятся тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ болѣе полезнымъ такое, а не иное расположеніе учебнаго матеріала, тѣ или другія измѣненія въ немъ. Для этой цѣли мы полагаемъ достаточнымъ рассмотретьъ слѣдующія руководства: гг. Бунакова, Пуцковича, Тихомирова. Мы коснемся и недавно изданнаго труда г. К. Петрова, отличающагося нѣкоторыми характерными особенностями.

I.

Краткія грамматическія свѣдѣнія, приложенныя при книжкахъ г. Бунакова (подъ названіемъ: „Въ школѣ и дома“) начинаются съ опредѣленія понятія о предложеніи, при чемъ кстати говорится о раздѣленіи предложеній точками и запятыми. Отъ предложенія дѣлается переходъ къ словамъ, слогамъ и звукамъ. Далѣе слѣдуетъ объ удареніи, о случаяхъ несоотвѣтствія буквъ и звуковъ между собою (произношеніе о какъ а, б какъ п и т. п., произношеніе аго какъ ава, тся какъ ца, употребленіи и и і, о правописаніи буквы ѣ). Вообще сообщается то, что вполне доступно для начинающихъ грамматику и часть сскп, отд. 3.

можетъ быть полезно для правильнаго письма. Мы только считаемъ напраснымъ начинать элементарный курсъ грамматики съ выясненія понятія о предложеніи. У г. Бунакова, въ дальнѣйшемъ изложеніи курса, понятію о частяхъ рѣчи предшествуетъ краткій синтаксисъ простаго предложенія. Такое расположеніе матеріала замѣчается у многихъ теперешнихъ издателей учебниковъ. Мы считаемъ такой порядокъ курса не педагогичнымъ и основаннымъ на недоразумѣніи. Мы полагаемъ, что полезнѣе было бы начинать курсъ прямо съ этимологии. Такой взглядъ мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Понятія о предложеніи и его частяхъ трудны для дѣтей по крайней ихъ отвлеченности и ненаглядности.

Дѣтскій умъ, склонный къ наглядному, чуждается логическихъ категорій, лежащихъ въ основаніи дѣленія рѣчи на предложенія, а предложенія—на его части. Дѣти усваиваютъ эти понятія чисто внѣшнимъ образомъ. Самый учебный матеріалъ, который представляетъ эта часть синтаксиса, не имѣетъ ни ясности, ни опредѣленности. Г. Бунаковъ, какъ и прочіе составители грамматикъ, опредѣляетъ подлежащее и сказуемое такъ: „Подлежащее показываетъ, о чемъ въ предложеніи говорится“.... „Сказуемое показываетъ, что въ предложеніи говорится“. Далѣе прибавлено, что подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ: „кто? что“? (слѣдовательно, то о чемъ въ предложеніи говорится: такъ по крайней мѣрѣ заключить ученикъ) Предложеніе: „мы видѣли въ звѣринцѣ крокодила (логическое удареніе на словѣ „крокодилъ“) „всякій неиспорченный грамматическими неточностями ученикъ разберетъ такъ: „въ этомъ предложеніи говорится о крокодилѣ, именно говорится, что мы его видѣли въ звѣринцѣ“.

Говоря о дополненіи и обстоятельствѣ термину „сказуемое“ приходится давать не тотъ смыслъ, который придаетъ ему г. Бунаковъ въ приведенномъ нами опредѣленіи; придется разъяснять разницу между грамматическимъ и логическимъ сказуемымъ, а для этого ученикъ долженъ имѣть свѣдѣнія изъ этимологии, такъ какъ грамматическое сказуемое выдѣляется изъ логическаго своею особенною грамматическою связью съ подлежащимъ, выражающеюся во взаимномъ согласованіи ихъ этимологическихъ формъ.

Такимъ образомъ съ самаго начала дѣти получаютъ неясныя и сбивчивыя понятія о частяхъ предложенія. Сколько нибудь рациональное преподаваніе синтаксиса немислимо безъ предварительнаго курса этимологии: синтаксисъ рассматриваетъ законы сопоставленія

этимологическихъ формъ въ рѣчи, поэтому знакомство съ этимологическими формами необходимо должно предшествовать синтаксису. При томъ, этимологія представляетъ матеріалъ болѣе наглядный, простой. Раздѣленіе на части рѣчи гораздо нагляднѣе частей предложенья; каждая часть рѣчи имѣетъ свои внѣшнія отличія: существительное почти всегда имѣетъ одинъ только родъ, извѣстныя флексіи и суффиксы; глаголы по формѣ рѣзко отличаются отъ другихъ частей рѣчи. Не то въ синтаксисѣ: тамъ одна и та же форма можетъ быть и подлежащимъ, и опредѣленіемъ, эпитетомъ, дополненіемъ, обстоятельствомъ, можетъ быть частью разбираемаго предложенья или принадлежать къ другому. Этимологія имѣетъ дѣло съ постоянными свойствами словъ, синтаксисъ—случайными: напримѣръ, слово столъ всегда существительное, всегда именит. или винит. падежъ, всегда мужескаго рода, но въ предложеньи оно можетъ быть и подлежащимъ, и сказуемымъ, и приложеніемъ, и дополненіемъ, и частью обстоятельства. Для правописанія знаніе этимологіи имѣетъ болѣе важности, чѣмъ знаки синтаксиса (для изучающаго свой родной языкъ): синтаксическія правила соблюдаются болѣе въ силу практики, чѣмъ сознательно; легче ошибиться въ окончаніи падежа, въ суффиксѣ, въ употребленіи буквы ѣ, чѣмъ поставить сказуемое во множественномъ числѣ когда подлежащее въ единственномъ, и т. п. Вѣрная постановка знаковъ препинанія въ значительной степени—дѣло умственнаго развитія, пониманія связи мыслей.

Обыкновеніе начинать курсъ элементарной грамматики съ анализа предложенья установилось сравнительно недавно: прежде, когда методикѣ учебныхъ предметовъ придавали мало значенія, грамматика проходила въ научномъ порядкѣ: начинали съ членораздѣльныхъ звуковъ и буквъ, переходили къ частямъ рѣчи, а потомъ и къ предложеньямъ. Когда стали обращать болѣе вниманія на осмысленность преподаванія вообще и грамматику стали преподавать разумнѣе и практичнѣе, то грамматическія объясненія сопровождаются разнообразными упражненіями, имѣющими въ виду или подготовить къ пониманію грамматики, или закрѣпить уже сообщенныя свѣдѣнія, или примѣнить ихъ къ правописанію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ неправильное приложеніе къ преподаванію грамматики вѣрныхъ самихъ по себѣ педагогическихъ началъ внесло въ преподаваніе излишнія усложненія и неточности. Одинъ изъ хорошихъ методовъ сообщенія знаній—это анализъ конкретнаго предмета. Напримѣръ, преподавать элементарную

ботанику, начиная съ разсмотрѣнія цѣлаго растенія и кончая микро-скопическимъ анализомъ тканей будетъ рациональнымъ дѣломъ.

Преподаватели грамматики старались усвоить подобный же методъ, стали раздѣлять рѣчь сначала на предложенія, предложенія на ихъ синтаксическія части, затѣмъ уже переходить къ частямъ рѣчи. Если бы предложенія и ихъ части были такъ же наглядны, какъ растенія и части растеній, то такой методъ былъ бы умѣстенъ. На дѣлѣ предложенія и его части суть логическія категоріи, приложенныя къ даннымъ этимологическимъ формамъ. Для дѣтей въ языкѣ наглядны только формы отдѣльныхъ словъ, флексіи, суффиксы, и съ нихъ-то и надо начинать элементарную грамматику. Сознательное понятіе о составѣ предложенія, а также (какъ мы укажемъ ниже) о логическихъ отличіяхъ частей рѣчи не можетъ быть дано въ элементарномъ курсѣ: да въ этомъ и нѣтъ надобности. Система хорошо подобранныхъ практическихъ упражненій, сообщеніе доступныхъ свѣдѣній изъ грамматики, надлежащимъ образомъ веденное, дастъ въ результатѣ то, что ученики будутъ писать достаточно правильно и въ то же время созрѣютъ для усвоенія грамматическихъ отвлеченностей, если онѣ нужны. Есть еще причина, почему стали начинать элементарную грамматику съ синтаксиса, а не съ этимологіи.

Обыкновенно, для дѣтей слова и ихъ формы бываютъ понятнѣе тогда, когда они являются въ связи съ другими словами въ предложеніи; на этомъ основаніи сообщеніе этихъ формъ должно начинаться и сопровождаться примѣрами, представляющими вполне понятныя для дѣтей фразы. Но понимать и живо представлять содержаніе предложенія вовсе не значитъ понимать самое предложеніе, какъ нѣкоторую форму мышленія, не значитъ быть способнымъ понять логическій и синтаксическій составъ его. Если мы спросимъ пятилѣтняго ребенка, что значитъ слово: „садику“, онъ вѣроятно, будетъ въ затрудненіи; если же мы скажемъ ему: твоему садику недостаетъ цвѣтовъ, то значеніе слова „садику“ для него уяснится. Но изъ этого факта, конечно, вовсе не слѣдуетъ, что этотъ пятилѣтній ребенокъ легко пойметъ, что „садику“—дополненіе, а „недостаетъ“ сказуемое. Гг. педагоги впали именно въ подобнаго рода заблужденіе.

Возвратимся къ руководству г. Бунакова.

За анализомъ предложенія слѣдуетъ разъясненіе категорій частей рѣчи. Предварительно выясняются понятія о предметѣ и признакѣ. По опредѣленію автора, „предметъ—все, о чемъ можно думать и говорить“, а признакъ опредѣляется такъ: „все, по чему можно признать

предметъ, отличить его отъ другихъ предметовъ, называется признакомъ предмета“. Такъ какъ можно думать и говорить обо всемъ, то опредѣленіе предмета можно сократить такъ: предметъ—есть все.

Разумѣется, г. Бунаковъ самъ понимаетъ странность опредѣленія, которое онъ предлагаетъ дѣтямъ, но, вѣроятно, полагаетъ, и совершенно справедливо, что болѣе точнаго опредѣленія дать нельзя. Въ такомъ случаѣ, лучше было бы вовсе не занимать дѣтей логическими тонкостями, имъ не нужными. Опредѣленіе понятія о признакѣ также не годится для дѣтей: признакомъ могутъ быть предметы. Напримѣръ, деревья—предметы, и въ то же время признаки лѣса; какъ вы вразумите дѣтей, что деревья признаки относительно лѣса и предметы сами по себѣ? Составители элементарныхъ руководствъ по грамматикѣ считаютъ нужнымъ выяснять эти вещи для того, чтобы имѣть основанія для различенія частей рѣчи. Но вѣдь гораздо проще и точнѣе различать части рѣчи не по ихъ значенію, а по этимологическимъ формамъ: существительное—это такое слово, которое имѣетъ такія-то окончанія, такъ-то склоняется, отвѣчаетъ на такіе-то вопросы, глаголь—спрягаемая часть рѣчи, и т. п. Различать же части рѣчи по ихъ значенію въ началѣ курса, прежде знакомства съ собственными имъ флексіями и другими этимологическими свойствами, значитъ говорить о логическомъ значеніи того, что еще неизвѣстно дѣтямъ.

Вообще говоря, излишнее стремленіе разяснять дѣтямъ недоступныя имъ понятія вредитъ не только тѣмъ, что напрасно отнимаетъ трудъ и время, но приноситъ другой, можетъ быть, еще болѣе вредъ—затемняетъ ихъ природный здравый смыслъ, пріучаетъ довольствоваться поверхностнымъ и неяснымъ пониманіемъ, принимать простые слова за дѣло. Напримѣръ, можно ли давать дѣтямъ подобныя объясненія, какъ дѣлаетъ это г. Бунаковъ: „слово трудъ—названіе предмета, о которомъ мы будемъ думать и говорить; но этотъ предметъ нельзя назвать одушевленнымъ, нельзя назвать и неодушевленнымъ: это предметъ отвлеченный“. Къ чему служить это опредѣленіе, что дѣти въ немъ поймутъ? Какъ бы учитель ни старался довести дѣтей до пониманія слова: „отвлеченный“, они все-таки не постигнутъ, въ чемъ дѣло. Они будутъ смѣшивать въ одинъ разрядъ отвлеченныхъ предметовъ: трудъ, радость, звукъ, запахъ, даже воздухъ, такъ какъ „его нельзя видѣть“. Сообщеніе непонятныхъ дѣтямъ выраженій можетъ оправдываться какими-нибудь практическими цѣ-

лями. Неизвѣстно, однако, зачѣмъ ученикамъ терминъ: „отвлеченный предметъ“.

Опредѣленіе понятія о предметѣ, сдѣланное г. Бунаковымъ („предметъ есть все, о чемъ можно думать или говорить“), имѣетъ еще то неудобство, что, благодаря ему, дѣти стануть смѣшивать предметъ съ подлежащимъ. Вообще, при параллельномъ сообщеніи свѣдѣній изъ этимологій и синтаксиса, ученики смѣшиваютъ существительное съ подлежащимъ, опредѣленіе съ прилагательнымъ, словомъ, не могутъ взять въ толкъ различій между этими понятіями.

Послѣ понятій о предметѣ и признакѣ слѣдуетъ опредѣленіе имени существительнаго, какъ названія предмета, раздѣленіе существительныхъ на нарицательныя и собственные, и по родамъ и числамъ.

Раздѣленіе именъ на нарицательныя и собственные можетъ быть довольно легко объяснено путемъ сопоставленія собственныхъ именъ съ соответствующими имъ нарицательными: С.-Петербургъ—городъ, Нева—рѣка, Россія—государство, и т. п. Роды именъ, разумѣется, объясняются очень просто, также какъ числа.

Далѣе говорится о началѣ еуществительныхъ, то-есть именительномъ падежѣ. Это представляется намъ преждевременнымъ. Дѣти поймутъ сколько нибудь терминъ „именительный падежъ“ только послѣ сопоставленія именительнаго падежа съ другими, то-есть послѣ того, какъ просклоняютъ нѣсколько существительныхъ разныхъ родовъ и омонимій; путемъ обобщенія само собой образуется понятіе о шести падежахъ. Послѣ свѣдѣній о существительныхъ, слѣдуетъ разъясненіе понятій о дѣйствіи, состояніи и качествѣ, съ цѣлью послѣ дать опредѣленія глаголовъ и прилагательныхъ. Разумѣется, слово „дѣйствіе“, въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придается этому слову въ грамматикѣ, не можетъ быть понято учениками, также какъ и слово: „состояніе“. Любите, уважать—дѣйствіе или состояніе? Быть любимымъ, быть уважаемымъ—дѣйствіе или состояніе? Конечно, дѣти не поймутъ ничего въ этой схоластикѣ.

На приведенный у г. Бунакова вопросъ: „въ какомъ состояніи можетъ находиться доска? ученики могутъ сказать: „доска можетъ быть старая, разбитая“. Какъ имъ объяснить, что старая будетъ качество, а не состояніе, а разбитая—состояніе? Вѣдь оба слова отвѣчаютъ на вопросъ качества (какая) и въ то же время означаютъ состояніе доски. Подобныя затрудненія всегда будутъ, если группировать слова не по ихъ этимологическимъ формамъ, а по значенію,

постоянно измѣняющемуся и не поддающемуся яснымъ и опредѣленнымъ подраздѣленіямъ.

Глаголь опредѣляется г. Бунаковымъ такъ: „слово, съ значеніемъ дѣйствія или состоянія—глаголь“. Не говоря уже о недоступности понятій дѣйствія и состоянія, это опредѣленіе ведетъ къ недоразумѣніямъ; нѣкоторые отвлеченныя существительныя также подходятъ подъ это опредѣленіе. Напрасно также дается терминъ: „начало глагола“, ничего не означающій, пока ученики не ознакомились съ спряженіемъ.

Далѣе слѣдуютъ опредѣленія прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и указываются самыя главныя этимологическія отличія ихъ. Не лучше ли было бы прежде ознакомить учащихся съ этимологическими формами, свойственными каждой части, на простыхъ примѣрахъ и потомъ уже группировать слова по частямъ рѣчи. Полезнѣе приурочить слово къ извѣстной части рѣчи безъ всякихъ объясненій, чѣмъ давать неточныя и сбивчивыя объясненія, вредныя для умственнаго развитія и ненужныя для практическихъ цѣлей.

Лучшую часть „грамматическихъ упражненій“ г. Бунакова представляютъ приложения къ четвертому кругу его книги „Въ школѣ и дома“. Сначала приводятся склоненія въ простыхъ примѣрахъ и затѣмъ слѣдуютъ таблицы. Обращено особенное вниманіе на правописаніе; приводимыя правила просты, кратки и потому практичны.

Множество примѣровъ объясняютъ употребленіе предлоговъ (слитно и отдѣльно) и буквы ѣ.

Труды г. Пуцковича по методикѣ роднаго языка отличаются обиліемъ хорошо подобраннаго матеріала для практическихъ упражненій. Въ „Практической русской грамматикѣ“ заключается 300 упражненій, изъ которыхъ большая часть можетъ служить для самостоятельныхъ занятій учениковъ. По нашему мнѣнію, продѣлавшій всѣ эти упражненія получаетъ достаточный навыкъ въ правильномъ письмѣ и готовится къ систематическому курсу русской грамматики. Однако, въ книжкѣ г. Пуцковича есть недостатки, сходные съ указанными нами у г. Бунакова, но еще въ большей степени.

Курсъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Кругъ первый: а) простое и слитное предложеніе, б) измѣненіе звуковъ въ словахъ, буква ѣ на концѣ и въ серединѣ словъ, слитнословныя слова. Кругъ второй: а) сложное и безличное предложеніе, б) части рѣчи, ихъ измѣненіе и правописаніе“. Понятія о предложеніи, подлежащемъ и связуемомъ и пояснительныхъ словахъ дается раньше такого элемен-

тарнаго свѣдѣнія какъ то, что буква о, если не имѣетъ ударенія, выговаривается въ словахъ, какъ а.

Прежде понятія о спряженіи глагола говорится, напримѣръ, слѣдующее: „а) если въ предложеніяхъ, которыя стоятъ рядомъ, выражены сходныя мысли, то предложенія эти соединяются между собою и—да“; „б) коль скоро предложенія соединены между собою, то они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть раздѣлены точками. Между ними въ такомъ случаѣ ставится самый маленькій знакъ препинанія—запятая“ (это сообщается на 8 урокъ второго круга, а спряженіе дается только на 27 урокъ). Вообще, тотъ же нынѣшній педагогическій предразсудокъ—мѣшать вмѣстѣ этимологию съ синтаксисомъ и ставить синтаксисъ впереди этимологии—повліялъ неблагоприятно на трудъ г. Пуцковича. Другой указанный уже нами недостатокъ нынѣшняго преподаванія, это—стремленіе выяснять то, что или вовсе не нужно объяснять, или что, съ гораздо большею пользою, можетъ быть объяснено позже.

Авторъ „Практической русской грамматики“ не чуждъ и этого недостатка. Онъ счелъ нужнымъ начать курсъ съ опредѣленія понятія о предметѣ. Предметъ опредѣляется такъ: „все, о чемъ мы можемъ только думать, называется предметомъ“. Я могу думать о томъ, что здѣсь холодно, что лѣниться дурно, что ты гуляешь въ саду; по опредѣленію г. Пуцковича выходитъ, что „здѣсь холодно“, „лѣниться дурно“ и проч.—будутъ предметы. Однако, въ примѣрахъ, приведенныхъ послѣ этого опредѣленія, находятся одни только существительныя, слѣдовательно, авторъ думаетъ, что мы можемъ думать только о томъ, что выражается именемъ существительнымъ. Если бы это было такъ, то не существовало бы самой грамматики, имѣющей своимъ предметомъ всевозможныя слова и ихъ измѣненія. Лучше было бы прямо говорить о словахъ, означающихъ предметы—именахъ существительныхъ—не вдаваясь въ отвлеченныя опредѣленія, которыя могутъ быть полезны и интересны для взрослыхъ, а для 10—11 лѣтнихъ дѣтей—пустыя, скучныя слова. За опредѣленіемъ предмета слѣдуетъ раздѣленіе предметовъ на чувственные, духовные и умственные. Къ умственнымъ предметамъ причисляются тѣ, „о которыхъ мы хотя и говоримъ, но ихъ нѣтъ нигдѣ отдѣльно; сами по себѣ они не существуютъ“. Къ какому разряду причислить запахъ, цвѣтъ, величину, твердость, холодъ, жаръ, которыхъ „нигдѣ нѣтъ отдѣльно“ и которые поэтому подходятъ подъ, разрядъ „умственныхъ“ предметовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, „чувственные“ предметы, такъ

какъ постигаются непосредственно помощію ви́шнихъ чувствъ. Лѣ-
ность, прилежаніе, веселость—можно видѣть и слышать; какъ объяснить
дѣтямъ, что это предметы не „чувственные“, а „умственные“? Да и для
чего нужно учителю и ученикамъ утруждать себя этими схоласти-
ческими подраздѣленіями, не выдерживающими самой легкой кри-
тики? Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду подготовить дѣтей къ по-
ниманію слѣдующаго свѣдѣнія, сообщаемаго на 2-мъ урокъ: „когда
мы говоримъ что-либо, то всегда говоримъ о какомъ нибудь предметѣ:
каковъ этотъ предметъ, что онъ такое, что онъ дѣлаетъ или что съ
нимъ дѣлается“. Для этой цѣли вовсе нѣтъ надобности ни въ опре-
дѣленіи понятія о предметѣ, ни въ подраздѣленіяхъ предметовъ: до-
статочно того, чтобъ дѣти понимали слово предметъ въ связи съ цѣ-
лою фразою, а этого легко достигнуть двумя—тремя примѣрами. Пони-
маніе идеи предмета можетъ быть достигнуто мало по малу путемъ
знакомства съ свойствами существительныхъ и сравненіемъ ихъ съ
другими частями рѣчи.

Въ урокахъ 8, 9, 11 и 12-мъ авторъ излагаетъ правила, по нашему
мнѣнію, довольно странныя. Въ 8-мъ урокъ читаемъ слѣдующее пра-
вило: „если въ какомъ-нибудь предложеніи одно слово отвѣчаетъ на
вопросъ кто, а другое на вопросъ что, то первое—предметъ рѣчи,
а второе—объяснительное слово“. Кромѣ неточности, это правило от-
личается и бесполезностью. Оно, съ одной стороны, не помогаетъ по-
ниманію логической стороны предложенія, давая чисто ви́шній приемъ
для различія „предмета рѣчи“ отъ „объяснительнаго слова“; съ дру-
гой стороны, это правило не даетъ понятія о грамматическомъ строѣ
предложенія, такъ какъ обходитъ различіе падежей подлежащаго и
дополненія. Въ 9-мъ урокъ сообщается слѣдующее правило: „иногда
въ предложеніи и предметъ рѣчи и объяснительное слово отвѣчаютъ
на одинъ и тотъ же вопросъ: „что—что“.

„Въ такихъ же случаяхъ предметъ рѣчи узнается при помощи
сказуемаго: о чемъ говоритъ сказуемое—то и предметъ рѣчи“.

Не говоря уже о сложности этого правила, дѣлающей его мало
пригоднымъ для примѣненія, оно не даетъ ученику пониманія ни грам-
матической, ни логической связи словъ; напротивъ, оно пріучаетъ
обходиться безъ такого пониманія, давая чисто эмпирической приемъ
для отысканія частей предложенія.

Въ 11-мъ и 12-мъ урокахъ есть правило, также отличающееся
сложностью и потому непрактичное: „если въ предложеніи какое-ни-
будь слово отвѣчаетъ на вопросъ: кому, чему, на комъ, на чемъ, при

комъ, при чемъ, въ комъ, съ чемъ, о комъ, о чемъ, гдѣ, и на концѣ этого слова слышится звукъ *e*, то въ письмѣ звукъ этотъ изображается черезъ *ѣ*“.

Указанныя нами эмпирическія правила съ пользой можно было бы замѣнить слѣдующими. вмѣсто странныхъ и длинныхъ правилъ можно дать одно такое: „подлежащее стоитъ въ именительномъ падежѣ“. вмѣсто приведенныхъ правилъ изъ 11 и 12 уроковъ: „въ предложномъ и дательномъ падежахъ звукъ *e* пишется черезъ *ь*. Но для того, чтобъ это правило было понятно ученикамъ, они должны имѣть понятіе о склоненіяхъ, съ которыхъ и можно начинать элементарный курсъ грамматики. Ученіе о флексіяхъ, по своей легкости и наглядности, можетъ стоять въ началѣ курса, непосредственно послѣ свѣдѣній о звукахъ и буквахъ; между тѣмъ эта часть грамматики въ руководствахъ г. Пуцыковича и въ другихъ подобныхъ руководствахъ излагается въ концѣ.

Желаніе давать элементарныя опредѣленія такимъ грамматическимъ понятіямъ, которыя не могутъ быть предметами элементарнаго курса, доводитъ автора разбираемаго руководства до крайне странныхъ опредѣленій. Въ 13-мъ урокѣ, корень словъ опредѣляется такъ: „корнемъ словъ называется нѣсколько одинаковыхъ и въ одинаковомъ порядкѣ расположенныхъ буквъ“. Подъ это опредѣленіе подходятъ и суффиксы, и приставки. Притомъ это опредѣленіе не только недостаточно, но и неточно, такъ какъ корень подвергается извѣстнымъ измѣненіямъ по требованіямъ фонетики. Если бы авторъ ограничился одними практическими упражненіями, имѣющими въ виду ознакомить съ корнями словъ и правописаніемъ этихъ корней, то это было бы гораздо лучше, чѣмъ давать подобныя опредѣленія. Встрѣчаются у г. Пуцыковича и совсѣмъ невѣрныя правила, въ родѣ, напримѣръ, такого: „буква *ж* и *ч* въ словахъ часто измѣняется въ *ш* (?) или: „если *a* стоитъ послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, и не имѣетъ ударенія, то въ произношеніи оно слышится какъ *e*“.

Переходимъ къ разсмотрѣнію книги г. Тихомирова.

„Элементарный курсъ грамматики“ г. Тихомирова состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ авторъ счелъ нужнымъ дать понятія о предметѣ, качествѣ и дѣйствіи предмета.

Далѣе говорится о словѣ и слогѣ, звукахъ и буквахъ, корнѣ, окончаніи и приставкѣ и сообщаются правила относительно *и*, *и*, *e*, *ь*, *э* и буквъ, произносимыхъ неясно. Авторъ избѣгаетъ опредѣленій и старается выяснить понятія о предметѣ, качествѣ и дѣйствіи при-

мѣрами. Встрѣчаются и ненужныя объясненія, въ родѣ, на примѣръ, такихъ: „предметы и ихъ части мы обозначаемъ словами, всякая рѣчь состоитъ изъ словъ.“

Затѣмъ идетъ рѣчь о подлежащемъ, сказуемомъ, предложеніи, пояснительныхъ словахъ, указывается раздѣленіе существительныхъ на собственныя и нарицательныя, говорится о роли существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ въ предложеніи (раньше склоненій сущ. и прилаг. и спряженій глаголовъ). Правописаніе 2-го лица ед. числа глаголовъ и дат. и предл. падежей черезъ букву ъ объясняется такъ: „если существ. отвѣчаетъ на вопросы: кому? чему?, тогда звукъ е въ окончаніи обозначается буквою ъ...“ ...„Если глаголь отвѣчаетъ на вопросъ: что дѣлаешь? (подлежащимъ бываетъ въ этомъ случаѣ слово ты), тогда въ окончаніи послѣ ш пишется ъ.“ Эти правила можно было бы замѣнить гораздо болѣе простыми и краткими, еслибы склоненія и спряженія проходились въ началѣ курса. Авторъ помѣстилъ ихъ послѣ такихъ сравнительно трудныхъ частей грамматики, какъ опредѣленіе союзовъ по ихъ роли въ предложеніи. Вообще говоря, курсъ г. Тихомирова, исключая немногаго, довольно правиленъ; только склоненія и спряженія слѣдовало бы помѣстить не въ концѣ, а въ началѣ курса, тотчасъ послѣ первыхъ понятій о существительныхъ, прилагательныхъ и глаголахъ.

Книжка г. Тихомирова, превосходя трудъ г. Пудыковича въ формулированіи правилъ и опредѣленій, а также болѣе рациональнымъ порядкомъ изложенія, уступаетъ ему въ количествѣ практическихъ упражненій.

Мы считаемъ не лишнимъ также упомянуть о недавно изданномъ „Опытѣ практическаго учебника русской грамматики, изложеннаго по новому плану“; въ этой книгѣ указанное нами заблужденіе относительно расположенія курса грамматики достигло наибольшаго развитія.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ такой взглядъ: „преподаваніе роднаго языка тогда только пойдетъ успѣшно, когда мы на первыхъ порахъ, въ первый же годъ систематическаго обученія грамматикѣ, остановимся дольше на синтаксисѣ“ (стр. 2). Такое мнѣніе авторъ старается подкрѣпить довольно неубѣдительными доводами.

„По нашему мнѣнію (стр. 2), надобно какъ можно ранѣе приучать дѣтей къ сознанію, что каждое слово въ предложеніи употребляется для известной цѣли. Тогда только они приучатся толково читать и производить измѣненія голосомъ, выражая какъ грамматическія, такъ и логическія ударенія. Съ синтаксической стороны грамматики тѣсно

связано и употребленіе знаковъ препинанія. Чѣмъ раньше познакомится съ нимъ ученикъ, тѣмъ легче пойдутъ объяснительное чтеніе (?) и разныя письменныя упражненія; тѣмъ легче, наконецъ, навсегда утвердятся въ ихъ памяти правила ихъ употребленія.“ На замѣчаніе автора, что „съ синтаксической стороны грамматики связано и употребленіе знаковъ препинанія“ можно возразить, что съ этимологической стороны грамматики связано правописаніе словъ, знаніе котораго, разумѣется, гораздо нужнѣе для начинающихъ, чѣмъ синтаксическія правила знаковъ. Притомъ, какъ мы уже выше замѣтили, постановка знаковъ много зависитъ отъ пониманія рѣчи, а не наоборотъ, какъ полагаетъ г. Петровъ.

Что желалъ сказать авторъ слѣдующею фразой, которою онъ думалъ оправдать свое нововведеніе: „дѣтей надо приучать къ сознанію, что каждое слово въ предложеніи употребляется для извѣстной цѣли.“ Если авторъ говоритъ о сознательномъ отношеніи дѣтей къ рѣчи, о пониманіи смысла каждаго слова въ фразѣ и о взаимной логической связи словъ, то тутъ синтаксисъ не нуженъ; въ этомъ дѣлѣ гораздо больше имѣютъ значенія объяснительное чтеніе, различныя письменныя упражненія и вообще забота объ умственномъ развитіи. Изъ разсмотрѣнія руководства г. Петрова видно, что онъ слишкомъ увлекся желаніемъ внести что-нибудь новое въ преподаваніе грамматики и вслѣдствіе этого пришелъ къ несообразностямъ. Понятія о склоненіи именъ и спряженіи глаголовъ авторъ считаетъ менѣе элементарными, чѣмъ такія объясненія (стр. 58): „Предложеніе, не составляющее части другаго, называется самостоятельнымъ или независимымъ“.

„Сложнымъ изъ независимымъ называется такое предложеніе, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ предложеній, служащихъ къ развитію одной какой-нибудь мысли“.

„Если независимыя предложенія значительно распространены, то отдѣляются другъ отъ друга точкою съ запятой (;); если мало — то запятой. При этомъ также обращается вниманіе на связь по смыслу между предложеніями; находятся ли они въ близкой связи между собою, или эта связь болѣе или менѣе отдаленная; въ первомъ случаѣ ставится запятая, во второмъ же — точка съ запятой и даже точка.“

Подобныя свѣдѣнія, изложенныя при томъ языкѣ, непонятнымъ для начинающихъ учиться грамматикѣ, по мнѣнію г. К. Петрова, должно сообщать дѣтямъ прежде, чѣмъ они получаютъ понятіе о собственныхъ именахъ, употребленіи буквы і и другихъ элементарнѣйшихъ свѣдѣніяхъ. Увлеченіе новшествами и педагогическая затѣйли-

вость едва-ли могутъ идти дальше. Мы убѣждены, что самъ авторъ не преподаеть по тому „новому способу“, который онъ рекомендуетъ въ своемъ учебникѣ.

Подробности этого оригинальнаго руководства стоятъ на уровнѣ основной мысли автора. Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

1) Опредѣленіе дополненія (стр. 9):

„Дополненіемъ называется такая второстепенная часть предложенія, которая относится къ дѣйствию и дѣлаетъ его яснѣе, полнѣе и какъ бы (?) понятнѣе.“

2) Выводъ изъ примѣровъ на обстоятельство мѣста (стр. 10):

„Каждое дѣйствіе совершается въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ, для извѣстной цѣли, отъ извѣстной причины и извѣстнымъ образомъ“.

„Слова, которыя выражаютъ, при какихъ условіяхъ совершается дѣйствіе, называются обстоятельствами“.

3) Выводы изъ примѣровъ на имена прилагательныя, числительныя, причастія и мѣстоименія:

„Чтобы отличить подобные предметы другъ отъ друга, мы выражаемъ (?) различные признаки. Эти признаки передаются нами извѣстными словами, обозначающими свойство предмета, его принадлежность, порядокъ, число и отношеніе его къ дѣйствию или къ другому предмету“.

„Слово, выражающее качество безъ отношенія его къ другому предмету, или по отношенію къ нему, называется именемъ прилагательнымъ“ (!).

„Слово, выражающее качество по отношенію къ дѣйствию, называется причастіемъ“ (!)...

„Мѣстоименіе есть такое слово, которое служитъ для опредѣленія предмета и въ то же время употребляется вмѣсто имени, отчего и получило свое названіе.“

Въ такомъ родѣ излагается весь первоначальный синтаксисъ для только что начинающихъ учиться грамматикѣ. Трудъ г. К. Петрова нельзя и сравнивать съ книжками гг. Бунакова, Тихомирова, Пуцковича и друг.

II.

При разсмотрѣніи руководства гг. Бунакова, Тихомирова, Пуцковича и К. Петрова мы выяснили нѣсколько основныхъ положеній,

которыя, по нашему мнѣнію, должны руководить выборомъ и расположеніемъ учебнаго матеріала для элементарнаго курса грамматики. Эти положенія слѣдующія:

1) Самая легкая и самая нужная для дѣтей часть грамматики— флексіи, которыя должны непосредственно слѣдовать за свѣдѣніями о звукахъ и буквахъ.

2) Грамматическія опредѣленія излишни, бесполезны и трудны для начинающихъ. Постепенное выясненіе значенія частей рѣчи и ихъ подраздѣленій дѣлается само собою въ силу ознакомленія съ свойствами каждой части рѣчи этимологическими формами, а также вслѣдствіе разнообразныхъ упражненій практическаго характера.

3) Анализъ простаго предложенія, а тѣмъ болѣе сложнаго, вовсе нѣтъ надобности дѣлать въ началѣ элементарнаго курса, а, напротивъ, элементарный синтаксисъ лучше начинать послѣ первоначальнаго знакомства съ флексіями.

4) Все спорное, шаткое и ненужное въ то же время для практической цѣли должно исключить изъ элементарнаго курса; и наконецъ—

5) Вообще грамматика не должна занимать преобладающее мѣсто въ элементарномъ курсѣ, давая болѣе простора практическому усвоенію языка и другимъ учебнымъ предметамъ начальнаго обученія. Мы уже въ предыдущихъ статьяхъ указывали на недостатокъ нынѣшнихъ приготовительныхъ школъ, состоящей въ стремленіи давать грамматикѣ перевѣсъ надъ другими элементами начальнаго курса.

Руководствуясь этими началами, мы предлагаемъ слѣдующую программу элементарнаго курса грамматики.

1) Раздѣленіе звуковъ и буквъ на гласные, согласные и полугласные. Употребленіе буквъ *і, и, ъ*. Слогъ, удареніе. Правописаніе словъ съ неясными гласными и согласными. Употребленіе *е, ѣ, э*.— Употребленіе прописныхъ буквъ. Три рола именъ предметовъ, числа ед. и мн.

2) Склоненіе существительныхъ (во фразахъ и отдѣльно). Склоненіе прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными и отдѣльно. Степени сравненія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ, вопросительныхъ, указательныхъ, притяжательныхъ, возвратныхъ.

Примѣчаніе. Опредѣленія каждаго разряда мѣстоименій не нужны; термины не обязательны, но могутъ быть даны, если не затрудняютъ дѣтей. Склоненіе числительныхъ, количественныхъ и порядковыхъ.

3) Спряженіе глаголовъ (кромѣ причастій и дѣспричастій). Гла-

голы, требующіе и не требующіе винительнаго падежа безъ предлога. Переходъ дѣйствительной формы глагола въ страдательную во фразахъ и отдѣльно.

4) Нарѣчія, какъ неизмѣняемыя слова, отвѣчающія на вопросы: какъ? когда? гдѣ? куда? почему?

Предлоги, какъ неизмѣняемыя слова, требующія падежей или служащія приставками. Правописаніе предлоговъ слитно и отдѣльно.—Междометія.

5) Раздѣленіе рѣчи на предложенія, а предложеній на подлежащее и сказуемое. Пояснительныя слова—дополненіе (прямое и непрямое), обстоятельство, опредѣленіе.

Союзы, какъ неизмѣняемыя слова, соединяющія части предложенія и самыя предложенія, именно простѣйшіе (первообразныя) союзы—и, но, а.

Общее примѣчаніе. Все изложенное усваивается, по возможности, въ связи съ объясненіемъ правилъ правописанія, на которое вообще обращается преимущественное вниманіе. Къ концу курса учащіеся должны соблюдать правильность письма въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ собственныхъ именахъ, въ началѣ рѣчи ставить прописную букву.

2) Правильно употреблять букву і, э.

3) Правильно писать флексіи именъ, мѣстоименій и глаголовъ.

4) Отдѣлять предлоги, за которыми слѣдуетъ управляемый падежъ, и писать слитно предлоги—приставки.

5) Не дѣлать ошибокъ въ употребительнѣйшихъ корняхъ съ буквою ѣ, правильно употреблять букву ѣ въ глаголахъ (напримѣръ, летѣлъ, умѣю).

Конечно, практически ученики усвоятъ правильность письма и въ тѣхъ случаяхъ, на которые они не получаютъ и не могутъ получить правилъ; напримѣръ, они будутъ писать „городъ“, а не „горадь“, „здѣсь, а не „сдѣсь“, и т. п.

Въ заключеніе, считаю не лишнимъ еще разъ указать на неправильную постановку курса въ приготовительныхъ школахъ, особенно въ приготовительныхъ классахъ гимназій. Курсъ составляется изъ трехъ предметовъ: закона Божія, русскаго языка и ариметики. Элементарный курсъ міровѣдѣнія, представляющій (конечно, при разумномъ преподаваніи) для дѣтей самую интересную, наиболѣе соответ-

ствующую ихъ способностямъ и вкусамъ часть учебныхъ занятій— почти отсутствуетъ въ приготовительныхъ классахъ гимназій.

Въ замѣнь его обученіе грамматикѣ и ариметикѣ, особенно грамматикѣ, получаетъ все большее и большее развитіе. Усиленіе грамматики (самаго несимпатичнаго для дѣтей учебнаго предмета) усиливается, въ значительной степени, необходимостью грамматической подготовки для занятія латинскимъ языкомъ въ первомъ классѣ.

Такимъ образомъ, преподаваніе въ приготовительномъ классѣ получаетъ характеръ сухости и неспособно увлекать массу учениковъ.

Ал. Страховъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ЗДАНІЯХЪ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

При составленіи плана зданія для учебнаго заведенія необходимо имѣть въ виду какъ учебныя, такъ и экономическія требованія. Въ крайнихъ случаяхъ надо отдавать преимущество первымъ предъ послѣдними. По составу, реальныя училища представляютъ нѣсколько типовъ, отличающихся другъ отъ друга числомъ классовъ. Составить планъ зданія, вполне удовлетворяющаго учебнымъ требованіямъ даннаго типа училища и требующаго наименьшихъ затратъ для своего осуществленія, и составляетъ предметъ настоящей статьи.

При одинаковыхъ размѣрахъ многоэтажныя зданія имѣютъ преимущество въ экономическомъ отношеніи, ибо занимаютъ менѣ мѣста, могутъ быть поставлены на одномъ фундаментѣ и подъ одною крышею. Форма зданія, удобная въ экономическомъ и учебномъ отношеніяхъ,—параллелипипедъ. Эта форма представляетъ преимущество предъ другими особенно въ томъ случаѣ, когда требуется расширить зданіе: пристройка съ той или другой стороны не вызоветъ никакой ломки въ старомъ зданіи, а потому и расходъ ограничивается лишь стоимостью пристройки и измѣненія фасада.

Согласуя экономическія требованія съ учебными, для реальныхъ училищъ можно допустить лишь трехъэтажныя зданія, не болѣе; для неполныхъ же по составу училищъ — двухъ и одноэтажныя. Форма зданія—прямоугольный параллелипипедъ.

Важнѣйшій недостатокъ въ учебномъ отношеніи существующихъ зданій для реальныхъ училищъ тотъ, что классныя и спеціальныя помѣщенія не соотвѣтствуютъ ни по размѣрамъ, ни по расположенію, своему назначенію. При составленіи плановъ зданій часто жертвуютъ размѣрами и расположеніемъ формъ; вслѣдствіе чего выходитъ то, что одни помѣщенія слишкомъ обширны, а другимъ не придумаешь никакого назначенія или по ихъ малымъ размѣрамъ, или по неудобству расположенія. Этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ лишь правильнымъ соотношеніемъ между размѣрами различныхъ помѣщеній, согласно ихъ назначенію. Этой цѣли наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ форма прямоугольнаго параллелипипеда.

Зданіе, предназначенное для реального училища, должно состоять изъ классныхъ и спеціальныхъ помѣщеній. Число первыхъ соотвѣтствуетъ числу классовъ; число вторыхъ зависитъ отъ состава училища. Размѣры классныхъ помѣщеній зависятъ отъ числа учениковъ. По уставу полагается не болѣе 40 учениковъ въ классѣ; поэтому размѣры классныхъ помѣщеній должны быть согласованы съ этимъ числомъ. Можно считать вполне удовлетворительными размѣрами класснаго помѣщенія для 40 учениковъ: 12 аршинъ въ длину, 10 аршинъ въ ширину и 6 аршинъ въ высоту. Классныя помѣщенія должны быть расположены такъ, чтобы свѣтъ падалъ только съ лѣвой стороны сидящихъ учениковъ, а потому угловыя комнаты не могутъ быть назначаемы для классовъ.

Спеціальныя помѣщенія:

Аудиторія и кабинетъ физики. Два отдѣльныя помѣщенія, равныя по размѣрамъ двумъ класснымъ помѣщеніямъ. Помѣщенія смежны; кабинетъ можетъ занимать угловую комнату. Отдѣльная аудиторія по физикѣ необходима потому, что требуетъ особыхъ приспособленій для физическихъ опытовъ.

Аудиторія и кабинетъ естественной исторіи. Два отдѣльныя смежныя помѣщенія, по размѣрамъ равныя двумъ класснымъ помѣщеніямъ; для кабинета можетъ быть назначена угловая комната.— Аудиторію для естественной исторіи можетъ служить и одно изъ классныхъ помѣщеній, предназначенное для какого-либо изъ старшихъ классовъ.

Аудиторія и кабинетъ механики. Два отдѣльныя смежныя помѣщенія, равныя по размѣрамъ двумъ класснымъ помѣщеніямъ;

кабинетъ можетъ занимать угловую комнату.—Аудиторія и кабинетъ могутъ занимать и одно классное помѣщеніе, если при училищѣ имѣется слесарная мастерская.

Рисовальный залъ. Одно помѣщеніе, по размѣрамъ равное одному или двумъ класснымъ, смотря по числу низшихъ классовъ въ училищѣ.

Чертежный залъ. Одно помѣщеніе, по размѣрамъ равное тремъ класснымъ. Освѣщеніе съ лѣвой стороны и съ фасада. Въ 3-мъ этажѣ.

Лабораторія и аудиторія химіи. Два смежныя отдѣльныя помѣщенія равныя по размѣрамъ двумъ класснымъ помѣщеніямъ. Въ нижнемъ этажѣ. — Одно классное помѣщеніе, если при училищѣ нѣтъ химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса.

Мастерскія для моделированія по дереву и металламъ. Два отдѣльныя смежныя помѣщенія, равныя по размѣрамъ тремъ класснымъ помѣщеніямъ. Въ нижнемъ этажѣ.—Мастерскихъ не полагается при училищѣ безъ механико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса.

Актовый залъ, конференцъ-залъ и библиотечный залъ. Три помѣщенія, раздѣленныя колоннами, равныя по размѣрамъ четыремъ класснымъ помѣщеніямъ, изъ которыхъ два—на актовый залъ. Во второмъ этажѣ.—При небольшомъ составѣ училища достаточно трехъ классныхъ помѣщеній.

Гимнастическій и сборный залъ. Одно помѣщеніе, состоящее изъ одного, двухъ и трехъ классныхъ помѣщеній, смотря по числу низшихъ классовъ. Въ нижнемъ этажѣ.

Канцелярія. Одно классное помѣщеніе; въ нижнемъ этажѣ.

Изложивъ условія, которымъ должны удовлетворять устраиваемыя для реальныхъ училищъ зданія, я перейду къ составленію плановъ для разныхъ типовъ таковыхъ училищъ.

Начнемъ съ составленія плана зданія для реального училища о шести классахъ съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ и съ двумя отдѣленіями, механико-и химико-техническимъ, дополнительнаго класса. Для этого типа училища требуются всѣ вышеозначенныя спеціальныя помѣщенія; другіе типы отличаются отъ него лишь числомъ классныхъ помѣщеній.

Для такого училища зданіе должно состоять изъ 32 классныхъ помѣщеній, изъ которыхъ 8 необходимы для 8-ми классовъ и

24 для специальныхъ помѣщеній. Отбрасывая два классныхъ помѣщенія, назначаемыя для аудиторій по механикѣ и естественной исторіи, и замѣняя ихъ классными помѣщеніями для двухъ отдѣлений дополнительнаго класса, мы получимъ число 30, дѣлимое на 6 безъ остатка.

Планъ зданія. Прямоугольный параллелипипедъ, раздѣленный продольнымъ корридормъ на двѣ половины. Въ каждомъ этажѣ по 10-ти классныхъ помѣщеній. Для специальныхъ помѣщеній: мастерскихъ, лабораторіи химіи, гимнастической залы и канцеляріи, требующихъ помѣщеній въ нижнемъ этажѣ, имѣются необходимыя 9-ть классныхъ помѣщеній, притомъ въ связи между собою.

Того же типа училище, но безъ химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Упраздняются: одно классное помѣщеніе и аудиторія химіи.—Предыдущій планъ зданія.

Тотъ же планъ годится и для училища съ коммерческимъ отдѣленіемъ и съ однимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса.

Планъ зданія, предназначеннаго для училища съ отдѣленіями при низшихъ четырехъ классахъ, долженъ состоять изъ 36-ти классныхъ помѣщеній.

Этихъ примѣровъ, я полагаю, вполне достаточно, чтобы каждый, руководствуясь вышеизложенными соображеніями, могъ составить планъ зданія для того или другаго типа реального училища.

Съ обонхъ боковъ, подъ лицо съ заднею стороною зданія, слѣдуетъ поставить по одному трехъэтажному параллелипипеду, состоящему изъ 3-хъ классныхъ помѣщеній. Каждый изъ этихъ параллелипипедовъ дѣлится перегородкою на двѣ неравныя части: одна—въ 7 аршинъ назначается для лѣстницы; другая—въ 5 аршинъ—или для черной лѣстницы, или для ватеръ-клозетовъ. Последняя помѣщается со стороны входа, назначеннаго для учениковъ.

Для квартиръ директора и двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ выстроить или одно двухъэтажное, или два одноэтажныхъ зданія. Въ случаѣ неимѣнія для того мѣста, какъ это бываетъ въ столицахъ, можно къ училищному зданію пристроить съ каждой его стороны по одному параллелипипеду о 6-ти классныхъ помѣщеніяхъ каждый.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ весьма важныхъ въ учебномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ приспособленіяхъ въ различныхъ помѣщеніяхъ.

О дневномъ освѣщеніи. Освѣщеніе должно быть съ одной сто-

роны, лѣвой. Помѣщенія съ двойнымъ или тройнымъ освѣщеніемъ могутъ быть отводимы для кабинетовъ и чертежной залы. Высота окна должна быть не менѣе 3-хъ аршинъ, при соответственной ширинѣ, въ каждомъ классномъ помѣщеніи не менѣе 4-хъ оконъ; окна нижняго этажа, въ которомъ помѣщаются мастерскія и лабораторіи, должны быть нѣсколько шире оконъ остальныхъ этажей.

Вентиляція. Полагаю полезнымъ устраивать вентиляторы и въ печахъ и въ окнахъ. Въ окнахъ—круглые вращающіеся вентиляторы, большихъ размѣровъ; они могутъ быть вставлены въ верхней части рамы, особенно если верхняя часть окна имѣетъ сегментный вырѣзъ. Для болѣе сильнаго освѣженія классныхъ помѣщеній, преимущественно во время топки печей, могутъ служить зимнія рамы, отворяемыя на нѣкоторое время. Створчатыя зимнія рамы выгодны и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ избавляютъ отъ лишнихъ расходовъ на выемку и вставку ихъ и происходящей отъ того порчи какъ самыхъ рамъ, такъ и оконныхъ колодъ.

Отопленіе. Если почему либо не можетъ быть устроено паровое или водяное отопленіе, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ всѣми остальными отопленію такъ называемыми голландскими печами. Хорошо устроенныя голландскія печи потребляютъ немного топлива и имѣютъ то преимущество предъ другою рода печами, что даютъ возможность регулировать температуру въ каждой отдѣльной комнатѣ.

Корридоры и двери. Корридоры должны быть не менѣе 4-хъ аршинъ ширины. Размѣры дверей классныхъ помѣщеній: $3\frac{1}{4}$ арш. высоты и 1 арш. 10 верш. ширины; ведущія въ мастерскія $3\frac{1}{2}$ арш. высоты и 1 арш. 14 верш. ширины.

Чертежный залъ слѣдуетъ помѣщать въ 3-мъ этажѣ, гдѣ стѣны тоньше, слѣдовательно проходящаго въ окна свѣта болѣе. Для него назначаются три классныя помѣщенія, слѣдовательно онъ будетъ освѣщаться не менѣе какъ 12-ю окнами. Противъ каждаго окна можно поставить не болѣе двухъ аршинныхъ столовъ, съ промежуткомъ между ними въ аршинъ. Двадцать четыре стола на 48 учениковъ будутъ достаточно освѣщены даже въ наиболѣе позднее осеннее время. Чертежные столы должны имѣть горизонтальную доску шириною въ аршинъ и длиною въ два, если каждый столъ назначается на двоихъ. Въ залѣ должны находиться шкафы для храненія инструментовъ и чертежей.

Рисовальный залъ помѣщается во 2-мъ или въ 3-мъ этажѣ.

Освѣщеніе съ одной стороны. Столы располагаются амфитеатромъ. Для рисующихъ съ бюстовъ они замѣняются козлами.

Лабораторія. Химическая печь съ принадлежащими къ ней для различныхъ цѣлей шкафами. Вентиляціонный шкафъ въ трехъэтажномъ зданіи долженъ дѣйствовать удовлетворительно. Аудиторія и помѣщеніе для самостоятельныхъ занятій учениковъ—общая.

Коммерческое отдѣленіе. Въмѣсто обыкновенныхъ столовъ—ковторки.

О мастерскихъ при реальныхъ училищахъ.

Хотя, по уставу, въ реальныхъ училищахъ полагается преподаваніе моделированія лишь по дереву, тѣмъ не менѣе необходимо имѣть и мастерскую для моделированія по металламъ. Эта мастерская должна служить не столько для практическихъ занятій учениковъ, сколько для демонстративныхъ цѣлей.

Устройство мастерскихъ на столько связано съ практическимъ курсомъ механики въ реальныхъ училищахъ, что нельзя говорить о первыхъ не сказавъ предварительно нѣсколько словъ о послѣднемъ.

Практическій курсъ механики въ реальныхъ училищахъ заключается во 1-хъ) въ составленіи исполнительныхъ чертежей машинъ и во 2-хъ) въ моделированіи по дереву. Для полноты курса, я полагаю, было бы полезно присоединить: 1) составленіе проектовъ машинъ и 2) моделированіе по металламъ.

Составленіе проектовъ вообще не можетъ быть предметомъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ; но, въ частности, составленіе проектовъ простыхъ машинъ, теорія которыхъ вполне доступна ученикамъ, можетъ дать имъ понятіе о составленіи проектовъ машинъ и болѣе сложныхъ. Практическія занятія учениковъ по моделированію изъ металловъ, по недостатку отведеннаго вообще на моделированіе времени, необходимо должны быть замѣнены практическими лекціями въ устроенныхъ для этой цѣли мастерскихъ. Устройство должно вполне соответствовать своему назначенію: наглядно ознакомить учениковъ съ ходомъ работъ по изготовленію металлическихъ частей машинъ. Механическая мастерская должна состоять изъ 4-хъ отдѣленій: 1) слесарнаго, 2) кузнечнаго, 3) формовочнаго и 4) литейнаго. Каждое отдѣленіе должно быть снабжено главнѣйшими инструментами и обрабатываемыми металлы, преимущественно желѣзо, машинами, или же, въ крайнемъ случаѣ, моделями послѣднихъ.

Въ слесарномъ отдѣленіи необходимо имѣть слѣдующія машины: 1) строгальную, 2) сверлильную, 2) рѣзущую вмѣстѣ съ диропробивною, 4) вышибальную и 5) самоточку. Въ кузнечномъ—горнѣ, паровой молотъ и обыкновенную наковальню. Въ формовочномъ—модели. Въ литейномъ—печь 1), вентиляторъ и кранъ. Сверхъ того въ каждомъ отдѣленіи необходимо имѣть полный комплектъ разныхъ ручныхъ инструментовъ для обработки желѣза, пару тисковъ и чугунную плиту. Величина поименованныхъ машинъ должна быть соразмѣрна съ величиною мастерской.

Для механической мастерской со всѣми ея отдѣленіями необходимо отвести помѣщеніе длиною въ 18, а шириною въ 10 аршинъ, въ нижнемъ этажѣ зданія. Дымовыя трубы паровой машины, кузнечнаго горна и литейной печи, отведенныя въ печныя трубы зданія, будутъ давать достаточную воздушную тягу.

О практическихъ занятіяхъ учениковъ черченіемъ и моделированіемъ по дереву.

1) Составленіе исполнительныхъ чертежей машинъ. Преподаваніе черченія въ реальныхъ училищахъ начинается въ IV классѣ и продолжается въ V и VI классахъ. Курсъ черченія въ этихъ классахъ можно подраздѣлить на теоретическій и практическій; на послѣдній слѣдуетъ обратить особое вниманіе, какъ на подготовительный къ курсу технического черченія въ механико-техническомъ отдѣленіи дополнительнаго класса. Изъ теоритического курса, важнѣйшими задачами для вычерчиванія должны быть: вписать въ кругъ и описать около него правильный многоугольникъ; о сопряженіяхъ и сопряженіяхъ кривыхъ между собою и съ прямыми; кривыя втораго порядка: эллипсисъ, парабола и гипербола; винтовая линія; задачи на перспективы. При вычерчиваніи задачъ не слѣдуетъ быть слишкомъ требовательнымъ относительно точности чертежа, вообще на практикѣ недостижимой, отнимающей непроизводительно много времени и портящей зрѣніе учениковъ. На задачахъ теоретическаго курса не слѣдуетъ останавливаться дольше того, сколько необходимо для ознакомленія учениковъ съ теоріею черченія фигуръ и для развитія въ нихъ быстроты и умѣнья обращаться и владѣть чертежными инструментами. Затѣмъ немедленно слѣдуетъ переходить къ практическому черченію, предметами коего могутъ служить различ-

1) Для легкоплавкихъ металловъ.

наго рода произведенія искусствъ и ремеслъ. Богатый выборъ ихъ можно найти въ „Encyclopedie des arts et metiers, ed. Delarue.

Вычерчиваніе этихъ практическихъ задачъ послужить наилучшею подготовкою учениковъ къ техническому черченію въ дополнительномъ классѣ. Курсъ черченія въ послѣднемъ классѣ заключается въ составленіи исполнительныхъ чертежей машинъ. Руководствомъ можетъ служить: „Die Construction der Maschinentheile, von Moll und Reulaux“. Приложеніемъ теоріи переспективы можетъ служить вычерчиваніе отдѣльныхъ частей и цѣлыхъ машинъ въ перспективѣ. Послѣднее полезно въ тѣхъ видахъ, что помогаетъ ученику хорошо читать чертежи машинъ. Чертежи должны быть выполняемы въ большемъ видѣ, на особо для этой цѣли употребляемой бумагѣ. Изъ лучшихъ чертежей современемъ можно составить хорошую коллекцію для нагляднаго класснаго преподаванія механики.

Моделированіе по дереву. Моделированіе по дереву состоитъ въ обработкѣ дерева для различныхъ цѣлей посредствомъ разнаго рода инструментовъ. По роду этихъ инструментовъ можно подраздѣлить его на столярное, токарное и рѣзное. Для моделированія по дереву также какъ и для моделированія по металламъ, должно быть отведено особое помѣщеніе. Для столярнаго моделированія необходимы верстаки. Въ видахъ экономическихъ и въ видахъ сбереженія мѣста можно устраивать по одному верстаку (двойному) на двухъ учениковъ. Подъ каждымъ верстакомъ устроиваются два шкапчика, съ особымъ замкомъ къ каждому, для храненія инструментовъ. Каждому ученику слѣдуетъ выдать полную коллекцію наиболѣе часто употребляемыхъ инструментовъ. Для точенья инструментовъ необходимо имѣть нѣсколько точилъ и точильныхъ брусковъ.

Для токарнаго моделированія достаточно имѣть по одному верстаку на десять учениковъ, и одинъ станокъ для обточки большихъ вещей, съ полною коллекціей на каждый станокъ токарныхъ инструментовъ.

Для рѣзнаго моделированія также достаточно имѣть по одной коллекціи рѣзныхъ инструментовъ на десять учениковъ.

Моделированіе можетъ быть или съ готовыхъ моделей отдѣльныхъ частей машинъ, или по исполнительнымъ чертежамъ, составленнымъ самими учениками. Первое должно предшествовать второму. На моделированіе въ дополнительномъ классѣ полагается, по уставу, три часа въ недѣлю. Этого времени было бы недостаточно для обученія ученика даже одному столярному моделированію, если-бы для той же

цѣли въ V и VI классахъ не отдѣлялось по полутора часа въ недѣлю изъ времени, назначеннаго на черченіе. Ученики же, слушающіе одинъ изъ новыхъ языковъ, могутъ заниматься и по три часа въ недѣлю моделированіемъ вмѣсто черченія. Но и при послѣднемъ, наиболѣе благопріятномъ условіи, ученикъ дополнительнаго класса едвали будетъ въ состояніи изготовить двѣ-три небольшія модели, если не избавить его отъ труда такъ называемой черновой работы. Я полагаю полезнымъ ввести въ моделированіе раздѣленіе труда. Подготовку матеріала для моделей слѣдуетъ возложить на учениковъ VI класса, а окончательную ихъ отдѣлку—на учениковъ дополнительнаго класса. При такомъ способѣ изготовленіе моделей, чрезъ нѣсколько лѣтъ училище будетъ владѣть хорошою коллекціею моделей различныхъ частей машинъ.

Для моделированія по дереву можно рекомендовать слѣдующіе предметы: подшипники, подвѣски, кронштейны, валы, эксцентрики, мотыли, головки шатуновъ, шкивы, болты и винты съ гайками; въ благопріятныхъ случаяхъ: зубчатая колеса, краны и т. п.

Въ заключеніе считаю полезнымъ имѣть при училищѣ разборную модель какой либо машины для объясненія ученикамъ сборки и постановки машины.

Модели машинъ, необходимыя при преподаваніи практической механики.

Необходимо имѣть модели паровыхъ двигателей и ихъ частей, паровой машины низкаго давленія, пароваго котла, пароваго цилиндра, пароваго поршня, коромысла и паровоза; модели вѣтренныхъ двигателей: вѣтренной мельницы; модели водяныхъ двигателей: водяныхъ колесъ и турбинъ; модели приводовъ; системы разнаго рода шкивовъ и зубчатыхъ колесъ; модели крановъ, клапановъ и поршней къ водянымъ насосамъ; соединенія двухъ трехъ тѣлъ посредствомъ болтовъ; соединенія трубъ, соединенія валовъ посредствомъ муфтъ, цаперъ, чугунаго маховаго колеса съ деревянными зубьями, фундамента для постановки машинъ; прокатнаго станка, дифференціального блока; гидравлическаго пресса. О приборахъ, служащихъ пособіемъ при преподаваніи механики, говорится во всякомъ учебникѣ физики, а потому я и не упоминаю о нихъ.

Булганъ, директоръ Костромскаго
реального училища.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Историко-филологическіе институты.

а) Императорскій С. - Петербургскій.

По Высочайше утвержденному штату Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института положено имѣть 10 преподавателей; въ 1879 году ихъ состояло 20, именно: законоучитель 1, ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, преподавателей 9.

Студентовъ къ 1-му января 1879 года состояло на лицо 102, въ томъ числѣ: штатныхъ 82, стипендіатовъ 20; въ теченіе 1879 года вновь поступило 40 (изъ гимназій 18, изъ духовныхъ заведеній 22), въ теченіе года вышло 27 (до окончанія курса 6, по окончаніи курса 21), затѣмъ къ 1-му января 1880 года оставалось на лицо 115 (штатныхъ 92, стипендіатовъ 23). Состояніе здоровья студентовъ было вообще удовлетворительно; въ теченіе года было 97 случаевъ заболѣванія; къ 1-му января 1880 года оставался 1 больной.—Повѣрочныя испытанія для поступленія въ число студентовъ института держали 33, изъ которыхъ признаны выдержавшими испытаніе 22. Безъ повѣрочнаго испытанія принято 17 воспитанниковъ гимназій, имѣвшихъ въ аттестатѣ зрѣлости по древнимъ языкамъ отмѣтки не ниже 4. Сверхъ того, конференція института нашла возможнымъ оказать, во вниманіе особыхъ обстоятельствъ, снисхожденіе одному

изъ невыдержавшихъ повѣрочнаго испытанія. Съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія онъ былъ принятъ на казенное содержаніе въ институтъ и допущенъ къ слушанію всѣхъ читаемыхъ въ институтѣ курсовъ и къ исполненію всѣхъ обязательныхъ работъ наравнѣ со студентами 1-го курса, съ тѣмъ, чтобы послѣ перваго полугодія или къ концу учебнаго года конференція сдѣлала заключеніе объ его успѣхахъ. Снисхожденіе конференціи, основанное на обнаруженной этимъ молодымъ человѣкомъ твердости въ стремленіи къ высшему образованію, оправдалось успѣхами его, и послѣ перваго полугодія онъ былъ включенъ въ число студентовъ. Такимъ образомъ, всего принято въ 1-й курсъ 40, въ томъ числѣ воспитанниковъ гимназій и имѣвшихъ аттестатъ зрѣлости 18, воспитанниковъ духовныхъ семинаріи 22. На второй годъ въ 1-мъ курсѣ оставлено 5; во 2-й курсъ переведено 23; на второй годъ во 2-мъ курсѣ оставленъ 1; въ 3-й курсъ переведено 26, изъ которыхъ 12 избрали разрядъ древнихъ языковъ, и 14 — разрядъ русской словесности; оставлено въ 3-мъ курсѣ на второй годъ 3. Въ 4-й курсъ было переведено 21. Къ концу мая 1880 года состояло студентовъ: въ 1-мъ курсѣ—39, во 2-мъ—24, въ 3-мъ—29 (13 на разрядѣ древнихъ языковъ, 16 на разрядѣ русской словесности). Изъ 21 студента 4-го курса окончили экзаменъ 19, а двое не могли держать экзаменъ по болѣзни. Изъ числа окончившихъ экзаменъ 8 по разряду древнихъ языковъ и 11 по разряду русской словесности. Всего къ концу мая было въ институтѣ 112 студентовъ, въ томъ числѣ 89 на штатныхъ вакансіяхъ и 23 стипендіата разныхъ вѣдомствъ.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ институтѣ велось въ слѣдующемъ видѣ: по закону Божію въ 1-мъ курсѣ было прочитано о тѣхъ началахъ вѣры, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка; во 2-мъ курсѣ о божественномъ откровеніи, о христіанскомъ вѣрученіи и его источникахъ; въ 3-мъ курсѣ—краткое изложеніе православнаго догматическаго богословія. По греческому языку и словесности въ 1-мъ курсѣ были читаны XII и XIII пѣсни Одиссеи, первая, начало второй книги Меморабилій Ксенофонта и повторена греческая этимологія. Во 2-мъ курсѣ были читаны Демосэена первая и вторая рѣчи противъ Филиппа, рѣчь о мирѣ, часть рѣчи о вѣнкѣ, Геродота третья книга и пройденъ синтаксисъ. Кромѣ того, во второмъ полугодіи былъ прочитанъ курсъ исторіи греческой литературы, содержаніемъ котораго было: источники и пособія исторіи греческой литературы; эпосъ Гомера и Гезіода,

исторія элегической и ямбической поэзи. Въ 3-мъ курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ были прочитаны: Ифигенія Таврическая Еврипида съ переводомъ на латинскій языкъ и Лагушки Аристофана; пройденъ грамматическій курсъ—ученіе о наклоненіяхъ, и прочитанъ во второмъ полугодіи новый курсъ исторіи греческой литературы, содержаніе котораго состояло въ исторіи греческой комедіи. На разрядѣ древнихъ языковъ прочитанъ курсъ греческихъ государственныхъ древностей, была переведена на греческій языкъ біографія Датама изъ Корнелія Непота и прочитаны рѣчи Исэя о наслѣдствѣ Менекла и Лисія противъ Діогитона. Въ 4-мъ курсѣ для обоихъ разрядовъ былъ прочитанъ Эдипъ-Царь Софокла съ переводомъ на латинскій языкъ и продолжался грамматическій курсъ—ученіе о наклоненіяхъ. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ прочитаны курсы греческихъ религіозныхъ древностей и греческой метрики. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ старшихъ курсахъ) съ латинскаго языка на греческій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ 1-мъ курсѣ XVI—XVII рапсодіи Одессы, во 2-мъ—XVIII и XIX рапсодіи Илиады, въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ на разрядѣ древнихъ языковъ—X, XI, XII, XV и XVI книги Илиады. Повѣрка этихъ домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ. По латинскому языку и римской словесности въ 1-мъ курсѣ читаны Цицерона *in Verrem* V-я книга, *Виргилія Энеиды* VI-я книга, и грамматическій курсъ—историческій очеркъ фонологіи и морфологіи латинскаго языка, исключая спряженіе глагола. Во 2-мъ курсѣ читано Цицерона *Cato Maior de senectute*, и пройденъ курсъ латинскаго синтаксиса; также прочитана V-я книга Энеиды съ объясненіями на латинскомъ языкѣ. Въ 3-мъ курсѣ для студентовъ обоихъ разрядовъ были прочитаны почти всѣ оды III-й книги Горация и XII-я книга *Анналь* Тацита. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ былъ прочитанъ курсъ римскихъ государственныхъ древностей. Студенты того же разряда III и IV-го курсовъ вмѣстѣ слушали курсъ исторіи римской литературы отъ Цицерона до времени Августа. Въ IV-мъ курсѣ для обоихъ разрядовъ были читаны избранныя оды первой книги и избранныя сатиры первой книги Горация и *Asinaria* Плавта. Чтенію Плавта предшествовало обширное введеніе. Со студентами разряда древнихъ языковъ были читаны элегіи первой и второй книгъ Тибулла. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно

упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ на латинскій языкъ съ русскаго, а въ старшихъ курсахъ, сверхъ того, и съ греческаго языка. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ 1-мъ курсѣ: въ первое полугодіе—статьи изъ различныхъ древнихъ авторовъ, съ которыми они недостаточно были знакомы при поступленіи въ институтъ; во второе полугодіе—Цезаря *de bello civili* III-ю книгу; во 2-мъ курсѣ—Цицерона *de officiis* I-ю книгу и Тита Ливія XXIII-ю книгу; въ 3-мъ курсѣ—Ливія XXIII-ю книгу и Цицерона *pro T. Annio Milone*; въ 4-мъ курсѣ—Цицерона *accusationis in Verrem* IV-ю книгу и *de officiis* III-ю книгу. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ. По философіи въ 1-мъ курсѣ были прочитаны курсы логики и психологии, въ 2-мъ курсѣ—исторія древней классической философіи, въ 3-мъ—исторія философіи среднихъ вѣковъ и новаго времени и читана со студентами въ подлинникъ *Метафизика* Аристотеля. По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ въ 1-мъ курсѣ пройдено изъ исторической грамматики русскаго языка сравнительное ученіе о звукахъ и формахъ языка. Письменные упражненія студентовъ состояли въ разборѣ отрывковъ изъ памятниконъ древне-церковно-славянской письменности. Во 2-мъ курсѣ читаны лекціи по морфологіи русскаго языка: сравнительное ученіе о корняхъ, глагольныхъ и именныхъ основахъ. Письменные упражненія состояли въ разборѣ произведеній древней и новой русской словесности со стороны языка ихъ въ этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніи. Въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ для студентовъ разряда русской словесности пройдено ученіе о звукахъ и формахъ юго-славянскихъ нарѣчій, которое сопровождалось чтеніемъ и разборомъ произведеній изъ памятниковъ древней юго-славянской письменности, а также и нѣкоторыхъ произведеній устной народной словесности. По русской словесности въ 3-мъ курсѣ, на разрядѣ русской словесности, были прочитаны: а) исторія русской словесности древней и новой до царствованія Екатерины II; б) стилистика и теорія прозы, причемъ были разбираемы образцы литературныхъ произведеній, относящихся къ описаніямъ, повѣствованіямъ и разсужденіямъ. Въ 4-мъ курсѣ на томъ же разрядѣ—окончаніе курса русской словесности новаго періода и теорія поэзіи, причемъ въ каждую субботу, начиная со втораго полугодія, студенты, въ присутствіи директора, инспектора и профессора, давали пробные уроки по теоріи словесности, состоявшіе въ разборѣ образцовъ и въ выводѣ изъ разбора правилъ тѣхъ или другихъ литера-

турныхъ произведеній. Студенты 3-го и 4-го курсовъ разряда русской словесности писали годичныя сочиненія. Въ 3-мъ курсѣ представлено 16 сочиненій, въ 4-мъ—11, всѣ на различныя темы. Лучшее сочиненіе представлено студентомъ 4-го курса Бережковымъ на тему „Элегія Жуковскаго сравнительно съ элегіями Шиллера“. По всеобщей исторіи въ 1-мъ курсѣ была прочитана древняя исторія Востока, Греціи и Рима до 83 года до Р. Х. Во 2-мъ курсѣ пройдено: переходъ отъ древняго міра къ новому (I—V столѣтія по Р. Х.) и средніе вѣка (VI—XV столѣтія). Въ 3-мъ курсѣ для студентовъ разряда русской словесности прочитана новая исторія (отъ паденія Византіи 1453 до Парижскаго міра 1856) и обзоръ послѣднихъ событій. По русской исторіи въ 1-мъ курсѣ—обозрѣніе источниковъ по русской исторіи съ древнѣйшаго времени до XVIII вѣка, очеркъ русской историографіи и исторія Россіи съ древнѣйшаго времени до княженія Василія Темнаго. Во 2-мъ курсѣ пройдена исторія Россіи со времени княженія Іоанна III до царствованія Екатерины I. По географіи въ 1-мъ курсѣ пройдено краткое описаніе пяти частей свѣта въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Лекціи по новѣмъ языкамъ были раздѣлены на два отдѣленія, низшее и высшее, по познаніямъ студентовъ, желавшихъ заниматься тѣмъ или другимъ языкомъ. — Съ 1879—1880 академическаго года начато въ институтѣ преподаваніе санскритскаго языка для желающихъ изъ студентовъ. Обучались этому языку шесть студентовъ. Въ первое полугодіе преподавали гг. Минаевъ и Коссовичъ; студенты перевели эпизодъ изъ Магабараты и „Охотникъ и голуби“. Корни и грамматическія формы санскритскаго языка постоянно сравнивались съ соответственными корнями другихъ языковъ, въ особенности же классическихъ и славянскихъ. Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ 3-го и 4-го курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій было представлено 11. Лучшее изъ нихъ принадлежало студенту 4-го курса Свѣтовидову на тему „Факты, почерпаемые изъ Додонскихъ надписей (по книгѣ Карапанаса *Dodone et ses ruines*)“. Свѣтовидовъ распространилъ свою тему и присоединилъ къ разбору надписей трактатъ о Додонскомъ оракулѣ. Факты надписей большею частію отмѣчены, хотя есть и нѣкоторыя опущенія. Автору недостаетъ вѣрнаго пониманія политическихъ отношеній, но вообще въ сочиненіи его

есть хорошія стороны. По временамъ онъ относится къ толкованію надписей самостоятельно и не безъ успѣха. Кромѣ книги Карапанаса, онъ воспользовался и другими сочиненіями новыхъ ученыхъ. Но главное—онъ обратилъ вниманіе и на другія надписи, помѣщенные въ *Corpus inscriptionum graecarum*, и выписалъ массу мѣстъ изъ многихъ древнихъ писателей, такъ что этою работою авторъ познакомился со многими документами и древними писателями. Къ лучшимъ же сочиненіямъ принадлежитъ трудъ студента 3-го курса Астапова на тему: „перевести и, посредствомъ грамматическихъ примѣчаній, объяснить рѣчи Никія и Альвивада (Θυκιδ. VI, 8—23) и опредѣлить по нимъ, въ какихъ мѣстахъ Θυκιδидъ допускаетъ зіяніе (hiatus)“. Сочиненіе Астапова раздѣляется на три части: а) переводъ, который вездѣ правильно и отчетливо передаетъ мысль писателя и, при возможной близости къ подлиннику, отличается чистымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ; б) примѣчанія, составленные по большому сочиненію Поппо, по Классенну и сколіямъ, отличающіяся вездѣ точностію и опредѣленностію выраженія; в) разборъ того, въ какихъ именно случаяхъ Θυκιδидъ допускалъ зіянія (hiatus). Сочиненіе Астапова отличается добросовѣстностію и старательностію. Студентъ 3-го курса Орловскій написалъ сочиненіе на тему „Положеніе Грековъ, жившихъ въ домахъ знатныхъ Римлянъ“. Онъ положилъ въ основаніе Лукіана, Ювенала и Марціала и представилъ картину, полную жизни и индивидуальныхъ чертъ. Кромѣ того, онъ старался опредѣлить степень правдивости этихъ писателей, сличая ихъ одного съ другимъ. Сочиненіе Орловскаго написано прекраснымъ языкомъ. На тему „Главнѣйшія римскія божества, празднества и обрядности по Овидіевымъ фастамъ“ представилъ работу студентъ 4-го курса Ключе. Ограничившись божествами Янусомъ, Юпитеромъ, Юноною и Марсомъ, Ключе съ достаточной полнотою охарактеризовалъ какъ упомянутыя божества, такъ и относящіяся къ нимъ празднества. Глава о Янусѣ въ этомъ отношеніи самая удачная. Къ слабымъ сторонамъ нужно отнести недостаточное освѣщеніе взглядовъ Овидія на римскую мѣологію и сравнительно малую долю критическаго отношенія къ повѣствованіямъ Овидія о римскихъ божествахъ и празднествахъ. На тему „*Taciti annalium libri primi elocutionis poeticae exempla colligantur et collecta illustrentur ratione habita maxime Vergilii*“ подалъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ студентъ 4-го курса Шмидъ-фонъ-дѣръ Лауницъ. Онъ расположилъ содержаніе темы въ надлежащемъ порядкѣ, сначала о флексіяхъ, потомъ о сло-

вопроизводствѣ, потомъ о значеніи словъ, приче́мъ обрати́лъ внима́ніе на тѣ слова, которыя или вовсе не встрѣчаются у 'прозаиковъ' раньше Тацита, или встрѣчаются очень рѣдко, наконецъ о синтаксисѣ. Вообще говоря, тема разработана тщательно и удачно. Къ недостаткамъ работы относится отсутствіе всякаго введенія. Слѣдовало чаще указывать на примѣры поэтическихъ выраженій, встрѣчающіеся у историковъ, писавшихъ ранѣе Тацита, у Саллюстія и Ливія; слѣдовало сказать о Тацитовскихъ періодахъ. Встрѣчаются нѣкоторыя ошибки и неточности въ объясненіи различныхъ мѣстъ Тацита. Но вообще сочиненіе Шмида-фонъ-деръ-Лауница написано съ большимъ стараніемъ и умѣніемъ, и возбуждаетъ надежду, что со временемъ, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, молодой авторъ внесетъ свою долю въ науку классической древности.—Обязательныхъ лекцій было: въ 1-мъ курсѣ—24, во 2-мъ—26, въ 3-мъ—общихъ лекцій—16 и каждый разрядъ имѣлъ по 8-ми специальныхъ, всего 24, въ 4-мъ курсѣ—общихъ лекцій 8 и каждый разрядъ имѣлъ общихъ лекцій 8, а кромѣ того по 7 специальныхъ, всего 15.—Занятія студентовъ 4-го курса въ гимназіи при институтѣ состояли въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ наблюденіемъ наставниковъ-руководителей, въ вечернихъ бесѣдахъ съ наставниками разбирали свои уроки и знакомились съ общеупотребительными въ гимназіяхъ или вновь вышедшими учебниками. Студенты обоихъ разрядовъ посѣщали въ гимназіи по девяти уроковъ въ недѣлю: студенты разряда древнихъ языковъ—пять уроковъ латинскаго и четыре греческаго языка; студенты разряда русской словесности—шесть уроковъ русскаго языка и три латинскаго. На вечернихъ бесѣдахъ наставниковъ-руководителей по греческому языку студентамъ было поручено разсмотрѣть и дать отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ Одиссеи съ примѣчаніями Шмида и о греческой грамматикѣ Чернаго. Вмѣстѣ съ наставникомъ-руководителемъ было разобрано 500 страницъ изъ греческаго словаря профессора Вейсмана и учебникъ Григоревскаго. Отъ времени до времени сообщались студентамъ письменныя упражненія учениковъ 3-го класса. На бесѣдахъ по русскому языку и словесности была предложена методика грамматики, чтенія писателей и письменныхъ упражненій въ связи съ требованіями новой гимназической программы; сверхъ того, были разобраны учебники Поливанова, Басистова, Колосова, Бѣлявскаго, Полеваго, пособія Стоюнина и Водовозова. Студентъ 4-го курса Дубовъ, во время болѣзни наставника-

руководителя по греческому языку Нейлисова, добровольно вызвался взять на себя уроки г. Нейлисова въ 3-мъ классѣ, всего шесть уроковъ въ недѣлю, и добросовѣстно исполнялъ принятую на себя обязанность, не смотря на то, что самъ въ это время сдавалъ выпускныя экзамены.

Конференція института имѣла въ теченіе года десять засѣданій, предметы занятій которыхъ, сверхъ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе: 1) Конференціею сдѣлана была проверка количества письменныхъ упражненій по древнимъ языкамъ, производимыхъ во всѣхъ курсахъ института, причемъ оказалось, что слѣдуетъ увеличить число письменныхъ упражненій по латинскому языку въ 4-мъ курсѣ. 2) Распределеніе репетицій по всѣмъ предметамъ было производимо въ началѣ каждого полугодія. Конференція проверяла количество исполненныхъ репетицій и вмѣсто неисполненныхъ назначала другіе дни. 3) Съ переводомъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ профессора Павлова историко-филологическаго института Никитина, имѣя въ виду бытность воспитанникомъ С.-Петербургскаго института, представилась возможность установить въ институтѣ чтенія систематическаго курса исторіи греческой литературы. По обсужденіи вопроса о томъ: какою дать постановку этому предмету въ учебномъ планѣ института, конференція предположила: а) признать названный предметъ общимъ для студентовъ разряда древнихъ языковъ, такъ и для студентовъ разряда русской словесности; б) прочитывать исторію греческой литературы въ два года, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; в) чтобы не увеличивать числа лекцій въ 4-мъ курсѣ, въ второмъ студенты должны располагать въ свободномъ просторѣ во время для практическихъ занятій въ гимназій и для курсовыхъ сочиненій, назначать лекціи по исторіи греческой литературы во 2-мъ и 3-мъ курсахъ. При такомъ порядкѣ студенты выслушавъ въ 1-мъ курсѣ общую историю, во 2-мъ курсѣ будутъ читать исторію греческой литературы, а затѣмъ, въ 3-мъ курсѣ исторію римской литературы. Установивъ эти предположенія, конференція опредѣлила открыть въ институтѣ лекціи по исторіи греческой литературы съ 1-го января 1880 года и единогласно избрала преподавателемъ этого предмета г. Никитина. 4) Рассмотрѣвъ составленный инспекторомъ института отчетъ о состояніи институтской бібліотеки за 1879 годъ, къ 1-му января 1880 года фундаментальная бібліотека имѣла 9,635 названій въ 18,165 томахъ, а бібліотека учебниковъ онед. частн. оснп. год. 4-го разряда 18,165 названій въ 18,165 томахъ. 2-го разряда

213 названій въ 9,488 томахъ. 5) Рассмотрѣны отзывы наставниковъ-руководителей о занятіяхъ студентовъ 4-го курса въ гимназіи при институтѣ. 6) Разсматриваемы были протоколы засѣданій педагогическаго совѣта институтской гимназіи. Совѣтъ обратился къ конференціи института съ представленіемъ объ исходатайствованіи разрѣшенія перенести одинъ урокъ изъ 3-го класса въ 6-й. По дѣйствующему учебному плану въ гимназіяхъ, курсъ исторіи среднихъ вѣковъ отнесенъ на 6-й классъ, и для изученія его назначается первое полугодіе учебнаго года, такъ какъ на второе полугодіе отнесенъ курсъ русской исторіи до конца княженія Василия III. Опытъ показалъ, что 35--ти уроковъ (приблизительное число уроковъ перваго полугодія, по два въ недѣлю) слишкомъ недостаточно для того, чтобы курсъ средней исторіи могъ быть пройденъ съ разъясненіемъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые указаны учебнымъ планомъ; а вопросы эти составляютъ, по разъясненію министерства, наименьшее, что должно быть сдѣлано въ этомъ классѣ. Но за недостаткомъ времени, приходится оставить курсъ средней исторіи незаконченнымъ. Вслѣдствіе этого желательно увеличить число уроковъ исторіи въ 6-мъ классѣ до трехъ (вмѣсто двухъ) въ недѣлю. Чтобы не увеличивать общаго числа уроковъ по исторіи, этотъ добавочный урокъ можетъ быть отчисленъ отъ уроковъ, назначенныхъ для эпизодическаго курса исторіи въ 3-мъ классѣ. Для этого класса, по мнѣнію педагогическаго совѣта, совершенно достаточно одного урока исторіи въ недѣлю, а если и останутся нѣкоторые отдѣлы непройденными, то они могутъ быть безъ всякаго вреда для дѣла отнесены къ курсу 4-го класса, въ которомъ во всякомъ случаѣ весь, назначенный по учебному плану, эпизодическій курсъ будетъ законченъ. Конференція института, признавая представленныя педагогическимъ совѣтомъ основанія для означеннаго незначительнаго измѣненія въ учебномъ планѣ исторіи вполне вѣрными, обратилась къ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи назначить съ 1880—81 учебнаго года въ 3-мъ классѣ институтской гимназіи одинъ урокъ исторіи вмѣсто двухъ, а въ 6-мъ классѣ три—вмѣсто двухъ. Такое перемѣщеніе одного урока представляетъ и ту выгоду, что вслѣдствіе сего 3-й классъ получитъ нѣкоторое облегченіе въ общемъ числѣ уроковъ: въ настоящее время въ 3-мъ классѣ назначается 30 уроковъ, а въ 6-мъ—29; теперь же будетъ наоборотъ, что представляется болѣе соответствующимъ возрасту учащихся. Представленіе конференціи утверждено г. управляющимъ министерствомъ. 7) Произведено

предварительное распредѣленіе окончившихъ въ 1880 году полный курсъ наукъ въ институтѣ студентовъ 10-го выпуска на учительскія мѣста: 9 студентовъ назначены учителями древнихъ языковъ, 3—учителями русскаго языка и словесности, 3—русскаго и одного изъ древнихъ языковъ, 1—русскаго и древнихъ языковъ. Одинъ стипендіатъ духовнаго вѣдомства и одинъ Кавказскій стипендіатъ должны поступить въ распоряженіе тѣхъ вѣдомствъ, на счетъ которыхъ они содержались въ институтѣ. Во вниманіе къ отличнымъ успѣхамъ студента Евгенія Шмида-фонъ-деръ-Лауница по всѣмъ предметамъ, въ особенности же по древнимъ языкамъ, конференція сочла справедливымъ войти съ ходатайствомъ о назначеніи названнаго студента въ командировку за границу на два года для приготовленія къ научной дѣятельности по древнимъ языкамъ.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: ассигновано по финансовой смѣтѣ и изъ государственнаго казначейства 98,786 руб., израсходовано въ теченіе года 98,667 руб. 64 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1880 года оставалось на лицо 118 руб. 36 коп.; б) специальныхъ средствъ въ остаткѣ отъ 1878 года было 345 руб. 61 коп., въ 1879 году поступило 800 руб., въ теченіе года израсходовано 894 руб. 76 коп., къ 1880 году оставалось 250 руб. 85 коп.

Въ гимназій при институтѣ состояло служащихъ: наставниковъ-руководителей 4, законоучитель 1, учителей наукъ и языковъ 13, воспитателей и надзирателей 2, прочихъ служащихъ 2. Учащихся въ гимназій къ 1-му января 1879 г. состояло 196, къ началу 1880 года было 205, которые распредѣлялись: по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 153, евангелическо-лютеранскаго 43, іудейскаго 6, прочихъ исповѣданій 3; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ 143, духовнаго званія 17, городскаго сословія 38, сельскаго сословія 4, иностранцевъ 3. Въ теченіе года вышло: изъ гимназій 27, изъ нихъ до окончанія курса 22, по окончаніи курса 5. Денежныя средства институтской гимназій находились въ слѣдующемъ положеніи: ассигновано было по финансовой смѣтѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 22,460 руб. 20 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава 19,760 руб., на хозяйственные расходы 2,700 руб.; въ теченіе года израсходовано 22,448 руб. 18 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года оставалось на лицо 12 руб. 12 коп. Специальныхъ средствъ оставалось отъ 1878 года 146 руб. 72 коп.; въ 1879 г. поступило 7,601 р.,

въ теченіе года израсходовано 7291 руб. 2 коп.; затѣмъ къ 1-му январю 1880 года оставалось 516 руб. 70 коп.; изъ нихъ на 1-го января 1880 года оставалось 516 руб. 70 коп.; изъ нихъ на 1-го января 1880 года оставалось 516 руб. 70 коп.; изъ нихъ на 1-го января 1880 года оставалось 516 руб. 70 коп.

Въ институтѣ князя Вевбордкова въ Нижніи, на 1-го января 1880 года было 9 преподавателей, 4 экстраординарныхъ, 5 преподавателей, по найму 8, изъ коихъ 3 были въ то же время дежурными наставниками, 13 наставника-руководителя и 4 другихъ служащихъ лицъ. Вакантною была одна вакансія ординарнаго профессора.

Конференція института имѣла въ 1879 году 27 заседаній. Главнымъ содержаніемъ ея занятій были слѣдующіе предметы: 1) разсмотрѣніе отчетовъ преподавателей о пройденномъ и программъ новыхъ предполагаемыхъ курсовъ; 2) разсмотрѣніе сочиненій и статей преподавателей института, предназначенныхъ для напечатанія въ Извѣстіяхъ института или для диссертаций на высшія ученые степени докторской, предназначенныхъ къ произнесенію въ торжественномъ собраніи института; 3) также сочиненій для соисканія преподавательскихъ должностей; 4) избраніе въ должности члена правленія, редактора Извѣстій, члена комисіи для ревизіи бібліотеки и члена въ составъ новой бібліотечной комисіи; 5) распредѣленіе лекцій, рецензій, сроковъ подачи сочиненій на экзамены и назначеніе четырехъ курсовъ института; 6) измѣненія въ распредѣленіи преподаванія по курсамъ и введеніямъ на новый учебный годъ; сюда относятся: а) признаніе чтенія философіи и всеобщей исторіи на 4-мъ курсѣ; б) прекращеніе чтенія спеціальнаго курса по всеобщей исторіи для классиковъ 3-го курса; в) прибавленіе надвой лекціи по нравственному воспитанію на 3-мъ курсѣ и одной лекціи по всеобщей исторіи на 2-мъ курсѣ; г) передача чтенія причесныхъ древностей профессору всеобщей исторіи отъ профессора Крещеновой словозности; д) отдѣленіе студентовъ славянскаго отдѣленія отъ студенческой общины; е) отдѣленіе 3-го и 4-го курсовъ по преподаванію древнихъ языковъ; 6) разсмотрѣніе успѣховъ студентовъ, оказавшихъ имъ на предметныхъ, въ сочиненіяхъ и на экзаменахъ, высказаніе мнѣя для воздѣйствія на успѣховъ студентовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сроняныя были наружностію недостаточности послѣднихъ; 7) чтеніе отзывовъ профессоровъ и преподавателей о лучшихъ сочиненіяхъ студентовъ въ составленіе о тѣхъ, которыя признавались достойными внесенія въ

отчетъ, читаемый на торжественномъ собраніи института и печатаемый въ Извѣстіяхъ института; 6) разсужденіе о переводѣ студентовъ изъ курса въ курсъ, объ оставленіи ихъ на томъ же курсѣ, объ отсрочкѣ испытаній по уважительнымъ причинамъ и объ увольненіи изъ института за неуспѣшность въ экзаменахъ; 7) выдача студентамъ, удовлетворительно сдавшимъ окончательныя испытанія, свидѣтельствъ на званіе учителя гимназіи; 8) разсужденіе о командированіи за границу лучшихъ изъ нихъ для приготовленія въ высшимъ учебнымъ степенямъ и о распредѣленіи учительскихъ мѣстъ между окончившими курсъ студентами; 9) разсмотрѣніе отзывовъ наставниковъ руководителей объ успѣхахъ преподаванія студентами 4-го курса въ гимназіи и о способѣ распредѣленія оныхъ преподаваній на слѣдующій учебный годъ, причемъ было распредѣлено, между прочимъ, требовать по очереди отъ одного изъ студентовъ, присутствовавшихъ на урокъ товарища, реферата о достоинствѣ и недостаткахъ данного урока; 10) разсужденіе о производствѣ приемныхъ испытаній и объ усиленіи требованій отъ поступающихъ въ институтъ воспитанниковъ семинарій, о результатахъ самихъ испытаній и о приемѣ новыхъ лицъ, на основаніи послѣднихъ; 11) разсмотрѣніе списковъ ежегодно выпускаемыхъ газетъ, журналовъ и книгъ, которые преподаватели считали полезнымъ вновь приобрести для фундаментальной или же студенческой бібліотеки, а также разсужденіе о томъ, какія книги студенческой бібліотеки могутъ быть съ пользою выданы окончившимъ курсъ студентамъ; 12) разсмотрѣніе новыхъ правилъ для читальни профессоровъ и студенческой бібліотеки, разборъ докладовъ бібліотечной комиссіи о результатахъ ея работъ по подготовленію печатнаго каталога бібліотеки института и обсужденіе различныхъ вопросовъ, относящихся къ предполагаемому печатанію каталога бібліотекъ высшихъ учебныхъ заведеній; 13) разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ распредѣленію дополнительной бумажн. въ 0,880 рубл. между наличными преподавателями института; 14) постановленіе о командированіи профессоровъ института на вышесказанные экзамены въ состоящую при институтѣ гимназію. Педагогическія совѣщанія въ теченіе года было 10. На совѣщаніяхъ этихъ обсуждались отклоненія студентовъ отъ порядка и дисциплины, замѣченныя дежурными наставниками и начальствомъ института, и разыскивались оныя причины, предотвращенію отклоненій этого рода и на будущее время. Служащія въ институтѣ лица выдали въ свѣтъ и приготовили для печати слѣдующіе учебно-литературные труды: директоръ института

Лавровскій окончилъ печатаніе и выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко (1820—1834 г.)“; инспекторъ, профессоръ Аристовъ напечаталъ въ Еженедѣл. Новомъ Времени двѣ статьи: „Русское боярство и русское духовенство къ концѣ XVIII столѣтія“ и „Изъ исторіи боярства XIV столѣтія“; законоучитель Хойнацкій помѣстилъ статьи: въ Холмско-Варшав. Епарх. Вѣдом.—„Изъ воспоминаній и записокъ бывшаго поклонника Почаевской лавры при Базиліанахъ“, въ Христіанскомъ Читеніи — „Коммунизмъ, его исторія, возрѣнія и задачи“, въ Черниговскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ—„Участіе сестеръ Нѣжинскаго Введенскаго монастыря въ дѣлахъ сердобольной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ въ прошедшую войну“, въ Странникѣ—„Римско-католическая церковь въ Америкѣ“, въ Церковномъ Вѣстникѣ—нѣсколько мелкихъ статей, проповѣдей и рѣчей по поводу текущихъ событій. Профессоры: Фохтъ напечаталъ: въ Извѣстіяхъ института—„Рѣчь Цицерона о консульскихъ провинціяхъ“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„О связи мыслей во 2-й книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ Цицерона“; Будиловичъ помѣстилъ: въ Извѣстіяхъ института статью „Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана“, эпизодъ изъ Хорватской исторіи, и выпускъ II сочиненія „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ“, въ Холмско-Варшавскомъ Епарх. Вѣстникѣ—статью „О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ“ и нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о Пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—критическую статью на 2-е изданіе Исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича; Люперольскій приготовилъ для произнесенія на торжественномъ актѣ для выпускныхъ студентовъ рѣчь „О политическихъ возрѣніяхъ Фукидида“; Никитинъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ института статью „Патмосскія схоли къ Демосѣену“; Гротъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ института историческій отдѣлъ своей магистерской диссертациі подъ заглавіемъ „Психологія чувствованій“ и началъ печатать теоретическій отдѣлъ этого сочиненія; Зенгеръ напечаталъ въ Извѣстіяхъ института статью „Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горация“; Брандтъ помѣстилъ въ томъ же изданіи „Историко-литературный разборъ поэмы Гундулича „Османъ“ и приготовилъ къ печати магистерскую диссертацию „О славянской аецентологіи“; Ждановъ изготовилъ и защитилъ изслѣдованіе на степень магистра „Къ ученію о греческомъ удареніи“. Преподаватели: Адриановъ приготовилъ для

произнесенія на торжественномъ актѣ института рѣчь „Нѣсколько словъ о государственной и литературной дѣятельности Цицерона“; Бѣлоруссовъ выпустилъ исправленное и значительно дополненное изданіе своего учебника „Теорія словесности“ и помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Репетиторство въ гимназіяхъ“.

Число учащихся въ институтѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1879 года состояло 60 студентовъ, именно: въ 1-мъ курсѣ 18, во 2-мъ—14, въ 3-мъ—12, въ 4-мъ—16. Послѣ курсовыхъ и окончательныхъ испытаній удостоено аттестатовъ на званіе учителей гимназій—15; переведено: изъ 3-го курса въ 4-й—10, изъ 2-го въ 3-й—13, изъ 1-го во 2-й—13; оставлено въ тѣхъ же курсахъ: одинъ студентъ 4-го курса, одинъ—3-го курса и три—1-го курса; уволено изъ института послѣ экзаменовъ съ званіемъ учителя уѣзднаго училища 3 студента, изъ нихъ одинъ по болѣзни, два за неуспѣшность. Въ августѣ принято вновь 27 студентовъ (9 стипендіатовъ Нѣжинской гимназіи, 2 съ аттестатами зрѣлости изъ другихъ гимназій, 2 на основаніи повѣрочныхъ испытаній по латинскому и русскому языкамъ, 13 по повѣрочнымъ испытаніямъ изъ всѣхъ требуемыхъ предметовъ, 1 переведенъ изъ С.-Петербургскаго историко-филологическаго института). Послѣ начала курса приняты безъ повѣрочныхъ испытаній по аттестатамъ зрѣлости: въ сентябрѣ—2 студента и въ ноябрѣ—1. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1880 года состояло въ институтѣ 71 студентъ, въ томъ числѣ: въ 1-мъ курсѣ—33 (4 бывшихъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, 13—воспитанниковъ гимназій, 16 воспитанниковъ духовныхъ семинарій), во 2-мъ—13, въ—3-мъ 14, въ 4-мъ—11. Всѣ 71 студентъ состояли на казенномъ содержаніи. Заболѣваній студентовъ въ теченіе года было 183 случая, которыя всѣ окончились выздоровленіемъ. Наибольшее число было болѣзней органовъ пищеваренія (60), наименьшее—травматическихъ поврежденій (2).

Учебныя пособія института находились въ слѣдующемъ положеніи: фундаментальная и студенческая бібліотеки къ 1-му января 1879 года состояли: первая—изъ 14,531 названій въ 35,446 томахъ на сумму 45,592 руб. 7 коп., вторая—изъ 325 названій въ 2,657 томахъ на сумму 3,178 руб. 6 коп. Въ теченіе 1879 года приобрѣтено вновь: въ фундаментальную бібліотеку—965 названій въ 1,864 томахъ на 4,945 руб. 32 коп., въ студенческую—130 названій въ 966 томахъ на 1,326 руб. 77 коп. Въ теченіе года убыло изъ послѣдней

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА.

Уже въ предисловіи къ моей „Фонетикѣ и Морфологіи“ сказано мною нѣсколько словъ о той роли, которую, на мой взглядъ, должно исполнить сравнительное языкознаніе въ школьной практикѣ. Затѣмъ, въ „Фил. Зап.“ за 1879 г., выпускъ II, въ статьѣ, озаглавленной „Къ теоріи латинскихъ падежей“, я старался указать, что примѣненіе результатовъ сравнительнаго языкознанія много способствуетъ правильному пониманію даже синтаксической стороны латинскихъ падежей. Такъ какъ, однако, особенно моя „Фон. и Морф.“, стоящая пока совершенно особнякомъ ¹⁾ въ русской литературѣ, возбуждаетъ разныя, отчасти даже довольно странныя недоумѣнія, то я позволю себѣ возвратиться еще разъ къ тому же самому предмету. Настоящія строки имѣютъ въ виду исключительно практическую сторону дѣла.

Преимущества научнаго метода въ преподаваніи древнихъ языковъ передъ традиціоннымъ въ принципѣ признаны, можно сказать, всѣми. Между прочимъ, изложены они въ Ж. М. Н. Пр., въ статьяхъ г. Д. Б — ва („Новый методъ преподаванія древнихъ языковъ“, 1874 г.) и г. Ф. Гельбеке („О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіи“, 1874 г.). Однако, не смотря на важное значеніе „новаго“ ²⁾ метода, съѣздъ филологовъ въ Галлѣ, въ 1867 г., принялъ относительно латинскаго языка слѣдующее положеніе: „Преподаваніе латинскаго языка, въ настоящее время (für jetzt), должно

¹⁾ Есть, правда, еще «Записки» г. Иванова; но онѣ, во первыхъ, литографированны и, во вторыхъ, мало приспособлены къ школьной практикѣ.

²⁾ Который, впрочемъ, въ 1866 г. праздновалъ уже 50-лѣтній юбилей.

вести такъ же, какъ и до сихъ поръ". Но г. В—въ надѣется, „что въ недалекомъ будущемъ методъ, введенный г. Курціусомъ въ греческую грамматику, будетъ преобладать и въ преподаваніи латинскаго языка; у насъ, за отсутствіемъ твердыхъ традицій, внесеніе новыхъ началъ и въ преподаваніе латинскаго языка могло бы совершиться скорѣе и легче, чѣмъ въ Германіи, гдѣ противъ новой методы борется прочно утвердившаяся старая". Къ послѣднему должно прибавить, что это лишь одно обстоятельство, неблагоприятное для новаго метода; но къ нему присоединяется еще и то, что, по моему мнѣнію, самый вопросъ о примѣненіи научныхъ результатовъ къ преподаванію латинскаго языка поставленъ, съ самаго же начала, нѣсколько неправильно, и, между прочимъ, даже Латтманномъ, какъ я объ этомъ упомянулъ въ „предисловіи". Тѣмъ не менѣе, это дѣло приобретаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ педагоговъ и ученыхъ, высказавшихся въ пользу введенія научныхъ началъ въ школьную грамматику латинскаго языка; но я ограничусь въ этомъ мѣстѣ однимъ примѣромъ, именно словами, которыми заканчиваетъ нѣкто Dr. Holzweissig свою любопытную брошюру, трактующую объ изложеніи синтаксиса падежей на основаніи результатовъ сравнительнаго языкознанія (Leipzig 1877): „Für die wissenschaftliche, wie für die Schulgrammatik ist die Benutzung der nunmehr als gesichert zu bezeichnenden Resultate der Sprachforschung eine Nothwendigkeit". Авторъ приводитъ главнымъ образомъ три довода для такого заключенія. Первый представленъ въ формѣ вопроса, обращеннаго противъ профессора Ланге: „Ist nicht Wahrheit und wissenschaftliche Gewissenhaftigkeit in gleichem Maasse oberstes Gesetz für Schulpraxis, wie für die Thätigkeit des Universitätslehrers?" (стр. 87). Другой читается въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ самомъ началѣ брошюры: „Seit Gottfried Hermann's Schrift: de emendanda ratione graecae grammaticae gilt begriffliches Verständniss der sprachlichen Thatsachen als höchste Aufgabe der Grammatik". Наконецъ, третій доводъ, касающійся болѣе всего настоящихъ моихъ строкъ, слѣдующій: „Die Benutzung der Resultate der vergleichenden Sprachforschung hat in das Chaos der Regeln und der Arten und Unterarten der Grammatik lichtvolle Klarheit gebracht; darum darf auch aus pädagogischem Interesse die Schulgrammatik denselben nicht fernbleiben".

Весь вопросъ сводится теперь уже только къ тому, на сколько удобоисполнимо примѣненіе научныхъ результатовъ къ школьной грам-

матриѣ. Въ этомъ отношеніи я вполне согласенъ съ словами статьи г. Гельбке: „Результаты сравнительнаго языкознанія могутъ быть передаваемы только тогда, когда въ высшихъ классахъ ученики уже вполне усвоили литературный языкъ по обыкновенной системѣ“. Въ предисловіи къ „Фон. и Морф.“ я указалъ примѣрно на два высшихъ класса, въ которыхъ могло бы имѣть мѣсто такое преподаваніе; но и здѣсь, конечно, долженъ быть соблюдаемъ извѣстный *modus in rebus*. Однако, и въ низшихъ классахъ не должно пренебрегать научнымъ методомъ, на сколько это возможно. Правда, „приложеніе результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію латинской этимологіи значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изученіе латинскаго языка начинается съ самыхъ низшихъ классовъ гимназій; поэтому, въ латинской грамматикѣ научные результаты языкознанія должны быть изложены еще въ болѣе понятной и доступной формѣ, чѣмъ въ греческой“. Что же, если удастся представить какой-нибудь результатъ научныхъ изслѣдованій въ требуемомъ г. В—вымъ видѣ?

Для примѣра приведу извѣстнѣйшую статью о названіяхъ городовъ. Еще грамматикъ Харизій означаетъ ее совершенно въ духѣ нашихъ грамматикъ: „... et in loco per genitivum, cum ex primo et secundo ordine (= склонение) veniunt, ut Romae sum, Beryti sum, domi sum; ... cum vero tertij ordinis sunt, ablativo casu utimur, veluti Carthagine sum, Sidone sum“; однако, тутъ же прибавляетъ: „quamquam recentiores Carthagini et Sidoni sum per dativum voluerunt, etenim dicimus ruri sum“. Такимъ же совершенно образомъ (исключая дат.) излагается эта конструкція и до сихъ поръ, не смотря на то, что существованіе значительныхъ остатковъ древняго мѣстнаго падежа въ латинскомъ языкѣ есть непреложная истина, давнымъ-давно доказанная наукой. А вѣдь не трудно согласовать научную истину съ теперешней школьной техникой этого правила. Стоитъ только вмѣсто словъ „ставится родительный“ сказать „ставится мѣстный падежъ, который сходенъ съ родительнымъ“. Можетъ быть, возразятъ мнѣ, что для практики это безразлично; все равно выйдетъ „Romae, Corinthi“. Положимъ, для практики это безразлично; но не безразлично оно съ точки зрѣнія научной истины. Впрочемъ, и мы, практики, часто стараемся какъ можно лучше представить ученикамъ разницу даже тамъ, гдѣ, скажемъ это прямо, для композиціи или extempore эта разница мало значить. Такъ, на примѣръ, при *verba affectuum* приводится, впрочемъ, совершенно вѣрное правило, что *acc. s. inf.*

обозначает предмет радости, удивления и пр., а *quod* — причину. Но дѣло въ томъ, что по большей части можно выразить одну и ту же мысль безразлично тѣмъ или другимъ способомъ. Или, еслибъ ученикъ вмѣсто: *gaudeo tibi iucundas esse meas litteras* (Cic. Q. fr. 2, 10) и: *tu quod adhuc Brundusii moratus es, valde gaudeo* (fam. 15, 17),—еслибъ, говорю я, ученикъ въ первомъ случаѣ поставилъ *quod*, а во второмъ асс. с. *inf.*, развѣ будетъ ему это сочтено за ошибку? Не думаю. Значить, обѣ конструкціи для ученика равносильны ¹⁾; но тѣмъ не менѣе объясняемъ собственное значеніе каждой и ихъ разницу между собой.

Спрашивается, почему нельзя было бы объяснять и разницу двухъ или болѣе значеній одной и той же конструкціи или формы? Зачѣмъ довольствоваться механическими, неосмысленными приемами, если они идутъ въ разрѣзъ съ научной истиной? Или зачѣмъ не назвать эту истину ея настоящимъ именемъ? Вѣдь есть же мѣстный падежъ и въ русскомъ языкѣ! Слѣдовательно, русскому ученику онъ не будетъ въ диковину. Напротивъ, пониманіе этой конструкціи только выиграетъ отъ привлеченія къ сравненію русской аналогіи. По опыту знаемъ, что сами ученики, которые повнимательнѣе, относительно „родительнаго“, на вопросъ „гдѣ“ непременно задаютъ вопросъ: „съ какой стати тутъ родительный?“ — „А вотъ съ какой!“ отвѣчаемъ; „по русски имѣемъ предложный или, иначе, мѣстный падежъ, который служитъ для выраженія обстоятельства мѣста на вопросъ „гдѣ“. Вотъ и въ латинскомъ языкѣ былъ когда-то такой же мѣстный падежъ, который со временемъ сталъ выходить изъ употребленія; однако, со всѣмъ онъ никогда не исчезалъ: остались кое-какіе остатки навсегда, напримѣръ, *domi, ruri, Corinthi, Romae* и пр.“. Такое объясненіе, доступное даже самому младшему возрасту, удовлетворяетъ и педагогическимъ и научнымъ цѣлямъ, и притомъ нисколько не можетъ затруднять учениковъ.

Изъ этого примѣра видно, что примѣненіе результатовъ сравнительнаго языкознанія къ латинской грамматикѣ вовсе не такъ страшно, какъ иногда кажется. Конечно, все зависитъ отъ того, чтó подразумевается подъ результатами сравнительнаго языкознанія и какъ примѣняется. Еслибъ кто-нибудь думалъ, что онъ непременно долженъ

¹⁾ Конечно, есть и исключенія; но гдѣ же нѣтъ исключеній? Даже «род.», на вопросъ «гдѣ» не остался безъ нихъ, напримѣръ, Cic. Att. 8, 3, 6: *Navis et in Caieta est parata nobis et Brundisii.*

привлекать къ сравненію всѣ ему извѣстные и даже неизвѣстные языки или что при объясненіи какаго-нибудь римскаго или греческаго историка долженъ диктовать своимъ слушателямъ Шлейхеровскія грунд-формы (такъ именно, какъ я слышу, практикуется въ какомъ-то университетѣ злополучное сравнительное языкознаніе съ неизбѣжнымъ „санскритскимъ“ языкомъ), то онъ оказалъ бы этой наукѣ только медвѣжью услугу. Я здѣсь говорю, конечно, о преподавателяхъ двухъ классическихъ языковъ, но не санскритскаго. Спеціальная грамматика, особенно школьная, должна слѣдовать болѣе приѣмамъ того подраздѣленія сравнительнаго языкознанія, которое называется историческимъ, то-есть того способа, который привлекаетъ къ сравненію не столько разные языки, сколько разные періоды развитія одного и того же языка, а также формы одного и того же времени, но представляющія собою результаты разныхъ формацій. Вѣдь поверхность языка всегда болѣе или менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Изъ другихъ языковъ слѣдуетъ сравнивать только такіе, которые учащемуся хорошо извѣстны, слѣдовательно, въ гимназій исключительно только древніе языки и отечественный. Есть, однако, случаи, гдѣ наука не можетъ не перейти за эту черту; но и въ этомъ случаѣ въ школьной грамматикѣ объясненіе должно приурочить какъ-нибудь къ названнымъ тремъ языкамъ. Такъ, напримѣръ, значеніе латинскаго аблятива объясняется вполне лишь изъ санскритскаго и зендскаго языковъ, такъ какъ его тремъ основнымъ значеніямъ въ этихъ языкахъ соотвѣтствуютъ еще самостоятельные падежи (*ablat.*, *loc.*, *instrum.*). Это одно изъ самыхъ интересныхъ и притомъ самыхъ важныхъ для латинской грамматики открытій собственно сравнительнаго языкознанія, такъ какъ оно весьма ясно освѣщаетъ кажущуюся путаницу многочисленныхъ подраздѣленій латинскаго аблятива, и поэтому такого факта никакъ нельзя обойти. Это, конечно, соблазнительный случай для санскритской декламаціи; однако, оно можетъ быть объяснено вполне удовлетворительно даже въ томъ случаѣ, если ограничиться только русскимъ, латинскимъ и греческимъ языками. Исходною точкою для этого можетъ служить латинское и русское названіе упомянутаго падежа. Русскій „творительный“ указываетъ на средство или орудіе, при помощи котораго что-нибудь „творится“ или совершается, между тѣмъ какъ латинскій „*ablativus*“ обозначаетъ предметъ, отъ котораго что-нибудь удаляется (*aufero*, *abstuli*, *ablatum*). Ни то, ни другое названіе не исчерпываетъ всего объема латинскаго шестаго падежа, а напротивъ,

каждое изъ нихъ обнимаетъ только извѣстную часть его значеній. Обѣ эти части были когда-то самостоятельными падежами, то-есть *ablativus* былъ одинъ падежъ, а творительный—другой, отличный отъ аблятива. Въ латинскомъ же языкѣ оба эти падежа соединились въ одинъ, въ то время какъ по русски и по гречески *ablativus* слился съ родительнымъ. Тѣмъ и объясняется, почему примѣры собственнаго аблятива по русски передаются чрезъ родительный. Къ названнымъ двумъ падежамъ по латыни присоединился еще третій, именно мѣстный, отъ котораго тѣмъ не менѣе остались еще кое-какіе остатки даже въ латинскомъ языкѣ. Кто пожелаетъ, можетъ изъ всего этого сдѣлать выводъ, что, слѣдовательно, первоначально было 8 падежей, изъ которыхъ въ греческомъ языкѣ осталось 5, а въ латинскомъ 6, именно:

русск.		греч.		основн.		лат.	
имен.	=	{	nom. =	nom.	=	nom.	
			voc. =	voc.	=	voc.	
вин.	=		acc. =	acc.	=	acc.	
род.	=	gen. =	{	gen.	=	gen.	
				abl.	=		
твор.	}	=	dat. =	{	=	abl.	
мѣст.							loc.
дат.							dat.

Я думаю, что такое изложеніе научной истины не превышаетъ силъ учениковъ, напримѣръ, даже V класса, въ которомъ повторяется, съ дополненіями, статья о падежахъ, пройденная еще въ III и IV классахъ.

*
*
*

Если придерживаться вышеуказаннаго принципа, то „новый“ методъ не представляетъ большаго затрудненія даже въ этимологіи, на которую можно обращать вниманіе уже съ V класса въ томъ случаѣ, если читается Саллюстій. Архаическую рѣчь этого писателя нужно все равно объяснять, такъ или иначе. Одинъ изъ самыхъ важныхъ случаевъ этого рода заключается въ извѣстныхъ винительныхъ на *-is* въ такихъ примѣрахъ, какъ: *omnis fore res asperas, in duas partis* и пр. Кстати, при объясненіи этой формы не трудно дать правильное понятіе объ основахъ или темахъ именъ существительныхъ. Обыкновенныя грамматики, не обращая вниманія на разницу между „корнемъ“ и „основою“, доходятъ въ этомъ отношеніи иногда до невѣроятнаго. Такъ, напримѣръ, извѣстнѣйшая у насъ грамматика Р. Кюнера раздѣляетъ третье склоненіе на 3 подраздѣленія, основывающіяся отчасти

(я говорю отчасти) на правдѣ, какъ можно убѣдиться изъ § 87 „Фон. и Морф.“; однако, какія при этомъ опредѣленія! Напримѣръ § 19 имѣетъ заглавіе: „именительный представляетъ корень“, и затѣмъ приводятся, какъ парадигмы, не только *color* и *anser*, но даже *animal* и *calcar*; между тѣмъ *animal* и *calcar* не есть ни основа (= *animali-*, *calcari-*), ни корень (вѣдь это слова производныя отъ *anima* и *calx*!). Далѣе, § 21 озаглавленъ: „къ корню въ именительномъ прибавлено окончаніе *s*“, и затѣмъ слѣдуютъ парадигмы: *radix*, *urbs*, *laus* (корень или лучше основа есть, слѣдовательно, *lau!*), *avis* и *pubes*. Самый интересный, однако, § 20: „Именительный представляетъ чистый корень, измѣненный въ косвенныхъ падежахъ для благозвучія“. Между парадигмами находимъ не только *pater patr-is*, *nomen nom-in-is*, *corpus corpor-is*, но и *mare mar-is* и даже *leo leon-is* (выходить, что въ род. буква *n* вставлена для благозвучія!). Такого же свойства и опредѣленіе корня (то-есть собственно основы) въ § 25, который гласитъ: „Степени сравненія имѣютъ такія-то окончанія. Эти окончанія прибавляются непосредственно къ корню слова именъ прилагательныхъ и причастій; корень получится, когда во второмъ склоненіи въ родительномъ отнимемъ окончаніе *i*, а въ третьемъ *is*“; въ дѣйствительности же, по отнятіи окончанія *i* или *is*, обыкновенно не получится ни корень, ни основа! И такъ, мнѣ кажется, что по книгѣ Кюннера врядъ ли можно приобрѣсть хоть сколько-нибудь удовлетворительное представленіе объ основѣ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, не говоря даже объ отличіи основы отъ корня. Впрочемъ, такое же опредѣленіе основы даютъ и остальные грамматики, составленныя по традиціонному методу, напримѣръ, Зейффертъ въ § 28: „Та часть имени, которая остается по отнятіи окончанія родительнаго падежа, называется основой слова, напримѣръ, *pater patris* основа *patr*“. И такъ какъ въ § 30 указываются какъ окончанія род. падежа: *ae* для перваго склоненія, *i* для втораго, *is* для третьяго, *us* для четвертаго и *ei* для пятаго, то, слѣдовательно, отъ *mensae* основа *mens*“, отъ *senatus* основа *senat*, а отъ *rei* даже одно *r*! Но и смѣшеніе корня и основы найдемъ у Зейфферта, если сейчасъ упомянутое правило сопоставимъ съ § 73: „окончаніе *ior* и *ius* прибавляется къ корню слова, который можно узнать по род. падежу, напримѣръ, *altus alt-i alt-ior*“: слѣдовательно, *alt* по § 73 — корень, а по § 30 основа, но на дѣлѣ ни то, ни другое (ибо корень *al*). Положимъ, такъ оно практично; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и невѣрно, какъ явствуетъ уже изъ одного сопоставленія нѣкоторыхъ классическихъ формъ ла-

тинскаго языка съ соответствующими древними формами. Напримѣръ, *vm. senatus* встрѣчается болѣе древняя форма *senatuis*. Если выше-приведенное правило примѣнить и здѣсь, то отъ *senatuis* получится основа *senatu*, а отъ *senatus*—*senat*. Подобнымъ образомъ изъ древней формы *aqua-i* (= *aquae Virg. Aen. 7, 464*) видно, что суффиксомъ здѣсь не *ae*, а только *i*, измѣнившееся впоследствии въ *e*, и, слѣдовательно, основа не *aqu*, а *aqua*. Стало быть, и въ *ge-i* основой будетъ не одно лишь *g*, а *ge*. Достоинъ замѣчанія то обстоятельство, что чистая основа легче всего узнается не по род. ед. числа, а скорѣе множественнаго. Такъ какъ суффикса род. падежа множ. числа два: *-um* и *-ium*, то, по отдѣленіи ихъ отъ остальной части слова, получится для *terga-um* основа *terga*, отъ *equo-um* основа *equo* (однако, съ разницей въ количествѣ гласнаго *o!*), отъ *ge-um* основа *ge*, отъ *senatu-um* основа *senatu*, отъ *reg-um* основа *reg*, а отъ *civi-um* основа *civi*. И вотъ выходитъ, что въ первому склоненію принадлежатъ основы на *a*, ко второму основы на *o*, къ четвертому основы на *u* и къ пятому основы на *e*; къ третьему же склоненію принадлежатъ отчасти основы, оканчивающіяся на согласныя, отчасти основы на гласный звукъ *i*. Этимъ само собою объясняется извѣстное „исключеніе“, состоящее въ томъ, что многія существительныя 3-го склоненія имѣютъ „неправильное“ окончаніе *-ium*. Окончаніе это, напротивъ, совершенно правильно; ибо изъ основы *civi*+суффикса *-um* не могло ничего болѣе правильнаго произойти, какъ именно *civium*. Установивъ правильный взглядъ на основу именъ, мы легко можемъ себѣ уяснить причину, почему Саллюстій употребляетъ окончаніе *-is* въ вин. множ. числа какъ разъ отъ тѣхъ лишь существительныхъ, которыя въ род. мн. оканчиваются на *-ium*, и почему также въ вин. и твор. ед. многія изъ тѣхъ же словъ имѣютъ окончаніе *-im* и *-i*.

Такой приступъ къ объясненію латинскихъ склоненій, соответствующему результатамъ науки, нисколько не можетъ затруднять учениковъ даже самыхъ младшихъ классовъ, тѣмъ менѣе онъ неудобенъ для V класса. Напротивъ; такое объясненіе даже способно въ высшей степени заинтересовать учащихся. Попробуйте только, сосредоточивъ предварительно вниманіе учениковъ, произнести слѣдующую фразу: „тѣ 5 склоненій, которыя вы знаете, не 5 склоненій, а 6“. Попробуйте произнести эти слова, и любуйтесь потомъ впечатлѣніемъ, которое они произведутъ на классъ.—„Какъ же шесть?“ Чтобъ на это отвѣтить, мы начнемъ съ сопоставленія, напримѣръ, слова *principes* съ однимъ изъ тѣхъ, которыя въ вин. ед. оканчиваются на *-im*, въ

твор. на -i, въ род. мн. на -ium и, слѣдовательно, у Саллюстія въ вин. мн. на -is:

основа на согласный:	основа на i:
ед. им. princip-s	turri-s
род. princip-is	turris
дат. princip-i	turri
вин. princip-em	turrim
твор. princip-e	turri
мн. им. princip-es	turres
род. princip-um	turri-um
дат. princip-i-bus	turri-bus
вин. princip-es	turris

Точно такая разница при именахъ средняго рода, напримѣръ:

ед. им. вин. зв. pomen	animal
род. pomín-is	animalis
дат. pomín-i	animali
твор. pomín-e	animali
мн. им. вин. зв. pomín-a	animali-a
род. pomín-um	animali-um
дат. твор. pomín-i-bus	animali-bus

Слѣдовательно, вся сила тутъ не въ „исключеніи“ или въ „неправильности“ склоненія, а въ томъ, что въ составъ 3-го склоненія входятъ основы двоякаго рода: во первыхъ, основы на согласные звуки, и, во вторыхъ, основы на -i. Тѣ и другія основы склоняются свойственнымъ каждой изъ нихъ способомъ, то-есть основы на согласные однимъ, а основы на -i другимъ. Такимъ образомъ, 3-е склоненіе составлено собственно изъ двухъ (хотя очень близкихъ другъ къ другу); а всѣхъ склоненій основъ, слѣдовательно, шесть:

1) склоненіе основъ на	-a : mensa-rum	= I	склоненіе.
2) " " "	-o : servo-rum	= II	"
3) " " " согласный :	reg-um	}	= III
4) " " "	-i : civi-um		
5) " " "	-u : fructu-um	= IV	"
6) " " "	-e : re-rum	= V	"

* * *

Въ греческомъ языкѣ есть два перфекта, какъ, впрочемъ, уже давно извѣстно (см., напримѣръ, грамматику Буттманна въ переводѣ Попова, 1831 г.). Оба перфекта спрягаются совершенно одинаково,

отличаясь (кроме того, что одинъ образуется отъ корня, другой по большей части отъ производныхъ основъ) главнымъ образомъ своими суффиксами *ха* и *а*. Это знаютъ теперь даже въ IV классѣ. Но спросите въ любомъ классѣ: „сколько же формъ прошедшаго совершеннаго въ латинскомъ языкѣ?“ Вѣроятно, не найдется ни одного ученика, который сумѣлъ бы ихъ сосчитать быстро, даже въ томъ случаѣ, если классъ уже проходилъ систематическую просодію. Въ этой части грамматики непрѣнно дѣлаются нѣкоторыя указанія на разныя формациі прошедшаго совершеннаго. Однако, такъ какъ въ просодіи главное дѣло — количество слоговъ, то эти указанія не всегда безукоризненны съ морфологической точки зрѣнія. Таково, напримѣръ, изложеніе Зейфферта (прил. I, § 2), который выставляетъ два правила относительно перфекта:

„1) двусложныя perfecta имѣютъ первый слогъ долгимъ, даже и въ томъ случаѣ, если гласный звукъ въ praes. кратокъ: *veni, vidi, vici*. Исключаются 7 perfecta: *bibi, dedi, fidi, steti, stiti, tuli, scidi*.

„2) perfecta, образовавшіяся при помощи удвоенія, имѣютъ первый слогъ краткій, а также второй, если не препятствуетъ этому положеніе: *tetigi, didici—fefelli, cuscurgi*“. Какъ видно, изъ прошедшихъ совершенныхъ, образовавшихся при помощи удвоенія, исключено у Зейфферта даже *dedi*, которое перенесено въ пунктъ первый.

Лучше составлено это правило у Шульца-Ходобая: „Всѣ perfecta безъ удвоенія имѣютъ предпоследній слогъ долгій, а perfecta съ удвоеніемъ—короткій; стало быть: *legi, feci, movi*; напротивъ, *tutudi, repuli, dedi, steti*; сюда же относятся нѣкоторыя perfecta, въ которыхъ удвоеніе выпало для благозвучія, какъ *tuli* (Теренцій еще часто употребляетъ *tetuli*), *bibi, fidi*. По положенію имѣютъ предпоследній слогъ долгій *tomordi* и др., по природѣ только *cesidi*“.

Въ этихъ правилахъ выдѣляется отчетливо лишь одно perfectum, именно pf. съ удвоеніемъ; и поэтому, мнѣ кажется, даже такой ученикъ, который уже училъ просодію, далеко не всегда имѣетъ правильное представленіе о томъ, какъ же это образовалось латинское perfectum. А между тѣмъ нисколько не затруднительно для него, если ему объяснить, что въ латинскомъ языкѣ есть отчасти простыя формы прошедшаго совершеннаго, образовавшіяся только съ помощью знака *-i* (ср. греч. *α*), отчасти же и сложныя, образовавшіяся, подобно греческимъ на *-ха*, посредствомъ суффиксовъ *-si* (который, въ свою очередь, есть perf. отъ корня *es*) и *-vi* или *-ui* (которые = perf. отъ корня *fu*, именно *fui*). Такъ какъ простое прош. сов. опять-таки

образовалось двоякимъ образомъ, чрезъ удвоеніе и чрезъ усиленіе кореннаго гласнаго, то для латинскаго языка выходятъ четыре формы прош. сов.:

1. Простое прошедшее совершенное:

а) прош. сов. съ удвоеніемъ (perf. I). Для просодіи можно замѣтить, что гласный удвоенія коротокъ (какъ и въ греческомъ языкѣ), напримѣръ, de-di, ste-ti (которое стоитъ вмѣсто *ste-sti), bi-bi, re-puli и пр. Точно также короткій гласный корня остается короткимъ, напримѣръ, re-pul-i, se-cid-i (отъ cad-o) и пр.; напротивъ, se-cid-i (потому что отъ caed-o). а также mo-mord-i, re-pond-i и пр., гдѣ долгота по положенію. Удвоеніе выпало въ tuli (вм. древняго te-tuli), scidi (вм. древняго sci-cidi, то-есть sci-scidi) и fidi, чѣмъ и объясняется краткость кореннаго гласнаго. Остатокъ древняго удвоенія при tuli сохранился въ орфографіи слова rettuli (вм. re-t[e]-tuli); подобнымъ образомъ и re-p-peg-i, re-p-puli;

б) прош. сов. съ усиленіемъ (удолженіемъ) кореннаго гласнаго (perf. II), а именно удолжается:

а въ долгое е : frango кор. frag (= ῥαγ изъ *Frαγ*, ср. ἐῤῥάγγη изъ ἐ*Frάγγη*) perf. fregi; только передъ b и v въ a: scab-o scab-i, lav-o lav-i.

e „ e : ven-io ven-i, leg-o leg-i.

o „ o : fod-io fod-i, mov-eo mov-i.

i „ i : vid-eo vid-i, vinco кор. vic (ср. vic-tor) perf. vic-i.

u „ u : fug-io fug-i.

Этимъ объясняется, почему двусложные перфекты, не образовавшіяся посредствомъ удвоенія, имѣютъ предпоследній слогъ долгій.

2. Сложное прошедшее совершенное:

а) прош. сов. съ суффиксомъ -si (perf. III). Суффиксъ -si слагается по большей части съ чистымъ корнемъ; только носовой звукъ основы настоящаго переходитъ и въ perf. III, напримѣръ, rango ranxi, хотя кор. rag, какъ видно изъ pf. II: peg-i и pf. I: re-pig-i, или iunxi, хотя кор. iug, какъ видно, изъ iug-um. Гортанные передъ s переходятъ въ c, но вм. cs употребляется буква x: rex=rec+si изъ reg+si; губные превращаются въ p: scrip+si вм. scrib+si; зубные по большей части выпадаютъ: divi-si вм. divid+si.

б) прош. сов. съ суффиксомъ -vi или -ui (perf. IV). Посредствомъ суффикса -vi образуютъ свое прош. сов. только такіе основы и корни, которые оканчиваются на гласный звукъ; послѣдній же передъ -vi

непремѣнно долготъ, напримѣръ, si-vi, хотя въ si-по гласный i коротокъ.

Въ большинствѣ случаевъ каждый корень присвоилъ себѣ тотъ или другой способъ образования прошедшаго совершеннаго, съ исключеніемъ остальныхъ трехъ. Однако, все-таки сохранилось нѣсколько примѣровъ болѣе чѣмъ одной основы прошедшаго совершеннаго отъ одного и того же корня. Сюда принадлежать:

I	II	III	IV
repigi	pegi	panxi	—
rupigi	—	(com)- punxi	—
cecini	—	—	con-cinui
—	legi	di- intel- neg- vulsi	lexi —
—	velli	de- pro- su- mpsi	—
—	fervi	—	ferbui
—	plui	—	pluvi
—	—	sorpsi	sorbui
—	—	al- il- pel- lexi	e-licui

Вѣроятно, всякому изъ насъ приходилось рѣшать вопросъ: „что лучше, cum или quum?“, такъ какъ въ изданіяхъ для учениковъ встрѣчается то та, то другая форма этого союза. Мы отвѣчаемъ, что cum лучше. При этомъ обыкновенно найдется одинъ или другой на столько любознательный, что непремѣнно задастъ вопросъ: „а зачѣмъ cum?“ Пользуясь такимъ вопросомъ, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя фонетическія объясненія. Какъ прежде было сказано, ко второму склоненію принадлежать основы на -o, напримѣръ, servo-gum, основа servo (съ короткимъ o). Если къ этой основѣ присоединить суффиксъ именительнаго -s, то образуется servo-s, слѣдовательно, совершенно такъ, какъ въ греческомъ ἀγρό-ς. Точно такъ въ вин. ед. ч. выйдетъ servo-m, совершенно какъ греческое ἀγρό-ν. Но въ латинскомъ языкѣ гласный o въ конечныхъ слогахъ сталъ мало по малу ослабляться въ u, напримѣръ, samu-s, agui-m (хотя греческое ἀγρό-ν). Однако,

послѣ *u*, *v*, *qu*, по закону различенія (или диссимиляціи), долгое время сохранялось древнее *o* неизмѣненнымъ; и еще Цицеронъ говорилъ *servos servom*, *ingenuos ingenuom*, *equos equom*, равно какъ и *vivunt*, *relinquunt*. Такимъ же образомъ говорили и *quom*. Но уже при Августѣ рядомъ съ *mortuom* писали также *mortuum*, *equum*, *relinquunt* и пр. Если же такимъ образомъ должно было выйти сочетаніе *quu*, то оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перемѣнялось въ *cu*, напримѣръ, *eculeus* вм. *equuleus*, *locutus* вм. *loquutus*, *cocus* = *coquus*, и точно также *cum* вм. *quum*.

* *

Каждый ученикъ знаетъ, что сліяніе ¹⁾ въ греческихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ играетъ отчасти довольно значительную роль. Но скажите ему, чтобъ онъ вамъ указалъ какой-нибудь примѣръ сліянія въ латинской флексіи, и ваше требованіе навѣрное его озадачитъ. А все-таки есть довольно очень ясныхъ примѣровъ сліянія. Такъ, напримѣръ, родительный ед. ч. отъ основъ на *-iо* употреблялся по большей части только въ слитной формѣ, и не только отъ собственныхъ именъ, напримѣръ, *Tulli*, *vatis* *Horati*, *Gai*, но даже и отъ нарицательныхъ (у *Virgilia*, *Goracia*, *Salustia*), напримѣръ *negoti*, *ingeni* и пр. Такое же сліяніе имѣется и въ звательномъ падежѣ нѣкоторыхъ основъ на *-iо*, напримѣръ, *Virgili*, *fili*. Далѣе, въ дат. ед. по 4 склоненію: *cogni*, рѣже *fructu* вм. *fructui*. Сліяніемъ объясняется и разница количества гласнаго *i* въ *tubicen* и *tibicen* (изъ *tibiicen*), равно какъ и форма *gratis* (*gratiis*), глаголы *graebeo* и *debeo* (у *Плавта* есть еще *graehibeo* и *dehibeo*) и множество другихъ случаевъ. Есть въ латинскомъ языкѣ и слитные глаголы, о чемъ, конечно, и подозревать нельзя тому, кто учится или учился по традиціонной грамматикѣ. Въ этой грамматикѣ говорится просто: „такой-то падежъ въ такихъ-то случаяхъ оканчивается такъ-то“; но почему онъ такъ оканчивается, до того традиціонному эмпиризму дѣла нѣтъ. Даже *amasti*, *amastis*, *amaunt* и пр. объясняется просто чрезъ „выпущеніе буквъ“ или „сокращеніе формы“ (ибо форма при этомъ становится дѣйствительно короче). Такъ какъ обыкновенный методъ только учить, что такой-то родъ словъ имѣетъ такіа-то окончанія, но не объясняетъ, какъ эти окончанія произошли, то ученикъ не можетъ имѣть хоть сколько-

¹⁾ Надо различать между *сліяніемъ* (то-есть стяженіемъ двухъ сталкивающихся гласныхъ въ одинъ) и *сокращеніемъ* (обозначающимъ, что долгій слогъ дѣлается короткимъ).

нибудь вѣрнаго понятія объ отношеніи такъ называемыхъ „исключеній“ къ „правильнымъ формамъ“, равно какъ и объ отношеніи этихъ послѣднихъ между собою. Ученикъ знаетъ, что отъ *fructus* дат. падежъ будетъ *fructui*, но отъ *согни* опять *согни*. Однако спросите его, какъ относится окончаніе *и* въ *согни* къ окончанію *иі* въ *fructui*, и онъ рѣшительно не будетъ знать, что отвѣтить на вашъ вопросъ, или въ крайнемъ случаѣ вамъ придется услышать, что „*и*“ есть окончаніе дат. средняго рода и „*иі*“ — мужскаго. Это совершенно естественно! Вѣдь старій методъ разсматриваетъ языкъ какъ нѣчто данное, явившееся на свѣтъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ его знаютъ. Между тѣмъ языкъ не есть какой-нибудь готовый организмъ, а, напротивъ, живой организмъ, который возникаетъ, растетъ, измѣняется и со временемъ совершенно перерождается въ новые, подобные ему организмы. Въ немъ ничего не дано; все только результатъ прошлой жизни. Формы языка имѣютъ свой генезисъ, свою исторію. И если хотимъ ихъ не только знать, но и понимать, то должны имѣть какое-бы то ни было понятіе объ ихъ исторіи, о томъ, какъ онѣ образовались. Вотъ къ этому именно стремится „новый“ методъ, который, насколько касается школьной практики, лучше всего называется просто генетическимъ (такъ какъ онъ даетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о генезисѣ той или другой формы); названіе „историческій“ было бы слишкомъ широко и еще шире названіе „сравнительный“. Итакъ, старій методъ не объясняетъ генезиса формъ; поэтому всякая какъ-нибудь отступающая форма является для него какъ нѣчто новое, самостоятельное, не находящееся съ другими формами ни въ какой связи. Это именно касается между прочимъ и отношенія между *fructui* и *согни*. Традиціонная грамматика не находитъ пужнымъ указать на то, что *согни* произошло чрезъ сліяніе изъ *согниі*, какъ наоборотъ, вмѣсто *fructui* у нѣкоторыхъ писателей (особенно Цезаря) употребляется такжѣ *fructu* съ тѣмъ же сліяніемъ, какъ въ *согни*. Поэтому, напримѣръ, въ предложеніи: *portuque subimus Chaonio* (Аен. III, 292) не всякому ученику сразу придетъ въ голову, что *portu*—дат. падежъ; вѣдь *portus*, дескать, не средняго рода! И если ученикъ будетъ гдѣ-нибудь справляться, то, можетъ быть, найдетъ, что *portu* есть устарѣлая форма вмѣсто *portui*, не смотря на то, что неслитная форма бываетъ старѣе слитной. *Portui* есть именно такая неслитая форма, составившаяся изъ основы *portu* (ср. *portu-um*, *portu-bus*) и падежной приставки или суффикса *i*. Такой случай удобенъ для того, чтобы съ одной стороны, указать на значеніе сліянія въ склоненіи, а съ другой,

чтобы дать болѣе вѣрное понятіе о падежныхъ приставкахъ. Для этой цѣли сравнимъ, напр., склоненіе словъ *prīncēps*, *turrīs*, *quercus* и склоненіе слова *πόλις* (по Гомеру и Геродоту):

основа: <i>prīncip</i>	<i>πόλι</i>	<i>turri</i>	<i>quercu</i>
sg. nom. <i>prīncēps</i>	<i>πόλις</i>	<i>turris</i>	<i>quercus</i>
gen. <i>prīncipis</i>	<i>πόλιος</i>	<i>turris</i>	<i>quercus</i>
dat. <i>prīncipi</i>	<i>πόλι</i>	<i>turri</i>	<i>quercu</i>
	(долгое ι)		
acc. <i>prīncipem</i>	<i>πόλιον</i>	<i>turrim</i>	<i>quercum</i>
abl. <i>prīncipe</i>	—	<i>turri</i>	<i>quercu</i>
pl. nom. <i>prīncipes</i>	<i>πόλιες</i>	<i>turres</i>	<i>quercus</i>
	или <i>πόλεις</i>		
gen. <i>prīncipum</i>	<i>πολίων</i>	<i>turrium</i>	<i>quercuum</i>
dat. <i>prīncipibus</i>	—	<i>turribus</i>	<i>quercubus</i>
acc. <i>prīncipes</i>	<i>πόλιες</i>	<i>turris</i>	<i>quercus</i>
	или <i>πόλις</i>		
	или <i>πόλεις</i>		

Изъ этого сопоставленія прежде всего видно, что падежныя приставки (суффиксы) слѣдующія:

sg. nom.—s, gen.—is, dat.—i, acc.—em, abl.—e
 pl. „ —es, „ —um, „ —bus, „ —es, „ —bus.

Эти приставки лучше всего отдѣляются въ склоненіи согласныхъ основъ (*prīncip-um*), при которыхъ, однако, передъ суффиксомъ—bus, (сохранившемся еще въ *bo-bus* изъ **bov+bus*, а не изъ **bov--ibus*) видимъ лишнее i, которое не принадлежитъ ни къ основѣ, ни къ приставкѣ ¹⁾. Наоборотъ при основахъ на -i и -u отдѣляется приставка отъ основы только въ им. ед. *turri+s*, *quercu+s*, род. мн. *turri+um* *quercu+um*, дат. твор. мн. *turri+bus*, *quercu+bus* и въ дат. ед. отъ основъ на -u: *quercu+i*. Во всѣхъ остальныхъ формахъ этихъ словъ имѣется очевидно слияніе. Такое же слияніе видимъ отчасти также въ

¹⁾ Появленіе гласнаго i объясняется болѣе всего сближеніемъ склоненія согласныхъ основъ и основъ на -i. Подобнымъ образомъ, какъ со временемъ *vm. turrim* вошло въ употребленіе *turrem*, *civem* и пр., и *cive*, *hoste* и пр. подъ вліяніемъ аналогіи съ *reg-em* и *reg-e*, такъ, наоборотъ, въ древнемъ *senator-bus* **prīncip+bus* (ср. *bo+bus*) начали расширять основу *senator-*, *prīncip-* и пр. въ *senatori+bus*, *prīncipi+bus* и пр., вслѣдствіе аналогіи съ *civi+bus*. Отчасти же объясняется это просто облегченіемъ произношенія (ср., напр., *prīncip+bus*, **reg+bus* и т. п.).

греческой парадигмѣ, именно, кромѣ древнѣйшаго слияніа въ вин. $\rho\acute{o}\lambda\upsilon$, особенно въ дат. ед. $\rho\acute{o}\lambda\iota$ (въ которомъ долгота гласнаго ι , равно какъ и аттическое $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota$, указываютъ на сравнительно очень молодое слияніе). Такого же свойства и вин. мн. $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ (съ долгимъ ι), слияніе котораго, въ виду аттического $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ (встрѣчающагося, впрочемъ, также у Гомера) и іоническаго $\rho\acute{o}\lambda\iota\text{-}\alpha\varsigma$ (у Геродота), происходитъ, такъ съсвязать, еще только на нашихъ глазахъ. Поэтому не трудно понять, что, кромѣ $turr\grave{e}m$ (вм. $*turr\grave{i}+em$), имѣется слияніе въ дат. ед. $turr\grave{i}$ (изъ $*turr\grave{i}+i$) и вин. мн. $turr\grave{i}\varsigma$ (вм. $*turr\grave{i}+es$) и, слѣдовательно, также въ имен. мн. $turr\grave{i}\varsigma$ (вм. $*turr\grave{i}+es$, ср. греческое неслитное $\rho\acute{o}\lambda\iota\text{-}t\epsilon\varsigma$ и слитное $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$), затѣмъ въ род. ед. $turr\grave{i}\varsigma$ (вм. $*turr\grave{i}+is$, ср. греческое неслитное $\rho\acute{o}\lambda\iota\text{-}\tau\omicron\varsigma$), и, наконецъ, въ твор. ед. $turr\grave{i}$ (вм. $*turr\grave{i}+e$). Совершенно также вин. ед. $fructum$ (вм. $*fructu+em$), имен. вин. мн. $fructus$ (вм. $fructu+es$), твор. ед. $fructu$ (вм. $fructu+e$); при формѣ родительнаго ед. числа $fructus$ встрѣчается также неслитное $fructu+is$, и, наоборотъ, въ дат. ед. ч. рядомъ съ неслитнымъ $fructu+i$ также слитное $fructu$ (ср. выше: $portuque\ subimus$ Чаопіо). Слияніе окончанія ¹⁾ $-ui$ въ u утвердилось въ среднемъ родѣ: $cognu$ (изъ $cognu+i$) по аналогіи съ остальными падежами ед. числа, оканчивающимися также на u .

Объяснивъ такимъ образомъ такъ назыв. 3 и 4 склоненіе и встрѣтивъ при чтеніи авторовъ довольно многочисленныя примѣры род. мн. по 2 склоненію съ окончаніемъ— um , мы можемъ сказать также нѣсколько словъ на счетъ взаимнаго отношенія съ одной стороны 3 и 4 склоненій, а съ другой 1 и 2. Припомнимъ то, что нами уже прежде было сказано, именно что въ латинскомъ языкѣ собственно не 5, а 6 склоненій, изъ которыхъ, однако, два (склоненія основъ на i и на согласныя) современемъ до того сблизились, что издревле считаются

¹⁾ Кстати можно вставить слово въ пользу болѣе строгаго различія терминовъ «окончаніе» и «суффиксъ» (или «приставка»). Окончаніе обозначаетъ вообще конецъ слова безъ отношенія къ генетическимъ его свойствамъ, между тѣмъ какъ суффиксъ какой-нибудь формы явствуетъ только изъ генетическаго объясненія. Окончаніе можетъ произвольно обнимать одну, двѣ или болѣе буквъ, смотря по цѣлямъ, для которыхъ на него указываютъ; суффиксъ, напротивъ, опредѣленъ наукой. Окончаніемъ обладаетъ всякая форма, но не всякая сохранила свой суффиксъ. Такъ, напримѣръ, въ $\acute{\epsilon}\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ личнаго суффикса совсѣмъ уже нѣтъ, но онъ видѣнъ еще въ гомерическомъ $\acute{\epsilon}\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega\text{-}\mu\iota$; также $cognu$ потеряло (черезъ слияніе) свой падежный суффиксъ, который оказывается еще въ $fructu+i$. Ср. объ этомъ также Нидерле, часть I, § 117, пр.

за одно. Теперь же можно будет добавить, что эти 6 частных склонений сводятся собственно къ двумъ болѣе общимъ типамъ, подобнымъ образомъ, какъ Курціусъ свелъ извѣстныя 3 греческихъ склоненія къ двумъ, названнымъ у него „главными“. Одно изъ нихъ можно назвать „чистымъ“, такъ какъ суффиксы его сохраняются (исключ. зват.), не замѣняясь другими (= „второе главное склоненіе“ у Курціуса). Къ нему принадлежатъ основы, оканчивающіяся на -u, на -i и на согласные. Подобныя приставки (какъ суффиксы) этого склоненія въ классической латыни, какъ уже выше указано, слѣдующія:

ед. ч.		мн. ч.	
м. и ж.	ср.	м. и ж.	ср.
им. -s	чистая основа	-es	-a
род. -is		-um	
дат. -i		-bus	
вин. -em	чистая основа	-es	-a
тв. -e		-bus	

Звательный въ этомъ склоненіи вездѣ замѣняется именительнымъ. Сейчасъ приведенныя приставки имѣются въ этомъ видѣ только при согласныхъ основахъ, между тѣмъ какъ при основахъ, оканчивающихся на гласные -i или -u, происходитъ по большей части сліяніе.

Второй типъ склоненія именъ (= „первое главное“ у Курціуса) отличается отъ чистаго:

1) тѣмъ, что въ множ. числѣ онъ присвоилъ себѣ тѣ приставки, которыя находимъ также въ склоненіи мѣстоименій, напримѣръ, equi (ср. qui, hi), equae (ср. quae, hae), equorum equarum (ср. horum harum), equis (ср. his);

2) тѣмъ, что древній род. ед. ч. (съ приставкой—i) замѣненъ формой, совершенно сходной съ древнимъ мѣстнымъ падежемъ, напр., familiae (какъ Romae „въ Римѣ“);

3) тѣмъ, что вин. (и вмѣстѣ съ нимъ также им. и зват.) средняго рода принялъ суффиксъ—em, присвоенный въ чистомъ склоненіи только мужескому и женскому роду.

Этотъ типъ склоненія, къ которому принадлежатъ основы на -a и -o (то есть 1 и 2 склоненія), можно по справедливости назвать „смѣшаннымъ“.

Впрочемъ, и въ тѣхъ падежахъ, въ которыхъ смѣшанное склоненіе отличается отъ чистаго, сохранились довольно многочисленные слѣды древней формации по чистому склоненію. Сюда принадлежитъ прежде

всего род. мн. числа. Этот падежъ принялъ мѣстоименную приставку -rum (изъ * -sum или *som = греч. -[σ]ων) прежде всего при темахъ на -а, какъ и въ греческомъ языкѣ, гдѣ, напримѣръ, θεά+ων произошло изъ *θεα+ων точно такъ, какъ, напр., род. ед. γένη+ος изъ *γενε+ος; с между двумя гласными въ греческомъ языкѣ выпадаетъ, а по латыни превращается въ r, слѣдовательно dea-rum точно также, какъ и gener-is (изъ *genes+is). Позже, и уже въ историческое время, этотъ суффиксъ перешелъ на основы, оканчивающіяся на -o¹⁾). Но еще въ классической латыни употреблялась отчасти древняя формація этого падежа. Въ первомъ склоненіи окончаніе -um, происшедшее отъ слиянія конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ -um, слѣдовательно изъ -a+um, встрѣчается преимущественно только у поэтовъ въ сложныхъ съ -cola и -gena, напримѣръ, Virg. Aen. 3, 20: caelicolum (изъ *caeli-cola+um), затѣмъ въ отчествахъ на -des, напримѣръ, Ov. Met. 7, 502: Sescropidum вм. Sescropidagum и др.; въ прозѣ же только въ amphora и drachma, если посредствомъ ихъ обозначалось количество мѣры и денегъ. Гораздо чаще, и не только у поэтовъ, но и въ прозѣ, встрѣчается это окончаніе во 2 склоненіи, напримѣръ, deum (изъ основы deo+ прист. um). Если предшествовало u, v или qu, то въ силу закона различенія, какъ мы уже выше упомянули, сохранялось самое древнее произношеніе—om, напримѣръ, divom (изъ основы divo+ прист. om).

Другая древняя форма по чистому склоненію есть извѣстный род. ед. ч. familias въ pater familias, pater familias и пр. Форма familias объясняется совершенно такъ, какъ род. civis или род. senatus; какъ senatus произошло изъ senatu+is, civis изъ *civi+is, точно также familias составлено изъ основы familia+суффиксъ is. Это самая древняя форма родительнаго по первому склоненію. Но очень рано вм. окончанія -as (изъ a+is) стала употребляться форма, совершенно сходная съ мѣстнымъ падежомъ, оканчивавшимся на -a+i. Послѣд-

¹⁾ Такъ какъ «правильный» род. мн. ч. на -orum созидался въ такое время, изъ котораго сохранились до настоящаго времени разные памятники письма и литературы, то и исторія этого падежа намъ подлинно извѣстна. Въ древнѣйшее время встрѣчается исключительно окончаніе -om, напримѣръ, Romanom (съ пропускомъ m: Romano). Окончаніе -orum появляется уже позже, а именно, кромѣ мѣстоименія ologum (= illogum), прежде всего въ прилагательномъ duonogo[um]. Еще позже (при Плавтѣ) употребляются оба окончанія рядомъ. При Цицеронѣ осталось -um (-om) преимущественно только въ извѣстныхъ оборотахъ. У Виргилія, наконецъ, это окончаніе уже лишь антикварное украшеніе.

нее окончание, съ двугласнымъ произношеніемъ, встрѣчается въ нѣсколькихъ примѣрахъ даже еще у Виргилія, наиримѣръ *Aen.* 3, 354: *aula + i*. Двусложное *-ai* перешло въ односложное окончание *-ae*, считающаеся „правильнымъ“ для перваго склоненія.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ: *caelicolum* и *deum*, и затѣмъ *familias*, явствуетъ, что также въ 1 и 2 склоненіяхъ имѣло мѣсто сліяніе, такъ какъ *caelicolum* = *caeli-cola + um* и *familias* = **familia + is*. Но сліяніе есть еще и въ другихъ падежахъ названныхъ склоненій. Прежде всего, мы имѣемъ древнѣйшее сліяніе въ вин. ед. *mensam* и *equom*, которые, несмотря на краткость конечныхъ слоговъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, надо считать создавшимися изъ соединенія основы *mensa* и *equo* съ суффиксомъ, который въ согласномъ склоненіи имѣетъ форму *-em*, слѣдовательно изъ *aqua + [e]m*, *equo + [e]m*. Такое же сліяніе есть и въ твор. ед. *mensa* и *equo*, которые, должно полагать, образовались такъ, какъ и *turri* и *fructu*, то-есть изъ сліянія основы *mensa*, *equo*, *turri*, *fructu* съ суффиксомъ, который въ томъ же согласномъ склоненіи представляется намъ въ видѣ *-e*. Къ точно такому заключенію придемъ и при сличеніи формъ *mensas* и *equos* съ формами *turris*, *fructus*, то-есть какъ *turris* образовалось изъ **turri + es* (ср. *reg-es*) и *fructus* изъ **fructu + es*, точно такъ *mensas* изъ **mensa + [e]s* и *equos* изъ **equo + [e]s*. Остается еще форма дат. и твор. мн., который (какъ видно изъ данныхъ осскаго языка) образовался изъ сліянія основы съ суффиксомъ *-is*. Имен. же множ. и дат. ед. объясняются совершенно такъ, какъ род. ед. на *-ae* или *-i*, изъ основы на *-a* или *-o + суффиксъ -i*. Такимъ образомъ, обыкновенное склоненіе основъ на *-a* и *-o* образуется съ помощью слѣдующихъ приставокъ:

	един.		множ.	
	муж. и жен.	средн.	муж. и жен.	средн.
имен.	<i>-s</i> или ничего	<i>-[e]m</i>	<i>-i</i>	<i>-a</i>
род.	<i>-i</i>		<i>-rum</i>	
дат.	<i>-i</i>		<i>-is</i>	
вин.	<i>-[e]m</i>		<i>-[e]s</i>	<i>-a</i>
твор.	<i>-[e]</i>		<i>-is</i>	

Зват. падежъ ед. ч. въ смѣшанномъ склоненіи (исключая средній родъ) представляетъ чистую основу, которая однако во 2 склоненіи подвергается ослабленію конечнаго гласнаго *o* въ *e*, наиримѣръ, *amicе*, хотя *amico + rum*, ср. *ἄνθρωπε*, хотя *ἄνθρωπο + s*.

Пятое склонение, наконец, составляет своего рода переходъ отъ одного главнаго типа склоненій къ другому, такъ какъ ед. число принадлежитъ къ смѣшанному склоненію (им. *die*+*s* род. дат. *die*+*i*, вин. *die*+*[e]m*, тв. *die*+*[e]*), а множ. число къ чистому, исключая отчасти род. падежъ. Впрочемъ, пользуясь случаемъ, я желалъ бы сообщить здѣсь ¹⁾ новую редакцію § 79 моей „Фон. и Морф.“, заключающую въ себѣ, хотя незначительную, но весьма существенную поправку. Должно читать такъ:

„Такъ-называемыя темы на -e представляются смѣсью трехъ, первоначально совершенно различныхъ элементовъ, такъ какъ одни изъ нихъ были когда-то темами на -es, именно *dies* (ср. *ho-dier-nus*), *spes* (ср. *spes-o* и др. формы *spes-es spes-ibus*), а также *plebes* и *fa-mes*, другія же темами на -a, которыя ослабили свой конечный гласный (а), подъ влияніемъ предшествующаго ему *i*, въ е (§ 27, 6), напримеръ, *materie-m*=*materia-m*; наконецъ, есть одна настоящая основа на -e, именно *ges* ²⁾, которая была первоначально единственнымъ примѣромъ „пятого“ склоненія, но, вслѣдствіе необыкновенно частаго употребленія слова *ges*, послужила какъ бы образцомъ для подобныхъ формъ отъ подобныхъ же основъ.

Эти темы на -e склоняются въ ед. ч. совсѣмъ по аналогіи темъ на -a (или o), но съ тѣмъ различіемъ, что

1) въ им. ед. сохранился падежный суффиксъ -s (подъ влияніемъ темъ, оканчивающихся первоначально на -es); и

2) въ род. и дат. ед. ч. обыкновенно не послѣдовало слияніе или другое ослабленіе сталеживающихся гласныхъ, см. прим. 2.

Множественное число, напротивъ, принадлежитъ чистому склоненію, исключая род. мн., образующійся, впрочемъ, въ классической латыни только отъ *ges*: *ge-rum* и *dies*: *die+rum*; однако, согласный *r* въ *die-rum* можетъ принадлежать и къ основъ: *dier+um* (изъ **dies+um* по § 29, 1, ср. *ho-dier-nus*)⁴. Къ этому потомъ принадлежитъ примѣчаніе ***) въ слѣдующемъ видѣ: „Такъ какъ, однако, окончаніе -*rum* въ *die-rum* приняло совершенно характеръ суффикса -*rum*, то лучше раздѣлять *die-rum*, чѣмъ *dier-um*“.

¹⁾ Помѣщаю это здѣсь потому, что второе изданіе «Фон. и Морф.» вѣроятно не скоро выйдетъ, такъ какъ отъ перваго, напечатаннаго въ весьма умѣренномъ количествѣ экземпляровъ, разошлась пока лишь самая ничтожная часть.

²⁾ *Re-s* отъ корня *ga* въ *ga-tus*, им. * *ga-i-s* (слѣд. собственно тема на -i), въ которомъ *ai* перешло въ *e*, какъ въ *amet* изъ *ama-i-m*. Точно такъ *geog* изъ * *ga-i-og*, чѣмъ и объясняется *part. pf. ga+r-tus*.

Здѣсь я долженъ немного остановиться, чтобы объяснить одно обстоятельство, тѣсно связанное съ предъидущимъ изложеніемъ латинскаго склоненія по генетическому методу. Дѣло въ томъ, въ какой формѣ должно приводить падежные суффиксы, въ той ли, которую они имѣютъ еще въ классической латыни (насколько сохранились неслитными), или же въ древнѣйшей латинской формѣ. или, наконецъ, санскритской? Именно, въ возраженіе на мое объясненіе латинскаго *familias* = **familia* + *is* былъ мнѣ предложенъ слѣдующій вопросъ: „Чѣмъ доказать, что окончанія *as* какъ лат. *familias*, такъ осск. *vegeias*, *rimperias* и др. образовались изъ *a* + *is*, а не прямо изъ *a* + суффиксъ *as*? Къ чему прибѣгать здѣсь гепремѣнно къ формѣ суффикса *-is*, когда на почвѣ лат. языка мы имѣемъ и другіе болѣе близкіе къ первоначальному *as* суффиксы *-os* (*senatuos*), *-us* (*popinus*, *hominus*, *Venerus* и др.), *-es* (*Apolones*)?“ На это я могу отвѣтить слѣдующее: хотя сейчасъ приведенныя формы суффикса род. падежа указаны мною въ § 72, прим. 2 моей „Фонетики и Морфологии“, тѣмъ не менѣе я нашелъ единственно возможнымъ употреблять во всѣхъ соотвѣствующихъ объясненіяхъ именно только форму *-is*, потому что назначеніе моей книги—какъ значится на главномъ листѣ—служить „пособіемъ для преподаванія латинскаго языка въ высшихъ классахъ гимназій“, а въ гимназій не приходится встрѣчаться ли съ *-es*, ни съ *-os*, ни съ *us*, и тѣмъ менѣе съ первоначальнымъ (лучше санскритскимъ) *-as*, но исключительно только съ *-is* ¹⁾. По этому поводу въ предисловіи къ „Фонетикѣ и Морфологии“ я заявилъ, „что поставилъ себѣ главнѣйшимъ правиломъ,

¹⁾ Что же касается действительно первоначальной формы названнаго суффикса, то, вѣроятно, извѣстно, что Курціусъ возводитъ санскритское *-as* къ индоевропейскому *-a-sa*, такъ что, напримѣръ, *óπoc* соотвѣтствуетъ первоначальному *vák-a-sa*. Последнее *-sa* считается тѣмъ же суффиксомъ, что и *-sa* въ им. ед.; слѣд. род. *vák-a-sa* относится къ им. *svana-sa*, какъ сложеніе «татуруша» къ сложенію «кармадхараа». Въ переводѣ на греческій языкъ *vák-a-sa*, было бы = *ó* (τῆς) *óπoc*, *svana-sa* же = *ó* φθόγγος, а вмѣстѣ: *vák-a-sa* *svana-sa* = *óπoc* *ó* φθόγγος. Съ этимъ согласенъ D-r Fr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft, I Bd. стр. 119: «Das altindische *marut-a-s* ist gewiss nichts anderes als das spätere *mārut-a-s*, ebenso wie *asva-sya* ein reines Adjectivum relativum darstellt. Wir müssen hier ausdrücklich erwähnen, dass in *marut-a-s* nicht *s*, sondern *a* als das eigentliche Genitivzeichen uns gilt. Wenn man *svanasa vākasa* als Typus des Genitivverhältnisses aufstellt, so muss man *svana-sa vāk-a-sa* abtheilen und darf das *a* in *vāk-a-sa* nicht unerklärt lassen. In dem *a* des Genitivs *vāk-a-sa* liegt ja der eigentliche Unterschied vom Nominativ *vāk-sa*».

объяснить латинскій языкъ по возможности исключительно изъ него же самого (подчеркнуто въ подлинникѣ), не смотря на то, что при настоящихъ обстоятельствахъ это дѣло весьма трудное. Все то, чего нельзя объяснить изъ латинскаго, или же по крайней мѣрѣ изъ греческаго и славянскаго языковъ, должно быть исключено изъ книги, имѣющей въ виду только гимназій, какъ, напримѣръ, личныя окончанія прош. сов., взаимное отношеніе суффиксовъ дат. и твор. мн. -is, -bis, -bus, суффиксъ род. ед. мѣстоименій -ius, двугласное усиленіе и др. На томъ же основаніи и въ звуковомъ отношеніи не должно переходить за предѣлы латинскаго языка, и поэтому, напримѣръ, должно выставить -em какъ суффиксъ вин. ед. (не -am)⁴ и пр. Согласно съ этимъ форма суффикса -as сама собою исключается, тѣмъ болѣе, что на стр. IV того же предисловія я заявилъ, что „дешеваго украшенія санскритскими формами и корнями я старательно избѣгалъ“. Остаются, однако, лат. -os, -us, -os. Но и они исключаются по подобнымъ же соображеніямъ. Моя книга, вѣдь, имѣетъ въ виду не ученыхъ, а только учениковъ, правда, въ теперешнемъ видѣ не непосредственно, такъ какъ она есть „пособіе для преподаванія лат. языка“, но все-таки же для преподаванія въ гимназіяхъ. Въ гимназіи, однако, не находятъ никакого примѣненія по латыни ни -os, ни -us, ни -es. Сверхъ того, суффиксъ -os даже въ древней латыни очень рѣдокъ (и притомъ встрѣчается исключительно только при основахъ на -u, къ которымъ familia не принадлежитъ); а относительно -us и -es, особенно послѣдняго, позволительно еще сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ изъ нихъ произошло -is, или, наоборотъ, -us и -es изъ -is? Что і въ конечныхъ слогахъ въ лат. языкѣ весьма часто превращается въ е, это вещь общеизвѣстная, и я говорилъ о ней въ „Фонетикѣ и Морфологіи“ § 17 и § 40. Для примѣра укажу только на mare (=чистая основа marī), pavem (изъ pavim), index (род. in-dic-is, кор. dic), torques = torquis, dedet на надписяхъ вм. dedit и т. п. А что также „u“ могло замѣнять звукъ „i“, этого не будемъ отвергать, если припомнимъ неопредѣленный между u и i звукъ въ словахъ: maximus и machimus и др. и если обратимъ вниманіе на совершенно аналогичныя формы: utarus и spatiarus (вм. utaris и spatiaris, какъ Venerus вм. Veneris). Конечно, я этого утверждать не хочу и въ своей книгѣ говорю какъ разъ противоположное, несмотря на то, что Шлейхеръ ставитъ указанное здѣсь мною объясненіе суффикса -es на первомъ мѣстѣ между тремя разными толкованіями, см. Сопр. 4-е изд., стр. 540. Во всякомъ слу-

чаѣ, еще *sub indice lis est*, и поэтому я имѣю право при выборѣ суффикса соображаться на первомъ мѣстѣ съ его пригодностію для педагогическихъ цѣлей, особенно когда еще не рѣшено, въ какой именно періодъ языка произошло въ этомъ случаѣ сліаніе суффикса съ основой,—въ тотъ ли періодъ, когда первоначальный гласный суффикса оставался еще неизмѣннымъ (слѣдовательно еще въ праязыкѣ, такъ какъ даже въ санскритскомъ языкѣ суффиксъ *-as* ослаблялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ *-us*); или только тогда, когда уже сталъ переходить въ *-os* или *-us* и *-es* или *-is*. По крайней мѣрѣ Шлейхеръ въ своемъ *Compendium*, 4-е изд., стр. 542, говоритъ: „Die häufigen genetive (namentlich von weiblichen nomina propria) auf *aes* (*Dianaes, Octaviaes, dimidiaes, suaes*) weisen auf *-ais* als ältere Form hin“, при чемъ ссылается на § 49, гдѣ излагаются разныя измѣненія гласнаго *i*, изъ которыхъ идетъ сюда только ослабленіе звука *i* въ *e*. И хотя Моммсенъ, Корссенъ, Бухелеръ и др. объясняли окончаніе *-aes* не изъ *-ais*, а какъ равнозначущее съ заимствованнымъ изъ греческаго языка окончаніемъ *-es* (причемъ *ae*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, = греч. η, напримѣръ, *scaena* = σκηνή), тѣмъ не менѣе еще не исключена всякая возможность, что наконецъ правда все-таки можетъ оказаться на сторонѣ Шлейхера и Ричля, допускающихъ существованіе окончанія *-a+is* (и слѣдовательно и его сліаніе въ *-as*) еще на специально латинской почвѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если изъ *equo + i* (ср. греч. ἴππφ = ἴπκω + ι) могло произойти *equo*, изъ *senatu + is* *senatus*, изъ *соgnu + i* *соgnu*, изъ *сui + rei* *сui*, изъ *хѣрати хера + i* *хѣрт* и т. п., то отчего не могло произойти *familias* изъ *familia + is*? Итакъ, если еще далеко не рѣшено, какъ оно дѣйствительно образовалось, а изъ двухъ возможныхъ объясненій одно болѣе удобно для школьнаго толкованія, другое же менѣе удобно, то зачѣмъ ставится мнѣ въ укоръ, что я выбралъ какъ разъ то объясненіе, которое для названной цѣли заслуживаетъ предпочтеніе передъ другимъ?

* *

По тѣмъ же соображеніемъ я прибѣгаю къ латинской формѣ суффиксовъ также при объясненіи остальныхъ падежей, не смотря на то, что, напримѣръ, вин. ед. даже въ санскритскомъ языкѣ имѣетъ почти исключительно слитную форму ¹⁾. Но это для насъ дѣло вто-

¹⁾ Впрочемъ, есть предположеніе, что были первоначально двѣ формы суффикса вин. ед.—*ama* (которое оглашается въ *geg-am, βασιλέ-α* и проч.) и просто *ta* (которое видно въ *доnυ+тn, πολι+ν* и проч.). Во второмъ изданіи «Фон. и

ростепенное. И когда я говорю, что напримѣръ *oves* стоитъ въ *ovi+es*, *fructus* въ **fructu+es*, *turrim* въ **turri+em* и проч., то я этимъ нисколько не думаю утверждать, что, напримѣръ, въ им. мн. *fructus* наступило слияніе только тогда, когда суффиксъ *-as* принялъ въ латинскомъ языкѣ форму *-es*; очень можетъ быть, что слияніе совершилось въ то время, когда говорили еще *-os* (слѣдовательно *fructus* въ дѣйствительности могло произойти, напримѣръ, изъ **fructu+os* или **fructov+os*, какъ объясняетъ Шлейхеръ на стр. 517) или даже еще раньше. Моя схема производства слитныхъ формъ имѣетъ лишь слѣдующее значеніе: „*fructus* произошло чрезъ слияніе, а именно такъ, что, еслибъ оно осталось неслитнымъ до классическаго времени, то оно имѣло бы форму **fructu+es*“, или, другими словами: „*fructus* произошло отъ слиянія основы *па-и* (*fructu*) съ тѣмъ суффиксомъ, который въ латинскомъ языкѣ внѣ сложенія (слѣдовательно при согласныхъ основахъ) появляется въ видѣ *-es*“. Впрочемъ, Шлейхеръ допускаетъ даже возможность происхожденія им. мн. отъ основы *па-и* отъ слиянія этого звука именно съ *-es*, то-есть *fructus* какъ разъ изъ **fructu+es* (см. l. c. doch ist die entstehung von fructus aus **fructu+es*—vgl. *véxo-es*, *ixθύ-es*, grundf. des griech. und lat. also *-u +as*—ebenso gut möglich und daher sichere entscheidung schwer), равно какъ и при основахъ *па-і* изъ *—i+es* (ib. auch hier ist die annahme einer Grundf. *-i-es* wie in *κόλι-es* möglich). Какъ бы то ни было, я имѣлъ въ виду преимущественно практическія цѣли, а для нихъ, какъ мнѣ кажется, надо выставять всякое дѣло какъ можно болѣе просто. Послѣ этого краткаго объясненія смѣю утверждать, что моя теорія можетъ быть названа ложной развѣ только тогда, если на нее смотрѣть съ ложной точки зрѣнія.

**

Итакъ, я уже указалъ нѣсколько случаевъ, встрѣчающихся при чтеніи авторовъ и прямо вызывающихъ на генетическое объясненіе: и я надѣюсь, что читатель вынесъ изъ моихъ словъ такое впечатлѣніе, что „новый методъ“ не только удобоисполнимъ въ гимназіи (конечно, подъ условіемъ обхожденія санскритскихъ и другихъ еще болѣе „первоначальныхъ“ формъ или суффиксовъ), но даже и весьма важенъ для болѣе глубокаго пониманія изучаемаго языка. Я могъ бы на

Морѣ. > я намѣренъ упростить, согласно съ этимъ предположеніемъ, соответствующія объясненія.

этомъ остановиться; но въ виду важности ¹⁾ генетическаго метода, столь мало распространеннаго не только у насъ, но и на родинѣ сравнительнаго языкознанія, я присоединяю еще два—три примѣра изъ науки о глаголѣ:

У Ливія въ предисловіи встрѣчаемъ форму *ausim*; у него же 1, 18: *adclarassis*; 1, 24 *defexit* и мн. др. формы, о которыхъ традиціонная грамматика только и говоритъ, что это „устарѣлыя“ формы. Нашъ генетическій методъ позволяетъ выискнуть не только въ способъ образованія этихъ формъ, но и въ систему спряженія основы прош. сов. вообще ²⁾.

Въ латинскомъ языкѣ, какъ выше указано, есть 4 разнныя формы прошедшаго совершеннаго, но только съ тремя суффиксами: *i*, *si* и *vi* (или *ui*). Такъ какъ, однако, *vi* (или *ui*) собственно уже само есть *perf.* отъ корня *fu* (= *fui*), равно какъ и *si* *perf.* отъ корня *es* (= *esi*), то характерическимъ знакомъ, заключающимся во всѣхъ основахъ этого времени, должно считать именно *i*, которое, однако, пе-

¹⁾ Какъ мало удовлетворяетъ механическое знаніе лат. языка, о томъ могутъ свидѣтельствовать такіе случаи, какъ, напримѣръ, объясненіе, что *qui* въ началѣ сатиръ (*Qui fit Maecenas*) «испорчено» изъ *quid* (причемъ, конечно, не подразумѣвается какой-нибудь древнелатинскій аблятивъ, а просто средній родъ), или что *id* можетъ употребляться какъ несклоняемое слово, потому что *id* *genetis* = *ei* *genetis*. Такіе случаи бывають, можетъ быть, чаще; но вотъ единственный своего рода курьезъ: никто очутился въ необходимости переложить одну пьесу изъ Плавта на другой языкъ. Въ этой пьесѣ одно дѣйствующее лицо спрашиваетъ другое о чемъ-то. Въ настоящее время не помню въ точности этого мѣста; но помню, что отвѣтъ состоялъ изъ извѣстнаго междометія: «*eni*» (= *hem*), затѣмъ слѣдовала запятая и остальная часть отвѣта. Переводчика это слово потому-то озадачило и онъ долго искалъ, откуда же это *eni* могло «произойти». Наконецъ, рѣшилъ, что это, должно быть, какая-нибудь «устарѣлая» форма отъ *edo*, такъ какъ, могло отъ *edo* происходить также *es*, *est* и проч.

²⁾ Надо сказать, что генетическій методъ допускаетъ только три основы для образованія формъ глагола, именно основу наст., основу прош. сов. и основу супина. Однако, извѣстныя «коренныя» формы: *amo*, *amahe*, *amavi*, *amatum* онъ оставляетъ безъ измѣненія; только неопр. поклоненіе не признается «коренной» формой, а служитъ лишь для указанія спряженія. Производство временъ какъ разъ одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ традиціонной грамматики. Тутъ отъ настоящаго образуется будущее несовершенное, измѣняя въ I спр. о *na-avo*, въ II *eo na-avo* и проч.; тутъ отъ неопредѣленнаго образуется сослаг. прош. сов. чрезъ прибавленіе буквъ *th*, а повелительное чрезъ опущеніе окончанія *ge*; тутъ отъ супина образуется причастіе будущаго чрезъ измѣненіе *um* въ *igum* и проч. И Зейфертъ вдобавокъ предлагаетъ еще слѣдующій совѣтъ: «Производство это слѣдуетъ проходить только послѣ механическаго изученія глагола!»

редъ г переходитъ въ е, какъ и въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, въ se-go вм. *si-so, ср. si-sto, gi-gno, bi-bo, греч. τίθημι и пр.; гдѣ вездѣ въ удвоеніи настоящаго видно і; но такъ какъ въ *si-so s между двумя главными, по общему правилу, должно было измѣниться въ г, то и і передъ г, по другому правилу, перешло въ е). Кромѣ того, должно замѣтить, что количество знака і въ ind. perf. сильно колеблется, именно:

- въ ед. 1: ven-i, і долгое;
 2: ven-i-sti, і вѣроятно долгое только по положенію;
 3: ven-i-t, і по большей части короткое, такъ какъ вообще конечные слоги, оканчивающіеся на согласный звукъ, исключая s, сокращаются, напримѣръ, amem, хотя amemus, amat, хотя amatis; однако въ petiit и iit съ его сложными сохранилась долгота;
 во мн. 1: ven-i-mus, і короткое;
 2: ven-i-stis см. ven-i-sti;
 3: ven-e-runt, е обыкновенно долгое, но бываетъ также короткое, напримѣръ, Virg. Aen. 2, 774: obstupui steteruntque comae.

Послѣдняя форма (то-есть 3 мн.) произошла очевидно изъ сложенія основы прош. сов. съ формой отъ корня es (стало быть, — runt = — sunt, причѣмъ s перешло въ г, какъ и вообще между двумя гласными, ср., напримѣръ, genus род. gener+is = γενε[σ]+ος). Отъ такого же сложенія основы прош. сов. съ разными формами отъ корня es произошли всѣ остальные времена и наклоненія, образующіяся отъ этой основы, а именно:

coni. perf. представляетъ собою сложеніе основы прош. сов. съ сослаг. sim: *ven-i+sim; однако s между двумя гласными переходитъ въ г, а гласный ¹⁾ і передъ г измѣняется въ е: ven-e+rim (ср. выше se-go изъ *si—so); точно такъ

inf. perf. ven-i-sse изъ ven-i+[e]sse, причѣмъ начальный гласный е отъ esse выпадаетъ, какъ и aurea prima sata [e]st aetas, или формы sum sumus sunt съ греч. εἶμι = *es-μi, ἐσμέν, εἶσι=*es-νti).

¹⁾ Обыкновенно употребляется женская форма этого слова: гласная, причѣмъ подразумѣвается «буква». Однако *буквы* рѣшительно безгласны, а лишь *звуки* суть или гласные или двугласные или согласные. «Измѣненіе буквъ» есть вещь совершенно отличная отъ «измѣненія звуковъ».

ind. plusqpf.: ven-e+gam изъ *ven-i+[e]gam,

coni. plsq.: ven-i+ssem изъ *ven-i+[e]ssem,

ind. fut. II: ven-e+ro изъ *ven-i+[e]ro.

Знакъ *i* можетъ, однако, не только сокращаться и ослабляться въ *e*, онъ можетъ также и совсѣмъ выпадать. Это, впрочемъ, касается только стариннаго языка и языка поэтовъ, допускающаго иногда народныя формы вмѣсто литературныхъ. Да и здѣсь выпускъ знака *i* ограничивается только тѣми случаями, въ которыхъ ему приходилось стоять между двумя одинаковыми согласными, то-есть, между двумя *s* (ср. напр. stipendium изъ stipendium), напримѣръ, Hor. sat. 2, 6, 68: evasti=eva+s[i]+sti; Verg. Aen. 1, 201: accestis = ac-ces+stis; Aen. 6, 57: direxti=di-rex[i]+sti; Aen. 4, 606: extinxem = ex-tinx[i]+ssem. Hor. sat. 1, 9, 73: surrexe=sur-rex[i]+sse. Подобнымъ образомъ и въ coni. perf., прежде чѣмъ суффиксъ — *sim* перешелъ въ — *rim*, можно было выпускать *i* передъ — *sim* точно такъ, какъ передъ — *sti*, — *stis* и проч., напр., Liv. 22, 10: clepsit изъ *clep+si+sit = clep+se+rit; Liv. 29, 27: auxitis изъ *aux[i]+sitis = auxe+ritis. При этомъ замѣчательно, что въ подобныхъ старинныхъ формахъ сохранились довольно многочисленные слѣды того, что когда-то образовалось perf. на-*si* (pf. III) даже отъ такихъ глаголовъ, которые въ классическое время образуютъ свое perf. уже не такъ. Сюда принадлежитъ особенно *faxit* изъ *fac+si+sit (по значенію = fec-e-rit) и *ausim* изъ *au[d]+si+sim (по смыслу = ausus sim). Гласный *a* (отъ *faxit* и т. п.) въ сложении съ предлогами ослабляется въ *e*, напр., Liv. 1, 24: defexit изъ *de-fec+si+sit (по смыслу = de-fec-e-rit). Тѣмъ же способомъ объясняются обыкновенно также такія формы будущаго, какъ, напр., *faxo* (Liv. 6, 35), *iusso* (Aen. 11, 467). Любопытно, что эта форма будущаго могла образовать изъ себя не только неопредѣленное наклоніе (на-*ere*), но и страд. залогъ, напримѣръ, Liv. 22, 10, 3: *faxitur* (= *fac+si+sit+ur по смыслу = factum erit). Сверхъ того, и pf. IV отъ глаголовъ 1 и 2 спряженія могло (если принять обыкновенное объясненіе) выпускать гласный *i* (слога *vi*) передъ *s*, послѣ чего *v* чрезъ приподобленіе переходило также въ *s*, напримѣръ, Liv. 1, 18: *acclagassis* вм. *acclaga+v[i]+sis.

Прочитавъ Cic. Cat. 1, 9, 22: Utinam tibi istam mentem di immortales duint, или Cic. Deiot. 7, 2: Di te perdunt, мы должны будемъ дать нѣкоторое объясненіе сослагательнаго *duint* (въ сложении съ *per*: *per-duint*). Если сравнимъ лат. *s-i-m* (др. *s-ie-m*) съ греч.

εἶη, происшедшемъ отъ корня εσ (ср. εσ+τι) и знака желательнаго наклоненія η и личной приставки ν (= μ ср. σχο-ίη-ν = σχο-ι-μ), слѣд. изъ ε[σ]+ίη+ν, то увидимъ, что гласный і (слитный изъ др. іе въ siem) равняется знаку греч. желательнаго η или ι и что слѣд. латинское s-i-m есть по своему происхожденію собственно желательное наклоненіе. То же самое наклоненіе имѣемъ также въ формѣ vel+i+m, равно какъ и въ du+i+m. Если далѣе сравнить сослаг. mone-a-m, audi-a-m, а также leg-a-m, то окажется, что въ послѣднихъ трехъ формахъ знакомъ наклоненія служить уже не і, а долгое а; и это а есть знакъ собственнаго сослагательнаго наклоненія, соотвѣтствующій греч. -ω и -η (напр., τι+θε+ω и проч.). Всѣ эти формы довольно прозрачны, и для ихъ перваго генетическаго объясненія достаточно одного лишь раздѣленія ихъ на составныя части. Сложнѣе толкованіе сослагательнаго по 1 спряженію; но въ виду того, что въ s-i-m, vel-i-m, du-i-m найденъ уже знакъ желательнаго і и что въ da-ге ama-ге и проч. легко выдѣляется основа настоящаго времени, то не можетъ затруднять сопоставленіе этихъ двухъ элементовъ, именно основы da+знака і, съ которыми присоединяется еще личная приставка. Изъ это *da+i+m произошло dem, причеиъ ai слилось въ e, подобнымъ образомъ, какъ въ русскомъ мѣстномъ падежѣ „рыбѣ“ (изъ *рыба+i какъ лат. Romae изъ Roma+i). Изъ всего этого видно, что латинское сослаг. наклоненіе представляется соединеніемъ двухъ первоначально различныхъ наклоненій, именно собственно сослагательнаго (coniunctivus) и желательнаго (optativus). Знакомъ перваго было а, знакомъ втораго іе или і. По первому способу (со знакомъ а) образовалось сослагательное глаголовъ 2, 3 и 4 спряженій, а по второму (со знакомъ і) отъ глаголовъ 1 спряженія и нѣкоторыхъ такъ наз. неправильныхъ. Значеніе же той и другой формы совершенно одинаково, то-есть, не только формы со знакомъ а, но и со знакомъ і могутъ употребляться во всѣхъ тѣхъ значеніяхъ, которыя въ греч. языкѣ распредѣляются между сослаг. и желательнымъ наклоненіями, такъ какъ

лат. coni. adhort.	}	= греч. сослаг.
„ coni. dubitat.		
„ (coni. въ запрещ.)		
лат. coni. potent.	}	= греч. желат.
„ coni. optat.		
„ coni. concess.		
„ coni. pro imper.		

Однако $du+i+m$ происходит от $da+re$, слѣд. отъ корня da , и стало быть стоять вм. $*da+i+m$, изъ котораго, какъ сказано, произошло также dem . Я увѣренъ, что всегда найдется между учениками одинъ или другой, который непременно спроситъ: „а зачѣмъ разъ $du+i+m$, а другой разъ dem ?“ Тутъ надо будетъ указать на „неправильность“ глагола $date$, состоящую въ томъ, что его основное а вездѣ короткое, исключая das и da , между тѣмъ какъ въ ama и проч. основной гласной а вездѣ долгъ (исключая $amat$, въ которомъ окончание— at сокращено по извѣстному уже правилу о согласныхъ окончаніяхъ латинскихъ словъ). Дѣло въ томъ, что подобнымъ образомъ, какъ въ русскомъ языкѣ есть два глагола: дамъ, дашь, дасть и проч. и даю, даешь, даетъ и проч., изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ безпримѣтному спряженію, а второй къ спряженію съ примѣтой, точно такъ и въ лат. языкѣ были нѣкогда два глагола: одинъ спрягался безъ примѣты, какъ sum , $inquam$ и отчасти edo , $volo$ и $fego$, а другой принадлежалъ къ тому же спряженію, какъ и sto . Къ этому второму глаголу принадлежитъ 2 ед. ч. das (съ долгимъ а), соответствующее формально русскому „даешь“ совершенно, какъ $stas$ (съ долгимъ же а) русскому „(в)стаешь“. Къ нему же относится и повелительное da (съ долгимъ а), образовавшееся совершенно такъ, какъ sta (также съ долгимъ а), а также и сосл. dem , происшедшее отъ $*da$ (съ долгимъ а) $+i+m$, какъ $stem$ произошло изъ $*sta$ (долгое а) $+i+m$. Напротивъ, $du+i+m$ образовалось отъ da (съ короткимъ а) $+i+m$, причемъ короткое а ослабилась въ о какъ въ греч. $\delta\omicron+i\eta+v$ (буква въ букву совершенно= $du+i+m$), а потомъ уже въ u ¹⁾.

*
**

Извѣстно дѣленіе греческихъ глаголовъ на два главныхъ спряженія, которыя Курціусъ (§ 230) характеризуетъ такъ:

1) „Первое, самое употребительное, въ которомъ личныя окончанія присоединяются къ двумъ первымъ временнымъ основамъ (то-

¹⁾ Какъ изъ этого видно, въ настоящее время я отказываюсь отъ мнѣнія, высказаннаго въ «Фон. и Мор.» § 165, пр. 3, что dem и $duim$ тождественны, такъ какъ образовались изъ *одной и той же* $*da+i+m$; теперь я вижу здѣсь два разныхъ $*da-i-m$, одно безпримѣтное (съ короткимъ da = чистый корень), а другое по слитному склоненію (съ долгимъ da). Въ связи съ этимъ отказываюсь, конечно, и отъ того, что сказано въ § 15 (въ концѣ): «Аналогія, быть можетъ, произвела долготу также въ das и da (по образцу $amas$ и ama)».

есть, праес. и аог. II акт.) посредством соединительной гласной: λόρον; глаголы на—ω.

2) Второе, болѣе рѣдкое, но древнѣйшее, въ которомъ личныя окончанія присоединяются къ двумъ первымъ временнымъ основамъ безъ соединительной гласной: ἐσ-μέν; глаголы на μ^α.

Что названіе „соединительной гласной“ не вѣрно, это не требуетъ доказательствъ; достаточно напомнить известную острогу Корсена, направленную, впрочемъ, въ частности противъ Ричля: „считать гласный самымъ подходящимъ средствомъ для лучшаго соединенія согласнаго съ другимъ гласнымъ (λό-ο-μεν), это все равно, что считать цементъ лучшимъ средствомъ для соединенія камня съ тѣмъ же цементомъ“.

Вѣрнѣе взглядъ Нидерле, который въ § 285 говоритъ: „Большая часть греческихъ глаголовъ образуетъ всѣ временныя основы или темы (за исключеніемъ только perf. и plsq. средн. зал.) посредствомъ признаковъ временъ, приведенныхъ выше (а выше указано между признаками простыми: о или е для праес., impf. и аог. II), и называются поэтому глаголами съ признакомъ или глаголами на ω. Но нѣкоторые имѣютъ въ наст. и impf., а отчасти и въ аористѣ темую одну только основу, безъ признака (примѣты) временъ и называются поэтому безпримѣтными глаголами или глаголами на—μ^α“.

Такое же различіе спряженія существовало также въ латинскомъ, какъ и въ русскомъ языкахъ. Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ число безпримѣтныхъ глаголовъ очень ограничено, а именно въ латинскомъ только: sum, inquam, do, edo, volo и fero, въ русскомъ: есмь, дамъ, ѣмъ и вѣсть. Напр.

*ἐσ-μι	ес+мь	εἶμι	s-u-m	вм. *[e]s+m
ἐσ-σῖ	e[c]+си	*ε-[σ]ι=εἶ	es	вм. *es+s
ἐσ-τί	ес+ть	—	es-t	
ἐσ-μέν	ес+мы	—	s-u-mus	вм. *[e]s+mus
ἐσ-τέ	ес+те	—	es-tis	
{*ἐσ-ντι	—	*ε[σ]-νσι=εἶσι	—	
{*ἐσ-α-ντι	[e]c-о-нть	ἐ-α-σι	s-u-nt	вм. *[e]s+nt
	с-ѣть	изъ *ε[σ]-α-νσι		
	суть			

Итакъ, личныя приставки въ лат. языкѣ слѣдующія:

ед. 1:—m,	2:—s,	3:—t,
мн. 1:—mus,	2:—tis,	3:—nt.

Онѣ видны также въ *fer-s, fer-t, fer-tis, vul-t, vul-tis, da-mus, da-nt* и проч.

Но громадное большинство глаголовъ принадлежитъ къ спряженію съ примѣтой (или тематическимъ гласнымъ). Для того, чтобъ дать понятіе объ этой примѣтѣ, сравнимъ, на примѣръ, лат. *lego* съ греч. λέγω:

ед. 1. λέγ-ω	<i>leg-o</i>	<i>quaes-o</i>
2. λέγ-ει-ς	<i>leg-i-s</i>	<i>quaer-i-s</i>
3. λέγ-ει	<i>leg-i-t</i>	<i>quaer-i-t</i>
мн. 1. λέγ-ο-μεν	<i>leg-i-mus</i>	<i>quaes-u-mus</i>
2. λέγ-ε-τε	<i>leg-i-tis</i>	<i>quaer-i-tis</i>
3. λέγ-ουσι	<i>leg-u-nt</i>	<i>quaer-u-nt</i>
вм. λέγ-ο-ντι	(но <i>viv-o-nt</i>)	

Стало быть, тематическимъ гласнымъ или примѣтой въ латинскомъ языкѣ служить по большей части *i*, только въ 1 ед. есть *o*, равно какъ и въ 3 мн., гдѣ, однако, *o* по большей части измѣняется въ *u*. Впрочемъ, изъ *quaes-u-mus* видно, что такое же *u* (изъ *o*) было прежде также и въ 1 мн., но со временемъ измѣнилось въ *i* (*quaes-u-mus* относится къ *quaerimus*, какъ *maximus* къ *maximus*). Слѣдовательно, въ латинскомъ языкѣ примѣта прежде была совершенно такая же, какъ и въ греческомъ, въ которомъ передъ носовыми бываетъ *o*-звукъ, а передъ нѣмыми *e*-звукъ. Отъ спряженія съ примѣтой *o*-звукъ перешелъ также на безпримѣтное спряженіе, а именно прежде всего въ 3 мн. *s-u-nt* (*fer-u-nt, vol-u-nt*), какъ видно изъ церковно-славянскаго сѣтъ, между тѣмъ какъ въ греческомъ εἶσι его еще нѣтъ; затѣмъ появилось и также въ 1 мн.: *s-u-mus* (вм. котораго, впрочемъ, Августъ, по свидѣтельству Светонія, говорилъ *simus*, конечно, съ короткимъ *i*, чѣмъ оно и отличалось отъ сослагат. *simus*) и въ 1 ед.: *s-u-m*, вм. котораго, какъ видно еще изъ Варрона, говорили прежде *esum* (*esum* же отпосится къ **es + m* = русск. *ес-мъ*, какъ чешское разговорное *sed-u-m* вм. литературнаго *sedm* = русск. *семь*¹⁾).

Однако тематическій гласный (или примѣта) не во всѣхъ глаголахъ одинаково ясно виденъ. Онъ виденъ отчетливо во всемъ 3 спряженіи (см. выше *lego*), виденъ также въ 1 ед. *doce-o* и *audi-o*, равно

¹⁾ Произношеніе *sedum* до того отчетливо слышно, что даже смѣшивается это числительное съ названіемъ известнаго растенія *sedum asre*, отъ котораго люди, не знающіе латинской терминологіи въ ботаникѣ, образуютъ даже уменьшительное «*sedmicka*» совершенно такъ, какъ и отъ числительнаго.

какъ и въ 3 мн. audi-u-nt, но не виденъ въ doce-nt, ama-nt, не виденъ въ doce-mus, ama-mus и пр. И если сопоставимъ, напримѣръ:

leg-o	moll-i-o	imple-o
съ leg-u-nt	moll-i-u-nt	imple-nt,

то, очевидно, во первыхъ, то, что въ leg-o примѣта о присоединена къ согласной основѣ, а въ moll-i-o и imple-o къ основамъ, оканчивающимся на гласные (i, e), и, во вторыхъ, что въ параллель съ leg-u-nt и moll-i-u-nt ожидается *im-ple-u-nt. Подобнымъ образомъ рядомъ съ leg-i-s слѣдовало бы ожидать *moll-i-s *imple-i-s; но вмѣсто того имѣемъ mollis, imples, что, очевидно, формы слитныя. Сліяніе тематическаго гласнаго или примѣты съ конечнымъ гласнымъ основы можно усмотрѣть также изъ слѣдующаго сравненія:

н е сл и т н ы я ф о р м ы			сл и т н ы я ф о р м ы	
греч.	русск.	лат.	греч.	лат.
τιμά-ω	сто-ю	*sta-o	τιμῶ	sto
	вста-ю	ср. leg-o		
τιμά-ει-ς	сто-и-шь	*sta-i-s	τιμῆ-ς	sta-s
	вста-е-шь	ср. leg-i-s		
τιμά-ει	сто-и-тъ	*sta-i-t	τιμῆ	sta-t
	вста-е-тъ	ср. leg-i-t		
τιμά-ο-μεν	сто-и-мъ	*sta-i-mus	τιμῶ-μεν	sta-mus
	вста-е-мъ	ср. leg-i-mus		
τιμά-ε-τε	сто-и-те	*sta-i-tis	τιμᾶ-τε	sta-tis
	вста-е-те	ср. leg-i-tis		
τιμά-ουσι	сто-ють	*sta-u-nt	τιμῶ-σι	sta-nt
	встаютъ	ср. leg-u-nt		

Если всему сказанному подведемъ итогъ, то окажется, что латинскіе глаголы распадаются прежде всего на два главныхъ спряженія, какъ и въ греческомъ языкѣ:

I. Спряженіе безпримѣтное, въ которомъ личныя приставки присоединяются непосредственно къ корню. Сюда принадлежитъ большая часть такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ (anomala).

II. Спряженіе съ примѣтой или тематическимъ гласнымъ, въ которомъ личныя приставки присоединяются къ основѣ, распространенной гласными o, u, i (а именно одними этими гласными или въ соединеніи съ другими звуками).

Послѣднее спряженіе распадается на два подраздѣленія:

1. Спряженіе согласныхъ основъ, при которыхъ тематическій гласный сохраняется; сюда принадлежитъ такъ называемое 3-е спряженіе или согласное спряженіе.

2. Спряжение гласных основъ, при которыхъ тематическй гласный (или примѣта) сливается съ конечнымъ гласнымъ основы: слитное спряжение. Гласныя основы въ латинскомъ языкѣ могутъ, однако, оканчиваться:

а) на -а, которое непременно сливается съ примѣтой въ долгое а: 1-е спряжение или а- спряжение;

б) на -е, также непременно сливающееся съ примѣтой въ долгое е (исключая 1 ед.): 2-е спряжение или е- спряжение;

в) на -і, сливающееся только отчасти съ примѣтой въ долгое і: 4-е спряжение или і- спряжение.

На этомъ останавливаюсь, хотя есть еще много случаевъ латинской фонетики и морфологии, которые заслуживаютъ полнаго вниманія даже со стороны педагоговъ, напримѣръ, форма страдательнаго залога, степени сравненія, замѣнительное удолженіе, сокращеніе конечныхъ слоговъ и мн. др.

Въ началѣ я назвалъ настоящія мои замѣтки практическими, и думаю, что сдержалъ слово до конца. Въ нихъ читатель не найдетъ ни глубокомысленныхъ разсужденій, ни многочисленныхъ цитатъ изъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ книгъ, а также, вѣроятно, ничего особенно новаго. Я и не думаю ихъ писать для „ученыхъ“, а напротивъ, предлагаю моимъ товарищамъ по профессіи лишь нѣкоторые совѣты, какъ бы вводить своихъ молодыхъ слушателей въ болѣе научное пониманіе латинскаго языка. Слѣдуя этимъ совѣтамъ, они будутъ ссылаться исключительно на факты языка, въ данный моментъ уже извѣстные ученикамъ. При этомъ, конечно, должна быть соблюдаема извѣстная послѣдовательность. Въ низшихъ классахъ, какъ связано мною въ предисловіи къ „Фон. и Морф.“, можетъ идти дѣло исключительно объ основательномъ и твердомъ усвоеніи установившихся въ языкѣ формъ. Въ высшихъ же классахъ возможно, съ одной стороны, дополнять флексію древними и рѣдкими, у поэтовъ употребляемыми, формами, а съ другой стороны, объяснять основательнѣе составныя части флексивныхъ формъ въ связи съ сообщеніемъ соответствующихъ фонетическихъ правилъ. Конечно, не надо все оставлять на самый конецъ гимназическаго ученія; съ нѣкоторыми сообщеніями можно начать еще въ среднихъ классахъ. Требуемую послѣдовательность отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному я соблюдалъ отчасти также и въ этихъ замѣткахъ.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моей „Фон. и Морф.“, такъ какъ это до сихъ поръ на русскомъ языкѣ

единственная полная грамматика, основанная на результатах сравнительнаго языкознанія (если не считать литографированныхъ „Записокъ“ Иванова). Приступая къ составленію названной книги, я предполагалъ написать руководство латинскаго языка, предназначенное для высшихъ классовъ, въ составъ котораго должны были войти главнѣйшіе результаты сравнительнаго языкознанія (слѣдовательно, нѣчто въ родѣ Ваничка или Швейцера). Этотъ трудъ, заключающій въ себѣ лишь латинскій языкъ, былъ одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ VIII классѣ подвѣдомственныхъ министерству гимназій. „Между тѣмъ (говорю я въ предисловіи, стр. III) я убѣдился, что изданіе подобной учебной (подчеркнуто въ подлинникѣ) книги было бы нѣсколько преждевременнымъ, и поэтому, расширивъ ее значительно и дополнивъ указаніями на источники (которые были какъ разъ у меня подъ рукою), а также снабдивъ параллельнымъ изложеніемъ осскаго и умбрійскаго языковъ (составленнымъ за два или за три года до того времени), я предлагаю ее любезному вниманію своихъ товарищей въ видѣ пособия (слѣдовательно, не руководства) для преподаванія (подчеркнуто въ подлинникѣ) латинскаго языка. Школьное изданіе въ сильно упрощенной и сокращенной формѣ послѣдуетъ позже“. Эти слова, кажется, вполне уясняютъ назначеніе моей книги, даже еслибъ на стр. IV того же предисловія я не говорилъ о ней, какъ о „книгѣ, имѣющей служить для преподавателей“. Правда, она составлена такъ, что латинскую ея часть, безъ особеннаго какого-нибудь неудобства, можно дать въ руки ученикамъ, если не другихъ классовъ, то по крайней мѣрѣ восьмага; но это, кажется, недостатокъ. Назначая мою книгу для преподавателей, я не имѣлъ въ виду ихъ кабинетнаго занятія, а преподаваніе въ классѣ. Слѣдовательно, объектомъ моихъ наставленій былъ главнымъ образомъ учащійся, а учащаго я представлялъ себѣ въ этомъ дѣлѣ лишь какъ посредника. Тѣмъ не менѣе, я не называлъ свою книгу „учебникомъ“ или „пособіемъ для учениковъ“, а напротивъ, „пособіемъ для преподаванія“, то-есть преподавателей.

Совершенно другое положеніе двухъ прибавленій, трактующихъ объ осскомъ и умбрійскомъ языкахъ. Эта часть моей книги предназначена для перваго ознакомленія съ этими языками тѣхъ преподавателей, которые не имѣли возможности познакомиться съ ними еще на университетской скамьѣ. Между нами, если не ошибаюсь, очень и очень много такихъ, для которыхъ не то что италійскіе языки, а даже историческая грамматика—дѣло совершенно новое; но это, впро-

чемъ, не ихъ вина, ¹⁾). Этимъ объясняется, почему я старался изложить этихъ языковъ держать какъ только можно ближе къ изложенію латинской части. Поэтому, напримѣръ, для объясненія формы им. мн. по 1 и 2 склоненію я пользуюсь латинскимъ видомъ суффикса -es, напримѣръ, aasas=*asa+es (по латыни agae), Novlanos=*Novlano+es (Nolani), то-есть aasas и Novlanos образовались отъ основъ asa и Novlano въ соединеніи съ тѣмъ же суффиксомъ, который послужилъ и для образованія латинскаго им. мн. въ 3, 4 и 5 склоненіяхъ и который при согласныхъ основахъ въ латинскомъ

¹⁾ Отчасти виновато тутъ не совсѣмъ удовлетворительное состояніе гимназическихъ библиотекъ. За границей молодые филологи не считаютъ оконченнымъ свое образованіе съ выходомъ изъ университета, чему, конечно, много способствуютъ такъ называемые государственные экзамены. Въ своемъ стремленіи къ дальнѣйшему филологическому образованію они встрѣчаютъ сильную поддержку со стороны гимназій, въ которыхъ состоятъ на службѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не умю себя представить, напримѣръ, австрійской гимназій, въ которой не было бы особой комнаты съ надписью «библіотека». Наши же строители гимназій забываютъ обыкновенно про эту важнѣйшую часть учебнаго заведенія. Заграничныя библіотеки непремѣнно выписываютъ важнѣйшіе спеціальные журналы и, имѣя своихъ постоянныхъ коммиссіонеровъ, получаютъ постоянно всѣ новости ученой и учебной литературы, какъ говорится, «zur gefälligen Einsicht». У насъ же библіотеки часто, въ буквальный смыслъ, только «книгохранилища» для «храненія» старыхъ, никому не нужныхъ книгъ. Нѣкоторыя библіотеки не выписываютъ не только никакихъ спеціальныхъ журналовъ, но иногда и по нѣскольку лѣтъ сряду, ни одной филологической книги, ни русской, ни заграничной. «А тамъ преподаватель, если ему нужна какая-нибудь книга, пусть себѣ самъ ее купитъ!» Да, пока онъ молодъ, пока еще не погасла въ немъ любовь къ наукѣ, онъ приобретаетъ различныя книги на свои собственные средства, но часто безъ всякаго разбора, какъ попало. Иную книгу, правда, онъ читаетъ съ удовольствіемъ, но послѣ этого она такъ и лежитъ у него безъ дѣла; а подчасъ онъ видитъ, что приобретенная имъ книга совсѣмъ не подходящая для него. Между тѣмъ книги дороги! Поэтому, наконецъ, онъ бросаетъ всякую «науку», и спокойно поживаетъ на своемъ возлюбленномъ Кремерѣ. Неудивительно, если потомъ многіе смотрятъ уже слишкомъ свысока на бѣдныхъ «педагоговъ». Не то за границей. Тамъ «ученая» школа старается имѣть и «ученый» персоналъ. И дѣйствительно, между преподавателями университетовъ и преподавателями гимназій нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой разницы, какъ въ Россіи (я, конечно, не говорю обо *всѣхъ* преподавателяхъ гимназій или обо *всѣхъ* преподавателяхъ университета. Даже и титулъ вездѣ одинаковъ: «профессора» тѣ и другіе вездѣ. Для того чтобъ не отставать отъ науки, нужны книги и опять книги; поэтому пусть мнѣ не будетъ вѣяно въ преступленіе, что я коснулся здѣсь настоящаго положенія нашихъ гимназическихъ библиотекъ.

языкъ является въ видѣ *-es* (*reg-es*). Меня, однако, спрашиваютъ: „гдѣ же факты, подтверждающіе такое объясненіе? есть ли хотя слабый намекъ въ итальянскихъ языкахъ на такое образование *pl.* отъ основъ на *-a*?“ Положимъ, что, по крайней мѣрѣ при основахъ на *-a*, нѣтъ фактовъ, доказывающихъ, что *aasas* образовалось именно изъ **asa+es* (чего я, впрочемъ, не утверждаю); однако, нѣтъ также фактовъ, говорящихъ противоположное, именно что *aasas* образовалось навѣрное не такъ, а какъ-нибудь иначе. Очень вѣроятно, что *aasas* слилось еще изъ **asa+as*. Но зачѣмъ исключать всякую возможность другой степени сліянія? Развѣ считается тутъ помѣхой для сліянія изъ **asa+es* разница гласныхъ „а“ и „е“? Въ такомъ случаѣ я долженъ былъ бы рекомендовать весьма поучительную статью И. Мейера о сліяніи въ греческихъ глаголахъ, напечатанную въ одномъ изъ номеровъ „Ж. М. Н. Пр.“ за 1878 г. Чтобы возвратиться къ тому, съ чего я началъ: какъ бы тамъ ни было насчетъ „первоначальныхъ“ суффиксовъ, а объ осскомъ и умбрійскомъ приложеніи моей книги и думать нельзя, что оно назначено для учениковъ. Во-первыхъ, на заглавномъ листѣ моей книги явственно отпечатаны слова: „пособіе для преподаванія“, а ученики, какъ извѣстно, не преподають; во-вторыхъ, учебные планы не назначаютъ никакихъ уроковъ для осскаго и умбрійскаго языковъ; в-третьихъ, вводитъ данныя осскаго и умбрійскаго языка въ латинскіе уроки никому я не думалъ совѣтовать, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ предисловія (та же III стр.) моего труда: „Должно объяснять латинскій языкъ по возможности исключительно изъ него самого. Все то, чего нельзя объяснить изъ латинскаго, или по крайней мѣрѣ изъ греческаго и славянскаго языковъ, должно быть исключено ¹⁾ изъ книги, имѣющей

¹⁾ Въ такимъ случаяхъ причисляю (на той же III стр.), между прочимъ, и взаимное отношеніе суффиксовъ дат. и твор. мн. *-is*, *-bis*, *-bus*, которые, какъ извѣстно, всѣ объясняются изъ первоначальнаго *-bhjams*. Такъ, напримѣръ, Шлейхеръ, стр. 569 (изд 4-е), изображаетъ генеалогію дательнаго *equis* слѣдующимъ образомъ: сначала было *o-bhjams*, вм. котораго въ латинскомъ является **equo-fios*, ватѣмъ **equo-bios*, потомъ **equo-ios*, далѣе *equo-is*, изъ котораго произошло *equeis*, а изъ этого, наконецъ, *equis*. Такимъ же образомъ объясняетъ Corssen *Auspr. I*, 103 и *Krit. Nachtr.* 212 и слѣд. Эту «генеалогію», которую у Корсена списываютъ и другіе, я нисколько не намѣренъ за подозривать, хотя она, не смотря на все соблюденіе фонетическихъ правилъ, довольно похожа на этимологію одного Нѣмца, производившаго нѣмецкое слово *Fuchs*

въ виду только гимназій". Спрашивается, зачѣмъ понадобилось, безъ всякаго основанія, повѣдать міру, что я „вношу въ школу новый, дотолѣ не изучавшійся, языкъ"? Неужели же только ради краснаго словца? И при чемъ же тутъ, наконецъ, Гомеръ и Геродотъ, которые, какъ извѣстно, не читаются на урокахъ латинскаго языка?

отъ греческаго ἀλόγησι. Я хочу только сказать, что я не принялъ въ свою книгу никакого объясненія суффикса -is потому, что предоставляю это дѣло университету.

И. Петушиль.

О ВИДАХЪ ГРЕЧЕСКАГО ГЛАГОЛА.

Въ теоріи представители новѣйшаго языковѣдѣнія всѣ согласны въ томъ, что и въ греческомъ глаголѣ есть виды: Курціусъ ихъ называетъ *Zeitarten*, Дельбрюкъ *Arten der Handlung*, другіе иначе; мы, Русскіе, имѣемъ для этой грамматической категоріи давно установившееся названіе, именно виды. Ученые согласны и въ томъ, что разница видовъ состоитъ въ качествѣ дѣйствія, такъ что три вида греческаго глагола равняются тремъ отгѣнкамъ одного кореннаго значенія: λέγειν, εἶπεῖν, εἶρηκέναι = говорить, сказать, *dixisse*, λύειν λύσαι λελοχέναι = разрѣшать, разрѣшить *solvisse*.

Уже древніе стонки установили, правда, разницу между χρόνος и ἔργον (Векк. *Anekd.*, pag. 889), между πρᾶγμα ἀτελές и πρᾶγμα συντελές, и новѣйшіе грамматикѣи знаютъ ее; такъ упоминаетъ Курціусъ, впрочемъ только въ синтаксисѣ своей грамматикѣи, о трехъ дѣйствіяхъ, а Акенъ различаетъ въ этимологіи и синтаксисѣ *verbum imperfectum*, *verbum aoristum* и *verbum perfectum*. Но дальше простаго упоминанія никто изъ нихъ не идетъ, и, насколько мнѣ извѣстно, не было до сихъ поръ никѣмъ еще сдѣлано серьезной попытки положить въ основу спряженію греческаго глагола виды, какъ это давно и съ наибольшимъ успѣхомъ сдѣлано въ русскомъ и другіхъ славянскихъ языкахъ. А между тѣмъ раздѣленіе на виды въ такой же степени научно вѣрно и практично выгодно какъ для этимологіи, такъ и для синтаксиса. Въ греческомъ языкѣ, какъ уже упомянуто, три вида, а именно длительный, аористъ и законченный. Разсмотримъ теперь употребленіе каждаго вида въ отдѣльности, сначала во временныхъ формахъ.

Видъ длительный выражаетъ въ латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ дѣйствіе, которое, по отношенію къ другому дѣйствию еще длится. Поэтому-то онъ въ настоящемъ времени преимущественно годенъ для изображенія реальной дѣйствительности (*des sinnlich Wahrnehmbaren*):

Aristoph. Av. 176. Πε. βλέφον χάτω Επ. καὶ δὴ βλέπω.

Далѣе видъ длительный выражаетъ намѣреніе:

Aristoph. Pax 107: γράφομαι
Μήδοισιν αὐτὸν προδιδόναι τὴν Ἑλλάδα.

Soph. Oed. Col. 992:

Εἴ τις δὲ τὸν δίκαιον αὐτίχ' ἐνθάδε
κτεῖνοι παραστάς, πότερα πονθήνοί' ἂν εἰ
πατήρ σ' ὁ κτείνων ἢ τίνοι' ἂν εὐθέως;

—, ὡς μάθησ τὰ διδόμενα δέχεσθαι Нег. IX 111.

Наконецъ видъ длительный выражаетъ многократность и состояніе: Хер. Мемораб. I, 1, 4: Σωκράτης, ὡςπερ ἐγίγνωσκε, οὕτως ἔλεγεν.

Таῦτα τοῖσι αἰεὶ δωροφορέουσι ἐδίδοτο Нег. II, 168.

Поэтому-то и очень часто примѣненіе этого вида въ сентенціяхъ и пословицахъ:

Τὸ ῥόδον ἀκμάζει βαιὸν χρόνον. Anthol.

На сколько было и есть легко объясненіе длительного вида, не представляющаго никакой особенной разницы во всѣхъ языкахъ, на столько представлялъ трудность аористъ, пока исходили изъ того взгляда на него, что онъ — прошедшее время. Но и нынѣ даже, когда, благодаря сравненію съ славянскими нарѣчіями, суть аориста гораздо легче постичь, господствуютъ въ греческихъ грамматикахъ такіа сбивчивыя понятія о немъ, какъ будто онъ обозначаетъ *eintretende* или *momentane Handlung* (наступательное или мгновенное дѣйствіе). Я рѣшительно не согласенъ съ обоими опредѣленіями. Подъ нихъ подходитъ всего небольшая часть случаевъ и эту-то часть возводятъ въ общее правило! Такъ, напримѣръ, Крюгеръ говоритъ дословно въ своемъ синтаксисѣ (5-е изд., стр. 167): „Аористъ означаетъ собственно (!) вступленіе въ дѣйствительность (*Eintreten in die Wirklichkeit*); наирельефнѣе проявляется начинательное (*inchoative*) значеніе у глаголовъ, которые въ настоящемъ времени означаютъ состояніе“. — Чтобы тотъ или другой невѣрный взглядъ продержался, конечно, должна заключаться въ немъ хоть доля истины. Такъ и тутъ. Нѣкоторые изъ глаголовъ, выражающихъ состояніе,

дѣйствительно могутъ означать наступленіе состоянія (*das Eintreten der Handlung*); но отсюда не слѣдуетъ, что въ виду этого мы въ правѣ видѣть въ каждомъ аористѣ наступательное дѣйствіе. А между тѣмъ извѣстный своею точностью Крюгеръ, въ интересѣ своего априористическаго опредѣленія, оставляетъ безъ всякаго упоминанія, что у тѣхъ же самыхъ глаголовъ наступленіе не есть непрѣмное условіе, а только возможное, и что тѣ же самые глаголы во многихъ случаяхъ не представляютъ и слѣда наступательнаго значенія, а просто дѣйствіе само по себѣ, *ἀόριστον*. Изъ этого послѣдняго рода аористическаго дѣйствія у Крюгера не приведено ни единого примѣра. Предлагаю съ своей стороны нѣсколько примѣровъ: "Ἄρσος δὲ βασιλεύσαντος ἐνὸς δέοντα παντήκοντα ἔταα, ἐξεδέξατο Σαδωάττης ὁ Ἄρσος καὶ ἐβασίλευσε ἔταα δωώδεκα. Нег. II, 16.

Μετὰ δὲ ἐκκαίδεκα ἔταα τὰ πάντα ἄρξας τελευτᾶ. Нег. II, 159.

'Ἄλλ' αἰσχρὸν εἰπεῖν καὶ σιωπῆσαι βαρύ. Aristoph. Lysistr. 713.

Тутъ аористы *βασίλευσαι, ἄρξαι, σιωπῆσαι*, очевидно, имѣютъ значеніе: процарствовать и умолчать, а не возцарствовать, замолчать. Крюгеръ односторонне приводитъ только наступательное значеніе и основываетъ на немъ свое опредѣленіе аориста. Другіе не менѣе односторонне видятъ въ аористѣ только мгновенное дѣйствіе. По этому поводу уже Курціусъ иронизируетъ въ своихъ *Erläuterungen* (2 изд., стр. 180): „Приходится измѣрять чуть не по часамъ разницу между *ποιεῖν* и *ποιῆσαι*, *νικᾶν* и *νικῆσαι*; а между тѣмъ разница тутъ совсѣмъ иная, коренящаяся гораздо глубже“. Къ сожалѣнію Курціусъ предпочелъ, какъ онъ самъ сознается, удержать старую терминологию Крюгера и Роста, именно названіе *eintretende Handlung*. И вотъ послѣдствіемъ этого было, между прочимъ, то, что г. Кремеръ въ своемъ переводѣ грамматики Курціуса передаетъ *eintretende Handlung* словомъ „начинательное дѣйствіе“, *actio inchoativa*, значить, такимъ образомъ у Кремера однимъ и тѣмъ же названіемъ „начинательный“ пользуются какъ весь аористъ (2 изд., стр. 263), такъ и всѣ глаголы VI (начинательнаго) класса (2 изд., стр. 171) вида длительного. И такая передача совершается на русскомъ языкѣ, одномъ изъ живо сознающихъ сущность аориста!

Мы, съ своей стороны, видимъ въ аористѣ дѣйствіе однократное (*einmalig*), цѣльное, неоттѣненное (*ἀόριστον*), дѣйствіе само по себѣ. Аористъ, въ противоположность длительному виду, невозможенъ въ реальной дѣйствительности. Всякая аористическая форма, чуть она

взята изъ реальной дѣйствительности, переходитъ въ длительный видъ, настоящее время:

Пе. βλέπων κάτω. Еп. και δὴ βλέπω. Aristoph. Av. 176.

Οἶκ. και κάτιδε τὰς νήρους ἀπάσας ἐν κόλφῳ.

Ἄλλ' καθορῶ. Aristoph. Equit. 170

Μν. μὰ τὸν Ἀπόλλω οὐκ, ἦν γε μὴ ὁμοίως ἐμοί.

Εὐρ. ὄμνομι τοίνυν. Aristoph. Thesm. 271.

Аористъ можетъ, слѣдовательно, по самой природѣ своей проявляться только въ будущемъ или прошедшемъ временахъ. Совершенно то же видимъ мы въ славянскихъ нарѣчьяхъ, гдѣ главное время аориста выражаетъ: или будущее, какъ въ русскомъ языкѣ, или praesens historicum, какъ въ сербскомъ, но никогда реальной дѣйствительности.

Эта невозможность проявляться въ реальной дѣйствительности и есть именно то, что рѣзко отличаетъ аористъ отъ длительного вида. Въ этомъ отношеніи противоположны другъ другу, съ одной стороны, языки греческій и славянскіе, съ другой — германскіе и романскіе: первые обладаютъ очень тонкимъ чутьемъ аориста, а у послѣднихъ чутье это почти утеряно, такъ какъ нѣтъ особой формы для него. Считаю недлишимъ упомянуть тутъ-же, что почти всѣ грамматикѣ полагаютъ большую разницу между аористомъ и длительнымъ въ прошедшемъ времени во всѣхъ случаяхъ. Но уже Беймлейнъ говорить въ Zeitschrift für Alterthumskunde 1851, № 45, стр. 359, „что между Imperfectum (то-есть прошедшимъ вр. длит. в.) и Aoristus (то-есть прошедшимъ вр. вида аориста) отъ Гомера до аттическихъ классиковъ очень часто разницы въ значеніи вовсе не существуетъ“. По моему, разница такая есть только въ томъ случаѣ, когда взято дѣйствіе многократное или состояніе; если же взято однократное дѣйствіе, то оба вида употребляются promiscue. Глаголь здѣсь, оставляя въ сторонѣ исторически сложившуюся разницу видовъ, выражаетъ просто коренное значеніе безъ всякихъ отгѣнковъ. Докажемъ это примѣрами:

аор. Δῶκε δὲ Μηριόνη δόρυ χάλκεον· αὐτὰρ ὄγ' ἦρος Π. XXIII, 896.

дл. Ταλθυβίφ κήρυκι δίδου περικαλλῆς ἄσθλον.

дл. Ἐκ δὲ καὶ αὐτοὶ βαῖνον ἐπὶ ῥηγμῖνι θαλάσσης, Π. I, 437.

аор. ἐκ δ' ἑκατόμβην βῆσαν ἐκηβόλφ' Ἀπόλλωνι.

аор. Ἄτρεὺς δὲ θνήσκων ἔλιπεν πολύαρνι Θυέστῃ, Π, Π, 106 sq.

дл. αὐτὰρ ὁ αὐτε Θυέστ' Ἀγαμέμνονι λείπε φορῆναι.

дл. — — ὄν τιχε διφίλος ἱππότα Φυλεύς. Π. Π, 628.

- αορ. ὃν τέκεν Ἄστυόχεια βίη Ἡρακλειήη Π. II, 658.
 αορ. τῶν αὖ Φείδιπός τε καὶ Ἄντιφος ἡγήσασθην Π. II, 678.
 дл. τῶν αὖθ' ἡγήσθην Ἀσκληπιού δύο παῖδε Π. II, 731.
 αορ. ἧ οὐχ ἐσπέσθην Λακεδαιμόνος ἐξ ἐρατεινῆς Π. III, 239.
 дл. ἧ δεύρω μὲν ἔποντο νέεσσ' ἐνι ποντοπόροιαι,
 νῦν αὖτ' —
 αορ. ἂν δ' ἄρ' ἔβη Πρίαμος, κατὰ δ' ἡνία τεῖνεν ὀπίσω Π. III, 261.
 дл. ἂν δ' ἄρ' ἔβαιν' αὐτός, κατὰ δ' ἡνία τεῖνεν ὀπίσω Π. III, 311.
 ἵππους δὲ —
 αορ. δῶκεν ἑταίροισιν κατάγειν κοίλας ἐπὶ νῆας Π. V, 26.
 дл. ἵππους δ' οἷς ἑταροῖσι δίδου μετὰ νῆας ἐλαύνειν Π. V, 165.
 дл. πὰρ δέ οἱ Ἴρις ἔβαινε καὶ ἡνία λάζετο χερσίν Π. V, 365.
 αορ. πὰρ δέ οἱ Ἀντήνωρ περικαλλέα βήσето δίφρον Π. III, 262.
 дл. Ἡ ῥα καὶ ἀμπεπαλὼν προιεὶ δολιχόσκιον ἔγχος V, 280.
 αορ. ὡς φάμενος προέηκε· βέλος δ' ἴνθονεν Ἀθήνη V, 290.
 αορ. ὅς τέκετ' Ὀρσίλοχον πολέεσσ' ἄνδρεςαιν ἄνακτα· V, 546 sq.
 дл. Ὀρσίλοχος δ' ἄρ' ἔτικτε Διοκλῆα μεγάρυμον.
 αορ. — — — ὁ δ' ἄρα Γλαῦκον τέκεθ' υἱόν, VI, 154 sq.
 дл. αὐτὰρ Γλαῦκος ἔτικτεν ἀμόμονα Βελλεροφόντην.
 дл. αὐτοῦ μιν κατέρυκε, δίδου δ' ὄγε θυγατέρα ἦν, VI, 192 sq.
 αορ. δῶκε δέ οἱ τιμῆς βασιληΐδος ἦμισυ πάσης.
 дл. Οἶνεὺς μὲν ζωστῆρα δίδου φοῖνικι φαινόν VI, 219.
 αορ. Ὡς ἄρα φωνήσας δῶκε ξίφος ἀργυρόηλον VII, 303.
 дл. Αἴας δὲ ζωστῆρα δίδου φοῖνικι φαινόν VII, 305.
 дл. Καὶ μιν ἐγὼ κατέλειπον ἰὼν ἐν δώμασ' ἐμοῖσι. VI, 221 sqq.
 Τυδέα δ' οὐ μέμνημαι, ἐπεὶ μ' ἔτι τυτθὸν εόντα
 αορ. κάλλιφ', ὅτ' ἐν Θῆβησιν ἀπώλετο λαὸς Ἀχαιῶν.
 αορ. Τυδείδῃ μὲν δῶκε μενεπτόλεμος Θρασυμήδης X, 225.
 φάσανον ἄμφηκες —
 дл. Μηριόνης δ' Ὀδυσῆϊ δίδου βιὸν ἡδὲ φαρέτρην X, 260.

αοριστῆ:

- Ἐν μὲν γαῖαν ἔτευξ', ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν XVIII, 483.
 ἐν δὲ δύο ποιήσε πόλεις μερόπων ἀνθρώπων XVIII, 490.
 ἐν δ' ἀγέλην ποιήσε βοῶν ὀρθοκραιρῶν XVIII, 573.
 ἐν δὲ νομόν ποιήσε περίκλυτος ἐννοσίγαιος XVIII, 587.

длительныи:

- ἐν δ' ἐτίθει νεῖον μαλακῆν, πείρασαν ἄρουραν XVIII, 541.
 ἐν δ' ἐτίθει τέμενος βαθυλήιον XVIII, 550.

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῆσι μέγα βρίθουσαν ἀλωήν XVIII, 561.

ἐν δ' ἐτίθει ποταμοῖο μέγα σθένοz Ὀχκεανοῖο XVIII, 607.

Примѣры эти достаточно говорятъ сами за себя.

Прошедшее время аориста часто примѣняется въ сентенціяхъ и пословицахъ. Въ такомъ случаѣ выражается единичный, но типическій случай. Грамматики, по моему, придаютъ слишкомъ исключительную, слишкомъ важную роль въ этомъ отношеніи аористу, такъ называемому гномическому аористу. Сентенція не пользуется исключительно прошедшимъ временемъ аориста, но и будущимъ аориста:

Εἰς σπυρίδα μάζας ἐμβαλεῖς, ἀλλ' οὐ φακῆν
οἰνάριον εἰς λάγηνον, ἀλλ' οὐ κάραβον;

дальше настоящимъ временемъ длительного:

Τὸ ῥόδον ἀκμάζει βαιὸν χρόνον. Anthol.

наконецъ настоящимъ временемъ законченнаго вида:

ὁ μὲν ἦκων γάρ, κἄν ἦ πολὺς, τάχῃ παῖδα κόρην γεγάμηκεν
Aristoph. Lysistr. 595.

ἀριθμός, ἐὰν ἀφέλγῃς τι ἢ προσθῆγῃς, ἕτερος εὐθὺς γεγρονεν Πλ. Κρατ. 432.

Πλουτήσαντες ἀπὸ τῶν κοινῶν παραχρήμ' ἄδικοι γεγέννηται,

ἐπιβουλεύουσί τε τῷ πλήθει καὶ τῷ δήμῳ πολεμοῦσιν Αριστ. Πλοῦτ. 569.

* Ἄνευ τοῦ γίγνεσθαι γενέσθαι ἀδύνατον Πλ. Θε. 155.

Видъ законченный развился изъ удвоенной интензивной формы глагола, остатки которой сохранились въ греческомъ въ немаломъ числѣ: κεκραγῆναι „кричать во все горло“ рядомъ съ κράζειν кричать или просто=κράζειν. Помимо этого спеціального значенія выражаетъ видъ законченный, какъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ, дѣйствию, по отношенію къ другому дѣйствию, законченное. Въ языкахъ, обладающихъ отчетливой формой аориста, видъ законченный, собственно говоря, роскошь. По этому-то, славянскія нарѣчія обходятся и безъ законченнаго вида, а въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, прошедшее время законченнаго вида (Plusquamperfectum) по большей части замѣняется прошедшимъ временемъ аориста, и, наконецъ, всякое настоящее время законченнаго вида легко замѣняется прошедшимъ временемъ аориста:

Σπρεψ. ἴθι νουν, κατὰβηθ', ὃ Σωκρατίδιον, ὡς ἐμέ,
ἵνα μ' ἐκδιδάξῃς ὥνπερ οὐνεκ' ἐλήλυθα.

Σωκρ. ἦλθες δὲ κατὰ τί;

Aristoph. Nub. 238.

Φειδ. διὰ ταῦτα δὴ καὶ θοιμάτιον ἀπόλεσας;
 Στρεψ. ἀλλ' οὐκ ἀπολώλεχ' ἀλλὰ καταπεφρόντιχα.
 Φειδ. τὰς δ' ἐμβάδας ποῖ τέτροφας, ὧ νόητε σύ;
 Στρεψ. ὡσπερ Περιχλέης εἰς τὸ δέον ἀπόλεσα.

Aristoph. Nub. 855.

Вотъ, главнымъ образомъ, въ чемъ заключается, употребленіе греческихъ видовъ во временахъ. Что же касается ихъ примѣненія въ наклоненіяхъ и въ глагольныхъ именахъ, то слѣдуетъ съ самаго начала обратить особенное вниманіе на разницу между прямой и непрямою рѣчью. Въ непрямою рѣчи желательное наклоненіе и неопредѣленное заступаютъ соотвѣтственное время и только вслѣдствіе этого получаютъ въ указанномъ случаѣ временной отгѣнокъ, котораго они въ остальныхъ, помимо этого, случаяхъ ни подъ какимъ видомъ не выражаютъ. Единственно ради этого произвелъ греческій языкъ желательное и неопредѣленное отъ будущаго времени, чтобы выразить будущее и въ непрямою рѣчи; настоящее же и прошедшее выражаются соотвѣтственными формами: первое длительного вида, второе аориста. Изъ этого ясно видно, какъ сбивчивъ и поверхностенъ переводъ λῶσαι словомъ *gelöst haben* у Крюгера въ парадигмахъ его грамматики (§ 35) и въ синтаксисѣ ποιῆσαι *gethan haben* (§ 536); λῶσαι значитъ не *gelöst haben*—*solvisse*, но *lösen*—разрѣшить. Противуположную ошибку дѣлаетъ г. Кремеръ въ уже упомянутомъ переводѣ грамматики Курциуса, перевода λελοχῆναι словомъ разрѣшить; формы, соотвѣтствующей греческому λελοχῆναι, нѣтъ въ русскомъ языкѣ. Изъ этихъ указаній явствуетъ крайняя сбивчивость грамматикъ въ самыхъ началахъ ихъ предмета. Чтобы показать, до какой метафизической премудрости доходятъ не только въ философіи, но и въ филологіи тѣ, которые пренебрегаютъ точностью въ началахъ, я приведу два мѣста, первое изъ Крюгера (Синтаксисъ, стр. 167): „das Plusquamperfekt ist das Perfekt des Imperfekts“, второе изъ грамматики профессора Рота, который на стр. 75 говоритъ о „aogistisches Imperfekt“. Что касается употребленія этихъ формъ въ прямой рѣчи, то всѣ онѣ, какъ сказано, не могутъ имѣть ничего временнаго въ себѣ, потому что онѣ—наклоненія или глагольныя имена, а времена, наклоненія и глагольныя имена исключаютъ другъ друга. Въ наклоненіяхъ и глагольныхъ именахъ въ прямой рѣчи видъ законченный, уже по самой природѣ своей, можетъ проявляться только изрѣдка:

οὐ βουλεύεσθαι ὄρα, ἀλλὰ βεβουλεύεσθαι Plat. Crit. 46.

За то преобладають тутъ длительный видъ и аористъ. Разницу между длительнымъ видомъ и аористомъ въ наклоненіяхъ и въ неопредѣленномъ обозначаютъ грамматики обыкновенно такимъ образомъ: длительный выражаетъ повтореніе, привычку, аористъ — однократное дѣйствіе. По моему, дѣло гораздо проще. И здѣсь, какъ въ прошедшемъ времени, оба вида употребляются promiscue, или другими словами: и здѣсь исторически сложившаяся разница этихъ двухъ видовъ упускается изъ виду, а выражается одно только коренное значеніе. Истина эта безусловно выводится изъ слѣдующихъ примѣровъ, заимствованныхъ мною преимущественно изъ Аристофана. Я ограничиваюсь самыми мѣткими, но за то и самыми рѣдкими изъ нихъ, именно когда одинъ и тотъ же глаголь является въ одной и той же формѣ, то въ длительномъ, то въ аористѣ. Такихъ примѣровъ я приведу относительно много для повелительнаго, гораздо меньше для увѣщательнаго (conjunctivus), одинъ для неопредѣленнаго, ни одного для желательнаго.

а) Для повелительнаго:

Πε. βλέψον ἄνω—βλέπε νῦν κάτω

Av. 176.

ἄγε νῦν. ἀποδοῦ τοὺς καταράτους ἐμβάδας,
τασδί δ' ἀνύσας ὑπόδοθι τὰς λακωνικάς.

Vesp. 1120.

δὸς τῷ φαλακρῷ

τῶν τραγαλίων

Pax 771.

ἀλλ' ὡς γενέσθω· τῷδε μὲν δέλτον δίδου
ἡμᾶς δ' ὁ χρήζων κτεινέτω.

Eurip. Iphig. in Taur. 603.

ταῦτ' ὧ Δύκει Ἄπολλον, ἴλεως κλύων
δὸς πᾶσιν ἡμῖν, ὡσπερ ἐξαιτούμεθα

Sophocl. Electra 655.

ταῦτ' ὧ πολυτίμητ', εὐχομένοις ἡμῖν δίδου

Pax 1016.

Слѣдуютъ 77 примѣровъ глагола φέρειν съ значеніемъ „приносить“, въ которыхъ рѣшительно фέρε=ἔνεγκε (οἶσε):

1. Acharnenses:

ἀλλ' ἀντιβολῶ σ' ἀπένεγκέ μου τὴν μορμόνα 582

φέρε νῦν ἀπὸ τοῦ κράνους μετὰ τὸ πτερόν 584

ἐνεγκάτω τις ἔνδοθεν τῶν ἰσχάδων 805
τοῖς χοιριδίοισιν.

δμῶες ἐξενέγκατε 887

τὴν ἐσχάραν μοι δεῦρο καὶ τὴν ῥιπίδα.

ἄλλ' ἔσπερ' αὐτὴν 893

ἀπόφερ' ἀπόφερε τὰ κρέα καὶ μὴ μοι δίδου 1054

ἀπόφερε τὰς σπονδὰς φέρε τὴν οἰνήρουσιν 1067

Δαμ. παῖ, παῖ, φέρ' ἔξω δεῦρο τὸν γόλιον ἐμοί 1097

Δικ. παῖ, παῖ. φέρ' ἔξω δεῦρο τὴν κίστην ἐμοί 1098

Δαμ. ἄλας θυμίτας οἶσε, παῖ, καὶ κρόμμυα 1099

Δικ. θρῖον ταρίχους οἶσε δεῦρο, παῖ σαπροῦ 1101

Δαμ. ἔνεγκε δεῦρο τὸ πτερὸν τῷ ἄκ τοῦ κράνου 1103

Δικ. ἐμοὶ δὲ τὰς φάττας γε φέρε καὶ τὰς κίχλας 1104

Δαμ. τὸ λοφεῖον ἐξένεγκε τῶν τριῶν λόφων 1108

Δαμ. φέρε δεῦρο, παῖ, θώρακα πολεμιστήριον 1132

Δαμ. τοὺς κιλλίβαντας οἶσε, παῖ, τῆς ἀσπίδος 1122

Δικ. καὶ τῆς ἐμῆς τοὺς κριβανίτας ἔκφερε 1123

Δαμ. φέρε δεῦρο γοργόνωτον ἀσπίδος κύκλον 1124

Δικ. κᾶμοι πλακοῦντος τυρώνωτον δὸς κύκλον 1125

Δαμ. θύραζέ μ' ἐξενέγκατ' ἐς τοῦ Πιτταλοῦ 1222
παιωνίασι χερσίν.

Δικ. ὡς τοὺς κριτάς μ' ἐκφέρετε 1224.

2. Equites:

ἄλλ' ἐξένεγκέ μοι ταχέως οἴνου χάρα 95.

ἀγάθ' ἄλλ' ἔνεγκε 98

τοὺς χρησμούς ταχὺ 109

κλέψας ἔνεγκε τοῦ Παφλαγόνος ἔνδοθεν

φέρ' αὐτὸν, ἴν' ἀναγνῶ 118

ἀπόφερ' ἐκποδῶν 957

καὶ μὴν ἔνεγχε αὐτοὺς ἰών 970

καὶ σύ νυν φέρε 971

κάκεινον ἐκφερέτω τις ὡς ἐπὶ τέχνην 1407

3. Nubes:

ἄπτε, παῖ, λόχον 18

κᾶκφερε τὸ γραμματεῖον.

φέρε μοι τὸ κέντρον 1297

ἐμοὶ δὲ δᾶδ' ἐνεγκάτω τις ἡμμένην 1490

4. Vespae:

ἐνεγκάτω μοι δεῦρο τὴν κίστην τις ὡς τάχιστα 529
 ἀλλ' ὡς τάχιστα πῦρ τις ἐξενεγκάτω 860
 καὶ μυρρίνας καὶ τὸν λιβανωτὸν ἔνδοθεν

5. Pax:

αἶβοι, φέρ' ἄλλην χάτεραν μοι χάτεραν (μᾶζαν) 15
 οἷσ' οἷσ' ἀλετριβανον τρέχων 259
 ἀπόφερε τὰ σκεύη λαβὼν ταυτι πάλιν 287
 θύσας τὰ μηρί' ἐξελὼν δεῦρ' ἔκφερε 1021
 — ποῦ τράπεζα; τὴν σπονδὴν φέρε 1059
 ἔγχει δὴ σπονδὴν καὶ τῶν σπλάγχων φέρε δευρί 1102
 Ἰ. πρόσφερε τὴν γλῶτταν Τρ. σὺ δὲ τὴν σαυτοῦ γ' ἀπένεγκον 1109
 κάξ' ἐμοῦ δ' ἐνεγκάτω τις τὴν κίχλην καὶ τὸ σπίνω 1149
 ὦν ἐνεγκ', ὦ παῖ, τρί' ἡμῖν 1153
 ἐνεγκε τοίνυν εἰσιῶν τὰς ἰσχάδας 1219
 ἀπόφερ' ἀπόφερ' ἐς κόρακας ἀπὸ τῆς οἰκίας 1221
 ἴθι δὴ 'ξένεγκε τάργυριον 1238
 — ἀπόφερ', οὐκ ὠνήσομαι 1239

6. Aves:

— φέρε, παῖ, στέφανον 463
 — ὕδωρ φερέτω ταχύ τις 464
 φερέτω κάλαθον ταχύ τις πτερύγων 1325
 φέρε τὸ σκίαδειον 1550
 φέρε οἴφιον 1579
 τυρὸν φερέτω τις 1580

7. Lysistrata:

φερέτω κύλικά τις ἔνδοθεν καὶ σταμνίον 199
 φέρε τοὺς μοχλοὺς 424
 ἀλλ' ἀνερῶτα καὶ μὴ πείθου καὶ πρόσφερε πάντας ἐλέγχους 484
 μὰ Δί', ἀλλὰ τοῦτό γ' οἶκαδ', ὦ Μανῆ, φέρε 908
 ἀλλ' ὦζυρά, κατὰκεισο καὶ μὴ μοι φέρε 948
 μηδέν.

8. Thesmophorizusae:

ἐνεγκάτω τις ἔνδοθεν δᾶδ' ἢ λύχνον 238
 φέρ' ἔγκυκλόν τι 261
 φέρε θοιμάτιον ἄνωθεν, ὦ τέκνον, τοδί 1181
 — τάργυριον τοίνυν φέρε

9. Ranae:

ἀλλ' οἷσε πρὸς τὴν καρδίαν μου σφογγίαν 452
 ἄρν', ἄρνα μέλινα, παῖδες, ἐξενέγκατε 847
 ἐνεγκάτω τις τὸ λύριον 1304

10. Ecclesiazusae:

φέρει τὸν στέφανον· ἐρῶ γὰρ αὐτὸν λέξω πάλιν 163
 φέρε δεῦρο ταύτην τὴν ὑδρίαν ὑδριαφόρε 738
 ἐνταῦθα
 καὶ τὸ τρίποδ' ἐξένεγκε καὶ τὴν λήκυθον 744
 — φέρε σὺ τὰνάφορον ὁ παῖς 833

11. Plutus:

— τουτοδὶ τὸ κρεάδιον 227
 τῶν ἐνδοθέν τις εἰσενεγκάτω λαβῶν
 ταχέως ταχέως φέρ' οἶνον, ὦ δέσποινα 644
 — τὰς χύτρας, αἷς τὸν θεὸν 1197
 ἰδρυσόμεθα, λαβοῦσ' ἐπὶ τῆς κεφαλῆς φέρε
 σεμνῶς.

Во всѣхъ этихъ 77 примѣрахъ повелительнаго глагола φέρειν въ значеніи „приносить“ можно, утверждаю я, замѣнить безъ малѣйшаго искаженія смысла форму аориста (ἐνεγκε) формою длительнаго вида (φέρει) и наоборотъ.

b) Для увѣщательнаго (обыкновенно conjunctivus):

A. εἶπ', ἀντιβολῶ, τίς ἐστιν; B. εἶπω;
 Aristoph. Equit. 142

λέγω οὖν, ὡς ἐψεύσω ἅπαντα;
 Luc. Dial. Meretr. XI, 6

φῆσεις γ' ὅταν ἐσθίης οἶνον τε πίης πολόν·
 Ὑμῆν Ὑμέναι' ὦ!
 Aristoph. Pax 1351

— οἴμοι, τί δράσω;
 Soph. Oed. Col. 1224

Μν. ἐγὼ δ' ὁ κακοδαίμων τί δρῶ;
 Aristoph. Thesmoph. 925

Ἡ. καθέρπουσον νυν εἰς Κεραμεικόν. Δ. εἶτα τί;

Ἡ. ἀναβάς ἐπὶ τὸν πύργον τὸν ὑψηλόν Δ. τί δρῶ;
 Aristoph. Ran. 129

Μν. μὰ τὸν Ἀπόλλω οὐκ ἦν γε μὴ
ὁμόσῃς ἐμοί. Εὐρίπ. τί χρῆμα; Μν. συσώσειν ἐμέ
πάσαις τέχναις, ἦν μοί τι περιπίπτῃ κακόν

Aristoph. Thesmoph. 271

ἦκω φράσων τοῦτ' ἀγγελῶν θ' ὑμῖν, ἵνα
σκοπῆτε καὶ τηρῆτε μὴ καὶ προσπέσῃ
ὑμῖν ἀφράκτοις πρᾶγμα δεινὸν καὶ μέγα.

Aristoph. Thesmoph. 579

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что εἶπω = λέγω, τί δράσω = τί дрῶ, περιπίπτῃ = προσπέσῃ, ἐσθίῃς = πίχῃς; словомъ, здѣсь аористъ = дительному.

с) Для неопредѣленнаго:

Χρ. καὶ φιάλην δοῦναι καὶ σπλάγχνων χειρ' ἐπιπλήσαι
Πε. καὶ σπλάγχνα διδόντι ἔνεστι;

Av. 912.

Что касается, наконецъ, причастія, то въ дительномъ оно всегда означаетъ одновременность (simultanéité), въ законченномъ всегда предшествующее (antériorité), въ аористѣ то одновременность, то предшествующее; причастіе будущаго времени, какъ уже ясно изъ самого названія, выражаетъ всегда послѣдующее (postériorité). Причастіе аориста выражаетъ antériorité, гдѣ оно замѣняетъ союзы „когда“ или „послѣ того какъ“. Часто бываетъ и такъ, что изъ двухъ связанныхъ союзомъ „и“ сказуемыхъ первое выражается причастіемъ аориста, вслѣдствіе чего союзъ „и“ становится лишнимъ:

καταδραμοῦσα τὴν θύραν ἄνοιξον τήνδε = κατάδραμε καὶ ἄνοιξον

Aristoph. Eccles. 960

Acharn. 271 есть разительный примѣръ, гдѣ слѣдуютъ другъ за другомъ четыре такихъ причастія, а наконецъ, неопредѣленное наклоненіе:

πολλῶ γάρ ἐσθ' ἦδιον, ᾧ Φαλῆς, Φαλῆς,
κλέπτουσαν εὐρόνθ' ὠρικὴν ὑληφόρον
τὴν Στρομοδώρου Θράτταν ἐκ τοῦ Φελλέως
μέσῃν λαβόντ' ἄραντα καταβαλόντα καταγιγάρτισαι.

Въ прочихъ случаяхъ причастіе аориста означаетъ одновременность:

№ 12.

4

- δράσω τάδ' ὀλίγον φροντίσας γε δεσποτῶν
Eurip. Cycl. 163
- ἄλλις δὲ Πριάμου γαῖ' ἐχέρωσ' Ἑλλάδα
πολλῶν νεκρῶν πιούσα δοροπετῆ φόνον
Eurip. Cycl. 304.
- τοὶ δ' ὁμάδησαν
μνηστῆρες κατὰ δώμαθ', ὅπως ἴδον ἄνδρα πεσόντα
Od. XXII, 21.
- ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε
Il. I. 6.
- τὸν δ' ἄρ' ὑπόδρα ἰδὼν προσέφη πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς
Il. I, 148.
- ἀμφὶ δὲ νῆες
σμερδαλέον κονάβησαν ἀυσάντων ὑπ' Ἀχαιῶν
Il. II, 334.
- δούπησεν δὲ πεσῶν, ἀράβησε δὲ τεύχε' ἐπ' αὐτῷ
Il. V, 42.
- ὅς μ' ἔβαλε φθάμενος
Il. V, 119.
- λάθε βίωσας
Gnom.

В. Флегель.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Ернштедтъ В. К., *Observationes Antiphonteaе* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1878.
Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга. С.-Пб.
Ж. М. Н. Пр. 1879.
Antiphontis orationes edit. Victor Jernstedt. Petropoli. 1880 ¹⁾).

Вмѣсто того, чтобы представить здѣсь свое сужденіе о разбираемомъ мною изданіи Антифонта, приведу мнѣніе о немъ гораздо болѣе компетентнаго судьи, знаменитаго голландскаго критика Кобета (С. G. Cobet), высказанное имъ нынѣшнимъ дѣломъ въ *Mnemosyne* (т. V, стр. 269 сл.). Это сужденіе Кобетъ предпосылаетъ ряду критическихъ замѣтокъ, относящихся къ 1, 5 и 6 рѣчамъ Антифонта, къ тѣмъ рѣчамъ, которыя дошли до насъ въ крайне искаженномъ видѣ и для исправленія которыхъ и въ изданіи г. Ернштедта сдѣлано меньше чѣмъ для Антифонтонскихъ тетралогій.

Кобетъ говоритъ:

„Издатель, выставивъ требованіе, что всякій, кто занимается критикою текста какаго-либо писателя, прежде всего долженъ ознакомиться со списками его и самымъ тщательнымъ образомъ разобрать ихъ взаимныя отношенія, самъ выполнилъ это отлично; все толкованіе и исправленіе текста рѣчей Антифонта, все то, на чемъ какъ на твердомъ основаніи, оно зиждется—собралъ онъ и расположилъ въ извѣстномъ порядкѣ. Затѣмъ онъ прилежно собралъ разбросанныя въ различныхъ сочиненіяхъ несомнѣнныя исправленія и вѣроятныя догадки

¹⁾ См. ноябрьскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

критиковъ, къ нимъ присоединилъ не мало и своихъ (поправокъ или вѣроятныхъ догадокъ) и такимъ образомъ представилъ въ своемъ изданіи любителямъ аттическихъ ораторовъ новое пособіе для изученія Антифонта, лучше и полезнѣе котораго, по моему мнѣнію, нельзя было бы и желать“¹⁾.

Спѣшу замѣтить, что Кобетъ отозвался столь лестно о разбираемомъ изданіи несмотря на то, что онъ, какъ я замѣтилъ уже выше, относительно списковъ N и A не раздѣляетъ мнѣнія г. Ернштедта, напротивъ того, высказываетъ другое, за которое уже раньше стоялъ Зауппе, будто A, а не N представляетъ наилучшее, наименѣе искаженное преданіе текста рѣчей Антифонта. Доказательства этого Кобетъ обѣщаетъ представить въ другое время; позволю себѣ однако замѣтить, что не легко это будетъ ему послѣ доводовъ, приведенныхъ г. Ернштедтомъ, не смотря на всю свою геніальность и свою опытность въ дѣлѣ какъ палеографіи, такъ и критики текстовъ.

При разборѣ различныхъ мѣстъ Антифонта, Кобетъ касается различныхъ вопросовъ, относительно которыхъ онъ отчасти одобряетъ, отчасти отвергаетъ мнѣнія г. Ернштедта. Есть два такихъ вопроса, о которыхъ я хотѣлъ упомянуть еще до прочтенія отзыва Кобета. Вопервыхъ, К. порицаетъ нашего автора за то, что онъ тамъ, гдѣ лучшее преданіе текста не устраняетъ зіянія элизією или такъ называемымъ кразисомъ, вездѣ удерживаетъ конечный гласный звукъ слова и такимъ образомъ пишетъ иногда *οἶδα βῆ* или *παρὰ Ἀθηναίους* или *πολλὰ ἄλλα* и сохраняетъ и другія подобныя зіянія. Знаменитый критикъ, напротивъ, полагаетъ, что въ этомъ отношеніи никакъ не слѣдуетъ вѣрить преданію текста, что въ такихъ случаяхъ не устранено зіяніе только по ошибкѣ писцевъ; а что такое неустраненіе зіянія ошибочно, онъ доказываетъ главнымъ образомъ субъективнымъ впе-

¹⁾ Quod editor ab eo «qui artem criticam facere velit» ante omnia postulat «ut libros mss. circumspiciat eorumque rationes accuratissime perquirat et investiget», id ipse egregie praestitit et cum pulvisculo collegit omnia et ordine disposuit, quibus omnis interpretatio et emendatio Antiphontis tanquam stabili fundamento nititur. Deinde criticorum certas emendationes et probabiles conjecturas sedulo undique acquisivit, quibus suas non paucas adjecit, et sic oratorum atticorum amatoribus novum comparavit instrumentum, quo melius et utilius comparari non posse existimo.

чатлѣніемъ, производимымъ на него лично при громкомъ чтеніи тѣхъ оборотовъ, въ которыхъ или выполнено или не выполнено сліаніе ¹⁾. Другіе доводы, приводимые Кобетомъ, нисколько не сильнѣе. Обращая вниманіе на то, что V, 90 списки представляютъ чтеніе *καχοι*, гдѣ смыслъ требуетъ *καχεῖ*, и что такое *καχοι* по всей вѣроятности произошло изъ *καχεῖ* (написаннаго первоначально *καχε*), а не изъ *καῖ ἐχεῖ* (*κατεχεῖ*), онъ прибавляетъ: подъ древнѣйшими ошибками скрываются нерѣдко старья формы, которыя вслѣдствіе того могутъ быть несомнѣнно вѣрно восстановлены, и затемненныя впослѣдствіи по ошибкамъ переписчиковъ крзисы и сліанія (элизіи) [*sic solent in antiquissimis mendis formae veteres tuto latere et crases et elisiones postea obscuratae*]. Всякій согласится съ Кобетомъ, что какъ въ указанномъ случаѣ рукописное чтеніе *καχοι* замѣнило вѣрное чтеніе *καῖ ἐχεῖ*, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ можно восстановить вѣрное чтеніе, между прочимъ такое, при которомъ выполнено сліаніе (крзисъ и элизія) гласныхъ, но вѣдь никто никогда и не сомнѣвался въ томъ, что древніе греческіе писатели при встрѣчѣ конечныхъ гласныхъ предыдущаго слова съ начальными слѣдующаго нерѣдко прибѣгаютъ къ элизіи перваго изъ нихъ или къ замѣнѣ обоихъ третьимъ долгимъ. Вопросъ только въ томъ: въ правѣ-ли мы обобщать эти факты и требовать выполненія крзиса и элизіи вездѣ, гдѣ они только возможны, какъ то дѣлаетъ К. въ своихъ изданіяхъ? Кобетъ говоритъ въ этомъ случаѣ *pro domo sua*, ибо всякій, знакомый хоть съ двумя или тремя его изданіями, не можетъ не знать, что Кобетъ произвольнѣе всѣхъ другихъ устраняетъ конечные гласные звуки предъ начальными гласными другихъ на перекоръ рукописному преданію. Чтобы вполнѣ выяснитъ ошибочность упомянутаго приема Кобета, можетъ быть, не излишне замѣтитъ, что совершенно одинаковымъ обобщеніемъ отдѣльныхъ явленій можно бы было доказать справедливость и прямо противоположнаго мнѣнія. Если Кобетъ изъ *καχοι*, гдѣ по смыслу требуется *καχεῖ*, заключаетъ, хотя и не утверждаетъ прямо, что въ древности писалась только слитная форма

¹⁾ Optime hoc senties, si verba orationum alta voce legere atque etiam, quasi ipse diceres, agere consueveris, id quod discipulis meis sedulo inculcare et exemplo praecire soleo.

κααι, а не και εχει, то съ одинаковымъ правомъ изъ такихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, Anapios 5, 6 Bergk ed. 3=Athen. VII, стр. 2826, гдѣ въ рукописи читается και ηχεται, а издатели пишутъ κηχεται (потому что, если бы писать και ηχεται, слогъ και былъ бы лишнимъ въ ритмѣ стиха), можно бы было заключить, что кразисъ въ такихъ случаяхъ въ древности не употреблялся вовсе и вслѣдствіе такого вывода даже тамъ, гдѣ рукописное преданіе представляетъ кразисъ, какъ, напримѣръ, άνήρ или χαλός χαγαθός, можно бы было требовать отъ издателей греч. писателей расложенія ο άνήρ или χαλός και αγαθός на томъ же основаніи.

Другой доводъ, приведенный славнымъ голландскимъ критикомъ pro domo sua въ замѣткахъ къ Антифону, ни чуть не сильнѣе предыдущаго. Что древніе Аѳиняне говорили и писали χαλός χαγαθός, а отнюдь не χαλός και αγαθός, это доказывается, говоритъ Кобетъ, свидѣтельствомъ Элія Діонисія въ словарѣ Фотія: χαλός χαγαθός λέγεται κατὰ συναλοιφήν, οὐχι χαλός και αγαθός. Въ этой замѣткѣ К.—а кроются двѣ ошибки: во 1) та, что онъ, слѣдуя новѣйшему издателю Фотіева словаря, Наберу, полагаетъ будто приведенная замѣтка лексикографа заимствована изъ Элія Діонисія (ср. замѣчанія Набера подъ сл. χαλός χαγαθός и въ введеніи стр. 184 сл.), чего доказать вовсе нельзя; а во 2-хъ та, что этому свидѣтельству (все равно, одного-ли Фотія, или также и Элія Діонисія) К. придаетъ слишкомъ большое значеніе, котораго оно не имѣетъ и ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ.

По замѣчаніямъ Набера глоссы, встрѣчаемыя одинаково и въ словарѣ Фотія и въ библиотекѣ Елладія, заимствованы изъ Элія Діонисія. Доказывая это положеніе, котораго мы и не думаемъ оспаривать, Наберъ приводитъ и слѣдующій доводъ: „Елладій, говоритъ онъ, одобряетъ исключительно χαλός χαγαθός и отвергаетъ αγαθός και χαλός. Подобнымъ образомъ говоритъ и Фотій“ (similiter Photius in voce). Но выводъ Набера относительно приведенной уже нами глоссы Фотія не вѣренъ, потому что въ библиотекѣ Елладія, по свидѣтельству Фотія въ его библиотекѣ спис. 279, говорится совершенно другое, отличное отъ словъ Фотія, а именно: „ὅτι χαλός και αγαθός οἱ ἀττικοὶ λέγοντες αγαθός και χαλός οὐ λέγουσι· καίτοι λέγοντες αγαθή τύχη λέγουσι και' τύχη αγαθή. Итакъ, въ замѣткѣ Елладія, приведенной Фотіемъ въ библиотекѣ, дѣло идетъ о порядкѣ, въ

которомъ аттическіе писатели употребляютъ прилагательныя *καλός* и *ἀγαθός* соединенныя вмѣстѣ союзомъ *καί*, а вовсе не о томъ, о чемъ говоритъ Фотій въ своемъ словарѣ. Итакъ, Фотиѣва глосса не заимствована, ни посредственно, ни непосредственно, изъ Элія Діонисія, по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстно о библиотекѣ Елладія. Но это неважно; важнѣе то, что К., ссылаясь на глоссу Фотиѣву, могъ утверждать, что аттическіе писатели всегда говорили и писали *καλός* *καγαθός*, а не *καλός* *καί* *ἀγαθός*. Можно-ли въ наше время такъ слѣпо вѣрить въ свидѣтельство какого-бы то ни было грамматика, пока оно не подтверждено наблюденіями нашими надъ самими письменными памятниками? Далѣе, вѣдь *καλός* *καγαθός* происходитъ же изъ *καλός* *καί* *ἀγαθός*. Итакъ, спрашивается: только до которыхъ поръ аттическіе писатели употребляли *καλός* *καί* *ἀγαθός*? Безъ сомнѣнія, одно время вмѣстѣ съ *καλός* *καγαθός*, потому что вѣдь старая грамматическая форма не выходитъ тотчасъ изъ употребленія, какъ только изъ нея развилась новая форма. Итакъ, еслибы можно было доказать, что, положимъ, въ V вѣкѣ до Р. Хр. Аѳиняне никогда не говорили и не писали уже *καλός* *καί* *ἀγαθός*, въ такомъ только случаѣ мы были бы въ правѣ писать въ текстахъ писателей той поры *καλός* *καγαθός* не смотря на то, чтó читается въ спискахъ. Между тѣмъ К. поступаетъ такъ во всѣхъ почти случаяхъ; а это, по моему, чистѣйшій произволь.

Правда, выполненіе и невыполненіе слиянія вещь до того мелкая, что мы ни въ какомъ отдѣльномъ случаѣ не можемъ быть увѣрены въ томъ, что рукописное чтеніе вѣрно, то-есть соотвѣтствуетъ чтенію самой рукописи автора, а все-таки мы можемъ быть вполне убѣждены, что вообще рукописи писателей, положимъ, V или IV вѣка, въ томъ отношеніи, что онѣ то элидируютъ конечный гласный предъ другимъ начальнымъ, то не элидируютъ его, лучше передаютъ характеръ письма тѣхъ временъ, нежели, напримѣръ, изданія Кобета.

Но, къ сожалѣнію, какъ рукописи, такъ и надписи, и не V лишь столѣтія, представляютъ то слитыя формы, то неслитыя; такъ что, удерживая въ этомъ отношеніи рукописное чтеніе, мы будемъ писать, если не въ отдѣльныхъ случаяхъ, то по крайней мѣрѣ вообще, какъ самые древніе Греки.

Если въ этомъ случаѣ я вполне одобряю пріемъ г. Ернштедта, то не могу не одобрить и того, что онъ и относительно приставочнаго *ν* (*ν ἐφέλωστικόν* или *προσαγωγικόν*) слѣдуетъ вездѣ исключительно

рукописному преданію, хотя почти всѣ издатели греческихъ прозаиковъ, а въ томъ числѣ и Кобетъ, наперекоръ преданію послѣдовательно приставляютъ ѱ предъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова или въ концѣ цѣлаго предложенія, а также послѣдовательно не приставляютъ, когда слѣдующее слово начинается съ согласнаго звука. Такой приѣмъ однако не основанъ на соображеніи совокупности дѣйствительныхъ явленій, а совершенно произволенъ. Явленія, съ которыми надлежитъ, по моему, сообразаться, суть слѣдующія:

Во первыхъ, древніе нерѣдко приставляли такое ѱ къ концу словъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда за нимъ слѣдуетъ слово, начинающееся съ согласнаго звука. Это видно изъ нерѣдкихъ примѣровъ ритмической (стихотворной) рѣчи, гдѣ безъ приставленнаго къ краткому конечному гласному предыдущаго слова носоваго звука вмѣстѣ съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова не было бы необходимой въ такомъ случаѣ долготы по положенію, какъ напримѣръ α 71 въ началѣ гекзаметра: πᾶσι Κοιλώπασσι и во многихъ сотняхъ другихъ стиховъ. То же самое одинаково видно и изъ надписей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихотворной рѣчи. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, повторяющійся впрочемъ сотни разъ. Обыкновенно говорится (или пишется) ἔδοξε (а не ἔδοξε) τηῖ (или τεῖ) βουλή (или βουλεῖ) καὶ τοῖ δῆμοι въ поставленіяхъ дима въ греческихъ государствахъ.

Во вторыхъ, произвольная приставка носоваго звука въ текстѣ издаваемыхъ греческихъ писателей не оправдывается и потому, что отнюдь не вездѣ, гдѣ безъ приставочнаго ѱ было бы, избѣгаемое зачастую посредствомъ слиянія, зіяніе, приставляется такое ѱ, исключая у тѣхъ писателей послѣ Исократы, которые прошли риторическую школу и по примѣру Исократы пріучились избѣгать слиянія не только посредствомъ замѣны однихъ словъ или формъ другими синонимическими и посредствомъ перестановки словъ, но и посредствомъ приставки къ конечному гласному слова — носоваго звука. Объ этомъ предметѣ см. Бензелера (G. Ed. Benseler), De hiatu, 1840—1841 и наблюденія въ томъ же родѣ сдѣланныя другими учеными, напримѣръ, Фолькманномъ (Rich. Volkmann) по поводу вопроса о подлинности различныхъ сочиненій, приписываемыхъ Плутарху въ сочиненіи: *Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch von Chaeronea*, 1869 ¹⁾.

¹⁾ Замѣчу при этомъ случаѣ мимоходомъ, что самыя основы разсужденія

Кромѣ того, и надписи подтверждаютъ указанное мною явленіе, что въ прозѣ не всегда тамъ, гдѣ это было само по себѣ возможно, зіяніе устраняется приставкою къ конечному гласному носовому звуку.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу. На стр. XL и сл. введенія г. Ерштедтъ говоритъ о тѣхъ формахъ словъ, которыя, правда, не встрѣчаются въ спискахъ Антифонта, но несмотря на то внесены имъ въ текстъ, по примѣру другихъ, и между прочимъ весьма замѣчательныхъ критиковъ, потому что въ замѣнъ ихъ переписчики вносили будто бы позднѣйшія формы, преимущественно или исключительно употреблявшіяся въ ихъ время. Такія, по его мнѣнію, исключительно употребляемыя въ V столѣтіи формы суть: *φονῆς*—вм. рукописнаго *φονεῖς*, *δορεῖάν* вм. *δορεᾶν*, *ἐπιμέλεσθαι*, вм. *ἐπιμελεῖσθαι*; первое лицо прошедшаго времени ἦ вмѣсто ἦν, 1 лицо прошедшаго совершеннаго вида *ἦῖδῃ* вм. *ἦῖδειν*, *ἀποθνῆσκων*, *ἀναμψνῆσκων*, *σώζονται* вм. *ἀποθνῆσκων*, *ἀναμψνῆσκων*, *σώζονται*; далѣе г. Ерштедтъ сожалѣеть, что не внесена имъ въ текстъ форма *Ἦρωῖδης* вмѣсто *Ἦρώδης*.

Кобетъ вполне одобряетъ такой приѣмъ, съ похвалою упоминая о введеніи въ текстъ формъ *ἦ*, *ἦῖδῃ*, *ἐπιμέλεσθαι*, *φονῆς* и др. и удивляется только откуда г. Ерштедтъ взялъ форму *δορεῖά*, но тотчасъ, впрочемъ, предполагаетъ, что вѣрность ея доказана на основаніи надписей, въ чемъ онъ имѣлъ случай убѣдиться изъ сочиненія Гервердена „*Lapidum de dialecto attica testimonia*“.

Разумѣется, весьма похвально, что г. Ерштедтъ постарался ознакомиться съ тѣмъ, какъ новѣйшіе критики, начиная приблизительно съ Эймсли (Peter Emsley, † 1825), доказывали вѣрность приведенныхъ выше формъ и показывали, что эти формы замѣнялись обыкновенно переписчиками другими, болѣе или исключительно употреблявшимися въ ихъ, то-есть въ гораздо позднѣйшее, время. Но напрасно онъ, по примѣру тѣхъ же самыхъ критиковъ, на примѣръ, Кобета, братьевъ Диндорфовъ, Авг. Наува и др., вноситъ ихъ въ текстъ, какъ исключительно вѣрныя, то-есть исключительно употреблявшіяся

¹ Бензелера о зіяніи у Діонисія Галикарнаскаго нуждаются еще въ тщательной критической проверкѣ, такъ какъ Діонисій явно не имѣлъ вѣрнаго понятія о настоящемъ зіяніи, а принималъ за такое, то-есть за незаконное зіяніе то, что прежде признавалось совершенно законнымъ.

въ V столѣтіи до Р. Хр. Этого, по моему, никакъ не слѣдуетъ одоб- рять, потому что до сихъ поръ доказано только, что такія формы дѣйствительно употреблялись, скажемъ, въ V и въ IV вѣкѣ, но, сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не доказано, что рядомъ съ ними никогда не употреблялись и встрѣчаемыя обыкновенно въ рукописяхъ формы.

Покажемъ вѣратѣ, въ какомъ положеніи находится нынѣ вопросъ объ употребительности по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ въ V и IV столѣтіяхъ. Что касается формы η , которая у древнихъ аттиковъ, напримѣръ, въ V столѣтіи, была будто бы исключительно въ употребленіи, то чѣмъ это подтверждается? Отчасти во первыхъ ссы- кой на свидѣтельство Порфірія въ skol. Венец. списка В, къ Ил. Е, 533=skol. къ Одис. ζ, 156, который признаетъ, что позднѣйшая форма была $\eta\nu$, между тѣмъ какъ древніе аттики употребляли также иногда и форму η , и затѣмъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Софокла и ко- мика Кратина, въ которыхъ въ его (Порфірія) время писалось η (τῶν δὲ ἀττικῶν οἱ μὲν ἀρχαῖοι μονογράμματον αὐτὸ προεφέροντο, οἱ δὲ νεώτεροι οὖν τῷ ν, καὶ ἄλλοι (прибавь: καὶ) τῶν πρεσβυτέρων τινές и т. д.). Итакъ и Порфірій не утверждаетъ, что древніе аттические писатели знали только форму η . Но оговорка его, что изъ древнихъ аттиковъ нѣко- торые употребляли форму $\eta\nu$, можетъ быть скажутъ, происходитъ оттого, что онъ самъ пользовался отчасти списками, въ которыхъ древняя форма η уже была замѣнена новѣйшею $\eta\nu$. Это дѣйстви- тельно возможно, даже вѣроятно; но кто можетъ утверждать поло- жительно, что ни въ какомъ мѣстѣ древнихъ аттическихъ писателей, гдѣ во времена Порфірія читалось $\eta\nu$, такое чтеніе не могло быть вполне вѣрнымъ преданіемъ? Итакъ, приходится судить по однимъ дошедшимъ до насъ спискамъ, изъ которыхъ лучшіе нерѣдко удер- живаютъ η , а худшіе замѣняютъ эту форму другою: $\eta\nu$. То же самое, кажется, подтверждается и ритмическою рѣчью поэтовъ. Такъ (см. статью *εἰσι* В. Диндорфа въ парижскомъ изданіи тезавра греческаго языка Генри Этьенна) у аттическихъ трагиковъ находятся только три мѣста, въ которыхъ мы по необходимости должны читать $\eta\nu$. Эти мѣста, по причинѣ ихъ малочисленности теперь, по примѣру Элъмсли, исправляются, но, какъ замѣтилъ В. Диндорфъ въ тезаврѣ, безъ над- лежащаго основанія. Итакъ, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трагиковъ еще можетъ быть нужно сохранить чтеніе рукописное $\eta\nu$, то никакъ

нельзя быть увѣреннымъ, что эта форма въ V столѣтїи не употреблялась вовсе; слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого права возстановлять, напримѣръ, въ рѣчахъ Антифонта, гдѣ рукописное преданіе знаетъ только форму $\eta\nu$.

Точно также нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ I лицѣ прошедшаго времени совершеннаго вида древняя аттическая форма на η замѣнялась зачастую формою—на $\epsilon\nu$. См. В. Диндорфа въ *Lexicon Sophocli*. подъ словомъ $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$. Но изъ этого опять-таки не слѣдуетъ, что въ древне-аттическомъ діалектѣ первое лицо никогда не оканчивалось звукомъ ν ($\eta\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$). Утверждать это можно также мало, какъ и придерживаться того мнѣнія Кобета (въ *Miscell. critica*, p. 298 слл.), будто третье лицо, единственнаго числа, этого самаго времени въ лирическомъ языкѣ было только $f\epsilon\iota\delta\epsilon\epsilon$, $f\acute{\epsilon}\iota\delta\epsilon\iota$ или $f\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$, или $f\epsilon\iota\delta\epsilon\nu$, (начало слова слѣдуетъ писать такъ, а не $f\eta\acute{\iota}\delta$ —), а у аттиковъ только $\eta\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$ и $\eta\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$, но ни въ какомъ случаѣ ни $\eta\acute{\iota}\delta\eta\nu$, ни $\eta\acute{\iota}\delta\eta$. Ссылается Кобетъ и тутъ на свидѣтельство Григорія Хировоска и отвергаетъ Аристархово чтеніе $\eta\acute{\iota}\delta\eta$, на томъ основанїи, что изъ $f\epsilon\iota\delta\epsilon\epsilon$ могъ вслѣдствіе сліянія произойти только $f\epsilon\iota\delta\epsilon\iota$, а не $f\epsilon\acute{\iota}\delta\eta$. Мы знаемъ однако изъ архаистическихъ надписей, что два ϵ первоначально у всѣхъ Грековъ,— въ томъ числѣ у Аеянъ и у Іонянъ—одинаково сливались въ η (см. что сказано мною о господствующей нынѣ теорїи сліянія въ февр. кн. Журн. Мин. Нар. Просв., въ классическомъ отдѣлѣ, 1880 г. стр. 49 сл.).

Итакъ, и рукописное чтеніе $\eta\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$ мы не вправѣ замѣнять дѣйствительно употреблявшимся первоначально, напримѣръ, въ V и IV столѣтіяхъ, но отнюдь не исключительно $\eta\acute{\iota}\delta\eta$, какъ-то дѣлаетъ, по примѣру новѣйшихъ критиковъ, г. Ернштедтъ.

О формѣ $\epsilon\pi\iota\mu\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ ср. Людов. Диндорфа въ предисловіи къ четвертому Тейбнеровскому изданію Киропедїи Ксенофонта. Опять нѣтъ никакого сомнѣнія, что вполне вѣрна форма $\epsilon\pi\iota\mu\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$, которую рукописи сохранили въ различныхъ мѣстахъ $\Theta\upsilon\kappa\iota\delta\iota\delta\alpha$, Ксенофонта и Платона, но которая почти еще скрывается подъ невѣрнымъ чтеніемъ списковъ, напримѣръ Ксенофонта *Oecon.* 12, 12. Однако съ какимъ правомъ станемъ мы возстановлять форму $\epsilon\pi\iota\mu\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$, какъ будто можно доказать, что она единственно вѣрная? Есть мѣста у Ксенофонта, какъ замѣчаетъ Густавъ Зауше въ *Lexilogus Xenophonteus*,

1869 г., гдѣ ни Л. Диндорфъ, ни Кобетъ не рѣшились рукописную форму $\epsilon\pi\iota\epsilon\lambda\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$ замѣнить формою неслитною.

Объ именной формѣ надежѣ множ. числа именъ на $-\epsilon\acute{o}\varsigma$ К. говорить въ *Miscell. critica*, пред., стр. VII. Тутъ дѣло еще не рѣшено тѣмъ, какъ полагаетъ К., что въ спискѣ Платона А этотъ имен. п. мн. ч. оканчивается обыкновенно, или весьма часто, а въ спискѣ Демосоена S всегда на $\eta\varsigma$. Эта форма, безъ сомнѣнія, вѣрная и происходитъ изъ слиянія $\epsilon+\eta$ или $\eta+\epsilon$ (то-есть $\phi\omicron\nu\epsilon\epsilon\varsigma$ или $\phi\omicron\nu\eta\epsilon\varsigma$ дѣлаются одинаково $\phi\omicron\nu\eta\varsigma$). А форма $\phi\omicron\nu\epsilon\iota\varsigma$ происходитъ потомъ изъ $\phi\omicron\nu\eta\varsigma$, такъ какъ долгое время, у Аѳинянъ и Ионянъ зачастую, а кромѣ того, у Віотянъ еще съ несравненно большею послѣдовательностью, η переходитъ въ $\epsilon\iota$.

Дѣло теперь только въ томъ, въ какое время впервые является замѣна звука η звукомъ $\epsilon\iota$ въ аттическомъ діалектѣ; если бы не было аѳинскихъ надписей до временъ Антифонта, примѣрно до начала пелопонесской войны, въ которыхъ являлись бы примѣры такой замѣны, то и г. Ернштедтъ былъ бы правъ, возстановляя древнюю форму на $\eta\varsigma$ ($\phi\omicron\nu\eta\varsigma$). Но вѣдь уже въ аѳинской части извѣстной сигейской надписи (С. I, № 8, Бѣка), которую Кирхгофъ относитъ не безъ основанія къ концу VI вѣка, пишется EIMI, слово, писавшееся прежде, и еще и въ то же самое время и EMI, то-есть—дор. NI (происходящее изъ $\epsilon\eta\mu\iota$, а послѣднее изъ $\epsilon\omicron\mu\iota$).—Если же около конца VI столѣтія въ отдѣльномъ случаѣ въ словѣ $\eta\mu\iota$ долгое η уже замѣнилось дифтонгомъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что такія слова, какъ $\phi\omicron\nu\eta\varsigma$, въ концѣ V столѣтія могли произноситься и $\phi\omicron\nu\epsilon\iota\varsigma$, хотя окончаніе и въ то время и позже все еще писалось, согласно съ прежнею формою слова, -EΣ.

О томъ однако, что издатель Антифонта пишетъ $\acute{\alpha}\rho\theta\omicron\nu\eta\iota\sigma\chi\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\mu\mu\upsilon\eta\iota\sigma\chi\omega\nu$ и $\sigma\omega\zeta\omicron\nu\tau\alpha\iota$ (только IVa, 2, онъ принялъ въ текстъ по недосмотру: $\pi\rho\acute{\alpha}\rho\theta\omicron\nu\eta\iota\sigma\chi\omega\mu\epsilon\nu$) вмѣсто рукописныхъ чтеній: $\acute{\alpha}\rho\theta\omicron\nu\eta\iota\sigma\chi\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\mu\mu\upsilon\eta\iota\sigma\chi\omega\nu$, $\sigma\omega\zeta\omicron\nu\tau\alpha\iota$, объ этомъ К. не упоминаетъ въ своихъ замѣткахъ къ Антифону, можетъ быть, потому, что онъ считаетъ эти формы не аттическими. Такого мнѣнія онъ былъ по крайней мѣрѣ въ 1876 г., когда полемизировалъ съ издателемъ Платона Мартиномъ Шанцомъ (M. Schanz) въ предисловіи къ *Miscellanea critica*, стр. XV. Но то, что К. тутъ замѣчаетъ объ этихъ формахъ, не имѣетъ никакого основанія, хотя онъ и утверждаетъ, что не слѣ-

дуетъ въ изданіи аттическаго писателя вносить въ текстъ такія формы и по грамматическимъ соображеніямъ, и по древнему грамматическому правилу, сохранившемуся въ *Etym. M.*, стр. 272, 11. Какія грамматическія соображенія (*rationes grammaticae*) онъ имѣлъ въ виду, объ этомъ онъ умалчиваетъ, а потому и мы о нихъ ничего не можемъ сказать. Въ указанномъ же грамматическомъ правилѣ сказано: „Въ глаголахъ, оканчивающихся на *-σχω*, въ предпоследнемъ слогѣ (то-есть передъ *σχω*) никогда не пишется *ι*, если они общи (всѣмъ діалектамъ). Я прибавляю: если они общи изъ-за глаголовъ эолическихъ; потому что Эоляне говорятъ *θναίσχω* и *μυναίσχω* съ дифтонгомъ *αι*“ [*οὐδέποτε τὰ εἰς σχω ῥήματα κοινὰ ὄντα τῆι διὰ τοῦ ι παραλήγεται. — πρόσκειται κοινὰ διὰ τὰ αἰολικά. οἱ γὰρ Αἰολεῖς θναίσχω καὶ μυναίσχω διὰ τῆς αι διφθόγγου λέγουσιν*]. Это правило, помѣщенное въ *Etym. M.*, которое, по словамъ К., доказываетъ, что Аеиняне не говорили и не писали *ἀποθνήσχω* и *μυνησχω*, по моему мнѣнію, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что въ аттическомъ діалектѣ въ этихъ формахъ когда-то слышался дифтонгъ *ηι*. И если бы К. давалъ себѣ отчетъ объ отношеніи греческихъ діалектовъ другъ къ другу, то могъ бы знать, что основанія почти всѣхъ діалектическихъ различій въ морфологическомъ и звуковомъ отношеніи одинаковы, и что если въ послѣдствіи въ одномъ діалектѣ употребляется одна форма, а въ другомъ другая, то это происходитъ обыкновенно потому, что въ одномъ діалектѣ гораздо долѣе сохраняется болѣе древняя форма, не употребляемая уже въ другомъ, гдѣ она замѣняется формой, происшедшею изъ древнѣйшей. Такимъ же образомъ изъ эолическихъ (и, въ этомъ нечего сомнѣваться, общеэллинскихъ) формъ *θναίσχω* и *ἀναμυναίσχω* образовались формы іоническія и аттическія (*ἀπο*)*θνήσχω*, *μυνησχω*. Объ этихъ формахъ ср., кромѣ Лароша, *die Homerische Textkritik im Alterthum* (Leipzig 1866), стр. 282 и сл., особенно Узенера въ *Jahrbücher f. Philologie*, t. 91 (1865), стр. 238 слл. Тѣмъ болѣе странно высказанное тутъ К. — оиъ мнѣніе, что, какъ всѣмъ извѣстно, въ дифтонгахъ, коихъ первый элементъ долгій гласный звукъ (*α+ι*, *η+ι*, *ω+ι*), въ большинствѣ случаевъ *ι* дѣлается неслышнымъ, а потому и не пишется людьми не довольно учеными, чтобы придерживаться исторически-условнаго правописанія, уже въ I в. до Р. Х., а въ отдѣльныхъ случаяхъ такой метаморфозъ формы происходитъ уже гораздо раньше. Можетъ быть,

ствія, мѣшающія понимать дѣло такъ или иначе. Онъ отнюдь не полагаетъ, что послѣ него ничего не останется дѣлать для пониманія или исправленія текста Антифонта; онъ желалъ своимъ изданіемъ только посильно облегчить читателямъ трудъ изученія этого оратора.

Въ этомъ онъ и успѣлъ, если вѣрить вышеприведенному отзыву Кобета о разсмотрѣнномъ нами изданіи Антифонта.

И. Любемиль.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (2-го сентября 1880 г.). О назначеніи инспектора народных училищъ въ возсоединенной части Бессарабіи. 3
2. (23-го сентября 1880 г.). Объ открытіи приготовительнаго класса при второй Дерптской учительской семинаріи 21
3. (31-го октября 1880 г.). О присвоеніи открываемому въ гор. Костромѣ четвертому начальному народному училищу наименованія „Александровскаго“ 22
4. (13-го октября 1880 г.). О принятіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Алексія Александровича Репьевскаго сельскаго начальнаго училища, Сызранскаго уѣзда. 23

Высочайшій приказъ.

- 28-го іюля 1880 года (№ 10). 4

Высочайшій приказъ по министерству народнаго просвѣщенія.

- 17-го сентября 1880 года (№ 11). 23

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

28-го іюля 1880 года (№ 10).	5
10-го августа 1880 года (№ 11).	8
29-го августа 1880 года (№ 12).	11

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го октября 1880 г.). Циркулярное предложеніе почетителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ выдачи учителямъ церковныхъ школъ иностранныхъ исповѣданій удостовѣреній, требуемыхъ п. 3, ст. 63 уст. о воинской повинности для пользованія льготою при отбываніи этой повинности.	24
2. (5-го ноября 1880 г.). Правила о стипендіи имени Григорія Николаевича Навроцкаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.	27

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Латинскій синтаксисъ“ И. В. Нетушила преподавателя древнихъ языковъ въ Харьковской 3-й гимназійи и латинскаго языка въ Маріинской 1-й женской гимназійи.	14
О книгѣ: „Начальная геометрія“. Составилъ Ф. Симашко. Руководство для военныхъ гимназій. Изданіе шестое, исправленное.	—
О книгѣ: „Руководство къ наглядной географіи“, составленное Слюйсомъ, преподавателемъ Брюссельской образцовой школы и членомъ Бельгійскаго Географическаго Общества. Перевелъ со втораго французскаго изданія К. Туркачовскій, преподаватель Ришельевской гимназійи.	—
О книгѣ: „Platonis Apologia Socratis et Crito (Апология Сократа и Критонъ)“ текстъ съ словаремъ, составленнымъ для гимназій Я. Кремеромъ, преподавателемъ древнихъ языковъ при 4-й Московской гимназійи. Изданіе 4-е.	—
О книгѣ: „Практическая русская грамматика“. Сост. Ф. Пучковичемъ. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ и дру-	

- гихъ элементарныхъ училищъ. 340 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Изданіе 2-е, дополненное. —
- О книгѣ: „Трахинянки Софокла“. Опытъ критики текста В. Зубкова. 15
- О книгѣ: „Докторъ Мейснеръ“. Латинская фразеологія для старшихъ классовъ гимназій, переведенная съ нѣмецкаго К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ, преподавателями древнихъ языковъ въ Московской 2-й гимназій. —
- О книгѣ: „Homeri Odysseae“. Pars 1 Odysseae. с. I—XII. —
- О книгѣ: „Учебникъ химіи“. Сост. С. Ковалевскій, преподаватель химіи и физики въ С. Петербургскомъ 1-мъ реальномъ училищѣ. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. —
- О книгѣ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса“. I ч. Цѣлыя числа. Сост. В. А. Евтушевскій. 14 изд. —
- О книгѣ: „Родина“. Сборникъ для классаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ 3 частяхъ (курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Сост. А. Рождественскій. Изд. 7-е. —
- О книгѣ: „Исторія Греціи и Рима“ (курсъ систематическій). Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье, исправленное. 29
- Объ изданіяхъ: 1) „Горе отъ ума“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ А. С. Грибоедова подъ редакціею П. А. Ефремова. 4 изд. 2) „Повѣсти Карамзина. Бѣдная Лиза, Наталья, боярская дочь. Марфа Посадница и покореніе Новгорода. Островъ Борнгольмъ. Чувствительный и холодный. Второе изданіе и 3) „Д. И. Фонъ-Визинъ“. Двѣ комедіи. I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. II. Недоросль. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Второе изданіе —
- О книгахъ подъ заглавіями „Homeri Ilias“. I. Iliadis с I—XII. Potropoli A. S. Suvorinum. 2) „Сокращенное изданіе латинскаго синтаксиса И. В. Нетушила“. Преподавателя древнихъ языковъ въ Харьковской 3-й гимназій и латинскаго языка въ Маріинской 1-й женской гимназій. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: 1) „Систематическій курсъ ботаники“, составленный для реальныхъ училищъ директоромъ Сергіевскаго реальнаго училища Н. Раевскимъ. 3-е исправленное изданіе съ 142 рисунками. —

- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Приготовительный курсъ ботаники“. Сост. по Любену директоромъ реального училища Н. Раевскимъ, 8 издание, вновь исправленное, съ 49 рисунками —
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Русская Хрестоматія“. 2 части (1-я для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, 2-я для III и IV классовъ тѣхъ же заведеній). Сост. П. Смирновскій —
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Бѣляевскаго“. Изд. 2-е, испр. и дополненное. 30
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: Хрестоматія къ руководству для теоретическаго изученія литературы“. Влад. Стоюнина 2 части. —
- О книгѣ: „Основы умственнаго воспитанія въ связи съ психологіею и логикою“. Педагогическое и дидактическое руководство для учителей гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и т. д. Сост. К. Гюнцбургъ. —
- О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка для I и II классовъ гимназій“. Составили вполнѣ согласно съ учебнымъ планомъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го іюня 1877 г. П. Симсонъ и К. Югансонъ. Часть II. Книга упражненій для перевода съ латинскаго языка на русскій и обратно. —
- О книгѣ: „Учебникъ географіи“. Курсъ I класса гимназій. Примѣнительно къ учебному плану министерства народнаго просвѣщенія. Сост. Н. Черкуновъ, учитель Кіевской 1-й гимназіи. —
- О книгѣ: „Дары природы“. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сыромъ и обработанномъ ихъ состояніи. (Необходимое пособіе при наглядномъ обученіи и бесѣдахъ съ дѣтьми). Сост. К. К. Веберъ. —
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Учебникъ латинскаго языка по Остерманну, для 1-го класса гимназій и духовныхъ училищъ, составленный А. Ржаницынымъ, преподавателемъ Московской 2-й прогимназіи“. Часть 1. А) Грамматическія свѣдѣнія. В) Vocabularium. Часть II. Упражнения въ переводахъ. —
- О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Курсъ топографіи или низшей геодезіи“. Составилъ капитанъ С. Бѣликовъ, штатный преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Часть III. Глазоѣмная съемка. Съ чертежами въ текстѣ. —

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ: „Солнышко“. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ. Сост. А. Радонежскій. Изд. 2-е 15
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Предметные уроки по мысли Песталоцци“. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Сост. П. Перевлѣскимъ. Изд. 6-е —
- О книгѣ: „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами“. Зоологія. Сост. М. Варавою —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Алуфъ Неуримъ“. Наставникъ юношества. Издано Манусомъ Бенлестономъ. —
- О книгѣ: „Съ театра войны 1877—1878 г. Два похода за Балканы“. Кн. Л. В. Шаховскаго. —
- О книгѣ: „Obrzędy Rzymsko-katolickiego Kościoła objaśnione historyczno-dogmatycznie przez Księdza J. W. V. Noucz. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Басни Эзопа“. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. —
- О брошюрахъ: 1) „Разказы изъ отечественной исторіи. О смутномъ времени на Руси“. П. Рогова. Изд. 3-е. 2) Разказы изъ отечественной исторіи: Татарскій погромъ и святой благовѣрный великій князь Александръ Невскій. Его же. Изданіе 3-е. 3) О семьѣ. Чтеніе для народа. Мужьямъ о женахъ. Чтеніе первое Свящ. В. Цѣвцова, произнесенное въ аудиторіи Солянаго городка. Изд. 2-е. 4) Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Н. Б. Медера. 5) О теплѣ и воздухѣ Н. П. Животовскаго. Изд. 2-е. 6) О грозѣ. Его же. Изд. 2-е. 7) Отчего происходятъ дождь и снѣгъ. Его же. Изд. 2-е. 8) Двѣнадцатый годъ. Три чтенія для народа И. И. Шалфеева. Съ рисунками. Изд. 3-е. 9) Зимой черезъ Балканы. I) Въ обходъ Шипки въ декабрѣ 1877 г. Разказъ для народа и войскъ Д. Л. Иванова. 10) Зимой черезъ Балканы. II) Послѣдній бой подъ Шипкой 28-го декабря 1877 г. Разказъ для народа и войскъ. Его же. 11) О томъ, какаго вида земля и какъ она велика. Чтеніе для народа Н. Б. Медера Изд. 2-е 16
- О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Ариометическіе примѣры и задачи“. Часть I. Цѣлыя числа. Сост. Ф. В. Геде. 2) „Родной

языкъ". Обучение механическому чтенію и письму. Выпускъ I. Сост. Павелъ Чудецкій	31
О книгѣ: „Разказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ". Составлено Н. П. Поливановымъ.	—
О книгѣ: „Условія и приемы объяснительнаго чтенія". Руководство для воспитанниковъ учительскихъ институтовъ и семинарій, воспитанницъ педагогическихъ курсовъ женскихъ гимназій, преподавателей русскаго языка низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и учителей народныхъ школъ. Сочиненіе директора учительской семинаріи Б. Зимницкаго. Отдѣльный оттискъ изъ Народной школы за 1879 г.	—
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Азбука для народныхъ школъ съ наставленіемъ для учителя". Составлена В. Д. Кренке. . .	—
О книгахъ подъ заглавіями: „Obvarkoisa nauka pisania i czytania, ulozyl Kazimierz Promykczsć 1-sza, a во второй книжкѣ „Sreść 2-da i 3-cia". Составлены Казимиромъ Промыкомъ-Прушинскимъ.	—
О книгѣ „Стѣнные таблицы по зоологіи Лейтеманна". Составленная книгопродавцемъ Фену и К°.	32
О книгѣ „Ремесленникъ". Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и приемами въ мастерскихъ. Сост. А. П. Классенъ	—
О брошюрѣ „Московскій Кремль". Издано Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ. Соч. Т. Толмачевой.	—
О брошюрѣ: „Куликовская битва". Историческій очеркъ, составленный Е. Тихомировымъ. Къ 500-лѣтней годовщинѣ куликовской битвы.	—
О брошюрахъ: 1) „Александръ I Благословенный". Съ раскрашеною картинкою, и 2) „Купецъ Иголкинъ и его подвигъ". Историческая быль временъ Петра I. Съ раскрашеною картинкою.	—
Официальныя извѣщенія.	17 и 33

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Славянофильство, какъ философское ученіе. Ильи Панова.	1
О Славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка. Н. Сумцова	68

Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины Θ. Успенскаго.	95
Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. П. Виноградова	131 и 331
О посланіи Данила Заточника. Е. Модестова	165
О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ. Л. Майкова.	196
Воцареніе императрицы Анны Иоановны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. К. Бестужева-Рюмина.	217
Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Соч. Н. Григоровича. Н. И.	220
Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Томъ второй. Н. И.	222
Мингрельскіе этюды. Первый выпускъ: Мингрельскіе тексты съ переводомъ и объясненіями. Собранные и изданные Ал. Ца- гарели. Второй выпускъ: Опытъ фонетики мингрельскаго языка. Ал. Цагарели. И. Минаева	225
Взглядъ Никона на значеніе патриаршей власти. В. К—ва.	233
Замѣтки объ изданіи Новгородскихъ писцовыхъ книгъ А. Никитскаго.	268
Очерки Черногоріи. П. Ровинскаго.	297
Петреида голандскаго поэта Гадзо Копманзія. Л. Миллера.	325
О жизни и трудахъ Симеона Метафраста. В. Васильевскаго.	379
Податци за исторію ерпске цркви из путничког записника И. С. Ястребова. П. Сырку	438

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература	1
Объ элементарномъ курсѣ грамматики. Ал. Страхова . . .	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Ува- рова	1
Годичное засѣданіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи	20
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій: высшія учебныя заведенія	27 и 66

Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра.	184
О зданіяхъ для реальныхъ училищъ. Булгака.	57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Эпиграфическіе этюды. Латышева.	441
Одна изъ вновь найденныхъ Аѳинскихъ надписей. В. Ерн- шtedта и В. Латышева.	467
Сравнительное языкованіе и латинская грамматика. Н. Не- тушила	487
О видахъ греческаго глагола. К. Флегеля.	524
В. Ерншtedтъ: Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Лигурга. К. Люгебиля.	472 и 535

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

**Сравнительное языкознаніе и латинская
грамматика Н. НЕТУШИЛА.**

О видахъ греческаго глагола. К. ФЛЕГЕЛЯ.

Библиографія:

**В. Ернштедтъ: Объ основахъ текста Андокида, Исея,
Динарха, Антифонта и Ливурга. К. ЛЮБЕВИЧА.**

Редакторъ К. Феокистовъ.

(Вышла 5 ю декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографичи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

	NRLF LIBRARY USE OCT 18 '90
STORAGE ANNEX	STORAGE ANNEX
7 JAN '62 LZ	
IN STACKS	
DEC 13 1961	OCT 4 1967 3 4
	REC'D
REC'D LD	SEP 20 '67 -2 PM
JAN 26 1962	LOAN DEPT.
LIBRARY USE	FEB 14 1973 1 9
AUG 16 1963	March 16, 1973
SEP 27 1967 2 6	April 16, 1973
	May 16, 1973
SEP 13 '67 -11 AM	JUL 15 1976
LOAN DEPT.	REC. CIR. MAR 4 '76

LD 21A-50m-8,'61
(C1795s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

REC'D LD